

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.22>

Шибанов Алексей Александрович

История изучения подражательных слов в удмуртском языке

Цель исследования - проследить историю изучения подражательных слов в удмуртском языке. Данная категория слов в удмуртском языкознании является одной из сложных и спорных частей речи. Научная новизна заключается в комплексном анализе работ, затрагивающих в той или иной степени вышеупомянутый разряд слов, служащих для условного изображения различного рода звучаний, сопровождающих действия или состояния предметов окружающей действительности, или для передачи с помощью звуков зрительных восприятий движений, состояний, качеств и т.д. В результате определено, что большинство ученых-лингвистов удмуртского языка вплоть до 90-х годов прошлого столетия склонны были относить данную категорию к неизменяемому классу слов, а в лексико-грамматическом плане - к наречиям или междометиям, основываясь лишь на тех фактах, что подражательные слова не склоняются и не спрягаются.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/12/22.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 12. С. 105-108. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/12/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Evaluation as Essential Component of Phraseological Meaning (by the Material of the Kabardian-Circassian Phraseological Units)

Sherieva Nina Gumarovna, PhD

Institute for the Humanities Research (Branch) of the Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,
Nalchik
nina.sherieva@mail.ru

The study aims to identify shades of semantic meaning of phraseological units: how the Kabardians' and the Circassians' ethical and aesthetic views are reflected in the evaluative, axiological component of phraseological units meaning. The work is novel in that there has not been a comprehensive study of phraseological units of the Kabardian-Circassian language conducted from the standpoint of axiology. As a result, using the material of more than 50 phraseological units, the author has proved that the axiological (evaluative) component of semantics of the Kabardian-Circassian phraseological units, just like in other languages of the world, is socially motivated and matches the Kabardians' and the Circassians' cultural-ethnic and aesthetic views; such types of evaluation as negative with elements of disgust, aversion; negative with elements of the ridiculous; positive with elements of admiration, approval have been identified in semantics of phraseological units.

Key words and phrases: phraseological unit; axiological component of meaning; evaluative component of meaning; Kabardian-Circassian language.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.22>

Дата поступления рукописи: 09.10.2020

Цель исследования – проследить историю изучения подражательных слов в удмуртском языке. Данная категория слов в удмуртском языкознании является одной из сложных и спорных частей речи. *Научная новизна* заключается в комплексном анализе работ, затрагивающих в той или иной степени вышеупомянутый разряд слов, служащих для условного изображения различного рода звучаний, сопровождающих действия или состояния предметов окружающей действительности, или для передачи с помощью звуков зрительных восприятий движений, состояний, качеств и т.д. *В результате* определено, что большинство ученых-лингвистов удмуртского языка вплоть до 90-х годов прошлого столетия склонны были относить данную категорию к неизменяемому классу слов, а в лексико-грамматическом плане – к наречиям или междометиям, основываясь лишь на тех фактах, что подражательные слова не склоняются и не спрягаются.

Ключевые слова и фразы: морфология; подражательное слово; наречие; междометие; удмуртский язык.

Шибанов Алексей Александрович, к. филол. н.

Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук,
г. Ижевск
jarik7979@mail.ru

История изучения подражательных слов в удмуртском языке

Актуальность темы исследования обусловлена тем фактором, что, несмотря на некоторые оживления в области исследования грамматики удмуртского языка, вопросы, касающиеся подражательных слов, до настоящего времени остаются неизученными. Необходимость изучения подражательных слов в удмуртском языке назрела и должна быть разрешена. Подражательные слова на протяжении долгого времени оставались за рамками специальных научных исследований.

Для достижения указанной цели определили следующие *задачи*: во-первых, по возможности представить читателю все имеющиеся научные труды, в которых в той или иной степени затронуты подражательные слова, начиная с первой грамматики удмуртского языка 1775 года; во-вторых, описать каждый представленный труд в отдельности.

При написании данной статьи использовались следующие *методы исследования*: метод сплошной выборки, описательный, сравнительный и сопоставительный методы.

Теоретической базой исследования послужили работы С. В. Воронина [5], А. М. Газов-Гинсберга [6], В. Скалички [15], С. В. Соколова [16] и др.

Практическая значимость работы заключается в том, что результаты исследования могут быть использованы при составлении учебных пособий и грамматик для вузов, в частности, при описании истории изучения вопроса, а также при составлении научной грамматики удмуртского языка.

В удмуртском языке очень широко представлены слова, именуемые в языкознании подражательными, звукоподражательными, образительными, мимемами, ониматопэтическими и т.д.

Первая грамматика удмуртского языка «Сочинения принадлежащая къ грамматикѣ вотскаго языка» [17] в теоретическом плане ониматопэтические слова не характеризует. В качестве примеров употребляются лишь следующие звукоподражательные глаголы: **цютысько** 'хромаю' [Там же, с. 97], **бэксысько** 'блею' [Там же, с. 101], **цюпасько** 'цѣлюю' [Там же], **зингылтысько** 'звеню' [Там же, с. 105].

Определенный лексический материал по удмуртским звукоподражательным и образным словам представлен в вотско-русском словаре «Краткой Вотской Словарь съ російскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный села Еловскаго Троицкой церкви священникомъ Захаріею Кротовымъ, 1785 года» [11], составленном в 1785 году и изданном лишь в 1995 году. В работе, по нашим подсчетам, зафиксировано пять ономатопоэтических слов: **викишь-яско** ‘всхлипываю’ [Там же, с. 25], **гылдырьяско** ‘ржу’ [Там же, с. 44], **гылдырьясконь** ‘ржание’ [Там же], **жингресь** ‘звонкій’ [Там же], **лацертонь** ‘трещотка’ [Там же, с. 119], **лациртыско** ‘трещу’ [Там же], **лациртон** ‘трескъ’ [Там же].

В рукописном труде «Краткой отяцкія грамматики опыт» М. Могилина 1786 года [12] лексемы подражательного характера можно встретить лишь в разделе «**О спряженіи глаголовъ**». Приведены следующие звукоподражательные глаголы: **чутьиско** ‘хромаю’ [Там же, с. 83], **цяпкиско** ‘плещу руками’ [Там же, с. 87], **чюпьякариско** ‘целую’ [Там же], **чингылтско** ‘бренчу, звѣню’ [Там же, с. 89], **дымбыртско** ‘стучу’ [Там же], **цилектыско** ‘гремлю’ [Там же, с. 91].

Из первых отчетственных грамматик, в которых есть какие-либо упоминания о звукоподражательных словах, следует отметить работу П. П. Глезденева «Краткая грамматика языка народа удмурт» [7]. Слова *дынгырэс, жсик-жсик, кымин* и *пуç-пуç* отнесены к наречиям образа действия. Относительно междометий автор пишет: «В языке удмурт междометие имеет весьма важное значение, а именно: оно придает речи особенную картинность, образность и живость. Ввиду того, что самое обыкновенное явление может быть передано каким-либо междометием, нет возможности сделать точное указание, какие именно междометия могут быть употребляемы в тех или других случаях... Многие междометия производятся от звукоподражания» [Там же, с. 43-44]. Далее приведен отрывок из рассказа со «звукоподражательными междометиями», как называет их сам автор: «*Педлон зольгыриос чильыр-чальыр чильырто; чанаёс чин-чан каро. Куакаёс куар-куар куаргето. Шунды съод пилем съорысь чияк-чияк пота. Куазь гудыр-гудыр гудырьяське. Съод пилем пумен-пумен лыктэ, чильтыр-чальтыр чилек'яське, гудыр-гудыр гудыр'яське. Пинал'ёс номырелэсь-но кышкатэк чир-куань кесясько, ур-ар черек'ясько. Соёс тачыр-тачыр вутіи ворттыло. Куазь жалъль... ведраись музэн кисьтэ. Ульча кузя ву кыремтіи зор ву корр... кошке. Пинал'ёс уката шум-потыса тач-тач кизэс лачко, китыр-китыр серек'яло. Быдэс нунал пиналнал'ёс педлон шудыса уло: соёслы зор-но, гудыри-но, чилек'яськем но уг мокеты. Пинал мылкыт, юн зеч мылкыд!» [Там же, с. 44]. / «На улице щебечут воробьи, галдят галки. Каркают вороны. Временами из-за черной тучи показывается солнце. Гремит. Черная туча подходит все ближе и ближе, сверкает [букв. ‘переливаясь, сверкает’], грохочет. Дети, ничего не боясь, пронзительно и громко кричат. Они резво бегают по воде. Дождь льёт как из ведра. Дождевая вода стремительно бежит по канавам. Дети от радости хлопают в ладоши и смеются. Целый день они играют на улице: им не страшен ни дождь, ни гром, ни молния. Как же прекрасна детская пора!» (перевод автора статьи. – А. Ш.). (Далее переводы по тексту приведены с источников, т.е. авторские.) Если посмотреть, все приведенные примеры в тексте (*чильыр-чальыр, чин-чан, куар-куар, чияк-чияк, гудыр-гудыр, чильтыр-чальтыр, чир-куань, ур-ар, тачыр-тачыр, жалъль, корр, тач-тач, китыр-китыр*) на самом деле являются образо- и звукоподражательными словами, так как объясняют природные явления и не выступают как слова-сигналы, используемые для выражения требования, желания, побуждения к действию, а также для быстрого реагирования человека на различные события реальной действительности.*

Классификация частей речи и принципы их разграничения отмечены в двух учебных пособиях Г. Е. Верецагина [3; 4]. Свои наблюдения об особенностях грамматического строя удмуртского языка автор обобщил в исследовании «Руководство к изучению вотского языка» [3]. В работе приводится немало ономатопоэтических слов как в разряде наречий, так и в разряде междометий. При этом становится непонятным, по каким критериям автор относит одни слова к наречиям, другие – к междометиям.

«Наречий в вотском языке множество. Они образовались от корней и разных звукоподражаний. Перевести на русский язык одними словами такие наречия нельзя. Объяснит их только словарь» [Там же, с. 100].

Далее автор относит их к наречиям, усиливающим какое-нибудь качество, и наречиям образа действия: *Мильям сюресмы вёл-вёл вольыт.* / ‘Наша дорога очень гладка’; *Куноосы юмиам беразы вёш-вёш кыльлэ.* / ‘Гости (мой) после гулянья лежат лежмя’; *Мон гань кыльлыса, кизилиосыз лыдзисько.* / ‘Я, лежа на спине, считаю звезды’; *Та коркан йыг-дым дэра куо.* / ‘В этом доме ткут холсты со звуками йыг-дым’; *Гур-вылын кыльлыса нясь-нясь пёсай.* / ‘Лежа на печке, согрел [т.е. вспотел] сильно’; *Я, ныс-ныс кыскомы нырамы тамак.* / ‘Ну, с удовольствием потянем в нос табак, т.е. понюхаем’; *Тынэстыд гожтэттэ мон жсирак кеси.* / ‘Твое письмо я изорвал вдруг’; *Я, мон борды лач пуксы.* / ‘Ну, подсядь ко мне плотнее’; *Гозыез ванди кичырак.* / ‘Веревку перерезал (я) вдруг’; *Милям бускельэн семьяэз ур-бар улэ.* / ‘У моего соседа семья живет раздорно’; *Куноосме сурен уг сектаськы-но, толыккы пуко.* / ‘Гостей (своих) не угощаю (я) пивом, и они сидят молча’; *Дэри дыр'я сюрес-кузя тюпыль-тяпыль ветло.* / ‘Во время грязи по дороге ездят со звуком тюпыль-тяпыль’ [Там же, с. 103].

Относительно междометий автор отмечает, что они образовались главным образом от звукоподражаний тем звукам, которые присущи действиям предметов, они выражают какое-либо понятие или состояние предметов [Там же, с. 107-112].

При классификации междометий по значениям автор причисляет к ним и разные кличи и звуки при призывании и отпугивании животных: *тпруо!, гулю!, чиге!, пле!, диго!, тпруче!, итыре!, прысь!* и др.

Также к междометиям причислены и наречия, которые образовались из звукоподражаний: *Мон вал'ёсыз кышкаті-но, соёс дымбыр! кошкызы.* / ‘Я коней испугал, и они убежали, издавая звуки от топота копыт

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Научный журнал

2020. Том 13. Выпуск 12

Philology. Theory & Practice

Academic Journal

2020. Volume 13. Issue 12

Редакционная коллегия:

Лябина Олеся Геннадиевна, к. филол. н., доцент,
главный редактор
Бабина Людмила Владимировна, д. филол. н., профессор
Биттирова Тамара Шамсудиновна, д. филол. н.,
ведущий научный сотрудник
Боргоякова Тамара Герасимовна, д. филол. н., профессор
Бородулина Наталия Юрьевна, д. филол. н., профессор
Ворожбитова Александра Анатольевна, д. филол. н.,
д. пед. н., профессор
Галимзянова Ильхамия Исхаковна, д. пед. н., профессор
Глухова Наталья Николаевна, д. филол. н., профессор
Гуртуева Тамара Бертовна, д. филол. н., профессор (Турция)
Дзуганова Рита Хабаловна, д. филол. н.,
ведущий научный сотрудник
Зиятдинова Юлия Надировна, д. пед. н., доцент
Игна Ольга Николаевна, д. пед. н., доцент
Колодина Нина Ивановна, д. филол. н., профессор
Комарова Юлия Александровна, д. пед. н., профессор
Кузнецова Анна Владимировна, д. филол. н., профессор
Лутфуллина Гюльнара Фирдавиевна, д. филол. н., профессор
Лучинская Елена Николаевна, д. филол. н., профессор
Макеева Марина Николаевна, д. филол. н., профессор
Нифанова Татьяна Сергеевна, д. филол. н., профессор
Осьмухина Ольга Юрьевна, д. филол. н., профессор
Поляков Олег Геннадиевич, д. пед. н., профессор
Попова Ирина Михайловна, д. филол. н., профессор
Попова Лариса Георгиевна, д. филол. н., профессор
Попова Светлана Владимировна, д. пед. н., профессор
Репенкова Мария Михайловна, д. филол. н., доцент
Руденко-Моргун Ольга Ивановна, д. пед. н., профессор
Седых Аркадий Петрович, д. филол. н., профессор
Тарнаева Лариса Петровна, д. пед. н., доцент
Шульц Ольга Евгеньевна, д. пед. н., профессор
Давыденкова Ольга Алексеевна, к. филол. н., доцент (США)
Ноблок Наталия Львовна, к. филол. н. (США)
Трубицина Ольга Ивановна, к. пед. н., доцент
Чеханова Ирина Владимировна, к. филол. н., доцент

Editorial Board:

Lyabina O. G., Ph. D. in Philology, Ass. Prof.,
Editor-in-Chief
Babina L. V., Doctor in Philology, Prof.
Bittirova T. Sh., Doctor in Philology,
Leading Researcher
Borgoyakova T. G., Doctor in Philology, Prof.
Borodulina N. Yu., Doctor in Philology, Prof.
Vorozhbitova A. A., Doctor in Philology,
Doctor in Pedagogy, Prof.
Galimzyanova I. I., Doctor in Pedagogy, Prof.
Glukhova N. N., Doctor in Philology, Prof.
Gurtueva T. B., Doctor in Philology, Prof. (Turkey)
Dzuganova R. Kh., Doctor in Philology,
Leading Researcher
Ziyatdinova Yu. N., Doctor in Pedagogy, Ass. Prof.
Igna O. N., Doctor in Pedagogy, Ass. Prof.
Kolodina N. I., Doctor in Philology, Prof.
Komarova Yu. A., Doctor in Pedagogy, Prof.
Kuznetsova A. V., Doctor in Philology, Prof.
Lutfullina G. F., Doctor in Philology, Prof.
Luchinskaya E. N., Doctor in Philology, Prof.
Makeeva M. N., Doctor in Philology, Prof.
Nifanova T. S., Doctor in Philology, Prof.
Os'mukhina O. Yu., Doctor in Philology, Prof.
Polyakov O. G., Doctor in Pedagogy, Prof.
Popova I. M., Doctor in Philology, Prof.
Popova L. G., Doctor in Philology, Prof.
Popova S. V., Doctor in Pedagogy, Prof.
Repenkova M. M., Doctor in Philology, Ass. Prof.
Rudenko-Morgun O. I., Doctor in Pedagogy, Prof.
Sedykh A. P., Doctor in Philology, Prof.
Tarnaeva L. P., Doctor in Pedagogy, Ass. Prof.
Shul'ts O. E., Doctor in Pedagogy, Prof.
Davydenkova O. A., Ph. D. in Philology, Ass. Prof. (The USA)
Knoblock N., Ph. D. in Philology (The USA)
Trubitsina O. I., Ph. D. in Pedagogy, Ass. Prof.
Chekhanova I. V., Ph. D. in Philology, Ass. Prof.

Журнал публикует результаты исследований ученых и преподавателей в рамках проводимой ими научной работы, а также промежуточные итоги диссертаций в виде научных статей по следующим группам специальностей: 10.01.00 Литературоведение; 10.02.00 Языкознание; 13.00.00 Педагогика. Издание служит источником информации о текущих исследованиях в области филологии и методики преподавания языка и литературы. Журнал предназначен для соответствующих специалистов, докторантов и аспирантов.

Журнал **входит в Перечень** рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук. Статьи проходят обязательное рецензирование.

Правила приема, рецензирования и опубликования научных статей размещены на официальном сайте Издательства в сети Интернет www.gramota.net. Вопросы, связанные с публикацией научных материалов в журнале, редакция просит направлять на адрес электронной почты: phil@gramota.net.

Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. Вып. 12. С. 1-176.

ISSN 1997-2911

<https://doi.org/10.30853/filnauki>

© Издательство ГРАМОТА, 2020

www.gramota.net

16+

СОДЕРЖАНИЕ

РУССКИЙ ЯЗЫК

<i>Волынкина С. В.</i> Специфика реализации коммуникативной цели экспертизы в традиционных и новых коммуникативных условиях	7
<i>Голиков Л. М.</i> Дискриминационное разрешение в законе Российской империи о евреях	14
<i>Дун Циньфэй, Садченко В. Т.</i> Классификация наречий в русских говорах Приамурья: семантический аспект	19
<i>Закирова О. В., Яхина А. Ф.</i> Языковая репрезентация человека в тексте образовательного стандарта	24
<i>Исламова Ю. В., Бакшеева М. Г.</i> Лексика пищи и напитков в русских старожильческих говорах Обь-Иртышского междуречья	28
<i>Кузнецова С. М.</i> Местоименные конструкции 'между тем', 'вместе с тем', 'тем не менее' как вводные элементы языка	32
<i>Лонская А. Ю.</i> Просторечия и разговорная лексика как средство формирования образа власти в российских печатных СМИ конца XX века	36
<i>Мардиева Э. Р.</i> Антонимические и синонимические парадигмы в диалектной фразеологии	41
<i>Петрова А. А.</i> Репрезентация концепта НЕВЕЖЛИВОСТЬ в русской лингвокультуре: гендерный аспект (на материале ассоциативного эксперимента)	45
<i>Сюй Чжэньюй, Ван Лэлэ</i> Особенности метафоры животных в баснях И. А. Крылова	53
<i>Чжу Юньпин</i> Эмотивность в современной письменной официально-деловой коммуникации на русском языке	57

ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

<i>Абуталипова Р. А., Абдуллина Г. Р., Кагарманова Л. Ф.</i> Семантические типы однократности действия и аналитические средства их репрезентации в башкирском языке	61
<i>Громова Л. Г.</i> Возможностное наклонение в тверском переводном памятнике карельской письменности начала XIX века «Евангелие от Матфея»	66
<i>Миннуллин Б. К.</i> Грамматические и семантические особенности функционирования имени действия на -и в текстах газет «Вақыт» и «Кояш»	70
<i>Прокопьева П. Е.</i> Распределительные числительные в языке лесных юкагиров	74
<i>Самсонова Е. М.</i> Предельность/непредельность многозначных глаголов в якутском языке (на примере глагола бар- 'идти, уходить')	78
<i>Текуев М. М., Хуболов С. М., Мизиев А. М.</i> Отфитонимные микропонимы в карачаево-балкарском языке	82
<i>Титова О. В.</i> Словообразовательные модели неологизмов в современном удмуртском языке	87
<i>Фахретдинова Г. Н.</i> Особенности функционирования категории наклонения в татарских рекламных текстах	92

<i>Шаяхметов В. А., Хусаинова Л. М.</i> Сложные существительные башкирского языка с компонентами «ак» и «кара»	97
<i>Шериева Н. Г.</i> Оценка как важнейший компонент фразеологического значения (на материале кабардино-черкесских фразеологизмов)	101
<i>Шибанов А. А.</i> История изучения подражательных слов в удмуртском языке	105

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

<i>Аверина А. В.</i> Типы вопросительных предложений с модальными частицами в немецком языке	109
<i>Алексеева Т. Е., Федосеева Л. Н.</i> Английские пословицы в заголовках научных статей	114
<i>Андреева Е. Д., Рузанова С. В.</i> Особенности перевода онимов в «Топографии Оренбургской» П. И. Рычкова	119
<i>Иванова Е. В.</i> Фреймовая структура адвербиальных фразеологических единиц английского языка	124
<i>Ивлева А. Ю., Сидорова Е. Н.</i> Сохранение культурного потенциала при переводе американских реалий на русский язык (на материале романа Д. Тартт «Маленький друг»)	129
<i>Кабалина О. И.</i> Языковое пространство креолизованных текстов популярных немецких инстаграм-блогеров	133
<i>Кондрашова (Козьмина) В. Н.</i> Нестандартная комбинаторика глагола to do в современном английском языке	139
<i>Павленко Л. Г., Черникова Р. Ю.</i> Семантико-когнитивная классификация концептов английских фразеологических единиц с элементами цветообозначений	143
<i>Цуцьева М. Г.</i> Дискурсивная реализация индивидуальной стратегии конфликта немецкого политика Сары Вагенкнехт	152
<i>Шидловская Д. Ю.</i> Семантический анализ английских фразеологизмов с ядерным компонентом – глаголом движения в воде	157

РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

<i>Долженкова В. В.</i> Лингводидактический потенциал разговорной фразеологии (на материале рассказов испанского писателя XX века Алонсо Саморы Висенте)	162
<i>Лапаева Е. Ю.</i> Способы реноминации разговорных фразеологических единиц во французских художественных переводах	167
<i>Салихова О. К.</i> Содержательная структура концепта ЯЗЫК в языковой ментальности французов	172

CONTENTS

RUSSIAN LANGUAGE

<i>Volynkina S. V.</i> Specificity of Realising Communicative Goal of Expert Examination under Traditional and New Communicative Conditions	7
<i>Golikov L. M.</i> Discriminatory Consent in the Law of the Russian Empire on the Jews	14
<i>Dun Cinfey, Sadchenko V. T.</i> Classification of Adverbs in the Russian Dialects of the Trans-Amur Territory: Semantic Aspect	19
<i>Zakirova O. V., Yahina A. F.</i> Linguistic Representation of Person in Educational Standard Text	24
<i>Islamova Y. V., Baksheeva M. G.</i> Food and Drink Vocabulary in the Russian Old-Timers' Dialects of the Ob-Irtysh Interfluve	28
<i>Kuznetsova S. M.</i> Pronominal Constructions 'между тем', 'вместе с тем', 'тем не менее' as Parenthetical Elements of Language	32
<i>Lonskaia A. Y.</i> Colloquial and Vernacular Vocabulary as Means to Form Power Image in the Russian Print Media of the Late XX Century	36
<i>Mardieva E. R.</i> Antonymic and Synonymic Paradigms in Dialectal Phraseology	41
<i>Petrova A. A.</i> Representation of the Concept IMPOLITENESS in the Russian Linguoculture: Gender Aspect (by the Material of Associative Experiment)	45
<i>Xu Zhengyu, Wang Lele</i> Specific Features of Animal Metaphor in I. A. Krylov's Fables	53
<i>Zhu Yunping</i> Emotivity in the Modern Russian Official Written Discourse	57

LANGUAGES OF THE RUSSIAN FEDERATION

<i>Abutalipova R. A., Abdullina G. R., Kagarmanova L. F.</i> Semantic Types of Momentaneousness of Action and Analytic Means of Their Representation in the Bashkir Language	61
<i>Gromova L. G.</i> Potential Mood in the Text of the Karelian Translation of the Gospel of Matthew Published in Tver at the Beginning of the XIX Century	66
<i>Minnullin B. K.</i> Grammatical and Semantic Peculiarities of Functioning of Action Nouns Ending in -u in the Pages of "Вакыт" and "Кояш" Newspapers	70
<i>Prokopena P. E.</i> Distributive Numerals in the Forest Yukaghir Language	74
<i>Samsonova E. M.</i> Boundedness/Unboundedness Category of the Yakut Polysemantic Verbs (by the Example of the Verb бар- "to Go, to Leave")	78
<i>Tekuev M. M., Khubolov S. M., Miziev A. M.</i> Microtoponyms Derived from Phytonyms in the Karachay-Balkar Language	82
<i>Titova O. V.</i> Means of Neologism Formation in the Modern Udmurt Language	87
<i>Fakhretdinova G. N.</i> Specifics of Mood Category Functioning in the Tatar Advertising Texts	92

<i>Shayakhmetov V. A., Khusainova L. M.</i> Compound Nouns of the Bashkir Language with the Components “ак” and “кара”	97
<i>Sherieva N. G.</i> Evaluation as Essential Component of Phraseological Meaning (by the Material of the Kabardian-Circassian Phraseological Units)	101
<i>Shibanov A. A.</i> History of Studying Onomatopoeic Words in the Udmurt Language	105

GERMANIC LANGUAGES

<i>Averina A. V.</i> Types of Interrogative Sentences with Modal Particles in the German Language	109
<i>Alexeeva T. E., Fedoseeva L. N.</i> The English Proverbs in Titles of Scientific Articles	114
<i>Andreeva E. D., Ruzanova S. V.</i> Specifics of Translating Onyms in “Topography of Orenburg” by P. I. Rychkov	119
<i>Ivanova E. V.</i> Frame Structure of Adverbial Phraseological Units in the English Language	124
<i>Ivleva A. Y., Sidorova E. N.</i> Preserving Cultural Potential in Translation of the American Realia into Russian (by the Material of D. Tartt’s Novel “The Little Friend”)	129
<i>Kabalina O. I.</i> Linguistic Features of Creolized Texts of the German Blogosphere	133
<i>Kondrashova (Koz'mina) V. N.</i> Non-Standard Combinatorial Behaviour of the Verb ‘to do’ in Modern English	139
<i>Pavlenko L. G., Chernikova R. Y.</i> Cognitive-Semantic Classification of the English Phraseological Units with Component – Colour Term	143
<i>Tcutcieva M. G.</i> Discursive Realisation of the German Politician Sahra Wagenknecht’s Individual Conflict Strategy	152
<i>Shidlovskaya D. U.</i> Semantic Analysis of the English Phraseological Units with Verb of Motion in Water as Core Component	157

ROMANIC LANGUAGES

<i>Dolzhenkova V. V.</i> Linguo-Didactic Potential of Colloquial Phraseological Units (by the Material of Stories by the Spanish Writer of the XX Century Alonso Zamora Vicente)	162
<i>Lapaeva E. Y.</i> Ways of Colloquial Phraseological Unit Renomination in the French Literary Translations	167
<i>Salikhova O. K.</i> Content Structure of the Concept LANGUAGE in Language Mentality of the French	172

Русский язык

Russian Language

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.1>

Дата поступления рукописи: 28.10.2020

Статья посвящена изучению речевого жанра экспертизы. Целью работы стало определение специфики реализации коммуникативной цели экспертного жанра. Научная новизна исследования заключается в изучении экспертизы с точки зрения теории жанров речи на основе применения метода пофакторного анализа. Автором установлены базовые характеристики жанра, определены специфика и границы коммуникативного целеполагания, изучено влияние коммуникативных сред и сфер на реализацию иллюзии экспертизы. В результате доказаны: двунаправленность коммуникативного целеполагания экспертного жанра (на сообщение информации и выражение оценки); зависимость речевого проявления и соотношения двух целеустановок от прагматических условий реализации жанра.

Ключевые слова и фразы: теория речевых жанров; жанр экспертизы; коммуникативная цель; прагматика.

Волынкина Светлана Вадимовна, к. филол. н., доц.

Красноярский государственный медицинский университет имени В. Ф. Войно-Ясенецкого
volinkina-zarad@mail.ru

Специфика реализации коммуникативной цели экспертизы в традиционных и новых коммуникативных условиях

На сегодняшний день экспертная деятельность получила небывалое распространение. Везде – от научных исследований и деловых бумаг до бытовых и медиатекстов – эксперты и их рекомендации реализуются во всей полноте и большом разнообразии.

В связи с широкой востребованностью жанра экспертизы во всех без исключения коммуникативных сферах и средах человеческой жизни, с так называемой экспансией текстов экспертного типа из узкоспециальной (деловой и научной) в бытовую и публицистическую сферы, из реальной коммуникации в пространство виртуального общения, интересным представляется изучение данного жанра как объекта лингвистического исследования, в перспективе – по всем жанрообразующим параметрам, а в настоящем исследовании – с точки зрения реализации первого и наиболее значимого конститутивного признака – коммуникативной цели.

Таким образом, *актуальность* работы обусловлена, с одной стороны, недостаточным вниманием к проблемам изучения жанра экспертизы в лингвистическом аспекте, а с другой стороны, большим интересом языковедов к проблемам речевых жанров, вплоть до формирования специальных лингвистических дисциплин: жанроведения, генристики, теории жанров речи.

Изучение коммуникативной цели экспертизы в настоящем исследовании связано с решением следующих *задач*:

- 1) описать специфику и границы коммуникативного целеполагания экспертизы;
- 2) рассмотреть влияние коммуникативных сред и сфер на реализацию иллюзии экспертного жанра.

Для решения поставленных задач в работе применены традиционные для науки *методы исследования*: наблюдение, сравнение, систематизация научных знаний; в качестве основного использован специальный метод, предложенный автором анкеты речевых жанров Татьяной Викторовной Шмелёвой, – пофакторный анализ жанров речи [19]. Согласно концепции Т. В. Шмелёвой, для наиболее точной идентификации речевого жанра высказывание необходимо проанализировать по семи жанрообразующим признакам: 1) коммуникативной цели; 2) образу автора; 3) образу адресата; 4) образу прошлого; 5) образу будущего; 6) типу диктумного содержания; 7) языковому воплощению. В качестве главного конститутивного признака жанра в анкете назван фактор коммуникативной цели, который и стал объектом исследования в настоящей статье.

В связи с тем, что экспертиза как объект научного интереса активно изучается исследователями многих гуманитарных направлений, а исключением в этом смысле являются собственно лингвистические исследовательские работы, *теоретическая база* статьи оформилась в два блока научных трудов. С одной стороны, были проанализированы работы, посвящённые изучению экспертизы в таких научных областях, как социология,

психология, культурология, политология (А. Ю. Ашкерова [1], С. Л. Братченко [3], П. Бурдые [4], Н. Косолапов [10], М. В. Рон [14], А. И. Черных [18]). С другой стороны, для анализа экспертизы в речеведческом аспекте применялся опыт, изложенный в фундаментальных работах по теории жанров речи, коммуникативной лингвистике, семантике и прагматике (М. М. Бахтин [2], А. Вежбица [5], В. В. Дементьев [7; 8], Е. В. Осетрова [12], Дж. Остин [13], Т. В. Шмелёва [19], В. К. Бхатия [20], Дж. М. Свейлз [23]).

Практическая значимость работы: материалы исследования могут быть использованы в вузах гуманитарного направления при изучении спецкурсов и спецсеминаров по теории речевых актов, жанроведения, дискурса, коммуникативной и социолингвистики. Полученные данные могут найти применение в процессе учебно-методической деятельности при создании учебников, учебных пособий и энциклопедии речевых жанров, несколько десятилетий существующей лишь в проекте.

Обращение к оценочному жанру экспертизы как общая тенденция отмечается во многих нефилологических публикациях последнего десятилетия. Исследователи анализируют экспертизу либо как самостоятельный объект изучения, либо как один из методов в трудах по социологии, культурологии, психологии, философии и другим научным направлениям. Так, автор книги «Культурологическая экспертиза: теоретические модели и практический опыт» М. В. Рон отмечает факт актуализации экспертной деятельности, появление наряду с традиционными новыми видами экспертиз, изменение парадигмы экспертного знания [14].

Эксперты и экспертизы сегодня проникли практически во все сферы человеческой деятельности, и число их видов и форм не поддаётся точному определению. «Можно говорить о существовании влиятельного социального института экспертизы, о развитии самостоятельной научно-практической дисциплины и отрасли экспертных знаний, о становлении целой экспертной индустрии и т.д.», – пишет С. Л. Братченко, подтверждая идею множественности и тотальной востребованности экспертизы [3, с. 31].

В работе «Политика, экспертиза, общество: узлы взаимозависимости» Н. Косолапов, анализируя тенденции, имеющие место в современном мире, отмечает в качестве одного из наиболее ярких процессов «расцвет экспертизы» [10, с. 20].

Таким образом, в связи с имеющей место в современном российском обществе «экспертотократией» (термин А. Ю. Ашкерова [1]) можно говорить о необходимости рассмотрения экспертизы и в собственно лингвистическом аспекте; о важности изучения экспертных типов речевых высказываний с позиций жанроведческого подхода и проведения подробного анализа реализации всех жанрообразующих признаков.

Изучение речевых жанров стало одним из наиболее популярных на сегодняшний день направлений в лингвистике. «В последнее время “жанрологический” подход претендует на лидерство и универсализм», – пишет исследователь теории речевых жанров и дискурса В. В. Дементьев [7, с. 109]. Речевой жанр выступает в качестве единицы общения, регулирующей взаимодействие собеседников, что в целом соответствует антропоцентрическому характеру современной лингвистики, её ориентации не только и не столько на форму выражения мысли, сколько на содержание (семантику) и экстралингвистические условия, в рамках и при непосредственном влиянии которых осуществляется коммуникация (прагматика).

По М. М. Бахтину, речевой жанр – это не определенный речевой акт (конкретное речевое действие), а «типическая форма высказывания в типических обстоятельствах» [2, с. 238]. Он представляет собой минимальную единицу речевого общения, некую модель высказывания, определяемую триединством темы, стиля и композиции.

Развивая идеи М. М. Бахтина, Т. В. Шмелёва рассматривает речевой жанр как типовой проект, схему, канон и указывает на необходимость исследования речевых жанров с позиций речеведческого подхода, который состоит в «исчислении моделей и изучении их воплощения в различных речевых ситуациях» [19, с. 88].

Для такого исчисления и изучения речевого воплощения моделей высказываний необходим алгоритм установления жанра, выявление и изучение типичных черт, по которым то или иное высказывание может быть отнесено к определённому типу – модели. Такой алгоритм и был предложен Т. В. Шмелёвой в работе «Модель речевого жанра» и состоял в выявлении и описании основных жанрообразующих признаков [19]. Отметим, что комплексное рассмотрение семи конститутивных признаков жанра наилучшим образом способствует установлению жанровой принадлежности высказывания, в то время как отдельно взятые параметры не вполне способны решить эту задачу. Более того, внутри данной системы признаков нельзя констатировать их равноправие и баланс: иерархически некоторые из них более значимы для определения жанра, чем другие. Примером могут служить жанровые «маски»: формальная манифестация вопроса может скрывать жанр просьбы (обращение в маршрутном такси одного пассажира к другому, загораживающему выход: «Вы не выходите на следующей остановке?»), ироничная похвала в соответствующем контексте на проверку может оказаться жанром осуждения/укора (обращение матери к ребёнку: «Потеряла ключи? Молодец!»). Из представленных примеров видно, что большим жанрообразующим потенциалом обладает первый признак – коммуникативная цель. В отличие от последнего – репрезентации высказывания – интенция позволяет точно определить жанр, не попасть в ловушку жанра-«маски».

О важности и определяющей роли коммуникативной цели писал в начале XX века сам основоположник и идеолог теории жанров М. М. Бахтин, который обозначал её как «речевой замысел» [2].

Важное место параметр коммуникативной цели занимает в исследованиях по теории речевых актов зарубежных лингвистов, которые определяют коммуникативную установку как основной жанрообразующий признак и используют соответствующее «высокое» наименование – «иллокутивная сила высказывания», или «иллокуция» (термин Дж. Остина [13]) [23]. «Значительное изменение коммуникативной цели ведёт к смене

речевых жанров, в то время как изменения незначительные приводят к выделению поджанров» [20, р. 13]. От того, какую коммуникативную цель ставит перед собой говорящий, зависят остальные жанровые параметры, и прежде всего тип диктумного содержания и репрезентация высказывания.

Коммуникативное намерение считает «главнейшим жанрообразующим признаком» и разработчик анкеты речевых жанров Т. В. Шмелёва [19], которая называет его наиболее типологически значимым и предлагает именно по данному основанию делить все жанры на четыре группы: информативные, императивные, оценочные и этикетные. Этот же критерий (иллокутивная сила) используется для идентификации и классификации высказываний в теории речевых актов.

Основные характеристики экспертного жанра были выделены нами в статье «Расцвет экспертизы как отражение изменений в жизни современного российского общества» [6, с. 72-80]. Кратко обозначим их здесь.

Согласно толковому словарю С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, «экспертиза – это рассмотрение какого-нибудь вопроса экспертами для вынесения заключения» [11, с. 908]. Синонимично определена экспертиза и в других академических словарях русского языка. Д. Н. Ушаков называет экспертизой «рассмотрение какого-нибудь дела, вопроса экспертами для дачи заключения» [16, с. 613]. По Т. Ф. Ефремовой, «экспертиза – рассмотрение, исследование чего-либо специалистами для правильной оценки, заключения и т.п.» [9, с. 847].

Приведённые словарные определения позволили нам сделать несколько существенных для понимания экспертизы выводов:

1. Экспертиза представляет собой процесс, заключающийся в исследовании какой-либо проблемы сведущими в данной области лицами – экспертами/специалистами.
2. Цель экспертизы – дать ответы на поставленные вопросы, требующие специальных знаний.
3. Объектом экспертизы является спорный вопрос, предметом – факты и данные, связанные с исследуемым вопросом и требующие оценки эксперта.
4. Исследование, проведённое экспертом, оформляется экспертным заключением, которое является доказательством наличия или отсутствия фактов и других данных, послуживших предметом спора [6, с. 73].

Обобщением всех приведённых выше дефиниций и выведенных из них характеристик экспертизы может служить определение, данное Е. В. Осетровой в работе «Коммуникативная роль эксперта в новейшем исполнении»: «Экспертиза – это рассмотрение и анализ какого-либо проблемного вопроса с последующим вынесением официального, по преимуществу письменного, заключения» [12, с. 338]. Представленное определение в полной мере отражает содержание как словарных статей, так и наших личных наблюдений, вследствие чего именно оно было взято за основу при анализе экспертизы в настоящей работе.

Таким образом, основываясь на перечисленных характеристиках экспертизы, определим иллокутивную силу экспертного жанра.

Коммуникативная цель экспертизы – проинформировать адресата о профессиональной оценке какого-либо объекта, события, явления, факта, ставшего предметом спора.

Рассмотрим пример:

Как заметила Газете эксперт Центра развития Наталья Акиндинова, «инвестировать пенсионные деньги в сегодняшней ситуации – это всё равно что делать вклад по ставке ниже инфляции, потому что в ближайшей перспективе доходность инструментов инвестирования останется ниже уровня инфляции» (200 рублей через десять лет (2003) // «Газета», 07.02.2003) [21].

В приведённом примере специалист отвечает на проблемные вопросы журналиста Газеты: чётко сформулированная позиция эксперта подкрепляется необходимыми аргументами, которые вводятся причинно-следственной связью (маркером является подчинительный союз причины «потому что»). Благодаря чёткому ответу (отсутствуют показатели неуверенности, сомнений), аргументации и указанному в статье статусу эксперта оценка воспринимается как рекомендация к совершению/несовершению тех или иных действий и у читателя-адресата формируется доверие к воспринятому мнению профессионала.

Для уточнения коммуникативной цели экспертизы построим модель жанра, используя «элементарные иллокутивные компоненты, соответствующие простым ментальным актам говорящих», по образцу, предложенному в 1997 году Анной Вежицкой в статье «Речевые жанры» [5, с. 99]:

Думаю:

тебе нужна квалифицированная оценка объекта, события, явления, факта.

Знаю, что обладаю необходимыми знаниями и квалификацией в данной области.

Хочу проинформировать тебя о своей оценке.

Говорю это, так как хочу, чтобы ты знал о моей профессиональной оценке объекта, события, явления, факта.

По типологии Т. В. Шмелёвой [19], экспертизу можно квалифицировать как информативно-оценочный речевой жанр, так как два компонента иллокуции выделены здесь наиболее ярко:

- во-первых, цель экспертизы состоит в передаче информации, сообщении профессионального мнения адресату, в большинстве случаев – по предварительному запросу последнего (информативная целеустановка);
- во-вторых, цель экспертизы заключается в квалифицированной, непредвзятой, аргументированной оценке объекта, связанного с проблемным вопросом (оценочная целеустановка).

Таким образом, экспертиза призвана не просто обеспечить собеседника информацией, но – самое главное – ответить на поставленный проблемный вопрос, дав оценку, приведя доказательства и представив экспертное заключение с чётко сформулированной рекомендацией, см. пример:

Корреспондент: *Как нововведения (реформа долевого строительства. – С. В.) уже повлияли и как ещё скажутся на рынке? Что будет с ценами? И к чему стоит готовиться тем, кто планирует покупать квартиру в 2020 году?*

Александр Шляхин, аттестованный аналитик рынка недвижимости: *В 2020 году продолжится плавный переход рынка долевого строительства на новую систему банковского финансирования с использованием эскроу-счетов. Предполагалось, что она окончательно защитит дольщиков при покупке долевого и тем самым повысит привлекательность новостроек. Но в принципе для дольщиков ситуация практически не изменилась. И останется такой весь 2020 год. Все новые проекты, строящиеся с использованием эскроу-счетов, вывели и выводят на рынок крупные надежные застройщики, и раньше без проблем получавшие кредиты от банков и вовремя сдававшие новостройки. А вот 70 процентов остальных новостроек продолжит достраиваться по старой схеме, у некоторых из них по-прежнему остаются высокие риски.*

Стоит отметить, что количество предложений экономжилья будет значительно уменьшаться, если только такое жилье не продолжит строиться по госзаказу. Уже второй год подряд застройщики начинают строить все больше домов комфорт- и бизнес-класса. С этим будет частично связан рост средней цены квадратного метра в новостройках в 2020 году плюс инфляционная составляющая, итого 8-9 процентов за год. В условиях общего снижения доходов населения и вторичное жильё покажет рост не более 6-7 процентов. Всё, что делается государством в части снижения ипотечных ставок и расширения программы материнского капитала, лишь удерживает рынок на прежнем уровне (Что ждёт рынок недвижимости в 2020 году? // Сетевое издание «Сибдом», 18.02.2020) [22].

В представленном примере присутствует журналистский запрос экспертной оценки и обстоятельный ответ аналитика-специалиста в обсуждаемой области. Ответ содержит оценку текущей ситуации с элементами прогноза; аргументацию, подкрепляющую высказанную оценку, и обобщающий вывод (заключение эксперта). На Рисунке 1 ниже представлено схематичное устройство речевого жанра экспертизы.

Оценка + Аргументация + Вывод = Экспертиза
--

Рисунок 1. Компонентное устройство экспертизы

Составляющие приведённой схемы могут быть организованы и в другом порядке (например, после системы аргументов могут следовать оценка и вывод), но в инвариантном жанровом представлении все структурные элементы экспертизы присутствуют обязательно и выражают информативную и оценочную интенции.

Проблемой в определении коммуникативной цели экспертизы является её зависимость от прагматических условий общения. Как отмечает В. В. Дементьев, «прагматическое изучение речевых жанров во многом сложилось из преодоления недостатков лингвистического направления» [8, с. 18]. Прагматика заявляет о необходимости рассматривать язык не только в связи с «человеком говорящим», но и непременно в диалогическом контексте коммуникативной ситуации. В аспекте изучения иллокуции экспертизы центральными прагматическими категориями являются, прежде всего, те сферы и среды, в которых находят воплощение экспертные ситуации. Как говорилось выше, современная действительность характеризуется расцветом экспертизы, интенсивным расширением её влияния на различные сферы человеческой жизни: «...данная процедура (экспертная. – С. В.), буквально прорвав границы деловой сферы, стремительно утверждается в бытовой практике, одновременно захватывая новые и новейшие сферы коммуникации, прежде всего СМИ и Интернет» [12, с. 338].

Сформировавшись задолго до появления виртуального пространства и являясь реактивным жанром, представляющим собой ответ на запрос официальных лиц и организаций, речевой жанр экспертизы традиционно выражается в виде письменного заключения специалиста-эксперта. При переходе экспертного жанра в условия печатной и телевизионной публицистики, а также в новейшие обстоятельства интернет-среды хорошо известный всем речевой жанр претерпевает значительные изменения, и первым, что трансформируется в новых прагматических условиях, является коммуникативная цель экспертизы.

Причину того, что в современном обществе неуклонно растёт роль экспертизы, исследователи видят, прежде всего, в «медиатизации науки» – влиянии журналистов, представителей медиасферы на научное знание. Выражается данная тенденция в двух противоположных явлениях:

1) стремлении журналистов к повышению статуса через сближение с наукой (интеллектуализация журналистики): в современном мире роль эксперта стала массовой, а одним из основных субъектов её эксплуатации стали средства массовой информации, которые акцентируют внимание публики на лицах и событиях; журналисты стремятся создать себе имидж интеллектуалов, приглашая учёных, организовывая псевдонаучную дискуссию (А. Гордон и К. Собчак в телевизионном шоу «ДокТок» на Первом канале; В. Соловьёв в программе «Вечер с Владимиром Соловьёвым» на канале «Россия»; Д. Златопольская в программе «Белая студия» на канале «Культура» и мн. др.);

2) стремлении учёных к узнаваемости (популяризация науки): многие учёные, исследователи, преподаватели, политики сами стремятся стать «видимыми» в публичной сфере, в массмедиа. Желание попасть на экран продиктовано потребностью в получении внешней, независимой от профессиональной среды, поддержки своих идей. С этим, в частности, связано распространение востребованного современной молодёжью направления в науке, которое известно как «научпоп» (публичные и видеолекции, научно-популярные группы в социальных сетях, научные слэмы и под.).

Подтверждением названных тенденций является и утверждение П. Бурдые о том, что в обществе появляются «медиатические интеллектуалы»: для них (учёных, философов) «быть» – значит быть показанным по телевидению; быть на хорошем счету у журналистов [4, с. 78]. Созвучным представляется и мнение Я. Экекранца о журналистах как «сообществе интерпретаторов», для которых профессиональный консенсус выше компетентности любого носителя экспертного знания [Цит. по: 18, с. 28].

Медиатизация – стирание границ между журналистами и учёными – приводит к тому, что некомпетентные в науке журналисты начинают влиять на неё, решая, какие проблемы являются важными, кто может быть экспертом, какие дать рекомендации. Эфир заполняют повседневные мнения «псевдоэкспертов», что, с точки зрения А. И. Черных, значительно снижает уровень общественного осознания острых социально-политических проблем (вульгаризация экспертизы) [18].

Соглашаясь с приведёнными мнениями исследователей экспертизы, расширим озвученный ими тезис о «медиатизации науки». Представляется важным отметить тот факт, что сегодня имеет место сближение экспертизы не только со СМИ и Интернетом, но и – шире – именно через названные каналы коммуникации – с повседневной бытовой жизнью. Традиционное пространство активации экспертизы – узкая сфера профессионального консультирования (так работает специализированная экспертиза). Благодаря демократизации общества, гласности, появлению новых разговорных телевизионных (ток-шоу, реалити-шоу, док-ток-шоу) и печатных (дискуссионные колонки колумнистов, публикации писем читателей в печатной и электронной периодике, выведенные в эфир сообщения телезрителей из Твиттера («Время покажет», Первый канал)) жанров, крупнейшим социальным сетям и популярным видеохостингам (Твиттер, Телеграм, ВКонтакте, Одноклассники, Фейсбук, Ютуб, ТикТок и др.) экспертиза стала поистине народной: теперь каждый желающий имеет возможность презентовать себя в роли знатока.

Кроме научного интереса к теме экспансии экспертизы, в общении на просторах Интернета ярко представлено и общественное («народное») освещение сложившейся ситуации: в повседневный обиход вошли такие новые понятия, как «диванный эксперт», «диванные войска», «диванная борьба» и «клавиатурные бойцы». Названные эпитеты красочно, но при этом достаточно точно описывают сложившуюся ситуацию: новейшая коммуникативная среда – интернет-пространство – позволяет стать «экспертом» любому, кто пожелает себя таковым почувствовать. Так, «диванный эксперт» может дать оценку международным отношениям и политической ситуации в родной стране; высказаться по поводу социокультурной обстановки и современного образования, авторитетно прокомментировать игру спортивных команд, дать рекомендации по диетическому питанию, уходу за собой, содержанию домашних питомцев и т.д. Информация, изложенная в какой-либо группе одной из социальных сетей, становится значительно модифицированным типом жанра экспертизы.

Развивая тему появления «новых», модифицированных, экспертиз, сформулируем их основные черты:

1) представляют собой вид гуманитарной экспертизы, так как в качестве объекта исследования в них рассматривается человек, его духовные поиски, проблемы человеческого существования и оценка социокультурной действительности;

2) исследуют не истинность/ложность оценок, а отношение к предмету; отсюда неоднозначность в интерпретации ситуаций, явлений, прецедентов;

3) характеризуются широким предметным полем исследований (междисциплинарность);

4) ключевую роль в новых экспертизах играют личностные качества эксперта, следствием чего является высокая степень субъективности оценок;

5) ориентированы не на результат, а на процесс принятия оценочного решения;

6) осуществляются не профессионалами, а известными в обществе (медийными) персонами или «экспертами» из народа;

7) не инициируются запросом извне, а предъявляются по желанию самого эксперта;

8) назидательны и императивны по характеру изложения мыслей (функция воздействия сближает с публицистикой);

9) характеризуются факультативностью или отсутствием аргументационной базы для обоснования выраженной оценки;

10) не имеют письменно оформленного экспертного заключения.

Таким образом, изменения жанра экспертизы, произошедшие в связи с её переходом в новые коммуникативные сферы и среды, позволяют говорить о значительном упрощении, вульгаризации жанра, его профанном характере.

Сущностная трансформация жанра под воздействием новых прагматических условий естественным образом привела к искажению коммуникативной цели экспертизы. Следовательно, жанровая модель экспертизы, реализованной в новых сферах и средах коммуникации, в жанровой модели А. Вежицкой [5] будет иметь совершенно новый вид:

Думаю:

тебе нужна оценка объекта, события, явления, факта.

Знаю, что обладаю необходимым жизненным опытом и личными переживаниями, связанными с анализируемой темой.

Хочу поделиться своим субъективным мнением и личными впечатлениями по поводу проблемного вопроса.

Говорю это, так как хочу, чтобы ты узнал моё мнение по обсуждаемому вопросу и учёл его в своей дальнейшей деятельности.

Как видно из жанровой модели, коммуникативной целью такой псевдоэкспертизы является вовсе не стремление проинформировать адресата о профессиональной и объективной оценке явления, события, факта, представляющего собой проблемный вопрос. Напротив, **иллюкцией модифицированной экспертизы** является желание выразить субъективное мнение, основанное на жизненном опыте и личных переживаниях, и тем самым воздействовать на адресата, его мировоззрение, оценку тех или иных явлений, событий, фактов и дальнейшее поведение в обществе.

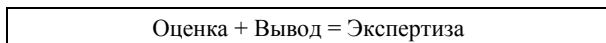
Оценочность в коммуникативной целеустановке «новых» экспертиз выходит на первый план, занижая или вовсе исключая информативную составляющую иллюкций. Здесь имеют место такие компоненты коммуникативной цели, как субъективность, ярко выраженные эмоциональность и экспрессивность, категоричность в оценках, назидательный характер изложения личного мнения. Выступая в престижной роли эксперта, «знающего», псевдоэксперт повышает социальный статус и удовлетворяет собственные амбиции. См. пример:

Дмитрий Борисов, ведущий: *Евгений, а вообще полезны все эти сушки, особенно для женщин? Как вот 6 месяцев на диете?*

Евгений Козловский, фитнес-тренер, приглашённый эксперт: *Сушка изначально такой серьёзный стресс для организма. Но если человек в спорте и у него есть цель достичь каких-либо результатов, а у Евгении (героини, спортсменки. – С. В.), я так понимаю, спорт – всё, то они идут на это («Пусть говорят», Первый канал, 05.08.2019 г. Тема «Силикон против мускулов: светская дива увела мужа у чемпионки») [15].*

В рассматриваемом примере ведущий обращается за экспертным мнением к специалисту и надеется получить развёрнутый, обстоятельный профессиональный ответ. Однако рамки телевизионного ток-шоу диктуют свои условия взаимодействия: приглашённый эксперт ограничивается высказыванием простого бездоказательного комментария, напоминающего мнение обывателя. Естественно, в таких обстоятельствах оказываются невозможными логичный вывод и письменное оформление экспертного текста-заключения.

Как видно, в приведённом примере экспертизы, реализованной в медиапространстве, отсутствует важнейший для экспертного жанра компонент – аргументация, подкрепляющая высказанную оценку. На Рисунке 2 представлено схематичное устройство речевого жанра медиаэкспертизы.

Рисунок 2. Компонентное устройство медиаэкспертизы

Зачастую эксперты в массмедиа и виртуальной среде переходят в рассуждениях допустимую грань между объективной оценкой профессионала и субъективным выражением личных переживаний, собственных симпатий и антипатий, см. пример:

Герой программы (ведущему и экспертам): *Если Вы зайдёте в ресторан вечером, то увидите, что самые популярные мужчины одеты так (указывает жестом на подобранный им костюм. – С. В.). Просто пройтись нормально по Москве.*

Эвелина Хромченко (эксперт моды, герою и зрителям): *Мужчина среднестатистический в московском ресторане, особенно если он потом отправляется в клуб, – это вообще образчик того, как не надо одеваться, особенно в среднем возрасте. Это всегда совершенно карикатурный герой. Это мужчина, который вдруг решил отрастить волосы, потому что он понял, что вот последний вагон, и он должен в него впрыгнуть, а длинные волосы – это свобода и молодость, потому что это противоположно офисной стрижке. Мужчина в московском ресторане – это всегда мужчина в креативных джинсах. Мужчины, бойтесь креативных джинсов, потому что они фигуру уродуют, ну, просто самым наилучшим образом! Они всегда, на их взгляд, как-то эффектно потёрты; они всегда как-то украшены, всегда невпопад. Обязательно ремешок с большой пряжкой, напоминающей маленький жостовский поднос в стразах. Ну, и креативные рубашки, конечно! В этом смысле поло – это ещё самый скромный вариант, это скромно, это действительно образчик правильного отца семейства, который пошёл в ресторан поесть.*

Герой (смущённо и иронично): *Чувствую, я тут наступил прямо на мозоль Эвелине...*

Эвелина Хромченко: *Ну потому что невозможно смотреть...*

Герой: *Такой монолог о ресторанах... я не ожидал даже...* (зрители в студии смущённо улыбаются. – С. В.).

Эвелина Хромченко: *Невозможно смотреть на это, вы понимаете? И главное, что самое интересное, у них есть деньги! И, собственно, это делает их очень популярными. Потому что все эти десятки девушек, которые сидят и едят салат весь вечер, интересуются не тем, как мужчина выглядит, и не прекрасной его жизнью впоследствии в окружении детей. Они интересуются состоянием его банковской карты. Поэтому их внешний вид, вот этих вот расписных попугаев среднего возраста, но всё-таки лысоватых, чем он более кретинский, тем это лучше для той девушки, которая охотится на дурака, понимаете? Поэтому, ну, не много держите мозг в руках, чуть-чуть уважайте свою внешность и свой возраст: покупайте одежду по размеру и не допускайте расписных украшений, будь то вышитый гультфик, будь то большая пряжка в зоне паха (мы надеемся, у вас там и так всё в порядке) (в зале хохот. – С. В.) («Модный приговор», Первый канал, 25.09.2020. Дело «Уже не смешно!») [17].*

Как видим, произведённая в новых условиях коммуникации экспертная оценка, данная всеми признанным профессионалом в области моды, известным редактором нескольких глянцевого издания о красоте и стиле Эвелиной Хромченко, окрашивается карнавальными красками субъективных эмоций, проявляющихся

в неэтичных, грубо-вульгарных и резких высказываниях, которые тем не менее решают основные задачи телевизионной журналистики – производят сильное впечатление на массового зрителя, удерживают его внимание, заставляют смотреть и слушать до конца, несмотря на очевидное смущение и неловкость. При этом ни одного рационального довода в поддержку высказанных категоричных суждений в достаточно длинном монологе не представлено: оценка и выводы основываются исключительно на личном восприятии (в данном случае – неприятии) отдельно взятых деталей внешнего вида, имиджа оцениваемых персонажей.

В настоящей статье рассмотрена одна – но наиболее важная – составляющая жанра экспертизы, а именно коммуникативная цель.

Проведённый анализ оформился в следующие исследовательские **выводы**:

1. Экспертиза – это тип высказывания, представляющий собой рассмотрение и анализ проблемного вопроса с последующим вынесением официального заключения. Целью экспертизы является стремление говорящего проинформировать адресата о профессиональной оценке какого-либо объекта, события, явления, факта, ставшего предметом спора.

2. Согласно типологии Т. В. Шмелёвой, экспертизу можно квалифицировать как информативно-оценочный речевой жанр, где наиболее ярко выделены два компонента иллюкуции:

- передача информации, сообщение профессионального мнения адресату (информативное целеполагание);
- объективная, аргументированная оценка объекта, связанного с проблемным вопросом (оценочное целеполагание).

3. Двойная целеустановка экспертизы позволяет выделить основные компоненты жанра: оценку, аргументацию и вывод. При этом оценка и аргументация могут следовать и в обратном порядке, но в традиционной (специализированной) экспертизе все компоненты должны присутствовать в полном составе.

4. Появление в жизни современного человека виртуальной коммуникативной среды и важность социализации личности посредством медиапространства нашли отражение в модификации жанра экспертизы. Относительно реального коммуникативного пространства виртуальное общение предоставляет более широкие возможности для реализации экспертизы: здесь она не ограничена рамками официального общения и необходимостью узкоспециальных знаний, высокого уровня квалификации в той или иной рассматриваемой области. Экспертиза, распространившаяся в медийной и интернет-среде, является непрофессиональной, бездоказательной и апеллирующей не к разуму, а к чувствам массового адресата. Таким образом, обязательным компонентом медиаэкспертизы является только субъективная и эмоциональная оценка, наличие же вывода факультативно, а аргументация и вовсе отсутствует. В совокупности обозначенные свойства и особенности медиаэкспертизы позволяют определить жанр как псевдо- или квазиэкспертизу, а её автора назвать наивным или квазиэкспертом.

В качестве **перспективы исследования** речевого жанра экспертизы можно предположить зависимость реализации коммуникативной цели не только от условий общения, но и от типа реализуемой экспертизы. Учитывая выход экспертного жанра за традиционные рамки официального общения и появление нового типа гуманитарных экспертиз, имеющего значительные отличия от типа специализированного, можно говорить о широком исследовательском потенциале изучения реализации иллюкуции экспертизы в современных коммуникативных обстоятельствах. В свою очередь, логичным продолжением изучения жанра экспертизы представляется анализ остальных конститутивных жанрообразующих признаков.

Список источников

1. **Ашкеров А. Ю.** Экспертотократия. Управление знаниями: производство и обращение информации в эпоху ультракапитализма. М.: Европа, 2009. 127 с.
2. **Бахтин М. М.** Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 237-289.
3. **Братченко С. Л.** Мир экспертизы и его возможные координаты // Экспертиза образовательных инноваций / под ред. Г. Н. Прокументовой. Томск: Томский государственный университет, 2007. С. 31-45.
4. **Бурдые П.** О телевидении и журналистике / отв. ред., предисл. Н. Шматко. М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры»; Институт экспериментальной социологии, 2002. 160 с.
5. **Вежбицка А.** Речевые жанры // Жанры речи / редкол.: В. Е. Гольдин (отв. ред.), Л. В. Балашова, В. В. Дементьев (отв. секретарь), О. Б. Сиротинина, М. Ю. Федосюк. Саратов: Гос. УНЦ, 1997. С. 99-111.
6. **Волюнкина С. В.** Расцвет экспертизы как отражение изменений в жизни современного российского общества // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 10 (88). Ч. 1. С. 72-80. DOI: 10.30853/filnauki.2018-10-1.15.
7. **Дементьев В. В.** Изучение речевых жанров: обзор работ в современной русистике // Вопросы языкознания. 1997. № 1. С. 109-121.
8. **Дементьев В. В.** Коммуникативная генристика: речевые жанры как средство формализации социального взаимодействия // Жанры речи: сб. статей. Саратов: Колледж, 2002. Вып. 3. С. 18-40.
9. **Ефремова Т. Ф.** Современный толковый словарь русского языка: в 3-х т. М.: АСТ; Астрель, 2007. Т. 3. 973 с.
10. **Соголов Н. Ф.** Полиитика, экспертиза, общество: узлы взаимозависимости // Pro et Contra. 2003. Т. 8. № 2. С. 18-31.
11. **Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.** Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Изд-е 4-е, доп. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
12. **Осетрова Е. В.** Коммуникативная роль эксперта в новейшем исполнении // Русский язык сегодня: сб. докладов / Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН; отв. ред. Н. Н. Розанова. М.: ФЛИНТА; Наука, 2012. Вып. 5. Проблемы речевого общения. С. 337-347.
13. **Остин Дж. Л.** Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике: теория речевых актов / общ. ред. Б. Ю. Городецкого. М.: Прогресс, 1986. Вып. 17. С. 22-140.

14. Рон М. В. Традиционные и новые виды экспертиз // Культурологическая экспертиза: теоретические модели и практический опыт: коллективная монография / авт.-сост. Н. А. Кривич; под общ. ред. В. А. Рабоша, Л. В. Никифоровой, Н. А. Кривич. СПб.: Астерион, 2011. С. 65-75.
15. Силикон против мускулов: светская дива увела мужа у чемпионки // Пусть говорят. Первый канал. 05.08.2019.
16. Толковый словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: АСТ; Астрель, 2000. Т. 4. 940 с.
17. Уже не смешно! // Модный приговор. Первый канал. 25.09.2020.
18. Черных А. И. Экспертное знание и публичная экспертиза. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. 32 с.
19. Шмелёва Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи: сб. статей / редкол.: В. Е. Гольдин (отв. ред.), Л. В. Балашова, В. В. Дементьев (отв. секретарь), О. Б. Сиротинина, М. Ю. Федосюк. Саратов: Колледж, 1997. С. 88-98.
20. Bhatia V. K. Analyzing Genre. Language Use in Professional Settings. L. – N. Y.: Longman, 1993. 246 p.
21. <https://fundshub.ru/investment/investments/3175.php> (дата обращения: 12.07.2020).
22. <https://www.sibdom.ru/journal/1902/> (дата обращения: 19.08.2020).
23. Swales J. M. Genre Analysis: English in Academic and Research Settings. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 260 p.

Specificity of Realising Communicative Goal of Expert Examination under Traditional and New Communicative Conditions

Volynkina Svetlana Vadimovna, PhD

*Prof. V. F. Voino-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation
volinkina-zapad@mail.ru*

The article is devoted to studying the speech genre of expert examination. The purpose of the work is to determine specificity of realising the communicative goal of the expert examination genre. Scientific novelty of the research lies in studying expert examination from the standpoint of the speech genres theory on the basis of using the method of factor analysis. The author has identified the basic characteristics of the genre, determined specificity and limits of communicative goal-setting of the expert examination genre, studied influence of communicative environments and spheres on realisation of expert examination illocution. As a result, the researcher has proved that communicative goal-setting of the expert examination genre is bidirectional: it is directed at conveying information and making an assessment; speech manifestation and correlation between the two objectives depend on pragmatic conditions of the genre realisation.

Key words and phrases: speech genres theory; genre of expert examination; communicative goal; pragmatics.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.2>

Дата поступления рукописи: 26.10.2020

Цель исследования – определить семантико-прагматические признаки дискриминационного разрешения в законе Российской империи о евреях. Автор описывает специфику нормативного разрешения, демонстрирует признаки дискриминационности, дифференцирует виды дискриминационного разрешения. **Научная новизна** видится в том, что впервые выделяется дискриминационное разрешение как форма законодательной регламентации. **В результате** доказано, что дискриминационное разрешение определяется ситуацией неполного снятия дискриминационного запрета в итоге целенаправленного действия законодателя для преодоления ситуации непогоды (вреда), субъектом которой выступают евреи; в ходе исследования также выделены три вида дискриминационных разрешений, объединенных семантикой ограничения возможности.

Ключевые слова и фразы: нормативное разрешение; нормативный запрет; дискриминационное нормативное разрешение; закон о евреях.

Голиков Леонид Михайлович, к. филол. н., доц.

*Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний
LGolikov@mail.ru*

Дискриминационное разрешение в законе Российской империи о евреях

Актуальность темы настоящей работы определяется двумя причинами. Первой является необходимость изучения националистического дискурса в различных исторических срезях для объективной и всесторонней оценки дискурсивной практики современных русских националистов. Можно предположить, что законодательные тексты, регулирующие правоотношения евреев в период Российской империи, как образцы институциональных форм выражения государственной националистической идеологии являются достаточно ценным источником исследования прагматических констант, во многом повторяемых националистическими текстами конца XX – начала XXI в.

Вторую причину представляет то обстоятельство, что дискриминационное разрешение является особой формой выражения директивной модальности – текстообразующей категории, определяющей специфику

законодательного текста. Выявление и изучение директивного потенциала законодательного языка в период его становления – важное условие понимания процесса развития системы форм регламентации в последующие этапы, вплоть до настоящего времени, когда правотворческая деятельность в определенной степени испытывает кризис, проявляющийся, прежде всего, в несовершенстве языкового построения законодательных норм.

Для достижения заявленной цели исследования необходимо решить ряд *задач*. Прежде всего, дать семантико-прагматическую характеристику речевому акту разрешения в условиях законодательного дискурса. Далее, определить признаки дискриминационности нормативных разрешений в законе Российской империи о евреях. Наконец, дифференцировать дискриминационные разрешения, выявив способы построения отдельных видов, их семантико-прагматические особенности.

Исследование дискриминационных разрешений в законе Российской империи о евреях осуществлялось с использованием *методов* семантического и прагматического анализа.

Теоретической базой исследования послужили труды А. Вежицкой [5], Е. И. Беляевой [2; 3], С. Н. Цейтлин [3], М. Я. Гловинской [7], И. Б. Шатуновского [21], Е. А. Шмелевой [22], посвященные описанию семантики и прагматических особенностей разрешения и запрещения как побудительных речевых актов. Кроме того, учитывались работы Г. А. Золотовой [9], С. С. Ваулиной [4], Ю. В. Гапоновой [6], которые представляют модус возможности в качестве значения внутрисинтаксической, или ситуативной, модальности, отражающей отношение субъекта к действию.

Важным аспектом исследования явилось определение механизмов построения дискриминационного разрешения, что стало возможным благодаря трудам Е. В. Падучевой [13], В. З. Санникова [15], Е. В. Урысон [19], Е. А. Стародумовой [18], Н. П. Селиной [16], С. А. Оскольской [12], дающим описание семантики союза *но*, частицы *только*, предлога *кроме*.

Практическая значимость исследования заключается в том, что представленные результаты могут использоваться как в образовательном процессе для дополнения сведений об особенностях языка законодательства, о конкретных приемах законодательной техники, так и в воспитательной работе в качестве материалов для подготовки и реализации мероприятий, направленных на предупреждение пропаганды агрессивного русского национализма (представляется, что сведения об истории националистического дискурса способны побудить к аналитическому и вместе с тем критическому взгляду на образцы современной националистической риторики).

Источниками исследования послужили законы Российской империи о евреях (далее – закон о евреях), представленные в «*Полном хронологическом сборнике законов и положений, касающихся евреев, от Уложения царя Алексея Михайловича до настоящего времени, от 1649-1873 г.*» [14].

В законодательном дискурсе периода Российской империи выделяются дискриминационные прескрипции, представляемые в том числе запретами и разрешениями. Если нормативный запрет, специально призванный выражать значение нормативной невозможности, является очевидным средством законодательного ограничения субъекта на основании признака принадлежности к определенной национальной, религиозной и т.п. группе, то дискриминационный статус нормативного разрешения не столь явен.

Для определения специфики нормативного разрешения необходимо учитывать, что оно с нормативным запретом примыкает к побудительным речевым актам [2, с. 16; 21, с. 319, 324; 22] посредством ряда отрицания: «...запрет – это отрицательный приказ, а позволение – это отрицаемый запрет» [5, с. 263]. То есть запрет возможно рассматривать отдельно от разрешения, а разрешение отдельно от запрета – нет, так как оно «некоторым образом строится на основе запрета» [Там же]. Таким образом, для понимания особенностей нормативного разрешения, дискриминационного разрешения в частности, важно определить характер соотношения нормативного запрета и нормативного разрешения.

Волитивно-каузативный статус актов нормативного запрета и нормативного разрешения [11, с. 148] предполагает, что данные речевые акты побуждают адресата каузировать определенную ситуацию, предполагаемую законодателем. Однако следует учитывать, что в этом случае побуждение определяется логическими категориями «запрещено» или «разрешено» [10, с. 28-29], то есть «разрешения и запрещения не непосредственно побуждают А делать или не делать Р, но сами по себе только каузируют, порождают деонтическую возможность или невозможность для А делать Р» [21, с. 319]. Таким образом, побуждение в деонтическом ключе, реализуемое формами невозможности и возможности, потенциально [3], так как каузирует ситуацию «ирреальную в настоящий момент, но имеющую (и это не подлежит сомнению) предпосылки и условия для того, чтобы стать фактической» [20, с. 6]. В законодательном дискурсе потенциальность может пониматься в качестве связи между правовой (системой правовых норм) и фактической реальностями: первую каузирует законодатель как субъект модальной оценки [3, с. 123], или, точнее, субъект целеполагания (так как нормативные запрет, разрешения обладают семантическим признаком утилитарности, под которым понимается наличие в их семантической структуре компонента ‘конкретная, практическая цель’, соотносимого с потенциальной ситуацией); вторую – субъект предметной ситуации [Там же, с. 124], или субъект запрета, разрешения. В таком ключе значения нормативного запрета и нормативного разрешения трактуются как значения внутрисинтаксической [9, с. 151-152], или ситуативной [4; 6], модальности.

Семантика потенциальности нормативных запрета и разрешения реализуется через такой семантический признак, как ответственность субъекта ситуации запрета или разрешения, которая предполагает, что подобный субъект наделен 1) способностью совершить регулируемое действие и 2) способностью подвергнуться негативному воздействию в случае некаузации ситуации запрета или в случае каузации потенциальной ситуации до момента возникновения нормативного разрешения как явления правовой реальности (ср. условие

успешности речевого акта разрешения, сформулированное И. Б. Шатуновским: «А не имеет права сделать Р, если Г не разрешит ему сделать Р (не произнесет определенные слова)» [21, с. 320]). Следует отметить, что способность совершить регулируемое законодателем действие дополняется желанием его совершить [5, с. 264; 21, с. 320], что может выражаться запросом субъекта, реакцией на который выступают речевые акты запрета или разрешения [7, с. 189; 22, с. 69].

Таким образом, ситуация разрешения накладывается на ситуацию запрета: границами пересечения являются моменты актов волеизъявления [11], в пределах которых выделяется субъект, обладающий ответственностью, что обеспечивается модусом принуждения. Иными словами, нормативный запрет первичен по отношению к нормативному разрешению, появляющемуся в результате предположения законодателя о полезности возникновения ситуации разрешения, или ситуации снятия запрета. Здесь мы вынуждены повторить цитату А. Вежбицкой: «...позволение – это отрицаемый запрет» [5, с. 263], то есть формула «Если Х делает Р, он не будет наказан» [7, с. 189], определяющая разрешение, может истекать только из формулы «Если Х сделает Р, он будет наказан», определяющей запрет [Там же, с. 188]. Акт нормативного разрешения характеризуется модусом возможности, или отрицания принуждения и невозможности, соответственно, нормативное разрешение – побуждение без принуждения. Субъект разрешения после возникновения нормативного разрешения как явления правовой реальности лишается признака ответственности.

Перечисленные особенности нормативного разрешения достаточно наглядно отражаются дискриминационными разрешениями, формальная организация и семантика которых наиболее тесным образом связана с дискриминационными запретами. Дискриминационность возникает в случае реализации законом о евреях особой утилитарной задачи – преодоления ситуации непогоды (вреда), субъектом которой выступают евреи. Подобная ситуация непогоды возникает, если евреи осуществляют действия определенных типов: 1) существование в определенном пространстве; 2) осуществление определенной деятельности; 3) принятие определенного состояния [8, с. 47].

Прежде всего, в законе о евреях выделяются дискриминационные разрешения, представляющие собой нормативные разрешения, ограниченные дискриминационным запретом. Основным механизмом построения такой нормы является противопоставление разрешения и запрещения посредством синонимичных союзов *но, однако*, реализующих значение, указывающее на соединение возможности и невозможности в описании потенциальной ситуации (ср.: «*На землях, Обществу Израильских Христиан отведенных, дозволяется Членам онаго варить пиво, курить хлебное вино, делать разныя водки и другие напитки, как для собственного употребления, так и для продажи проезжающим чрез их селения. Но вне селений их никаких напитков не вывозить и не продавать*» [14, с. 91]; «...1) *Тем из Евреев, кои действительно имели донныне постоянное в Риге пребывание, дозволить приписаться к сему городу и остаться в оном на жительстве, не пользуясь однако ни правом гражданства, ни правом приобретения недвижимой собственности*» [Там же, с. 516]). Характер конъюнкции подобного рода определяет Е. В. Падучева, описывая статическое значение союза *но* [13, с. 40-41]. Применительно к нашим примерам данное толкование можно представить следующим образом:

1) имеют место разрешение (X) и запрет (Y);

2) из того, что X, следует, что субъект потенциальной ситуации должен желать X^1 , а Y препятствует тому, чтобы X^1 было;

3) то, что Y, более существенно, чем то, что X. Таким образом, семантику разрешения, ограниченного дискриминационным запретом, представляет отрицание ожидания субъекта разрешения в определенном объеме (ср. «обманутое ожидание» в толковании «но противоположной ситуации») [19, с. 191-195]).

Если учитывать, что ситуация нормативного разрешения трактуется как ситуация снятия запрета, то в нашем случае ситуация снятия запрета реализуется не полностью, что является специальным действием законодателя как субъекта целеполагания [13], который предполагает, что преодоление ситуации непогоды (вреда), субъектом которой выступают евреи, может быть достигнуто в случае возникновения ситуации разрешения, ограниченной запретом. По этой причине предположить, что рассматриваемые конструкции с *но, однако* выражают значение, соотносимое со «значением ненормального следствия» [15, с. 249-254], затруднительно: запрет не является следствием разрешения и даже не противоречит, не противодействует ему, а дополняет его (ср.: «*Евреям купцам 1-й гильдии, сверх общих торговых прав, принадлежащих им внутри черты оседлости Евреев, присвоются следующие особенныя права: 1) <...> В Москву дозволяется им приезжать для закупки товаров и самим, но без семейств, и с ограничением срока временнаго их там пребывания шестью месяцами*» [14, с. 366]). При этом необходимо еще раз отметить, что запрет, введенный *но, однако*, в представлении законодателя более важен [13, с. 41], то есть в подобных примерах исключается семантическая симметричность. Очевидным будет вывод о том, что именно эта особенность порождает семантику дискриминационности разрешений в законе о евреях.

В целом разрешение подобного типа представляется наиболее общей формулой ‘Я разрешаю тебе P^1 , но запрещаю тебе P^2 ’, которой предшествует ‘Я запрещаю тебе Р’, где $P = P^1 + P^2$. Таким образом, ситуация разрешения, ограниченная дискриминационным запретом, – единая ситуация дискриминационного разрешения, возникшая в результате неполного снятия дискриминационного запрета. Иными словами, дискриминационное разрешение не подразумевает полную отмену модусов принуждения и невозможности, соответственно, субъект разрешения после возникновения дискриминационного разрешения как явления правовой реальности не теряет признака ответственности, в частности способности подвергнуться негативному воздействию.

Следующий вид дискриминационного разрешения представляют примеры с ограничительными частицами *только (только), единственно*, которые реализуют свое основное значение «говорящий сообщает, что из ряда

каких-либо признаков, предметов, ситуаций он избирает единственный, максимально приемлемый для него или соответствующий данному положению дел вариант, тем самым отвергая другие возможности» [17, с. 40]. Подобное значение «проявляется как отношение компонента, отмеченного частицей и потому обозначающего единственный факт, к сказуемому (предикативному члену предложения)» [18, с. 34-35]. Более того, отмечается дискурсивность частицы *только*, проявляющаяся в наличии «семантической связи предложений с доминантой либо на актанте, либо на предикате; частица функционирует в качестве пресуппозиционного маркера» [1, с. 30, 32]. Таким образом, *только (только)*, *единственно* в структуре дискриминационного разрешения в законе о евреях как определенной дискурсивной общности демонстрируют логическую связь с предшествующим дискриминационным запретом. Например, очевидно, что такие разрешения, как «*Вне черты постоянного жительства Евреев дозволяется им пребывание токмо временно: 1) Для принятия наследства...*» [14, с. 361] и «*Покупка земель для поселения от казны или частных людей дозволяется Евреям единственно в черте постоянной их оседлости*» [Там же, с. 364], в целом основываются на запрещении евреям находиться вне пространства их постоянного места жительства. Часто подобная логическая связь демонстрируется самим законодателем (ср.: «*В военных округах, а равно и в казенных селениях, Евреи не только продаются питей, но и никакими по откупу должностными заниматься не могут, и въезд им в оныя воспрещается. А если бы содержание питейных сборов в военных округах и в казенных селениях принято было кем-либо из Евреев, то дозволяется самому только содержателю (хозяину) иметь временной въезд в сии округи и в казенные селения для присмотра за его поверенными и служителями*» [Там же, с. 182]).

Такого рода связь между дискриминационным запретом и разрешением может быть опосредована разрешением более общего порядка, которое, как предполагает законодатель, требует уточнения – сужения значения нормативной возможности до единственного компонента. Подобное значение эксплицируется с помощью конструкций, где *только*, являясь конкретизатором союза *но*, «приобретает релевантный модус “однако”... “возражение” на мнение слушающего, т.е. выступает в качестве скрепы модального плана» [16, с. 14]. Несомненно, что, оформляя таким образом противительно-ограничительное значение дискриминационного разрешения, законодатель «возражает» субъекту разрешения, ограничивая его ожидания, предполагаемые общим разрешением (ср.: «*Евреи, отправляющиеся для перевозок водяных и сухопутных, могут также получать паспорта, но только в губернии, где оседлость единоверцам их дозволяется и смежные с оными*» [14, с. 754]).

К данному виду дискриминационных разрешений примыкают конструкции, организованные наречиями *не более, не далее* со значением ограничения отдельных количественных признаков. Их семантическую близость подтверждает возможность замены наречий частицей без изменения значения (ср.: «*...притисывающиеся же к прочим затем городам Империи Еврей-купцы могут брать с собою из своих единоверцев не более одного приказчика или конторщика и четырех обоего пола служителей на каждое семейство переселяющегося Еврей-купца*» [Там же, с. 912]; «*...евреи могут также иметь в Киеве временное пребывание не далее 6 месяцев по винным откупам вне Киева...*» [Там же, с. 217]). *Не более, не далее* в сочетании с *но, однако* при построении дискриминационного разрешения способны выражать модус «возражения» (ср.: «*Евреям ремесленникам, имеющим от 15 до 18 лет от роду, могут быть выдаваемы паспорта во внутренния губернии Империи, для усовершенствования себя в своем ремесле, но сроком не более как на два года...*» [Там же, с. 754]; «*В первые три года, по водворении, Еврей-земледельцы могут одни собственные свои сельския произведения возить для продажи в город, в уезде которого они поселены, а также на ярмарки в местечках, находящихся в том же уезде и в смежных уездах, не далее однакож 30-верстного расстояния от мест их оседлости*» [Там же, с. 600]).

В целом мы можем сделать вывод о том, что ситуация снятия запрета, оформляемая дискриминационным разрешением с *только (только)*, *единственно / не более, не далее*, реализуется не полностью, она ограничивается одним компонентом, выбранным законодателем из множества по критерию целесообразности для преодоления ситуации непользы (вреда), субъектом которой выступают евреи. Данное значение можно выразить формулой ‘Из Р я разрешаю тебе Р¹’, которой предшествует формула ‘Я запрещаю тебе Р’, где Р = Р¹ + Р² + ...

Если принимать во внимание критерий частотности употребления тех или иных форм дискриминационного разрешения, то именно конструкции с *но, однако* и *только (только)* являются наиболее ценными для автора закона о евреях средствами построения разрешительных прескрипций.

Важно выделить дискриминационные разрешения с союзами *кроме, исключая* (данный тип представлен единичными примерами), которые реализуют значение, в наиболее общем виде представляемое как «исключение элемента из множества» [12, с. 365] (ср.: «*Сие ограничение не распространяется, однако же, на Евреев-купцов, которые могут, без перехода в земледельческое состояние, приобретать земли: для поселения своих единоверцев, для учреждения хозяйственных и промышленных заведений (кроме выделки всякого рода горячих напитков), и для скотоводства...*» [14, с. 805]; «*Евреям купцам, занимающимся в г. Режице торговлею, дозволить жить в домах их и в новом городе, исключая площади около Православной церкви...*» [Там же, с. 759]). Эти союзы, исключая элемент из ряда, маркированного модусом нормативной возможности, порождают контраст [12, с. 369-370] нормативной возможности и невозможности: ‘Из Р¹, Р², Р³ я разрешаю тебе Р¹, Р², исключая Р³’, которой предшествует ‘Я запрещаю тебе Р¹, Р², Р³’, что подразумевает возникновение ситуации неполного снятия дискриминационного запрета, или ситуации дискриминационного разрешения.

В качестве **выводов** представляются следующие положения.

Речевой акт нормативного разрешения по своим семантическим и прагматическим характеристикам определяется зависимым от нормативного запрета. В зоне пересечения ситуаций запрета и разрешения,

границами которой являются моменты актов волеизъявления, выделяется общий субъект, обладающий семантическим признаком ответственности, что обеспечивается модусом принуждения. В момент возникновения акта нормативного разрешения реализуется модус возможности, или отрицания принуждения и невозможности, что лишает субъекта признака ответственности. Директивность нормативного разрешения обеспечивается связью с нормативным запретом.

Дискриминационное разрешение представляется особой директивной формой: ситуация дискриминационного разрешения – ситуация неполного снятия дискриминационного запрета, что не подразумевает исключения модусов принуждения и невозможности, соответственно, субъект дискриминационного разрешения не утрачивает признака ответственности, в частности способности подвергнуться негативному воздействию.

В законе о евреях выделяются следующие виды дискриминационных разрешений, объединенные семантикой ограничения возможности:

1) нормативные разрешения, ограниченные дискриминационным запретом посредством союзов *но, однако*: ‘Я разрешаю тебе P^1 , но запрещаю тебе P^2 ’ (данной формуле предшествует ‘Я запрещаю тебе P ’, где $P = P^1 + P^2$);

2) нормативные разрешения, ограниченные избранием единственного варианта из множества возможностей посредством частиц *только (только), единственно / не более, не далее*: ‘Из P я разрешаю тебе P^1 ’ (данной формуле предшествует ‘Я запрещаю тебе P ’, где $P = P^1 + P^2 + \dots$);

3) нормативные разрешения, ограниченные исключением компонента из ряда возможностей посредством союзов *кроме, исключая*: ‘Из P^1, P^2, P^3 я разрешаю тебе P^1, P^2 , исключая P^3 ’ (данной формуле предшествует ‘Я запрещаю тебе P^1, P^2, P^3 ’).

В целом мы можем констатировать, что нормативное разрешение в законе Российской империи о евреях приобретает дискриминационный статус в случае ограничения дискриминационным запретом, когда законодатель стремится преодолеть ситуацию непогоды (вреда), субъектом которой выступают евреи.

Лингвистическое описание дискриминационных прескрипций позволяет определить *перспективы дальнейшего исследования* законов о евреях, связанные с изучением преференциальных норм, устанавливающих правовое преимущество контрастирующих с евреями субъектов, что, несомненно, является ярким отражением государственной националистической идеологии периода Российской империи.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 20-012-00111, проект «Русский национализм в лингвоюридическом аспекте: прагматика, динамика, экспертиза».

Список источников

1. Акоюн К. С. Союзные функции частицы ‘только’: частица-союз vs. частица – союзный аналог // Слово.ру: Балтийский акцент. 2018. № 1. С. 30-44.
2. Беляева Е. И. Грамматика и прагматика побуждения: английский язык. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1992. 168 с.
3. Беляева Е. И., Цейглин С. Н. Соотношение значений возможности и необходимости в семантической сфере потенциальности // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность / отв. ред. А. В. Бондарко. Л.: Наука, 1990. С. 123-126.
4. Ваулина С. С. Модальность как коммуникативная категория: некоторые дискуссионные аспекты исследования // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2013. № 8. С. 7-12.
5. Вежицка А. Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1985. Вып. 16. С. 251-275.
6. Гапонова Ю. В. Средства выражения значений возможности и необходимости в рекламных текстах печатной рекламы: дисс. ... к. филол. н. Калининград, 2007. 197 с.
7. Гловинская М. Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект / отв. ред. Е. А. Земская, Д. Н. Шмелев. М.: Наука, 1993. С. 158-218.
8. Голиков Л. М. Закон Российской империи о евреях как националистический текст // Научный диалог. 2020. № 7. С. 40-54.
9. Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 1973. 352 с.
10. Ивин А. А. Логика норм. М.: МГУ, 1973. 121 с.
11. Карасик В. И. Язык социального статуса. М.: Гнозис, 2002. 333 с.
12. Оскольская С. А. Конструкции с союзом *кроме* как и с предлогом *кроме* в русском языке // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2014. № 2. С. 363-398.
13. Падучева Е. В. Эгоцентрическая семантика союзов ‘а’, ‘но’ // Славянские сочинительные союзы: сб. статей / отв. ред. Т. М. Николаева. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1997. С. 36-47.
14. Полный хронологический сборник законов и положений, касающихся евреев, от Уложения царя Алексея Михайловича до настоящего времени, от 1649-1873 г. СПб.: Типография К. В. Трубникова, 1874. 1158 с.
15. Санников В. З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М.: Языки славянских культур, 2008. 624 с.
16. Селина Н. П. Структурно-семантические и функциональные особенности слова «только» в современном русском языке: автореф. дисс. ... к. филол. н. Ставрополь, 2003. 22 с.
17. Словарь служебных слов русского языка / отв. ред. Е. А. Стародумова. Владивосток: Дальневосточный государственный университет, 2001. 363 с.
18. Стародумова Е. А. Функции ограничительного слова «только» в современном русском языке // Синтаксические связи в русском языке: сб. статей / отв. ред. А. Ф. Прияткина. Владивосток: Дальневосточный государственный университет, 1974. С. 32-51.
19. Урысон Е. В. Опыт описания семантики союзов: лингвистические данные о деятельности сознания. М.: Языки славянских культур, 2011. 336 с.

20. Федорова И. Р. Модальность возможности в современном русском языке (на материале газет). Калининград: Калининградский университет, 2000. 85 с.
21. Шатуновский И. Б. Речевые акты разрешения и запрещения в русском языке // Логический анализ языка: языки этики / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 319-325.
22. Шмелева Е. А. Разрешение и запрещение как побудительные речевые акты // Функционально-типологические аспекты анализа императива: в 2-х ч. / под ред. Л. А. Бирюлина, В. С. Храковского. М.: АН СССР, 1990. Ч. 2. Семантика и прагматика повелительных предложений. С. 66-71.

Discriminatory Consent in the Law of the Russian Empire on the Jews

Golikov Leonid Mikhailovich, PhD

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia

LGolikov@mail.ru

The paper aims to identify semantic and pragmatic features of discriminatory consent in the Law of the Russian Empire on the Jews. The author describes specificity of normative consent, reveals features of the discriminative model, differentiates types of discriminatory consents. Scientific originality of the study lies in the fact that discriminatory consent is for the first time considered as a form of normative regulation. The research findings are as follows: the author proves that discriminatory consent can be defined as a partial removal of discriminatory prohibition through the legislator's purposeful action to overcome the situation of denied profit (damage) the Jews experienced; three types of discriminatory consents with similar semantics of opportunity restriction are identified.

Key words and phrases: normative consent; normative prohibition; discriminatory normative consent; Law on the Jews.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.3>

Дата поступления рукописи: 19.10.2020

Цель исследования – охарактеризовать массив зафиксированных в «Словаре русских говоров Приамурья» наречий и систематизировать их. В статье сопоставляются классификации наречий в литературном языке и в других группах русских говоров, уделяется внимание вопросу вариативности наречий. **Научная новизна** исследования заключается в том, что анализу подвергается практически не изученный класс слов группы говоров вторичного образования: впервые исследуется состав диалектных наречий русских говоров Приамурья, выделяются типичные лексико-семантические группы наречий, описывается их семантика. **В результате** предлагается классификация наречий, репрезентированных в «Словаре русских говоров Приамурья», в семантическом аспекте.

Ключевые слова и фразы: наречие; русские говоры; семантическая классификация.

Дун Циньфэй

г. Шанхай, Китайская Народная Республика

qinfei@mail.ru

Садченко Валентина Тарасовна, д. филол. н., проф.

Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск

ValentinaSadchenko@yandex.ru

Классификация наречий в русских говорах Приамурья: семантический аспект

Актуальность работы обусловлена тем, что наречие до недавнего времени относилось к наименее изученной группе языковых единиц как в литературном языке, так и в диалектном в силу некоторой «периферийности» по сравнению с другими классами знаменательных частей речи, в то же время изучение данной группы языковых единиц представляет значительный интерес и необходимо для построения типологии говоров Дальнего Востока и монографического их описания. **Практическая значимость** заключается в следующем: материал и результаты исследования могут быть использованы при дальнейшем изучении данной группы говоров и тем самым включены в описание изучаемого диалекта; могут быть использованы в спецкурсах и семинарах по региональной лингвистике, на практических занятиях по русской диалектологии в вузе.

Теоретическую базу исследования составляют труды Л. В. Щербы, И. А. Попова, Ф. И. Панкова, Л. А. Савеловой, О. А. Глушенко и других исследователей, посвященные описанию наречий в русском литературном языке и в русской диалектологии.

Задачи исследования: определить лексический состав наречий в «Словаре русских говоров Приамурья»; классифицировать выявленные диалектные наречия по лексико-семантическим группам; описать особенности семантики наречий в русских говорах Приамурья.

В ходе исследования были использованы описательно-аналитический, структурно-семантический *методы*, а также сопоставительный метод для сравнения диалектных особенностей наречий в русских говорах Приамурья с наречиями других диалектных групп, с общерусскими словами данной части речи, а также с литературными аналогами изучаемой группы слов, установления между ними отношений эквивалентности и дифференциации. Данные методы сопровождаются методикой количественных сопоставлений, необходимых для выявления регулярности анализируемых единиц.

Следует отметить, что в исследованиях новейшего периода отмечается активизация внимания к наречию. На материале русского литературного языка несомненный интерес представляет собой диссертация Ф. И. Панкова, рассматривающего наречие в функционально-коммуникативном аспекте [8, с. 1]. Предметом анализа в работе Ф. И. Панкова стали лексемы с обстоятельственными значениями, и в первую очередь темпоральные наречия. Ф. И. Панков, опираясь на значительный по объему фактический материал, представил комплексный системный анализ (грамматические характеристики, синонимика, вариативность, взаимодействие с другими категориями разного уровня, роль словоформ в актуальном членении высказывания и их интонационные характеристики) русских наречий времени, позволяющий «решить лингводидактические проблемы презентации языкового материала в нерусской аудитории», в том числе проблему «создания частных грамматик для нерусских» [Там же, с. 2]. Также в аспекте функционально-коммуникативной грамматики рассматривает темпоральные наречия А. Е. Евграфова. Диссертация посвящена разработке принципов описания семантических и грамматических особенностей, а также контекстуальных функций наречий времени (на основе лингвистического портретирования лексем «быстро», «моментально», «мгновенно», «вмиг», «сразу») в русском литературном языке с целью лексикографического их представления в учебном функциональном словаре русских наречий [5].

Семантике и прагматике русских наречий посвящена докторская диссертация Л. А. Савеловой. Автор предпринял «интегративное описание наречной лексики», формирующей адвербиальные системы (в терминологии Л. А. Савеловой – «частные наречные системы») тремя функциональными разновидностями русского языка – литературным (общеупотребительным) вариантом, территориальными диалектами (архангельскими говорами) и сленгом. Результатом исследования Л. А. Савеловой является разработка, как называет ее автор, «базовой семантической классификации» наречной лексики, которая может служить для сопоставительного описания наречий перечисленных выше функциональных вариантов адвербиальной системы русского языка. Все наречия делаются Л. А. Савеловой на шесть классов: квалификативные (в традиционной классификации совпадают с качественными), количественные, пространственные, временные, наречия логической обусловленности (в них включаются наречия причины и цели) и модальные (частично являющиеся функциональными омонимами модальных слов, а также, по определению автора, «эмоционально-экспрессивно-оценочные» наречия, выражающие модально-оценочное значение) – на основе того, какой именно признак называют относимые к наречию лексемы. Л. А. Савелова обращает внимание на нечеткость, проницаемость границ между выделенными классами наречий, а также на функционально-грамматическую омонимию с другими частями речи, свойственную наречиям [13].

В работе Е. С. Смакауз «Деривационные особенности в сфере современного наречного образования» рассматриваются наречные новообразования, произведенные с 60-х гг. XX века, и, в частности, как их называет автор, «наиболее производные единицы наречного класса» в русском сленге [20].

Одной из первых работ, посвященных описанию наречий в русских говорах, является диссертация И. А. Попова, в которой представлена история изучения диалектных наречий до 1983 г. (время написания диссертации), обобщены закономерности формирования и тенденции эволюции класса наречий в говорах. Подчеркивая актуальность изучения данного класса слов, И. А. Попов указывает на необходимость разработки семантического словаря наречий и создания на его основе детальной семантической классификации наречий в отдельных говорах, даже приобретших статус «полудиалектов», т.к. «современные говоры сохраняют в области наречий многое от прежнего их состава» [10].

Из работ новейшего периода интерес представляет диссертация Е. В. Бочкаревой, посвященная описанию данной части речи в донских говорах, в которой автор представляет обзор исследований наречия в русской диалектологии, а также обращает внимание на оставшиеся проблемные вопросы, в частности отсутствие семантической детализации отдельных разрядов наречий и проблему морфемного членения слов данной части речи [1, с. 5]. Анализируя лексическое значение и этнокультурное содержание наречий в донских говорах, Е. В. Бочкарева отмечает особенности мотивации наречий в донских говорах, выделяя следующие разряды: мотивированные/немотивированные/полимотивированные; распределяет диалектные наречия на два разряда: обстоятельственные и определительные; выделяет в указанных разрядах отдельные лексико-семантические группы; определяет адвербиализацию в качестве основного способа пополнения класса наречий.

Структурно-семантическим особенностям наречий в современных вологодских говорах посвящена диссертация Ю. Н. Драчевой. Основное внимание в работе уделяется изучению динамики внутренней формы слов данной части речи. Автор выделяет наречия с живой внутренней формой, с лексикализованной и «мертвой» внутренней формой. Степень изменения характера внутренней формы, по мнению Ю. Н. Драчевой, зависит от типа и способа производности, типа мотивированности, характера лексического значения [4].

Описанию двух групп обстоятельственных наречий – наречия пространства и наречия времени – в архангельских говорах посвящена диссертация Е. В. Первухиной. Автор разрабатывает достаточно детальную типологию наречий пространственной и временной семантики, исключая местоименные наречия [9].

Наречиям времени в орловских говорах посвящена и статья Е. А. Касьяновой и В. Н. Гришановой. Авторы выделяют 13 основных семантических групп наречий, входящих в лексико-семантическую группу «наречия времени»; отмечают, что у наречий времени «сохраняется древнерусская семантика, новые значения мотивируются древнерусскими значениями корней, значения наречий могут быть рефлексами праиндоевропейской семантики» [7, с. 293].

В работе О. А. Глущенко на материале архангельских народных говоров и русского литературного языка рассматриваются общерусские наречия образа действия. Автор анализирует различные исследования, посвященные сопоставительной характеристике общерусских слов в литературном языке и в диалектной системе, и разрабатывает типологию соотношения значений («универсальную матрицу») наречий данной группы в литературном языке и в архангельских говорах с учетом однозначности/многозначности языковых единиц. О. А. Глущенко отмечает, что различия в семантической структуре сопоставляемых единиц обусловлены процессами генерализации и спецификации значений [3, с. 163].

Т. Ю. Игнатович, описывая восточно-забайкальские говоры северо-русского происхождения в синхронном и диахронном аспектах, наречия не упоминает совсем [6].

Наречия в группе русских говоров Приамурья не являлись предметом изучения: в монографическом описании данной группы говоров [12] отсутствует раздел, посвященный наречию. Исследования, построенные на материале близких, родственных говоров, также не освещают в полном объеме единицы этого класса слов. О. Ю. Галуза, рассматривая отглагольные дериваты в русских говорах Приамурья, обращается и к наречиям, образованным от глагольных основ. Достаточно подробно анализируя образование существительных и прилагательных, от наречий О. Ю. Галуза пишет только следующее: «Наречия, соотносимые с глаголами, в говорах Приамурья немногочисленны, как и в литературном языке. Они совмещают в себе значение процессуального признака, названного мотивирующим глаголом, со значением наречия как части речи, образуются суффиксальным и префиксально-суффиксальным способом чаще от бесприставочных глаголов» [2]. Далее приводятся примеры производных наречий (6 единиц).

Лингвистический феномен «Словаря русских говоров Приамурья» [16] (далее – СРГП) состоит в широком охвате лексики, в нестрогом ее отборе, что уже отмечалось как недостаток в предшествующих работах, посвященных анализу единиц, помещенных в словарь [15]. Это относится и к наречной лексике, выявление которой из общего объема слов «Словаря русских говоров Приамурья» представляет определенную трудность, так как она представлена всем разнообразием единиц: слова из литературного языка; лексика общерусская, свойственная другим группам русских говоров; собственно диалектная, характеризующая исключительно данную группу говоров (русские говоры Приамурья). Кроме того, в материалах словаря отмечается некоторое количество вариантной лексики. Вопросу вариативности наречий в русских говорах Приамурья посвящена статья В. Т. Садченко. На основе анализа характера материальных различий в каждом ряду однокоренных единиц автор выделяет два типа вариантов: фонематические и словообразовательные, последние из которых разделяются на собственно словообразовательные (форманты меняют значение однокоренного слова) и формально-грамматические (наблюдается десемантизация формантов, форманты не вносят никаких дополнительных компонентов значения, значение однокоренных вариантных единиц тождественно) [14, с. 158-162]. Статистика показывает значительное преобладание формально-грамматических вариантов в группе наречий русских говоров Приамурья (17% от всего объема наречной лексики в словаре), что объясняется активным междиалектным контактированием, с одной стороны, и, с другой стороны, интенсивным современным развитием говоров под влиянием литературного языка. Применительно к данному анализу вопрос о вариативности будем решать следующим образом: фонематические варианты включаться в список анализируемых единиц не будут, а формально-грамматические варианты (словообразовательные) квалифицируются как отдельные лексемы, иначе говоря, каждый вариант будет приниматься за единицу. Кроме того, объем предполагаемого к анализу материала зависит также от того, включать ли в класс наречий так называемые «предикативные наречия» [11, с. 701], которые в других теориях называются «словами категории состояния» и выделяются в самостоятельный лексико-грамматический класс [21]. В исследуемом материале зафиксировано 40 предикативных наречий, из которых 10 единиц характерны исключительно для говоров Приамурья, а именно: *дивья, неподатно, неуморно, сиверно, срамно, студено, хмарно, чижало, чутко, ятно*. Исходя из достаточно значительного количества представленных единиц, которое может в целом повлиять на результативность классификации, а также вслед за авторами «Русской грамматики», которые относят данные слова к предикативным наречиям, означая субъектное или бессубъектное состояние [11, с. 701], считаем возможным включить указанные лексемы в состав наречий.

Таким образом, всего в данном источнике представлено 563 наречия, из которых 58 единиц отмечены в «Словаре русского языка» (*браво, вдругорядь, весело, остро, гуртом, дивно, знатно, косяком, людно, мёртво* и другие) [18] (далее – СРЯ); 106 единиц выявлено в «Словаре современного русского литературного языка» (*в замок, вкрадце, впереверт, таском, тучочки, хлопко, чуток, шибко* и другие) [19] (далее – ССРЛЯ); 321 наречие зафиксировано в «Словаре русских народных говоров» (*баско, безутышно, бедно, вдале, вытно, годом, дамно, дивно, дородно, живком, забидно, кидком, ладом, мало-мало, навалом, однолично, перво, ранешно, самоуком, тамоть* и др.) [17] (далее – СРНГ) и 243 наречия могут быть отнесены к собственно региональной лексике (*безовремя, верхно, гол-голом, душерадно, ёршиком, забарно, изнове, кодню, на кругляху, ладно, модом, оногды, повороть, ранёхо, скоко, тамака, ушло, форсно, худово, чёкно, шечас, щас* и др.) [16].

Количество общих аналогов в СРЯ [18] и в ССРЛЯ [19] составляет 51 единицу, из них 3 единицы не являются наречием (*de* (приставка и частица), *край* и *полом* (имя существительное)), 9 единиц не тождественны по лексическому значению (*ужо*, *темно*, *обратно*, *неладно*, *нарочно*, *наголо*, *ладно*, *ловко*, *здорово*). В СРЯ выявлено 7 единиц (*бедно*, *богато*, *востро*, *встречу*, *дивно*, *мертво*, *студено*) [18], которые не зафиксированы в ССРЛЯ [19]. В свою очередь, в ССРЛЯ выявлено 55 единиц, которых нет в СРЯ, среди них 2 единицы являются другой частью речи (*обрат*, *склиз* (имя существительное), *опеть* дается как глагол – видовая пара к *опевать*), 4 единицы не тождественны по лексическому значению (*набегом*, *напримерно*, *посемейно*, *хлопко*) [Там же].

В процентном соотношении материал «Словаря русских говоров Приамурья» представляет собой следующую картину: общее количество региональной лексики Приамурья составляет 43,16% от всего списка наречий, зафиксированных в данном словаре; количество наречий, зафиксированных в СРНГ, или иначе – «общерусских эквивалентов», как называет их И. А. Попов, составляет 57,02%; количество аналогов, зафиксированных в СРЯ и в ССРЛЯ в целом, составляет 9,06%; количество наречий, зафиксированных только в СРЯ, составляет 1,24%; количество наречий, зафиксированных в ССРЛЯ, – 9,08%. При классификации наречий, характеризующих речь носителей русских говоров Приамурья, после выделения группы предикативных наречий выявлено 172 (70,2%) собственно-характеризующих наречия и 73 (около 30%) обстоятельственных.

Собственно-характеризующие, в свою очередь, могут быть разделены на следующие подгруппы (в скобках даны варианты):

- наречия степени: *в прах*, *впрямók*, *вразвѣлку*, *грудой*, *димно*, *здорово*, *край*, *маленьки* (*малехо*, *манехо*), *маявко*, *нагорько*, *на мере*, *неполняком*, *непомнóге*, *полно-наполно*, *полони*, *помнóге*, *скоко*, *упально*, *чересчурно* (21 единица, что составляет 12% от общего числа собственно-характеризующих наречий);

- наречия образа действия: *бесчурно*, *босяками*, *браво* (*бравенько*), *бусом*, *в двойник*, *в десятник*, *в долбѣшку*, *в восьмѣху* (*в семѣху*), *в гладь*, *в готóве*, *верхи* (*вѣрхно*, *вѣрино*, *вѣрино*), *верьхами*, *в закидку*, *в замок* (*в угол*, *в охряпку*), *взапятни*, *винно*, *в крест*, *в крюк*, *в нахлѣстку*, *в новѣшку*, *в обтяг* (*в обтягу*), *в обычности*, *в одинарку*, *в одноручку*, *в охряп* (*в охрѣп*), *вперехрѣстку*, *вплотняк*, *в прогонку*, *в пристяжныхи*, *в притѣску* (*встыкнѣю*), *впротѣску*, *врасплѣт*, *врасполох*, *врушнѣ*, *в сундолѣх* (*на сундолѣх*, *сундолѣшками*, *сундолѣй*, *сундолѣю*, *сундолѣй*), *всяко-разно* (*всяко-яко*), *в тыкат* (*в тычь*), *в чашку* (*в чашу*), *в шен* (*в шин*), *вытно*, *выючно*, *гол-голом*, *голоручкой*, *гольно*, *дѣвовезь*, *дѣбарно*, *зжмуркою*, *изновѣ*, *из-под колѣна*, *исцельно*, *кабаном*, *косомѣ*, *косяком*, *на кругляху*, *в лапу*, *ловконько*, *лопѣткой*, *мастерово*, *набегом*, *навзлом*, *навзначику*, *на винах*, *наглядко*, *наголе*, *наголом*, *накатником*, *намолотно*, *наопласт*, *напалом*, *наперву*, *наперечѣпку*, *нарепечѣтку*, *на песнях*, *на побегу*, *наповально*, *напримѣрно*, *на смеху*, *на убѣг*, *на убойну*, *наулѣжке*, *нерóвень*, *неумóрно*, *ничек*, *наравнях*, *нарочно*, *наскорпѣ*, *огульно*, *отделом*, *первоначале*, *пешкод-ралом*, *пинкачом*, *плетешком*, *поворотъ*, *под головашки*, *под песок*, *под скобку*, *под чих*, *по-живому*, *пожирнее*, *по-ихому*, *по молчанке*, *по-нонеиному*, *поперѣчь*, *поплóше*, *постепенко*, *приневольно*, *в притяжках*, *в притяжѣ*, *с глаз*, *склизь*, *скорѣича*, *ссерѣ*, *стоячком*, *ступочком*, *толки*, *топѣря*, *турком*, *укурѣт*, *ушло*, *фóрсно*, *хлынциой*, *хмарновѣта*, *ходом*, *хрыпко*, *худово*, *чажело* (*чижело*), *чѣкно*, *чѣрезь*, *шакушком*, *шарком*, *штуковѣто*, *щупом*, *ятно*, *ятно* (всего 151 единица, что составляет 88% от общего числа собственно-характеризующих наречий).

Обстоятельственные наречия (30%) представлены:

- наречиями места: *в обрѣтно*, *вобудѣнок*, *впрямик*, *душерадно*, *забарно*, *колоблизу*, *модом*, *назавчек*, *на полету*, *напрямки*, *наутур*, *оборѣтно* (*обрѣт*), *на пятки*, *нарочно*, *откѣль-то*, *подѣново*, *посемейно*, *раздóль*, *тамака*, *тудака* (22 единицы, что составляет 30% от общего количества обстоятельственных наречий);

- времени: *безоврѣмя*, *бувалачи*, *в девчóнках*, *вечѣрно*, *вечóрки*, *вѣино*, *вобудѣнок*, *всяды*, *вылонилони*, *до послѣду*, *заврѣмя*, *завтрава* (*завтремя*), *кажегóдни* (*кажегóдно*), *коднѣ*, *коновѣдни*, *межминутно*, *на родитѣлях*, *новой*, *онóгда*, *оногдысь* (*оногдась*, *ономѣднись*), *осѣжно*, *осенѣсь*, *по-счастному*, *потómича*, *прошлогóда*, *ранѣхо*, *ранчи*, *спервоначѣтия*, *сечѣс*, *тапѣрь*, (*тапѣря*, *тепѣря*), *утрѣ* (*утрем*, *утресь*, *утрость*), *утупори*, *частуха*, *чечѣс* (*чичас*, *шечѣс*, *шычѣс*, *щас*) (44 наречия – 60%);

- цели: *корыстно*, *нарока* (*нарóком*) (3 единицы – 4%);

- совместности: *врядѣх*, *двоѣчки* (*двоѣчкой*, *двоѣчком*) (4 единицы – 5%).

Следует отметить, что наречия причины, характерные только для русских говоров Приамурья, в материалах СРГП не зафиксированы.

Кроме того, следует обратить внимание на следующие факты. За единицами, совпадающими по морфемному составу в СРГП и в СРНГ, в ряде случаев закреплены различные значения, в частности, у наречия образа действия *наголе* в СРНГ все значения (всего 10 значений) связаны с мотивирующим прилагательным «голый» [17], в СРГП данное наречие имеет значения, не зафиксированные в СРНГ: «**НАГОЛѢ**, нареч. 1. Наготове, со взведенным курком (о ружье). *Пошѣл с ружьѣм наголе* (Заг. Сел. Своб.). Амур. (Своб.). 2. Целиком, полностью, весь. *Гребень* [плавник] *наголе видно* (Заг. Сел. Своб.). Амур. (Своб.)» [16, с. 254]. Таким образом, спектр значений диалектизма *наголе* в СРНГ может быть дополнен значениями, свойственными группе русских говоров Приамурья.

Наблюдаются расхождения в семантике наречий из СРГП и их аналогов в литературном языке, в частности, в ССРЛЯ. Например, сравним словарные статьи в СРГП: «**ПОСЕМЕЙНО**, нареч. По причине семейных обстоятельств. *Меня посемейно оставили в войну* (Джл. Скв.). Амур. (Скв.)» [Там же, с. 338] и в ССРЛЯ: «**ПОСЕМЕЙНО**, нареч. По семьям, целыми семействами. [Бушмены] *живут не обществом, а посемейно, промышляют ловлей зверей*. Гонч. Фрег. «Паллада», I, 4. – Слов. Акад. 1822. посемейный, посемейно» [19].

Отличия наблюдаются и при сопоставлении ряда словарных статей в СРГП и в СРНГ. Например, в СРГП наречие *дивно* имеет два значения: «**ДИВНО**, **ДИМНО**, нареч. 1. Много. *В лесу было дивно светов* (Сад. Окт.). *Дивно – много, хоть на что сказать: да там дивно ее было* (Башур. Облuch.). *Смородины нынче дивно* (Пашк. Облuch.). *На задах залюги, там земляники дивно было* (Н.-Андр. Бел.). *Димно ли у нас хлеба там?* (Благовещ.). Амур. (Благ. Бел. Своб. Скв. Шим.). Хаб. (Облuch. Окт.). Нов.-Даур. 2. Давно. *Уехали дивно, уж скоро вернуться, обедать время* (Н.-Андр. Бел.). Амур. (Бел.)» [16, с. 113]. В СРНГ диалектизм *дивно* имеет более сложную семантическую структуру, а именно отмечен как многозначная единица, включающая и значения отмечены такие значения: 2 – «страшно, боязно»; 3 – «хорошо, довольно хорошо»; 4 – «много, изрядно, обильно»; 5 – «очень»; 6 – «далеко»; 7 – «долго» [17]. Таким образом, в русских говорах Приамурья наречие *дивно* имеет и аналогичное другим русским говорам значение («много»), что подчеркивает общерусскую основу данной группы говоров, и отличное от них значение «давно». И. А. Попов в указанной работе 1983 года, анализируя многозначные наречия в русских говорах, писал, что многозначные наречия могут представлять собой «сложное переплетение общерусских и диалектных особенностей... нередко с небольшим сдвигом в значениях» [10]. Как правило, в русских говорах Приамурья наречная лексика моносемична. В частности, наречие *гуртом* в СРГП имеет только одно значение: «**ГУРТОМ**, нареч. *Сообща, вместе. Мы все гуртом ему платим за коровок, за то, что пасет* (Черн. Магд.). *Дом мой гуртом строили* (Кн-ка Кнст.). Амур. (Кнст. Магд.)» [16, с. 103]. В СРЯ, кроме значения «сообща, вместе», данное слово имеет второе значение – «большой партией, оптом» с пометой «разговорное» [18, т. 4, с. 358]; в ССРЛЯ – «оптом, за один раз, в совокупности» [19].

Выводы. Таким образом, в группе русских говоров Приамурья можно выделить «частную наречную систему», единицы которой в лексическом аспекте отличаются от эквивалентов литературного языка, а также от аналогов в других русских говорах; кроме того, отличия наблюдаются в количественном представлении наречных единиц отдельных семантических групп (непредставленность в материалах СРГП наречий со значением причины, единичность наречий цели и совместности); наречия в русских говорах Приамурья имеют менее развернутую семантическую структуру. Проведенный анализ отражает начало изучения наречной лексики в русских говорах Приамурья, **в дальнейшем необходимо** детальное исследование деривационных особенностей наречий, а также парадигматических отношений между компонентами выделенных лексико-семантических групп.

Список источников

1. Бочкарева Е. В. Наречие в донских говорах (лексико-семантический и структурный аспекты исследования): дисс. ... к. филол. н. Волгоград, 2008. 226 с.
2. Галуза О. Ю. Отглагольные дериваты в системе говоров Приамурья [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otglagolnye-derivaty-v-sisteme-govorov-priamurya> (дата обращения: 02.10.2020).
3. Глущенко О. А. Общерусские наречия образа действия в сопоставительном аспекте (на материале архангельских народных говоров и русского литературного языка). Петропавловск-Камчатский: КГПУ, 2006. 304 с.
4. Драчева Ю. Н. Структурно-семантические особенности наречий в современных вологодских говорах: автореф. дисс. ... к. филол. н. Вологда, 2011. 23 с.
5. Евграфова А. Е. Лексикографическое представление русских наречий в функционально-коммуникативном аспекте: дисс. ... к. филол. н. М., 2011. 265 с.
6. Игнатович Т. Ю. Восточнобайкальские говоры севернорусского происхождения в синхронном и диахронном аспектах (на материале фонетики и морфологии): автореф. дисс. ... д. филол. н. Улан-Удэ, 2013. 47 с.
7. Касьянова Е. А., Гришанова В. Н. Наречие времени в орловских говорах // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2013. № 4 (54). С. 291-294.
8. Панков Ф. И. Функционально-коммуникативная грамматика русского наречия: автореф. дисс. ... д. филол. н. М., 2009. 47 с.
9. Первухина Е. В. Наречия времени и пространства в архангельских народных говорах: семантический аспект: дисс. ... к. филол. н. М., 2002. 268 с.
10. Попов И. А. Наречие в русских народных говорах [Электронный ресурс]: введение диссертации (часть автореферата). URL: <https://www.dissercat.com/content/narechie-v-russkikh-narodnykh-govorakh> (дата обращения: 02.10.2020).
11. Русская грамматика: в 2-х т. / под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980. Т. 1. 784 с.
12. Русские говоры Приамурья: коллективная монография / под ред. В. Т. Садченко. Хабаровск: ДВГГУ, 2011. 204 с.
13. Савелова Л. А. Семантика и прагматика русских наречий: дисс. ... д. филол. н. Северодвинск, 2009. 386 с.
14. Садченко В. Т. К вопросу о вариативности наречий в русских говорах Приамурья // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2018. Т. XV. Вып. 1. С. 158-162.
15. Садченко В. Т. Словообразование диалектных производных глаголов, мотивированных именем существительным (на материале лексики русских говоров Приамурья) // Научный диалог. 2019. № 3. С. 103-116.
16. Словарь русских говоров Приамурья / авт.-сост. О. Ю. Галуза, Ф. П. Иванова, Л. В. Кирпикова, Л. Ф. Путятин, Н. П. Шенкевец. Благовещенск: БГПУ, 2007. 544 с.
17. Словарь русских народных говоров [Электронный ресурс] / ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов. URL: <https://iling.spb.ru/vocabula/srng/srng> (дата обращения: 02.10.2020).
18. Словарь русского языка: в 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: Русский язык, 1981. Т. 1. 698 с.; 1982. Т. 2. 736 с.; 1983. Т. 3. 752 с.; 1984. Т. 4. 794 с.
19. Словарь современного русского литературного языка [Электронный ресурс]: в 17-ти т. / под ред. В. И. Чернышьева. М. – Л.: АН СССР, 1948-1965. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01005588980> (дата обращения: 02.10.2020).
20. Смакауз Е. С. Деривационные особенности в сфере современного наречного образования: дисс. ... к. филол. н. Тюмень, 2008. 188 с.
21. Щерба Л. В. О частях речи в русском языке // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. М.: Наука, 1974. С. 77-100.

Classification of Adverbs in the Russian Dialects of the Trans-Amur Territory: Semantic Aspect

Dun Cinfey

Shanghai, the People's Republic of China
qinfei@mail.ru

Sadchenko Valentina Tarasovna, Dr
Pacific National University, Khabarovsk
ValentinaSadchenko@yandex.ru

The research objective is to describe the adverbs represented in the "Dictionary of the Russian Dialects of the Trans-Amur Territory" and to classify them. The existing classifications of literary and dialectal adverbs are compared; special attention is paid to the problem of adverbs variability. Scientific originality of the paper lies in the fact that the authors focus on studying poorly investigated vocabulary of a secondary dialect, namely, dialectal adverbs in the Russian dialects of the Trans-Amur Territory, identify the basic lexico-semantic groups of adverbs, describe their semantic peculiarities. The research findings are as follows: the authors introduce a semantic classification of the adverbs represented in the "Dictionary of the Russian Dialects of the Trans-Amur Territory".

Key words and phrases: adverb; Russian dialects; semantic classification.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.4>

Дата поступления рукописи: 04.11.2020

Целью исследования является реконструкция языкового образа человека на основе профессиональных характеристик субъекта. В статье предпринята попытка лингвистического анализа языкового содержания общекультурных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций, которыми должен обладать выпускник педагогического вуза. *Научная новизна* работы определяется прежде всего тем, что впервые языковой образ человека реконструируется на материале текста официально-делового стиля, в частности на материале Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования. Новизна также заключается в том, что характеристики языкового образа человека выявляются с учётом ситуации должностования. *Результаты* исследования убедительно иллюстрируют возможность воссоздания языкового образа человека на основе нормативного документа, в котором доминирующими представляются характеристики, связанные с профессиональной деятельностью.

Ключевые слова и фразы: языковой образ человека; официально-деловой стиль; процессуальная характеристика; текст образовательного стандарта.

Закирова Оксана Вячеславовна, к. филол. н., доц.

Яхина Алсу Фазыловна

Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета
anacko-05@yandex.ru; yahina_1995@mail.ru

Языковая репрезентация человека в тексте образовательного стандарта

Человек составляет центр языковой картины мира, и совокупность представлений о нём подлежит лингвистическому описанию. *Актуальность* данного исследования определяется его обращенностью к проблеме лингвистической реконструкции образа человека. Данная проблема не имеет однозначного решения в современной науке: нет единого подхода к пониманию природы языкового образа человека, отсутствует принятое всеми исследователями определение, недостаточно разработаны специальные методы лингвистической реконструкции и многое другое. Каждое новое исследование вносит вклад в уточнение теоретических основ описания образа человека в языке. Материалом исследования послужил Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки) (уровень бакалавриата), утвержденный 9 февраля 2016 года (далее – ФГОС) [11].

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие *задачи*: во-первых, представить теоретико-методологическую базу исследования на основании обобщения результатов изучения языкового образа человека в русле деятельностного подхода; во-вторых, провести лингвистический анализ содержания компетенций ФГОС; в-третьих, восстановить образ учителя, отраженный в ФГОС, опираясь на полученные языковые данные.

В соответствии с поставленными задачами применяется сочетание следующих *методов исследования*: индуктивный метод (систематизация и обобщение наблюдений над языковыми фактами в тексте ФГОС), компонентный и контекстологический анализ (изучение семантики контекстуального употребления языковых единиц, характеризующих профессиональные качества учителя), статистический метод, позволяющий выявить частотность анализируемых единиц, применялся анализ сочетаемости лексем.

Основой *теоретической базы* исследования послужили труды, посвященные описанию образа человека посредством языка, Ю. Д. Апресяна (1995) [2] и С. В. Черновой, Л. В. Калининой (2010) [16]. Вслед за С. В. Черновой и Л. В. Калининой под языковым образом человека нами понимается совокупность не-процессуальных и процессуальных характеристик субъекта [Там же, с. 9].

Практическая значимость исследования заключается в том, что содержащиеся в нём наблюдения и выводы могут быть использованы в вузовском преподавании таких дисциплин, как «Филологический анализ текста», «Стилистика», «Направления современного языкознания», спецкурсов по когнитивной лингвистике, лингвокультурологии. Полученные данные могут найти применение в процессе учебно-методической деятельности при создании учебных пособий, посвященных изучению языковой картины мира, лингвистической интерпретации текста.

Образ человека являет собой архисложную семантическую систему языковых репрезентаций индивида, которые неоднократно становились объектом изучения. Исследователями предпринимаются попытки как по осмыслению отображенных в языке отдельных характеристик индивида, так и по воссозданию посредством языка целостного образа человека. Ср.: И. А. Игнатов (2017) [6], О. В. Коротун (2002) [7], Е. В. Матвеева, Т. Ю. Ма (2016) [8], Л. Б. Никитина (2013) [9], М. П. Одинцова (2011) [12], Ю. С. Степанов (2001) [13], В. А. Телегина, Ю. Г. Синельников (2018) [14], Е. В. Урысон (2003) [15], А. Н. Шибанова 2017 [17] А. Д. Шмелев (2002) [18] и т.д.

Впервые масштабную попытку реконструировать образ человека как иерархическую интеграцию деятельностных систем на основе языковых данных предпринял Ю. Д. Апресян. Он отмечал, что человек в русской языковой картине мира предстает субъектом, выполняющим прежде всего «три различных типа действий – физические, интеллектуальные и речевые» [2, с. 39]. Кроме того, по мнению Ю. Д. Апресяна, человеку свойственны различные состояния и реакции на внешние и внутренние раздражители, за каждое из действий, состояний, реакций отвечает своя система («физические восприятия», «физиологические состояния», «физические действия и деятельность», «физиологические реакции», «желания», «эмоции», «интеллектуальная деятельность», «речь»), представленная в различных пластах лексики прежде всего существительными и глаголами. Например, система «эмоции» может быть представлена такими глаголами, как **любить**, **возмущаться** и т.д., а система «физиологические состояния» может быть выражена такими существительными, как **жажда**, **голод** и т.д. По мнению Ю. Д. Апресяна, обозначенные системы не являются статичными, а приводятся в действие некими силами и способностями [Там же, с. 40-43]. Идея о вовлеченности человека в тот или иной вид деятельности была развита С. В. Черновой и Л. В. Калининой и легла в основу разработанного ими деятельностного подхода к описанию целостного образа человека, согласно которому «характеристики человека, отраженные в языковых формах, интерпретировались с точки зрения того, как они сказываются на его деятельности в разного рода жизненных ситуациях, при исполнении человеком разного рода социальных ролей» [16, с. 9].

Процессуальные характеристики связаны с различными видами деятельности человека (физической, мыслительной, речевой и т.д.). В современном обществе значимыми мыслятся в первую очередь профессиональная деятельность и соответствующие характеристики субъекта, отраженные в профессиональных стандартах. В настоящем исследовании была проведена реконструкция языкового образа учителя посредством анализа текста ФГОС, нормативного документа, специфическим свойством которого является выражение должностования, то есть описание ситуации с позиции её обязательности. В тексте стандарта зафиксированы требования, предъявляемые к реализации образовательной программы государственным образовательным учреждением, в число требований включены компетенции, которыми должен обладать выпускник для успешного осуществления профессиональной деятельности, то есть передается предписанность осуществления действия, которая предопределяется в числе прочего принадлежностью субъекта к социальной группе и выполнением обязанностей, обусловленных социальными установками в определенной сфере деятельности [5, с. 116-118]. В рамках исследования понятие «компетенция» понимается нами как отраженная в языковых формах процессуальная характеристика субъекта, относящаяся к его профессиональной деятельности. Ср.: «Компетенция – это способность применять знания, умения и личностные качества для успешной деятельности в определенной области» [1, с. 23]. В требованиях, предъявляемых к результатам освоения программы бакалавриата, говорится о комплексе компетенций, которыми должен обладать выпускник, следовательно, совокупность компетенций можно рассматривать как словесную репрезентацию образа учителя, каким его видят разработчики ФГОС. Проблема вычленения профессиональной характеристики субъекта определяется сложной семантико-синтаксической организацией высказывания, представляющего компетенцию. В ФГОС представлено 29 компетенций, объединенных в три перечня (общекультурные, общепрофессиональные, профессиональные) и оформленных как составные части предвещающих их предложений.

В каждом из трёх блоков компетенций исходной является конструкция с семантикой должностования, где главный компонент предстает прилагательным **должен** в значении «обязан делать что-либо, обладать каким-либо качеством», а подчинённый компонент выражен «объектным» инфинитивом **обладать** в значении «иметь что-либо в числе своих характерных качеств, свойств». Здесь и далее значения слов дается по Большому толковому словарю русского языка под редакцией С. А. Кузнецова [3]. Таким образом, субъект действия, выпускник вуза, должен обладать набором профессиональных качеств, или компетенций.

Высказывание, раскрывающее компетенцию, включает слово, в контексте заменяющее термин «компетенция» в предвещающей конструкции «выпускник, освоивший программу бакалавриата, должен обладать...», образует словосочетание, образованное по модели инфинитив + существительное в форме творительного падежа. В документе такими входящими в состав словосочетания лексемами выступают существительные:

способность «возможность, умение осуществлять какую-либо деятельность», **готовность** «согласие, желание сделать что-либо», **владение** отсылает к семантике производного глагола владеть «уметь, быть в состоянии действовать чем-либо, обладать какими-либо способностями знаниями, навыками». Словарные толкования свидетельствуют о том, что рассматриваемые лексемы объединены семами «действие», «деятельность». Субъект представлен как активный деятель, который обладает умением и желанием осуществлять деятельность, связанную с его будущей профессией. Например, существительное **готовность** впитало семантику прилагательного **готовый**, характеризующего субъекта как намеренного совершить определенное действие, которое приведёт его к намеченной цели [10, с. 237].

Для реконструкции образа учителя недостаточно ограничиваться анализом семантики рассматриваемых существительных, необходимо проследить их синтаксическую валентность в тексте ФГОС. Лексема **владение** управляет формой творительного падежа существительного **основа**, которое в контексте мыслится неотрывно от существительных **этика** и **культура** в форме родительного падежа. Ср.: «...владением основами профессиональной этики и речевой культуры» [11]. Основы этики и культуры речи понимаются как инструмент профессиональной деятельности будущего педагога для достижения образовательной цели.

Лексемы **способность** и **готовность** в большинстве случаев занимают позицию главного компонента конструкции «существительное + инфинитив». Подобные словосочетания выражают способность и расположение к действию [4, с. 294]. В тексте документа в данной конструкции слово **способность** встречается 18 раз, слово **готовность** употреблено 4 раза. Позицию инфинитива, называющего действие, в непосредственную реализацию которого вовлечен субъект, занимают глаголы несовершенного вида континуального значения, свидетельствующие о сверхдолгой продолжительности процесса, среди которых глагол **работать** с ядерным значением «трудиться» и глаголы, называющие действия, направленные на применение чего-либо, способствующего деятельности человека (**использовать**); на создание интеллектуального продукта (**проектировать**, **разрабатывать**); на материализацию замысла (**осуществлять**, **реализовывать**); на сохранение свойств и качеств объекта (**поддерживать**); на познание окружающей действительности (**анализировать**, **решать**, **выявлять**, **сознавать**, **воспринимать**); на положительные изменения объекта (**формировать**, **развивать**); на регулирование деятельности других субъектов (**организовать**, **руководить**); на приобретение характерных качеств, свойств (**обладать**).

Будущий учитель должен быть способен и готов осуществлять разные виды деятельности: интеллектуальную, творческую, организаторскую, социальную и т.д.

Представленные лексемы, в свою очередь, управляют существительными, конкретизирующими объект действия. В большинстве случаев используется конструкция «инфинитив + существительное в форме винительного падежа множественного числа без предлога», реже существительное употребляется в форме единственного числа творительного и предложного падежа. Приведем перечень словоформ, сопроводив их глаголами, с которыми они образуют данную модель словосочетания: **знания, приемы, методы, технологии, возможности, основы** (**использовать**); **программы, маршруты, траектории** (**проектировать**); **программы** (**использовать**, **разрабатывать**, **реализовывать**); **обучение, воспитание, развитие, сопровождение** (**осуществлять**); **уровень, активность, инициативность, самостоятельность** (**поддерживать**); **сотрудничество** (**организовывать**); **деятельностью** (**руководить**); **способности** (**развивать**); **этапы, закономерности** (**анализировать**); **задачи** (**решать**); **значимость** (**сознавать**); **различия** (**воспринимать**); **потребности** (**выявлять**, **формировать**); **в команде** (**работать**); **мотивацией** (**обладать**). Названные лексемы, в свою очередь, входят в качестве главных слов в сочетании с другими существительными, уточняющими семантику главного слова, образуя цепочку последовательно подчиненных существительных, падежная система которых представляет собою целостную единицу значения. Ср.: **методы и технологии обучения и диагностики**; **возможности образовательной среды**; **сотрудничество обучающихся**; **сопровождение учебно-воспитательного процесса**; **образовательные маршруты обучающихся**; **образовательные программы**; **учебно-исследовательская деятельность обучающихся**, **мотивация к осуществлению профессиональной деятельности** и т.д. Ср.: «...осуществлять педагогическое сопровождение социализации и профессионального самоопределения учащихся» [11]; «...решать задачи воспитания и духовно-нравственного развития обучающихся в учебной и внеучебной деятельности» [Там же]; «...осуществлять обучение, воспитание и развитие с учётом социальных, возрастных, психофизических и индивидуальных особенностей...» [Там же]; «...руководить учебно-исследовательской деятельностью обучающихся» [Там же]. Приведенные примеры показывают, что сложноорганизованный процессуальный признак конкретизируется включением лексем, связанных значением «образовательная деятельность», ср.: **учебно-исследовательский, учащиеся, образовательный, обучение, педагогический** и т.д.

В анализируемом тексте существительные **готовность** и **способность** выступают также главными компонентами в моделях «существительное в форме творительного падежа + предлог (к) + существительное в форме дательного падежа» и «существительное в форме творительного падежа + существительное в форме творительного падежа». Существительные в зависимой позиции передают представление о процессе, действии, которое ожидают от субъекта образовательного процесса (коммуникация, самоорганизация, самообразование, сопровождение, деятельность, обеспечение, взаимодействие). Ср.: «...способностью к коммуникации в устной и письменной формах...» [Там же], «...способностью к самоорганизации и самообразованию» [Там же]; «...готовностью к психолого-педагогическому сопровождению учебного процесса» [Там же]; «...готовностью к взаимодействию с участниками образовательного процесса» [Там же]. В приведенных примерах ключевые языковые единицы, образующие компетенции, прямо или опосредованно объединены семантикой деятельности и изображают процессуальные характеристики в ситуации долженствования. В соответствии с представлениями разработчиков ФГОС выпускник педагогического вуза должен сформироваться как деятельная личность. Его долг перед обществом – осуществление профессиональной деятельности:

обучение, воспитание, духовное развитие учащихся; поддержка физического и психического состояния учеников; применение полученных знаний в преподавании и внедрение в обучение новых технологий; разработка образовательных продуктов и т.д. Будущий педагог выступает носителем определенных профессиональных обязанностей перед социумом, осознает эти обязанности и реализует в образовательной деятельности.

Таким образом, лингвистический анализ текста ФГОС позволил сделать следующие **выводы**:

- образ человека принципиально можно реконструировать на основе текста официально-делового стиля, в частности на основе нормативного документа, в котором прописаны требования к профессиональным качествам работника;

- в тексте ФГОС языковой образ человека предстает как обобщенное представление об учителе, воплощенное в совокупности процессуальных характеристик (компетенций), обладание которыми предписано выпускнику педагогического вуза в соответствии с требованиями, предъявляемыми к учителю в современном обществе;

- в образовательном стандарте содержащиеся процессуальные характеристики учителя высказывания имеют сложную семантико-синтаксическую организацию, представленную различными типами взаимной связи глагольных и именных синтаксисом, что определило направление анализа, производившегося с учетом сочетаемости лексем в контексте;

- в изображении процессуальных характеристик преобладают языковые средства, выражающие ментальную активность человека, учитель в тексте ФГОС представляется как субъект творческий, обладающий критическим мышлением и организаторскими способностями;

- языковой образ учителя, реконструированный на основе контекста, выражающего идею должностования, предстает как желательный, образцовый, которому рекомендуется соответствовать выпускнику педагогического вуза.

Перспективы данного исследования видятся нам прежде всего в изучении динамики представлений об учителе в федеральных государственных образовательных стандартах разных поколений. Перспективу исследования может составить также обращение к текстам иных профессиональных стандартов с целью реконструкции языкового образа человека на основе деятельностного подхода.

Список источников

1. Азарова Р. Н., Золотарева Н. М. Разработка паспорта компетенции: методические рекомендации для организаторов проектных работ и профессорско-преподавательских коллективов вузов. Первая редакция. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов; Координационный совет учебно-методических объединений и научно-методических советов высшей школы, 2010. 52 с.
2. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 2. С. 37-67.
3. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
4. Грамматика русского языка: в 2-х т. М.: Издательство Академии наук СССР, 1960. Т. 2. Ч. 1. Синтаксис. Словосочетание. Предложение. 702 с.
5. Долженствительное наклонение // Русская грамматика: в 2-х т. / гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1982. Т. 2. 710 с.
6. Игнатов И. А. Реконструкция образа человека как личности на основе его непроцессуальных и процессуальных характеристик и идиостиля // Вестник Вятского государственного университета. 2017. № 6. С. 57-65.
7. Коротун О. В. Образ-концепт «Внешний человек» в русской языковой картине мира: дисс. ... к. филол. н. Омск, 2002. 193 с.
8. Матвеева Е. В., Ма Т. Ю. Антитеза как способ языковой объективации образов персонажей в романе И. Шоу «Богач, бедняк» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 8 (62). Ч. 1. С. 132-135.
9. Никитина Л. Б. Архетипические истоки современных языковых репрезентаций человека в его интеллектуальной ипостаси // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 2 (293). С. 120-127.
10. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под ред. Ю. Д. Апресяна. Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: Школа «Языки славянской культуры», 2003. 1488 с.
11. Об утверждении Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки) (уровень бакалавриата) [Электронный ресурс]: Приказ Минобрнауки РФ № 91 от 9 февраля 2016 г. URL: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvob/440305.pdf> (дата обращения: 11.06.2020).
12. Одинцова М. П. К теории образа человека в языковой картине мира // Образ-концепт «человек» в русской языковой картине мира: ипостаси, параметры, семантические и семантико-синтаксические категории, модели и субмодели, коммуникативно-прагматические реализации: монография / под ред. О. В. Коротун, Н. Д. Федяевой. Омск: Вариант-Омск, 2011. С. 12-15.
13. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: Академический Проект, 2001. 990 с.
14. Телегина В. А., Синельников Ю. Г. Лингвокультурный образ женщины-политика в предвыборной картине Франции // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 3 (81). Ч. 1. С. 182-184.
15. Урысон Е. В. Проблемы исследования языковой картины мира: аналогия в семантике. М.: Языки слав. культуры, 2003. 224 с.
16. Чернова С. В., Калинина Л. В. Интерпретация образа человека как лингвистическая проблема // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2010. № 2 (2). С. 8-14.
17. Шибанова А. Н. Языковые средства создания образа Александра I в исторической прозе Р. М. Зотова // Вестник Нижегородского университета. 2017. № 3. С. 272-277.
18. Шмелев А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М.: Языки славянской культуры, 2002. 496 с.

Linguistic Representation of Person in Educational Standard Text

Zakirova Oksana Vyacheslavovna, PhD

Yahina Alsu Fazylovna

Elabuga Institute of Kazan Federal University
anacko-05@yandex.ru; yahina_1995@mail.ru

The study aims to reconstruct the linguistic image of a person on the basis of a subject's professional characteristics. The article attempts to carry out a linguistic analysis of language content of the universal cultural, general professional and professional competences, which are expected of a pedagogical university graduate. Scientific novelty of the work is determined, above all, by the fact that the linguistic image of a person is for the first time reconstructed using a text of the official style, in particular, the federal state educational standard of higher education as the research material. The work is also novel in that the characteristics of a person's linguistic image are identified with regard to a situation of obligation. The research findings convincingly illustrate possibility of recreating a person's linguistic image on the basis of a normative document, the dominant characteristics of which are those associated with professional activity.

Key words and phrases: person's linguistic image; official style; procedural characteristics; educational standard text.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.5>

Дата поступления рукописи: 26.10.2020

Цель исследования – лингвокультурологическое описание лексики пищи и напитков в русских старожильческих говорах Обь-Иртышского междуречья. **Научную новизну** составляет изучение ее национально-культурной специфики. **Анализируемая лексика семантизируется, сопровождается культурологическими комментариями. Полученные результаты** показали, что лексика пищи и напитков неоднородна по происхождению, включает собственно русские и заимствованные от контактных этносов названия. Ее основу составляют наименования выпечных изделий, супов, каш, рыбных и молочных продуктов. Мотивирующими признаками являются названия ингредиентов, способы приготовления и употребления, назначение, специфические свойства блюд, особенность воздействия на организм человека.

Ключевые слова и фразы: русские старожильческие говоры Обь-Иртышского междуречья; лексика пищи и напитков; заимствования; лингвокультурология.

Исламова Юлия Валерьевна, к. филол. н., доц.

Бакшеева Марина Геннадьевна, к. филол. н., доц.

Югорский государственный университет, г. Ханты-Мансийск
ishyv@yandex.ru; baksheeva.marina@yandex.ru

Лексика пищи и напитков в русских старожильческих говорах Обь-Иртышского междуречья

Диалектологические исследования в настоящее время не теряют **актуальности**. Территориальные формы русского национального языка изучаются в структурном, лексикографическом, когнитивном, прагматическом и других аспектах. Согласно известному постулату, язык и культура тесно связаны между собой, что определяет диалектную лексику как ценнейший источник лингвокультурной информации. Современные глобализационные процессы ускоряют унификацию русских говоров. В этой связи очевидна необходимость сбора и фиксации лексики русских старожильческих говоров Обь-Иртышского междуречья, не изученной до настоящего времени, и описания ее национально-культурной специфики.

Для достижения цели решаются следующие **задачи**: определить состав диалектной лексики пищи и напитков в русских говорах Обь-Иртышского междуречья, представить интерпретацию ее семантики в лингвокультурном аспекте, выявить лексические факты, обусловленные межкультурным контактированием русского старожильческого населения с коренными народами севера Западной Сибири.

Анализируемый материал получен с использованием традиционного для диалектологических исследований полевого **метода**, реализованного в таких формах, как беседа с информантами, интервью, непосредственное наблюдение. Диалектная лексика описывалась с помощью семантического, этимологического, интерпретативного, лингвокультурологического методов.

Материал был собран на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в период с 2013 г. по 2019 г. Объем исследованной в работе лексики составляет 47 единиц. В качестве информантов привлекались люди старшего возраста, уроженцы ХМАО-Югры, проживающие в сельской местности.

Теоретической базой исследования послужили работы отечественных и зарубежных лингвистов. Актуальные вопросы фонетики, лексики и грамматики диалектов рассматривают О. Д. Сурикова [20], К. В. Осипова [16], Саймон Барнс-Сэдлер, Джейхун Ен [21], к диалектной ономастике обращаются С. А. Сажина [19], А. Стафецка [23], лексикографические аспекты диалектологии изучают И. Б. Качинская, Д. В. Сичинава [11], С. С. Земичева, Е. В. Иванцова [9], К. Андерсен [1], языковую диалектную личность описывает Е. Д. Бондаренко [4], диалектная лингвокультурология является предметом исследования в работе А. Феррейра, С. Т. Камассагрета, А. Грейзе [22].

Значительный интерес демонстрируют исследователи к диалектной лексике пищи и напитков. В отечественной диалектной лексикологии данная тематическая группа изучается на материале сибирских (Л. Г. Гынгазова, Е. В. Иванцова [5; 6]), ульяновских (Я. В. Мызникова [14]), самарских (Т. Е. Баженова [2]), орловских (Т. В. Бахвалова [3]), донских (М. А. Рыблова [18]), воронежских (Л. В. Недоступова [15]) говоров, говоров Якутии (И. П. Павлова, А. Ю. Булдакова [17]), Приамурья (С. Ли [13], Ю. Г. Захарова, О. А. Приезжих [7]), Прикамья (Ю. В. Зверева [8]).

Практическая значимость исследования определяется:

1) расширением знаний о культуре и истории русского старожильческого населения Обь-Иртышского междуречья через вербализацию понятий питания;

2) возможностью использования собранных материалов в лексикографической практике при составлении словаря русских старожильческих говоров Обь-Иртышского междуречья;

3) применением в проектной деятельности в школе и вузе в рамках лингвокраеведения, региональной лексикологии и русской этнографии;

4) использованием при проведении сравнительно-сопоставительного анализа лексического материала различных групп говоров в научных диалектологических исследованиях.

Русские старожильческие говоры Обь-Иртышского междуречья генетически связаны с говорами Русского Севера. В первой волне русских переселенцев, образовавших костяк населения Северо-Западной Сибири, преобладали выходцы из Устюга Великого, Сольвычегодска, Каргополя, Холмогор, Вятки. Они принесли с собой свой язык и свою культуру, позднее испытавшие на местной почве влияние иноязычного и инодиалектного окружения. В результате в диалектах Западно-Сибирского региона сложился своеобразный языковой комплекс, в котором сохранились языковые черты «материнской основы», т.е. черты севернорусского наречия, и черты, возникшие под влиянием языков коренных жителей исследуемых регионов [12, с. 7].

Пища представляет собой один из самых важных и самых древних компонентов материальной культуры человечества. Еда национально специфична, определяется социально-экономическими условиями, межэтническими контактами, народными традициями. Изменчивая во времени, пища в то же время отличается известной устойчивостью, способностью приспосабливаться к меняющимся реалиям действительности. Она издревле выполняет различные социальные и обрядовые функции. В ней отражены старинный быт, исконное мировоззрение (мифологические представления, языческие и христианские верования), архаическая символика [10, с. 3]. В силу преемственности и традиционности пищи ее обозначения заключают в себе важную информацию не только о культуре народа, но и об истории его языка. В этой связи лексика пищи является ценным источником лингвокультурологических исследований.

В русских старожильческих говорах тематическая группа «Пища, напитки» хорошо разработана. В ней имеются как обобщенные названия, мотивированные разными основаниями, так и названия отдельных блюд и питья. Общие названия пищи отражают способ приготовления, назначение, оценку, дают органолептическую характеристику. Зафиксировано отдельное наименование группы продуктов, запрещенных во время христианских религиозных постов.

Еда для повседневного употребления в лексиконе русских старожил Обь-Иртышского междуречья имела название *едовая*. Такое наименование отличало ее от пищи, приготовленной впрок, на продажу или для кормления собак: *неедовая мука* ‘мука, из которой не готовят выпечные изделия, а добавляют в другие блюда и напитки, например квас’.

Жареные блюда, предназначенные для однократного употребления, называли *жарёха*. Жареху готовили из рыбьих потрохов: *жареха из кишков щуки*. Жарехой называли и жареные грибы.

Обычно русская трапеза заканчивалась чаепитием. Чай с сахаром, топленным молоком пили и между приемами пищи. К нему полагалась *прикуска* ‘закуска к чаю’. Чаще всего в качестве прикуски подавались пироги, оладьи, блины или другие мучные изделия.

Булочки, пирожки и другие любимые русским населением печёные мучные изделия имели общее название *постряпушки*.

Русское старожильческое население было компактно сосредоточено в низовьях Иртыша, Нижне-Среднем Приобье, однако расстояние между населенными пунктами могли быть значительными. Поэтому у местного населения была необходимость в пище, которую можно было брать с собой, отправляясь в долгий путь. Собираясь в дорогу, готовили еду, которая длительное время не портилась, могла хорошо и надолго утолить голод. Названия блюд в дорогу мотивировались их назначением, обобщенно их называли *подорожники*.

Во время православных постов налагался запрет на пищу животного происхождения. Она называлась *молосной*. К ней относились яйца, пироги, кулебяки, блины, молочные продукты и пр.: – *После заутрени молосным разговлялись*.

В русских старожильческих говорах отмечены общие названия неудавшейся, невкусной пищи. Неполучившиеся жидкие блюда называли *бурдамагой*: – *Сварила бурдамагу – вот и ешь сама!*

Про недосоленную пищу говорили, что она *неводосоль*: – *Посоли суп, а то неводосоль*.

Традиционно одно из главных мест в русской кухне занимали жидкие блюда – супы. Они хорошо насыщают, согревают в холодное время года, многие из них просты в приготовлении и готовятся из тех продуктов, которые всегда под рукой независимо от времени года. Обозначения первых блюд мотивированы названием основных компонентов, консистенцией, способом употребления.

Находясь далеко от дома, в поле, лесу, на реке, на скорую руку варили *болтушку* ‘жидкое блюдо из заваренной кипятком муки’. Болтушкой называли и блюда, приготовленные из продуктов, которые были под рукой: – *Из ничего болтушку сварила*.

Суп могли готовить на основе молока. Добавляли в него крупно нарезанный картофель и свежую капусту. Картофель вынимали и ели, запивая молоком. Отсюда название *прихлебка*.

Сезонное блюдо – грибной суп называли *грибница*: – *Грибницу надо сметанкой забелить*.

Помимо традиционных, русские старожилы готовили первые блюда и по перенятым от контактных этносов на разных этапах формирования говора рецептам.

В числе названий супов встретились лексемы тюркского (*щерба*) и арабского происхождения (*шурпа*).

Бульон, из которого вынули рыбу, называли *шерба* или *щерба*. – *Особенно ценилась щерба из муксуна*.

Уху – рыбный суп с картофелем и различными приправами называли *шурпа*: – *На костре шурпа особо хороша!*

Стол русского старожильческого населения был немислим без выпечных мучных изделий. Пекли хлеб, несладкие открытые и закрытые пироги, блины, разнообразные сдобные изделия. Выпечка готовилась и по праздникам, и в будние дни.

Пекли закрытые пироги с начинкой из мяса – *курники*.

Готовили *шаньги/шанежки* – подобие ватрушек, которые могли начинять толченым картофелем, творогом, отварной морковью, сметаной.

Низкокачественный хлеб из ржаной муки называли *аржанина*. – *От аржанины животы пучит*.

Одним из популярных видов выпечки были *каральки* ‘маленькие калачи’.

Выпечка могла стать основой для приготовления напитка. Домашнее пиво готовили из сусли и кваса. Последний готовили из *квасника* ‘толстой лепешки из отрубей, испеченной на поду’.

К праздникам обязательно ставили сдобное тесто, из которого пекли фигурные булочки, называемые *финтиклюшками*.

По особым торжественным случаям готовили *роженцы/розанцы* ‘выпечное изделие в виде розы’. Замешивали жидкое тесто, как на блины, в раскаленном жире нагревали форму, затем опускали ее в тесто и снова опускали в жир. Для приготовления роженцев требовалось много жира, поэтому готовили *роженцы*, когда резали скот.

По большим праздникам пекли торт из блинов – *блинчатый*.

Основу рациона местного населения составляла рыба, в изобилии водившаяся в больших и малых реках, бесчисленных озерах. Ее могли есть сырой, из нее готовили первые блюда, жарили, запасали впрок. Некоторые способы приготовления зависели от времени года. Летом готовили малосольную рыбу, зимой – блюда из сырой нарезанной рыбы.

Русские старожилы были рачительными хозяевами, все, что могло быть съедобным, не пропадало зря. При обработке большого улова внутренности рыбы не выбрасывали. Печень, плавательные пузыри, жир, икру, чистую часть кишок, тешу варили на медленном огне, пока смесь не потемнеет и не станет густой. Это блюдо называли *варкой/баркой*. *Варка* считалась лакомством, ее могли есть вместе с сушеной рыбой.

Одним из любимых рыбных блюд была *колодка* ‘непотрошенная, вяленая рыба’. Процесс приготовления колодки достаточно длительный. Сначала рыбу солили на протяжении месяца под гнетом, затем вялили на открытом воздухе.

Не менее популярной была *малосолка* ‘малосольная рыба’. Рыбу засаливали и ели практически сразу после вылова.

Зимой готовили *строганину* – наструганную тонкими ломтиками крупную рыбу.

Русское старожильческое население пополнило свой рацион блюдами, перенятыми от контактного хантыйского народа. Ханты, стремясь обеспечить себя полноценным рационом в межсезонье, когда вылов рыбы был затруднительным, использовали различные, веками проверенные способы заготовки рыбы впрок. Русские переселенцы готовили рыбу по их рецептам, усваивая вместе с ними названия продукта.

Одно из них – *натанка*, от хант. *натан кул* ‘мерзлая рыба’ – то же, что и строганина.

Рыбу могли есть только что пойманной. Сырую посоленную рыбу называли *саграмка*.

Впрок рыбу могли заготавливать способом сушки. Сырую рыбу (чебаки, подъязки) распластывали, удаляли кости, делали поперечные надрезы. Затем помещали под навес на проветриваемом месте для сушки. Приготовленную таким образом рыбу называли *пиндер*.

Позем готовился схожим образом. Рыбу разрезали вдоль спины, удаляли внутренности и кости, отрезали хвост и голову. Распластанную тушку надрезали вдоль и поперек квадратами для лучшего просушивания, потом развешивали на шестах под солнцем. Для позема брали крупную рыбу: щуку, нельму, муксуна.

Повседневным блюдом у русского старожильческого населения были каши, которые готовили разными способами. Рецепты одних были сложными, другие включали ингредиенты, которые всегда были в доме. Жизнь сельского населения была насыщена различными видами работ. Нагрузка особенно возрастала в весенне-осенний период, когда людям необходимо было обеспечить себя на долгую сибирскую зиму продовольствием, топливом и пр. Поэтому в это время готовилась простая пища, не требующая значительных усилий в приготовлении.

Просовая каша ‘пшённная каша’ являлась одним из основных блюд в рационе русских старожилков.

Заваруха ‘каша из муки, заваренная кипятком’ была популярна за простоту и быстроту приготовления.

Часто готовили *саламат/соломат/саламата/соломата* ‘мучной кисель или жидкая мучная каша на масле; мука, поджаренная в жиру’.

Праздничным блюдом, лакомством была *кулага* ‘кушанье из солода и муки в виде полужидкого теста, кисло-сладкого вкуса’. Подавали холодной и горячей; ели, макая кусочки хлеба. Кулагу готовили из разных ингредиентов. По одному из рецептов замешивали густое тесто из черемуховой муки, солода и теплой воды, давали постоять в теплом месте – «посолодеть», затем разбавляли кипятком, клали кусочек

ржаного хлеба и отправляли киснуть в теплое место на одни сутки. Утром горшок ставили в печь «попреть». К вечеру кулага была готова.

Лексика, обозначающая мясную пищу, в говорах Обь-Иртышского междуречья менее разнообразна.

Для длительного хранения вялили предварительно посоленные под гнетом свиные окорока, так называемые *кумпяки*.

Праздничным блюдом, появлявшимся на столе только зимой, считался студень. В лексиконе русских старожилов – *дрожалка* или *холодец*.

Для жарки картофеля использовали *ошурки* – шкварки ‘сало обжаренное до сухости’.

В пищу употребляли субпродукты. *Осердием* называли ‘ливер’. Пирожки из ливера – *осерденными*.

Названия запеченных блюд и блюд из овощей единичны, возможно, в силу того, что перечень возделываемых населением овощных культур не отличался разнообразием. На северной территории могли вызревать только корнеплоды.

Ценным продуктом считалось запеченное *молозиво*. Первое после отёла коровы молоко запекали в печи. По консистенции оно напоминало яичницу.

В качестве лакомства для детей готовили *парёнки* ‘томлённые и подсушенные в русской печи сладкие овощи: свёкла, морковь, турнеп’.

При нехватке времени или отсутствии других продуктов готовили *печёнки* ‘печёная картошка в кожуре’. Картофель запекали в печи, на костре.

Когда в доме имелись необходимые продукты, варили *селянку* ‘тушёную картошку с мясом, рыбой либо с грибами’.

Лексика напитков в исследуемых говорах представлена отдельными названиями. Русские старожилы готовили алкогольные и безалкогольные напитки на основе мёда, дикорастущих ягод, злаков, молока.

Зафиксировано общее название алкогольных напитков – *брашно* ‘вино, алкогольные напитки’: – *Оё, опеть брашно напился!*

Алкогольный напиток на меду или сахаре назывался *медовухой* или *бражкой*.

Кисломолочный напиток, получаемый путем сквашивания молока, называли *простоквашей*.

Выводы. Таким образом, лексическая группа пищи и напитков в русских старожиловских говорах Обь-Иртышского междуречья представлена названиями супов, каш, выпечных изделий, запеченных блюд, молочных продуктов. Особое место в ней занимают названия рыбной пищи. Питание русских старожилов не отличалось значительным разнообразием, включало в себя доступную по времени года еду. Выверенные веками традиции позволяли русским старожилам противостоять суровым природным условиям севера Западной Сибири.

Семантика исследуемой лексики отражает названия ингредиентов, способы приготовления, свойства блюд, этнические традиции. Вследствие того, что русские старожиловские говоры Обь-Иртышского междуречья являются говорами вторичного образования, тематическая группа пищи и напитков в них включает в себя лексику, известную другим говорам северо-русского наречия, а также собственно диалектные языковые единицы, появившиеся в лексиконе русского старожиловского населения в результате межкультурного контактирования с коренным хантыйским этносом.

Анализируемая лексика отражает культуру русских переселенцев, сформировавшуюся в отдалении от других территорий России, определяемую суровыми климатическими условиями региона, иноэтническим окружением.

Проведенное исследование представляется *перспективным*. В дальнейшем рассмотренная в работе лексика может быть использована для изучения диалектной языковой картины мира русского старожиловского населения Обь-Иртышского междуречья в психолингвистическом аспекте.

Список источников

1. **Андерсен К.** Возможен ли контактно-индуцированный синкретизм? Корпусное исследование двуязычной вербальной морфологии разговорного немецкого языка в русской Сибири // Вопросы языкознания. 2019. Вып. 6. С. 94-112.
2. **Баженова Т. Е.** Типы лексических диалектных различий как характеристика тематической группы «Питание» в самарских говорах // Вестник Самарского университета. Серия «История, педагогика, филология». 2016. № 3. С. 123-130.
3. **Бахвалова Т. В.** Орловские говоры: этнокультурные традиции в лексике питания // Вестник Костромского государственного университета. 2017. Т. 23. № 1. С. 18-21.
4. **Бондаренко Е. Д.** Диалектные различия в языковом сознании жителей Русского Севера (на материале оппозитивных контекстов) // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2017. Т. 19. Вып. 4. С. 47-62.
5. **Гынгазова Л. Г., Иванцова Е. В.** Трансформация сибирской пищевой традиции в дискурсе диалектной языковой личности: напитки // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 50. С. 17-35.
6. **Гынгазова Л. Г., Иванцова Е. В.** Трансформация сибирской пищевой традиции в дискурсе диалектной языковой личности: продукты и блюда // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. № 6 (44). С. 20-35.
7. **Захарова Ю. Г., Призжих О. А.** Лексико-семантическая группа «Пища» в русских говорах Приамурья // Studia Humanitatis. 2019. № 3.
8. **Зверева Ю. В.** Лексика питания в коми-пермяцком языке: заимствования из русских говоров Пермского края // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2019. Т. 11. № 2. С. 23-33.
9. **Земичева С. С., Иванцова Е. В.** Диалектный корпус как новый ресурс областной лексикографии // Вестник Томского университета. 2019. № 446. С. 15-20.
10. **Карасёва Т. В.** Названия пищи в воронежских говорах: этнолингвистический аспект: автореф. дисс. ... к. филол. н. Воронеж, 2004. 23 с.

11. Качинская И. Б., Сичинава Д. В. О корпусе диалектных текстов в Национальном корпусе русского языка // Вопросы лексикографии. 2017. № 11. С. 71-85.
12. Кошкарёва А. М. Очерки сибирской словесности: учебное пособие. Нижневартовск: НГГУ, 2010. 182 с.
13. Ли С. Не хлебом единым (названия хлебобулочных изделий в русских говорах Приамурья) // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. 2015. № 12. С. 49-53.
14. Мызникова Я. В. Наименования пищи в говорах Ульяновской области (по материалам экспедиций по программе ЛАРНГ) // Лексический атлас русских народных говоров: материалы и исследования. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2015. С. 413-422.
15. Недоступова Л. В. Домашняя утварь и её использование в селе Подгорном Воронежской области // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2020. № 1. С. 151-159.
16. Осипова К. В. Названия спиртных напитков на Русском Севере: этимолого-этнолингвистический анализ // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 56. С. 146-165.
17. Павлова И. П., Буддакова А. Ю. Лексико-семантическая группа «Еда» в русских старожильческих говорах Якутии // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 2. С. 346-349.
18. Рыблова М. А. Обрядовая трапеза донских казаков: от повседневного к сакральному // Этнографическое обозрение. 2017. № 3. С. 167-181.
19. Сажина С. А. Словоизменение личных местоимений в верхнекамском наречии коми-пермяцкого языка // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2018. № 4. С. 50-59.
20. Сурикова О. Д. Архаическая социальная лексика в северных причитаниях Е. В. Барсова // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2019. Т. 21. Вып. 2. С. 227-240.
21. Barnes-Sadler S., Yeon J. Diaspora varieties of Korean: Morpho-syntactic contrasts in Koryo Mar and Vernacular Yanbian Korean // *Lingua*. 2019. Vol. 231. P. 111-121.
22. Ferreira A., Tassita K., Greize A. Religion and beliefs: A dialectological study for cemetery/holi field and soul/haunting/livusia variants in tocantis-to // *Humanidades & Inovacao*. 2019. Vol. 14. P. 20-32.
23. Staficka A. Latgalian surnames as a source of research in dialectology and language contact studies // *Dialectologia et geolinguistica*. 2019. Vol. 27. № 1. P. 35-50.

Food and Drink Vocabulary in the Russian Old-Timers' Dialects of the Ob-Irtysch Interfluve

Islamova Yuliya Valeryevna, PhD
 Baksheeva Marina Gennad'evna, PhD
 Yugra State University, Khanty-Mansiysk
 islyv@yandex.ru; baksheeva.marina@yandex.ru

The paper aims to present a linguo-culturological description of food and drink vocabulary in the Russian old-timers' dialects of the Ob-Irtysch interfluve. Scientific originality of the research involves revealing national and cultural specificity of the lexical units under study. The lexicographical description is accompanied with culturological commentaries. The findings indicate that food and drink vocabulary has a heterogeneous etymological structure and includes the original Russian names and words borrowed from neighbouring languages. The names of baked food, soups, porridges, fish and dairy products form the nucleus of this vocabulary. The following motivation features of food and drink names are identified: ingredient names, cooking techniques and serving suggestions, specific features of a meal, its influence on the human organism.

Key words and phrases: Russian old-timers' dialects of the Ob-Irtysch interfluve; food and drink vocabulary; borrowings; linguo-culturology.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.6>

Дата поступления рукописи: 03.11.2020

Цель настоящего исследования – определить синтаксическую сущность местоименных конструкций «*между тем*», «*вместе с тем*», «*тем не менее*». В статье рассматривается вопрос пунктуационного оформления названных словосочетаний; анализируется возможность отнесения данных элементов языка к классу вводных конструкций. **Научная новизна** заключается в том, что перечисленные единицы не попали в поле зрения лингвистов, несмотря на то, что употребление названных конструкций вызывает пунктуационные проблемы. **В результате** определено, что сочетания «*между тем*», «*вместе с тем*», «*тем не менее*» на синхронном уровне могут функционировать как вводные согласно выражаемому значению.

Ключевые слова и фразы: вводные слова; местоименные наречные выражения; пунктуация; функциональный критерий.

Кузнецова Светлана Михайловна, к. филол. н.
 Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. Я. Кикотя
 (Тверской филиал)
 semicvetik19@mail.ru

Местоименные конструкции 'между тем', 'вместе с тем', 'тем не менее' как вводные элементы языка

Проблема пунктуационного оформления вводных слов и конструкций является одной из самых сложных в русском синтаксисе. Как показывает анализ реальных языковых контекстов, в том числе произведений

научной, публицистической и художественной литературы, в письменной речи имеется тенденция к выделению знаками препинания выражений, которые в традиционной грамматике интерпретируются как наречные и не требуют употребления запятой. К таким конструкциям относятся выражения, в состав которых входит указательное наречие «то» в творительном падеже – *между тем, вместе с тем, тем не менее*.

Актуальность данной работы обусловлена трудностями, с которыми сталкиваются носители языка при использовании анализируемых конструкций. Опыт работы в средней и высшей школах показывает, что обучающиеся, полагаясь на языковое чутье, относят перечисленные структуры к вводным конструкциям и, соответственно, выделяют их запятыми, что противоречит общепринятым пунктуационным правилам и ведет к снижению оценки. При этом анализ научной, учебной и методической литературы показывает, что, несмотря на очевидную категориальную и, как следствие, пунктуационную неоднозначность, местоименные конструкции *между тем, вместе с тем, тем не менее* не удостоивались внимания лингвистов.

Для достижения цели исследования были поставлены следующие **задачи**:

- рассмотреть, как интерпретируются местоименные конструкции *между тем, вместе с тем, тем не менее* в рамках традиционной грамматики;
- найти реальные современные примеры употребления и пунктуационного оформления названных словосочетаний в текстах разных стилей и жанров;
- провести функционально-синтаксический анализ употребления местоименных конструкций *между тем, вместе с тем, тем не менее* на предмет их принадлежности к категории вводности;
- в случае подтверждения возможности использовать конструкции *между тем, вместе с тем, тем не менее* как вводные объяснить причины подобного функционирования.

Основными **методами**, используемыми в рамках настоящего исследования, будут аналитический метод, метод количественной и качественной обработки информации, а также контент-анализ реальных языковых контекстов.

Теоретической базой исследования являются работы А. М. Пешковского [8], В. В. Виноградова [3], А. Вежицкой [2], Е. В. Падучевой [7], Ю. Д. Апресяна [1].

Практическая значимость работы заключается в том, что данный материал можно использовать в процессе преподавания русского языка и культуры речи при рассмотрении сложных случаев употребления вводных конструкций. Кроме того, настоящее исследование позволяет уточнить список сочетаний, относящихся к вводным.

Согласно традиционной грамматике конструкции *между тем, вместе с тем, тем не менее* не могут занимать в предложении вводную позицию. Так, справочно-информационный портал «Грамота.ру», к которому часто прибегают носители языка для консультации по постановке знаков препинания, морфологически относит анализируемые языковые элементы к наречиям (наречным выражениям) или частицам:

- *между тем* – наречие. То же, что «в то же время, тем временем»;
- *вместе с тем* – наречное выражение;
- *тем не менее* – частица [4].

При этом обратим внимание, что объясняется только лексическое значение *между тем* (при помощи подбора синонима).

Кроме того, отдельным пунктом для данных конструкций фиксируется возможность выполнять союзную функцию – присоединительную (для *между тем*), противительную (для *вместе с тем*) или уступительную (для *тем не менее*). Подчеркивается, что вместе с анализируемыми сочетаниями могут употребляться союзы (*и, а, но*), запятая после союза при этом не ставится [Там же].

В справочнике по орфографии и пунктуации под редакцией Д. Э. Розенталя и И. Б. Голуб отдельное внимание уделяется конструкции *между тем*. В разделе, посвященном вводным конструкциям, подчеркивается, что названная языковая единица к вводным не относится [10, с. 278]. Сочетания *вместе с тем* и *тем не менее* в названной работе не рассматриваются [Там же, с. 278-289].

Примеры употребления анализируемых конструкций, приведенные и в справочнике Д. Э. Розенталя, и на портале «Грамота.ру», – предложения из произведений А. С. Пушкина, Д. Григоровича, И. С. Тургенева, А. П. Чехова, М. А. Шолохова и др., датируются XIX веком или первой половиной XX века и, следовательно, не могут отражать современное состояние языковой системы.

Анализ языковых контекстов в синхронии показывает, что все чаще *между тем, вместе с тем* и *тем не менее* расцениваются как вводные. Это характерно как для письменной речи разговорного дискурса (блоги, форумы), так и для произведений других функциональных стилей.

Работа с реальными примерами употребления анализируемых единиц языка осуществлялась на базе Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [5]. Отбор языкового материала производился в подкорпусах «Художественная литература», «Обиходно-бытовые тексты», «Электронная коммуникация», «Учебно-научные тексты», «Публицистика». При этом задавался временной интервал 80-е годы прошлого века – 2020 год: с нашей точки зрения, данный период можно считать современным этапом развития языка ввиду исторических и общественно-политических причин.

Из подобранного материала были исключены предложения, в которых указательное местоимение *тем* употреблено в «прямом» значении в качестве согласованного определения при имени существительном (например, *между тем временем и этим, вместе с тем лекарством* и т.п.).

Анализ полученных контекстов показал, что почти в четверти случаев использования конструкций *между тем, вместе с тем* и *тем не менее* данные сочетания выделяются запятыми. Постановка знаков препинания

более характерна для текстов «сниженного» стиля, что обусловлено большей свободой разговорного дискурса от следования норме. Однако нельзя утверждать, что постановка запятых при рассматриваемых языковых единицах объясняется безграмотностью пишущих. Среди примеров достаточно отрывков из научных статей и серьёзных публицистических текстов, а также произведений художественной литературы и критики (работы А. Кушнера, А. Геласимова, Л. Улицкой, В. Пелевина и др.). Поэтому смеем предположить, что постановка знаков препинания имеет лингвистическую природу.

Приведем некоторые примеры из Национального корпуса русского языка [Там же]:

(1) *Ольгиных слов насчёт «сокращённых» персонажей я сперва не принял всерьёз. Она, между тем, продолжала, не сводя с меня лихорадочно блестящих глаз: – Ты помнишь «Первую любовь»? – Помню, – кивнул я* (Вера Белоусова. Второй выстрел (2000));

(2) *Стоит ли добавлять, что я их, конечно, меняла, каждый раз боясь и, вместе с тем, желая обнаружить «непевчую» иглу* (Марина Палей. Поминование (1987));

(3) *Но в половине случаев он выдавал худший результат. Тем не менее, среднее число вызовов функции у него минимальное. Это показывает, что алгоритм попадает в локальный минимум, из которого ему тяжело выбраться* (В. А. Овчинников. Применение генетических алгоритмов в задачах синтеза кузова автомобиля // Информационные технологии. 2004).

Постановку знаков препинания в приведенных выше и подобных им контекстах, на наш взгляд, можно объяснить следующими причинами.

Во-первых, данные конструкции выделяются интонационно. На интонационное своеобразие вводных слов и конструкций обращал внимание еще А. М. Пешковский [8]. Учёный, объединяя в один класс вводные конструкции, обращения и междометия, говорил о том, что перечисленные языковые элементы либо составляют отдельную фразу, либо примыкают к соседнему предложению, «помещаясь иногда в самой середине» него [Там же, с. 404]. Об этой же особенности функционирования вводно-модальных слов писал В. В. Виноградов [3]. Интонационный принцип, без сомнения, не является ведущим принципом русской пунктуации, однако наивные носители языка при расстановке знаков препинания опираются на паузацию. Паузы, в свою очередь, требуются для выделения конструкций, осложняющих грамматическую структуру предложения, каковыми являются вводные слова и словосочетания.

Во-вторых, конструкции *между тем*, *вместе с тем* и *тем не менее*, безусловно, можно отнести к категории вводных слов согласно функциональному критерию, предложенному В. В. Виноградовым в книге «Русский язык. Грамматическое учение о слове». По Виноградову, вводно-модальные слова «определяют точку зрения говорящего субъекта на отношение речи к действительности или на выбор и функции отдельных выражений в составе речи» [Там же, с. 599]. О делении вводных слов на группы согласно роли в предложении говорит и А. М. Пешковский, однако у последнего вопрос о происхождении вводных сочетаний, об их возникновении из предикативных единиц смешивается с вопросом о синтаксических функциях [8, с. 408-409].

Основываясь на функциональном критерии, В. В. Виноградов выделяет как отдельный разряд вводно-модальные слова и словосочетания, «выражающие отношение содержания какого-нибудь отрезка речи к общей последовательности мыслей в ходе высказывания» [3, с. 604]. Подобную группу выделяет и А. М. Пешковский – «слова и сочетания, выражающие отношения данной мысли к предыдущей или последующей речи и стоящие на рубеже между вводными словами и союзами» [8, с. 410].

Кроме того, в особый разряд В. В. Виноградов выделяет вводно-модальные слова, «выражающие субъективную внезапность припоминания, присоединение по ассоциации» [3, с. 604-605]. По своей роли в предложении данные языковые единицы сближаются с союзами, но не тождественны последним, поскольку выражают «субъективную манеру перехода от одной мысли к другой или присоединения одной мысли к другой» [Там же, с. 605].

Обратим внимание, что в качестве примеров учёный приводит в том числе словосочетания местоименного характера, похожие на рассматриваемые в данной работе конструкции.

Схожую точку зрения на категорию вводности видим в работах А. Вежицкой и Е. В. Падучевой, которые выделяют как отдельную категорию метатекстовые слова и частицы. Термин «метатекст» был предложен А. Вежицкой в работе 1978 года: метатекстовые слова и выражения формируют не само утверждение, а дают комментарий к основному тексту [2, с. 474]. К метатекстовым словам А. Вежицкая относит в том числе выражения, раскрывающие логику развития мысли, например: *между прочим, наконец, так, таким образом, следовательно* и т.д.

Сходный перечень метатекстовых слов видим и в работе Е. В. Падучевой 1996 года: *а именно; к примеру; кроме того; более того; в довершение всего; в итоге; наконец; в общем; в частности; однако; одним словом; откровенно говоря; между прочим; впрочем* и др. [7, с. 276-284].

С нашей точки зрения, конструкции *между тем*, *вместе с тем* и *тем не менее* являются метатекстовыми: они выражают субъективную логику говорящего при переходе от одной части предложения к другой, «авторское» соединение мыслей. Часто их значение действительно близко противопоставлению или уступке (про значение уступки у конструкции *тем не менее* пишет, например, Ю. Д. Апресян [1]), реже – присоединению (дополнению), однако нельзя сказать, что названные сочетания равны союзам.

Данный тезис подтверждается использованием анализируемых конструкций вкупе с противительными союзами (чаще всего с союзом *но*) и присоединительным союзом *и*:

Я, хоть и не профессиональный психолог, но, тем не менее, работала в сфере психологического консультирования (Наши дети. Подростки (2004)) [5].

Язык, как известно, не терпит лексической и грамматической избыточности. Грамматическое (логическое) значение противопоставления в приведенном выше контексте уже выражено при помощи союза *но*, следовательно, *тем не менее* здесь выполняет иную функцию – выражает логическую оценку произносимого говорящим, является своего рода показателем «присутствия» субъекта речи и сознания в тексте.

Более того, если мы изыдем из предложения конструкцию *тем не менее*, то получим грамматически корректную структуру; изменения смысла при этом не произойдет:

*Я, хоть и не профессиональный психолог, но работала в сфере психологического консультирования.

Приведем соответствующие примеры для конструкций *вместе с тем* и *между тем* из НКРЯ и произведем их трансформацию [Там же]:

Открыв глаза, Максимус увидел тот же пейзаж. Но, вместе с тем, как будто бы и не тот. Волхов был шире, вода подходила к самому основанию кургана. Стали другими очертания деревьев и огни домов (Герман Садулаев. Таблетка (2008)). → **Открыв глаза, Максимус увидел тот же пейзаж. Но как будто бы и не тот.*

Народ, который воспринял мученичество как историческую миссию, учит терпеть, а не заноситься. Но между тем, потаенным стремлением было занять не клочок пространства, я посягал на частицу времени (Леонид Зорин. Медный закат (2007) // Знамя. 2008). → **Народ, который воспринял мученичество как историческую миссию, учит терпеть, а не заноситься. Но потаенным стремлением было занять не клочок пространства, я посягал на частицу времени.*

Кроме того, причиной перехода анализируемых единиц в разряд вводных является «редукция», утрата лексического значения – на первый план выходит «функциональное» наполнение. Выражение данными единицами субъективной модальности может быть доказано посредством употребления сочетаний *между тем, вместе с тем, тем не менее* в составе вербализованных модусных рамок с ментальными глаголами *думать, считать, полагать* либо с речевым глаголом *говорить*: *между тем (что уже сказано) говорю / считаю / полагаю, что..., вместе с тем (что уже сказано) говорю, что..., тем не менее (= не меньше) считаю / полагаю, что...*

Возможность подобных употреблений говорит о предикативной природе данных конструкций, что «роднит» их с большинством вводных слов. Впервые мысль о предикативной природе вводных конструкций была высказана в работе А. А. Потебни [9]. Данной точки зрения придерживался и А. А. Шахматов, давший вводным словам следующую дефиницию: «...редуцированные по своему смыслу предложения», которые «в большинстве случаев имеют значение связок, так как вводят в состав предложения то или иное сопутствующее представление» [11, с. 47].

Более подробно о генезисе вводных слов рассуждал Д. Н. Овсяннико-Куликовский, который также признавал предложенческую природу вводных единиц: вводные слова есть «часть неоконченного недоговоренного предложения», «результат сокращения некогда полного предложения, от которого осталась лишь та или другая часть, иногда превратившаяся в частицу» [6, с. 11]. Однако при этом Д. Н. Овсяннико-Куликовский говорит и о «вводных наречиях», что ведет к определенному противоречию.

А. М. Пешковский, опираясь на учение Д. Н. Овсяннико-Куликовского, развивает мысль о предикативном происхождении вводных слов и подробно изображает процессы перехода предложений во вводные слова и в частицы [8].

В. В. Виноградов отчасти соглашается с предложенческим происхождением вводных слов, но при этом отмечает, что процесс образования данной категории был более сложным [3].

Таким образом, возможность соединения с рамочными глаголами демонстрирует «генетическое» сходство рассматриваемых элементов языка со многими классами вводных выражений.

Итак, мы пришли к следующим **выводам**.

В рамках традиционной грамматики конструкции *между тем, вместе с тем* и *тем не менее* интерпретируются как наречные выражения, союзы или частицы, которые не могут выступать в качестве вводных слов.

Анализ реальных современных контекстов показывает, что названные выражения функционируют как вводные и выделяются знаками препинания.

Функционирование в качестве вводных слов объясняется спецификой интонационного оформления, предполагаемым происхождением, а также синтаксической функцией анализируемых сочетаний. Сеем предположить, что в недалеком будущем пунктуационное оформление выражений *между тем, вместе с тем* и *тем не менее* будет изменено.

Категория вводных слов и конструкций – открытый класс, который на синхронном уровне языка активно пополняется новыми элементами. **В перспективе** данное исследование будет расширено: автор представит синтаксическую интерпретацию некоторых наречных языковых элементов, находящихся на современном этапе развития языка в процессе перехода в категорию вводных слов.

Список источников

1. Апресян Ю. Д. Уступительность в языке // Языковая картина мира и системная лексикография / под ред. Ю. Д. Апресяна. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 615-712.
2. Вежбицкая А. Русские культурные скрипты // Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 467-499.
3. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / под ред. Г. А. Золотовой. Изд-е 4-е. М.: Русский язык, 2001. 720 с.

4. **Грамота.ру** [Электронный ресурс]: справ.-информ. портал. URL: <http://gramota.ru> (дата обращения: 02.11.2020).
5. **Национальный корпус русского языка (НКРЯ)** [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/new/index.html> (дата обращения: 02.11.2020).
6. **Овсяннико-Куликовский Д. Н.** Синтаксис русского языка. Изд-е 2-е. СПб.: Изд. И. Л. Овсяннико-Куликовской, 1912. 322 с.
7. **Падучева Е. В.** Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
8. **Пешковский А. М.** Русский синтаксис в научном освещении. М.: Языки славянской культуры, 2001. 544 с.
9. **Потебня А. А.** Из записок по русской грамматике: в 4-х т. М.: Учпедгиз, 1958. Т. 1-2. 536 с.
10. **Розенталь Д. Э., Голуб И. Б.** Русский язык. Орфография. Пунктуация. Изд-е 4-е. М.: Айрис-Пресс, 2003. 382 с.
11. **Шахматов А. А.** Синтаксис русского языка. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 624 с.

Pronominal Constructions ‘*между тем*’, ‘*вместе с тем*’, ‘*тем не менее*’ as Parenthetical Elements of Language

Kuznetsova Svetlana Mikhailovna, PhD

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. J. Kikot' (Tver Branch)
semicvetik19@mail.ru

The study aims to determine syntactic essence of the pronominal constructions ‘*между тем*’, ‘*вместе с тем*’, ‘*тем не менее*’. The article considers the issue of punctuation of the specified word combinations, analyses possibility of classifying these elements as parenthetical constructions. The research is novel in that the chosen units have not come to linguists’ attention despite the fact that the use of the specified constructions presents punctuation problems. As a result, it was determined that the combinations ‘*между тем*’, ‘*вместе с тем*’, ‘*тем не менее*’ can function at the synchronic level of the language as parenthetical combinations in accordance with the meaning they express.

Key words and phrases: parenthetical words; pronominal adverbial expressions; punctuation; functional criterion.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.7>

Дата поступления рукописи: 26.10.2020

Цель исследования – продемонстрировать влияние лингвокультурных особенностей просторечий и разговорной лексики на формирование образа российской власти в отечественных печатных СМИ конца XX века. **Научная новизна** работы заключается в выявлении специфики воздействия просторечий и разговорных лексических единиц на лингвокультурные характеристики образа власти в газетной публицистике 1990-х гг.: просторечия и разговорная лексика формируют часто примитивный, несерьезный, ироничный, вульгарный образ власти. **Результатом исследования** стало раскрытие лингвокультурных черт просторечий и разговорной лексики, с помощью которых создается образ власти в отечественных медиатекстах конца XX века.

Ключевые слова и фразы: русский язык; просторечия; разговорная лексика; лингвокультурные характеристики образа власти; печатные СМИ.

Лонская Анна Юрьевна

Российский университет дружбы народов, г. Москва
daligalia@yandex.ru

Просторечия и разговорная лексика как средство формирования образа власти в российских печатных СМИ конца XX века

Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения конкретных языковых и культурных аспектов образности как одного из определяющих факторов в процессе формирования печатными медиа знаний, мнений и представлений о власти у общества, что позволит теоретически осмыслить значение лексики со стилистически сниженной окраской в процессе формирования образа власти в печатных СМИ 1990-х годов.

Задачи исследования: определить причины активного распространения просторечной и разговорной лексики в массмедиа 1990-х гг., обозначить роль сниженной лексики в процессе формирования образа власти на страницах газетной публицистики, продемонстрировать специфику влияния просторечий и разговорных лексических единиц на конструирование определенных черт образа власти.

Объект исследования – образ власти на страницах российских печатных СМИ 90-х годов XX века. Предмет исследования – семантика просторечий и разговорной лексики, оказывающая влияние на образ российской власти.

Материал исследования. Для проведения анализа были отобраны тексты газет «Завтра», «Известия», «Московский комсомолец», «Независимая газета», «Правда» за 1990-е годы, имеющие в своём составе метафоры, тематически связанные с репрезентацией действий российских властей. Выбор газет обусловлен их популярностью

среди читателей, тогда как выбор временного периода связан с активным развитием независимых массмедиа в России. Кроме того, печатные медиа как разновидность СМИ обладают большим когнитивным потенциалом в контексте влияния на сознание человека, чем, например, телевидение или радио, поскольку в процессе чтения у реципиента активизируется сознательный анализ и усвоение информации, в то время как телерадиовещание предлагает уже готовый контент, не нуждающийся в глубоком осмыслении.

Основными *методами исследования* выступают методы контекстуального анализа, сплошной выборки, статистической обработки полученных данных, описательно-сопоставительный метод.

Теоретической базой исследования стали работы Р. И. Зекрист, в которых образ власти в СМИ рассматривается как философская концепция [7], Т. М. Зуевой, Л. Г. Навасартян, Е. М. Шкилевой, описывающие образ власти как ключевую составляющую общественно-политического дискурса [8; 15], В. М. Шепель, связанные с изучением способов репрезентации политической культуры социума [21], Т. Г. Добросклонской, В. Г. Костомарова, в которых актуализируются языковые способы создания образа власти в массмедиа [5; 11], Л. Ф. Валиевой, Г. Н. Склярёвской, И. Н. Шмелевой, посвященные изучению разграничения разговорной и просторечной лексики в русском языке [2; 18].

Теоретическая значимость исследования – в работе выявлены лингвокультурные черты просторечий и разговорной лексики, с помощью которых создается образ российской власти в медиатекстах 1990-х годов, проанализирована специфика семантики просторечий и разговорной лексики в текстах СМИ, посвященных актуализации образа власти.

Практическая значимость исследования состоит в том, что полученные результаты могут быть использованы в вузовских курсах по русскому языку, культуре речи, журналистике, политологии.

На сегодняшний день образ власти представляет собой одну из наиболее актуальных тем для исследования, что обусловлено феноменом самой власти, которая является постоянным, ключевым элементом в контексте организации жизни общества и представляет для него большой интерес. Образ власти в сознании человека-гражданина выступает в качестве системы представлений о её сущности как явления, функциях, структуре, задачах, а также о конкретных личностях политиков, выдающихся в определённый исторический период, их способности влиять на существование и развитие государства. Р. И. Зекрист отмечает, что образ власти складывается из формы и содержания, где под содержанием понимается «реальное положение дел в социуме – существующий государственно-политический режим и объективный характер государственной власти», тогда как формы образа власти могут быть конкретными (действительными) и абстрактными (мыслимыми), восприниматься на разных уровнях общественного сознания – «на уровне обыденного сознания и на уровне специализированных форм» [7, с. 24].

Образ власти находит своё отражение в различных сферах жизни общества, в том числе и в СМИ. Все представители социума, несмотря на свои политические взгляды, ждут от СМИ материалов, способных удовлетворить общечеловеческие информационные потребности, в связи с чем массмедиа анализируют актуальные медиасобытия, создают на их основе определённый образ власти, соответствующий ожиданиям реципиентов. Кроме того, в процессе создания образа власти в СМИ учитываются культурный код читателей, который определяется как «совокупность правил развития и существования народа, характерные лишь для него особенности передачи информации», настроения и морально-этические нормы социума в конкретный исторический период, а также существующие идеологический и политический заказы как со стороны действующих властей, так и со стороны оппозиционных сил [3, с. 87]. В. М. Шепель утверждает, что образ власти в СМИ является продуктом массового сознания, поскольку, с одной стороны, массмедиа «отражают образ, создаваемый самим лидером и его имиджмейкерами, а с другой стороны, люди сами формируют этот образ, иногда спонтанно, а, как правило, целенаправленно» [21, с. 23].

Образ власти в СМИ конструируется с помощью различных приёмов политической пропаганды, пиара, рекламы, а также языковых средств и речевых тактик, манипуляции, убеждения. Выражение данного образа в массмедиа отличается клишированностью, связанной с такими когнитивными структурами, как стереотип и фрейм, которые создаются на базе лингвокультурной специфики социума.

В языке российских СМИ образ власти и язык образа власти в различные исторические периоды имели свои конкретные характеристики, связанные с «проблемами нормы, стиля, иноязычного влияния, фразеологии» и многими другими [13, с. 116]. В связи с этим возникает необходимость рассмотреть специфику просторечий и разговорной лексики, используемых в российских СМИ для создания этого образа.

По мнению исследователей, «СМИ быстрее всего отражают изменения, происходящие в языке и речи... оказывают решающее влияние на формирование не только мировоззрения, взглядов, представлений, но и норм речевого поведения, культуры общения» [10, с. 117]. Либерализация общества, начавшаяся в 1990-х годах, также оказала особое влияние на современный русский язык и его лексико-семантический уровень, что привело к массовому вхождению просторечий и разговорной лексики в публицистический стиль литературного языка. Появление и активное употребление в СМИ данных лексических единиц связано с расширением прав и свобод граждан, изменением норм и ценностных ориентаций, повлиявших на языковой вкус российского общества конца XX века, характерными чертами которого являются оригинальность, остроумие, граничащие с фамильярностью, дерзостью. Е. Ю. Красникова утверждает, что «журналисты, стремясь внести в текст свежую струю жизни, удержать читателя, быть с ним на “ты”, неоправданно часто используют просторечные слова, создавая грубовато-фамильярную атмосферу, а зачастую и нарушая общепринятые языковые нормы» [12, с. 82].

Рассматривая специфику употребления просторечий и разговорной лексики в печатных СМИ, следует дать трактовку данным терминам с позиций лингвистики. Просторечия и разговорная лексика отличаются конкретностью, номинативностью, экспрессивностью, положительной или отрицательной оценочностью, сниженностью. Данные лексические единицы имеют синонимично соответствующие им слова нейтрального стиля.

Современные отечественные лингвисты уделяют большое внимание разделению и классификации однородных по структуре и семантике слов, что приводит к возникновению проблемы разграничения лексики разных стилистических пластов. Г. Н. Склярская и И. Н. Шмелева отмечают, что в словарях русского языка пометы «разговорное» и «просторечное» означают «разную степень сниженности в пределах лексики, функционально связанной с некодифицированной формой литературного языка и входящей в словарный состав кодифицированного литературного языка на правах специализировавшегося стилистического средства» [18, с. 91].

Граница между разговорными и просторечными лексическими единицами часто оказывается достаточно неясной и определяется исследователями «интуитивными методами и личным мнением», в связи с чем лексикографами русского языка «стал использоваться такой пограничный термин, как разговорно-просторечная лексика» [2, с. 49].

Различие между разговорной и просторечной лексикой заключается в степени сниженности лексических единиц: разговорная лексика характеризуется сниженной стилистической окраской, однако относится к литературному языку, тогда как просторечия обладают более сниженной окраской и всегда экспрессивны.

Грубая сниженная лексика в печатных СМИ активно употребляется журналистами с 1990-х гг., что способствует её постепенному вхождению в группу нейтральных литературных слов. Так, Е. И. Беглова пишет: «Актуальные в современном речевом узусе слова и выражения обыгрывались в газетных текстах разных жанров, например, в художественно-публицистических (частушках, анекдотах, афоризмах), постепенно ассимилируясь в разговорной речи и приобретая к сегодняшнему дню статус общеупотребительных разговорных слов/выражений или нейтральных литературных слов» [1, с. 414].

Важно отметить, что просторечия и разговорная лексика, отличающиеся конкретизацией, экспрессивностью и ассоциативностью, выполняют в медиатекстах манипулятивную функцию, актуализируют в сознании реципиентов необходимые печатным СМИ представления и мнения о политике в стране, формируя образ власти. Использование журналистами сниженной лексики позволяет придать тексту статьи выразительность, свойственную разговорной речи, приблизив тем самым язык газеты к языку современного читателя, привлечь внимание реципиента.

Анализ текстов газет позволил выявить в текстах печатных СМИ разговорные и просторечные лексические единицы, придающие материалам вульгарный, шуточный, иронический характер, формирующие грубо-фамильярное отношение к предмету.

Рассмотрим примеры, подтверждающие наши предположения. Просторечия и разговорные лексические единицы делают образ власти на страницах СМИ экспрессивным, эмоционально окрашенным. Так, просторечные и разговорные глаголы способствуют созданию преимущественно негативного образа власти, которой свойственны интриги, хамство, грубость: «...это Михаил Горбачёв **прочитал нотацію**»; «**“застолбить”** за Россией максимум союзных министерских портфелей» [16, 1991, 14 мая]; «депутаты **“прокатили”** Гайдара» [17, 1993, 5 октября]; «стараяющаяся **выклянчить** у международных финансовых структур» [Там же, 1998, 14 августа]; «Геннадий Зюганов не упустил случая **пнуть** Бориса Николаевича посильнее» [14, 1996, 3 мая]; «если он хочет **досидеть** в Кремле до 2000 года» [17, 1998, 10 апреля]; «газеты уже со всех сторон **обсосали** назначение Егора Гайдара» [14, 1993, 27 сентября]; «все эти правила периферии не **потрафили**» [Там же, 1993, 26 сентября]; «да, к этому мятежу Россия **катилась**»; «ту конституцию Ельцин **отшивырнул**»; «а ещё, надо каждому осознать, что Б. Ельцин **загнал** нас в ситуацию, когда в теничке не **отсидишься**» [17, 1993, 6 октября].

Стилистически сниженные существительные и наречия, часто носящие метафоричный характер, наполняют образ власти такими чертами, которые делают образы политиков несерьёзным, а их политические решения маловажными: «А как же иначе в мире бизнеса и **чистогана?**» [14, 1998, 17 августа]; «президент, у которого и так с поддержкой в народе **швах**» [17, 1998, 10 апреля]; «многие **на полном серьёзе** склонялись к тому, что второй тур не понадобится вовсе» [14, 1996, 3 мая]; «**сыр-бор** возник из-за следующего фрагмента речи Председателя Верховного Совета» [17, 1993, 3 октября]; «политика **полузаигрывания** с одними республиками» [16]; «к режиму **чрезвычайщины**, к диктатуре» [17, 1993, 8 октября]; «комрадская, т.е. держащая нос в сторону заграницы, буржуазия, **люмпен-лавочки**» [Там же, 1993, 4 октября].

По мнению В. Г. Костомарова, появление в языке газеты 1990-х гг. и в образе власти в частности сниженной лексики напрямую связано с «изменением в психологической установке масс... их языковом вкусе и чутье языка» [11, с. 12]. Приведённые выше примеры показывают, что журналисты намеренно используют просторечную и разговорную лексику с целью упрощения политических текстов. Пренебрежение языковой нормой здесь связано с общей карнаваллизацией языка, отмечавшейся в конце XX века [15].

Фамильярные черты образу власти придают лексические единицы, с помощью которых журналисты умаляют или преувеличивают значение того или иного политика, политического события: «...номенклатуристик у себя на даче **плакался** жене»; «заявление правительства и ЦБ о девальвации, **убийственное** для репутации Ельцина»; «“Девальвация рубля не будет! Твёрдо и однозначно – нет!” – **рявкнул** на всю страну Ельцин... дальше **понеслось что-то бредовое**» [6]; «но **ошарашивает** безнравственность властителей, их высокомерно-барское отношение к людям... они даже не пытаются **припомнить** навязывание стране культа продажности»;

«его намерение разогнать Съезд народных депутатов и Верховный Совет России **ошарашило** и озадачило» [17, 1993, 6 октября]; «вся радиовещательная мощь **вдалбливала** людям нужное президенту» [Там же, 1993, 5 октября]; «очередное **попрошайничество**, усугубляющее тяжелейший кризис» [Там же, 1998, 14 августа]; «но блефуют-то, точнее **шулерствуют**, правительство с ЦБ» [Там же, 1998, 18 августа]; «соглашение превратилось в капитуляцию или **верхушечный сговор**» [Там же, 1993, 10 октября]; «Если **пошарить** за “подкладкой”, то обнаружится, что депутаты» [9, 1993, 24 сентября]; «Александр Владимирович, по видимому, настолько **обалдел** от нового назначения» [14, 1993, 29 сентября].

Примеры из газетной публицистики показывают, как с помощью искажения и селекции информации создается образ власти, имеющий своей целью оказать влияние на общество. Использование представленных в цитатах выше лексических единиц позволяет печатным СМИ конструировать образ власти с помощью навешивания ярлыков, эвфемизации и дисфемизации, внушая реципиентам определённое отношение к представителям власти. Очевидно, что действующий российский политик вряд ли будет *плакать* из-за политической неудачи или страдать от расстройств мыслительной деятельности (от *бреды*), однако авторы статей употребляют данную лексику осознано, т.к. их задачей является конструирование эмоционально окрашенного, запоминающегося образа.

Вульгаризация образа власти происходит посредством использования в текстах лексических единиц, являющихся оскорблениями: «...**козлам** не платить!» [Там же, 1998, 20 августа]; «**пребывание в председателях** российского парламента может удовлетворить разве что партию **пофигистов**, ежели таковая сыщется» [Там же, 1993, 26 сентября]; «**Подонки** из Белого дома должны ответить за пролитую кровь!»; «**проворовавшиеся** дубли силовых министров» [Там же, 1993, 28 сентября]; «иронический комментарий к и без того откровенному **телестриптизу** Ельцину» [17, 1993, 9 октября]; ругательствами: «А кто же, **черт возьми**, за это неудовлетворительное положение дел отвечает? Я? Русский народ? Проклятые олигархи? Или все-таки правительство?» [Там же, 1998, 20 августа]; «возвращаться в это **дерьмо**, в котором мы жили семьдесят лет» [14, 1996, 2 мая]; «Ситуация **идиотская**. В Белом доме сидят: второй якобы президент» [Там же, 1993, 30 сентября].

Представленные в примерах лексические единицы позволяют не только создавать необходимый печатным СМИ образ власти, но также влиять на отношение общества к политикам и их политическим решениям. Исследователи отмечают, что «язык политики характеризует воздействующая функция... внушение идей, а не простое описание политической жизни» [19, с. 51]. Так, например, называя *телестриптизом* выступление политика, журналисты навязывают реципиенту свою точку зрения на данное событие, создают в сознании читателя негативное отношение к нему.

Шутливо-ироничные черты образа власти возникают благодаря использованию авторских неологизмов-номинативов разговорно-просторечного характера: «...иррационализм **ельциноидов** возрастает» [4, 1993, 24-30 сентября]; «со **взяточдателями** ясно всё»; «оправдать социально-экономическую политику **шокотерапевтов**» [17, 1993, 4 октября] и метонимии: «Подкупить, обмануть, смошенничать – вот кредо нынешних **кресловладельцев** Кремля» [Там же, 1993, 6 октября]; «часть избирателей, голосовавших за Жириновского, и бывших “**третьесильников**”»; «при этом 30% **жюриновцев**» [14, 1996, 18 июня]; «итоги выборов для **ельцинистов** и **лебединых** уже вполне ясны, по словам видной “**яблочницы**” Елены Мизулиной»; «при всей невыгодности для **демоопозиционера**»; «**яблочники** же выбрали накануне 1-го тура практику» [Там же, 1996, 2 мая]; «основная проблема **междутурья** уже четко определена» [9, 1996, 18 июня]; «ярые **антиельцины**» [14, 1993, 26 сентября].

Согласно Н. М. Шанскому, неологизмы «возникают в силу необходимости для обозначения нового предмета или явления, сохраняют ощущение новизны для носителей языка... ещё не вошли или не входили в общелитературное употребление» [20, с. 158]. Представленные в примерах неологизмы, имеющие метонимичный характер, создаются с помощью словообразовательной и семантической деривации. Они формируют новостную политическую повестку 1990-х гг. Кроме того, ирония, возникающая благодаря использованию авторских неологизмов в процессе создания образа власти, выступает в качестве имплицитного выражения оценки в печатных СМИ, которая может повлиять на мнение читателей о том или ином политическом событии. Так, например, лексические единицы *ельциноиды* и *шокотерапевты* иллюстрируют негативное отношение журналистов к теме и политическим личностям, о которых они пишут.

Таким образом, анализ разговорной и просторечной лексики в процессе создания образа российской власти в отечественных медиатекстах позволил сделать следующие **выводы**:

- просторечия и разговорная лексика являются ключевыми составляющими медиатекстов, поскольку способствуют созданию эмоционально окрашенных образов, что привлекает внимание реципиентов, делает образы политиков запоминающимися;
- просторечия и разговорная лексика в массмедиа, отличающиеся конкретизацией, экспрессивностью и ассоциативностью, позволяют СМИ манипулировать представлениями и мнениями реципиентов о власти;
- наиболее активно используемыми лексическими единицами среди всего объема проанализированной просторечной и разговорной лексики стали номинативы, образованные от имён и фамилий известных политиков, а также лексические единицы, имеющие негативную коннотацию;
- просторечия и разговорная лексика способствуют созданию образа власти, которой свойственно обычное человеческое поведение, что делает данный образ понятным реципиенту и позволяет наполнить его как положительными, так и отрицательными чертами;

- использование в печатных медиа большого количества просторечий и разговорной лексики даёт возможность утверждать, что образ власти в современной русской лингвокультуре складывается под воздействием общей жаргонизации и вульгаризации языка.

Перспективным в дальнейшем исследовании лексической составляющей образа власти в печатных СМИ может стать изучение различных пластов стилистически сниженной лексики (жаргонизмов, сленгизмов, коллоквиализмов и др.).

Список источников

1. **Беглова Е. И.** Языковая компетентность как составляющая профессии современного журналиста // Вестник Нижегородского университета Н. И. Лобачевского. 2014. № 2 (2). С. 414-417.
2. **Валиева Л. Ф.** Проблема разграничения разговорной и просторечной лексики в русском языке // Вестник Югорского государственного университета. 2016. Вып. 1 (40). С. 49-52.
3. **Грунина Е. О.** Языковая личность персонажа художественного произведения как носителя культурного кода // Лингвокультурологический аспект изучения и преподавания русского языка в условиях отсутствия языковой среды: сборник статей и тезисов Международной научно-практической конференции (Мессина, Италия, 13 ноября 2018 г.). М.: РУДН, 2018. С. 86-88.
4. **День.** 1993. 24-30 сентября.
5. **Добросклонская Т. Г.** Политический медиадискурс в контексте дискурсивных исследований // Язык и социальная динамика. 2014. № 14-1. С. 106-115.
6. **Завтра.** 1998. 17 августа.
7. **Зекрист Р. И.** Власть в условиях глобализации (социально-философский анализ): автореф. дисс. ... д. филос. н. Челябинск, 2015. 44 с.
8. **Зуева Т. М., Шкилева Е. М.** Механизмы формирования образа власти // Теория и практика общественного развития. Философские науки. 2013. № 3. С. 15-20.
9. **Известия:** газета. 1993-1996.
10. **Калинина М. В.** Жаргонизмы, просторечие и языковая агрессия в телевизионных СМИ // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Филологические науки. 2018. № 4 (127). С. 117-121.
11. **Костомаров В. Г.** Языковой вкус эпохи. М.: Златоуст, 1999. 320 с.
12. **Красникова Е. Ю.** Жаргоны и просторечия в языке публицистики // Высшее образование в России. 2000. № 5. С. 82-88.
13. **Лонская А. Ю.** Образ власти в языке российских печатных СМИ 1990-х гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». 2017. Т. 15. № 1. С. 113-125.
14. **Московский комсомолец:** газета. 1993-1998.
15. **Навасартян Л. Г.** Языковые средства и речевые приёмы манипуляции информацией в СМИ (на материале российских газет): дисс. ... к. филол. н. Саратов, 2017. 172 с.
16. **Независимая газета.** 1991. 14 мая.
17. **Правда:** газета. 1993-1998.
18. **Скляревская Г. Н., Шмелева И. Н.** Разговорно-просторечная и областная лексика в словарях и в современном русском языке (лексикографический аспект) // Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков: сборник статей к 80-летию чл.-кор. АН СССР С. Г. Бархударова / под. ред. С. Г. Бархударова. М., 1974. С. 91-95.
19. **Тепляшина А. Н., Ерофеева И. В., Богуславская В. В., Толстокулакова Ю. В.** Лингвокультурологическое моделирование медиатекста. Чита: Забайкальский государственный университет, 2017. 202 с.
20. **Шанский Н. М.** Лексикология современного русского языка. М.: Флинта, 1964. 423 с.
21. **Шепель В. М.** Имиджелогия: секреты личного обаяния. М.: Феникс, 2006. 98 с.

Colloquial and Vernacular Vocabulary as Means to Form Power Image in the Russian Print Media of the Late XX Century

Lonskaia Anna Yurievna

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow
daligalia@yandex.ru

The paper aims to show how linguo-cultural peculiarities of colloquial and vernacular vocabulary influence the Russian state image formation in the domestic print media of the late XX century. Scientific originality of the study involves identifying colloquial and vernacular vocabulary influence on the linguo-cultural component of the power image in newspaper journalistic texts of the 1990s. The conducted research allows concluding that colloquial and vernacular vocabulary often forms a primitive, simplified, ironic, vulgar image of power. The research findings are as follows: the author reveals linguo-cultural peculiarities of colloquial and vernacular vocabulary and shows how its usage influences the power image formation in the Russian print media of the late XX century.

Key words and phrases: Russian language; vernacular vocabulary; colloquial vocabulary; linguo-cultural component of power image; print media.

Целью данной статьи является определение парадигматической активности диалектных фразеологизмов, отраженных в «Словаре русских говоров Башкирии» под редакцией З. П. Здобновой. **Научная новизна** заключается в описании выявленных диалектных устойчивых выражений, которые развивают парадигматические связи. При этом обращается внимание в первую очередь на такие семантические парадигмы оборотов, как синонимические и антонимические, которые характеризуются сложностью и экспрессивностью ввиду диффузности самого фразеологического значения. **В результате** проведен анализ диалектных фразеологических синонимов и антонимов с точки зрения семантики, компонентного состава, структурной организации. Рассмотренные в ходе исследования парадигмы можно включить в комплексный словарь русских говоров и пополнить ими словари синонимов и антонимов. В перспективе возможны выявление и анализ парадигматических отношений диалектных фразеологизмов на материале других словарей русских говоров.

Ключевые слова и фразы: диалектная фразеология; фразеологические синонимы и антонимы; интегральные и дифференциальные семы; компонентный состав; структурная организация.

Мардиева Эльмира Радмировна, к. филол. н., доц.

Башкирский государственный университет (филиал) в г. Нефтекамске
mardievaer@mail.ru

Антонимические и синонимические парадигмы в диалектной фразеологии

Самобытность русского народа, его культуру, духовные ценности отражают диалектные слова и устойчивые выражения.

Объектом рассмотрения данной статьи являются диалектные фразеологизмы, представленные в уникальном «Словаре русских говоров Башкирии» под редакцией Зои Петровны Здобновой [14]. Работа над этим словарем проводилась долгие годы, начиная с 1965 г. (последняя часть опубликована в 2005 году), на кафедре общего и сравнительно-исторического языкознания Башкирского государственного университета. Трудно переоценить значение данного словаря, а также работ З. П. Здобновой, перечисленных в исследовании «Судьба русских переселенческих говоров в Башкирии» [7], для сохранения русской национальной культуры и становления русской диалектологии в Башкортостане.

Задачи исследования: раскрыть особенности парадигматических отношений на лексико-фразеологическом уровне; выявить диалектные фразеологизмы, развивающие синонимические и антонимические связи (на материале словаря русских говоров Башкирии); описать отобранные парадигмы с точки зрения семантики компонентного состава, структурной организации и т.д.

Актуальность исследования обусловлена тем, что системные связи в сфере лексики и фразеологии продолжают вызывать интерес. Эти отношения проявляются, прежде всего, в парадигматике и синтагматике. М. М. Покровский в работе «Семасиологические исследования в области древних языков» отметил: «Слова и их значения живут не отдельной друг от друга жизнью, но соединяются (в нашей душе), независимо от нашего сознания, в различные группы, причем основанием для группировки служат сходство или прямая противоположность по основному значению» [13, с. 82]. И живая речь, как известно, содержит лексико-фразеологические единицы разных пластов с точки зрения происхождения, употребления, активности или пассивности и др. Обратимся в данной статье к встречающимся в речевой практике территориально ограниченным устойчивым выражениям, представленным в «Словаре русских говоров Башкирии».

В ходе работы использовались **методы:** описательный, структурно-семантический, сравнительный, метод компонентного анализа и другие.

Теоретической базой послужили труды ученых в области фразеологии (В. В. Виноградов [4], В. М. Мокшенико [11], В. П. и А. В. Жуковы [6] и др.), системных связей лексико-фразеологических единиц (Л. А. Новиков [12], Л. М. Васильев [3], Е. Н. Миллер [10] и др.), а также в сфере русских говоров (Р. И. Аванесов [1; 2], З. П. Здобнова [7], В. Г. Орлова [2] и др.).

Практическая значимость исследования связана с использованием ее отдельных теоретических положений в процессе преподавания курсов по диалектологии и современному русскому языку, а также включением выявленных фразеологических синонимов и антонимов в комплексный словарь русских говоров.

Вполне очевидно, что, подобно литературным, диалектным фразеологическим единицам характерна парадигматическая активность, что подтверждается выявленным материалом.

Систематизация лексико-фразеологических единиц с точки зрения их сходства и взаимной противоположности способствует углубленному и всестороннему осознанию смыслового тождества и контраста, дает возможность выявить образно-стилистические функции синонимов и антонимов. В сфере же фразеологии синонимические и антонимические отношения отличаются специфичностью, что обусловлено экспрессивностью, диффузностью фразеологической семантики.

В. М. Мокиенко отмечает: «Современная лексикография давно уже отошла от упрощенного понимания синонимов как “тождествословов” и признает их весьма широкую семантическую амплитуду – от полностью семантически взаимозаменяемых (субститулируемых) лексем (условие полной синонимии) до ограниченной взаимозаменяемости и семантической близости (условие частичной синонимии)» [11, с. 9].

Исследователь В. П. Жуков отмечает: «Фразеологические синонимы часто отражают такие стороны действительности, которые не переданы лексической синонимией. Иными словами, фразеологические синонимы имеют самостоятельную познавательную ценность» [6, с. 201].

Далее обратимся к понятию и сущности этого явления. «Фразеологические синонимы – фразеологические единицы (ФЕ), обозначающие одни и те же предметы объективной действительности при различном лексическом и структурном наполнении. Кроме того, отдельные фразеологизмы в пределах одного синонимического ряда характеризуются наличием в их семантике оттенков смысла» [5, с. 356].

Основными критериями выделения фразеологических синонимов считаем следующие: близкое или тождественное значение; соотношение с одной частью речи; одинаковая или сходная сочетаемость.

В кругу выявленных нами диалектных фразеологических синонимов (в парадигмы были включены и литературные фразеологизмы как члены синонимических или антонимических рядов) наблюдаются следующие типы: а) равнозначные, абсолютные; б) семантические; в) стилистические или семантико-стилистические.

Равнозначные фразеологические единицы, вступающие в синонимические отношения, полностью совпадают в своих значениях и по сфере употребления. Например: *душа нарастопашку – душа нараспашку – весь (вся) наружу* «об очень откровенном, искреннем, прямодушном человеке»; *лясы строчить – лясы точить* «болтать впустую». Очень часто подобные парадигмы включают одинаковые компоненты.

Семантические фразеологические выражают одно и то же понятие, но различаются семантическими оттенками; имеют интегральную синонимы и дифференциальную(-ые) семы. Например: *в одноразку* «сразу, в один прием» – *в одночасье* «мгновенно, внезапно, в короткий промежуток времени»; *как на блюде кататься* «очень хорошо жить» – *крепко жить* «жить хорошо, зажиточно, стабильно»; *как блин со сковороды* «быстро, скоро» – *за два взгляда* «быстро», *неродной год* «неурожайный год» – *лебединый год*, *лебедный год* «неурожайный год, когда лебеду едят вместо хлеба»; *на два Бога жить* «служить, угождать всем» – *и нашим и вашим* – *сума переметная* «о человеке, легко меняющем свои убеждения, поступки, быстро переходящем на сторону противника».

Стилистические фразеологические синонимы обозначают одно и то же понятие, но различаются стилистической и коннотативной окраской. Подобных фразеологизмов выявлено немного. Например: *лешак принес* экспрес. «о несвоевременном появлении кого-либо» – *явился не запыхавшись* шутол./неодобр. «о появлении кого-либо, вызвавшего неудовольствие присутствующих». Как указано в словаре, первый фразеологизм в данной паре имеет при себе указание на экспрессивную окраску и выражает неодобрительное отношение говорящего, а второй содержит как шуточно-иронический оттенок, так и неодобрительный. Кроме того, данные близкие по значению ФЕ различаются семантически.

Фразеологические синонимы могут быть одинаковой и разной структурной организации. Приведем примеры первых: *голову положить – ногу протянуть* «умереть», *натурой лезть – брать нахальством, наглостью* «действовать нахально, в надежде на случайный успех»; *ходить отьмалкой – малахаем ходить – окулей ходить* «ходить грязно одетым, небрежно, неряшливо одетом человеке», *дым и воду пройти – пройти огонь, воду и медные трубы* «о пронырливом человеке», *дождь настучал – тучка настучала* «пошел сильный дождь», *пирог с молитвой – пирог с тачком – пирог ни с чем* «пирог без начинки». И рассмотрим синонимические ряды разной структурной организации: *навалотить с короб – набренчать языком – налепать языком – напахать языком* «наговорить очень много, наболтать чепухи, лишнее», *без карману – карман короткий* «без денег, об отсутствии денег у кого-то».

Антонимы рассматриваются как противоположные по значению номинативные единицы, которые служат для обозначения противоположных явлений объективной действительности.

Изучение антонимических отношений в кругу фразеологических единиц позволяет уточнить представление об устойчивости структуры ФЕ, способствует лучшему усвоению их значений, помогает обстоятельнее охарактеризовать их с точки зрения лексической сочетаемости и стилистических возможностей.

Традиционное понимание фразеологических антонимов как единиц, имеющих противоположные значения и тождественный компонентный состав, оказывается не всегда оправданным. Речевая практика и сам языковой материал показывают, что противопоставление фразеологизмов оказывается шире такого понимания трактовки антонимии в сфере фразеологии.

Фразеологические единицы, как известно, могут сохранять связь с внутренней формой либо утрачивать ее. Это наблюдается и в отношении тех оборотов, которые вступают в антонимические отношения [8, с. 136].

Так, главным критерием фразеологических антонимов мы признаем противоположность значения, которая предполагает наличие общего и противоположного в значениях двух оборотов. Дополнительными критериями можно признать одинаковую сферу лексической сочетаемости фразеологических антонимов, употребление противоположных устойчивых выражений в составе узких или широких контекстов, наличие формальных показателей антонимичности (частицы, предлоги и т.д.).

Выявленные фразеологические антонимы на первом уровне можно классифицировать как полные, действительные, и неполные, ситуативные. Первые содержат ФЕ, имеющие полное, точное противопоставление. Например: *на леву (левую) руку* «слева, налево» – *на праву (правую) руку* «справа, направо». Вторые

являются периферийными, их неполнота, неточность обусловлены семантикой, структурой, сферой употребления, коннотативной нагрузкой.

Антонимические фразеологизмы, имеющие неточное противопоставление на семантическом уровне, характеризуются тем, что один член оппозиции может иметь частное значение, а другой – общее. Кроме того, наличие ситуативных антонимов, или квазиантонимов, связано со сложностью семантики фразеологизмов, в ряде случаев – асимметричностью противопоставления.

С точки зрения структуры встречаются фразеологические антонимы одинаковой и разной структурной организации. Рассмотрим примеры первых: *облачный дождь* «быстро проходящий, короткий, незатяжной дождь с набежавшего облака» – *обложной дождь* «затяжной дождь, когда небо обложено тучами», *впасть в горе* «поддаться горю, быть подавленным от горя» – *захлебнуться от счастья* «сильно радоваться», *рыба плавится, играет* «рыбы много и плавает у поверхности воды» – *рыба ушла* «рыбы нет, не ловится». Приведем антонимические парадигмы фразеологических единиц, имеющих неодинаковую структурную организацию: *как на блюде кататься* «очень хорошо жить» – *нельзя стало жить* «тяжело стало жить», *врозь уйти* «отделиться, жить отдельно» – *одним домом жить* «жить вместе», *худой-расхудой* «очень худой» – *в кожу не лезет* «очень толстый», *впасть в горе* «унывать, печалиться» – *захлебнуться от радости* «сильно радоваться что-то»; *оприть души* «против души, не нравится что-то» – *прійти по душе* «прійтись по душе, по вкусу, нравится что-то»; *бельская вода пришла* «о половодье» – *вода села* «о спаде воды в половодье», *лодыря корчить* «бездельничать» – *работать без разгиба* «работать, не разгибая спины».

Диалектные антонимические устойчивые выражения можно представить и в качестве лексикографических единиц, беря за основу принципы разработанного автором данной статьи «Словаря фразеологических антонимов русского языка» [9].

Приведем примеры таких оппозиций, в которых реализуются как антонимические, так и синонимические связи оборотов.

ТРУДИТЬСЯ – БЕЗДЕЛЬНИЧАТЬ	
<i>работать без разгиба</i> ≈ <i>лодыря корчить</i>	
Работать очень много, не разгибая спины. <i>Синонимы</i> : гнуть спину, мозолить руки, набивать мозоли, пот проливать, тянуть лямку, не оставаться без дела.	Бездельничать, ничего не делать. <i>Синонимы</i> : бить баклуши, лежать на боку, лежать на печи, сидеть сложа руки, плевать в потолок, считать ворон, мух считать, груши околачивать, собак (голубей) гонять.

В основе оппозиции – противопоставление понятий *трудиться (работать)* и *бездельничать*. Интегральной семой антонимической парадигмы *работать без разгиба* и *лодыря корчить* является характеристика поведения человека, его работоспособности. Дифференциальные (различительные) признаки выражаются через противоположность значений фразеологических единиц, за счет латентно представленной семы «не» в значении одного члена пары. Реализуются комплементарные (контрадикторные) отношения. Фразеологизмы имеют неодинаковую структурную организацию, однако могут употребляться в широком контексте. Синонимы имеет каждый компонент рассматриваемой парадигмы.

Рассмотрим другой пример.

ХОРОШО – ПЛОХО	
<i>как на блюде кататься</i> ≈ <i>нельзя стало жить</i>	
Очень хорошо жить. <i>Синонимы</i> : как сыр в масле кататься, крепко жить, жить в житье.	Тяжело стало жить. <i>Синонимы</i> : перебиваться с хлеба на квас, с куска на кусок, колыхать век.

Оппозиция базируется на противопоставлении понятий *хорошо* и *плохо*. Интегральная сема антонимической парадигмы *как на блюде кататься* и *нельзя стало жить* – характеристика качества жизни человека, условий его существования. Противоположность значений фразеологических единиц, наличие семы «не» в значении одного члена пары являются дифференциальными критериями. Здесь реализуются комплементарные (контрадикторные) отношения. ФЕ имеют разную структурную организацию, возможно употребление антонимов в широком контексте. Синонимические отношения развивает каждый компонент рассматриваемой парадигмы.

ВМЕСТЕ, ДРУЖНО – РАЗДЕЛЬНО	
<i>одним домом жить</i> ≈ <i>врозь уйти</i>	
Жить вместе, сообща вести хозяйство.	Отделиться, жить отдельно, вести свое хозяйство. <i>Синонимы</i> : жить разными домами, жить своим домом.

Противопоставление основано на взаимоисключающих понятиях *вместе* и *раздельно*. Интегральная сема антонимической парадигмы *одним домом жить* и *врозь уйти* – характеристика совместного или обособленного проживания и ведения хозяйства. К дифференциальным признакам относятся: наличие противоположности значений фразеологических единиц, сема «не» в значении одного члена пары. Реализуются комплементарные (контрадикторные) отношения. ФЕ имеют разную структурную организацию, возможно употребление в широком контексте. Синонимические отношения развивает один компонент парадигмы.

Наряду с рассмотренными парадигматическими связями, у диалектных фразеологизмов наблюдается и многозначность. Между тем она представлена менее частотно. Внутри полисемичного оборота одно значение может быть конкретнее другого, одно развивается из другого. Приведем примеры: *жить не позад людей* 1) «жить не в стороне от людей», 2) «жить не хуже других»; *ровная речь* 1) «одинаковая, абсолютно схожая речь», 2) «правильная, гладкая, красивая речь». Встречается и омонимия. К примеру, смысловое содержание фразеологизма *болезнь схватила* раскрывается посредством двух значений («заболел кто-то» и «глупость, чушь, небыллица»), однако здесь наблюдается разобщенность в семантике, передаются разные понятия. По всей видимости, омонимия возникла в результате распада полисемии.

Таким образом, можно сделать ряд **выводов**. Проведенный анализ диалектных фразеологизмов еще раз подтверждает, что данные устойчивые выражения, как и некоторые компоненты в их составе, являются неповторимыми и характерны только для определенного говора. А парадигматика в сфере диалектной фразеологии характеризуется разнообразием синонимических и антонимических связей. На материале «Словаря русских говоров Башкирии» под редакцией З. П. Здобновой нами выявлено более сорока диалектных фразеологических синонимов, двадцать фразеологических антонимов, около десяти оборотов, развивающих многозначность. Выявленные семантические парадигмы могли бы пополнить как словари синонимов и антонимов, так и комплексный словарь русских говоров. **Перспективой исследования** могут стать выявление и анализ парадигматических отношений диалектных фразеологизмов на материале других словарей.

Список источников

1. Аванесов Р. И. Очерки русской диалектологии. М.: Наука, 1965. 323 с.
2. Аванесов Р. И., Бромлей С. В., Булатова Л. Н. и др. Русская диалектология / под ред. Р. И. Аванесова, В. Г. Орловой. М.: Наука, 1964. 308 с.
3. Васильев Л. М. Современная лингвистическая семантика: учебное пособие для вузов. М.: Высшая школа, 1990. 176 с.
4. Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. 309 с.
5. Дружинина Е. С. Исследование восприятия фразеологизмов-синонимов носителями языка // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 4. Ч. 1. С. 356-558.
6. Жуков В. П., Жуков А. В. Русская фразеология: учебное пособие. М.: Высшая школа, 2006. 408 с.
7. Здобнова З. П. Судьба русских переселенческих говоров в Башкирии. Уфа: РИЦ БашГУ, 2001. 155 с.
8. Мардиева Э. Р. Роль компонентов фразеологических единиц в реализации антонимических отношений // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 6 (72). Ч. 3. С. 135-137.
9. Мардиева Э. Р. Словарь фразеологических антонимов русского языка: учебное пособие. Нефтекамск: РИЦ БашГУ, 2007. 130 с.
10. Миллер Е. Н. Природа лексической и фразеологической антонимии. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1990. 221 с.
11. Мокиенко В. М. Предисловие // Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Словарь фразеологических синонимов русского языка / под ред. В. М. Мокиенко. М.: АСТ-Пресс, 2009. С. 4-10.
12. Новиков Л. А. Антонимия в русском языке (семантический анализ противоположности в лексике). М.: МГУ, 1973. 290 с.
13. Покровский М. М. Избранные труды по языкознанию. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. 382 с.
14. Словарь русских говоров Башкирии: А – Я [Электронный ресурс] / АН РБ; БашГУ; под ред. З. П. Здобновой. URL: <https://elib.bashedu.ru/dl/read/ZdobnovaSlovarRusGovorov.pdf> (дата обращения: 14.11.2020).

Antonymic and Synonymic Paradigms in Dialectal Phraseology

Mardieva Elmira Radmirovna, PhD

Neftekamsk Branch of the Bashkir State University

mardievaer@mail.ru

The article aims to determine paradigmatic activity of dialectal phraseological units presented by the “Dictionary of the Russian Dialects of Bashkiria” edited by Z. P. Zdobnova. Scientific novelty of the work lies in describing the identified dialectal set expressions, which develop paradigmatic relations. Attention is paid primarily to such semantic paradigms of units as synonymic and antonymic ones, which are characterised by complexity and expressiveness due to indefiniteness of phraseological meaning itself. As a result, an analysis of dialectal phraseological synonyms and antonyms from the standpoint of semantics, component composition, structural organisation was conducted. The paradigms considered in the course of the study can be included into a comprehensive dictionary of the Russian dialects and help to replenish dictionaries of synonyms and antonyms. Looking forward, it may be possible to identify and analyse paradigmatic relations of dialectal phraseological units using material from other dictionaries of the Russian dialects.

Key words and phrases: dialectal phraseology; phraseological synonyms and antonyms; integral and differential semes; component composition; structural organisation.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.9>

Дата поступления рукописи: 10.10.2020

Цель исследования – определение различий в представлении концепта НЕВЕЖЛИВОСТЬ в русской лингвокультуре с позиций гендерных групп (мужчины и женщины). **Научная новизна:** на основе данных проведенного ассоциативного эксперимента выявляются характерные для каждой группы категории восприятия концепта НЕВЕЖЛИВОСТЬ, основные сходства и различия. **Результатом** проведенного исследования стала идентификация как общих черт в понимании концепта НЕВЕЖЛИВОСТЬ мужчинами и женщинами (грубость, эстетическая непривлекательность, табуированность, большая враждебность при высокой сложности/опосредованности/завуалированности высказываний), так и существенно различающихся компонентов данного концепта для представителей групп респондентов (для мужчин-респондентов характерным является понимание невежливости как бесцеремонности и враждебности, оскорбление трактуется мужчинами как прямолинейный коммуникативный акт; женщинами-респондентами невежливость воспринимается как оскорбление, неприемлемый и мало распространенный акт коммуникации).

Ключевые слова и фразы: концепт НЕВЕЖЛИВОСТЬ; ассоциативный эксперимент; гендерные различия; русское коммуникативное пространство.

Петрова Анастасия Аркадьевна

Российский университет дружбы народов, г. Москва

petrova_aa@pfur.ru

Репрезентация концепта НЕВЕЖЛИВОСТЬ в русской лингвокультуре: гендерный аспект (на материале ассоциативного эксперимента)

Введение

Лингвистическая невежливость является важным элементом коммуникативного поведения человека, напрямую влияющим на успешность общения индивидов между собой.

Актуальность данной работы обусловлена возрастающим интересом к гендерным исследованиям и выявлению различий между восприятием различных концептов в культуре народа со стороны мужчин и женщин, а также присутствием феномена невежливости в коммуникативном сознании личности в качестве неотъемлемой части эмоциональной сферы [1, с. 30].

Для достижения цели исследования необходимо решить следующие **задачи**: проведение ассоциативного эксперимента, призванного определить персональные ассоциации респондентов с понятием «невежливость»; выявление общих и различных черт в восприятии невежливости мужчинами и женщинами; определение связей между полученными дихотомичными компонентами для каждой из групп респондентов; выделение специфических черт в понимании концепта НЕВЕЖЛИВОСТЬ для каждой из анализируемых групп путем качественного сравнения полученных от респондентов ответов.

Материалом исследования послужили ответы респондентов, полученные в ходе проведения ассоциативного эксперимента.

В работе использовались следующие **методы исследования**: метод ассоциативного эксперимента, метод лингвистического анализа, описательно-аналитический метод.

Теоретической базой исследования послужили публикации отечественных ученых С. Г. Воркачева [2], В. И. Жельвиса [5], Т. В. Лариной [7], В. В. Леонтьева [8], З. Д. Поповой, И. А. Стернина [12], М. Л. Харловой [18-20].

Теоретическая значимость статьи заключается в возможности использовать полученные результаты в ходе дальнейшего анализа различий восприятия концепта НЕВЕЖЛИВОСТЬ внутри рассмотренных в данном исследовании групп (мужчины и женщины) с опорой на иные критерии. Также существует возможность выявить гендерно-значимые различия в восприятии языковой картины мира в представлении мужчин и женщин.

Практическая значимость работы: материалы исследования могут быть использованы в вузах гуманитарного направления при изучении спецкурсов по когнитивной лингвистике, семасиологии, русского языка как иностранного.

Проблема лингвистической невежливости в русской лингвокультуре

На сегодняшний день проблеме лингвистической невежливости в русской лингвокультуре уделяется пристальное внимание со стороны отечественных [3; 4; 6; 10-13] и зарубежных лингвистов [1].

Исследователями предлагаются различные, во многом взаимно дополняющие друг друга, подходы к анализу данного феномена. Так, М. Л. Харлова рассматривает невежливость через призму культурной составляющей народа, отмечая конструируемость коммуникативного поведения «в определенном контексте и в соответствии с приобретенным социокультурным опытом...» [18, с. 119]. И. А. Стернин, в свою очередь, предлагает рассматривать данное явление в русле коммуникативного поведения [15, с. 98]. Сопоставление невежливости с другим важным социопрагматическим и культурным феноменом – вежливостью, выступающей базой «при формировании межличностных отношений» [8, с. 27], – позволяет выявить черты неприемлемого поведения индивида в обществе с точки зрения установленных в нем правил, а также определить степень их нарушения. Лингвисты также отмечают способность невежливости и невежливого поведения быть своеобразной нормой общения [Там же].

Анализ невежливости представляется целесообразным проводить с позиции когнитивной лингвистики, рассматривая исследуемый феномен в качестве базовой единицы данной отрасли знания – концепта, определяемого З. Д. Поповой и И. А. Стерниным как «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [12, с. 24]. Подобный подход уже применяется в ряде работ отечественных исследователей. Так, М. Л. Харлова выделяет возможность исследования феномена невежливости в качестве составляющей когнитивной лингвистики, трактуя анализируемое явление как «отрицательное отношение к определенному поведению в определенном контексте, которое можно представить в виде схемы или концепта, включающего оценочное мнение» [20, с. 86].

Формирование и последующее функционирование концепта тесным образом связаны с культурой народа. А. Вежицкая отмечает способность концепта к отражению основных идей этноса и отдельно взятой личности [1, с. 286]. С. Г. Воркачев также подчеркивает способность анализируемого феномена к передаче высших ценностей этноса, обусловленных национальной спецификой [2, с. 70]. З. Д. Попова и И. А. Стернин среди многочисленных свойств концепта выделяют его национальные особенности содержания и структуры, лакунарность и эндемичность [12, с. 15], отмечая, что этнокультурная специфика не всегда является обязательной характеристикой рассматриваемого явления [Там же, с. 25]. Исследователи также отмечают ряд специфических особенностей концепта, основными из которых выступают национальная, социальная, групповая и индивидуальная [Там же, с. 15]. Анализ приведенных положений позволяет сделать вывод о культурной и национально-ориентированной обусловленности концепта, его тесной связи с системой ценностей народа, этноса или отдельно взятой личности.

Таким образом, концепт НЕВЕЖЛИВОСТЬ обладает четко обозначенными для конкретного народа этноспецифическими особенностями. Русская культура не является исключением. Ю. Е. Прохоров и И. А. Стернин отмечают ряд особенностей русской коммуникативной культуры, связанных с проявлением вежливости и невежливости к собеседникам: так, общая вежливость к незнакомым со стороны русских является значительно более низкой, чем к знакомым; вежливость в педагогическом процессе носит однонаправленный характер; перебивание говорящего в процессе общения не рассматривается в качестве грубого поведения и др. [13, с. 111-113].

Методология исследования

Анализ репрезентации концепта НЕВЕЖЛИВОСТЬ в русской коммуникативной культуре детально рассматривается в работах М. Л. Харловой [20]. Обширные исследования отечественного лингвиста позволяют представить основные определения концепта НЕВЕЖЛИВОСТЬ, характерные для современного представителя русского коммуникативного пространства, а также составить представление о семантической репрезентации данного явления в словарях русского языка и Национальном корпусе русского языка (НКРЯ). Тем не менее в упомянутых работах не наблюдается дифференциация ответов респондентов по гендерному признаку. В данной исследовательской работе нами будет произведен анализ репрезентации концепта НЕВЕЖЛИВОСТЬ в сознании представителей русской коммуникативной культуры с дифференциацией по гендерной составляющей (мужчины и женщины) путем рассмотрения лексических ассоциатов, полученных в результате свободного и направленного ассоциативного эксперимента.

Ассоциативный эксперимент представляет собой «метод, направленный на обнаружение ассоциаций, языковых клише, сложившихся в сознании испытуемого в процессе его жизнедеятельности» [9, с. 53]. Основным материалом, получаемым исследователем в процессе ассоциативного эксперимента, является ассоциация, понимаемая в психологии как «связь между психическими явлениями, при которой актуализация (восприятие, представление) одного из них влечет за собой появление другого» [14]. Реакции респондентов, полученные в результате ассоциативного эксперимента, могут с высокой точностью свидетельствовать о представлениях испытуемых о каждом из концептов культуры [17]. В рамках данного исследования нами будут использованы свободный и направленный типы ассоциативного эксперимента как наиболее подходящие для выявления необходимых ассоциатов. Свободный ассоциативный эксперимент представляет собой анализ моментальной реакции на слово-стимул [9, с. 53]; в задачу испытуемого входит дать наиболее быстрый ответ на предъявленную ему лексему. В результате проведения свободного эксперимента исследователь получает материал, семная интерпретация которого «заключается в осмыслении полученных на стимул ассоциативных реакций как языковых репрезентаций (объективаций, актуализаций) семантических компонентов слова-стимула – сем» [16, с. 133]. При направленном ассоциативном эксперименте, являющемся получением реакции респондента на предъявленное ему слово-стимул, исследователь направляет ассоциации исследователей в нужное ему направление [13, с. 25-26]. При этом основная трудность в проведении направленного ассоциативного эксперимента заключается в грамотном формулировании вопросов-стимулов [Там же, с. 26].

Итак, с целью проведения исследования репрезентации концепта НЕВЕЖЛИВОСТЬ в русской лингвокультуре и поиска различий между разными гендерными группами (мужчины и женщины) нами был проведен ассоциативный эксперимент, организованный в несколько этапов. На первом этапе исследования респондентам предлагался свободный ассоциативный эксперимент: в течение трёх минут опрашиваемым необходимо было записать на чистый лист любые персональные ассоциации со словом «невежливость», используя любые лексико-семантические единицы. Далее на другом листе респондентам предлагалось написать все понятия, которые были ассоциативно-антонимичны понятию «невежливость». Полученные результаты были внесены

нами в общий бланк и распределены по частотности, что позволило создать два дихотомичных номинативных поля: одно из них номинировало концепт НЕВЕЖЛИВОСТЬ, а второе – антонимичное ему понятие (предположительно, «вежливость»).

Опираясь на полученные от респондентов единицы, нами были сформированы дихотомичные шкалы значений, результаты которых были внесены в таблицы для последующего корреляционного анализа. После статистической обработки нами были выделены связи между выявленными дихотомичными компонентами для каждой из групп респондентов, что, в свою очередь, позволило провести качественное сравнение полученных значений для групп мужчин и женщин и выделить специфические черты в понимании концепта НЕВЕЖЛИВОСТЬ для каждой из анализируемых групп.

Анализ репрезентаций концепта НЕВЕЖЛИВОСТЬ для групп мужчин и женщин

В ходе проведенного анализа нами были получены следующие данные о лексико-семантических категориях репрезентации концепта НЕВЕЖЛИВОСТЬ в языковой картине мира современного носителя русской культуры для указанных групп (мужчины и женщины).

Таблица 1. Репрезентация концепта НЕВЕЖЛИВОСТЬ для группы мужчин

	Частотность / 500 чел.
Грубость	720
Бесцеремонный	880
Не уважать	713
Непрямой	691
Сложно	818
Неприятный	739
Некрасивый	625
Оскорбление	584
Резкость	447
Неуважение	446
Плохо	368
Нельзя	373
Редко использую	292
Враждебность	286
Недружба	188
Грубить	158
Агрессия	129

Таблица 2. Репрезентация концепта НЕВЕЖЛИВОСТЬ для группы женщин

	Частотность / 500 чел.
Грубость	898
Бесцеремонный	870
Не уважать	862
Непрямой	725
Сложно	707
Неприятный	718
Некрасивый	670
Оскорбление	662
Резкость	666
Неуважение	649
Плохо	521
Нельзя	464
Редко использую	388
Враждебность	297
Недружба	281
Грубить	288
Агрессия	89

При этом можно отметить, что всего респондентами-женщинами было представлено 408 уникальных лексических репрезентаций концепта, а респондентами мужчинами – 387, однако для проведения статистического анализа словоизменительные формы были нами упрощены до инфинитивных значений и уравнены, а формы, встречавшиеся менее чем в 5% случаев, не принимали участия в дальнейшей обработке.

Принимая во внимание положения отечественных и зарубежных лингвистов о возможности вербализации концептов при помощи лексических, синтаксических и фразеологических средств языка [1, с. 58; 12, с. 15], для анализа нами были выбраны лексические репрезентации концепта НЕВЕЖЛИВОСТЬ как наиболее частотные (96%) в ответах респондентов. Рассматривая лексический состав концепта НЕВЕЖЛИВОСТЬ, можно выделить, что основную часть (80% приведённых ассоциатов) составили существительные, ещё 10% представлены прилагательными, 8% – глаголами и отглагольными формами, а 2% – словосочетаниями.

		грубость – корректность	бесцеремонность – тактичность	неуважение – уважение	опосредованность – прямолинейность	сложный – простой	некрасивый – красивый	плохой – хороший	недозволенный – принятый	малоупотребимый – употребимый	враждебный – дружественный	оскорбление – поощрение	резкость – мягкость
бесцеремонность – тактичность	Корреляция Пирсона	,306**	1	,678**	-,020	,282**	-,035	,541**	,570**	,286**	,233*	-,255*	,025
	Знч. (2-сторон)	,004		,000	,858	,009	,748	,000	,000	,008	,032	,018	,819
	N	500	500	500	500	500	500	500	500	500	500	500	500
неуважение – уважение	Корреляция Пирсона	,294**	,678**	1	,112	,326**	,047	,364**	,314**	,221*	,197	-,241*	-,131
	Знч. (2-сторон)	,006	,000		,306	,002	,672	,001	,003	,042	,071	,026	,231
	N	500	500	500	500	500	500	500	500	500	500	500	500
опосредованность – прямолинейность	Корреляция Пирсона	-,018	-,020	,112	1	-,050	,328**	,128	,029	,262*	,205	-,217*	,125
	Знч. (2-сторон)	,873	,858	,306		,648	,002	,243	,794	,015	,060	,046	,254
	N	500	500	500	500	500	500	500	500	500	500	500	500
сложный – простой	Корреляция Пирсона	,277*	,282**	,326**	-,050	1	,133	,273*	,098	,121	,023	-,093	,068
	Знч. (2-сторон)	,010	,009	,002	,648		,226	,011	,371	,271	,836	,396	,538
	N	500	500	500	500	500	500	500	500	500	500	500	500
некрасивый – красивый	Корреляция Пирсона	-,102	-,035	,047	,328**	,133	1	,107	,163	,144	,141	-,001	-,122
	Знч. (2-сторон)	,353	,748	,672	,002	,226		,330	,137	,190	,196	,992	,268
	N	500	500	500	500	500	500	500	500	500	500	500	500
плохой – хороший	Корреляция Пирсона	,174	,541**	,364**	,128	,273*	,107	1	,481**	,119	-,028	-,182	-,044
	Знч. (2-сторон)	,111	,000	,001	,243	,011	,330		,000	,280	,797	,096	,689
	N	500	500	500	500	500	500	500	500	500	500	500	500
недозволенный – принятый	Корреляция Пирсона	-,048	,570**	,314**	,029	,098	,163	,481**	1	,264*	,166	-,189	-,063
	Знч. (2-сторон)	,665	,000	,003	,794	,371	,137	,000		,015	,130	,083	,564
	N	500	500	500	500	500	500	500	500	500	500	500	500
малоупотребимый – употребимый	Корреляция Пирсона	-,020	,286**	,221*	,262*	,121	,144	,119	,264*	1	,744**	-,174	,224*
	Знч. (2-сторон)	,859	,008	,042	,015	,271	,190	,280	,015		,000	,112	,039
	N	500	500	500	500	500	500	500	500	500	500	500	500
враждебный – дружественный	Корреляция Пирсона	-,033	,233*	,197	,205	,023	,141	-,028	,166	,744**	1	-,077	,194
	Знч. (2-сторон)	,765	,032	,071	,060	,836	,196	,797	,130	,000		,485	,076
	N	500	500	500	500	500	500	500	500	500	500	500	500
оскорбление – поощрение	Корреляция Пирсона	-,031	-,255*	-,241*	-,217*	-,093	-,001	-,182	-,189	-,174	-,077	1	-,076
	Знч. (2-сторон)	,780	,018	,026	,046	,396	,992	,096	,083	,112	,485		,489
	N	500	500	500	500	500	500	500	500	500	500	500	500
резкость – мягкость	Корреляция Пирсона	,057	,025	-,131	,125	,068	-,122	-,044	-,063	,224*	,194	-,076	1
	Знч. (2-сторон)	,607	,819	,231	,254	,538	,268	,689	,564	,039	,076	,489	
	N	500	500	500	500	500	500	500	500	500	500	500	500

* Корреляция значима на уровне 0,05 (2-сторон).

** Корреляция значима на уровне 0,01 (2-сторон).

		грубость – корректность	бесцеремонность – тактичность	неуважение – уважение	опосредованность – прямолинейность	сложный – простой	некрасивый – красивый	плохой – хороший	недозволенный – приятный	малоупотребимый – употребимый	враждебный – дружественный	оскорбление – поощрение	резкость – мягкость
резкость – мягкость	Корреляция Пирсона	,113	,102	-,016	,077	,165	,015	,119	,241*	,072	,098	-,076	1
	Знч. (2-сторон)	1	,352	,883	,481	,132	,893	,279	,026	,515	,373	,489	
	N	500	500	500	500	500	500	500	500	500	500	500	500
* Корреляция значима на уровне 0,05 (2-сторон).													
** Корреляция значима на уровне 0,01 (2-сторон).													

В ходе проведения анализа, направленного на выявление связей между обозначенными гендерно-специфическими категориями концепта НЕВЕЖЛИВОСТЬ, был идентифицирован ряд гендерно обусловленных тенденций. Так, рассмотрение взаимодействия различных категорий концепта НЕВЕЖЛИВОСТЬ с точки зрения восприятия мужчинами-респондентами позволило прийти к следующим *выводам*:

1. Чем более грубым является высказывание, тем более оно бесцеремонное, нарушающее личное пространство респондента, неуважительное и при этом простое в репрезентации.

2. Категория бесцеремонности в когнитивной картине мира мужчин-респондентов имеет прямую связь с такими понятиями, как неуважение, недозволенность, агрессивность/враждебность, а также воспринимается более «плохим» и «сложным» по мере непосредственного выявления респондентом прямого оскорбления.

3. Неуважение для респондентов-мужчин семантически связано с категориями недозволенности, редкого употребления в речи, а также «плохого» тона коммуникации.

4. Чем более опосредованным, непрямым является коммуникативное выражение, тем более оскорбительным, эстетически непривлекательным и малоупотребимым оно воспринимается.

5. Сложность выражения мысли в когнитивной картине мира мужчин-респондентов напрямую связана с категорией «плохо»: чем более простым для репрезентации является коммуникативное послание, тем более социально приемлемым оно воспринимается.

6. Трактовка высказывания с точки зрения агрессивности/враждебности находится в прямой двусторонней связи с такими понятиями, как оскорбление, бесцеремонность (как вмешательство в личное пространство коммуниканта) и резкость конкретного коммуникативного акта (Таблица 5).

Иные тенденции можно наблюдать в процессе восприятия различных категорий концепта НЕВЕЖЛИВОСТЬ со стороны женщин-респондентов:

1. Грубость и бесцеремонность высказываний напрямую обусловлены в большей степени оскорбительными, нарушающими границы социальной приемлемости, а также содержащими наибольший оттенок эстетической непривлекательности лексико-семантическими категориями.

2. Категория оскорбления напрямую семантически связана с понятиями неуважения, социальной неприемлемости, недозволенного поведения, а также малой употребимости в социальной жизни.

3. Чем более неуважительным является высказывание, тем более оно сложно в репрезентации и тем менее оно эстетично для респондентов.

4. Резкие высказывания воспринимаются женщинами-респондентами как бесцеремонные, однако без однозначной трактовки в качестве неприемлемых.

5. Враждебными воспринимаются сложные в репрезентации и опосредованные, завуалированные высказывания (Таблица 6).

Проведенный анализ также позволил выявить общие черты в восприятии концепта НЕВЕЖЛИВОСТЬ и его значимых составляющих в русской культуре мужчинами и женщинами (Таблицы 5, 6).

1. Невежливость семантически двусторонне связана с категориями грубости, неуважения, бесцеремонности и вмешательства в личное пространство (нарушение личного пространства).

2. Невежливые высказывания характеризуются респондентами как достаточно прямолинейные, соответственно, простые в репрезентации, но при этом эстетически непривлекательные в процессе коммуникации.

3. Невежливость не всегда представляет собой и воспринимается как оскорбление. Однако невежливые высказывания характеризуются определенной степенью социальной табуированности, в основном связанной с категорией недозволенности.

4. Русскоязычная лингвокультура отличается широким распространением невежливых коммуникативных актов (что показано нами посредством аспекта «употребимости»). Вместе с тем не все невежливые коммуникативные акты представляют собой проявление враждебности и демонстрацию агрессии по отношению к коммуниканту. Некоторые из них в сознании представителей русского коммуникативного пространства не определяются как невежливые/грубые (62% респондентов не отмечают взаимосвязь концепта НЕВЕЖЛИВОСТЬ с аспектами враждебности, агрессивности, грубости).

Заключение

Таким образом, подводя итог анализу гендерного восприятия концепта НЕВЕЖЛИВОСТЬ в русской коммуникативной культуре, мы приходим к следующим **выводам**. В соответствии с проведенными типами ассоциативного эксперимента (свободный, направленный) были выявлены персональные ассоциации респондентов с понятием «невежливость» (*грубость, бесцеремонный, не уважать, не прямой, сложно, неприятный, некрасивый, оскорбление, резкость, неуважение, плохо, нельзя, редко использую, враждебность, агрессия, недружба, грубить*). Проведенный анализ позволил обнаружить общие черты концепта НЕВЕЖЛИВОСТЬ, характерные для двух рассматриваемых групп респондентов (мужчины и женщины): грубость, эстетическая непривлекательность, табуированность, большая враждебность при высокой сложности/опосредованности/завуалированности высказываний. На основе сопоставления дихотомичных компонентов концепта НЕВЕЖЛИВОСТЬ также были выявлены следующие гендерно-специфические черты в его понимании указанными группами респондентов: мужчины-респонденты воспринимают невежливость не в контексте неуважения или оскорбления, а в контексте бесцеремонности и враждебности, в чем можно наблюдать черты маскулинности (коммуникативное соперничество, соблюдение границ личного коммуникативного пространства). Оскорбление как проявление невежливости воспринимается мужчинами как прямолинейный и простой для коммуникативного выражения акт. Женщины-респонденты, напротив, воспринимают невежливость как оскорбление, нечто неприемлемое и мало распространенное; оскорбление расценивается как завуалированная, опосредованная коммуникативная категория с явными чертами эстетической непривлекательности. Результатом проведенного исследования стало выявление как общих черт в понимании концепта НЕВЕЖЛИВОСТЬ мужчинами и женщинами, так и существенно различающихся компонентов данного концепта для представителей групп респондентов.

В качестве **перспективы дальнейших исследований** целесообразно будет провести всесторонний анализ каждой из выделенных в данной работе категорий применительно к рассмотренным группам (мужчины и женщины), а также рассмотреть частотность обращения к каждой из категорий со стороны респондентов разных возрастов.

Список источников

1. Вежицкая А. Семантические универсалии и базисные концепты. М.: Языки славянских культур, 2011. 568 с.
2. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64-72.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля: в 4-х т. / под ред. проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. М.: Т-во М. О. Вольф, 1903. Т. 3. 1019 с.
4. Евсеева О. В. Ассоциативный эксперимент как исследовательская процедура в психолингвистике // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Лингвистика». 2009. № 2 (135). С. 82-84.
5. Жельвис В. И. Грубость как регулятор коммуникативного поведения // Бытие в языке: сб. науч. тр. к 80-летию В. И. Жельвиса. Ярославль: ЯГПУ, 2011. С. 258-289.
6. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2000. 1563 с.
7. Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 258 с.
8. Леонтьев В. В. Грубость грубости рознь: к 20-летию исследований речевой невежливости в лингвистике // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2016. Т. 15. № 4. С. 26-38.
9. Митяева А. П., Щитова О. Г. Языковая объективация концепта «бизнес» в русской и английской лингвокультурах (по данным ассоциативного эксперимента) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2016. № 3 (168). С. 53-58.
10. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ozhegov.org> (дата обращения: 16.09.2020).
11. Петрова А. А. К изучению концепта «невежливость» // Актуальные проблемы русского языка и методики его преподавания: материалы XVI Студенческой научно-практической конференции. М.: Российский университет дружбы народов, 2019. С. 30-33.
12. Попова З. Д., Стернин И. А. Семантико-когнитивный анализ языка: монография. Воронеж: Истоки, 2007. 250 с.
13. Прохоров Ю. Е., Стернин И. А. Русские: коммуникативное поведение: монография. М.: Флинта, 2006. 238 с.
14. Психология: словарь / под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: Политиздат, 1990. 494 с.
15. Стернин И. А. Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры // Этнокультурная специфика языкового сознания: сборник научных статей / отв. ред. Н. В. Уфимцева. М., 1996. С. 97-112.
16. Стернин И. А., Рудакова А. В. Психолингвистическое значение слова и его описание. Воронеж: Ламберт, 2011. 192 с.
17. Уфимцева Н. В. Языковая картина мира: проблемы моделирования // Вопросы психолингвистики. 2016. № 1 (27). С. 238-249.
18. Харлова М. Л. Концептуализация невежливости в английском и русском языках // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Лингвистика». 2014. № 4. С. 119-131.
19. Харлова М. Л. Невежливость и грубость в коммуникативном сознании русских и американцев // Функционально-когнитивный анализ языковых единиц и его аппликативный потенциал: материалы II Международной научной конференции. Барнаул: Алтайская государственная педагогическая академия, 2014. С. 290-294.
20. Харлова М. Л. Эмоции в невежливой и грубой коммуникации // Russian Journal of Linguistics. 2015. № 3. С. 84-98.

Representation of the Concept IMPOLITENESS in the Russian Linguoculture: Gender Aspect (by the Material of Associative Experiment)

Petrova Anastassia Arkadievna

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow
petrova_aa@pfur.ru

The study aims to determine differences in representation of the concept IMPOLITENESS in the Russian linguoculture from the positions of gender groups (men and women). Scientific novelty: basing on the data of a conducted associative experiment, the researcher singles out the categories of perception of the concept IMPOLITENESS peculiar to each group, as well as the basic similarities and differences. The research findings amount to determination of commonalities in understanding the concept IMPOLITENESS by men and women (rudeness, aesthetic unattractiveness, tabooing, greater hostility associated with high complexity/indirectness/covertness of utterances), as well as determination of the components of this concept that differ considerably for representatives of the respondent groups (male respondents tend to understand impoliteness as impudence and hostility, men interpret offence as a direct communicative act; female respondents perceive impoliteness as an offence, an unacceptable and uncommon communicative act).

Key words and phrases: concept IMPOLITENESS; associative experiment; gender differences; Russian communicative space.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.10>

Дата поступления рукописи: 02.11.2020

Цель исследования – определить особенности метафор животных в баснях И. А. Крылова. В статье прояснены характерные черты образов волка, лисицы, льва, собаки и осла в баснях, представлен структурный анализ метафорических образов, описаны их характеристики. **Научная новизна** заключается в установлении доминирующего способа метафорического переноса, а также в определении продуктивной модели его создания. **В результате** проведения исследования доказано, что большинство косвенных номинаций в баснях И. А. Крылова строятся на основе сопоставления поведения человека с животными повадками, а уникальная особенность донесения до читателя морали строится на переосмыслении глагольного компонента метафоры – на предикативности.

Ключевые слова и фразы: басни И. А. Крылова; метафора животных; предикативность; метафорические образы.

Сюй Чжэньюй

Ван Лэ-лэ

Российский университет дружбы народов, г. Москва
xzyu3121@163.com; 2514751775@qq.com

Особенности метафоры животных в баснях И. А. Крылова

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что описание современного этапа исследования метафоры, ее интерпретации в рамках существующей картины мира и описание продуктивных моделей производства является необходимостью для современного языкознания. Так как восприятие и оценка метафоры меняются с течением времени, возникает необходимость зафиксировать современный взгляд на своеобразие метафоры, в частности в творчестве И. А. Крылова.

Метафора – одна из наиболее распространенных фигур художественной речи, вскрывающих креативный потенциал. Истоки ее изучения лежат в древности, одно из первых определений дано в трактате «Поэтика» Аристотеля: «Переносное слово (metaphora) – это несвойственное имя, перенесенное с рода на вид, или с вида на род, или с вида на вид, или по аналогии» [2, с. 669].

Метафора (от греч. metaphora – ‘перенос, образ’) – «вид тропа, в основе которого лежит ассоциация по сходству или по аналогии» [7].

Сегодня метафора вышла далеко за рамки традиции, ее изучают не только лингвисты, писатели, поэты, критики, но и ученые из самых разных областей науки. Современные лингвисты, такие как Н. Д. Арутюнова, Дж. Лакофф, М. Джонсон, В. Г. Гак и др. в своих трудах раскрыли природу метафоры, описали её структуру и функции. Материалы их научных работ послужили **теоретической базой** для данного исследования.

В изучении метафоры стали видеть «путь к пониманию образа мышления и принципов создания не только национально-специфической картины мира, но и его универсального образа» [3, с. 5-6]. Хотя иногда «различия между разными языковыми картинками мира внутри одного языка оказываются больше, чем межъязыковые различия» [10, с. 15].

Метафора – это особая «техника» и «способ косвенного и образного выражения смысла» [Там же, с. 7, 9]. Метафора часто содержит точную и яркую характеристику описанного объекта. Изучение метафоры позволяет «увидеть то сырье, из которого делается значение слова» [Там же, с. 10].

По мнению В. Г. Гака, «метафора возникает не потому, что она нужна, а потому, что без нее невозможно обойтись. Она присуща человеческому мышлению и языку...» [4, с. 12].

Концептуальная теория метафоры наиболее четко сформулирована в книге американских исследователей Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живём» (2004), в которой приводится доказательство прямой связи метафор с нашей концептуальной системой. Метафора – явление не лингвистического, а экстралингвистического порядка, рождающееся в результате приобретения опыта, его осмысления, а также усвоения прививаемой культуры. Суть метафоры состоит в «понимании и переживании сущности одного вида в терминах сущности другого вида» [6, с. 27].

Практическая значимость исследования состоит в получении новых данных о метафорической системе басенного творчества И. А. Крылова, которые могут быть использованы в рамках учебных курсов по лингвокультурологии, дополнительных образовательных курсов по русскому языку и культуре речи, а также в дальнейших научных исследованиях.

Обратимся к материалу исследования – басням И. А. Крылова, чтобы решить ряд **задач**: проанализировать метафоры, создаваемые автором, и образы, на которых эти метафоры строятся; выделить метафорические доминанты; определить наиболее репрезентативный пласт метафор, пронизывающий все басенное творчество И. А. Крылова. Для решения исследовательских задач были использованы сравнительно-сопоставительный, культурно-исторический и описательный **методы**.

В центре образной системы басни находятся животные, растения, реже – неодушевленные предметы. В творчестве И. А. Крылова представлены все перечисленные образы. Рассмотрим их подробнее.

Образы животных в баснях И. А. Крылова и их метафорические особенности

Метафоры-зоонимы встречаются в баснях И. А. Крылова наиболее часто. Такие метафоры построены на косвенной номинации, сопоставлении черт характера и качеств людей и животных. Возникают ассоциативные ряды *лиса – хитрая, волк – злой, осел – тупой*, реализованные в фиктивном модусе. Возникает модус фиктивности в изменении модели «как если бы...» при приписывании животным характеристик поведения, качеств человека. В основе метафорического переноса могут находиться степень ценности, положительные или отрицательные качества прототипа, впечатления, которые он создает, или сходство функций.

Определим частотность, с которой встречаются те или иные метафоры-зоонимы в баснях И. А. Крылова. Количественный анализ позволяет определить, что чаще других перед читателем предстает фигура волка. Что автор вкладывает в эту метафору? Какими качествами наделяет своего волка?

И. А. Крылов создает образ волка как воплощение худших человеческих качеств. Так, например, в басне «Волк и Ягнёнок» он представлен тираном, который не признает ничего более важного, чем собственные желания. Он груб и дерзок. К Ягнёнку он обращается: «наглец» [5, с. 25], «негодный» [Там же], «щенок» [Там же, с. 26]. Басня «Волк на псарне» иллюстрирует проявление таких качеств, как беспомощность, изворотливость и лицемерие. Волк пытается любой ценой сохранить свою жизнь. По своей натуре он «забияка», а пытается представиться «старинным сватом и кумом» [Там же]. Басня «Волк и Журавль» вскрывает часто встречаемое в реальной жизни человеческое качество – неблагодарность. Волк не просто отказывается благодарить Журавля за то, что тот спас ему жизнь, но и в ответ на помощь называет его «неблагодарным» [Там же, с. 215]. «Лев и Волк» – о жадности, стремлении получить желаемое, не прикладывая усилий. «Волк и Лисица» – о глупости, простоте и невозможности повлиять на равных, на тех, кто слабее. Волк «Обласкан по-уши кумой, / Пошел без ужина домой» [Там же, с. 136]. Лиса – «кума» [Там же]. Так И. А. Крылов подчеркнул их внешнюю близость – почти родственную связь, которую так умело играет Лиса.

Образ лисицы почти не отстает по количеству использований от образа волка. Однако он богаче и разнообразнее. Лиса умна, сообразительна и весьма изобретательна, лукава и предприимчива. В басне «Ворона и Лисица» показана ее хитрость, талант входить в доверие и льстить. Лиса здесь – настоящая «плутовка» [Там же, с. 5], «обманщица» [Там же]. В басне «Лисица и Осел» она иронична и усмехается над наивностью и глупостью Осла. В басне «Добрая Лисица» она сначала предстает в непривычном амплуа – рассуждает о добре и милосердии, призывает к заботе о слабых, но только до тех пор, пока ей это выгодно. И. А. Крылов часто использует этот художественный прием: погружает животных в неестественную для них среду, когда волк пасет овец или осел охраняет огород. Замысел автора кроется в том, чтобы в конце повествования создать ситуацию, когда проявится истинная сущность героя, тем самым контрастом усилив характеры. Образ лисы объединяет в себе все черты и характеристики человека-приспособленца, всегда умеющего найти выход, ввести всех в заблуждение и при этом приобрести выгоду.

Далее по частоте использования располагается образ льва. Он наделен отборными чертами. Всегда предстает властителем, самым главным в лесном царстве, держащим в страхе всех остальных его обитателей. Он мучитель, диктатор, стремящийся только к власти и наживе. Таким читатель видит Льва в баснях «Лев и Барс» («Судиться по правам – не тот у них был нрав» [Там же, с. 49]), «Лев и Волк» («Она [собачка] еще глупа, но ты уж не щенок» [Там же, с. 180]), «Воспитание Льва» («Кого ж бы попросить, нанять или заставить / Царевича Царем на выучку поставить?» [Там же, с. 113]).

Необычно И. А. Крылов создает и образ собаки: раскрывает его с обратной стороны, нежели мы привыкли думать об этом животном. В нашем культурном представлении заложен некий код, что собака – друг человека. Этот стереотипный образ создан на основании таких ее качеств, как доброта и верность. И. А. Крылов же видит его иначе. Так, в басне «Собачья дружба» договор о настоящей дружбе разрушается при первом же случае: «Тут повар на беду из кухни кинул кость. / Вот новые друзья к ней взапуски несутся: /

Где делся и совет, и лад?» [Там же, с. 56]. В басне «Слон и Моська» собака показана склочной и задиристой: «...я, совсем без драки, / Могу попасть в большие забияки» [Там же, с. 98]. Хотя сама всего лишь «моська» [Там же] – очень маленькой породы. В басне «Две Собаки» собака приспосабливается к жизни в барском доме, забыв о гордости, уважении к себе и своему истинному предназначению: «Чем служишь ты?» – «Чем служишь! Вот прекрасно!» / С насмешкой отвечал Жужу: / «На задних лапках я хожу» [Там же, с. 272].

За образом собаки следует образ осла, со своей глупостью как основной чертой. Он совершенно туп и безобиден: «Осел и Соловей» («жаль, что незнаком / Ты с нашим петухом» [Там же, с. 89], тогда бы петух мог лучше научиться), «Осел» («барин» [Там же, с. 301], «знатным господином» [Там же], «вельможей» Осел возомнил себя [Там же]), «Осел и Мужик» («Осел был самых честных правил» [Там же]). Такими же, как осел, в баснях И. А. Крылова предстают и овцы. Они абсолютно бесправны, не имеют личного мнения, поэтому почти всегда изображаются стадом. Образ овец встречается в 7 баснях: «Волк и Ягненок», «Мирская сходка», «Мор зверей», «Овцы и Собаки», «Змея и Овца», «Крестьянин и Овца», «Пестрые Овцы». Об овцах автор говорит, не иронизируя. Он им сочувствует и осуждает тех, кто их унижает. В двух баснях мы видим овцу в единичном образе – «Волк и Ягненок» и «Змея и Овца». В этих баснях ягнята даже пытаются возражать своим противникам: «Ах, я чем виноват?» [Там же, с. 26] («Волк и Ягненок»), «Что сделал я тебе?» [Там же, с. 255] («Змея и Овца»). Но их попытки безуспешны.

Можно заключить, что И. А. Крылов создает такие яркие метафоры-зоонимы, чтобы передать многоликость человеческого характера, а также представить сословную иерархию, указать на черты, характерные для определенного сословного типа. Цари всегда предстают Львами. Их окружение, придворные или чиновники – Волки, Лисицы, Медведи. Образ «маленького человека», воплощением которого являются крестьяне, передается через образы овец и ягнят. Так метафорично И. А. Крылов выстраивает всю социальную иерархию. Характер, которым обладает животное в басне, есть отражение конкретных общественных черт. Вскрывающая эти метафоры, читатель видит перед собой реальные, широко представленные в обществе типажи. А частота их изображения указывает на авторское равнодушие и интересующие его проблемы. Самые острые и болезненные для общества проблемы удостоены авторской сатиры. И. А. Крылов создает настоящие, типичные, отражающие реальность характеры, обобщая в целом ситуацию, в которой происходит действие.

Типологические особенности метафор в баснях И. А. Крылова

Кроме того, стоит отметить, что басни И. А. Крылова разнятся по своей тематике и идейной направленности. Так, выделяются следующие группы: социально-политические басни, бытовые, философские, исторические. В каждой из них метафора приобретает новые коннотации и оттенки смысла. Выше мы рассмотрели целый ряд примеров басен политической и бытовой тематики. Противоборство между сильным и слабым – основа политических басен. Конфликт неминуем, исход предопределен («Волк и Ягненок», «Мор зверей», «Мирская сходка», «Овцы и Собаки» и др.). Идеи о том, что иногда достаточно казаться кем-то, но не быть таковым, что лесть опасна, а наука есть основа будущего, и ругают ее лишь невежды, в полной мере нашли отражение в цикле басен на бытовую тематику («Слон и Моська», «Ворона и Лисица», «Свинья под дубом» и др.).

Обратимся к исторической тематике. Она в баснях И. А. Крылова раскрыта довольно полно и в языковом выражении весьма изящно.

Исследователи уделяли много внимания аллегории Крылова в баснях на историческую тематику, поскольку за созданными образами скрыта отвлеченная идея, скрываются реальные исторические фигуры и события.

Но существует и иной взгляд на художественные средства. Так, в баснях «Волк на псарне», «Щука и Кот» следует смотреть на центральные образы под другим углом: не с аллегорической, а с метафорической позиции. В этих баснях в облике Волка и Щуки скрыта личность Наполеона. Безусловно, Наполеон был человеком умным, в высокой степени ловким и хитрым, мог легко приспосабливаться к любой ситуации. Но, несмотря на все эти качества, он все же не смог верно рассчитать свои силы, переоценил возможности и, «думая залезть в овчарню» [Там же, с. 59], «попал на псарню» [Там же]. Единство образов Волка и Наполеона явно прослеживается в этих баснях, но не стоит сужать восприятие до одной исторической личности. Воссозданный образ настолько многогранен, что басня приобретает вневременную ценность.

Басня «Слон на воеводстве» содержит ряд ярких и метких метафор, на которых строятся комичность действия и мораль всего повествования. Слон – начальник, глава, царь. Волки – его подданные, окружение: помещики, администрация. Овцы – народ. И. А. Крылов с помощью метафоры знакомит читателя с властью своего времени, говорит о том, что встречаются на руководящих постах и хорошие люди, но их глупость и невежество превращают любое правильное, благое намерение в новые проблемы. Описанная ситуация ярко показывает все отрицательные стороны крепостного права, беспомощность крестьян и безвыходность ситуации, в которой они находятся, когда во главе стоят не те люди. Однако снова читательское восприятие не может оставаться в четких исторических рамках. Мы снова видим вневременной, по сей день актуальный контекст.

Глагольные метафоры в баснях И. А. Крылова

Наиболее продуктивной моделью в языке Крылова являются глагольные метафоры. Например, в басне «Осел»: «Надулся мой Осел, / Стал важничать, гордиться...» [Там же, с. 301]; в басне «Пушки и Паруса»: «Вот Пушки, выставясь из портов вон носами, / Роптали так пред небесами...» [Там же, с. 299]; в басне «Булат»: «Булат отвечает...» [Там же, с. 296]; в басне «Лжец»: «...то солнце спрячется, то светит слишком ярко» [Там же, с. 69] и т.д. Семантическая структура глагола более емка и гибка, чем у всех других грамматических категорий [9, с. 12].

Глагольная метафора в баснях И. А. Крылова представляет собой метафорическое переосмысление глагольных лексем с конкретным значением и выражает отвлеченное значение. Глагольные метафоры приобретают в контексте дополнительные коннотативные оттенки значения, часто наделяются экспрессивной оценочностью, что, являясь стилиобразующим приемом, способствует глубокому раскрытию идейного содержания басен, способствует передаче морали читателю наиболее ясно и доступно.

Следует отметить, что существует два типа метафор, различающихся по своей сути: номинативная (имеет некий объект, заполняет лауну в лексической системе, если наименование в языке отсутствует) и предикативная (метафора характеристики, которая создается как вторая номинация – характеристика или оценка). Для нас представляет интерес только второй тип, поскольку предикативная метафора заключает в себе такие возможности, как образность и экспрессия. Сравнивая возможности образной и экспрессивной метафор, можно заметить следующее: образность – способ охарактеризовать объект (наложение двух картин, совмещенное видение), экспрессивность – оценить его.

В баснях И. А. Крылова преобладают предикативные конструкции, в которых глаголы проявляют преимущественно следующую аспектуальную семантику:

- сообщают о наступлении определенного состояния (например, «...как время бы летело» из басни «Собачья дружба» [5, с. 55], «...время их бы отошло» из басни «Дерево» [Там же, с. 119], «Нужда и голод настает» из басни «Стрекоза и Муравей» [Там же, с. 68]);

- сообщают о прекращении какого-либо состояния, действия (например, «Прошла беда...» из басни «Крестьянин и Работник» [Там же, с. 81], «На одного из них пришла беда» из басни «Волк и Журавль» [Там же, с. 215]);

- инхоативные характеристики образов («Вот закипит, вот тотчас загорится!» про море из басни «Синица» [Там же, с. 68], «У нас запляшут лес и горы!» из басни «Квартет» [Там же, с. 131]) указывают на характер развития действия во времени и пространстве, интенсивность его проявления.

Глагольная метафора в басенном жанре активно участвует в отражении и структурировании национальной языковой картины мира, формируя определенные участки семантического пространства текста. Широко представлены антропоморфные метафоры, олицетворения, основанные на переосмыслении глагола, являющегося предикативным центром метафорической конструкции.

Посредством метафорического переосмысления глагольного компонента и метафорической конструкции в целом свойства, действия человека приписываются абстрактным сущностям (психическому и физическому состоянию человека, состоянию природы и др.) и животным. Крылов открыл уникальный способ создания образов в своих баснях: его герои не морализаторы и носители правильных идей, не комичные персонажи, пародирующие неких людей, а типизированные характеры, выражающие в своей метафоричности человеческие пороки и слабости [8, с. 46]. Масштаб этих характеров не имеет границ: это не уровень «человека», это уровень «общества». Вневременной контекст дает нам право заключить, что в этих характерах скрыт национальный колорит [1].

Использование метафоры в баснях обусловлено ее идейным содержанием. Автор выступает в качестве морализатора, цель которого – заключить в сюжет короткого повествования историю, раскрыть характеры и отношения героев, осмыслить и обобщить их.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие **выводы**. Основой для создания метафор в баснях И. А. Крылова служат образы животных, и косвенная номинация человеческих качеств основана на их сопоставлении с животными. Также следует заключить, что наибольшей репрезентативностью наделен класс предикативных метафор, поскольку глагольные лексемы с конкретным значением подвергаются переосмыслению и выражают отвлеченное значение. Посредством метафорического переосмысления глагольного компонента свойства, действия человека приписываются абстрактным сущностям, создается вневременной контекст, формируется особое семантическое пространство текста. Традиции, культурные и социальные особенности определяют образ мыслей людей, формируют картину мира, ее метафорическое представление. Как результат у людей рождается целая концепция реальности.

Метафора в тексте басни – попытка автора изложить свою образно-философскую картину мира, сочетая объективную реальность с собственным субъективным ее восприятием. Характер животных в басне есть отражение конкретных общественных черт. В разнovidных баснях за созданными образами скрыто осмысление автора об исторических личностях, о современном обществе. Глагольная метафора придает тексту образность и экспрессию. Она активно участвует в отражении и структурировании национальной языковой картины мира, формируя определенные участки семантического пространства текста.

Подводя итог исследования, мы можем отметить, насколько в сегодняшней реальности актуализируются метафорические образы И. А. Крылова. Но сложность и многогранность метафоры не позволяют сформулировать ряд постулатов и тем самым завершить многочисленные исследования и научные поиски. Невозможность до конца раскрыть сущность загадки метафорического переноса, поскольку она раскрывается по-разному в зависимости от существующей картины мира и способа мышления об этом мире, каждый раз ставит перед исследователями новые задачи и проблемы, дает импульс для новых поисков, в том числе и в смежных областях. С этим связаны и многочисленные **перспективы исследований**, такие как анализ более широкого языкового материала басен И. А. Крылова и сопоставление его авторских метафор с метафорами других баснописцев, составление словаря языка И. А. Крылова, рассмотрение других стилистических методов и приемов в баснях и их современная интерпретация.

Список источников

1. Анненкова Е. И. Жанровое новаторство басен И. А. Крылова // Русская литература. XIX век. От Крылова до Чехова / сост. Н. Г. Михновец. СПб.: Паритет, 2001. С. 7-17.
2. Аристотель. Сочинения: в 4-х т. / пер. с древнегреч.; общ. ред. А. И. Доватура. М.: Мысль, 1984. Т. 4. 830 с.
3. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры: сборник / пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз.; вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой; общ. ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 5-32.
4. Гак В. Г. Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте / отв. ред. В. Н. Телия; АН СССР, Ин-т языкознания. М.: Наука, 1988. С. 11-26.
5. Крылов И. А. Басни. М.: Эксмо, 2019. 352 с.
6. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: УРСС Эдиториал, 2004. 256 с.
7. Литературная энциклопедия: словарь литературных терминов [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/slt/abc/> (дата обращения: 31.08.2020).
8. Степанов Н. Л. И. А. Крылов. Жизнь и творчество. М.: Гос. издат. худож. лит., 1958. 468 с.
9. Чарыкова О. Н. Глагол как средство речевого воздействия // Речевое воздействие: сб. науч. тр. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 2000. С. 12-13.
10. Шмелев А. Д. Русская языковая модель мира: материалы к словарю. М.: Языки славянской культуры, 2002. 224 с.

Specific Features of Animal Metaphor in I. A. Krylov's Fables

Xu Zhengyu

Wang Lele

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

xzyu3121@163.com; 2514751775@qq.com

The study aims to determine specific features of animal metaphors in I. A. Krylov's fables. The article clarifies distinctive features of wolf, fox, lion, dog and donkey images, provides a structural analysis of metaphorical images, describes their characteristics. The research is novel in that it identifies the predominant way of metaphorical transfer, as well as a productive model of its creation. As a result, it was proved that the majority of indirect nominations in I. A. Krylov's fables are based on contrasting human and animal behaviour, and the unique feature of conveying a moral lesson to the reader is built on reinterpretation of the verbal component of a metaphor – on predicativity.

Key words and phrases: I. A. Krylov's fables; animal metaphor; predicativity; metaphorical images.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.11>

Дата поступления рукописи: 25.10.2020

Цель исследования – доказать существование эмоциональных и эмотивных компонентов в официально-деловом речевом жанре благодарственного письма. **Научная новизна** заключается в выявлении особенностей вербальной реализации категории эмотивности в эмоциогенном речевом жанре благодарственного письма в современном официально-деловом общении на русском языке, а также в установлении его вариативности в зависимости от особенностей воплощения в нём категории эмотивности и в выявлении его вторичной функции. **В результате** доказано, что степень интенсивности выражения категории эмотивности в жанре благодарственного письма обуславливает его официальный или полуофициальный статус. Отмечена также вторичная – рекламная – функция текстов данного жанра в официально-деловой коммуникации.

Ключевые слова и фразы: эмотивность; эмотема; официально-деловое общение; благодарственное письмо; стилевая контаминация.

Чжу Юньпин

Санкт-Петербургский государственный университет

2763496449@qq.com

Эмотивность в современной письменной официально-деловой коммуникации на русском языке

В русской стилистике среди базовых черт официально-деловой коммуникации неизменно выделяется «объективность, направленная на обезличивание словесных конструкций», подчёркивается недопустимость эмоциональности в официально-деловой речи [5, с. 65]. Однако, «будучи мотивационной основой сознания и языкового поведения homo loquens, эмоции становятся неизменным участником их речевого взаимодействия» [11, с. 24], причём сегодня наблюдаются активные процессы «непрерывной и глобальной эмоционализации и экспрессивизации коммуникативного пространства во всех сферах нашей жизни» [Там же], включая официально-деловую: «...в современной русской лингвокультуре наметилась тенденция в публичном общении к ослаблению категоричности и официальности» [10, с. 28].

Актуальность темы исследования обусловлена недостаточной изученностью реализации категории эмотивности в официально-деловом общении и тем, что в данной сфере коммуникации функционирует немалое количество речевых жанров, содержание которых непосредственно сопряжено с эмоциями (поздравления, жалобы и др.). Сказанным определён и выбор конкретного материала для анализа – официальные благодарственные письма на торжественных бланках, где тема – благодарность – это «аффективно-эмоциональное состояние, которое подтверждает, что индивиды будут претерпевать свою привязанность или принадлежность к непосредственной эмоциональной связи и более длительной социальной связи» [9, с. 107].

Для достижения поставленной цели решаются следующие **задачи**: а) рассмотреть особенности структурно-смысловой организации отобранных для анализа благодарственных писем, выделить в них компоненты, непосредственно выражающие эмоции адресанта; б) выделить и характеризовать средства воплощения в благодарственных письмах категории эмотивности: прежде всего, языковые, а также паралингвистические и визуальные; в) предложить коммуникативно-прагматическую классификацию речевого жанра благодарственного письма в современном официально-деловом общении на русском языке с учётом вариантов реализации в нём категории эмотивности.

Основными **методами** нашего исследования выступают коммуникативно-прагматический, композиционный и контекстуальный анализ.

Теоретической базой исследования послужили, прежде всего, труды отечественных авторов: М. В. Белякова [1], М. Я. Блоха и Н. А. Резниковой [2], В. И. Болотова [4], Т. В. Лариной [7], В. И. Шаховского [11], в которых категория эмотивности получает комплексную интерпретацию с учётом экстралингвистических и лингвистических факторов.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы в курсах по русской стилистике, культуре речи, в живом официально-деловом общении, а также в обучении иностранцев русскому языку.

Категория эмотивности определяется нами, вслед за Т. В. Лариной, как сознательная, запланированная в коммуникации демонстрация эмоций, направленная на адресата [7, с. 119], которая может выражаться в письменном общении собственно вербальными средствами, то есть на лексическом уровне – эмотивной лексикой всех типов: эмотивами-номинативами (лексика, непосредственно называющая эмоции); эмотивами-ассоциативами (слова, которые могут вовсе не содержать эмоциональный компонент в своем значении, однако их эмоциональность связана с реакциями, ассоциациями, возникающими и затрагивающими как лично говорящего, так и слушающего); эмотивами-экспрессивами (слова, выражающие эмоциональную оценку) [2, с. 14-19], на синтаксическом уровне – эмотивными высказываниями, с помощью которых коммуникант может выразить свои эмоции [1, с. 126]; а также такими паралингвистическими средствами, как знаки пунктуации, специальные графические маркеры (например, эмодзи или тип и размер шрифта) и другие визуальные средства (например, цвет). По мнению В. И. Шаховского, положительная эмотивность «соответствует экологичным и конструктивным тексту и коммуникации» и оказывает положительное воздействие на поведение человека [11, с. 28].

В анализируемых текстах номинация их жанра – благодарственное письмо – эксплицитно выражает **эмотему** «благодарность». Эмотема определяется нами, вслед за В. И. Болотовым, как эмоционально заряженный фрагмент текста (от слова до всего текста), смысл или форма выражения содержания которого являются источником эмоционального воздействия [4, с. 18]. Следовательно, обозначение автором текста жанра своего высказывания не только отражает испытываемое им чувство, но и через воздействие эмотемы порождает новую эмоциогенную ситуацию действительности, вызывая у адресата ещё перед чтением целого текста благодарственного письма положительные эмоции, которые поддерживаются и специальным торжественным оформлением бланка. Иными словами, официальное благодарственное письмо (особенно торжественно оформленное) по определению является высказыванием (вербальным или поликодовым) с эмотивной доминантой, в том числе и в официально-деловом общении.

Как текстовый документ официально-делового стиля, благодарственное письмо обладает устойчивой модульной композицией и высокой речевой формулярностью. Оно обязательно включает располагающиеся по установленным канонам модули обозначения реквизитов адресата и адресанта и речевую формулу, передающую адресату осмысленное чувство благодарности адресанта.

Обратимся непосредственно к анализу текстов и рассмотрим три благодарственных письма на торжественных бланках, размещённые на официальном сайте пензенского ООО «Региональный полиграфический комбинат» (РПК) [12].

В тексте 1 для передачи благодарности используется стилистически нейтральный вне контекста глагол *благодарить*, который употреблён в форме третьего лица единственного числа в речевой формуле *кто благодарит кого за что*, проявляющей официально-деловую окраску за счёт стилистически маркированных номинаций коммуникантов: субъект благодарности назван словосочетанием *администрация МАУ «Пензенский зоопарк»*, а адресат – словосочетанием *генерального директора ООО «Региональный полиграфический комбинат» Тумасова Валерия Дмитриевича*, где официально-деловой стиль высказывания подчёркивается и наличием в обеих приведённых номинациях обозначения должностных статусов коммуникантов (*администрация – генеральный директор*), и предшествованием в номинации адресата фамилии его имени и отчеству, и персонализацией собирательного субъекта *администрация* в завершающем модуле текста – расшифровке подписи адресанта – *директор А. А. Воскресенский*. Использование синекдохи в номинации адресанта и адресата – назывании глав фирм вместо их коллективов – характерный приём официально-делового общения.

Позиция *за что* в указанной выше конструкции заполняется номинацией основания благодарности – *за помощь в организации праздника*, где используется цепочка существительных со значением действия, свойственная книжно-письменной речи, в частности текстам официально-делового стиля. И хотя при глаголе *благодарить* употреблён эмотив-номинатив (наречие образа действия) *искренне*, словосочетание *искренне благодарить* имеет официально-формулярный характер, и, таким образом, проанализированное благодарственное письмо 1 демонстрирует, что «официальность является важным сдерживающим условием для свободного и полного выражения искренних эмоций, требует обращения к специальным приемам речевого поведения, определяющим выбор уместной формулы выражения чувств» [6, с. 58].

В отличие от сугубо официального благодарственного письма 1, анализируемый текст 2 демонстрирует расширенную реализацию категории эмотивности, в целом так же, как и текст 1, оставаясь в рамках норм официально-делового общения, проявляющихся и в специфическом способе номинации адресата – *коллективу ООО «Региональный полиграфический комбинат» и лично директору Тумасову Валерию Дмитриевичу*, и в использовании официальных речевых формул как для передачи благодарности: *ВЫРАЖАЕМ ОГРОМНУЮ БЛАГОДАРНОСТЬ*, так и для экспликации её оснований: *за участие в благотворительной программе, за неравнодушное отношение*.

Но в отличие от текста 1, текст 2 отступает от строгого соблюдения норм официально-делового общения. Отделение начальной части речевой формулы благодарности: *ВЫРАЖАЕМ ОГРОМНУЮ БЛАГОДАРНОСТЬ!* – восклицательным знаком от далее следующих номинаций адресата и оснований благодарности превращает последние два из названных компонентов в парцеллят. Так уже первая строка письма получает эмоционально-экспрессивную окраску, что проецируется и на последующий текст.

Формированию эмоциональной экспрессии в письме способствует и повторное выражение благодарности с использованием стилистически нейтральной конструкции: *Спасибо Вам*. Здесь номинация адресата при помощи вежливой формы личного местоимения, а также отсутствие в начальной формуле благодарности институционального обозначения адресанта при имплицации в ней коллективно-персонального субъекта благодарности через определённо-личную форму сказуемого – глагола 1-го лица множественного числа (*выражаем*) – вносят в данное официальное благодарственное письмо личностное начало, которое поддерживается и употреблением завершающей письмо лично ориентированной формулы вежливости *С уважением*.

Эмоционально-экспрессивная окраска и личностная ориентация изложения проявляются в тексте 2 и в факультативном для благодарственного письма модуле пожелания, выраженного здесь эллиптическим восклицательным предложением с номинациями-эмотемами *успехов* и *благополучия* и притяжательным вежливым местоимением 2-го лица в функции определения: *УСПЕХОВ И БЛАГОПОЛУЧИЯ ВАШЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ!* Таким образом, благодарственное письмо 2 демонстрирует контаминацию черт институционального и лично ориентированного общения, что отражает переход от собственно официально-делового к полуофициальному регистру общения, которое характеризуется как «общение статусно-ролевое, асимметричное, профессионально насыщенное», но с ориентацией на непринуждённость, что проявляется в контаминации норм официально-деловой и разговорной речи [3, с. 18].

Ярким примером полуофициального благодарственного письма является текст 3, который представляет собой благодарственное письмо Пензенской региональной общественной организации «Федерация спорта лиц с поражением опорно-двигательного аппарата», написанное в 1-м лице единственного числа от имени руководителя организации (существующая традиция позволяет с уверенностью высказать предположение об адресанте, хотя его личная подпись в конце текста не имеет расшифровки) и адресованное, в первую очередь, лично директору ООО «Региональный полиграфический комбинат», о чём свидетельствует вежливая официальная формула личного обращения: *Уважаемый Валерий Дмитриевич!* Кроме названия жанра (благодарственное письмо) и указанного обращения, в данном благодарственном письме лишь первое предложение отвечает нормам официально-делового стиля: *Выражаю БЛАГОДАРНОСТЬ коллективу РПК*.

Дальнейший текст письма находится в резком стилистическом контрасте с начальной частью. Он содержит повторное выражение благодарности (*Говорю СПАСИБО ВАМ, Искреннее и БОЛЬШОЕ!*), комплиментов (*ВЫ несете людям радость / Точно в срок, наверняка. / ВАШЕ дело благородно, / а ассортимент богат, / сделаете что угодно, / чтоб клиент всегда был рад; ВЫ ДОБРЫ, КРАСИВЫ, а ВАШЕ СЕРДЦЕ ЗОЛОТОЕ!!!*), пожеланий (*Пусть же с ВАМИ СЧАСТЬЕ будет, / И сопутствует УСПЕХ, / Блага ВАМ и процветайте, / СЕРДЦЕМ и ДУШОЙ творите, / новых целей достигайте*), изложенных в рифмованных высказываниях, не обладающих, как видно из приведённых примеров, высокими художественными достоинствами, но отличающихся эмоциональной насыщенностью, передаваемой не только лексикой и фразеологией восторженного содержания, но и шрифтовыми выделениями, а также утроением восклицательных знаков, подчёркивающих интенсивность испытываемых адресантом позитивных чувств.

С первого взгляда обращает на себя внимание и отличие бланка третьего благодарственного письма от бланков двух вышерассмотренных писем: он выглядит менее официальным, в первую очередь, потому, что на нем нет изображения герба Российской Федерации. При этом его красочное оформление выполнено, как и у других писем, при помощи сочетания ярких цветов с учетом того, что «цвет способен не только вызывать у человека соответствующую реакцию, но и определенным образом формировать его эмоции, радость (веселье): особое предпочтение вызывают энегонасыщенные (желтый и красный)...» [8].

Таким образом, в ходе работы сделаны следующие *выводы*: выявленные особенности реализации категории эмотивности убедительно доказывают, что в официально-деловой коммуникации имеет место выражение

эмоций, это говорит об определенной тенденции к снижению формализации делового общения. Рассмотренный жанр благодарственного письма на торжественно оформленном бланке в сегодняшнем деловом общении на русском языке функционирует как в строго официальном стилевом регистре, где эмотивность рационализована, выражена соответствующими устоявшимися речевыми формулами, так и в полуофициальных коммуникативных вариантах, основанных на разной степени сочетания официальной и непринуждённой тональностей речи, а следовательно, на разных уровнях интенсивности экспрессии при передаче эмоций.

Иными словами, степень интенсивности выражения категории эмотивности в жанре благодарственного письма обуславливает его официальный или полуофициальный статус. В сугубо официальном благодарственном письме рационализованный эмотивность отражается в норме стабильной композицией и передающими позитивные эмоции адресанта устойчивыми эмоционально не окрашенными речевыми формулами. В благодарственном письме полуофициального характера в целом сохраняются нормы официально-делового стиля при номинации адресата и экспликации оснований благодарности, но вместе с тем появляются дополнительные композиционные элементы, такие как комплименты и пожелания адресату, для выражения которых используются эмоционально окрашенные языковые единицы разных уровней и паралингвистические средства. Такая стиливая контаминация вносит в официальные благодарственные письма личностное начало, чем усиливает их эмоционально-оценочный воздействующий потенциал.

Также было выявлено, что благодарственные письма (особенно написанные на торжественно оформленных бланках) широко используются организациями-получателями во вторичной (рекламной) функции, в связи с чем для демонстрации вывешиваются на стенах офисов и публикуются на интернет-сайтах в целях рекламирования высокого качества товаров и услуг организации-получателя и формирования её позитивного делового имиджа у потенциальных клиентов и партнёров через эмоциональное воздействие. Полученные нами выводы позволяют создать типологическое описание официально-деловых текстов с эмотивной доминантой в *дальнейших исследованиях* и рассмотреть другие тексты, существующие на стыке официально-делового стиля и рекламного и сравнить их с благодарственными письмами.

Список источников

1. **Беляков М. В.** Характер эмотивности дипломатического дискурса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Лингвистика». 2015. № 2. С. 124-132.
2. **Блох М. Я., Резникова Н. А.** Средства эмоционального воздействия политических выступлений // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2006. № 9. С. 14-19.
3. **Бобарыкина Н. А.** Общение в малой социальной группе: автореф. дисс. ... к. филол. н. Саратов, 2003. 19 с.
4. **Болотов В. И.** Эмоциональность текста в аспектах языковой и неязыковой вариативности: основы эмотивной стилистики текста. Ташкент: Фан, 1981. 116 с.
5. **Жукова Е. А.** Особенности официально-делового стиля // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2018. № 1. С. 65-67.
6. **Ионова С. В., Чжан К.** Рационализация эмоций в этикетных ситуациях общения // Эмоциональная сфера человека в языке и коммуникации: синхрония и диахрония: материалы Международной конференции. М. – Ярославль: Канцлер, 2018. С. 56-69.
7. **Ларина Т. В.** Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Языки славянских культур, 2009. 512 с.
8. **Петренко В. Ф., Кучеренко В. В.** Взаимосвязь эмоций и цвета [Электронный ресурс]. URL: <https://shust.me/vzaimosvyaz-emotsij-i-tsveta/> (дата обращения: 04.09.2020).
9. **Симонова О. А., Канто-Мила Н.** Благодарность как невидимая сила, связывающая общество // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11. Социология. Реферативный журнал. 2013. № 2. С. 101-112.
10. **Хорохордина О. В.** Поликодовые реализации инструктивных речевых единиц: типологический аспект // Мир русского слова. 2016. № 4. С. 1-29.
11. **Шаховский В. И.** Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции: монография. Волгоград: ИП Поликарпов И. Л., 2016. 504 с.
12. <https://penzarpk.ru/klienty-o-nas.html> (дата обращения: 08.10.2020).

Emotivity in the Modern Russian Official Written Discourse

Zhu Yunping

Saint Petersburg University
2763496449@qq.com

The paper aims to prove presence of emotional and emotive components in the official speech genre of a grateful letter. The author reveals peculiarities of the emotivity category realization in the emotion-generative speech genre “grateful letter” of the modern Russian official written discourse, shows how this genre varies depending on specificity of the emotivity category representation, identifies the secondary function of the “grateful letter” genre texts, which constitutes scientific originality of the study. The research findings are as follows: the author proves that the level of emotivity of a grateful letter determines its official or semi-official status. The secondary (advertising) function of such texts in official communication is also revealed.

Key words and phrases: emotivity; emoteme; official communication; grateful letter; stylistic contamination.

Языки народов Российской Федерации

Languages of the Russian Federation

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.12>

Дата поступления рукописи: 15.11.2020

Цель статьи – определение семантических типов однократности действия, выявление аналитических средств и вспомогательных глаголов в сфере их репрезентации в башкирском языке. *Научная новизна* исследования заключается в том, что в нем впервые в башкирском языкознании выделены семантические типы однократности действия и освещен современный подход к средствам их репрезентации в башкирском языке с позиции функциональной грамматики. *Результаты исследования* показали, что в башкирском языке средства репрезентации однократности действия носят совмещенный характер и образуют взаимопроникающие в сферу друг друга функционально-семантические поля однократности/краткости и однократности/длительности.

Ключевые слова и фразы: аспектуальность; семантические типы однократности действия; совмещенные (диффузные) значения; аналитические средства репрезентации.

Абуталипова Рамзана Асхатовна, д. филол. н., доц.
Башкирский государственный университет (филиал) в г. Стерлитамаке
rabutalipova@mail.ru

Абдуллина Гульфира Рифовна, д. филол. н., проф.
Кагарманова Лилия Фанилевна
Башкирский государственный университет, г. Уфа
abguri@yandex.ru; abguri@yandex.ru

Семантические типы однократности действия и аналитические средства их репрезентации в башкирском языке

Введение

В настоящей статье уточняется лингвистическая сущность категории однократности действия в башкирском языке, определяются ее семантические типы и аналитические средства репрезентации. *Актуальность* обращения к данной проблеме обуславливается наличием нерешенных и дискуссионных вопросов, связанных с категорией однократности действия в башкирском языкознании, и необходимостью более детального ее изучения с позиции функциональной грамматики, при котором каждый компонент системы языка рассматривается в свете его функциональной значимости. Представляется также важным определение семантических типов однократности действия и картины взаимодействия функционально-семантического поля однократности с полями краткости и длительности в башкирском языке.

Для достижения заявленной цели обозначены следующие *задачи*: 1) провести историко-лингвистический анализ научной литературы по теме исследования и выявить степень изученности проблемы в языкознании; 2) определить семантические типы однократности действий в башкирском языке, рассмотреть аналитические средства их репрезентации и выявить вспомогательные глаголы для выражения однократности.

Методы исследования. В работе использованы историко-сравнительный, описательный методы; методы структурного и функционального анализа языковых явлений.

Теоретической базой исследования являются труды А. А. Потебни [12], А. И. Харисова [15], Н. К. Дмитриева [8], Ю. С. Маслова [10], В. С. Храковского [16], А. А. Юлдашева [6], М. А. Шелякина [17], В. Г. Гайдукова [4], Р. А. Абуталиповой [1] и других.

Практическая значимость работы заключается в том, что полученные результаты исследования внесут определенный вклад в уточнение лингвистической специфики категории однократности действия. Материалы могут быть использованы в изучении функционально-семантических категорий (полей), в спецкурсах по функциональной грамматике башкирского языка.

Краткий экскурс в историю изучения категории однократности

В башкирском языкознании одной из малоисследованных проблем остается выделение семантических типов однократности действий и способов их репрезентации.

В современной аспектологии семантический признак однократности действий относится к сфере функционально-семантической категории (поля) кратности, предметом описания являются «значения, которые, присоединяясь к значениям глагольных лексем, характеризуют их по количеству “крат” или непрерывности/прерывности осуществления» [16, с. 124].

Что касается терминологии, Ю. С. Маслов в отношении разовых (однократных) действий рекомендует использовать термин *‘семельфактивный’* или *‘одноактный’* и отмечает, что термин *‘однократный’* (как антитеза понятия «многократный») может пониматься шире в смысле конкретно-единичного, разового действия [10, с. 392]. Поскольку мы рассматриваем однократность в рамках двухкомпонентного функционально-семантического поля кратности действия, в настоящей статье нами используется термин *‘однократный’*.

Историю формирования и развития учения о категории однократности действия в отечественном языкознании можно подразделить на три этапа.

На I этапе термин *‘однократность действия’* используется для обозначения одной из форм грамматических категорий глагола – времени (М. В. Ломоносов, И. И. Мартынов и др.), степени длительности действия (К. С. Аксаков, Г. П. Павский, А. А. Потебня и др.) и вида (Ф. И. Буслаев, В. Г. Белинский, А. В. Болдырев, А. Вейсман, А. Х. Востоков, И. И. Давыдов, В. Добровский, А. А. Шахматов и др.).

А. А. Потебня, например, значения мгновенности и однократности действия относит к четвертой степени длительности. При описании степеней длительности действия глаголов пишет: «Содержание внутренних форм глаголов *несете* и *носите* различается не тем, что количественных признаков в первом больше, чем во втором, а тем, что действие в первом представляется единичным (хотя и не однократным или мгновенным), а во втором – собирательным» [12, с. 77-78].

На II этапе понятие *‘однократность’* рассматривается в составе лексико-грамматической категории способов глагольного действия (А. В. Авилова, В. Г. Гайдуков, Ю. С. Маслов, А. В. Исаченко, М. А. Шелякин и др.). М. А. Шелякин считает, что «целесообразно различать одноразовый характер действия и одноактный способ действия» [17, с. 191].

В современном языкознании (III этап) однократность действия исследуется преимущественно с позиции функциональной грамматики (А. В. Бондарко, Ю. С. Маслов, А. А. Холодович, В. С. Храковский и др.). В рамках функционального подхода В. С. Храковский термин *‘однократность действия’* использует для обозначения одного из компонентов бинарной оппозиции *‘однократность : неоднократность’* [16, с. 126]. Ученый анализирует семантические типы и средства выражения неоднократности в русском языке, однако значение однократности им отдельно не рассматривается.

В башкирском языкознании категория однократности действия и ее семантические типы не были объектом специальных исследований. Можно указать лишь несколько работ, где приводятся фрагментарные сведения об однократных действиях.

Впервые в башкирском языкознании термин *‘однократность действия’* вводится в монографии А. И. Харисова для обозначения аналитических средств выражения одного из значений категории вида глагола, а именно количественной характеристики действия. При классификации вспомогательных глаголов в составе аналитических конструкций в зависимости от выражаемых ими видовых значений глаголы *ал* – ‘брать’; *ташла* – ‘бросать’ приведены как средства выражения однократности действия [15, с. 18]. При описании синтаксических конструкций типа *йоклап торзо* – ‘он спал, а потом встал’ (досл. ‘поспав, встал’), *һугып йыкты* – ‘он свалил с ног’ (досл. ‘ударил, свалил’) отмечается, что они выражают «однократное действие, которое предшествует или происходит одновременно и параллельно с действием личного глагола» [Там же, с. 15].

Позднее, в 1948 году (мы цитируем по изданию 2008 года. – Р. А., Г. А., Л. К.), при сравнительном анализе средств выражения глагольных видов в русском и башкирском языках Н. К. Дмитриев констатирует: «...форма однократности, выраженная синтетическими средствами, в башкирском и в других тюркских языках отсутствует» [8, с. 183]. В то же время в перечне 18 выделенных им модальных глаголов, образующих аналитические формы с видовыми значениями, формы со значением однократности действия не приводятся.

Аналитические глагольные конструкции А. А. Юлдашев считает объектом «деривационной морфологии» и пишет, что «внутриглагольное сложение сводится главным образом к так называемому видообразованию, под которым ныне уже принято, наконец, понимать словообразование, а не собственно грамматическую категорию вида...» [6, с. 213]. Ученый подробно анализирует семантику вспомогательных глаголов *ал* – ‘брать’, *ебэр* – ‘отпустить’, *ташла* – ‘бросать, кинуть’, *куй* – ‘поставить’, которые привносят в семантику аналитической формы значения одноактности и совершения действия в один прием.

Семантические признаки однократности действий и вербальные средства репрезентации в предыдущих работах мы рассматриваем как один из структурных компонентов функционально-семантического поля аспектуальности. Термин *‘однократность действия’* используем для обозначения компонента бинарной оппозиции *‘однократность : многократность’*, однако семантические типы однократности не рассматриваем [1, с. 50].

Как видим, в вышеназванных работах семантические типы однократности не выделяются, однако при определении самой категории упоминаются такие разновидности однократности действия, как одноактность, единичность, мгновенность, точечность, совершение действия в один прием и др.

Семантические типы однократности действия

Впервые в отечественном языкознании однократность действия становится объектом специального исследования В. Г. Гайдукова (1989 г.). Ученый выделяет две разновидности однократных действий: «...однократное действие может быть представлено как точечное, одноактное (*махнуть, ударить*)... как продолжительное (имеющее некоторую длительность)» [4, с. 4]. В данной работе выделяются одноактные (точечные) действия и однократные действия, которые имеют некоторую длительность.

Мы также считаем, что единичные, разовые действия, события, процессы, состояния, явления совершаются (происходят) в течение короткого промежутка времени, моментально или продолжаются (длятся) какое-то время. Поэтому, по нашему мнению, разноуровневые средства репрезентации указанных значений носят преимущественно совмещенный (диффузный) характер и образуют взаимопроникающие в сферу друг друга функционально-семантические поля. Термин '*поле*' в нашей трактовке ассоциируется с магнитными или электрическими полями, имеющими трехмерную шарообразную структуру [1, с. 65]. На основе этого мы представляем явление взаимодействия функционально-семантического поля однократности с полями краткости и длительности в «разрезе» в виде Рисунка 1: интегрирующиеся и взаимопроникающие в сферу друг друга поля образуют диффузные сегменты однократности/краткости и однократности/длительности.

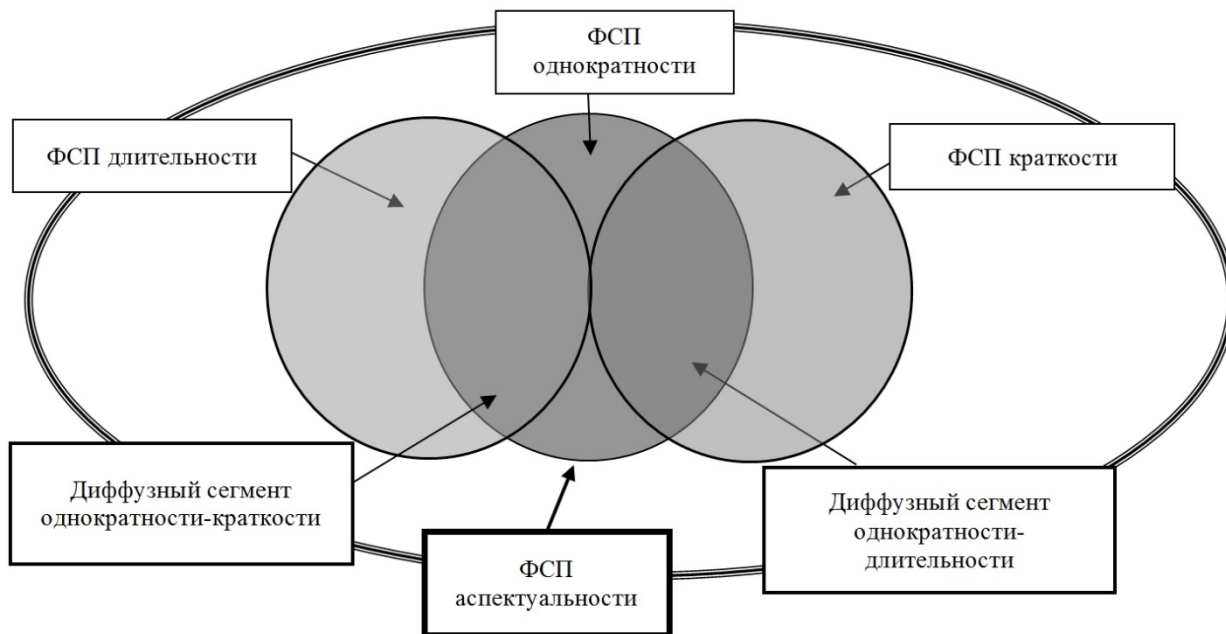

Рисунок 1. Взаимопроникновение структур полей однократности/краткости и однократности/длительности в башкирском языке

С учетом выявленных теоретических положений, наблюдений за речевыми актами носителей языка и анализа языкового материала мы пришли к выводу, что в башкирском языке можно выделить следующие два семантических типа однократности действия: 1) однократно-краткие (точечные, мгновенные); 2) однократно-длительные (продолжающиеся определенное время). Поскольку одноактные действия (семельфактивы) могут быть и короткими, и продолженными во времени, мы данное значение относим или к первому, или ко второму семантическому типу.

Аналитические средства репрезентации однократности действия в башкирском языке

Репрезентируются однократно-краткие и однократно-длительные действия вербальными средствами разных уровней языка – глагольными аналитическими конструкциями, лексическими и контекстуальными (текстовыми) средствами. В башкирском языке специализированных для этой цели аффиксов нет.

В тюркских языках агглютинативно-аналитического строя в сфере репрезентации функционально-семантического поля аспектуальности, категории однократности действия в том числе, наиболее продуктивным является аналитический способ, при котором две или несколько глагольных основ объединяются в аналитические глагольные конструкции по модели «основной глагол + модифицирующий собственно-вспомогательный или функционально-вспомогательный глагол(ы)». В аналитических конструкциях основную смысловую нагрузку несет глагольная основа в форме деепричастия. Полнозначные глаголы, являющиеся в них функционально-вспомогательными компонентами, полностью или частично теряют свою основную семантику и служат для придания конструкции значения однократности действия.

Далее рассмотрим особенности реализации в башкирском языке каждого из семантических типов однократных действий.

1. Однократно-краткие (точечные, мгновенные) действия. Сюда следует отнести вербальные средства, совмещающие в себе значения однократности и краткости. Данное значение можно изобразить в виде точки на оси времени:

Для выражения краткой однократности используются аналитические конструкции, в составе которых в роли вспомогательного компонента выступают полнозначные глаголы *ебәр-* ‘отпустить’, *ал-* ‘брать’, *бир-* ‘дать’, *куй-* ‘поставить’, *ташла-* ‘бросать, кинуть’ и др.

Аналитическая форма с многозначным глаголом *ебәр-* ‘отпустить’ выражает исчерпанность действия в один прием с оттенком быстроты, неожиданности. Например: *Сабир ауыртыузан хатта кыскырып ебәрзе* [3, б. 239]. / ‘Сабир от боли даже **вскрикнул**’ (здесь и далее перевод авторов статьи. – Р. А., Г. А., Л. К.). *Шатлыктан, буран тип карап тормай, туньның төймәләрен ыскындырып ебәрзе* [5, б. 388]. / ‘От радости, несмотря на буран, **расстегнул** пуговицы шубы’.

Глагол *ал-* ‘брать’ в функции вспомогательного компонента характеризует действия, совершаемые однократно за короткий промежуток времени. Например: *Укытыусы уга төбәп һынаулы карап алды* [3, б. 169]. / ‘Учитель **взглянул** на нее пытливо’. *Егеттәр иһә уның һүзән эләктереп алды: – Ана безең комбат бойорок бирә* [11, б. 285]! / ‘А парни **подхватили** его слова: – Вон, наш комбат приказывает!’. *Белов уга һынамсыл карап алды* [Там же, б. 46]. / ‘Белов **взглянул** на него испытующе’.

Модель с глаголом *бир-* ‘дать’ выражает совершение действия в один прием. Например: *Улар өтәләп яуап бирәләр* [7, б. 131]. / ‘Они торопливо **отвечают** (сейчас)’. *Тәүҙә сейфтәге алтынын үзе сыгарып бирзе* [14, б. 238]. / ‘Вначале сам **отдал** (свое) золото, находившееся в сейфе’.

Модель с глаголом *ташла-* ‘бросать, кинуть’ выражает исчерпанность энергичного совершения действия в один прием. Например: *Диләкәй был эштәрҙе тиз үк емертеп эшләп ташлай, һыуға ла барып кайта* [7, б. 349]. / ‘Диләкәй эти работы **выполняет** очень быстро, и за водой сходит’. *Йә, капыл ғына һорауҙар менән күмеп ташлама инде карындашыңды, тип, көләһөрәп куйзы Айһылыу* [3, б. 80]. / ‘– Ну, **не засыпай** уж (свою) сестру так резко вопросами, – улыбнувшись, сказала Айсылу’.

Модель с глаголом *куй-* ‘поставить’ выражает одноактное действие. Например: – *Һөйләһең дә инде хәбәрҙе... – Закуан теш араһынан серт төкөрөп куйзы* [11, б. 191]. / ‘Ну и скажешь же... – Закван серт (со звуком “серт”) **сплюнул** сквозь зубы’. *Нимәлер һорарға ынтылып, Фазлан улы урынынан калкынып куйзы* [2, б. 148]. / ‘Порываясь что-то спросить, сын Фадлана **приподнялся** с места’.

Аналитическая модель с глаголом *кал-* ‘оставаться’ выражает однократное действие с оттенком внезапности. Например: *Шулай йөрөп ятканда, әсәйем ысынлап та теге катынды күрөп кала бит* [13, б. 125]! / ‘Когда так ходила, мама (**вдруг**) **увидела** ту женщину’. *Бик ихлас яуап кайтарһа ла, зирәк егеттең сырайында һағайыу билдәләре лә сағылып калды* [11, б. 46]. / ‘Хотя и ответил очень искренне, на лице смышленного парня **блеснули** признаки настороженности. *Ихсанбайың әсәһенә ни тип яуап бирергә белмәй албырған калды Гөлбану* [5, б. 21]. / ‘Не зная, что ответить матери Ихсанбая, Гульбану **растерялась**’.

При лексическом способе значение краткой однократности действия содержится в семантике самого глагола-сказуемого. Например: *Уны һугыш капыл өҙгө лә безге бормалы һәм сөкөртлө юлдарҙан өлкәндәр менән йәнәш алып итте* [11, б. 402]. / ‘Его война резко **оборвала** и понесла по дорогам рядом со взрослыми’. *Хамматты ул ишек алдарында осратты* [3, б. 54]. / ‘Он **встретил** Хаммата у (их) двери’. *Ул елән кеҫәһенән газета алып, Иштуганга һондо* [Там же, б. 388]. / ‘Он достал из кармана зилиана газету, **протянул** Иштугану’. Они выражают диффузно значение лимитативности-однократности.

Значение однократности действия могут выражать лексические фразеологизмы. И в таких случаях также можно говорить о лексическом способе репрезентации значения однократности. Например: – *Юк, булмай, – тип кырт киҫкәйне Сәми* [2, б. 391]. / ‘Нет, не получится, – **оборвал** Сами’. *Ләкин Вәзир өмөтөнән тиз генә баш тартманы* [9, б. 5]. / ‘Однако Вазир от своей надежды быстро **не отказался**’.

Следует иметь в виду тот факт, что значение синтаксической конструкции зависит от наличия в ней контекстуальных модификаторов, которые могут изменить ее семантику до противоположного значения. Например, если в контексте присутствует количественное числительное *бер* ‘один’ с модификаторами *тапкыр, мәртәбә, кат* ‘раз’, речь ведется о разовом действии: *Әммә теге төндән һуң улар бер тапкыр за осраиманылар* [5, б. 238]. / ‘Но после той ночи они **ни разу не встречались**’. Семантику однократности усиливает модификатор *берзән-бер* ‘единожды’: *Берзән-бер тапкыр һабантуйға йыйынгайны ул, уныһы ла* [Там же, б. 18]. / ‘**Единожды** собрался в сабантуй, и это...’.

С другими числительными данные модификаторы используются для выражения действий, повторяющихся несколько раз: «*Ете тапкыр үлсә, бер тапкыр киҫ*» *тигән мәкәлдә онотмайык* [14, б. 375]. / ‘Не забудем пословицу «**Семь раз отмерь, один раз отрежь**»’.

2. Однократно-длительные (продолжающиеся определенное время) действия можно изобразить в виде ограниченной с двух сторон отрезка линии на оси времени:

Для выражения данного типа однократности используются аналитические конструкции со следующими глаголами, выполняющими функцию вспомогательного компонента: *ят-* ‘лежать’, *ултыр-* ‘сидеть’, *тор-* ‘стоять’ и др.

Аналитическая модель с глаголом *ят-* ‘лежать’ в конструкции в какой-то степени реализует свое лексическое значение и придает ей значение продолженной однократности. Например: *Пенсияға сыккас та үзенең тресы эргәһендә бәләкәй предприятие ойшторзо ла шуның директоры булып эшләп ята* [11, б. 147]. / ‘Как только вышел на пенсию, организовал малое предприятие рядом со своим трестом и **работает** его директором’.

Старателдәр, касан без барганды көтөп тормай, күптәнән алтын йыуып яталар за инде *Кылыынморонда* [14, б. 458]. / ‘Старатели, не дожидаясь, пока мы придем, давно уже **моют** золото на Кылыынмуроне’.

Модель с глаголом *ултыр-* ‘сидеть, садиться’: *Яланбикәһе анаулайтып етем калып ултыра* [7, б. 334]. / ‘Яланбика-та вон, **осталась** (досл.: сидит) сиротой’. *Балниска барып хәләңде белә алманым, шуга килеп ултырам* [5, б. 400]. / ‘Не смогла провести в больнице, поэтому **иду** (сейчас)’.

Модель с глаголом *тор-* ‘стоять’: *Эштең тиген булмаганын төшөнөп торам* инде [7, б. 101]. / ‘**Понимаю** (здесь и сейчас), что дело неспроста’. Глагол *тор-* может образовать аналитическую конструкцию и с лексическими фразеологизмами: *Киленгә һүзем юк, кәзәр итеп тора* [Там же, б. 84]. / ‘У меня нет слов (претензий) к снохе, **почитает**’.

В следующих примерах значение продолженной однократности действий содержится в лексическом значении глаголов-сказуемых: *Шулай за килә бит, килә, башы ғына күренә, ә үзе (һыйыр) йөзә* [13, б. 347]. / ‘Тем не менее идет же, идет, видна только голова, а сама (корова) **плывет**’. *Әсәһенең кәбере янында йырланы* [3, б. 44]. / ‘**Спела** возле могилы матери’. В данных примерах неопределенные глаголы в функции сказуемого выражают совмещенное значение однократности-продолжительности.

В некоторых случаях временные пределы действия уточняются при помощи контекстуальных модификаторов. Например: *Сәм-кара куйы сәстәрен көзгә алдына баһып оҙак итеп тараны* [11, б. 285]. / ‘Стоя перед зеркалом, **долго расчесывала** очень черные густые волосы’. *Бәләкәй сакта ни әзерәк ултырып торзоңмо, арығанлык бөтә лә куя* [13, б. 81]. / ‘Когда маленький, **немного посидишь**, усталость проходит (и все)’.

Заключение

Результаты исследования структурных и функционально-семантических особенностей вербальных средств со значением однократности действия в башкирском языке позволяют сделать следующие **выводы**:

1) термин ‘**однократность действия**’ употребляется для обозначения одного из компонентов бинарной оппозиции ‘**однократность : многократность**’ в составе функционально-семантического поля аспектуальности;

2) однократные (единичные) действия подразделяются на два семантических типа: 1) однократно-краткие; 2) однократно-длительные;

3) значения однократности действия репрезентируются разноуровневыми вербальными средствами – глагольными аналитическими конструкциями, лексическими и контекстуальными (текстовыми) средствами;

4) на основе анализа аналитических средств репрезентации нами было выявлено, что функционально-вспомогательные глаголы *ебәр-* ‘отпустить’, *ал-* ‘брать’, *бир-* ‘дать’, *куй-* ‘поставить’, *ташила-* ‘бросать, кинуть’ и др. образуют аналитические конструкции с диффузными однократно-краткими, а глаголы *ят-* ‘лежать’, *ултыр-* ‘сидеть’, *тор-* ‘стоять’ – однократно-длительными и однократно-продолжительными значениями;

5) средства репрезентации однократности действия носят совмещенный характер и образуют взаимопроникающие в сферу друг друга функционально-семантические поля однократности/краткости и однократности/длительности.

В настоящее время наметилась тенденция к исследованию функционально-семантических категорий разносистемных языков в сравнительно-сопоставительном, семантико-прагматическом и функционально-дискурсивном аспектах (Е. В. Бондарук, А. С. Магомедова, Р. Ш. Олимов, Я Цзян и др.). Считаю, что данная статья, выполненная в функциональном аспекте, вводит ее в русло актуальных исследований, и надеемся, что основные подходы к сущности поставленной проблемы откроют **перспективы для дальнейшего исследования** семантических типов однократности действия, которые имеют совмещенный (диффузный) характер.

Список источников

1. Абуталипова Р. А. Средства репрезентации аспектуальных значений в тюркских языках. Уфа: Гилем, 2013. 196 с.
2. Байымов Р. Н. Каруан килә Бағдадтан: роман, повестар. Өфө: Китап, 2012. 408 б.
3. Бишшева З. А. Емеш: роман. Өфө: Башкортостан китап нәшриәте, 1977. 560 б.
4. Гайдуков В. Г. Значение однократности действия и средства его выражения в современном русском языке: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 1989. 19 с.
5. Ғарипова Т. Х. Бөйрәкәй. Өфө: Китап, 2004. 768 б.
6. Грамматика современного башкирского литературного языка / отв. ред. А. А. Юлдашев. М.: Наука, 1981. 495 с.
7. Дәүләтшина Н. Л. Ырғыз: роман. Өфө: Башкортостан китап нәшриәте, 1977. 496 б.
8. Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. М.: Наука, 2008. 264 с.
9. Кәримов М. С. Өс таған: повестар, хикәйә. Өфө: Башкортостан китап нәшриәте, 1990. 183 б.
10. Маслов Ю. С. Система основных понятий и терминов славянской аспектологии // Маслов Ю. С. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 365-395.
11. Мусин Н. С. Найланма әсәрҙәр: 7 томда. Өфө: Китап, 2011. VII т. Роман, повестар. 544 б.
12. Потенба А. А. Из записок по русской грамматике: в 4-х т. М.: Просвещение, 1944. Т. IV. Вып. II. Глагол. 406 с.
13. Солтангәрәев Р. Ғ. Найланма әсәрҙәр. Өфө: Китап, 2012. 3 т. Документаль повесть. 496 б.
14. Хамматов Я. Х. Юрғашты: роман. Өфө: Башкортостан китап нәшриәте, 1980. 464 б.
15. Харисов А. И. Категория глагольного вида в башкирском языке. Уфа: Башгосиздат, 1944. 92 с.
16. Храковский В. С. Кратность // Теория функциональной грамматики: введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис / отв. ред. А. В. Бондарко. М.: Едиториал УРСС, 2003. С. 124-152.
17. Шелякин М. А. Категория вида и способы действия русского глагола. Теоретические основы. Таллинн: Валгус, 1983. 216 с.

Semantic Types of Momentaneousness of Action and Analytic Means of Their Representation in the Bashkir Language

Abutalipova Ramzana Askhatovna, Dr
Bashkir State University (Branch) in Sterlitamak
rabutalipova@mail.ru

Abdullina Gulmira Rifovna, Dr
Kagarmanova Lilia Fanilevna
Bashkir State University, Ufa
abguri@yandex.ru; abguri@yandex.ru

The article aims to determine semantic types of momentaneousness of action, to identify analytic means and auxiliary verbs in the sphere of their representation in the Bashkir language. The research is novel in that it is the first in the Bashkir linguistics to identify semantic types of momentaneousness of action and to shed light on the modern approach to the means of their representation in the Bashkir language from the standpoint of functional grammar. The research findings have shown that the means representing momentaneousness of action in the Bashkir language are of overlapping nature and form functional-semantic fields of momentaneousness / short duration and momentaneousness / prolonged duration, interpenetrating each other's spheres.

Key words and phrases: aspectuality; semantic types of momentaneousness of action; overlapping (diffuse) meanings; analytic means of representation.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.13>

Дата поступления рукописи: 08.10.2020

Цель исследования – выявление особенностей образования форм возможностного наклонения (потенциала), представленных в тверском карельском переводе Евангелия от Матфея (ЕМ) и описанных в научной литературе, посвящённой современному карельскому языку. **Научная новизна** заключается в том, что категория возможностного наклонения, представленная в языке перевода Евангелия от Матфея, ранее не была предметом специального исследования и сопоставления с современными формами тверского диалекта. **Полученные результаты** показали, что потенциал в ЕМ представлен шире, чем в современном языке, однако образование форм потенциала не имеет кардинальных отличий, поэтому языковой материал ЕМ актуален при создании современных учебных пособий.

Ключевые слова и фразы: тверской карельский перевод; Евангелие от Матфея; возможностное наклонение (потенциал).

Громова Людмила Георгиевна, к. пед. н., доц.
Тверской государственной университет
grludmila@yandex.ru

Возможностное наклонение в тверском переводном памятнике карельской письменности начала XIX века «Евангелие от Матфея»

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что дальнейшее развитие карельской письменности и формирование литературного языка ставят перед филологами и методистами задачу создания современных учебников, воссоздающих грамматическую систему языка во всей полноте. Категория возможностного наклонения сегодня имеет весьма ограниченное употребление в тверском диалекте и находится на грани исчезновения, поэтому мы обратились к тверскому переводному памятнику «Евангелие от Матфея» начала XIX века с тем, чтобы изучить представленность потенциала в языке перевода. Ведь ещё в начале века учёные считали его живой грамматической категорией как в карельских, так и в финских диалектах [5, с. 247; 11, с. 27].

Для описания особенностей потенциала в тверском переводе ЕМ необходимо решить следующие **задачи**: во-первых, рассмотреть историю исследования возможностного наклонения карельского языка в научной литературе и описать способы образования форм его в современном тверском диалекте карельского языка; во-вторых, выявить конструкции с формами потенциала, употреблённые в переводе ЕМ; в-третьих, проанализировать особенности морфологического способа образования данных форм в переводе ЕМ по сравнению с современными нормами; в-четвёртых, обобщив полученную информацию, определить актуальность форм потенциала из ЕМ для практического применения в современном карельском языке.

В работе были использованы следующие **методы исследования**: сравнительно-сопоставительный (при анализе научной литературы, анализе и классификации изучаемого материала); метод компонентного анализа при рассмотрении и интерпретации способов образования форм потенциала в переводе ЕМ; сравнительный анализ морфологического способа образования форм потенциала в переводе ЕМ и современном языке; метод обобщения полученной информации.

Теоретической базой исследования послужили работы российских учёных: А. А. Белякова (1954), П. Пальмеос (1962), Г. Н. Макарова (1963), П. М. Зайкова (2002), Л. Г. Громовой (2006, 2007, 2011), Е. Л. Адель (1995), И. П. Новак (2020), а также финских исследователей А. Генетца (A. Genetz, 1890), Х. Форсберг (H. Forsberg, 1998).

Практическая значимость статьи состоит в том, что результаты данного исследования могут быть полезными для дальнейшего сравнительного анализа категории потенциала в диалектах карельского языка и родственных финно-угорских языках, а также для филологов и методистов, которые занимаются формированием карельского литературного языка и создают новые учебные пособия по карельскому языку.

Тверской перевод Евангелия от Матфея был выполнен в рамках проекта Российского библейского общества носителями карельского языка тверскими священниками Г. Е. Введенским и А. М. Золотинским на основе кириллицы. ЕМ было издано в 1820 году по благословению Священного Синода в Санкт-Петербурге. Перевод ЕМ был осуществлён с церковно-славянской Библии с возможным привлечением русского перевода 1818 года [4, с. 29-35; 6, с. 70-79].

Являясь самым ранним полнотекстовым переводным памятником карельской письменности, которому в 2020 году исполнилось 200 лет, перевод ЕМ создан на чистом тверском диалекте, свободном от влияния других карельских диалектов, так как известно, что переводчики ими не владели. Кроме того, считается, что в тверских говорах сохранились черты древнего карельского языка, на котором карелы говорили на исторической родине на побережье Ладожского озера в XIV-XV веках до исхода в центральные области России [3, с. 42-43]. В этой связи перевод ЕМ представляет исключительную научную ценность для исследования диалектов карельского языка, изучения русско-карельского языкового взаимодействия, а также имеет большой языковой потенциал для развития литературной формы карельского языка.

Потенциал считается одной из древних категорий, ведущих своё начало из уральского языка-основы, распространённых в прибалтийско-финских языках. В нормативных грамматиках карельского языка XX и XXI веков потенциалу отводится своё определённое место, как и другим категориям наклонения (Д. В. Бубрих, 1937; Е. В. Ахтия, 1939; Н. А. Анисимов, 1939; П. М. Зайков, 2002; Л. Ф. Маркианова, 2002; И. П. Новак, 2020). В научной литературе, посвящённой диалектам карельского языка, также уделяется внимание данной категории.

Одним из первых исследователей диалектов карельского языка, обративших внимание на данную категорию, был финский учёный Арвид Генетц, который представил в своей монографии спряжение глаголов в потенциале [12, s. 224-234]. Он употребляет различные термины для обозначения потенциала: при описании собственно-карельского диалекта – концессив, а при описании ливвиковского диалекта – презенс конъюктива. Это объясняется следованием европейской традиции, в которой наблюдались терминологические интерпретации, а сам термин «потенциал» стал употребляться в финских грамматиках и научной литературе лишь во второй половине XIX века [5, с. 246].

Подробное описание данной категории с примерами употребления находим в монографии П. М. Зайкова (2000). Анализируя современное состояние потенциала в собственно карельском и ливвиковском наречиях, автор справедливо отмечает, что именно в южно-карельских периферийных говорах карельского языка употребление потенциала ограничено в основном формами презенса [Там же, с. 247-263]. Е. Л. Адель (1995) представляет потенциал в системе глагольного словоизменения паданского говора северной части Республики Карелия, близкого к толмачевскому говору тверского диалекта, обращая внимание как на презенс, так и на перфект [1]. Исследователь тихвинского говора В. Д. Рягоев (1977) отмечает ограниченное употребление потенциала и даёт лишь наиболее частотные формы потенциала [9, с. 139-140]. Финская исследовательница Ханнеле Форсберг (H. Forsberg, 1998) обращает внимание как на форму, так и на семантику потенциала в диалектах финского языка, допуская, что в диалектах Восточной Финляндии, близких к карельским, а также в научной письменной речи данная категория является употребительной [11].

Описание потенциала в тверском диалекте содержится в монографии П. Пальмеос (1962), посвящённой дёржинскому говору, а также в статье А. А. Белякова (1954), исследовавшего морфологические особенности толмачевского говора, который он называет «калининским наречием». А. А. Беляков обращает специальное внимание на морфологический способ образования потенциала, но представляет парадигму спряжения глаголов лишь в настоящем времени. В современной грамматике тверского диалекта И. П. Новак (2020) даёт краткую характеристику форм настоящего времени, также опуская формы перфекта.

Необходимо подчеркнуть, что наилучшим образом из трёх тверских говоров (дёржанский, весьегонский, толмачевский) сохранился толмачевский, так как на его базе начиная с XIX века развивается письменность на основе кириллицы. А с 30-х годов прошлого века, особенно в 90-е годы, ведётся активная работа по развитию письменного литературного языка на основе латиницы, которая продолжается и в настоящее время [13, s. 182-184].

Ещё в начале века исследователи отмечали, что наиболее полно потенциал представлен в современном толмачевском говоре, т.е. употребляются формы как единственного, так и множественного числа в настоящем времени, а также встречаются и формы перфекта [5, с. 247]. В новой грамматике тверского карельского языка довольно категорично утверждается, что потенциал в тверском диалекте вышел из употребления, хотя специальных исследований по этому поводу не проводилось [7, с. 100].

Сокращение сферы употребления потенциала в периферийных говорах карельского языка объясняется традиционно ограниченным его распространением, влиянием русского языка, в котором отсутствует данная категория, и передачей функций потенциала другим средствам языка [5, с. 248].

При определении потенциала исследователи указывают на выражение возможности совершения действия при некоторых определённых условиях, реальность которого находится под вопросом. По формальным грамматическим признакам П. М. Зайков (2000) и Е. А. Адель (1998) пришли к выводу о том, что глаголы в форме потенциала представлены в настоящем (презенте) и прошедшем времени (перфект). По способу образования прошедшее время относят к перфекту, так как оно включает глагол-связку и основной глагол, например: *liennöy tullun* 'возможно приехал'.

Суффиксами для образования форм презенса в карельском языке являются следующие: $-(n)ne$; $-(n)no$; $-(n)nö$. Последние $-(n)no$; $-(n)nö$ употребляются лишь в форме 3-го лица единственного числа, например: *hiän ottaptoi* 'он возьмёт (возможно)'. Различия при образовании презенса потенциала в различных диалектах карельского языка заключаются в вариативности употребления геминированных/негеминированных суффиксов. В отличие от северокарельских говоров в говорах ливвиковского наречия и тверских говорах собственно карельского наречия к односложной и к трёхсложной основе одноосновных глаголов присоединяется геминированный суффикс [Там же, с. 253]. Исследователи толмачевского говора тверского диалекта карельского языка А. А. Беляков (1954), И. П. Новак (2020) отмечают, что при образовании потенциала выступают в основном геминированные суффиксы [7, с. 100-101].

В двухосновных глаголах при образовании форм потенциала на стыке морфем в результате ассимиляции под влиянием согласной основы образуются алломорфы суффикса: $-le$, $-lo/-lö$; $-re$, $-ro/-rö$; $-se$, $-so/-sö$; $-še$, $-šo/-šö$, например: *kuol-lep* 'умру (возможно)', *rais-sep* 'скажу (возможно)'. Если согласная основа стяжённых глаголов заканчивается на $-t$, то именно этот согласный подвергается ассимиляции со стороны суффикса, например: *tuata* 'спать' – *tuian-nep* 'посплю (возможно)'. Если же основа глагола заканчивается на $-n$ или $-h$, потенциал образуется путём присоединения суффикса $-ne$, например: *rap-na* – *rappnen* 'положить, надеть – положу, надену (возможно)', *nähä* – *näh-nep* 'видеть – увижу (возможно)'.

Нужно отметить, что глагол в 3-м лице множественного числа образует потенциал от особой сильной основы пассива глагола, например: *mie ottannen* 'возьму (возможно)' – *hyö otettanneh* 'возьмут (возможно)'.

Сложное прошедшее время (перфект) образуется посредством глагола связки *olla* 'быть' в форме презенса потенциала и 2-го причастия актива смыслового глагола, например: *ollet murginoiun* 'если позавтракал'.

Особенностью тверских диалектов является частотное употребление основы $-liene$ ($-lienö$) в качестве глагола-связки наряду с глаголом, имеющим основу *olle* ($-ollo$), например: *...liennöygo tänne vielä myöstiäcie* 'придётся ли сюда ещё вернуться' [8, с. 138]. На это же явление указывал А. А. Беляков (1954) в вышеупомянутой статье. Также находим подтверждение этому в многочисленных примерах в монографии П. М. Зайкова (2000).

В тексте тверского карельского перевода ЕМ «Геррань мянь Шюндю-руохтынань святой Ювангели Матвѣйста. Карьялань кѣлѣлля», включающем 96 страниц, нами обнаружено 45 предложений, в которых содержится 59 глаголов в форме потенциала [14].

Нами установлено, что примеры потенциала в тверском переводном памятнике карельской письменности ЕМ представлены исключительно формой настоящего времени, примеров употребления сложной формы прошедшего времени (перфекта) не обнаружено, что может косвенно подтверждать вывод исследователей об ограниченности функционирования перфекта потенциала. Однако отсутствие форм перфекта может быть вызвано и другими причинами, в частности, контекстами исходного церковно-славянского текста перевода. Авторы карельского перевода используют формы 2-го и 3-го лица единственного числа, а также 3-го лица множественного числа. Наиболее частотными в переводе ЕМ являются формы 3-го лица ед. числа, которые составили более 60%.

Употребление потенциала в ЕМ характеризуется наличием разнообразных лексем, тогда как в современной разговорной речи в основном встречается потенциал глаголов *olla* 'быть', *ottua* 'брать', *andua* 'давать', *lähtie* 'пойти'.

Прежде чем перейти к анализу, отметим, что примеры из карельского перевода ЕМ даны в транслитерации автора статьи на латинице, краткий гласный $-u$ передаётся латинской $-w$. Перевод изолированных слов даётся по Словарю карельского языка (тверской говор) А. В. Пунжиной (1994). Карельским примерам связного текста соответствуют русские эквиваленты из Библии (1995), изданной по репринтному изданию 1862 года [10, с. 1-136].

В переводе ЕМ представлены следующие формы глаголов в лексемах (в примерах сохраняется орфография авторов перевода):

1) в форме 2-го л. ед. числа: *tuonnet* 'принесёшь (возможно)', *porottannet* 'изгонишь (возможно)';

2) в форме 3-го л. ед. числа: *voinow* 'если можешь', *ollow* 'есть, имеется, является (возможно)', *ottanow* 'возьмёт (возможно)', *andanow* 'даст (возможно)', *laškenow* 'отпустит (возможно)', *iskenöw* 'ударит (возможно)', *virkanow* 'промолвит (возможно)', *löwdänöw* 'найдёт (возможно)', *šuvannow* 'любит (возможно)', *rikkonnow* 'нарушит (возможно)', *hävittönnöw* 'потеряет (возможно)', *tahtonow* 'хочет (возможно)', *tappanow* 'убьёт (возможно)', *kuollow* 'умрёт (возможно)', *rikkuočennow* 'испортится/разрушится (возможно)', *kuuluštanow* 'услышит (возможно)', *piädynöw* 'окажется (возможно)' и др.;

3) в форме 3-го л. мн. числа: *nägennettä* 'увидите (возможно)', *šanonetta* 'скажете (возможно)', *šivonnetta* 'завяжете (возможно)', *kerittänettä* 'развяжете (возможно)', *pakkuonnetta* 'попросите (возможно)', *uškonetta* 'верите (возможно)', *šuvannetta* 'любите (возможно)' и др. Форма *nägennettä* 'увидите (возможно)' в современном языке не встречается, вместо неё употребляется форма *nähnettä* от I инфинитива глагола *nähä* 'видеть'.

В результате анализа выявлено употребление различных глаголов, однако характерно наиболее частотное употребление глаголов *olla* 'быть' и *tahtuo* – 'хотеть', что обусловлено содержанием текста перевода, точнее

его контекстами. Чаше других встречается потенциал глагола *olla* ‘быть’, что, на наш взгляд, объясняется его семантикой, которая заключается в обозначении наличия или существования, бытия кого-либо, чего-либо, что и определяет частотность, например:

...*kuin ollow teisä uššonda kargičan-jyvän tuone...* (17:20) / ...если вы имеете веру с горчичное зерно...;
 ...*Hospodi, kuin šie ollet, käšše miwla tulla vettä-myöt* (14:28). / Господи, если это Ты, повели мне прийти к Тебе по воде;

...*kuin tahtonet, luaimma tiälä kolme majua...* (17:4) / ...если хочешь, сделаем здесь три кущи...;
Ken tahtonnow šäilyttiä omua hengie, hävittäw hänen... (16:25) / Ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет её...

В переводе представлены также и отрицательные формы потенциала, однако в ограниченном количестве, например: *ei kuunnelle* ‘...если не слушает...’ (18:16; 18:17); *että voanut* ‘если не смогли’ (26:40); *ei voine* ‘если не может’ (26:42).

Далее проанализируем образование форм потенциала с точки зрения употребления геминаты в суффиксах, с тем чтобы сравнить с современными нормами. При образовании форм потенциала авторы перевода использовали традиционные суффиксы *-(n)ne*; *-(n)no*; *-(n)nö*. В односложных глаголах представлены оба суффикса – геминированный и негеминированный, например *voinow* (23:39) ‘если можешь’, *tuonnet* ‘если принесешь’ (16:26, 5:23, 27:43). В двусложных словах также встречаются оба варианта. Нами обнаружены случаи непоследовательного образования форм потенциала в двусложных глаголах, например, в формах глаголов *tahtuo* ‘хотеть’, *šaniuo* ‘говорить’ в переводе встречаются как геминированные, так и негеминированные суффиксы: *tahtonow* (20:26, 5:40) – *tahtonnow* (20:26, 16:25) ‘хочет (возможно)’, *šanonnow* ‘скажет (возможно)’ (5:22). Однако более регулярно мы обнаруживаем негеминированный суффикс, например: *iskenöw* ‘ударит (возможно)’ (5:39), *laškenow* ‘отпустит (возможно)’ (5:31), *tappanow* ‘убьёт (возможно)’ (5:21), *virkanow* ‘промолвит (возможно)’ (12:32) и др. Напротив, в многосложных глаголах после третьего слога регулярно выступает геминированный суффикс, например: *rikkuočennow* ‘испортится/нарушится (возможно)’ (5:19), *porottannet* ‘изгонишь/извергнешь (возможно)’ (8:31), *hävittännöw* ‘уничтожит/повредит (возможно)’ (16:24), *kerittännettä* ‘разрешите/развяжете (возможно)’ (18:18). Исключением является пример: *kuuluštanow* ‘услышит (возможно)’ (28:14). В двухосновных глаголах в соответствии с современными нормами представлены алломорфные суффиксы, например: *kuollow* ‘умрёт (возможно)’, *kuunnellow* ‘слушает (возможно)’.

На основе вышеизложенного мы пришли к следующим **выводам**:

1. В тверском переводном памятнике карельской письменности Евангелие от Матфея возможностное наклонение представлено достаточно большим количеством разнообразных глаголов. Их репертуар значительно шире, чем в современном языке. Тем не менее отмечается более частотное употребление глаголов *olla* ‘быть’ и *tahtuo* ‘хотеть’, что, на наш взгляд, обусловлено содержанием исходного текста перевода, коим является церковнославянская Библия, а также, возможно, и её русский перевод начала XIX столетия.

2. В переводе ЕМ употребляются исключительно формы настоящего времени (презенса) возможностного наклонения. Тем не менее оснований для вывода о том, что формы перфекта в то время уже были неупотребительны, недостаточно, так как исходный текст перевода всегда обуславливает употребление форм. Эта проблема требует специального исследования.

3. Образование форм возможностного наклонения в переводе ЕМ, как и в современном карельском языке, производится посредством геминированных и негеминированных суффиксов *-(n)ne*; *-(n)no*; *-(n)nö*. Процесс образования потенциала от двухосновных глаголов сопровождается образованием алломорфных суффиксов. В отличие от современных форм потенциала в толмачевском говоре тверского диалекта, при образовании которых употребляются геминированные суффиксы, в переводе Евангелия от Матфея авторы достаточно часто употребляют также и негеминированные, включая случаи их нерегулярного использования.

4. Указанные особенности образования потенциала в ЕМ не мешают пониманию текста современными носителями карельского языка, поэтому примеры потенциала из тверского перевода могут быть рекомендованы для употребления нашим современникам (с соблюдением сегодняшних норм орфографии).

Языковой потенциал тверского полнотекстового переводного памятника карельской письменности Евангелия от Матфея (1820) пока ещё недостаточно оценён исследователями, хотя предоставляет ценный материал для синхронического и диахронического исследования карельского языка, для изучения его исторической грамматики и диалектологии. **Дальнейшие исследования** функционального аспекта возможностного наклонения позволят пролить свет на семантику данной категории, с тем чтобы уточнить её специфику и активизировать употребление в современном карельском языке.

Список источников

1. Адель Е. Л. Система глагольного словоизменения паданского говора карельского языка [Электронный ресурс]: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 1995. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01000106121#?page=28> (дата обращения: 08.10.2020).
2. Беляков А. А. Морфологическая система собственно-карельского диалекта (калининское наречие) // Труды Карело-Финского филиала АН СССР. Лингвистическая серия. Петрозаводск: Гос. издательство Карельской ССР, 1954. Вып. 1. С. 68-97.
3. Громова Л. Г. Особенности развития карельской письменности на толмачевском говоре тверского диалекта // Тверские карелы: история, язык, культура / отв. ред. Л. Г. Громова. Тверь: ТвГУ, 2011. С. 42-54.
4. Громова Л. Г. Тверские печатные памятники карельской письменности 19 столетия // Folia Uralica Debreceniensia 13. Debrecen: Debreceni Egyetem Finnugor Nyelvtudományi Tanszék, 2006. С. 29-39.

5. **Зайков П. М.** Глагол в карельском языке. Петрозаводск: Петрозаводский государственный ун-т, 2000. 293 с.
6. **Макаров Г. Н.** О переводном памятнике карельского языка 20-х гг. прошлого века // Прибалтийско-финское языкознание / отв. ред. Г. Н. Макаров, М. И. Муллонен. Л.: Наука, 1963. Вып. XXXIX. С. 70-79.
7. **Новак И. П.** Грамматика тверского карельского языка. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2020. 177 с.
8. **Пунжина А. В.** Словарь карельского языка (тверские говоры). Петрозаводск: Карелия, 1994. 396 с.
9. **Рягоев В. Д.** Тихвинский говор карельского языка. Л.: Наука, 1977. 287 с.
10. **Священное Писание и книги Нового Завета.** М.: Международный издательский центр православной литературы, 1995. 1059 с.
11. **Forsberg H.** Suomen murteiden potentiaali. Muoto ja merkitys. Helsinki: SKS, 1998. 434 s.
12. **Genetz A.** Tutkimus Venäjän Karjalan kielestä. Suomi 14. Helsinki: SKS, 1880. 247 s.
13. **Gromova L.** Karjalan kirjakieli Tverin alueella // VIRSU III: Suomalais-ugrilaisia kohdekieliä ja kontakteja. Studies languages 42. Humanistinen tiedekunta. Joensuu: Joensuu yl-sto, 2007. S. 173-186.
14. <http://fulr.karelia.ru/cgi-bin/flib/evangele.cgi> (дата обращения: 08.10.2020).

Potential Mood in the Text of the Karelian Translation of the Gospel of Matthew Published in Tver at the Beginning of the XIX Century

Gromova Liudmila Georgijevna, PhD
Tver State University
grludmila@yandex.ru

The paper aims to reveal specificity of the potential mood forms functioning in the text of the Karelian translation of the Gospel of Matthew published in Tver at the beginning of the XIX century. Scientific originality of the study is conditioned by the fact that the potential mood forms observable in the Karelian translation of the Gospel of Matthew have not been previously investigated and also by the fact that the researcher for the first time compares this category functioning in the Karelian language of the XIX century and in the modern Tver Karelian dialects. The findings indicate that in the XIX-century language, potential mood forms are more frequent in comparison with the modern Karelian language but the potential mood category is formed in a similar way, so linguistic material of the Karelian translation of the Gospel of Matthew can be used while compiling modern textbooks.

Key words and phrases: Karelian translation of the Gospel of Matthew published in Tver; potential mood.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.14>

Дата поступления рукописи: 28.09.2020

Цель статьи заключается в выявлении особенностей функционирования имени действия на -и в текстах татароязычных арабографических органов периодической печати начала XX века. **Научная новизна** обусловлена тем, что впервые в татарском языкознании в рамках научных изысканий проводится исследование функционирования грамматической системы на языковом материале текстов газет «Вақыт» и «Кояш». **В результате** проведенного анализа нами выявлено, что, несмотря на наличие в грамматической системе текстов татарских газет рассматриваемого периода огузских и традиционных общетюркских грамматических форм, употребление имени действия на -и в текстах газет в межреволюционный период 1905-1917 гг. приобретает более широкое распространение, чем в предыдущие периоды развития старотатарского письменного литературного языка.

Ключевые слова и фразы: старотатарский литературный язык; татарская периодическая печать; язык газеты; грамматическая система; имя действия.

Миннуллин Бахтияр Кимович, к. филол. н.

*Институт языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан,
г. Казань
bahtiyar1986@yandex.ru*

Грамматические и семантические особенности функционирования имени действия на -и в текстах газет «Вақыт» и «Кояш»

Актуальность темы данной статьи заключается в необходимости научного исследования текстов письменных памятников, созданных на старотатарском литературном языке начала XX века. В частности, изучения требует грамматическая система текстов татарских органов периодической печати, издававшихся в межреволюционный период 1905-1917 гг.

Как известно, старотатарский письменный литературный язык, до того как сформировался в качестве национального языка татар, прошел несколько этапов своего развития. В результате многовекового формирования к началу XX века старотатарский литературный язык характеризуется наличием лексико-грамматических элементов, свойственных для огузских, арабских, персидских языков, а также языковых элементов, являющихся традиционными общетюркскими. При этом в результате роста национального самосознания, возникшего в результате

определенных политических и экономических изменений, в начале XX века наблюдается формирование и бурное развитие татарской периодической печати. Принято считать, что именно появление национальной периодической печати стало одним из наиболее значимых моментов в развитии татарского народа, и татарского литературного языка в частности. Существует тесная связь между функционированием языка татарской периодической печати начала XX века и формированием письменного литературного языка татарского народа рассматриваемого периода. Именно татарская газета послужила тем основанием, на котором были опробованы варианты татарского языка, потенциально готовые стать литературным языком.

Для достижения указанной цели следует решить ряд частных *задач*: дать характеристику грамматической системе имен действия в современном состоянии татарского литературного языка; выявить грамматические показатели имени действия, функционировавшие в старотатарском письменном литературном языке начала XX века; изучить грамматические особенности функционирования формы имени действия на *-и*; доказать гипотезу о порядке функционирования рассматриваемой формы имени действия в рамках текстов татарской периодической печати начала XX века.

В ходе решения указанных задач нами были использованы *методы* лингвистического описания, диахронического отождествления установленных фактов, а также методы сравнительно-исторического и сравнительно-сопоставительного анализа.

Теоретической базой исследования послужили такие академические труды, как «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология» [16], «Татар грамматикасы» [17], «Татар әдәби теле тарихы (XIII – XX йөз башы). Морфология. Грамматик категорияларның структур-субстанциональ үзенчәлеге һәм функциональ-стилистик мөмкинлекләре: язма традицияләр, норма һәм вариантлылык» [18], а также труды ученых-языковедов А. Н. Кононова [10] и Ф. Ю. Юсупова [20] и др.

Практическая значимость статьи заключается в том, что исследовательский инструмент, выработанный в рамках изучения фактического языкового материала, в дальнейшем может быть использован при научной разработке грамматической системы текстов татарской газеты, а также в научных трудах по истории татарского литературного языка и при разработке исторической грамматики татарского языка. Фактический языковой материал и выводы статьи могут быть использованы в вузовской преподавательской практике в ходе изучения истории татарского литературного языка либо истории формирования и развития языка татарской периодической печати начала XX века.

В текстах газет «Вақыт» (Оренбург, 1906-1918) и «Кояш» (Казань, 1912-1918) зафиксировано активное функционирование одной из категорий неличных форм глагола – имени действия, которое характеризуется наличием признаков, свойственных как имени существительному, так и глаголу. Основной семантической функцией, выполняемой рассматриваемой формой в текстах указанных газет, является передача значения действия, состояния или процесса.

Имена действия в текстах исследуемых нами газет, как и в современном татарском литературном языке, образуются посредством присоединения специальных грамматических показателей. В настоящее время в татарском литературном языке основной формой, используемой для образования имени действия, является форма на *-у*, менее активно употребляется форма на *-ыш* [17, б. 255]. В текстах газет «Вақыт» и «Кояш» имя действия выражается посредством формы на *-и*, являющейся графическим синонимом современного показателя на *-у*, и при помощи формы на *-таq*, определяющейся в качестве традиционного общетюркского грамматического показателя [18, б. 804]. Также в текстах газет зафиксировано образование имени действия при помощи огузской формы на *-та*, которое активно употребляется в современном турецком литературном языке [10, с. 457] и в некоторых говорах татарского литературного языка [20, с. 267].

Историческая форма на *-и* восходит к общетюркскому периоду, а позже находит свое отражение в языках уйгурской и кыпчакской групп [16, с. 488]. На сегодняшний день кроме современного татарского литературного языка данная форма функционирует в киргизском, башкирском, казахском, каракалпакском, узбекском, караимском и т.п. языках [20, с. 257].

В текстах исследуемых нами газет рассматриваемая форма образует имена действия от любой глагольной основы, от всех простых и сложных корней. При этом, в зависимости от звукового состава основы конкретного слова, она может иметь два фонетических варианта (*-и/-й*). Как было отмечено выше, подобно имени существительному имя действия на *-и* склоняется по падежам. В текстах газет рассматриваемая форма наиболее активна в основном падеже и обозначает название действия, процесса или состояния: *13 wä 14 nçe ijünlär dä Ğ. savet cyjybyšlarynda dürt jany branenoses salu mäsäläse qaraldy* [3]. / '13 и 14 июня на собраниях Государственного совета рассматривался вопрос построения четырех новых броненосцев' (здесь и далее перевод выполнен автором статьи. – Б. М.).

Форма на *-и* в основном падеже в текстах газет может выступать в составе изафетных конструкций. В этом случае рассматриваемая форма имени действия характеризует предмет либо лицо по действию или состоянию, а также может указывать на место или время совершения действия. В данной функции на семантическом уровне имя действия на *-и* выступает в качестве синонима к причастию на *-а torğan*: *Jaña jullar salu kamisijäse mömkin qadär qysqa möddätä Saratofdan Azof diñgeze bornyna timer jul salunyñ kiräklegenä qarar birgän* [21]. / 'Комиссия по строительству новых дорог приняла решение о необходимости строительства в течение максимально короткого времени железной дороги от Саратова до залива Азовского моря'.

Имя действия на *-и* в основном падеже, как правило, сочетается со словами *bar* 'есть' и *juq* 'нет'. В текстах газет такая конструкция выражает наличие или отсутствие того или иного действия, состояния либо процесса: *Hiç söjläşü fälän juq* [8]. / 'Отсутствует хоть какое-либо общение'.

Имя действия на *-и*, осложненное аффиксом родительного падежа, в текстах газет «Вақыт» и «Кояш», как правило, выступает в роли определения. При этом определяемое слово принимает аффикс принадлежности: *Möselman säüdü xedmätkärläreneñ iqtisadi mänfäğatläre rus säüdü xedmätkärläreneke belän ber buldyğy xäldä aҗрым cämğyjät tözüweneñ säbäbe dä mili wä dini itxtjaclaryn jaxşyraq ütäu öçen ide* [13]. / ‘При ситуации, когда экономические интересы мусульманских торговых работников сопоставимы с интересами русских торговых работников, причиной **создания** отдельного общества является более качественное воплощение национальных и религиозных интересов’.

Винительный падеж имени действия на *-и* в текстах газет выражает объектные отношения: *Gubernator ilä ğalawa ministrdan Rızän – Uralski timer julyn Toz Tübägä tügel, bälki Orenburğa suzdyryluyn ütengänlär* [12]. / ‘Губернатор и глава попросили министра **положить** железную дорогу Рязань – Уральск не в Туз-Тубе, а в Оренбург’.

Имя действия на *-и* в направительном падеже в текстах газет, как правило, также употребляется для выражения объектных отношений: *...sähadätnamäse buluwıy, redaktornıy tatarça gramotnyj buluwyna ber dä dälalät itmi bit* [11]. / ‘...наличие разрешения ведь не доказывает татароязычную **грамотность** редактора’. Также имя действия на *-и* в направительном падеже может указывать на исходный момент совершения действия: *Bu ğönahsyz qanlarnıy tügelä başlawlaryna jyl jarym buldy* [9]. / ‘Прошло полтора года с тех пор, как **начала проливаться** эта невинная кровь’.

Форма на *-и* в исходном падеже в текстах газет, как правило, обозначает косвенный объект: *Bu tänqyjä wä cawablarnıy kübese haman, Dumada xökümät bəjınatyn mözakärä itkändäge süzlärne təkrrarlawdan ğyjbarät bulsa da* [7]... / ‘Несмотря на то, что большинство этой критики и ответов все еще состоят из **повторения** слов, произнесенных в Думе при обсуждении доказательств правительства...’.

Местно-временной падеж имени действия на *-и* в текстах исследуемых нами газет обозначает действие, совершающееся одновременно либо параллельно с действием основного глагола: *Monda elek jyllardağy kebi xökümät hamanda suğyşuda wä fetnä bastyruda däwam itde* [22]. / ‘Здесь, как и в предыдущие годы, государство продолжило **сражения** и **подавления** восстаний’.

В текстах газет «Вақыт» и «Кояш» наблюдается активное функционирование имени действия на *-и* с послелогом и модальными словами. Так, имя действия на *-и* в основном падеже в текстах газет сочетается с послелогом *öçen* ‘ради’, ‘для’. Такое сочетание выражает цель совершения действия: *Jal itü könenä waqytıy xıñ ütkärü öçen dä ğotumi jal itü köne bulırğa tijeş* [19]. / ‘И для хорошего **временпрепровождения** в выходной день он (выходной) должен быть общепринятым’.

Кроме того, нами было зафиксировано употребление имени действия на *-и* в сочетании с послелогом *säbäble* ‘по причине’, ‘из-за’. Такое сочетание выражает причинно-следственные отношения: *...ber fajda kilmüü wä xalyqnyñ fikere dä mäşrutijät ilä idarä qylynyrlyq dārācāğä jeteşmüü säbäble... xökümät şuraj dāülātne genä qaldyraçaq ikän* [8]. / ‘...говорят, что по причине **отсутствия** какой-либо пользы, а также **недостижения** взглядами населения того уровня, когда было бы возможно управление конституционным режимом... правительством оставит только Государственный совет’.

Направительный падеж имени действия на *-и* в сочетании с послелогом *qarağanda, binaän* ‘судя по’, ‘основываясь на’ в текстах газет употребляется, как правило, для выражения изъяснительно-сравнительных отношений: *Şahidlärneñ söjläülärenä qarağanda bu doşmanlyqğa säbäb bulğan närsä dä Daud belän märxüm Syrtlanof arasynda tabiğat wä tärbijä cähätendän ber bersenä bik xılaf ber başqalyq idege añlaşyldy* [4]... / ‘Судя по **высказываниям** свидетелей, стало понятно, что причиной такой вражды было нечто иное, возникшее на почве расхождения в характерах и воспитании...’; *Suğyş xäräkätläre haqyndağy xäbärlärdän añlaşyluwyna binaän, fransuz cäjäüle ğaskärenen östenlege fransuzlarğa suğyş safınyñ küb jerlärendä doşmanny borçuğa salyrylyq muafäqyjät birgän* [2]. / ‘Как **становится ясно** из новостей про военные действия, превосходство французской пехоты позволило французам добиться успеха на многих точках линии фронта, что заставило врага переживать’.

Имя действия на *-и* в сочетании с модальными словами *kiräk, lazem* ‘необходимо, нужно’ в текстах газет выражает необходимость совершения действия и употребляется в функции инфинитива: *...xökümätneñ eşendän çyğaçaq näticälärne waqytında tuqtata alyrlyq buluwıy lazem* [6]. / ‘...требуется **возможность** своевременного **приостановления** действий правительства’.

В сочетании с модальным словом *tijeş* ‘должен’ имя действия на *-и* в текстах газет употребляется в значении необходимости с оттенком долженствования: *Fäqat ul din wä mäzhäbneñ üze nizam bujınça cäzany mücäb bula torğan din wä mäzhäb bulmawıy tijeş* [5]. / ‘Однако эта религия и мазхаб **не должны быть** религией и мазхабом, которые сами на основании порядка определяют наказание’.

Кроме того, в текстах обнаруживается сочетание имени действия на *-и* с модальным словом *mötkin* ‘можно’. Такая конструкция указывает на возможность или невозможность, допустимость или недопустимость совершения того или иного действия: *Anglija tülänüwe mötkin bulğan iqtisadi qyjmatlärne genä xarab itä, Germanija isä, tülänüläre hiç ber mötkin bulmağan insan canlaryn hälak itäder* [1]. / ‘Англия уничтожает только возможные к **восполнению** экономические ценности, а Германия губит невозможные к **восполнению** человеческие души’.

Редко, подобно имени существительному [17, б. 56], имя действия на *-и* в текстах газет принимает аффикс сказуемости *-dyr/-der* и выступает в предикативном значении: *Şul säbäble Törkijäneñ plany Italijäne ozaq suğyşdyryb iqtisadi bölgelenkğä jaqynlaşdyrudyr* [14]. / ‘По этой причине план Турции – **приблизить** Италию к экономическому обнищанию, заставив ее воевать продолжительное время’.

Отрицательная форма имени действия на *-и* в текстах исследуемых нами газет образуется посредством частицы *-mal/-mä*, которая присоединяется к основе глагола, а далее следует показатель *-ul/-ü*: *Xäzer inde bu kiläse*

sajlaurarda mondyj eşlärneñ bulmawyna tyruşyrğa tijeşder [15]. / ‘Теперь он должен стремиться к недопущению на предстоящих выборах таких ситуаций’.

Таким образом, мы приходим к следующим **выводам**. В текстах письменных памятников, оформленных на рубеже XIX – начала XX века на старотатарском литературном языке, рассматриваемая форма имеет неоднородную степень распространения и определяется в качестве элемента функционально-стилистической вариативности. Как видно из приведенного материала, несмотря на функционирование в текстах газет «Вақыт» и «Кояш», издававшихся в межреволюционный период 1905-1917 гг., ряда других форм имени действия, в частности, подчеркивающих наличие общетюркских и огузских грамматических форм, имя действия на *-и* уже получает более широкое распространение и становится ядерным элементом грамматической системы литературного языка рассматриваемого периода. Расширение границ употребления рассматриваемой формы имени действия, в частности осложнение падежными аффиксами, а также сочетание с послелогом и модальными словами, приводит к расширению семантических границ ее функционирования.

Такое изменение в плане частотности употребления рассматриваемой формы, прежде всего, обусловлено тенденцией, наметившейся в рамках старотатарского письменного литературного языка начала XX века, направленной на постепенный отход от употребления огузских и традиционных общетюркских языковых элементов и на переход к более активному использованию народно-разговорных форм.

Исходя из проведенного научного анализа и полученных результатов, имеется основание предполагать, что **дальнейшие исследования** по данной теме могут быть соотнесены с изучением грамматического строя текстов ряда других органов татарской периодической печати рассматриваемого периода. В частности, определенный вклад в изучение грамматической системы текстов татарской газеты начала XX века может внести научная разработка функционирования имени действия на *-и* с учетом ряда экстралингвистических факторов, наиболее значимыми из которых являются тип периодического издания, географическое расположение населенного пункта, где публиковалось периодическое издание, хронологический период его издания, издатели и редакторский состав, их идеологические взгляды, цели и задачи, тема публикуемых текстов и т.д.

Список источников

1. Германия баш вәзиренә нотыгы // Кояш. 1917. Егерме сизгенче февраль.
2. Гомуи Ярупа сугышы // Вақыт. 1914. Унберенче декабрь.
3. Государственный совет жылышы // Вақыт. 1908. Унтугызынчы июнь.
4. Депутат Сыртлановның үтерелүе хакында // Вақыт. 1913. Бишенче май.
5. Диндә иренкелек // Вақыт. 1909. Унтугызынчы февраль.
6. Дәүләт думасы // Кояш. 1913. Егерме икенче март.
7. Дәүләт думасы // Кояш. 1916. Алтынчы март.
8. Истанбул мәктүпләре // Вақыт. 1911. Егерме жиденче ноябрь.
9. Кавказ вакыйгалары хакында // Вақыт. 1908. Егерме өченче май.
10. Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 569 с.
11. Матбугат ләхәсы вә мөселман редакторлары // Кояш. 1914. Унберенче апрель.
12. Министр үтү // Вақыт. 1912. Утызынчы сентябрь.
13. Оренбургта күнелсез вакыйгалар // Вақыт. 1917. Бишенче июль.
14. Русиянең солых тәклифе // Вақыт. 1912. Беренче март.
15. Сайлауларга даир // Вақыт. 1913. Егерме тугызынчы апрель.
16. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология / отв. ред. Э. Р. Тенишев. М.: Наука, 1988. 557 с.
17. Татар грамматикасы: III томда / баш. ред. М. З. Зәкиев. Казан: ТӘҺСИ, 2016. Т. II. 432 б.
18. Татар әдәби теле тарихы (XIII – XX йөз башы). Морфология. Грамматик категорияләрең структур-субстанциональ үзенчәлеге һәм функциональ-стилистик мөмкинлекләре: язма традицияләр, норма һәм вариантлылык: III томда / фән. ред. Х. М. Хисамова. Казан: ТӘҺСИ, 2017. Т. II. 888 б.
19. Чиркәү бәйрәмнәре гарафдарлары // Кояш. 1914. Икенче гыйнвар.
20. Юсупов Ф. Ю. Морфология татарского диалектного языка. Категории глагола. Казань: ФЭН, 2004. 592 с.
21. Яна тимер юл // Кояш. 1917. Егерме сизгенче февраль.
22. 1909 нчы елда // Вақыт. 1910. Беренче гыйнвар.

Grammatical and Semantic Peculiarities of Functioning of Action Nouns Ending in *-u* in the Pages of “Вақыт” and “Кояш” Newspapers

Minnullin Bakhtiyar Kimovitch, PhD

G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan
bahtiyar1986@yandex.ru

The paper aims to identify peculiarities of functioning of action nouns ending in *-u* in journalistic texts of the early XX century written in the Tatar language using the Arabic script. Scientific originality of the study is conditioned by the fact that for the first time in the Tatar linguistics, the author examines functioning of grammatical categories by the material of the “Вақыт” and “Кояш” newspapers. The following conclusions are justified: the Tatar newspaper texts of the mentioned period basically contain the Oghuz and traditional Turkic grammatical forms, but in the inter-revolutionary period (1905-1917), action nouns ending in *-u* became more frequent in comparison with earlier periods of the Old Tatar literary language.

Key words and phrases: Old Tatar literary language; Tatar periodicals; newspaper language; grammatical system; action noun.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.15>

Дата поступления рукописи: 28.10.2020

Цель исследования – выявление семантических и словообразовательных особенностей распределительных числительных в языке лесных юкагиров. **Научная новизна** заключается в том, что впервые на материале языка лесных юкагиров рассмотрен данный разряд числительных, определены их семантика, морфемная структура, введена новая лексика. **В результате** показано, что распределительные числительные образуются от основ количественных глаголов при помощи суффикса *-ну-*, указывающего на длительность и обычность действия, а также на продолжаемость его в момент речи. При этом они семантически и синтаксически отличаются от собственно количественных глаголов с *-ну-*. От распределительных числительных могут образовываться инфинитивные и залоговые формы.

Ключевые слова и фразы: язык лесных юкагиров; распределительные числительные; словообразование; аффикс; семантика.

Прокопьева Прасковья Егоровна, к. пед. н.

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук, г. Якутск
pproe@yandex.ru

Распределительные числительные в языке лесных юкагиров

Как известно, юкагиры представлены двумя этнолингвистическими группами – лесные и тундровые юкагиры. Местами компактного проживания народа являются с. Андрюшкино Нижнеколымского улуса (тундровые юкагиры, самоназвание *вадул*) и с. Нелемное Верхнеколымского улуса (лесные юкагиры, самоназвание *одул*) Республики Саха (Якутия). По традиции, сложившейся в лингвистической науке, различают тундренный и колымский диалекты юкагирского языка, однако, как полагают исследователи, данный их статус не является точным. Существенные различия между так называемыми юкагирскими диалектами, исключаящие взаимное понимание их носителей, позволяют ученым считать их самостоятельными близкородственными языками [7, с. 24, 39].

Языки локальных групп юкагиров остаются одними из малоисследованных в североведении, причем язык лесных юкагиров по сравнению с языком тундровых юкагиров изучен в меньшей степени. **Актуальность** данного исследования определяется недостаточной разработанностью темы числительного в юкагирском языкознании, необходимостью рассмотрения вопросов о сущности и количестве разрядов числительных в языке лесных юкагиров, об образовании таких слов. Обращение к данной теме обусловлено наличием накопленного к настоящему времени (хотя и в недостаточной степени по причине малочисленности носителей языка (в настоящее время осталось 6 носителей языка лесных юкагиров. – П. П.), утрачивания языка) материала, связанного с этой частью речи, важностью его интерпретации и введения в научный оборот.

В данной статье поставлены **задачи** проанализировать языковой материал по распределительным числительным с точки зрения их лексического значения, выявить их структурные особенности, определить семантику аффиксов.

Методами исследования являются морфемный и контекстуальный анализ языкового материала.

Теоретической базой исследования послужили, прежде всего, труды таких известных ученых-юкагироведов, как Е. А. Крейнович [4-6], Г. Н. Курилов [7; 8], где предметом исследований становилось числительное.

Практическая значимость определяется возможностью использования выводов при написании академической грамматики юкагирского языка, в практике преподавания юкагирского языка в образовательных учреждениях, при разработке учебной литературы.

В языке лесных юкагиров выделяются такие разряды числительных, как 1) количественные; 2) атрибутивные; 3) порядковые; 4) повторительные; 5) распределительные (или разделительные); 6) собирательные. Насчет атрибутивных числительных нужно уточнить, что Е. А. Крейнович вычленил атрибутивную форму у количественного процессива (о нем речь пойдет ниже) наряду с предиктивной [4, с. 113], Г. Н. Курилов выделяет атрибутивные числительные в отдельный разряд [8, с. 110].

Распределительным числительным называется «форма числительного (или соответствующее ей словосочетание) со значением “приходящийся на каждого из группы или ряда лиц или предметов”» [1, с. 515].

В языке тундровых юкагиров распределительные числительные формируются сочетанием частицы *энду* со значением ‘по’ и атрибутивного числительного:

Энду маархан ийэулидьэк мэндьиинуулэ [8, с. 116]. / ‘Вручили **по одному** олененку’ (здесь и далее примеры содержат переводы, данные в указанных работах; слова выделены автором статьи. – П. П.).

Вместо атрибутивного числительного может стоять основа «оглаоленного» количественного глагола:

Мэтинь илэлэ энду маархуол кишна [Там же, с. 116-117]. / ‘Нам оленей **по одному** (на человека) дали’.

Как свидетельствуют языковые материалы, в языке лесных юкагиров сообразные семантике распределительных числительных выступают слова, образованные от основ количественных числительных при помощи суффикса *-ну-*:

Хангичэпулгэ иркиэну хамидьбаануйэ шоромолок льэнульэл [10, с. 256]. / 'У этих охотников **по одному** помощнику было';

«*Этиэ, мон, – йоулэсум Катя, – ходиэт мэткэ чумут атахлоону*». / 'Скажи, бабушка, – просит Катя, – почему это у меня всего **по два**' (материалы автора статьи П. Е. Прокопьевой (далее – МА). Данное предложение из перевода на юкагирский язык рассказа Е. А. Пермяка «Про нос и про язык». Перевела в 2008 г. в с. Нелемное Верхнеколымского улуса Республики Саха (Якутия) Шадрина Акулина Егоровна, 1930 г.р. – П. П.).

Прежде чем перейти к рассмотрению функции форманта *-ну-*, присоединяемого к глагольным основам, следует сказать о количественных числительных юкагирского языка. Отличительной особенностью количественных числительных в обоих юкагирских языках является то, что из них числительные первого десятка ведут себя как глагольные слова и способны спрягаться, как непереходные глаголы настоящего-прошедшего времени. Сравните:

1 лицо. *Мэт модойо*. / 'Я живу'. *Мит модойили*. / 'Мы живем'.

2 лицо. *Тэт модойок*. / 'Ты живешь'. *Тит модойэмэт*. / 'Вы живете'.

3 лицо. *Тудэл модой*. / 'Он живет'. *Титтэл модони*. / 'Они живут'.

1 лицо. *Мэт иркиэйэ*. / 'Я один'. *Мит иркиэйили*. / 'Мы одни'.

2 лицо. *Тэт иркиэйэк*. / 'Ты один'. *Тит иркиэйэмэт*. / 'Вы живете'.

3 лицо. *Тудэл иркиэй*. / 'Он один'. *Титтэл иркиэни*. / 'Они живут'.

Исследователь юкагирского языка Е. А. Крейнович писал о таких словах: «Количественный непереходный глагол (количественный предикатив) представляет собой особый семантический разряд непереходных глаголов» [5, с. 182], впоследствии он определял их как «количественный процессив» [4, с. 113]. Лингвист Г. Н. Курилов свойство спрягаться у количественных числительных первого десятка связывает с влиянием вспомогательного глагола *нол*= со значением 'быть', обнаруживаемого в основе [8, с. 110]. При этом Г. Н. Курилов отмечает, что оглаголивание количественных числительных первого десятка представляет собой единичное отклонение от общего правила и что лексические единицы со значением количества проявляют себя как именные слова, позволяя выделять их в самостоятельную часть речи под общепринятым названием «числительное» [Там же, с. 109-110]. И Е. А. Крейнович, и Г. Н. Курилов считают, что данные слова сложились под воздействием морфологически выраженного актуального членения в юкагирском языке [4, с. 175; 8, с. 109], которое является отличительной особенностью юкагирского синтаксиса [4, с. 175]. Рассуждая о природе актуального членения и его значении в юкагирском языке, Е. А. Крейнович писал: «Осознание нового служило главным стимулом сообщения о нем, а это в свою очередь являлось главной движущей силой развития языка. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в отдельных языках могли возникать специальные способы и средства выделения новой и важной информации» [Там же, с. 176].

Что касается суффикса *-ну-*, то, по мнению Е. А. Крейновича, посредством этого форманта обозначается длительность и обычность действия, а также совершаемость его в момент речи [6, с. 361], Г. Н. Курилов также называет его показателем вида действия, продолжающегося в момент речи, который одновременно играет роль показателя настоящего времени [8, с. 165]. Например:

Тудаа чөөлөд омниһи параагэ ньатньууһаа унун йамуллаабэт модаанульэл [10, с. 277]. / 'Давно, во времена старинных людей налим в верховьях реки **жил**';

Чобулгэт кэлүлбэн аһилэ чобулгэт чандэ хоннуһи Уһмунгэн, Уһмун уһундиэпэгэн кусиэ киндьэгэ [2, с. 28]. / 'Рыба, которая приходит с моря, в июне **поднимается** по Колыме и ее притокам';

Уорэһтиэ иһлэһул чобосьалгэт миһдиһлэ пумудуйһи, иһлэһул, миһдиһлэ ойльэдэгэ, таат пэмэрчиһунһи. / 'Ребятишки некоторые с берега на санках катаются, другие, от того что санок нет, так **скатываются**' (МА. Информант Демина Любовь Николаевна, 1950 г.р. Записано в 2019 г. в г. Якутске. – П. П.).

По всей видимости, как показывает анализ языковых данных, следует различать распределительные числительные на *-ну-* от собственно количественных глаголов с *-ну-*. Отличия обнаруживаются в семантике слов и их синтаксических функциях. Если первые указывают на равное разделение предметов и могут выступать в роли определения, последние выражают повторяемость или обычность действия, заключающего количественно-числовое значение 'бывать в количестве...', и являются сказуемыми. Ниже приведены количественные глаголы с аффиксом *-ну-*:

Илэгэ йоуйэ атохлоннуһи (по всей видимости, здесь наблюдаем удвоение *н*. – П. П.), *илэгэ иркиэһннуһи* [3, с. 203]. / 'У кого **бывают** две сети, у кого **одна**';

Иллэмэдэ чаманиһи иркиэһнуһи. / 'Иногда нельма **одна бывает**' (МА. Информант Демина Любовь Николаевна, 1950 г.р. Записано в 2019 г. в г. Якутске. – П. П.).

Семантически распределительным числительным тождественны также образованные от количественных основ деепричастные формы на *-т*, которые в этом случае сохраняют суффикс *-ну-*, без него не употребляясь. Всего в языке лесных юкагиров существуют четыре деепричастные формы *-т*, *-(дэ)ллэ*, *-һидэ*, *-дэ* [9, с. 28], где форма на *-т* выражает временные отношения (значения одновременности, следования), общей временной соотнесенности, обстоятельственные (отношения образа действия и отношения обусловленности) [Там же, с. 89]. Примеры распределительных числительных на *-т*:

Кудэчиһол-койһэ, нумэ-айһит иркиэһнут, йобиланги толоу ангит агудьунуһи [3, с. 204]. / 'Промышленники парни с каждого дома **по одному**, в лес, на горы дикого оленя, разыскивая, ходят';

Хонут йуөдизһнуһи: ойдоһопулгэ тиһи, таа иркиэһнут, атахлоонут чолборопул модопэги [13, с. 16]. / 'По дороге я стал смотреть: на речных косах тут и там сидело **по одному, по два** зайца';

Иллэмэдэ таг чамани иркиэнүт лыэнуй. / 'Иногда та нельма одна [по одной] бывает' (МА. Информант Демина Любовь Николаевна, 1950 г.р. Записано в 2019 г. в г. Якутске. – П. П.);

Чомпарнаапэ атахлуонут модаануни йобии. / 'Лесные вороны живут парами (буквально: **по двое**. – П. П.)' (данное предложение из перевода на юкагирский язык рассказа Г. Я. Снегирева «Ворон». Перевела Шадрина Акулина Егоровна, 1930 г.р. Материал предоставлен автору статьи А. Н. Мироновой, учителем Нелемнинской СОШ им. Н. И. Спиридонова – Текки Одулока Верхнеколымского улуса Республики Саха (Якутия). – П. П.).

Следует заметить, что посредством деепричастного форманта *-т* в языке лесных юкагиров образуются слова, которые можно назвать собирательными числительными 'оба (обе)', 'двое':

Атахлуот тэрикэльэнги [10, с. 261]. / '**Оба** были женаты'.

В языке тундровых юкагиров собирательные числительные с указанным значением создаются путем присоединения к основам количественных глаголов деепричастного суффикса *-эр*, соответствующего *-т*:

Кийуолэр иэруучэр кэвэйни, маархуолэр нимэба поньаай [8, с. 117]. / '**Двое** пошли на охоту, один дома остался'.

Относительно других слов в языке лесных юкагиров, образованных от количественных глаголов при помощи *-т*, то их, притом что они имеют буквальный перевод 'будучи в количестве...', очевидно, следует определять как наречия:

Табунгэ тэрикэги молльэл: «Йаалуот хондьиши» [10, с. 253]. / 'Тогда жена его говорит: «**Втроем** пойдем»'.

Мит тангидэ мальилэклуот кэбэсьиши. / 'Мы туда **восьмером** поехали' (МА. Информант Демина Любовь Николаевна, 1950 г.р. Записано в 2019 г. в г. Якутске. – П. П.).

В наших материалах зафиксирован единственный пример, где распределительное числительное с суффиксом *-ну-* употребляется с глагольным формантом *-сьиш*, имеющим значения уменьшительности и ласкательности и неполного проявления действия или признака. В приведенном примере суффикс *-сьиш* использован, видимо, потому, что по контексту речь идет о животном, которое прячет своих детей от человека, бережно перенося их в укромное место:

Мэтул йуодэлэ, тудэ уорпэкэлэ иркиэнүсьиш йиэн мизстангин мэ шэгэйишунум. / 'Меня увидев, своих детей **по одному** в другое место уносит' (МА. Информант Буданова Валентина Борисовна, 1935 г.р. Записано в 2011 г. в п. Сеймчан Среднеканского района Магаданской области. – П. П.).

В связи с аффиксом *-сьиш* надо отметить, что в языке тундровых юкагиров аналогичный ему суффикс *-чииш* способны принимать основы количественных глаголов, в этом случае выражается значение неполной степени проявления количества. По Г. Н. Курилову, «количественная основа в форме на =чииш передает отношение человека, недовольного количеством предмета: *маархуочий* 'только один-есть', *кийуочий* 'только два-есть'...'» [8, с. 118].

Также в значении 'по одному' зарегистрирован пример, где слово со значением распределительного числительного принимает показатель причастия *-дьэ*, что обусловлено природой количественных слов первого десятка, соотносимых с глаголами:

Миша миздэллэ-миздэллэ, шархуллэлэ тотторэм иркиэнүдьэ кэдиэллэлэ, титтэл лулчиэни. / 'Миша [медведь] ждал-ждал, лапами схватил **по одному** волку, те завыли' (буквальный перевод с юкагирского дан автором статьи. Предложение из перевода на юкагирский язык русской сказки «Плутиска кот» в пересказе К. Д. Ушинского. Перевела Шадрина Акулина Егоровна, 1930 г.р. Материал предоставлен автору статьи учителем А. Н. Мироновой. – П. П.).

В целом нужно сказать, что количественные глаголы в плане словообразования ведут себя как полноценные глаголы, и их основы могут сочетаться с другими глагольными суффиксами. Например, в языке тундровых юкагиров количественные основы присоединяют аффикс *-му-*, образуя значение действия, которое произошло в результате физического, пространственного и т.д. изменений. Г. Н. Курилов пишет об этом, что оглаголенные основы количественных слов «могут принимать суффикс *-му-* со значением "обретения чего-либо" и образовывать количественные основы, способные стоять в форме залога» (*кийуомуни* 'два стало-их', *кийуомусна* 'сделали так, чтобы стало два', *кийуомусчина* 'сделали через кого-либо так, чтобы стало два') [Там же, с. 119].

Особый интерес представляют слова со значением распределительных числительных, оканчивающиеся на *-нуо* (*-ноо*):

Адинг доскапэ иркиэнүо кэнбэгэдэйк. / 'Эти доски **по одной** разложи' (МА. Информант Шадрина Акулина Егоровна, 1930 г.р. Записано в 2012 г. в с. Нелемное. – П. П.);

Таг иркиэнүо мурдуу эймундэк орпоол [11, с. 106]. / 'Там [на деревьях] **по одному** чулку висит';

Эндьоонпэдэгэт атахлооноо мэйнум: өндьэлэк, иркиэт олболльэлэк [Там же, с. 36]. / 'Взял по два животных: [одного] самца и одну самку';

Лудун чизкчиль мабилэк минмэлэ, кинмигидайм пугэлбиэдэйлэ пудулангидэ, тамун мородэллэ, таг овецпэ титэ побожилэ хони овецпэ йолаат, иркиэнүо мэйнудэ, пэйжишим пудэлангидэ [12, с. 10]. / 'Кузнец шубу взял, вывернул шерстью наружу, то надев, как те овцы, пополз за овцами, **по одной** [овце] брав, выкидывало [их Лихо] на улицу' (буквальный перевод с юкагирского языка дан автором статьи. – П. П.);

Эмэй шоубүгэ печеньелэ пөнъишим. <...> – Иркиэнүо мэйнүтиш, – мони Миша. / 'Мама высыпала на тарелку печенье. <...> – Дели **по одному**, – строго сказал Миша' (МА. Данное предложение из перевода на юкагирский язык рассказа В. А. Осеевой «Печенье». Перевела в 2008 г. в с. Нелемное Шадрина Акулина Егоровна, 1930 г.р. – П. П.).

По нашему мнению, данные слова следует квалифицировать как слова, образованные от основ распределительных числительных с формантом *-уо* (*-оо*), где наблюдается интерференция морфем. Формант *-уо* (*-оо*), по-видимому, восходит к аффиксу страдательного залога *-уо* (в языке тундровых юкагиров это суффикс *-йуол/-уол* [7, с. 171]), с помощью которого от переходных и непереходных глаголов образуются глаголы с общим значением результативности [8, с. 171].

Этот же аффикс встречаем в наречиях меры и степени, образованных от глаголов с качественным значением:

Нингэйэ шоромопултангин нингуо тадийинуй, чайэй шоромопултангин чаалуо тадийинуй [3, с. 203-204]. / 'У кого **много** людей, (тому) много дают, у кого мало людей, (тому) **мало** дают';

Мэт нингуо уйсьэ, тамунгэт нугэдьэтчэ. / 'Я **много** работал, поэтому вспотел' (МА. Информант Борисова Дарья Петровна, 1946 г.р. Записано в 2019 г. в г. Якутске. – П. П.);

Лэбэйдишлэк шахальэштэллэ, идьэйльиэнуна, кин нингуо шахальэшльэлум. / 'Собрав ягоды, начинают измерять, кто **больше** собрал' (МА. Информант Шадрина Акулина Егоровна, 1930 г.р. Записано в 2012 г. в с. Нелемное. – П. П.).

Е. А. Крейнович, анализируя наречия меры и степени, предположил, что аффикс *-уо* представляет собой показатель результата действия [5, с. 204]. Распределительные числительные на *-нуо* (*-ноо*) подразумевают действия, результатом которых должна стать разбивка предметов.

Таким образом, можно сделать следующие **выводы**. В языке лесных юкагиров в качестве распределительных числительных выступают слова, которые образованы от основ количественных числительных при помощи суффикса *-ну-*, обозначающего длительность и обычность действия, а также совершаемость его в момент речи. Неизменяемые формы распределительных числительных на *-ну* семантически и синтаксически отличаются от собственно количественных глаголов с *-ну-*. В значении распределительных числительных употребляются образованные от количественных основ деепричастные формы на *-т*, а также причастные на *-дьэ*, при которых сохраняется *-ну-*. К распределительным числительным следует также относить количественные глагольные слова на *-нуо* (*-ноо*), где происходит наложение форманта *-ну-* на *-уо* (*-оо*), являющийся показателем со значением результата действия. Проведение **в дальнейшем** специальных исследований по другим разрядам числительных в языке лесных юкагиров восполнит не только имеющиеся пробелы в области морфологии и словообразования юкагирского языка, но и будет иметь значение для языкознания в целом.

Список источников

1. **Ахманова О. С.** Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1969. 606 с.
2. **Демина Л. Н.** Одун ньэомолбил = Юкагирский год: книга для чтения для учащихся средних классов общеобразовательных школ. Якутск: Бичик, 2015. 96 с.
3. **Иохельсон В. И.** Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. Якутск: Бичик, 2005. 272 с.
4. **Крейнович Е. А.** Исследования и материалы по юкагирскому языку. Л.: Наука, 1982. 304 с.
5. **Крейнович Е. А.** Юкагирский язык. М. – Л.: Издательство Академии наук СССР, 1958. 288 с.
6. **Крейнович Е. А.** Юкагирский язык // Языки Азии и Африки: в 5-ти т.: в 6-ти кн. М.: Наука, 1979. Т. III. С. 348-368.
7. **Курилов Г. Н.** Лексикология современного юкагирского языка: развитие лексики и роль в нем якутского языка. Новосибирск: Наука, 2003. 288 с.
8. **Курилов Г. Н.** Современный юкагирский язык. Якутск: Офсет, 2006. 280 с.
9. **Прокопьева А. Е.** Деепричастие в юкагирском языке (в сопоставительном аспекте). Новосибирск: Наука, 2012. 190 с.
10. **Прокопьева П. Е.** Устная несказочная традиция юкагиров. Новосибирск: Наука, 2018. 308 с.
11. **Фольклор юкагиров Верхней Колымы:** в 2-х ч. / под ред. И. А. Николаевой. Якутск: Изд-во Якутского гос. университета, 1989. Ч. 1. 161 с.
12. **Чолбораадиэпэ:** книга для чтения на языке лесных юкагиров / сост. Л. Н. Жукова. Якутск: Изд-во ЯГУ, 2000. 55 с.
13. **Шалугин В. Г.** Ньэдьиипэлэк уөрпэнин: учеб. пособие. Якутск: Изд-во ЯГУ, 2004. 36 с.

Distributive Numerals in the Forest Yukaghir Language

Prokopenva Praskovya Egorovna, PhD

*Institute of the Humanities and the Indigenous Peoples of the North
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk
pproe@yandex.ru*

The study aims to identify semantic and derivational features of distributive numerals in the Forest Yukaghir language. Scientific novelty of the work lies in the fact that this class of numerals is considered for the first time, using material from the Forest Yukaghir language; their semantics, morphemic structure are determined, new vocabulary is introduced. As a result, it is shown that distributive numerals are derived from stems of quantitative verbs by the means of the suffix *-ну-*, indicating that the action is prolonged and usual, as well as that it continues at the moment of speaking. It should be noted that there is semantic and syntactic difference between distributive numerals and quantitative verbs with the suffix *-ну-* as such. Distributive numerals can produce non-finite and voice forms.

Key words and phrases: Forest Yukaghir language; distributive numerals; derivation; affix; semantics.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.16>

Дата поступления рукописи: 19.09.2020

Цель исследования состоит в выявлении и разграничении предельных и неопределенных значений в семантической структуре якутского многозначного глагола *бар-* 'идти, уходить'. **Научная новизна** заключается в том, что впервые в якутском языкознании предпринимается попытка классифицировать лексико-семантические варианты полисемичного глагола по степени выраженности в них признака предела путем соотношения с теми или иными лексико-семантическими группами глаголов. **Полученные результаты** показали, что в якутском языке в семантике рассматриваемого глагола основным является предельное значение 'уходить' с акцентированием на начальном моменте поступательного движения, которое сохраняется при его дальнейшем абстрагировании в 10 переносных значениях и 5 служебных функциях. Установлено, что в отличие от предельного неопределенное значение 'идти' в якутском языке оказалось более контекстуально зависимым.

Ключевые слова и фразы: якутский язык; глагол; семантика; полисемия; предельность/неопределенность.

Самсонова Екатерина Максимовна, к. филол. н.

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера

Сибирского отделения Российской академии наук, г. Якутск

samsonova_em@mail.ru

Предельность/неопределенность многозначных глаголов в якутском языке (на примере глагола *бар-* 'идти, уходить')

В современных функциональных исследованиях при описании аспектуальной характеристики действия основное внимание уделяется взаимодействию морфологического и лексического уровней языка. Грамматическое оформление глагола в языке часто находится в прямой зависимости от принадлежности глагола к той или иной семантической группе, его предельного/неопределенного характера. Но разделение глагольной лексики на группы предельных и неопределенных глаголов в большинстве случаев «усложняется тем, что граница предельности/неопределенности проходит между разными значениями и употреблениями одного и того же глагола» [16, с. 60]. Так, многозначные глаголы могут в сочетании с одними словами выступать с предельным значением, в комбинации с другими – с неопределенным значением [2, с. 244]. **Актуальность** данного исследования связана с доминирующей ролью оппозиции предельности/неопределенности для аспектологических исследований и возникающей отсюда необходимостью разграничения по указанному признаку глагольной лексики якутского языка, наиболее употребительную часть которой составляют полисемантические производные глаголы. Например, в «Толковом словаре якутского языка» глагол *бар-* 'идти; уходить' представлен 19 значениями [17, с. 184-190], *кэл* 'приходить' – 15 [4, с. 465-468], *киир* 'входить' – 23 [3, с. 67-71], *сүүр* 'бежать' – 5 [5, с. 325-326] и т.п. Для выявления особенностей разделения значений выбранного глагола по признаку предельности/неопределенности будет применено сочетание **методов** функционально-семантического анализа с лексикографическим описанием. **Теоретической базой** исследования послужат работы по аспектологии и лексикологии А. В. Бондарко, Д. М. Насилова, Э. Р. Тенишева, Л. Н. Харитонова, С. Г. Татевосова, Ю. В. Баклаговой, М. Ю. Никитиной, С. И. Холод, Е. Н. Афанасьевой, Н. И. Поповой. В качестве лексикографического источника выступит второй том «Толкового словаря якутского языка» (2005) [17].

Для достижения цели исследования необходимо решить следующие **задачи**: во-первых, соотнести лексико-семантические варианты рассматриваемого глагола с соответствующими лексико-семантическими группами якутского языка; во-вторых, определить механизм изменения исходного значения и способствующие факторы; в-третьих, выявить особенности выражения предела в каждом конкретном случае. **Практическая значимость** работы: материалы исследования могут быть использованы в вузах гуманитарного направления при преподавании курса аспектологии якутского языка. Полученные данные могут найти применение при составлении учебников и учебных пособий по функциональной грамматике якутского языка.

Одним из самых функциональных якутских многозначных глаголов является лексема *бар-* 'идти, уходить'. Как отмечают исследователи, она встречается практически во всех тюркских языках (алт., башк., казах., к.-калп., кирг., кумык., ног., тат., тув., турк., уйг. и якут. *бар-*; узб. *бор-*; азерб. *вар-*, тур. *var-*; хак., шорск. *пар-*; чув. *пыр-*) и семантически определяется как глагол движения общего значения, обозначающий 'идти', 'ехать', 'ходить (вообще)' [15, с. 233]. Но наряду с данным значением издавна развилось и другое, более узкое, чем предыдущее – движение с определенным направлением: 'идти (от нас)', 'уходить', которое входит в словарный запас алтайского, шорского, хакасского, тувинского и якутского языков [Там же, с. 237].

Поскольку одна многозначная лексема может выражать как предельное, так и неопределенное значение, то, по мнению аспектологов, в качестве единицы для анализа предпочтительно рассматривать не саму глагольную лексему, а ее лексико-семантический вариант (далее – ЛСВ) [19, с. 8]. В «Толковом словаре якутского языка» семантическая структура глагола движения *бар-* представлена 19 лексическими и 5 грамматическими значениями [17, с. 184-190].

В качестве основного номинативного значения данного глагола выступает значение движения. Семантика перемещения представлена в первых четырех ЛСВ. Первое ЛСВ «передвигаться, перемещаться со своего

места в каком-л. направлении, идти» [Там же, с. 184], на наш взгляд, заключает в себе как предельное, так и не-предельное значение, что наиболее заметно при дальнейшем рассмотрении примеров.

В якутском языке у глагола *бар-* семантически основным и исходным является движение в пространстве, представленное как удаление от определенного пункта в направлении от говорящего лица. Как отмечают исследователи, при этом мысль акцентируется преимущественно на начальном моменте движения: ‘уходить’ – ‘начать удаляться’ [18, с. 58]. Таким образом, в качестве «естественного предела ситуации» выступает «момент перехода от покоя к движению» [14, с. 67]: *Ыалдьыт сэрэйэн, кэлэйэн, аһаабакка барбыт* [13, с. 53]. / ‘Догадавшись, гость обиделся и ушел, не поев’ (здесь и далее перевод выполнен автором статьи. – Е. С.); *Уй-баан учуутал сарсыарда барар* [8, с. 222]... / ‘Учитель Иван отправляется (уезжает) утром...’. Антонимичные смысловые пары с ним образуют *кэл* ‘приходить’ и *төнүн* ‘возвращаться’. Как и все однонаправленные глаголы ориентированного значения, он относится к предельным.

Но наряду с предельным значением в рассматриваемом слове ЛСВ 1 заключает в себе и ненаправленное, неопредельное значение глагола *бар-* ‘идти’: *Барар да, суола биллибэт баар үһү* (тааб.: *балык*) [17, с. 184]. / ‘Говорят, есть нечто, что идет, да следов не оставляет (заг.: рыба)’. В данном случае семантика ‘идти’, ‘ходить (вообще)’ не ограничена внутренним пределом.

Семантика ЛСВ 2 «передвигаться из одного пункта в другой (для каких-л. целей)» [Там же, с. 184-185] отличается тем, что в рассматриваемом предельном действии акцентируется не прекращение локализации в начальной точке движения, а выдвигание в перспективу точечного события Q (по Е. Р. Иоанесян) [10, с. 12]. В подобных высказываниях может присутствовать указание на локативный аргумент – внешний пространственный предел. В якутском языке конечный пункт движения обычно выражается дательным падежом. Например: *Микиитэ ийэтиниин балабаннарыгар бардылар* [8, с. 10]. / ‘Никита с матерью пошли к своему бабагану’; *Өлөксөй онно барбыт* [Там же, с. 180]. / ‘Алексей ушел туда’.

ЛСВ 3 «двигаться, перемещаться при помощи какого-л. средства передвижения» [17, с. 185] подразумевает, что субъект удаляется откуда-либо на какое-либо расстояние, покидая место стоянки, направляясь по своему маршруту, отбывает (о поезде, пароходе и т.п. или о людях, использующих какое-л. транспортное средство). В качестве предела в данном случае выступает покидание начальной точки движения – места стоянки транспортного средства (напр., вокзала). Например: *Манна биир эрэ сөмөлүөт собуруу барарга бэлэм турар үһү* [Там же]. / ‘Говорят, здесь только один самолет готов вылететь на юг’; *Ыас хара буруолаах буйаастар Ылархан ындыылаах бараллар* [Там же]. / ‘(Выпуская) клубы черного дыма, поезда с тяжелым грузом отправляются’.

Акцент на начальном моменте движения делается и в ЛСВ 4 «перемещаться по воздуху (напр., о птице)» [Там же]. Из примеров следует, что данный ЛСВ может также считаться предельным: *Ити үгүс буулдьанан ыппытара ханан барарый* [8, с. 125]? / ‘И куда (по какой траектории) пролетает столько этих выпущенных пуль?’.

Противопоставление предельности/непредельности семантики проявляется и при дальнейшем абстрагировании значений глагола *бар-*. Предельность наиболее четко проявляется в его следующих переносных значениях, сохранивших семантическую связь с исходным значением ‘уходить’:

– ЛСВ 19 «умереть, скончаться» [17, с. 187]. Данное значение-эвфемизм [1, с. 17] по аналогии с другими глаголами прекращения бытия, например, *өл-* ‘умереть’, безусловно, является предельным. По мнению Э. Р. Тенишева, данное значение является логическим завершением двух предыдущих значений глагола *бар-* ‘идти’ и ‘уходить’, несмотря на то, что оно выходит за рамки процесса движения в обычном его понимании: ‘умереть’, то есть ‘уйти (от нас) совсем, навсегда’ [15, с. 237]: *«Бу түүн барыһык... Озон чугаһабыт» дэһэн ботугураһаллар* [8, с. 10]. / ‘Шепотом переговариваются: «Похоже, этой ночью уйдет... Близок конец твоего ребенка (букв. дитя твое приблизилось)»’. По словам тюркологов, это значение появилось очень давно, что можно увидеть из материалов древнетюркских памятников VII-XV вв., и якутский язык, в отличие от других тюркских языков, наиболее полно удержал в семантике глагола *бар-* весь объем его содержания [15, с. 237];

– ЛСВ 5 «выходить замуж, становиться чьей-л. женой» [17, с. 185] в речи используется как разговорный вариант глаголов межличностных отношений, обозначающих замужество. В качестве предельного события в данном случае выступает вступление девушки в брак и ее уход в другую семью. Например: *«Ити оюнньорго барабын» диэбиттэригэр Даайыс сангарбата* [8, с. 55-56]. / ‘Когда сказали: «Выйди за этого старика», – Дайис промолчала’; *Чынгаада Бэргэннэ кыыс барбыта буоллар* [21, с. 222]... / ‘Если бы девушка вышла за Чынгада Бергена...’.

К предельным можно отнести и значения, связанные с лишением чего-либо:

– ЛСВ 8 «израсходовать средства, тратить деньги на что-л.» [17, с. 185] семантически может быть соотнесен с глаголами утраты или лишения, например, *бараа-* ‘тратить’. В качестве предела выступает переход большого количества или всех имеющихся денежных средств либо других материальных ценностей к кому-либо в результате возмездной передачи: *Төһө харчыта кураанакка барбытай* [Там же]? / ‘Сколько же его денег ушло впустую?’;

– ЛСВ 16 «переходить в чужую собственность» [Там же, с. 186] имеет схожую семантику с ЛСВ 8, но в качестве объекта передачи выступает недвижимое имущество либо скот. Пределом может считаться смена хозяина, владельца: *«Дулгалаах» хочото барда* [8, с. 98]. / ‘Ушла местность «Дулгалах» (по приказу местного князя)’; *Обустара барда. «Арамаан аабыста», – диэтилэр* [Там же, с. 140]. / ‘Ушел бык. Сказали: «Рассчитались с Романом» (в счет долга)’;

– ЛСВ 7 «приложить много труда и усилий для достижения цели» [17, с. 185] образует устойчивые сочетания с именами *сыра-* ‘силы, усилия’ и *көлөнүн* ‘пот’, по семантике синонимичен конструкциям с глаголом передачи *бизэр-* ‘отдавать’: *Ол ону тылбытыгар киллэрэн, соробор күүс да өттүнэн түмээри эн эһэн даңаны, мин даңаны сырабыт-сылбабыт барда* [21, с. 178]. / ‘Чтобы объединить их путем уговоров, иногда и с помощью силы, и твой дед, и я много наших сил-усилий потрадили на это’; *Ажам мин бачча киһи буолуохпар диэри син эрэйдэнэн, элбэх көлөнүнэ баран ииппитэ буолуо* [13, с. 58]. / ‘Пока я не стал взрослым, мой отец, чтобы меня вырастить, ведь довольно помучался, много пота пролил’.

В некоторых значениях в качестве предела может выступать результат:

– ЛСВ 18 «делаться наваристым и вкусным (напр., о мясном бульоне)» [17, с. 187] соотносится с глаголами становления физического качества. В данном случае в качестве предела выступает результат – приобретение определенных физических признаков (по форме, цвету, структуре и т.п.). Например: *чэй үчүгэйдик барбыт* ‘чай хорошо настоялся’; *миинэ барбатах* ‘бульон недостаточно наваристый’;

– ЛСВ 11 «стереться, исчезнуть от каких-л. внешних воздействий (напр., о краске)» [Там же, с. 186] имеет семантику, аналогичную глаголу *сут-* ‘исчезнуть’: *Сөтүөнү астыммантын, киһи кирэ барбат* [20, с. 181]. / ‘Купания недостаточно, грязь не сходит (не отмывается)’. Предел – утрата, лишение какого-либо свойства, качества;

– ЛСВ 12 «усыхать, высыхать, уходить под действием внешних причин (напр., о паводковой воде)» [17, с. 186] применяется исключительно по отношению к водным явлениям (в том числе и к снегу). В качестве предела выступает окончательный уход воды: *Өрүс сааскы уута барбыт* [Там же]. / ‘Ушла весенняя речная вода’; *Хаар барара бу кэллэ* [20, с. 152]. / ‘Скоро сойдет (растет) снег’.

Предельным может считаться и семантика, обозначающая одну из фаз протекания действия – начало действия:

– ЛСВ 13 «загораться, воспламениться (о пожаре)» [17, с. 186]. Используется в сочетании с именами *уот* ‘огонь’, *баһаар* ‘пожар’, *өрт* ‘весенний пал, лесной пожар’. Акцент – на начале движения (в данном случае – распространение огня): *Сор эбит, өрт барбыт* [Там же]. / ‘Беда, начался лесной пожар’;

– ЛСВ 10 «становиться известным многим, распространяться (напр., о слухах)» [Там же]. «*Үүнэрбит бурдуктарын сииллэр үһү, дьэ, миннигэһэ бэрт үһү*», – *диэн, атын үүнэрбэтэх дьонго сурах барбыт* [Там же]. / ‘У людей, кто не засеял, пошел слух, что те едят собственное выращенное зерно, и вкусное же оно, говорят’.

Во всех рассмотренных случаях вне зависимости от окружающего контекста предельность остается неизменной.

Непредельное значение глагола *бар-* ‘идти’ сохраняется в некоторых случаях переносного употребления:

– ЛСВ 6 «пролегать, протягиваться, быть расположенным где-л., каким-л. образом (напр., о дороге, ручье)» [Там же, с. 185]. Как отмечает Д. М. Насилов, «глаголы с экзистенциальным и локальным значением, показывающие способ нахождения субъекта в пространстве, обладают четкой непредельной семантикой» [9, с. 137], поскольку подразумевают процесс протекания действия без каких-либо ограничений: *Таас хайаларынан, от үрэхтэринэн, тайба тыаларынан элбэх ыллык суоллар бараллар* [8, с. 134]. / ‘По каменистым горам, заросшим ручьям, дремучей тайге пролегает множество тропинок’; *Биһрдэ күтүр улахан хардан эһэ хайа хапчаанын сирэинэн барар кыбычыын суолга часкыйа-часкыйа туора туран моһуоктаабыта* [21, с. 370]. / ‘Однажды огромный медведь, пронзительно крича, преградил ему путь, встав поперек узкой дороги, пролегающей по склону горного ущелья’;

– ЛСВ 17 «подходить, быть к лицу (напр., об одежде)» [17, с. 186], обладающий семантикой качества, постоянного свойства: *Биһиги Актрисабыт бэйэтигэр олус барар сырдык былаачыйыалаах, үрдүк хобулуктаах бачыынкалаах* [20, с. 251]. / ‘На нашей «Актрисе» светлое платье, которое ей очень идет, и туфли на высоких каблуках’; *Үп-үрүг чараас сарыы сон Тыһааны үрдүк дьылыгыр көрүгэр олус барара* [21, с. 270]. / ‘Белоснежная доха из тонкой ровдуги очень подходила высокому, стройному облику Тыһасаны’.

Но непредельная семантика остальных переносных значений глагола *бар-* контекстуально зависима. Несмотря на то, что нет указания на время, когда закончится действие, предел подразумевается в перспективе. В данном случае возрастает роль акциональных модификаторов – видовых и временных форм. Как отмечает Л. Н. Харитонов, при дальнейшем абстрагировании значения ‘идти’ пространственный аспект заменяется временным. Идея поступательного движения в значении глагола *бар-* применяется не только к предметам, но и к различным явлениям, процессам и даже понятиям [18, с. 62]. К непредельным ЛСВ глагола *бар-*, приобретающим предельное значение с формами прошедшего времени, относятся:

– ЛСВ 9 «проходить, протекать (о времени)» [17, с. 186]: *күн-дьыл барар* ‘время идет’ (непредельное значение с формой настояще-будущего времени). Ср.: *Туох да туһата суохха күн-дьыл бөбө барда* [Там же]. / ‘Столько дней прошло без всякой пользы’ (предельное значение с формой прошедшего времени);

– ЛСВ 14 «стекать, вытекать, струиться из чего-л. (напр., о крови из вены)» [Там же]: *Хаанын төһө барда* [7, с. 37]? / ‘Сколько крови потерял (букв. вытекло)?’; ср.: *хаана барар* ‘идет кровь’;

– ЛСВ 15 «постепенно выполняться, исполняться (напр., о какой-л. работе)» [17, с. 186]: *Амма нэһилиэгэр Сыллай уонна Баһылай Куоһан салалталарынан революцияны утары үлэ барара биллибит* [8, с. 274]. / ‘Стало известно, что в Амгинском наслеге под руководством Сыллая и Василия Косова ведется контрреволюционная деятельность’; ср.: *Биристээтэл этиитин иһиттэххэ, үгүс үлэ барбыт* [20, с. 154]. / ‘Если прислушаться к сказанному председателем, много работы было проведено’.

В служебной функции глагол *бар-* представлен 5 грамматическими значениями, обозначающими начало действия, поспешность его начала, кратковременность, внезапность действия или завершенность, исчерпанность

действия [17, с. 187]. В данной статье мы не будем останавливаться на особенностях его функционирования в данном качестве, поскольку этот вопрос не раз становился предметом аспектуальных исследований в «Грамматике современного якутского литературного языка» [6], работах Л. Н. Харитоновой [18] и Н. И. Поповой [11; 12]. Как отмечает Л. Н. Харитонов, глагол *бар-* в сочетании с деепричастием на *-ан* является основной и наиболее употребительной формой начинательного вида [18, с. 87]. В данном случае он не имеет значения отдельного действия, а лишь указывает, что действие, выражаемое деепричастием, началось и находится в процессе совершения (ср. ‘уходить’ – ‘начать удаляться’) [Там же, с. 60]. При этом сохраняется предельная семантика его основного значения ‘уходить’: «В его внутренней структуре содержится аспектуальное значение предела начальной фазы действия, что, вероятно, позволяет выразить момент возникновения имеющего дальнейшее развитие процесса, обозначенного глаголом в деепричастной форме» [12, с. 138].

Таким образом, мы приходим к следующим **выводам**:

1) семантическая структура общеупотребительного многозначного якутского глагола *бар-* сочетает в себе как предельные, так и неопредельные значения. При этом отмечается преобладание предельных ЛСВ, производных от основного значения ‘уходить’, с акцентированием на начальном моменте поступательного движения (10 переносных значений и 5 служебных функций);

2) выявлено, что к предельным значениям, помимо исходного ‘уходить’, могут быть отнесены ЛСВ, соотносимые с глаголами прекращения бытия, утраты, лишения, становления качества и начала действия. Неопредельность другого основного значения *бар-* ‘идти’ сохраняется при дальнейшем его абстрагировании в ЛСВ, обладающих семантикой местоположения и качества, постоянного свойства;

3) неопредельные лексико-семантические варианты, в которых идея поступательного движения относится к таким явлениям, процессам, как время, работа и т.п., оказались наиболее зависимыми от акциональных модификаторов.

Отсутствие в якутском языке классификации предельных/неопредельных глагольных лексем подразумевает необходимость **дальнейших исследований** по разграничению ЛСВ полисемичных глаголов по степени выраженности в них признака предела. Интерес также могут представлять вопросы их контекстуальной зависимости и особенности функционирования в тексте.

Список источников

1. Афанасьева Е. Н. Переносное значение слова в якутском языке: автореф. дисс. ... к. филол. н. Якутск, 1996. 18 с.
2. Бакалова Ю. В. Предельность/неопредельность как аспектуальный признак глагольного предиката // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2010. № 12. С. 240-244.
3. Большой толковый словарь якутского языка: в 15-ти т. / под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2007. Т. 4. 672 с.
4. Большой толковый словарь якутского языка: в 15-ти т. / под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2008. Т. 5. 616 с.
5. Большой толковый словарь якутского языка: в 15-ти т. / под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2012. Т. 9. 630 с.
6. Грамматика современного якутского литературного языка: в 2-х т. М.: Наука, 1982. Т. 1. Фонетика и морфология. 496 с.
7. Ефремов С. П. Пьесалар / хомуйан онордо Н. И. Максимов. Дьокуускай: Бичик, 2005. 176 с.
8. Мординов Н. Е. – Амма Аччыгыя. Сааскы кэм: роман. Дьокуускай: Бичик, 1994. 368 с.
9. Насилов Д. М. Проблемы тюркской аспектологии. Акциональность. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1989. 207 с.
10. Никитина М. Ю. К вопросу об аспектуальной категории предельности/неопредельности во французском языке (на материале глаголов движения) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Филология. Журналистика». 2015. Т. 15. № 3. С. 9-13.
11. Попова Н. И. О средствах выражения фазовой семантики в якутском языке: глагольные аналитические конструкции со значением начальной фазы действия // Актуальные проблемы современного монголоведения и алтаистики: материалы Междунар. науч. конф., посвященной 75-летию со дня рождения и 55-летию науч.-пед. деятельности проф. В. И. Рассадина. Элиста: Изд-во КГУ им. Б. Б. Городовикова, 2014. С. 130-133.
12. Попова Н. И. Особенности аспектуальных значений аналитических форм глагола (по материалам рассказа Суорун Омоллоона «Ачаа») // Сквозь призму времени (границы жизни и творчества Дмитрия Кононовича Сивцева – Суорун Омоллоона): сб. науч. ст. Якутск: ИГИ АН РС (Я), 2006. С. 134-148.
13. Саха фольклора: хрестоматия. Якутской: Кинигэ изд-вота, 1986. 140 с.
14. Татевосов С. Г. Акциональность в лексике и грамматике. Глагол и структура события. М.: Языки славянской культуры, 2015. 368 с.
15. Тенишев Э. Р. Глаголы движения в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков / отв. ред. Е. И. Убрятова. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 232-293.
16. Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / под ред. А. В. Бондарко. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1987. 347 с.
17. Толковый словарь якутского языка: в 15-ти т. / под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2005. Т. 2. 912 с.
18. Харитонов Л. Н. Формы глагольного вида в якутском языке. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 179 с.
19. Холод С. И. Предельность/неопредельность глаголов движения в современном русском языке: автореф. дисс. ... к. филол. н. Тюмень, 2004. 20 с.
20. Яковлев В. С. – Далан. Дьикти саас: сэнэн. Якутской: Кинигэ изд-вота, 1978. 344 с.
21. Яковлев В. С. – Далан. Тыгын Дархан: роман. Дьокуускай: Бичик, 1993. 520 с.

Boundedness/Unboundedness Category of the Yakut Polysemantic Verbs (by the Example of the Verb баp- “to Go, to Leave”)

Samsonova Ekaterina Maksimovna, PhD

*Institute for the Humanities Research and Indigenous Studies of the North
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk
samsonova_em@mail.ru*

The paper aims to identify and differentiate the meanings of boundedness/unboundedness in semantic structure of the Yakut polysemantic verb баp- (“to go, to leave”). Scientific originality of the research lies in the fact that for the first time in the Yakut linguistics, the author suggests a classification of the verb meanings according to the degree of the boundedness feature manifestation in comparison with other lexico-semantic groups of verbs. The findings indicate that the dominant semantic meaning of the Yakut verb under study is the bound meaning “to leave” which emphasizes the initial phase of progressive motion. This semantics is preserved in 10 figurative meanings and 5 secondary meanings. The author shows that the unbound meaning “to go” is largely determined by the context, whereas the bound meaning is less contextually determined.

Key words and phrases: Yakut language; verb; semantics; polysemy; boundedness/unboundedness.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.17>

Дата поступления рукописи: 30.10.2020

Цель исследования – определить структурно-семантические особенности карачаево-балкарских микротопонимов, производных от фитонимов. *Научная новизна* работы заключается в том, что в ней впервые проводится анализ топонимов, образованных от названий растений, которые представлены в местах компактного проживания карачаевцев и балкарцев. Источниками рассматриваемой топонимической лексики послужили материалы, наличествующие в специальных лексикографических работах. **Полученные результаты** показали, что исследованные микротопонимы представлены одно-, двух- и трехлексемными номинациями, в состав которых наряду с названиями растений входят и другие слова различной частеречной принадлежности.

Ключевые слова и фразы: карачаево-балкарский язык; оним; микротопоним; фитоним; апеллятив; субстантив.

Текуев Мусса Масхутович, д. филол. н., проф.

Хуболов Сахадин Магаметович, к. филол. н.

Мизиев Ахмат Магометович, д. филол. н.

*Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х. М. Бербекова, г. Нальчик
tekiev@mail.ru; khubol@yandex.ru; miz1967@mail.ru*

Отфитонимные микротопонимы в карачаево-балкарском языке

Народы, в том числе карачаевцы и балкарцы, всегда интересовались происхождением географических названий – топонимов. Географических названий, особенно микротопонимов, в местах их проживания весьма много, и они не подвергаются трансформации на протяжении длительного времени, в силу чего являются источником важной информации как для языкознания, так и для других наук, особенно истории и географии [6, с. 3]. В силу своей устойчивости топонимы способствуют решению многих вопросов, сопряженных с историей языка и историей народа, целого ряда проблем исторической географии, что представляется **актуальным** для современной гуманитарной науки, в частности ономастических исследований, в том числе и для карачаево-балкароведения.

Задачи исследования:

1. Выявить и систематизировать отфитонимные карачаево-балкарские микротопонимы.
2. Провести структурно-семантический анализ микротопонимов, образованных от названий растений.
3. Определить мотивационные признаки отфитонимных микротопонимов в карачаево-балкарском языке.

При исследовании специфики вербализации названий местности использовались **методы** систематизации, классификации и структурно-семантического анализа.

Теоретической базой исследования послужили труды известных отечественных языковедов, в том числе и тюркологов, посвященные научной интерпретации топонимов различных народов: А. К. Матвеева [6], Э. М. Мурзаева [7], Б. Х. Мусукаева [8], В. А. Никонова [9], Р. З. Шакурова [14] и др.

Практическая значимость исследования заключается в том, что проанализированный в нем фактологический материал может найти применение в таком важном разделе лексикологии карачаево-балкарского языка, как ономастика, а также при подготовке научно-методических работ по спецдисциплинам, посвященным различным аспектам топонимики.

Топонимия в целом характеризуется комплексностью и самостоятельностью и дает важную лингвистическую информацию, а также ценные исторические, археологические и географические сведения относительно названий различных объектов окружающей действительности, на что указывается в специальной ономастической литературе [Там же, с. 3].

В карачаево-балкарском языкознании вопросы топонимии стали интенсивно разрабатываться во второй половине XX в. На необходимость изучения топонимии карачаево-балкарского языка указывает Б. Х. Мусукаев: «...для извлечения правильных лингвистических выводов необходимо анализировать все части словарного состава языка, в том числе и такой консервативной лексики, как топонимы, сохранившие в своем составе много омертвевших форм. В географических наименованиях, этих мало подвластных времени словах, заложены уникальные сведения о языке и истории народа» [8, с. 4].

В свое время известный специалист в области тюркской топонимики Е. Койчубаев писал: «Проходят столетия, а названия местностей передаются от прадеда к деду, от отца к сыну, отражая различные явления природы, представления народа об окружающей его действительности, а также особенности языка» [4, с. 4].

Основной проблемой топонимии является вопрос о том, входит ли значение апеллятива в значение топонима или нет. В этом вопросе мнения ученых расходятся. Так, например, В. А. Никонов считает, что названия топонимов не зависят от значения апеллятива, «поэтому ошибочны и вредны многочисленные попытки сортировать названия “от растений”, “от животных”, “от почвы”, “от истории”. Подобная сортировка не вскрывает главного, а наоборот, заслоняет его производным, третьестепенным» [9, с. 26]. Из таких наблюдений, хотя они являются частным случаем, В. А. Никонов сформулировал закон «относительной негативности» названия, т.е. топоним не несет информацию о содержании апеллятива [Там же, с. 39]. Против этого положения выступили известные топонимисты Э. М. Мурзаев, А. М. Матвеев, А. В. Суперанская, И. В. Подольская и др. В связи с этим Э. М. Мурзаев пишет: «Термины – основа топонимии, они оказываются той частью сложных, составных географических названий (а таких большинство), которые определяют смысловое содержание топонимов» [7, с. 98]. А. К. Матвеев также подчеркивает, что «относительная негативность» является частным случаем общей связи топонимических наименований от семантики апеллятива: «Тезис о том, что название часто дается по редкому предмету, явлению, признаку, разумеется, не вызывает никаких сомнений, но абсолютизировать его нельзя, так как те факты топонимии, которые можно объяснить на основе “относительной негативности”, представляют собой частный случай номинации. Возникновение большинства топонимических названий не имеет к этому принципу никакого отношения» [6, с. 26].

Связь названия топонима от значения апеллятива Е. Л. Березович кладет в основу определения семантики географического названия, когда название (топоним) формируется на основе изучения свойств объекта, семантика исходного апеллятива входит в состав семантики топонима, причем является важнейшим для лингвистов компонентом топонимической семантики [2, с. 75].

Топонимический материал карачаево-балкарского языка полностью подтверждает это положение, особенно в топонимии, связанной с фитонимией. В словарях карачаево-балкарского языка по топонимии этот пласт топонимов представлен по-разному. Так, в работе Дж. Н. Кокова и С. О. Шахмурзаева [5] имеется восемь топонимов с основой названий растений, кустов, плодов и ягод. Десять названий данной группы топонимов дает Б. Х. Мусукаев в работе «Топонимия высокогорья Балкарии» [8]. Указанное имеет отношение и к некоторым научным статьям последних лет, характеризующимся традиционностью [10; 11] и лингвокультурологической направленностью [1].

Поскольку в названных работах нет должного системного представления микротопонимов, мы попытались восполнить этот пробел. С этой целью в данной статье нами предпринята попытка выстроить рассматриваемые номинации микротопонимов, с одной стороны, в алфавитном порядке, с другой – по количеству их компонентов для удобства пользования. Из специальных лексикографических работ С. А. Хапаева [12; 13] и Ч. И. Геляева [3] мы извлекли более 200 названий данной группы.

1. Однолексемные микротопонимы

Балдыргъанлы [Там же, с. 93], местность в Черекском ущелье выше с. Верхняя Балкария. Ороним выражен сущ. *балдыргъан* «борщевик» + аффикс наличия *-лы* = **Балдыргъанлы** «место, где обильно растет борщевик», чем и мотивировано название оронима.

Гелеулю [12, с. 150; 13, с. 115], река, правый приток р. Теберды. В основе гидронима лежит сущ. *гелеу* «типчак» + аффикс наличия *-лю* = **Гелеулю** «типчачковый». Оним получил свое название в связи с тем, что на ее берегу обильно растет типчак.

Гюлчю (гюлцю) [12, с. 164; 13, с. 116]: 1) вершина высотой 4471 м выше уровня моря в западной части Суканского хребта; 2) ледник в северо-западной части Суканского хребта. Онимы образованы из сущ. *гюл* «цветок» + аффикс наличия *-чю(-цю)* = **Гюлчю (гюлцю)** «цветочный». Онимы получили свое название по обилию цветов в тех местах.

Жюдюрдю [13, с. 117], местность около с. Чегем. Оним выражен сущ. *жюдюр* «ягода» + аффикс наличия *-дю* = **Жюдюрдю** «ягодный». Название оронима получилось по обилию этой ягоды в данной местности.

Зюдюрлю [3, с. 94], местность в Черекском ущелье. Микротопоним состоит из сущ. *зюдюр* «ежевика» + аффикс наличия *-лю* = **Зюдюрлю** «ежевичный». Наименование связано с произрастанием в этой местности ежевики.

Кёгетли [12, с. 212; 13, с. 117]: 1) местность на левом берегу р. Кубань; 2) урочище, ущелье в бассейне р. Кубань в окрестностях аула Къарт Джурт. В основе оронима лежит сущ. *кёгет* «фрукт» + аффикс наличия *-ли* = **Кёгетли** «фруктовый». Название дано в связи с обилием фруктов в этом месте.

Къобустала [12, с. 251], местность, а в прошлом неофициальное название аула Новая Джегута. Название образовано из сущ. *къобуста* «капуста» + аф. мн. ч. *-ла* = **Къобустала** «капусты». Местность получила свое название в связи с тем, что жители занимались выращиванием капусты.

Къудору [12, с. 252; 13, с. 119], местность в верховьях р. Суулу къол. Название выражено корневой морфемой *къудору* «фасоль, горох». Хотя существительное здесь выступает в ед. ч., оно обозначает множество. Название мотивировано тем, что это место отличалось обилием гороха.

Кюндюшлю [12, с. 222; 13, с. 117], название засоренного участка пастбищ между реками Акъ суу и Чегем. Наименование выражено сущ. *кюндюш* «черемша» + аффикс наличия *-лю* = **Кюндюшлю** и мотивировано произрастанием черемши в этом участке.

Мурсалы [12, с. 285; 13, с. 119]: 1) река, левый приток р. Гаралы къол; 2) перевал (3500 м), соединяющий исток р. Джаялакъ къол с р. Мурсалы; 3) местность и стойбище в долине р. Уччулан ичи. Гидроним и оронимы образованы от одного производного слова: сущ. *мурса* «крапива» + аффикс наличия *-лы* = **Мурсалы** «крапивный». Оним мотивирован наличием большого количества крапивы в этом месте.

Одаллы [12, с. 304; 13, с. 121], урочище в верховьях р. Мара, находится на водоразделе Нарат къол и Мара. Название образовано из корневой морфемы *одал* «мать-и-мачеха» + аффикс наличия *-лы* = **Одаллы** «мать-и-мачеховый». Наименование онима мотивировано наличием большого количества этой травы в данной местности, что является отличительным признаком.

Тихтенли [13, с. 122], местность на левом берегу р. Башил аузу суу – истока р. Чегем. Название местности восходит к существительному *тихтен* «черемша» + аффикс наличия *-ли* = **Тихтенли** «черемшовый». Название мотивировано наличием большого количества черемши в этом месте.

Тюртюле (Тюртюлю) [12, с. 362; 13, с. 122], урочище у окрестности аула Теберда. Название образовано путем присоединения аффикса наличия *-лю* к сущ. *тюртю* «барбарис» = **Тюртюлю** «барбарисовый». Название объекта дано в связи с наличием в этом месте большого количества барбариса.

Чырпы (Цырфы) [12, с. 408; 13, с. 122]: 1) урочище на р. Черек Балкарский, ниже с. Огъары Малкъар; 2) урочище на левом берегу р. Балык. Топоним выражен корневой морфемой *чырпы* «кустарник», употребляется в единственном числе, но выражает множество. Мотивация связана с наличием большого количества кустарников в этом месте.

Шинжэли [3, с. 96], местность с колючками (терновником). Урочище в районе Мёлюшюк выше с. Верхняя Балкария. Простой микротопоним, выраженный именем существительным с аффиксом наличия *-ли* = **Шинжэли** «местность, изобилующая терновником». Название мотивировано наличием большого количества терновника в данной местности.

Шхылды [12, с. 417; 13, с. 123], местность в окраине аула Хурзук. Название оронима восходит к существительному *шхылды* «брусника», также выражающему множество. Мотивация идет по наличию в этом месте большого количества брусники.

Нами выявлено семьдесят таких топонимов.

2. Двулексемные микротопонимы

Гелеулю ёзен [12, с. 150; 13, с. 115], балка на правом берегу р. Баксан (Басхан). Ороним, состоящий из двух компонентов: прил. *гелеулю* «типчаковый» + сущ. *ёзен* «ущелье» = **Гелеулю ёзен** «типчаковое ущелье». Название дано в связи с обильным ростом здесь типчака.

Гелеулю къулакъ [12, с. 150; 13, с. 116], балка в бассейне р. Мара на юге аула Огъары Мара. Оним образован сочетанием 2 слов: прил. *гелеулю* «типчаковый» + сущ. *къулакъ* «балка» = **Гелеулю къулакъ** «типчаковая балка». Объект получил такое название в связи с обилием здесь этой травы.

Гюлчю (гюлцю) кюннюм [12, с. 164], местность в верховьях р. Гюлчю выше с. Верхняя Балкария. Ороним образовался из сочетания 2 слов: прил. *гюлчю* «цветочный» + сущ. *кюннюм* «солнечная сторона» = **Гюлчю (гюлцю) кюннюм** «цветочная солнечной стороны». Название мотивируется наличием цветов в этой местности.

Домулу тала [3, с. 93], поляна в урочище Уштулу, выше с. Верхняя Балкария. Двухкомпонентный микротопоним: субстантив *дому* с аффиксом наличия *-лу* + апеллатив *тала* «поляна» = **Домулу тала** «клеверная поляна», чем и детерминируется мотивация микротопонима.

Дугъумлу къыр [Там же], балка у с. Верхняя Балкария. Двухкомпонентный микротопоним: фитоним *дугъум* с аффиксом наличия *-лу* + апеллатив *къыр* «балка» = **Дугъумлу къыр** «балка, где произрастает мята», чем и детерминируется мотивация микротопонима.

Жюдюр сырты [12, с. 198; 13, с. 117], холм в верховьях р. Урух выше с. Ташлы Тала. Оним состоит из двух компонентов: сущ. *жюдюр* «ягода» + сущ. *сырты* «возвышенность его» = **Жюдюр сырты** «ягодная возвышенность». Оним получил свое название по наличию большого количества ягод в этом месте.

Залкъыдылы бетле [3, с. 93], склоны в ущельях Дых суу, Ишкити Ици выше с. Верхняя Балкария. В состав микротопонима входят: фитоним *залкъыды* «рододендрон» с аффиксом наличия *-лы* + соматический апеллатив *бет* «лицо (в значении “склон”)» во мн. числе = **Залкъыдылы бетле** «склоны, покрытые рододендронами». Оним получил свое название по наличию большого количества рододендрона в этом месте.

Кёгетли аягъы [12, с. 212], местность на берегу р. Кубань. Оним состоит из двух элементов: адъектив *кёгетли* «фруктовый» + субстантив *аягъы* «конечность его» = **Кёгетли аягъы** «оконечность фруктового». Оним получил свое название по месту расположения в конце фруктового места.

Кюннюм чырпы [Там же, с. 224], кустарник в верховьях р. Чегем. Название состоит из двух субстантивов: *кюннюм* «солнечная сторона» и *чырпы* «куст» = **Кюннюм чырпы** «кусты, расположенные на солнечной стороне». Название дано по имеющимся в этом районе кустарникам.

Къалиярлы чунгур [3, с. 94], впадина в теснине Черекского ущелья. В состав микропонима входят: фитоним *къалияр* «черемша» с аффиксом наличия *-лы* + апеллатив *чунгур* «впадина» = **Къалиярлы чунгур** «черемшовая впадина». Название дано по наличию в этой местности большого количества черемши.

Къамишли ауузу [12, с. 230; 13, с. 118], балка на правом берегу р. Кёкташ, левого притока р. Чегем. Оним выражен адъективом *камишли* «камышовый» и субстантивом *ауузу* «рот, начало» = **Камишли ауузу** «начало камыша». Название мотивируется наличием камыша в этом районе.

Къамишли джолу [12, с. 231; 13, с. 119], дорога и местность в бассейне балки Къамишли къол. Оним представлен двумя компонентами: прил. *къамишли* «камышовый» + сущ. *джолу* «дорога её» = **Камишли джолу** «дорога, проложенная по камышовой или возле камышовой балки». Название дано объекту по положению в пространстве.

Къамишлини дорбуну [12, с. 231; 13, с. 118], пещера в верховьях балки Къамишли къол. Оним состоит из двух элементов: прил. *къамишлини* «камышовый» + сущ. *дорбуну* «пещеры его» = **Къамишлини дорбуну** «пещера камышовой балки». Название дано по положению пещеры в камышовой балке.

Къудору кырдыклы [12, с. 258], местность в Черекском ущелье. В основе оронима лежат субстантив *къудору* «фасоль, горох» и адъектив *кырдыклы* «травяное» = **Къудору кырдыклы** «гороховая травяная». Название местности связано с обильным ростом в этом месте гороха, что является отличительной чертой.

Мандалаклы ыстауат [3, с. 94], стойбище в ущелье Ирциуашхи выше с. Верхняя Балкария. Микропоним состоит из следующих компонентов: фитонима *мандалак* «бутень» с аффиксом наличия *-лы* и субстантива *ыстауат* «стойбище» = **Мандалаклы ыстауат** «бутеневое стойбище». Мотивация онима идет от обильного произрастания в этом стойбище бутены.

Мурса къулакъ [12, с. 285], местность на юге-западе с. Терезе. Название объекта включает два субстантива: *мурса* «крапива» + *къулакъ* «ухо, балка» = **Мурса къулакъ** «крапивная балка». Мотивация онима идет от обильного произрастания крапивы в этой балке.

Мурсалы сабан [13, с. 119], пашня в селе Новая Теберда на правом берегу р. Теберды. Оним состоит из двух компонентов: адъектив *мурсалы* «крапивный» + субстантив *сабан* «пашня» = **Мурсалы сабан** «крапивная пашня». Мотивация названия идет от местоположения пашни около крапивы.

Мурсалы стауат [12, с. 285; 13, с. 119], стойбище в бассейне р. Учкулан. Топоним образован из сочетания двух слов: прил. *мурсалы* «крапивный» + *стауат* «стойбище» = **Мурсалы стауат** «крапивное стойбище». Мотивация названия идет от местоположения стойбища возле крапивы.

Мысты къол [3, с. 94], балка в урочище Зумушху, на западной стороне с. Верхняя Балкария. Микропоним состоит из следующих компонентов: фитоним *мысты* «щавель» + апеллатив *къол* «рука» в значении «балка» = **Мысты къол** «щавелевая лощина». Название онима мотивируется наличием большого количества щавеля в данной местности.

Нартюх сабанла [12, с. 295; 13, с. 120], урочище по берегам р. Подкумок. Микропоним произведен от следующих лексем: сущ. *нартюх* «кукуруза» + сущ. *сабанла* «пашни» = **Нартюх сабанла** «кукурузные пашни». Название мотивировано наличием кукурузных пашен.

Одаллы башы [12, с. 304], лес на левом берегу р. Теберды. В состав дримонима входят: адъектив *одааллы* «мать-и-мачеховый» + послеложное имя *башы* «верховье его» = **Одаллы башы** «верховье мать-и-мачехи». Оним мотивирован наличием большого количества этой травы в данной местности.

Тегенекли ёзен [3, с. 95], поляна в районе с. Бабугент. В состав микропонима входят: фитоним *тегенекли* «череда трехраздельная» с аффиксом наличия *-ли* + апеллатив *ёзен* «поляна» = **Тегенекли ёзен** «поляна, покрытая чередой трехраздельной». Название местности мотивируется наличием на ее территории череды трехраздельной.

Тихтенли суу [13, с. 122], приток р. Мары. В состав гидронима входят: адъектив *тихтенли* «черемшовый» + гидролексема *суу* «река» = **Тихтенли суу** «черемшовая река». Название мотивировано наличием большого количества черемши у этой реки.

Тихтенли чат [Там же], лощина у р. Учкулан. В состав микропонима входят: адъектив *тихтенли* «черемшовый» + соматический апеллатив *чат* «лощина» = **Тихтенли чат** «черемшовая лощина». Название мотивировано наличием большого количества черемши в этом месте.

Уихору бет [3, с. 96], склон в местности Гымышла выше с. Верхняя Балкария. В состав микропонима входят: фитоним *уихору* «горная азалия» + соматический апеллатив *бет* «лицо (в значении “склон”))» = **Уихору бет** «склон, покрытый горной азалией». Название мотивировано наличием большого количества горной азалии в этом месте.

Чырны къулакъ [12, с. 408; 13, с. 122], овраг на левобережье р. Балык. В состав микропонима входят два субстантива: *чырны* «кустарник» + *къулакъ* «овраг» = **Чырны къулакъ** «балка, поросшая кустарником». Мотивация онима идет по этому признаку.

Шкилди тау [12, с. 414; 13, с. 123], горный массив на Главном Кавказском хребте (ГКХ) в верховьях р. Шкилди. В состав оронима входят: сущ. *шкилди* «брусника» + сущ. *тау* «гора» = **Шкилди тау** «брусниковая гора». Мотивация онима связана с наличием брусники в этой местности.

Шхылды (Ышхылды) аягы [12, с. 417; 13, с. 123], местность и зимовье на левом берегу р. Уллу кам. Топоним образуется из сочетания 2 слов: сущ. *шхылды (ышхылды)* «брусника» + послеложное имя с посесивным аффиксом *аягы* «оконечность» = **Шхылды (Ышхылды) аягы** «оконечность брусники». Мотивация онима идет по расположению объекта в конце кустов брусники.

Шхылды тала [12, с. 417], местность на левом берегу р. Уллу кам. В состав микропонима входят: фитоним *шхылды* «брусника» + аппеллятив *тала* «поляна» = **Шхылды тала** «брусничная поляна». Мотивация оронима идет по линии наличия брусники в этой поляне, что выступает отличительной чертой объекта

Блшхылды (Блшхылды) къая [13, с. 123], скала в верховьях Блшхылды чат возле с. Дууут. В состав оронима входят: фитоним *блшхылды* «брусника» + аппеллятив *къая* «скала» = **Блшхылды къая** «брусничная скала». Название мотивируется наличием брусники на этой скале, что представляет отличительный признак этой скалы.

Нами выявлено сто десять таких топонимов.

3. Трехлексемные микропонимы

Къамишли къол баши [12, с. 231; 13, с. 118], местность в верховьях р. Къамишли къол, левого притока р. Ючкёкен. Ороним состоит из трех компонентов: адъектив *къамишли* «камышовый» + субстантив *къол* «балка» + послеложное имя с посессивным аффиксом *баши* «его верховье» = **Къамишли къол баши** «верхняя часть балки, где произрастает камыш», чем и мотивируется название географического объекта.

Къамишли къолну суу [Там же], правый рукав р. Подкумок. Гидроним состоит из трех компонентов: адъектив *къамишли* «камышовый» + субстантив в форме родительного падежа *къолну* «балки» + субстантив с посессивным аффиксом *суу* «его вода» = **Къамишли къолну суу** «речка, которая протекает в камышовой балке», чем и мотивируется название микрогидронима.

Къамишлини баши туппур [Там же], возвышенность, расположенная у левого притока р. Схауат. Микроороним состоит из трех компонентов: адъектив *къамишлини* «камышовый» + послеложное имя с посессивным аффиксом *баши* «его верховье» + субстантив *туппур* «возвышенность» = **Къамишлини баши туппур** «возвышенность в верховьях камышовой балки». Название дано по положению холма в верховьях камышовой балки.

Блшхылды чат суу [13, с. 123], речка, впадающая в р. Дууут. Микрогидроним состоит из трех компонентов: фитоним *блшхылды* «брусника» + послеложное имя *чат* «лощина» + гидроексема *суу* «река» = **Блшхылды чат суу** «река, протекающая в брусничной ложине». Название мотивируется по факту наличия в пойме реки брусники, что выступает ее отличительным признаком.

Нами выявлено тридцать таких топонимов.

Выводы. Топонимы, образованные от фитонимов, в карачаево-балкарском языке представлены значительным пластом, их насчитывается свыше двухсот. В структурном отношении они являются одно-, двух- и трехлексемными. В ареале жизнедеятельности карачаевцев и балкарцев преобладают двулексемные отфитонимные микропонимы, их насчитывается сто десять.

Однолексемные номинации местности представляют собой названия различных растений в единственном числе с имплицитным выражением множественности. К ним могут присоединяться и аффиксы, являющиеся показателями квантитативности. Двулексемные микропонимы состоят непосредственно из названий растений, выполняющих атрибутивную функцию и сигнализирующих о наличии того или иного растения, и аппеллятивов, отмеченных значением пространственности. Таких аппеллятивов насчитывается четырнадцать. Трехлексемные номинации осложняются (добавочно) локативными лексемами, количество которых составляет восемь единиц. Указанное способствует характеристике топонимов с различных точек зрения, т.е. актуализации названия фитонима, его цвета, расположения в пространстве и т.д., что, в свою очередь, дает представление о мотивации при номинации местности.

В работе представлен лишь незначительный пласт микропонимов, функционирующих в местах компактного расселения карачаево-балкарского этноса. **Перспективы дальнейшего исследования**, на наш взгляд, заключаются в последующем полиаспектном научном описании топонимической системы Карачая и Балкарии.

Список источников

1. Башиева С. К., Кетенчиев М. Б. Особенности вербализации чувственного восприятия географических объектов в карачаево-балкарских топонимах // Научная мысль Кавказа. 2020. № 2 (102). С. 102-107.
2. Березович Е. Л. Семантические микросистемы топонимов как факт номинации // Номинация в ономастике. Свердловск: УРГЦ, 1991. С. 75-90.
3. Геляев Ч. И. Топонимический словарь Черекского ущелья. Нальчик: Печатный двор, 2015. 118 с.
4. Койчубаев Е. Краткий словарь топонимов Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1974. 284 с.
5. Коков Дж. Н., Шахмурзаев С. О. Балкарский топонимический словарь. Нальчик: Эльбрус, 1970. 120 с.
6. Матвеев А. К. Методы топонимических исследований. Свердловск: УРГЦ, 1986. 100 с.
7. Мурзаев Э. М. Очерки топонимики. М.: Мысль, 1974. 380 с.
8. Мусукаев Б. Х. Топонимия высокогорья Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1981. 166 с.
9. Никонов В. А. Введение в топонимику. М.: Наука, 1965. 175 с.
10. Текуев М. М., Хуболов С. М., Мизиев А. М. Многословные топонимы с зоонимической основой в карачаево-балкарском языке и их лексико-грамматическая характеристика // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 2. С. 230-234.
11. Текуев М. М., Хуболов С. М., Мизиев А. М. Структурно-семантические особенности карачаево-балкарских топонимов с зоонимической основой // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 10 (88). Ч. 1. С. 174-178.
12. Хапаев С. А. Географические названия Карачая и Балкарии. М.: Эльбрусид, 2013. 576 с.
13. Хапаев С. А. Карачаево-Балкарская топонимическая система и реконструкция природопользования. Карачаевск: КЧГПУ, 1997. 132 с.
14. Шакуров Р. З. По следам географических названий. Уфа: Башкнациздат, 1986. 179 с.

Microtoponyms Derived from Phytonyms in the Karachay-Balkar Language

Tekuev Mussa Maskhutovich, Dr
Khubolov Sakhadin Magametovich, PhD
Miziev Akhmat Magometovich, Dr

Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov, Nalchik
tekuev@mail.ru; khubol@yandex.ru; miz1967@mail.ru

The purpose of the study is to identify structural and semantic features of the Karachay-Balkar microtoponyms derived from phytonyms. The work is novel in that it is the first to analyse the toponyms derived from plant names, which are present in areas with high concentration of the Karachays and the Balkars. The sources of the considered toponymical vocabulary were the materials found in specialised lexicographical papers. The research findings have shown that the studied microtoponyms are represented by monolexic, bilexic and trilexic nominations consisting of plant names, as well as of other words of different parts of speech.

Key words and phrases: Karachay-Balkar language; onym; microtoponym; phytonym; appellative; substantive.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.18>

Дата поступления рукописи: 18.09.2020

Цель исследования – выявить основные типы образования новых слов в современном удмуртском языке. В статье рассмотрены неологизмы-существительные с точки зрения структурно-словообразовательных особенностей. **Научная новизна** работы заключается во включении в научный оборот нового фактического материала, который до настоящего времени не подвергался лингвистическому анализу. **В результате** доказано, что новообразования созданы при помощи словосложения, суффиксации, безаффиксного и лексико-семантического способов. Отдельные термины представляют собой кальки с русского языка, которые образованы посредством копирования, буквального перевода структуры иноязычных слов.

Ключевые слова и фразы: лексикология; словообразование; неологизмы; удмуртский язык.

Титова Ольга Владимировна, к. филол. н.

Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук,
г. Ижевск
ovtitova@rambler.ru

Словообразовательные модели неологизмов в современном удмуртском языке

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью изучения современных тенденций развития словообразовательной системы удмуртского языка. Несмотря на достижения в области словообразования, в удмуртском языкознании имеется множество нерешенных как в теоретическом, так и в практическом плане проблем.

Лексика удмуртского языка, как и любого другого языка, находится в процессе постоянного изменения. В последние десятилетия наблюдается интенсивное пополнение словарного фонда новыми словами, отражающими различные сферы жизнедеятельности человека. Неологизмы созданы за счет внутренних ресурсов языка для выражения не только новых понятий, но и существующих реалий, для обозначения которых использовались русские заимствования. Словообразовательные модели весьма разнообразны и меняют свою продуктивность, в связи с этим требуют пристального внимания и конкретных исследований.

Для достижения указанной цели исследования необходимо решить следующие **задачи**: во-первых, изучить закономерности и особенности образования новых слов; во-вторых, выявить наиболее продуктивные модели создания неологизмов-существительных в современном удмуртском языке.

В статье используются следующие **методы исследования**: описательный метод и метод компонентного анализа.

Теоретической базой исследования послужили работы русских и удмуртских лингвистов в области лексикологии, лексикографии, словообразования: А. А. Брагиной [2], Е. А. Земской [5], Н. З. Котеловой [7], В. В. Лопатина [8], Т. В. Поповой [9], Н. М. Шанского [15], В. И. Алатырева [1], С. В. Герасимовой [3], Н. А. Сергеевой [12], И. В. Тараканова [13]. При написании статьи приняты во внимание работы последних лет, в которых затрагиваются вопросы удмуртской неологии [4; 6; 14].

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы в практике преподавания курсов по лексикологии и словообразованию удмуртского языка.

Материалом исследования послужили данные «Русско-удмуртского словаря», изданного в 2019 г. [11]. Кроме неологизмов, собранных из других лексикографических трудов, в словарь включено много новых слов,

которые созданы самими авторами на базе лексики удмуртского языка. В указанной работе выявлено 531 новое существительное, которые в данной статье проанализированы с точки зрения структурно-словообразовательных особенностей.

В ходе анализа языкового материала установлено, что самым продуктивным способом словообразования является словосложение (330 неол. – 62%) – «образование новых слов путем объединения в одно целое двух или более основ» [10, с. 306]. Словосложение в удмуртском языке, как и в других финно-угорских языках, в большинстве случаев осуществляется путем простого сложения компонентов, которые в отдельности представляют собой самостоятельные слова и при сложении не претерпевают никаких фонетических и морфологических изменений. Наиболее часто встречаются двухкомпонентные конструкции. В зависимости от принадлежности компонентов к той или иной части речи выделяются следующие структурные модели:

1) модель «имя существительное + имя существительное» (239 неол.).

В данную группу входит подавляющее большинство неологизмов удмуртского языка. Наиболее распространенным словообразовательным типом является присоединение существительного в основной форме к другому существительному, например: *вузьюртьер* ‘гипермаркет’ (*вуз* ‘товар’, *юртьер* ‘дом с надворными постройками’), *гердвотэс* ‘Интернет’ (*герд* ‘узел’, *вотэс* ‘паутина; сеть’), *дырпус* ‘календарь’ (*дыр* ‘время’, *пус* ‘знак, метка’), *куноюрт* ‘гостиница’ (*куно* ‘гость’, *юрт* ‘постройка; дом’), *нимкагаз* ‘визитка’ (*ним* ‘имя’, *кагаз* ‘бумага’) и др.

В качестве одного из словообразовательных компонентов часто выступают отглагольные существительные (107 неол.), например: *жоглыкмертэт* ‘спидометр’ (*жоглык* ‘скорость’, *мертэт* – сущ. от глаг. *мертаны* ‘измерять’), *катбичет* ‘судебник’ (*кат* ‘закон’, *бичет* – сущ. от глаг. *бичаны* ‘собирать’), *сюлэмтодон* ‘кардиология’ (*сюлэм* ‘сердце’, *тодон* – сущ. от глаг. *тодыны* ‘знать’), *лэзёнпус* ‘виза’ (*лэзён* – сущ. от глаг. *лэзыны* ‘разрешить’, *пус* ‘знак, метка’), *ыстосьюрт* ‘посольство’ (*ыстос* – сущ. от глаг. *ыстыны* ‘послать’, *юрт* ‘постройка; дом’) и др.

Ряд новых терминов создан при помощи лексической единицы *бур* (15 неол.). Данная лексема зафиксирована в некоторых лексикографических трудах в значении «хороший, добрый, благой; хорошо; благо, добро», используется в удмуртском литературном языке в ограниченном количестве словосочетаний, например: *буре вайыны* ‘вспомнить добрым словом; помянуть, поминать’, *бур чукна* ‘доброе утро’, *бур нунал* ‘добрый день’, *бур жыт* ‘добрый вечер’, а также в качестве одного из словообразующих компонентов ряда сложных слов, например: *жечбур* ‘добро, доброта; благо; здравствуй’, *ваньбур* ‘добро, богатство, достаток’, *кылбур* ‘стихотворение’, *шудбур* ‘счастье’. При участии данной лексической единицы образованы следующие неологизмы: *восьбур* ‘вера, вероисповедание, религия’ (*вось* ‘моление’), *дуньетбур* ‘критика’ (*дуньет* – сущ. от глаг. *дуньяны* ‘оценить’), *зэмбур* ‘справедливость’ (*зэм* ‘правда, истина’), *тусбур* ‘дизайн’ (*тус* ‘вид’) и др.;

2) модель «имя существительное + имя существительное + имя существительное» (27 неол.): *бамдуртуш* ‘бакенбарды’ (*бам* ‘щека; лицо’, *дур* ‘край’, *туш* ‘борода’), *инсьёртодос* ‘космонавтика’ (*ин* ‘небо’, *сьёр* ‘задняя часть’, *тодос* ‘наука’), *тусчеберьянтодос* ‘косметология’ (*тус* ‘облик, вид’, *чеберьян* – сущ. от глаг. *чеберьяны* ‘украшать’, *тодос* ‘наука’) и др.;

3) модель «имя прилагательное + имя существительное» (22 неол.).

В качестве определительного компонента часто выступают качественные прилагательные (18 неол.), например: *лектыктос* ‘рак’ (*лек* ‘злой’, *ыктос* ‘опухоль’), *лушкемкыл* ‘пароль’ (*лушкем* ‘тайный’, *кыл* ‘слово’), *чутресгож* ‘тильда’ (*чутрес* ‘зигзагообразный’, *гож* ‘линия, черта’) и др. В ряде случаев первым компонентом сложных слов являются относительные прилагательные, образованные от имен существительных посредством суффикса *-о (-ё)*, которые обозначают обладание чем-либо, каким-либо свойством (4 неол.), например: *гурезёвыл* ‘высокогорье’ (*гурезё* ‘гористый’ < *гурезь* ‘гора’ + *-ё*, *выл* ‘верхняя часть; поверхность’), *тылогурезь* ‘вулкан’ (*тыло* ‘огненный’ < *тыл* ‘огонь’ + *-о*, *гурезь* ‘гора’) и др.;

4) модель «наречие + имя существительное» (13 неол.).

В данную группу входят новообразования, первым компонентом которых являются наречия и наречно-изобразительные слова, например: *вачевуон* ‘конфликт’ (*ваче* ‘вдвоем’, *вуон* – сущ. от глаг. *вуыны* ‘прийти’), *троссэрег* ‘многоугольник’ (*трос* ‘много’, *сэрег* ‘угол’), *яланлыд* ‘константа’ (*ялан* ‘всегда; постоянно’, *лыд* ‘число, количество’), *чильпунэт* ‘гирлянда’ (*чиль* – нар.-изобр. слово, которое употребляется лишь в составе выражений, например, *чиль* чияны ‘поблескивать, блестеть’; *пунэт* – сущ. от глаг. *пуныны* ‘вить; заплетать’) и др.;

5) модель «местоимение + имя существительное» (11 неол.).

Неологизмы созданы при помощи притяжательного местоимения *ас* ‘свой’, например: *асгожтйськем* ‘автограф’ (*гожтйськем* – сущ. от глаг. *гожтйськыны* ‘подписаться’), *асдышетос* ‘самоучитель’ (*дышетос* – сущ. от глаг. *дышетыны* ‘учить’), *аскивалтон* ‘автономия’ (*кивалтон* ‘руководство’) и др.;

6) модель «причастие + имя существительное» (8 неол.).

При создании новых слов используются причастия с суффиксом *-сь (-ись, -йсь)* (4 неол.), например: *жэуасьгурезь* ‘вулкан’ (*жэуась* – прич. от глаг. *жэуаны* ‘гореть’, *гурезь* ‘гора’), *йётйсьгож*, *йётскисьгож* ‘касательная’ (*йётйсь*, *йётскись* – прич. от глаг. *йётыны*, *йётскыны* ‘прикоснуться’, *гож* ‘линия, черта’); а также с суффиксом *-эм* (4 неол.), например: *чэктэммурт* ‘кандидат; кандидатура’ (*чэктэм* – прич. от глаг. *чэктыны* ‘предложить’, *мурт* ‘человек’) и др.;

7) модель «имя существительное + причастие» (4 неол.).

При образовании новых слов участвуют субстантивированные причастия с суффиксом *-сь* (*-ись*, *-йсь*) в сочетании с уточняющими словами, например: *визьюжась* ‘интеллигент’ (*визь* ‘ум’, *ужась* – прич. от глаг. *ужаны* ‘работать’), *тусчеберьясь* ‘косметолог’ (*тус* ‘облик, вид’, *чеберьясь* – прич. от глаг. *чеберьяны* ‘украшать’), *зынбыдтись* ‘дезодорант’ (*зын* ‘запах’, *быдтись* – прич. от глаг. *быдтыны* ‘уничтожить’) и др. В последнем случае было бы лучше использовать неологизм *зынбыдтон*;

8) модель «числительное + имя прилагательное» (3 неол.).

В качестве определительного компонента выступают количественные числительные, например: *куатьгранё* ‘шестигранник’ (*куать* ‘шесть’, *грань* < рус. *грань* + *-ё* – суффикс обладания), *куиньсэрго* ‘косынка’ (*куинь* ‘три’, *сэрго* < *сэрег* ‘угол’ + *-о* – суффикс обладания) и др.;

9) модель «местоимение + имя существительное + имя существительное» (2 неол.): *астуссуред* ‘автопортрет’ (*ас* ‘свой’, *тус* ‘облик, вид’, *суред* ‘картина, рисунок; образ’), *асулонсюрес* ‘автобиография’ (*ас* ‘свой’, *улон* ‘жизнь’, *сюрес* ‘дорога’);

10) модель «имя существительное + имя существительное + имя существительное + имя существительное» (1 неол.): *мувылтустодон* ‘ландшафтоведение’ (*му* ‘земля’, *выл* ‘верхняя часть; поверхность’, *тус* ‘облик, вид’, *тодон* – сущ. от глаг. *тодыны* ‘знать’).

Некоторые неологизмы, образованные путем словосложения, представляют собой кальки с русского языка, например: *вамьшмертан* ‘шагомер’, *вынвиён* ‘братоубийство’, *дуннеучкос* ‘мировоззрение’, *эмсузэр* ‘медсестра’ и др. В ряде случаев один из компонентов сложного слова переведен на удмуртский язык, в качестве второго компонента выступают иноязычные основы, например: *авиагерзет* ‘авиасвязь’, *анданбетон* ‘сталебетон’, *гож-код* ‘штрих-код’, *инфракуара* ‘инфразвук’, *капчатлет* ‘легкоатлет’, *киноустолык* ‘киноискусство’, *конференц-бёлет* ‘конференц-зал’, *радиовотэс* ‘радиосеть’ и др.

При создании новых слов в удмуртском языке широко используется также суффиксальный способ словообразования (159 неол. – 30%) – «образование новых слов путем присоединения суффикса к производящей основе» [Там же]. Наиболее продуктивными являются следующие суффиксы:

-эт (-ет) (41 неол.): *асьет* ‘собственность’ (*ас* ‘свой’), *бырьет* ‘ассортимент’ (< *бырийыны* ‘выбрать, выбирать’), *валланет* ‘вертикаль; меридиан’ (*валлань* ‘вверх, наверх, кверху’), *удысэт* ‘ведомство’ (*удыс* ‘область, отрасль, сфера’), *усыкмет* ‘наркотик’ (< *усыкмыны* ‘угореть’) и др.;

-он (-ён), -н, -эм (-ем), -м (33 неол.): *асьетан*, *асьетам* ‘владение’ (< *асьетаны* ‘владеть’ < *асьет* ‘собственность’), *куспаськон*, *куспаськем* ‘контактирование’ (< *куспаськыны* ‘контактировать’ < *кусып* ‘взаимоотношения, связь’), *эсэпъян*, *эсэпъям* ‘нормирование’ (< *эсэпъяны* ‘нормировать’ < *эсэп* ‘норма’) и др.;

-лык (32 неол.): *изётэмлык* ‘бессонница’ (*изётэм* ‘бессонный’), *нюлэсолык* ‘лесистость’ (*нюлэсо* ‘лесистый’), *одыёлык* ‘мощность’ (*одыё* ‘сильный’), *сознэтэмлык* ‘бессистемность’ (*сознэтэм* ‘бессистемный’), *чылкаклык* ‘абсолют; абсолютность’ (*чылкак* ‘совсем; абсолютно’) и др.;

-чи (19 неол.): *бугырчи* ‘бунтарь, мятежник’ (*бугыр* – основа глагола *бугырьяськыны* ‘бастовать, бунтовать’), *кельтосчи* ‘наследник’ (*кельтос* ‘наследство’ – сущ. от глаг. *кельтыны* ‘оставить’), *кыралчи* ‘степняк’ (*кырал* ‘степь’), *эскерчи* ‘исследователь’ (*эскер* – основа глагола *эскерыны* ‘исследовать’) и др.;

-ос (-ёс) (11 неол.): *вунос* ‘склероз’ (< *вуныны* ‘забыть, забывать’), *кылдытос* ‘изобретение’ (< *кылдытыны* ‘изобрести’), *лулос* ‘животное’ (*лул* ‘дух; душа’), *отёс* ‘созыв’ (< *отыныны* ‘позвать’) и др.;

-ни (10 неол.): *сылонни* ‘стойбище’ (*сылон* – сущ. от глаг. *сылыны* ‘стоять’), *ымтырьяськонни* ‘быстро; buffet’ (*ымтырьяськон* – сущ. от глаг. *ымтырьяськыны* ‘немного поесть, попить’), *ыстонни* ‘ссылка’ (*ыстон* – сущ. от глаг. *ыстыны* ‘послать; сослать’) и др. Данный суффикс, характерный для северных говоров удмуртского языка, в настоящее время используется и в литературном языке при создании новых слов со значением места действия.

Кроме того, можно выделить ряд суффиксов, при помощи которых образовано небольшое количество новых слов:

-эс (-ес) (5 неол.): *кабес* ‘стандарт’ (*каб* ‘форма’), *полэс* ‘степень’ (*пол* ‘раз’), *радэс* ‘устройство, строй’ (*рад* ‘порядок, система’) и др.;

-мет (3 неол.): *лыдмет* ‘список; реестр’ (*лыд* ‘число, количество; счет’), *чырмет* ‘кислота’ (*чырс* ‘кислый’) и др.;

-эг (1 неол.): *вунэг* ‘склероз’ (< *вуныны* ‘забыть’);

-ли (1 неол.): *модали* ‘модель’ (*мода* ‘мода’);

-и (1 неол.): *маскари* ‘шарж’ (< *маскара* ‘смешной; смешно’);

-ал (1 неол.): *жосал* ‘теснина’ (*жос* – основа прил. *жоскыт* ‘тесный; узкий’);

-тык (1 неол.): *пальыштык* ‘смайлик’ (*пальыш* – основа глагола *пальышаны* ‘улыбаться’).

Некоторые неологизмы образованы путем присоединения суффиксов к усеченным основам слов, например: коньдэт ‘бюджет’ (< коньдон ‘деньги’), *лушкес* ‘тайна’ (< *лушкем* ‘тайный; тайно’), *маскари* ‘шарж’ (< *маскара* ‘смешной; смешно’), *огвыллет* ‘аналог’ (< *огвыллем* ‘одинаковый, однообразный’). В данных случаях в производных основах отсутствуют конечные фонемы (или группы фонем) производящих основ.

В настоящее время используются и новые модели суффиксального словообразования, так, удмуртские слова могут быть снабжены суффиксами русского языка, например: *чеберина* ‘красотка’ (*чебер* ‘красивый’ + *-ина*), *эктоника* ‘дискотека’ (*эктон* ‘танец’ + *-ика*); удмуртские суффиксы могут присоединяться к иноязычным

основам, например: *модали* 'модель' (< рус. *мода* + *-ли*), *барчи* 'бармен' (< рус. *бар* + *-чи*), *союзчи* 'союзник' (< рус. *союз* + *-чи*). Данные способы пользуются большой популярностью среди молодого поколения удмуртов.

В рассматриваемой лексике встречаются сложнопроизводные неологизмы, образованные путем сложения основ с одновременной суффиксацией (36 неол. – 7%), например: *асмылкыдчи* 'волонтер' (*ас* 'свой', *мылкыд* 'желание' + *-чи*), *катрадэмлык* 'беззаконие' (*кат* 'закон', *радэм* 'беспорядочный, бессистемный' + *-лык*), *книгапечатлани* 'типография' (*книга* 'книга', *печатлан* – сущ. от глаг. *печатланы* 'печатать' + *-ни*), *кыккы-лолык* 'билингвизм' (*кык* 'два', *кыл* 'язык' + *-о* – суффикс обладания + *-лык*) и др.

При создании отдельных неологизмов используется безаффиксный способ словообразования (3 неол. – 0,5%) – «образование новых слов (имен существительных) от производящей основы (глагола или имени прилагательного) без добавления аффиксов (образующая основа становится основой существительного)» [Там же], например: *огин* '*группа*' (< *огинаны*, *огиньяны* 'объединить; собрать в одно место'), *тунсык* 'интерес' (< *тунсыко* '*интересный*', *тунсыкъяськыны* '*интересоваться*'), *чильпыр* 'ажур' (< *чильпыраны* 'светиться, просвечивать, пропускать свет').

В словообразовательной системе современного удмуртского языка имеет место и лексико-семантический способ (3 неол. – 0,5%) – «образование новых слов в результате распада слова на омонимы, т.е. приобретение одной и той же лексической единицей разных значений» [Там же, с. 305-306], например: *вотэс* 'паутина; сеть, сетка' и *вотэс* 'Интернет' и др.

Таким образом, мы приходим к следующим **выводам**: в образовании новой лексики в современном удмуртском языке самыми продуктивными способами являются словосложение (62%) и суффиксация (30%); ряд слов образован путем сложения основ с одновременной суффиксацией (7%); небольшое количество неологизмов создано при помощи безаффиксного (0,5%) и лексико-семантического способов (0,5%) (см. Табл. 1). Отдельные термины представляют собой кальки с русского языка, которые образованы посредством копирования, буквального перевода структуры иноязычных слов.

В ходе исследования выявлено десять типов словосложения, наиболее распространенной является модель «имя существительное + имя существительное» (см. Табл. 2). При создании суффиксальных единиц участвует значительное количество суффиксов, среди которых самыми продуктивными являются суффиксы *-эт (-ет)*, *-он (-ён)*, *-н*, *-эм (-ем)*, *-м*, *-лык*, *-чи*, *-ос (-ёс)*, *-ни* (см. Табл. 3).

В статье рассмотрены только основные словообразовательные модели неологизмов-существительных. **Перспективы дальнейших исследований** мы видим в подробном изучении способов создания новых слов, относящихся к другим частям речи.

Условные сокращения

Глаг. – глагол, нар.-изобр. – наречно-изобразительный, неол. – неологизм, прил. – имя прилагательное, прич. – причастие, рус. – русский язык, сущ. – имя существительное.

Список источников

1. Алатырев В. И. Основные пути и способы развития лексики удмуртского языка // Алатырев В. И. Вопросы удмуртского языкознания. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1959. Т. 1. С. 6-39.
2. Брагина А. А. Неологизмы в русском языке: пособие для студентов и учителей. М.: Просвещение, 1973. 224 с.
3. Герасимова С. В. Суффиксальный способ образования новых слов в удмуртском языке // Пермистика 6: проблемы синхронии и диахронии пермских языков и их диалектов: сб. ст. Ижевск: Изд. дом «Удм. ун-т», 2000. С. 37-40.
4. Душенкова Т. Р. Образование новых религиозно-философских терминов в удмуртском языке: на примере переводов сакральных текстов // Языковые контакты народов Поволжья: актуальные проблемы морфологии и синтаксиса: материалы IX Междунар. симп. (г. Саранск, 13-15 июня 2013 г.) / отв. ред. М. В. Мосин. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2014. С. 250-256.
5. Земская Е. А. Словообразование как деятельность. М.: Наука, 1992. 221 с.
6. Ившин Л. М. О создании новых терминов в творчестве К. Герда // Ежегодник финно-угорских исследований. 2014. Спецвыпуск. С. 35-39.
7. Котелова Н. З. Первый опыт лексикографического описания русских неологизмов // Котелова Н. З. Избранные работы. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 181-199.
8. Лопатин В. В. Рождение слова. Неологизмы и окказиональные образования. М.: Наука, 1973. 152 с.
9. Попова Т. В., Рацбургская Л. В., Гугунава Д. В. Неология и неография современного русского языка: учеб. пособие. М.: Флинта; Наука, 2005. 168 с.
10. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Просвещение, 1985. 399 с.
11. Русско-удмуртский словарь: более 55000 слов: в 2-х т. / УдмФИЦ УрО РАН; отв. ред. Л. М. Ившин. Ижевск, 2019. Т. 1. 936 с.; Т. 2. 1016 с.
12. Сергеева Н. А. О некоторых словообразовательных суффиксах удмуртского языка // Коми-пермяки и финно-угорский мир. Кудымкар: Алекс-Принт, 2005. С. 230-231.
13. Тараканов И. В. Возникновение, развитие удмуртского литературного языка и пути обогащения его лексики в современную эпоху // Бюллетень № 1 / Республиканская термино-орфографическая комиссия по удмуртскому языку при Председателе Государственного Совета Удмуртской Республики. Ижевск, 1998. С. 108-117.
14. Титова О. В. О способах образования новых терминов в удмуртском языке // Ежегодник финно-угорских исследований. 2014. Вып. 1. С. 41-46.
15. Шанский Н. М. Очерки по русскому словообразованию. М.: Флинта, 2019. 336 с.

Таблица 1. Количественный анализ способов образования новых слов в современном удмуртском языке

№	Способ словообразования	Количество неологизмов	Процентное соотношение
I	Словосложение	330	62%
II	Суффиксация	159	30%
III	Словосложение + суффиксация	36	7%
IV	Безаффиксный способ	3	0,5%
V	Лексико-семантический способ	3	0,5%
		ИТОГО: 531	ИТОГО: 100%

Таблица 2. Количественный анализ типов словосложения в современном удмуртском языке

№	Структурная модель словосложения	Количество неологизмов	Процентное соотношение
1	Существительное + существительное	239	72,4%
2	Существительное + существительное + существительное	27	8,2%
3	Прилагательное + существительное	22	6,7%
4	Наречие + существительное	13	4%
5	Местоимение + существительное	11	3,3%
6	Причастие + существительное	8	2,4%
7	Существительное + причастие	4	1,2%
8	Числительное + прилагательное	3	0,9%
9	Местоимение + существительное + существительное	2	0,6%
10	Существительное + существительное + существительное + существительное	1	0,3%
		ИТОГО: 330	ИТОГО: 100%

Таблица 3. Количественный анализ суффиксальных неологизмов в современном удмуртском языке

№	Словообразовательный суффикс	Количество неологизмов	Процентное соотношение
1	-эт (-ет)	41	25,8%
2	-он (-ён), -н, -эм (-ем), -м	33	20,8%
3	-лык	32	20,1%
4	-чи	19	12%
5	-ос (-ёс)	11	7%
6	-ни	10	6,3%
7	-эс (-ес)	5	3,1%
8	-мет	3	1,9%
9	-эг	1	0,6%
10	-ли	1	0,6%
11	-и	1	0,6%
12	-ал	1	0,6%
13	-тык	1	0,6%
		ИТОГО: 159	ИТОГО: 100%

Means of Neologism Formation in the Modern Udmurt Language

Titova Olga Vladimirovna, PhD

Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Izhevsk
ovtitova@rambler.ru

The paper aims to identify the basic means of neologism formation in the modern Udmurt language. The author examines structural and word-formative peculiarities of neologisms-nouns. Scientific originality of the study lies in the fact that the researcher introduces new factual material into scientific circulation, which has not been previously subjected to a linguistic analysis. The conducted research allows concluding that the basic means of neologism formation include stem composition, suffixation, non-affixal word formation, lexico-semantic word formation. Some terms are calques formed by word-for-word translation of the Russian words.

Key words and phrases: lexicology; word-formation; neologisms; Udmurt language.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.19>

Дата поступления рукописи: 26.10.2020

Цель исследования – определить особенности функционирования глагола в татарском языке на материале рекламных текстов. **Научная новизна** статьи заключается в анализе морфологических категорий и семантических значений глаголов, способствующих созданию прагматического эффекта в татарской рекламе. **В результате** исследования доказано, что наиболее высоким прагматическим потенциалом воздействия обладает морфологическая категория наклонения. Побудительность в рекламе реализует семантические значения команды, совета, просьбы. Условное наклонение, выраженное лексико-грамматическими средствами, усиливает функцию убеждения в правильности сделанного выбора, а прагматический потенциал изъявительного наклонения раскрывает функциональность товара или услуги.

Ключевые слова и фразы: рекламный текст; глагол; категория наклонения; прагматический потенциал; татарский язык.

Фахретдинова Гульназ Нурхаметовна, к. филол. н.
Казанский национальный исследовательский технологический университет
gulnaz_khamidull@mail.ru

Особенности функционирования категории наклонения в татарских рекламных текстах

Актуальность исследования обусловлена важностью и перспективностью изучения языка татарской рекламы как лингвистического феномена. Возрождение и активное развитие татарской рекламы на современном этапе обусловлены социально-экономическими факторами, укреплением статуса татарского языка в разных сферах общественной жизни, а также появлением коммерческих татароязычных медиаресурсов, основной бюджет которых преимущественно формируется за счет рекламы. Ввиду того, что реклама является показателем реальной языковой ситуации и функциональных возможностей татарского языка, исследование лингвистических особенностей татарских рекламных текстов дает возможность выявить специфические способы использования языковых приемов с целью оказания речевого воздействия текстов рекламы на потенциального потребителя. В последнее время появляются труды, объектом исследования которых становится реклама на татарском языке, в частности языковое оформление рекламных текстов [3; 16]. Следует отметить, что вопросы, связанные с выявлением специфики татарского рекламного текста и способов воздействия на потребителя, а также языковых средств их выражения, пока не получили достаточно полного осмысления. Изучение прагматического потенциала отдельных языковых единиц, в частности категории наклонения, способствующих усилению воздействия на потенциальную аудиторию, представляется важной задачей.

Для достижения указанной цели исследования необходимо решить следующие **задачи**: во-первых, рассмотреть особенности функционирования глагола с точки зрения их прагматического потенциала; во-вторых, проанализировать те морфологические категории наклонения глаголов, которые активно употребляются в текстах татарской рекламы; в-третьих, проанализировать релевантные для прагматики рекламного текста категории глаголов.

Анализ фактического материала проводится с использованием следующих **методов исследования**: описательно-аналитический метод при сборе и систематизации рекламных текстов и метод компонентного, контекстуального анализа, использованный при выявлении семантических особенностей языковых единиц.

Теоретической базой исследования послужили публикации зарубежных и отечественных исследователей лингвистических особенностей рекламных текстов, которые представили в трудах специфику употребления различных частей речи в языке рекламы. Вопросы языкового воздействия рекламы на потребителя исследованы в работе Ф. Джефкинса [5]; Д. Э. Розенталь и Н. Н. Кохтев [13], И. М. Низамов [10] проводят анализ стилистики языка рекламы; в трудах Е. Ю. Дементьевой [4], Т. Б. Колышкиной [7], А. В. Николаевой [11], Н. Х. Уразаевой [15] рассмотрено функционирование глагола в рекламном тексте в аспекте его лексических, морфологических и синтаксических параметров.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы в дальнейших лингвистических исследованиях проблем функционирования языка, при разработке специальных курсов по теории текста, лингвокультурологии татарского языка, а также в качестве практических рекомендаций для составителей рекламных текстов на татарском языке.

Материалом для исследования послужили рекламные тексты, выбранные методом сплошной выборки из татароязычной радиостанции «Татар радиосы» ‘Татарское радио’, выходившие в эфир в 2010-2018 гг.

Как известно, глагол является самой сложной и обширной частью речи, обладающей скрытой динамикой, движением и имеющей большую побудительную силу, чем другие части речи. Большинство исследователей рекламы едины во мнении, что использование глагольной формы в качестве основного слова увеличивает запоминание примерно в полтора раза. Это объясняется тем, что глаголы более яркие с точки зрения представления картинки и практически все конкретны, а следовательно, ближе к реальности. Х. Кафтанджиев отводит глаголу особую роль в рекламном тексте, отмечая, что «читаемость и динамичность рекламного сообщения прямо пропорциональны количеству употребленных глаголов» [6, с. 16]. А. В. Николаева основную роль глагола в рекламном тексте видит в описании «действия потребителя, возможности товара/

услуги, их воздействия на потребителя, перемены, происходящей вследствие применения рекламируемого товара/услуги» [11, с. 176]. Насыщенность рекламы глаголами подчеркивается также в научной статье И. Б. Хрящиковой и Л. Н. Денисовой [18]. Исследователи приходят к выводу, что для рекламных текстов характерно употребление глаголов в форме императива в значении побуждения. Рассматривая особенность глаголов в создании рекламных слоганов, Е. В. Юрьева отмечает, что «этот языковой инструмент создает иллюзию действенности, а значит – рациональности, реальности и псевдоправды о компании и продукте, что предполагает осязаемые и вполне конкретные результаты для рекламодателей» [20, с. 79]. По мнению Ф. Джефкинса, усиление побудительного воздействия рекламы состоит в использовании определенных частей речи, в частности «глаголов побудительного наклонения и прилагательных» [5, с. 270]. Н. Н. Кохтев и Д. Э. Розенталь при выборе слов в рекламе рекомендуют пользоваться «глаголами, побуждающими к действию» [13, с. 57]. В диссертационном исследовании Е. Ю. Дементьевой рассматриваются функционирование глаголов в рекламном тексте и их роль в осуществлении прагматической функции рекламы [4]. Воздействующая роль побудительных глаголов подчеркивается исследователем татарской рекламы И. М. Низамовым. По его мнению, именно правильный выбор стилистических и языковых средств помогает создать положительный образ в сознании потребителя [10].

Анализ практического материала показывает, что к часто употребляемым в рекламных сообщениях средствам относятся глаголы, которые призваны убеждать потребителя и воздействовать на него. Например, глаголы *сатам* ‘продаю’, *сатып алам* ‘куплю’, *алыштырам* ‘обменяю’, *тәкъдим итә* ‘предлагает’, *мөрәҗгәгать итегез* ‘обращаетесь’, *шикә чакыра* ‘предлагает работать’, *китереп бирәбез* ‘доставим’, *кәтәбез* ‘ждем’ и др. [17, с. 317].

Как показывают наблюдения, глагольные конструкции в татарских рекламных текстах служат не только для передачи информации. В рекламных сообщениях глаголы более четко фокусируют внимание потенциальных потребителей на предлагаемой продукции и являются более эффективной формой продвижения товаров и услуг:

(1) *Чаллы бройлер-койчылык фабрикасы хәләл тавык / казылык һәм иттән төрле тәм-томнар тәкъдим итә* / «Чаллы бройлеры» *житештергән азык-төлек Ислам кануннарына нигезләнен эшләпә / «Идел-хаж» фонды да безнең ризыкларны югары бәяли / Сез дә авыз итеп карагыз / Шалтыратыгыз һәм килегез.* / Челнинская птицефабрика предлагает халыль курицы / колбасы и разные мясные деликатесы / Продукция / произведенная «Челны-бройлер» / изготавливается по канонам ислама / Фонд «Идель-хадж» высоко оценивает нашу продукцию / И вы попробуйте / Звоните и приходите (Татар радиосы, 15.12.10) (здесь и далее перевод автора статьи. – Г. Ф.).

В данном примере широко реализацию получает не только информативная функция рекламы посредством глагола *«тәкъдим итә»* ‘предлагает’, но и воздействующая функция высказывания. Употребленные в этом тексте глаголы служат следующим целям воздействия фирмы-производителя на потребителей:

- глаголы *«нигезләнен эшләпә»* ‘производится на основе’ и *«бәяли»* ‘оценивает’ способствуют реализации убеждающей функции высказывания, указывают на дополнительные источники доверия для покупателей;
- глаголы *«авыз итеп карагыз»* ‘попробуйте’, *«шалтыратыгыз»* ‘звоните’ и *«килегез»* ‘приходите’ (категория повелительного наклонения) выполняют функцию побуждения к действию.

Грамматические категории глагола играют важную роль в достижении эффекта речевого воздействия. В текстах татарской рекламы наиболее значимой морфологической категорией является категория наклонения. В статье рассмотрим особенности употребления тех глагольных наклонений, которые составляют специфику текстов татарской рекламы.

Наиболее важным и значимым для рекламных текстов является **повелительное наклонение**, которое обладает самым высоким потенциалом воздействия на адресата, убеждения потребителя. Анализируя формы повеления и желания, Д. Г. Тумашева обращает внимание на многозначность глагольных форм и их способность выразить грамматическое значение разными формами глагола [14, с. 150]. Л. Подорожная отмечает, что «побудительные конструкции придают живость высказыванию, что очень важно в рекламе» [12, с. 43]. В своем диссертационном исследовании Ш. З. Худойдодова указывает на одну из важнейших функций языка рекламы – призыв к действию, следовательно, посредством императивной формы глагола «может быть выражен призыв к потреблению рекламируемого товара» [19, с. 109]. По словам Н. Х. Уразаевой, «глаголы в форме повелительного наклонения в наибольшей степени способствуют реализации основной цели рекламного текста – воздействовать на адресата для побуждения его к приобретению товара или услуги» [15, с. 484].

Повелительное наклонение 2-го лица единственного числа в татарском языке как центральная форма категории выражается нулевым показателем, а 2-е лицо множественного числа имеет аффикс *-гыз/-гез*. В рамках собранного нами материала по татарской рекламе количество примеров множественного числа больше, чем примеров с глаголами в форме единственного числа:

(2) *«Таланид» стоматология клиникасы / Тешләрне кристаллар белән бизәкләү / Игътибар үзәгендә булыгыз / Шалтыратыгыз / «Таланид» / елмаерга оялмагыз! / Стоматологическая клиника «Таланид» / Украсение зубов кристаллами / Будьте в центре внимания / Звоните / «Таланид» / не стесняйтесь улыбаться (Татар радиосы, 14.12.10).*

Множественное число повелительного наклонения в рекламных текстах выражает двойное значение, подразумевая вежливое, уважительное отношение к потребителю и указывая на множество адресатов, т.е. в этом случае реклама обращается не к отдельному конкретному человеку, а к любому индивиду. Как отмечает Т. Б. Колышкина, зачастую «форма повелительного наклонения множественного числа обращена к взрослой части аудитории и лишена жесткости, нажима, воспринимается мягче» [7, с. 66].

Форма единственного числа подчеркивает личностный характер рекламного сообщения, при этом акцент делается на дружеском характере общения, что приближает текст рекламы к разговорной речи:

(3) *Казан университетлары / сез мондамы / 25 ғынвар / Студентлар көне / «Татар радиосы» нда вузлар көрәшә / Көндезге 12дән 3кә кадәр яраткан университетның өчен тавыш бир һәм аны иң яраткан вузың итеп таныт.* / Казанские университеты / вы тут / 25 января / День студентов / На «Татар радиосы» борьба вузов / С 12 до 3-х дня проголосуй за любимый вуз и прославь его как самый любимый вуз (Татар радиосы, 10.01.11).

Форма 2-го лица единственного числа используется при обращении к подростковой и молодежной аудитории, ведь такой императив, по мнению Т. Б. Колышкиной, «несет вызов, заряд, призыв и ориентирован на принятые среди этих потребителей формы общения “запросто”, без церемоний» [Там же].

Общее для грамматических форм повелительного наклонения значение побудительности при реализации в рекламе получает различные оттенки в сторону усиления категоричности или смягченности волеизъявления. Категорическое побуждение в текстах татарской рекламы может иметь характер команды или приказа, обращенного к адресату или адресатам рекламного сообщения:

(4) *Кил / Күр / Иске машинаңны яңага алыштыр* / «Азино Авто». / Иди / Смотри / Обменяй старую машину на новую / «Азино Авто» (Татар радиосы, 25.05.12).

Побуждение также имеет характер распоряжения, поручения сделать какое-нибудь действие: в рекламных текстах – купить товар, воспользоваться услугой, узнать более подробную информацию о рекламируемом объекте. Ф. Джефкинс считает, что именно такая форма побуждения является «наиболее эффективной в рекламных текстах и придает им побудительную силу» [5, с. 269].

(5) *«Корстон» күңел ачу комплексында узган бәйрәм кичәсе DVD / CD форматта / Яңа ел бәйрәмнәрендә иң яхшы бүләк / Бәхетәнне кулыңнан ычкындырма.* / Праздничный вечер в развлекательном комплексе «Корстон» в DVD и CD форматах / Самый лучший подарок на Новый год / Не упусти счастье из рук (Татар радиосы, 05.12.14).

По мнению Н. Н. Кохтева, «к часто употребляемым средствам в рекламных текстах можно отнести конструкции воздействия и побуждения, в форме призыва и совета» [8, с. 63]. Е. К. Кузьмина отмечает, что косвенные директивные акты обещания и совета, т.е. непрямой призыв совершить покупку, также характерны для рекламных текстов [9, с. 19]. Нейтральные значения повелительных форм в текстах татарской рекламы также имеют характер совета, пожелания. Побудительность может иметь также характер призыва или приглашения к совершению действия:

(6) *Яңгыр болытлары килә / ә дачагыз түбәсез / Борчылмагыз / Иң кыска срокларда черепица һәм проф. настилны әзерләп / кисеп бирәбез / Дачагызга барганда / кереп кенә чыгыгыз.* / Надвигаются дождевые тучи / а у вашей дачи нет крыши / Не беспокойтесь / За самые короткие сроки подготовим и распилим черепицу и профнастил / Заезжайте по пути на дачу (Татар радиосы, 07.05.14).

Как отмечает Ю. С. Бернадская, «при использовании повелительных глаголов, главное, нужно следить, чтобы не было семантики явного принуждения покупателя, так как в силу своей побудительности они могут вызвать отторжение и противодействие» [1, с. 73].

Смягченные варианты побуждения в татарских рекламных сообщениях в некоторых случаях выражаются **желательным наклонением** для того, чтобы снизить категоричность характера просьбы совершить действие. Форма желательного наклонения, присутствующая в татарских рекламных текстах, придает обращению к потенциальным покупателям оттенок мягкой просьбы и обозначается с помощью частиц *әйдә* ‘давай’, *әйдәгез* ‘давайте’:

(7) *«Кәэф ничек?» газетасы бар кешене Яңа ел белән тәбрик итә / Иксез-чиксез юмор һәм шаяру / һәм бик күп / бик күп позитив язмалар «Кәэф ничек?» газетасының бәйрәм санында / Әйдәгез шул хөрмәткә бер укып куйык.* / Газета «Кәэф ничек?» всех поздравляет с Новым годом / Бесконечный юмор и шутки / и много-много позитивных заметок в праздничном номере газеты «Кәэф ничек?» / Давайте прочтем в честь этого (Татар радиосы, 20.12.10).

Функция воздействия и привлечения внимания в татарской рекламе осуществляется также посредством использования **условного наклонения**. В татарском языке основой условного наклонения является форма *-са/-сә*, но в выражении условно-следственных отношений участвуют синтаксическая и интонационная структуры предложения.

В текстах рекламы условное наклонение передает значение косвенного убеждения приобрести рекламируемый товар, подготавливает адресата к восприятию дальнейшей информации, предлагая изменить отношение к рекламируемому объекту. Условие, выраженное в рекламе, является важным фактором для приобретения товара или услуги, а выполнение этого условия приведет к положительному результату. Чаще всего в текстах татарской рекламы используются формы реального условия, темпоральность которых относится как к настоящему, так и будущему времени:

(8) *Менә сезгә кәгазь бите / Кулыгызга карандаш алыгыз һәм әгәр язу кирәк-яракларыгыз бетсә / безнең адресны языгыз / «Канцлер» кибете / дөнъяның иң яхшы җитештерүчеләреннән киң куләмдә канцелярия товарлары.* / Вот вам лист бумаги / Возьмите в руки карандаш / и если у вас закончились письменные принадлежности / запишите наш адрес / Магазин «Канцлер» / широкий выбор канцелярских товаров от лучших мировых производителей (Татар радиосы, 12.09.13).

Эффективность и действенность заложенной в рекламном тексте информации, желательное психологическое воздействие зависят и от употребления глагола в условном наклонении, который способен косвенно призывать, побуждать начать действие, аргументировать правильность выбора рекламируемого объекта.

В значительном количестве рекламных текстов содержатся глаголы в **изъявительном наклонении**. Особенность изъявительного наклонения сообщать о реальных, достоверных действиях позволяет рассматривать его как прямое наклонение, противопоставляя косвенным наклонениям (повелительному и условному), которые, как правило, характеризуют нереальные действия.

Среди всех форм времени наиболее активной является форма настоящего времени 3-го лица единственного числа. Следует отметить, что общее темпоральное значение глагола в рекламном контексте приобретает семантические оттенки различной протяженности действия, его обычности, повторяемости. В текстах татарской рекламы самыми употребляемыми являются формы настоящего времени, обозначающие действие, которое протекает одновременно с моментом речи, т.е. реализуется парадигматическое значение формы:

(9) *«Булочно-кондитерский комбинат» горепф-гадэтларне эле дэ дэвам итэ һәм телне йотарлык хэлэл кондитер-икмэк эшләнмэләре **эчитештерә** / БКК Татарстан халкын **яратып эшли.** / «Булочно-кондитерский комбинат» по сей день продолжает традиции и производит очень вкусную халяльную хлебную и кондитерскую продукцию / БКК работает с любовью к людям Татарстана (Татар радиосы, 20.10.12).*

Высокий прагматический потенциал данной глагольной формы, по мнению исследователей татарского глагола, обусловлен семантикой обозначения действия, которое представляется как постоянный признак, свойство лица или предмета [2, с. 102].

Именно данная форма настоящего времени указывает на действия, а также описывает потребительские свойства рекламируемого товара, что обуславливает частое употребление формы Хэзерге заман / настоящего времени в текстах рекламы, так как оно обращается к состоянию реципиента в данный момент, тем самым сближая рекламу с ним и вызывая доверие аудитории.

В рекламных текстах встречаются также контекстуальные формы настоящего расширенного времени при выражении повторяющихся действий. Этот прием позволяет указать на долговечность и постоянство рекламируемого объекта и дает возможность рекламодателю продемонстрировать свою позицию, которую он отстаивает не только в данный момент, но делал это и ранее и намерен продолжать в будущем:

(10) *«Дин-металл» / Түбә ябу өчен бөтен нәрсә / йорт тышлау өчен сайдинг / коймаларга проф. настил **тәкъдим итә** / **штен тә бирә** / «Дин-металл» / Түбәгезне ябып / йортыгызны тышлап / коймагызны **коруып китә.** / «Дин-металл» / Предлагает всё необходимое для кровли / сайдинг для обшивки дома / профнастил для забора / и доставит на место / «Дин-металл» / Закроет вашу крышу / утеплит ваш дом / поставит вам забор (Татар радиосы, 04.04.17).*

Рекламодатели также достаточно часто обращаются к форме будущего времени, поскольку глаголы данной формы указывают на дальнейшую перспективу либо эффект в случае приобретения рекламируемого товара или получения услуги:

(11) *Татарстан башкаласында беренче тапкыр «Яңа сулыш» концерты / Кич буе сәхнәдә инструменталь ансамбль **уйнаячак** / Суперпопуляр йолдызларның иң танылган **жырлары сезнең өчен яңача **яңгырап.**** / Впервые в столице Татарстана концерт «Новое дыхание» / Весь вечер на сцене будет играть инструментальный ансамбль / Самые известные песни суперпопулярных звезд будут звучать для вас (Татар радиосы, 12.12.10).*

Зачастую в рекламных текстах Киләчәк заман / будущее время работает выигрышнее, чем другие формы времени, и рекламодатели отдают предпочтение именно ему, так как большинству людей свойственно верить в то, что им обещают, и им интересно узнать, что же будет происходить или как разрешится та или иная проблема после того, как товар будет приобретен.

Употребление форм Үткән заман / прошедшего времени также приводит к желаемому положительному результату. Одной из особенностей сообщений рекламного характера является их динамичность, реклама как вид информации «живет» в небольшом временном отрезке – сейчас, в данный момент, когда ее читают, поэтому в рекламный текст попадают только те формы прошедшего времени, которые выражают интенсивность действия. В татарском языке такими свойствами обладает прошедшее категорическое время, выражающее очевидное и целостное действие в прошлом. Образованная при помощи аффиксов *-ды/-де, -ты/-ты* форма Билгеле Үткән заман / прошедшего категорического времени показывает действия, совершение которых очевидно и несомненно для говорящего. В татарских рекламных текстах употребление прошедшего категорического времени позволяет изобразить быструю смену событий и их последовательное динамичное развертывание:

(12) *Хыялланырга түгел / ә хыялларга утырып йөрер **вакыт эчитте** / «Автолайф» автосалонына зәвыклы һәм ышанычлы «Тойота Рав 4» автомобиле **кайтты** / «Автолайф» автосалоны. / Не нужно мечтать / пришло время ездить на своей мечте / В автосалон «Автолайф» поступили престижные и надежные «Тойота Рав 4» / Автосалон «Автолайф» (Татар радиосы, 17.09.11).*

Глаголы прошедшего времени, используемые в рекламных текстах, указывают на то, что действие, которое они обозначают, выполнилось и имеет хороший результат, создают эффект уверенности и надежности предполагаемых действий.

Таким образом, мы приходим к следующим **выводам**. Форма глагола играет важную роль в реализации прагматического потенциала в рекламе, который не только передает информацию, но также способствует приданию динамики рекламному тексту, концентрирует внимание на потребительских свойствах и функциях

рекламируемого объекта. В описаниях, при характеристике товара или услуги используются формы настоящего времени, в котором действие не имеет определенной временной отнесенности. Будущее время соотносится либо с повествованием, либо с рассуждением о будущих событиях, заверяющих потребителя в правильности принимаемого им решения о конкретном товаре или услуге, рисует положительную перспективу в случае совершения действия. Прошедшее время употребляется в повествовании о прошлых действиях, имеющих положительный результат. Наиболее релевантными выступают формы повелительного наклонения, активизирующие восприятие рекламного текста и побуждающие к действию; условное наклонение усиливает функцию воздействия и убеждения в правильности сделанного выбора; изъявительное наклонение раскрывает функциональность товара или услуги.

Перспективным для дальнейших исследований может быть анализ лексических и синтаксических особенностей функционирования глаголов в текстах татарской рекламы.

Список источников

1. Бернадская Ю. С. Текст в рекламе. М.: ЮНИТИ, 2008. 288 с.
2. Богдановский П. В. Морфология татарского языка. М.: Альфа-Омега, 2003. 376 с.
3. Гафурова А. А. Специфика функционирования ономастической лексики в татарских и англоязычных рекламных текстах: автореф. дисс. ... к. филол. н. Казань, 2012. 24 с.
4. Дементьева Е. Ю. Глагол в рекламном тексте: дисс. ... к. филол. н. Воронеж, 2004. 161 с.
5. Джефкинс Ф. Реклама. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. 543 с.
6. Кафтанджиев Х. Тексты печатной рекламы. М.: Смысл, 1995. 134 с.
7. Кольшкнина Т. Б. Семантика и функционирование глаголов в рекламных текстах специализированных компьютерных журналов // Семантика и функционирование языковых единиц в разных типах речи: сб. статей. 2009. Вып. 2. С. 58-68.
8. Кохтев Н. Н. Реклама: искусство слова. М.: МГУ, 1997. 96 с.
9. Кузьмина Е. К. Языковая моделируемость рекламных текстов: автореф. дисс. ... к. филол. н. Казань, 2012. 21 с.
10. Низамов И. М. Татар рекламы һәм матбугат (Татарская реклама и печать). Казан: Казан ун-ты нәшр., 1997. 110 с.
11. Николаева А. В. Особенности функционирования «пустых» глаголов в рекламных текстах (на материале английской рекламы) // *Lingua mobilis*. 2010. № 1 (20). С. 175-180.
12. Подорожная Л. Язык убеждающей рекламы // Отдел маркетинга. 2011. № 5. С. 43-48.
13. Розенталь Д. Э., Кохтев Н. Н. Язык рекламных текстов. М.: Высшая школа, 1981. 125 с.
14. Тумашева Д. Г. Татарский глагол. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1986. 189 с.
15. Уразаева Н. Х. Глаголы в форме повелительного наклонения в текстах современной интернет-рекламы как средство усиления перлокутивного эффекта // Молодой ученый. 2013. № 5. С. 484-486.
16. Фахретдинова Г. Н. Язык татарской рекламы: автореф. дисс. ... к. филол. н. Казань, 2019. 25 с.
17. Хамидуллина Г. Н. Особенности использования языковых средств в татарских рекламных текстах // Вестник Технологического университета. 2011. № 24. С. 315-319.
18. Хрящикова И. Б., Денисова Л. Н. Типы видового употребления глаголов в рекламных текстах [Электронный ресурс] // Огарёв-Online. 2015. № 6 (47). URL: <http://journal.mrsu.ru/arts/typy-vidovogo-upotrebleniya-ghlagolov-v-reklamnykh-tekstakh> (дата обращения: 20.09.2020).
19. Худойдодова Ш. З. Структурно-семантический анализ языка и стиля рекламных текстов в разносистемных языках: дисс. ... к. филол. н. Душанбе, 2010. 137 с.
20. Юрьева Е. В. Глаголы в слоганах // Русская речь. 2016. № 6. С. 78-83.

Specifics of Mood Category Functioning in the Tatar Advertising Texts

Fakhretdinova Gulnaz Nurkhametovna, PhD
 Kazan National Research Technological University
 gulnaz_khamidull@mail.ru

The study aims to identify specifics of the verb functioning in the Tatar language using material of advertising texts. Scientific novelty of the article lies in analysing morphological categories and semantic meanings of verbs that facilitate creation of pragmatic effect in the Tatar advertising. As a result, it was proved that the morphological category of mood possesses the highest pragmatic potential of having an impact. Imperativeness in advertising realises semantic meanings of command, advice and request. Subjunctive mood, expressed by lexical-grammatical means, enhances the function of reassuring that the right choice has been made, and the pragmatic potential of indicative mood reveals functionality of goods or services.

Key words and phrases: advertising text; verb; category of mood; pragmatic potential; Tatar language.

<https://doi.org/10.30853/filmnauki.2020.12.20>

Дата поступления рукописи: 25.10.2020

Цель исследования – кодификация правописания сложных существительных башкирского языка, образованных при помощи компонентов «ак» (белый) и «кара» (черный). **Научная новизна** заключается в том, что орфография сложных по структуре имен существительных ранее не становилась объектом специального исследования, при этом словообразование по модели «имя прилагательное + имя существительное» было и остается самым продуктивным способом в дериватологии современного башкирского языка. **В результате** исследования авторами выявлены принципы оформления слитного, раздельного и дефисного написания лексем с компонентами «ак» (белый) и «кара» (черный) и предложен ряд дополнений к существующим орфографическим правилам башкирского языка.

Ключевые слова и фразы: башкирский язык; сложные существительные; орфография; словообразование.

Шаяхметов Винер Абдулманович, к. филол. н.

Хусаннова Ляйля Мидхатовна, д. филол. н., доц.

Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы, г. Уфа
viner-bspri@mail.ru; Lejla-kh@yandex.ru

Сложные существительные башкирского языка с компонентами «ак» и «кара»

Актуальность темы исследования заключается в том, что орфография как один из основных показателей литературной формы языка имеет ключевое значение в функциональном развитии каждого языка. Орфография является наиболее востребованным разделом языкознания, так как потребность в кодификации испытывают все носители письменной речи. Башкирский язык, будучи аналитическим по структурному составу слова, богат сложными словами, которые в силу ряда обстоятельств пишутся в трех вариантах: слитно, раздельно и через дефис. Как правило, в словах, которые пишутся через дефис, ошибок не допускают, так как по этому принципу пишутся слова-повторы или парные слова. Трудности возникают в выборе слитного или раздельного написания имен существительных, образованных по модели «имя прилагательное» + «имя существительное», где каждый компонент сохраняет свою структурную и семантическую природу. Выявление принципов написания сложных существительных остается одной из актуальных задач в современном языкознании.

Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих **задач**: 1) изучение правил правописания башкирского языка, регламентирующих орфографию сложных имен существительных; 2) выявление спорных случаев в правописании сложных имен существительных, не регламентированных действующей орфографией; 3) анализ орфографических словарей башкирского языка; 4) разработка принципов правописания сложных имен существительных.

Методы исследования. При анализе действующих орфографических правил использован метод наблюдения и описательный метод; методом сплошной выборки проанализированы материалы словарей; на основе структурно-словообразовательного и лексико-семантического анализов изучены модели образования сложных слов и выявлены случаи разнописания морфологически идентичных слов; отчасти использован сравнительно-сопоставительный метод при изучении вопросов правописания сложных слов в других языках.

Теоретической базой исследования, наряду с трудами А. А. Юлдашева [11; 12], Т. М. Гарипова [5; 6], М. В. Зайнуллина [8], послужили лексикографические работы на материале башкирского и других тюркских – казахского, кыргызского – языков.

Практическая значимость исследования заключается в возможности широкого использования его результатов в научно-образовательной деятельности. С проблемами правописания сталкивается каждый при оформлении тех или иных наименований. Наличие разнописаний морфологически идентичных форм приводит к трудностям при изучении как теоретических, так и практических вопросов орфографии. Кодификация вопросов слитного, раздельного и дефисного написания сложных слов будет способствовать повышению грамотности и развитию литературной нормы современного башкирского языка.

Правописанию имен существительных в башкирском языке уделено достаточное внимание в современных орфографических правилах башкирского языка 1981 г. [4]. Тем не менее некоторые из них не реализуются или не всегда реализуются последовательно. К ним относится правописание сложных существительных с препозитивными компонентами именами прилагательными, обозначающими цвет. Больше всех разнописаний наблюдается в написании сложных существительных, которые могут быть оформлены слитно, через дефис, раздельно. Надо сказать, что в башкирском языке довольно сложно определить критерии написания таких слов. Об этом А. А. Юлдашев писал так: «Практика слитного и раздельного написания не отличается последовательностью, носит в целом традиционный характер, очень трудно поддается по этой причине научно обоснованию и обобщению в виде определенных правил» [7, с. 76].

В современном башкирском языке широко представлены сложные существительные (с подчинительными отношениями компонентов основ), которые рассматриваются А. А. Юлдашевым как сращенные и составные [Там же, с. 112]. При образовании сращенных имен существительных в роли определительного компонента выступают, как правило, имена прилагательные.

В данной статье изучены сложные слова, в которых опорному второму компоненту (существительному) предшествуют прилагательные, обозначающие цвет, в плане их правописания, так как практика показывает

оформление таких единиц как минимум в трех вариантах: слитное (*актамыр, карабалык*), раздельное (*ак айыу, кара торна*) и дефисное (*ак-сал*) написание. Для анализа использовали материал «Академического словаря башкирского языка» [2; 3], в котором зафиксировано более 100 слов с компонентом «ак» и «кара» в препозитивном положении, составляющих несколько лексико-тематических групп. Рассмотрим принципы правописания этих слов.

Сложные имена существительные, в которых в качестве первого члена выступают имена прилагательные, проанализированы Т. М. Гариповым в работе «Башкирское именное словообразование» [5, с. 177]. По его мнению, морфолого-синтаксическая структура этих лексикализованных определительных сочетаний совершенно прозрачна. Все эти примеры зафиксированы в слитном написании (см. Табл. 1):

Таблица 1. Примеры на башкирском языке, образованные по модели «имя прилагательное + имя существительное»

Пример на башкирском языке	Перевод на русский язык	Пример на башкирском языке	Перевод на русский язык
<i>акбалык</i>	белорыбица	<i>аксарзак</i>	чайка
<i>акһакал</i>	аксакал, старейшина	<i>аксәпсек</i>	трясогузка
<i>акбур</i>	мел	<i>актамыр</i>	пырей
<i>аккош</i>	лебедь	<i>алабалык</i>	сиг
<i>акмыйык</i>	белоус, бот.	<i>алабуга</i>	окунь
<i>алабута</i>	лебеда	<i>күкбаи</i>	василек
<i>алазарга</i>	ворона серая	<i>күктаи</i>	медный купорос
<i>күкһағыз</i>	голубая сера	<i>карабойзай</i>	гречиха
<i>карабалык</i>	линь	<i>каракул</i>	каракуль
<i>кызылармеец</i>	красноармеец	<i>кызылтүш</i>	зяблик

В орфографии 1950 г. было закреплено правило, касающееся правописания сложных существительных (§37): «...сложные слова, состоящие из двух корней или основ и выражающие одно понятие: собственные имена, видовые названия птиц, деревьев и т.д. пишутся слитно. При образовании подобных слов, в случаях, когда два гласных окажутся рядом, один из них опускается, а звуки [к], [к], оказавшись между гласными, переходят в [ҕ], [г]» [1, с. 55].

Это правило нужно добавить в действующую орфографию и узаконить слитное оформление всех сложных слов, обозначающих птиц, животных, деревья, растения, если ни один из компонентов не имеет грамматического выражения, указывающего на отношения между компонентами таких наименований.

Следует сказать, что слитное оформление терминов зоологии, ботаники и др. принято и в других тюркских языках, например в казахском языке [9] (Табл. 2).

Таблица 2. Примеры на казахском языке, образованные по модели «имя прилагательное + имя существительное»

Пример на казахском языке	Перевод на русский язык	Пример на казахском языке	Перевод на русский язык
<i>ақбайпақ</i>	вет. чума рогатого скота	<i>ақбақай</i>	бот. белокопытник ложный
<i>ақбалық</i>	зоол. 1) белорыбица, жерех мелкий; 2) диал. белуга и кутум	<i>ақбас</i>	вет. мокрец, болезнь лошадей и верблюдов
<i>ақбас</i>	бот. клевер ползучий	<i>ақбасиөп</i>	бот. желтушница
<i>ақбауыр</i>	зоол. белобрюхий рябок	<i>ақбөкен</i>	зоол. сайгак
<i>ақгүл</i>	бот. жасмин	<i>ақжапырақ</i>	бот. юринея
<i>ақжелек</i>	бот. петрушка	<i>ақжелкек</i>	бот. хрен обыкновенный
<i>ақжелкен</i>	петрушка огородная	<i>ақжиде</i>	бот. белладонна
<i>ақкөз</i>	зоол. белоглазка	<i>ақкіс</i>	зоол. горностай
<i>аққайрақ</i>	бот. подбел	<i>аққалақ</i>	зоол. ласка
<i>аққанат</i>	зоол. белокрылый жаворонок	<i>аққаңбақ</i>	бот. качим метельчатый
<i>аққаптал</i>	зоол. дятел белоспинный	<i>аққоңырбас</i>	бот. белометлик
<i>аққу</i>	зоол. лебедь	<i>аққурай</i>	бот. псоралея
<i>аққылтан</i>	бот. белоусник	<i>ақмамық</i>	бот. бескильница
<i>ақнабат</i>	бот. дыня посевная	<i>ақнауат</i>	бот. дыня амери
<i>ақсары</i>	зоол. сарыч обыкновенный	<i>ақселеу</i>	бот. ковыль перистый
<i>ақсерке</i>	зоол. семга	<i>ақсора</i>	бот. сведа
<i>ақтас</i>	мин. кальцит	<i>ақтаспа</i>	бот. астрагал
<i>ақтиін</i>	зоол. белка	<i>ақтопалаң</i>	вет. браздот, болезнь овец
<i>ақтұлкі</i>	зоол. псец	<i>ақтікен</i>	бот. курчавка грушелистая
<i>ақшамсоқыр</i>	мед. куриная слепота	<i>ақшатау</i>	бот. астрагал пескодрев
<i>ақшатыр</i>	бот. калина	<i>ақшелек</i>	вет. сибирская язва у верблюдов
<i>ақшешек</i>	бот. резуха	<i>ақшоқан</i>	бот. сусак зонтичный
<i>ақшөп</i>	бот. пырей волосноносый	<i>ақшуақ</i>	бот. полынь ферганская

Мифологические термины следует писать отдельно, так как в них компонент «ак» имеет семантику «священный, добрый, хороший», при этом предполагается существование и противоположных, темных, сил.

В орфографии названий родовых подразделений башкир целесообразно слитное написание, так как в данном случае они выступают в роли этнонимов. Кстати, в свод орфографических правил кыргызского языка включено положение, согласно которому сложные названия родов, племен и народностей (этнонимы) пишутся слитно в соответствии с произношением: *сарбагыш, карабагыш, боркемик, каракытай, бешикурон, чакчабай, акбилек, элчибай, отузуул* [10].

Кроме вышеприведенных примеров, в «Академическом словаре башкирского языка» представлены слова еще нескольких тематических групп (Табл. 3-5).

Таблица 3. Слова, обозначающие названия местности, жилищ, утвари

Пример на башкирском языке	Перевод на русский язык	Пример на башкирском языке	Перевод на русский язык
<i>агуи</i>	открытая долина между гор	<i>ак тирмә</i>	белая юрта
<i>ак мунса</i>	досл. белая баня (баня, где имеется печь с внешней трубой)	<i>ак кейез</i>	белый войлок

Таблица 4. Слова, обозначающие природные явления

Пример на башкирском языке	Перевод на русский язык	Пример на башкирском языке	Перевод на русский язык
<i>акбуран</i>	пурга	<i>ак төндәр</i>	белые ночи
<i>акъюлай</i>	декабрь	<i>ак яуын</i>	мелкий дождь
<i>актатыр</i>	солончак, почва		

Таблица 5. Слова, обозначающие продукты питания

Пример на башкирском языке	Перевод на русский язык	Пример на башкирском языке	Перевод на русский язык
<i>ак ит</i>	мясо птицы	<i>акһеркә</i>	уксус
<i>ак май</i>	сливочное масло		

В «Академическом словаре башкирского языка» даны и такие примеры, как *ак батша* (белый царь), *ак билет* (белый билет), *ак шиһыр* (белый стих), которые являются общеизвестными в башкирском языке. Их следует писать отдельно, так как в данном случае слово «ак» не утратило своего определительного значения, и могут быть примеры с другими прилагательными: *ак тирмә* (белая юрта) – *йәшел тирмә* (зеленая юрта), *ак мунса* (белая баня) – *кара мунса* (букв. черная баня), *ак кейез* (белый войлок) – *кара кейез* (черный войлок), *ак буран* (пурга, букв. белый буран) – *кара буран* (букв. черный (сильный) буран), *ак төндәр* (белые ночи) – *кара төндәр* (букв. черные (темные) ночи), *ак яуын* (мелкий дождь) – *кара яуын* (букв. черный (сильный) дождь), *ак ит* (букв. белое мясо, мясо птицы) – *кызыл ит* (букв. красное (говяжье) мясо), *ак май* (сливочное масло, букв. белое масло) – *һары май* (букв. желтое (топленое) мясо), *ак һеркә* (уксус, букв. белый уксус) – *һары һеркә* (букв. желтый (яблочный) уксус).

Исключение составляют слова *акъюлай* (декабрь) и *актатыр* (солончак), которые следует писать слитно, так как в них утрачено определительное значение слова «ак».

Все эти примеры относятся к именам существительным, где слово «ак» употреблено в значении цвета (растений, камней, масти животных), а также в значении «хороший», «чистый», «красивый», «здоровый», «священный» (мифотермины), «уважаемый», «пожилой, возможно, седой» (термины родства). Кроме указанного, слово «ак» имеет семантический оттенок «неизвестный, темный», например, в слове «*ак тап*» (белое пятно), где прилагательное «белый» несёт значения «неясный, неизведанный».

Лишь в нескольких примерах компонент «ак» выступает в составе прилагательного: *акбуз* (сизый), *ак-сал* (белёсый), *ак йөрәк* (с доброй душой).

В орфографии сложных слов с компонентом «ак» не поддается трактовке дефисное написание прилагательного *ак-сал* (белёсый, досл. белый-седой). Данное слово образовано по модели «прилагательное + прилагательное». Компоненты «ак», «сал» утратили свою первоначальную семантику и в составе одного слова выражают одно понятие, следовательно, предлагается слитное написание.

При написании сложных слов с компонентом «ак» и «кара» целесообразно придерживаться слитного и раздельного написания, соблюдая вышеназванные условия.

Таким образом, проанализировав имена существительные башкирского языка, основываясь на орфографии 1981 г. и отчасти на орфографии 1950 г., можно сделать следующие **выводы**:

- 1) сложные слова, состоящие из двух корней или слов и выражающие одно понятие (собственные имена, видовые названия птиц, деревьев и т.д.), пишутся слитно;
- 2) названия родовых подразделений следует писать слитно, со строчной буквы;

3) термины мифологии, истории, этнографии должны иметь раздельное написание, так как в этих примерах слово «ак» имеет значения «святой, священный, добрый», кроме того, некоторые из них могут иметь антонимические и синонимические пары;

4) сложные слова, обозначающие бытовые предметы, природные явления, следует писать раздельно, так как один компонент является определением по отношению к другому;

5) сложные имена существительные, в которых один компонент выступает в роли определения по отношению к другому, следует писать раздельно.

Нормы языка создаются социально осознанно, на основе действующих правил и законов, корректируются в соответствии с изменениями, происходящими в языковой ситуации и речевой деятельности. Орфография башкирского языка на данном этапе нуждается в унификации и кодификации. *Дальнейшая разработка вопросов* видится в возможности совершенствования всей системы языка в рамках «культуры языка» и «культуры речи»: это кодификация его лексики, грамматики, терминологии и орфоэпии, что будет способствовать функционированию башкирского литературного языка как высшей формы национального языка.

Список источников

1. Ахмеров К. З. Орфографический словарь башкирского литературного языка. Для начальной и средней школы. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1952. 235 с.
2. Башкорт теленең академик һүзлеге: 10 томда / Ф. Ф. Хисамитдинова редакцияһында. Өфө: Китап, 2011. Т. I. А хәрефе. 432 б.
3. Башкорт теленең академик һүзлеге: 10 томда / Ф. Ф. Хисамитдинова редакцияһында. Өфө: Китап, 2013. Т. V. К хәрефе. 888 б.
4. Башкорт эзби теленең алфавиты һәм орфографияһы. Өфө: ТТЭИ, 2007. 28 б.
5. Гарипов Т. М. Башкирское именное словообразование. Уфа: БФ ИИЯЛ АН СССР, 1959. 220 с.
6. Гарипов Т. М. О новых явлениях в словообразовании прилагательных // Исследования по грамматике современного башкирского языка. Уфа: АН СССР БФ ИИЯЛ, 1979. С. 5-23.
7. Грамматика современного башкирского литературного языка / отв. ред. А. А. Юлдашев. М.: Наука, 1981. 495 с.
8. Зайнуллин М. В. О некоторых актуальных проблемах совершенствования норм современного башкирского литературного языка // Проблемы совершенствования норм башкирского литературного языка: материалы Межрегиональной научно-практической конференции. Уфа: АН РБ; Гилем, 2012. С. 3-8.
9. Казахско-русский словарь: около 50 000 слов / под ред. чл.-корр. НАН РК Р. Г. Сыздыковой, проф. К. Ш. Хусаинова. Алматы: Дайк-Пресс, 2008. 962 с.
10. Правила правописания кыргызского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://new.bizdin.kg/kniga/pravila-pravopisaniya-kyrgyzskogo-yazyka-poslednyaya-redaktsiya> (дата обращения: 28.11.2020).
11. Юлдашев А. А. Вопросы формирования единых норм башкирского национального языка // Труды Института языкознания АН СССР. М.: Наука, 1960. Т. 10. Вопросы формирования и развития национальных языков. С. 274-294.
12. Юлдашев А. А. Орфография башкирского языка // Орфография тюркских литературных языков СССР / отв. ред. К. М. Мусаев. М.: Наука, 1973. С. 76-90.

Compound Nouns of the Bashkir Language with the Components “ак” and “кара”

Shayakhmetov Viner Abdulmanovich, PhD

Khusainova Lyaylya Midkhatovna, Dr

Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla, Ufa

viner-bspu@mail.ru; Lejla-kh@yandex.ru

The study aims to codify the spelling of the Bashkir compound nouns created with the use of the components “ак” (white) and “кара” (black). Scientific novelty lies in the fact that orthography of nouns with compound structure has not become an object of a special study, in the meantime, word-formation on the basis of the model “adjective” + “noun” has been the most productive way in derivatology of the modern Bashkir language. As a result of the study, the authors have identified principles of open, closed and hyphenated spelling of lexemes containing the components “ак” (white) and “кара” (black) and offered a number of additions to the existing spelling rules of the Bashkir language.

Key words and phrases: Bashkir language; compound nouns; orthography; word formation.

<https://doi.org/10.30853/filmnauki.2020.12.21>

Дата поступления рукописи: 11.11.2020

Цель исследования – выявить нюансы смысловых значений фразеологизмов: как этические и эстетические представления кабардинцев и черкесов отражаются в оценочном, аксиологическом, компоненте значения ФЕ. **Научная новизна** работы заключается в отсутствии комплексного исследования фразеологизмов кабардино-черкесского языка с точки зрения аксиологии. **В результате** на материале более 50 фразеологизмов доказано, что аксиологический (оценочный) компонент семантики кабардино-черкесских фразеологизмов, как и в других языках мира, является социально-мотивированным и соответствует культурно-этическим и эстетическим представлениям кабардинцев и черкесов; выявлены такие оценки в семантике фразеологических единиц, как негативная с элементами отвращения, неприятия; негативная с элементами смешного; позитивная с элементами восхищения, одобрения.

Ключевые слова и фразы: фразеологизм; аксиологический компонент значения; оценочный компонент значения; кабардино-черкесский язык.

Шериева Нина Гумаровна, к. филол. н.

Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, г. Нальчик
nina.sherieva@mail.ru

Оценка как важнейший компонент фразеологического значения (на материале кабардино-черкесских фразеологизмов)

Аксиологический (оценочный) компонент фразеологической единицы, вне всякого сомнения, является важнейшей составляющей ее значения. Как известно, семантика фразеологической единицы (далее – ФЕ) весьма неоднородна и состоит из различных смыслов. Это связано с тем, что фразеологическая единица вторично называет явление/понятие, уже именованное в языке отдельным словом: разозлиться – *рвать на себе волосы*, обожать (кого-то) – *души не чаять* (в ком-то). В. П. Жуков утверждал, что фразеологизмы – это «избыточные» факты языка, «образные синонимы» слов [5, с. 28]. Фразеологическая единица явление (понятие, ситуацию) означает заново, придав ему дополнительные смыслы. Это, прежде всего, сам образ, который стоит за всей фразеологической единицей – выбор образа говорит о многом.

Теоретической базой данного исследования послужили труды советских, российских ученых в области языкознания. Это работы А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского, В. П. Жукова, В. Н. Телия, Р. И. Яранцева и других [1; 5; 11; 14]. **Методами** предлагаемой научной работы являются метод наблюдения и описательный метод.

Практическая значимость статьи заключается в возможности разработки спецкурса по общей и кабардино-черкесской фразеологии для филологических факультетов.

Актуальность представляемой работы определяется слабой разработанностью аксиологического компонента фразеологических единиц кабардино-черкесского языка.

Мир образов того или иного народа представлен, как считают многие лингвисты, языковыми символами, эталонами и стереотипами. Они запечатлены в культурной памяти народа, поскольку язык является «хранилищем, транслятором и знаковым воплощением культуры» [11, с. 210]. Фразеологический образ, тесно связанный с национальным мировидением, очень ярко отражает систему образного мышления нации, ее приоритеты. Образ часто превращается в культурный символ, он выражен в составе ФЕ, представляя собой название конкретного денотата, замещающего абстрактное понятие.

Кабардино-черкесская фразеология, к сожалению, является малоизученной. Существует всего лишь несколько работ. Это «Кабардинско-русский фразеологический словарь» Б. М. Карданова (1968) [6]; его же монография «Фразеология кабардинского языка» (1973) [7], которые в настоящее время являются библиографической редкостью.

В последующие годы появились словари современных авторов по кабардино-черкесской фразеологии: Б. Ч. Бербеков, Б. Ч. Бижоев, Б. К. Утижев «Школьный фразеологический словарь кабардино-черкесского языка» (2001) [2], Б. Ч. Бижоев «Школьный толковый словарь кабардино-черкесского языка» (2015) [3]. Но, к сожалению, они доступны лишь читателям, владеющим кабардино-черкесским языком, поскольку толкования и комментарии даны на этом языке.

Хочется отдельно отметить монографию Н. У. Вороковой «Этнокультурная специфика идиоматики» (2003) [4], в которой содержится подробный анализ кабардино-черкесской фразеологии.

В последние годы лингвисты выявляют элементы значения во фразеологических единицах, восходящие к социальной культуре: одобрение/восхищение/осуждение/сарказм/насмешка/пренебрежение/отвращение. В рамках данной статьи сложно определить удельный вес таких фразеологизмов в составе языка, да и подобная статистика вряд ли представляет интерес для лингвиста.

Таким образом, **задачами** данной статьи являются:

- выявить, какие дополнительные смыслы имеют кабардино-черкесские фразеологизмы с негативной оценкой;

- определить, всегда ли смыслы насмешки связаны с негативной оценкой;
- установить, какие дополнительные смыслы имеют кабардино-черкесские ФЕ со значением «прекрасное».

Аксиологический компонент значения ФЕ любого языка (в данном случае кабардино-черкесского) теснейшим образом сопряжен с культурой народа, с его представлением о добре и зле, о красивом, прекрасном и безобразном. Также в аксиологических компонентах фразеологических единиц можно найти все градации смешного: от доброй насмешки до беспощадной сатиры. Фразеология раскрывает скрытые для поверхностного взгляда смысловые течения, соотносимые с представлениями народа о должном и недопустимом, о рекомендуемом и отвратительном, о прекрасном и безобразном.

Социальная культура всегда объясняет семантику идиом, их этические смыслы. В восприятии и использовании ФЕ огромное значение имеет аксиологический (оценочный) компонент значения фразеологической единицы. Образная составляющая, внутренняя форма фразеологизма также содержат в себе элементы аксиологии. Трудно оспорить положение о том, что ФЕ, в своей аксиологии, безусловно, могут оценивать то или иное явление, ситуацию не только с сиюминутной, субъективной позиции, но и с точки зрения общественного одобрения или порицания, что выражает, в свою очередь, этическую, эстетическую оценки и прямо выходит в культуру народа-носителя данного языка и творца искомой ФЕ. Так, в книге А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского «Аспекты теории фразеологии» утверждается, что «в образной составляющей идиомы присутствует компонент, отсылающий к категориям культуры» [1, с. 262].

Безусловно, только часть фразеологизмов любого языка содержит аксиологический компонент значения идиом. Вопрос о наличии этических предписаний в идиоматике того или иного языка не подлежит сомнению. Однако, как правило, такие смысловые категории принято приписывать паремиологическим единицам: пословицам, поговоркам и пр. О наличии этических смыслов в семантике идиом, как уже отмечалось, заговорили лишь недавно.

Этика является частью культуры, она корнями врастает в нее, составляет ее большую часть. Этика регулирует и оценивает, соотносясь с глобальными культурными смыслами. То, что ценно в одной культуре, возможно, не будет иметь ценности в другой. И наоборот. Так, П. А. Сорокин утверждает, что каждая культура «обладает свойственной ей ментальностью, собственной системой истины и знания, собственной философией и мировоззрением, своей религией и образом “святости”, собственными представлениями правого и должного, собственными формами изящной словесности и искусства, своими правами, законами, кодексом поведения, своими доминирующими формами социальных отношений, собственной экономической и политической организацией, наконец, собственным типом личности со свойственным только ему менталитетом и поведением» [10, с. 426].

Однако существуют, вне всякого сомнения, общечеловеческие ценности, идеалы, которые могут одновременно выполнять и функции регулятивов. «Содержащиеся в культуре регулятивы определяют принятые в данной культуре нормы поведения и деятельности, т.е. указывают, какие пути и средства для достижения целей допустимы, а какие – нет. Регулятив – это требование или правило, в соответствии с которым люди строят свое поведение и деятельность» [8, с. 3].

Понятно, что идеалы, ценности, а также табу закрепляются в языке, тем самым становясь видимыми, значимыми, приобретают качество неписаного закона.

Выше было сказано о том, что выбор образа никогда не бывает случайным, и часто он говорит о предпочтениях говорящего: хочет он одобрить собеседника или покритиковать, высмеять. Так, образное основание во многом говорит об оценке: положительной или отрицательной. По мнению Н. У. Вороковой, «морально-нравственные, этические и эстетические категории тесно связаны с аксиологическим компонентом в составе семантики ФЕ» [4, с. 146].

При исследовании фразеологического состава языка обычно прибегают к так называемому идеографическому подходу. Так, для описания фразеологии обычно применяют либо полевой подход и распределяют сами идиомы по алфавиту [13], либо выбирают подход, при котором фразеологизмы распределяют по большим группам и подгруппам [12; 14]. Для установления особенностей аксиологического компонента ФЕ, выявления важнейших оценок наиболее показательно было бы использовать метод случайной выборки из всего состава кабардино-черкесских идиом.

Добро и зло в семантике кабардино-черкесских ФЕ

Хочется напомнить высказывание А. А. Радугина о том, что «первые нравственные регулятивы человечества – долг, стыд и честь» [9, с. 18].

Добро и зло во фразеологии языков мира четко обозначены. Разумеется, имеется немало фразеологизмов с нейтральным оценочным значением. Здесь смыслы сфокусированы лишь в образе фразеологической единицы. Однако во многих случаях нетрудно понять, что одобрение, осуждение или нейтральная оценка стоят за определенным выражением. В значении фразеологизма, как правило, можно найти одобрение или неодобрение в культуре народа и далее можно также еще более конкретизировать характер этого одобрения/неодобрения. В этом помогает носителю языка и нам, исследователям, внутренняя форма данной идиомы, а также характер образа, который лежит в основе всего выражения.

Материалом для исследования послужили ФЕ, заимствованные из различных словарей как русского, так и кабардино-черкесского языка [2; 3; 6; 12-14]. Так, кабардино-черкесский фразеологизм *цъыбагъ фоч* (букв.: ружье, спрятанное за спиной) (здесь и далее перевод автора статьи. – Н. Ш.) имеет значение «быть коварным, скрытным, опасным человеком». В русском языке это примерно соответствует фразеологизму *держат камень за пазухой*. Сходное значение имеет также фразеологизм *мэлыфэ зытеубгъуа дыгъужь* (букв.: волк в овечьей

шкуре). Фразеологизм *мафIэм кьуацэкIэ хоуэ* (букв.: в огонь хворостом ударяет) употребляется в значении «усугубить и без этого сложную ситуацию». Этому смыслу соответствует русская ФЕ *подливать масло в огонь*. Коварство, скрытность, жестокость характеризуют также того, о ком кабардинцы говорят *гу эзкIуэцIиль* (букв.: завернутое сердце), а русские о таком человеке сказали бы *его душа потемки*. Сходным значением обладает и кабардино-черкесский фразеологизм *хэ цэхурыпхуэ* (букв.: собака, хватаящая исподтишка). Всем приведенным фразеологизмам свойственны отрицательные оценки с элементом осуждения, неодобрения, неприятия.

Такие ФЕ, как *зытемыльым тху трех* (букв.: снимает масло оттуда, где его нет); *Iэнэм кьешэкIын* (букв.: обводит вокруг пальца), *зыыхьа псы жэбзэнкьым* (букв.: вода, в которую он вступил, не станет прозрачной), имеют сходное значение, они употребляются в отношении нечестного, хитрого, расчётливого человека. Негативная оценка, кроме осуждения, включает в себя также элемент пренебрежения. Этим ФЕ соответствуют следующие варианты из русского языка: *пускать пыль в глаза; обвести вокруг пальца; нечистый на руку*.

Фразеологизм *и куцI ифын* (букв.: высасывать чай-л. костный мозг) также имеет негативную оценку, однако в ней преобладает смысл «жестокий, беспощадный человек». Ему соответствует русский фразеологизм *пить чью-либо кровь*. Кабардино-черкесский фразеологизм *е кьамылкьым, е мылыфкьым* (букв.: ни камыш, ни трава) обозначает что-то или кого-то с неопределёнными признаками, взглядами и т.д. Здесь присутствует также негативная оценка с оттенком пренебрежения, насмешки. Этому выражению приблизительно соответствует русское *ни Богу свечка ни черту кочерга*.

Как известно, в количественном отношении фразеологизмов с негативной оценкой гораздо больше, чем с позитивной. Мы выбрали некоторые кабардино-черкесские фразеологизмы с позитивной оценкой:

и Iэгу и Iэнэц (букв.: его ладонь – его стол) соответствует русскому выражению *широкая натура*;

и кIэ темытIысхьэжу (букв.: на свой подол не садясь) соответствует русскому выражению *не приседая (работать)*;

Iуэхур ткIийуэ гьэувын (букв.: дело поставить негибаемо) соответствует русскому выражению *поставить вопрос ребром*;

жыткIэ Iейкьым (букв.: не плох карманом) соответствует русскому выражению *щедрая душа*;

джатэ ихам хуэдэц (букв.: как обнаженный меч) соответствует русскому выражению *горит в руках (дело)*;

фочым кьикIа шэуэ (макIуэ) (букв.: пулей, выпущенной из ружья, (движется)) соответствует русскому выражению *в мгновение ока*;

фэдэнымрэ тасмэмрэ хуэдэц (букв.: как (кожаная) нить, игла и игольница) соответствует русскому выражению *куда иголка, туда и нитка*;

и Iэнэм дыцэ кьыпоц (букв.: с его рук сыплется золото) соответствует русскому выражению *золотые руки*.

Безобразное и градации смешного в семантике кабардино-черкесских ФЕ

По нашим наблюдениям, фразеологии вообще и кабардино-черкесской в частности свойственно выражение негативных смыслов с помощью хлесткой метафоры, тяготеющей к гротеску. На наш взгляд, в значении фразеологических единиц, имеющих негативную оценку, очень часто присутствует элемент смешного. Это чаще всего сарказм, сатира. Благодаря этому речь, включающая в себя такие ФЕ, становится сочной, выразительной, запоминающейся. К примеру:

дакьэжь мафIэу зэцIэнац (букв.: загорелся, зажегся, как старый пень) – распалился, разозлился;

Iэнэляпэр ихэн (Iэпацхьэ-ляпацхьэр ихэн) (букв.: пальцы рук и ног (кончики пальцев рук и ног) чешутся) – воровать, красть;

Iэбэлябэ хэлын (букв.: иметь в привычках брать чужое) – в русском языке имеет соответствие *нечист на руку*;

дунейр бжыакьуэпкIэ зэредзэ (букв.: вселенную трясет кончиками рогов) – бесится, бушует;

уафэм бжыакьуэкIэ епыджын (букв.: рогами бодать небо) – злиться, беситься, негодовать;

сабэ дэпхьейн (букв.: пыль подбрасывать вверх) – злиться, беситься;

шэрэзыр кьидзын (букв.: жало высунуть) – разгневаться, разозлиться на кого-либо;

пэцыр илыгьуэн (букв.: опалить волосы в ноздрах) – прийти в ярость;

и Iэр хуэмыубыдын (букв.: не смочь удержать руки) – воровать, красть; смысл данного фразеологизма можно передать русской ФЕ *брать все, что плохо лежит*;

пэцыр ичын (букв.: рвать волосы в ноздрах (у себя)) – взбеситься, прийти в ярость;

Iэбжыанэ-лэбжыанэ фIэгьэнэн (букв.: уцепиться ногтями рук и ног) – означает «не упустить свою выгоду любой ценой»;

(уи) дзэр кьэклац (букв.: (у тебя) зубы прорезались) – смысл этого фразеологизма можно передать русской ФЕ *зуба не дура*;

аргьуей зэз, бзу кхьуей (жи) (букв.: комариной желчи, воробьиного сыра (желать)) – значение данной ФЕ близко по смыслу к русской ФЕ *с жиру беситься*;

и фэм икIын (букв.: выйти из своей шкуры) – данное выражение полностью по внутренней форме совпадает с русской ФЕ *лезть из кожи*;

хуэмыза лыфIиц (букв.: доблестен муж, еще не встречавший преград) – соответствует по смыслу русскому выражению *пороху не нюхал*;

жыыр кьыщепецэр шцIэркьым (букв.: не знает, откуда ветер дует) – к данному фразеологизму также можно найти русскую ФЕ, полностью соответствующую по внутренней форме: *не знает, откуда ветер дует*;

Іэнэм тефыщІыхьын (букв.: на столе устроить разор) – можно передать смысл данной ФЕ с помощью русского выражения *с голодного края*;

кхъуэбанэ жыльэу къинащ (букв.: прицепился, как семя чертополоха) – можно передать русской ФЕ *пристал как банный лист*.

Данные фразеологизмы содержат негативную оценку, описывают и осуждают зло. В то же время нетрудно заметить, что фразеологизмы, приведенные в данной группе, действительно смешны: действия, описанные во внутренних формах кабардино-черкесских фразеологизмов, не могут не вызвать улыбки, смеха или хохота.

Однако не все кабардино-черкесские фразеологизмы с негативным значением содержат элементы смешного. Так, фразеологизм *мывэ тыкъыриц* (букв.: словно кусок камня) означает «жестокый, бессердечный, непробиваемый» и не содержит смысловых элементов смешного. Значение данного фразеологизма можно передать русским выражением *хоть кол на голове теши*. Фразеологизм *Іэбжъанэ флей* (букв.: грязные ногти на руках) образно называет человека нечестного, склонного к воровству. Здесь также отсутствуют смысловые градации смешного. Значение данной ФЕ можно передать русским выражением *нечист на руку*.

В то же время имеется немало кабардино-черкесских фразеологизмов, содержащих насмешку, но их значение в целом позитивно, часто содержит элемент эмпатии: такие выражения высмеивают, но не осуждают. Приводим некоторые из них с русскими смысловыми эквивалентами:

пхъамплэм хуэдэу уэдиц (букв.: тощий, как щепка) – *худой как палка*;

бзу шихын кІэрылькъым (букв.: и воробью не хватит на еду) – *в чем душа держится*;

джэдылэм здихъа бабыцу (букв.: подобно утке, унесенной мором кур) – *ни за что ни про что*;

къуым и цІылу гуэрэфц (букв.: на плешь ещё и нарыв) – *на лысине чирей*;

хъэпІацІэ гъэлыбжъэн (букв.: насекомых жарить) – *сидеть на хлебе и воде*;

кІэр бжыхьым дэхуэжын (букв.: хвост в плетень влести) – *положить зубы на полку*;

пхъацІэр пкІэльъеинищ (букв.: плотник без лестницы) – *сапожник без сапог*;

мыл джей вы техъа хуэдэу (букв.: как вол на гладком льду) – *как корова на льду*;

джэдыгу пІаргъ (букв.: ссохшаяся шуба) – *чучело огородное*.

Прекрасное в семантике кабардино-черкесских ФЕ

Прекрасное в любом языке мира не оспаривается, не высмеивается, а служит предметом восхищения, преклонения, подражания. Приведем некоторые кабардино-черкесские фразеологизмы со значением «прекрасное, красивое». Мы выбрали к ним наиболее подходящие по смыслу, на наш взгляд, русские фразеологизмы:

сурэт тхам хуэдэц (букв.: словно нарисована) – *писаная красавица*;

пхъуантэм хуэдэц (унэр) (букв.: дом) как сундучок) – *(дом) как игрушка*;

ужьэ хуэдэу цэбакІуэ (букв.: движется, как ласка) – *плывет лебедушкой*;

бжъо кІуэкІэ (букв.: идет, словно лань) – *выступает, будто пава*;

пІырыпІ гъэщам хуэдэц (букв.: как тугой бутон физалиса (о девушке)) – *кровь с молоком*;

хышхуэ тхъэрыкъуэу (щІыкІафІэц) (букв.: как морской голубь (грациозна)) – *как березка, стройна*.

На материале данной небольшой статьи можно сделать некоторые **выводы**:

1. Фразеология кабардино-черкесского языка проявляет смысловые универсалии, свойственные идиоматике языков мира: содержит ФЕ с негативной и позитивной оценкой, а также фразеологизмы со значением «прекрасное и безобразное».

2. Фразеологизмы с негативной оценкой могут содержать в своем значении также дополнительные элементы смешного; как правило, это сатира, гротеск. Многие фразеологизмы кабардино-черкесского языка, имеющие в своем значении смысл насмешки, могут не содержать негативной оценки. Напротив, можно отметить дополнительные элементы эмпатии в их значениях.

3. Фразеологизмы, отражающие прекрасное в представлениях кабардино-черкесского социума, содержат дополнительные смыслы восхищения, преклонения.

Перспективы и направления дальнейших исследований видятся в дальнейшем изучении и описании фразеологии разносистемных языков в плане аксиологического компонента значения ФЕ.

Список источников

1. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008. 656 с.
2. Бербекоев Б. Ч., Бижоев Б. Ч., Утижев Б. К. Школьный фразеологический словарь кабардино-черкесского языка. Нальчик: Эльбрус, 2001. 240 с.
3. Бижоев Б. Ч. Школьный толковый словарь кабардино-черкесского языка: около 7000 слов. Нальчик: Эльбрус, 2015. 376 с.
4. Ворокова Н. У. Этнокультурная специфика идиоматики. Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2003. 160 с.
5. Жуков В. П. Русская фразеология. М.: Высшая школа, 1986. 267 с.
6. Карданов Б. М. Кабардинско-русский фразеологический словарь. Нальчик: Эльбрус, 1968. 342 с.
7. Карданов Б. М. Фразеология кабардинского языка. Нальчик: Эльбрус, 1973. 245 с.
8. Кармин А. С. Основы культурологии. Мифология культуры. СПб.: Лань, 1997. 507 с.
9. Радугин А. А. Культурология. М.: Библионика, 2005. 303 с.
10. Сорокин П. А. Социодинамика культуры. М.: Директ-Медиа, 1992. 463 с.
11. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 284 с.
12. Телия В. Н. Словарь образных выражений русского языка. М.: Отечество, 2000. 366 с.
13. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. Изд-е 4-е. М.: Русский язык, 1986. 543 с.
14. Яранцев Р. И. Словарь-справочник по русской фразеологии. М.: Русский язык, 1981. 304 с.

Evaluation as Essential Component of Phraseological Meaning (by the Material of the Kabardian-Circassian Phraseological Units)

Sherieva Nina Gumarovna, PhD

Institute for the Humanities Research (Branch) of the Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,
Nalchik
nina.sherieva@mail.ru

The study aims to identify shades of semantic meaning of phraseological units: how the Kabardians' and the Circassians' ethical and aesthetic views are reflected in the evaluative, axiological component of phraseological units meaning. The work is novel in that there has not been a comprehensive study of phraseological units of the Kabardian-Circassian language conducted from the standpoint of axiology. As a result, using the material of more than 50 phraseological units, the author has proved that the axiological (evaluative) component of semantics of the Kabardian-Circassian phraseological units, just like in other languages of the world, is socially motivated and matches the Kabardians' and the Circassians' cultural-ethnic and aesthetic views; such types of evaluation as negative with elements of disgust, aversion; negative with elements of the ridiculous; positive with elements of admiration, approval have been identified in semantics of phraseological units.

Key words and phrases: phraseological unit; axiological component of meaning; evaluative component of meaning; Kabardian-Circassian language.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.22>

Дата поступления рукописи: 09.10.2020

Цель исследования – проследить историю изучения подражательных слов в удмуртском языке. Данная категория слов в удмуртском языкознании является одной из сложных и спорных частей речи. *Научная новизна* заключается в комплексном анализе работ, затрагивающих в той или иной степени вышеупомянутый разряд слов, служащих для условного изображения различного рода звучаний, сопровождающих действия или состояния предметов окружающей действительности, или для передачи с помощью звуков зрительных восприятий движений, состояний, качеств и т.д. *В результате* определено, что большинство ученых-лингвистов удмуртского языка вплоть до 90-х годов прошлого столетия склонны были относить данную категорию к неизменяемому классу слов, а в лексико-грамматическом плане – к наречиям или междометиям, основываясь лишь на тех фактах, что подражательные слова не склоняются и не спрягаются.

Ключевые слова и фразы: морфология; подражательное слово; наречие; междометие; удмуртский язык.

Шибанов Алексей Александрович, к. филол. н.

Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук,
г. Ижевск
jarik7979@mail.ru

История изучения подражательных слов в удмуртском языке

Актуальность темы исследования обусловлена тем фактором, что, несмотря на некоторые оживления в области исследования грамматики удмуртского языка, вопросы, касающиеся подражательных слов, до настоящего времени остаются неизученными. Необходимость изучения подражательных слов в удмуртском языке назрела и должна быть разрешена. Подражательные слова на протяжении долгого времени оставались за рамками специальных научных исследований.

Для достижения указанной цели определили следующие *задачи*: во-первых, по возможности представить читателю все имеющиеся научные труды, в которых в той или иной степени затронуты подражательные слова, начиная с первой грамматики удмуртского языка 1775 года; во-вторых, описать каждый представленный труд в отдельности.

При написании данной статьи использовались следующие *методы исследования*: метод сплошной выборки, описательный, сравнительный и сопоставительный методы.

Теоретической базой исследования послужили работы С. В. Воронина [5], А. М. Газов-Гинсберга [6], В. Скалички [15], С. В. Соколова [16] и др.

Практическая значимость работы заключается в том, что результаты исследования могут быть использованы при составлении учебных пособий и грамматик для вузов, в частности, при описании истории изучения вопроса, а также при составлении научной грамматики удмуртского языка.

В удмуртском языке очень широко представлены слова, именуемые в языкознании подражательными, звукоподражательными, изобразительными, мимемами, ониматопэтическими и т.д.

Первая грамматика удмуртского языка «Сочинения принадлежащая къ грамматикѣ вотскаго языка» [17] в теоретическом плане ониматопэтические слова не характеризует. В качестве примеров употребляются лишь следующие звукоподражательные глаголы: **цютысько** 'хромаю' [Там же, с. 97], **бэксысько** 'блею' [Там же, с. 101], **цюпасько** 'ц'флюю' [Там же], **зингылтысько** 'звеню' [Там же, с. 105].

Определенный лексический материал по удмуртским звукоподражательным и образным словам представлен в вотско-русском словаре «Краткой Вотской Словарь съ російскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный села Еловскаго Троицкой церкви священникомъ Захаріею Кротовымъ, 1785 года» [11], составленном в 1785 году и изданном лишь в 1995 году. В работе, по нашим подсчетам, зафиксировано пять ономатопоэтических слов: **викишь-яско** ‘всхлипываю’ [Там же, с. 25], **гылдырьяско** ‘ржу’ [Там же, с. 44], **гылдырьясконь** ‘ржание’ [Там же], **жингресь** ‘звонкій’ [Там же], **лацертонь** ‘трещотка’ [Там же, с. 119], **лациртыско** ‘трещу’ [Там же], **лациртон** ‘трескъ’ [Там же].

В рукописном труде «Краткой отяцкія грамматики опыт» М. Могилина 1786 года [12] лексемы подражательного характера можно встретить лишь в разделе «**О спряженіи глаголовъ**». Приведены следующие звукоподражательные глаголы: **чутьиско** ‘хромаю’ [Там же, с. 83], **цяпкиско** ‘плещу руками’ [Там же, с. 87], **чюпьяриско** ‘целую’ [Там же], **чингылтско** ‘бренчу, звѣню’ [Там же, с. 89], **дымбыртско** ‘стучу’ [Там же], **цилектыско** ‘гремлю’ [Там же, с. 91].

Из первых отчетственных грамматик, в которых есть какие-либо упоминания о звукоподражательных словах, следует отметить работу П. П. Глезденева «Краткая грамматика языка народа удмурт» [7]. Слова *дынгырэс, жсик-жсик, кымин* и *пуç-пуç* отнесены к наречиям образа действия. Относительно междометий автор пишет: «В языке удмурт междометие имеет весьма важное значение, а именно: оно придает речи особенную картинность, образность и живость. Ввиду того, что самое обыкновенное явление может быть передано каким-либо междометием, нет возможности сделать точное указание, какие именно междометия могут быть употребляемы в тех или других случаях... Многие междометия производятся от звукоподражания» [Там же, с. 43-44]. Далее приведен отрывок из рассказа со «звукоподражательными междометиями», как называет их сам автор: «*Педлон зольгыриос чильыр-чальыр чильырто; чанаёс чин-чан каро. Куакаёс куар-куар куаргето. Шунды съод пилем съорысь чияк-чияк пота. Куазь гудыр-гудыр гудырьяське. Съод пилем пумен-пумен лыктэ, чильтыр-чальтыр чилек'яське, гудыр-гудыр гудыр'яське. Пинал'ёс номырелэсь-но кышкатэк чир-куань кесясько, ур-ар черек'ясько. Соёс тачыр-тачыр вутій ворттыло. Куазь жалъльль... ведраись музэн кисьтэ. Ульча кузя ву кыремтій зор ву корр... кошке. Пинал'ёс уката шум-потыса тач-тач кизэс лачко, китыр-китыр серек'яло. Быдэс нунал пиналнал'ёс педлон шудыса уло: соёслы зор-но, гудыри-но, чилек'яськем но уг мокеты. Пинал мылкыт, юн зеч мылкыд!» [Там же, с. 44]. / «На улице щебечут воробьи, галдят галки. Каркают вороны. Временами из-за черной тучи показывается солнце. Гремит. Черная туча подходит все ближе и ближе, сверкает [букв. ‘переливаясь, сверкает’], грохочет. Дети, ничего не боясь, пронзительно и громко кричат. Они резво бегают по воде. Дождь льёт как из ведра. Дождевая вода стремительно бежит по канавам. Дети от радости хлопают в ладоши и смеются. Целый день они играют на улице: им не страшен ни дождь, ни гром, ни молния. Как же прекрасна детская пора!» (перевод автора статьи. – А. Ш.). (Далее переводы по тексту приведены с источников, т.е. авторские.) Если посмотреть, все приведенные примеры в тексте (*чильыр-чальыр, чин-чан, куар-куар, чияк-чияк, гудыр-гудыр, чильтыр-чальтыр, чир-куань, ур-ар, тачыр-тачыр, жалъльль, корр, тач-тач, китыр-китыр*) на самом деле являются образо- и звукоподражательными словами, так как объясняют природные явления и не выступают как слова-сигналы, используемые для выражения требования, желания, побуждения к действию, а также для быстрого реагирования человека на различные события реальной действительности.*

Классификация частей речи и принципы их разграничения отмечены в двух учебных пособиях Г. Е. Верецагина [3; 4]. Свои наблюдения об особенностях грамматического строя удмуртского языка автор обобщил в исследовании «Руководство к изучению вотского языка» [3]. В работе приводится немало ономатопоэтических слов как в разряде наречий, так и в разряде междометий. При этом становится непонятным, по каким критериям автор относит одни слова к наречиям, другие – к междометиям.

«Наречий в вотском языке множество. Они образовались от корней и разных звукоподражаний. Перевести на русский язык одними словами такие наречия нельзя. Объяснит их только словарь» [Там же, с. 100].

Далее автор относит их к наречиям, усиливающим какое-нибудь качество, и наречиям образа действия: *Мильям сюресмы вёл-вёл вольыт.* / ‘Наша дорога очень гладка’; *Куноосы юмиам беразы вёш-вёш кыльлэ.* / ‘Гости (мой) после гулянья лежат лежмя’; *Мон гань кыльлыса, кизилиосыз лыдзисько.* / ‘Я, лежа на спине, считаю звезды’; *Та коркан йыг-дым дэра куо.* / ‘В этом доме ткут холсты со звуками йыг-дым’; *Гур-вылын кыльлыса нясь-нясь пёсай.* / ‘Лежа на печке, сопрел [т.е. вспотел] сильно’; *Я, ныс-ныс кыскомы нырамы тамак.* / ‘Ну, с удовольствием потянем в нос табак, т.е. понюхаем’; *Тынэстыд гожтэттэ мон жсирак кеси.* / ‘Твое письмо я изорвал вдруг’; *Я, мон борды лач пуксы.* / ‘Ну, подсядь ко мне плотнее’; *Гозыез ванди кичырак.* / ‘Веревку перерезал (я) вдруг’; *Милям бускельэн семьяэз ур-бар улэ.* / ‘У моего соседа семья живет раздорно’; *Куноосме сурен уг сектаськы-но, толыккы пуко.* / ‘Гостей (своих) не угощаю (я) пивом, и они сидят молча’; *Дэри дыр'я сюрес-кузя тюпыль-тяпыль ветло.* / ‘Во время грязи по дороге ездят со звуком тюпыль-тяпыль’ [Там же, с. 103].

Относительно междометий автор отмечает, что они образовались главным образом от звукоподражаний тем звукам, которые присущи действиям предметов, они выражают какое-либо понятие или состояние предметов [Там же, с. 107-112].

При классификации междометий по значениям автор причисляет к ним и разные кличи и звуки при призывании и отпугивании животных: *тпруо!, гулю!, чиге!, пле!, диго!, тпруче!, итыре!, прысь!* и др.

Также к междометиям причислены и наречия, которые образовались из звукоподражаний: *Мон вал'ёсыз кышкаті-но, соёс дымбыр! кошкызы.* / ‘Я коней испугал, и они убежали, издавая звуки от топота копыт

дымбыр!'; *Санегам ву пыриз-но, жуль-жал! ветлйсько.* / 'В сапоги (мои) попала вода, и я хожу со звуками жуль-жал! т.е. с жульканьем'; *Жильтыр! укёме пуйы-ысьтым кисьтй.* / 'Со звуком жильтыр! высыпал (я) из кошелька деньги (свои)'.

В заключение главы Г. Е. Верещагин пишет, что к междометиям можно причислить все те слова и выражения, которые основаны на звукоподражаниях, хотя они и употребляются при глаголах как наречия: *Урамкузя мынйсько вал-но... йыг-дым! кылй.* / 'Шёл (я) по улице... и вдруг йыг-дым! слышались'; *Ю пыртон дыр'я ветлй вукоэ... Сикысь потыкым зир! зар! маке кылйське – ялан мынйсько... Шалтыр-шалтыр! ношик кылйське. Нокинэ-но уг адзйськы. Выре туби-но, адзи... калык ю пыртэ... Тыртэм уроболэсь кылйсько шалтыр-шалтыр! тырез секыт-но зир!!! зяр!!! шуэ.* / 'Во время уборки с поля снопов ходил (я) на мельницу. Из лесу вышел и вдруг услышал звуки зир! зар! Я все иду... опять слышу шалтыр-шалтыр! Никого не вижу. На возвышение (бугорок) поднялся и увидел... Народ убирает хлеб. Пустые телеги издают звуки шалтыр-шалтыр! Полные от тяжести [телеги] скрипят зир! зар!' [Там же, с. 110].

Данный недочет отмечен в работе В. К. Кельмакова «Г. Е. Верещагин и некоторые проблемы удмуртского языкознания». Автором отмечено, что в отношении звукоподражаний и изображений Г. Верещагин не совсем последователен в том плане, что в одних случаях он называет их наречиями образа действия [10, с. 37], а в других – междометиями [Там же, с. 58-59].

Во второй книге «Удмурт грамматика: кык кылын – удмурт кылын, дзюч кылын» [4] звукоподражания также отнесены Г. Верещагиным к наречиям образа действия и качества (*супыляк* 'вдруг', *йыг-дым* 'стук-бряк', *нясь-нясь* 'очень-очень'), а вот к междометиям данные слова уже не отнесены и в качестве примеров не приводятся.

К сожалению, никакого упоминания о словах подражательного характера нет в «Грамматике вотяцкого языка» А. И. Емельянова. Относительно междометий, в разделе о которых мог бы содержаться интересующий нас материал, автор пишет: «Что касается союзов и междометий, то, ввиду неразработанности вопроса о них, мы воздерживаемся говорить о них в настоящей работе. Единство происхождения этих видов слов в вот. яз. особенно ярко сказывается с внешней стороны в отсутствии особых морфологических признаков для каждого из них» [9, с. 84].

Подобно Г. Е. Верещагину рассматривает звукоподражательные слова И. В. Яковлев. В его грамматике «Удмурт кылрад'ян» [21] ономотопозитическую лексику находим в качестве примеров и среди наречий (*гань-гань, лач, тупыль-тупыль*), и среди междометий (*жильтыр-жильтыр, йыг-дыг йыг-дыг, шау-шау*).

К проблеме междометно-наречных повторов в одной из своих работ под названием «Междометно-наречные повторы в удмуртском языке» обращается В. И. Алатырев [2]. Автор приводит примеры, которые характеризуют повторы междометно-наречного характера, и объясняет, каким образом можно отличить односоставные повторы от двусоставных [Там же, с. 20-26]. Сложные наречно-образительные и звукоподражательные слова обозначены автором как междометно-наречные повторы.

«Краткий очерк грамматики удмуртского языка» П. Н. Перевошикова, включенный в удмуртско-русский и русско-удмуртские словари 1948 и 1956 гг. издания, рассматривает слова-звукоподражания (*дымбыр-дамбыр* – выражение шума и стука падающего твердого предмета) и образительные слова (*шымыр-купыр мынэ* 'идет согнувшись') в разряде междометий [13, с. 1338; 14, с. 445].

Научная грамматика современного удмуртского языка также не вносит каких-либо коррективов в отношении звукоподражательных и образоподражательных слов. Образительные слова, которые по выражаемым значениям близки к наречиям образа действия, включены в состав определительных наречий [8, с. 303], а слова, представляющие собой условное воспроизведение звуков природы, предметов человеческого труда, криков животных, птиц, а также человеческих звуков, отражающих разнообразные психофизиологические реакции на отдельные явления объективной действительности, отнесены к междометиям [Там же, с. 360].

В 1983 году В. И. Алатыревым был составлен «Краткий грамматический очерк удмуртского языка» [1]. Все основные положения были переданы автором с учетом вышедшей ранее «Грамматики современного удмуртского языка». Стоит отметить, что в раздел «Междометия» звукоподражательные слова не включены, а последние рассмотрены в разделе «Наречия» в качестве отдельного подраздела «Наречно-образительные слова» и подразделены на три группы: а) слова, выражающие зрительный образ: *чукин-бекин* 'кубарем'; б) слова, выражающие звуковой образ: *чир-чир кесяське* 'пронзительно (периодически кричит)'; в) слова, выражающие осязательный образ: *зырт кезыт* 'очень холодно' [Там же, с. 586].

В 1996 г. С. В. Соколов публикует статью «Пышкылон кылёс но междометиос», определившую несколько иную позицию в изучении слов подражательного характера [16]. Автор совершенно справедливо отмечает, что на протяжении долгого времени звукоподражательные и образительные слова не рассматривались отдельно от междометий, несмотря на то, что являются словами иного характера. С. В. Соколов выделяет две основные группы образительных слов: 1) звукоподражательные слова (имитативы) и 2) образно-подражательные слова [Там же, с. 69-73].

В 2011 г. коллективом авторов Института удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики Удмуртского государственного университета была издана работа «Удмурт кыллэн кылкабтодосэз» (Морфология удмуртского языка) на удмуртском языке. В данном труде представлено обособленное положение подражательных слов от междометий [18, с. 354].

В последнее время проблеме подражательных слов уделено внимание и молодыми исследователями удмуртского языка. Так, С. Н. Широкова, изучая класс междометий, попыталась отметить и проблему звукоподражательных слов удмуртского языка. Автор пишет, что определение грамматического статуса слов

ономатопоэтического характера в удмуртском языке сводится к рассмотрению их в составе изобразительных слов или междометий [20, с. 198].

Частным и общим вопросам подражательных слов удмуртского языка посвящен ряд работ сотрудника Удмуртского института истории, языка, литературы УрО РАН А. А. Шибанова. В работе «Подражательные слова в удмуртском языке» [19] остро поднимаются вопросы о выделении вышеназванных слов в отдельную лексико-грамматическую структуру.

Таким образом, по результатам обзора мы приходим к следующим **выводам**: а) в первых рукописных трудах подражательные слова как категория не фигурировали и приводились лишь в качестве иллюстративного материала, зачастую словарного; б) большинство работ начала и середины прошлого столетия определенной ясности в изучение данной проблематики также не вносят, зачастую называя подражательные слова междометиями, междометно-наречными повторами, наречно-изобразительными словами и др.; в) неким «переломным» моментом можно назвать конец 90-х годов, когда некоторыми удмуртскими лингвистами вопросы характера морфологической принадлежности подражательных слов начали рассматриваться несколько иначе.

Дальнейшее изучение, сбор, анализ и систематизация собранного материала позволят сделать окончательные и неоспоримые выводы по частеречной отнесенности подражательных слов в морфологической системе удмуртского языка.

Список источников

1. Алатырев В. И. Краткий грамматический очерк удмуртского языка // Удмуртско-русский словарь / под ред. В. М. Вахрушева. М.: Рус. яз., 1983. С. 561-591.
2. Алатырев В. И. Междометно-наречные повторы в удмуртском языке // Ученые записки ЛГУ. 1947. № 105. Вып. 2. С. 216-236.
3. Верещагин Г. Е. Руководство к изучению вотского языка // Верещагин Г. Е. Собрание сочинений: в 6-ти т. / отв. за выпуск Л. Е. Кириллова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2002. Т. 6. Кн. 1. Труды по языкознанию. С. 24-158.
4. Верещагин Г. Е. Удмурт грамматика: кык кылын – удмурт кылын, дэюч кылын // Верещагин Г. Е. Собрание сочинений: в 6-ти т. / отв. за выпуск Л. Е. Кириллова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2002. Т. 6. Кн. 1. Труды по языкознанию. С. 159-285.
5. Воронин С. В. Основы фоносемантики. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1982. 244 с.
6. Газов-Гинсберг А. М. Был ли изобразителен язык в своих истоках? М.: Наука, 1965. 183 с.
7. Глезденев П. П. Краткая грамматика языка народа удмурт. Вятка: Изд. Вят. губерн. отд-ния Госиздата, 1921. 55 с.
8. Грамматика современного удмуртского языка: фонетика и морфология / Удм. НИИ истории, экономики, лит. и яз.; отв. ред. П. Н. Перевощиков; ред. В. М. Вахрушев, В. И. Алатырев и др. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1962. 376 с.
9. Емельянов А. И. Грамматика вотяцкого языка. Л.: Ленингр. вост. ин-т им. А. С. Енукидзе, 1927. 160 с.
10. Кельмаков В. К. Г. Е. Верещагин и некоторые проблемы удмуртского языкознания. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. 140 с.
11. Кротов З. Удмуртско-русский словарь. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1995. 286 с.
12. Могилин М. Краткой отяцкия Грамматики опыт (Опыт краткой удмуртской грамматики). Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. 203 с.
13. Перевощиков П. Н. Краткий очерк грамматики удмуртского языка // Русско-удмуртский словарь / гл. ред. В. М. Вахрушев; ред. М. В. Горбушин, А. В. Корепанов и др. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1956. С. 1272-1360.
14. Перевощиков П. Н. Краткий очерк грамматики удмуртского языка: синтаксис, лексика, морфология // Удмуртско-русский словарь / под ред. С. П. Горбушина, А. Н. Клабукова, М. П. Петрова и др. М.: ГИС, 1948. С. 371-445.
15. Скаличка В. Исследование венгерских звукоподражательных выражений / пер. с чеш. Г. Я. Романовой // Пражский лингвистический кружок: сборник статей. М.: Прогресс, 1967. С. 277-316.
16. Соколов С. В. Пышкылон (звукоподражательной) кыльёс но междометнос // Вордскем кыл. 1996. № 3. С. 69-73.
17. Сочинения принадлежащия къ грамматикъ вотскаго языка. Въ Санктпетербурге при Императорской Академіи наукъ 1775 года // Первая научная грамматика удмуртского языка / Удмуртский НИИ ист., экон., лит. и языка при Совете Министров Удм. АССР. Ижевск: Удмуртия, 1975. С. 19-132.
18. Удмурт кыльён кылкабтодосэз (морфологиез) = Морфология удмуртского языка / отв. ред. Н. И. Тимерханова. Ижевск: Удм. ун-т, 2011. 408 б.
19. Шибанов А. А. Подражательные слова в удмуртском языке. Ижевск: Шелест, 2017. 201 с.
20. Широбокова С. Н. Грамматический статус междометий и звукоподражательных слов в удмуртском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 9 (27). Ч. 1. С. 198-200.
21. Яковлев И. В. Элементарная грамматика вотского языка. Ижевск: Удкнига, 1930. 87 с.

History of Studying Onomatopoeic Words in the Udmurt Language

Shibanov Aleksej Aleksandrovich, PhD

Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Izhevsk
jarik7979@mail.ru

The paper discusses a controversial issue of the Udmurt linguistics – categorial status of onomatopoeic words. The research objective is to trace history of studying onomatopoeic words in the Udmurt language. Scientific originality involves a comprehensive analysis of linguistic works dealing with these lexical units which serve to describe the sounds produced by physical objects or to create a sound image of motions, states, qualities, etc. The following conclusions are justified: till the 1990s, the Udmurt linguists tended to classify these lexical units as unchangeable words and from the viewpoint of part-of-speech affiliation – as adverbs or interjections, relying exclusively on the fact that onomatopoeic words are morphologically unchangeable.

Key words and phrases: morphology; onomatopoeic word; adverb; interjection; Udmurt language.

Германские языки

Germanic Languages

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.23>

Дата поступления рукописи: 19.10.2020

Цель исследования – описать семантику вопросительных предложений в немецком языке, содержащих частицы *denn*, *eigentlich*, *doch*, *etwa*, *wohl*, *schon*, *auch*, *eigentlich*, *bloß* и *mal*. **Научная новизна** состоит в выявлении и описании различных типов вопросительных предложений, содержащих модальные частицы немецкого языка, а также в определении взаимосвязи между структурой предложения, использованием частицы и вопросительной интенцией говорящего. **В результате** показано, что частицы *denn*, *eigentlich*, *doch*, *etwa*, *wohl*, *schon*, *auch*, *eigentlich*, *bloß* и *mal* участвуют в формировании следующих типов вопросов: недоуменный вопрос; вопрос-воспоминание; вопрос-надежда; вопрос-неопределенность; вопрос с требованием прояснить ситуацию; риторический вопрос; вопрос, вводящий новую тему разговора; вежливый вопрос-просьба. На вопросительную интенцию оказывают влияние также порядок слов в предложении и тип позиционного субъекта.

Ключевые слова и фразы: модальные частицы; иллокутивный тип; вопросительное предложение; типы вопросов.

Аверина Анна Викторовна, д. филол. н., доц.
Московский государственный областной университет
av.averina@mgou.ru

Типы вопросительных предложений с модальными частицами в немецком языке

Немецкий язык располагает большим количеством модальных частиц, которые способны придавать высказыванию самые разнообразные оттенки. Специфика немецких модальных частиц была предметом исследования во многих отечественных и зарубежных работах по германистике – в частности, в исследованиях А. В. Авериной [1], Д. О. Добровольского [2], А. Т. Кривоносова [3], В. Абрахама [6], Х. Вайдта [14], Х.-В. Эромса [9], К. Ринаса [12], М. Турмэр [13], Й. Майбауера [10] и других лингвистов. Модальные частицы обладают рядом отличительных свойств: 1) они не могут занимать позицию в предполье и всегда стоят в среднем поле предложения [6; 9]; 2) они безударны [Ibidem]; 3) обладают широким скопусом, то есть относятся ко всему предложению в целом [10]; 4) к ним нельзя задать вопрос [14]. Примечательно также и то, что выбор модальной частицы зависит от модуса высказывания – существуют частицы, способные иметь место только в повествовательных предложениях (например, частица *ja*), только в побудительных (например, сочетание *doch mal*) или только в вопросительных (например, частица *denn*). В некоторых случаях частицы, характерные для одного типа предложения (например, для вопросительного), могут быть использованы в другом, если они выступают в определенной комбинации с другой частицей. Так, например, модальная частица *denn* может иметь место только в вопросительных предложениях, а в сочетании с частицей *wohl* допустима в повествовательных, сравним:

(1) *Wo wohnst Du denn* [8]?? /

'Где же ты живешь?' (здесь и далее перевод выполнен автором статьи. – А. А.).

(2) *Gemeinsam haben wir gerätselt, woran es denn wohl lag* [Ibidem]. /

'Совместно мы гадали, в чем могла быть причина'.

(3) *Und so lebe denn wohl, meine einzig geliebte Renate, mein Glück, mein Stolz und meine Zuversicht* [Ibidem]. /

'И – живи процвай, моя единственная возлюбленная Ренате, мое счастье, моя гордость и моя уверенность'.

Модальные частицы оказывают влияние на иллокутивный тип высказывания – если, например, вопросительное предложение с вопросительным словом без модальной частицы служит для запроса информации, как в (4b), то включение в него модальной частицы меняет его функциональное назначение – в этом случае речь идет уже о выражении удивления (4a), сравним:

(4a) *Was ist denn ein Kolleg-System* [Ibidem]? /

'Что же такое академическая подготовка?'

(4b) *Was ist ein Kolleg-System? /*

'Что такое академическая подготовка?'

В немецком языке существует множество модальных частиц, которые могут иметь место в вопросительных предложениях. Их появление в вопросах не случайно – они способны модифицировать иллокутивный тип высказывания, причем каждая модальная частица придает вопросу свой особый оттенок. Если частица опускается, то меняется и назначение вопроса, как это видно на примерах (4a) и (4b).

Соответственно, существует потребность в описании типов вопросов, в которых могут быть использованы модальные частицы, в выявлении функционального назначения модальных частиц немецкого языка в предложении, а также в раскрытии их влияния на формирование иллокутивного типа высказывания. Этим и объясняется *актуальность* проводимого в работе исследования. При определении семантики вопросительного предложения мы опирались на наблюдения М. Турмэр [13] о дополнительных значениях, свойственных предложениям с модальными частицами, на анализ фактического материала, а также на мнение носителей языка. В *задачи* исследования входит: 1) определить функциональное назначение модальных частиц немецкого языка в вопросительном предложении; 2) выявить и охарактеризовать типы вопросов с модальными частицами в немецком языке и 3) определить иные контекстуальные факторы, влияющие на вопросительную интенцию говорящего. *Теоретическую базу* исследования составляют работы М. Турмэр [Ibidem], Й. Майбауера [10], В. Абрахама [6], К. Ринаса [12], Х. Вайдта [14]. В качестве материала исследования послужили примеры, отобранные из немецкого веб-корпуса DECOW 16A, а также из художественной литературы. Всего было отобрано и проанализировано свыше 200 примеров. В процессе анализа фактического материала были использованы следующие *методы*: описательный, позволивший объяснить особенности контекстуального окружения; метод трансформационного анализа, благодаря которому было раскрыто функциональное назначение частиц, а также сопоставительный метод, посредством которого удалось сопоставить вопросительные предложения с частицами и без них. *Практическая значимость* исследования состоит в том, что представленное в работе описание типов вопросительных предложений с частицами в немецком языке может быть использовано в вузах гуманитарного направления в преподавании теоретической и практической грамматики немецкого языка, на спецкурсах и спецсеминарах по теории немецкого языкознания, а также на практических занятиях по немецкому языку. Полученные данные могут также найти применение при создании учебников и учебных пособий по грамматике немецкого языка.

В лингвистических исследованиях существует немало работ, в которых подвергаются анализу типы вопросительных предложений. Существуют различные классификации вопросительных предложений – по содержанию, цели постановки вопроса, дифференциация в зависимости от информационной степени «знания/незнания» и т.д. [5]. О. В. Львова предлагает говорить о функционально-семантическом поле вопросительности, обладающем широким спектром функциональных характеристик – от собственно запроса информации до выражения приказа, мольбы, констатации, возражения, эмоциональной реакции или иронического замечания [4]. В ходе нашего исследования были выделены только такие типы вопросительных предложений, в составе которых была одна или несколько модальных частиц, а именно: *denn*, *eigentlich*, *doch*, *etwa*, *wohl*, *schon*, *auch*, *eigentlich*, *bloß* и *mal*. Включение этих компонентов в вопросительное предложение может приводить к сильному видоизменению вопросов, в результате чего нами были выявлены следующие их разновидности: 1) недоуменный вопрос; 2) вопрос-воспоминание; 3) вопрос-надежда; 4) вопрос-неопределенность; 5) вопрос с требованием прояснить ситуацию; 6) риторический вопрос; 7) вопрос, вводящий новую тему разговора; 8) вежливый вопрос-просьба. Остановимся подробнее на каждом типе и покажем, какая взаимосвязь существует между выбором частицы и типом вопроса.

1. Недоуменный вопрос. Недоуменный вопрос содержит удивление говорящего: ответ собеседника не совпадает с его ожиданиями. Задавая вопрос, говорящий показывает тем самым, что он убежден в обратном, а собеседник заблуждается. Это характерно для вопросительных предложений с вопросительным словом или без него с частицами *denn* или *etwa*, комбинацией частиц *doch nicht etwa*, *doch*. Рассмотрим пример с модальной частицей *denn*:

(5) *Die Haustür klappte. "Hallo", sagte Patrice Hollmann, "so tief in Gedanken?"*.

"Nein, gar nicht! Aber wie geht es Ihnen? Sind Sie wieder gesund? Was haben Sie denn gehabt?" [11, S. 128]. /

'Входная дверь хлопнула. «Привет, – сказала Патриция Хольман, – так задумался?».

«Нет, вовсе нет! Но как у Вас дела? Вы снова здоровы? Что же с Вами было?»'.

В предложении (5) говорящий выражает удивление по поводу того, что главная героиня снова рядом с ним – согласно его предположениям, ее состояние не позволяло прийти к нему. Как отмечает М. Турмэр, вопросительные предложения с частицей *denn* всегда относятся к предыдущему высказыванию, что, соответственно, свидетельствует о связующих свойствах данной частицы [13, S. 166]. Это подтверждается тем, что вопрос с частицей *denn* никогда не может инициировать диалог с новой темой. Так, в следующем фрагменте включение частицы *denn* в вопросительное предложение будет выглядеть совершенно неуместным:

(6) *Wir arbeiteten, bis es dämmerig wurde. Dann wuschen wir uns und zogen uns um. Lenz sah begehrllich zu der Flaschenreihe hinüber. "Wollen wir (*denn) einer den Hals brechen?" [11, S. 13]. /*

'Мы работали, пока не стемнело. Потом мы умылись и переоделись. Ленц взглянул с жадностью на батарею бутылок. «Откроем одну (*же) из них?»'.

В следующих высказываниях (7) и (8) сочетание модальных частиц *doch nicht etwa* служит для того, чтобы показать, что говорящий не желает верить в сложившиеся обстоятельства:

(7) *Ungewöhnlich, absurd, undenkbar! Du bist doch nicht etwa schwer krank* [8]? /

'Необычно, абсурдно, немислимо! Ты случайно не заболел?'

(8) *Mein Gott, ist das wirklich wahr? Sie haben doch nicht etwa getrunken, Norbert* [Ibidem]? /

'Боже мой, это и в самом деле так? Вы случайно не выпили, Норберт?'

Как и частица *denn*, частица *etwa* в вопросительном предложении маркирует удивление говорящего. По мнению М. Турмэр [13, S. 170], эта частица сигнализирует неожиданность нового поворота дел – говорящий, выражая недоумение по поводу происходящего, не ожидал, что ситуация складывается именно таким образом:

(9) *Ohhhhhhh bin ich da jemandem etwa auf den Schlips getreten... tut mir ja echt leid... fühlste dich etwa angesprochen* [8]??? /

'О, я кому-то наступил на хвост... мне в самом деле жаль... разве ты чувствуешь себя задетым?'

(10) *Wozu staatliche Bevormundung führt, haben wir ja in den ehemaligen Ostblockstaaten gesehen. Oder ging es den Menschen dort etwa besser als uns* [Ibidem]??? /

'К чему ведет государственная опека, мы уже увидели в государствах восточного блока. Или разве там людям действительно было лучше???'.

В приведенных примерах частица *etwa* в вопросительных предложениях показывает, что происходящее противоречит ожиданиям говорящего. М. Турмэр обращает в этой связи внимание на то, что вопрос предполагает отрицательный ответ [13, S. 71]. Это можно отчетливо проследить на следующем примере:

(11) *Er: Außerdem haben sie Telefon.*

Sie: Aber das beweist doch gar nichts!

Er: Ach nee? Sind wir etwa bei der Stasi?

Sie: Natürlich nicht [7, S. 12]. /

'Он: Кроме того, у них есть телефон.'

Она: Но это еще ничего не доказывает!

Он: Ах, нет? Вы разве не сотрудничаете со службой безопасности?

Она: Конечно, нет!'

В приведенном высказывании вопросительное предложение с частицей *etwa* сигнализирует, что говорящий сильно опасается служб государственной безопасности и очень надеется, что они не под их наблюдением.

2. Вопрос-воспоминание. Этот тип вопроса передают предложения с вопросительным словом с модальной частицей *doch*. М. Турмэр обращает внимание на то, что в вопросительных предложениях с частицей *doch* выступают слова *gleich* и *schnell* [13, S. 117]:

(12) *Wie hieß dieses Baugebiet doch gleich...? Ach ja, richtig: Altstadt* [8]! /

'Как там назывался этот район? Ах да, правильно: старый город!'

(13) *"Sie können nächste Woche bei mir anfangen, wie war doch gleich Ihr Name?". "Leh... Leh... Lehmann"* [Ibidem]. /

'«Вы можете начать на следующей неделе у меня, как там было, Вы сказали, Ваше имя?». «Ле... Ле... Леманн»'.

(14) *Tja, liebe Politiker, wie sagt der Volksmund doch so schön? Dem Volk aufs Maul gehaut* [Ibidem]. /

'Да уж, дорогие политики, как там красиво говорится в народе? Дать народу по морде!'

(15) *Wie heißt es doch so schön? Übung macht den Meister* [Ibidem]. /

'Как там гласит народная мудрость? Повторение – мать учения!'

В приведенных высказываниях частица *doch* сигнализирует, что говорящий вспоминает, как звучит слово (12), имя (13), пословица (14) и (15).

3. Вопрос-надежда. В псевдопридаточных предложениях с союзом *ob*, имеющих вид вопроса, может использоваться частица *wohl*. Предложения, построенные по данной модели, передают надежду говорящего и одновременно указывают на неопределенность ситуации:

(16) *Außerdem schrieben wir an den Weihnachtsmann einen Wunschzettel: Ob er wohl zurück schreibt* [Ibidem]? /

'Кроме того, мы писали Деду Морозу письма: Ответит ли он?'

(17) *Ob ich wohl auch so alt werde* [Ibidem]? /

'Доживу ли я до таких лет?'

(18) *Hallo Susanne, finde vorerst keine Worte, doch ich finde Dich sympathisch. Ob ich wohl Antwort bekomme? Gruß Wolfgang* [Ibidem]. /

'Привет, Сузанна, пока не нахожу слов, но считаю тебя симпатичной. Получу ли я вообще ответ? Сердечно, Вольфганг!'

В приведенных фрагментах частица *wohl* использована в вопросительных предложениях, имеющих референцию с определенным временным отрезком в будущем. М. Турмэр указывает на то, что эти вопросы говорящий задает скорее самому себе, а от собеседника ожидает не более чем выражения предположительного ответа или догадки [13, S. 143].

4. Вопрос-неопределенность. Неопределенность имеет место в случаях, когда частица *wohl* употреблена в вопросах с вопросительным словом, имеющих порядок слов придаточного предложения – речь идет в данном случае о самостоятельном употреблении придаточного, главная часть которого опущена, но содержание её подразумевается (*es ist unbekannt* ('мне неизвестно') / *es ist unklar* ('неясно') / *wir wissen das nicht* ('мы этого не знаем')):

(19) *“Rei ist echt geheimnisvoll. Wer wohl ihre Eltern sind?”*, fragte sie sich [8]. /

‘«Раї, дійсно, таємнича. Кого ж можуть бути її батьки?», – спитала вона себе’.

(20) *Jaja, die Wirtschaftskrise... jetzt heben sie ne Sparglühbirne... Wer wohl auf diese [I]dee gekommen ist* [Ibidem]? /

‘Да-да, економічний кризис... тепер у них енергозберігаючі лампочки... Кому, взагалі, могла прийти ця ідея?’.

В приведенных высказываниях говорящий сигнализирует, что есть некое неизвестное обстоятельство, требующее прояснения. М. Турмэр отмечает в этой связи, что говорящий, скорее всего, обращается к самому себе [13, S. 144], как это отчетливо можно проследить в высказывании (19), и не ждет ни от кого ответа на вопрос – по формальным показателям речь идет о вопросительном предложении, тогда как его содержательный план соответствует повествовательному предложению.

В некоторых случаях неопределенность может быть выражена в вопросительных предложениях с частицей *bloß*, если в роли субъекта выступают местоимения первого лица (*ich* или *wir*), например:

(21) *Was haben wir bloß falsch gemacht* [8]? /

‘Что же мы не так сделали?’.

Говорящий задает этот вопрос скорее самому себе и понимает, что на него нет определенного ответа.

5. Вопрос с настойчивым требованием прояснить ситуацию. Вопросы данного типа могут быть как нейтральными, так и иметь оттенок раздражения. Модальная частица *wohl* в вопросительных предложениях с вопросительным словом и предикатом на втором месте придает высказыванию недоброжелательный оттенок – говорящий либо показывает, что собеседник не должен отрицать своей вины, как это видно на примере (22), либо сигнализирует, что собеседник ошибается (23), и указывает ему на его ошибку:

(22) *Und von wem stammt das Chaos? Von wem wohl* [Ibidem]? /

‘И кто тогда устроил этот хаос? Кто?’.

(23) *“Du bist hier in einer Gemeinschaft von Gleichgesinnten...”. “Von Leidensgenossen, willst du wohl sagen?”*. *“Nein!”* [Ibidem]. /

‘«Ты здесь в сообществе единомышленников...». «Собратьев по несчастью, хочешь сказать?». «Нет!»’.

Аналогичную ситуацию можно проследить и на примерах (24), (25):

(24) *Der Betrachter staunt und fragt: “Wie haben die das wohl gemacht?”* [Ibidem]. /

‘Наблюдатель удивляется и спрашивает: «Как они смогли это сделать?»’.

(25) *Warum bist du wohl hier* [Ibidem]? /

‘Почему ты тогда здесь?’.

Предложения с частицей *bloß* лишены оттенка раздражения и ориентированы на то, чтобы прояснить ситуацию, поскольку положение дел говорящему непонятно:

(26) *Was hat Angela Merkel da bloß gemacht? Die Frauenquote ihrer Ministerinnen liegt bei erbärmlichen 28,5 Prozent* [Ibidem]. /

‘Что тогда наделала Ангела Меркель? Квота для женщин в кабинете министров составляет всего каких-то 28,5 процентов’.

В приведенном высказывании с частицей *bloß* говорящий непременно хочет выяснить, почему доля женщин в министерстве имеет низкий показатель. М. Турмэр считает, что вопросительные предложения с частицей *bloß* отражают стремление говорящего непременно выяснить проблему, речь идет о вопросе, который его очень волнует и требует однозначного разъяснения [13, S. 179], например:

(27) *Scheint wohl nicht so. Wo sind die dann bloß alle hin* [8]? /

‘Так не кажется. Куда же все подевались?’.

(28) *[W]ie macht ihr das alle bloß* [Ibidem]? /

‘Как же вы это все делаете?’.

6. Риторические вопросы. Вопросительные предложения, содержащие модальную частицу *auch*, имеют характер риторического вопроса. Как отмечает М. Турмэр, частица *auch* выступает сигналом того, что вопрос относится к предыдущему высказыванию и маркирует очевидную для говорящего и собеседника ситуацию [13, S. 159]. Как правило, предложения такого типа содержат негативную оценку говорящим собеседника или его действий:

(29) *Wieso bist du auch so blöd und triffst das Schlüsselloch nicht* [8]! /

‘Почему же ты так глуп и не можешь попасть ключом в замочную скважину!?’.

(30) – *[I]ch hab 3 Tage gebraucht bis ich die Grafik soweit hatte.*

– *[S]elber schuld, warum bist du auch so langsam* [Ibidem]. /

‘– Мне понадобилось три дня, пока я справился с графиком.

– Сам виноват, что ты такой медлительный’.

В примере (29) говорящий указывает собеседнику на то, что он ничего не умеет из-за своей глупости; в примере (30) в ответной реплике говорящий выражает свой упрек в сторону собеседника.

Вопросительные предложения с модальной частицей *schon*, по наблюдениям М. Турмэр, выступают в роли утверждения с отрицанием (“*eine negierte Behauptung*”) [13, S. 154], как это можно проследить на следующих примерах:

(31) *[V]ormittag 4 Stunden alleine, mittag [']ne Stunde [G]assi und spielen, [N]achmittag wieder vier [S]tunden alleine, kaum Fahrzeiten – wo findet man schon solche Arbeitsplätze* [8]? (= man findet diese Arbeitsplätze **nicht**) /

'До обеда 4 часа один, в обед один час с собакой и игры, после обеда снова четыре часа один, никаких трат времени на дорогу – где могут быть такие рабочие места?'

(32) *Keine Ahnung, aber auf diese Angaben gebe ich nicht viel, wer will das schon nachprüfen* [Ibidem]? (= **keiner** will das nachprüfen) /

'Понятия не имею, но этим данным я не придаю много значения, кто это проверит?'

(33) *Redaktion bedurfte, ein Interview mit Johannes Slawig [...] zu führen [...]. Was kann man schon tun* [Ibidem]? (= Man kann **nichts** tun) /

'Редакция потребовала провести интервью с Иоганном Славигом... Что тут поделаешь?'

7. Вопрос, вводящий новую тему разговора. Употребление частицы *eigentlich* в вопросе возможно в ситуации, когда говорящий пытается включить свой вопрос в беседу, на что указывает М. Турмэр [13, S. 176]. Как правило, он мало связан по тематике с предыдущим контекстом и выглядит как вопрос по ходу дела, при этом он вводит новую тему разговора:

(34) *Wenn schon unser im Vergleich zum gesamten Universum kleines Sonnensystem in seiner Größe unseren Verstand fast sprengt, wie groß muss dann der Rest sein? Schier unvorstellbar. Warum ist das eigentlich so* [8]? /

'Если только наша небольшая по сравнению с целой Вселенной Солнечная система по своему размаху выходит за пределы нашего понимания, то как же велико все остальное? Вряд ли это представишь. А почему это так?'

В приведенном высказывании в первых двух предложениях речь идет о бесконечности Вселенной. Вопрос, содержащий частицу *eigentlich* в последующем предложении, позволяет говорящему перевести разговор в другое русло и поразмышлять о причинах того, почему бесконечное с трудом осознается человеком. Аналогичную ситуацию мы можем проследить и в следующем фрагменте:

(35) *Der Artikel ist wirklich schön und leicht verständlich geschrieben! Auch wir haben... Die Entstehung des Computers – wie hat das eigentlich angefangen* [Ibidem]? /

'Статья, действительно, замечательная и написана доступным языком! И у нас... Возникновение компьютера – а как, кстати, все это началось?'

В приведенном отрывке в первом предложении речь идет о качестве написания статьи. Вопросительное предложение с частицей *eigentlich* направлено на выяснение проблемы возникновения компьютера, то есть можно проследить переход к иной теме в ходе беседы.

8. Вежливые вопросы-просьбы. Вежливый оттенок вопросу придает модальная частица *mal* – как отмечает М. Турмэр, эти вопросы касаются действий в будущем времени [13, S. 185]:

(36) *In München gibt es doch mehrere gute Kliniken. Vielleicht gehst du mal da hin* [8]? /

'В Мюнхене есть все же много хороших клиник. Может, ты сходишь туда?'

(37) *Und das Dirndl bestimmt auch, das würde ich gerne mal komplett sehen. Machst Du mal ein Foto* [Ibidem]? /

'И баварский национальный костюм тоже. Я бы с удовольствием посмотрел все вместе. Мог бы ты сделать фото?'

В примере (36) вопросительное предложение с частицей *mal* звучит как рекомендация собеседнику совершить визит в одну из клиник Мюнхена. В следующем высказывании (37) вопрос нацелен на то, чтобы выразить вежливую просьбу к собеседнику.

Анализ фактического материала позволяет нам сделать следующие **выводы**:

- модальные частицы, употребленные в вопросительных предложениях, значительно видоизменяют интенцию говорящего: за каждой частицей, употребленной в вопросительном предложении, «закреплен» свой иллюкутивный тип. Так, если вместо частицы *denn* говорящий использует частицу *eigentlich*, то меняется назначение вопроса и его место в структуре диалога;

- немалую роль в интерпретации иллюкутивного типа вопросительного предложения с модальной частицей играет также и структура самого вопроса: если, например, частица *wohl* употреблена в вопросительных предложениях с порядком слов придаточного (в так называемых псевдопридаточных предложениях), то вопрос выражает неопределенность, в предложениях с порядком слов главного предложения – раздражение и недовольство;

- определенное влияние на вопросительную интенцию оказывает пропозициональный субъект – вопросы с частицей *bloß* отражают неопределенность ситуации, если в роли пропозиционального субъекта выступают местоимения 3-го лица, в остальных случаях они нацелены на выяснение обстоятельств.

Таким образом, в данной работе были выявлены и описаны типы вопросов с модальными частицами в немецком языке, определено функциональное назначение модальных частиц немецкого языка в предложении, показано влияние модальных частиц на иллюкутивный тип высказывания и определены другие контекстуальные факторы, влияющие на вопросительную интенцию говорящего. К ним относятся, прежде всего, структура предложения и тип пропозиционального субъекта.

Перспективным представляется нам описание типов вопросительных предложений в контрастивном аспекте, а также сопоставление языковых средств других языков, участвующих в передаче схожих вопросительных интенций.

Список источников

1. Аверина А. В. Модальный синтаксис немецкого языка. М.: ИИУ МГОУ, 2019. 141 с.
2. Добровольский Д. О. Беседы о немецком слове. М.: Языки славянской культуры, 2013. 752 с.

3. **Кривонос А. Т.** Система классов слов как отражение структуры языкового сознания (философские основы теоретической грамматики). М. – Нью-Йорк: ЧеРо, 2001. 846 с.
4. **Львова О. В.** Функционально-семантическое поле вопросительности в немецком языке // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2012. № 4 (8). С. 74-79.
5. **Стрельцов А. А.** О типах вопросительных предложений // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2016. № 3. С. 38-51.
6. **Abraham W.** Diskurspartikel zwischen Modalität, Modus und Fremdbewusstseinsabgleich // 40 Jahre Partikelforschung. Tübingen: Stauffenburg Verlag, 2010. S. 33-78.
7. **Brussig Th.** Am kürzeren Ende der Sonnenallee. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 2001. 160 S.
8. **DECOW 16A** [Электронный ресурс]. URL: <https://www.webcorpora.org/> (дата обращения: 01.10.2020).
9. **Eroms H.-W.** Syntax der deutschen Sprache. Berlin: Walter de Gruyter, 2000. 510 S.
10. **Meibauer J.** Modaler Kontrast und konzeptuelle Verschiebung. Studien zur Syntax und Semantik deutscher Modalpartikeln. Tübingen: Niemeyer Verlag, 1994. 252 S.
11. **Remarque E. M.** Drei Kameraden. Köln: Kiepenheuer & Witsch, 1964. 585 S.
12. **Rinas K.** Die Abtönungspartikeln *doch* und *ja*. Semantik, Idiomatisierung, Kombinationen, tschechische Äquivalente. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2006. 472 S.
13. **Thurmair M.** Modalpartikeln und ihre Kombinationen. Tübingen: Niemeyer Verlag, 1989. 314 S.
14. **Weydt H.** Abtönungspartikeln und andere Disponible // 40 Jahre Partikelforschung. Tübingen: Stauffenburg Verlag, 2010. S. 10-32.

Types of Interrogative Sentences with Modal Particles in the German Language

Averina Anna Viktorovna, Dr
Moscow Region State University
av.averina@mgou.ru

The paper aims to describe semantics of the German interrogative sentences with the particles ‘denn’, ‘eigentlich’, ‘doch’, ‘etwa’, ‘wohl’, ‘schon’, ‘auch’, ‘eigentlich’, ‘bloß’ and ‘mal’. Scientific originality of the study lies in the fact that the author identifies and describes different types of the German interrogative sentences with modal particles and reveals correlation of sentence structure, particle use and the speaker’s communicative intention. The conducted research allows concluding that the particles ‘denn’, ‘eigentlich’, ‘doch’, ‘etwa’, ‘wohl’, ‘schon’, ‘auch’, ‘eigentlich’, ‘bloß’ and ‘mal’ participate in formation of the following types of questions: bewildered question; question-remembrance; question-expectation; question expressing uncertainty; question intended to clarify the situation; rhetorical question; question introducing a new theme; question – polite request. Word order in the sentence and a type of propositional subject indicate the speaker’s communicative intention.

Key words and phrases: modal particles; illocutive type; interrogative sentence; question types.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.24>

Дата поступления рукописи: 12.10.2020

Цель исследования – определить, насколько актуально использование популярных английских пословиц в научном дискурсе. Исследование проведено на материале заголовков научных статей по экономической тематике. Выявлено девять пословиц, касающихся материальной стороны жизни человека, которые встречаются в названиях исследований. Описывается структура заголовков, в которые включены пословицы, анализируются их трансформации авторами статей. **Научная новизна** работы заключается в оценке места, описании функций такой формы устного народного творчества (жанра фольклора), как пословица, в письменном научном дискурсе, а именно в заголовках научных статей, написанных на английском языке. **В результате** исследования было выявлено, как часто, в каком виде и с какой целью авторы включают пословицы в названия своих научных работ и как раскрывается смысл пословицы в тексте аннотации к статье.

Ключевые слова и фразы: английские пословицы; научный дискурс; заголовки научных статей; экономическая тематика.

Алексеева Татьяна Евгеньевна, к. пед. н.

Федосеева Лариса Николаевна, д. филол. н., доц.

Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, г. Рязань
tat-alexeeva@yandex.ru; LN-FEDOSEEWA@yandex.ru

Английские пословицы в заголовках научных статей

Актуальность исследования обусловлена современным направлением лингвистики – изучением путей языковой концептуализации действительности – и все возрастающим интересом лингвокультурологии к паремиям как компоненту национально-культурной картины мира.

Паремии (пословицы) относятся к одному из древнейших жанров фольклора. Несмотря на то, что большинство паремий создавалось на протяжении веков и передавалось из поколения в поколение в устной форме, мы полагаем, что и в современном языке они не теряют своей актуальности и активно используются

как в устной, так и в письменной речи. Нас, в частности, заинтересовал вопрос об использовании пословиц в научном дискурсе. Поскольку языком международного общения в сфере современной науки является английский язык, в нашей работе мы обратились к статьям, написанным на английском языке и опубликованным в англоязычных печатных изданиях. Мы ограничили наше исследование пословицами об экономической сфере деятельности людей, составляющими значительный пласт паремиологического фонда английского языка. Наш выбор также обусловлен популярностью в современном мире науки экономической проблематики и большим количеством научных работ по этой тематике. Исследование особенностей использования паремий в текстах научного стиля позволит лингвистам расширить представление о национальной картине мира в целом и определенных ее компонентах в частности.

В рамках наших предыдущих работ [1; 2] мы отобрали и проанализировали с различных точек зрения около 200 пословиц, которые можно отнести к материальной стороне жизни человека. В данном исследовании мы поставили следующие **задачи**: выявить, какие из этих паремий используются в заголовках статей по экономике, какие пословицы являются наиболее частотными, в каком виде пословицы представлены в названиях научных работ и с какой целью авторы прибегают к метафоричности пословичных выражений. При решении этих задач нами применены следующие **методы исследования**: метод сплошной выборки и наблюдения, количественный, качественный и контекстуальный анализ.

Сбор фактического материала для нашего исследования проводился методом сплошной выборки на базе научных статей, имеющихся в доступе в реферативной базе данных *Scopus* [10] в разделах *Social sciences, Business management and accounting, Econometrics and finance*. Мы выдвинули гипотезу, что наиболее вероятно использование пословиц в заголовках научных статей, поскольку заголовок является важным элементом научной статьи и это первое (а иногда и последнее), что видит потенциальный читатель. Название научной статьи должно соответствовать определенным требованиям: максимально четко и кратко сообщать предмет исследования, точно и конкретно отражать содержание работы. Немаловажное назначение заголовка состоит в том, чтобы привлечь внимание и заинтересовать читателя. Именно этому служит использование в заголовках научных статей хорошо известных пословиц.

При поиске интересующего нас материала мы предположили, что, давая названия своим статьям, авторы обратятся к популярным пословицам, которые характеризуются лаконизмом и ритмической организацией, образностью, степенью обобщения и мудрости (например, *Money talks. / Деньги говорят сами за себя; Easy come, easy go. / Легко нажито – легко прожито*), и отбросят паремии слишком длинные, с узким значением или отличающиеся яркой метафоричностью (например, *Shrouds have no pockets. / У савана нет карманов; What's good for General Motors is good for America. / Что хорошо для Дженерал Моторс, хорошо для Америки* (здесь и далее перевод и подбор русскоязычных аналогов английских пословиц выполнен авторами статьи. – Т. А., Л. Ф.)).

Нами были выявлены случаи употребления в заголовках научных статей девяти английских пословиц:

A golden key can open any door. / Золотой ключик может открыть любую дверь, то есть за деньги можно купить что угодно;

All that glitters is not gold. / Не все то золото, что блестит;

Easy come, easy go. / Легко нажито – легко прожито;

In for a penny in for a pound. / Отдал пенни – придется отдать и фунт, ср.: Взаялся за гуж – не говори, что не дюж;

Jack of all trades (is a master of none). / Человек, который берется за многие ремесла (хорошо не владеет ни одним), ср.: за все берется, да не все удастся;

Money makes the world go round. / Деньги заставляют мир вертеться, ср.: Деньги правят миром;

Money talks. / Деньги говорят сами за себя, т.е. с деньгами всего можно добиться;

No pain no gain. / Без труда нет заработка, ср.: Без труда не вытащишь и рыбку из пруда;

Trade follows the flag. / Торговля следует за флагом (принцип экономической экспансии).

Количественный анализ показал, что самыми употребительными из них являются следующие: *Jack of all trades* (в 36 заголовках); *No pain no gain* (в 30 случаях); *All that glitters is not gold* (29 заголовков). Паремия *A golden key can open any door* встретила один раз, *In for a penny in for a pound* – 2 раза; *Money makes the world go round* – 3 раза. Качественный анализ подтвердил наше предположение о том, что предпочтение отдается кратким (*Money talks*), рифмованным (*No pain no gain*), эллиптическим (*Easy come, easy go*) паремиям.

Методом наблюдения мы исследовали структуру заголовков, в которых встречаются вышеперечисленные паремии, трансформации, которым авторы подвергают пословицы для достижения цели привлечения внимания читателей. Контекстуальный анализ аннотаций ряда статей был направлен на выявление того, насколько паремии отражают основную идею статей, а их метафоричность помогает автору донести эту идею до читателя.

Теоретическая база. Согласно определению, сформулированному известным американским паремиологом Вольфгангом Мидером, “*a proverb is a short, generally known sentence of the folk which contains wisdom, truth, morals, and traditional views in a metaphorical, fixed and memorable form and which is handed down from generation to generation*” («пословица – это короткая, общеизвестная фраза, придуманная народом, которая содержит мудрость, правду, мораль и традиции в метафоричной, закреплённой и легко запоминающейся форме») [8, р. 24]. Пословицы рассматриваются как жанр фольклора [6, с. 568], как часть разговорного языка, встречающегося в устной и письменной форме [7]. Отмечается образность, обобщающий характер пословиц, которые типизируют различные явления жизни и нередко имеют назидательный характер [4].

Практическая значимость. Материалы данного исследования могут быть использованы при подготовке аспирантов, занимающихся научными исследованиями в области экономики, к сдаче кандидатского экзамена

по иностранному (английскому) языку как при поиске англоязычных материалов по теме своей работы, так и в качестве образца при продумывании названия для собственных статей, которые они планируют опубликовать в англоязычных научных изданиях. Полученные данные могут найти применение при создании учебников, учебных пособий, методических разработок для подготовки будущих российских ученых к ведению исследовательской деятельности с использованием новейших научных достижений зарубежной науки.

Анализ заголовков, в которые включены паремии, показал, что большая их часть представляет собой расчлененное предложение или фразу, где имеется базовая часть и отделенный от нее пунктуационным знаком (двоеточие, вопросительный знак, точка, скобки) парцеллят (от французского *“parcelle”*, что означает «частичка») [5]. Этот стилистический прием делает заголовок более динамичным и выразительным, а включение известной поговорки придает ему дополнительную привлекательность. Приведем несколько примеров парцелированных заголовков:

Money makes the world go round, and basic research can help. / Деньги заставляют мир вертеться, и фундаментальные исследования могут в этом помочь;

A golden key can open any door? Public funding and interest groups' access. / Золотой ключик может открыть любую дверь? Доступ лоббистов к государственному финансированию;

All that glitters is not gold: The dual effect of activation technique in advertising. / Не все то золото, что блестит: двойственный эффект методов активации в рекламе.

В расчлененных заголовках поговорка может находиться в базовой части, как, например:

In for a penny, in for a pound? Exploring mutual endorsement effects between celebrity CEOs and corporate brands. / Отдал пенни – придется отдать и фунт? Изучение взаимодействия знаменитостей из советов директоров и корпораций;

или в отделенной пунктуационным знаком части:

Mathematical modeling in logistics: In for a penny, in for a pound. / Математическое моделирование в логистике: отдал пенни – придется отдать и фунт.

Метафоричность поговорки позволяет читателю, даже не обращаясь к тексту статей, понять, что в первом случае вопросительная форма поговорки ставит под сомнение рентабельность взаимного рекламирования (*mutual endorsement*) известных людей, входящих в советы директоров (*celebrity CEOs*) и корпораций, а во втором заголовке поговорка в отчлененной части позволяет сделать вывод, что математическое моделирование в логистике может повлечь за собой увеличение расходов.

Наряду с использованием в заголовках поговорок в их традиционном виде, авторы нередко видоизменяют их. Если, как уже отмечалось, использование паремий в заголовках делает статьи более привлекательными для потенциального читателя, то оригинальные авторские трактовки этих же поговорок позволяют придать заголовкам еще больше аттрактивности и тем самым заинтересовать своей работой большее число специалистов.

Одной из наиболее продуктивных в плане трансформации оказалась поговорка *No pain no gain* (вариант *no pains no gains*). Посмотрим, каким трансформациям подвергается эта поговорка в анализируемых заголовках:

- преобразование в вопросительную форму: *No pain, no gain? Effort and productivity in professional soccer.* / Без труда нет результата? Цена успеха в профессиональном футболе – тем самым автор подвергает сомнению зависимость результатов в профессиональном футболе от предпринимаемых усилий (материальных или физических – станет ясно в ходе прочтения самой статьи или аннотации к ней);

- замена некоторых компонентов исходной поговорки: *CFO: All pain, no gain.* / Руководитель финансовой службы: много труда, а результата нет; *More pain, no gain.* / Труда затрачено больше, а результата так и нет; *No pain, some gain.* / И без труда можно получить кое-какую выгоду; *No pain, big gain.* / Никаких усилий, а выгода большая. Замена частицы *no* на прилагательное *all* и сравнительную степень прилагательного *more* в первой части поговорки меняет смысл поговорки: как ни трудись, а ничего не получается. Замена частицы *no* на местоимение *some* и прилагательное *big* во второй части приводит к противоположному значению: можно получить выгоду, даже не прилагая усилий;

- сочетание замены компонентов с постановкой поговорки в вопросительную форму:

No pain, yet gain?: Learning from vicarious crises in an international context. / Можно преуспеть и не затрачивая усилий? Изучение чужого опыта в условиях международных кризисов;

All pain, no gain? Why adopting sales force automation tools is insufficient for performance improvement. / Много затрат, а результата нет? Почему автоматизация работы продавцов не приводит к улучшению их работы;

- перефразирование поговорки:

без изменения смысла:

No gain without pain: The hard road to AFV active protection. / Не прикладывая усилий, не получишь результата: нелегкий путь к активной безопасности в автомобиле, работающем на альтернативном топливе;

There's pain and gain in no-holds-barred market. / На этом безжалостном рынке надо потрудиться, чтобы получить результат;

с изменением смысла на противоположный:

Pain but no gain. / Труд есть, а результата нет;

The no-pain way to gain. / Как можно получить доход, не прикладывая усилий;

- использование поговорки в атрибутивной функции:

The effect of a no-pain, no-gain lay theory on product efficacy perceptions. / Влияние теории «без побочных эффектов нет результата» на представление об эффективности медицинских препаратов.

Другой часто подвергающейся изменениям поговоркой является *Jack of all trades*, которая, строго говоря, является частью поговорки *A Jack of all trades is master of none*. В разговорном дискурсе поговорка редко встречается в виде законченного предложения и фактически приобретает признаки фразеологического сочетания: *A Jack of all trades* или *A Jack of all trades, master of none*. Первая часть поговорки может употребляться как с положительной (мастер на все руки), так и с отрицательной (мастер-ломастер) коннотацией.

Авторы заголовков используют данный фразеологизм как в прямом значении: *Jack of all trades and master of none? The development of IT (compatible) qualification between state, company and individual career planning.* / Мастер на все руки, а специалист ни в чем? Развитие навыков работы с ИТ в планировании карьеры на уровне государства, компании и отдельного человека, – так и трансформируя его, тем самым меняя смысл, в частности, проводя замены слова *none* на *one* или *some*:

Jack of all trades or a master of one? Specialization, trade, and money. / Мастер на все руки или узкий специалист: специализация, торговля и деньги;

Jack of all trades, master of... Some?: Multitasking in digital consumers – Мастер на все руки, специалист... в нескольких областях? Многозадачность среди потребителей цифровых технологий.

Наречие *none* может заменяться названием «ремесла»:

Jack of all trades and master of knowledge: The role of diversification in new distant knowledge integration. / Мастер на все руки и знающий человек: роль диверсификации в интеграции нового дистанционного получения знаний.

В ряде заголовков сочетание используется в качестве определения:

The Jack-of-All-Trades entrepreneur: Innate talent or acquired skill? / Предприниматель широкого профиля: врожденный талант или приобретенные навыки?;

The option value in Jack-of-all-trades investment. / Ценность вложений в подготовку специалиста широкого профиля;

All about balance? A test of the Jack-of-All-Trades theory using military enlistment data. / Все о равновесии? Проверка теории «Мастер на все руки» на данных о приеме на военную службу;

Testing Lazear's jack-off-all-trades view of entrepreneurship with German micro data. / Проверка взгляда на предпринимателя как на мастера на все руки Э. Лейзира с использованием немецких микроданных.

Если в прошлом «мастер на все руки (универсал)» сравнивался с человеком, который толком ничего делать не умеет, то теперь ему противопоставляется:

специалист – *Jack of all trades versus specialists: Fund family specialization and mutual fund performance.* / Мастер на все руки или узкий специалист: специализация финансовых групп и деятельность взаимных фондов;

предприниматель – *Are jacks-of-all-trades successful entrepreneurs? Revisiting Lazear's theory of entrepreneurship.* / Может ли мастер на все руки быть успешным предпринимателем? Пересмотр теории предпринимательства Э. Лейзира;

самозанятый работник – *Are the self-employed really jacks-of-all-trades? Testing the assumptions and implications of Lazear's theory of entrepreneurship with German data.* / Действительно ли самозанятые работники мастера на все руки? Проверка предположений и выводов теории предпринимательства Э. Лейзира на основании немецких данных;

и даже так называемый хобо (странствующий рабочий) – *Entrepreneurs, jacks of all trades or hobos?* / Предприниматели, мастера на все руки или хобо?

Интересным представляется авторское включение в сочетание дополнительного слова: *Jacks-(and Jills)-of-all-trades: On whether, how and why gender influences firm innovativeness.* / Джек и Джил – мастера на все руки: влияют ли – как и почему – гендерные различия на инновационное развитие компании. Данный прием основан на том, что во многих английских поговорках и фразеологизмах имя *Jack* используется для обозначения работника, парня из народа, а имя *Jill* ассоциируется с девушкой, женой или подругой Джека, например: *A good Jack makes a good Jill.* / У хорошего мужа и жена хороша или *Every Jack has his Jill.* / Всякому Джеку суждена его Джил. В анализируемом заголовке добавление во фразу женского имени соотносится с темой исследования: влияют ли гендерные различия на готовность к предложению и восприятию нового в компании, и если влияют, то каким образом и почему.

Аналогичным трансформациям, хотя и в гораздо меньшей степени, подвергается поговорка *Easy come, easy go*, а именно включению в нее других слов и приданию ей формы вопроса, что свидетельствует о несогласии автора с утверждением «что легко пришло, то легко и ушло»:

Easy come or easy go? Empirical evidence on switching behaviors in mobile payment applications. / Легко пришло или легко ушло? Эмпирические данные о смене пользователями приложений для мобильных платежей;

(Not So) Easy Come, (Still) Easy Go? Footloose Multinationals Revisited. / (Не очень) легко пришло, (но) легко ушло. Еще раз о независимых транснациональных корпорациях.

Однако нередко встречаются заголовки, в которых поговорка используется без изменений, то есть автор согласен с ее значением и находит подтверждение в исследуемом им вопросе:

Easy come, easy go: The role of windfall money in lab and field experiment. / Что легко пришло, то легко и ушло: значение легких (случайных) денег для лабораторных и полевых экспериментов;

Easy come, easy go: Ministerial turnover in Russia. / Что легко пришло, то легко и ушло: текучесть кадров среди министров в России.

Что касается поговорки *The trade follows the flag*, то, судя по заголовкам ряда статей, утверждение, что «торговля следует за флагом», не так актуально, как в прошлом, – это становится ясным из включения слова *still* (все еще) и вопросительной формы самой поговорки:

Does the flag follow trade?: 'Politicisation' and the emergence of a European foreign policy. / Торговля следует за флагом? Политизация и становление европейской внешней политики;

Does the flag still follow trade? Agency, politicization and external opportunity structures in the post-Lisbon system of EU diplomacy. / Действительно ли торговля продолжает следовать за флагом? Посредничество, политизация и структуры внешних возможностей в европейской дипломатической системе после заключения Лиссабонского договора;

The trade goes, and the flag follows? British state intervention and natural resource extraction in Colombia. / Торговля идет, а флаг следует за ней? Государственное вмешательство Британии в добычу полезных ископаемых в Колумбии.

В нашем исследовании мы также попытались проследить, как включенная в название статьи пословица актуализируется в тексте аннотации, которая, согласно определению, должна отражать основное содержание самой работы [3, с. 20]. С этой целью мы рассмотрели несколько аннотаций к статьям, в названиях которых встречается пословица *Money talks*.

Как следует из аннотации к статье "*Money Talks: Finance, War, and Great Power Politics in the Nineteenth Century*". / «Деньги решают все: финансы, война и великодержавная политика в XIX веке» [11], автор рассматривает роль денег в развязывании или, напротив, предотвращении войны. На примере банка Ротшильда автор показывает, как информация, предоставляемая банком австрийскому правительству и ряду других европейских держав во время межгосударственных кризисов в XIX веке, помогала предотвращать войны и вооруженные конфликты. Мы видим, что поговорка *Money Talks* на самом деле раскрывает идею влияния финансов на государственную политику в области международных отношений.

В статье "*Will Money Talk? Firm Bribery and Credit Access*". / «Все ли решают деньги? Коррупция в компаниях и доступность кредитов» [9] автор задается вопросом, действительно ли деньги решают все, и исследует, насколько коррупция в области кредитования влияет на развитие компаний. Вывод автора однозначен: если компания вовлечена во взяточничество, доступность кредитов уменьшается, и это ведет к замедлению её роста.

На основании анализа пословиц в названиях научных статей по экономической тематике мы пришли к следующим **выводам**:

- авторы активно включают поговорки в названия своих публикаций;
- количество этих поговорок ограничено (нам встретилось всего девять пословиц), и они относятся к числу наиболее популярных в разговорной речи;
- используемые пословицы отличаются точностью, лаконичной формой, умеренной образностью и высокой степенью обобщения;
- авторы отдают предпочтение парцелированным заголовкам, в которых пословица может находиться как в базовой, так и в отчлененной части предложения; стилистический прием парцелляции делает заголовок более динамичным и выразительным, а включение пословиц позволяет увеличить его привлекательность для читателя;
- в заголовках такого типа происходит смешение стилей, при котором пословица, относящаяся к разговорной речи (а иногда звучащая как просторечное выражение – *easy come, easy go*), соседствует с названием темы исследования, которая сформулирована в научном стиле, отличающемся использованием общенаучной и терминологической лексики. На наш взгляд, подобное смешение стилей несколько не вредит заголовку, а напротив, делает его более живым, выразительным. Метафоричность, свойственная пословицам, помогает авторам довести до читателя основную идею своего исследования;
- наряду с использованием пословицы в ее исходном варианте, авторы нередко видоизменяют ее: добавляют слова, которые усиливают или меняют значение пословицы, заменяют отдельные элементы, придают поговорки вид вопроса и т.д.; авторская оригинальная интерпретация пословицы делает заголовок еще более привлекательным, вызывая у читателя желание прочитать статью;
- содержание аннотации фактически иллюстрирует значение включенной в название поговорки, при этом сама пословица в тексте аннотации не приводится.

Наше исследование подтверждает тот факт, что пословицы не устаревают и продолжают активно использоваться не только в устной речи, но и в научном дискурсе, в частности в заголовках научных статей. Мы предполагаем, что благодаря таким своим качествам, как образность, лаконичность, мудрость, истинность, пословицы могут быть еще более востребованы в рекламе, основной целью которой является привлечение внимания потребителя к рекламируемому товару. Именно в этом **перспективном**, на наш взгляд, направлении мы хотели бы продолжить нашу исследовательскую работу, используя в качестве материала англоязычные рекламные кампании.

Список источников

1. Алексеева Т. Е., Федосеева Л. Н. Английские поговорки о богатстве и деньгах: семантический и прагматический аспекты // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 6 (139). С. 168-172.
2. Алексеева Т. Е., Федосеева Л. Н. Стилистические приемы и средства выразительности в английских пословицах // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2020. № 2 (287). С. 159-163.
3. Аннотация // Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2006.
4. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2-х т. М.: Русский язык, 2000. Т. 1. А – О. 1213 с.; Т. 2. П – Я. 1084 с.
5. Иноземцева Н. В. Парцелляция как основная синтаксическая модель заголовков иноязычных статей по методической проблематике // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 11. С. 114-118.

6. **Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.** Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Изд-е 4-е, доп. М.: А ТЕМП, 2007. 944 с.
7. **Granbo-Herranen L.** The Proverb Genre. A Relic or Very Much Alive? [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/326879627_The_genre_of_proverb_-_a_relic_or_very_much_alive (дата обращения: 20.09.2020).
8. **Mieder W.** Proverbs are never out of season. Popular wisdom in the modern age. Oxford: Oxford University Press, 1993. 284 p.
9. **Qi S., Ongena S.** Will Money Talk? Firm Bribery and Credit Access. Financial Management [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ebrd.com/publications/working-papers/will-money-talk.html> (дата обращения: 21.09.2020).
10. **Scopus** [Электронный ресурс]. URL: <https://www.scopus.com/> (дата обращения: 24.09.2020).
11. **Shea P. E.** Money Talks: Finance, War, and Great Power Politics in the Nineteenth Century // Social Science History. 2020. Vol. 44. № 2. P. 223-249.

The English Proverbs in Titles of Scientific Articles

Alexeeva Tatyana Evgenievna, PhD
Fedoseeva Larisa Nikolaievna, Dr
Academy of the FPS of Russia, Ryazan
tat-alexeeva@yandex.ru; LN-FEDOSEEWA@yandex.ru

The study aims to determine relevance of using the popular English proverbs in scientific discourse. The work is carried out using the material of titles of scientific articles dealing with economic topics. The researchers have identified 9 proverbs related to the material aspect of human life, which can be found among titles of research articles. The work describes the structure of the titles that incorporate proverbs, analyses their transformation by authors of the articles. The study is novel in that it assesses the place and describes the functions of such a form of oral lore (genre of folklore) as a proverb in scientific discourse, more specifically, in titles of scientific articles written in English. As a result, it was determined how frequently, in what form and for what purpose authors include proverbs in titles of their scientific works and how the meaning of a proverb is articulated in an article abstract.

Key words and phrases: English proverbs; scientific discourse; titles of scientific articles; economic topics.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.25>

Дата поступления рукописи: 31.10.2020

Цель исследования – определить наиболее оптимальные стратегии перевода архаичных онимов «Топографии Оренбургской» П. И. Рычкова. В статье анализируется их контекстуальное содержание и трудности их перевода на современный английский язык с точки зрения сохранения стилистической маркированности и одновременной понятности получателем перевода. **Научная новизна** определяется предметом исследования: «Топография» П. И. Рычкова впервые изучается с лингвистической и переводоведческой точек зрения. **В результате** исследования определено, что типичные приемы перевода онимов не всегда применимы к переводу архаичных единиц и необходима уникальная комплексная стратегия для каждой единицы, учитывающая широкую культурный контекст.

Ключевые слова и фразы: оним; «Топография Оренбургская» П. И. Рычкова; стратегия перевода; прием перевода.

Андреева Елена Дамировна, к. филол. н., доц.
Рузанова Софья Вадимовна
Оренбургский государственный университет
ied-may@mail.ru; ruzanova98@mail.ru

Особенности перевода онимов в «Топографии Оренбургской» П. И. Рычкова

Актуальность обращения к наследию Петра Ивановича Рычкова обусловлена значением его деятельности для Оренбургской области, которое трудно переоценить. Его труды были высоко оценены как его современниками (за научные заслуги он был первым принят в корреспонденты Академии наук), так и в XIX веке. А. С. Пушкин использовал работы Рычкова при написании «Истории Пугачевского бунта». П. П. Пекарский писал: «Если Пушкин назвал Н. М. Карамзина “Колумбом древней Руси”, то Рычкова, без преувеличения, можно считать “Колумбом Оренбургского края”, с историей которого русское интеллигентное общество впервые познакомилось из “Топографии” Рычкова и других его трудов» [12, с. 66].

Научное наследие П. И. Рычкова вызывало интерес ученых в XX веке и продолжает интересовать до сих пор. К его трудам обращаются специалисты в области истории, краеведения, географии, экономики, науковедения [5; 6; 9-11; 14; 17; 20]. Отмечаются разные грани исследовательского таланта «оренбургского Колумба», однако большинство исследователей творчества П. И. Рычкова сходятся во мнении, что его наиболее выдающимся трудом является «Топография Оренбургская» (1755, издана отдельной книгой в 1762), насыщенная топографическими наименованиями, которые во многих случаях с трудом поддаются расшифровке в настоящий момент. Данным фактом, а также тем, что отсутствуют четкие правила для перевода исторических

наименований, обуславливается *актуальность* изучения стратегий перевода онимов в указанном труде. Отсутствие полного понимания значения некоторых онимов носителями современного языка приводит нас к выводу, что такие приемы, как транскрипция и транслитерация, неприемлемы, т.к. требуют полноценного комментария, который дать затруднительно, а калькирование невозможно в силу отсутствия четкого понимания внутренней структуры наименования.

Для выявления оптимальных стратегий работы переводчика с онимами были поставлены следующие *задачи*: 1) определить значение онима или его этимологию; 2) изучить возможности переводящего языка в плане передачи исходного смысла именованного; 3) определить возможные стратегии и приемы перевода и обосновать наиболее оптимальные.

Методами исследования стали историко-этимологический и сравнительно-сопоставительный методы и контекстуальный анализ. Основную *теоретическую базу* нашего исследования составили работы Д. И. Ермоловича [4] по переводу имен собственных. В качестве концептуальной основы исследования выбраны работы Г. О. Винокура «О языке исторического романа» [2] и Л. Ветути «The Translator's Invisibility. A History of Translation» [24] о соотношении архаизации – модернизации и доместикиции – форенизации.

Практическая значимость исследования состоит в определении стратегии перевода имен собственных и иных наименований в исторических нехудожественных текстах для сохранения баланса между архаичностью текста и маркированностью его как «чужого» текста для принимающей культуры и возможностью его полноценного восприятия получателями перевода. Материалы исследования могут быть использованы при подготовке переводчиков в рамках спецкурсов по художественному переводу и переводу исторической литературы.

«Топография Оренбургская, то есть: обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочиненное коллежским советником и Императорской Академии наук корреспондентом Петром Рычковым», таково полное название книги издания 1762 года, рассматривалась уже современниками автора как труд, намного опередивший свое время, и предлагалось взять ее за образец, «на котором должны были учиться составлению топографических описаний другие авторы» [10, с. 48]. Структура книги даже с позиции современной науки не вызывает возражений, а значение сведений, изложенных в ней об истории, географии, природе, ископаемых, этническом составе Южного Урала, для того времени было просто огромным. «Из нее в первый раз узнаны были разные подробности о таком крае, который мало был известен не только большинству публики, но и самому правительству» [12, с. 66]. Сто лет спустя, несмотря на активное развитие географии и появление множества географических описаний Российской империи, П. П. Пекарский писал, что «Топография Оренбургская» (далее – «Топография») «все-таки остается единственной справочной книгой, без которой нет никакой возможности обойтись, как скоро речь заходит о состоянии Оренбургского края в прошлом столетии» [Там же]. В. Н. Витевский в фундаментальном труде о И. И. Неплюеве посвящает П. И. Рычкову несколько страниц, повторяя оценку П. П. Пекарского, и добавляет, что «Топография» – самый важный исторический труд [3, с. 297].

Значение этого труда как минимум для истории науки подтверждает тот факт, что сразу после публикации в журнале «Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие» «Топография» была напечатана отдельным изданием в 1762 году, затем Оренбургским отделом Императорского Русского географического общества в 1887 и в книге «Оренбургские степи в трудах П. И. Рычкова, Э. А. Эверсманна, С. С. Неуструева» в 1949 году. Однако в том виде, как задумывался – с ландкартами И. Красильникова, авторским предисловием, указателями и комментариями, труд П. И. Рычкова впервые был опубликован Институтом степи Уральского отделения РАН в 2010 г. Другим доказательством значимости «Топографии» может служить тот факт, что книга была издана дважды на немецком языке – в 1771-1773 гг. в Гамбурге (перевод Х. Г. Хазе) и в 1772 г. в Риге (перевод Я. Родде); переводом «Топографии» на немецкий язык занимался и выдающийся естествоиспытатель академик П. С. Паллас, но перевод остался незаконченным.

Принимая во внимание огромное значение данного историко-географического произведения и место П. И. Рычкова в исторической и географической науке, мы задались вопросом, представлена ли «Топография» на других языках, в частности на английском. Изучение теоретических источников о деятельности П. И. Рычкова, в которых указываются данные о переводе текста только на немецкий язык, а также поиск на англоязычных сайтах зарубежных библиотек и книжных магазинов позволили нам сделать вывод о том, что на английский язык рассматриваемый труд П. И. Рычкова не переводился. Данный вывод косвенно подтверждает статья профессора истории К. Леки, который при цитировании ссылается на русскоязычное издание [20].

Учитывая отсутствие перевода «Топографии» на английский язык, в 2019 году в ознаменование 285-летия назначения П. И. Рычкова бухгалтером Оренбургской экспедиции И. К. Кириллова был подготовлен проект по переводу книги на английский язык, в котором приняли участие студенты Оренбургского государственного университета. Одной из трудностей, с которыми мы столкнулись при переводе, стали многочисленные названия топографических (в понимании, которое вкладывалось в это слово в XVIII веке) реалий, в частности, перед нами возникла следующая проблема: часть наименований имеет соответствия в переводящем языке, что, на первый взгляд, должно облегчить работу переводчика. Однако если учесть время создания оригинала и степень «современности» имеющегося межязыкового соответствия, окажется, что данные соответствия нельзя употреблять, т.к. их появление в переводе может привести к модернизации текста. В связи с этим перед нами стояла задача найти баланс между маркированием текста как несовременного, архаичного, указанием на стилистические особенности и достаточным уровнем понимания текста реципиентом.

Согласно «Словарию русской ономастической терминологии» [15], оним – это «слово, словосочетание или предложение, которое служит для выделения именованного им объекта среди других объектов; его

индивидуализации и идентификации». Помимо имен собственных, к онимам отнесены родо-видовые названия флоры и фауны и именованья этнических групп. На материале «Топографии» можно выделить следующие наиболее частотные группы онимов: гидронимы (названия водных объектов); оронимы (названия поднятых форм рельефа); хоронимы (названия больших областей, стран, обширных пространств); ойконимы (названия населённых мест); этнонимы (названия наций, народов, народностей и т.д.); политонимы (названия всех граждан государства или региона); зоонимы (названия животных).

В первую очередь мы обратились к топонимам как основной единице, которой оперируют география и топография. Благодаря усилиям П. И. Рычкова на карте России впервые появился целый ряд рек и горных хребтов, сложились подробные очертания значительных географических территорий между Волгой и Уралом. В тексте «Топографии» широко представлены наименования водных и земных объектов (Яик, Хвалинское море, Кукчинские и Эремейские горы), регионов и территориально-административных единиц (Исетская провинция, Гирей-Кипчакская волость), различных государств (Бухария, Хива), многочисленных этносов (киргис-кайсаки, каракалпаки).

Среди приемов передачи имен собственных на иностранном языке Д. И. Ермолович выделяет принцип графического подобию, или транслитерацию, в основе которого лежит «перенос графической формы имени без изменений из текста на одном языке в текст на другом языке» [4, с. 15]. К данному приему можно прибегнуть тогда, когда в тексте есть прямое указание на то, к какому классу объектов относится объект, название которого мы переводим, или это понятно из контекста и не требует пояснения. Такой прием мы, прежде всего, использовали при переводе большинства гидронимов и оронимов, т.к. в тексте «Топографии» они часто сопровождаются классификационным словом (река, озеро, гора, хребет и т.д.):

«...на реке *Tore*, впадающей в *Hugush* (а сия пала в реку *Белую*), построил первый завод, именовав его Воскресенским...» [16, с. 194]. / “So Tverdyshev explored many new ore-rich places on the *Tor River* (which flows into the *Belaya’s tributary Nugush*) and built the first smelting plant” (здесь и далее перевод авторов статьи. – Е. А., С. Р.).

В данном примере два гидронима сопровождаются словом «река», а отнесенность к рекам третьего наименования – Нугуш – понятна из контекста за счет стоящего рядом слова «впадающей». В нашем переводе мы оставили классификационное слово “river” только у основного предмета сообщения – *Tor River*, – переставив слова согласно традиции английского языка, а Нугуш и Белая объединены в одно сочетание словом “tributary”, заменившим «впадающей», таким образом сохранена контекстуальная подсказка и соблюдено равенство восприятия получателей оригинала и перевода. Однако для русскоязычного читателя название реки Белая несет в себе дополнительную сему, которая указывает на этимологию названия. Данная сема теряется в предложенном переводе. Перед нами стоял выбор: перенести название в текст без изменения согласно правилу первоочередной транслитерации или транскрибирования топонимов (*Mont Blanc* – Монблан, а не Белая гора) или сделать семантический перевод, опираясь на исключение из данного правила, т.к. в составе топонима «река Белая» есть значимые слова (по аналогии с Черное море – *the Black Sea*). Мы сделали выбор в пользу первой стратегии, т.к. решено было по возможности сохранить национальную специфику текста, а также по той причине, что этимологическое происхождение названия реки в последующем тексте не играет роли.

«...разве окажется что-либо впредь, а особливо когда вышеописанные в *Киргиз-Кайсацких* ордах находящиеся горы, а именно: *Алгынский Сырт*, *Эремейские*, *Кукчинские*, *Баян-Ула*, *Улу-Тау* и другие тамошние горы, знающими людьми будут осмотрены» [Там же]. / “Precious metals are likely to be found if the *mountains* of the Middle Zhuz such as *Algyn Syrt*, *Ereymantau*, *Kokshetau*, *Bayan-Ula*, *Ulu-Tau* and others are inspected by geology savants”.

Этот пример иллюстрирует проблему национально-языковой принадлежности имён собственных: все названия гор имеют тюркское происхождение, и в их составе есть значимые слова.

Так, «сырт» с тюркских языков обозначает «возвышение, холм»; для географии Заволжья и Южного Предуралья сырт – это вытянутая плоская увалистая возвышенность, обычно служащая водоразделом; в отношении Тянь-Шаня и Памира сыртом называют тип нагорья, служащий пастбищем. Жителям Оренбургской области и примыкающих к Южному Уралу регионов хорошо известно название Сырт, или Общий Сырт, служащий водоразделом Волги и Урала, это понятие прочно связано с холмистой местностью. Поиск и анализ этого слова по англоязычным источникам выявили, что есть два варианта написания – “syrt” и “szyrt”. В последнем варианте слово встречается в основном в англоязычных работах русских, киргизских, казахских и китайских авторов [18; 22; 23; 25] в узкоспециальном контексте. Мы выбрали вариант *syrt*, поскольку именно в этой форме слово стоит в статье из Британской энциклопедии [21]. Вопрос замены слова «сырт» на “hill”, “uplands” или “watershed” не стоял, поскольку в русском языке оно, скорее, воспринимается как имя собственное.

Названия Эремейских и Кукчинских гор, которые использовал П. И. Рычков, появились благодаря кальке с оригинальных казахских названий Ерейментау и Көкшетау (рус. Кокшетау). Тюркское слов «таш/тау» значит «камень, гора», и все топонимы с этим компонентом – значимые имена на тюркском: Кокшетау – Синие горы, Ерейментау – Малые горы, Улу-Тау – Великие горы. Баян-Ула, практически без сомнения, искаженное Баян-аул, т.е. Богатые горы.

Возникает переводческая проблема: с какого языка переводить названия и какой использовать прием – транслитерацию/транскрипцию или семантический перевод? Поскольку имена собственные не расширяются носителями русского языка как семантически значимые, то решено было использовать транслитерацию/транскрипцию. Кроме того, в данном примере перед названиями гор и горных хребтов стоит обобщающее

слово «горы», что облегчает восприятие топонимов иноязычным читателем. Также в рамках нашей стратегии сохранения национального своеобразия текста мы предпочли воссоздавать облик безэквивалентных слов именно с тюркских форм.

Похожая проблема встречается и среди этнонимов. Тюркский народ каракалпаки, который исконно проживал в дельте реки Амударьи на территории, ныне преобразованной в суверенную республику Каракалпакстан (Узбекистан), до 1966 использовал по примеру соседних республик кириллицу и обозначал себя как Қарақалпақлар, а затем перешёл на латиницу и до сих пор именуется Qaraqalpaqlar. Данный оним можно перевести двумя способами: с помощью транслитерации – Karakalpaks, что более соответствует графическим стандартам английского языка, либо прибегнуть к транспозиции, или принципу этимологического соответствия [4, с. 24], и оставить самоназвание Qaraqalpaqs на латинице, чтобы подчеркнуть национальную идентичность народа и стилистическую особенность исторического текста. Мы проверили частотность употребления обоих вариантов с помощью инструментов поиска Google – более частотным в англоязычном сегменте оказался вариант Karakalpaks, поэтому его можно считать предпочтительным.

Особого внимания потребовал этноним «киргиз-кайсаки», поскольку для его адекватной передачи было необходимо ознакомиться с историческим контекстом. Самоназвание коренного жителя Казахстана – хасак («свободный, скитающийся» [13, с. 282]) – впервые зафиксировано в XIV в., когда оно употреблялось для обозначения кочевников Средней Азии. В результате распада после смерти хана Абул-хаира сильного Узбекского улуса, занимавшего восточную часть Оренбургской губернии, область сибирских киргизов, южную половину Акмолинской и северную часть Семипалатинской области [8], узбекские племена приняли в свой состав многие другие племена и тем самым расширили свои владения, получив от соседей имя «казаки». С возникновением казачества в царской России и в советское время (до 1925 г.) их стали именовать киргиз-кайсаками, чтобы не путать с казаками. Так, историк Г. В. Вернадский отмечает: «Форма казах, теперь официально принятая в Советском Союзе, вариант слова казак, которое в нескольких тюркских диалектах означает “свободный человек”, “свободный искатель приключений” и, отсюда, “житель приграничной полосы”. В его основном значении этим словом называли как группы татарских, украинских и русских поселенцев (казаки), так и целый среднеазиатский народ киргизов (казахов)» [1]. С 1925 г. киргиз стали именовать казаками, а с 1936 г. появилась современная форма этнонима казах. Таким образом, киргиз-кайсаками называли казахов, чтобы не путать с казаками. Отсюда следует, что:

1) нежелательно использовать лишь этноним Kirghiz и тем более его современный вариант Kyrgyz, поскольку в таком случае будет подразумеваться другой народ, косвенно имеющий отношение к тому, о котором пишет П. И. Рычков;

2) нежелательно использовать современный этноним Kazakh, поскольку на момент написания книги такой формы не существовало официально и она не получила в ней отражения. При этом, однако, можно использовать вариант Kazak, поскольку он существенно отличается от английского Cossack [19, p. 95].

С учетом приведенных выше аргументов есть два наиболее удачных варианта перевода данного этнонима: Kirghiz-Kaisak или Kirghiz-Kazak. Первый более удачен в плане отражения самобытности текста, а второй – более понятен англоязычному реципиенту. Соответственно, под Киргиз-кайсацкой степью следует понимать современную Казахскую равнину, которая на тот момент сродни ее обитателям именовалась Киргизской степью.

Известно, что примерно к XVIII в. (к моменту написания «Топографии») относится разделение киргиз-кайсацкой орды на три части – Большую, Среднюю и Малую орды. В «Топографии» приводятся обозначения одной из них: «киргисская Средняя орда», «киргиз-кайсацкие орды». Средняя орда, или Средний жус, может переводиться как Middle zhuz, Middle horde или Orta zhuz, из этих вариантов последний лучше всего отражает историческую самобытность текста. По данным поиска вариантов названия Средней орды на английском языке наиболее употребимым является Middle horde, что объясняется более высокой степенью понятности слова horde для англоязычных реципиентов. В совокупности словосочетание Middle horde оказывается относительно легко расшифровываемым. Мы считаем наиболее приемлемым следующую стратегию перевода данного названия: использовать вариант Middle zhuz, но в первом случае сопроводить его параллельным названием Middle horde в скобках.

Аналогично может существовать несколько вариантов перевода оронима Заяцкая степь. Можно следовать примеру перевода Забайкалья (Transbaikalia) и Закавказья (Transcaucasia) и получить Transural, или Transyaik Steppe, либо перевести на манер Закарпаття (Zakarpattia) и Запорожья (Zaporizhia) и перевести топоним как Zayaik Steppe. На наш взгляд, более целесообразно сохранить элемент прежнего названия реки Урал и сопроводить такой перевод сноской или небольшим уточнением в самом тексте.

Трудности вызывает и передача на английский язык названий животных, которые также могут быть отнесены к онимам. Часть зоонимов представляет собой названия, которые сохранились и в современном языке, часть представляет собой архаичные формы. Некоторые из архаичных онимов легко поддаются дешифровке, идентификация других представляет собой значительную трудность даже для специалистов-зоологов.

Рассмотрим стратегию перевода архаичного дешифруемого зоонима на примере слова «баба».

«Баба подобна несколько лебедю, но величиною гораздо больше, перо имеет белое...» [16, с. 213-214].

Птица баба – это хорошо знакомый русскоязычным и англоязычным реципиентам пеликан. В качестве приема перевода в данном случае выбрано сочетание транслитерации с параллельным наименованием:

“A baba-bird, or a pelican, is somewhat similar to a swan owing to its white plumage but is much bigger in size”.

В данном случае для англоязычного реципиента снимаются трудности восприятия, тогда как русскоязычному читателю придется искать дополнительную информацию самостоятельно, если издание не сопровождается комментариями. Несмотря на разницу прагматического потенциала оригинала и перевода, мы считаем этот вариант наиболее оптимальным, т.к. серьезных отклонений от оригинала не происходит и сохраняется архаичный (для иноязычного получателя – экзотический) колорит.

«*Бабр* есть отродие *тигров*, видом схож к рыси, или к кошке» [Там же, с. 199]. / “A babr is a kind of tiger looking similar to a lynx or a cat”.

В этом примере переводчик может смело оставить транслитерированную единицу *babr* без пояснения, т.к. необходимая для дешифровки сообщения информация уже содержится в тексте. Но мы считаем рациональным добавить в этом случае комментарий к слову *babr*, который пояснит иноязычному получателю наличие иной лексемы для наименования тигров: “«Babr» is an obsolete Russian word for tigers and leopards”.

Иногда единица перевода может иметь неоднозначный, неопределённый характер в исходном языке, и здесь переводчику требуется собрать как можно больше информации и в зависимости от контекста найти наилучший вариант перевода. Так, например, П. И. Рычков описывает кутему и лакс-форель:

«*Кутема*, род красных рыб, но вкус имеет отменный. Оных во многих каменистых речках, по ту и по сю сторону Уральских гор, ловится довольно.

Лакс-форели в тех же речках попадают, и называются по-тамошнему *пеструшки* от имеющих на них красных пятен» [Там же, с. 219].

Вопрос идентификации этих видов рыб нашел свое отражение в отдельных работах специалистов [7], но тем не менее однозначного ответа они не дают. На основании этих исследований можно с большой долей вероятности заявлять, что пеструшка – это народное название ручьевой форели (brook trout). Наиболее правдоподобная версия относительно кутемы состоит в том, что она является озерной форелью (lake trout), однако существуют и другие гипотезы, проверить которые уже не представляется возможным. В таком случае в переводе оправданы дополнительные уточнения, которые могут служить опознавательными знаками для специалистов:

“The Kutema¹ or the lake trout, is a delicate fish of the salmon species. They largely occur in many rocky rivers across both eastern and western slopes of the Urals. The brook trout lives in the same rivers and is sometimes called pestrushka² due to its red-speckled colouration”.

¹ from Chuvash ‘luminous’, ‘lustrous’.

² from Russian pyostrы ‘spotted’, ‘speckled’.

Проведенный анализ позволяет нам сделать следующие **выводы**. Архаичные онимы требуют определения значения или этимологии, однако это не всегда возможно ввиду степени устаревания текста, что вызывает дополнительные трудности при переводе. Возможности переводящего языка в передаче онимов могут быть ограничены стилистикой, частотностью употребления слова, адекватностью их восприятия иноязычным реципиентом, что препятствует выработке единой стратегии перевода для текста в целом и требует построения стратегии перевода для каждого онима в отдельности. Переводчику приходится искать баланс между стратегиями архаизации и модернизации, форенизации и доместикации, выявлять все возможные варианты, учитывать их стилистическое равенство исходной единице, национально-исторический и географический контекст, выстраивающийся вокруг произведения, уметь находить важную для обоснования варианта перевода фоновую информацию. В процессе работы над проектом и теоретического осмысления возможных стратегий и приемов перевода онимов нами были предложены возможные варианты перевода имен собственных (в частности, топонимов, этнонимов и зоонимов) на английский язык, что было реализовано в тексте перевода.

Перспективы исследования видятся в изучении иных типов онимов «Топографии» П. И. Рыčkова, привлечении к анализу стратегий перевода английских текстов схожей тематики и близкого временного периода, а также в выработке общих рекомендаций по работе с текстами данного исторического периода и данного типа.

Список источников

1. Вернадский Г. В. Монголы и Русь [Электронный ресурс]. URL: <http://oldru.com/vernadsky/ver03/menu.htm> (дата обращения: 10.06.2020).
2. Винокур Г. О. О языке художественной литературы. М.: Высшая школа, 1991. 447 с.
3. Витевский В. Н. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г.: в 4-х т. Казань: Типография В. М. Ключникова, 1897. Т. 1-2. 699 с.
4. Ермолович Д. И. Имена собственные на стыке языков и культур. М.: Р.Валент, 2001. 200 с.
5. Ефремов А. В. Петр Иванович Рычков: историк и просветитель. Казань: Татарское книжное изд-во, 1995. 116 с.
6. Ефремов А. В. Рычков Петр Иванович: Колумб Оренбургского края и Спасский Нестор. Казань: Школа, 2015. 56 с.
7. Казачков Г. В. К вопросу об идентификации рыб, описанных в трудах XVIII и XIX вв. под названиями «пеструшка» и «кутема», на территории Оренбургской области (по литературным источникам) // Поволжский экологический журнал. 2002. № 2. С. 166-171.
8. Киргиз-кайсаки [Электронный ресурс] // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/52000/Киргиз (дата обращения: 15.06.2020).
9. Матвиевский П. Е., Ефремов А. В. Петр Иванович Рычков, 1712-1777. М.: Наука, 1991. 265 с.
10. Мильков Ф. Н. П. И. Рычков. Жизнь и географические труды. М.: Географгиз, 1955. 142 с.
11. Оренбургские степи в трудах П. И. Рыčkова, Э. А. Эверсмманна, С. С. Неуструева / под ред. Ф. Н. Милькова. М.: Географгиз, 1949. 414 с.
12. Пекарский П. П. Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рыčkова. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1867. 184 с.

13. Петкевич К. Казачье государство // Раннее государство, его альтернативы и аналоги: сборник статей / под ред. Л. Е. Гринина, Д. М. Бондаренко, Н. Н. Крадина. Волгоград: Учитель, 2006. С. 280-303.
14. Петр Иванович Рычков // Отечественные экономико-географы XVIII-XX вв.: биографические очерки. М.: Учпедгиз, 1957. С. 93-98.
15. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1988. 192 с.
16. Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. Сочинение 1762 года. Оренбург: Типография Б. Бреслина, 1887. 439 с.
17. Уханов И. С. Рычков. М.: Мол. гвардия, 1996. 235 с.
18. **Climate Change Vulnerability Assessment for Central Tian-Shan, Kyrgyzstan** [Электронный ресурс] / prepared by F. Balbakova, A. Alamanov, O. Lipka. URL: https://wwf.ru/upload/iblock/97e/climarreport_all_26mart2015_transl_maps_title2-1_.pdf (дата обращения: 01.06.2020).
19. Kirghiz // The Encyclopaedia Britannica. 9th ed. N. Y.: Charles Scribner's Sons, 1882. Vol. XIV. P. 94-96.
20. Leckey C. Envisioning Imperial Space: P. I. Rychkov's Narratives of Orenburg, 1730s-70s // Region. 2017. Vol. 6. № 2. P. 175-199.
21. **Obshchy Syrt** [Электронный ресурс] // Encyclopædia Britannica. URL: <https://www.britannica.com/place/Obshchy-Syrt> (дата обращения: 10.06.2020).
22. Petrishchev V. P., Chibilev A. A., Sivokhip Z. T. Cluster differentiation of spring groundwater outcrops in the Southern Ural Region // Geography and Natural Resources. 2012. Vol. 33. Iss. 2. P. 165-171.
23. Sergaliev N. Kh., Akhmedenov K. M., Kabdulova G. A. Horizontal Deformations of the Ural River Bed on the West Kazakhstan Territory [Электронный ресурс]. URL: http://www.lifesciencesite.com/ljsj/life1012s/114_22404life1012s_721_727.pdf (дата обращения: 10.06.2020).
24. Venuti L. The Translator's Invisibility. A History of Translation. L.: Routledge, 2008. 353 p.
25. Wang W., Kong J., Duan L., Wang Y., Ma X. Research on the conversion relationships between the river and groundwater in the Yellow River drainage area [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/227057309_Research_on_the_conversion_relationships_between_the_river_and_groundwater_in_the_Yellow_River_drainage_area (дата обращения: 10.06.2020).

Specifics of Translating Onyms in “Topography of Orenburg” by P. I. Rychkov

Andreeva Elena Damirovna, *PhD*
 Ruzanova Sofia Vadimovna
 Orenburg State University
 ied-may@mail.ru; ruzanova98@mail.ru

The study aims to identify the most optimal strategies of translating archaic onyms in P. I. Rychkov's “Topography of Orenburg”. The article analyses their contextual content and difficulties of their translation into the modern English language from the position of preserving stylistic markedness and simultaneous accessibility to translation receivers. Scientific novelty lies in the research subject: P. I. Rychkov's “Topography” is for the first time considered from the standpoint of linguistics and translation studies. As a result, it was found that typical methods of translating onyms cannot be always applied to translate archaic units, there has to be a unique complex strategy for each unit, which takes into account broad cultural context.

Key words and phrases: onym; “Topography of Orenburg” by P. I. Rychkov; translation strategy; translation technique.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.26>

Дата поступления рукописи: 16.10.2020

Цель исследования заключается в моделировании процесса формирования семантики английских адвербиальных фразеологических единиц. **Научная новизна** состоит в том, что в нем впервые механизм взаимодействия фреймов и составляющих их слотов, соотнесенных с внутренней формой и значением указанных единиц, рассматривается как определяющий их семантические характеристики. **Полученные результаты** показали многообразие концептуально-семантических связей, лежащих в основе адвербиальных фразеологических единиц, и сложность процесса взаимодействия стоящих за ними фреймовых структур и их слотов, что свидетельствует о специфике концептуализации знания о мире в данных фразеологических единицах.

Ключевые слова и фразы: адвербиальная фразеологическая единица; фрейм; метафора; метонимия; метафтонимия.

Иванова Елизавета Васильевна, д. филол. н., проф.
 Санкт-Петербургский государственный университет
 lisa181054@gmail.com

Фреймовая структура адвербиальных фразеологических единиц английского языка

Фреймовый подход к анализу различных типов фразеологических единиц широко применяется в современной лингвистике и разрабатывается, в частности, в трудах Н. Ф. Алефиренко [1], Е. М. Булатовой [4],

А. А. Пинтовой [11], О. Ю. Ромашиной [12] и др. Обширное, детальное описание теории и практики использования фреймового анализа в области фразеологии и убедительное обоснование результативности и перспективности подобного подхода представлены в работе А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского [2]. Авторы, в частности, подчеркивают, что значение идиом порождается при операциях над знаниями, а не переносится, как традиционно было принято считать в лингвистике [Там же]. Таким образом, *актуальность* настоящей статьи определяется тем, что проводимое в ней исследование направлено на моделирование формирования семантики фразеологических единиц (ФЕ) на основе теории фреймов. Дальнейшие изыскания в этом направлении и сравнительное изучение фреймовой структуры различных типов ФЕ продвигают представление фразеологов о комплексных процессах, лежащих в основе образования их семантики.

Адвербиальные фразеологические единицы (АФЕ), соответствующие по своему обобщенному, грамматическому значению и синтаксическим функциям наречиям, не были предметом столь же пристального внимания со стороны лингвистов, как, например, глагольные, субстантивные или же адъективные, что связано, очевидно, с их относительной немногочисленностью и справедливо в отношении исследований фразеологии различных языков. Обобщающая структурно-семантическая классификация английских адвербиальных фразеологических единиц была произведена А. В. Куниным [9], разделившим их на качественные и обстоятельственные и разграничившим АФЕ с классом фразеологических интенсификаторов.

Среди современных исследований, посвященных английским АФЕ, можно назвать работы Л. М. Зиннатуллиной [6; 7] и Р. Р. Ялаловой [13], при этом оба исследователя рассматривают данные единицы в сопоставительном аспекте и опираются при их классификации на концепцию А. В. Кунина.

Частое отсутствие в компонентном составе АФЕ наречия (в отличие от глагольных и субстантивных фразеологических единиц, где ключевые компоненты соответственно глагола и существительного представлены) делает особенно интересным исследование АФЕ с позиций теории фреймов, поскольку позволяет предположить комплексный характер взаимосвязи между фреймами и отдельными слотами фреймов.

Реализация поставленной цели предполагает решение следующих *задач*:

- Выявление сходства и различия в строении фреймовой структуры адвербиальных, глагольных и субстантивных ФЕ.
- Моделирование динамики взаимодействия фреймов при формировании семантики АФЕ.
- Рассмотрение конкретизации фреймовых структур при использовании АФЕ в текстах.

Моделирование понимается в статье как формализованное представление процесса порождения актуального значения ФЕ с помощью метаязыка фреймов и операций над ними [2].

Внутренняя форма (ВФ) фразеологической единицы рассматривается как ее буквальное значение, отражающее мотивировочный признак и находящееся в определенном отношении с денотативным значением ФЕ.

В статье использованы *методы* семантического и сравнительного анализа, дефиниционного анализа, фреймового анализа, метод моделирования, метод контекстуального анализа.

Теоретической базой исследования служат работы А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского [Там же], Н. Н. Болдырева [3], О. В. Гусельниковой [5], М. Минского [10], Ж. Фоконье и М. Тернера [15].

Практическая значимость результатов исследования состоит в возможности их использования в курсах и спецкурсах по лексикологии и фразеологии, семасиологии и когнитивной лингвистике.

Материал собран по Оксфордскому словарю идиом [18]. В качестве материала анализа в настоящей статье рассматриваются образные АФЕ, имеющие и не имеющие в своем составе наречный компонент.

Прежде чем обратиться к непосредственному анализу материала, необходимо отметить ряд моментов, касающихся теории фреймов и релевантных для настоящего исследования. В соответствии с концепцией М. Минского фрейм рассматривается как ментальная/когнитивная структура знания, отображающая типичную ситуацию, известную человеку из опыта [10]. Как считает Н. Н. Болдырев, с помощью фреймов возможно установить взаимодействие структур знания и семантического пространства языка [3]. В этой связи необходимо подчеркнуть двойной статус фрейма. С одной стороны, фрейм отражает восприятие носителями языка типичной (стереотипной) ситуации, что позволяет описывать мировосприятие говорящего на данном языке и относящегося к данной культуре народа, а также устанавливать некоторые общие закономерности осмысления действительности и фиксации полученного знания в языковых знаках. С другой стороны, как отмечают исследователи, фрейм выступает как средство анализа языковой семантики в определенном ракурсе, как инструмент исследования взаимосвязи между языковыми и ментальными структурами, т.е. представляет собой единицу метаязыка [2; 5]. В этом отношении его место в научной парадигме аналогично месту, занимаемому концептом [8].

Особый интерес представляет фреймовый анализ метафорических единиц, поскольку метафора способна формировать и структурировать различные фреймы одной и той же ситуации [19]. Данное положение позволяет рассматривать фразеологический фонд как источник богатого материала для фреймового анализа, причем следует подчеркнуть, что не только метафора, но и метонимия, и метафтонимия создают заслуживающие внимания схемы взаимодействия компонентов концептуальных фреймовых структур. Механизм взаимодействия фреймов ВФ и значения анализируется с позиций синхронии. Таким образом, как и в исследовании А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского [2], акцент делается на актуальной семантике ФЕ. Это положение особенно важно в отношении АФЕ, поскольку в диахроническом плане многие из них выделились из состава глагольных ФЕ, т.е. первоначально были связаны со слотом в составе фреймовой структуры иных по своим свойствам языковых единиц.

В общем плане концептуальная структура ФЕ состоит из двух фреймовых, связанных с их ВФ и значением. Часть слотов во фрейме ВФ имеют непосредственные наименования. Слоты фрейма значения таких наименований не имеют и моделируются исследователем на основе анализа дефиниции. Не названные слоты фрейма ВФ определяются в зависимости от представленной в нем ситуации.

Сравним фреймовые структуры АФЕ и глагольных и субстантивных ФЕ. Как показывает анализ, у глагольных и субстантивных ФЕ большая часть или все слоты ВФ названы в ее фрейме, а связанные с ними слоты значения конкретизируются при речевом употреблении ФЕ.

Так, у фреймов, соотнесенных с ВФ и значением глагольных ФЕ, могут быть названы все слоты, кроме слота действующего (или подвергающегося воздействию) субъекта. Например, у ФЕ *rock the boat – say or do something to disturb an existing situation* [18] (ухудшать сложившуюся ситуацию) слот субъекта во фрейме ВФ представлен обобщенным наименованием лица, а во фрейме значения может быть репрезентирован наименованиями лица или процессов, конкретизация которых происходит в контексте.

Injuries to Strachan and Sterland rocked the boat last year [17]. / Урон, нанесенный Страсан и Стерланд, усугубил ситуацию в прошлом году (здесь и далее перевод выполнен автором статьи. – Е. И.). В данном примере слот субъекта конкретизируется наименованием посредством существительного “*injuries*” (зд. урон).

As long as you don't rock the boat, nobody cares what you do [Ibidem]. / До тех пор, пока ты не «раскачиваешь лодку», никого не беспокоит, что ты делаешь. В этом примере слот субъекта конкретизирован местоимением “*you*” (ты).

Наличие наименования слота действия во фрейме ВФ определяет соответствующий слот во фрейме значения.

У фреймов, связанных с ВФ субстантивных ФЕ, все слоты могут быть названы. Так, у ФЕ *straight arrow – an honest person* [18] (честный человек) во фрейме ВФ названы слоты субъекта *arrow* (стрела) и свойства *straight* (прямой), соотнесенные соответственно со слотами значения *person* (человек) и *honest* (честный). В процессе концептуальной интеграции [15] активируются слоты свойств: прямой по своему полету (возможно, и форме) стрелы и честного в своих поступках и отношениях к другим, т.е. не отступающего от своих принципов, прямо действующего человека. На основе общей концептуальной области, репрезентированной свойством прямоты, фрейм прямой стрелы проецируется на фрейм прямого, т.е. честного человека. При использовании ФЕ в тексте происходит конкретизация носителя свойства во фрейме значения:

Friends described Menendez as a straight arrow who rarely drank and was close to his family [14]. / Друзья отзывались о Менендесе как о честном малом, который редко выпивал и был в близких отношениях с семьей.

По-иному обстоит дело с фреймами адвербиальных ФЕ, не имеющих непосредственных наименований субъекта или действия во фрейме ВФ. При этом имена слотов субъекта действия во фрейме значения, а часто и ВФ при рассмотрении АФЕ вне контекста носят обобщенный характер, аналогично именам субъекта у фреймов глагольных ФЕ, и могут быть описаны как, например, «лицо» или «неодушевленный объект», и только в речи конкретизируются непосредственными наименованиями лица или объекта. Например, слот субъекта в обоих фреймах АФЕ *with bated breath – in great suspense* [18] (затаив дыхание, напряженно) представляет собой обобщенное наименование лица, слот действия уже и конкретнее, и может быть заполнен глаголами *to wait* (ждать), *to expect* (ожидать), *to anticipate* (предвкушать), *to listen* (слушать), *to watch* (наблюдать), *to look at smb/smith* (смотреть на кого-то/что-то), *to follow smb/smith* (следить за кем-то/чем-то). Таким образом, хотя и незначительная, но вариативность слота действия во фрейме значения присутствует, в отличие от соответствующего слота у большинства глагольных ФЕ. Конкретизация обоих слотов происходит в контексте.

I waited with bated breath as the results were read out [14]. / Когда зачитывались результаты, я ждал, затаив дыхание. Слот субъекта конкретизируется местоимением “*I*” (я), а слот действия – глаголом “*wait*” (ждать).

Отношения между ВФ и значением образных АФЕ можно отнести к метафорическим, метонимическим или метафтонимическим, что обусловлено характером взаимосвязи между слотами и фреймами в их концептуальной структуре.

К метафорическим относится, например, АФЕ (*back*) *to square one – back to the starting point with no progress made* [18] (в самое начало после полного фиаско), у которой фрейм ВФ репрезентирован ситуацией настольной игры, в которой один из игроков вынужден вернуться на первый квадрат и начать играть сначала. Во фрейме значения представлена обобщенно-неопределенная ситуация возврата в начало деятельности. При концептуальной интеграции на слот начальной точки возобновления деятельности проецируется слот первого квадрата, к которому возвращается игрок. Важно подчеркнуть, что при реализации метафоры оказываются задействованными все компоненты ситуации / слоты фреймов. При этом происходит расширение диапазона слота субъекта по сравнению с соответствующим слотом во фрейме ВФ, он не ограничен только игроком и, помимо разнообразных наименований лица, может быть заполнен разнообразными наименованиями процесса: *building* (строительство), *development* (развитие), *examination* (рассмотрение), *investigation* (исследование) и пр.

But now, after their appeal, the investigation is back at square one [16]. / Но теперь, после их апелляции, расследование вернулось к исходной точке.

Что касается слота действия, то возможности его заполнения в данном случае гораздо уже. Слот может быть представлен глаголами *to be* (быть), *to go* (идти), *to return* (вернуться), *to start* (начать).

None of the applicants were suitable, so we had to go back to square one and advertise the job again [14]. / Ни одна кандидатура не подошла, так что нам пришлось начать все сначала и снова дать объявление о работе.

Метафора также характерна для АФЕ *down the road* (в будущем), *down to the ground* (полностью), *once in a blue moon* (очень редко, практически никогда), *from A to Z* (во всем диапазоне, полностью), *at a low ebb*

(в упадке), *in fine (or high) feather* (воодушевленно, в хорошем настроении), *between you and me and the bedpost* (тайно) [18] и др.

При метонимии в соответствии с утверждением А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского имеется лишь один фрейм со связанными по смежности слотами [2]. На наш взгляд, этот фрейм можно рассматривать как своего рода совмещение, наложение друг на друга фреймов ВФ и значения, что позволяет сохранить единство подхода при анализе семантики ФЕ как результата взаимодействия двух фреймовых структур.

Так, в АФЕ *under the counter – surreptitiously and usually illegally* [18] (тайно, часто нелегально) представлена ситуация получения денег/товаров под прилавком. Слот места совершения действия связан со слотом качественной характеристики действия, которая естественным образом обусловлена характеристикой места и является ее следствием. Наименование первого слота используется для наименования второго, а остальные слоты ситуации конкретизируются в контексте.

The kids managed to get cigarettes under the counter [14]. / Детям удалось тайком раздобыть сигареты.

Среди метонимических АФЕ отдельную группу образуют АФЕ с компонентами-соматизмами:

with open arms – with great affection or enthusiasm [18] (с распростертыми объятиями, радушно);

behind your back – without your knowledge and in an unfair way [Ibidem] (тайно).

Фреймовая структура первой АФЕ основана на том, что положение части тела человека в пространстве является индикатором его психического состояния. Конкретизация субъекта происходит в контексте, вне контекста слот субъекта фреймов ВФ и значения одинаков и варьируется в том же диапазоне.

К метонимическим также относятся АФЕ *on your (or the) doorstep* (близко), *within spitting distance* (близко), *from day one* (с самого начала), *over the counter* (свободно, без лицензии или рецепта), *in the blink of an eye* (моментально), *hands down (especially of winning)* (легко и решительно) [Ibidem] и ряд др.

Метонимия может сочетаться с метафорой, приводя к реализации метафтонимии. Так, у АФЕ *with your head in the clouds – out of touch with reality* [Ibidem] (витая в облаках) часть тела человека расположена в нереальном пространстве во фреймовой структуре ВФ, в отрыве от всего тела. «Отрыв головы» от тела проецируется на отрыв восприятия мира человеком от реального положения дел на основе общей области при процессе концептуальной интеграции: отделение субстанции от целого. Таким образом, с одной стороны, следствием нахождения головы в облаках является невосприимчивость человека к окружающей его действительности, отстраненность от нее (метонимия), с другой стороны, эта отстраненность видится как нахождение головы не там, где она должна быть, в необычном и непривычном месте (метафора).

Во фрейме АФЕ *at daggers drawn – in a state of bitter enmity* [Ibidem] (крайне враждебно) представлена ситуация, в которой два лица, находящиеся во враждебных отношениях, противостоят друг другу с обнаженными кинжалами. Слот субъекта, таким образом, репрезентирован обобщенным наименованием лиц и связан со слотом отношения, которое характеризуется слотом «враждебно» и имеет своим следствием непосредственно названный слот «кинжалы, вынутые из ножен», соотношенный с ним по смежности. В то же время ситуация враждебного противостояния с обнаженными кинжалами проецируется на обобщенную ситуацию противостояния субъектов на основе признака «враждебно». Таким образом, с одной стороны, во фрейме, связанным с ВФ, реализуется метонимическое отношение (пространственное расположение предметов в руках субъектов → качественная характеристика их взаимоотношения), с другой стороны, между фреймом ВФ и значения существует отношение метафорическое.

Вследствие реализации метафоры во фрейме значения слот субъекта оказывается шире и может быть представлен не только наименованиями людей, но и наименованиями различных по объему профессиональных, политических, социальных и пр. объединений людей. Конкретизация этого субъекта происходит в контексте:

The countries are at daggers drawn about the use of the canal that they share [16]. / Страны относятся друг к другу крайне враждебно в связи с использованием канала в общей собственности.

Таким образом, в случае метафтонимии концептуальная структура АФЕ складывается из двух фреймов. Во фрейме ВФ существует метонимическое отношение между слотами, а между фреймами ВФ и значения – отношение метафорическое.

Метафтонимия присуща АФЕ *out of the blue* (неожиданно), *at death's door* (на грани смерти, на пороге смерти), *in cold blood* (хладнокровно), *with both barrels* (несдержанно), *with your back to (or up against) the wall* (в отчаянной ситуации), *shoulder to shoulder* (плечом к плечу, вместе), *with one eye on* (вполглаза, невнимательно) [18] и др.

На основе проведенного исследования можно сделать следующие **выводы**:

1. Анализ показывает, что для формирования семантики АФЕ существенным является взаимодействие всех слотов фреймовых структур ВФ и значения. Это еще раз подчеркивает преимущество фреймового подхода к описанию образования значения ФЕ и его взаимосвязи с ВФ по сравнению с традиционным, поскольку именно на примере АФЕ наглядно видно, что этот процесс невозможно моделировать без обращения к ситуации, стоящим за ВФ и значением, и всем их компонентам, т.е. фреймам и всем их слотам.

2. Во фреймовой структуре ВФ АФЕ отсутствует непосредственное наименование слотов действия или субъекта, образующих основу любого фрейма, тогда как у глагольных и субстантивных ФЕ один из этих слотов назван. Данное обстоятельство приводит в целом к большей степени вариативности слотов во фрейме значения АФЕ.

3. Отношения между фреймовыми структурами и слотами у АФЕ носят разнообразный характер и могут быть отнесены к метафорическим, метонимическим и метафтонимическим. В результате реализации метафоры

происходит расширение диапазона слота субъекта во фрейме значения. При метонимии этот слот неизменен и принадлежит совмещенным фреймам ВФ и значения.

4. Довольно широкая реализация метафтонимии, основанная на комплексном характере взаимодействия между слотами и фреймами АФЕ, демонстрирует многоплановость концептуализации связанного с ними «участка мира» и может рассматриваться как отличительная черта АФЕ.

5. При употреблении АФЕ в контексте происходит конкретизация слотов фреймовой структуры значения АФЕ. При этом АФЕ различаются по числу наименований, способных репрезентировать данные слоты.

Направление дальнейших исследований состоит в расширении материала фреймового анализа за счет включения в него компаративных АФЕ и АФЕ с частично-предикативной структурой и осуществлении на этой основе моделирования различных типов АФЕ в сравнительном аспекте.

Список источников

1. **Алефиренко Н. Ф.** Фразеологическое значение в свете фреймовой семантики // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Филология, история, востоковедение. 2011. № 2 (37). С. 11-17.
2. **Баранов А. Н., Добровольский Д. О.** Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008. 656 с.
3. **Болдырев Н. Н.** Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 18-36.
4. **Булатова Е. М.** Фреймовая структура фразеологизмов (на материале русского, чешского, английского языков) // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филология. Искусствоведение. 2010. № 22 (203). Вып. 46. С. 21-24.
5. **Гусельникова О. В.** Возможности фреймового анализа // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 5 (17). С. 29-32.
6. **Зиннатуллина Л. М.** Адвербиальные фразеологические единицы в английском и русском языках: автореф. дисс. ... к. филол. н. Казань, 2013. 22 с.
7. **Зиннатуллина Л. М.** Безэквивалентные адвербиальные фразеологические единицы в английском и русском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 5 (59). С. 82-85.
8. **Иванова Е. В.** Концепт как одна из основных единиц когнитивной лингвистики // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2006. Вып. 3. С. 40-48.
9. **Кунин А. В.** Курс фразеологии современного английского языка. 2-е изд. М. – Дубна: Высшая школа; Феникс, 1996. 381 с.
10. **Минский М.** Остроумие и логика когнитивного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1988. Вып. 23. С. 281-309.
11. **Пинтова А. А.** Концепты OLD/YOUNG и СТАРЫЙ/МОЛОДОЙ в английской и русской языковых картинах мира: автореф. дисс. ... к. филол. н. СПб., 2009. 18 с.
12. **Ромашина О. Ю.** Фреймовый анализ семантики фразеологических единиц // Acta Linguistica. 2008. Vol. 2. Iss. 2. С. 33-38.
13. **Ялалова Р. Р.** Адвербиальные фразеологические единицы, характеризующие «болезнь – здоровье» в английском, немецком и русском языках // Научный диалог. 2012. № 3. С. 198-208.
14. **Cambridge Dictionary** [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/> (дата обращения: 28.09.2020).
15. **Fauconnier G., Turner M.** Conceptual Blending, Form and Meaning // Recherches en communication: Sémiotique Cognitive. 2003. № 19. P. 57-86.
16. **Free Dictionary. Idioms** [Электронный ресурс]. URL: <https://idioms.thefreedictionary.com> (дата обращения: 08.10.2020).
17. **Longman English Dictionary** [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ldoceonline.com/dictionary> (дата обращения: 08.10.2020).
18. **Oxford Dictionary of Idioms.** 2nd ed. / ed. by J. Siefring. Oxford: Oxford University Press, 2004. 340 p.
19. **Semino E., Demjen Z., Demmen J.** An Integrated Approach to Metaphor and Framing in Cognition, Discourse and Practice, with an Application to Metaphors for Cancer // Applied Linguistics. 2018. Vol. 39. Iss. 5. P. 625-645.

Frame Structure of Adverbial Phraseological Units in the English Language

Ivanova Elizaveta Vasilievna, Dr
Saint Petersburg University
lisa181054@gmail.com

The paper analyses the process of semantic meaning formation of adverbial phraseological units of the English language. Scientific originality of the study lies in the fact that the mechanism of interaction of frames and their slots, correlated with the inner form and meaning of the units under study, is for the first time considered as a factor determining their semantic characteristics. The conducted analysis indicates diversity of conceptual-semantic relations within adverbial phraseological units and complexity of interactions of the appropriate frames and their slots, which allows concluding on specificity of knowledge conceptualization in these phraseological units.

Key words and phrases: adverbial phraseological unit; frame; metaphor; metonymy; metaphonymy.

<https://doi.org/10.30853/filmnauki.2020.12.27>

Дата поступления рукописи: 01.11.2020

Цель исследования – выявить наиболее успешные способы передачи чуждых русскому человеку реалий, представленных в рамках произведения Д. Тартт «Маленький друг», с сохранением культурного потенциала подлинника. **Научная новизна** заключается в нахождении путей сохранения культурного потенциала оригинала посредством сравнительно-сопоставительного анализа двух вариантов перевода одного романа, с учетом социально-культурного контекста времени реализации перевода. **В результате** было выявлено, что тактика форенизации характеризуется адекватной трансляцией прагматики подлинника, важной составляющей которой является культурный потенциал произведения, в то время как применение тактики доместикации лишает текст оригинала присущей ему авторской интенции и культурной специфики.

Ключевые слова и фразы: культурный потенциал; тактика перевода; форенизация; доместикация; адекватный перевод.

Ивлева Алина Юрьевна, д. филос. н., доц.

Сидорова Елизавета Николаевна

Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва, г. Саранск

a.ivleva77@yandex.ru; betty.sidorova@yandex.ru

Сохранение культурного потенциала при переводе американских реалий на русский язык (на материале романа Д. Тартт «Маленький друг»)

Статья посвящена проблеме современного этапа развития переводоведения – сохранению культурного потенциала при переводе художественного произведения на русский язык. На данный момент западная англоязычная литература как никогда популярна в нашей стране, что создает потребность со стороны отечественного читателя в участии в коммуникации с иноязычным и инокультурным автором посредством чтения его произведений. Для того чтобы диалог состоялся, необходимо как языковое, так и культурное посредничество, которое может обеспечить переводчик, что обуславливает **актуальность** нашего исследования.

В **задачи** исследования входит: 1) определить переводческие тактики, использованные А. Галль и А. Завозовой при переводе отрывков романа «Маленький друг» Донны Тартт; 2) комплексно исследовать избранные ими переводческие решения при переводе реалий, не существующих в русской культуре, а именно репрезентации афроамериканского населения американского Юга в 70-е гг. XX века.

В качестве **методов исследования** в данной статье были использованы описательный и сравнительно-сопоставительный анализ, метод сплошной выборки.

Теоретической базой исследования послужили научные труды как отечественных (Л. С. Бархударов [2], М. В. Мельничук, В. М. Осипова [4], Н. В. Тимко [8]), так и зарубежных ученых-переводоведов (С. Басснетт [10], М. Кордиско [11]).

Практическая значимость статьи заключается в том, что полученные в ходе исследования результаты в дальнейшем могут использоваться в процессе учебно-методической деятельности при создании учебных пособий по художественному переводу.

Согласно Н. В. Тимко, культура представляет собой комплексное понятие, включающее в себя верования, ценности, вербальные тактики и окружающую индивида среду обитания. Все эти элементы, в свою очередь, обуславливают линию поведения, единую для всех участников рассматриваемого лингвокультурного сообщества, а также создают значимую преграду для осуществления эквивалентного перевода, так как, несмотря на то, что люди говорят на одном и том же языке, они могут обладать абсолютно различным культурным опытом, что приводит к нарушению коммуникации. Это служит причиной того, что современные переводчики больше, чем это было принято в переводоведении ранее, заостряют свое внимание на установлении эффективного диалога между культурами, добиваясь понимания в культурной сфере [2, с. 35; 8].

После «культурного поворота» перевод стал рассматриваться под призмой социальных, культурных и исторических аспектов. Китайский переводчик Ванг Донгфенг предлагает анализировать стратегию доместикации, представляющей собой адаптацию иностранного и инокультурного текста к культурным стандартам языка, на который осуществляется перевод, и стратегию форенизации, характеризующейся выделением различий культуры оригинального текста, с позиций культуры и политики, а не только лингвистики с упором на устаревшие диспуты о свободном и буквальном переводе. Также многие сторонники «культурного поворота» сначала считали, что культура языка, на который осуществляется перевод, контролирует его, а затем обнаружили существование культурных систем, которые влияют как на перевод, так и на нормы и практику самого процесса [11, p. 54].

По словам Ю. Найды, переводчик избирает определенную переводческую стратегию, руководствуясь результатами анализа характера сообщения, авторской интенции, типа реципиента, которому предназначается текст перевода [Ibidem, p. 58].

Так, коммуникативно-функциональное задание романа «Маленький друг» (*The Little Friend*, 2002) современной американской писательницы Донны Тартт представляет собой воздействие на чувства и эмоции реципиента, так как в основе художественного текста лежит тема болезненного взросления главной героини – девятилетней девочки Харриет. Общеизвестно, что в детстве окружающий мир играет одну из важнейших ролей в формировании личности ребенка, поэтому мы считаем необходимым подчеркнуть первостепенность реализации элементов культуры при переводе данного романа на русский язык. Литературные произведения Д. Тартт можно охарактеризовать высокой степенью включения в повествование культурной информации, которая зачастую выражена достаточно эксплицитно. Целевой аудиторией вышеуказанного романа являются читатели, заинтересованные творчеством американской писательницы, создаваемой ею атмосферой художественного пространства. Стоит отметить то, что герои ее книг обладают крепкой связью с окружающей средой, в которой они живут и взрослеют [5].

В рамках романа «Маленький друг» чувство места приобретает особую важность, так как повествование происходит на Юге, тем самым переплетаясь с личной биографией и культурными истоками самой писательницы. Согласно О. Ю. Анцыферовой, влияние «южного мифа» на творчество Д. Тартт прослеживается в системе сюжета, образов, хронотопе. Она считает, что концепция «южного мифа» заключается в мучительном ощущении захолустья, безысходности, в его уникальном образе жизни в условиях бесконечной угрозы. Миф о Старом Юге (также известный под названием «плантационный миф»), характеризующийся джентльменами аристократического происхождения и изящными леди, жившими в белоснежных особняках с колоннами, обладавшими свитой надежных и покорных чернокожих слуг, его культурные элементы четко прослеживаются в романе «Маленький друг» [1].

Переводческая стратегия перевода данного романа на русский язык заключается в адекватной передаче прагматики произведения с ярко выраженной атмосферой художественного пространства. Существуют две тактики перевода такого типа художественных произведений: доместикация и форенизация, выбор которых напрямую зависит от социально-культурного контекста эпохи создания текста перевода [4].

На данный момент в русскоязычной литературной среде существуют два варианта перевода вышеуказанного произведения Донны Тартт: первый был выполнен Антониной Галль в 2010 году, второй – Анастасией Завозовой в 2015 году. Несмотря на короткий промежуток в пять лет, между переводами существуют значительные отличия в силу того, что переводчиками были избраны разные тактики реализации прагматического потенциала оригинального текста [3].

В результате сравнительно-сопоставительного анализа нами было выявлено, что А. Галль избрала тактику доместикации, в то время как А. Завозова реализовала тактику форенизации. Мы пришли к выводу о том, что на их выбор повлияли социально-культурные настроения тех лет, в которые происходила реализация перевода. В 2010 году процесс глобализации только набирал обороты в России, что стало причиной использования тактики культурного приближения при переводе американского романа. В 2015 году идеи глобализации приобрели большую популярность, в значительной степени возрос интерес к культуре зарубежных стран, что побудило переводчиков вставлять в переводной текст культурные элементы подлинника. Новый социальный контекст определил выбор форенизации в качестве доминантной тактики переводческой стратегии по сохранению культурного потенциала текста оригинала [9].

Проанализируем примеры использования указанных выше тактик в переводах романа «Маленький друг» Д. Тартт, выполненных А. Галль и А. Завозовой.

(1) *She was looking across the street, past the empty lot where the ragged robin and witch grass grew tall, to where the train tracks threaded bleakly past the rusted roofs of Niggertown, far away* [12, p. 15]. / Она глядела вдаль – за дорогу, за пустырь, заросший пыреем и кукушкиным цветом, туда, где за ржавыми крышами негритянского квартала исчезла суровая нитка железнодорожных путей (пер. А. Завозовой) [6, с. 22]. / Ее невидящий взгляд был устремлен через улицу на участок, заросший сорняками и ивняком, среди которого маленькие птички вили свои гнезда и выводили птенцов (пер. А. Галль) [7, с. 16].

В переводе А. Завозовой российский читатель сталкивается с чуждой ему реалией – жизнью чернокожего населения американского юга в определенном месте – районе для бедных (на это указывает эпитет «ржавые крыши»), расположенном рядом с железнодорожными путями. Из одного предложения реципиент считывает эксплицитно выраженную информацию о расовом неравенстве и социальном расслоении в Америке 70-х гг. XX века. Выбранная переводчиком тактика позволяет читателю значительно пополнить свои знания о мире, а также обратить внимание на злободневные общественные проблемы, подчеркиваемые инокультурным автором.

В варианте перевода А. Галль, наоборот, читатель не находит ни одного упоминания о чернокожем населении. В данном случае в рамках тактики доместикации используется прием опущения элементов культуры оригинала, отличных от культурных компонентов принимающего языка (в русской культуре нет вышеуказанных реалий), с целью обеспечить беспрепятственное восприятие текста перевода инокультурным и иноязычным читателем.

В результате анализа двух вариантов перевода можно прийти к выводу о том, что применение тактики доместикации лишает оригинальный текст культурного потенциала и присущего ему национального колорита. Данное переводческое решение превращает неповторимое авторское произведение в нечто усредненное и посредственное, такой текст не способен сохранить авторский стиль, что препятствует достижению заключенного в нем коммуникативно-функционального эффекта [10, p. 112].

(2) He had witnessed the laying on of hands, which made the lame to walk and the blind to see; and, one evening at a riverside Pentecostal service near Pickens, Mississippi, he had seen a black preacher named Cecil Dale McAllister raise a fat woman in a green pants suit from the dead [12, p. 94]. / Он был свидетелем тому, как после наложения рук слепой прозрел и паралитик встал на ноги; как-то раз на службе у пятидесятников близ Пикенса, штат Миссисипи, он видел, как чернокожий проповедник по имени Сесил Дейл Макаллистер заставил толстуху в зеленом спортивном костюме восстать из мертвых (пер. А. Завозовой) [6, с. 111]. / Он видел и наложения рук, от которых слепые прозревали, а хромые начинали бегать, видел даже, как священник епископальной церкви из Пикенса, что в штате Массачусетс, воскресил толстуху в зеленом брючном костюме (пер. А. Галль) [7, с. 92].

В вышеуказанном варианте перевода А. Завозова сохраняет присущие оригиналу культурные элементы: названия города, штата и церкви, расположенной в нем, а также, что более значимо, имя и духовный сан чернокожего служителя церкви. Для отечественного реципиента данная реалия чужеродна, так как в российской культуре такого явления не существует. Такое переводческое решение позволяет читателю прикоснуться к американской культуре, погрузиться в атмосферу повествования, создаваемую автором с определенной интенцией – показать парадоксальность, фантастичность событий, о которых говорит неблагонадежный персонаж.

В переводе А. Галль отсутствует сохранение культурной специфики подлинника, так как она чужда культуре, на язык которой осуществляется перевод. В рамках тактики доместикации переводчик опускает имя и цвет кожи священнослужителя как малозначимую деталь, которая никак не повлияла на передачу основных событий сюжета.

В качестве вывода хочется подчеркнуть то, что, создавая второй вариант перевода вышеуказанного отрывка, переводчик стремился сделать его как можно более понятным для отечественного читателя, однако в процессе перевода текст оригинала утратил первоначальную авторскую задумку – при помощи упомянутых выше культурных особенностей придать невероятной истории, рассказываемой персонажем, реальную опору в качестве географических названий и имени собственного. Но иноязычному читателю недоступна эта культурная информация в силу применения тактики «одомашнивания» оригинального произведения [13, p. 102].

(3) Dreamily, he blinked out across the creek, at an old black woman fishing on the opposite bank. Out in the country one afternoon, Pemberton had shown him how to work the gearshift on the Cadillac [12, p. 65]. / Он сонно поморгал, глянул на реку – там, на противоположном берегу рыбачила старая негритянка. Однажды днем они с Пембертоном поехали за город, и он показал Хили, как на «кадиллаке» переключать скорости (пер. А. Завозовой) [6, с. 78]. / Хилли зевнул и сонно уставился на воду. Прошлым летом Пем показал ему, как переключать передачи в «кадиллаке» (пер. А. Галль) [7, с. 67].

В указанном выше варианте перевода А. Завозова сохраняет в повествовании присутствие пожилой афроамериканки у водоема, так как изображение данного персонажа играет важную роль в создании подлинной социально-культурной картины американского юга, на фоне которой разворачиваются действия главных персонажей. Так иноязычному читателю открывается то, как живет чернокожий слой американского населения: в то время как дети балуются и рыбачат у реки, пожилым афроамериканцам не до забав, это их способ найти пропитание, что еще раз подчеркивает их плачевное положение в 70-е гг. XX века.

В своем варианте перевода вышеуказанного отрывка оригинала А. Галль опускает данную реалию, так как, по мнению переводчика, она не несет в себе смысловой нагрузки и чужда русскому человеку. Применение тактики доместикации характеризуется ясным для восприятия стилем, благодаря которому оригинальный текст не кажется читателю странным и чужеродным.

Однако в рамках предыдущего переводческого решения оригинальный текст лишается своего национального колорита и становится безликим, приобретает возможность быть приписанным любой культуре, не только русской или американской. Более того, во втором переводе происходит «одомашнивание» отличительных черт подлинника, что, в свою очередь, обуславливает потерю атмосферы с тщательно прописанными деталями, скрупулезно созданной автором.

(4) Down the creek bank was a group of black boys not much older than he was, and, further up, several solitary old black men in khaki trousers rolled up at the ankle. One of these—with a Styrofoam bucket and a big straw sombrero embroidered in green with Souvenir of Mexico—was now approaching him cautiously [12, p. 60]. / Ниже по течению рыбачили какие-то чернокожие ребята, по виду – его ровесники, а чуть выше сидели старики-негры в закатанных до икр штанах цвета хаки. Один такой старик – с пенопластовым ведерком, в огромном соломенном сомбреро с вышитой зеленым надписью «Привет из Мексики!» – осторожно приближался к нему (пер. А. Завозовой) [6, с. 77]. / Немного в стороне группа черных мальчишек чуть старше его тоже сидела с удочками, а с другой стороны по берегу бродили несколько пожилых негров в подвернутых до колен брюках цвета хаки. Один из них подошел к Хилли (пер. А. Галль) [7, с. 66].

В первом варианте перевода в рамках тактики форенизации А. Завозова передает культурный потенциал сообщения оригинала посредством сохранения в переводе описания того, во что были одеты афроамериканцы старшего поколения. Данное переводческое решение позволяет отечественному читателю в полной мере прочувствовать атмосферу захолустного городка, национальный колорит американского юга, предпочтение чернокожим населением в лице пожилого афроамериканца ярких цветов в одежде.

Во втором варианте перевода А. Галль сохраняет действующих персонажей-афроамериканцев, однако опускает детали их образа как малозначительные для сюжета.

В качестве вывода можно отметить то, что в рамках перевода А. Завозовой прослеживается неповторимый авторский стиль Д. Тартт, богатый на описания и акцентирующий детали. Ведь именно последние создают особую атмосферу и культурный фон художественных произведений, позволяют прочувствовать дух того места, где происходят вымышленные события из жизни персонажей. Передача культурных элементов, даже незначительного масштаба, влечет за собой сохранение общей прагматики оригинального текста [2].

На основе анализа указанных выше примеров можно сделать *выводы* о том, что в качестве переводческих решений при переводе реалий, не существующих в русской культуре, а именно репрезентации афроамериканского населения американского Юга в 70-е гг. XX века, А. Завозовой использовалась тактика форенизации, а А. Галль – доместикации. Тактика форенизации позволила добиться адекватной и прагматически обусловленной передачи культурного потенциала подлинника, в то время как тактика доместикации лишила текст авторской интенции и присущей ему культурной специфики. *Перспективы исследования* заключаются в дальнейшем сравнительно-сопоставительном анализе переводческих стратегий, использованных для реализации культурного потенциала американских художественных произведений.

Список источников

1. Анцыферова О. Ю. «Южный миф» и роман Донны Тартт «Маленький друг» [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yuzhnyy-mif-i-roman-donny-tartt-malenkiy-drug> (дата обращения: 25.10.2020).
2. Бархударов Л. С. Язык и перевод: вопросы общей и частной теории перевода. М.: ЛКИ, 2008. 237 с.
3. Ивлева А. Ю. Способы визуализации художественной картины мира // Язык и межкультурная коммуникация в свете изучения иностранных языков: тезисы докл. Республик. науч. конф. (г. Саранск, 3-4 апр. 2001 г.). Саранск: Мордов. гос. пед. институт, 2001. С. 89-92.
4. Мельничук М. В., Осипова В. М. Роль перевода и переводчика в условиях глобализации знаний [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-perevoda-i-perevodchika-v-usloviyah-globalizatsii-znaniy> (дата обращения: 25.10.2020).
5. Сидорова Е. Н. Сохранение культурного потенциала при переводе художественных произведений [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dnevniknauki.ru/images/publications/2020/7/philology/Sidorova.pdf> (дата обращения: 25.10.2020).
6. Тартт Д. Маленький друг / пер. с англ. Анастасии Завозовой. М.: АСТ; Corpus, 2015. 640 с.
7. Тартт Д. Маленький друг / пер. с англ. Антонины Галль. М.: Иностранка, 2010. 480 с.
8. Тимко Н. В. К вопросу о передаче культурной специфики текста в переводе [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-peredache-kulturnoy-spetsifiki-teksta-v-perevode> (дата обращения: 25.10.2020).
9. Шерстнева Е. С. Переводческие стратегии: от доместикации к форенизации [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perevodcheskie-strategii-ot-domestikatsii-k-forenizatsii> (дата обращения: 25.10.2020).
10. Bassnett S. Translation. L. – N. Y.: Routledge Publ., 2014 201 p.
11. Cordisco M. Translation across Cultures. A Short Review of the Issue with a “wh-Approach” // Exploring Creativity in Translation across Cultures. Roma: Aracne Editrice, 2017. P. 53-74.
12. Tartt D. The Little Friend. N. Y.: Vintage Books, A Division of Random House, Inc., 2003. 640 p.
13. Venuti L. The Translator’s Invisibility: A History of Translation. L. – N. Y.: Routledge Publ., 1995. 365 p.

Preserving Cultural Potential in Translation of the American Realia into Russian (by the Material of D. Tartt’s Novel “The Little Friend”)

Ivleva Alina Yurievna, Dr
Sidorova Elizaveta Nikolaevna
Ogarev Mordovia State University, Saransk
a.ivleva77@yandex.ru; betty.sidorova@yandex.ru

The study aims to identify the most successful ways of translating realia of D. Tartt’s work “The Little Friend” that are foreign to the Russian person, while preserving the cultural potential of the original. Scientific novelty of the article lies in finding ways of preserving the cultural potential of the original by means of a comparative-contrastive analysis of two translation variants of the same novel, taking into account social and cultural context of the time when they were made. As a result, it was found that the foreignization tactic is characterised by adequate translation of the original’s pragmatics, an important component of which is the cultural potential of the work, while the use of the domestication tactic strips the original text of the author’s intention and cultural specificity peculiar to it.

Key words and phrases: cultural potential; translation tactic; foreignization; domestication; adequate translation.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.28>

Дата поступления рукописи: 21.10.2020

В статье рассматриваются особенности организации текста в инстаграм-постах на примере немецкого языка. **Целью исследования** было раскрыть особенности основных текстовых категорий (целостности, связности, модальности, персональности, темпоральности и локальности) в креолизованных текстах популярных аккаунтов немецкого сегмента. **Научная новизна** заключается в комплексном представлении реализации функциональных особенностей обозначенных текстовых категорий в исследуемых типах текстов на основе имеющихся концепций по интерпретации текста. **В результате** установлено, что каждая из текстовых категорий реализует себя в вербальной и невербальной частях креолизованного текста, текстовые категории получают новые характеристики, в отличие от других типов текстов (не креолизованных). В итоге представлена общая модель текста инстаграм-поста с учетом выявленных закономерностей.

Ключевые слова и фразы: текстовые категории; интерпретация текста; креолизованный текст; инстаграм-пост; немецкий язык.

Кабалина Олеся Игоревна, к. филол. н.
Московский государственный областной университет
oi.kabalina@mgou.ru

Языковое пространство креолизованных текстов популярных немецких инстаграм-блогеров

Актуальность работы связана с появлением большего количества коммуникативных возможностей и анализом способов получения информации из интернет-источников. Тенденции использования Сети инстаграм-пространства для реализации различного рода социальных задач или продвижения личного бизнеса становятся правилом и быстро интегрируются в жизнь общества. В связи с этим, появление интернет-текстов обуславливает их исследование с позиций грамматики текста. Для достижения цели по выявлению особенностей функционирования шести категорий текста важно было решить следующие **задачи**: 1) определить материал для исследования и объяснить этот выбор; 2) обозначить особенности функционирования каждой из 6 текстовых категорий; 3) сделать выводы по полученной модели и интерпретировать результаты; 4) наметить векторы дальнейших исследований.

Основными **методами**, использованными в работе, стали описательный метод, сопоставительный метод, метод комплексного анализа, метод контекстуального анализа, метод сплошной выборки.

Теоретической базой исследования послужили работы отечественных и зарубежных ученых в области лингвистики текста [1-3; 5-7; 10; 14; 15; 18-21], паралингвистических средств [4; 19; 24], креолизованных текстов [1; 4; 7-9; 11-14; 16; 17; 23; 24].

Практическая значимость работы состоит в том, что полученные результаты проясняют модель креолизованного текста интернет-поста в немецком сегменте и могут быть использованы при разработке материалов по интерпретации текста.

Материалом для исследования послужили 4538 текстов постов немецкоязычного сегмента в инстаграм-пространстве. Критериями для отбора материала были выбраны: 1) популярность аккаунта; 2) объем текста поста; 3) язык текста (немецкий).

Объясним основания для выбора каждого из критериев. Критерий № 1 связан с количеством подписчиков на этот блог, то есть количеством людей, читающих и воспринимающих креолизованный текст. Так как любой текст воздействует на того, кто его просматривает, целесообразно определить, какой именно является самым читаемым, исследовать его структуру и функции. Критерий № 2 связан с объемом текста. Инстаграм-пространство предоставляет для написания текстов определенный максимальный объем, равный 2000 символам. Требовалось определить аккаунты, где есть тексты, наибольшие по допустимому объему, так как они предоставляют оптимальные возможности для исследования. Критерий № 3 – немецкий язык текста. Появление этого критерия связано с тем, что многие немецкие блогеры пишут не на немецком, а на английском языке, либо используют смешанный вариант представления информации. Поэтому в отобранном материале в текстах использован именно немецкий язык.

С учетом двух интернет-рейтингов, проанализированных на немецкой и русской платформах, для определения исследуемого сегмента были рассмотрены 14 аккаунтов, с общим числом подписчиков от 1 до 25 миллионов человек [21].

Таким образом, с учетом критериального анализа каждого обозначенного аккаунта, удалось выделить два, которые соответствуют заявленным критериям отбора. Третий аккаунт, который является самым популярным среди подписчиков, занимает 1-е место во всех рейтингах. В нем прослеживается явная доминанция иконического компонента креолизованного текста, и немецкий язык текстов иногда меняется на короткие комментарии на английском языке.

1. Самый популярный аккаунт – [@toni.kr8s](#) – имеет 25 миллионов 500 тысяч подписчиков и содержит 703 публикации [25]. Автор этого популярного аккаунта – немец Тони Кроос – футболист, которого очень

любят болельщики по всему миру. Блог демонстрирует фрагменты игр с участием Крооса, а также моменты из личной жизни спортсмена. Обозначим этот аккаунт знаком X.

2. Аккаунт *@bibisbeautypalace* имеет 7 миллионов 600 тысяч подписчиков и содержит 1558 публикаций [20]. Бианка Классен из города Кёльна рассказывала о красоте и моде на YouTube-канале, благодаря которому и стала известной. Её инстаграм-аккаунт демонстрирует счастливые семейные фотографии и рассказывает о красивом материнстве. Обозначим этот аккаунт как A1.

3. Следующий аккаунт – *@yvonnepferrer* – представлен для 1 миллиона 300 тысяч подписчиков и содержит 2277 публикаций [26]. Этот блог считается очень популярным среди блогов про путешествия в немецком сегменте. Его автор, Ивонн Пфферер из Кёльна, пишет не только о поездках, во многом это блог о ее жизни и ее жизненной философии. Обозначим этот аккаунт как A2.

В основу модели, представленной в настоящем исследовании, легла концепция Е. Е. Анисимовой по интерпретации креолизованных текстов [1], исследования текста и его грамматических моделей М. Н. Левченко и др. соавторов [6], собственные авторские разработки [13], а также концепции ученых, посвященные тексту, текстовым категориям, текстообразующим функциям [3; 18; 22; 23].

В результатах исследования отражены особенности реализации следующих текстовых категорий в инстаграм-текстах-постах: целостность (Таблица 1), связность (Таблица 2), модальность (Таблица 3), персональность (Таблица 4), темпоральность (Таблица 5), локальность (Таблица 6).

Таблица 1. Целостность в инстаграм-тексте

№	Реализация целостности текста	X	A1	A2
1.	Доминирующая функция невербальной части	+		-
2.	Равноценное функционирование вербальной и невербальной частей	-		+
3.	Сопровождающая функция невербальной части		-	
4.	Декоративная функция невербальной части		-	

Таблица 2. Связность в инстаграм-тексте

№	Реализация связности текста	X	A1	A2
Содержательный уровень				
1.	Прямая денотативная соотнесенность между вербальными и иконическими знаками	+		-
2.	Опосредованная денотативная соотнесенность	-		+
Содержательно-языковой уровень				
3.	Эксплицитно выраженная связность (структурная/идентифицирующая/дейктическая)	Идентифицирующая связность		
4.	Имплицитно выраженная связность (на основе соотнесения обоих компонентов)	Достигнута через наречия места, имена собственные, местоимения 1 л. ед. и мн.ч., через определенный артикль		
Содержательно-композиционный уровень				
5.	Внутренняя (семантическая) соотнесенность компонентов	Связь изображения со всем текстом поста		
6.	Внешняя (визуальная) соотнесенность компонентов	Иконические и вербальные компоненты находятся в одном визуальном поле, иконическое изображение всегда предшествует вербальному		

Таблица 3. Модальность в инстаграм-тексте

№	Реализация модальности текста	X	A1	A2
1.	Совпадение модальных ключей вербальной и невербальной частей		+	
2.	Несовпадение модальных ключей вербальной и невербальной частей		-	
3.	Контрастность модальных ключей вербальной и невербальной частей		-	

Таблица 4. Персональность в инстаграм-тексте

№	Реализация персональности в тексте	X	A1	A2
1.	Представлена в иконической и вербальной частях	Часто через изображение самого автора текста на представленном фото, в тексте – через личные местоимения первого, второго лица ед.ч. и первого лица мн.ч., через неопределенно-личное местоимение, модальные глаголы, вопросы риторического содержания, безличные предложения, вводные слова		

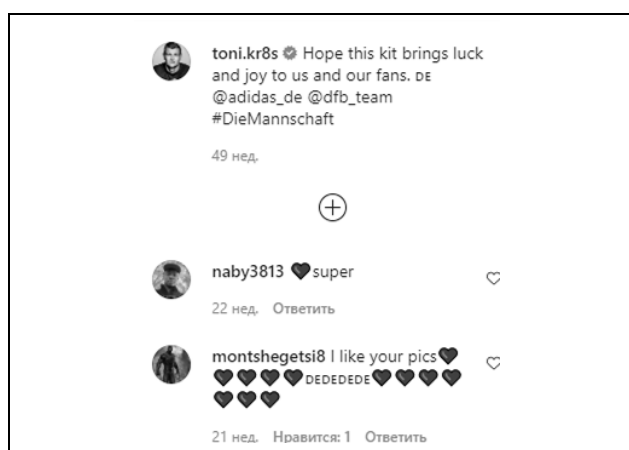
Таблица 5. Темпоральность в инстаграм-тексте

№	Особенности темпоральной структуры	X	A1	A2
1.	Темпоральная детерминация	Автосемантическая (указана дата публикации)		
2.	Насыщенность текста темпоральными указателями	Средняя	Высокая	
3.	Наличие временных подсистем	Временная система в иконической части и временная система авторской речи		
4.	Моно-/политемпоральный тип текста	Политемпоральный		
5.	Стержневая форма повествования	Презенс		
6.	Композиционно-хронологические модели	Параллельная (вербальная и невербальная часть); на уровне вербальной части преимущественно последовательная		
7.	Временной дисконтинуум	Отмечен, с преобладанием ретроспективных нарушений на уровне вербальной части за счет обращения к иконической части		
8.	Языковой состав	Неоднородный, автосемантический маркер даты размещения коррелирует с наречиями времени и остальными лексическими единицами в тексте поста, имеющими временное значение		

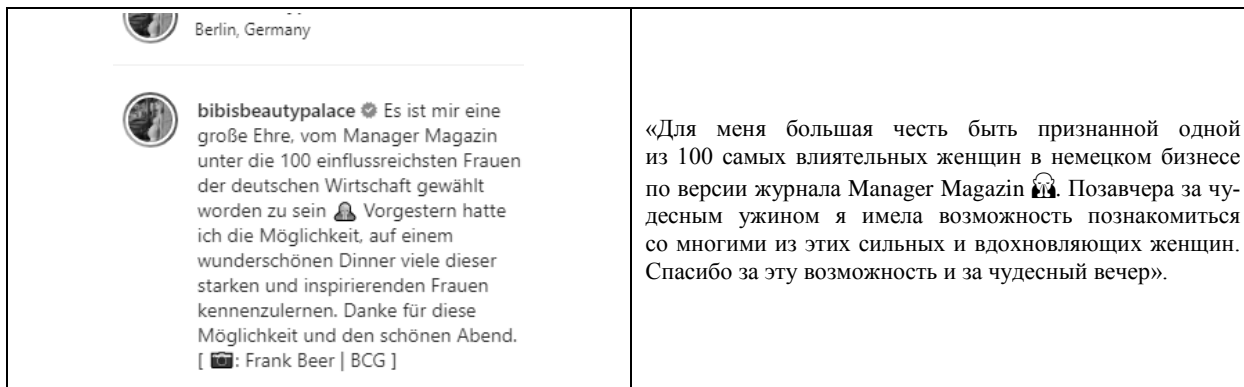
Таблица 6. Локальность в инстаграм-тексте

№	Особенности локальной структуры	X	A1	A2
1.	Локальная детерминация	Автосемантическая (указано место публикации)		
2.	Насыщенность текста локальными указателями	Высокая		
3.	Концентрация локальных маркеров в рамках одного предложения	Редко	Часто	
4.	Наличие двух локальных систем в вербальной и невербальной части	Взаимодействие локальной системы в вербальной части с локальностью в иконической части. Системы дополняют и поясняют одна другую		
5.	Моно-/полилокальный тип текста (смена пространства)	Полилокальный		
6.	Состав языковых средств локальной организации текста	Неоднородный: существительные с предлогами места и наречия места; географические названия; существительные и глаголы, имеющие значения, связанные с локальностью; придаточные предложения места		

Поясним полученные результаты по каждой из категории текста. На уровне категории целостности текста нами отмечены две тенденции. Первая связана с доминированием иконической части над вербальной. Вторая говорит о равноценном функционировании этих частей. Доминантный характер изображения отмечен нами в самом популярном аккаунте футболиста Тони Крооса [25]. Целостность реализована через взаимосвязь небольшого по объему текста и информативной фотографии. Автор не стремится сказать в тексте много (в большинстве случаев), так как его образ, представленный в невербальной части, настолько полон, что «говорит» сам за себя, и, предположительно, большой по объему текст воспринимался бы как что-то лишнее. Темы, обозначаемые спортсменом, раскрыты посредством больше невербальных, чем вербальных средств. Например, в следующем инстаграм-посте представлена фотография футболиста в форме и написан следующий текст:

 <p>toni.kr8s 🌟 Hope this kit brings luck and joy to us and our fans. 🇩🇪 @adidas_de @dfb_team #DieMannschaft</p> <p>49 нед.</p> <p>naby3813 ❤️ super</p> <p>22 нед. Ответить</p> <p>montshegets18 I like your pics ❤️ ❤️ ❤️ ❤️ DEDEDEDE ❤️ ❤️ ❤️ ❤️</p> <p>21 нед. Нравится: 1 Ответить</p>	<p>«Надеюсь, эта форма принесет удачу и радость нам и нашим поклонникам» (здесь и далее перевод автора статьи. – О. К.).</p>
--	--

Текст здесь имеет рекламную функцию и объединяет образ Тони Крооса и бренд “Adidas”, который известен хорошим качеством спортивной одежды. Категория целостности прослеживается через связь редуцированного (по использованию подлежащего) повествовательного предложения и уместно подобранной фотографии, на которой читатель продолжает наблюдать заданный текстом семантический вектор. В двух других аккаунтах (A1 и A2) наблюдалась иная закономерность, заключающаяся в равноценном функциональном воздействии вербальной и невербальной частей. Приведем примеры [20]:

Вербальная и невербальная часть взаимно дополняют друг друга. Из поста понятно, что фото сделано определенным фотографом и «привязано» к месту недавних событий. Иконическая часть имела бы другое значение без текстового комментария.

Категория связности на содержательном уровне может быть реализована разными способами. В аккаунте X часто прослеживается прямая денотативная соотнесенность между двумя частями креолизованного текста. Это объясняется спецификой аккаунта, который настроен так, что текст – это часто название темы фото или прямое указание событий на нем [25]. То есть и в том, и в другом коде знаки обозначают одинаковые предметы или явления объективной действительности. В двух других исследуемых аккаунтах (A1 и A2) более типична опосредованная денотативная соотнесенность через тематическую или ассоциативную связь. Например, под изображением девушки, которая сфотографирована сидящей на доске для сёрфинга, написан следующий текст:

“Vitamin Sea 🌊🌊🌊 #byesummer2020 Anzeige wie war euer Sommer 2020? Mein Sommer war wie bei euch wahrscheinlich auch, gaaaanz anders als erwartet, aber ich war ehrlich gesagt froh, dass man wenigstens ans Meer konnte, auch wenn es nicht unbedingt super weit weg von zuhause war, trotzdem war es schön!.....” [20]. / «Витамин – море 🌊🌊🌊 #byesummer2020. Как прошло ваше лето 2020? Моё лето, как и ваше, наверно, было совсем не таким, как ожидалось, но я была искренне рада, что я хотя бы смогла поехать на море, даже если оно было не очень далеко от дома, но все равно было приятно!». Текст под иконической частью даёт понимание намерения автора, ту мысль, которую он стремится выразить с помощью иконической части. Если предположить отсутствие пояснения в вербальной части, то можно было бы получить иные варианты на основании фото.

На содержательно-языковом уровне эксплицитно выраженная связность является идентифицирующей для всех исследуемых аккаунтов, реализована на языковом уровне местоимениями “ich”, “wir”, “man” и “mein”. Например: “Ich liebe es, dass das Wetter im Moment so gut ist...” / «Мне нравится, что погода сейчас такая хорошая...». Имплицитно выраженная связность реализована через наречия “hier”, “da”, через употребление имен собственных, называющих людей в невербальной части, через определенные артикли, например:

“Lio hat so einen Spaß hier und liebt es im Wasser zu plantschen” [Ibidem]. / «Лео так веселится здесь и любит плескаться в воде».

“Das sind wir: Die Familie Claßen ☺” [Ibidem]. / «Вот мы: семья Классен ☺».

На содержательно-композиционном уровне внутренняя соотнесенность компонентов установлена через связь иконической части с целым постом, представленным либо одним предложением (часто аккаунт X), либо целым абзацем (аккаунты A1, A2). По внешней соотнесенности отмечено расположение невербальной и вербальной частей в одном визуальном поле с предшествованием иконического компонента.

Категория модальности реализована через личностную оценку авторов текстов и «вплетена» во весь текст поста. Как правило, модальные ключи иконической и вербальных частей совпадают друг с другом во всех исследованных креолизованных текстах. На языковом уровне – это эпитеты, восклицательные и вопросительные предложения, использованные вместе с текстом символы в виде сердечек, улыбающихся смайликов (эмодзи), риторические вопросы и др., модальные глаголы. На невербальном уровне, в соответствующем тексте изображении, категория модальности выражена через эмоции автора, выбор соответствующего фона (яркий, контрастный), через композицию: все использованные приёмы имеют цель донести до читателя личное восприятие представляемых событий, мнений, впечатлений, эмоций.

Текстовая категория персональности находит свое выражение во всех типах аккаунтов. В каждом аккаунте на языковом уровне отмечены местоимения “ich, du, man, wir” (или возможная их редукция); ср.: “Ich mag lange Haare einfach!” [26]. / «Мне просто нравятся длинные волосы!» (начало текста под фото автора, демонстрирующего себя на фоне макового поля); “Ich lasse nichts unversucht und kämpfe für meine

Träume!» [Ibidem]. / «Я использую все возможности и борюсь за свои мечты!» (начало текста под фото с изображением лица автора); “Was **du** hast, **können** viele haben. Aber was **du** bist, **kann keiner** sein” [Ibidem]. / «То, что у тебя есть, могут иметь многие. Но таким, какой ты есть, не может быть никто» (текст под собственным изображением автора крупным планом); безличные предложения, сочетание местоимений с вводными словами, вопросы, ср: “Wie trägst du deine Haare? Lang oder kurz?” [Ibidem]. / «Какие у тебя волосы? Длинные или короткие?». На невербальном уровне категория персональности реализуется благодаря изображению в иконической части самого автора, одного или с теми персонами, о которых он хочет сообщить, через реализацию этой категории в тексте.

Темпоральность в популярных немецких аккаунтах представлена на уровне вербальной и невербальной частей. Особенности инстаграм-пространства является указание даты появления публикации, поэтому детерминация представляемых событий всегда будет носить автосемантический характер. Следующим признаком темпоральности являются два плана временного континуума – это непосредственно зафиксированный момент времени на фото и временной план текста. В темпоральности текста вербальной части «включаются» два плана – время, в котором автор находится на момент написания поста (условное настоящее), и время, которое необходимо для описания представляемых событий (прошлое). Временной план описываемых событий коррелирует с временным планом иконической части, который позволяет полностью раскрыть, дополнить и реализовать интенцию автора. Таким образом, темпоральность в креолизованном тексте имеет многоуровневый характер: время, представленное в иконической части, всегда будет предшествовать временному плану авторской речи и демонстрировать ретроспективную связь, так как фото сделано раньше, чем текст под ним (за исключением случаев, когда автор намеренно будет делать фото к тексту, который он уже придумал, но в случае инстаграм-ресурса это представляется, скорее, маловероятным). На уровне языка темпоральность выражена наречиями времени, которые сочетаются с конкретной датой публикации и иконической частью, реализуя темпоральность в полном объеме. В тексте отмечено сочетание двух временных систем: презенса и перфекта (за исключением глаголов «быть» и др. глаголов, которые не предпочитают использовать перфект для выражений событий в прошлом). Временной дисконтинуум связан с преобладанием ретроспективных нарушений. Например, следующий креолизованный текст в иконической части содержит фото нескольких произошедших событий, дата публикации 02.02.2020 г., текст подтверждает время событий в прошлом, в вербальной части используется перфект. Читатель легко может сориентироваться во временном дейксисе и понять последовательность [Ibidem]:

<p>yvonnepfefferer ● Last month 📅 #polaroid #nothingmore 23 Tage auf Bali - 12 verschiedene Unterkünfte an 8 unterschiedlichen Orten, 17 mal surfen, 8 Massagen, 66 Stunden unterwegs, haben jeden Tag 2 mal meditiert und fast jeden Tag ein kleines Workout gemacht. Haben uns ausschließlich gesund ernährt und jeder hat knapp 2kg verloren. Ich bin</p>	<p>«23 дня на Бали – 12 разных пребываний в 8 разных местах, 17 раз серфинг, 8 массажей, 66 часов в дороге, медитировали два раза в день, и почти каждый день была небольшая тренировка. Питались здоровой пищей и похудели на 2 кг. Я...»</p>
---	--

Категория локальности в инстаграм-текстах имеет, прежде всего, три основные особенности. Во-первых, в «шапке» профиля указывается некоторая информация, которая часто связана с географическим местом проживания блогера. Например, указание контактов или почты, по которым определяется страна. Во-вторых, часто на фото публикации непосредственно автором поставлена геометка репортажа. В-третьих, в вербальной части автор может часто использовать географические названия, обозначая это либо напрямую через реалию, либо с помощью хэштегов. Как в вербальной, так и в иконической части может быть представлено несколько локальных систем, поэтому тип этих текстов – полилокальный. Насыщенность текста локальными маркерами высокая. Состав языковых средств неоднородный: существительные с предлогами места и наречия места; географические названия; существительные и глаголы, имеющие значения, связанные с локальностью; придаточные предложения места. Отмечено наличие локальных систем – в вербальной и невербальной частях. В невербальной части наблюдается только одна локальная детерминация. В вербальной части могут существовать сразу несколько. Например, рассмотрим публикацию аккаунта A1 от 14.02.2020 г.: “Heute war so ein schöner Tag: Wir sind direkt nach dem Aufstehen **ins Meer** plantschen gegangen, haben was **im Sand** gespielt & danach gemütlich **an unserem Pool** gefrühstückt. Heutiges Highlight: Lio durfte gerade Fische füttern & hatte dabei soooo viel Spaß 🐬🐬 Wir genießen die Zeit **hier** sehr” [20]. / «Сегодня был такой приятный день: сразу после того, как мы встали, мы пошли плескаться **в море**, поиграли немного на песке и после этого уютно позавтракали у бассейна. Сегодняшняя изюминка: Лео разрешили покормить рыбу, и ему было очень весело 🐬🐬 Нам **здесь** очень нравится» (указана геолокация – Maldives Island). В невербальной части представлено изображение улыбающегося автора на берегу моря – единое локальное пространство. В вербальной части мы наблюдаем «переключение» одной локальности на другую: море-пляж-бассейн. Корреляции между иконической и вербальной частями полностью реализуют категорию локальности в креолизованном тексте. Иногда

еще больше раскрыть данную категорию помогают комментарии подписчиков, которые задают вопросы или выражают своё мнение по поводу места событий (характерно для аккаунта X) [25].

Таким образом, полученные нами новые знания о реализации шести основных текстовых категорий в популярных аккаунтах немецкого сегмента позволяют перейти к следующим *выводам*. Каждая категория имеет свои особенности реализации в креолизованном тексте, и это объяснимо структурой текста – наличием вербальной и невербальной частей, каждая из которой имеет свои функции, но реализует их в корреляции с другой частью. Если продемонстрировать популярный инстаграм-текст в виде модели, то получится следующая конфигурация: это текст с равноценно функционирующими вербальной и невербальной частями, с опосредованной денотативной соотносительностью между ними, с эксплицитно выраженной идентифицирующего типа связностью, с внутренней соотносительностью компонентов через связь изображения со всем текстом, при этом на внешнем уровне оба компонента находятся в одном поле. Это текст, в котором совпадают модальные ключи вербальной и невербальной частей, четко выражена категория персональности, присутствует автосемантическая темпоральная детерминация событий, отмечена высокая насыщенность темпоральными указателями. Это текст с наличием двух временных подсистем, с параллельными композиционными моделями в обеих частях, с презенсом в качестве стержневой формы повествования, с ретроспективным дисконтиномом, с автосемантической локальной детерминацией, высокой насыщенностью локальными указателями, полилокальный.

Реализация текстовых категорий в креолизованных текстах отличается от их реализации в других типах текстов (например, художественных, публицистических и т.д.). Полученные результаты обусловлены также типами текстов и заложенной в них задачей.

Направление дальнейших исследований может быть связано с выявлением особенностей функционирования текстовых категорий в типах текстов инстаграм-постов согласно их функциональным задачам, тематическому ракурсу в немецком сегменте, а также с сравнительным анализом немецкого и русского, немецкого и английского сегментов в соответствующих блогах.

Список источников

1. Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). М.: Академия, 2003. 128 с.
2. Беззубова Е. А. Особенности смс-языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 3 (33). Ч. 1. С. 40-42.
3. Дементьев В. В. Жанры в меняющемся мире: креационистские потенции речевых жанров и эпистемологические потенции теории речевых жанров // Жанры речи. 2019. № 1 (21). С. 6-21. DOI: 10.18500/2311-0740-2019-1-21-6-21.
4. Ейкалис Ю. А. Паралингвистические средства коммуникации в текстах современных немецкоязычных комиксов // Вестник Оренбургского государственного университета. 2015. № 11 (186). С. 135-141.
5. Климова Е. С. Тематические векторы современной интернет-терминологии // Linguistica Juvenis. 2020. № 22. С. 102-114.
6. Левченко М. Н., Елисеева А. А., Елистратова И. В., Захарова М. Ю., Казарина М. А., Тарасова О. И. Интерпретация текста и его грамматических моделей (типологический аспект). М.: Изд-во МГОУ, 2013. 240 с.
7. Левченко М. Н., Изгаршева А. В. Креолизованный текст в системе «Интернет» // Вестник Московского государственного областного университета. 2018. № 4. С. 200-216.
8. Мамонова Н. В. Классификация постов в англоязычной социальной сети Инстаграм (лингвосинергетический аспект) // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 4 (426). С. 137-143.
9. Медведева Е. В. Instagram: пространство продвигающей коммуникации // Медиалингвистика. 2019. Т. 6. № 3. С. 369-380.
10. Медведева Я. Е., Паламарчук А. А., Латышева М. А. Англицизмы в речи современных инстаблогеров // Вестник современных исследований. 2019. № 1.1 (28). С. 158-160.
11. Пархоменко И. И. Специфика грамматического оформления высказываний на английском языке в сети Инстаграм [Электронный ресурс] // СтРИЖ: студенческий электронный журнал. 2019. № 4 (27). Ч. 2. С. 37-41. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_38547977_66327950.pdf (дата обращения: 15.11.2020).
12. Поварницына М. В. Специфика креолизованных текстов в массовой интернет-коммуникации [Электронный ресурс] // Universum: Филология и искусствоведение. 2015. № 6 (19). URL: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/2219> (дата обращения: 04.08.2020).
13. Тарасова О. И. Реализация жанровых признаков текстов документально-художественного повествования грамматическими средствами языка (на примере категорий темпоральности и локальности): автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 2003. 20 с.
14. Терских М. В. Инструменты рекламного продвижения в сети Instagram: жанровые и языковые особенности // Научный диалог. 2020. № 6. С. 178-189. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-6-178-189.
15. Церюльник А. Ю. Использование хэштега в инстаграм-блогах // Международный научно-исследовательский журнал. 2018. № 6 (72). Ч. 2. С. 110-115.
16. Чернявская В. Е. Когнитивная лингвистика и текст: необходимо ли новое определение текстуальности? // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. № 2 (3). С. 77-83.
17. Чигаев Д. П. Способы креолизации современного рекламного текста: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 2010. 25 с.
18. Щурин Ю. В. Жанровое своеобразие социальной сети Instagram // Жанры речи. 2016. № 1 (13). С. 156-168.
19. Beißwenger M. WhatsApp, Facebook, Instagram & Co.: Schriftliche Kommunikation im Netz als Thema in der Sekundarstufe [Электронный ресурс]. URL: https://www.uni-due.de/imperia/md/images/germanistik/beisswenger/beisswenger_reflexionsprache.pdf (дата обращения: 18.08.2020).
20. Bibisbeautypalace [Электронный ресурс]. URL: <https://www.instagram.com/bibisbeautypalace/> (дата обращения: 11.08.2020).

21. **Instagram Top 10: Das sind Deutschlands beliebteste Instagrammer** [Электронный ресурс]. URL: <https://onlinemarketing.de/social-media-marketing/instagram-top-10-deutschland-instagrammer> (дата обращения: 04.08.2020).
22. **Klemm M.** Bloggen, Twittern, Posten und Co. Grundzüge einer Social-Media-Rhetorik // Jahrbuch Rhetorik. Berlin – Boston: De Gruyter, 2017. Bd. 36. H. 1. S. 5-30.
23. **Schach A.** Text und Bild in der Unternehmenskommunikation // Handbuch Sprache in den Public Relations. Springer Reference Sozialwissenschaften. Wiesbaden: Springer VS, 2017. S. 1-22. DOI: 10.1007/978-3-658-15750-0_13-1.
24. **Silber V.** Instagram-Beitrag als Textsorte: eine textlinguistische und stilistische Analyse: Diplomarbeit. Maribor, 2018. 96 S.
25. **Toni.kr8s** [Электронный ресурс]. URL: <https://www.instagram.com/toni.kr8s/> (дата обращения: 11.08.2020).
26. **Yvonnepferret** [Электронный ресурс]. URL: <https://www.instagram.com/yvonnepferret/> (дата обращения: 11.08.2020).

Linguistic Features of Creolized Texts of the German Blogosphere

Kabalina Olesya Igorevna, PhD
Moscow Region State University
oi.kabalina@mgou.ru

The article examines linguistic peculiarities of Instagram messages by the example of the German language. The research objective is as follows: to reveal specificity of manifestation of the basic textual categories (integrity, coherence, modality, personality, temporality and locality) in creolized texts of the German blogosphere. Scientific originality of the paper lies in the fact that relying on the existing approaches to the text interpretation, the author analyses specificity of textual categories manifestation in the texts under study. The following conclusions are justified: in a creolized text, each textual category is manifested at verbal and non-verbal levels; in creolized texts, in contrast to non-creolized ones, textual categories acquire new features. Relying on the findings, the researcher identifies typical linguistic features of an Instagram message.

Key words and phrases: textual categories; text interpretation; creolized text; Instagram message; German language.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.29>

Дата поступления рукописи: 28.09.2020

Цель исследования – выявить особенности функционирования словосочетаний с расширенной ненормативной комбинаторикой глагола *to do* в современном английском языке. **Научная новизна** заключается в том, что при анализе употребления нестандартных словосочетаний с глаголом *to do* в англоязычной коммуникации впервые определяются наиболее распространенные тематические группы и выявляются лингвокультурные особенности функционирования подобных словосочетаний. **В результате** было установлено, что нестандартные словосочетания с глаголом *to do* используются как с целью усиления коммуникативного намерения, так и его смягчения, для сохранения лица коммуниканта, а также в качестве средства дистанцирования в словосочетаниях, связанных с эмоциональной сферой.

Ключевые слова и фразы: англоязычное речевое общение; нестандартная комбинаторика; глагол *to do*; коммуникативное намерение.

Кондрашова (Козьмина) Вера Николаевна, к. филол. н., доц.
Санкт-Петербургский государственный университет
vn_kondrashova@mail.ru

Нестандартная комбинаторика глагола *to do* в современном английском языке

Для успешной коммуникации необходим высокий уровень языковой и коммуникативной компетенции, который предполагает наличие у говорящего контекстных, интеракциональных и языковых знаний. Последний тип знаний включает не только владение лексикой и грамматикой, но и «знание конвенций и норм употребления единиц языка общения» [6, с. 7]. Одной из особенностей развития английского языка в XXI веке являются возникновение в речевом общении нестандартной комбинаторики разных частей речи, изменение границ традиционной лексической сочетаемости. Это, как правило, наблюдается в разговорном дискурсе. **Актуальность** исследования использования нестандартной комбинаторики глагола *to do* в современном английском речевом общении обусловлена важностью выявления новых тенденций в употреблении языковых единиц. Для проведения исследования необходимо решение следующих **задач**: охарактеризовать частеречную природу единиц, сочетающихся с глаголом *to do*; выявить наиболее распространенные ситуации, в которых эти словосочетания встречаются; определить, для каких коммуникативных целей используются подобные нестандартные словосочетания. **Материалом исследования** послужили произведения британских, ирландских и американских авторов XXI века.

Теоретическую базу исследования составили работы в области теоретической грамматики Н. А. Кобриной, Н. Н. Болдырева, А. А. Худякова [2] и контрастивной лингвистики И. В. Неделкова [5],

комбинаторной лингвистики М. В. Влавацкой [1], М. Ю. Мухина [4], труды, посвященные межкультурной коммуникации и специфике национального поведения, Т. В. Лариной [3], Л. В. Цуриковой [6], К. М. Шилихиной [7], К. Фокс (K. Fox) [8].

Для достижения поставленной цели и задач использовались следующие *методы исследования*: метод систематизации и классификации, дескриптивный метод, лексико-семантический анализ, метод контекстуального анализа.

Практическая значимость работы: материалы исследования могут быть использованы на занятиях по разговорной практике со студентами-филологами, а также при изучении спецкурсов и спецсеминаров по лингвокультурологии и межкультурной коммуникации. Полученные данные могут найти применение в процессе учебно-методической деятельности при составлении учебных пособий.

Владение языком подразумевает хорошее знание системотехники, под которой понимается «совокупность правил функционирования языковых единиц в контексте» [5, с. 11]. Они включают морфологические, синтаксические, сочетаемостные и лексико-семантические правила [Там же, с. 12]. Изучение нормы сочетаемости и типичности словосочетания представляет большой интерес для комбинаторной лингвистики. Намеренное использование нетипичной сочетаемости считается признаком индивидуального стиля писателя и анализируется лингвистами с позиции стилистики [4]. В речевом общении выбор словосочетания осуществляется говорящим в соответствии с коммуникативной задачей. Комбинаторика языковых единиц определяется такими факторами, как экстралингвистическая ситуация и коммуникативное намерение [1, с. 42]. При незначительных нарушениях словосочетаемости усложняется семантическая структура текста, что может способствовать порождению дополнительных прагматических эффектов [7, с. 66].

Глагол *to do* является полноценной лексической единицей языка и входит в два семантических подкласса глаголов. Он относится к динамическим глаголам с лексическим значением совершения действия, поступка или воздействия. Глагол также входит в группу служебных слов, где он полностью десемантизирован и употребляется для образования грамматической формы, а также для выражения эмотивности и категоричности [2, с. 65]. Однако в современном разговорном дискурсе наблюдается тенденция к употреблению *to do* в нестандартных словосочетаниях, в которых этот глагол не полностью десемантизирован, а значение всего словосочетания определяется в основном значением второго слова.

Все рассматриваемые нами примеры можно разделить на два основных тематических блока: *деятельность учреждения* и *деятельность человека*. Под учреждением понимается любая организация или заведение, оказывающее профессиональные услуги. Достаточно часто глагол *to do* встречается в диалогах, связанных со *сферой обслуживания* при предложении услуг или их обсуждении. Интересно отметить, что глагол может сочетаться с существительными, обозначающими одушевленные предметы. Значение, передаваемое глаголом, меняется в зависимости от контекста и без него может быть не всегда понятным. “*We don’t do humans, sweetheart*” [16, p. 357]. / «Мы не предоставляем ночлег людям, милая» (здесь и далее перевод автора статьи. – В. К.). В рассматриваемом высказывании *to do* употребляется вместо глагола *to serve*. Хозяйка, владеющая конюшней, объясняет, что она не обслуживает постояльцев, как в гостинице. В следующем примере она использует *to do* вместо глагола *to offer* и предлагает девушке стойло для лошади. “*Well, we can certainly do you a stable*” [Ibidem, p. 356]. / «Что же, мы, конечно, можем предложить тебе стойло».

Глагол *to do* также часто используется в ситуациях, связанных с обслуживанием в парикмахерских, ресторанах и барах. Чаще всего он заменяет глаголы *to serve* / *to offer*. Интересен следующий пример. “*Here, sit down. Thom, I’ll do you a tea*” [Ibidem, p. 358]. / «Давай, садись, Том, я подам тебе чай». В этом примере вместо привычного сочетания *to make tea* используется глагол *to do*, так как акцент делается именно на процессе обслуживания, а не на приготовлении напитка.

Вторая тематическая группа связана с *деятельностью человека*. Она включает два варианта: текущую деятельность, которая может меняться в зависимости от ситуации, и характеризующую, являющуюся постоянным признаком личности. При рассмотрении *текущей деятельности* было выявлено, что нестандартная комбинаторика глагола *to do* встречается при *планировании деятельности, досуга и обсуждении совместных планов*. Вместо традиционных сочетаний *to have lunch / dinner* все чаще употребляется глагол *to do*. “*If you’d like that, maybe we could do dinner and a movie*” [20, p. 76]. / «Если бы ты захотела, может, мы могли бы вместе поужинать и сходить в кино». Нередко при планировании встречи *to do* используется вместо глагола *to meet*. “*No, I can’t do the evening. What about lunch-time?*” [9, p. 294]. / «Нет, я не могу встретиться вечером. А как насчет обеденного перерыва?». Также глагол *to do* используется вместо глаголов *to go* или *to see*. “*I could find you a nice hotel and we could do all the sights*” [15, p. 391]. / «Я бы сумела найти для тебя хороший отель, и мы могли бы пойти осматривать все достопримечательности». Исследователи отмечают принадлежность американцев и англичан к деятельностному типу культуры [3, с. 49-51]. Можно предположить, что именно этим фактом объясняется широко распространенное в речевом общении использование глагола *to do* для обсуждения планов и сферы обслуживания.

При анализе материала, связанного с *характеризующей деятельностью*, была выявлена большая группа примеров, отражающих *привычки, вкусы и навыки человека*, причем в этой функции словосочетания с *to do* встречались, как правило, в британском и ирландском речевом общении. Следует отметить высокую частотность использования прямого отрицания в высказываниях, когда коммуникант говорил или думал о том, что для него совсем не характерно. Учитывая тот факт, что в британской коммуникативной культуре широко распространено имплицитное отрицание, использование для этой цели грамматических показателей, на наш взгляд, способствует усилению коммуникативного намерения.

Привычки могут характеризовать не только человека как индивида, но и как представителя нации. *"I'm English for God's sake... We don't do doctors, unless we're on death's doorstep, and even then we have to apologize for disturbing them"* [10, p. 4]. / «Я же англичанка, черт возьми... Мы обращаемся к врачам лишь на смертном одре, да и тогда нам приходится извиняться за доставленное беспокойство». В этом примере женщина говорит о себе как о типичной англичанке, которая избегает обращения к врачам без крайней необходимости.

Нередко глагол *to do* используется для передачи особенностей речевого поведения и употребляется вместо глагола *to speak*. В рассматриваемом ниже примере глагол *to do* используется в сочетании с прилагательным, что нехарактерно для английского языка. *"In case you hadn't noticed, I don't do subtle"* [13, p. 96]. / «Если ты еще не заметила, я не говорю намеками». В следующем примере мы видим аналогичную ситуацию. *"Dean didn't do deep and meaningful"* [18, p. 136-137]. / «Дин не любил вести серьезные разговоры на глубокомысленные темы». Это часть внутреннего монолога героя, в котором он удивляется открытости своей собеседницы, готовой в отличие от него раскрыть душу едва знакомому человеку.

В женской речи или в женских внутренних монологах нестандартная комбинаторика глагола *to do* встречается при характеристике внешнего вида, в частности, предпочтений в выборе одежды. *"She didn't do little black dresses, she did jeans with flowery chiffon tops..."* [19, p. 11]. / «Она никогда не носила маленькие черные платья, она носила джинсы и шифоновые топы с цветочным рисунком...». Глагол *to do* здесь может заменить как глагол *to wear*, так и глагол *to like*. Нередко глагол *to do* употребляется вместо традиционно используемого глагола-связки в составном именном сказуемом. *"She just didn't do sloppy or messy"* [12, p. 51]. / «Просто не бывало так, чтобы она оказалась небрежно одета или выглядела неопрятно». В этом примере *to do* используется с прилагательными вместо глагола-связки *to look*.

Глагол *to do* употребляется вместо глагола *to use*. *"I don't do public transport"* [Ibidem, p. 106]. / «Я не пользуюсь общественным транспортом». В этом же значении глагол широко используется, когда речь идет о нежелании пользоваться техникой. *"Marijke doesn't do e-mail"* [17, p. 408]. / «Марижа не пользуется электронной почтой». В следующем примере речь идет о пожилой женщине, которая не пользуется мобильным телефоном. *"She is in her eighties. She doesn't do cell-phones"* [15, p. 403]. / «Ей – за восемьдесят. Она не пользуется мобильными телефонами». Следует отметить, что употребление глагола *to do* в этом значении нередко дает возможность сохранить лицо говорящего, адресата или того человека, о котором идет речь, так как нет необходимости уточнять, умеет ли человек обращаться с техникой или просто не хочет этого делать.

В рассматриваемом ниже примере использование нестандартного словосочетания тоже способствует сохранению лица адресата. *"You can't do heights"* [11, p. 352]. / «Ты же боишься высоты!». Муж смягчает коммуникативное намерение, лишь имплицитно тот факт, что его жена боится высоты, но не говорит об этом открыто. Это же словосочетание используется, когда человек говорит о своих собственных страхах.

Снижение категоричности наблюдается в тех случаях, когда речь идет о том, что люди не любят, как это видно в следующем примере. *"Nightmare. I don't do country"* [13, p. 65]. / «Кошмар. Я не переношу сельскую жизнь». Так как в этом высказывании глагол *to hate* отсутствует, то такая форма выражения смягчает коммуникативное намерение.

В ходе исследования британского и ирландского речевого общения было также отмечено частотное использование в отрицательных высказываниях сочетаний глагола *to do* с прилагательными и существительными, связанными с эмоциональной сферой коммуниканта. Как отмечают многие исследователи, англичанам свойственна эмоциональная сдержанность, и они не любят открыто проявлять свои эмоции [3, с. 122]. При обсуждении выражения эмоций использование нестандартной комбинаторики глагола *to do*, как нам представляется, является своего рода дистанцирующим средством, которое переводит чувства и эмоции в вид деятельности. *"We don't do nostalgia... <...> Not as a family. We don't do regrets"* [21, p. 4]. / «Мы не предаемся ностальгии... <...> В нашей семье это не принято: мы не высказываем сожаление». Здесь посредством нестандартного словосочетания характеризуется целая семья.

Иногда глагол *to do* в значении *to feel* сочетается сразу с несколькими существительными, выражающими эмоциональные состояния. *"He didn't have the luxury to do confusion, or self-doubt, or grief"* [19, p. 251]. / «Он не мог позволить себе роскошь впасть в смятение, сомневаться в себе или предаваться горю». В данном примере во внутреннем монологе преуспевающего адвоката мы видим сразу три однородных определения, передающие эмоциональные состояния, которые не характерны для него.

Довольно часто коммуниканты говорят о том, что они не выражают сильные эмоции, не умеют плакать. Как отмечают исследователи, в английском языке практически нет словосочетаний с существительным *tears*, за исключением *to dissolve in tears*, произносимого ироническим или дистанцирующим тоном [3, с. 109]. В следующем примере глагол *to do* сочетается с существительным *tears*. *"Despite working in the arts, I'm not that sort. I don't do tears"* [18, p. 180]. / «Несмотря на то, что я работаю в сфере искусства, я не такой. Я не проливаю слезы». Часто проявление эмоций является спонтанным и неконтролируемым процессом, однако использование глагола *to do* фокусирует внимание на том, что эмоциями можно управлять, и англичане так и стараются делать.

Прощание в британской коммуникативной культуре, как отмечает К. Фокс, часто вызывает у англичан замешательство и чувство неловкости [8, p. 57]. Негативное отношение к прощанию может встречаться и у ирландцев. *"I can't do the big good-bye"* [14, p. 76]. / «Я не переношу церемонию прощания». Здесь глагол *to do* близок по значению к глаголу *to endure*.

Таким образом, в настоящее время в разных вариантах английского языка наблюдается расширение сочетаемости глагола *to do* с различными языковыми единицами: прилагательными и существительными,

обозначающими, в частности, одушевленные имена существительные, разнообразные чувства и эмоции, абстрактные понятия. В результате проведенного исследования можно сделать **выводы** о том, что значение словосочетания зависит от контекста и формируется под влиянием слова, следующего за глаголом. Следовательно, идет процесс частичной десемантизации глагола *to do*. Этот факт свидетельствует, на наш взгляд, о дальнейшем развитии английского языка в сторону аналитизма.

Нестандартная комбинаторика рассматриваемого глагола встречается достаточно часто в диалогах, связанных со сферой обслуживания, текущей и характеризующей деятельностью человека. Можно предположить, что частотное употребление глагола *to do* при планировании обусловлено деятельностным подходом к жизни, присущим американцам и англичанам. Было отмечено, что при описании характеризующей деятельности человека широко используются отрицательные высказывания, показывающие, что именно для человека не свойственно. Речь может идти о внешнем облике, манере речи, вкусах, привычках и навыках. Использование для этой цели нетрадиционных сочетаний в британской коммуникации, на наш взгляд, в зависимости от коммуникативного контекста и лексических единиц, входящих в словосочетание, способствует либо усилению коммуникативного намерения, либо его смягчению, сохранению лица коммуниканта. Было также выявлено, что для британской и ирландской коммуникации характерны отрицательные высказывания с сочетаниями глагола *to do* и лексическими единицами, относящимися к эмоциональной сфере. В этом случае такое сочетание является своего рода дистанцирующим средством, позволяющим сохранить лицо, избежать употребления глагола *to feel* и выражения эмоций. Таким образом, расширение сочетаемости глагола *to do* в определенной степени, на наш взгляд, связано с лингвокультурными особенностями англоязычной коммуникации.

В перспективе планируется рассмотреть особенности перевода нестандартных словосочетаний с *to do* с английского на русский язык.

Список источников

1. **Влавацкая М. В.** Синтагматика vs. комбинаторика: основы комбинаторной лингвистики // Научный диалог. 2017. № 1. С. 35-45.
2. **Кобрин Н. А., Болдырев Н. Н., Худяков А. А.** Теоретическая грамматика современного английского языка: учеб. пособие для студ., аспирантов, преподавателей высших учеб. заведений. М.: Высшая школа, 2007. 368 с.
3. **Ларина Т. В.** Категория вежливости и стиль коммуникации. Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Языки славянских культур, 2009. 512 с.
4. **Мухин М. Ю.** Нетипичная лексическая сочетаемость: формализация термина и анализ текста // Уральский филологический вестник. Серия «Язык. Система. Личность: лингвистика креатива». 2015. № 1. С. 105-115.
5. **Недялков И. В.** Очерки по контрастивной лингвистике: учеб. пособие. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. 59 с.
6. **Цурикова Л. В.** Межкультурное взаимодействие с позиций когнитивно-дискурсивного подхода // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 1 (6). С. 5-15.
7. **Шилихина К. М.** Лексическая сочетаемость как источник вербальной иронии // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2010. № 2. С. 64-69.
8. **Fox K.** *Watching the English*. L.: Hodder and Stoughton, 2004. 424 p.
9. **French N.** *The Safe House*. L.: Penguin Books, 1998. 372 p.
10. **Green G.** *Saving Grace*. L.: Pan Books, 2015. 388 p.
11. **Kinsella S.** *Surprise Me*. L.: Black Swan, 2018. 385 p.
12. **Moriarty S.** *Mad about You*. L.: Penguin Books, 2014. 384 p.
13. **Moriarty S.** *Me and My Sisters*. L.: Penguin Books, 2012. 447 p.
14. **Moriarty S.** *This Child of Mine*. L.: Penguin Books, 2013. 410 p.
15. **Moyes J.** *Still Me*. L.: Penguin Books, 2018. 471 p.
16. **Moyes J.** *The Horse Dancer*. L.: Hodder and Stoughton, 2010. 519 p.
17. **Niffenegger A.** *Her Fearful Symmetry*. L.: Vintage Books, 2010. 485 p.
18. **Parks A.** *The State We Are in*. L.: Headline Review, 2014. 436 p.
19. **Potter A.** *Do You Come Here Often?* L.: Hodder and Stoughton, 2009. 440 p.
20. **Roberts N.** *The Vision in White*. N. Y.: Jove Books, 2012. 319 p.
21. **Trollope J.** *City of Friends*. L.: Pan Books, 2017. 343 p.

Non-Standard Combinatorial Behaviour of the Verb 'to do' in Modern English

Kondrashova (Koz'mina) Vera Nikolaevna, PhD
 Saint Petersburg University
 vn_kondrashova@mail.ru

The study aims to determine functional characteristics of word combinations exhibiting extended non-standard combinatorial behaviour of the verb 'to do' in the modern English language. Scientific novelty of the research lies in the fact that analysing the use of non-standard word combinations with the verb 'to do' in the English-language communication, the author for the first time identifies the most common lexical sets and determines linguocultural functional characteristics of such word combinations. As a result, it was found that non-standard word combinations with the verb 'to do' are used both to amplify communication intention and to reduce it saving a communicant's face and also as a means of distancing in word combinations related to emotional sphere.

Key words and phrases: English-language verbal communication; non-standard combinatorial behaviour; verb 'to do'; communicative intention.

<https://doi.org/10.30853/filmnauki.2020.12.30>

Дата поступления рукописи: 29.09.2020

В статье исследуются английские фразеологические единицы (ФЕ) с элементами цветообозначений, интерес к которым обусловлен важной ролью зрительной перцепции и образности ФЕ в формировании языковой картины мира. **Цель работы** – представить классификацию отобранных ФЕ на основе семантико-когнитивного подхода, определить способы их вербализации с учетом этимологии. **Научная новизна** заключается в семантико-когнитивной классификации концептов ФЕ, а также в определении когнитивного способа их «упаковки» на основе метафорической проекции и бэкграунда ФЕ. **В результате** основанные на метафорической проекции 320 ФЕ классифицированы по 30 категориям концептов, связанных с жизнью и деятельностью человека, установлены когнитивные способы их образования и их когнитивные истории.

Ключевые слова и фразы: английские фразеологические единицы; концепт; семантико-когнитивная классификация; цветообозначение.

Павленко Лариса Геннадиевна, к. филол. н., доц.

Черникова Рита Юрьевна

Таганрогский институт имени А. П. Чехова (филиал)

Ростовского государственного экономического университета

taganflot@gmail.com; rita.ch.2015@mail.ru

Семантико-когнитивная классификация концептов английских фразеологических единиц с элементами цветообозначений

Актуальность статьи заключается в том, что участок концептосферы, выраженный на уровне языка ФЕ с элементами цветообозначений, мало изучен с позиций когнитивной лингвистики. При этом зрительная перцепция и образность в каждой ФЕ имеют свое значение, никогда не связанное с цветообозначением. Они аккумулируют, кодируют историческую, интеллектуальную и эмоциональную нагрузку, характеризующую культуру англоговорящих народов, и являются инструментом репрезентации в межкультурной коммуникации.

Для достижения цели исследования необходимо решить следующие **задачи**:

- 1) классифицировать отобранный материал в рамках семантико-когнитивного подхода;
- 2) на основе данных одно- и двуязычных фразеологических словарей проследить зарождение и развитие ФЕ с элементами цветообозначений;
- 3) определить когнитивные способы вербализации ФЕ.

При работе с практическим материалом – 322 ФЕ с элементами цветообозначений [5; 11-13] – применялись следующие **методы исследования**: сплошной выборки, семантического и когнитивного анализа с элементами этимологического анализа (зарождения и развития) ФЕ, интерпретации, прием количественного подсчета. **Теоретическая база** исследования основывается как на трудах современных исследователей по фразеологии с элементами цветообозначения, так и на исследованиях ведущих лингвистов в области когнитологии. Цветообозначения, в том числе ФЕ с элементами цветовых обозначений, не раз становились объектом изучения лингвистов. А. Вежбицкая исследовала универсалии зрительного восприятия [2], В. С. Морщинский, Ю. А. Лыцова определяют взаимозависимость цветов картины мира и творческого направления писателей в литературе [8; 10], А. Ю. Команова и Н. В. Зимовец исследуют фразеологизмы с элементами цветообозначений (на примере англоязычной прессы) [4]. А. Н. Минка рассматривает ФЕ в английском, испанском и русском языках в типологическом аспекте [9].

Практическая значимость работы обусловлена возможностью включения материала и полученных результатов исследования в ряд учебных дисциплин по иностранному языку и лингвистике.

Человек познает окружающую действительность в значительной степени благодаря органам чувств. Перцепция является одним из информационных каналов человека, все органы чувств: осязание, обоняние, слух, вкус, зрение – передают человеку информацию о мире. Известно, что языковая картина мира создается в процессе номинативной деятельности [6, с. 4]. Языковая картина мира отражает существующую реальность (или реальную картину мира) через культурную картину мира, которая формируется на основе представлений человека, полученных с помощью органов чувств [4, с. 120]. Зрение, как подсистема физиологического восприятия человека, занимает важное место в освоении окружающего мира в зависимости от объема поступающей информации в сознание человека [6, с. 246]. Перцептивные признаки передаются, прежде всего, именами прилагательными, к которым относятся и цветовые обозначения, а также производными от них другими частями речи: *to redder* «покраснеть», сложносоставными словами: *rose-coloured* «цвета розы».

В онтогенезе ФЕ проходит путь от свободного словосочетания до идиомы, то есть внутренняя форма фразеологического значения заключает в себе смысловые элементы лексической и грамматической семантики, которые послужили его генетическим источником [1, с. 188]. Л. В. Ковалева понимает фразеологический концепт как наглядно-чувственный образ, являющийся прототипом создания фразеосочетания [3, с. 16], он выступает единицей концептосферы, организованной совокупности единиц мышления, включая все ментальные

признаки явления [1, с. 30]. Основная роль концептов в процессе мышления, осмысления окружающей действительности заключается в возможности классификации предметов и событий реального мира по принципу наличия определенного сходства. Метафорические модели представляют образы одной области посредством образов другой области. Дж. Лакофф и М. Джонсон считают, что буквальное значение слов связано с метафорическим восприятием мира, они называют их конвенциональными (когнитивными) метафорами, определяющими строение обыденной концептуальной системы общества, которая отражается в повседневном употреблении языка [7, с. 169]. В метонимических моделях один элемент выполняет функции проекции по отношению к другому. Когнитивная методология позволяет через изучение семантики языковых знаков описать концептосферу общества. Исходя из определения концепта как дискретного ментального образования, базовой единицы мыслительного кода человека с относительно упорядоченной внутренней структурой, являющегося результатом когнитивной, познавательной деятельности личности и общества [1, с. 7-8], представляется возможным классифицировать отобранные для анализа ФЕ по группам. Следует иметь в виду, что количество концептов никак не может совпадать с количеством слов и ФЕ, которыми пользуется человек, говорящий на том или ином языке [6, с. 6].

В отобранных ФЕ встретились следующие цветообозначения и их оттенки: *black* (77), *blue* (54), *white* (39), *red* (36), гипоним *colour* (26), *green* (24), *dark* (19), *grey* (11), *yellow* (7), *blond* (5), *brown* (4), *rosy* (4), *pink* (4), *gild* (3), *scarlet* (2), *silver* (2), *pale* (2), *light* (2), *salad* (1). ФЕ включают широкую палитру цветообозначений – 19 цветов, в которых доминирующими являются *black* «черный» и *blue* «голубой, синий» VS *white* «белый».

Семантико-когнитивный подход к языку указывает на направление исследования – соотношение семантики языка (семантических процессов) с концептосферой народа (с когнитивными процессами) [1, с. 4]. Рассмотрим, какие концепты выражают ФЕ, включающие значения цветовых элементов, и какими способами они вербализованы. Принято считать, что ФЕ являются хранителями народной мудрости. Не оспаривая этого положения, отметим, что многие ФЕ имеют **авторство**. Так, у Шекспира встречаем *the green-eyed monster* «ревность, зависть» [11, р. 142-143], *smb's memory is green* «что-либо еще свежо в памяти» [5, с. 498]. Зеленый цвет ассоциируется с весной, молодостью, на нем строится когнитивная метафора; *a horse of a different colour* «другое дело» (букв. «это уже лошадь другого цвета») [13]. Здесь метафорическая проекция заключается в совмещении практической области выбора лошади с областью принятия изменения позиции коммуниканта. Мильтон создал ФЕ на основе оксюморона *darkness visible* «только усилить мрак» (о слабом свете) [11, р. 41]. Изменилась когнитивная история ФЕ *to blacklist* «внести в список нарушителей» [Ibidem]. Мильтон имел в виду список убийц Карла I, сегодня – это список любых нарушителей условностей. ФЕ *a silver lining* «луч надежды» восходит к пословице “*Every cloud has a silver lining*” [5, с. 155]. / «Есть у тучки светлая подкладка». В. Скотт ввел ФЕ *catch smb red-handed* «поймать с поличным» (букв. «с руками в крови») [Там же, с. 624]. Популярность Б. Дизраели изменила когнитивную историю ФЕ из скачек *a dark horse* «темная лошадка» [11, р. 92]. Сегодня это человек, от которого неизвестно чего ожидать, в том числе в политике. ФЕ Теннисона *red in tooth and claw* «жестокий, беспощадный конфликт» [13] основана на когнитивной метонимии, в суровой драке животных их зубы и когти окрашиваются кровью. Военный корреспондент Рассел делает акцент не только на цвете, но и на ширине оборонной линии: *thin red line* «оборона малыми силами» [5, с. 463]. ФЕ с библейской этимологией: *to darken counsel* «запутывать дело», *cast into outer darkness* «предать забвению», *Egyptian darkness* «тьма египетская» [Там же, с. 196]. Метод когнитивного анализа показывает, что когнитивная метафора – наиболее распространенный способ вербализации ФЕ (10), в то время как по метонимии и оксюморону вербализованы по 1 ФЕ.

Часть ФЕ является **кальками** с других языков: *purple patch* «произведение, отличающееся выспренностью стиля» восходит к латинскому *pannus purpureus*. Большинство калек французского происхождения: *eminence grise* «серый кардинал», *local colour* «местный колорит», *a black magic* «черная магия» (по средневековым суевериям представление, чародейство с помощью «адских сил»), позднее развивается в *the black art* «чернокнижие», их антоним *white magic* «белая магия» (чародейство с помощью «небесных сил», ангелов) [Там же, с. 475].

Концепт АНАТОМИЯ ЧЕЛОВЕКА представлен разговорными ФЕ *gray matter* «серое вещество, мозговые извилины», *red lane* «горло, горлышко», образованными по метонимии, так, вещество не может быть зеленым или белым, а большое горлышко всегда красное. Мы полагаем, чтобы не напугать дитя, употребляют перифразу – *lane* «аллея».

Концепт СОСТОЯНИЕ ЗДОРОВЬЯ И БОЛЕЗНИ преимущественно выражается ФЕ, обозначающими хорошее состояние здоровья: *in the pink (of health)* «в прекрасном состоянии» – буквально речь идет о растении с розовыми или белыми цветами и приятным запахом [13]. Метонимия красоты цветов, оттенков яркого цвета, свежести зелени лежит в основе и других ФЕ: *have roses in one's cheeks* «румянец во всю щеку», *look rosy around the gills* «выглядеть здоровым», *keep the bones green* «сохранять хорошее здоровье», *high colour* «румянец», *gain colour* «посвежеть», *red as a cherry* «с румянцем во всю щеку». Напротив, утрата яркости и свежести говорит о плохом здоровье: *off colour* «имеющий нездоровый болезненный вид», *look white/green/yellow about the gills* «выглядеть нездоровым». ФЕ, называющие болезни, основаны на когнитивной метафоре – цвету кожных покровов при этой болезни, их широкому распространению и тяжелому лечению: *the white scourge* «туберкулез» (*scourge* «бич»), *yellow jack* «желтая лихорадка», *the Black Death* «черная смерть» (эпидемия чумы в Европе в XIV в.). Когнитивный анализ показывает, что в этой группе ФЕ 5 образованы по образу метонимии, 3 – метафорически и 1 – через сравнение.

Концепт ГЕРОНТОЛОГИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ. В природе зеленый цвет ассоциируется с весной, началом цикла природных явлений, а желтый цвет – с осенью, это отражается в ФЕ по способу метонимии: *salad days* «время юности и неопытности» (Шекспир). Примечательно, что Елизавета II, ссылаясь на свою первую королевскую клятву, сказала: “*That vow was made in my salad days*” [11, p. 257]. / «Эту клятву я дала в юные годы» (здесь перевод авторов статьи. – Л. П., Р. Ч.). Аналогично вербализуются ФЕ *the yellow leaf* «старость», *gray hairs* «старость, дожить до седых волос». Следующие ФЕ образованы с помощью сравнения: *as green as gooseberry* «неопытный, зеленый юнец», *be not as green as one is cabbage* «не вчера родился»: *Do you see any green in my eye?* / «Неужели я кажусь вам таким простаком?». Использован метод когнитивного анализа.

Концепт ВНЕШНОСТЬ включает ритмические сравнения: *as white / pale as a ghost* «бледный как полотно» (от испуга кровь отливает от лица), *as red as a turkey-cock* «красный как рак», *as red as fire* «покрасневший, вспыхнувший», *as red as a beet / as a boiled lobster* «красный, багровый от смущения», *as white as chalk* «белый как мел», *as yellow as a guinea* «желтовато-бледный» (о лице), *as yellow as gold* «желтый, золотистый», *as brown as a berry* «загорелый, шоколадного цвета», темные глаза сравнивают с угольками: *black as coal*, сравнение *blush like a rose* «зардеться как маков цвет». Когнитивные метафоры лежат в основе ФЕ: *put smb to the blush* «вогнать в краску», *blush/redden to the roots of one’s hair* «покраснеть до ушей», *to change colour* «измениться в лице, побледнеть или покраснеть». Цвет волос выражается типом окрашивания: *a peroxide blond* «химическая» блондинка, *a platinum blond* «блондинка с крашеными волосами цвета платины», *a bushfire blond* «огненно-рыжая блондинка», *a blond bombshell* «гламурная блондинка», чья красота ассоциировалась с Джин Харлоу, снявшейся в главной роли голливудского хита “*Bombshell*”, демонстрировавшегося в Британии под названием “*Blonde Bombshell*”, название фильма подчеркивает, что он не о войне. ФЕ *red carpet* «элегантный, изящный; парадный» имеет ироничную коннотацию: *You look a red carpet today*. Когнитивный анализ выявил 9 метафор, 9 ритмических сравнений и 2 простых сравнения, также использовался метод интерпретации.

Концепт ОЦЕНКА КАЧЕСТВ ЧЕЛОВЕКА включает ФЕ с положительной коннотацией: *the pink of perfection* «верх совершенства», *cast a lively colour on smth* «рисовать что-либо яркими красками» и синоним *look at the bright side of things* «смотреть на вещи оптимистически», такой человек всегда видит *a bit of blue sky* «луч надежды» (букв. проблеск между облаками, где сосредоточены высшие силы), *red-blooded* «мужественный, смелый», *an angel of light* «дорогой, всеми любимый человек» (библейская этимология), *not so black as one is painted* «быть не таким плохим человеком, как другие стараются представить», *a white lie* «невинная ложь». Ряд ФЕ восходят к морской традиции использовать флаги определенного цвета: *stick to one’s colours* «остаться до конца верным своим убеждениям» (не предать команду корабля), *nail one’s colours to the mast* «открыто отстаивать свое мнение» (букв. прибить флаг корабля к мачте, чтобы исключить его потерю, означающую сдачу врагу), *to show one’s true colours* «открыто высказывать свое мнение», *with flying colours* «победоносно, с честью». В основе этих ФЕ лежит когнитивная метафора, а в основе *whiter than white* «белее белого» – сравнение, которое акцентирует не цвет, а высокие моральные качества человека. Некоторые ФЕ допускают положительную и отрицательную коннотацию в определенном дискурсе: *a white crow* «белая ворона», *every bean has its black* «все имеет теневую сторону», *a red mamma* «злойная женщина, секс-бомба», *to pale into insignificance* «меркнуть перед чем-либо», *without colour* «лишенный индивидуальных черт». В группе ФЕ с отрицательной коннотацией есть антонимы вышеупомянутым: *paint smth in black colours* «рисовать что-либо мрачными красками» с синонимом *look at the dark side of things* «быть пессимистом». Близка по значению ФЕ *see smth through blue glasses* «мрачно, пессимистически смотреть на вещи», а также *black or white* «черное или белое» (о беспечном, безразличном человеке). Как и в предыдущей группе, много ФЕ, восходящих к флоту: *sail under false colours* «скрывать свои истинные намерения» (букв.: плыть под чужим флагом), *desert one’s colours* «бросить начатое дело, дезертировать», *lower one’s colours* «сдаваться, покоряться», *to take one’s colour from smb* «подражать кому-либо», *in one’s true colours* «в истинном свете», *to show one’s true colours* «показать кого-либо в истинном свете» (пиратское судно под чужим флагом, только близко подойдя к добыче, поднимало черный флаг) [Ibidem, p. 86]. Черный цвет, как правило, придает отрицательную коннотацию: *paint the devil blacker than he is* «изображать кого-либо хуже, чем он есть на самом деле», *black ingratitude* «черная неблагодарность», *things look black* «дела плохи», *as black as night* «безрадостный», *a black sheep* «паршивая овца» (позор семьи). В основе ФЕ концептуальная метафора: пастухи не любили черных овец, так как их шерсть не поддавалась окрашиванию, а значит, была дешевле. Палитра цветов, однако, в этой группе концептов широкая: *the white man’s burden* «бремя белого человека». Ирония заключается в лицемерном прикрытии хищнической колониальной политики, якобы возложившей культурную миссию на колонизаторов; *white-livered* «трус» (считалось, что печень труса светлая из-за недостатка желчи). Когнитивная история ФЕ *yellow dog* «подлый, трусливый человек» развивается в XX веке, приобретая значение «желтое обязательство», согласно которому рабочие обязуются не вступать в профсоюз и не участвовать в борьбе за свои права. ФЕ *yellow streak* «склонность к трусости или предательству», *pale into insignificance* «меркнуть перед чем-либо», *see red* «рассвирепеть», *take a rose-coloured view* «смотреть сквозь розовые очки» (быть беспечным) подчеркивают разнообразие цветовых элементов. Примеры данной группы не только иллюстрируют способы когнитивного образования: 32 метафоры, 3 сравнения, 4 перифраза, – но и дают возможность проследить этимологию ФЕ, восходящих к морскому делу. Она лежит в основе их чувственных образов.

Концепт ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА более полно представлен отрицательными характеристиками: *be tickled pink* «быть в восторге» против остальных ФЕ. Как правило, черный цвет придает только отрицательную коннотацию, в христианской культуре этот цвет ассоциируется со смертью: *black as night* «туча тучей», *look black* «хмуриться», *black as a crow* «черный как вороново крыло», *a black look* «хмурый, злобный взгляд», *a black eye* «подбитый глаз», *black in the face* «багровый от усилий или раздражения», *the black dog is on one's back* «хандрить», *in a brown study* «в мрачной задумчивости» (восходит к временам, когда *brown* означало *black*: *He is apt to be sunk in a brown study* [13]), *blue devils* «уныние, тоска» и производное от него *be in the blues* «в унынии, меланхолии», *blue fit* «удар, потрясение», *get grey* «беспокойт, тревожиться», *see red* «рассвирепеть», *loose colour* «побледнеть». Когнитивный анализ показывает образование по метафоризации (9), по метонимии (3), по сравнению (2).

Концепт ПОВЕДЕНИЕ. ФЕ с положительной коннотацией: *A good horse cannot be of a bad colour.* / «Хорошая лошадь не может быть плохой масти», то есть отдельные недостатки не умаляют достоинства. Умение попросить прощения за содеянное – важная черта человека: *put on (stand in) a white sheet* «публично каяться». Когнитивная метафора основана на чистоте белой простыни, которая создает образ человека, очищающегося от грехов. ФЕ с отрицательной коннотацией: *make the air blue* «сквернословить», *paint the town red* «уйти в загул, пировать» (ФЕ может восходить к американскому сленгу, где *to paint* = *to drink*, красный цвет в этой метафоре ассоциируется с веселым бесшабашным настроением) [12, р. 73]. Согласно другому апокрифу, О. Уайльд считал, что персонажи Данте в аду провозглашают себя теми, кто красит мир грехами в красный цвет [11, р. 225]. Сюда же относятся *cast a false colour on smth* «представлять что-либо в ложном свете», *under the colour of* «под видом, под предлогом», *keep dark* «скрывать, хранить в секрете». ФЕ *show the white feather* «проявить трусость» восходит к игре, в которой птичий хвост символизирует плохое воспитание. Интересно изменение когнитивной истории ФЕ *a red herring* «отвлекающий маневр», *to drag a red herring across the trail* «намеренно вводить в заблуждение». Копченая сельдь приобретает красно-коричневый цвет, она обладает очень сильным запахом. Охотники использовали рыжие селетки для обучения бассет-хаундов. В XVII в., волоча мешок с копчеными селетками по дорогам, где объявлялись кролики и дичь, создавали искусственный след, чтобы щенки собак научились не обращать внимания на запах селетки и брать след дичи [Ibidem, р. 245]. ФЕ *do brown* имеет несколько когнитивных историй. Одна из них «обобрать, обчистить» схожа с рус. «нагреть кого-то на деньги». Из 11 конвенциональных метафор одна изменила свою когнитивную историю в ходе исторического развития, еще одна добавила новую когнитивную историю. Метод когнитивного анализа дополнен элементами метода этимологического анализа.

Концепт ХАРАКТЕР ВЫПОЛНЯЕМОГО ДЕЙСТВИЯ. ФЕ, отнесенные в эту группу, образуют шкалу от блестящего выполнения работы до лени и даже хулиганства, на производстве и в домашней обстановке на основе метонимии: *green thumb* «умелый садовод» (Апокриф гласит, что король Эдуард I любил зеленый горошек. Дюжина слуг лушила горох, лучшего работника определяли по зеленым пальцам. Чем зеленее пальцы, тем лучше работник) [12, р. 69], *give colour to smth* «делать более правдоподобным», *do smth until you are blue* «усердствовать изо всех сил без достижения результата», *put up a black* «допустить бестактность, промах», *red tape* « волокита, бюрократизм» (в английских государственных учреждениях документы прошивают красной тесьмой, ФЕ, образованная на основе метонимии по цвету в наши дни приобретает пренебрежительное значение во взаимодействии посетителей с официальными служащими) [Ibidem, р. 75]. Метод когнитивного анализа дополнен элементом этимологического анализа.

Концепт ВЗАИМООТНОШЕНИЯ. Некоторые ФЕ имеют библейское или историческое происхождение: *a whited sepulchre* «лицемер» восходит к Библии. Иисус изобличал фарисеев за украшение могил орнаментом из штукатурки, в то время как у христиан было принято только подбеливать их [11, р. 310]. ФЕ *wigs on the green* «горячая дискуссия; потасовка» связана с ожесточенными прениями в ирландском парламенте в конце XVIII в. В Средневековье состояние больного или расстроенного человека характеризовалось зеленоватым цветом лица: *green with envy* «позеленевший от зависти». Во всех сферах жизни Англии использовались книги в черных переплетах для учета провинностей, грехов, коррупции. Отсюда *be in someone's black book* «утратить чью-то расположенность», а в XX в. появляется ФЕ *little black book*, в которую включаются бывшие любовники [Ibidem, р. 39]. В XVIII в. вступление в именитые клубы осуществлялось через голосование членов клуба – опущение в урну белого или черного шара, на основе когнитивной метафоры появляется ФЕ *to blackball* «забаллотировать», когнитивная история которого широко развивается в современной политике, медиа. Черный цвет и темный оттенок обеспечивают отрицательную коннотацию: *a black mark against someone* «черная метка» (букв.: черная отметка, поставленная против имени человека, чье поведение не понравилось другим членам сообщества) [13], *a black ship* «судно, которое портовые рабочие отказываются разгружать в знак солидарности с бастующими», *paint somebody black* «чернить кого-то». ФЕ *darken someone's door* «появиться незванным гостем», букв. означает закрыть собою просвет в двери. В современном английском широко употребляется в императиве: *Never darken my door* «никогда не появляйся у меня» [11, р. 93]. Конвенциональные метафоры *keep smb in the dark*, *keep smb dark* «держать кого-то в неведении» выражают ущербное положение неинформированного человека. Пренебрежительные отношения между людьми разных рас выражают ФЕ *white trash* «белая шваль» (бедняки из белого населения южных штатов), *black ivory* «черная слоновая кость» (работорговцы), *the colour bar* «цветной барьер». Когнитивная метафора *the blue-eyed boy* «любимчик учителя» отражает невинность и очарование ребенка, впервые появилась в 1924 г. в повести Вудхауса [13]. Семейные отношения представлены ФЕ *the gray mare* «женщина, держащая мужа под башмаком». Когнитивный анализ выявил в этой группе 12 метафор, 2 метонимии и 1 перифразу. Элементы этимологического анализа дают повод для интерпретации.

Концепт СОЦИАЛЬНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ представлен ФЕ, образованными на основе когнитивных метафор. ФЕ *blue blood* «голубая кровь», *a true blue* «настоящий аристократ» восходят к испанскому языку. Иберийский полуостров был заселен маврами, только в XV в. они были изгнаны христианами, проживавшими на севере полуострова. Длительное соседство способствовало смешению кровей. Древние аристократические семьи Кастилии гордились чистотой своей крови, более светлой кожей, сквозь которую просвечивали синие вены [11, р. 46]. ФЕ *to be born in purple* «родиться в королевской или знатной семье» восходит к древней Византии, где императрицы рожали в комнате, облицованной порфиром, редким и дорогим камнем [13]. *The Black Hand* «Черная рука» – название американской шайки гангстеров, пользовавшихся такой эмблемой. *A blue stocking* «синий чулок» (о сухой педантке, лишенной женственности) восходит к середине XVIII в., когда группа женщин из высшего общества, уставшая от карт и сплетен, стала организовывать интеллектуальные вечера. Они не носили синие чулки, но в них явился их гость ботаник, поэт и философ Стиллингфлит, который был интересен дамам этого кружка. Адмирал Боскауэн, заметив несурзность в костюме ученого, стал именовать посетительниц салона синими чулками [11, р. 48]. С XIX в. так именуют женщин, предпочитающих увлеченность науками светским утехам. Метод когнитивного анализа и интерпретации, дополненный элементами этимологического анализа, убеждает, что приведенные пять ФЕ являются когнитивными метафорами.

Концепт ВИД ДЕЯТЕЛЬНОСТИ. ФЕ основаны на метонимии – типичная часть одежды, взятая как часть от целого одеяния, выражена цветовым элементом: *the Black Pope* «черный папа» (прозвище главы иезуитского ордена), *black gown / coat* «католический священник», *red / scarlet hat* «кардинал», *the Black Prince* «Черный Принц» (Эдуард, принц Уэльский (1330-1376) носил черные латы), *a white collar worker* «белый воротничок, служащий», в пренебрежительном значении – *a white collar slave* «раб в белом воротничке» (служащий), *a white collar job* «работа в учреждении, конторе», *the black gang* «черная бригада» (кочегары, рабочие, грузящие уголь), *Black Rod* «черный жезл, герольдмейстер» (должностное лицо, отвечающее за порядок в палате лордов, во время церемонии несет черный жезл), *raise smb to the purple* «возвести в сан кардинала», *a white slave* «белая рабыня» (девушка, которую вынудили заниматься проституцией), *scarlet whore* «блудница» (библейское происхождение), *white slavery* «торговля живым товаром». Особую группу здесь составляет принадлежность к различным воинским соединениям: *black shirt* «чернорубашечник, итальянский фашист», *brown shirt* «коричневорубашечник, нацист», *red shirt* «краснорубашечник, гарибальдиец», *a Green Beret* «зеленый берет» (прозвище английских, а позднее и американских десантно-диверсионных войск), *a blue coat* «солдат, моряк», *the Blue and the Gray* ист. «синие и серые» (армии северных и южных штатов в гражданской войне США 1861–65 гг.), *the Black and Tans* ист. «черно-пегие» (английские карательные отряды, принимавшие в 1920 г. участие в подавлении движения шинфейнеров). Примечательно, что если *a red coat* «красный мундир, английский солдат», то *scarlet fever* «любовь к военным» – концептуальная метафора, построенная на сравнении с симптомами скарлатины (*scarlet fever*): краснота, температура, озноб. Разнообразие цветов для различения армий вызвало к употреблению ФЕ *call to the colour* «мобилизовать», *join the colours* «вступить в армию», *with the colours* «в действующей армии». Жаргонная ФЕ из морского дела *fly the blue pigeon* «бросать диплот» создает образ рабочего инструмента на базе конвенциональной метафоры, сравнивая лот для измерения глубины с голубком, отпущенным в полет. ФЕ *a white knight* «компания, поддерживающая независимость другой компании» (букв.: белый рыцарь) основана на конвенциональной метафоре, образ построен на идеях рыцарства, когда рыцари спасали от беды, как это делают поддерживающие компании сегодня. 19 ФЕ основаны по образу метонимии, 6 – метафорически. Значения этих ФЕ понятны благодаря элементам этимологического анализа.

Концепт СИГНАЛЫ. В семиотике за определенными цветами закреплены международные символы или сигналы: *The Blue Peter* «флаг отплытия» (синий флаг с белым квадратом, поднимаемый перед отплытием судна), *the red, white and blue* «английский флот и армия» (по цветам флага), *black flag* 1) «пиратский черный флаг», 2) «черный флаг, поднимаемый над тюрьмой в знак совершившейся казни», *green street* «зеленая улица» (разрешение), *give smb a green light* «дать зеленую улицу, открыть путь», *yellow alert* «сигнал воздушной тревоги», *hang out the white flag* «капитулировать», *with flying colours* «не прикидываясь, представляясь самим собой» (развешивающееся полковое знамя сигнализировало о победе). Метод когнитивного анализа выявляет 4 метафоры и 6 ФЕ, образованных по образу метонимии. Он подкрепляется методом интерпретации, так как речь идет о международных сигналах.

Концепт ЗНАКИ ОТЛИЧИЯ. *A blue Ribbon* «лента ордена Подвязки» (высшее отличие, установленное Эдвардом III в 1348 г.). О происхождении этого знака отличия существует немало апокрифов. Согласно одному из них, графиня из Солсбери неловко поскользнулась на балу, обронив подвязку. Чтобы вывести даму из смущения, король тут же надел подвязку на свою ногу, объявив: “*Shame on him who thinks evil of this*”. / «Да устыдится тот, кто дурно об этом подумает». Другой апокриф расценивает подвязку как культовую вещь Девы Марии, за то, что она дала жизнь спасителю, она была вознаграждена такой интимной вещью [ibidem, р. 47]. *The Blue Riband of the Atlantic* – длинный узкий флаг, который имел право поднять на главной мачте самый быстрый корабль в компании. В 1860-1960 гг. шло острое соперничество на скорости между корабельными компаниями Атлантики. *The Blue Riband of the Turf* – главный приз в скачках лошадей (дерби в Эпсоме). *A red riband (ribbon)* «лента ордена Бани». *A Purple Heart* амер. «Пурпурное сердце» (медаль за ранение, полученное в ходе военных действий). Значение четырех когнитивных метафор нельзя понять без элементарного этимологического анализа.

Концепт ПАМЯТНЫЕ СОБЫТИЯ И ОСОБЫЕ ДНИ КАЛЕНДАРЯ включает ФЕ с различными цветами, например красным и черным: *red-letter day* «праздничный, радостный день» (в календаре отмечен красным), по аналогии с ним появилась ФЕ *a black-letter day* «неудачный, несчастливый день», о нем еще говорят: «не мой день», а о чередности таких дней: *dark days* «черные дни». В школьном жаргоне *black Monday* «первый день занятий после каникул», это когнитивная метафора, где область источника – завершение веселых каникул, а область цели – начало учебных занятий с заданиями, тестами. *Black Friday* «черная пятница (пятница, в которую произошло какое-либо бедствие)». К памятным событиям относится *a white wedding* «традиционная христианская свадьба в церкви», все атрибуты такой свадьбы подчеркивают непорочность невесты, на ней белое платье, в коляски впрягались белые или серые кони, у форейторов были серые шляпы. О радостном событии говорят *a bright spot*, его можно запомнить с помощью белого камня – *to mark smth with a white stone* (в древности белые камни сохраняли или устанавливали в честь счастливого, радостного события) [13]. Это концептуальные метафоры. ФЕ *a black swan* «большая радость» (букв.: черный лебедь) сообщает о чем-то редком и неслыханном. Когнитивный анализ дополняется интерпретацией и элементами этимологического анализа.

Концепт РАЗВЛЕЧЕНИЯ. Англоязычные народы придают большое значение спорту, спортивные команды различаются по цвету формы (метонимия): *the dark (Oxford) blues* «синие», *the light (Cambridge) blues* «голубые». Следующие ФЕ основаны на когнитивных метафорах. На отдыхе афроамериканцы поют блюзы: *sing the blues* «исполнять блюз», то есть жаловаться на свою судьбу. В основе *black comedy* «черной комедии» лежит мрачный юмор. Когнитивный анализ дополняется методом интерпретации.

Концепт ПРИРОДНЫЕ ЯВЛЕНИЯ. За основу ФЕ берут цвет, соответствующий реальной картине мира, они образованы с помощью метонимии: *white caps* «барашки (белые гребни бурунов)», *white squall* «тропический шквал, вихрь (при безоблачном небе)», *blue water* «открытое море», *the white blue yonder* «синяя даль» (из песни Р. Крофорда “Army Air Corps” 1939 г.), *green winter* «мягкая, бесснежная весна», *white frost* «иней», *black frost* «бесснежные морозы», *the silver streak* «серебристая полоса» (прозвище Ла-Манша). С помощью сравнения образована ФЕ *as black as hell* «тьма кромешная». На основе концептуальной метафоры номинированы *black gold* «черное золото» (нефть), *black diamonds* «черное золото» (каменный уголь). Эти природные богатства существенно улучшали жизнь человека и поэтому их сравнивали с драгоценностями. Когнитивный анализ дополняется элементами этимологического анализа.

Концепт ЕДА, ПРОДУКТЫ. Мясо дифференцируется по цвету: *red meat* «говядина, баранина», *white meat* «свинина, курятина», *green goods / stuff* «зелень, свежие овощи» образованы на основе метонимии; *blue ruin* «джин плохого качества, сивуха», *black and tan* «смесь портера с элем», *black pudding* «кровяная колбаса» (*pudding* здесь в устаревшем значении «колбаса»), *Brown Betty* «хлебный пудинг с яблоками» основаны на конвенциональной метафоре, так, номинация последней ФЕ создается в результате образа добродушной, раскрасневшейся кухарки, аппетитной, как запеченный пудинг. Когнитивный анализ дополнен элементами этимологического анализа.

Концепт ДЕНЬГИ, МАТЕРИАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ выражается ФЕ с различными цветообозначениями, которые логично характеризуют ситуацию: *see the colour of smb's money* «получить деньги от кого-либо, убедиться в наличии денег у кого-либо» (часто иронично, с оттенком недоверия), *put in the red* «привести к банкротству» (в 1920 гг. отрицательный баланс записывался в США красными чернилами) [11, р. 247], отсюда же *be in the red* «быть в долгу, быть убыточным» и *come (get out) of the red* «выпутаться из долгов, начать давать прибыль», *be in the black* «вести дело прибыльно». *Black money* «черные, теневые деньги», то есть незаконно заработанные, не объявленные для налогообложения, *black market* «черный, теневой рынок», *in the black* «без денег». Номинация мелкой монеты, на которую ничего не купишь, обыкновенно употребляется в отрицательном значении *a red cent* «медный грош», а вот купюра номинируется уважительнее *the long green* «доллары, деньги», как и ценные бумаги *guilt-edged securities* «гарантированные ценные бумаги». Все названные ФЕ вербализованы на основе метонимии. А ФЕ *green power* «власть денег» – на основе метафоры, власть денег подразумевает решение самых разных экономических, политических и социальных проблем с их помощью. На метафорической основе образована ФЕ *blue chip* «ценная, надежная акция». Она восходит к игре в покер, где синяя фишка означает высокую ставку. Такая инвестиция обещает наилучшие дивиденды экономически безопасных широко известных компаний [Ibidem, р. 46]. ФЕ *beyond the black stump* «за чертой бедности» восходит к обычаю ставить обугленный штамп в документы перемещающихся лиц, если им недоставало средств для проживания [13]. Когнитивный анализ выявил 10 ФЕ по образу метонимии и 4 ФЕ по образу метафоры. Использованы элементы этимологического анализа.

Концепт ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА выражается ФЕ с воздействием на эмоциональное состояние: *to give smb the blues* «наводить тоску», *like a red rag to a blue* «как красная тряпка для быка» (о том, что приводит в ярость, бешенство), *bring smb's gray hairs to the grave* «свести кого-либо в могилу, опозорив седины»; на причинение физического вреда: *beat smb black and blue* «зверски избить кого-либо», *black and blue* «в синяках», *blacken smb's eye* «поставить кому-либо фонарь»; на причинение разорительного вреда: *the red cock will crow in his house* «ему пустят «красного петуха», его подожгут». Заслуживает внимания происхождение ФЕ *a white elephant* «обременительное или разорительное имущество, обуза; подарок, от которого не знаешь, как избавиться». Король Сиам, желая разорить кого-либо из подданных, дарил ему священного белого слона, содержание которого обходилось очень дорого [11, р. 309]. Когнитивная метафора основана на священности животного и разворачивает события не в пользу одариваемого. Отнесем сюда и наказание *the Black*

Hole «гауптвахта; карцер». Причинение вреда может быть связано и с ярким цветом: *get the pink slip* «получить уведомление об увольнении», такие извещения присылались на розовых листках – метонимия. Пользуясь методом когнитивного анализа, мы выявили 4 метафоры, 5 метонимий и 1 сравнение.

Концепт ОПАСНОСТЬ выражен ФЕ с цветовыми обозначениями, символизирующими ее в английской культуре. Они образованы разными способами, например на основе когнитивной метафоры: *cry blue murder* «кричать караул» (французская клятва MORBLUE выступает эвфемизмом “*God’s death!*” при выражении экстравагантного и шумного протеста), *blue fear* «паническое состояние, жуткий страх». Морская идиома *between the devil and the deep blue sea* «между двумя одинаково опасными угрозами» (букв.: между дьяволом и глубоким синим морем) вошла в речь в 1637 г. благодаря полковнику Роберту Манроу, который наблюдал, как матросы ремонтируют борт корабля с внешней стороны над водой. Добраться до этого места было нелегко, и, работая, матрос рисковал упасть в воду [Ibidem, p. 95]. Также вербализованы ФЕ *red alert* «состояние готовности перед лицом опасности», *see the red light* «видеть или подозревать опасность», *reds under the beds* «красные под кроватью», *better dead than red* «лучше умереть, чем стать коммунистом» (так говорили в США во время холодной войны о воображаемой коммунистической опасности, когда пропаганда против коммунизма была столь яростной, что западная идеология предпочитала ядерную войну победе СССР [13]), *the black bottle* «яд», *put on the black cap* «выносить обвинительный приговор» (в Англии, оглашая смертный приговор, судья надевал черную шапочку), *black radio* «черная, диверсионная радиопропаганда», *grope in the dark* «блуждать в потемках, действовать вслепую», а в этой ФЕ подчеркивается попытка преодолеть страх перед опасностью: *whistle in the dark* «подбадривать себя, храбриться». С помощью когнитивного сравнения образована ФЕ *dark as midnight* «непроглядная тьма, хоть глаз выколи». ФЕ *like the Black Hole of Calcutta* «невыносимые условия» отражает страшные картины колониальных войн Британии на основе когнитивного сравнения. В тяжелом бою бенгальцы захватили в плен 146 англичан, которых поместили в тесную пещеру, где из-за недостатка воздуха и жажды к утру выжило только 23 пленных [11, p. 39]. ФЕ *Black Maria* «Черная Мария» в более ранней когнитивной истории обозначала тюремный фургон, в Первую мировую войну приобрела новую когнитивную историю на основе персонификации, так стали называть немецкий дымовой снаряд. Женское имя в составе ФЕ дополнено компонентом черного цвета, что выражает опасность предмета реального мира для человека. С помощью метода когнитивного анализа и элементарного этимологического анализа выявлено 9 метафор, 2 сравнения, 1 олицетворение.

Концепт ИЗДАНИЯ И ЗАКОНЫ. Ряд ФЕ, называющих официальные издания, многозначны, они развивают новые когнитивные истории: *the Blue Book* 1) «официальные отчеты английской парламентской комиссии или Тайного совета, 2) амер. справочник, содержащий имена лиц, занимающих государственные должности, 3) «календарь высшего света», 4) адресная книга; *the Red Book* 1) «Красная книга» (родословная книга дворянских родов); 2) Красная книга (в которую занесены вымирающие животные, охраняемые законом). Многозначность ФЕ развивается на основе существующего наглядно-чувственного образа; если в историческом прошлом принималось во внимание иерархическое устройство общества, то в XX в. возникла острая проблема сохранения окружающей среды. По аналогии ФЕ *the Black Book* развивает новое значение «книга, в которую занесены вымершие животные». Несколько ФЕ образованы по контрасту: *a white paper* «Белая книга» (официальное издание английского правительства) – *a Black Paper* «Черная книга» (документ, в котором критикуется политика или действия правительства) – *a green paper* «Зеленая книга» (издание английского правительства, публикуемое для обсуждения изложенных в нем предложений). ФЕ *yellow rag (sheet)* «бульварная газета» отражает, что изначально она печаталась на дешевой желтоватой бумаге. Сегодня желтая пресса может печататься и на глянцевой бумаге, ФЕ *yellow press* подразумевает низкосортность информации. ФЕ *in black and white* «черным по белому» вербализована на основе метонимии по цвету, что частично относится и к *black letter* «старинный английский готический шрифт». Следует принимать во внимание, что английскому алфавиту на латинской основе предшествовал восходящий к древнегерманскому периоду готический алфавит, сохранившийся в «Серебряном кодексе» монаха Вульфилы. Отсюда и *black letter book* «книга, напечатанная готическим шрифтом». ФЕ, называющие законы, относятся к американской истории: *blue law* «пуританский закон», *the Black Code* «Черный кодекс» (рабовладельческие законы до отмены рабства получили номинацию на основе метонимии – цвета кожи афроамериканцев). ФЕ *the blue-sky law* «закон, регулирующий выпуск в продажу акций и ценных бумаг» номинирована на основе метафоры – удачное приобретение ценных бумаг обещает рай земной. Метафорически вербализована ФЕ *the black list* «черный список» – список активистов-забастовщиков, которых капиталисты по взаимному уговору не принимают на работу [5, с. 465]. Когнитивный анализ 13 метонимий и 2 метафор был бы невозможен без обращения к этимологии.

Концепт ТОПОГРАФИЧЕСКИЕ МЕСТА включает названия известных зданий: *the White House* «Белый дом», *blue-brick university* «старый университет» (особенно Оксфордский или Кембриджский) по контрасту с *red-brick university* «новый университет». В основе этих ФЕ лежит когнитивная метафора, не только цвет постройки участвует в создаваемом образе, но и тот вид деятельности, который происходит в этих зданиях. После Второй мировой войны в новых университетах готовят специалистов для местной промышленности, отсюда *red-bricker* «выпускник технического вуза». Американские штаты имеют ники, прозвища: *the Blue Law State* «пуританский штат» (прозвище штата Коннектикут), *the Blue Hen State* «штат голубой курочки» (прозвище штата Делавэр), его жителей иронично называют *Blue Hen’s Chickens*. ФЕ ведет происхождение от названия отряда *Caldwell’s gamecocks* «Колдуэллские бойцовские петушки» времен войны за независимость США (1775-1783 гг.), а *blue hen* – разновидность кур, выводящих бойцовых петушков [Там же, с. 145];

the dark and bloody ground «мрачный и залитый кровью штат» (о штате Кентукки, на территории которого часто велись кровопролитные войны); *the Green Mountain State* «штат зеленых гор» (прозвище штата Вермонт, горы которого покрыты вечнозелеными лесами). Канадцев, особенно из Новой Шотландии, американцы называют *blue noses* «посиневшие носы»; метонимия указывает на суровый климат их обитания. Каменноугольный и металлургический районы Англии (Стаффордшир и Уорикшир) на метафорической основе называются *the Black Country* «черный район», *all-red route* «британский имперский торговый тракт» (британские владения обозначались на географических картах красным цветом). *The Great White Way* «Великий белый путь» – это часть Бродвея, вдоль которого расположены самые популярные и шикарные театры, работа в которых – американская мечта для актеров, их дорога к успеху. Афроамериканское население преобладает в южных районах США, этот регион называют *the Black Belt* «черный пояс». *Red-light district* «квартал красных фонарей» по цвету призывных огней в окнах и витринах очерчивает район публичных домов. Эти огни – символ территории стриптиз-баров и прочих заведений секс-индустрии. В середине прошлого века в Британии называли заброшенные городские территории *a grey-area* «неосвоенная часть городской территории». Нашумевшее громким событием место, например место преступления, называют *a black spot* «то самое место». *Green room* «артистическая уборная» сегодня может быть окрашена в любой цвет, а первоначально гримерки были только зелеными. ФЕ *a dark corner* «укромное место» – местечко в доме, где можно спрятаться и помечтать, будучи незамеченным. Метод когнитивного анализа показывает, все 16 ФЕ места основаны на когнитивной метафоре. Привлекались элементы этимологического анализа.

Концепт ЭВФЕМИЗМЫ. Издавна из-за предрассудков люди избегали употреблять слова, с их точки зрения, притягивающие к ним нечистую силу, заменяя их нейтральными словами. Так, на основе когнитивной метафоры образованы ФЕ *the black man* «злой дух, дьявол», *the (old) gentleman in black* «джентльмен в черном, дьявол», *the other side of the black stump* «на том свете», *by all that's blue* «черт возьми!». С развитием социальных отношений стало хорошим тоном прибегать к эвфемизмам, называя места интимного пользования: *the Miss White* «кабинет задумчивости» (туалет). Все 5 метафор образованы на основе метафорической проекции.

Концепт АБСУРДНОСТЬ проявляется в ФЕ *gild the lily* «заниматься бесплодным делом» (букв.: позолотить лилию). Это шекспировское выражение означает, что цветок и так прекрасен и не нуждается в украшении [12, р. 68]. *Persuade smb that the moon is made of green cheese* «убеждать кого-либо, что луна сделана из молодого сыра», то есть доказывать явную нелепость. Сюда относятся ФЕ-синонимы: *call white black* «называть белое черным», *prove that black is white* «пытаться выдать черное за белое». Все ФЕ образованы в результате метафорической проекции образа источника и образа цели на основе метода когнитивного анализа.

Концепт НЕОЖИДАННОСТЬ. ФЕ *once in a blue moon* «раз в год по обещанию» восходит к ФЕ XVI в. *the moon is blue* «никогда». В редких случаях луна выглядит голубой, для этого нужны особые атмосферные условия, когда небо заполнено пылевыми частицами [11, р. 202]. На метафорическом сравнении события с внезапной молнией в безоблачном небе основаны ФЕ *bolt from the blue* «совершенно неожиданно», где *blue* поэтически обозначает ясное небо [12, р. 62], *out of the blue* «вдруг», а их синоним основан на когнитивном сравнении: *like a bolt from the blue* «откуда ни возьмись». Антоним этих ФЕ *disappear into the blue* «растаять, раствориться в воздухе». ФЕ *a shot in the dark* «неожиданный выстрел» основан на когнитивной метафоре, где *dark* означает не темноту, а неведение. Когнитивный анализ с привлечением элементов этимологического анализа выявил, что 5 ФЕ образованы по типу метафоры, 1 ФЕ – по типу сравнения.

Концепт СКОРОСТЬ. ФЕ содержат усилитель *blue: like blue murder* «со всех ног, сломя голову» (как будто бежишь от смерти), *drive blue murder* «гнать на автомобиле как сумасшедший» [11, р. 37]; в ФЕ *blue streak, run like a blue streak* «во весь дух» – сравнение с быстротой молнии. Когнитивный анализ и интерпретация 4 ФЕ показали, что они образованы метафорически.

Концепт БЕСКОНЕЧНОСТЬ. ФЕ *till all is blue* «бесконечно» первоначально о корабле в открытом море на основе метонимии, *drink till all is blue* «допиться до белой горячки», то есть до безумия. *Talk a blue streak* «безудержно болтать» – в основе образа, созданного когнитивной метафорой, быстрый и яркий всполох молнии [13]. Метод когнитивного анализа и метод интерпретации показали, что 2 ФЕ образованы метафорически, 1 – по метонимии.

Концепт ПРЕДМЕТЫ БЫТА И ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ. На основе метонимии создана ФЕ *the (board of) green cloth* «ломберный столик; бильярдный стол», так как эти игральные столы традиционно покрывались зеленым сукном. На основе ритмического сравнения создана ФЕ, выражающая огромное количество чего-то: *as common as blackberries* «в изобилии» (букв.: как ежевики). Основаны на когнитивной метафоре *dark lantern* «потайной фонарь» (цвет обеспечивает незаметность, и, если надо, фонарь укреплен в неожиданном месте) и *black box* «черный ящик» может быть любого цвета, но он черный, то есть загадочный, его автоматические операции не читаемы неспециалистами (широко применяется в авиации). Используя методы когнитивного анализа и интерпретации, мы определили, что 2 ФЕ образованы метафорически, 1 ФЕ – на основе ритмического сравнения, 1 ФЕ – по метонимии.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие **выводы**.

1. Классификация исследуемых ФЕ на основе семантико-когнитивного подхода выявила тридцать групп концептов, отражающих различные аспекты жизни и деятельности человека. Являясь хранилищем человеческого опыта, в том числе авторско-индивидуального, ФЕ с элементами цветообозначений образуют общий для англоязычных народов участок концептосферы.

2. Изучение элементов этимологии ФЕ на основе фразеологических словарей показало связь некоторых из них с реальными историческими событиями. Большинство ФЕ однозначны, лишь некоторые из них многозначны, так как в ходе исторического развития они изменяют или дополняют свою когнитивную историю. В любой культуре цвета имеют не только прямое, но и символическое значение. Черный цвет до XVI в. нес коннотацию зла, он ассоциируется с незаконной деятельностью, с моральной цензурой, со страхом и смертью. Голубой цвет близок в английской фразеологии к черному, это цвет печали и тоски. Белый цвет обладает способностью превращать что-то плохое в хорошее.

3. Английские ФЕ с элементами цветообозначений активно участвуют в формировании языковой картины мира на основе перцептивного (зрительного) восприятия реального мира, с одной стороны, и на основе образов, создаваемых ФЕ, с другой стороны. Вербализация ФЕ осуществляется с помощью метафорической проекции (метафоры – 53%, метонимии – 32%, сравнения – 10,2%, персонификация – 4,5%, оксюморон – 0,3%), на основе сцепления внутренней формы компонентов ФЕ в единый чувственно-наглядный образ.

Направление дальнейших исследований видим в сопоставлении участка концептосферы, который выражен ФЕ с элементами цветообозначений, в английском и русском языках, а именно в сопоставлении концептов, выражаемых ими, способов их вербализации и кодов культуры.

Список источников

1. **Бабушкин А. П., Стернин И. А.** Когнитивная лингвистика и семасиология. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2018. 230 с.
2. **Вежицкая А.** Язык. Культура. Знание: монография / отв. ред. и сост. И. А. Кронгауз. М.: Русские словари, 1996. 412 с.
3. **Ковалева Л. В.** Фразеологизация как когнитивный процесс. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2004. 184 с.
4. **Команова А. Ю., Зимовец Н. В.** Фразеологизмы с элементами цветообозначений (на примере английской прессы) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 6 (60). Ч. 1. С. 120-124.
5. **Кунин А. В.** Англо-русский фразеологический словарь. М.: Рус. яз., 1984. 944 с.
6. **Лаенко Л. В.** Перцептивный признак как объект номинации. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2005. 303 с.
7. **Лакофф Дж., Джонсон М.** Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
8. **Лысцова Ю. А.** Особенности семантики цветообозначений в постмодернистских текстах В. О. Пелевина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 6. С. 328-333.
9. **Минка А. Н.** Особенности отражения цвета во фразеологии. Структурно-семантический анализ английских, испанских и русских ФЕ с компонентом «цветообозначение». Saarbrücken: LAMBERT Academic Publishing, 2013. 163 с.
10. **Морщинский В. С.** Цветонаименования как значимая характеристика языковой картины мира Л. Н. Андреева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 3 (69). Ч. 1. С. 121-124.
11. **Flavell L., Flavell R.** Dictionary of Idioms and Their Origins. L.: Kyle Cathie, Ltd, 1992. 343 p.
12. **Hirsch E. D., Kett J. F., Trefil J.** The Dictionary of Cultural Literacy. Boston – N. Y: Houghton Mifflin Company, 1993. 619 p.
13. **Oxford Dictionary of Idioms** [Электронный ресурс]. URL: e4thai.com/e4e/images/pdf/Oxford Dictionary of Idioms.pdf (дата обращения: 01.07.2020).

Cognitive-Semantic Classification of the English Phraseological Units with Component – Colour Term

Pavlenko Larisa Gennadievna, PhD

Chernikova Rita Yurievna

Taganrog Institute named after A. P. Chekhov (Branch) of Rostov State University of Economics

taganflot@gmail.com; rita.ch.2015@mail.ru

The article examines the English phraseological units with a component – colour term. Relevance of the research is conditioned by the fact that visual perception and phraseological figurativeness play the key role in the process of linguistic worldview formation. The research objective is to develop a cognitive-semantic classification of the phraseological units under study and to identify the means of their concepts verbalization taking into account the etymological aspect. The authors propose a cognitive-semantic classification of colour phraseological units, identify their cognitive metaphorical models, which constitutes scientific originality of the study. The research findings are as follows: 320 metaphorical phraseological units are classified into 30 semantic categories, their cognitive models are identified and semantic motivation is revealed.

Key words and phrases: English phraseological units; concept; cognitive-semantic classification; colour term.

<https://doi.org/10.30853/filmnauki.2020.12.31>

Дата поступления рукописи: 14.10.2020

Цель исследования – определение специфики дискурсивной реализации индивидуальной стратегии конфликта немецкого политика Сары Вагенкнехт. **Научная новизна** состоит в использовании метода анализа речевой деятельности политика с учетом взаимодействия и взаимообусловленности применяемых ей индивидуальных и типовых дискурсивных стратегий с целью усиления персуазивного потенциала речевой деятельности в процессе борьбы за власть. **Результаты** научного исследования показали, что выявление и изучение особенностей дискурсивной реализации различных видов дискурсивных стратегий в их взаимосвязи в различных коммуникативных ситуациях позволяют глубже исследовать особенности идиостилей различных политиков, а также специфику функционирования системы политического дискурса в целом как среды взаимодействия его субъектов.

Ключевые слова и фразы: политический дискурс; персуазивность; агональность; языковая личность политика; дискурсивные стратегии.

Цуцнева Мария Геннадьевна, д. филол. н., доц.

Военная академия связи имени Маршала Советского Союза С. М. Буденного, г. Санкт-Петербург

Maria-TS@yandex.ru

Дискурсивная реализация индивидуальной стратегии конфликта немецкого политика Сары Вагенкнехт

Актуальность темы исследования обусловлена возросшим интересом к политическому дискурсу как системному феномену в целом и особенностям речевой деятельности его субъектов в частности. Несмотря на значительное количество работ, выполненных в русле политической лингвистики как самостоятельного направления современной лингвистической науки, недостаточное внимание, на наш взгляд, уделяется анализу специфики речевой деятельности языковой личности политика в аспекте взаимодействия индивидуальных и типовых стратегий его речевой деятельности с учетом характерных системных параметров политического дискурса как коммуникативной среды.

Для достижения поставленной цели предполагается решение следующих **задач**:

1) анализ персуазивности и агональности как системных параметров политического дискурса в аспекте изучения речевой деятельности языковой личности политика как его основного субъекта;

2) выявление основной индивидуальной коммуникативной стратегии немецкого политика Сары Вагенкнехт и анализ ее дискурсивной реализации в различных ситуациях современного немецкого политического дискурса;

3) анализ особенностей взаимодействия типовых стратегий языковой личности политика и индивидуальной стратегии конфликта Сары Вагенкнехт в ее речевой деятельности.

Традиционная **теоретическая база** исследования была сформирована научными трудами известных лингвистов по теории дискурса, лингвистике и стилистике текста, политической лингвистике, теории языковой личности (А. В. Голоднов, Е. А. Гончарова, Ю. Н. Караулов, А. В. Карякин, М. Н. Кожина, Н. И. Лавринова, И. Ю. Логинова, Г. Г. Хазагеров и др.).

В соответствии с конкретными задачами в работе применяется комплексная методика исследования, основанная на применении следующих **методов исследования**: описательного, системно-структурного, функционально-семантического, ситуативно-интерпретационного, а также социально-психологического методов анализа текста и дискурса, которые в своем взаимодействии обеспечивают интегративный междисциплинарный подход к изучаемым коммуникативно-речевым процессам и явлениям.

Материалом для исследования послужили тексты современного немецкого политического дискурса (выступления Сары Вагенкнехт на заседаниях Бундестага ФРГ), размещенные на сайте правительства Германии, а также персональном сайте немецкого политика Сары Вагенкнехт.

Практическая значимость работы заключается в том, что материал и результаты исследования могут применяться при создании вузовских учебных программ и лекционно-семинарских курсов по лингвистике текста, дискурс-анализу, социолингвистике, а также при подготовке учебных пособий по соответствующей проблематике.

Политический дискурс является одним из актуальных объектов научных исследований в современной лингвистике. Мы рассматриваем политический дискурс как «открытую динамическую систему, которая представляет собой в аспекте коммуникативно-речевой организации гетерогенное динамическое полисегментное дискурсивное пространство полисубъектного взаимодействия, реализуемое вербальными и невербальными средствами» [12, с. 10; 13].

Одними из основных параметров современного немецкого политического дискурса являются персуазивность и агональность, что взаимообуславливает специфику речевой деятельности его субъектов, в процессе которой они осуществляют необходимое аргументативное и манипулятивное воздействие на публику с целью достижения главной профессиональной цели политика – победы в борьбе за власть.

При этом персуазивность (Е. А. Гончарова [5], А. В. Голоднов [3; 4], Г. Г. Хазагеров [11], М. Н. Кожина [7]), в отличие от более широкого, родового по отношению к нему, понятия «речевое воздействие», обозначает «убеждающее воздействие» в разнообразии и комплексе форм его проявления (Е. Н. Молодыченко [10], Н. И. Лавринова [8], А. В. Голоднов [4]). Персуазивность политического дискурса включает в себя как «оценочно-эмотивные, рекламно-агитационные компоненты, так и элементы логической аргументации, которые в свою очередь осуществляются через конкретные языковые средства метафоры, риторические вопросы, упоминание или опущение агента в страдательных конструкциях, модальные глаголы и т.д.» [9, с. 245].

Агональность также определяет речевое поведение субъектов политического дискурса, поскольку он связан с демонстрацией противоборства мнений и позиций, столь важных для завоевания политического влияния и власти. Агональность – борьба за власть против «чужих» и за «своих» – представляет собой функциональный знак в семиотическом пространстве политического дискурса и проецируется на базовую семиотическую оппозицию «свои – чужие» [2]. В основе политики как агонального дискурса лежит конфликт (конфликт интересов, конфликт точек зрения, конфликт политических позиций). Прежде всего, конфликт возникает между основными субъектами политического дискурса, т.е. политиками, однако возможен конфликт между политиками и избирателями. Политическая коммуникация как конфликтная коммуникация является системно организованной и представляет собой последовательные интерактивные проявления говорящего и слушающего в виде совокупности дискурсивных практик [1]. Предкоммуникативный конфликт интересов, политических позиций, точек зрения основных субъектов политического дискурса определяет агональный характер политического дискурса.

Агональность как борьба за власть детерминирует проявления в коммуникативном поведении участников политического дискурса, использование языковых средств для выражения неприязни, враждебности, оскорбления человеческого самолюбия, унижения достоинства соперника. При максимально широкой интерпретации термина «вербальная агрессия» в нее можно включить виды наступательного, доминирующего речевого поведения [6; 14].

Параметры политического дискурса (персуазивность, агональность и др.) как среды взаимодействия его субъектов оказывают взаимовлияние на речевые стратегии и тактики политика. Изучение особенностей применения субъектом политического дискурса дискурсивных стратегий – типовых и индивидуальных в их взаимодействии, а также тактик и приемов является одной из актуальных задач современной политической лингвистики.

По нашим наблюдениям, можно говорить о том, что у каждой языковой личности политика существуют как типовые (стратегии дискредитации, самопрезентации, информационно-интерпретационная), так и индивидуальные стратегии дискурсивной деятельности. Индивидуальной дискурсивной стратегией немецкого политика Сары Вагенкнехт, на наш взгляд, является стратегия конфликта, которая, усиливая типовые стратегии, позволяет в свойственной политике агональной манере актуализировать свою политическую позицию, применяя как приемы аргументации, так и манипуляции. Рассмотрим специфику реализации индивидуальной дискурсивной стратегии конфликта Сары Вагенкнехт подробнее.

Так, например, в своей речи, выступая перед депутатами Бундестага, Сара Вагенкнехт – заместитель председателя Левой партии Германии (ЛПГ), находящаяся в политической оппозиции по отношению к действующему канцлеру ФРГ Ангеле Меркель, которая представляет коалицию ХДС/ХСС (Христианско-демократический союз, Христианско-социальный союз), в свойственной ей эмоциональной манере говорит о растущих националистических настроениях в странах Европы. Обращаясь к коллегам-депутатам, она задает риторический вопрос: *“Wenn das nicht als Weckruf taugt, dass es in Europa nicht so weitergehen kann wie bisher, worauf wollen Sie dann noch warten? Darauf, dass Frau Le Pen französische Präsidentin wird?”* [15]. / «Это ли не тревожный звонок о том, что дела в Европе не могут и дальше идти так, как раньше? Чего вы ждете? Чтобы госпожа Марин Ле Пен стала президентом Франции?» (здесь и далее перевод автора статьи. – М. Ц.). Тот факт, что на выборах во Франции партия Марин Ле Пен получила большинство голосов, Сара Вагенкнехт оценивает как «тревожный звонок», поскольку, по ее мнению, дела в Европе не могут идти дальше подобным образом. И если этого недостаточно, то «чего тогда еще следует ждать?» – обращается с вопросом немецкий политик к коллегам. Того, что «госпожа Ле Пен станет президентом Франции»? Задавая риторический вопрос и сама отвечая на него, и сразу же следом задавая следующий, Сара Вагенкнехт предпринимает попытку усилить персуазивный потенциал своего выступления, убедить депутатов в правоте высказанной ею позиции и присоединиться к ней. С одной стороны, выступление Сары Вагенкнехт можно рассматривать как пример реализации аргументации в тексте политической речи (риторические вопросы, повторы, обращения к публике), цель которой – убедить коллег-депутатов в том, как важно принять срочные необходимые меры по недопущению распространения национал-социализма в Европе, и прежде всего в Германии, которые на данный момент все еще не были предприняты. С другой стороны, выступление политика носит манипулятивный характер, поскольку настоящей целью речи Сары Вагенкнехт, на наш взгляд, является не только принятие конкретных политических мер, а, прежде всего, критика нынешнего правительства ФРГ, возглавляемого Ангелой Меркель, политическим противником которой она является. Это выступление – очередной вызов, попытка создать конфликтную ситуацию, вовлечь в это конфликтное политическое противоборство аудиторию, т.е. это – еще один повод указать на неэффективность деятельности канцлера и заявить о себе как о смелом, результативном и дальновидном политике.

Убеждение как результат успешной аргументации возможно лишь тогда, когда субъекты политического дискурса (политик, избиратель, журналист) находятся в отношениях взаимодействия (сотрудничества),

настроены друг на друга. В таком случае происходит взаимообмен позициями, идеями и т.д. Если же взаимоотношения субъектов политического дискурса нельзя охарактеризовать как «сотрудничество», тогда политик применяет средства манипуляции для достижения своих целей, например, прибегая к агональному манипулятивному приему «эмоционального заражения». Рассмотрим фрагмент из речи Сары Вагенкнехт, в которой она с саркастической критикой говорит об успехах политики Ангелы Меркель, например: *“Wer sich wundert, dass auf einem solchen Boden die nationalistische und rechtspopulistische Saat gedeiht, der hat nichts, aber auch wirklich gar nichts verstanden.*

(Beifall bei der LINKEN)

Das ist auch Ihre Saat, Frau Merkel, das ist auch das Ergebnis der von Ihnen verantworteten Politik” [16]. / «Тот, кто еще удивляется, что на такой почве вырос национал-социалистический правопопулистский “урожай”, тот ничего, совершенно ничего не понял. Это плод Вашей деятельности, госпожа Меркель, это результат Вашей политики».

Вину за сложившуюся ситуацию политик полностью возложила на канцлера, фактически обвиняя ее в сложившейся ситуации. Все происходящее Сара Вагенкнехт называет саркастичным “Saat” (плод, урожай), связывая проблемы с так называемой «ответственной политикой» канцлера, обращаясь к ней напрямую. Эмоционально-негативная оценка результатов политической деятельности канцлера находит свою невербальную поддержку у представителей партии левых – *(Beifall bei der LINKEN – Аплодисменты левых)* – как проявление обратной связи, что доказывает эффективность манипулятивного приема «эмоционального заражения», примененного политиком.

В системе аргументации каждого политика присутствует, по результатам наших наблюдений, как эмоциональный, так и логический компонент. Применение этих компонентов определяется как особенностями идиостиля языковой личности политика, а значит, видами дискурсивных стратегий, которые эта личность применяет, так и ситуацией общения. Однако заметим, что все же для идиостиля определенной языковой личности политика характерно доминирование либо логического компонента аргументации, либо эмоционального. Приведем два примера, характеризующих, на наш взгляд, данное положение наиболее ярко. Сравним стили аргументации канцлера Ангелы Меркель и ее политического конкурента Сары Вагенкнехт. В дискурсе Ангелы Меркель отчетливо доминирует логическая аргументация, эмоциональный компонент присутствует, но он намеренно приглушен, в то время как аргументация Сары Вагенкнехт выстроена на основе доминирующего эмоционального компонента, имеющего агональный характер, логические средства аргументации дополняют эмоциональные.

В речевой деятельности Сары Вагенкнехт преобладает индивидуальная дискурсивная стратегия конфликта. В данном примере мы можем наблюдать применение тактики обвинения и диффамации при реализации этой стратегии:

“Herr Präsident! Werte Kolleginnen und Kollegen! Frau Bundeskanzlerin, es ist ja neuerdings in der deutschen Debatte zu einem Vorwurf geworden, wenn jemand versucht, etwas zu verstehen. Ich glaube, zumindest das kann man Ihnen, Frau Merkel, nicht vorwerfen: Sie sind wirklich keine Versteherin weder von Russland noch von Frankreich noch von anderen Ländern, Sie glauben offenbar eher, die Probleme von oben herab lösen zu können...” [15]. / «Господин Президент! Дорогие коллеги! Госпожа Бундесканцлер, в последнее время наши дебаты проходят таким образом, что чья-либо попытка разобраться в существе вопроса вызывает упреки. Я полагаю, что Вас в этом упрекнуть нельзя: Вы действительно не пытаетесь понять ни ситуацию в России, ни во Франции, ни в каких-либо других странах. Вы полагаете, что сможете решить все проблемы “сверху”...».

Высказывание Сары Вагенкнехт полно сарказма. Противопоставление **“Vorwurf”** и **“verstehen”** абсурдно, поскольку за понимание, за желание понять обычно не упрекают. Напротив, для любого человека, а тем более для политического лидера любого уровня это необходимое качество. Фактически она обвиняет Ангелу Меркель в том, что попытка других политиков разобраться в проблеме, понять ее причины стала недостатком, а сама Ангела Меркель с высоты своего статуса и не пытается понимать. **“Sie sind wirklich keine Versteherin”** – это обвинение в том, что канцлер не понимает и не хочет понимать то, что происходит в России, во Франции и в других странах. Нежелание понять – значит, нежелание признать проблемы, выявить причины и принять необходимые решения, а возможно это – своеобразный путь ухода от решения проблем и требование к другим эти проблемы не затрагивать.

Доказывая неэффективность и даже опасность политики Ангелы Меркель и правительства под ее руководством, в частности министра иностранных дел Франка-Вальтера Штайнмайера, Сара Вагенкнехт использует в своей речи не только индивидуальную дискурсивную стратегию конфликта, но и типовую для языковой личности политика стратегию дискредитации [Ibidem]. На наш взгляд, данный пример интересен тем, что Сара Вагенкнехт, с одной стороны, является состоявшимся действующим политиком – лидером партии, а с другой стороны, она находится в оппозиции к действующему канцлеру Ангеле Меркель, критикует ее открыто, а значит, возможно, хотела бы усилить свои собственные властные полномочия, которых ей, видимо, недостаточно. В качестве аргумента для упрочения своей позиции Сара Вагенкнехт апеллирует к авторитету философа Ю. Хабермаса и приводит его цитату:

“Wir müssen aufhören, eine hochgefährliche halbhegemoniale Stellung, in die die Bundesrepublik wieder hineingerutscht ist, in alter deutscher Manier rücksichtslos auszuspielen. Das schreibt Ihnen und der gesamten Bundesregierung der Philosoph Jürgen Habermas ins Stammbuch” [Ibidem]. / Мы должны пресечь установление в Германии чрезвычайно опасного положения, при котором страна возвращается практически к роли гегемона в старом германском стиле. Именно об этом Вам и всему правительству пишет философ Юрген Хабермас. Опираясь

на авторитет философа Ю. Хабермаса, политик Сара Вагенкнехт обвиняет правительство в том, что Германия вновь заняла доминирующее положение в Европе «в старом германском стиле» (*“hochgefährliche halbhegemoniale Stellung... in alter deutscher Manier rücksichtslos”*), что, по ее мнению, представляет собой опасность.

В своей речи политик говорит о Евросоюзе и о восприятии его гражданами Германии и Европы. Оценка значимости ЕС, высказанная в критическом выступлении Сары Вагенкнехт, противопоставлена однозначно положительной оценке, высказанной канцлером Ангелой Меркель. По мнению Сары Вагенкнехт, все больше людей воспринимают ЕС как угрозу для идей демократии, свободы и солидарности, препятствующую возможностям принимать демократические решения. Идея солидарности в ЕС, по мнению политика, это всего лишь ширма, которая скрывает растраты сотен миллиардов (евро), что в конечном итоге идет на пользу только банкам и богатым вкладчикам. Сара Вагенкнехт критикует «рыночный фанатизм» ЕС, который только увеличивает разрыв между богатыми и бедными в Европе. Таким образом, политика Евросоюза подвергается резкой негативной оценке, и, следовательно, необходимы изменения, например:

“...dass immer mehr Menschen eine EU als Bedrohung empfinden, die nichts mehr zu tun hat mit den großen Ideen der Freiheit, der Demokratie, der Solidarität und der Sozialstaatlichkeit, die sie stattdessen entmündigt und ihre demokratischen Entscheidungsmöglichkeiten einschränkt, eine EU, die unter Solidarität nur noch den perversen Vorgang versteht, Hunderte Milliarden für Rettungsschirme zu verpulvern, die am Ende nur reichen Anlegern und Banken etwas nützen, eine EU, die mit ihrem Marktfanatizismus und ihrer Wirtschaftshörigkeit die Kluft zwischen Arm und Reich in Europa immer tiefer aufreißt?” [Ibidem]. /...все больше и больше людей воспринимают ЕС как угрозу, которая не имеет ничего общего с великими идеями свободы, демократии, солидарности и социальной государственности, которая вместо всего этого лишает самостоятельности и ограничивает демократические пути решений. Это Евросоюз, который понимает солидарность только извращенно; выкидывать сотни миллиардов, создавая спасительную ширму, которой в конечном итоге смогут воспользоваться только богатые вкладчики и банки. Это тот Евросоюз, который со своим рыночным фанатизмом и экономической кабалой все больше увеличивает разрыв между богатыми и бедными в Европе?

Однако обвинения могут носить и перекрестный характер, например:

Michael Grosse-Brömer (CDU/CSU): **Linke Politik verursacht die Situation in Frankreich! Linke Politik** [Ibidem]! / Михаэль Гроссе-Бремер (ХДС/ХСС): Политика партии Левых – причина создавшейся ситуации во Франции! Политика партии Левых!

Представитель политической коалиции ХДС/ХСС Михаэль Гроссе-Бремер в ситуации, сложившейся во Франции, обвиняет партию Левых, представительницей которой в ФРГ является сама Сара Вагенкнехт. В своем выступлении Гроссе-Бремер применяет прием повтора с целью оказать более сильное воздействие на аудиторию и обратить внимание на высказанную им реплику. Такого рода обмен критическими, обвинительными репликами служит маркером параметра агональности политического дискурса как системного феномена, для которого характерно наличие обратной связи между его субъектами, в данном случае – политиками.

Сара Вагенкнехт обвиняет канцлера и министра иностранных дел в том, что появление националистических и правопопулистских настроений в обществе является результатом их деятельности, прежде всего Ангелы Меркель. Эти результаты Сара Вагенкнехт называет метафорически *“Ihre Saat, Frau Merkel”*, а политику Ангелы Меркель – безответственной *“das Ergebnis der von Ihnen verantworteten Politik”*. Кроме того, канцлер, по мнению Сары Вагенкнехт, обманывает своих граждан *“belügen Sie die Öffentlichkeit”* и продолжает вести безответственную политику. Сара Вагенкнехт апеллирует в своем выступлении непосредственно к Ангеле Меркель и Франку-Вальтеру Штайнмайеру и призывает их вернуться на верный политический путь. Того, кто планирует продолжать свои действия в Украине в прежнем стиле (имея в виду Петра Порошенко), Сара Вагенкнехт, употребляя метафору, называет «больным, которого необходимо изолировать» (*“krank im Kopf und der muss in die Schranken gewiesen werden”*) и реализует тактику диффамации (оскорбления). Слова Сары Вагенкнехт находят активную поддержку у представителей партии Левых. Политик призывает канцлера «выбраться наконец из буксира американской политики войны» (метафоричность речевой деятельности политика), обвиняя Ангелу Меркель также и в том, что она находится под мощным политическим влиянием США (*“Lösen Sie sich endlich aus dem Schlepptau dieser US-Kriegspolitik”*).

Заметим, что выступление Сары Вагенкнехт проходит при постоянной вербальной и невербальной поддержке депутатов партии Левых (*Beifall bei der LINKEN*) и критике депутатов партии ХДС/ХСС, носящей агональный характер. Например, реагируя на высказывания Сары Вагенкнехт, депутаты в своих ответных репликах применяют тактики обвинения и диффамации (*“Absurd! <...> Das ist eine Frechheit”*. / *Абсурд! <...> Это наглость*). Например:

...Damit es nicht zu peinlich wird, belügen Sie die Öffentlichkeit...

...Deshalb, Frau Merkel: Lösen Sie sich endlich aus dem Schlepptau dieser US-Kriegspolitik.

(*Beifall bei Abgeordneten der LINKEN – Zurufe von der CDU/CSU: Oh! – Henning Otte (CDU/CSU): Sie nehmen die Realität nicht zur Kenntnis! – Michael Grosse-Brömer (CDU/CSU): Absurd!*)

... (Henning Otte (CDU/CSU): Das ist eine Frechheit!) [Ibidem]. / Для того, чтобы Вам не было стыдно, Вы обманываете общественность... Поэтому, госпожа Меркель: Вам уже пора выбраться из своего буксира военной политики США (Аплодисменты депутатов партии Левых. – Реплики представителей ХДС/ХСС: О! – Хеннинг Отто (ХДС/ХСС): Вы игнорируете реальность! – Михаэль Гроссе-Бремер (ХДС/ХСС): Абсурд! – Хеннинг Отто (ХДС/ХСС): Это наглость!).

В завершение выступления Сары Вагенкнехт раздаются реплики представителей политической коалиции ХДС/ХСС, в свою очередь, обвиняющие саму Сару Вагенкнехт в том, что она, с одной стороны, не соизмеряет

свои взгляды с реальностью (“*Sie nehmen die Realität nicht zur Kenntnis!*”), а с другой стороны, что ее высказывания – это просто дерзость и абсурд (“*Absurd! <...> Das ist eine Frechheit!*”).

Таким образом, мы пришли к следующим **выводам**. Индивидуальной стратегией Сары Вагенкнехт является стратегия конфликта, поскольку, освещая проблемные вопросы, требующие, по ее мнению, немедленного решения, она не стремится прийти к соглашению с коллегами и оппонентами, ее задачей остаются вызов, провокация, непримиримая агрессивная критика политического руководства страны, а также обязательное вовлечение аудитории в этот процесс. Полагаем, что создание конфликтной ситуации немецкий политик считает катализатором, прежде всего для канцлера, в осуществлении необходимых шагов, и, кроме того, конфликт позволяет Саре Вагенкнехт, с одной стороны, объединять своих сторонников и единомышленников, а с другой стороны, наиболее остро обозначить свои взаимоотношения с оппонентами и высказать свое несогласие с их политическими взглядами, что позволяет ей представить сложившуюся ситуацию в политике страны и мира в нужном ракурсе и, соответственно, продемонстрировать собственные возможности видения проблемы и пути ее решения, т.е. актуализировать себя как настоящего и будущего политического лидера, обладающего как способностями реально оценивать происходящее, предпринимать конкретные политические действия, так и видеть развитие ситуации в перспективе. **Перспективы исследования** мы видим в изучении особенностей применения различных видов дискурсивных стратегий в их комплексной взаимосвязи и взаимообусловленности, что позволяет глубже исследовать специфику речевой деятельности политика в различных ситуациях политического дискурса.

Список источников

1. Белоус Н. А. Структурно-семантические аспекты конфликтного дискурса в коммуникативном пространстве: монография / Ин-т языкознания РАН; Ульянов. гос. ун-т. М. – Ульяновск: Институт языкознания РАН; УлГУ, 2007. 246 с.
2. Верзун А. Б. Гендерная агональность политического дискурса: автореф. дисс. ... к. филол. н. Волгоград, 2005. 23 с.
3. Голоднов А. В. Лингвопрагматические особенности персуазивной коммуникации (на примере современной немецкоязычной рекламы): автореф. дисс. ... к. филол. н. СПб., 2003. 23 с.
4. Голоднов А. В. Персуазивность как универсальная стратегия текстообразования в риторическом медиадискурсе (на материале немецкого языка): автореф. дисс. ... д. филол. н. СПб., 2011. 42 с.
5. Гончарова Е. А. Персуазивность и способы её языковой реализации в дискурсе рекламы // *Studia linguistica*. 2000. № 10. С. 54-92.
6. Карякин А. В. Речевая агрессия как следствие агональности политического дискурса // Современная политическая коммуникация: материалы Международной научной конференции (г. Екатеринбург, 21-24 сентября 2009 г.) / гл. ред. А. П. Чудинов. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2009. С. 96-98.
7. Кожина М. Н. Речеведение. Теория функциональной стилистики: избранные труды / гл. ред. проф. Г. Я. Солганик. М.: ФЛИНТА; Наука, 2014. 620 с.
8. Лавринова Н. И. Текстовая актуализация речевого поведения коммуникантов в политическом интервью (на материале современного английского языка): автореф. дисс. ... к. филол. н. СПб., 2010. 26 с.
9. Логинова И. Ю. Персуазивность как механизм воздействия в политическом дискурсе: программа политической партии и манифест // Интерпретация. Понимание. Перевод: сборник науч. ст. СПб., 2005. С. 240-248.
10. Молодыхенко Е. Н. Создание образа врага как персуазивная стратегия американского политического дискурса: когнитивный и лингвопрагматический анализ (на материале публичных речей политических деятелей 1960-2008 гг.): автореф. дисс. ... к. филол. н. СПб., 2010. 24 с.
11. Хаззгерров Г. Г. Убеждающая речь [Электронный ресурс]: учебное пособие. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=241099> (дата обращения: 25.05.2020).
12. Цуцьева М. Г. Актуализация языковой личности политика в современном немецком политическом дискурсе: автореф. дисс. ... д. филол. н. СПб., 2019. 40 с.
13. Цуцьева М. Г. Актуализация языковой личности политика в современном немецком политическом дискурсе: дисс. ... д. филол. н. СПб., 2018. 411 с.
14. Щербинина Ю. В. Вербальная агрессия / М-во общ. и проф. образования Рос. Федерации; Моск. пед. гос. ун-т. Изд-е 2-е. М.: ЛКИ, 2008. 355 с.
15. <http://www.bundestag.de/protokolle> (дата обращения: 15.08.2020).
16. <https://www.sahra-wagenknecht.de/de/article/1923.frau-merkel-loesen-sie-sich-aus-dem-schlepptau-der-us-kriegspolitik.html> (дата обращения: 03.08.2020).

Discursive Realisation of the German Politician Sahra Wagenknecht's Individual Conflict Strategy

Tcutcieva Mariia Gennadjevna, Dr

*Military Telecommunications Academy named after S. M. Budyonny, Saint-Petersburg
Maria-TS@yandex.ru*

The purpose of the study is to determine specific nature of discursive realisation peculiar to an individual conflict strategy adopted by the German politician Sahra Wagenknecht. Scientific novelty of the research lies in using the method of analysing the politician's speech activity taking into account interaction and interdependence of individual and typical discourse strategies used by the politician in order to enhance persuasive speech activity in the process of struggle for power. The research findings have shown that identification and study of features peculiar to discursive realisation of different types of discursive strategies in their interconnection in various communicative situations allow the researcher to explore more profoundly individual styles of different politicians and also specificity of the political discourse system functioning in general as a background for interaction of its subjects.

Key words and phrases: political discourse; persuasiveness; agonality; politician's language personality; discursive strategies.

<https://doi.org/10.30853/filmnauki.2020.12.32>

Дата поступления рукописи: 28.10.2020

Цель исследования состоит в том, чтобы определить основные семантические особенности английских фразеологических единиц (ФЕ) с ядерным компонентом – глаголом движения в воде. Наравне с анализом словарных дефиниций в статье также проводится контекстуальный анализ исследуемых ФЕ, что позволяет глубже исследовать их семантику, а также понять специфику их использования. **Научная новизна** состоит в том, что данные английские фразеологические единицы ранее не подвергались комплексному исследованию ни в отечественной, ни в зарубежной литературе. **Результатом исследования** стало выделение семи различных тематических групп ФЕ, выявление основных семантических и функциональных особенностей ФЕ, вошедших в материал исследования.

Ключевые слова и фразы: семантика; фразеологическая единица; глаголы движения в воде; тематическая группа.

Шидловская Диана Юрьевна

Санкт-Петербургский государственный университет
spbui@spbui.ru

Семантический анализ английских фразеологизмов с ядерным компонентом – глаголом движения в воде

В рамках антропоцентрического подхода к языку, при котором в центре внимания исследователей оказывается субъект познания, одним из основных направлений в лингвистике становится изучение фразеологических единиц (ФЕ). Именно они являются отражением многолетнего человеческого опыта и служат «зеркалом, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание» [3, с. 9]. Фразеологические единицы можно определить как семантически усложненные, многословные структуры, отличающиеся различной степенью устойчивости и обладающие характерными свойствами идиоматичности. Данное определение сформулировано на основе выработанных А. Н. Барановым и Д. О. Добровольским критериев выделения фразеологизмов, к которым относятся неоднословность, устойчивость и идиоматичность [1, с. 51].

Настоящая работа посвящена исследованию ФЕ с ядерным компонентом – глаголом движения в воде. **Актуальность** исследования заключается в том, что оно выполнено в русле антропоцентризма, доминирующего в современной науке. Так как фразеологическая система языка имеет ярко выраженный антропологический характер [2, с. 275], она становится важнейшим источником знаний о человеке и его месте в мировой культуре, что является предметом исследования современных наук, в том числе языкознания.

В ходе исследования были поставлены следующие **задачи**:

- выделить тематические группы ФЕ с ядерным компонентом – глаголом движения в воде;
- провести комплексный анализ семантики исследуемых ФЕ, входящих в выделенные тематические группы.

Для осуществления поставленных задач применяются следующие **методы исследования**: анализ словарных дефиниций, контекстуальный анализ ФЕ, описательный метод.

Теоретической базой исследования послужили работы по вопросам фразеологической семантики А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского, В. Н. Телии, В. В. Кунина, В. Г. Гака, Н. Н. Амосовой, В. В. Виноградова, Е. В. Ивановой и т.д.

Материалом для исследования послужили ФЕ с ядерным компонентом – глаголом движения в воде, а также примеры их употребления, взятые из произведений художественной литературы, англоязычных газет, фразеологических словарей [4-6; 10; 13; 14], а также Британского национального корпуса [15].

Практическая значимость исследования состоит в том, что результаты работы могут быть использованы для составления идеографических (тематических) фразеологических словарей английского языка, применяться на лекциях и семинарах по фразеологии.

В исследуемый материал работы вошли ФЕ со следующими глаголами движения в воде: *to swim* (рус. *плавать*), *to sink* (рус. *тонуть*), *to dive* (рус. *нырять*), *to paddle* (рус. *плыть на байдарке*), *to sail* (рус. *плавать под парусом*), *to float* (рус. *плавать, держаться на поверхности воды*), *to drift* (рус. *дрейфовать*). Кроме этого, в число исследуемых единиц вошла фразеологическая единица с компонентом-глаголом *tread*. Включение данной ФЕ обусловлено тем, что в ходе переосмысления дифференциальная сема «движение по суше» замещается семой «движение в воде», что дает право включить её в исследуемый материал.

Общее количество ФЕ составили 33 единицы. Относительно небольшое число ФЕ с компонентом – глаголом движения в воде можно объяснить тем, что водное пространство не входит в ареал обитания человека, представляется для него чужеродным местом, малоизученным и опасным. Тем не менее, в английском языке средств для описания движения в воде оказывается больше, чем в русском языке. Это обусловлено тем, что Великобритания – островное государство, и водная среда издавна имела определяющее значение для развития экономики, политики и культуры страны.

Ниже рассмотрено семь тематических групп, выделенных на основе анализа словарных дефиниций ФЕ, послуживших материалом данного исследования.

Тематическая группа «характер движения в воде»

В данную группу вошли следующие ФЕ: *tread water*, употребленная в своем первом значении, *swim like a fish/duck/cork*, *swim like a stone / a brick*:

1) *tread water* – maintain an upright position in the water by moving the feet with a walking movement and the hands with a downward circular motion [4];

2) *tread water* – to be active but without making progress or falling further behind [Ibidem].

Переносное значение ФЕ *tread water* (2) позволяет отнести её в тематическую группу «деятельность человека» (см. ниже).

ФЕ *swim like a fish/duck/cork* – «хорошо плавать»; *swim like a stone / a brick* – «плохо плавать» в своей семантической структуре содержат сему оценки. Так, хороший пловец ассоциируется с рыбой, которая, как известно, прекрасно плавает в воде. Плохой же пловец напоминает камень (кирпич), так как оба не могут держаться на поверхности воды (камень не обладает внутренней движущей силой, и его плотность больше плотности воды). Метафора, лежащая в основе данных ФЕ, полностью прозрачна, что помогает без труда определить значение выражения без обращения к этимологическим или энциклопедическим словарям.

ФЕ *tread water* описывает передвижение в воде, удерживая тело в вертикальном положении. Как показывает анализ примеров, такая техника плавания требует от человека немалых физических затрат, специфики выполнения движений, хорошей подготовленности (1):

(1) *I am a tolerably good swimmer, can swim in all the different fashions, but I can neither float nor tread water* [9]. / Я довольно-таки неплохой пловец, могу плавать, используя разные стили, но я не умею плавать, лежа на спине, и удерживать тело на поверхности воды (здесь и далее перевод выполнен автором статьи. – Д. Ш.).

Тематическая группа «социальные отношения»

Человек является социальным существом и не может существовать вне социума. Каждый из нас взаимодействует с другими членами общества, ведет с ними коммуникацию, заимствует те или иные черты характера, модели поведения. Взаимоотношения между людьми могут носить положительный или отрицательный характер. В исследуемом материале межличностные отношения получают в основном отрицательную оценку и характеризуются недоверием и враждебностью. Например, на рабочем месте человек может сталкиваться с агрессивными людьми (*swim with the sharks*), готовыми руководствоваться недобросовестными методами для достижения собственных целей. Одним из возможных источников происхождения данной ФЕ является бестселлер американского бизнесмена Харви Маккея “*Swim with the sharks without being eaten alive*” (рус. «Как уцелеть среди акул»), где автор рассказывает об искусном ведении переговоров, умелой организации своего дела в бизнес-среде. Кроме этого, согласно словарной статье “Urban Dictionary”, акулами раньше называли профессиональных игроков в покер, использовавших агрессивный стиль игры:

- *A shark is a term used to describe a player with a tight-aggressive play style* [17].

Можно предположить, что игра в покер сыграла роль в метафорическом осмыслении современного бизнес-климата.

Отношения между людьми могут быть основаны на лицемерии, обмане, притворстве (*sail under the false colors*). Коннотация данной ФЕ содержит отрицательный оценочный компонент, так как подобные действия вызывают неодобрение со стороны членов общества. Существует много причин, по которым люди носят маску: одни пытаются таким образом скрыть свои истинные намерения, войти в доверие других людей; другие обманным путем стремятся добиться своих целей, а третьи скрываются под чужими именами, чтобы избежать преследования или разоблачения (2).

(2) *I had so much wisdom as to sail under false colors in this foolish jaunt of mine* [14]. / У меня хватило ума скрыть свое настоящее имя во время этого глупого приключения.

Лицемерие и лживость могут проявляться не только в отношении одного человека к другому, но и в деятельности человека (3), направленной на введение в заблуждение и намеренное сокрытие фактов:

(3) *This report sails under the false colors. It purports to be a fair and rigorous examination of press regulation. But clearly the author had reached his basic conclusion long before he even began gathering any fresh evidence* [6]. / Этот доклад далёк от истины. Он якобы содержит точную и строгую экспертизу регламента СМИ. Между тем автор явно сделал основные выводы еще до того, как начал собирать свежие данные.

В рассматриваемой тематической группе была выделена лишь одна ФЕ с положительной коннотацией – *sink differences*, согласно которой даже противоборствующие стороны могут пойти по пути перемирия для достижения общих целей (4), (5).

(4) *...In August 1717 Alberoni began trying to persuade Charles XII of Sweden and Czar Peter the Great of Russia to sink their differences* [15]... / ...В августе 1717 года Альберони предпринял попытку убедить Карла XII и Петра I закрыть глаза на существующие между ними противоречия...

(5) *[The Queen] has appealed to the opposition to sink differences in the national interest and invited their leader to talk to her* [13]. / Королева Англии призвала оппозицию закрыть глаза на существующие противоречия в целях обеспечения национальных интересов и пригласила лидера на разговор с ней.

Как показывает контекстуальный анализ, данная ФЕ характерна для политического дискурса.

Тематическая группа «эмоциональное состояние человека»

Удивительной способностью человека является умение переживать различного рода эмоции. Условно их можно поделить на положительные и отрицательные, а также аффективные, которые в исследуемом материале

обнаружены не были. Из девяти единиц, вошедших в данную группу, лишь две ФЕ описывают положительные эмоциональные состояния: радость, счастье (*float / to be floating on air*), удовольствие, в некоторых контекстах симпатию (*float one's boat*), возникающую как реакция человека на внешний стимул (6), (7):

(6) *He was nice, and we had a lot of fun going to movies and sometimes to a bar, but he just didn't **float my boat**. We stayed good friends but that was all there was to our relationship* [7]. / Он был милым, мы хорошо проводили время вместе: ходили в кино, иногда в бар, но рядом с ним мое сердце не трепетало. Мы остались хорошими друзьями, но не более.

(7) *Motor racing doesn't really **float my boat*** [4]. / Мне не по душе автоспорт.

Гораздо большее число ФЕ (шесть единиц) описывает негативные эмоции человека. К ним относятся грусть/беспокойство/разочарование (*someone's heart sinks, someone's heart is in his/her boots*), стыд (*sink through the floor*). Выше приведен пример того, что одна ФЕ может обозначать одновременно несколько видов эмоций. Это может быть связано с тем, что эмоции оказывают определенное влияние на организм человека. Например, когда мы испытываем любые положительные эмоции, мы чувствуем большой прилив энергии и жизненных сил, способных буквально поднять нас в воздух (см. *float on air*). При отрицательных эмоциях внутри нас как будто что-то опускается вниз, начинает тянуть к земле. Исследовав внутренний образ ФЕ *someone's heart sinks, someone's heart is in his/her boots*, мы видим, что сердце – сосредоточение всех эмоций человека – опускается вниз (на что указывает глагол *sink*) или уже находится внизу (так как обувь человек носит на ногах), что говорит о плохом настроении у человека.

С точки зрения лингвистики такие эмоции, как «грусть», «беспокойство», «отчаяние» принадлежат одному полю «отрицательные эмоции» и отличаются друг от друга лишь набором определенных дифференцированных признаков. Однако в процессе метафоризации переосмыслению подвергается все поле, а не отдельные его элементы.

Человеческие эмоции также могут характеризоваться различной степенью интенсивности. Человек может переживать шоковое состояние (*make one's head swim*) или впадать в депрессию, испытывая при этом чувство безнадежности и отчаяния (*sink into despair/depression*). Депрессивное состояние у людей наблюдается в периоды острых душевных переживаний, жизненных неудач или потрясений (8):

(8) *The player [Renee Hector] who suffered the first recorded case of racist abuse in women's professional football has no regrets about reporting it despite "**sinking into depression**" as a result of subsequent online abuse* [8]. / Футболистка [Рене Гектор], ставшая жертвой первого зафиксированного случая расизма в женском профессиональном футболе, не сожалеет о том, что рассказала об этом в СМИ, несмотря на «глубокую депрессию» из-за последовавшей вслед за этим интернет-травли.

Тематическая группа «поведение и характер человека»

Так как характер человека имеет непосредственное влияние на человека, две тематические группы «характер человека» и «поведение человека» были объединены в одну.

Каждый человек в жизни проявляет себя по-разному. Некоторые из нас обладают независимым характером и идут по жизни в одиночку (*paddle one's own canoe*), будто плывут по реке-жизни в собственной лодке. Такие личности оказываются невосприимчивыми к доминирующим тенденциям и отказываются слепо следовать укоренившимся взглядам (*swim against the tide*), бросая вызов общественному мнению. Другие же, наоборот, буквально плывут по течению (*swim with the tide*), т.е. живут в соответствии с господствующим порядком и беспрекословно следуют модным тенденциям.

Люди с такими чертами характера, как наглость и хитрость способны умело увертываться от неприятных ситуаций и достигать своих целей (*duck and dive*), часто пренебрегая морально-этическими нормами.

Так как человек – это не только рациональное, но и эмоциональное существо, он способен проявлять рискованное, опасное поведение (*sail close to / near the wind*), противоречащее общественным, нравственным устоям или законодательству (9), (10):

(9) *Berenguer **was sailing close to the wind** in his implied criticism of the Spain of the 1960s when the censor still ruled* [12]. / Беренгер ходил по лезвию ножа, завуалировано критикуя Испанию 1960-х годов, в то время как цензура все еще существовала.

(10) *The comedian **sailed close to the wind**. Some ladies in the audience were looking distinctly uneasy* [16]. / Комик переступил пределы дозволенного – некоторые дамы выглядели заметно сконфуженно.

К ФЕ, обозначающим девиантное поведение, совершение низких, предосудительных поступков, также относятся *sink so low / sink to such depth*. Контекстуальный анализ показывает, что такое поведение зачастую вызывает недоумение у других членов общества (11), (12):

(11) *How could you have **sunk so low*** [10]? / Как ты мог так низко пасть?

(12) *I find it hard to believe that human beings **could sink to such depths*** [5]. / Мне сложно поверить, что люди могут совершать такие низкие поступки.

Негативная коннотация вышеупомянутых ФЕ может быть обусловлена определенными ожиданиями, которые люди возлагают друг на друга. Однако немалую роль также играет социальный статус человека.

Ранее, в период жесткой классовой стратификации, за каждой социальной группой закреплялись особые правила, формы поведения и стереотипы. Считалось, что аморальное поведение было свойственно людям из низших слоев населения (отсюда и возможное объяснение ФЕ *sink to such depth*, т.е. буквально «опуститься до низов [общества]»), поэтому подобные действия со стороны представителей высшего общества вызвали неодобрение и порицание, считались достойными презрения.

Тематическая группа «деятельность человека»

Из всех биологических видов человек оказывается единственным, кто способен заниматься физической и умственной деятельностью. Труд не только способствует адаптации и функционированию личности в обществе, но также является гарантом материальных и духовных благ. Подлинное счастье человек приобретает тогда, когда находит занятие по душе и «окунается» в него целиком (*sink one's teeth into something*). Интерес к каким-либо научным предметам или видам деятельности заставляет человека углублять свои знания о них (*dive deep*), совершенствовать свои навыки. Однако не каждый человек может найти себя в том или ином деле, также как не все виды деятельности способны принести материальную обеспеченность. Это приводит к тому, что человек прибывает либо в вечном поиске подходящей работы, перебиваясь на временных подработках, либо выбирает ту деятельность, которая не приносит ему удовлетворения. В обоих случаях человек не может прогрессировать в выбранном деле и вынужден «топаться на одном месте» (*tread water*) до тех пор, пока ему, возможно, не улыбнется удача.

Тематическая группа «удача – неудача»

Как и в случае с другими группами, в этой группе также наблюдается преобладание ФЕ с отрицательной коннотацией, большая часть которых указывает на эфемерность и относительность таких понятий, как удача – неудача. В обыденных представлениях людей ответственность за успешное разрешение дел зависит от самого человека и приложенных им усилий (*sink or swim*). Однако он может потерпеть неудачу (*sink like a lead balloon / sink like a stone*), если его идеи, творчество, результаты труда и т.д. окажутся непривлекательными для публики (13), не вызовут у нее восхищение или одобрение:

(13) *He had published two novels, both of **which sank like a stone*** [Ibidem]. / Он написал два романа, и оба провалились в продажах.

Однако даже достижение успеха не гарантирует того, что удача будет сопутствовать человеку на протяжении всего его пути (14), так как даже первоначальный громкий успех может в конце обернуться полным провалом (*sink without trace*).

(14) *They enjoyed brief success with their second album and **then sank without trace*** [Ibidem]. / Выход второго альбома принес им мимолетный успех, но со временем их слава канула в Лету.

Тематическая группа «физиологическое состояние человека»

При помощи глагольных ФЕ также можно описать физиологические изменения состояния человека, которые чаще всего носят патологический характер. К ним относятся аномалии визуального восприятия, когда в поле зрения человека появляются мерцающие точки и фигуры (*swim in front of one's eyes*); тошнота и головокружение (*make one's head swim*). В эту же группу была отнесена ФЕ *swim with the fishes*, которая обозначает «насильственную смерть». Данная ФЕ имеет ярко выраженную стилистическую окраску и относится к жаргонной лексике. Во многих исследованных примерах этот фразеологический оборот используется как шуточная угроза (15):

(15) *If I ever find out you cheat on me, you'll **swim with the fish*** [17]. / Если я узнаю, что ты мне изменяешь, ты – покойник (букв. «будешь на дне плавать с рыбами»).

В исследовании было выделено 7 тематических групп ФЕ: «характер движения в воде» (3 единицы), «социальные отношения» (3 единицы), «эмоциональное состояние человека» (7 единиц), «поведение и характер человека» (7 единиц), «деятельность человека» (3 единицы), «удача – неудача» (4 единицы), «физиологическое состояние человека» (3 единицы). Согласно представленным данным, наиболее многочисленными являются группы ФЕ, описывающих эмоциональное состояние человека, его поведение и характер. Ни в одну из групп не вошли следующие ФЕ с глаголами движения в воде: *float a loan* (рус. *брать заём*), *be swimming in something* (рус. букв. *купаться в чем-либо*), *sink to whisper* (рус. *опуститься до шепота*). Причиной этому стали как ограниченность материала, так и наличие вариативного компонента ФЕ, что затрудняет соотнесение выражения с конкретной группой. Например, в ФЕ *be swimming in something* вместо альтернатива можно подставить такие субстантивы, как *blood, oil, money* и т.д. Соответственно, данную единицу можно отнести и к тематической группе «богатство», и к группе «изобилие» и др.

Проведенный анализ материала показал, что из общего числа ФЕ (33 единицы) лишь в 3 единицах (10%) наблюдалось частичное переосмысление оборота (один компонент (зависимый) оказывался фразеологически связанным). В остальных 30 единицах (90%) переосмыслению подвергнулся весь оборот. В ходе исследования также было отмечено, что большая часть ФЕ имеет отрицательную окраску. Кроме этого, некоторые выражения характеризуются более узкой сферой употребления: например, ФЕ *swim with the sharks, sink the differences* зачастую фигурируют в политическом и деловом дискурсах.

Выводы. В исследовании были рассмотрены английские фразеологические единицы с ядерным компонентом – глаголом движения в воде, выделены основные тематические группы исследуемых единиц. Основными методами исследования стали контекстуальный анализ и анализ словарных статей англоязычных фразеологических словарей. Это позволило получить более широкое представление о семантике ФЕ, их употреблении и коннотативных особенностях. Подытоживая все вышесказанное, можно также добавить, что при помощи исследованных ФЕ можно не только описать различные сферы человеческой жизни, но и получить представление о том, как человек концептуализирует водное пространство. Таким образом, данное исследование может служить отправной точкой для проведения *дальнейших исследований* ФЕ «морской тематики».

Список источников

1. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Идиоматичность // Вопросы языкознания. 1996. № 5. С. 51-64.
2. Иванова Е. В. Лексикология и фразеология современного английского языка. СПб. – М.: Филологический факультет СПбГУ; Академия, 2001. 352 с.
3. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
4. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/> (дата обращения: 18.10.2020).
5. Cambridge International Dictionary of Idioms. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 604 p.
6. Collins Cobuild Dictionary of Idioms / ed. by J. Sinclair. L.: HarperCollins Publishers, 1995. 514 p.
7. Dirickson C. Purple Robin. Bloomington: Trafford Publishing, 2009. 492 p.
8. Gornall K., Magowan A. Renee Hector “sank into depression” after online abuse following racism case [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/sport/football/49345402> (дата обращения: 27.10.2020).
9. Kesteven W. Henry. How to prevent drowning [Электронный ресурс] // Nature. 1881. Vol. 24. Issue 607. URL: <https://www.nature.com/articles/024142a0.pdf?origin=ppub> (дата обращения: 27.10.2020).
10. Longman Dictionary of Contemporary English [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ldoceonline.com> (дата обращения: 27.10.2020).
11. Longmate N. Island Fortress [Электронный ресурс]. L.: Hutchinson, 1991. URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (дата обращения: 27.10.2020).
12. Luis Berenguer [Электронный ресурс]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Luis_Berenguer (дата обращения: 27.10.2020).
13. Parris M. The Queen is wrong to get involved in Brexit debate [Электронный ресурс] // The Times. 2019. January 25. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/the-queen-is-wrong-to-get-involved-in-brexit-debate-jtm3lfr3c> (дата обращения: 27.10.2020).
14. St. Ives (Stevenson and Quiller-Couch) / Chapter 28 [Электронный ресурс]. URL: [https://en.wikisource.org/w/index.php?title=St._Ives_\(Stevenson_and_Quiller-Couch\)/Chapter_28&oldid=6436625](https://en.wikisource.org/w/index.php?title=St._Ives_(Stevenson_and_Quiller-Couch)/Chapter_28&oldid=6436625) (дата обращения: 27.10.2020).
15. The British National Corpus [Электронный ресурс]. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> (дата обращения: 27.10.2020).
16. The Penguin Dictionary of English Idioms. 2nd ed. L.: Penguin Group, 1994. 304 p.
17. Urban Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.urbandictionary.com> (дата обращения: 27.10.2020).

Semantic Analysis of the English Phraseological Units with Verb of Motion in Water as Core Component

Shidlovskaya Diana Urievna
Saint Petersburg University
spbu@spbu.ru

The study aims to identify the main semantic features of the English phraseological units with a verb of motion in water as the core component. Along with an analysis of dictionary definitions, the article also carries out a contextual analysis of the considered phraseological units, which allows the researcher to deepen the study of their semantics, as well as to understand specificity of their use. Scientific novelty of the research lies in the fact that these English phraseological units have not been exposed to a comprehensive study either in Russian or in foreign works before. The result of the study was identification of seven different lexical sets of phraseological units, detection of the main semantic and functional features of the phraseological units that were included in the research material.

Key words and phrases: semantics; phraseological unit; verbs of motion in water; lexical set.

Романские языки

Romanic Languages

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.33>

Дата поступления рукописи: 21.10.2020

Цель исследования – определить на основе анализа примеров фразеологизмов и паремий из текстов испанского писателя XX века Алонсо Саморы Висенте новые подходы к освоению фразеологических и паремиологических единиц разговорного регистра испанского языка. **Научная новизна** работы заключается в том, что впервые были проанализированы примеры идиоматических единиц из текстов испанского писателя-лексиколога Алонсо Саморы Висенте, чье имя мало знакомо русскоязычным читателям, а также осуществлен их перевод на русский язык. **Результатом** данного исследования стал особый методологический подход к изучению разговорных фразеологизмов, основанный на знании важных аксиологических концептов испанской этноязыковой картины мира.

Ключевые слова и фразы: лингвокультурология; этноязыковая картина мира; разговорная речь; фразеологизм; паремия; Алонсо Самора Висенте.

Долженкова Виктория Викторовна, к. филол. н.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

dolvik@mail.ru

Лингводидактический потенциал разговорной фразеологии (на материале рассказов испанского писателя XX века Алонсо Саморы Висенте)

В эпоху глобализации, сопровождаемой высоким уровнем развития науки и технологий, а также значительными миграционными процессами, способствующими межнациональному сотрудничеству как организаций, так и людей, владение словом как никогда важно. Именно межкультурные языковые компетенции, являясь основой взаимодействия между людьми в современную эпоху, позволяют человеку быть успешным в своей профессиональной реализации и в повседневном межличностном общении. **Актуальность** исследования определяется возросшей ориентацией на овладение практическими речевыми навыками при изучении иностранных языков, что не представляется возможным осуществить исключительно через усвоение нормативной грамматики и эмотивно нейтральной лексики. **Практическая значимость** работы определяется востребованностью в настоящее время коммуникативных методик в изучении иностранных языков, а также возросшим исследовательским интересом специалистов-филологов к психолингвистической и лингвокультурологической проблематике. Выбранные тексты используются в качестве дидактического материала в рамках специального курса «Лексико-прагматические аспекты испанской разговорной речи», предназначенного для студентов 4-го курса бакалавриата. Данный курс направлен на развитие коммуникативных навыков и расширение лексического запаса учащихся.

Активное межкультурное общение в том числе сделало актуальными междисциплинарные исследования в рамках этнопсихолингвистики и лингвокультурологии, которые обусловили появление в научном обиходе понятий «этноязыковое сознание», «этноязыковая картина мира» и других. Исследователь И. В. Привалова определяет понятие «этноязыковое сознание» как «ансамбль когнитивно-эмотивных и аксиологических структур, национальная маркированность которых обеспечивает их переменчивость от одной культуры к другой» (курсив И. В. Приваловой. – В. Д.) [7, с. 11]. С этим определением соглашается филолог Н. Ф. Алефиренко, разделяя мнение о том, что «основу мировидения и миропонимания каждого народа составляет особая система предметных значений, социальных стереотипов и когнитивных схем, которые определяют этничность национального сознания как отдельного индивида, так и общества в целом» [1, с. 118]. Следовательно, возможно сделать вывод о том, что в процессе социализации индивидуума происходит накопление культурно-маркированной пресуппозиции, реализуемой впоследствии через систему культурных кодов, вербализованных на различных уровнях языка. Не вызывает сомнения тот факт, что люди различных культур «структурируют» по-разному окружающий мир. По мнению В. В. Красных, «коды культуры как феномен

универсальны по природе своей, свойственны человеку как *homo sapiens*. Однако их проявления, удельный вес каждого из них в определенной культуре, а также метафоры, в которых они реализуются, всегда национально детерминированы и обуславливаются конкретной культурой» [4, с. 232].

В данной статье объектом исследования стали фразеологические единицы разговорного регистра. **Задачами** данного исследования являются анализ особенностей функционирования фразеологизмов и паремий в текстах испанского писателя XX века Алонсо Саморы Висенте, определение лингвокультурных кодов, заключенных в изучаемых идиомах, на основании чего стало возможным определить их эквиваленты в русском языке и возможный перевод. **Методами исследования** стали сравнительный анализ, метод эмпирического анализа идиоматических выражений, предложенный в том числе отечественными исследователями-психолингвистами В. В. Красных, И. В. Приваловой, лингвокультурологами Н. Ф. Алефиренко, Ю. Л. Оболенской. Работы данных исследователей, а также теоретические положения и практический материал, предложенные испанскими исследователями фразеологии Леонор Руис Гурильо, Альберто Буитраго, стали **теоретической базой** данной работы.

Способность употребления в речи фразеологизмов, в широком значении этого термина, напрямую связана с возможностями человеческой психики. Исследователям известен тот факт, что для детей с особенностями психоречевого развития является затруднительным овладение подобными лексическими единицами даже родного языка, поскольку у них утрачена связь между метафорой в широком смысле, заключенной во фразеологизме, и ее вербальной формой. Как пишет исследовательница испанской фразеологии Леонор Руис Гурильо, доказано, что дети-аутисты испытывают серьезные затруднения, чтобы понять разговорный язык и, как следствие, адекватно использовать идиоматические выражения [14, р. 90]. Данный аспект оказывается значимым в контексте преподавания иностранного языка, поскольку изучающие иностранный язык также испытывают затруднения в овладении фразеологическим фондом неродного языка. Это возможно через осознание метафоры, лежащей в основе значения идиоматической единицы, на начальном этапе, затем через анализ возможных контекстов употреблений данного фразеологизма и в итоге – в процессе поиска эквивалентов в родном языке. Как отмечает В. В. Красных, «в иноязычной аудитории надо преподавать язык как отображение *социокультурной реальности*», поскольку речь по природе своей – «неинстинктивная, приобретенная», «культурная» функция» [4, с. 12].

Отдельно следует обратиться к содержанию понятия «фразеологическое значение». Исследователь фразеологических единиц английского языка И. В. Зыкова прибегает к понятию «межсемиотическая транспозиция», которое определяет как не просто «перенос некоего содержания из одной семиотической среды в другую, а его “создание”, основанное на ряде последовательных операций, осуществляемых личностным индивидуально-коллективным сознанием, в результате которого возникает фразеологическое значение» [3, с. 148]. И. В. Зыкова приходит к выводу о том, что «межсемиотическая транспозиция в отношении формирования фразеологического значения представляет собой не один вид когнитивной операции (такой, как интерпретация), а несколько взаимообусловленных действий, производимых личностным сознанием с опорой на чувственную сферу» [Там же, с. 146]. Неслучайным представляется то, что в настоящее время в лингвистических исследованиях анализируются процессы усвоения языка, поскольку, как пишет Н. Ф. Алефиренко, «процессы, посредством которых мы усваиваем язык, скорее всего, являются универсальными, понимание взаимосвязи между культурой и языком нужно также для того, чтобы уметь вести общение с людьми других культур. Поскольку язык и культура тесно переплетены, межкультурное общение отличается от тех процессов общения, в которых участвуют только люди нашей собственной культуры» [1, с. 89].

Известный отечественный лингвист-исследователь русской фразеологии В. Н. Телия заключает, что «фразеологический состав языка – это зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное сознание» [8, с. 9]. И. В. Привалова приводит пример того, как «в качестве языкового воплощения культурных стереотипов могут выступать, например, паремиологические единицы, в которых эксплицированы прескрипции народного самосознания, типа: “*He zная броду, не суйся в воду*” – “*Look before you leap*” (эквивалент в испанском языке: *no te metas en la camisa de once varas*. – В. Д.). В них наиболее показательна связь с культурными установками, ценностями, укладом бессознательного определенного этноса» [7, с. 61]. Схожего мнения придерживается и Н. Ф. Алефиренко, считающий, что «особым культурно-прагматическим потенциалом характеризуются фраземика и паремии, поскольку они фиксируют результаты интеллектуально-эмоциональной деятельности человека, выполняют функции не прямой и косвенно-производной номинации, содержат модально-оценочные характеристики номинируемых объектов» [1, с. 204].

Такие характеристики фразеологизмов, как наличие формы, удобной для запоминания и воспроизведения, содержание в компонентах значения оценки явлений обыденной жизни, вербализация аксиологических концептов конкретного этноса, делают лексические единицы фразеологического фонда исключительно востребованными в разговорном дискурсе. Очевидно, что фразеология, используемая в речи любого языка, – это часть вербальной реализации этноязыковой картины мира в условиях повседневного общения.

В качестве материала исследования в данной работе проанализированы примеры из рассказов испанского лексиколога, диалектолога и лексикографа, ученика известного испанского филолога Рамона Минендеса Пидалья, писателя Алонсо Саморы Висенте. Его работы обладают высоким лингводидактическим потенциалом для овладения необходимыми лингвистическими компетенциями для успешной устной коммуникации. Как пишет литературный критик Рикардо Сенабре в предисловии к сборнику рассказов Самора Висенте, в своих произведениях автор приложил все усилия, чтобы показать художественный образ разговорной речи [12, р. 3]. Этим объясняется

выбор жанра – короткого рассказа – и стиля повествования. Рикардо Сенабре подчеркивает, что в своих произведениях Самора Висенте, прежде всего, озабочен тем, чтобы собрать и зафиксировать идиоматические единицы устной речи, обладающие по своей природе «подвижностью и нестабильностью» [Ibidem, p. 4].

Во время чтения рассказов Самора Висенте одним из наиболее частотных затруднений для изучающих испанский язык как иностранный оказалось выделение в тексте фразеологизма в совокупности его компонентов. Носители другого языка в период отсутствия достаточного опыта владения языком не ощущают влияния речемыслительных процессов на форму фразеологизма, не определяют метафору, на которой базируется фразеологическое значение, в то время как носителями языка подобные структуры могут действительно ощущаться на чувственном уровне.

В качестве примеров рассмотрим следующие фразеологизмы: “*dársela (con queso)*” (обмануть, провести), “*(írsele a alguien) el santo al cielo*” (забыть, потерять суть беседы), “*a la buena de Dios*” ([делать] необдуманно, не взвесив все «за» и «против»), “*poner como hoja perejil*” (ругать, жестко критиковать), а также паремии: “*sarna con gusto no pica*” (охота пуще неволи), “*nunca llueve a gusto de todos*” (на вкус и цвет товарища нет). Все они зафиксированы в толковом словаре идиоматических выражений профессора Университета Саламанки Альберто Буитраго “*Diccionario de dichos y frases hechas*”, где автор приводит возможную этимологию идиом, что заметно облегчает поиск соответствий в родном языке. Однако тексты Самора Висенте максимально возможным образом передают процессы разговорной речи, в том числе характерное для спонтанной коммуникации явление эллипсиса. Именно функционирование фразеологизмов в речи в эллиптированной форме представляет наибольшие трудности для понимания иностранными учащимися. В процессе диалога носителям языка для успешной коммуникации не требуется полная форма идиоматического словосочетания. Например, героиня одного из рассказов Самора Висенте говорит: “*Te aseguro que apenas sabe decir cuatro vulgaridades en inglés, seguramente las aprende en los discos de los jipis esos, porque, estudiar inglés ésa. A mí no me la da...*” [15, p. 34]. / «Я тебя уверяю, она едва-то три слова по-английски знает, будто будет она ещё английский учить. Меня не проведешь...» (здесь и далее перевод автора статьи. – В. Д.), используя эллиптированную форму “*A mí no me la da...*” фразеологизма “*dársela (con queso)*”. Очевидно, что для носителя языка не представит затруднений идентифицировать выражение “*dársela (con queso)*” и его значение «обмануть, провести» в представленном выше контексте. Следуя объяснению этимологии данного фразеологизма словарем Альберто Буитраго, в его фразеологическом значении заложена метафора обычая угощать гостей в тавернах Ла Манчи особо острым выдержанным сыром, с тем чтобы ослабить вкусовые ощущения пробующего и не дать возможности определить на вкус, например, вино, разбавленное водой [9, p. 174].

Рассмотрим другую идиому – “*a la buena de Dios*”, – значение которой словарь Буитраго определяет как «делать что-то необдуманно», «не взвесив все “за” и “против”». Автор словаря подчеркивает, что в литературе данное выражение встречается в значении «оставить решение и судьбу в руках Божьих и его милости» [Ibidem, p. 10]. Нетипичное употребление данного фразеологизма в восклицательной форме “*¡A la buena de Dios...!*” содержит имплицитную оценку необдуманных действий других персонажей, съехавших с основной дороги и увязнувших в грязи: “*¡A la buena de Dios...! Pero... pero cómo se han metido aquí, si el camino va por ahí arriba ¿no lo ve usted?*” [15, p. 56]. / «Господи боже мой! но... но как вы забрались сюда, если дорога идет там, наверху. Разве вы не видели?» – восклицает главный герой рассказа “*Con la mejor voluntad*” («С наилучшими намерениями»). Отметим, что, если исходить из особенностей разговорной коммуникации, а также значительной роли устной традиции в формировании фразеологического пласта, то будет возможным предположить, что форма вышеупомянутой идиомы “*a la buena de Dios*” является эллиптированной, и лексема “*voluntad*” представляется вероятным пропущенным элементом. В этой связи отдельного внимания заслуживает заглавие вышеупомянутого рассказа. Как справедливо отмечает исследователь Ю. Л. Оболенская, заглавия произведения «в равной степени отражают как авторскую оценку и его отношение к действительности, так и его замысел и концепцию произведения в целом» [6, с. 89]. Полисемантическая лексема “*voluntad*”, которая в испанском языке имеет такие значения, как «воля», «намерение, решимость, желание сделать что-либо», «привязанность, любовь», и даже значение «вознаграждение за какую-либо услугу» с пометкой «разговорное» в электронной версии словаря Королевской Академии [10], позволяет автору использовать данную многозначность в тексте рассказа для создания ироничного стиля повествования. Приведем несколько примеров функционирования данной лексемы в тексте рассказа:

- ...Yo, por hacer más llevadera la espera, y por captarme la voluntad del pastor:
- ¡Qué ovejas preciosas, nutridas [15, p. 58]!.. /
- ...И я, чтобы сделать ожидание более терпимым и добиться расположения пастуха [говорю]:
- Какие прекрасные овцы, упитанные...
- ...El pastor insiste, servicial con la mejor voluntad:
- Venga, Juanjo... y traete tus mulas [Ibidem, p. 61]... /
- ...И пастух настаивает услужливо, с наилучшими намерениями:
- Давай, Хуанхо... приводи своих ослиц...
- Aquí, ¿Quién aroquina?
- Este señor de Madrid es muy mirao, y te dará la voluntad, hombre no hay que ponerse pesado [Ibidem]... /
- Здесь кто платит?
- Этот господин из Мадрида, он очень осмотрительный, и он даст тебе на чай, давай, дружище, не надо быть занудой...

Анализ функционирования в тексте вышеназванной лексемы позволяет сделать вывод о том, что фразеологическая единица используется автором для создания иронии и выражаемой ей имплицитной оценки в процессе языковой игры. Здесь следует процитировать тезисы исследователя русской фразеологии В. М. Мокиенко о том, что при всём многообразии этого феномена (языковой игры. – В. Д.), «его можно рассматривать в русле двух основных аспектов языковой иронии вообще – и как **средство**, т.е. вид тропа, создаваемый контрастом между буквальным (эксплицитованным) и переносным (имплицитованным) значением, и как **результат, целостный эффект** единого высказывания, включающего комплекс взаимодействия содержания языковой единицы, ситуации, условий и участников коммуникации» (выделение В. М. Мокиенко. – В. Д.) [5, с. 153].

Рассмотрим еще один пример языковой игры, заключенной в изменении формы рода компонента идиоматической единицы “(irsele a alguien) el santo al cielo” со значением «утратить внимание, забыть, потерять суть беседы». “Pero, discúlpeme usted, con este perro, se me ha ido, como dicen ustedes los españoles, la santa al cielo. ¿O dicen el santo? Qué más da...” [15, p. 32]. / «Но, простите меня, с этим псом у меня, как говорите вы, испанцы, все улетело из головы. Или говорите, вылетело? Да какая разница...» – говорит главная героиня рассказа «Дешевые поездки». Несомненно, что подобный прием нужен автору для создания образа главного персонажа – экзальтированной, но весьма предприимчивой дамы-иностранки. Ощутить иронию автора, заложенную во фразеологизме, возможно в том числе и через понимание лингвокультурного феномена смеховой испанской культуры, заключенной в устной традиции десакрализации религиозных культов, священных для христианства понятий и категорий, в том числе путем использования их в качестве компонентов идиоматических разговорных единиц. По утверждению словаря Альберто Буитраго, в значении данного фразеологизма отразилась притча о том, как некий священник во время проповеди, начисто забыв о ее сути, пустился в рассуждения о совершенно земных, насущных проблемах [9, p. 372].

В качестве еще одного примера разговорной фразеологической единицы, понимание значения которой также возможно через постижение аксиологического концепта этноязыковой картины мира, можно привести идиому “poner como de hoja perejil”, значение которой Альберто Буитраго определяет как «говорить очень плохо о чем-либо или о ком-либо», «оскорблять, жестко критиковать». Героиня еще одного рассказа Самора Висенте «Эта невыносимая жизнь...» в беседе с подругой комментирует следующим образом испанскую традицию религиозных шествий на пасхальной неделе: “Yo no me explico por qué siguen cargando los santos a hombros, es un atraso, se tarda mucho y, luego, los extranjeros, que no pierden ripio para echarnos en cara nuestros defectos... nada les engorda tanto como ponernos de hoja perejil...” [15, p. 143]. / «Я и сама не понимаю, почему продолжают таскать святых на плечах, это же дикость, занимает столько времени, а потом, иностранцы не упустят своего, чтобы ткнуть нас в наши недостатки... ничто их так не распирает, как поддеть нас...». Исследователь Альберто Буитраго связывает метафоризацию образа известного с давних пор листового овоща – perejil (петрушка) – с цветом его листьев, поскольку в испанской этноязыковой картине мира зеленый обладает отрицательными коннотациями, что связывают с зеленым цветом желчи, выделяемой непременно в случае гнева или плохого настроения [9, p. 542].

Отдельного внимания заслуживают примеры функционирования паремий. В книге «Пословицы русского народа» русский лексикограф, этнограф В. И. Даль пишет, что само возникновение в русском языке такого языкового явления, как пословица, должно быть отнесено к весьма отдаленным временам человеческой истории, особенно отмечая, что «словесная речь человека – это дар божий, откровение» [2, с. 2]. Очевидно, что в пословицах и поговорках воплощены советы, бытовые правила, наблюдения за погодой, в целом вся повседневная жизнь человека во всех её проявлениях. С этим связан наставительный, дидактический характер пословиц, что становится значимой характеристикой паремий.

Многие исследователи отмечают, что для испанской речевой культуры характерна высокая частотность употребления пословиц и поговорок. Известный испанский исследователь испанской паремииологии Хосе Мануэль Гомес-Табанера в работе «Испанский фольклор» пишет, что одно из наибольших богатств испанского народа заключено в его пословичном фонде. Плоды предков и старших сконцентрированы в нем [11, p. 393]. Философ и публицист Сальвадор де Мадариага в своей работе «Англичане, французы, испанцы» подчеркивает, что не вызывает сомнения, что испанский язык обладает самыми богатыми эстетическими эффектами. Мощь, энергия, живописность, звучность, цвет, рельеф устойчивых выражений, речений, поговорок, пословиц не знает себе равных [13, p. 254]. В испанском обиходном общении наиболее частотны паремии, содержащие характеристику и оценку самого человека, его деятельности, повседневных забот и чаяний. Например, в паремии “sarna con gusto no pica” («охота пуще неволи». – В. Д.) из рассказа «С наилучшими намерениями» [15, p. 56] метафоризируется сниженный образ болезни чесотка (sarna). Как отмечает Альберто Буитраго в своем словаре, так «говорят тому, кто, осознавая вред или беспокойство, которое ему может причинить его поступок, все равно его осуществляет» [9, p. 609].

Отметим, что в основе фразеологического значения в целом могут лежать как языковые коды, значимые для одной лингвокультурной общности и, следовательно, понятные только членам этой общности, так и концепты, имеющие схожее наполнение в разных этноязыковых картинах мира. Например, метафора двойственного восприятия дождя, лежащая в основе значения поговорки “nunca llueve a gusto de todos” (на вкус и цвет товарищей нет) из рассказа «Эта невыносимая жизнь...» вполне понятна носителям русской лингвокультуры. В нашей картине мира присутствует амбивалентное отношение к дождю: с одной стороны, с этим погодным явлением связаны негативные коннотации: «Наше счастье – дождь да ненастье» [2, с. 51]; «От дождя да под капель» [Там же, с. 134], а с другой стороны, попасть под дождь молодоженам считается

хорошей приметой: «Дождь на молодых – счастье» [3, с. 247], да и земледельцам дождь необходим: «Даст бог дождь, уродится и рожь»; «Дождь-кормилец» [2, с. 186]. Таким образом, двойственность восприятия ненастья в русской лингвокультуре созвучна испанскому представлению о дожде как о явлении, которое не всем по вкусу и наоборот, что делает вполне понятной внутреннюю форму вышеназванной паремии.

Очевидно, что проанализированные семантические процессы позволяют сделать *выводы* о том, что образная форма изложения способствует решению прагматических задач. Не вызывает сомнения тот факт, что единые речемыслительные процессы ответственны за появление фразеологических единиц в языке. Подобного рода наблюдения подтверждают выводы о природной склонности человека к передаче имплицитных смыслов через образы идиоматических единиц, однако данные образы наполняются смыслом именно в контексте выражаемых ими определенных языковых кодов, не имеющих единой значимости для носителей различных этноязыковых картин мира. В этой связи в период изучения фраземики становится важной не столько консультация со словарем с целью заучивания дефиниции лексической единицы, сколько осознание речемыслительных процессов, сформировавших значение и форму фразеологизма. Можно утверждать, что без понимания действия этих механизмов, а также без знания лингвокультурных кодов зачастую становится невозможным не только точное понимание контекстуальных смыслов той или иной фразеологической единицы, но и самостоятельное использование выученных идиом. Представляется весьма *перспективным* дальнейшее изучение испанской фразеологии с использованием психолингвистических и лингвокультурологических методов анализа с целью точного овладения испанской лексикой разговорного регистра и, как следствие, максимально успешной устной коммуникацией.

Список источников

1. **Алефиренко Н. Ф.** Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учеб. пособие. М.: Флинта; Наука, 2010. 288 с.
2. **Даль В. И.** Пословицы русского народа. М.: Гослитиздат, 1957. 991 с.
3. **Зыкова И. В.** Роль концептосферы культуры в формировании фразеологизмов как культурно-языковых знаков: дисс. ... д. филол. н. М., 2014. 510 с.
4. **Красных В. В.** Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций. М.: Гнозис, 2002. 284 с.
5. **Мокиенко В. М.** Образы русской речи: историко-этимологические и этнолингвистические очерки фразеологии. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. 280 с.
6. **Оболенская Ю. Л.** Художественный перевод и межкультурная коммуникация. М.: Ленанд, 2019. 262 с.
7. **Привалова И. В.** Языковое сознание: этнокультурная маркированность (теоретико-экспериментальное исследование): дисс. ... д. филол. н. М., 2006. 486 с.
8. **Телия В. Н.** Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
9. **Buitrago A.** Diccionario de dichos y frases hechas. 5ª ed. Espasa Libros, 2016. 982 p.
10. **Diccionario de la Lengua Española de la Real Academia Española** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rae.es> (дата обращения: 25.06.2020).
11. **El folklore español** / ed. J. M. Gomez-Tabanera. Madrid: Instituto Español de Antropología Aplicada, 1968. 455 p.
12. **Filología, comunicación y otros estudios** / Liber Amicorum en homenaje a Ramón Sarmiento González; coord. José Ramón Sarmiento Guede. Madrid: Midac, 2017. 326 p.
13. **Madariaga S. de.** Ingleses, franceses, españoles. Madrid, 1934. 301 p.
14. **Ruiz Gurillo L.** Las locuciones en español actual. Madrid: Arco Libros, 2001. 110 p.
15. **Zamora Vicente A.** Cuentos con gusano dentro. Palma de Mallorca: Bitzoc, 1998. 146 p.

Linguo-Didactic Potential of Colloquial Phraseological Units (by the Material of Stories by the Spanish Writer of the XX Century Alonso Zamora Vicente)

Dolzhenkova Viktoriya Viktorovna, PhD
Lomonosov Moscow State University
dolvik@mail.ru

The paper aims to develop a new approach to studying phraseological and paroemiological units of colloquial Spanish. The research material includes stories by the Spanish writer of the XX century Alonso Zamora Vicente. The researcher for the first time analyses functioning of idiomatic units in works of the mentioned author, whose name is almost unknown in Russia, presents translation of these idiomatic units, which constitutes scientific originality of the study. The research findings are as follows: the author proposes a different methodological approach to studying colloquial phraseological units, which is based on understanding the key axiological concepts of the Spanish ethno-linguistic worldview.

Key words and phrases: linguo-culturology; ethno-linguistic worldview; colloquial speech; phraseological unit; paroemia; Alonso Zamora Vicente.

<https://doi.org/10.30853/filmnauki.2020.12.34>

Дата поступления рукописи: 24.10.2020

Цель исследования – выявление способов реноминации разговорных фразеологизмов во французских переводных текстах. **Научная новизна** заключается в переносе исследовательского взгляда с изучения переводов иностранных текстов на русский язык на изучение переводов русских текстов на иностранный язык; в комплексной репрезентации на текстовом уровне с позиции теории реноминации способов передачи разговорных фразеологических единиц в переводных текстах сказового жанра, характеризующихся высокой степенью национальной окрашенности. **В результате** были выделены внутриуровневый, межуровневый, комплексный, частичный и нулевой способы реноминации, позволяющие передать идиоматическую, содержательную, стилистическую и импрессиивную стороны фразеологических единиц оригинала средствами французского языка.

Ключевые слова и фразы: реноминация; разговорные фразеологические единицы; просторечие; французский переводной художественный текст.

Лапаева Евгения Юрьевна

г. Воронеж

e.lapaeva@icloud.com

Способы реноминации разговорных фразеологических единиц во французских художественных переводах

Вопросы взаимодействия и взаимовлияния разных языков и культур в условиях углубляющихся процессов глобализации, а также поиск путей установления культурного диалога в ходе межкультурной коммуникации побуждают лингвистов обращаться как к способам репрезентации «своей» лингвокультуры через призму «чужой», так и к исследованию отражения «чужой» лингвокультуры в зеркале «своей». Ведь именно в сопоставлении иностранных языков с родным языком и иностранных культур с родной культурой вскрывается и признается вся сложность и глубина проблем, присущих межъязыковому и межкультурному общению [23, с. 11]. В связи с этим **актуальность** представляется в исследовании переводных художественных текстов, которые являются не столько отражением оригинального произведения, но приближаются к понятию «первичный» текст, «стремясь за рамки собственного определения как “вторичного”» [10, с. 114], занимая некую «промежуточную позицию между оригиналом и совершенно новым текстом на иностранном языке» [Там же, с. 115], и создавая, таким образом, особый культурологический континуум двух художественных моделей мира. Подобный ракурс анализа применительно к исследуемой нами проблеме предполагает необходимость учитывать тесную связь русской и французской фразеологии «в силу той особой роли, которую играл французский язык в русском обществе XVIII и особенно XIX века» [6, с. 7]. Необходимо также принимать во внимание, что свойственная разговорной речи страсть преувеличивать порождает множество идиоматических выражений [1, с. 337], вследствие чего отличия просторечного и литературного языков проявляются в основном на фразеологическом уровне [3]. Именно поэтому интересным представляется анализ способов репрезентации во французском переводном художественном тексте разговорных фразеологизмов, которые функционируют в литературе как яркие экспрессивы речевой и стилистической характеристики героев – представителей простого народа, отражая национальную самобытность.

Для достижения поставленной цели в исследовании предполагается решение следующих **задач**: выявление разговорных ФЕ в исходном и переводном текстах; сопоставительный анализ реноминированных форм.

Нами были использованы следующие **методы исследования**: сопоставительный анализ исходного текста (далее – ИТ) и переводного текста (далее – ПТ), стилистический анализ текста и лексикографический анализ фразеологических и лексических единиц (далее – ЛЕ) на основе словарных дефиниций.

Теоретическая база исследования представлена трудами по теории перевода С. Влахова, С. Флорина [2], А. В. Федорова [16], С. Г. Николаева [10], по теории реноминации – Н. А. Фененко и А. А. Кретова [8; 17], по фраземике – С. М. Кравцова [6; 7], по стилистике – Ш. Балли [1], Ю. С. Степанова [13], по просторечию и разговорной речи – С. Бланш-Бенвенист [18], М. Т. Дьячка [3].

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования материала и полученных результатов на практикумах по французскому языку как иностранному, в курсах стилистики французского языка, в курсе теории и практики художественного перевода, в специальных курсах по проблемам реноминации.

Под фразеологическими единицами (далее – ФЕ), а также фразеологизмами, устойчивыми сочетаниями и выражениями в данном исследовании мы будем понимать относительно устойчивые, воспроизводимые в речи, раздельно оформленные, содержащие хотя бы один переосмысленный компонент языкового знака, обладающие целостным значением сочетания слов [6, с. 12]. Исходя из данного определения, **объектом** нашего анализа выступают только фразеологические сращения, единства и сочетания, содержащие разговорно-просторечные элементы разных языковых уровней, без учета паремий, афоризмов и крылатых выражений. **Единицей анализа** выступает художественный контекст, содержащий разговорно-просторечные ФЕ, а также разговорно-просторечные единицы других языковых уровней, поскольку представляется нецелесообразным отрывать ФЕ от интегрирующего ее художественного окружения. **Предметом** исследования являются способы реноминации ФЕ в переводном французском тексте. **Материал исследования** представлен французскими

переводами художественных произведений XIX-XX веков высокой степени национальной окрашенности: N. S. Leskov "Le Pèlerin enchanté"; M. M. Zoschenko "Contes de la vie de tous les jours: nouvelles satiriques soviétiques des années 1920"; A. Platonov "Tchevengour"; V. Erofëev "Moscou-sur-Vodka" [20-22; 24].

В данном исследовании предлагается анализ фразеологизмов, основанный на положениях *теории межъязыковой реноминации*, понимаемой нами как «процесс переозначивания означаемого языкового знака (сигнификата)» [8, с. 154]. Суть реноминации в переводе заключается в «назывании ("отображении") "чужого" денотата, отраженного в сигнификате, средствами "своего" языка, в процессе которого может происходить некоторое преобразование (изменение) сигнификата» [Там же]. Данный процесс осуществляется на уровне текста и направлен на поиск переводчиком реноминативных форм, обеспечивающих «получение содержательно и импрессиивно эквивалентного текста в культуре языка перевода» [Там же, с. 156]. Отметим, что для художественного текста первостепенной является именно эквивалентность воздействия на подсознание читателя ИТ и ПТ, эквивалентность впечатления, характеризующая отношение «текст – читатель», или так называемая *импрессиивная эквивалентность* [14; 17].

В ходе анализа нами были выделены следующие способы реноминации ФЕ в переводных текстах.

1. Внутривербальная реноминация

Реализуется путём передачи устойчивых сочетаний в ИТ устойчивыми сочетаниями в ПТ, то есть единицами, относящимися к одному языковому уровню. Данный способ реноминации является преобладающим в нашем материале. Рассмотрим сначала примеры, в которых стилистически и функционально маркированные ФЕ в ИТ передавались ФЕ с пометами *familier, populaire* (разговорное, просторечное) в ПТ.

ИТ: *По-русски – ни в зуб ногой* [5]. / ПТ: *Il parlait russe comme une vache espagnole* [24, р. 61]. ИТ: *Артист, – говорю, – сильно под мухой* [5]... / ПТ: *Un artiste, dis-je, est rond comme une bille* [24, р. 54]. В данных примерах разговорные устойчивые сочетания передаются семантически и стилистически эквивалентными устойчивыми сочетаниями в ПТ, хотя в основе их лежит другой образ. В первом случае факт плохого владения языком выражается в ПТ через устойчивое сочетание *parler comme une vache espagnole* (очень плохо говорить на иностранном языке, досл. говорить как испанская корова). Во втором случае состояние крайнего опьянения передается в ПТ через фразеологизм *être rond comme une bille* (пьяный в стельку, досл. быть круглым как шар).

Далее рассмотрим случаи квазиэквивалентной передачи ФЕ в переводном тексте.

ИТ: *Крови больше испортишь* [5]. / ПТ: *On se fait plutôt du mauvais sang* [24, р. 53].

ИТ: *...и каждый по-своему убивал свой досуг* [4, с. 32]... / ПТ: *...et chacun tuait le temps à sa façon* [20, р. 37]...

В приведенных выше примерах в ПТ через устойчивые выражения со словарной пометой *familier* реноминируется разговорный стилистический компонент ФЕ, кроме того, используется аналогичный ИТ образ, отражающий идентичное значение. С точки зрения семантики фразеологизмы в ПТ несколько отличаются по входящим в их состав ЛЕ и грамматическим формам: *испортишь – se faire mauvais* (досл. сделать плохим для себя), *досуг – le temps* (время).

Стоит отметить, что в некоторых случаях передача стилистически маркированных устойчивых выражений в ИТ реализовывалась через стилистически нейтральные устойчивые выражения в ПТ, например: ИТ: *Знаю – вы меня на плешь хотите поймать* [5]. / ПТ: *Je sais parfaitement que vous voulez m'attraper par surprise* [24, р. 73]. Здесь устойчивое жаргонное сочетание *поймать на плешь* (в значении обмануть) передается в ПТ за счет стилистически нейтрального выражения *attraper par surprise* (застать врасплох, досл. внезапно поймать).

Данный феномен можно объяснить тем, что использование стилистически сниженных элементов во французской художественной литературе, постепенное проникновение которых началось с работ реалистов и натуралистов в XIX веке, согласно господствующим пуристическим традициям встречало и продолжает встречать резкую критику. Так, традиционный подход к *le français populaire* (народному/просторечному французскому) уподобляет понятия *le parlé* (разговорный) и *le populaire* (народный/просторечный), *le parlé* и *le fautif* (ошибочный) [18, р. 11-21]. Кроме того, как отмечает Ю. С. Степанов, в русском языке норма располагается ближе к разговорному стилю, тогда как во французском языке – к книжному, следовательно, при передаче иноязычных элементов следует делать поправку на стилистический «коэффициент нормы» [13, с. 235]. В подтверждение вышесказанного отметим, что в проанализированном материале были выделены лишь несколько единичных случаев реноминации стилистически нейтральных фразеологизмов в ИТ посредством фразеологизмов с пометами *familier, populaire* в ПТ, например: ИТ: *...а не то я упаду в обморок* [4, с. 75]. / ПТ: *...ou je tombe dans les pommes* [20, р. 111]. Здесь для передачи стилистически нейтрального устойчивого сочетания *упасть в обморок* используется устойчивое сочетание *tomber dans les pommes* (упасть в обморок, досл. упасть в яблоки) с пометой *familier*.

Рассмотрим еще один пример: ИТ: *...только обиды в себе на меня не томи* [11, с. 127]! / ПТ: *...c'est de ne pas te garder une dent* [22, р. 145]! В данном случае лексически измененное стилистически нейтральное устойчивое сочетание *держат обиду* передается в ПТ через устойчивое сочетание *garder une dent* (иметь зуб против кого-л.) с пометой *familier*.

Рассмотрим далее примеры реноминации случаев фразеологической вариативности, которая демонстрирует относительную устойчивость ФЕ, подтверждающуюся тем, что «в рамках узуального употребления, закреплённого во фразеологическом словаре, возможны их модификации, прежде всего лексические» [6, с. 13]. Ср.: ИТ: *Начихать тебе на всё с высокого дерева* [5]. / ПТ: *Tu te fous de tout comme de ta première chemise* [24, р. 78]. Здесь в ИТ представлен вариант разговорной фразеологической единицы *плевать на все с высокой колокольни* с заменой ЛЕ *плевать* и *колокольня* на семантически идентичные ЛЕ *начихать* и *высокое дерево*. В ПТ реноминация осуществляется через устойчивое сочетание, также имеющее несколько

стилистико-функциональных вариаций: *se moquer, se soucier, se ficher, se foutre de qqc. (ou de qqn) comme de sa première chemise* (быть до фонаря, досл. смеяться, заботиться, наплевать на что-л./кого-л. как на свою первую рубашку). В ПТ используется вариант ФЕ с глаголом *se foutre* с пометой *vulgaire* (вульгарное). Так, хотя в ПТ используется другой образ, сохраняется как значение, так и стилистическая экспрессивность ФЕ.

Приведем еще один пример. ИТ: *И вообще жил, как последняя курица* [5]. / ПТ: *Et il vivait tout à fait comme les derniers chiens* [24, p. 119]. Здесь в ИТ при характеристике очень сильно пьющего персонажа используется вариант ФЕ *жить как последняя курица* с замененным лексическим компонентом зоонимом *собака*. В ПТ мы видим устойчивое сочетание *vivre comme les derniers chiens*, представляющее собой измененную ФЕ *vivre comme un chien* (вести разгульную жизнь, погрязнуть в разврате, досл. жить как собака), которое полностью передает отрицательную оценочность и экспрессивность исходной ФЕ.

Таким образом, за счет передачи устойчивых сочетаний в ИТ устойчивыми сочетаниями в ПТ с заменой «своим» или сохранением «чужого» образа, с сохранением или нейтрализацией стилистической составляющей, с поправкой на французский «коэффициент» нормы, достигается фразеологическая симметрия двух текстов.

2. Межуровневая реноминация

Заключается в передаче разговорных и просторечных ФЕ свободными сочетаниями с функционально-стилистически маркированными единицами других языковых уровней. Данный тип реноминации используется в случае, если по каким-либо причинам недопустимо воспроизвести в ПТ устойчивое сочетание, однако возможным представляется сохранение стилистической (разговорной, просторечной) окраски, например: ИТ: *А денег у меня – кот наплакал* [5]. / ПТ: *Or, comme argent, j'ai des clopinettes* [24, p. 13]. Здесь реноминация разговорного устойчивого сочетания осуществляется через свободное сочетание и ЛЕ *clopinettes* (ничегошеньки, пустяки) с пометой *populaire*.

Ср. также: ИТ: *Я женщина грамотная, а вот хожу без зубов* [4, с. 75]. / ПТ: *Moi, une femme instruite, il faut que j'me balade avec quatre dents en moins* [20, p. 112]! В данном примере разговорный характер устойчивого сочетания ИТ реноминируется на фонетическом уровне путем элизии гласной в субъектном местоимении *je* (я), что является маркером разговорной французской речи.

Таким образом, межуровневая реноминация позволяет сохранить в ПТ стилистическую маркированность контекста, при утрате фразеологического компонента.

3. Комплексная реноминация

Представляет второй по количеству выделенных примеров способ реноминации, при котором контексты, содержащие стилистически и функционально маркированные ФЕ и стилистически окрашенные единицы других языковых уровней, реноминируются через контексты, содержащие стилистически и функционально маркированные ФЕ или свободные сочетания и стилистически маркированные единицы других языковых уровней, например: ИТ: – *От горшка два вершка, а уже рассуждать научился* [4, с. 96]!.. / ПТ: *C'est pas plus haut que trois pommes et ça veut déjà raisonner* [20, p. 150]! Здесь реноминация разговорной ФЕ осуществляется как на фразеологическом уровне через ФЕ *haut comme trois pommes* (от горшка два вершка, досл. высотой с три яблока) с пометой *familier*, так и на синтаксическом уровне через опущение первого компонента отрицания *ne*.

Приведем еще один пример. ИТ: *Мало ли делов на свете у среднего человека* [5]! / ПТ: *Il en a des trucs à faire, Monsieur tout-le-monde* [24, p. 141]! В данном случае идиоматичность в ПТ передается «своими» устойчивыми сочетаниями *avoir à faire* (быть занятым), *monsieur tout-le-monde* (обыкновенный, средний человек, досл. господин-все), разговорная окраска, выраженная в ИТ ошибочным падежным окончанием у существительного *делов*, передается в ПТ через ЛЕ *trucs* (штука, вещь) с пометой *familier* и местоименную репризу *il* (он) = *monsieur* (господин).

Рассмотрим еще один случай. ИТ: *...у черта на куличках, у бороды на клине* [4, с. 89]! / ПТ: *Au diable vauvert, au fin fond de l'enfer* [20, p. 139]! Здесь на фразеологическом уровне происходит реноминация через полные семантические и стилистические эквиваленты *у черта на куличках* = *au diable vauvert*. Так, ЛЕ *vauvert* входит только в состав данной ФЕ, не имея самостоятельного употребления и значения, которое этимологически, предположительно, можно вывести из сочетания *aller au vert, se mettre au vert* (отправляться за город, в деревню) [19], что соответствует русской ЛЕ *кулички* – «болотистые, отдаленные, глухие места в лесу (которые, согласно народным поверьям, населены нечистой силой)» [12]. Индивидуально-авторская ФЕ *у бороды на клине* реноминируется через словарную ФЕ *au fin fond de l'enfer* (досл. на самой глубине ада), кроме того, в ПТ добавляется компонент фонетического уровня – рифма, отсутствующая в ИТ, что несомненно усиливает экспрессивную составляющую фразеологизма.

4. Частичная реноминация

Третий по частотности использования в нашем анализе способ реноминации представляет собой, как следует из его названия, частичную передачу в ПТ стилистически и функционально маркированных устойчивых сочетаний, а также разговорно-просторечных элементов других языковых уровней, входящих в анализируемый контекст, например: ИТ: *Не стоять же, – думаю, – над его душой* [5]. / ПТ: *Enfin, pensai-je, je ne vais quand même pas l'emmerder éternellement* [24, p. 18]! Здесь в ПТ не находит своего отражения разговорная частица *же*, а реноминация устойчивого разговорного сочетания *стоять над душой* осуществляется через свободное сочетание *emmerder éternellement* (вечно надоедать, докучать до бесконечности), где ЛЕ *emmerder* дается с пометой *très familier*.

Интересным представляется случай передачи фразеологизма через антономазию, ср.: ИТ: – *Брось считать, что ты выше других* [4, с. 29]... / ПТ: – *Cesse de faire le Byron* [20, p. 32]... Разговорная частица *брось* не нашла своего отражения в ПТ, однако сочетание *считать себя выше других* очень удачно, на наш взгляд,

реноминируется через индивидуально-авторский фразеологизм *faire le Byron* (вести себя как Байрон). Он органично встроился в ПТ, отражая общую интертекстуальную стилистику произведения «Москва – Петушки», главный герой которого наряду с разговорными и просторечными выражениями зачастую использует аллюзии, отсылки к классическим произведениям, к известным авторам.

К частичному способу реноминации мы также отнесли случаи калькирования ФЕ из ИТ, поскольку кальки, будучи репрезентантами «чужой» лингвокультуры, не всегда гармонично встраиваются в текст перевода. В основном это относится к переносу русских фразеосинтаксических схем во французский текст, например: ИТ: *Ну, заплатил – и заплатил* [5]. / ПТ: *Bon il a payé – il a payé* [24, p. 105]. ИТ: *...была такая фляга не фляга* [5]... / ПТ: *...il y avait une espèce de fiole pas fiole* [24, p. 62]... В данных примерах фразеосхема, представляющая собой лексико-синтаксический повтор, несмотря на передачу семантики и разговорной стилистики, является неестественной для принимающего французского языка. Тем не менее есть примеры калек, исполняющихся «при «оживлении» образа» [2, с. 195], когда «достаточная мотивированность значения ФЕ значениями ее компонентов» [Там же, с. 194] позволяет передать как семантико-стилистическую составляющую, так и эмоционально-экспрессивную. Так, в следующем примере: ИТ: *...без телефона как без рук* [5]. / ПТ: *...c'est comme si on n'avait pas de bras* [24, p. 33] (досл. как если бы у нас не было рук) – значение калькированного фразеологизма, вычленяемое из входящих в его состав компонентов, понятно для французского читателя: отсутствие руки подразумевает беспомощность, невозможность что-либо сделать.

Таким образом, при способе частичной реноминации наблюдается сокращение переданных компонентов во французском тексте, что тем не менее не всегда ведет к нейтрализации импрессивной эквивалентности текстов ИТ и ПТ.

5. Нулевая реноминация

Представляет собой способ передачи стилистически и функционально маркированных ФЕ в сочетании с разговорными элементами других языковых уровней через свободные немаркированные сочетания, например: ИТ: *Но что хорошо в буржуазных странах, то у нас иногда выходит боком* [5]. / ПТ: *Mais ce qui est bon pour les pays bourgeois, est parfois dénaturé chez nous* [24, p. 81]. Как видим, разговорное устойчивое сочетание передается через стилистически не маркированную и не идиоматичную ЛЕ *dénaturé* (искаженный).

Данный нефразеологический и стилистически нейтральный способ реноминации представляет лишь единичные случаи, что не приводит к значимым стилистическим и экспрессивным потерям при передаче ФЕ, тем более что эти потери могут быть восполнены, поскольку существует и обратный процесс: «...синонимичность идиомы слову в номинативном значении или переменному сочетанию» [16, с. 188] позволяет использовать ее в тексте перевода там, где в оригинале слово представлено без признаков идиоматики, например: ИТ: *Умывшись, на вторые сутки Захар Павлович явился снова* [11, с. 25]. / ПТ: *Le lendemain, propre comme un sou neuf, Zakhar Pavlovitch reparut* [22, p. 38]. В данном случае ЛЕ *умывшись* лишена всякого оттенка идиоматичности, тем не менее, органично встраиваясь в условия контекста ПТ, она реноминируется через устойчивое сочетание с национальным компонентом: *propre comme un sou neuf* (чистый, как стеклышко, досл. чистый как новый су (старинная денежная единица Франции)).

Отдельно рассмотрим примеры ФЕ, в состав которых входит национально-культурный компонент, поскольку передача именно этой категории зачастую вызывает наибольшие сложности. Так, переводчик оказывается перед выбором: сохранить культурную и национальную составляющую, а также исходный образ идиомы посредством калькирования, использовать ФЕ принимающего языка с заменой «чужого» национального образа на близкий для читателя, создать индивидуально-авторский фразеологизм-эквивалент или же прибегнуть к описательному переводу, сохранив, если возможно, стилистическую и экспрессивную разговорную окраску. Национально окрашенные ФЕ с культурным или историческим компонентом передаются посредством:

– **внутриуровневой реноминации**: ИТ: *...прописал ижицу* [5]. / ПТ: *Il leur a fait la leçon* [24, p. 24]. Содержащаяся в ФЕ ЛЕ *ижица*, последняя буква церковнославянской и старой русской азбуки [15], представляет собой реалию, референт которой отсутствует в принимающей культуре, однако поскольку в «концептосферах разных этнических сообществ больше сходства, чем в их языковых картинах мира, которым фразеологические обороты наряду с другими языковыми единицами придают национальную окраску» [7, с. 188], передача данной разговорной, шуточной ФЕ становится возможной посредством стилистически нейтрального устойчивого сочетания *faire la leçon* (преподать урок).

Интересным представляется следующий пример передачи **фразеосинтаксической схемы** с историческим компонентом: ИТ: *Нэн так нэн* [5]. / ПТ: *A la NEP comme à la NEP* [24, p. 81]. В данном примере реноминация осуществляется путем замены компонента в «своем» устойчивом сочетании *à la guerre comme à la guerre* (на войне как на войне) на реалию советской действительности NEP, которая ранее в произведении поясняется метатекстовой сноской;

– **комплексной реноминации**: ИТ: – *А ты тоже с мешком живешь* [11, с. 185]? / ПТ: *Toi aussi vie de ton sac* [22, p. 204]?* Здесь метафоричное устойчивое сочетание реноминируется через кальку с ИТ *vivre de son sac* (досл. жить за счет своего мешка), сопровождающуюся метатекстовой сноской: **on nomme porte "sac" (mechotchniki) les paysans qui revendaient à la ville les denrées qui y manquaient* (мешочниками называли крестьян, продающих городским жителям продовольственные товары). За счет чего происходит передача идиоматичности с сохранением культурно-исторического компонента;

– **частичной реноминации**: ИТ: – *Да и кошка, мол, тоже небольшая барыня* [9, с. 404]. / ПТ: *Une chatte, ce n'est pas une grosse légume non plus* [21, p. 36]. В данном случае реноминация индивидуально-авторского фразеологизма *небольшая барыня*, содержащего культурно-исторический компонент, осуществлена

на фразеологическом и стилистическом уровнях через ФЕ *une grosse légume* (важная персона, начальство, досл. крупный овощ) с пометой *familier*. Реноминация в данном случае частичная, так как в ПТ не нашли своего отражения разговорные частицы *да и, мол*;

– **нулевой реноминации**: ИТ: *Никого я к нему не посылал, а все только шел Христовым именем без грошика медного* [9, с. 407]. / ПТ: *Je ne lui envoie personne, et je chemine vers Nikolaev en demandant la charité* [21, р. 36]. В данном контексте не реноминируется ни фразеологическая, ни стилистическая составляющие, так, важное для крестьянского мировоззрения понятие – надежда на помощь высших сил, отраженная в ФЕ *идти Христовым именем*, передается через стилистически нейтральный глагол *cheminer* (медленно и долго идти пешком).

Выводы: в ходе анализа нами были выделены 84 контекста, содержащих разговорные ФЕ. Сопоставительный анализ реноминированных форм разговорных устойчивых сочетаний ИТ и ПТ показал, что переводной художественный текст органично и естественно отражает содержательную, стилистическую и идиоматическую сторону оригинала средствами принимающего (в данном случае – французского) языка через внутривербную реноминацию (29 случаев), позволяющую сохранить идиоматичность и, в некоторых случаях, стилистическую окраску ПТ; межуровневую реноминацию (6 случаев), за счет которой сохраняется функционально-стилистика ПТ; комплексную реноминацию (24 случая), сочетающую средства разных языковых уровней для передачи компонентов ФЕ, и частичную реноминацию (21 случай), когда при сокращении отраженных в ПТ идиоматических и стилистических компонентов тем не менее сохраняется импрессивная эквивалентность ИТ и ПТ. Единичные случаи нулевой реноминации (4 случая) лишь подтверждают широкие и разнообразные реноминативные возможности французского языка.

Проведенные исследования способов реноминации разговорно-просторечных единиц фонетического и лексического уровней на материалах французских переводных текстов определяют **перспективу дальнейших исследований** применительно к стилистическому и грамматическому уровням языка.

Список источников

1. Балли Ш. Французская стилистика. Изд-е 2-е, стереотипное. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 392 с.
2. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Р.Валент, 2006. 360 с.
3. Дьячок М. Т. Русское просторечие как социолингвистическое явление // Гуманитарные науки. 2003. Вып. 21. С. 102-113.
4. Ерофеев В. Москва – Петушки [Электронный ресурс] / с комм. Э. Власова. М.: Вагриус, 2001. 584 с. URL: https://imwerden.de/pdf/erofeev_moskva-petushki_s_kommentariyami_vlasova_2001__ocr.pdf (дата обращения: 10.10.2020).
5. Зошенко М. М. Избранное [Электронный ресурс]. URL: https://thelib.ru/books/zoschenko_mihail/izbrannoe.html (дата обращения: 11.10.2020).
6. Кравцов С. М. Теоретические основы исследования русской и французской фразеологии: лингвокультурологический аспект. Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2014. 107 с.
7. Кравцов С. М. Фразеология в контексте концептуального описания мира (на примере русского и французского языков) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2008. Вып. 3. Ч. 2. С. 184-189.
8. Кретов А. А., Фененко Н. А. Реноминация как проблема переводоведения // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2011. № 2. С. 154-157.
9. Лесков Н. С. Собрание сочинений [Электронный ресурс]: в 11-ти т. М.: ГИХЛ, 1957. Т. 4. 561 с. URL: https://imwerden.de/pdf/leskov_sobranie_sochineny_v_11_tomakh_tom04_1957__ocr.pdf (дата обращения: 09.10.2020).
10. Николаев С. Г. Художественный перевод как акт создания нового текста в новом (ином) культурно-языковом пространстве // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2016. Т. 1. № 3. С. 101-118.
11. Платонов А. Чевенгур: роман; Котлован: повесть [Электронный ресурс] / под ред. Н. М. Малыгиной. М.: Время, 2011. 608 с. URL: https://imwerden.de/pdf/platonov_sobranie_tom3_chevengur_kotlovan_2011_text.pdf (дата обращения: 09.10.2020).
12. Современный толковый словарь русского языка Ефремовой [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/276084/кулички> (дата обращения: 11.10.2020).
13. Степанов Ю. С. Французская стилистика (в сравнении с русской): учебное пособие. Изд-е 3-е, стереотипное. М.: Эдиториал УРСС, 2003. 360 с.
14. Стернин И. А., Фененко Н. А. Импрессивная эквивалентность текста и языковое сознание носителей языка // Вопросы психолингвистики. 2018. № 38. С. 72-81.
15. Толковый словарь Ожегова [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/70914> (дата обращения: 15.10.2020).
16. Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): для институтов и факультетов иностр. языков: учеб. пособие. Изд-е 5-е. СПб. – М.: Филологический факультет СПбГУ; ФИЛОЛОГИЯ ТРИ, 2002. 416 с.
17. Фененко Н. А., Кретов А. А. Переводоведение: проблемы и решения // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2002. № 1. С. 61-65.
18. Blanche-Benveniste C., Jeanjean C. Le Français parlé. P.: Didier, 1987. 264 p.
19. Centre national de ressources textuelles et lexicales [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cnrtl.fr> (дата обращения: 11.10.2020).
20. Erofeiev V. Moscou-sur-Vodka. P.: Albin Michel, 2015. 208 p.
21. Leskov N. Le Pèlerin enchanté suivi de Aux confins du monde [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bookeenstore.com/ebook/9782371240827/le-pelerin-enchante-aux-confins-du-monde-voyages-a-travers-la-russie-nikolai-leskov> (дата обращения: 15.12.2016).

22. **Platonov A.** Tchevengour. P.: Robert Laffont, 1996. 432 p.
23. **Ter-Minasova S.** Challenges of intercultural communication: A view from Russia // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 4. С. 9-19.
24. **Zochtchenko M.** Contes de la vie de tous les jours: nouvelles satiriques soviétiques des années 1920 / traduit du russe par M. Davidenkoff. Montricher (Suisse): Les éditions Noir sur Blanc, 1987. 150 p.

Ways of Colloquial Phraseological Unit Renomination in the French Literary Translations

Lapaeva Evgeniya Yurievna
Voronezh
e.lapaeva@icloud.com

The paper aims to identify ways of colloquial phraseological unit renomination in the French translated texts. Scientific novelty lies in shifting the researcher's attention from studying translations of foreign texts into Russian to studying translations of the Russian texts into the foreign language; in providing a comprehensive representation of ways of colloquial phraseological unit rendering at the text level and from the standpoint of the renomination theory in translated texts of the narrative genre, which are characterised by a high degree of national colour. As a result, the researcher has identified intra-level, cross-level, complex, partial and zero ways of renomination, which allow conveying idiomatic, content, stylistic and impressive aspects of phraseological units of an original text using means of the French language.

Key words and phrases: renomination; colloquial phraseological units; popular speech; French translated literary text.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.35>

Дата поступления рукописи: 05.11.2020

Статья посвящена исследованию концепта LANGUE/ЯЗЫК в языковой ментальности французов. Цель исследования состоит в определении содержания изучаемого концепта. Репрезентируя сложное социальное явление – естественный язык, концепт LANGUE/ЯЗЫК не получил должного научного внимания в романистике. Научная новизна работы заключается в определении структуры исследуемого концепта во французском языковом сознании. основополагающим принципом исследования является синхронное описание языковых явлений. В результате исследования, основывающегося на идеях З. Д. Поповой и И. А. Стернина, выявлены базовые и периферийные, а также универсальные и специфические, национально-культурные содержательные значения концепта LANGUE/ЯЗЫК.

Ключевые слова и фразы: концепт LANGUE/ЯЗЫК; концептуальный признак; ядро концепта; периферия концепта; концептуальная картина мира.

Салихова Оксана Константиновна
Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск
oksalikhova@yandex.ru

Содержательная структура концепта ЯЗЫК в языковой ментальности французов

Актуальность данного исследования обусловлена непреходящим антропоцентрическим развитием лингвистической науки и появлением прикладных дисциплин, дающих новый импульс для исследования концептов. Так, если лингвокогнитология была сфокусирована на выявлении общих закономерностей в формировании ментальных представлений, ориентированных на вектор «от концепта к языку», то лингвокультурология определяет концепт как базовую единицу культуры, связующую ее с языком и ментальностью. В этой перспективе изучение концептов способно пролить свет на вопросы взаимосвязи и взаимовлияния языковых и культурных явлений и процессов.

Интерес к исследованию концепта LANGUE/ЯЗЫК обусловлен тем, что он репрезентирует сложнейшее социальное явление. Естественный язык – это всеобъемлющая и всеобщая исторически сложившаяся система средств общения, обслуживающая общество во всех сферах его деятельности. По мнению В. И. Кодухова, «будучи орудием обмена мыслями и закрепления их для потомства, язык как форма национальной культуры непосредственно связан с сознанием и мышлением» [4, с. 17]. Поскольку язык является основным средством общения, он неотделим от любого проявления социального бытия человека, изучение концепта LANGUE/ЯЗЫК способствует пониманию особенностей языковой ментальности французов.

Для достижения поставленной цели исследования необходимо решить следующие *задачи*: во-первых, определить семантическую структуру слова-репрезентанта концепта ЯЗЫК по данным лексикографии; во-вторых, выявить и описать структуру концепта LANGUE/ЯЗЫК, актуализированную французскими фразеологическими единицами (ФЕ).

Для реализации данных задач применяются следующие **методы исследования**: используется концептуальный анализ, который включает в себя анализ словарных дефиниций и исследование материала фразеологических единиц.

Теоретической базой исследования для определения понятия «концепт» послужили работы А. П. Бабушкина [1] и В. И. Карасика [3]. Для изучения структуры концепта использовались труды З. Д. Поповой и И. А. Стернина [7]. Методы изучения концептов рассмотрены в трудах Н. В. Крючковой [6] и А. Г. Бердниковой [2].

Практическая значимость проведенного исследования состоит в возможности использования полученных результатов в учебных курсах по лексикологии, лингвокультурологии, переводу, а также при составлении страноведческих словарей и широкой практике преподавания французского языка с целью совершенствования образовательного процесса.

Основная часть содержания концепта, общепринятое у носителей языка представление о том или ином предмете действительности содержится в лексеме. При концептуальном анализе важно учитывать не только ядро концепта, его базовый слой, который содержит в себе первичные, наиболее яркие образы и характеристики, но и периферию концепта, более абстрактные признаки, которые формируются вокруг ядра [7, с. 56].

Ядро концепта составляют зафиксированные в словарях дефиниции. Таким образом, анализ словарных дефиниций слова «язык» позволяет выявить базовые значения данной языковой единицы, т.е. основу концепта ЯЗЫК [5].

Исследование, проведенное на материале современных франкоязычных толковых словарей *Le Nouveau Petit Robert* [10], *Le Petit Larousse* [11] и *Dictionnaire Hachette* [9], показывает, что концепт LANGUE/ЯЗЫК, репрезентируемый во французском языке с помощью ключевой лексемы «langue/язык», имеет следующие базовые признаки:

а) мясистое, вытянутое, подвижное тело, расположенное в ротовой полости, которое у людей является одним из главных органов речи;

б) все, что имеет вытянутую узкую форму. Например: язык огня;

в) язык некоторых животных (бык, теленок), используемый для разных целей;

г) низинная часть ледниковой долины, имеющая четкую форму реки (географ.);

д) система знаков звуковых и графических, свойственная сообществу индивидов, которые используют ее для общения между собой;

е) абстрактная система, лежащая в основе актов речи;

ж) свод правил, касающийся различных составляющих лингвистической системы;

з) манера говорить, изъясняться, рассматриваемая по отношению к слушающим. Например: богатый язык, бедный язык;

и) система выражений, используемая определенной социальной или профессиональной группой (язык коллегии адвокатов), одним человеком (язык Виктора Гюго);

к) особая манера выражаться, вдохновленная каким-либо чувством. Например: язык любви;

л) невербальный способ выражения, используемый артистом для передачи своих мыслей или чувств. Например: язык Ван Гога;

м) любая знаковая система.

Выявленные концептуальные признаки объединяются в базовые слои, сформированные вокруг лексемы-репрезентанта, в последовательности от менее абстрактных к более абстрактным: язык – орган человека или животного, язык – объект окружающей среды, имеющий сходную форму с языком-органом, язык – система знаков, служащая для разнообразных видов коммуникации. При этом последний базовый слой во французской концептосфере содержит наибольшее количество признаков, объективирующих концепт LANGUE/ЯЗЫК как систему, как свод правил, как вербальное индивидуальное/коллективное средство коммуникации, как невербальный способ общения.

Заметим, что данная базовая структура концепта LANGUE/ЯЗЫК, содержащая в себе первичные, наиболее яркие образы и характеристики, свидетельствует, скорее, об ее универсальности, свойственной не только франкоязычной ментальности, но и другим национально-культурным концептосферам. Сравним: в русском языке «языки пламени» и во фр. языке “langue du feu”, что обозначает узкую и вытянутую форму пламени. Еще один пример: лексема «язычок» в русском языке, обозначающая часть обуви, и выражение “langue glaciaire” (выступающий ледник в форме языка) получили в обоих языках свое название на основе сходства с языком-органом.

Обратимся к анализу фразеологических единиц (всего 79 ФЕ), содержащих лексему «язык» и отобранных методом сплошной выборки из «Французско-русского фразеологического словаря» под редакцией Я. И. Рецкера [8], анализ которых, согласно нашей гипотезе исследования, позволит выявить «другие концептуальные признаки... периферийные, скрытые, вероятностные, ассоциативные семы» [7, с. 21], нашедшие свою объективацию во фразеологических единицах французского языка.

В ходе анализа ФЕ было установлено, что большая часть из них (всего 62 ФЕ) репрезентирует концептуальный признак «индивидуальное/коллективное использование в речи языковой системы», относящийся к базовому слою «язык – система знаков, служащая для разнообразных видов коммуникации». Этот факт свидетельствует о том, что в языковой ментальности французов язык главным образом выполняет функцию общения.

Меньшая часть (всего 17 ФЕ) репрезентирует объект окружающей среды, только в единичных случаях схожий с языком-органом по форме. Эта группа не рассмотрена в рамках данной публикации. Среди ФЕ первой группы выявлены дополнительные, периферийные содержательные признаки концепта ЯЗЫК, представленные в Таблице 1.

Таблица 1. Репрезентация концепта LANGUE/ЯЗЫК во фразеологических единицах французского языка

Группа, репрезентирующая базовый слой концепта	Дополнительные, содержательные признаки	Количество ФЕ
1. Язык – средство коммуникации	Индивидуальные и физиологические особенности речи	12
	Болтливость	20
	Злословие	11
	Красноречие	8
	Молчание	11
2. Язык – объект/явление окружающей действительности	В статье не рассматриваются	17

Установлено, что дополнительными содержательными признаками концепта ЯЗЫК являются «болтливость», «злословие», «красноречие», «индивидуальные, физиологические особенности речи» и «молчание», которое языковой менталитет французов воспринимает как обратную сторону вербальной коммуникации – ее отсутствие. Очевидно, что данные периферийные значения концепта связаны не с языком – системой, используемой в коммуникации, а с индивидуальными особенностями человека – участника коммуникации и служат для его характеристики.

Периферийный содержательный признак «болтливость» объективирован во французских ФЕ (всего 20 единиц) такими значениями, как излишняя говорливость: *Sa langue lui va comme un claquet de Moulin. Sa langue lui va comme la navette d'un tisserand.* / У него язык без костей. У него язык как трещотка; неумение хранить секреты: *Mal gouverner sa langue.* / Плохо управлять своим языком. *Ne pas savoir conduire sa langue.* / Быть несдержанным на язык. *Ne uметь держат язык за зубами. Avoir la langue bien (или trop) longue.* / Что на уме, то и на языке; задача пустых обещаний: *Donner du plat de la langue.* / Давать пустые обещания. *Faire tirer la langue à qn.* / Кормить обещаниями. В высказывании *Il vaut mieux glisser du pied que de la langue.* / Лучше подвернуть ногу, чем ляпнуть лишнее подчеркивается, что неудачно сказанное слово способно испортить репутацию человеку, что в сознании народа воспринимается хуже физического дискомфорта. *Male langue en enfer mène.* / Плохой язык ведет в ад. В данной пословице образно показывается, что необдуманные слова могут стоить человеку очень дорого. Во ФЕ *Ce que le sobre tient au coeur – est sur la langue du buveur.* / Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке речь идет о том, что человек под воздействием алкоголя становится более разговорчивым, менее зависимым от социальных условностей и способен сказать то, что в трезвом состоянии предпочел бы сохранить в тайне. Во фразеологических единицах закрепилось понимание того, что иногда люди хотят удивить других и привлечь их внимание громкими фразами, за которыми ничего не стоит: *Faire merveilles du plat de la langue* (разглагольствовать, краснобайствовать).

Следующее выявленное периферийное значение «красноречие» исследуемого концепта объективировано в восемь ФЕ: *Avoir la langue acérée. Avoir la langue bien pendu. Avoir la langue déliée. Avoir la langue dénouée. Avoir la langue preste.* / Иметь хорошо подвешенный язык. Данные выражения используются французами для характеристики красноречивого человека, зачастую прибегающего в своей речи к сарказму и язвительности. ФЕ *Ne pas avoir sa langue dans sa poche.* / За словом в карман не полезет имеет значение, сходное с предыдущими выражениями, так как характеризует человека, способного легко ответить на любую реплику, человека, который может свободно говорить с любым собеседником. ФЕ *Qui langue a, à Rome va.* / Язык до Рима доведет указывает на то, что разговорчивый человек может добиться всего посредством слов и переговоров. Выражение *Avoir la langue dorée.* / Иметь золотой язык означает способность говорить увлекательно и очаровывать своего собеседника речью.

Периферийное значение «злословие» концепта LANGUE/ЯЗЫК широко репрезентируемо во французских ФЕ. Данная группа включает в себя одиннадцать единиц. Поскольку злословие является аморальным с точки зрения нравственности, человек, совершающий данное действие, во фразеологических единицах характеризуется негативно: *Langue de serpent. Langue de vipère.* / Ядовитый язык. Отрицательный характер явления в данных выражениях подчеркивается использованием атрибутивного определения *serpent, vipère* (змея, гадюка). Для этой же цели используются качественные прилагательные и наречия с соответствующей негативной коннотацией: *Langue effilée. Mauvaise langue. Méchante langue.* / Злой язык, сплетник. Согласно французской пословице *La langue n'a ni grain ni os, et rompt l'échiné et le dos.* / Не ножа бойся, а языка. Слово не стрела, а пуце стрелы разит, вред от сплетен и пересудов может быть весьма значительным. Вред от злословия сравнивается с физическими увечьями. Слова могут ранить сильнее любого оружия, морально уничтожить человека. ФЕ *Un coup de langue est (souvent) pire qu'un coup de lance.* / Злые языки страшнее пушечного выстрела свидетельствует, что неосторожно сказанное слово или замечание может иметь большой разрушительный эффект: перенести колкость в свой адрес гораздо сложнее, чем перенести физическую боль.

Процесс злословия также нашел отражение во французских фразеологических единицах: *Faire aller les langues* (вызывать толки, пересуды). *Passer qn au fil de la langue* (перемывать чьи-либо кости). В отличие от предыдущих примеров, данные выражения не имеют столь ярко-выраженной отрицательной окраски, они скорее призваны дать название процессу пересудов, обсуждений. Кроме этого, ФЕ *Etre sujet aux langues* (быть предметом злословия, чьих-либо пересудов) объективирует ситуацию, в которой находится подвергаемый злословию человек.

Следующая группа ФЕ (всего 12 единиц) репрезентирует периферийные значения «индивидуальные и физиологические особенности языка индивида»: *Avoir la langue grasse* (картавить). *Avoir un cheveu sur la langue* (говорить заплетаясь языком). В данной группе присутствуют несколько ФЕ, характеризующих

медленную, неразборчивую речь: *Langue emâtée. Langue pâteuse. Langue épaisse (заплетающийся язык). Avoir la langue mêlée (не вязать / не ворочить языком/льком)*. Кроме того, ФЕ данной группы характеризуют языковую манеру и индивидуальный стиль: *Prendre la langue de qn. (говорить, выразиться в манере кого-либо, в духе кого-либо). Parler une langue de bois (распекаться мыслью по дереву, пространно изъясняться)*.

Анализ ФЕ показывает, что во французском менталитете вербальная коммуникация и ее отсутствие рассматриваются как две стороны одного процесса. Одиннадцать ФЕ репрезентируют периферийное значение «молчание»: *Etre maître de sa langue (держат язык за зубами). Tenir sa langue (помалкивать). N'avoir point de langue. Avoir la langue liée. Avoir la langue morte (не болтать, хранить молчание, молчать как рыба)*. В данных ФЕ репрезентируется тот факт, что человек может сам решить хранить молчание, взвешивать каждое слово, чтобы не сказать лишнего и хранить тайну, а может быть вынужден это делать под воздействием других лиц или обстоятельств: *Clouer la langue à qn (заставить замолчать). Lier la langue (мешать говорить, сковывать уста)*. ФЕ *Avoir un bœuf sur la langue (молчать)* обозначает хранение тайны, но имеет более экспрессивную окраску и обозначает молчание по принуждению. ФЕ *Se mordre la langue. Mettre sa langue dans sa poche (прикусить язычок)* означают замолчать, умолкнуть внезапно, резко оборвав речь, что происходит либо из-за опасения проговориться, сказать лишнее, либо из-за осознания того, что тайна уже стала явью в результате оговорки. Существуют выражения, которые призваны охарактеризовать молчание под воздействием другого лица, молчание принудительное: *Clouer la langue à qn (заставить замолчать). Lier la langue (мешать говорить, сковать уста)*.

Проведенное исследование позволило сделать **выводы** о том, что базовые признаки концепта LANGUE/ЯЗЫК, объективированные в лексеме-репрезентанте «язык», отражают представления французов о языке как об органе человека или животного, о языке как объекте окружающей среды и о языке как системе знаков, служащей для коммуникации. При этом последний базовый слой содержит наибольшее количество признаков, объективирующих концепт LANGUE/ЯЗЫК как систему, как свод правил, как вербальное индивидуальное/коллективное средство коммуникации и как невербальный способ общения. Этот факт свидетельствует о том, что в языковой ментальности французов язык главным образом выполняет функцию общения. Дальнейший анализ данного базового слоя на материале ФЕ позволил выделить периферийные признаки концепта, среди которых фигурируют болтливость, красноречие, злословие, молчание, некоторые индивидуальные и физиологические особенности речи. Данные периферийные значения показывают, что во французской концептосфере «язык» служит для характеристики моральных и физиологических особенностей самого человека.

Перспектива исследования заключается в дальнейшем изучении ФЕ, репрезентирующих другие базовые слои концепта: язык – орган человека или животного, язык – объект окружающей среды, с целью выявления дополнительных значений, свойственных национально-культурной концептосфере французов.

Список источников

1. **Бабушкин А. П.** Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж: ВГУ, 1996. 104 с.
2. **Бердникова А. Г.** Концепт «благодарность» в русской языковой картине мира // Проблемы интерпретационной лингвистики: межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск: НГПУ, 2000. С. 34-42.
3. **Карасик В. И.** Языковой круг: личность, концепт, дискурс. М.: Гнозис, 2002. 390 с.
4. **Кодухов В. И.** Введение в языкознание. М.: Просвещение, 1987. 288 с.
5. **Крюкова Г. А.** Концепт. Определение объема содержания понятия [Электронный ресурс]. URL: https://lib.herzen.spb.ru/text/kryukova_10_59_128_135.pdf (дата обращения: 26.10.2020).
6. **Крючкова Н. В.** Методы изучения концептов // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: Международная научная конференция, посвященная 200-летию Казанского университета (г. Казань, 4-6 октября 2004 г.): труды и материалы / под общ. ред. К. Р. Галиуллина. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. С. 271-272.
7. **Попова З. Д., Стернин И. А.** Семантико-когнитивный анализ языка: монография. Воронеж: Истоки, 2007. 250 с.
8. **Рецкер Я. И.** Французско-русский фразеологический словарь. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1963. 1112 с.
9. **Dictionnaire Hachette** / J.-P. Mével. P.: Ed. Hachette livre, 2006. 1858 p.
10. **Le Nouveau Petit Robert** / P. Robert. P.: Ed. Petit Robert, 2003. 2949 p.
11. **Le petit Larousse illustré en couleurs** / sous la dir. de B. Eveno; ed. par M. Legrain. P.: Ed. Larousse, 1999. 1784 p.

Content Structure of the Concept LANGUAGE in Language Mentality of the French

Salikhova Oksana Konstantinovna
Pacific State University, Khabarovsk
oksalikhova@yandex.ru

The article is devoted to studying the concept LANGUE/LANGUAGE in language mentality of the French. The purpose of the study is to determine the content of the considered concept. Although the concept LANGUE/LANGUAGE represents a complex social phenomenon – a natural language, it has not received due attention in the Romance studies. Scientific novelty of the work lies in determining the structure of the studied concept in the French linguistic consciousness. The fundamental principle of the research is a synchronic description of language phenomena. As a result of the study, basing on Z. D. Popova's and I. A. Sternin's ideas, basic and peripheral, as well as universal and specific, national-cultural content meanings of the concept LANGUE/LANGUAGE are identified.

Key words and phrases: concept LANGUE/LANGUAGE; conceptual feature; concept core; concept periphery; conceptual worldview.

ПРАВИЛА НАПРАВЛЕНИЯ, РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ И ОПУБЛИКОВАНИЯ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

1. Для опубликования научной статьи автор готовит заявку в издательство. Заявка включает рукопись статьи, подготовленную в соответствии с требованиями к оформлению, сопроводительное письмо со сведениями об авторах, дополнительные документы.

2. Заявка на публикацию направляется по электронной почте редактору соответствующего издания.

3. Направляя заявку, автор соглашается с условиями договора об опубликовании печатных материалов, другими условиями и требованиями, опубликованными на сайте издательства, обязуется соблюдать этику научных публикаций, принятую в издательстве, гарантирует, что направляемые материалы не публиковались ранее и не находятся на рассмотрении в других изданиях, при их подготовке соблюдены права других лиц, материалы содержат все необходимые цитирования. Автор осознает, что статья, опубликованная с нарушением этики, подлежит отзыву в соответствии с порядком, принятым в издательстве.

4. Срок предварительного рассмотрения заявки редактором – до 3-х рабочих дней. Редактор проверяет соответствие статьи тематике издания, соблюдение автором требований к оформлению, наличие необходимых ссылок на источники из списка литературы, выясняет уровень заимствований, оценивает структуру и формат статьи, язык и стиль изложения. При необходимости, редактор вправе попросить внести коррективы либо отклонить заявку с указанием причины.

5. При отсутствии замечаний на предварительном этапе рассмотрения редактор направляет рукопись на рецензирование. Экспертная оценка статьи осуществляется в соответствии с порядком рецензирования, принятым в издательстве.

Рецензентов определяет редактор журнала. Повторное рецензирование (контроль устранения замечаний) осуществляют рецензенты, проводившие первичное рецензирование.

Рецензент оценивает научный уровень материала (актуальность, научная новизна, теоретическая/практическая значимость, постановка проблемы, формулирование заключения и аргументированность выводов, выбор источников и т.д.); уровень изложения материала (соответствие названия статьи её содержанию, соответствие аннотации содержанию статьи, соответствие размера статьи её содержанию, выбор ключевых слов и фраз, логика, взаимосвязанность и качество изложения материала и т.д.). При необходимости каждая оценка сопровождается развернутым комментарием рецензента. Автор может не согласиться с отдельными рекомендациями рецензента. В этом случае он может подготовить аргументированные возражения.

Рецензирование научных материалов с учетом времени, необходимого авторам на доработку статей по замечаниям рецензентов, а также на повторную экспертизу рукописей, может составлять один месяц и более.

6. Редакция принимает решение о публикации статей, основываясь на выводах рецензентов. Статья может быть принята к публикации, направлена автору на доработку (с развернутыми рекомендациями), отклонена (отказ обязательно обосновывается). Решение редакции доводится до сведения автора.

7. В случае принятия статьи к публикации редактор отправляет автору платежный документ, в котором указаны стоимость издательских услуг и реквизиты издательства для оплаты. Публикация может быть оплачена авторами, вузами, научными и другими организациями, в т.ч. за счет средств грантов. По требованию автора предоставляются все необходимые документы, подтверждающие публикацию: договоры, акты, счета, справки.

8. Одобренные и оплаченные статьи подлежат публикации в формирующихся номерах в соответствии с графиком выхода изданий.

9. Отправление авторского экземпляра осуществляется заказной бандеролью после поступления журнала из типографии. Авторам сообщается идентификационный номер почтового отправления для отслеживания местонахождения бандероли.

10. Дополнительную информацию можно получить на сайте издательства: <http://www.gramota.net/>

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Научный журнал

2020. Том 13. Выпуск 12

Philology. Theory & Practice

Academic Journal

2020. Volume 13. Issue 12

Редакционная коллегия:

Лябина Олеся Геннадиевна, к. филол. н., доцент,
главный редактор
Бабина Людмила Владимировна, д. филол. н., профессор
Биттирова Тамара Шамсудиновна, д. филол. н.,
ведущий научный сотрудник
Боргоякова Тамара Герасимовна, д. филол. н., профессор
Бородулина Наталия Юрьевна, д. филол. н., профессор
Ворожбитова Александра Анатольевна, д. филол. н.,
д. пед. н., профессор
Галимзянова Ильхамия Исхаковна, д. пед. н., профессор
Глухова Наталья Николаевна, д. филол. н., профессор
Гуртуева Тамара Бертовна, д. филол. н., профессор (Турция)
Дзуганова Рита Хабаловна, д. филол. н.,
ведущий научный сотрудник
Зиятдинова Юлия Надировна, д. пед. н., доцент
Игна Ольга Николаевна, д. пед. н., доцент
Колодина Нина Ивановна, д. филол. н., профессор
Комарова Юлия Александровна, д. пед. н., профессор
Кузнецова Анна Владимировна, д. филол. н., профессор
Лутфуллина Гюльнара Фирдавиевна, д. филол. н., профессор
Лучинская Елена Николаевна, д. филол. н., профессор
Макеева Марина Николаевна, д. филол. н., профессор
Нифанова Татьяна Сергеевна, д. филол. н., профессор
Осьмухина Ольга Юрьевна, д. филол. н., профессор
Поляков Олег Геннадиевич, д. пед. н., профессор
Попова Ирина Михайловна, д. филол. н., профессор
Попова Лариса Георгиевна, д. филол. н., профессор
Попова Светлана Владимировна, д. пед. н., профессор
Репенкова Мария Михайловна, д. филол. н., доцент
Руденко-Моргун Ольга Ивановна, д. пед. н., профессор
Седых Аркадий Петрович, д. филол. н., профессор
Тарнаева Лариса Петровна, д. пед. н., доцент
Шульц Ольга Евгеньевна, д. пед. н., профессор
Давыденкова Ольга Алексеевна, к. филол. н., доцент (США)
Ноблок Наталия Львовна, к. филол. н. (США)
Трубицина Ольга Ивановна, к. пед. н., доцент
Чеханова Ирина Владимировна, к. филол. н., доцент

Editorial Board:

Lyabina O. G., Ph. D. in Philology, Ass. Prof.,
Editor-in-Chief
Babina L. V., Doctor in Philology, Prof.
Bittirova T. Sh., Doctor in Philology,
Leading Researcher
Borgoyakova T. G., Doctor in Philology, Prof.
Borodulina N. Yu., Doctor in Philology, Prof.
Vorozhbitova A. A., Doctor in Philology,
Doctor in Pedagogy, Prof.
Galimzyanova I. I., Doctor in Pedagogy, Prof.
Glukhova N. N., Doctor in Philology, Prof.
Gurtueva T. B., Doctor in Philology, Prof. (Turkey)
Dzuganova R. Kh., Doctor in Philology,
Leading Researcher
Ziyatdinova Yu. N., Doctor in Pedagogy, Ass. Prof.
Igna O. N., Doctor in Pedagogy, Ass. Prof.
Kolodina N. I., Doctor in Philology, Prof.
Komarova Yu. A., Doctor in Pedagogy, Prof.
Kuznetsova A. V., Doctor in Philology, Prof.
Lutfullina G. F., Doctor in Philology, Prof.
Luchinskaya E. N., Doctor in Philology, Prof.
Makeeva M. N., Doctor in Philology, Prof.
Nifanova T. S., Doctor in Philology, Prof.
Os'mukhina O. Yu., Doctor in Philology, Prof.
Polyakov O. G., Doctor in Pedagogy, Prof.
Popova I. M., Doctor in Philology, Prof.
Popova L. G., Doctor in Philology, Prof.
Popova S. V., Doctor in Pedagogy, Prof.
Repenkova M. M., Doctor in Philology, Ass. Prof.
Rudenko-Morgun O. I., Doctor in Pedagogy, Prof.
Sedykh A. P., Doctor in Philology, Prof.
Tarnaeva L. P., Doctor in Pedagogy, Ass. Prof.
Shul'ts O. E., Doctor in Pedagogy, Prof.
Davydenkova O. A., Ph. D. in Philology, Ass. Prof. (The USA)
Knoblock N., Ph. D. in Philology (The USA)
Trubitsina O. I., Ph. D. in Pedagogy, Ass. Prof.
Chekhanova I. V., Ph. D. in Philology, Ass. Prof.

Журнал публикует результаты исследований ученых и преподавателей в рамках проводимой ими научной работы, а также промежуточные итоги диссертаций в виде научных статей по следующим группам специальностей: 10.01.00 Литературоведение; 10.02.00 Языкознание; 13.00.00 Педагогика. Издание служит источником информации о текущих исследованиях в области филологии и методики преподавания языка и литературы. Журнал предназначен для соответствующих специалистов, докторантов и аспирантов.

Журнал **входит в Перечень** рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук. Статьи проходят обязательное рецензирование.

Правила приема, рецензирования и опубликования научных статей размещены на официальном сайте Издательства в сети Интернет www.gramota.net. Вопросы, связанные с публикацией научных материалов в журнале, редакция просит направлять на адрес электронной почты: phil@gramota.net.

Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. Вып. 12. С. 177-318.

ISSN 1997-2911

<https://doi.org/10.30853/filnauki>

© Издательство ГРАМОТА, 2020

www.gramota.net

16+

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

<i>Андросова Ф. С.</i> Метафорические модели символа уот ‘огонь’ в современных якутских кинотекстах	183
<i>Варламова О. Н., Воробьева К. А.</i> Структурные особенности формирования модели «своего мира» ребенка через призму колыбельных песен: лексический аспект (на материале французского и русского языков)	187
<i>Гочева И. В.</i> Побуждение и способы его передачи в языке: традиционный и когнитивный аспекты изучения (на материале русского и английского языков)	191
<i>Гунжитова Г.-Х. Ц., Дареева О. А.</i> Фонетическая интерференция в устной речи бурят-билингвов	196
<i>Дрожащих А. В.</i> Семантический потенциал пассивных конструкций в англоязычном научном дискурсе	201
<i>Зиньковская А. В., Сахно А. А.</i> Структурные особенности кинестетической репрезентативной системы в дискурсивном пространстве	205
<i>Кириленко С. В.</i> Динамика функционирования младописьменных мажоритарных языков Республики Дагестан в сфере школьного образования и в печати	209
<i>Крамаренко О. Л., Богданова О. Ю.</i> Лексикографический аспект лексических единиц военно-политического дискурса в двуязычном учебном словаре (на английском языке)	213
<i>Обухова О. Н., Байкова О. В.</i> Ценностно-смысловые и лингвокультурные маркеры в традиционной культуре малых народов Крыма	217
<i>Поддубная Н. В., Михиенко С. А.</i> Специфика идентификации виртуальной языковой личности блог-коммуникации (на материале английского языка)	222
<i>Полуйкова С. Ю.</i> Реализация коммуникативной стратегии героизации в современных дискурсивных практиках в немецкоязычном медиапространстве (на материале темы COVID-19)	225
<i>Спасова М. В., Савельева О. Г.</i> Роль полусуффиксации в словообразовании в современном английском языке	230
<i>Чвалун Р. В., Кизилова Н. И., Чуднова О. А.</i> Корреляция понятийных полей «театр» – «театральность» (на примере русского и французского языков)	235

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Авагян А. А.</i> Генерализация контекстов как механизм грамматикализации (на примере английского и немецкого языков)	241
<i>Антонова А. А.</i> Местоименные формы обращений в английском, русском и корейском языках	246
<i>Демидкина Д. А.</i> Темпоральные и референциальные значения временных форм с системной семантикой перфекта в английском и русском языках	250
<i>Киселева Л. А., Плешанова М. А.</i> Специфика адаптации новейших англицизмов в славянских языках (на материале русской и болгарской версий журналов “Elle”, “Cosmopolitan” и “Glamour”)	255
<i>Люлина А. Г.</i> Подход Н. Литвинова к классификации иероглифических ключей	259

Пивкин С. Д., Семенова Л. В.

Особенности перевода идиоматических конструкций
в лингвокультурном пространстве русского и английского языков 263

Тайдонова С. С.

Разработка критериальной базы перевода томских реалий на немецкий и английский языки 268

Филатова Е. А.

Нормы перевода научно-популярных документальных фильмов о живой природе
(на примере советского дублированного перевода документального фильма «Галапагос») 272

Швецова В. М., Гончарова Н. А.

Сопоставительное исследование концепта РОЖДЕСТВО в контексте диалога культур 277

Шекина Т. Ф.

Германо-славянские параллели дихотомии «рождаться – умирать» в немецком и русском языках:
этимология, диахрония, современное состояние 283

ПРИКЛАДНАЯ И МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

Гордова Ю. Ю.

Топонимия Тамбовской области как объект каталогизации 287

Дуаа Шаабан

Лингвистические принципы каталогизации в интернет-библиотеке новостей 295

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКА

Исламов Р. С.

Искусственный интеллект в информационно-коммуникационных технологиях
и его влияние на обучение иностранному языку в высшей школе 300

Куковская А. В.

Стратегии перевода полимодальных текстов:
из опыта обучения студентов профессионально ориентированному переводу с английского на русский язык 306

Мурунов С. С., Поляков О. Г., Хаусманн-Ушкова Н. В.

Формирование компенсаторной и прагматической компетенций студентов языковых направлений подготовки
с помощью когнитивно-вербальной деятельности 311

CONTENTS

THEORY OF LANGUAGE

<i>Androsova F. S.</i> Metaphorical Models of the Symbol ‘Yor’ – ‘Fire’ in the Modern Yakut Film Texts	183
<i>Varlamova O. N., Vorobieva K. A.</i> Structural Peculiarities of Child’s Worldview Formation: Lexical Aspect (by the Material of the French and Russian Lullaby Poetry)	187
<i>Gocheva I. V.</i> Imperative and Its Linguistic Representation: Traditional and Cognitive Approaches (by the Material of the Russian and English Languages)	191
<i>Gunzhitova G.-K. T., Dareeva O. A.</i> Phonetic Interference in the Bilingual Buryats’ Native Speech	196
<i>Drozhashchikh A. V.</i> Semantic Potential of Passive Constructions in the English-Language Scientific Discourse	201
<i>Zinkovskaya A. V., Sakhno A. A.</i> Structural Features of Kinaesthetic Representative System in Discursive Space	205
<i>Kirilenko S. V.</i> Functioning of New Written Majoritarian Languages of Dagestan in the Sphere of School Education and in the Periodical Press	209
<i>Kramarenko O. L., Bogdanova O. Y.</i> Lexicographical Aspect of Military-Political Discourse Lexical Units in a Bilingual Educational Dictionary	213
<i>Obukhova O. N., Baykova O. V.</i> Value-Semantic and Linguocultural Markers in Traditional Culture of Crimea Small Peoples	217
<i>Poddubnaya N. V., Mikhienko S. A.</i> Identification of Virtual Linguistic Personality in the Context of Blog Communication (by the Material of the English Language)	222
<i>Poluykova S. J.</i> Realization of Communicative Strategy of Glorification in the Modern German-Language Media Discourse (by the Example of Media Texts on COVID-19 Issue)	225
<i>Spasova M. V., Savelieva O. G.</i> Semi-Affixation Role in Word-Formative System of the Modern English Language	230
<i>Chvalun R. V., Kizilova N. I., Chudnova O. A.</i> Correlation of Conceptual Fields “Theatre” – “Theatricality” (by the Example of the Russian and French Languages)	235

COMPARATIVE HISTORICAL, TYPOLOGICAL AND CONTRASTIVE LINGUISTICS

<i>Avagyan A. A.</i> Context Generalization as Mechanism of Grammaticalization (by the Material of the English and German Languages)	241
<i>Antonova A. A.</i> Pronominal Forms of Address in the English, Russian and Korean Languages	246
<i>Demidkina D. A.</i> Temporal and Referential Meanings of Tense Forms with Systemic Semantics of Perfect in English and Russian	250
<i>Kiseleva L. A., Pleshanova M. A.</i> Specifics of Newly Appeared Anglicisms Adaptation in the Slavonic Languages (by the Material of the Russian and Bulgarian Editions of the “Elle”, “Cosmopolitan” and “Glamour” Magazines)	255
<i>Lyulina A. G.</i> N. Litvinov’s Approach to Classifying the Chinese Character Radicals	259

<i>Pivkin S. D., Semionova L. V.</i> Peculiarities of Idiomatic Construction Translation from English into Russian and from Russian into English	263
<i>Taydonova S. S.</i> Developing Criterion Base for Translating Tomsk Realonyms into the German and English Languages	268
<i>Filatova E. A.</i> Norms of Translating Popular Science Documentaries about Wildlife (by the Example of the Soviet Translation of the Documentary “Galapagos”)	272
<i>Shvetsova V. M., Goncharova N. A.</i> Comparative Study of CHRISTMAS Concept in the Context of Intercultural Dialogue	277
<i>Sheshkina T. F.</i> The German-Slavonic Parallels within the Dichotomy “To Come into Being – to Die” in the German and Russian Languages: Etymological, Synchronic and Diachronic Aspects	283

APPLIED AND MATHEMATICAL LINGUISTICS

<i>Gordova J. J.</i> On the Problem of Catalogization of Tambov Regional Toponyms	287
<i>Douaa Shaaban</i> Linguistic Principles of Cataloguing in Online News Library	295

LANGUAGE TEACHING TECHNIQUES

<i>Islamov R. S.</i> Artificial Intelligence in Information and Communication Technologies and Its Influence on Foreign Language Teaching at Higher School	300
<i>Kukovskaya A. V.</i> Strategies to Translate Polymodal Texts: From the Experience of Teaching Professionally Oriented English-Russian Translation	306
<i>Murunov S. S., Polyakov O. G., Hausmann-Ushkova N. V.</i> Forming Linguistic Students’ Compensatory and Pragmatic Competences on the Basis of Verbal Cognitive Activity	311

Теория языка

Theory of Language

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.36>

Дата поступления рукописи: 12.11.2020

Цель исследования заключается в выявлении семантики символа уот 'огонь' в контексте мифа и фольклора народа саха. Данное исследование выполнено в рамках семиотического подхода к изучению текста. Рассматривая понятие «текст» в широком значении, мы обратимся к кинофильму как к тексту. **Научная новизна** работы состоит в том, что современный якутский кинотекст до сих пор не служил объектом специального изучения в семиотическом аспекте. **Полученные результаты** показали, что один из ключевых символов в якутском современном кинотексте – уот 'огонь' – употребляется в следующих метафорических моделях: 'огонь – защита', 'огонь – жизнь', 'огонь (дым) – продолжение рода'.

Ключевые слова и фразы: семиотика; якутский кинотекст; семантика; символ уот 'огонь'; метафора.

Андросова Фекла Семеновна, к. филол. н.

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, г. Якутск

afs.77@mail.ru

Метафорические модели символа уот 'огонь' в современных якутских кинотекстах

Введение

Актуальность темы данной работы обусловлена изменениями требований, которые предъявляются к исследованиям в лингвистике, наблюдающимся в последние десятилетия. Все большую популярность сегодня получают тексты с вербальной и невербальной составляющими. Весьма продуктивным является знакомство с той или иной культурой посредством кино. Поскольку в ключевых символах и образах отдельной культуры находят свое отражение ее (культуры) ценности, в последнее время актуальны исследования культурных значений, которые неразрывно связаны с мировоззрением носителей языка.

Для достижения цели были определены следующие **задачи**: проанализировать содержание и специфику символа уот в культуре якутов, а также выявить особенности использования данного символа в современном якутском кинотексте.

При решении поставленных задач нами применяются такие **методы исследования**, как лингвокультурный анализ, семиотический и интерпретационный методы анализа.

Теоретическую базу составляют работы исследователей, занимающихся вопросами семиотического подхода к изучению текста [5; 11; 15], общей теорией кино и анализом кинотекста [1; 5; 6; 11], теорией культуры, мифа и фольклора [2-4; 7-10; 14; 16].

Практическая значимость работы определяется возможностью использования материала и полученных результатов в рамках изучения семиотики, анализа текста, а также в междисциплинарных исследованиях.

Материалом для исследования послужили фильмы современных якутских режиссеров: Михаила Лукачевского «Уруң күн» («Белый день») 2013 г., Эдуарда Новикова «Тойон кыыл» («Царь-Птица») 2018 г. Оба фильма являются обладателями российских и зарубежных наград.

Символ и кинотекст

В широком значении текстом «любой материальный предмет, в генезисе которого принимала участие человеческая субъективность: одежда, живописное полотно, произведение архитектуры» [11, с. 14]. Под кинотекстом, вслед за Г. Г. Слышкиным и М. А. Ефремовой, будем понимать связное, цельное, завершённое сообщение, выраженное при помощи вербальных (лингвистических) и невербальных (иконических и/или индексальных) знаков, организованное в соответствии с замыслом коллективного функционально дифференцированного автора при помощи кинематографических кодов, зафиксированное на материальном носителе и предназначенное для воспроизведения на экране и аудиовизуального восприятия кинозрителями [11].

Первые попытки подхода к кинотексту как к семиотической системе были предложены представителями русской формальной школы (В. Б. Шкловский, Ю. Н. Тынянов, Б. М. Эйхенбаум и др.) в прошлом веке. Так, В. Б. Шкловский вводит понятие «киноязык» («О киноязыке», 1926). Сравнивая кино с китайской живописью, которая находится между рисунком и словом, а людей на экране – со своеобразными иероглифами, он определяет их не как кинообразы, а как кинослова или кинопонятия. Монтаж в его понимании выступает своего рода синтаксисом и этимологией киноязыка. Иными словами, смысловой единицей является кинослово – «отрезок кинематографического материала, имеющий определенную значимость» [15, с. 32].

В последующем их работы оказали большое влияние на исследования представителей семиотического направления, таких как Ю. М. Лотман, В. В. Иванов, У. Эко и др. В исследованиях Ю. М. Лотмана кинофильм изучается как семиотическая система. Он считает, что кинотекст может исследоваться как «дискретный текст, составленный из знаков, и недискретный, в котором значение приписывается непосредственно тексту» [5, с. 61].

В сознании каждого носителя культуры хранится символ, который лежит в основе того или иного художественного образа. Символ «при визуальном контакте с определенным ассоциативным рядом дополняет его и формирует в восприятии зрителя заверченный художественный ряд. Уникальность символа для кинематографа заключается в том, что он выступает в качестве “художественной платформы” для пространственно-временной реальности кинофильма» [6, с. 191].

В культуре, помимо символического и смыслового пространства, отмечается также наличие структур бессознательного. Изучая вопросы соотношения символа и архетипа, Н. С. Вдовушкина приходит к выводу, что символ и архетип не имеют собственного содержания, они могут «вобрать в себя множество различных значений» [2, с. 4]. В силу того, что символ представлен в реальности, он обладает большим семантическим потенциалом, «содержит множество смысловых пластов». Архетип же таким качеством не обладает. Он является «неким психическим образованием» [Там же].

Символ определяется как предмет, изображение или слово, условно выражающее явление действительности, он является отражением этой действительности. Ключевые символы являются емкими по смыслу, простыми по образу и частотными. Как и метафора, символ заключает переносное значение. По мнению А. Я. Флиера, «символизации обычно подвергаются как наиболее значимые, так и наиболее распространенные, часто встречающиеся феномены. При этом сам объект как физическое явление может быть единичным, но часто используемым в лексике и символизирующим какое-то важное понятие. <...> Общие понятия в языке – это именно символы, оперирование которыми существенно упрощает непосредственное понимание и всю социальную коммуникацию» [14, с. 53].

Задача любого автора заключается не только в постижении символичности реального мира, но и передаче ее зрителям. Как было сказано выше, кинотекст представлен двумя семиотическими системами: лингвистической и нелингвистической, вербальной и невербальной. В отличие от печатных изданий, кинофильмы обращены к способности человека декодировать информацию, не прибегая только к вербальным средствам. Ведь невербальное выражение мира людей можно найти во всем, что нас окружает: одежде, предметах быта, пейзажах, жестах и мимике персонажей. Другими словами, зритель видит на экране свой мир бытия, знакомые ему ситуации, общение с помощью тех же жестов, взглядов, мимики.

Метафорическая модель ‘огонь – защита’

Символ *уот* ‘огонь’ является одним из ключевых символов в культуре якутов.

С древних времен якуты, как и другие тюрко-монгольские народы Сибири, считали огонь своим защитником. Дух огня, по утверждениям А. Е. Кулаковского, возводился до степени божества и почитался больше богов [4, с. 30].

Примечательно, что дух огня у якутов представлен в виде образа старика. В. Л. Серошевский описывает его так: «...*уот иччитэ* – это седобородый, бырджэбытык, говорливый, неугомонный, вечно прыгающий старикашка; что он шипит и лепечет неустанно, понимают немногие: понимает шаман, понимает маленький ребенок, ухо которого не научилось еще различать человеческую речь» [10, с. 641].

В кинокартине «Тойон кыыл» в первое время старик Микииппэр и его старуха Оппуос пытаются своими силами избавиться от непрошеного гостя (орла), который прилетел к ним посреди зимы. Определенной двойственностью отличаются традиционные воззрения якутов на хищных птиц: с одной стороны, их почитали, с другой – боялись. Как и полагается, защиту они ищут у духа огня, ласково называя его *эхэкээн* ‘дедушка’: *Оһоһхун отун / Уоккун умат / Сугунунэн араһпат кыыл буолла быһылаах / Эһэкээннин көрдөһөн көрбөккүн дуо* [12]. / Затопи печку, зажги огонь. Кажется, этот зверь так просто не отстанет. Может, попросить помощи у *дедушки* (здесь и далее перевод автора статьи. – Ф. А.). В мифопоэтическом сознании якутов огонь (камелек) выступает медиатором между мирами срединным и верхним. Именно через огонь якуты передают свои просьбы божествам верхнего мира. Затопив печку, старик обращается к духу огня: *Аал уотум иччитэ / Бырдьыа бытык эһэкээн / Хатан тэмийрийэ тойон эһэ* [Там же]... / Дух огня дедушка Бырдже господин бытык Хатан тэмийрийэ...

Интересно, что, по представлениям других тюркских народов Сибири, как пишут Л. С. Ефимова и Н. В. Афанасьев, дух огня имеет образ женщины: «У алтайцев, тувинцев и хакасов дух огня утром был в образе дедушки, днем – женщины, вечером – старушки» [3, с. 171]. При этом они отмечают, что женский образ духа огня, по-видимому, более архаичен, чем мужской. Исследователи также указывают на небесное происхождение духа огня [Там же].

Основными функциями огня считаются защитная и очищающая. Он выступает посредником между людьми, духами и божествами. Существуют и некоторые запреты: нельзя оскорблять огонь, ругать его, плевать или мочиться на него, перешагивать через огонь и другие [3; 10; 16].

Что касается подношений (угощений) духу огня, то в культурах тюрко-монгольских народов Сибири проявляются общие черты: как правило, его задабривают маслом, жиром, сливками, кумысом. Так, в кинофильме Эдуарда Новикова «Тойон кыыл» старики угощают своего «дедушку» оладьями со сметаной.

В огне (костре) видят спасение от холода люди, оказавшиеся один на один со стихией в кинокартине Михаила Лукачевского «Үрүң күн»: *Саатар уотта оттуоххайын* [13]. / Давайте хоть разожжем костер.

Метафорическая модель 'огонь – жизнь'

Общеизвестно, что огонь во многих культурах ассоциируется с жизнью. В «Якутско-русском фразеологическом словаре» А. Г. Нелунова можно найти следующие выражения с лексемой *уот*: *уота-күөһэ өлбүт, уота-күөһэ өспүт, уота-күөһэ умуллубут* (букв. огонь его умер, огонь его погас). Данные фразеологизмы можно перевести как 'слабеть, угасать; впадать в подавленное состояние' [8, с. 267-268]. Лексема *уот* 'огонь' в приведенных выражениях обозначает жизнь, здоровье, духовную энергию человека.

Злую шутку с попутчиками решил сыграть нерадивый шофер, по вине и безответственности которого герои драмы «Үрүң күн» оказываются в непростой ситуации: *Уот көстөр онно / Уот умайар онно / Дьонноор бааллар* [13]. / Я вижу огонь! Там огонь! Там люди! Для отчаявшихся людей, которые оказались один на один со стихией, увиденный шофером огонь мог обозначать только одно – спасение. Там, где огонь, там жизнь, там живут люди, которые придут на помощь.

Поскольку в кинотексте невербальная составляющая является полноправным компонентом текста [11], на наш взгляд, интересным с точки зрения анализа выступает невербальное выражение в драме метафорической модели 'огонь – жизнь'. Тот самый нерадивый шофер уходит, увидев далеко на горизонте огонь: мираж костра, который при его приближении постепенно угасает. Примечательно, что данный кадр максимально очищен от второстепенных предметов и деталей. У зрителя не возникает иных мыслей: отрицательный персонаж идет навстречу смерти и находит ее в тот момент, когда на экране гаснет огонь.

О том, что и остальные герои погибают от холода, так и не дождавшись помощи, мы понимаем, когда видим на экране автомобиль, фары которого выключены. Перед зрителем крупным планом появляется замерзший обледенелый автомобиль на фоне белого холодного пространства. Представляется, что можно провести аналогию с символом огня: выключенные фары (как и погасший огонь) могут обозначать угасание жизненной энергии тех, кто находился внутри этой машины.

Интересно обыгран эпизод с замерзающим в лесу мальчиком по имени Сарыал (главный персонаж кинофильма), который из последних сил ползет за помощью по снежным сугробам в лесу. Перед собой он видит огромный костер, который при его приближении исчезает, затем костер вновь появляется уже в другом месте. Речь идет о символическом пространстве кинокартины, которое «формируется режиссером как переход из области конкретного видимого пространства в область эфемерную, ассоциативную» [1, с. 17]. Считается, что замерзающий человек, испытывая сильный жар (герой кинокартины раздевается по пояс), видит перемещающиеся и гаснущие огоньки. Огоньки символизируют жизнь. Если гаснет огонь – наступает смерть. В символическом пространстве кинофильма к мальчику, который находится между жизнью и смертью, приходит на помощь та самая старуха в белом одеянии (*иччи*), мимо которой проехал автомобиль в самом начале кинокартины. Старуха в белом одеянии приглашает мальчика в свой балаган (*өтөх*), встречая его со словами: *Тоойуом / Кэллиң дуо* [13]. / Сынок, ты пришел? – и проводит обряд кормления духа огня. Данный обряд символизирует возвращение мальчика к жизни: духи огня защитят его. В пространстве события, которое непосредственно связано с фабулой фильма, мальчик Сарыал просыпается ранним утром в заброшенном балагане, мимо которого проезжает мужчина на лошади. Верхние божества услышали просьбу о помощи и послали ее.

Метафорическая модель 'огонь (дым) – продолжение рода'

Еще одна интересная трактовка, связанная с образом огня: дым обозначает продолжение рода, наличие потомков. В якутском языке существуют различные метафорические выражения. Так, Э. К. Пекарский в «Словаре якутского языка» приводит выражение *буруота сүттэ*, которое интерпретируется как 'после него никого не осталось', и поговорку *буруо оннугар буруо хаалла* – 'на месте дыма дым остался, т.е. потомки остались' [9, с. 570]. Сам очаг (дым) так же, как и огонь, является универсальным символом жизни. Подтверждением тому может послужить эпизод, когда, возвращаясь с охоты, Микииппэр издалека замечает, что из трубы его жилища не идет дым: огонь в очаге погас – со старухой случилась беда.

Или слова старухи Оппуос в фильме «Тойон кыыл»: *Эрэйдээхтэр бааллара төһө сылга-хонукка барарыбыт / Баайбыт-дуолбут сыһын барытын ырыттаһыт үһү / Киһи да күлэр ээ / Бугун оттон ити биир кыыл дьүһүнүн көрөөрү / Сиргэ охто сыстым буолбат дуо мин / Уонна баран ханна үһүн буруобун уһатар үһүбүн* [12]. / Бедные мы, сколько нам осталось (жить), сидим, считаем наше богатство. Даже смешно. Сегодня чуть не упала при виде этого зверя (орла). И как мне теперь продлить мою жизнь? Словосочетание *үһүн буруо* дословно переводится как длинный дым, то есть то, что оставляет след, и применяется в значении 'долгая (длинная) жизнь'. Значение фразеологизма (*үһүн*) *буруота сабылынна* (букв. длинный дым закончился) толкуется по-разному: 'не стало его очага (т.е. умер одинокий хозяин); род их прекратился', а существующее выражение *буруотун умуруор* толкуют как 'потерять возможность самостоятельного

существования в качестве отдельного хозяйства' [7, с. 146]. Данный фразеологизм связан системными отношениями с другими фразеологическими единствами: «*Тусна буруо таһаар* (букв. выпускать отдельный дым) 'стать, быть самостоятельным хозяином, самостоятельной семьей'; *уһун буруону унаарым* (букв. пускать длинный дым) 'жить богато, счастливо'» [8, с. 214].

Заключение

Таким образом, рассмотрев семантику одного из ключевых образов *yot* 'огонь', мы приходим к следующим **выводам**. Мы выделяем три метафорические модели данного символа в якутском современном кинотексте: 'огонь – защита', 'огонь – жизнь', 'огонь (дым) – продолжение рода'.

Огонь наделен защитной и очистительной силой у тюркских народов Сибири. В сложных жизненных ситуациях герои фильмов обращаются за помощью к огню: будь это избавление от непрошеного гостя в драме «Тойон кыыл» или помощь в борьбе со стихией в драме «Үрүң күн».

Огонь как символ жизни также является одной из характерных метафор в культуре якутов. Интересно данная метафора обыграна в драме М. Лукачевского «Үрүң күн»: о наступлении смерти персонажей, об угасании их жизненной энергии нам говорит не только погасший костер, но и погасшие фары машины, в которой ехали эти люди. В этом случае мы говорим о символическом пространстве кинофильма.

Еще одна метафора 'огонь (дым) – продолжение рода' присутствует в драме «Тойон кыыл». Старуха Оппуос использует выражение *уһун буруо*, которое трактуется как 'долгая (длинная) жизнь'.

Перспективой дальнейшего исследования может быть обращение к изучению универсального содержания и национально-культурной специфики символов и архетипичных образов кинотекста, определению его глубинного смысла в контексте традиционной культуры различных народов.

Список источников

1. Агафонова Н. А. Общая теория кино и основы анализа фильма. Мн.: Тесей, 2008. 392 с.
2. Вдовушкина Н. С. Архетип и смысл культуры // Известия Саратовского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2009. Т. 9. Вып. 4. С. 3-8.
3. Ефимова Л. С., Афанасьев Н. В. Дух огня у тюрко-монгольских народов Сибири: представления, типологические сходства (по материалам обрядовой поэзии) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Филологические науки. 2015. № 7. С. 171-174.
4. Кулаковский А. Е. Научные труды. Якутск: Якутское книжное издательство, 1979. 484 с.
5. Лотман Ю. М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллинн: Ээсти раамат, 1973. 92 с.
6. Макниенко М. Г. Художественный образ и символ как основа пространственно-временной реальности кинофильма (на примере художественного фильма «Карнавал») // Молодой ученый. 2009. № 7. С. 190-197.
7. Нелунов А. Г. Якутско-русский фразеологический словарь (Сомоҕо домох сахалыы нууччалыы тылдьыта): в 2-х т. / отв. ред. П. А. Слепцов; Ин-т гуманитар. исслед. Новосибирск: Издательство СО РАН, Научно-издательский центр ОИГТМ, 1998. Т. 1. А – К. 1998. 286 с.
8. Нелунов А. Г. Якутско-русский фразеологический словарь (Сомоҕо домох сахалыы нууччалыы тылдьыта): в 2-х т. / отв. ред. П. А. Слепцов; Ин-т гуманитар. исслед. Новосибирск: Издательство СО РАН, Научно-издательский центр ОИГТМ, 2002. Т. 2. Л – Э. 2002. 418 с.
9. Пекарский Э. К. Словарь якутского языка: в 3-х т. М.: АН СССР, 1959. Т. 3. Вып. 10-13. 709 с.
10. Серошевский В. Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. М.: Российская политическая энциклопедия, 1993. 736 с.
11. Слышкин Г. Г., Ефремова М. А. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа). М.: Водолей, 2004. 153 с.
12. Тойон кыыл («Царь-птица», «The Lord Eagle»): драма / реж. Э. Новиков; сценарист С. Ермолаев; оператор С. Аманатов. Якутск: Сахафильм, 2018.
13. Үрүң күн («Белый день»): драма / реж. М. Лукачевский; сценарист В. Дегтярева; оператор И. Аммосов. Якутск: Сайсары фильм; Сахафильм, 2013.
14. Флиер А. Я. О природе культурного символа // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 1 (69). С. 51-57.
15. Шкловский В. Б. За 60 лет. Работы о кино: сб. статей и исследований. М.: Искусство, 1985. 573 с.
16. Эргис Г. У. Очерки по якутскому фольклору. М.: Наука, 1974. 406 с.

Metaphorical Models of the Symbol 'Yot' – 'Fire' in the Modern Yakut Film Texts

Androsova Fekla Semenovna, PhD

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk
afs.77@mail.ru

The paper aims to reveal semantics of the symbol 'yot' – 'fire' in the context of the Sakha mythology and folklore. The study is conducted within the framework of the semiotic approach to analysing a literary text. The movie is considered as a "text" in its broad meaning. Scientific originality of the research lies in the fact that the modern Yakut film text has not been previously investigated in the semiotic aspect. The conducted analysis allows concluding that the symbol 'yot' – 'fire', one of the key symbols of the modern Yakut film text, possesses the following metaphorical meanings: 'fire – security', 'fire – life', 'fire (smoke) – procreation'.

Key words and phrases: semiotics; Yakut film text; semantics; symbol 'yot' – 'fire'; metaphor.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.37>

Дата поступления рукописи: 20.09.2020

Цель исследования – описать структурные особенности формирования модели мира ребенка через призму колыбельных песен (на материале французской и русской колыбельной поэзии). Раскрываются два направления конструирования социального мира ребенка: модели «своего мира» и «внешнего мира». **Научная новизна** работы заключается в рассмотрении колыбельных песен в качестве ресурса для создания модели социального мира ребенка, а также в построении искомой модели. **Результаты исследования:** представлены компоненты модели социального мира ребенка методом фреймового моделирования, описаны лексические компоненты, формирующие область ближайшего окружения ребенка, раскрыты кросскультурные особенности их функционирования.

Ключевые слова и фразы: колыбельные песни; фреймовое моделирование; материнская речь; лексические компоненты.

Варламова Ольга Николаевна, к. филол. н.

Воробьева Ксения Андреевна

Сибирский федеральный университет, г. Красноярск

olga-varlamova@mail.ru; ksenea-v@mail.ru

Структурные особенности формирования модели «своего мира» ребенка через призму колыбельных песен: лексический аспект (на материале французского и русского языков)

Современная лингвистика в рамках антропоцентрической парадигмы выделяет такой феномен, как семья, которая, с одной стороны, формирует нового представителя социума, с другой, – передает ребенку определенный культурный и языковой код того или иного лингвокультурного сообщества через призму семейного общения.

Актуальность рассматриваемой темы проявляется в необходимости систематизации совокупности лексических компонентов и представления ее в виде модели социального мира. Анализ ее компонентов позволяет выявить языковые и функциональные особенности колыбельных песен, формирующие модель социального мира ребенка.

Представим **задачи**, реализующие достижение поставленной цели: 1) вывить компоненты, формирующие модель социального мира ребенка; 2) представить особенности лексических компонентов, формирующих модель «своего мира» ребенка; 3) выявить кросскультурные особенности функционирования лексических компонентов, формирующих «свой мир» ребенка.

Методами исследования для реализации данного проекта выступили методы количественного, контекстного и дефиниционного анализа, представление искомой модели социального мира создается методом фреймового моделирования.

Теоретическую базу для написания работы составили труды отечественных и зарубежных ученых, посвященные изучению речи, обращенной к детям, а также феномену создания модели мира. Модель мира (далее ММ) не является эмпирическим понятием, поскольку человек не может осознавать ММ в полном виде. В. Н. Топоров определяет ее как сокращенное и упрощенное отображение всей суммы представлений о мире внутри данной традиции, взятых в их системном и операционном аспектах [9].

А. Я. Гуревич определяет ММ как «ту сетку координат», через которую люди воспринимают действительность и строят образ мира, который уже существует в их сознании [3, с. 30].

М. М. Маковский трактует интересующее нас понятие как сочетание взаимосвязанных семиотических вложений информации, содержащейся в картине мира [6].

Практическая значимость работы: материалы исследования могут быть использованы в рамках таких вузовских спецкурсов, как лингвокультурология, теория коммуникации, теория межкультурной коммуникации, лингвострановедение.

Считаем важным отметить специфику материала исследования. Согласно классификации колыбельных песен, предложенной А. Н. Мартыновой (*традиционные (императивные и повествовательные), импровизационные («имеющие различный характер связи с традицией»), произведения иных жанров, исполненные как колыбельные, авторские колыбельные*) [7], наш материал составляют *традиционные* колыбельные песни (русские и французские). Тексты колыбельных были взяты с актуальных сайтов и форумов молодых мам.

Изучение особенностей речи, обращенной к детям, находит отражение в различных лингвистических направлениях. Так, в ранних работах бихевиористов [16; 17] речь взрослого рассматривалась в качестве образца, которую ребенок заучивает автоматически. В рамках теории социального взаимодействия [14] вербальные и невербальные реакции взрослого рассматриваются как единственный источник становления языковой способности ребенка. А. Н. Байкулова раскрывает статусно-ролевые особенности семейного общения [1]. М. Д. Воейкова изучает материнскую речь через призму онтогенеза, а именно через этапы усвоения детьми

морфологии русского языка [2]. В исследовании А. В. Колмогоровой, О. Н. Варламовой представлены речевые характеристики женщины в социально-релевантной роли матери в двух лингвокультурах, а также стратегии семантизации лексических единиц родного языка в материнской речи [4]. В настоящей статье мы рассматриваем колыбельные песни как один из первых источников формирования у ребенка совокупности знаний о мире.

Конструирование модели мира ребенка посредством колыбельных песен происходит по двум направлениям: конструирование модели «своего мира» и «внешнего мира». Модель мира представлена фрейм-структурами, компоненты которых формируют представления ребенка о месте и роли себя, членов семьи и представителей «внешнего» мира в повседневной деятельности. Представим схему модели мира (Рисунок 1), реализующуюся в колыбельных песнях. В ней нашли отражение те компоненты (слоты), которые оказались а) репрезентативны по количеству употреблений и повторов в текстах; б) релевантны для двух лингвокультур.

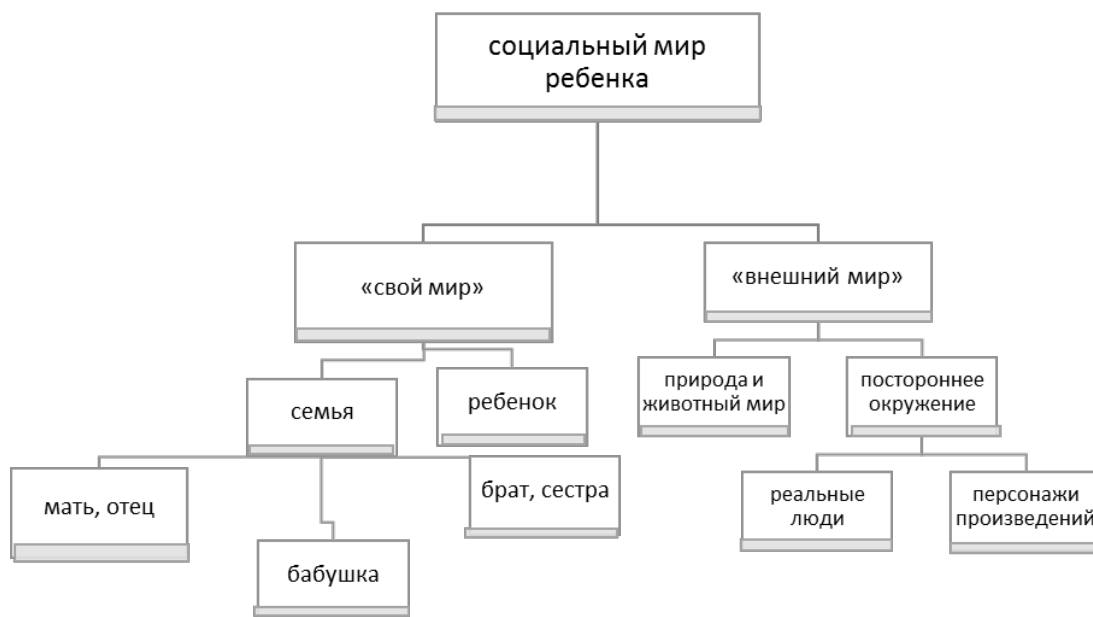

Рисунок 1. Модель социального мира ребенка

Лексическое наполнение фрейма СЕМЬЯ представлено тремя наиболее репрезентативными слотами, выявленными в результате качественно-количественного анализа.

1. Слот МАТЬ/ОТЕЦ.

Единицы данного слота реализуются в нескольких словообразовательных вариантах, при этом наиболее частотным в текстах колыбельных является компонент *мать*:

а) лексические единицы (далее ЛЕ) с уменьшительно-ласкательными суффиксами *-чка, -шк, -еньк*, используемые в номинациях в рамках данного слота, демонстрирующие не столько реализацию социальной роли, сколько нежность, заботу и эмоциональную близость с матерью; являются маркером фатического общения. Часто используются в сочетании с лексикой, имеющей в толковом словаре помету «разг.»: *родимый, ложися* и др.:

(1) «А я тебе не служаночка,

А я тебе родимая *матушка*,

А баю-бай, бай-бай, бай-бай» [10].

(2) «Ложися, моя *матушка*, и отдохни в постелюшке...» [5].

Данные примеры являются показательными для анализируемого слота, поскольку демонстрируют прием референциального сдвига, характерный для речи взрослых, обращенной к детям [4], когда мать от имени ребенка определяет свою роль: она не служанка («Женщина, исполняющая обязанности слуги») [8], которая выполняет все домашние обязанности, она, в первую очередь, является ребенку родной матерью;

б) помимо уменьшительно-ласкательных суффиксов, слот «мать» в колыбельных представлен также нейтральной формой лексической единицы. В подобных примерах мать представлена членом семьи, выполняющим определенное повседневное действие, например, убаюкивание ребенка:

(3) «Баю-баю, птенчик – спать!

Будет *мать* тебя качать...» [5].

Если в русских колыбельных песнях существует разнообразие лексических и словообразовательных компонентов, то во французских колыбельных песнях, в связи с ограниченным лексическим набором и словообразовательными возможностями, слот «мать» представлен вариантами *mère* и *taman*.

(4) “*Maman* veille jusqu'au matin...” [15]. /

«Мама бодрствует до утра...» (здесь и далее перевод выполнен авторами статьи. – О. В., К. В.).

(5) “*Maman* va nous relire

Les histoires d'avant-hier” [Ibidem]. /

«*Мама* будет перечитывать нам
Позавчерашние истории».

Указанные ЛЕ отражают в большей степени социальную роль члена семьи, однако ЛЕ *taman* во французском словаре Larousse определяется как “*terme par lequel un enfant appelle sa mère*” («термин, с помощью которого ребенок обращается к своей матери») [13] и может переводиться как *мама, мамочка* для демонстрации ласкового отношения к матери со стороны ребенка.

Компоненты «*отец*», «*папа*», «*папочка*» и “*papa*” не являются частотными в содержании колыбельных песен, однако их значимость не подвергается сомнению. Предполагаем, что редкость употребления этого слота отражает представления о традиционном распределении ролей в семье, которые фиксированы в сюжетах колыбельных песен. Так, отец чаще выступает в роли добытчика и защитника (пример 6), однако может выполнять небольшие бытовые поручения (пример 7). В то же время в сюжетах колыбельных песен (далее – КП) забота о детях и домашние дела остаются сферой деятельности женщины:

(6) «*Отец ушел за рыбою...*» [11].

(7) “*Papa est en bas
Qui fait du chocolat...*” [15]. /

«*Папа внизу
Готовит какао*».

2. Второе место среди членов семьи в иерархии КП по частотности употребления (в русских КП) занимает слот *БАБУШКА*. Отметим, что в выборке французской колыбельной поэзии данный элемент отсутствовал. ЛЕ «*бабушка*» образуется при помощи уменьшительно-ласкательного суффикса *-ушк*, тем самым характеризуется семантикой ласкового и нежного отношения к данному члену семьи. Часто именно бабушка выступает в роли няни для ребенка, пока мама отсутствует либо занята домашними хлопотами, что отражается в содержании колыбельных:

(8) «*Бабушка – уху варить да свою внученьку кормить...*» [11].

(9) «*Завтра бабушка придет, нам гостинцы принесет...*» [5].

3. Слот *СЕСТРА/БРАТ* представлен ЛЕ *сестричка, сестрица, брат, frère*. Стоит отметить, что во французской выборке колыбельных песен отсутствует упоминание такого родственника, как *sœur (сестра)*, однако несколько раз упоминается *frère*. В рамках данного слота демонстрируются модель взаимоотношений в семье между братьями и сестрами: выполнение бытовых действий старшими детьми (ухаживать за младшими, укладывать их спать), а также проявляются положительные эмоциональные связи между братьями и сестрами, часто отражающиеся через сочетание *мой маленький*:

(10) «*Сестра ушла пеленки мыть*» [11].

(11) “*Fait dodo Colas mon p'tit frère
Fait dodo, t'auras du lolo...*” [15]. /

«*Баю-бай, мой маленький брат Кола,
Баю-бай, засытай...*».

Выявлены компоненты семейного круга, отсутствующие во французских колыбельных песнях: «*дедушка*», «*зять*», «*кума*», «*теща*», «*мачеха*». В содержании русских колыбельных песен указанные родственники либо отражаются лишь номинативно, либо демонстрируется их роль в распределении семейных обязанностей:

(12) «*Дедушка – дрова рубить...*» [11].

(13) «*А зять тещу в служанки взял,
А баю-бай, бай-бай, бай-бай*» [5].

(14) «*А где кума?
За ворота ушла*» [11].

Кроме того, в текстах колыбельных песен формируется стереотипное представление ребенка о некоторых членах семьи, как, например, отрицательное отношение и агрессивное поведение:

(15) «*У коты-воркота была мачеха люта,
Она была коты, приговаривала,
А-а-а-а, а-а-а-а*» [10].

В рамках «своего мира» особую группу составляют глагольные сочетания, отражающие действия компонентов-существительных: *куплю, люблю, спать повалить, гостинцы принести, приговаривать, качать, убаюкивать, оберегать, уйти за рыбою, прийти, кормить, печь, суп варить, пеленки мыть, коров доить, дрова рубить, печку топить, кашу варить, не бранить, relire les histoires, aimer, faire dodo, faire des gâteaux, faire du chocolat, chanter* и др. Все эти глаголы реализуются в колыбельных через взаимосвязь с ребенком – объектом деятельности и описывают хозяйственную деятельность, проявление заботы, ласки, внимания и любви со стороны родственников по отношению к ребенку либо отражают действия самого ребенка.

Фрейм *РЕБЕНОК* как область «своего мира» представляет ребенка центральным объектом сюжета.

Анализ данного фрейма позволил выявить следующие характеристики:

1) для сюжетов колыбельных песен характерно использование как универсальных, гендерно нейтральных компонентов, подходящих для обращения и к мальчику, и к девочке, так и гендерно маркированных. Однако отмечается тенденция к выбору нейтральных номинативов. Для примера приведем Таблицу 1 с количественными данными нарицательных номинативов, отражающими анализ 87 единиц КП.

Таблица 1. Компоненты фрейма РЕБЕНОК

Гендерно нейтральные номинативы		Гендерно-маркированные номинативы	
ЛЕ	Количество употреблений	ЛЕ	Количество употреблений
enfant	36	сын	4
дитя	8	мальш	2
дитяtko	8	сын	2
деточка	6	fille	2
детонька	4	внученька	1
bébé	4	внучек	1
детка	3	доченька	1
ребенок	2	дочь	1
Итого:	71	дочурка	1
		сыновья	1
		Итого:	16

Прокомментируем некоторые гендерно-нейтральные единицы, которые повторялись в нескольких текстах колыбельных, и проанализируем полученные данные.

Синонимичные единицы «дитя» и «дитяtko», обозначающие «мальчиков и (или) девочек в раннем возрасте, до отрочества» [8], имеют положительную коннотацию, с помощью которой реализуется доброе и заботливое отношение со стороны матери. В ЛЕ «деточки» имеется уменьшительно-ласкательный суффикс -чк, который демонстрирует нежность и заботу.

ЛЕ «enfant» («Garçon ou fille avant l'adolescence» [13]. / «Мальчик или девочка до подросткового возраста») и «bébé» («Tout petit enfant» [Ibidem]. / «Каждый маленький ребенок») также являются релевантными по отношению к ребенку любого пола.

Количественные показатели позволяют сделать вывод о том, что место ребенка в модели мира определяется в большей степени его социальной ролью, нежели гендерными стереотипами;

2) к лексическим компонентам фрейма мы отнесем имена собственные, которые фигурируют в текстах КП и часто являются их вариативным компонентом, то есть КП персонализируется в зависимости от имени ребенка: *Маши, Оленька, Шуренька, Colas, Cathérinette...*;

3) в качестве характеристики компонентов фрейма используются метафорические номинации (*дружок, prince, trésor, ange, poupée, amour*), демонстрирующие особую нежность к адресату-ребенку:

(16) «Спи-ка *дружок*, некошеный твой *лужок*,

Бай-бай, бай-бай» [10].

(17) «*Bonne nuit, cher trésor...*» [12]. /

(«*Доброй ночи, мое милое сокровище*»).

ЛЕ «дружок» является производным от слова «друг», и уменьшительно-ласкательный суффикс -ок демонстрирует ласку, нежность и любовь со стороны адресанта, а также имеет положительное значение («*Употр. как обращение к близкому человеку, а также (прост.) как доброжелательное обращение*» [8]).

«Trésor» (*Fam. "Personne particulièrement gentille, agréable"* [13]. / разг. «*Очень приятный и милый человек*») имеет положительную коннотацию и выражает любовь, нежность и ласку;

4) отметим также в рамках данного фрейма тенденцию использования в русских КП скорее собственных имен, в то время как французские КП чаще тяготеют к ласковым обращениям.

Так, лексические компоненты, представляющие область «своего мира» ребенка, формируют фреймы СЕМЬЯ и РЕБЕНОК, отражая определенные характеристики для каждого члена семьи, будь то его семейная роль, родственная связь, выполняемые функции или эмоциональная близость.

Таким образом, подводя итог исследования, отметим, что целью исследования было выявление структурных особенностей формирования модели социального мира ребенка. Поставленная цель была достигнута, и мы пришли к следующим **выводам**: 1) модель социального мира ребенка представлена двумя макрокомпонентами: «свой мир» и «внешний мир»; 2) особенности лексических компонентов, формирующих модель «своего мира» ребенка во французской и русской лингвокультурах, представляют собой ближайших родственников и самого ребенка. Каждый из компонентов «своего мира» маркируется определенной ролью (например, социальной ролью отца), а также характеризуется определенным набором функций (защитника, добытчика или члена семьи, выполняющего домашние дела); 3) кроме того, на примере двух языков отмечены общие и специфические лексические черты, формирующие особенности конструирования мира ребенка: большее разнообразие лексических и словообразовательных средств в русской лингвокультуре, различия в использовании компонентов семейного круга (второй, третьей и далее степеней родства) во французской и русской лингвокультурах. **В перспективе** дальнейшего исследования планируется выявление ценностных ориентиров и моделей поведения, создаваемых представителями «своего мира» и «внешнего мира».

Список источников

1. Байкулова А. Н. Речевое общение в семье: автореф. дисс. ... к. филол. н. Саратов, 2006. 20 с.
2. Воейкова М. Д. Ранние этапы усвоения детьми именной морфологии русского языка. М.: Знак, 2011. 328 с.
3. Гуревич А. Я. Категория средневековой культуры. М.: Искусство, 1984. 350 с.
4. Колмогорова А. В., Варламова О. Н. Женщина в семейной коммуникации: речевой портрет матери (на материале русского и французского языков): монография. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2019. 208 с.

5. **Колыбельные для всей семьи** [Электронный ресурс]: междунар. социокультур. проект Натальи Фаустовой. URL: <https://dreamsong.ru/lyrics/slova-kolybelnoy-spi-ditya-usni> (дата обращения: 20.06.2020).
6. **Маковский М. М.** Язык – миф – культура. Символы жизни и жизнь символов. М.: Русские словари, 1996. 330 с.
7. **Мартынова А. Н.** Опыт классификации русских колыбельных песен // Советская этнография. 1974. № 4. С. 101-116.
8. **Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова** [Электронный ресурс]. URL: <https://slovarozhegova.ru/ozhegov.php> (дата обращения: 06.06.2020).
9. **Топоров В. Н.** Модель мира (мифопоэтическая) // Топоров В. Н. Мифы народов мира: энциклопедия: в 2-х т. М.: Сов. энциклопедия, 1982. Т. 2. К – Я.
10. **Центр детского сна и развития** [Электронный ресурс]. URL: <https://baby-sleep.ru/articles/29-russkie-narodnye-kolybelnye> (дата обращения: 18.06.2020).
11. <https://lullabies.ru> (дата обращения: 18.06.2020).
12. **Hugo l'escargot** [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hugolescargot.com/comptines-enfants/berceuses/> (дата обращения: 18.06.2020).
13. **Larousse** [Электронный ресурс]. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/maman/48988?q=maman#48897> (дата обращения: 06.06.2020).
14. **MacWhinney B., Snow C.** The child language data exchange system: an update // Journal of Child Language. 1990. № 17. P. 457-472.
15. **Mômes par parents** [Электронный ресурс]. URL: <https://www.momes.net/chansons-et-histoires/berceuses/un-bebe-tout-rose-837515> (дата обращения: 06.06.2020).
16. **Skinner B. F.** Contingencies of reinforcement: a theoretical analysis. N. Y.: Appleton Century Crofts, 1969. 319 p.
17. **Skinner B. F.** Verbal behavior. Englewood Cliffs, N. J.: Prentice Hall, 1957. 478 p.

Structural Peculiarities of Child's Worldview Formation: Lexical Aspect (by the Material of the French and Russian Lullaby Poetry)

Varlamova Olga Nikolaevna, PhD
Vorobieva Kseniya Andreevna
Siberian Federal University, Krasnoyarsk
olga-varlamova@mail.ru; ksenea-v@mail.ru

The paper aims to reveal structural peculiarities of a child's worldview formation by the material of the French and Russian lullaby poetry. Basing on the Russian and French languages, the authors identify two trends of a child's social world formation: developing models of "their own" and "outer" world. Scientific originality of the study lies in the fact that lullabies are considered as a source to create a child's social world model. This model is presented in the article. The research findings are as follows: using the frame modelling method, the authors identify components of a child's social world model, describe lexical units associated with a child's inner circle, reveal linguo-cultural peculiarities of their functioning.

Key words and phrases: lullabies; frame modelling; maternal speech; lexical components.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.38>

Дата поступления рукописи: 26.09.2020

Данная статья посвящена изучению побуждения – одного из базовых конструкторов коммуникации в разноструктурных языках: русском и английском. Цель исследования – доказать, что побуждение и способы его передачи не полностью изучены в рамках традиционной лингвистики, и аргументировать значимость решения этого вопроса в когнитивном аспекте. Научная новизна заключается в изучении вариативности представлений о побуждении и его языковой репрезентации, в том числе связанных с его вторичным осмыслением. Побуждение представляется как система знаний и рассматривается с точки зрения различных лингвистических подходов. Каждый подход имеет свои особенности изучения. В результате выделяется ряд средств, репрезентирующих побуждение. Однако существуют и другие способы передачи побуждения в речи (например, вторичные структуры), которые не были достаточно изучены. В результате доказано, что разные подходы к пониманию побуждения дополняют друг друга, тем не менее побуждение как систему знаний концептуального и языкового плана позволяет комплексно изучить именно когнитивная лингвистика.

Ключевые слова и фразы: побуждение; традиционный аспект; когнитивный аспект; языковая репрезентация; вторичные средства.

Гочева Ирина Владимировна

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина
igocheva23@gmail.com

Побуждение и способы его передачи в языке: традиционный и когнитивный аспекты изучения (на материале русского и английского языков)

Актуальность темы обусловлена тем, что побуждение как предмет исследования отражает разного рода представления и имеет различные варианты языковой репрезентации в разноструктурных языках, их соотношение представляет собой большой исследовательский интерес в современной лингвистике. Изучая иностранный

язык, люди должны понимать предложения с побудительным смыслом, который не всегда передается с помощью первичных средств выражения побуждения. Однако эти средства остаются недостаточно изученными на сегодняшний день. Побуждение изучалось в традиционной лингвистике, прежде всего, в структурно-семантическом, коммуникативно-прагматическом и функционально-семантическом аспектах. *Задачи* исследования: 1) проанализировать имеющийся опыт рассмотрения побуждения в традиционном плане; 2) выявить языковые средства, репрезентирующие побуждение в русском и английском языках; 3) обосновать, что побуждение как система знаний пока не получило комплексной оценки; 4) доказать, что с позиций когнитивного подхода в лингвистике это становится возможным. Для решения указанных задач использовались следующие *методы исследования*: анализ, синтез, описательный метод, концептуальный анализ. *Теоретической базой* исследования послужили работы ученых, представляющих традиционное и когнитивное направления изучения побуждения и способов его передачи. В истории изучения вопроса были использованы труды А. А. Шахматова, А. М. Пешковского, В. В. Виноградова, А. В. Прокопчика, Е. И. Беляевой и др. и актуальные публикации по теме Е. Г. Ахалкаци, К. С. Неустроева, В. В. Кулундарий, Н. Б. Мухиной, Т. Н. Шайхутдиновой.

Практическая значимость работы заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы при изучении побуждения в английском и русском языках в рамках выпускных квалификационных работ.

В словарях термин «побуждение» имеет следующие определения: желание или намерение сделать что-либо [27]; желание, намерение действовать [26]; влечение, стремление к осуществлению чего-либо; потребность сделать что-либо; понуждение кого-либо к какому-либо действию, поступку [25]; тип речевого акта, при котором выражается воля говорящего, обращенная к собеседнику; говорящий предлагает собеседнику совершить или не совершать действие [18].

Рассмотрение побуждения осуществлялось с разных точек зрения, менялись и подходы изучения, так как лингвистика постоянно развивается и не стоит на месте. Однако есть общее положение, которое объединяет большинство лингвистических работ, посвящённых данной тематике, – основой побуждения выступает волеизъявление, исходящее от адресата и направленное на получение ответной реакции. Побуждение в речи передаётся через побудительные высказывания, отличающиеся особыми грамматическими средствами.

Долгое время императивная форма выделялась как основное грамматическое средство выражения побуждения в речи. Побудительное предложение как особый тип синтаксической конструкции с точки зрения структурно-семантического подхода было рассмотрено в работах русских лингвистов, таких как А. А. Шахматов, А. М. Пешковский, В. В. Виноградов и др. [9; 19; 29]. А. А. Шахматов приводит следующие примеры побудительных предложений: *Да говори же наконец, – тебя я спрашиваю. Постой вот, погоди, он опривится, мы засядем в преферанс. Не оставь меня, друг мой* [29, с. 68]. А. М. Пешковский дает представление о предложении как побудительным значением как особом типе предложений, которые отличаются по следующим признакам: наличие 1) частиц, передающих оттенок побудительности: -ка, ну-ка, пускай, давайте и др.; 2) сказуемого, выраженного в форме повелительного наклонения; 3) интонации побуждения [19, с. 359]. Побудительной может называться речь, способствующая влиянию наших мыслей на волю другого человека, в результате этого влияния могут быть совершены или не совершены какие-либо поступки [Там же, с. 511].

Во второй половине двадцатого века был поставлен вопрос о возможности разделения волеизъявительных предложений на содержащие «специализированные» и «неспециализированные» грамматические формы выражения побуждения [22]. Например, А. В. Прокопчик выстраивает парадигму форм, способных передавать побудительный смысл. При рассмотрении побудительных предложений автор выделяет прямо- и косвенно-побудительные типы данных предложений. Косвенно-побудительные предложения могут выглядеть следующим образом: *«Поди, скажи кучеру, пусть подаёт лошадей»* [21, с. 6]. Конструкции, являющиеся прямо-побудительными, отличаются воздействием в момент речи. Автором учитывается взаимодействие, происходящее между субъектом и объектом речи.

В то же время важной оказалась и проблема соотношения и закрепления значения числа и лица за определенной формой повелительного наклонения. Ряд предложений, с особыми модальными и эмоциональными оттенками, содержат случаи смещения обозначенной закрепленности: *«Распошисься, ребята – фамильярно грубоватое побуждение; Серёженька, давай лекарство примем – мягкое вкрадчивое увещание, внушение»* [16, с. 14].

Побуждение и вариативность способов его передачи в языке рассматривались в рамках коммуникативно-прагматического подхода, в центре внимания которого – изучение языка от «формы к значению», взаимодействие говорящего и адресата. Взаимодействие на основе побуждения предполагает следующее: 1) адресат речи выступает субъектом определенного действия; 2) речь адресата не совпадает с речью говорящего; 3) адресат речи контролирует ожидаемое действие со стороны [10].

Л. А. Бирюлин цель побудительного высказывания определяет как ответную реакцию слушающего [6]. Еще Э. Бенвенист писал о том, что можно выявить целый ряд языковых средств, которые способны повлиять на адресата. Акт высказывания, содержащий подобные средства, направлен на получение ответа. Лексические и синтаксические формы обусловлены данным аспектом. Это выражается с помощью порядка слов, интонации, наличия частиц и местоимений, а также использования специальных форм и слов, которые передают побудительный смысл, например приказы или призывы [5].

В работах Дж. Остина, Дж. Серля, которые разработали теорию речевых актов, и их последователей рассматриваются коммуникативно-прагматические аспекты, реализующие побудительные интенции. Ученые изучают перформативные глаголы, разные типы предложений, определяя семантику речевого акта побуждения, дискурсы разных языков с целью анализа стимулирующих реплик, выявляют ситуативные контексты побуждения [23].

Побуждение может выражаться в разных видах с точки зрения интенциональности в коммуникативно-прагматическом аспекте. Например:

- требование *Call him!* / *Позвоните ему!*;
- приказ *Look at me! Don't do it!* / *Посмотри на меня! Не делай этого!*;
- просьба (с использованием слова «пожалуйста» в русском языке и слова “please” – в английском): *Don't be afraid, please. Wait outside the door, please.* / *Не бойся, пожалуйста. Ждите снаружи, пожалуйста;*
- предложение *Let me see your photo. Let me have a look at this. Let him speak!* “*Let him talk, Mathews*” – *he said.* / *Позволь посмотреть твою фотографию. Позволь мне взглянуть на это. Пусть говорит!* «*Разрешите ему сказать, Мэтью*», – сказал он;
- совет *Speak with Thomas, he knows what to do.* / *Поговори с Томасом, он знает, что делать* [4] (здесь и далее перевод автора статьи. – И. Г.).

Функционально-семантический подход предполагает рассмотрение побуждения и его представленности в языке с учетом специфики функционально-семантического поля, при этом средства, выражающие побуждение, подразделяются на ядерные и периферийные. В речи часто используются неимперативные конструкции для передачи побуждения, чтобы адресат сам мог сделать необходимые выводы. Для того чтобы правильно использовать периферийные средства выражения побуждения, семантические особенности данных структур должны быть подробно изучены (В. И. Козырев, Л. А. Сергиевская, В. С. Храковский, А. П. Володин). В рамках функционально-семантического подхода изучались такие актуализационные признаки побуждения, как модальность, персональность, темпоральность, аспектуальность и др. [12; 28].

Императив как основное средство выражения побудительной семантики подтверждают и представители функционально-семантического подхода. Помимо этого, ряд грамматических средств передает побудительный смысл опосредованно. Среди таких средств можно назвать изъявительное наклонение в настоящем и будущем времени, сослагательное наклонение глаголов, инфинитив. Таким образом, ядром побудительной семантики выступают императивные конструкции, остальные средства выражения подобной семантики являются периферийными. К периферийным можно отнести презентно-футуральные высказывания: относящиеся к моменту настоящего времени (*Что ты так кричишь? Тише!* – «сейчас») и к будущему (*Аня, сюда! После уроков ко мне* – «в будущем») [12].

На современном этапе вопрос изучения побуждения в лингвистике остаётся актуальным. Побуждение может быть выражено на разных языковых уровнях. В зависимости от намерения говорящего определяются языковые средства, репрезентирующие побуждение в конкретной языковой ситуации. Е. Г. Ахалкаци в своей работе «Семантика побудительных коммуникем английского языка (в сопоставлении с русским)» рассматривала коммуникемы со значением волеизъявления [2]. К. С. Неустроев в работе «Способы выражения побуждения и воздействия» предлагает разделить побудительные высказывания на три коммуникативно-прагматических типа: 1) с основным значением приказ/order; 2) с основным значением совет/advice; 3) с основным значением просьба/request [17]. Лингвисты продолжают изучать побудительные цели речевой деятельности субъекта речевого общения, повелительные и вопросительные типы предложений с признаками побудительности и многие другие вопросы [13; 14].

В целом в традиционном ключе передача побуждения связана с определенным кругом единиц, прежде всего, грамматического уровня. Так, объективация побуждения с точки зрения грамматики связана с использованием определенных морфологических компонентов и синтаксических структур.

В русском и английском языках говорящий побуждает собеседника к действию с помощью повелительного наклонения, императива (imperative mood). В английском языке глагол представлен инфинитивом без частицы *to*, обращение идёт ко второму лицу: *Take a few aspirins (J. Galsworthy)* [30]. / *Прими несколько таблеток аспирина. Go again; and don't come back until you have found a cab (B. Shaw)* [35]. / *Иди опять и не возвращайся, пока не найдешь такси. Take all her clothes off and burn them (B. Shaw)* [Ibidem]. / *Сними с нее всю одежду и сожги ее.* В русском языке в обращении ко второму лицу есть разграничение по числу, единственному или множественному: *Сделай милость, никогда не смей прикасаться к моим вещам, – сказал он, составляя куски разбитого флакончика и с сокрушением глядя на них (Л. Н. Толстой)* [15]. *Сделайте ей что-нибудь красивое, по своему вкусу (И. Грекова)* [Там же].

Предложения, передающие побуждение, имеют определенную синтаксическую структуру. В русском языке, как правило, они содержат один главный член – сказуемое (*Перестань! Подождите меня*). В английском языке побудительное предложение также зачастую не содержит подлежащего: *Hurry up! Call me tonight.* / *Поторопись! Позвони мне вечером!*

Следует отметить, что рассмотрение побуждения с точки зрения традиционного подхода оставляет ряд нерешенных вопросов. С одной стороны, спектр семантически значимых индикаций побуждения не всегда соотносится с ядерными способами его выражения, с другой – средства побуждения, которые являются ядерными, в процессе коммуникации могут приобретать статус периферийных. Это можно объяснить культурными, этикетными, этическими нормами, языковой компетентностью говорящих, а в целом – особенностями языковой картины мира. Учёт «неспецифических» форм выражения побуждения требует исследования вторичных способов его языковой репрезентации, которые зачастую являются факторами манипуляции в речевом общении. При работе с текстами выявление способов передачи побуждения представляет собой сложный процесс, в который входит анализ контекста и общей семантики текста [3].

Как представляется, рассмотреть побуждение как систему знаний и постичь вариативность способов его языковой репрезентации возможно в рамках современного направления изучения языка – когнитивной лингвистики (Дж. Лакофф, Р. Лэнекер, Е. С. Кубрякова, Н. Н. Болдырев, В. З. Демьянков и др.), в центре внимания которой – проблема взаимодействия мыслительных и языковых структур. Когнитивная лингвистика позволяет дать комплексное представление о том или ином явлении как части языковой картины мира, в том числе с привлечением данных из других неязыковых областей. В частности, для исследования побуждения важными являются данные психологии, логики и философии [31-33].

Побуждение имеет психологическую основу и передает стремление индивида к выполнению или осуществлению какого-либо действия. Причиной для совершения действия может выступать результат внешних процессов или желание, потребность самого субъекта. Психологическая природа побуждения – это своего рода двигательный импульс или эмоционально-волевое устремление, которое способно направить действие человека. В зависимости от источника побуждения выделяют внутреннее и внешнее побуждения. Основой внутреннего побуждения выступают чувства – мотивация или обращение к разуму. Во внешнем побуждении обращение к чувствам представляет собой природный зов, а обращение к разуму рассматривается как призыв [34].

Три основные функции языка, согласно К. Бюлеру, – это отображение мира; выражение говорящего; апеллирование к слушающему. Ему принадлежит мысль о том, что высказывание «выражает» говорящего и может воздействовать на слушающего [8]. Интерпретация побуждения зависит от стремления говорящего и отношения между собеседниками [1].

В логике в связи с понятием «побуждение» рассматривается мотивирование и его основные типы. Мотивирование представляет собой процесс воздействия на человека, с помощью пробуждения определенных мотивов побудить человека к каким-либо действиям. Различают два основных типа мотивирования: 1) создание мотивов для побуждения человека к действию, которое должно привести к обозначенному результату; 2) усиление или ослабление уже действующих мотивов [11].

В философии встречается термин «каузальный» (от лат. *causalis* – причинный). Он участвует в описании отношений между явлениями, одно из которых является причиной, а другое выступает в роли следствия или действия, в том числе результата побуждения. Причина и следствие при этом осмысливаются как диалектическое единство. Причинно-следственным отношениям в языке посвящали работы многие известные ученые-лингвисты (А. А. Потебня, Г. Г. Сильницкий, А. А. Холодович, С. Д. Кацнельсон, Н. Д. Арутюнова, Л. М. Ковалева и др.) [20].

В отношении английского языка важно исследование причинности с учетом каузальной ситуации как основы побуждения. Дж. Лакофф и М. Джонсон характеризуют каузальную ситуацию с точки зрения когнитивного аспекта. Авторами выделяются следующие отличительные признаки: агент, имеющий целью физическое изменение объекта, следующий определенному плану выполнения поставленной цели. Агент осуществляет контроль намеченной программы, несёт ответственность за ее реализацию с помощью органов восприятия и физического контакта [32].

Примерами каузативных предложений являются выделенные высказывания: *“But you make them work for you”* – *“Not at all. Not one man is forced to work for me”* (Lawrence) [30]. / «Но ты заставляешь их работать на себя» – «Нисколько. Никого не заставляю работать на себя». Каузативность отражает, как люди воспринимают и интерпретируют причинные отношения.

В когнитивном аспекте человек способен не только актуализировать те или иные знания языка для фиксации результатов познания. Он также способен учитывать интерпретирующий потенциал языковых средств, в том числе в процессе общения прибегая к использованию вторичных способов репрезентации познания. Если первичная языковая репрезентация представляет собой выражение концептов при помощи лингвистических единиц в их предметно-логическом значении, то вторичная языковая репрезентация – это основанная на вторичной номинации концептуальная деривация [7]. Обратимся к примерам.

На лексическом уровне побуждение могут передавать каузативные глаголы (*have, get, let, make*), которые напрямую выражают причину или повод для совершения другого действия, поэтому также называются побудительными глаголами или глаголами причины. Например, *have* выражает передачу ответственности за выполнение действия на кого-то, переадресацию задачи: *A simple way of introducing still image work with this age group is to have them walk or run round the hall* [30]. / *Простой способ представить работу с этой возрастной группой состоит в том, чтобы заставить их ходить или бегать по залу*. Глагол *get* иллюстрирует побуждение к действию с целью убеждения или вдохновения к осуществлению чего-либо: *And when they came to wake him up and get him ready for breakfast* [Ibidem]. / *И когда они пришли будить его и готовить к завтраку*. *Let* служит разрешением на осуществление чего-либо: *Let somebody else do her work* [Ibidem]. / *Пусть кто-нибудь другой делает ее работу*. *Make* обозначает приказ или распоряжение: *But do they make us pay over the odds* [Ibidem]. / *Не заставляют ли они платить нас больше положенного?*

Вместе с тем ряд некаузативных глаголов может передавать побуждение во вторичном аспекте. Сравним предложения *They made him leave the room* [24]. / *Они заставили его выйти из комнаты* и *They laughed him into silence and he left the room* [Ibidem]. / *Их смех заставил его замолчать, и он вышел из комнаты*. В первом случае побуждение прямое, выраженное посредством глагола *make*. Во втором – побуждение объективируется некаузативным глаголом *laugh* в его вторичном значении в результате переосмысления в заданном ситуативном и речевом контексте, раскрывается его значение «при помощи смеха заставлять кого-либо что-либо делать».

Таким образом, мы приходим к следующим **выводам**. 1. В традиционном аспекте побуждение рассматривалось с разных точек зрения, которые в том или ином плане дополняют представление об изучаемом явлении и способах его передачи в языке. 2. Побуждение может передаваться различными средствами на разных языковых уровнях. Как в русском, так и в английском языке главным способом репрезентации побуждения принято считать предложение в повелительном наклонении – *imperative mood*. Однако существует множество других способов передачи побуждения. Так, в английском языке большой интерес представляют каузативные глаголы. Некоторые глаголы английского языка могут выступать каузативными во вторичном значении. 3. Разные подходы к изучению способствуют достижению определенных целей исследования. В рамках структурно-семантического подхода в центре внимания было описание побудительных предложений. При коммуникативно-прагматическом подходе определялись языковые средства, реализующие побуждение, выбор которых зависел от специфики прагматических факторов. Функционально-семантический подход позволил выявить функциональную значимость языковых единиц, участвующих в передаче значения побуждения. Однако остаётся ряд нерешенных вопросов, которые не были изучены комплексно. В свою очередь, на современном этапе **перспективным** является изучение побуждения с позиций когнитивного подхода, поскольку в его рамках возможно рассмотрение исследуемого явления как комплекса знаний и способов их передачи в языке с учетом первичных и вторичных структур, т.е. многообразия языковой картины мира. Так, на основании изученного материала мы можем представить побуждение как кластерный концепт, систему знаний, организуемую на основе характеристик, обусловленных взаимодействием субъекта и объекта ситуации побуждения: 1) наличие источника и цели приложения энергии; 2) одновременность или последовательность действия субъекта с состоянием объекта; 3) желание, намерение субъекта сделать что-либо, волеизъявление; 4) стремление или потребность объекта к выполнению или осуществлению чего-либо; 5) создание, усиление или ослабление мотивов для побуждения объекта к действию, его контроль; 6) осознанная желательность со стороны субъекта; 7) побуждение объекта в виде требования, приказа, совета, просьбы, предложения. В этой связи побуждение в контексте языковой картины мира предполагает широкий охват способов его выражения и может быть изучено на основании выявленных характеристик.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20-18-00372).

Список источников

1. **Абросимова Г. А.** Побуждение как объект лингвистического исследования // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. 2014. № 29. С. 201-208.
2. **Ахалкаци Е. Г.** Коммуникемы со значением волеизъявления: структурно-семантический, этимологический, парадигматический и речевой аспекты (на материале английского языка в сопоставлении с русским): дисс. ... к. филол. н. Ростов-на-Дону, 2006. 197 с.
3. **Бабина Л. В.** Когнитивные основы вторичных явлений в языке и речи. Тамбов – М.: ТГУ им. Г. Р. Державина, 2003. 264 с.
4. **Беляева Е. И.** Грамматика и прагматика побуждения: английский язык. Воронеж: ВГУ, 1992. 168 с.
5. **Бенвенист Э.** Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 448 с.
6. **Бирюлин Л. А.** Семантика и прагматика русского императива. Helsinki: Slavica Helsingiensia, 1994. 229 с.
7. **Болдырев Н. Н.** Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: ЯСК, 2019. 478 с.
8. **Бюлер К.** Теория языка. Репрезентирующая функция языка / пер. с нем. М.: Прогресс, 1993. 501 с.
9. **Виноградов В. В.** Избранные труды: исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. 559 с.
10. **Волкова А. Е.** Побудительность как грамматическое и функционально-семантическое явление // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2010. № 1. С. 31-34.
11. **Глоссарий.ru** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.glossary.ru/> (дата обращения: 15.08.2020).
12. **Козырев В. И.** Актуализационные признаки безглагольных побудительных высказываний в современном русском языке: дисс. ... к. филол. н. Л., 1983. 204 с.
13. **Кулундарий В. В.** Признаки побудительности у повествовательных и вопросительных предложений английского языка // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 1 (50). С. 285-287.
14. **Мухина Н. Б., Шайхутдинова Т. Н.** Признаки побудительности у повествовательных и вопросительных предложений английского языка // Мир науки, культуры, образования. 2016. № 6 (61). С. 427-431.
15. **Национальный корпус русского языка** [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 10.08.2020).
16. **Немешайлова А. В.** Повелительное наклонение в современном русском языке: автореф. дисс. ... к. филол. н. Пенза, 1961. 27 с.
17. **Неустров К. С.** Способы выражения побуждения и воздействия (на материале современного английского языка): автореф. дисс. ... к. филол. н. Ростов-на-Дону, 2008. 22 с.
18. **Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.** Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1993. 907 с.
19. **Пешковский А. М.** Русский синтаксис в научном освещении. Изд-е 7-е. М.: Учпедгиз, 1956. 512 с.
20. **Потебня А. А.** Из записок по русской грамматике: в 4-х т. М.: Просвещение, 1968. Т. 3. 551 с.
21. **Прокопчик А. В.** Структура и значение побудительных предложений в современном русском языке: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 1965. 16 с.
22. **Разилова З. Г.** Типы волеизъявительных предложений в современном русском литературном языке: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 1954. 18 с.
23. **Серль Дж.** Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. Вып. 17. Теория речевых актов. С. 170-195.

24. **Словари и энциклопедии на Академике** [Электронный ресурс]. URL: <https://translate.academic.ru/> (дата обращения: 15.08.2020).
25. **Толковый словарь Ефремовой** [Электронный ресурс]. URL: <https://www.efremova.info/> (дата обращения: 15.08.2020).
26. **Толковый словарь Ожегова** [Электронный ресурс]. URL: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 15.08.2020).
27. **Толковый словарь Ушакова** [Электронный ресурс]. URL: <https://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения: 15.08.2020).
28. **Храковский В. С., Володин А. П.** Семантика и типология императива: русский императив. М.: Едиториал УРСС, 2001. 272 с.
29. **Шахматов А. А.** Синтаксис русского языка. М.: МГУ, 1941. 620 с.
30. **British National Corpus** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> (дата обращения: 12.08.2020).
31. **Lakoff G.** Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind. Chicago – L.: The University of Chicago Press, 1990. 614 p.
32. **Lakoff G., Johnson M.** Metaphors We Live by. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 276 p.
33. **Langacker R.** Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar. Berlin – N. Y.: Mouton de Gruyter, 1991. 405 p.
34. **Psychologies** [Электронный ресурс]. URL: <https://www.psychologies.ru/> (дата обращения: 15.08.2020).
35. **Shaw G. B.** Pygmalion [Электронный ресурс]. URL: <https://eng360.ru/pygmalion> (дата обращения: 12.08.2020).

Imperative and Its Linguistic Representation: Traditional and Cognitive Approaches (by the Material of the Russian and English Languages)

Gocheva Irina Vladimirovna
Derzhavin Tambov State University
igocheva23@gmail.com

The article is devoted to studying imperative, one of the basic communicative constructs in the languages of different structures – Russian and English. The research objectives are as follows: to prove that imperative and means of its linguistic representation are insufficiently investigated within the framework of traditional linguistics and to justify relevance of the cognitive aspect. Scientific originality of the paper involves analysing the existing approaches to studying the imperative category and its linguistic representation including connected with its secondary comprehension. Imperative is considered as a system of knowledge and is examined through the lens of different linguistic approaches with their own peculiarities. Relying on the conducted analysis, the researcher identifies means to represent the imperative category. However, there are some other means to transfer imperative in speech, for example, secondary structures, which are still insufficiently investigated. The research findings are as follows: the author proves that different approaches to understanding the imperative category supplement each other, but only the cognitive approach makes it possible to conduct a comprehensive analysis of imperative as a system of conceptual and linguistic knowledge.

Key words and phrases: imperative; traditional aspect; cognitive aspect; linguistic representation; secondary means.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.39>

Дата поступления рукописи: 15.11.2020

Цель исследования – выявить наиболее распространенные интерферентные явления в речи бурят-билингвов на фонетическом уровне с обоснованием их возникновения. В статье изучены проявления фонетической интерференции в речи молодых бурят-билингвов, определены наиболее характерные интерферентные явления в их речи. Исследование проводилось на основе наблюдения за речью студентов, обучающихся на непрофильных направлениях подготовки. **Научная новизна** заключается в комплексном сопоставительном анализе обратной фонетической интерференции, т.е. влияния неродного (второго) языка на родной (первый) язык. **В результате** определены причины и основные факторы, определяющие возникновение интерференции в речи бурят-билингвов на бурятском языке.

Ключевые слова и фразы: бурятский язык; бурятско-русское двуязычие; языковая интерференция.

Гунжитова Гарма-Ханда Цыбикжаповна, к. полит. н.

Дареева Оксана Александровна, к. пед. н., доц.

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ

gunzhitova1974@mail.ru; okdarin@mail.ru

Фонетическая интерференция в устной речи бурят-билингвов

Введение

В условиях естественного билингвизма и тесного контактирования двух языков становится объективно неизбежным их взаимовлияние. Результаты процесса взаимодействия могут быть самыми разными. Это и некоторые фонетические изменения, и лексические заимствования, и возникновение смешанных языков и т.д. Одно из распространенных явлений, возникающих в результате языкового контакта – интерференция (от *inter* – между собой, *ferentis* – несущий, переносящий), под которой понимается взаимодействие языковых систем в условиях двуязычия, складывающееся либо при языковых контактах, либо при освоении неродного языка.

Актуальность темы данного исследования обусловлена тем, что в последнее время устная речь бурят-билингвов, особенно молодежи, на родном (бурятском) языке все больше характеризуется наличием отклонений от нормы в области произношения, многие из которых обусловлены интерференцией. Традиционно проблему интерференции в условиях национально-русского двуязычия рассматривают в разрезе влияния родного языка на русскую речь билингвов. В случае с бурятско-русским двуязычием более актуальным становится изучение влияния русского языка на бурятскую речь носителей. Это позволит выявить закономерности взаимовлияния двух контактирующих языков, а выявление причин имеющихся отклонений позволит выработать наиболее эффективные методы их устранения и повышения культуры речи носителей бурятского языка.

Для достижения обозначенной выше цели были поставлены следующие **задачи**: во-первых, изучить проявления фонетической интерференции в речи бурят-билингвов и определить наиболее характерные и распространенные интерферентные явления; во-вторых, выявить причины, факторы этих явлений.

В решении этих задач были задействованы такие **методы исследования**, как наблюдение, сопоставительный анализ.

Теоретической базой исследования послужили работы У. Вайнрайха [3], Э. Хаугена [10], А. Е. Карлинского [7], Н. И. Ивановой [6], М. М. Кублановой [8], А. И. Николаева [9] и др., в которых рассматриваются различные аспекты явления интерференции, являющейся одним из основных лингвистических аспектов двуязычия и результатом языковых контактов, а также исследования И. Д. Бураева [2], Б. Ж. Будаева [1] по фонетике бурятского языка.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы в последующих исследованиях бурятско-русского двуязычия, при разработке вузовских курсов по практической фонетике бурятского языка, культуре речи, методике преподавания бурятского языка.

Рассмотрим определения термина «интерференция», которые были сформулированы разными исследователями данного явления. Так, У. Вайнрайх под интерференцией понимает «отклонения от нормы одного из контактирующих языков под влиянием другого» [3, с. 27], которые возникают в процессе коммуникации в условиях двуязычия. Также интерференция определяется разными авторами как «транспозиция навыков и умений из одного языка в другой» [4, с. 345], «взаимодействие элементов различных языковых систем» [5, с. 131], «положение двух языковых систем в процессе речи, которое приводит к интерференции» [10, с. 62] и т.д.

Как следует из приведенных определений, интерференция представляет собой взаимное влияние контактирующих языков. Однако большинство исследований в этой сфере посвящены изучению влияния родного языка на неродной (второй) язык. Между тем при взаимодействии языков происходит и другой процесс – влияние второго языка на родной язык билингвов, т.е. имеет место так называемая обратная интерференция. При этом интерференция имеет место на всех уровнях языка – фонетическом, лексическом, морфологическом и синтаксическом. В рамках данной статьи мы рассматриваем только фонетическую интерференцию.

В последнее время данное явление широко распространено в условиях бурятско-русского двуязычия. Так, нередко можно наблюдать, как буряты-билингвы, преимущественно молодые, безошибочно и без акцента говорящие на русском языке, допускают произносительные ошибки в речи на родном языке.

Интерферентные явления в речи бурят-билингвов: результаты исследования

В нашем исследовании в качестве информантов выступили студенты – буряты, обучающиеся в Бурятском государственном университете имени Доржи Банзарова на 1-2 курсах непрофильных (не бурятская филология) направлений подготовки, владеющие бурятским и русским языками, в возрасте от 17 до 20 лет. Из числа студентов-билингвов нами были выделены те, кто в устной речи на родном (бурятском) языке допускают произносительные ошибки. В общем числе студентов-билингвов они составили около 30%.

В своем исследовании мы исходили из того, что любая интерференция обусловлена, прежде всего, различиями в контактирующих языках, в нашем случае – различиями в области фонетики. Поэтому логика нашего исследования была построена следующим образом: сначала мы зафиксировали наиболее распространенные и характерные произносительные ошибки, наблюдаемые в речи информантов. Затем определили те фонетические различия бурятского и русского языков, которые явились причиной этих отклонений, а также попытались выявить те факторы, которые способствуют интерференции со стороны русского языка.

Отметим, что при определении того, правильно ли произнесено то или иное слово или тот или иной звук, мы исходили из принципа нормативности, т.е. ориентировались на нормы литературного бурятского языка. При этом диалектально обусловленные произносительные отклонения от литературной нормы в рамках нашего исследования не рассматривались, так как они не входили в целевое поле нашего исследования. Мы акцентировали внимание на произносительных ошибках, обусловленных влиянием русского языка на бурятскую речь бурят-билингвов.

Итак, наиболее распространенными в речи наших информантов – бурят-билингвов были следующие произносительные отклонения.

- Произношение заднеязычного звука [x] вместо фарингального [h]: так, информанты произносили [хамган] вместо [хамган] (жена), [сахан] вместо [сахан] (снег), [ха:наха:] вместо [ха:наха:] (откуда) и т.д.

Действительно, согласный звук [h] относится к специфическим звукам бурятского языка, артикуляторно близок к звуку x, но не идентичен. Как пишет И. Д. Бураев в своей работе «Звуковой строй бурятского языка», фонема [h] – фарингальный щелевой звук, который «артикулируется щелевой преградой, образованной между отодвинутым назад корнем языка и выпяченной нижней частью задней глотки (фаринкса)». Тогда как фонема x

определяется им как «заднеязычно-увулярный щелевой звук», при произнесении которого в словах мягкого ряда активным органом является задняя часть языка, а в словах твердого ряда активный орган – мягкое нёбо [2, с. 104].

• Еще одним отклонением, наблюдавшимся в устной речи информантов, стало произношение смычного звука [б] в тех позициях, где должен произноситься щелевой вариант данного звука, например в интервокальной позиции. Так, данная ошибка была зафиксирована при произнесении слов типа *аба* (отец), *таба* (пять), *арба* (десять), *ошобо* (пошёл), *ябаа* (ушёл), *сэбэрхэн* (симпатичный), *хүбүүн* (мальчик, сын) и др.

И. Д. Бураев описывал фонему [б] следующим образом: «Артикулируется смычной или щелевой преградой между губами при слабом напряжении мышц окружности рта. Следовательно, фонема [б] в бурятском языке может проявляться в смычных и щелевых оттенках» [Там же, с. 68].

При этом он указывал, что смычные оттенки употребляются «в начале слова, в исходе слова в конце слога и в начале слога после согласных, кроме сонанта [р]» [Там же, с. 69]. Соответственно, после согласного [р] и в интервокальном положении проявляется щелевой оттенок данной фонемы. В речи же наших информантов во всех случаях произносился смычный вариант данной фонемы, что, безусловно, объясняется влиянием русского языка, в котором присутствует только смычный звук [б].

• Схожая с произношением звука [б] ошибка наблюдается в произношении смычного [г] вместо щелевого в разных позициях в словах типа *эгэшэ* (сестра), *нагаса* (дядя по матери), *нэгэ* (один), *үндэгэн* (яйцо), *сагаан* (белый), *үргэн* (широкий), *хамган* (жена, женщина), *үлгы* (колыбель) и т.п.

Как отмечает И. Д. Бураев, фонема [г] в бурятском языке имеет смычные и щелевые оттенки (варианты). При этом «щелевые дрожание оттенки употребляются внутри слова в интервокальном положении и после [р], а также иногда после [л]» [Там же, с. 99]. Как мы знаем, в русском языке (исходя из принципа нормативности) аналогичный звук также используется только в смычном варианте, что и вызывает интерференцию.

• Кроме этого, в речи информантов наблюдалось отклонение, которое, на первый взгляд, не вызвало значительного акустического эффекта, но всё же выдавало небольшой акцент – произношение переднеязычного [н] вместо заднеязычного сонанта [ŋ] в словах типа *наран* (солнце), *табан* (пять), *арбан* (десять), *Ангара* (Ангара), *энгэр* (отвороты у одежды). Как мы знаем, в русском языке подобного звука нет, тогда как в бурятском языке это один из активно используемых звуков. «Фонема [ŋ] – это заднеязычно-увулярный смычный твердый носовой сонант», который употребляется «исключительно в исходной позиции слогов: или в конце слова, или внутри слова перед согласными [х] и [г]» [Там же, с. 101].

• Еще одна довольно распространенная ошибка, которая наблюдалась в речи наших информантов – это несоблюдение долготы гласных. Как известно, бурятский язык относится к тем языкам, где гласные противопоставляются по степени длительности (краткие и долгие). При этом количественная сторона в системе бурятского вокализма имеет фонематическое значение и выполняет смылоразличительную функцию. Так, слова с одним и тем же составом звуков, отличающиеся лишь долготой гласных, будут иметь абсолютно разное значение, например: [нэгэ] (один) – [нэ:гэ:] (открыл), [хара] (черный) – [ха:ра:] (закрылся), [ула] (подошва) – [у:ла] (гора) и т.п.

В русском же языке противопоставление гласных звуков по длительности отсутствует. Разная степень длительности гласных в русском языке может быть обусловлена только одним фонетическим условием их реализации – ударным или безударным положением. При этом ударный и безударный гласные не являются разными фонемами, а лишь аллофонами одной фонемы.

Что касается наших информантов, то в их речи были зафиксированы следующие ошибки: произнесение [алихаŋ] вместо [а:лихаŋ], [элжэŋ] вместо [э:лжэ:ŋ], [долотэ] вместо [доло:тэ] и др. Думается, что все это обусловлено в том числе ограниченностью практики общения информантов на бурятском языке и утратой навыка правильного произнесения и различения кратких и долгих гласных.

• Следующее интерферентное явление, которое было зафиксировано в речи информантов, – неправильное произношение дифтонгов.

В современном бурятском языке можно говорить о наличии четырех дифтонгов: [аэ] (пишется как ай), [оэ] (пишется как ой), [уи] (пишется как уй), [үи] (пишется как үй). Качество этих звуков в разных позициях в слове разное: сильное – в первом слоге, слабое – в конце слова.

Как мы знаем, в русском языке аналогичные сочетания букв (ай, ой, уй) обозначают сочетание соответствующих гласных с согласным [й]. В некоторых случаях информанты произносили дифтонги как в русском языке, особенно это было характерно, когда звук стоял в конце слова.

В первых же слогах информанты монофтонгизировали их, произнося [хо:но] вместо [хоэно], [ха:плана] вместо [хаэрлана], [хи:тэŋ] вместо [хүитэŋ] и т.д. Это объясняется тем, что для русскоязычного человека двугласные звуки [аэ], [оэ], [уи], [үи] являются непривычными. Как показал анализ речи наших информантов, несмотря на то, что бурятский язык для них является родным языком, они также не совсем правильно их произносят.

• Довольно распространенной в речи информантов была ошибка в произнесении так называемых «женских» (эмэ) гласных, или в более употребительной терминологии – гласных мягкого ряда, или гласных переднего ряда. Отметим, что использование терминов эрэ (мужские), эмэ (женские), эрсэ (нейтральные) в отношении трех групп бурятских гласных, выделяемых на основе их артикуляторной классификации, восходит к монголо-тибетской традиции. Однако, как отметил И. Д. Бураев, «в общей фонетике эти термины не употребительны», так как «вызывают иные ассоциации» [Там же, с. 114]. Согласно его классификации,

все гласные звуки бурятского языка распределяются по трем рядам, образующим три противостоящие друг другу фонематические группы:

1. Твердый ряд: уу, у, оо, о, аа, а, аэ, оэ, уи.
2. Мягкий ряд: үү, ү, өө, ээ, э, үи.
3. Нейтральный ряд: ии, и.

Артикуляторно гласные твердого ряда произносятся преимущественно при заднем, оттянутом положении языка, гласные мягкого ряда – при переднем его положении. Кроме того, субъективно-слуховой анализ показывает, что за счет такой разницы в артикуляции заднерядные («мужские») гласные звучат тембрально ниже, тогда как переднерядные («женские») гласные – выше.

Наблюдения показывают, что неноситель бурятского языка артикуляторно и акустически ближе воспринимает гласные твердого ряда. Звучание и произношение «женских» гласных вызывают у них объективные трудности, точнее, они не слышат, соответственно, не могут воспроизвести разницу между «мужскими» и «женскими» звуками. Однако, как оказалось, трудность воспроизводства этих звуков характерна и для наших информантов. Так, информанты произносили [о:ро:] вместо [ø:рø:], [хо:рыш] вместо [хø:рыш], [турго:р] вместо [тургø:р], [тул'э:η] вместо [тул'э:η] и т.п.

Перечисленные выше отклонения касались произношения отдельных звуков. Однако информанты допускали ошибки не только на уровне отдельных звуков, но и на уровне произношения слова, фразы. Так, информанты достаточно часто допускали ошибки при произношении заднеязычных звуков *ɣ*, *х*, *һ* в тех случаях, когда указанные звуки находились рядом – в одном слове или в соседних словах фразы. На наш взгляд, это вызвано, прежде всего, близостью артикуляции этих звуков, а также наличием смычных и щелевых оттенков *ɣ*, отличием произношения звука *х* в словах с твердорядным или мягкорядным составом гласных.

• Как известно, фонетическое единство слова создается преимущественно ударением. В русском языке ударение силовое, разноместное. В бурятском языке долгое время считалось, что ударение приходится на первый слог слова [Там же, с. 15].

Однако экспериментальные исследования, проведенные Б. Ж. Будаевым, показали, что бурятские слова имеют тоническое ударение на последнем слоге [1, с. 107]. Кроме того, было установлено, что в не первых слогах (и в последнем ударном слоге тоже) краткие гласные редуцируются. Другой особенностью акцентной структуры бурятского слова является сохранение гласным в первом слоге своего качества, несмотря на то, что первый слог не является ударным.

Что касается речи наших информантов, то для них было характерно следующее отклонение в акцентной структуре слова – произношение бурятских слов с краткими гласными типа *наран* (*солнце*), *арсалан* (*лев*), *тэнгэри* (*небо*), *эгэиэ* (*сестра*) и т.п. с силовым ударением на последнем слоге. В данном случае мы наблюдали замену тонического ударения с редукцией гласных в не первых слогах более привычным силовым ударением, сопровождающимся удлинением гласного в ударном слоге.

Основные причины и факторы интерференции

Анализ зафиксированных в процессе наблюдения произносительных ошибок показал, что их наличие обусловлено такими фонетическими особенностями бурятского языка, как:

- 1) наличие фарингального [h];
- 2) наличие щелевых вариантов смычных согласных звуков [b], [ɣ];
- 3) наличие заднеязычного сонанта [ŋ];
- 4) наличие кратких и долгих гласных;
- 5) наличие двугласных дифтонгов;
- 6) деление гласных на «мужские» и «женские»;
- 7) наличие вариантов (оттенков) заднеязычных фонем *ɣ*, *х* в зависимости от вокалического окружения;
- 8) различия в акцентной структуре слова: отсутствие силового ударения, наличие тонического ударения на последнем слоге; редукция кратких гласных в не первых слогах слова.

Как показал опрос, произносительные ошибки в речи характерны для тех студентов, которые преимущественно говорят на русском языке, бурятский язык используют только в сфере семейно-бытового общения, в основном при общении с пожилыми родственниками.

При этом бурятский язык является для них родным, первым по усвоению языком. Многие из информантов отмечают, что до 3-4 лет они говорили только на бурятском языке. Переход на русский язык у них начался с момента поступления в дошкольные образовательные учреждения. На данный момент свой уровень владения русским языком они оценивают как высокий. Примечательно, что во многих случаях бурятский язык в раннем детстве большинству информантов прививали старшие родственники (дедушки, бабушки). Затем, как отмечают информанты, их практика общения на бурятском языке или прерывалась, или становилась очень редкой.

Кроме этого, данных информантов характеризует то, что они или не изучали бурятский язык в образовательных организациях, или изучали его в незначительном объеме (не более 1-2 часов в неделю). Причинами того, что информанты не изучали родной язык в школе, чаще всего является проживание и обучение в другом регионе (Республика Саха – Якутия, Иркутская область), отсутствие предмета «бурятский язык» в образовательной программе школы, находящейся в отдельных населенных пунктах или районах Республики Бурятия с преимущественно небурятским, русскоязычным населением (г. Северобайкальск, Прибайкальский район,

Баунтовский район). Понятно, что для людей, переехавших в другой регион или в район с преимущественно русскоязычным населением, языковая среда на родном языке сужается до пределов общения внутри семьи.

Информанты, изучавшие бурятский язык в школе, отмечали, что обучение осуществлялось по программе «Бурятский язык как государственный», т.е. по программе, предусмотренной для обучения учащихся, не владеющих бурятским языком, хотя информанты не относились к этой целевой группе. Кроме того, объем часов по указанной программе составляет 1-2 часа в неделю, в отличие от программы «Бурятский язык как родной», где на изучение языка предусматривается 3-5 часов.

Заключение

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие *выводы*.

В речи бурят-билингвов на родном (бурятском) языке под влиянием второго (русского) языка возникают интерферентные явления на фонетическом уровне, вызванные разницей в звуковом составе двух языков (звуки *h*, *ng*, долгие гласные, двугласные дифтонги), отличиями в артикуляции схожих звуков (щелевые варианты фонем *б*, *з*, оттенки фонемы *х*, мужские и женские гласные), особенностями акцентной структуры слова (силовое ударение в русском языке, тоническое – в бурятском). Эти различия и являются основными причинами наблюдаемой фонетической интерференции.

Основные факторы, которые обуславливают так называемую «обратную интерференцию», т.е. влияние неродного (русского) языка на родной (бурятский) язык, следующие: высокий уровень владения русским языком; отсутствие постоянной практики общения на родном языке; незначительность или отсутствие языковой среды, соответственно, функциональное доминирование русского языка во всех сферах общения; отсутствие опыта изучения родного языка в образовательной организации или неэффективная (недифференцированная) система обучения родному языку, соответственно, незнание или плохое знание произносительных норм бурятского языка.

Данное исследование не претендует на завершенность. В нынешней языковой ситуации, когда наблюдается объективное функциональное доминирование русского языка, интерферентные явления в родном языке бурят-билингвов могут приобрести еще более широкий характер. Все это требует *дальнейшего исследования* интерференции не только на фонетическом уровне, но и на лексическом, грамматическом уровнях с охватом разных групп носителей.

Список источников

1. Будаев Б. Ж. Акцентуация бурятского языка. М.: Наука, 1981. 110 с.
2. Бураев И. Д. Звуковой строй бурятского языка / Акад. наук СССР, Сиб. отд-ние, Бурят. комплекс. науч.-исслед. ин-т. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1959. 194 с.
3. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. 1972. Вып. 6. С. 25-60.
4. Давитиани А. А. Интерференция, вызванная различием конструкций грузинского и русского предложений // Проблемы двуязычия и многоязычия: сб. науч. тр. М.: Наука, 1972. С. 344-356.
5. Ершова Е. Н. О некоторых формах лингвистической интерференции и о возможности их использования в методике преподавания языков // Проблемы двуязычия и многоязычия: сб. науч. тр. М.: Наука, 1972. С. 131-139.
6. Иванова Н. И. Интерферентные явления в устной речи билингвов-саха (на материале телевизионной речи представителей гуманитарной интеллигенции): дисс. ... к. филол. н. Якутск, 2002. 188 с.
7. Карлинский А. Е. Основы теории взаимодействия языков / АН КазССР, Ин-т языкознания. Алма-Ата: Гылым, 1990. 181 с.
8. Кубланова М. М. Языковая интерференция на уровне интонации (на материале английского языка): дисс. ... к. филол. н. М., 2003. 171 с.
9. Николаев А. И. Иноязычный акцент как результат интерференции языковых систем // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 6 (60). Ч. 3. С. 119-121.
10. Хауген Э. Языковой контакт // Новое в лингвистике. 1972. Вып. 6. С. 61-80.

Phonetic Interference in the Bilingual Buryats' Native Speech

Gunzhitova Garma-Khanda Tsybikzhapovna, PhD

Dareeva Oksana Alexandrovna, PhD

Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude

gunzhitova1974@mail.ru; okdarin@mail.ru

The research objectives are as follows: to identify the most frequent patterns of phonetic interference in the bilingual Buryats' native speech and to reveal causes of this phenomenon. The article examines manifestations of phonetic interference in the young bilingual Buryats' speech, discusses the most typical cases. The study is based on analysing non-linguistic students' speech. Scientific originality of the paper involves a comprehensive comparative analysis of reverse phonetic interference, i.e. non-native (second) language influence on the native one. The research findings are as follows: the most common causes of phonetic interference in the bilingual Buryats' native speech are revealed.

Key words and phrases: Buryat language; Buryat-Russian bilingualism; language interference.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.40>

Дата поступления рукописи: 28.10.2020

Цель исследования – выявить семантические типы пассивных конструкций в англоязычном научном дискурсе на материале жанров различной функциональной направленности. **Научная новизна** состоит в том, что впервые при рассмотрении семантики пассивной конструкции использован метод ролевого семантического анализа для идентификации глубинных семантических конфигураций указанных конструкций и определения частотных семантических типов пассива в научной речи. **В результате** исследования определена 21 модель семантических конфигураций пассивных конструкций, показан удельный вес пассивов с различным лексико-семантическим наполнением в англоязычном научном дискурсе и указаны причины подобных распределений.

Ключевые слова и фразы: категория залога; англоязычный научный дискурс; глубинная и поверхностная семантика пассивной конструкции; семантические роли.

Дрожжих Александр Владимирович, к. филол. н., доц.
Государственный аграрный университет Северного Зауралья, г. Тюмень
dalexv2012@rambler.ru

Семантический потенциал пассивных конструкций в англоязычном научном дискурсе

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что анализ семантики пассивной конструкции проводится в русле семантического синтаксиса. Обращение к изучению глубинной семантики пассива в англоязычном научном дискурсе является важным и перспективным источником получения новых сведений о специфике данной синтаксической конструкции. Такой ракурс исследования позволяет более полно раскрыть семантический потенциал пассивной конструкции – совокупный спектр значений и смыслов, выражаемых пассивом в силу особенностей грамматической организации и лексико-семантического наполнения, который активно задействуется автором-исследователем в процессе реализации собственной информационно-коммуникативной установки, формирования общего топика научного текста и передачи отдельных его содержательных аспектов.

В работе поставлены следующие **задачи**:

- проанализировать пропозициональную структуру пассивных конструкций, функционирующих в англоязычном научном дискурсе, в отвлечении от поверхностно-грамматической формы;
- предложить перечень семантических ролей аргументов с учетом специфики анализируемого эмпирического материала;
- определить корпус глубинных семантических конфигураций пассивных конструкций, функционирующих в англоязычном научном дискурсе предметной области «геология», и исследовать удельный вес пассивов с различным семантическим наполнением.

Исследование семантического потенциала пассива предполагает описание не только грамматической семантики данной конструкции, но и изучение ее лексико-семантического наполнения. В настоящей работе данная задача решается с помощью **метода** ролевого семантического анализа, использование которого позволяет вскрыть глубинные планы содержания и особенности пропозициональной структуры пассивной конструкции, выявить набор аргументов и приписываемые им семантические роли и признаки и уточнить значения субъекта и объекта действия пассивной конструкции.

Теоретической базой послужили работы следующих отечественных и зарубежных исследователей: В. В. Богданова [3; 4], М. П. Брандес [5], В. К. Гречко [7], Л. А. Козловой [9], В. Ю. Копрова [10], Н. А. Мороз [12], Ч. Филлмора [13; 14], В. С. Храковского [15], Л. П. Чахоян [17], У. Чейфа [18] и С. А. Шубика [19], выполненные в русле теории грамматического залога, теории семантического синтаксиса и теории функционального стиля научной прозы.

Материалом исследования послужила выборка объемом 2000 предложений с пассивом из англоязычных научных журналов исследовательского и реферативного профиля ‘Bulletin of the American Association of Petroleum Geologists’, ‘Science’, ‘Geological Abstracts’ и ‘Fuel and Energy Abstracts’, специализирующихся по направлению «Геология». Выбор геологии в качестве предметной области исследования связан с недостаточной изученностью особенностей функционирования форм пассивного залога в геологических текстах. Кроме того, выбор указанной предметной области продиктован бурным развитием геологической науки на современном этапе, что делает необходимым изучение геологического дискурса с лингвистических позиций для совершенствования качества перевода англоязычной геологической литературы на русский язык, а также оптимизации процессов трансфера геологических знаний и поиска геологической информации.

Практическая значимость статьи заключается в том, что результаты исследования могут найти применение в дальнейших исследованиях по теории залога, в курсах теоретической грамматики и стилистики, а также в лингводидактике и практике преподавания профессионального английского языка в неязыковом вузе в плане оптимизации языкового материала и отбора текстов по специальности.

Пассивным конструкциям посвящена богатая лингвистическая литература. В частности, специфика пассива рассматривалась в теории диатез и залогов [15], теории эмпатии [23], теории ориентации и перспективы

Ч. Филлмора [14], теории разности потенциалов Б. Потье [24]. Установлено, что пассив имеет широкий семантический диапазон, однако конкретные семантические характеристики, оказывающие влияние на выбор данной конструкции в различных типах дискурса, до сих пор продолжают оставаться малоизученными.

В этом плане особый интерес представляет научный дискурс, где пассив является коммуникативно доминирующей конструкцией и употребляется особенно часто, что подтверждается статистическими данными. Так, по Л. Е. Цапенко, доля пассивных конструкций в англоязычной научной литературе составляет приблизительно 28,18-33,66% в зависимости от типа научного текста [16]. По подсчетам В. В. Задорожного, употребительность конструкции пассивного залога в текстах патентных описаний еще выше и находится в диапазоне 43,3-47,5% [8]. Высокая встречаемость пассива в научной речи объясняется особенностями его грамматической семантики, позволяющей автору вывести на передний план объект действия [7], передвинуть агенса в конец предложения для повышения его значимости [22], а также скрыть в случае необходимости информацию о деятеле пассивной конструкции путем построения так называемых безагенса предложений [19]. Широкое функционирование форм пассивного залога в научном дискурсе также связано со способностью данной конструкции передавать значение временной нелокализованности действия [2] и представить сугубо авторский подход как нечто объективное, общепринятое или универсальное [9]. Подобный способ подачи информации полностью отвечает коммуникативно-прагматической интенции автора-исследователя.

Необходимо сказать, что семантический потенциал пассива в англоязычном научном дискурсе отнюдь не ограничен спецификой его грамматической семантики. Не следует забывать, что залог является лексико-грамматической категорией, а изучение лексическо-семантических характеристик пассива помогает не только уточнить механизмы формирования данной конструкции, но и вскрыть ее информационную роль в создании общего топика научного текста. При этом достижение адекватных представлений о семантическом потенциале пассива предполагает рассмотрение не только поверхностных, но и глубинных планов содержания данной конструкции с ориентацией на описание пропозиции, ее ролевой структуры и идентификацию семантических конфигураций пассива в соответствии с постулатами семантического синтаксиса. Привлечение метода ролевого семантического анализа позволяет за множественностью внешних проявлений раскрыть коренные, инвариантные стороны семантики пассивных конструкций.

Современная лингвистика учит, что пропозициональная структура высказывания включает предикат определенного типа и некоторое количество аргументов – «набор универсальных, возможно, врожденных понятий, которые человек способен делать о событиях, происходящих вокруг него – суждений о вещах такого рода, “как кто сделал нечто”, “с кем нечто случилось”, “что подверглось некоему изменению”» [13, с. 405]. По свидетельству В. В. Богданова, в лингвистических исследованиях набор семантических ролей аргументов варьируется от пяти до ста [4], что объясняется различным уровнем абстракции или порогом дробности, принятым для выделения аргументов высказывания, а также характером решаемых задач. При этом известные отечественные и зарубежные специалисты в области семантического синтаксиса предписывают аргументам сравнительно небольшое число семантически емких ситуативных ролей в количестве от шести до четырнадцати, оперируя преимущественно такими понятиями, как агенс, пациенс, инструмент, бенефициант, экспериенсер, локатив и некоторыми другими [3; 17; 18].

Полагаем, что пропозициональный компонент пассивных конструкций, функционирующих в англоязычном геологическом научном тексте, можно оптимально представить с помощью предикатных выражений, принятых в семантическом синтаксисе. Предикатные выражения состоят из предиката действия, состояния, отношения или свойства и набора аргументов, выполняющих семантические роли агентов, фортив, инструментатив, медиатив, каузатив, квалитатив, фактитив, дескриптив, ассоциатив, локатив, темпоратив, пациенс, контенсив, контрассоциатив, ономасиатив и экспериенсив. Помимо стандартного перечня семантических ролей предлагаемая система включает также и нестандартные ролевые характеристики аргументов, что связано с необходимостью показать все разнообразие семантических отношений между отдельными компонентами пассивных структур, а также учитывать специфику научного дискурса и особенности изучаемой предметной области. Так, если классическая грамматика при описании семантики субъекта действия пассива оперирует главным образом понятиями агенса и инструмента [1; 10], то нами зарегистрированы и другие альтернативные значения данного компонента пассивной конструкции: фортив, медиатив, каузатив, квалитатив, ассоциатив, локатив и темпоратив.

В частности, использование семантических ролей «квалитатив» и «ассоциатив» для описания семантики субъекта действия пассива объясняется тем, что для научных текстов подъязыка геологии характерны пассивные конструкции, информирующие о свойствах, качествах, вещественном составе и иных особенностях минералов и горных пород, а также ассоциативных связях, существующих между исследуемыми сущностями. Например: Fans are thus characterized by **long-distance sediment transport** [21, p. 485]. / Таким образом, конусы выноса характеризуются скоплением отложений в результате переноса частиц на далекое расстояние от места их образования (здесь и далее перевод выполнен автором статьи. – А. Д.); However, water washing is normally associated **with biodegradation** [20, p. 159]. / Тем не менее, водная отмывка ассоциируется с биодegradацией.

Для характеристики специфики субъекта действия пассивной конструкции, указывающего на природные явления и стихийные силы природы, чему в текстах геологической тематики отводится значительное место, введено понятие «фортив» – неодушевленный активный инициатор действия, обладающий внутренней энергией, но не обладающий способностью к целенаправленной деятельности. Например: For the most part, the sand was transported by **the wind** [Ibidem, p. 67]. / Этот песок в основном переносится ветром.

В процессе исследования были также уточнены функции отдельных семантических ролей субъекта действия пассивной конструкции. В этом плане проводится последовательное разграничение между инструментативом

(орудие или инструмент) и медиативом (способ или средство), а релевантным семантическим признаком агента признается признак одушевленности в отличие от существующей широкой трактовки, согласно которой «свойством агентивности в английском дискурсе наделяются не только одушевленные, но и неодушевленные сущности» [9, с. 883].

Как и субъект действия, объект действия пассивной конструкции также отличается разнообразной семантикой, которая описывается в терминах пациентив, контенсив, фактитив, экспериенсив, дескриптив, контрассоциатив и ономасиатив. В текстах геологического профиля для объекта действия пассива более всего характерна стандартная пациентивная семантика – семантика пассивного воспринимающего действия, что проявляется как в двучленных, так и в трехчленных пассивных конструкциях. Например: **Samples** were pyrolyzed at 300C⁰ for 3-4 minutes [20, p. 88]. / Образцы подвергались пиролизу при температуре 300 градусов Цельсия в течение 3-4 минут.

Обращают внимание на себя и некоторые другие нетрадиционные семантические роли субъекта действия пассивной конструкции, а именно контенсив – объект или результат интеллектуального воздействия, фактитив – объект, факт появления которого напрямую связан с осуществлением действия, и экспериенсив – объект, испытывающий эмоциональное состояние в результате аффективного действия. Действительно, элементы контенсивной семантики представлены в научном дискурсе намного заметнее по сравнению с другими типами дискурса, что и неудивительно, так как основная задача науки как особой интеллектуальной деятельности людей и состоит в создании и получении новых научных знаний, создании научных гипотез и теорий, обнаружении объективных законов мира и т.д. Например: **Even more spectacular evidence** was provided by French surveyors [21, p. 534]. / Еще более эффектное доказательство было представлено французскими исследователями.

В текстах геологической тематики наличествуют обширные описания активных тектонических процессов, поэтому введение семантической роли «фактитив» в отношении объекта действия пассивной конструкции представляется также вполне уместным и оправданным. Например: **The major shelf-dolomite facies** have been formed by cycles of dense dolomite and laminated dolomite, probably deposited in a lagoon [Ibidem, p. 724]. / Основные фациальные ряды доломитов шельфа образованы в результате циклов осадкообразования плотного и слоистого доломита, предположительно в лагуне.

Ситуативная роль «экспериенсив», указывающая на эмоциональное состояние объекта действия, является для объекта действия пассивной конструкции скорее окказиональной и в целом реже представлена в высказываниях, фигурирующих в научной речи, по сравнению с другими типами дискурса [11]. Между тем это по своему сигнализирует о появлении новых трендов в методике передачи научного знания и изменении традиционных способов языкового воплощения замысла ученого. При этом использование эмотивных и экспрессивных языковых средств в научном дискурсе связано с определенной интимизацией современной научной речи, поскольку «подобные “лирические отступления” в научном тексте полнее раскрывают особенности сознания и личности самого исследователя как главной фигуры научного познания, демонстрируют его умение мыслить самостоятельно, неординарно, творчески» [6, с. 35]. Например: **Observers** were impressed by tidal currents [21, p. 494]. / Приливно-отливные течения произвели большое впечатление на наблюдателей.

Наш анализ показывает, что двухчленные и трехчленные пассивные конструкции, функционирующие в англоязычном научном дискурсе предметной области «геология», базируются на следующих глубинных предикатно-аргументных конфигурациях: П1 (действие) + А контенсив, П1 (состояние) + А пациентив, П1 (действие) + А фактитив, П1 (действие) + А пациентив, П2 (действие) + А контенсив + А пациентив, П2 (действие) + А контенсив + А агентив, П2 (свойство) + А дескриптив + А квалитатив, П2 (отношение) + А контрассоциатив + А ассоциатив, П1 (свойство) + А дескриптив, П2 (действие) + А контенсив + А инструментатив, П2 (действие) + А пациентив + А фортив, П2 (состояние) + А пациентив + А локатив, П2 (действие) + А пациентив + А каузатив, П2 (действие) + А фактитив + А фортив, П2 (действие) + А контенсив + А каузатив, П2 (состояние) + А пациентив + А темпоратив, П2 (действие) + А фактитив + А инструментатив, П2 (действие) + А контенсив + А ономасиатив, П2 (отношение) + А контенсив + А агентив, П2 (действие) + В пациентив + А медиатив, П2 (состояние) + А экспериенсив + А агентив.

Как видно, глубинные семантические конфигурации двучленных и трехчленных пассивных конструкций представлены 21 разновидностью. Несмотря на то, что число выделенных семантических типов трехчленных пассивных конструкций более чем в три раза превышает число глубинных семантических конфигураций двучленных пассивных конструкций, последние встречаются чаще, в основном благодаря частотности моделей П1 (действие) + А контенсив, П1 (состояние) + А пациентив, П1 (действие) + А фактитив, П1 (действие) + А пациентив. При этом удельный вес пассивных конструкций с различным семантическим наполнением в текстах геологической тематики также заметно варьируется. Наиболее распространенными пассивными конструкциями в англоязычных текстах геологического профиля являются пассивы со следующими семантическими конфигурациями: П1 (действие) + А контенсив, П1 (состояние) + А пациентив, П1 (действие) + А фактитив, П1 (действие) + А пациентив, П2 (действие) + А контенсив + А пациентив, П2 (действие) + А контенсив + А агентив, П2 (свойство) + А дескриптив + А квалитатив, П2 (отношение) + А контрассоциатив + А ассоциатив. Доля пассивных конструкций указанных типов составляет приблизительно 72%, в то время как пассивы с иной ролевой структурой обладают значительно меньшей частотностью.

Интересно, что пассивные конструкции употребляются неравномерно на уровне текста с точки зрения участия в реализации его отдельных информационных аспектов. Установлено, что благодаря своему семантическому потенциалу пассивные конструкции играют важную роль в репрезентации таких аспектов научного текста, как «проблема, тема исследования или рассмотрения», «состояние рассматриваемой проблемы», «методы исследования», «общее описание объекта исследования (полевой материал)»,

«результаты исследования», «выводы», «прогнозы и перспективы исследования», «рекомендации». С другой стороны, пассив встречается гораздо реже в фрагментах научного текста, посвященных описанию цели или актуальности темы исследования.

Следует также отметить, что жанровая специфика научного документа также может оказывать влияние на выбор пассивных конструкций. Например, в научных статьях и рефератах, относящихся к собственно-научной и научно-реферативной литературе [5], удельный вес пассивных конструкций с субъектом действия агентивной семантики не совпадает. В текстах научных статей регистрируется значительное число примеров такого рода, что объясняется, по-видимому, тем, что в научной статье уделяется важное внимание обсуждению истории вопроса, анализу различных точек зрения по исследуемой проблеме, а это требует указания имен конкретных исследователей. Пассивные конструкции с субъектом действия-агентом в текст реферата не экстрагируются, поскольку моменты научной дискуссии являются нерелевантными для данного научного документа. Еще одной причиной устранения субъекта действия пассивной конструкции типа «агентив» в реферате является необходимость описывать особенности первичного научного текста как объективно ему принадлежащие и не зависящие от индивидуального отношения к ним референта.

Помимо агентива определенные расхождения по критерию частотности употребления в структуре пассивной конструкции в тексте научной статьи и реферате демонстрирует субъект действия ассоциативной семантики. В реферативных текстах удельный вес субъекта действия «ассоциатив» в трехчленных пассивных конструкциях невелик. Как представляется, информация ассоциативного плана относится к так называемой модусной информации и основана в немалой степени на интуиции исследователя. Такая информация и соответствующие языковые средства выражения не являются релевантными для реферата, так как данный тип научного текста нацелен на передачу содержательной информации, а не информации модусного плана. Напротив, в научных статьях ассоциативный способ подачи информации достаточно востребован в особенности в проблемных статьях, что приводит к росту употребительности трехчленной пассивной конструкции с субъектом действия-ассоциативом.

В различных жанрах англоязычного научного дискурса отсутствие полного параллелизма просматривается не только на уровне отдельных семантических ролей, но и в плане представленности пассивных конструкций с различной ролевой структурой. По сравнению с жанром научной статьи набор пассивных конструкций, функционирующих в жанре реферата, ограничен преимущественно семантическими типами П2 (действие) + А контенсив + А инструментатив, П1 (действие) + А контенсив, П1 (состояние) + А пациентив. Думается, что языковой консерватизм в данном случае является оправданным, так как это позволяет референту точно воспроизвести факты и ситуации первичного научного документа, а потребителю оперативно и адекватно декодировать включенную в реферат научную информацию.

Таким образом, в результате проведенного анализа, мы приходим к следующим **выводам**. Благодаря специфике своей грамматической семантики и лексико-семантическому наполнению пассивные конструкции обладают большим семантическим потенциалом в плане репрезентации ключевых аспектов научного текста и решения стоящих перед автором информационных задач в присущей научному общению форме. Анализ пропозициональной структуры пассивных конструкций, функционирующих в англоязычном научном дискурсе, позволил выявить 16 семантических ролей аргументов семантических конфигураций пассивных конструкций. Было также установлено, что в научной речи пассивные конструкции характеризуются богатым набором семантических типов, представленных 21 разновидностью. В плане количественной представленности характерны семантические типы пассива П1 (действие) + А контенсив, П1 (состояние) + А пациентив, П1 (действие) + А фактитив, П1 (действие) + А пациентив, П2 (действие) + А контенсив + А пациентив, П2 (действие) + А контенсив + А агентив, П2 (свойство) + А дескриптив + А квалитатив, П2 (отношение) + А контрассоциатив + А ассоциатив, удельный вес которых составляет приблизительно 72% нашей выборки. Внушительная парадигма семантических типов пассива дает возможность исследователю производить выбор релевантной для конкретной коммуникативной ситуации пассивной конструкции с учетом специфики предметной области и жанра научного документа.

Перспективы исследования связаны с дальнейшим уточнением глубинных аспектов содержания пассивных конструкций и значений отдельных компонентов структуры пассива в научной прозе на базе более объемного и разнопланового эмпирического материала с точки зрения круга предметных областей и жанров англоязычного научного дискурса. Представляется, что исследования в таком ракурсе будут полезными как для развития теории грамматического залога, так и для совершенствования методик анализа, принятых в семантическом синтаксисе.

Список источников

1. Аристова Е. Б. Категория субъекта и агентивной синтаксемы в современном английском языке // Категория субъекта и объекта в языках различных типов / под ред. С. Д. Кацнельсона, И. О. Гецадзе, С. А. Шубика. Л.: Наука, 1982. С. 45-64.
2. Белоног О. В. Темпорально-аспектуальная характеристика пассивных конструкций в современных немецких текстах: автореф. дисс. ... к. филол. н. СПб., 2011. 22 с.
3. Богданов В. В. Речевое общение: прагматические и семантические аспекты. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. 88 с.
4. Богданов В. В. Семантико-синтаксическая организация предложения. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977. 204 с.
5. Брандес М. П. Стилистика немецкого языка. М.: Высшая школа, 1983. 271 с.
6. Голованова Е. И. Интимизация современной научной речи // Языки профессиональной коммуникации: сборник статей участников III Международной научной конференции: в 2-х т. Челябинск: Энциклопедия, 2007. Т. 2. С. 31-35.
7. Гречко В. К. Синтаксис немецкой научной речи: элементарное предложение. Л.: Наука, 1985. 163 с.

8. **Задорожный В. В.** Лингвостилистические особенности немецких патентных описаний: автореф. дисс. ... к. филол. н. Львов, 1990. 18 с.
9. **Козлова Л. А.** Этнокультурный потенциал залоговых форм и его дискурсивная актуализация // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Лингвистика». 2018. Т. 22. № 4. С. 874-894.
10. **Копров В. Ю.** Категория залога в семантико-функциональной грамматике русского, английского и венгерского языков // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2018. № 3. С. 81-86.
11. **Кукатова О. А.** Способы представления семантических ролей актантов в высказываниях с конверсивными парами эмотивных глаголов русского языка // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «Филологические науки». 2020. Вып. 121. № 7 (441). С. 87-96.
12. **Мороз Н. А.** Особенности перевода английского пассива в юридических письмах // Вестник Челябинского педагогического университета. 2017. № 5. С. 174-179.
13. **Филлмор Ч.** Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. 1981. Вып. 10. С. 369-495.
14. **Филлмор Ч.** Дело о падеже открывается вновь // Новое в зарубежной лингвистике. 1981. Вып. 10. С. 496-530.
15. **Храковский В. С.** Пассивные конструкции // Типология пассивных конструкций. Диатезы и залоговые / отв. ред. А. А. Холодович. Л.: Наука, 1974. С. 5-45.
16. **Цапенко Л. Е.** Реализация глагольной парадигмы в английском научно-техническом тексте: автореф. дисс. ... к. филол. н. Одесса, 1987. 17 с.
17. **Чахоян Л. П.** Синтаксис диалогической речи современного английского языка. М.: Высшая школа, 1979. 168 с.
18. **Чейф У.** Значение и структура языка. М.: Прогресс, 1975. 432 с.
19. **Шубик С. А.** Категория залога и поле залоговости в немецком языке. Л.: Наука, 1989. 123 с.
20. **Bulletin of the American Association of Petroleum Geologists.** 2020. Vol. 104. № 1. P. 1-226.
21. **Bulletin of the American Association of Petroleum Geologists.** 2020. Vol. 104. № 3. P. 477-734.
22. **Davison A.** Peculiar Passives // Language. 1980. Vol. 56. № 1. P. 42-66.
23. **Kuno S., Kaburaki E.** Empathy and Syntax // Linguistic Inquiry. 1977. Vol. 8. № 4. P. 627-672.
24. **Pottier B.** Linguistique générale. P.: Klincksieck, 1974. 314 p.

Semantic Potential of Passive Constructions in the English-Language Scientific Discourse

Drozhashchikh Alexander Vladimirovich, PhD
Northern Trans-Ural State Agricultural University, Tyumen
dalexv2012@rambler.ru

The study aims to identify semantic types of passive constructions in the English-language scientific discourse using material of different functional genres. Scientific novelty of the work lies in the fact that, while considering semantics of the passive construction, the method of role-semantic analysis is used for the first time to identify deep semantic configurations of the specified constructions and to determine frequent semantic types of passive voice in scientific speech. As a result of the research, 21 models of semantic configurations of passive constructions have been identified, the proportion of passives with different lexical and semantic load in the English-language scientific discourse is revealed and reasons for such distribution are given.

Key words and phrases: category of voice; English-language scientific discourse; deep and surface semantics of passive construction; semantic roles.

<https://doi.org/10.30853/filmnauki.2020.12.41>

Дата поступления рукописи: 23.10.2020

Цель исследования – выявить структурные особенности классификаций невербальных компонентов коммуникации кинестетической репрезентативной системы в рамках дискурсивного пространства. Значительное внимание уделяется детальному анализу основных подходов в изучении типологии кинестетики и ее характеристик. **Научная новизна** заключается в систематизации невербальных компонентов коммуникации и их взаимосвязи в семиотическом поле. Авторы впервые применили модель спонтанного семиозиса в дифференциации жестовых проявлений, представленных как иконический знак. **В результате** обоснована семиотическая значимость функциональных и нефункциональных классификаций невербальных компонентов коммуникации в рамках их взаимодействия в коммуникативном акте.

Ключевые слова и фразы: невербальные компоненты коммуникации; жест; репрезентативная система; кинестетика; дискурс.

Зиньковская Анастасия Владимировна, д. филол. н., доц.
Сахно Анна Анатольевна, к. филол. н.
Кубанский государственный университет, г. Краснодар
anastassiat@rambler.ru; annasakhno2013@gmail.com

Структурные особенности кинестетической репрезентативной системы в дискурсивном пространстве

Движения тела и лица человека наполнены различными парасемиотическими явлениями, так как язык жестов отличается высоким уровнем семиотизации. Таким образом, авторы представляют невербальную

коммуникацию сложным семиотическим процессом, в основе которого выступают межзнаковые отношения, выраженные невербальными компонентами коммуникации.

Актуальность данного исследования определяется необходимостью упорядочить сведения о функциональной классификации невербальных представлений в пределах коммуникативного пространства. Необходимо отметить социально-культурные предпосылки, которые формируют потребность в более глубоком понимании жестовых проявлений, анализе их психолингвистического контекста. В силу наличия ситуативной природы в манифестации невербальных компонентов, и даже несмотря на возросший интерес к проблеме со стороны исследователей, прослеживается определенная нехватка эмпирического материала по данному направлению. Обозначенный аспект остается одним из спорных и проблемных в психолингвистике.

Данная цель предполагает решение ряда **задач**:

- 1) исследовать невербальный компонент коммуникации как элемент семиотической системы;
- 2) теоретически обосновать роль семиозиса в коммуникативном поле;
- 3) рассмотреть и проанализировать имеющуюся типологию невербальных компонентов коммуникации на основе репрезентативных систем.

Для решения поставленных задач применялись **описательный метод** и **метод компонентного анализа**.

Теоретическая значимость исследования заключается в синтезе современных системных подходов к анализу языка жестов в пределах коммуникативного поля.

Теоретической базой исследования послужили концептуальные положения семиотиков Ч. Пирса, Ф. де Соссюра, У. Эко, А. Баранова, Г. Крейдлина; психолингвистов П. Экмана, У. Стоуки, Р. Бердвистела.

Практическая значимость работы обусловлена возможностью применить предлагаемый материал в преподавании психолингвистики, семиотики, стилистики, теории языка.

Ф. де Соссюр дал семиотике следующее определение: «...наука, изучающая жизнь знаков в рамках жизни общества» [10, с. 23]. Рассматривая ее основные принципы, необходимо отметить теорию знака, которая представлена результатом неразрывной взаимосвязи означающего и означаемого. Сам по себе знак имеет произвольную природу, и данное свойство является необходимым условием для осуществления любого семиотического процесса. Исследование семиотики невозможно без учета коллективного характера языка, его коммуникативных признаков.

В изучении невербальных компонентов коммуникации авторы ссылаются на трехстороннюю концепцию знака Ч. Пирса, согласно которой знак выступает как «нечто, что обозначает что-либо для кого-нибудь в определенном отношении или объеме. Он адресуется кому-то, то есть создает в уме того человека равноценный знак или, возможно, более развитый знак. Тот знак, который он создает, я называю интерпретантой первого знака. Далее знак что-то означает – именно свой объект» [7, с. 177]. Целесообразно отметить, что в данной работе за основу берется вторая трихотомия знаков, где знак определяется как икона, индекс или символ, а язык жестов рассматривается как иконический код.

Иконические знаки имеют несколько подвидов, которые различают по степени и характеру сходства относительно формы и замещаемого содержания: метафоры, схемы и образы.

Визуальная коммуникация в семиотическом контексте приобретает первостепенную значимость. Иконический знак, несмотря на имеющиеся сходства с изображаемым предметом, обладает не всеми его характеристиками. Восприятие объекта, которое он вырабатывает в результате взаимодействия с кодом узнавания, является условным. Существуют определенные признаки визуального знака: знак должен быть оптическим, онтологическим, условным [12, с. 118]. Вследствие этого иконический знак имеет конвенционально-произвольную, немотивированную природу.

Рассматривая особенности знакового взаимодействия, необходимо обратиться к модели семиозиса. Семиозис разделяют на четыре составные: непосредственно знаковое средство (sign vehicle), десигнат (designatum), интерпретанту (interpretant) и интерпретатора (interpreter). В процессе изучения семиозиса важными являются отношения знаков друг к другу, знаков к объекту, знаков к интерпретаторам.

Авторы исследования представляют коммуникативную ситуацию как процесс семиозиса, где невербальный компонент коммуникации выступает в роли знака, а участники коммуникации – в роли интерпретаторов. Главным участником коммуникации является коммуникативная личность, которой свойственны когнитивная, ситуативная, риторическая, социальная, языковая и другие компетенции. Первостепенной компетенцией выступает когнитивная [1, с. 27-28].

А. А. Залевская предлагает термин **спонтанный** семиозис, возникающий в речемыслительной деятельности коммуникативной ситуации. Данный процесс предполагает **означивание** и **идентификацию** с взаимодействием опор и определенных стратегий. «Обратим особое внимание на то, что в таком случае в фокусе внимания оказываются потребность индивида именовать вещи и его способность успешно осуществлять как именование, так и идентификацию поименованного» [4, с. 10]. Выделяют два вида означивания – первичное и вторичное, при этом необходимо учитывать, что процесс именования и процесс идентификации не являются взаимозаменяемыми для интерпретатора в силу наличия различных уровней внутреннего контекста. В первичном означивании («для себя») значительную роль играет подходящий внутренний контекст и обусловленность ситуацией. Вторичное означивание («для других»), в свою очередь, характеризуется знакомостью, «запускающей» внутренний контекст у интерпретатора. Семиозис взаимосвязан с внутренней природой живого знания и эмоциональной составляющей. Таким образом, формируется психолингвистическая теория семиозиса, основанная на теории языка как наследии личности, с учетом референций в языковом сознании и подсознании [Там же, с. 10-11].

О важной роли семиозиса в изучении коммуникативной ситуации говорит и А. В. Зиньковская, подчеркивая, что в процессе его анализа необходимо принимать во внимание ситуативность [5, с. 40].

Изучение семиотического процесса с участием невербальных компонентов коммуникации предполагает выделение репрезентативных систем (входных каналов), через которые участник коммуникативного акта получает информацию из внешнего мира.

Так, Дж. Гриндер и Р. Бэндлер выделяют три репрезентативные системы: кинестетическую, аудиальную и визуальную. Каждый из входных каналов имеет специализированные рецепторы, которые транслируют различную информацию. Стимуляция комбинацией специализированных рецепторов в пределах сенсорных каналов генерирует сведения на более сложном уровне. Необходимо отметить способность смешиваться информации, поступившей из нескольких входных каналов в рамках одного информационного поля. Данные, которые поступили через один входной канал, способны находиться и функционировать в конфигурации другого канала. Ведущая репрезентативная система у человека отражена посредством использования предикатов, описывающих опыт. Здесь необходимо учитывать, что люди выстраивают коммуникативные модели, не только используя репрезентативные системы, но и основываясь на них [16, р. 98].

И. П. Яковлев предлагает следующую классификацию невербальной коммуникации:

- кинесика;
- физические характеристики;
- проксемика;
- хаптика;
- вокалика;
- артефакты;
- ольфактика;
- хрономика.

Кинесике он дает следующие характеристики:

- 1) двигательные особенности тела несут и проявляют совершенно одинаковые значения в пределах коммуникативного акта;
- 2) в силу того, что тело является биологической и социальной системой, его поведенческие особенности возможно системно анализировать;
- 3) для человека важны активность тела и его видимая динамика;
- 4) определенные функциональные особенности телодвижений могут быть подвергнуты исследованиям;
- 5) область значения определенных жестовых проявлений возможно выделить с помощью ряда методов исследования в процессе анализа живого поведения;
- 6) жестовая активность отличается определенными стилистическими особенностями и способна иметь общее с другими жестовыми проявлениями [13, с. 157-159].

Согласно таксономии жестов У. Стоуки, хиремы являются их главными составляющими. Таким образом, хиремы позы, точки движения и конфигурации формируют жестовую морфему (наименьшую единицу, обладающую смыслом). Хиремы, в свою очередь, состоят из структурных точек: *tabula (tab)*, *designatum (dez)*, *signation (sig)*. Изучая принципы жестовости, У. Стоуки выделяет спорные уровни исследования. Первичным уровнем является *cherology* (анализ хирем), вторичным – *morphocheremics* (анализ сочетания хирем), заключительным этапом выступает *morphemics* (морфология и синтаксис) [24, р. 78].

Р. Бердвистел полагал, что кинема является минимальной единицей жестового кода. Она эквивалентна вербальной фонеме (звуку) и представлена дублированным движением в виде единого сигнала. Кинемы связаны между собой, взаимодействуют с другими кинесическими формами, порождая единицы кинеморфемы и кинеморфы [18, р. 76].

Необходимо отметить типы классификаций кинесических элементов согласно семантическому признаку, категориальному значению коммуникативной функции, способу манифестации знаковой фигуры.

Психолог П. Экман разделяет производные кинесики на иллюстраторы, эмблемы, регуляторы, адапторы и выразители аффекта. Невербальные жесты, обладающие правами отдельных слов (жесты-заменители), являются эмблемами. В роли иллюстраторов выступают жесты, дублирующие, усиливающие или противоречащие речевому выражению. Регуляторы представляют собой определенные жестовые проявления, отличающиеся продолжительностью функционирования коммуниканта в качестве адресата или адресанта информации. Выразители аффекта отображают проявления печали, ярости, радости и т.д. Адапторы служат для адаптации к стрессу, самоуспокоения [19, р. 98].

Согласно Л. П. Якубинскому, кинесические средства обозначены мимикой, телодвижением и жестами [14, с. 80]. Е. Д. Поливанов разделяет кинесические элементы на описательные, семиотические и экспрессивные [8, с. 306]. Н. И. Смирнова выделяет эмоциональные (состояния и чувства), коммуникативные и модальные (оценка процессов, явлений и предметов) телодвижения [9, с. 96]. З. З. Чанышева в своей классификации указывает на символические (или иероглифические) жесты, которые, в свою очередь, включают ритуальные и условные; экспрессивные (выразительные) и ритможесты, объединяющие эмоциональные и модальные; изобразительные (или описательные), подразумевающие квантитативные, предметные и указательные жесты [11, с. 40].

Целесообразно выделить кинесическую классификацию Н. В. Глаголева, которая выделяет жестовые проявления согласно динамике выполнения (подвижные и позиционные), типу значения (многозначные и однозначные), типу знака, где иероглифические, в свою очередь, могут быть пиктографически-изобразительными

и символическими. Необходимо отметить общесемантическую природу жестов, на основании которой они являются квантитативными (изображающими ритмические действия), имитативными и указательными [2, с. 65].

Жесты также имеют следующие деления:

- согласно гендерным различиям (мужские, женские и смешанные) [6, с. 86; 17, р. 130; 20, р. 34; 23, р. 298];
- согласно возрастным особенностям (детские жесты и жесты взрослых) [6, с. 86; 15, р. 219; 21, р. 87];
- согласно способу происхождения (исконные и заимствованные) [6, с. 86];
- согласно статусу разновидности (жесты языка и диалектные варианты) [6, с. 86; 22, р. 38];
- прагматически освоенные жесты и неосвоенные [6, с. 86];
- стилистически нейтральные и стилистически маркированные жесты [Там же].

Интересна классификация А. А. Диденко, основанная на функциональных группах, разделенных по семантическим оппозициям. Так, автор выделяет следующие виды жестов:

- побудительно-регулятивные, которые способны побудить к началу и окончанию действия;
- рефлексорно-адаптирующие, выполняемые спонтанно и нарочно;
- контактоустанавливающие, устанавливающие и прекращающие контакт;
- социально-ориентирующие, этикетные и норма-нарушающие [3].

Таким образом, исследуя специфику различных классификаций невербальных компонентов коммуникации, целесообразно сделать ряд **выводов**.

1. Семиотическая природа невербальной коммуникации представляет собой сложную структуру, в основе которой выступает семиозис. Невербальный компонент в данном процессе представлен в виде знака, его значением является интерпретанта для интерпретатора.

2. Иконический знак является жестовым модулем семиозиса, поскольку визуальная коммуникация в данном процессе выступает как первостепенная.

3. Кинестетические невербальные компоненты являются главной структурой невербального поведения в пределах невербального коммуникативного контекста. Классификация невербальных компонентов коммуникации помогает детально воспринимать все особенности коммуникативного акта, что способствует адекватной интерпретации. В интерпретации невербальных компонентов идея буквального смысла является проблематичной. В процессе смыслового анализа невербальных компонентов интерпретатору необходимо принимать нулевую степень значения как основную.

Дальнейшая перспектива исследования видится в сравнительном анализе структурных особенностей невербальных компонентов в рамках двух культур: англоязычной и русскоязычной на примере художественного текста.

Список источников

1. Баранов А. Г. Прагматика как методологическая перспектива языка. Краснодар: Просвещение-Юг, 2008. 188 с.
2. Глаголев Н. В. Ситуация – фраза – жест // Лингвистика и методика в высшей школе. М.: МГПИИЯ, 1977. Вып. 7. С. 62-76.
3. Диденко А. А. Функциональная классификация вербализованных невербальных компонентов коммуникации на основе оппозиционных групп в художественном тексте [Электронный ресурс] // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2011. № 71 (07). URL: <http://ej.kubagro.ru/2011/07/pdf/21.pdf> (дата обращения: 11.10.2020).
4. Залевская А. А. Вопросы естественного семиозиса: монография. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2018. 160 с.
5. Зиньковская А. В. Семиотика электронного сообщения // Междисциплинарные аспекты лингвистических исследований: сборник научных трудов / под ред. В. И. Тхорика, В. В. Катерминой, А. М. Прима. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2017. С. 38-42.
6. Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика. Язык тела и естественный язык. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 592 с.
7. Пирс Ч. С. Избранные философские произведения. М.: Логос, 2000. 411 с.
8. Поливанов Е. Д. По поводу «звуковых» жестов японского языка // Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию. М.: Наука, 1968. С. 295-306.
9. Смирнова Н. И. Паралингвизмы и восприятие // Материалы V Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации (г. Ленинград, 27-30 мая 1975 г.): в 2-х ч. М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1975. Ч. 1. С. 95-96.
10. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. 432 с.
11. Чанышева З. З. Взаимодействие языковых и неязыковых факторов в процессе речевого общения. Уфа: БГУ, 1984. 80 с.
12. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: Петрополис, 1998. 432 с.
13. Яковлев И. П. Основы теории коммуникаций. СПб.: Ин-т управления и экономики, 2001. 230 с.
14. Якубинский Л. П. Ф. де Соссюр. О невозможности языковой политики // Якубинский Л. П. Избранные работы. Язык и его функционирование. М.: Наука, 1986. С. 71-82.
15. Balázs G. Gesture jokes in Hungary // Semiotica. 2000. Vol. 128. Iss. 3-4. P. 205-220.
16. Bandler R., Grinder J. The Structure of Magic Science and Behavior Books. Palo Alto: Science and Behavior Books, 1976. 198 p.
17. Barlow D. H., Hayes S. C., Meeler M. E., Mills J. R., Nelson R. O., Steele D. L. Sex role motor behavior: A behavioral check list // Behavioral Assessment. N. Y.: Pergamon Press, 1979. P. 119-138.
18. Birdwhistell R. L. Some body motion elements accompanying spoken American English // Communication: Concepts and Perspectives. Washington, D. C.: Spartan, 1967. P. 53-76.
19. Ekman P., Friesen W. The Repertoire of Nonverbal Behavior: Categories, Origins, Usage and Coding // Semiotica. 1969. Vol. 1. P. 49-98.
20. Key M. R. Male/female language: with a comprehensive bibliography. Lanham: Scarecrow Press, 1996. 324 p.
21. Lewis D. The Body Language of Children: How Children Talk before They Can Speak. L.: Souvenir Press, Ltd., 1978. 288 p.

22. **Morris D.** Gestures, their origins and distribution. L.: Jonathan Cape, 1979. 269 p.
23. **Perkins R. E.** The checklist of sex role motor behavior applied to European population in a natural setting // Behavioral Assessment. Houten, 1986. P. 285-300.
24. **Stokoe W. C.** Sign language structure: An outline of the visual communication system of the American deaf // Studies in Linguistics: occasional papers. Buffalo: Dept. of Anthropology and Linguistics, University of Buffalo, 1960. P. 78-79.

Structural Features of Kinaesthetic Representative System in Discursive Space

Zinkovskaya Anastasia Vladimirovna, Dr
Sakhno Anna Anatolyevna, PhD
Kuban State University, Krasnodar
anastassiat@rambler.ru; annasakhno2013@gmail.com

The paper aims to identify the structural features peculiar to classifications of non-verbal components of communication in the kinaesthetic representative system within the frame of discursive space. Considerable attention is paid to a detailed analysis of the main approaches to studying the typology of kinaesthetics and its characteristics. Scientific novelty lies in classifying non-verbal components of communication and their correlation in the semiotic field. The authors were the first to apply the model of spontaneous semiosis while differentiating gesture manifestations presented as an icon. As a result, semiotic significance of functional and non-functional classifications of non-verbal components of communication in the context of their interaction in a communicative act was substantiated.

Key words and phrases: non-verbal components of communication; gesture; representative system; kinaesthetics; discourse.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.42>

Дата поступления рукописи: 12.10.2020

Цель исследования – определение современного состояния мажоритарных младописьменных языков Республики Дагестан и выявление динамики последних лет. **Научная новизна** работы заключается в том, что впервые описано функционирование рассматриваемых языков в сфере школьного образования и в периодической печати за двадцатипятилетний период, сопоставляются современные данные с показателями 1995 года. **В результате** исследования были определены изменения в функционировании рассматриваемых языков в сферах образования и печати, что позволило уточнить современный уровень их витальности. На основе полученных данных были высказаны предположения о возможных факторах, повлиявших как на увеличение, так и на снижение показателей активности языкового использования.

Ключевые слова и фразы: младописьменные языки; функционирование языков; сфера образования; сфера СМИ; языковая витальность.

Кириленко Светлана Владимировна, к. филол. н., доц.
Институт языкознания Российской академии наук, г. Москва
svetlanavk@inbox.ru

Динамика функционирования младописьменных мажоритарных языков Республики Дагестан в сфере школьного образования и в печати

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью анализа языковой ситуации и особенностей функционирования языков Российской Федерации с целью выявления факторов, влияющих на языковую жизнеспособность, а также необходимостью получения актуальных параметров показателей витальности языков и выявления тенденции к сокращению их социальных функций с целью предупреждения языкового сдвига. В настоящее время определение уровня витальности языка стало важной проблемой. Изучение статуса жизнеспособности того или иного языка требует, прежде всего, точного определения современного его состояния, уточнения параметров динамики развития языка за последние десятилетия. По данным ЮНЕСКО и справочника Ethnologue, до 90% языков в настоящее время находятся в опасности, считаются либо исчезнувшими, либо не имеющими носителей, либо используются только в качестве второго языка [8; 9]. Вызывает опасение усиливающееся влияние глобализации на уровень лингвистической безопасности языков [7], в связи с этим важно исследовать взаимовлияние социокультурных факторов на языки и языковую ситуацию в России в целом.

Задачи исследования включали в себя анализ динамики функционирования изучаемых языков, выявление тенденций к сужению или расширению активности их использования. Был проведен анализ современных данных с показателями середины 1990-х годов с целью выявить динамику функционирования языков за данный период, при этом применялись количественный и сопоставительный **методы исследования**.

Младописьменный язык – это язык, который приобрел письменность в период языкового строительства в 1920-1930-е годы [6, с 130]. Всего в Российской Федерации насчитывается около 30 младописьменных языков, преимущественно это миноритарные языки (вепский, ительменский, нивхский и другие) [8, с. 287].

В работе представлен обзор современного состояния шести мажоритарных (более 50 тысяч говорящих) коренных младописьменных языков Республики Дагестан: аварского, даргинского, кумыкского, лакского, лезгинского и табасаранского. Ногайский язык также является мажоритарным и младописьменным языком, однако в рамках данной работы он не рассматривается в связи с тем, что, хотя общее число говорящих и составляет около 90 тысяч человек, количество говорящих на территории Республики Дагестан – около 35 тысяч, а преобладающее количество говорящих проживает за пределами РД.

Теоретической базой послужили данные из открытых источников Книжной палаты РФ, Министерства образования и науки РФ, научные труды НИЦ НЯО Института языкознания РАН [3; 4]. В процессе исследования проанализировано функционирование рассматриваемых языков РФ в сфере школьного образования и в периодической печати, представлены актуальные количественные параметры [1; 2; 5], которые были сопоставлены с данными из научного труда НИЦ НЯО Института языкознания РАН [3; 4].

Практическая значимость: материалы работы могут быть использованы при изучении спецкурсов «Социолингвистика» и «Регионоведение».

Аварский язык. Отдельные исследователи относят аварский язык к старописьменным языкам, так как сохранились письменные источники XIX века на аварском [3, с. 21]. В сопоставлении с данными за 2002 год количество говорящих на аварском языке немного уменьшилось к 2010 году: от 784 тысяч до 715 тысяч говорящих. В настоящее время аварский язык функционирует в регламентируемых сферах общения с разной степенью интенсивности, с наибольшей интенсивностью – в сфере школьного образования, где в 504 школах на аварском языке обучается 21 тыс. школьников (на 95% это учащиеся начальной школы). В 2002 году количество обучающихся на аварском языке было выше – около 30 тысяч учеников начальных классов. Язык как предмет изучается 89854 учащимися в 118 городских и 423 сельских школах (общие данные по городским и сельским школам с 1 по 11 класс). Эти цифры практически не изменились с 2002 года, в этот период насчитывалось 82 тысячи учащихся. В 1995 году в качестве средства обучения язык использовался у 34 тысяч учащихся в 575 школах [Там же, с. 25]. Кроме сферы образования, к активным сферам использования языка относятся СМИ: в 2019 году общий тираж периодических изданий составил 1779 тысяч экземпляров, преимущественно это газеты (23 единицы). В 2012 году было зафиксировано меньшее количество изданий в периодике – издавалось всего один журнал (общим тиражом 1,7 тысячи экземпляров) и 7 газет (1270 тысяч экземпляров), хотя количество тиражей было высоким. В сопоставлении с 1995 годом очевидно, что количество периодических изданий остается стабильным – в то время на языке издавалось 4 журнала и 21 газета (преимущественно они имели районное распространение, только одна газета была республиканская).

Даргинский язык. Традиционно даргинский считается младописьменным языком, поскольку в 1938 году письменность была переведена на кириллицу, начали создаваться орфографические словари, стал формироваться литературный вариант языка. Хотя попытки создания письменности предпринимались и ранее; так, арабский алфавит для записи даргинских слов начал использоваться еще в XV веке [8, с. 127-129]. Количество говорящих в 2002 и 2010 годах незначительно уменьшилось: 503 тысячи и 485 тысяч говорящих соответственно. На 2018 год существовало 216 сельских школ, где проводилось преподавание на даргинском языке всего у 12676 учеников, причем в средней школе обучалось всего 14 человек. В 2002 году эта цифра была на треть выше – 17,5 тысячи учеников начальных классов обучались на даргинском. Как предмет обучения даргинский используется в 88 городских и 217 сельских школах среди 41 тысячи учащихся, эти данные практически не изменились с 2002 года (42 тысячи учащихся). В 1995 году на языке обучалось всего 1921 человек, что является крайне низким показателем при сравнении данных с 1999 годом, когда было зафиксировано около 20 тысяч обучающихся на языке в начальной школе. В сфере массовой коммуникации, в периодической печати, зарегистрировано 9 газет и 3 журнала, в 2019 году было издано 444 тысячи экземпляров. В 2012 году отмечалось снижение печатной активности в периодике – издавалось всего один журнал (общим тиражом 1,9 тысячи экземпляров) и три газеты (206 тысяч экземпляров). В 1995 году, соответственно, выходило 8 газет и 3 журнала, общим тиражом 1548 тысяч экземпляров.

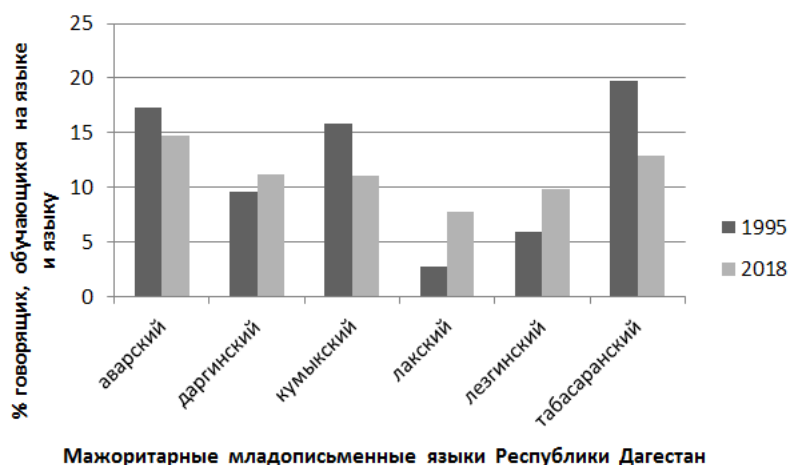
Кумыкский язык. Кумыкский язык является младописьменным, относится к среднеразвитым языкам по функциональному использованию [Там же, с. 243]. При сопоставлении данных переписей 2002 и 2010 годов становится очевидно, что за восемь лет количество говорящих немного снизилось: от 458 тысяч говорящих до 426 тысяч. Преподавание на языке проводится в 59 школах, количество учащихся составляет 7456 человек, это ученики начальной школы. В 2002 году кумыкский язык использовался как средство образования у почти вдвое большего числа школьников – 12868 учащихся. Изучение языка как предмета проводится среди примерно 40 тысяч учащихся, преимущественно в младшей и средней школе, в старших классах кумыкский изучают всего 5274 человека. В 2002 году эта цифра была немного выше – почти 44 тысячи школьников изучали кумыкский как предмет. В 1995 году на языке обучалось около 14 тысяч школьников, язык как предмет изучали 31 тысяча человек. В сфере СМИ, в печати, за примерно 20 лет изменений в количестве изданий не прослеживается: в 1995-м издавалось 8 газет и 3 журнала [Там же, с. 244], и в 2019 году было зафиксировано идентичное количество периодических изданий (525 тысяч экземпляров). Хотя в 2012-м изданий было в два раза меньше, издавалось 2 газеты и 1 журнал на кумыкском языке общим тиражом 217 тысяч экземпляров. По сравнению с 1995 годом снижение было значительным. В 1995 году издавалось 8 газет и 3 журнала на кумыкском (2852 тысячи экземпляров).

Лакский язык. Попытки создания письменности отмечались еще в XV веке, но собственно лакского алфавита не существовало до начала XX века [Там же, с. 248]. В 1938 году был принят алфавит на основе кириллицы, который используется до сих пор, что свидетельствует о том, что лакский язык – это младописьменный язык РФ. Количество говорящих на языке является относительно стабильным, о чем свидетельствуют данные переписей: 152 тысячи говорящих в 2002 году и 145 тысяч – в 2010-м. Преподавание на лакском проводится среди 1033 учащихся, а как предмет его изучают около 10 тысяч школьников (данные 2018 года). В 2002 году лакский язык как средство обучения использовался у вдвое большего количества учащихся (2423 школьника), данные по изучению языка как предмета идентичны. В 1995 году обучающихся на лакском не было зарегистрировано, как предмет его изучали 2813 школьников. В сфере СМИ, в периодике, в 1995 году издавалось 4 газеты и 3 журнала (584 тыс. экз.), публикационная активность снизилась к 2012 году, когда издавалось только два наименования – один журнал и одна газета на лакском (38 тысяч экземпляров). В 2019 году было издано 7 газет и 3 журнала, тираж 247 тысяч экземпляров.

Лезгинский язык принадлежит к нахско-дагестанским (восточно-кавказским) языкам лезгинской ветви. Традиционно лезгинский язык относится к младописьменным, унифицированный алфавит на основе кириллицы был принят в 1938 году и используется до сих пор, хотя и претерпел несколько усовершенствований [Там же, с. 254]. Количество говорящих немного выросло за 8 лет, в 2002 году было 397 тысяч, в 2010-м – 402 тысячи. В сфере школьного образования в 1995 году лезгинский язык не использовался как язык обучения, как предмет его изучали 14 тысяч школьников. В 2002 году лезгинский язык использовался как язык обучения в 137 школах (18 тысяч учащихся). В 2018 году эта цифра значительно ниже – всего 7 тысяч учащихся начальной школы в 119 сельских школах. В качестве предмета в 2018-м лезгинский изучался 32 тысячами школьников, эта цифра идентична данным 2002 года. В периодической печати в 2019 году на лезгинском языке издавалось 9 газет и 3 журнала, в 1995 году эта цифра была немного выше – 10 и 4 единицы соответственно. 1849 тысяч экземпляров периодики издавалось в 1995 году, и эта цифра втрое снизилась к 2019 году, достигнув 665 тысяч экземпляров.

Табасаранский язык относится к младописьменным языкам, хотя во второй половине XIX века была сделана попытка создания алфавита [Там же, с. 468], но он не получил широкого распространения. В 1938 году была составлена письменность на основе кириллицы, которая используется до сих пор, причем в алфавите насчитывается 46 букв. Количество говорящих на табасаранском увеличилось, в 1995 году было 90 тысяч говорящих, а в 2010 году – 126 тысяч человек. В сфере школьного образования табасаранский язык используется среди 16 тысяч учащихся (данные 2018 года). В 1995 году обучающихся на языке было 4583 человека, язык как предмет изучали около 13 тысяч школьников. В сфере СМИ функционирование табасаранского языка относительно стабильно: 251 и 258 тысяч экземпляров в год в 1995 и 2019 годах соответственно. При этом количество изданий увеличилось почти в два раза: в 1995 году издавалось 2 газеты и 2 журнала на табасаранском языке, а в 2019 году было зарегистрировано 4 газеты и 3 журнала.

График 1. Функционирование языков в школьном образовании

Функционирование рассматриваемых языков в школьном образовании, согласно данным, представленным на Графике 1, было рассчитано в процентном соотношении по отношению к общему количеству говорящих. Данные обучающихся на языке и языку были объединены.

Аварский и табасаранский языки занимали лидирующие позиции в 1990-х годах по количеству обучающихся (17,5% и 19,7% соответственно), свои высокие показатели они сохраняют и в 2018 году, демонстрируя наивысший процент обучающихся на языке и языку среди всех шести языков (14,7% и 12,9%). Самые невысокие показатели в 1995 году – у лакского (2,7%) и лезгинского (5,9%) языков, однако они демонстрируют тенденцию к росту, причем у лакского языка показатель вырос почти в три раза (7,8%) к 2018 году, а у лезгинского языка почти в два раза (9,8%). Даргинский язык показывает приблизительно равные коэффициенты в рассматриваемых периодах, с небольшим ростом в 2018 году (на 1,6%). Кумыкский язык, напротив, демонстрирует отрицательную динамику со снижением примерно на 3%.

График 2. Функционирование языков в периодике

Функционирование языков в сфере периодической печати (см. График 2) было рассчитано количественным методом: проведено сопоставление данных за 1995 и 2019 годы, подсчитано общее количество выпускаемых экземпляров за каждый рассматриваемый период, которое затем было сопоставлено с количеством говорящих за исследуемые два года.

Исследование функционирования языков в периодической печати показало тенденцию к значительному снижению в публикуемых изданиях периодики. Самое большое количество газет и журналов издавалось в 1995 году на аварском, лезгинском и кумыкском языках, здесь число изданий снизилось примерно в 4-5 раз. На даргинском и лакском языках издавалось примерно по 5 экземпляров на одного говорящего в 1995 году, данные за прошлый год показывают снижение публицистической активности в 5 раз – до 0,9 и 1,6 экземпляров соответственно. Самое незначительное изменение в динамике публицистики – у табасаранского языка (на 0,7 экз.), однако и в 1995 году на этом языке издавалось всего лишь 2,7 экземпляра газет в расчете на одного говорящего.

Таким образом, на основе представленных показателей можно сделать следующие **выводы**:

- исследование динамики функционирования изучаемых языков показало, что ситуация с обучением на языках и языкам в Республике Дагестан на протяжении двадцатипятилетнего периода остается относительно стабильной, с небольшими колебаниями данных по отдельным языкам; три языка демонстрируют тенденцию к незначительному росту (даргинский, лакский, лезгинский); другие, напротив, характеризуются относительным снижением активности их использования в сфере школьного образования (аварский, кумыкский и табасаранский);
- изучение динамики функционирования аварского, даргинского, кумыкского, лакского, лезгинского и табасаранского языков в периодике выявило заметное сокращение активности использования практически у всех языков в данной сфере, за исключением табасаранского языка, у которого также было зафиксировано снижение показателей, но оно было незначительным.

Перспективы дальнейшей работы включают в себя расширение синхронии и диахронии исследования. Планируется изучить динамику функционирования всех 38 младописьменных языков Российской Федерации за более длительный период с целью проведения сопоставительного исследования с бесписьменными языками. В дальнейшем будут проведены анализ параметров использования языков в сфере высшего образования и сравнение полученных данных с активностью функционирования языков в школьном обучении; будет проанализирована динамика использования языков в онлайн-публикациях в соотношении с данными по печатным изданиям.

Список источников

1. **Всероссийская перепись населения 2010** [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 11.10.2020).
2. **Книжная палата: статистический учет печатной продукции России** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bookchamber.ru/statistics.html> (дата обращения: 11.10.2020).
3. **Письменные языки мира. Языки Российской Федерации**: социолингвистическая энциклопедия: в 2-х т. М.: Academia, 2000. Т. 1. 656 с.
4. **Письменные языки мира. Языки Российской Федерации**: социолингвистическая энциклопедия: в 2-х т. М.: Academia, 2003. Т. 2. 848 с.
5. **Реестр открытых данных Министерства образования и науки РФ** [Электронный ресурс]. URL: <http://xn----8sblcdzvacvuc0jbg.xn--80abucjiibhv9a.xn--p1ai/opendata/> (дата обращения: 11.10.2020).
6. **Словарь социолингвистических терминов** / ред. В. Ю. Михальченко. М.: Институт языкознания РАН, 2006. 312 с.
7. **Халева И. И.** Лингвистическая безопасность России // Вестник Российской академии наук. 2006. Т. 76. № 2. С. 104-111.
8. **Язык и общество**: энциклопедия / гл. ред. В. Ю. Михальченко. М.: Азбуковник, 2016. 872 с.
9. **Ethnologue** [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ethnologue.com/> (дата обращения: 17.10.2020).
10. <http://www.unesco.org/new/en/culture/themes/endangered-languages/language-vitality> (дата обращения: 11.10.2020).

Functioning of New Written Majoritarian Languages of Dagestan in the Sphere of School Education and in the Periodical Press

Kirilenko Svetlana Vladimirovna, PhD

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow
svetlanavk@inbox.ru

The research objectives are as follows: to analyse the modern state of new written majoritarian languages of Dagestan and to reveal current tendencies in this sphere. Scientific originality of the paper lies in the fact that the author for the first time examines functioning dynamics of the languages under study in the sphere of school education and in the periodical press over a quarter of a century, compares recent data with the data of 1995. The research findings are as follows: the author traces functioning dynamics of the languages under study in the sphere of school education and in the mass media sphere, which allows concluding on their actual vitality. Relying on the findings, the researcher identifies possible factors influencing language vitality.

Key words and phrases: new written languages; functioning of languages; sphere of education; mass media sphere; language vitality.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.43>

Дата поступления рукописи: 22.10.2020

The study aims at considering the military-political discourse as a special discursive type, identifying the distinctive features and the main groups of military-political discourse lexical units and determining the set of lexicographic parameters relevant for the description of military-political discourse lexical units in the educational dictionary. The scientific novelty of the research is based on determining these parameters according to modern requirements imposed by researchers on the genre of educational dictionaries in general and on the cultural aspect of educational lexicography in particular. The attained results have shown that the lexicographic parameters set presented in this work is comprehensive and suitable for describing the military-political discourse lexical units, which allows users to read and understand the texts of military-political orientation.

Key words and phrases: military-political discourse; lexical units; lexicographic parameters; educational dictionary.

Kramarenko Olga Leonidovna, PhD

Bogdanova Oksana Yurievna, PhD

Yaroslavl Higher Military Institute of the Air Defense of the Ministry of Defense of the Russian Federation
petruper@mail.ru; dictema@mail.ru

Lexicographical Aspect of Military-Political Discourse Lexical Units in a Bilingual Educational Dictionary

Military-political discourse is one of the institutional discourse forms. It began to attract the researchers' attention recently: the first works devoted to its media representation appeared only in the late XX – early XXI century. Thus, the poor knowledge of this discourse type and the study of its lexical units features determine the *relevance* of the presented article. The military-political discourse, having an integrative nature, gravitates towards political discourse in terms of strategies, genres, precedent texts, linguistic and stylistic features, which is associated with the need for the emotive impact of both types of discourse on the target audience. At the same time, the target and value attitudes of the military-political discourse, being original, make it possible to consider it as a relatively independent type of discourse [15].

According to the main objective of the article, the authors have set up the following *tasks*:

- to consider the military-political discourse language and vocabulary features;
- to study the educational lexicography requirements for dictionary entry and a set of parameters which are relevant for the lexicographic description of the military-political discourse vocabulary.

The *practical value* of the work is due to the possibility of using the research results in the courses of higher educational institutions in lexicology, lexicography, cultural studies, regional studies, theory and practice of intercultural communication, as well as in the compilation of educational dictionaries of various types. For this reason, the authors of this article consider it important and necessary to present the research materials in English based on the translation of some theoretical statements taken from the thesis "Educational Dictionaries in Intercultural Communication" [12] including some additions.

The main *research method* of the study is the method of lexicographic analysis by L. P. Stupin [14] and O. M. Karpova [5], theoretical provisions of the parametric analysis of dictionaries by Yu. N. Karaulov [4], theoretical provisions of lexicographic portraiture and typification by Yu. D. Apresyan [1], as well as a number of ideas for the lexicographic representation of culturally marked lexical units by M. S. Kolesnikova [6] and O. M. Karpova [5]. The study material is the lexicographic aspect of the military-political discourse lexical units taken from different bilingual educational dictionaries [12]. The *theoretical background* of this work is the modern theory of intercultural communication, linguistic and cultural theory of the word.

The military-political discourse language, as well as the political one, is characterized by the use of numerous techniques at the stylistic level (epithets, metaphors and comparisons), which is associated with the emotive component

necessary to achieve the required impact on the target audience. At the same time, the military discourse language is emotionless with a predominance of clichés, army regulations wordings and military commands.

The military-political vocabulary, being extremely receptive to changes taking place in the socio-political sphere, is characterized by a certain degree of duality, since, on the one hand, it is represented mainly by terms with a specific sphere of use characteristic of them, naming accuracy and the absence of connotative elements; but, on the other hand, the socio-political terminology is to some extent ideologized, since it often reflects the peculiarities of the social structure of the state, and can receive a different assessment of a given linguocultural community, thus acquiring connotations that are uncharacteristic for most terms. This feature of the military-political discourse vocabulary gave researchers the opportunity to introduce the concept of ideologeme into everyday life, by which the author of this term M. Bakhtin understands explication, a way of representing one or another ideology [2, c. 145]. Converting this initially literary term into the field of linguistics, E. G. Malysheva, following N. A. Kupina, interprets the ideologeme as a verbal unit directly related to the political denotation, which has received a stable ideological increment, recorded by normative explanatory dictionaries [8, c. 34].

The researchers divide ideologemes into two main types:

1) concepts, the semantic content of which is differently interpreted by supporters of different political views in connection with the emotional coloring of this lexical unit, due to the assessment of the corresponding phenomenon. Thus, during the Cold War, supporters of Marxism gave an unquestionably positive assessment of the phenomena designated by the ideologemes of *socialism*, *the proletariat* and *communism*, and unconditionally negatively assessed the concepts designated by the ideologemes of *capitalism* and *the bourgeoisie*. At the same time, their political opponents expressed a diametrically opposite attitude towards these concepts: socialism and communism were assessed sharply negatively, capitalism received an unquestionably positive assessment, and the proletariat and bourgeoisie were used without any axiological peculiarities;

2) names used only by supporters of certain political views and conveying a specific attitude towards a certain concept. For example, the ideological allies of the USSR were called *the states of the world socialist system* or *the socialist community* by the supporters of Soviet ideology, while in the West these states were defined as *Soviet satellites* [Ibidem, c. 36-38].

The military-political discourse vocabulary is also characterized by the use of related concepts, which are the result of politics and military affairs spheres natural interaction. Thus, the complex term *cease-fire talks* – negotiations on a cease-fire – is the result of the merger of the military term *cease-fire* (armistice) and the diplomatic term *talks* (negotiations) [7, c. 102].

The military-political discourse lexical units are limited by the time frame and verbalize concepts that are relevant or have not lost their relevance at a given time. These may include the names of combat units currently in service, tactical techniques, and methods of warfare with their use and others [Ibidem, c. 103].

In military-political discourse, lexical units have the property of not only temporal, but also spatial correlation. Statements by political leaders contain terms that are related to a specific conflict.

According to M. N. Latu, the use of military terms that verbalize general concepts, and not isolated ones, is also significant for the military-political discourse, in order to avoid unnecessary specifics and misunderstanding by the target audience that does not have special knowledge in the field of military affairs [Ibidem].

Let us turn further to the consideration of the military-political discourse lexical units dictionary description issues.

The lexicographic reference book as a special genre of linguistic description first came to the attention of researchers in the 70s of the XX century. In his work “Linguistic Construction and the Thesaurus of the Literary Language” Yu. N. Karaulov put forward a hypothesis that the dictionary can reflect the linguistic structure in its entirety and with varying degrees of detail, depending on the combination of parameters reflected in the reference book [4, c. 42-52]. In this case, the lexicographic parameter can not only serve as the basis for a detailed typologization of currently existing dictionaries, but also becomes a unit of detailed analysis of the structure of reference books of different types.

Yu. D. Apresyan believes that the linguistic structure can be reflected in the dictionary on condition of an integral description of the ‘microworld of the lexeme’, which may be required by linguistic rules [1, c. 504]. Also, the scientist introduces the concept of lexicographic type and interprets it as a group of lexemes that require a uniform way of lexicographic description, possessing common linguistically significant properties [Ibidem, c. 503-512].

Thus, Yu. D. Apresyan’s idea of the language integral description is a continuation of Yu. Karaulov’s lexicographic description completeness hypothesis that allows determining the optimal number and ratio of parameters necessary for the dictionary description of various lexical units.

The military-political discourse lexical units to be included in the educational vocabulary should, on the one hand, correspond to the tasks that this guide is intended to solve, and, on the other hand, be described in a dictionary entry based on the requirements developed within the framework of educational lexicography at the present time. These requirements include:

1) taking into account the target orientation of the reference book, which implies differentiation into dictionaries for foreigners and dictionaries for native speakers who study their native language as an academic discipline. In the first case, predominantly widely used lexical units are to be included in the dictionaries for foreigners, predominantly not widely used vocabulary and its linguistic characteristics should be included into dictionaries for native speakers;

2) user orientation, making it necessary to take into account age, language skills, professional interests, native language and other factors;

3) the need to present all essential information about the lexical unit: stylistic properties, pragmatic and connotative features, synonymy and hyponymy, contextual and syntactic choice, information about pronunciation of words;

- 4) concentration mainly on neutral vocabulary;
- 5) the introduction of a significant number of illustrative examples;
- 6) inclusion into the vocabulary of lexical units used in the synchronous environment of the language;
- 7) interpretation of the headword meanings in simple signs by means of a lexical minimum;
- 8) the presence of applications that include educational information: information on grammar, a list of proper names and abbreviations, etc. [12, с. 92-98].

Taking into account the above requirements, the following set of parameters can be determined as relevant for the lexicographic description of the military-political discourse vocabulary:

1. Phonetic parameter.
2. Stress.
3. Spelling parameter.
4. Part of speech.
5. Number.
6. Verbal prepositions.
7. Detachable / non-detachable prefixes.
8. Past tense.
9. Definition.
10. Syntagmatic parameter.
11. Phraseological parameter.
12. Example and illustration parameter.
13. Stylistic parameter.
14. Synonyms.
15. Antonyms.
16. Homonyms.
17. Lexical collocation.
18. Sources of the lexicographic work.

Taken in their totality, these parameters make it possible to reflect in the educational dictionary all levels of the language structure – phonetic-grapheme, morphological, lexical and syntactic, thus providing a complete description of all military-political discourse lexical units properties, regardless of their part of speech. Let us turn further to the development of a lexicographic portrait of military-political lexical units.

The first in the dictionary entry microstructure of the military-political discourse lexical unit is the spelling parameter indicating the spelling peculiarities of this unit in its original form. This parameter does not have any special marks: **aircraft** (a compound word consisting of two simple ones written together) [9].

The following is an indication of the word pronunciation in the international phonetic transcription signs, which ensures the integration of the phonetic parameter and the “stress” parameter into the dictionary entry:

aircraft [ˈeəkrɑːft] (one-stress disyllabic, vowel sounds represented by diphthong and a long vowel).

The “part of speech” parameter is represented in a dictionary entry by means of special labels corresponding to the initial letters of the English parts of speech names: n – noun, v – verb, adj – adjective, adv – adverb, part – participle:

aircraft [ˈeəkrɑːft] n (lexical unit is a noun) [Ibidem].

In case that the described lexical unit is a noun that has features of use in singular or plural forms, the indication of the corresponding feature is carried out using the *sing* (*singular*) – *pl* (*plural*) marks and the integration of both forms into the dictionary entry:

aircraft [ˈeəkrɑːft] n (pl – aircraft) (noun has singular and plural forms identical) [Ibidem].

The “definition” parameter can find various expressions in the microstructure of dictionary entries of military-political discourse lexical units. The interpretation of terms is carried out in translation techniques, ideologemes, jargon and colloquial lexical units require interpretation according to key features, the selection of an approximate equivalent, the selection of a generic concept, tracing, accompanied by an explanation:

aircraft [ˈeəkrɑːft] n (pl – aircraft) воздушное судно, атмосферный летательный аппарат, самолёт, вертолёт, авиация (semantization of the lexical unit is carried out using translation) [10];

Minuteman [ˈmɪnɪtmæn] n sing (pl – minutemen) 1) человек, всегда готовый к действию; 2) активный деятель; 3) солдат народной милиции; 4) *амер. воен.* «Минитмен» (трёхступенчатая межконтинентальная баллистическая ядерная ракета); 5) минитмен (член экстремистской организации, ставящей своей целью вооружённую борьбу с коммунистами) (semantisation of a polysemic word is carried out by means of interpretation based on key features, as well as transcription accompanied by an explanation) [11].

The syntagmatic parameter and the parameter of lexical compatibility are realized by including into the microstructure of a dictionary entry examples of word combinations in which the described lexical unit can be used:

aircraft [ˈeəkrɑːft] n (pl – aircraft) воздушное судно, атмосферный летательный аппарат, самолёт, вертолёт, авиация

aircraft designer – авиационный конструктор [10];

fuelling of aircraft – заправка самолета горючим [Ibidem];

enemy aircraft – самолёт противника [Ibidem];

friendly aircraft – самолёт союзников [Ibidem];

aircraft emergency – аварийная ситуация с воздушным судном [Ibidem];

aircraft armament – вооружение самолёта [Ibidem];

aircraft crew – экипаж самолёта [Ibidem];

aircraft gun – авиапушка; авиапулемёт [Ibidem];

clear the air of enemy aircraft – очищать воздушное пространство от самолётов противника [Ibidem];

force an enemy aircraft down – вынуждать летательные аппараты противника к посадке [Ibidem];

get out of the aircraft – покинуть летательный аппарат [Ibidem];

keep the aircraft flying – поддерживать летательный аппарат в состоянии лётного режима [Ibidem];

put the aircraft onto the runway – садить самолёт на взлётно-посадочную полосу [Ibidem].

An example and illustration parameter is implemented by including examples into the microstructure of a dictionary entry that show the functioning of a lexical unit in speech:

aircraft ['eəkrɑ:ft] *n* (*pl* – aircraft) воздушное судно, атмосферный летательный аппарат, самолёт, вертолёт, авиация

The aircraft planed down before landing. Самолёт некоторое время планировал, прежде чем приземлиться [13].

The aircraft took off without clearance. Самолет взлетел без официального разрешения [Ibidem].

The aircraft burst into flames. Самолёт загорелся [Ibidem].

The aircraft was flight-tested in 1990. Летные испытания этого самолета проводились в 1990 году [Ibidem].

The aircraft overshot the runway. Самолёт приземлился за посадочной полосой [Ibidem].

The fog grounded all aircraft at N. aerodrome. Из-за тумана ни один самолет не мог подняться в воздух на аэродроме N [Ibidem].

The aircraft were met by a hail of gunfire. Авиацию встретили шквалом зенитного огня [Ibidem].

The pilot managed to land the aircraft safely. Летчику удалось благополучно посадить самолёт [Ibidem].

The stylistic parameter is integrated into the dictionary entry of the military-political discourse lexical units when it comes to terms or lexemes that have a specific stylistic feature, as well as a limited scope of use. This parameter is expressed in the system of special labels: *term.*, *military*:

antiaircraft missile ['ænti'eəkrɑ:ft 'mɪsɪl] *n.*, *military term.* ЗУР, зенитная УР, зенитная ракета, зенитное оружие, зенитная управляемая ракета [10].

The dictionary entry of military-political discourse lexical units also integrates information about synonyms, antonyms or homonyms of the described lexical unit, if any. These parameters have a formal expression in the system of special marks: *syn.*, *ant.*, *hom.*:

aircraft ['eəkrɑ:ft] *n* (*pl* – aircraft) воздушное судно, атмосферный летательный аппарат, самолёт, вертолёт, авиация

syn. plane, airplane, aerial vehicle [Ibidem].

As noted above, the military-political discourse tends mainly to oral speeches and reports of the highest military and political leaders, which are reflected in written genres, including newspaper and Internet media. Thus, the sources for the selection of military-political discourse lexical units are the printed and electronic publications, Internet resources, official bulletins, etc.

Having considered the vocabulary of military-political discourse, we come to the following **conclusions**:

1) being relatively independent type, the military-political discourse has a strong emotive impact on the target audience using certain vocabulary. Along with general linguistic units, the military-political discourse vocabulary is represented by ideologemes, vernaculars, including jargon, foreign language borrowings, complex abbreviated words, and politically correct lexemes. The main features of the military-political discourse language are duality and the socio-political terminology use. The emotive effect of influencing the target audience is achieved by using modal adverbs, connotative synonyms of a pejorative nature, pathetic vocabulary, the phenomena of homonymy and opposition. The military terms used primarily verbalize general concepts, possess the properties of temporal and spatial limitation, and describe concepts that are relevant at a given moment in time;

2) based on the requirements to the genre of educational dictionaries (*target and user orientation; ultimate information about the lexical unit; neutral vocabulary concentration; illustrative examples; synchronous language environment orientation; definition orientation based on lexical minimum*), the lexical units of military-political discourse can be described in a dictionary entry as fully as possible due to the integration of the optimal number of lexicographic parameters (*phonetic parameter; stress; spelling parameter; part of speech; number; verbal prepositions; detachable / non-detachable prefixes; past tense; definition; syntagmatic parameter; phraseological parameter; example and illustration parameter; stylistic parameter; synonyms; antonyms; homonyms; lexical collocation; sources of the lexicographic work*). The implementation of these parameters makes it possible to characterize a given lexical unit at all linguistic levels and most fully reflect its functioning in speech. At the same time, the degree of each parameter detailing is determined both by the belonging of a given lexical unit to the military-political discourse, and by its individual characteristics, therefore, the set of lexicographic parameters presented in this article is comprehensive and suitable for describing any lexemes, regardless of their part of speech and stylistic affiliation. Integration of lexical units of military-political discourse into the corpus of the educational dictionary enables users to read and understand texts of military-political orientation.

Further research perspectives in this area of scientific knowledge are presented, on the one hand, in the clarification of creating English-Russian and Russian-English educational dictionaries principles and, on the other hand, in improving the already existing reference books based on modern scientific views and taking into account the current requirements for the genre of educational dictionaries [3].

References

1. Апресян Ю. Д. Язык. Семиотика. Культура. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 769 с.
2. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.

3. Богданова О. Ю., Крамаренко О. Л. Формирование лексикографической компетенции курсантов на занятиях по дисциплине «Профессионально ориентированный перевод» (английский язык) // Вестник Ярославского высшего военного училища противовоздушной обороны. 2019. № 4 (7). С. 57-61.
4. Караулов Ю. Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М.: Наука, 1981. 366 с.
5. Карпова О. М. Лексикографические портреты словарей современного английского языка. Иваново: ИВГУ, 2004. 192 с.
6. Колесникова М. С. Диалог культур в лексикографии: феномен лингвострановедческого словаря. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2002. 392 с.
7. Лату М. Н. Военная терминология в современном политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2011. № 3. С. 98-104.
8. Малышева Е. Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен // Политическая лингвистика. 2009. № 4. С. 32-39.
9. Мюллер В. К. Новый англо-русский словарь. 12-е изд., стер. М.: Русский язык медиа, 2005. 945 с.
10. Новичков Н. Н. Англо-русский словарь по противоракетной и противокосмической обороне. М.: Воениздат. 1989. 592 с.
11. Новый большой англо-русский словарь / New English-Russian Dictionary (by Yu. D. Apresyan) [Электронный ресурс]. URL: <https://1532.slovaronline.com/> (дата обращения: 10.10.2020).
12. Петрушова О. Л. Учебные словари в межкультурной коммуникации: дисс. ... к. филол. н. Ярославль, 2009. 213 с.
13. Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]. URL: <https://translate.academic.ru> (дата обращения: 12.10.2020).
14. Ступин Л. П. Лексикография английского языка: учеб. пособие для студентов институтов и факультетов иностранных языков. М.: Высшая школа, 1985. 167 с.
15. Шашок Л. А. Структурные особенности военного дискурса: обоснование необходимости исследования // Актуальные вопросы филологических наук: материалы VI Международной научной конференции. Краснодар: Новация, 2019. С. 9-13.

Лексикографический аспект лексических единиц военно-политического дискурса в двуязычном учебном словаре

Крамаренко Ольга Леонидовна, к. филол. н.

Богданова Оксана Юрьевна, к. филол. н.

Ярославское высшее военное училище противовоздушной обороны
dictema@mail.ru; petruper@mail.ru

Цель исследования – рассмотреть военно-политический дискурс как особый дискурсивный тип, выявить особенности и основные группы лексических единиц военно-политического дискурса, определить совокупность лексикографических параметров, релевантную для описания лексических единиц военно-политического дискурса в учебном словаре. Научная новизна заключается в определении данных параметров на основании современных требований, предъявляемых исследователями к жанру учебных словарей в целом и к культурологическому аспекту учебной лексикографии в частности. Полученные результаты позволяют сделать выводы, что представленная в настоящей работе совокупность лексикографических параметров является исчерпывающей и пригодной для описания лексических единиц военно-политического дискурса, что даёт пользователям возможность читать и понимать тексты военно-публицистической направленности.

Ключевые слова и фразы: военно-политический дискурс; лексические единицы; лексикографические параметры; учебный словарь.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.44>

Дата поступления рукописи: 26.10.2020

Цель исследования – выявление ценностно-смысловых и лингвокультурных маркеров как основы этнической идентичности малых народов Крыма (этнические болгары, этнические немцы). *Научная новизна* заключается в том, что впервые рассматривается эволюция форм малых языков, обыденного сознания и традиционной культуры малых этносов Крыма. *Исследование культурной, в частности языковой, ситуации малых народов Крыма в условиях иноязычного окружения свидетельствует в результате о том, что вследствие исторических процессов, геополитических и социальных изменений эти сообщества подверглись сильной языковой ассимиляции и фактически утратили свою этническую идентичность.*

Ключевые слова и фразы: лингвокультурные маркеры; островной диалект; малые языки; иноязычное окружение; языковая ассимиляция.

Обухова Ольга Николаевна, к. филол. н., доц.

Байкова Ольга Владимировна, д. филол. н., доц.

Вятский государственный университет, г. Киров
usr11658@vyatsu.ru; usr11768@vyatsu.ru

Ценностно-смысловые и лингвокультурные маркеры в традиционной культуре малых народов Крыма

Актуальность настоящего исследования заключается в поиске решений проблемы сохранения этнокультурного многообразия российской нации, оптимизации и гармонизации межнациональных отношений

в современном российском обществе. Проблемы сохранения этнокультурного многообразия, оптимизации и гармонизации межнациональных отношений в современном российском обществе выдвигают в качестве первоочередных следующие вопросы: выяснение реального положения народов, современных этнических процессов, этнокультурных потребностей и запросов; определение тенденций развития поликультурного общества и эффективности осуществляемых мер в области этнокультурной политики.

Для достижения поставленной цели исследования необходимо решить ряд основных *задач*: 1) изучение языковой ситуации этносов, проживающих на территории Крыма; 2) выявление механизмов сохранения этнической идентичности и целостности малых народов Крыма, определение особенностей их культурной адаптации в поликультурном пространстве Крыма и выявление перспектив их развития; 3) создание типологии носителей языков малых народов Крыма (на примере этнических болгар, этнических немцев).

Для реализации и достижения поставленной цели применялись следующие *методы*: описательный, исторический, ареальный, статистический и сравнительно-сопоставительный. В качестве основного метода использовался описательный социолингвистический метод, предполагающий сбор и систематизацию языкового материала, последовательный анализ и описание зафиксированного в ходе исследования материала. Данный подход обуславливает дальнейшее использование социолингвистических приемов, предполагающих фиксацию и более детальный анализ языкового и фактического материала. Сравнительный и ретроспективный анализ архивных данных, документации общественных организаций исследуемых этнических групп в периоды с XIII века до начала XX века и с начала XX века до начала XXI века позволяет выявить общие и специфические тенденции становления и развития культуры малых народов Крыма, исторический метод использовался с целью точного установления хронологических и этнокультурных фактов функционирования исследуемых малых народов Крыма, что дало возможность рассматривать не только ретроспективу процесса их развития, но и перспективу динамики. Ареальный метод направлен на определение языкового состояния (коммуникативного статуса родного (этнического) языка) исследуемых малых народов Крыма.

Теоретической базой исследования послужили работы Ю. В. Бромля [2], Ф. Ригса [8], В. А. Тишкова [10], Г. Гриневальда [13], С. В. Чешко [11], в которых ученые развивают «теорию этноса», в частности положения, касающиеся факторов формирования и существования этносов, частные аспекты этнической проблематики.

Практическая значимость. Данные исследования представляют значимость для описания национальной специфики культуры малых народов Крыма (этнические немцы, этнические болгары), сравнительного изучения и идентификации традиций в рамках изучения локальных особенностей бытования культуры малых народов, также современного состояния национальной культуры в контексте мирового процесса глобализации и геополитических событий в современном мире, выявления маркеров этнической идентичности малых этносов. Материалы исследования могут найти применение при разработке учебных дисциплин гуманитарного направления, в частности, «Этнология», «Социальная культурная антропология». Основные идеи и положения научной работы могут быть использованы в преподавании спецкурсов по этнической социологии, культурологии, философии культуры.

В центре внимания научно-исследовательского проекта находится проблема сбережения истории, культуры малых этносов. В настоящей статье применяются следующие термины с соответствующими определениями.

Языковая ситуация – совокупность форм существования одного языка или совокупность языков в их территориально-социальном взаимоотношении и функциональном взаимодействии в границах определённых географических регионов или административно-политических образований [9, с. 266]. Островной диалект – диалект или говор, находящийся в окружении другого языка или других диалектов и резко отличающийся по своим языковым чертам от других диалектов этого же языка [Там же, с. 159].

Этническая идентичность – это культурно-генетическая программа, которая формируется в результате вековых связей и общности, в результате социализации, формирования соответствующей среды обитания человека [1, с. 30-33; 4, с. 77; 5; 8, с. 484-485; 9, с. 41].

Этнос – исторически сложившаяся на данной территории устойчивая межпоколенная совокупность людей, обладающих не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также осознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), фиксированным в самоназвании (этнониме) [2, с. 18].

Известно, что вопрос изучения «островных» диалектов или говоров стоит особо остро в условиях реэмиграции представителей малых народов Крыма на историческую родину и усиления ассимиляторского воздействия на них культуры иноязычного населения. Исследование этнической идентичности этносов Крыма в целом способствует описанию и определению уровня консолидации этнических сообществ в поликультурном пространстве не только Крымского региона, но и РФ. Проблема сохранения этнокультурного многообразия российской нации, оптимизации и гармонизации межнациональных отношений в современном российском обществе выдвигает в качестве первоочередных вопросов: выяснение реального положения народов, современных этнических процессов, этнокультурных потребностей и запросов, определение тенденций этнического развития и эффективности осуществляемых мер в области этнокультурной политики.

С вхождением Крыма в состав Российской Федерации в 2014 году [7] начался новый период в истории этнических сообществ полуострова. Изменился вектор международных отношений: новый статус Крыма не был принят международным сообществом, и многие организации были вынуждены покинуть регион. Однако общность единой исторической судьбы этносов Крыма, для которых русский язык стал родным, а этнические корни не остались забытыми, продолжает объединять людей в единое сообщество с целью сохранения своей культуры.

Исследование культурной, в частности языковой, ситуации малых народов Крыма (в частности, крымских болгар, крымских немцев) в условиях иноязычного окружения свидетельствует о том, что в результате исторических процессов, геополитических и социальных изменений эти сообщества подверглись сильной языковой ассимиляции и фактически утратили свою этническую идентичность.

Основанием и подтверждением этого обстоятельства послужили результаты проведенного научного исследования по проекту, также коллективной экспедиции по маршруту: 1) поселения крымских немцев в Белогорском районе (Розенталь/Ароматное, Фриденталь/Курортное, Нейзатц/Красногорское), в Симферопольском районе (Кроненталь/Кольчугино), в Ялте; 2) поселения крымских болгар в Белогорском районе (с. Луговое, с. Курское), в Бахчисарайском районе (с. Алёшино). В этнографической и диалектологической экспедиции приняли участие доценты кафедры лингвистики и перевода О. Н. Обухова, Ю. В. Березина, О. В. Скурихина (ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет» (ВятГУ)), также доцент кафедры иностранных языков Н. М. Евстафьева и доцент кафедры культурологии и религиоведения философского факультета И. А. Андриющенко (ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»).

В рамках экспедиции на промежуточном этапе были исследованы следующие темы по основным направлениям проекта:

- история и культура малых этносов и этнических групп Крыма, в частности этнических болгар, этнических немцев;
- языковая ситуация: общие закономерности развития и функционирования языка и этнокультурных особенностей малых народов (этнические немцы и этнические болгары) на территории Крыма;
- изучение миноритарных страт – устно-разговорных форм языков (этнических немцев и этнических болгар), сохранившихся на территории Крыма.

Сформулированные в рамках научного исследования проблемы, в частности выявление взаимосвязи диалектного языка, обыденного сознания и традиционной культуры малых народов Крыма, создание типологии носителей исчезающих языков в Крымском регионе (типология носителей языков была разработана и предложена европейскими учеными [14]), потребовали разработки основных индикаторов оценки состояния, тенденций и динамики развития языков и культур для описания специфики трансформации этнокультурной идентичности с целью последующей оценки жизнеспособности (индекс языковой опасности) родных языков крымских немцев и крымских болгар согласно параметрам, позволяющим оценивать степень жизнеспособности или угрозы языку, применительно к миноритарным языкам, составленным ЮНЕСКО [Там же].

В ходе реализации проекта было установлено, что число носителей диалектов крайне невысокое. Участниками экспедиции записана речь последних (двуязычных) носителей доминирующего диалекта, от рождения свободно говорящих на родном (этническом) языке (*native fluent speakers* – один представитель сообщества этнических немцев). Членам экспедиции не удалось взять интервью у носителя болгарского диалекта (*native fluent speakers*), свободно говорящего на диалекте от рождения, в силу его возраста и в связи с тяжелым заболеванием. Моноязычные носители – *native fluent speakers* – не выявлены. В ходе экспедиции (полевых исследований) была зафиксирована в основном речь т.н. «полуносителей» (*semi-speakers*), «последних носителей» (*terminal speakers*) и «хранителей памяти» (*rememberers*).

Следует констатировать, что лишь немногочисленные представители крымских болгар и немцев свободно говорят на этническом языке, структуры этнического языка подвергаются сильным изменениям под влиянием литературного языка и доминирующих русского и украинского языков. Большинство информантов утратили пассивный билингвизм (как правило, вследствие репрессивной политики в отношении малых народов Крыма, в частности немцев, под давлением трагических обстоятельств, этнополитических факторов). Анализ языковой компетентности информантов свидетельствует о том, что представители сообществ этнических немцев и болгар в основном отличаются невысоким или ограниченным уровнем владения этническим языком (владеют отдельными фразами или отдельными словами на своем этническом языке / не владеют диалектом).

Результаты изучения устной речи информантов и языковой ситуации в Крыму позволяют констатировать, что диалекты в устной форме (как средство общения) практически не сохранились. «Угасание» островных диалектов происходит в связи с тем, что они все меньше используются внутри языкового сообщества в своей основной коммуникативной функции, доминирующей становится ритуально-литургическая функция (язык сопровождения календарных и семейных праздников, литургических ритуалов и т.п.).

Кроме того, следует отметить, что как составляющий этнокультурной традиции фольклорный компонент «стирается» в памяти этносов, сохраняет лишь единичные элементы этнического фольклора (лингвокультурные традиции крымских немцев) или «модернизируется» (культурные песенные традиции крымских болгар).

Отмирание языков малых народов Крыма обусловлено не только лингвистическими, но и гео- и этнополитическими последствиями. В этом плане значимыми для настоящего исследования являются сведения о численности и структуре этнических сообществ на полуострове Крым. Приведем следующие данные переписи населения в Крымском федеральном округе, которые свидетельствуют о значительном уменьшении населения этнических немцев и этнических болгар (Табл. 1).

Таблица 1. Данные о национальном составе населения Крыма

Национальность	1989 г.	2001 г.	2014 г.
этнические немцы	2356	2790	1844
этнические болгары	2186	2282	1868

Основными факторами, по мнению демографов, являются: различия в естественном воспроизводстве, смена этнического самосознания и внешняя миграция [3, с. 108-109].

Приведенные ниже статистические данные о владении этническими немцами и этническими болгарами соответствующим языком (родным языком) являются еще одним основанием подтверждения результатов анализа языковой ситуации в Крыму [3, с. 108-109; 6, с. 37-40; 12] и «угасания» островных диалектов (Табл. 2).

Таблица 2. Численность лиц, владеющих соответствующим языком (родной язык)

Родной язык	1989 г.	2001 г.	2014 г.
немецкий	48,8%	12,2%	0,01%
болгарский	68,2%	64,2%	0,02%

На основе девяти параметров, позволяющих оценивать степень жизнеспособности или угрозы языку, применительно к миноритарным языкам, составленным ЮНЕСКО [14], можно оценить положение языка какого-либо сообщества и определить, какая помощь необходима для его сохранения, возрождения или документирования. Остановимся подробнее на выявленных показателях и индикаторах жизнеспособности языков исследуемых этносов: 1) жизнеспособность родных языков крымских немцев и крымских болгар оценивается как трансгенерационная (передача языка от поколения к поколению); 2) число носителей языка крайне невысокое; 3) процент носителей языка в общей численности населения невысокий; 4) изменение сфер использования языка в пользу использования русского языка; 5) представители этнокультурных сообществ в основном предпочитают СМИ на русском языке, реже читают и смотрят программы на родном языке; литература и СМИ на этническом языке не развиваются; 6) как правило, молодое поколение посещает русскоязычные школы; этнический немецкий и болгарский языки не являются языком обучения в Крымском регионе; в этнических сообществах предоставлены материалы для овладения этническим языком, также существует возможность изучать язык на платных курсах; 7) в Крымском регионе поддержка этнических сообществ во всех сферах функционирования осуществляется на федеральном уровне, но в последние годы, по словам председателя «Региональной немецкой национально-культурной автономии» (Ю. К. Гемпель) и заместителя председателя «Региональной болгарской национально-культурной автономии Республики Крым им. Паисия Хилендарского», она не является достаточной (Л. Радева); 8) согласно проведенному опросу и в ходе полевых исследований выяснилось, что в основном представители этнических сообществ предпочитают общение на русском языке; 9) тип и качество документации: у исследователей не было возможности оценить последний параметр, т.к. современные официальные документы этнических сообществ не были доступны; наиболее полную картину языка и культуры составляют этнологические материалы и данные, собранные в первой половине XX века В. М. Жирмунским с коллегами и учениками во время экспедиций в немецкие колонии Крыма, также в ходе экспедиции в 1930-х годах в болгарские поселения и последующие экспедиции конца 1980-х годов – начала XXI века. В памяти этнических немцев и этнических болгар сохраняются знания культурного наследия, но постепенно под давлением исторических и политических процессов, приведших к разрыву культурных, хозяйственных, семейных, межличностных связей, в этнических сообществах происходит постепенное «вымывание» знаний языка, трансформация культурных традиций.

Зафиксированные тексты о самобытности этнических немцев, этнических болгар, специфичности их хозяйственно-бытового уклада, особенностях трудовой этики, конфессиональной культуры позволяют манифестировать этнокультурные маркеры их этнической идентичности. Основными маркерами, структурирующими историческую память малых этносов, служат предельно общие воспоминания о ключевых событиях общероссийской истории (истории немцев и болгар России) и истории Крыма. Структурообразующими для зафиксированных текстов исторического содержания становятся сюжетные схемы, связанные с семейной историей, традициями малого этноса. Выявленные формы бытования культуры малых народов, в частности фольклора, свидетельствуют о сохранении этнокультурной и этногеографической традиции. Традиция предписывает определенные функции каждому члену сообщества: воспитание детей и внуков, почитание предков, поддержка друг друга, подчинение системе, единение, защита рода.

Таким образом, мы приходим к следующим **выводам**. Одной из главных особенностей этно- и лингвокультурной ситуации в регионах проживания этнических немцев, этнических болгар является существенное ослабление позиции родного (этнического) языка – дистинктивного признака этнической идентичности, – обусловленное пролонгированным воздействием на бытование малых этносов таких факторов, как процессы глобализации, активных миграционных флуктуаций (особенно в ситуации с этническими немцами), урбанизации социума, демографической ситуацией.

Несомненно, важнейшая роль в сохранении национального языка и культуры малых народов принадлежит системе образования и семье. Системное изучение национального языка, знакомство с этнической культурой в дошкольных образовательных учреждениях и в средней общеобразовательной школе, передача опыта межкультурного взаимодействия в семье обеспечивают их усвоение и сохранение подрастающим поколением. Воспитание в семье, сохранение семейных традиций и передача их из поколения в поколение выступают основополагающими факторами формирования этнического самосознания у представителей малых этносов.

Не менее значимую роль для формирования этнической идентичности в поликультурном пространстве несут средства массовой информации, обуславливающие функционирование доступных информационных

ресурсов, транслирующих культурные и этнические ценности народов через особенности их национального языка, праздники, обычаи.

Успешное решение задач по сохранению языков малых этносов, оптимизации и гармонизации межнациональных отношений в целом напрямую зависит от нормативно-правовой базы. Без сомнения, в Российской Федерации права народов страны на поддержку культуры как уникального наследия, сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития гарантированы на конституционном уровне. Вместе с тем существует очевидная потребность в дальнейшем совершенствовании и развитии языковой и национальной политики на государственном и региональном уровне, прежде всего в трансформации институтов общественных организаций, представляющих интересы малых народов в решении экономических, социальных и этнических проблем.

В рамках настоящего научного проекта *перспективными* становятся исследования возможностей сохранения традиционных этнокультурных ценностей, разработки методологии восстановления и сохранения этнической культуры, реконструкция ценностно-смысловых маркеров этнической идентичности малых народов РФ в современных условиях глобальных трансформаций.

Публикация выполнена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 19-012-00015/20, проект «Система этнокультурных маркеров в традиционных культурах малых народов Крыма».

Список источников

1. Арутюнов С. А. Этничность – объективная реальность // Этнос и политика: хрестоматия / авт.-сост. А. А. Прасаускас. М.: УРАО, 2000. С. 30-33.
2. Бромлей Ю. В. К вопросу о выделении этносов среди других человеческих общностей // Этнос и политика: хрестоматия / авт.-сост. А. А. Прасаускас. М.: УРАО, 2000. С. 13-20.
3. Итоги переписи населения в Крымском федеральном округе / Федеральная служба государственной статистики. М.: ИИЦ «Статистика России», 2015. 280 с.
4. Каган М. С. Эстетика как философская наука. СПб.: Петрополис, 1997. 544 с.
5. Лингвистический энциклопедический словарь [Электронный ресурс] / гл. ред. В. Н. Ярцева. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/> (дата обращения: 21.01.2020).
6. Население СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989. М.: Финансы и статистика, 1990. 45 с.
7. О мерах по реабилитации армянского, болгарского, греческого, крымско-татарского и немецкого народов и государственной поддержке их возрождения и развития [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ № 268 от 21 апреля 2014 года. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/38356> (дата обращения: 21.01.2020).
8. Риггс Ф. Аспекты содержания этничности // Этнология. История этнологической и антропологической мысли: антология / авт.-сост. Д. Г. Касимова. Глазов: Изд-во Глазовского гос. пед. ин-та, 2008. С. 483-485.
9. Словарь социолингвистических терминов / авт.-сост. В. А. Кожемякина, Н. Г. Колесник, Т. Б. Крючкова, О. С. Парфенова, Ю. В. Трушкова, А. Н. Биткеева, М. А. Горячева. М.: Институт языкознания РАН, 2006. 312 с.
10. Тишков В. А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 544 с.
11. Чешко С. В. Человек и этничность // Этнографическое обозрение. 1994. № 6. С. 35-49.
12. Численность и состав населения Украины по итогам Всеукраинской переписи населения 2001 года [Электронный ресурс]. URL: <http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/general/language/> (дата обращения: 05.06.2020).
13. Grinevald G. Speakers and documentation of endangered languages [Электронный ресурс]. URL: http://www.e-publishing.org/docs/1/01/ldd01_06.pdf (дата обращения: 12.09.2020).
14. Language Vitality and Endangerment [Электронный ресурс]. URL: http://www.unesco.org/new/fileadmin/MULTIMEDIA/HQ/CLT/pdf/Language_vitality_and_endangerment_EN.pdf (дата обращения: 12.09.2020).

Value-Semantic and Linguocultural Markers in Traditional Culture of Crimea Small Peoples

Obukhova Olga Nikolayevna, PhD
Baykova Olga Vladimirovna, Dr
Vyatka State University, Kirov
usr11658@vyatsu.ru; usr11768@vyatsu.ru

The purpose of the study is to identify axiological-semantic and linguocultural markers as a basis for ethnic identity of Crimea small peoples (the ethnic Bulgarians, the ethnic Germans). The research is novel in that evolution of small languages forms, everyday consciousness and traditional culture of Crimea small ethnic groups is considered for the first time. As a result, the study of the cultural and particularly linguistic situation of Crimea small peoples in foreign-language environment shows that due to historical processes, geopolitical and social changes these communities have undergone massive linguistic assimilation and virtually lost their ethnic identity.

Key words and phrases: linguocultural markers; island dialect; small languages; foreign-language environment; language assimilation.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.45>

Дата поступления рукописи: 21.09.2020

Цель исследования – разработать алгоритм лингвокультурной идентификации виртуальной языковой личности с целью создания ее речевого портрета. В статье анализируются основные черты виртуальной языковой личности, лексико-семантические и стилистические характеристики блогов, когнитивный и прагматический уровни языковой личности. Исследование выполнено на материале английского языка. **Научная новизна** заключается в алгоритмизации процесса идентификации виртуальной языковой личности. **В результате** составлен алгоритм лингвокультурной идентификации виртуальной языковой личности с учётом индивидуальных особенностей этой личности в контексте блог-коммуникации.

Ключевые слова и фразы: блог-коммуникация; виртуальная языковая личность; речевой портрет; лингвокультурная идентификация.

Поддубная Наталия Владимировна, к. филол. н.
Михиенко Светлана Александровна, к. филол. н., доц.
Ставропольский государственный аграрный университет
cherkasovanatas@mail.ru; sam777sam@yandex.ru

Специфика идентификации виртуальной языковой личности блог-коммуникации (на материале английского языка)

Сегодня блог является одним из наиболее популярных жанров блог-коммуникации и представляет собой персональное пространство мультимедийного характера, в котором представлена субъективизированная информация. Характеризуя блог-коммуникацию как специфический вид межличностного взаимодействия, необходимо отметить, что данный вид коммуникации обладает набором характеристик, таких как анонимность, глобальность, условность, мозаичность, гипертекстуальность [1, с. 59], обуславливающих переход сознания на качественно новую ступень абстракции при взаимодействии с виртуальными личностями и позволяющих участнику коммуникации «окунуться» в иную реальность, которая создается самими пользователями, существует в виде текста и мультимедиа только в данный момент и влияет на формирование языковой личности виртуальных коммуникантов [2, с. 102]. Именно поэтому развитие виртуальной блог-коммуникации обуславливает **актуальность** данного исследования, направленного на изучение поведения языковой личности, погруженной в виртуальную реальность блога, и на выявление изменений, которые эта реальность накладывает на систему речевых жанров и характер языковой личности.

Для достижения цели исследования необходимо решить ряд **задач**:

- 1) выявить основные черты виртуальной языковой личности и систематизировать лексико-семантические и стилистические характеристики блогов в зависимости от категории модальности;
- 2) проанализировать когнитивный и прагматический уровни языковой личности с целью выделения основных типов виртуальных языковых личностей в рамках блог-коммуникации;
- 3) алгоритмизировать процесс идентификации языковой личности в пространстве блогов с целью технологизации и оптимизации процесса распознавания типа языковой личности.

Методами исследования были выбраны: метод лингвистического наблюдения, описательный и сопоставительный методы, а также методы сплошной выборки и контекстуального анализа.

Теоретическую основу исследования составили труды по общему языкознанию Гумбольдта (2000), Якобсона (1985), Мартине (1963), психолингвистике Горелова (2003), Леонтьева (2007), Овчинниковой (2009), лингвокультурологии Воробьева (1997), Красных (2002), Масловой (2004), Лутовиновой (2009), теории коммуникации Богомоловой (1988), Костомарова (1999), Кашкина (2000), а также исследования в области информационных технологий и интернет-коммуникации Жичкиной (2001), Белинской (2002), Войскунского (2004), Асмус (2005).

Практическая значимость работы обусловлена перспективой использования ее результатов при составлении лекционных курсов и практических занятий по лингвокогнитологии, лингвокультурологии, спецкурсов в области теории коммуникации, при проведении семинаров и тренингов по корпоративной коммуникации и прагмалингвистике.

Феномен «языковая личность» является многослойным в силу своей многоаспектности, что значительно усложняет процесс его идентификации [3, с. 89]. В блог-коммуникации данный процесс носит еще более сложный характер, так как, существуя в когнитивном, поведенческом и аксиологическом аспектах, виртуальная языковая личность также представляет собой владение знаниями, умениями и навыками, которые, в зависимости от целей и задач виртуальной коммуникации, основываются на трёх базовых составляющих:

- 1) энциклопедическая компетенция, которая отражает знания языковой личности о современных информационно-коммуникационных технологиях;
- 2) лингвистическая компетенция, которая помогает применять те или иные языковые средства для достижения коммуникативных целей;
- 3) интерактивная компетенция, при которой пользователь коммуницирует в рамках действующих в интернет-среде законов [4, с. 128].

Таким образом, виртуальная языковая личность способна видоизменяться ввиду анонимности и относительно низкого уровня правдивости интернет-коммуникации. Зачастую виртуальная личность предстает «улучшенным прототипом» реальной личности и может существовать в таком виде как временно – при общении с определенной виртуальной личностью, так и постоянно.

В процессе виртуального общения коммуниканты обмениваются не только информацией, но и выражают своё отношение к определенному вопросу, что делает любое сообщение модальным. Функционально-семантическая категория модальности выражает разные виды отношений к действительности. Несмотря на то, что многие исследователи по-разному характеризуют понятие модальности, большинство склонны делить ее на объективную и субъективную. Объективная модальность является неотъемлемой частью высказывания, которая делает возможным предикативное оформление предложения. Категория объективной модальности выражает отношение содержания высказывания к действительности, которое может быть выражено грамматическими, стилистическими и лексическими средствами [Там же, с. 236].

Лексическое оформление блогов характеризуется многообразием тем разноотраслевой направленности, смешением слов, относящихся к различным лексическим слоям, сочетанием профессиональных терминов и разговорных слов, что характеризует специфичность блоггинга [7, с. 342].

В текстах комментариев к постам активно используются междометия, эмоционально-экспрессивные частицы, выражающие чувства, звукоподражательные слова: *wow, hmmm, yum, oh?, uh, pshaw*.

Заниженный стиль речи пользователей передается употреблением в комментариях сокращений слов и словосочетаний:

AFAIK (As Far As I Know – насколько мне известно) – “Keeping this passion alive is important to the future of the car biz, AFAIK” [8]. / *Насколько мне известно, поддержание этого увлечения очень важно для будущего автомобильного бизнеса* (здесь и далее перевод выполнен авторами статьи. – Н. П., С. М.);

pp1 (people – люди), 4u (for you – для вас) – “I’ve send a message 4u pp1” [Ibidem]. / *Люди, я отправил вам сообщение.*

Лексические особенности блогов в большей степени определяются функциями, которые они выполняют. Как правило, цель блога заключается в информировании читателя либо в желании побудить к диалогу [6, с. 49]. Поэтому к основным функциям можно отнести: фатическую, информативную и воздействующую. Отметим некоторые отличительные лексико-стилистические особенности блогов в зависимости от их функций.

Экспрессивность, характерная для текстов блогов, передается с помощью лексики экспрессивной семантики: *crazy times (безумные времена), spectacular things (потрясающие вещи), amazing array (ошеломляющее множество), tremendous guilt (огромное чувство вины)* и др.

Основным лексическим средством достижения экспрессивности текстов блогов являются прилагательные, причастия и наречия с оценочными коннотациями, например: *curious (чудной, необычный), intrinsically (по сути, в сущности), unimaginable (невообразимый), unbelievable (невероятный)* и др. Именно стилистически окрашенная оценочная лексика эксплицирует воздействующую функцию.

Для усиления экспрессивности, а также для четкого и убедительного представления мысли в текстах блогов используются разнообразные тропы. Традиционным является включение в языковое оформление блогов таких тропов, как сравнение, метафора, параномазия.

Функция воздействия блогов достигается благодаря частотному использованию в текстах блогов сравнений:

Your man should look at you like if you were the last piece of pizza [9]. / *Твой парень должен смотреть на тебя так, словно ты последний кусочек пиццы.*

You are going to fail, and failing, for me, is as joyful as succeeding [Ibidem]. / *Вы потерпите неудачу, а неудача для меня так же радостна, как и успех.*

При помощи синтаксических средств блоггер воссоздает в тексте индивидуально-авторское оформление высказывания, которое предполагает использование лексических и стилистических единиц данного языкового коллектива. Зачастую авторы прибегают к указанию на невербальные (паралингвистические) средства: смайлы, жесты, мимику (*lol – “laugh out loud” (смеяться в голос); holds out a snickers bar you’re not you when you’re hungry (протягивает батончик сникерса: «Ты сам не свой, когда голоден»*)), а также заглавные буквы и курсив (*In a movies starring Ellen De Generes?? WHO COULD HAVE PREDICTED SUCH A THING?? Clown fish sales sky rocketed in 2003, when the original movie Finding Nemo was released* [Ibidem]. / *В кинокартине с участием Эллен Де Джернерес?? КТО БЫ МОГ ТАКОЕ ПРЕДВИДЕТЬ?? Продажи рыбки-клоуна взлетели до небес в 2003 году, когда в прокат вышел фильм «В поисках Немо»*).

Таким образом, в блоговом пространстве эмотивная лексика выполняет несколько функций: апеллятивную, эмотивную и фатическую, так как с ее помощью автор блога привлекает внимание виртуальных читателей к той или иной проблеме, а также создает благоприятную атмосферу для общения.

Выделенные лексические, семантические и стилистические характеристики, несмотря на то, что выполняют различные функции, обусловлены жанровой разновидностью блогов. Поэтому в данном исследовании при составлении речевого портрета виртуальной языковой личности начальным этапом стал когнитивный уровень языковой личности.

Как было отмечено ранее, одной из основных целей виртуальной языковой личности являются самопрезентация и самовыражение [5, с. 176]. С другой стороны, входя в виртуальное пространство, языковая личность зачастую пытается изменить свою социальную категоризацию, тем самым ограждая реальную языковую личность от виртуальной. Таким образом, можно говорить о создании виртуальной языковой личности как о механизме психологической защиты. Исходя из этого, на когнитивном уровне мы выделяем два полярных типа поведения: стремление к самопрезентации и повышенному вниманию к собственному, зачастую реальному «Я» и, наоборот, стремление к анонимности и отчуждению репрезентации реального «Я» в виртуальном пространстве.

Следующим уровнем при создании речевого портрета является прагматический, в центре внимания которого лежат цели, которые преследует говорящий в своей речевой деятельности. Одной из особенностей виртуальной коммуникации является тот факт, что личность приобретает большую свободу в выработке коммуникативных стратегий на основе новой системы ценностей. В ходе взаимодействия виртуальная личность получает возможность полного управления впечатлением о себе, что влияет на личностную идентификацию и формирует новый вид личности.

Важной чертой виртуальной языковой личности является взаимодействие двух коммуникативных процессов: во-первых, направленность на себя и желание произвести определенное впечатление на собеседника; во-вторых, виртуальная коммуникация предполагает стремление воздействовать на партнера. Также в связи с такой характеристикой блога, как анонимность, значительно снижается роль психологического и социального риска в процессе общения, что выражается в раскрепощенности актантов коммуникации в процессе общения.

В зависимости от целей и направленности коммуникации нами было выделено несколько типов и подтипов виртуальных языковых личностей в рамках блог-коммуникации, а именно:

- 1) направленный на себя, который в свою очередь делится на следующие подтипы:
  - а) имеющий потребность в самореализации в виртуальной среде при недостатке средств для реализации в реальном пространстве;
  - б) определяющий необходимость творческой реализации реального «Я», возможность презентации своего творческого потенциала;
  - в) представляющий в качестве цели коммуникации стремление к саморекламе и увеличение популярности своей виртуальной личности в интернет-пространстве;
- 2) воздействующий на собеседника по коммуникации, к подтипам которого можно отнести следующие:
  - а) характеризующийся возможностью достижения чувства защищенности путем выплеска агрессии на собеседника; в данном случае коммуникация носит психотерапевтический эффект;
  - б) подражающий в качестве цели речевого взаимодействия виртуальной языковой личности умение выявлять болевую точку собеседника и получение удовлетворения от острой реакции на намеренно искаженную информацию.

Идентификация виртуальной языковой личности актанта блог-коммуникации опирается на создание речевого портрета, учитывающего систему ценностей виртуальной картины мира и цели речевой деятельности участников коммуникации в виртуальном пространстве. Алгоритмизация процесса идентификации виртуальной языковой личности позволяет выделить типы виртуальных языковых личностей и оптимизировать процесс распознавания диагностирующих пятен, релевантных для создания речевого портрета. Поэтому в процессе исследования нами был разработан словесный способ записи алгоритма, который характеризуется тем, что описание осуществляется с помощью слов. Содержание последовательности этапов выполнения алгоритмов записывается на естественном профессиональном языке предметной области в произвольной форме.

Первый этап алгоритма предполагает фильтрацию характеристик, присущих интернет-коммуникации в целом, а именно анонимности, условности, глобальности, мозаичности и гипертекстуальности. Данный этап необходим для того, чтобы пользователь, погружаясь в виртуальную среду, учитывал особенности данного пространства и нормы и законы речевой деятельности, действующие в нем.

Далее следует этап анализа языковых характеристик интернет-коммуникации. Мы установили, что при создании речевого портрета виртуальной языковой личности следует нивелировать анализ лексико-семантического уровня, куда входит использование вербальных средств общения ввиду принадлежности этих особенностей к общим характеристикам блога как жанра интернет-коммуникации.

На следующем уровне пользователь непосредственно приступает к созданию речевого портрета виртуальной языковой личности. Как было отмечено ранее, идентификационные черты виртуальной языковой личности в пространстве блог-коммуникации проявляют себя на когнитивном и прагматическом уровнях, так как именно там заложена картина мира говорящего и цели его речевой деятельности. На заключительном этапе предполагается выработка стратегий поведения, которые варьируются в зависимости от типа виртуальной языковой личности.

В нашем исследовании мы не ставили задачу подробно описать возможные реакции на выделенные нами типы языковых личностей в виртуальном пространстве, однако следует отметить, что тип языковой личности, основной функцией которого является воздействие на собеседника, вне зависимости от подтипа представляет потенциальную опасность для партнера по коммуникации. В данном случае следует пресечь попытки воздействия и скорректировать коммуникативную стратегию. В отличие от вышеупомянутого, второй тип, целью которого является самовыражение в виртуальном пространстве, не несет в себе опасности для собеседника, так как не стремится каким-либо образом повлиять на когнитивный или прагматический уровень партнера по коммуникации. Выделенный нами алгоритм идентификации виртуальной языковой личности предполагает четыре этапа анализа, каждый из которых направлен на сужение релевантных для составления речевого портрета характеристик, что в конечном итоге способствует отнесению рассматриваемой виртуальной языковой личности к определенному типу с последующей разработкой коммуникационной стратегии.

Таким образом, мы приходим к следующим **выводам**. В нашем исследовании были выявлены основные черты виртуальной языковой личности, систематизированы лексико-семантические и интонационные характеристики блогов в зависимости от категории модальности. Также проанализированы когнитивный и прагматический уровни языковой личности и выделены основные типы виртуальных языковых личностей в рамках блог-коммуникации. Кроме этого, нам удалось алгоритмизировать процесс идентификации языковой личности в пространстве блог-коммуникации.

Перспективу дальнейших исследований в этой области мы видим в исследовании лингвокультурологических особенностей идентификации виртуальной языковой личности на основе других виртуальных жанров передачи лингвокультурной информации.

Список источников

1. Бергельсон М. Б. Языковые аспекты виртуальной коммуникации // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2002. № 1. С. 55-67.
2. Галичкина Е. Н. Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках (на материале жанра компьютерных конференций): дисс. ... к. филол. н. Волгоград, 2001. 212 с.
3. Гермашева Т. М. Языковая личность субъекта блог-дискурса: лингвокогнитивный аспект: дисс. ... к. филол. н. Ростов н/Д, 2011. 176 с.
4. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд-е 7-е. М.: ЛКИ, 2010. 264 с.
5. Лутовинова О. В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса. Волгоград: Перемена, 2009. 496 с.
6. Михиенко С. А., Зорина Е. Б., Поддубная Н. В. Глобальные стилистические изменения экспрессивности публично-общения на рубеже столетий. Ставрополь: Параграф, 2019. 64 с.
7. Поддубная Н. В., Морозова А. А. Национально-культурные факторы и их влияние на типологию корпоративной коммуникации // Информационное общество и стратегические векторы развития региональных производственных систем. Ставрополь: АГРУС, 2019. С. 341-344.
8. General Motors [Электронный ресурс]: blog. URL: <https://prcouncil.net/resources/gm-fastlane-blog-a-corporate-giant-fights-back/> (дата обращения: 15.10.2020).
9. Tumblr [Электронный ресурс]: microblog. URL: <https://www.tumblr.com/explore/trending> (дата обращения: 25.08.2020).

**Identification of Virtual Linguistic Personality in the Context of Blog Communication
(by the Material of the English Language)**

Poddubnaya Natalia Vladimirovna, PhD
Mikhienko Svetlana Alexandrovna, PhD
Stavropol State Agrarian University
sam777sam@yandex.ru; cherkasovanatas@mail.ru

The research objective includes developing an algorithm for identification of a virtual linguistic personality with a view to create its speech portrait. The article analyses the basic traits of a virtual linguistic personality, considers lexico-semantic and stylistic features of blogs, examines cognitive and pragmatic components of a linguistic personality. The study is conducted by the material of the English language. Scientific originality of the research involves algorithmization of the process of a virtual linguistic personality identification. The research findings are as follows: the authors develop an algorithm for linguocultural identification of a virtual linguistic personality taking into account its individual peculiarities in the context of blog communication.

Key words and phrases: blog communication; virtual linguistic personality; speech portrait; linguocultural identification.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.46>

Дата поступления рукописи: 20.10.2020

Цель исследования – выявить средства реализации прагматического потенциала медиатекстов на немецком языке, посвященных актуальной в настоящее время теме борьбы с коронавирусной инфекцией. Анализ контента современных дискурсивных практик (постеры, публикации, наклейки) по данной тематике позволяет рассмотреть особенности изображения активных участников данного процесса. **Научная новизна** заключается в выделении объектов героизации в немецкоязычных медиатекстах по теме борьбы с коронавирусной инфекцией и описании средств реализации данной коммуникативной стратегии. **В результате** исследования выделены коммуникативные тактики, способствующие реализации исследуемой стратегии, а также определена роль изобразительного ряда в этом.

Ключевые слова и фразы: немецкоязычные медиатексты; коммуникативная стратегия героизации; коммуникативная тактика; дискурсивные практики; прагматический потенциал.

Полуйкова Светлана Юрьевна, к. пед. н., доц.
Омский государственный педагогический университет
s_poluikova@mail.ru

**Реализация коммуникативной стратегии героизации
в современных дискурсивных практиках
в немецкоязычном медиапространстве
(на материале темы COVID-19)**

Актуальность темы исследования обусловлена возрастающей ролью медиапространства в формировании картины мира, интересом исследователей к современным дискурсивным практикам, быстро реагирующим на изменения в современном мире, к изучению средств реализации их прагматического потенциала.

Современное медиапространство характеризуется многообразием дискурсивных практик, которые, являясь частью социальной реальности, чувствительны к движениям и изменениям в ней. Как отмечает О. С. Иссерс, социальная сфера является одновременно и стимулом для дискурсивной деятельности, и ее объектом воздействия [4, с. 42].

Иллюстрацией этому может служить коммуникативный объект, который появился и стал темой номер один в 2020 году, – COVID-19. Пандемия дала толчок к возникновению и закреплению в современном коммуникативном – в данном случае медиапространстве новых дискурсивных практик, направленных на информирование о данном явлении, на формирование отношения к нему, а также к тем, кто оказался его участником. Данные интенции реализуются в медиатекстах различных жанров: публикациях на сайтах организаций, учреждений, политических партий, а также постерах, наклейках и баннерах по данной тематике. Изучение данного феномена, по нашему мнению, представляет интерес для лингвиста, а в частности, исследование одной из ключевых коммуникативных стратегий, целью которой является героизация активных участников борьбы с коронавирусной инфекцией.

Для достижения указанной цели исследования необходимо решить следующие *задачи*:

- определить объекты героизации в медиатекстах на немецком языке, посвященных теме борьбы с коронавирусной инфекцией;
- выделить коммуникативные тактики реализации стратегии героизации;
- определить роль изобразительного ряда при реализации данной стратегии.

Для реализации поставленных задач в статье применяются следующие *методы исследования*: коммуникативно-прагматический метод и метод контент-анализа.

Теоретической базой исследования послужили труды Ю. А. Антоновой, Т. А. ван Дейка, О. С. Иссерс, И. Г. Катенева, М. Л. Макарова.

Практическая значимость исследования заключается в том, что отобранные материалы и комментарии к ним могут использоваться в процессе изучения иностранного языка и средств реализации его прагматического потенциала, а также в процессе создания медиатекстов, посвященных актуальной на сегодняшний момент теме борьбы с коронавирусной инфекцией.

В современной науке существует множество определений коммуникативной стратегии. В рамках прагматического подхода М. Л. Макаров определяет данный феномен как «цепь решений говорящего, его выбор определенных коммуникативных действий и языковых средств; реализацию набора целей в структуре общения» [6, с. 137-138]. Автор коммуникативного послания детально планирует коммуникативный акт, опираясь при этом на свою цель – речевое воздействие на адресата, изменение его установок, ценностей, поведения.

В рамках когнитивно-дискурсивного подхода Т. А. ван Дейка можно рассматривать коммуникативную стратегию как «некую общую инструкцию для каждой конкретной ситуации интерпретации» [2, с. 274]. При этом на выстраивание линии речевого поведения, по мнению автора, влияет конкретное намерение коммуникатора, проявляющееся в данной ситуации.

Этой же точки зрения придерживается О. С. Иссерс, которая развивает данный подход и подчеркивает значимость именно этапа планирования, называя его исходным элементом коммуникативного акта и выстраивания коммуникативной стратегии, где определяется сама стратегия, а также используемые тактики, средства и приемы в соответствии с общей целью коммуникации. Автор подчеркивает, что на первый план выходит достижение цели говорящего, «планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникаторов, а также реализация плана общения». То есть в рамках коммуникативного подхода под коммуникативной стратегией следует понимать «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [3, с. 54].

В данной статье исследовательский интерес сфокусирован на изучение одной из коммуникативных стратегий, используемых в медиатекстах по теме COVID-19, а именно стратегии героизации.

Стратегия героизации относится к когнитивным стратегиям, поскольку связана с воздействием на сознание адресата, на его систему ценностей, на его поведение. Использование прагматического потенциала данной стратегии направлено на создание положительного, «героического образа», например, спасателей жертв теракта [1, с. 7]. И. Г. Катенева, опираясь на материал публикаций политических оппозиционных газет, подчеркивает манипулятивный характер данной стратегии, в основе которой лежит интенция, направленная на возвеличивание, укрепление авторитета человека, группы лиц, социального института (в том числе самой газеты) в сознании адресата коммуникации [5, с. 14]. При этом аргументация может носить не столько рациональный, сколько эмоциональный характер.

Анализ эмпирического материала – коммуникативных посланий в виде публикаций на сайтах организаций, учреждений, политических партий, а также в виде постеров, наклеек и баннеров по теме борьбы с коронавирусной инфекцией – позволяет выделить в качестве основного объекта героизации различные профессиональные группы, которые предстают в сознании адресата как настоящие герои:

1. Медицинские работники:

Ärzte, Krankenschwestern, Pfleger – viele Menschen kämpfen mit großem Einsatz [12]. / Врачи, медсестры, санитары – многие борются с большой отдачей (здесь и далее перевод автора статьи. – С. П.).

В следующих примерах профессия не называется, но легко распознается адресатом:

- есть указание на рабочее место: *Danke an alle, die im Rettungswagen, im Krankenhaus oder in der Notaufnahme gegen COVID-19 kämpfen* [Ibidem]! / Спасибо всем, кто борется с COVID-19 в машине скорой помощи, в больнице или в отделении неотложной помощи;

- есть указание на белый цвет рабочей одежды: *Sie leisten in diesen Zeiten schier Unmenschliches: die Helden in Weiß* [Ibidem]. / Вы делаете в настоящее время почти невозможное для человека: герои в белом.

2. Представители религиозных, общественных организаций, объединений, фондов:

Wie sich Priester im Kampf gegen Corona aufopfern [9]. / Как священники жертвуют собой в борьбе с короной.

3. Сотрудники транспортных и торговых компаний:

Ärztinnen und Ärzte, Lieferdienste und Supermarktangestellte – das sind in diesen Krisenzeiten die Helden des Alltags [14]. / Врачи, сотрудники службы доставки и работники супермаркетов – в кризисное время это герои сегодняшних будней.

4. Сотрудники служб связи:

Heute sprechen wir ein großes “Danke!” an unsere Mitarbeiterinnen und Mitarbeiter der vitagroup aus. Unter der Rufnummer 116117 beraten sie die Bürgerinnen und Bürger unermüdlich bei allen Fragen zum Coronavirus [Ibidem]. / Сегодня мы говорим большое спасибо всем сотрудникам и сотрудницам vitagroup. По телефону 116117 они неустанно консультируют всех граждан по всем вопросам, связанным с коронавирусом.

5. Работники в сфере обслуживания (пекари, мясники, сотрудники клининговых компаний и др.):

Ihr seid trotz Corona-Krise weiter für uns da. Bäcker und Fleischer. Handwerkerinnen und Handwerker, die dafür Sorge tragen, dass die Strom- und Wasserversorgung funktioniert. Die Gebäudereiniger, die mit Reinigung und Desinfektion eine wichtige Aufgabe wahrnehmen, ebenso wie die Textilreiniger und viele, viele mehr! Wir sagen VIELEN DANK und RESPEKT für euren Einsatz [9]! / Несмотря на коронавирус, вы работаете для нас. Пекари и мясники. Сотрудники, которые заботятся о том, чтобы работало электро- и водоснабжение. Те, чья задача – убирать и дезинфицировать помещения, а также сотрудники прачечных и химчисток и многие, многие другие! Мы говорим большое спасибо за ваш вклад!

Для достижения перлокутивного эффекта используется ряд коммуникативных тактик, реализующих стратегию героизации: подчеркивание высоких морально-этических качеств, создание «образа защитника», создание «образа я/он – профессионал», похвала и др. [1, с. 7]. Рассмотрим данные тактики.

1. Тактика «подчеркивание морально-этических качеств» эксплицирует положительные качества героев, которые ярко проявились в данной кризисной ситуации и которые высоко оцениваются гражданами.

В первую очередь, это мужество и выносливость:

Danke an alle für Euren unermüdlichen Einsatz – auch Ihr seid unsere ganz persönlichen Helden des Alltags [9]. / Спасибо всем за неутомимый труд – вы для нас наши герои будней.

При реализации данной тактики активно используются метафоры борьбы, войны с вирусом.

Ihr kämpft unermüdlich um unsere Gesundheit [10]. / Вы боретесь неустанно за наше здоровье.

In diesen schwierigen Zeiten sind wir in der Albertinen-Stiftung besonders dankbar für den großartigen Einsatz derjenigen, die an vorderster Front gegen das Coronavirus kämpfen [8]. / В эти тяжелые времена мы особенно благодарны за огромный вклад всем, кто борется на передовой с коронавирусом.

Вместе с тем важным качеством становится и скромность героев, которые, совершая подвиг, подчеркивают, что они обычные люди, выполняющие свою работу:

Ich bin kein Held und fühle mich nicht wie einer. Ich bin ein normaler Mensch, der seinen Job liebt [12]. / Я не герой и не чувствую себя им. Я обычный человек, который любит свою работу.

2. Тактика «создание образа героя-профессионала» направлена на актуализацию таких качеств, как профессионализм и компетентность.

Mit einer E-Mail-Aktion haben sich die Betriebsrätinnen und Betriebsräte von Vodafone bei den Vodafone-Kolleginnen und -Kollegen für ihren Professionalismus in Corona-Zeiten bedankt. Denn sie halten die Netze am Laufen und verbinden Menschen [7]. / Акцией – рассылкой электронных писем – руководство Vodafone поблагодарило сотрудников за профессионализм, проявленный в период коронавируса. Поскольку именно они обеспечивали связь и объединяли людей.

Созданию ареола героев-профессионалов способствует «ссылка на уникальность», проявляющаяся в принятых решениях и осуществляемых действиях. Например:

Ein riesiges Dankeschön und Respekt für alle, die im Beruf Außerordentliches für ihre Mitmenschen und gegen das Coronavirus leisten [10]! / Громадное спасибо и уважение всем, кто на рабочем месте делает невозможное ради сограждан и в борьбе с вирусом.

3. Тактика «создание образа героя-спасителя» имеет целью убедить адресата в том, что изображаемый человек или группа лиц не просто герои, их подвиг направлен именно на защиту других, на их спасение:

Bewegende Worte einer jungen Frau, die offensichtlich alles gibt, um anderen zu helfen [12]. / Трогательные слова молодой женщины, которая делает все, чтобы помочь другим.

Следует отметить, что активно используется прием «наклеивание ярлыков», когда при назывании действующего лица используются слова или выражения, изначально содержащие в себе для сознания адресата в данном случае позитивный оттенок. Ареол героизма создается не за счет предъявления конкретных фактов и аргументов, а за счет употребления слов с позитивной коннотацией: герой, борец, подвиг и т.д.:

Gern möchten wir die übermenschliche Arbeit der Corona-Kämpfer unterstützen [8]. / Хотим поддержать нечеловеческие усилия борцов с короной.

Ihr seid unsere ganz persönlichen Helden [Ibidem]. / Вы для нас наши личные герои.

4. Тактика «констатация положительных действий по отношению к “мы-группе”». Положительный образ героя создается за счет описания действий, направленных на защиту интересов представителей определенной общности, например граждан целой страны.

Die Schweiz sagt allen medizinischen Fachkräften von Herzen DANKE [11]! / Швейцария говорит всем медицинским работникам от всего сердца СПАСИБО!

Dass Millionen Deutsche diese Tugenden aufgebracht haben, ist ein kleines Wunder, auf das sie stolz sein können [10]. / То, что миллионы немцев обладают этими добродетелями, маленькое чудо, которым они все могут гордиться.

Приведенные выше примеры иллюстрируют также и объединение наций в порыве благодарности героям.

Помимо этого, автор может апеллировать к национальной гордости для создания эффекта общности, подчеркивая важность объединения усилий не только врачей, но и жителей всей страны:

Und nur ihnen ist es zu verdanken, dass die Ansteckung mit Covid-19 nicht mehr exponentiell verläuft. In einem beispiellosen Kraftakt ist es einer Nation gelungen, eine Katastrophe abzuwenden [13]. / Их заслуга в том, что распространение Covid-19 не происходит теперь так стремительно. Благодаря беспрецедентным усилиям нации удалось избежать катастрофы.

5. Тактика сопоставления призвана сформировать позитивное отношение адресата к конкретному человеку (группа лиц, социальный институт) за счет прямого или косвенного сравнения объекта описания с кем-либо (чем-либо).

Следует отметить, что сравнение осуществляется как по общему признаку, так и на основе контраста.

При сравнении по общему, в данном контексте именно положительному, признаку в качестве объектов сопоставления выступают как реально существующие персоны, так и киногерои или литературные персонажи. Иллюстрацией этому могут служить наклейки и баннеры с изображением представителей разных профессий в виде супергероев.

Актуализация положительных характеристик объекта описания может осуществляться также и за счет контраста, создания в коммуникативном послании бинарной системы, например:

Millionen Deutsche haben in der Coronakrise gehandelt, ohne ihre Taten an die große Glocke zu hängen. Sie haben sie nicht auf Instagram oder Facebook gepostet, haben sich nicht selbst inszeniert oder nach Lob und Anerkennung gefragt [11]. / Миллионы немцев трудились в период коронавируса, не выставляя свои дела напоказ. Они не размещали посты об этом в Instagram или Facebook, не изображали героев и не ожидали похвалы и признания.

В данном примере создается оппозиция: настоящие герои не трубят повсюду о своих поступках, не делают посты в социальных сетях, не ждут славы. В процессе прочтения текста адресат автоматически соглашается с позитивной оценкой их деятельности и с тем, что существует и другая категория людей.

6. Тактика «гиперболизация» направлена на создание сверхположительного образа путем утрирования, преувеличения качества, значения события или заслуги объекта описания.

В следующих примерах авторы обращают внимание адресата на то, что врачи в борьбе с вирусной инфекцией работают за пределами возможных человеческих ресурсов, их нагрузка превышает норму:

Ärzte, Krankenschwestern, Pfleger – viele Menschen kämpfen mit großem Einsatz, leisten Unglaubliches, gehen weit über ihre Belastungsgrenze hinaus [12]. / Врачи, медсестры, сиделки – многие борются самоотверженно, делают невероятное, выходя за пределы своих возможностей.

7. Тактика «создание образа героя-жертвы» также направлена на героизацию специалистов, борющихся с коронавирусной инфекцией. Отметим, что данный образ создается разными приемами:

- путем перечисления трудностей и лишений, которые им приходится перенести (а не описания их конкретных действий и заслуг): *Dies ist das Gesicht von jemandem, der gerade neun Stunden in persönlicher Schutzausrüstung verbracht hat, um schwerkranke COVID-19-Patienten in London zu bewegen* [Ibidem]. / Это лицо человека, который уже девять часов не снимает защитного костюма, чтобы в Лондоне перемещать тяжелобольных с COVID-19;

- путем описания их физического и эмоционального состояния: *Die Fotos spiegeln Erschöpfung wider, Erleichterung, Schmerz, Sorge, Hoffnung. Die ganze Bandbreite menschlicher Empfindungen* [Ibidem]. / На фотографиях отражены изнеможение, облегчение, боль. Беспокойство. Надежда. Весь спектр человеческих ощущений. Отметим, что парцелляция усиливает эффект воздействия, передавая всю палитру чувств и переживаний героя, эмоциональное и психологическое напряжение;

- путем описания событий глазами участника событий, то есть его самого «героя-жертвы». Автор «дает слово» участнику событий, который эмоционально и детально описывает ситуацию и передает собственные ощущения: *“Ich fühle mich gebrochen – und wir stehen erst am Anfang”, schrieb beispielsweise Natalie Silvey* [Ibidem]. / «Я чувствую себя разбитой – а мы только в начале», – написала, например, Натали Сильве. Такой прием заставляет адресата поверить в реальность происходящих событий и в объективность слов автора.

Следует заметить, что реализации названных тактик и в целом стратегии героизации способствует также использование средств невербального ряда.

Анализ медиатекстов по исследуемой тематике позволяет говорить об особой роли средств визуализации при реализации данной стратегии, а именно увеличении ее суггестивного потенциала.

Изобразительный ряд в креолизованных текстах о борьбе с коронавирусной инфекцией выполняет следующие функции:

- аттрактивная функция – привлечение внимания адресата;
- экспрессивная функция – выражение эмоций и чувств адресанта и воздействие на эмоционально-чувственную сферу адресата;
- иллюстративная функция – предоставление вербальной информации в виде наглядных, чувственно воспринимаемых образов;
- аргументирующая функция – наглядное подтверждение переданной автором коммуникативного послания информации.

Например, при описании в RTL.de тяжелого труда врачей в условиях пандемии используются фотографии врачей после рабочих смен в госпиталях. *Beeindruckende Bilder nach dem Dienst an der Allgemeinheit* [Ibidem]. / Впечатляющие фотографии после служения обществу.

Серия иллюстраций *“Bilder sagen mehr als tausend Worte”* [Ibidem]. / «Фотографии говорят больше тысячи слов» позволяет создать целостный образ героев, их деятельности, их героических поступков, которые врачи совершают каждый день в инфекционных больницах в борьбе с коронавирусной инфекцией.

Резюмируя вышесказанное, можно сделать следующие **выводы**: в медиатекстах на немецком языке, посвящённых теме COVID-19, объектами героизации выступают участники борьбы с коронавирусной инфекцией, а именно представители различных профессиональных групп, организаций и учреждений. Коммуникативная стратегия героизации, целью которой является создание их положительного образа, реализуется за счет актуализации и гиперболизации их морально-этических качеств и действий, изображения их профессионалами, спасителями всей нации, жертвами сложившейся ситуации, а также путем визуализации передаваемой информации.

Полученные результаты демонстрируют **перспективность** дальнейшего исследования современных дискурсивных практик, отражающих изменения в социальной реальности, а также изучения коммуникативных стратегий и тактик, используемых в них для воздействия на адресата.

Список источников

1. Антонова Ю. А. Коммуникативные стратегии и тактики в современном газетном дискурсе: автореф. дисс. ... к. филол. н. Екатеринбург, 2007. 25 с.
2. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / пер. с англ.; сост. В. В. Петрова. М.: Прогресс, 1989. 300 с.
3. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи: монография. Изд-е 5-е. М.: ЛКИ, 2008. 288 с.
4. Иссерс О. С. Люди говорят... Дискурсивные практики нашего времени: монография. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2012. 276 с.
5. Катенева И. Г. Механизмы и языковые средства манипуляции в текстах СМИ (на примере общественно-политических оппозиционных изданий): автореф. дисс. ... к. филол. н. Новосибирск, 2010. 24 с.
6. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 280 с.
7. https://live.vodafone.de/p/live/vfdeportal_home?mmsid=3defd800-4efd-4089-a5c3-296d8e579d8e (дата обращения: 23.09.2020).
8. <https://www.albertinen.de/spenden-helfen/albertinen-stiftung/corona-besiegen/> (дата обращения: 02.10.2020).
9. <https://www.domradio.de/themen/corona/2020-03-22/dutzende-tote-seelsorger-ganz-italien-wie-sich-priester-im-kampf-gegen-corona-aufopfern> (дата обращения: 02.10.2020).
10. <https://www.linksfraktion.de/start/> (дата обращения: 07.10.2020).
11. <https://www.luzernerzeitung.ch/zentralschweiz/luzern/danke-luzern-und-die-ganze-schweiz-klatschte-fuer-alle-heldinnen-und-helden-in-der-corona-krise-ld.1205946> (дата обращения: 21.09.2020).
12. <https://www.rtl.de/cms/coronavirus.html> (дата обращения: 01.10.2020).
13. <https://www.tagesspiegel.de/politik/kampf-gegen-die-corona-pandemie-so-sehen-die-neuen-helden-aus/25813448.html> (дата обращения: 01.09.2020).
14. https://www.vitagroup.ag/de_DE/News-Insights/Corona-Helden-Die-vitagroup-sagt-Danke (дата обращения: 02.10.2020).

Realization of Communicative Strategy of Glorification in the Modern German-Language Media Discourse (by the Example of Media Texts on COVID-19 Issue)

Poluykova Svetlana Jurievna, PhD
Omsk State Pedagogical University
s_poluikova@mail.ru

The research objective includes identifying the means to realize the pragmatic potential of the German-language media texts dedicated to the relevant issue of struggle against COVID-19. The analysis of the modern media content (posters, publications, stickers) allows revealing peculiarities of COVID-19 fighters' representation. Scientific originality of the study lies in the fact that the researcher identifies objects of glorification in the German-language media texts on COVID-19 issue and describes the means to realize this communicative strategy. The research findings are as follows: communicative tactics of glorification are revealed; the role of visual information in this process is determined.

Key words and phrases: German-language media texts; communicative strategy of glorification; communicative tactics; discursive practices; pragmatic potential.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.47>

Дата поступления рукописи: 07.08.2020

Цель исследования состоит в выявлении роли полусуффиксации в словообразовании в современном английском языке. Полусуффиксация рассматривается как самостоятельный способ словообразования, определяются основные характеристики английских полусуффиксов и критерии выделения полусуффиксов в отдельную группу, а также выявляются характерные особенности их морфологической структуры и семантики в контексте употребления. **Научная новизна** заключается в определении критериев выделения полусуффиксов в отдельную группу и динамики изменения их семантического значения, а также рассмотрении иерархической структуры полусуффиксов в рамках теории словообразовательного поля. **В результате** выявлены критерии выделения полусуффиксов в отдельную словообразовательную группу и их иерархическая структура.

Ключевые слова и фразы: полусуффиксация; словообразовательный ряд; словообразовательное поле; морфема; лексема.

Спасова Мария Валерьевна, к. филол. н.

Савельева Ольга Геннадиевна, к. филол. н.

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

mspasova@mail.ru; savelieva13.05@mail.ru

Роль полусуффиксации в словообразовании в современном английском языке

Данная статья посвящена такому способу словообразования в английском языке, как полуаффиксация, выявлению его роли в словообразовании в современном английском языке, статусу полуаффиксов в системе современного английского словообразования и характерных особенностей как собственно таких полуаффиксов, так и слов, образованных с их помощью.

Актуальность темы вызвана, во-первых, размытыми границами между такими способами словообразования, как аффиксация и словосложение; это ниша, которую заполняет группа так называемых полуаффиксов, куда входят полусуффиксы и полупрефиксы; во-вторых, отсутствием ясных границ самой этой группы. Таким образом, определение критериев, по которым проходит дифференциация между полуаффиксами и корневыми морфемами, представляет определенную важность, которая усиливается и тем фактом, что словообразование с помощью полуаффиксов в современном английском языке является высокопродуктивным и их банк постоянно пополняется. В настоящее время нет единого мнения по проблеме полуаффиксов, поскольку среди исследователей существуют разногласия и по поводу того, является ли полуаффиксация отдельным способом словообразования, и по классификационным моделям. Поэтому данный феномен остается дискуссионным и в настоящее время и представляет существенный интерес для лингвистов. М. Д. Степанова выделяет полуаффиксы в отдельную категорию, а Е. С. Кубрякова вступает с ней в научную полемику, считая выделение полуаффиксов в отдельную словообразовательную группу неоправданным. В частности, она считает, что «по деривационной активности, по типу выражаемых значений, наконец, по распределению эти элементы эквивалентны чистым аффиксам» [2, с. 135]. И. Р. Гальперин говорит о «компонентах сложных слов», а В. М. Немченко о «корнях, выступающих в сложных словах в роли аффиксов» [3, с. 73].

В данной статье мы предлагаем критерии выделения полуаффиксов в отдельную группу, а также рассматриваем характерные особенности их морфологической структуры и семантики в контексте их употребления.

Для достижения цели исследования необходимо выполнить ряд **задач**:

- отобрать необходимый текстовый материал и проанализировать словообразования, сформированные по изучаемой модели;
- выявить особенности словообразований по исследуемой модели;
- определить иерархическую структуру полусуффиксальных словообразовательных полей.

Для реализации поставленной цели мы пользуемся следующими **методами исследования**: дескриптивным методом и методом компонентного анализа, а также методом анализа словарных дефиниций.

Теоретической базой исследования служат исследования отечественных и зарубежных лингвистов: В. Д. Аракина, П. М. Карашука, Е. С. Кубряковой, М. Д. Степановой, И. Р. Гальперина, П. В. Царёва, В. М. Немченко, О. П. Демьяновой, У. С. Дьячковой, Г. В. Казарян и Г. Марчанда.

Материалом исследования послужили материалы из различных интернет-изданий, читательские форумы, рекламные сайты и онлайн-словари. Представленные примеры переведены авторами статьи.

Практическая значимость работы определяется тем, что результаты исследования могут быть использованы в курсе теории языка, теоретических курсах и семинарах по лексикологии, в преподавании практического курса английского языка, а также могут помочь при переводе текстов с английского языка.

Мы придерживаемся точки зрения, что полуаффиксация является самостоятельным способом словообразования, основанием для этого служит продуктивность данного способа словообразования в настоящее время. При этом мы разделяем взгляд М. Д. Степановой, которая относит к полуаффиксам те словообразовательные элементы, которые, «не исчезая совсем из употребления, встречаются чрезвычайно часто в словосложении,

изменяют при этом частично или полностью свое значение и выполняют фактически роль аффиксов» [5, с. 78] При этом «когда они, не теряя ни формальной, ни (в большинстве случаев) частичной семантической связи с корневой морфемой: 1) обозначают, как и аффиксы, широкую словообразовательную категорию... 2) отличаются значительной продуктивностью, т.е. легкостью перехода от одной основы к другой; 3) могут конкурировать с подлинными аффиксами или же разделяют с ними область действия» [4, с. 105-106].

Вслед за такими исследователями, как Е. С. Дьячкова и Г. В. Казарян, продуктивным способом словообразования мы считаем «определенную словообразовательную модель с устойчивым набором мотивирующей основы и словообразовательного аффикса и конкретной частеречной принадлежностью мотивированного слова, с общим грамматическим значением последнего, продуцирующей слова на синхронном этапе рассмотрения языка. Полуаффиксация как продуктивный тип словообразования дает в настоящее время все большее количество новообразований, а полуаффикс, в свою очередь, становится продуктивной морфемой» [1, с. 70].

Вторые компоненты лексических единиц обладают определенными функциональными и семантическими особенностями, которые позволяют нам говорить о них скорее как о дериватах, нежели композитах. В первую очередь, это способность вторых компонентов слов формировать представительные словообразовательные ряды, это, в свою очередь, ведет к генерализации значения второго компонента данного слова, и морфема, формирующая широкий словообразовательный ряд, генерализируется и приобретает более широкий лексический смысл, нежели самостоятельно употребляемая соответствующая лексическая единица.

Рассмотрим, например, элемент *-like* как один из полусуффиксов, наиболее близкий к характеристикам собственно суффиксов, – он близок к ним настолько, что во многих случаях является синонимичным суффиксу *-ly*, и в определенных случаях существуют пары синонимичных словообразований, полученных с помощью обоих элементов.

Элемент *-like* прибавляется к существительному и имеет значение согласно определению в словаре Collins Dictionary:

-like 1) resembling or similar to и 2) having the characteristics of [11] / 1) подобный, похожий на... и 2) имеющий характеристики... Например:

Aspartame discovered in 1965 is a low-calorie sweetener with a *sugar-like* taste but is approximately 200 times sweeter than sucrose [21]. / Аспартам, открытый в 1965 году, является низкокалорийным подсластителем *со вкусом сахара*, но примерно в 200 раз слаще, чем сахароза (здесь и далее перевод авторов статьи. – М. С., О. С.).

All her life she had a *childlike* trust in other people [10]. / Всю свою жизнь она *по-детски* доверяла людям.

В первом примере элемент *-like* добавляется к неодушевленному существительному, обозначающему материал, и реализует значение *-подобный, -образный*, поэтому *sugar-like* представляется целесообразным перевести как «со вкусом сахара». Во втором примере данный компонент слова добавляется к одушевленному существительному и реализует значение *ведущий себя как*, и поэтому мы переводим его «по-детски». В обоих случаях элемент *-like* имеет более генерализованное значение, нежели самостоятельная лексическая единица *like*.

При этом данный полусуффикс стал настолько продуктивным при образовании новых слов, что нередки случаи его использования при образовании окказионализмов и неологизмов, не зафиксированных в словарях при сохранении его лексического значения:

Footage of the phenomenon appears to show towerblock-like formations [20]. / Кадры этого явления показывают структуры, напоминающие башни.

В приведенном примере *towerblock-like* является окказионализмом, образованным по модели «неодушевленное существительное + *-like*», при сохранении у второго компонента значения, присущего ему в подобного рода моделях.

Betty tried to be nice and to behave professionally in a jovial-like manner [8]. / Бэтти старалась быть милой и принимать дежурно-жизнерадостный вид.

Приведенный выше пример представляет особый интерес, поскольку демонстрирует высокий словообразовательный потенциал элемента *-like* и его потенциальную способность сочетаться не только с существительными, но и с прилагательными, что показывает высокую степень десемантизации данного компонента.

По нашему мнению, морфема *-like* относится к полусуффиксам, поскольку является высокопродуктивной в современном словообразовании и имеет более генерализованное значение, чем омонимичная ей лексическая единица *like* – *похожий на*, поскольку приобретает более генерализованное значение *-образный, -подобный* и сохраняет его на протяжении всего словообразовательного ряда. Данная морфема является полисемичной, так как обладает двумя основными значениями *подобный* и *ведущий таким образом*.

Другим примером подобных элементов является морфема *-free*, которая так же, как и морфема *-like*, омонимична отдельно функционирующей лексической единице *free*, но является десемантизированной и приобретает более обобщенное значение *не содержащий*, которым не обладает омонимичная ей лексема:

You might be surprised to learn that “*sugar-free*” does not necessarily mean *carbohydrate-free* or *calorie-free* [18]. / Возможно, вы удивитесь, узнав, что «*без содержания сахара*» не обязательно значит «*без содержания углеводов*» или «*не содержащий калорий*».

Investors own high-yield munis for the obvious reason: they offer higher income than their investment grade counterparts – usually by a margin of about three percentage points – and they are *tax-free* on the federal level, and sometimes on the state and local levels as well [15]. / Инвесторы приобретают высокодоходные муниципальные ценные бумаги по очевидной причине: они предлагают более высокую доходность, чем их аналоги, обычно в пределах трех процентных пунктов, а также они *освобождаются от налогов* на федеральном уровне, а иногда и на уровне штата и муниципалитета.

Как и в случае с морфемой *-like*, данная морфема тоже широко используется как в разговорной речи, так и в письменных текстах для образования окказионализмов и неологизмов, не зафиксированных в словарях по регулярной модели с сохранением значения второго компонента:

Why Cigarettes Labeled 'Natural' or 'Additive-Free' May Be Misleading [17]... / Почему маркировки сигарет «натуральные» или «без искусственных добавок» могут вводить в заблуждение...

Рассмотрим морфему *-rich*, которая является высокопродуктивной в современном английском словообразовании и, по нашему мнению, отвечает критериям полусуффикса:

Take a look at some of our favourite *fiber-rich* foods along with recipes to use them in exciting ways [23]. / Взгляните на некоторые из наших любимых продуктов с высоким содержанием клетчатки, а заодно и на рецепты, позволяющие использовать их необычным образом.

So it is hardly surprising that these fabulously *oil-rich* countries and, in the case of Qatar natural gas-rich, have now emerged on the world stage [13]. / Поэтому неудивительно, что эти сказочно нефтеносные страны, а в случае Катара и с обширными запасами газа, начинают играть заметную роль на мировой арене.

Как видно из приведенных примеров, морфема *-rich* обладает лексическим значением «с высоким содержанием первого компонента», что является более генерализованным значением по сравнению с омонимичным ей словом *rich* – богатый.

Обозначенным нами критериям отвечает и морфема *-conscious* – aware of and attaching importance to – «понимающий важность первого компонента» [11]. Мы полагаем, что эту полусуффиксальную морфему можно отнести к приадактивной зоне словообразовательного поля по следующим основаниям. С одной стороны, этот второй компонент слова в значительной степени потерял связь с омонимичной лексемой, подвергнувшись определенной десемантизации и приобретая отдельное от самостоятельной лексики значение, и при этом он принимает широкое участие в современном английском словообразовании. С другой стороны, сочетаемость данной морфемы имеет определенные семантические ограничения, поскольку она сочетается с корневыми морфемами с лексическим значением, связанным с концептами моды, искусства, дизайна, экологии, политики, здоровья и общественными проблемами, и в определенной степени сохранила способность развертываться в семантически мотивирующее словосочетание.

В приведенном ниже примере в лексической единице *eco-conscious* морфема *-conscious* сочетается с корнем, лексическое значение которого относится к экологии, а в лексеме *art-conscious* корневая морфема связана с концептом искусства. Первая из приведенных в качестве примера лексическая единица легко развертывается в семантически мотивирующее словосочетание: «conscious of ecology» – «заботиться об экологии». Однако лексема *art-conscious* приобретает самостоятельное лексическое значение «разбираться в современном искусстве», «являться знатоком и ценителем искусства, особенно современного», и ее уже невозможно развернуть в соответствующее словосочетание без потери лексического значения:

She is not only *eco-conscious*, she's *art-conscious* too. She just bought a huge painting from a Hungarian female artist [22]. / Она не только заботится об экологии, она также разбирается и в современном искусстве. Она только что купила огромную картину художницы из Венгрии.

Выраженной тенденцией современного словообразования в английском языке является сдвиг в сторону полусуффиксации некоторых производных морфем, что традиционно не было характерно для английского словообразования. Рассмотрим морфему *-minded*. По своему строению данная морфема является производной, однако она отвечает критериям полусуффиксов, поскольку является высокопродуктивной в современном словообразовании, имеет происхождение от производного прилагательного *minded* – расположенный, готовый и приобретает три основных генерализованных значения: 1) combines with adjectives to form words that describe someone's character, attitude, opinions, or intelligence; 2) combines with adverbs to form adjectives that indicate that someone is interested in a particular subject or is able to think in a particular way; 3) combines with nouns to form adjectives that indicate that someone thinks a particular thing is important or cares a lot about it [11] / 1) в сочетании с прилагательными имеет значение «обладающий складом ума или характера, обозначенным первым компонентом»; 2) в сочетании с наречиями имеет значение «интересующийся данным предметом или имеющий способности к данной области» и 3) в сочетании с существительными имеет значение «интересующийся чем-л., проявляющий склонность к чему-л.». В своем первом значении морфема сочетается с качественными прилагательными, во втором – с качественными наречиями, и в третьем – с неодушевленными существительными, абстрактными или собирательными. Все это позволяет относить данную морфему к классу полусуффиксов. Например:

He is famous for his *tough-minded* professionalism [Ibidem]. / Он известен своим бескомпромиссным профессионализмом.

These are *evil-minded* people [Ibidem]... / Это крайне недоброжелательные люди.

В приведенных выше примерах морфема *-minded* сочетается с качественными прилагательными и имеет постоянное лексическое значение обладания чертой характера, которая выражена первым компонентом (*tough*, *evil*).

В сочетании с неодушевленными абстрактными или собирательными существительными данная морфема приобретает значение «заинтересованный в первом компоненте». Так, например, в приведенном ниже примере *money-minded* имеет значение «заинтересованный в деньгах»:

I've never been very *money-minded* [10]. / Я никогда особо не интересовался деньгами.

Другим аналогичным примером дрейфа производного слова в сторону полусуффиксации может служить морфема *-related*, которая омонимична отдельной лексической единице, но обладает другим значением

«связанный с первым компонентом или являющийся его следствием» [11] и широко используется в современном словообразовании в моделях существительное + *-related*.

Look to ASSA ABLOY for all your *doorway-related* challenges [7]. / Обращайтесь в компанию «Асса Аблой» в случае любых проблем с дверями.

Recent reports suggest the need for further study of the impact of organizational characteristics on *quality-related* activities in health centers [9]. / Последние исследования показывают необходимость дальнейшего изучения воздействия организационных характеристик на *качество* обслуживания в клиниках.

В приведенных примерах *doorway-related challenges* имеет значение «все проблемы, имеющие какое-то отношение к дверям», и *quality-related activities* имеет значение «все, что имеет отношение к качеству обслуживания», то есть имеет место определенная десемантизация морфемы по сравнению с омонимичной ей лексемой.

Однако данная морфема, сохраняя семантическую связь с омонимичным ей словом, также приобретает и собственное значение, не присущее соответствующей ей лексической единице «являющийся следствием первого компонента»:

Hurricane-Related Donations: Ways for Employers and Employees to Help [12]. / Пожертвования пострадавшим от урагана: как могут помочь работодатели и сотрудники.

То есть анализ словообразований со вторым компонентом *-related* выявляет следующие особенности данной морфемы:

1) при сохранении тесной семантической связи данной морфемы с омонимичной ей лексемой наличествует и определенная десемантизация при приобретении своего собственного значения, не присущего значению лексемы (ср. *related* – 1) *connected, associated*; 2) *connected by kinship or marriage* [11] / 1) *связанный*; 2) *связанный родством или браком*, и *-related* «имеющий отношение к... или являющийся следствием первого компонента»);

2) семантическая связь между морфемой и лексемой тем не менее остается настолько тесной, что словообразование с данной морфемой легко разворачивается в мотивирующее словосочетание: “*door-related problems*” эквивалентно словосочетанию “*problems related to doors*”.

Это, а также то, что морфема является производной, но при этом очень широко используется при образовании неологизмов и окказионализмов, позволяет говорить о том, что словообразования с данной морфемой занимают промежуточное положение между собственно композитами и словообразованиями с чистыми полусуффиксами.

Еще одним примером дрейфа производной основы в область полусуффиксов является компонент *-friendly*. Этот компонент достаточно широко используется в словообразовании в современном английском языке и приобретает свое собственное десемантизированное значение. Омонимичное этому второму компоненту слово *friendly* имеет значение: *дружелюбный, дружественный, приятный*. Морфема *-friendly* как второй компонент слова приобретает свое, более генерализованное, значение 1) *не наносящий ущерба*, 2) *легкий для понимания* и 3) *полезный*, тем самым частично теряя семантическую связь с самостоятельной лексической единицей-омонимом.

В данном примере в лексеме *eco-friendly* актуализируется значение «*не наносящий ущерба*»:

If you're trying to be mindful of your environmental impact, it makes sense to look for *eco-friendly* products as alternatives to single-use, disposable items. But since so many products from dish soaps to sheet sets have “green” claims on their packaging, it can be hard to recognize which ones are truly *eco-friendly* [6]. / Если вам не все равно, как ваша жизнедеятельность отражается на состоянии окружающей среды, то следует использовать вместо одноразовых вещей товары, *не наносящие ущерба экологии*. Но, поскольку на многих товарах, начиная от посудомоечных средств, заканчивая постельным бельем, стоит маркировка «экологически чистый», нелегко разобраться, какие из них действительно безопасны для окружающей среды.

В следующих примерах актуализируется значение «*легкий для понимания*». В первом примере *user-friendly* имеет значение «*легкий для понимания пользователя и, следовательно, удобный в использовании*», а во втором примере *customer-friendly* имеет значение «*удобный и легкий в использовании для потребителя*»:

A nice user interface is also key for providing a *user-friendly* website [14]. / Приятный интерфейс является ключом к созданию *удобного для пользователя* вебсайта.

Customer-friendly is a term for products, services and experiences that are designed from the customer's point of view [19]. / *Удобный для потребителя* – это термин, используемый для товаров, услуг и ситуаций, которые разработаны с точки зрения интересов потребителя.

В следующем примере у данной морфемы актуализируется значение *полезный*. *Kid-friendly* в данном предложении имеет значение «*полезный для детей и который понравится детям*»:

Making *kid-friendly* dinners, or lunches, or cooking for kids parties can definitely be frustrating... but, we've compiled a list of thousands of easy meal ideas, that'll have them gobbling up their food in no time [16]! / Приготовление обедов или ланчей, которые нравятся детям и являются для них полезными, или готовка для детских праздников на самом деле может казаться очень сложным предприятием... но мы составили список тысяч легких в приготовлении блюд, которые пойдут на «ура».

На наш взгляд, такие вторые компоненты слов, образованные на базе производных основ, можно отнести к категории полусуффиксов на основании их активной роли в современном словообразовании, частичной потери связи с омонимичным им словом, а также их частичной десемантизации по сравнению с отдельно функционирующим словом-омонимом. При этом они в той или иной степени сохраняют семантическую связь с омонимичной лексемой и способны разворачиваться в семантически мотивирующее словосочетание, а при переводе разворачивание лексической единицы, образованной с помощью полусуффикса, в семантически

мотивированное сочетание зачастую неизбежно. Поэтому такие производные полусуффиксальные морфемы, на наш взгляд, относятся к периферийной зоне словообразовательного поля.

Таким образом, мы приходим к следующим **выводам**. По нашему мнению, кажется целесообразным выделить полусуффиксацию как отдельный способ словообразования и относить к полусуффиксам корневые или производные морфемы, соответствующие следующие критериям:

- при формальном существовании полностью омонимичной отдельной лексической единицы они обладают более широким лексическим значением;
- они неспособны функционировать как отдельные лексические единицы в этом более генерализованном значении;
- они широко участвуют в современном словообразовании.

Они формируют иерархически организованное словообразовательное поле с ядром, приядерной зоной и периферией. При этом к центру словообразовательного поля можно отнести простые морфемы англосакского происхождения, такие как *-like*, *-free* и *-rich*. Они обладают высокой частотностью использования в современном словообразовании, в значительной степени потеряли связь с омонимичной им лексической единицей, при этом они подверглись заметной десемантизации, но сохранили в той или иной степени способность разvertываемости в мотивирующее словосочетание. К приядерной зоне словообразовательного поля можно отнести такие морфемы, как *-friendly*, *-minded*, *-worthy*, *-conscious*, которые характеризуются как высокой частотностью употребления в современном английском словообразовании, так и определенной десемантизацией и приобретением самостоятельного лексического значения, не присущего омонимичным им лексическим единицам, хотя при этом они сохраняют более тесную семантическую связь с соответствующей лексемой и являются производными. И к периферийной части можно отнести морфемы типа *-related* и *-ridden*, которые, приобретая некоторое самостоятельное лексическое значение, сохраняют настолько тесную семантическую связь с соответствующей лексемой, что легко разворачиваются в семантически мотивирующее словосочетание.

Естественно, примеры, приведенные в настоящей статье, являются далеко не исчерпывающими, и, на наш взгляд, невозможно составить полный список полусуффиксальных морфем, поскольку язык является динамической системой, постоянно развивающейся и изменяющейся. Одни морфологические элементы исчезают, другие возникают, при этом некоторые корневые морфемы приобретают функции аффиксов, теряя свои семантические связи с омонимичными словами, да и сами эти слова зачастую устаревают и выходят из употребления, что приводит к дрейфу полуаффиксальных морфем к истинным аффиксам. Одно можно сказать с определенной уверенностью – процесс перехода самостоятельно функционирующего слова в суффиксальную морфему и в настоящее время еще не является достаточно изученным, а иерархия словообразовательного поля полусуффиксации не до конца определенной. **В дальнейших исследованиях**, посвященных данной теме, нам представляется перспективным как определение более полного списка полусуффиксальных морфем, более четкое определение их иерархической структуры, изучение места в словообразовательном поле терминологических элементов и частей слов-портмоне, так и рассмотрение явления полуаффиксации в целом, включая феномен полупрефиксации.

Список источников

1. Дьячкова Е. С., Казарян Г. В. Семантические особенности полусуффиксов *-proof* и *-mania* и слов-образований с ними // Вестник Алтайской государственной педагогической академии. 2014. № 21. С. 70-73.
2. Кубрякова Е. С. Основы морфологического анализа (на материале германских языков). М.: Наука, 1974. 320 с.
3. Немченко В. М. Основные понятия морфемики в терминах: краткий словарь-справочник. Красноярск: Изд-во Красноярского университета, 1985. 214 с.
4. Степанова М. Д. Методы синхронного анализа лексики (на материале немецкого языка). М.: Высшая школа, 1968. 208 с.
5. Степанова М. Д. Словообразование современного немецкого языка. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1953. 376 с.
6. Abdelrahman A. L. 40 Best Eco-Friendly Products to Help the Planet [Электронный ресурс]. URL: <https://www.goodhousekeeping.com/home-products/g31291481/eco-friendly-products/> (дата обращения: 20.06.2020).
7. Assa Abloy Architectural Door Accessories [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pemko.com/> (дата обращения: 21.06.2020).
8. Bernyce G. Betty's story [Электронный ресурс] // French M. Underground Rivers: A Collection of Short Stories. URL: <https://books.google.ru/books?id=nbO-BAAAQBAJ&pg=PT97&lpg=PT97&dq=Betty-like+manner&source=bl&ots=DRYf1GXC0w&sig=oguhjJHEWXuZRG4JoZL3Nbf8anI&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKewiwpubC373WAhWvZpoKHdXOC40Q6AEIRDAI#v=onepage&q=Betty-like%20manner&f=false> (дата обращения: 21.06.2020).
9. Braun B., Owens L., Bartman B. A., Berkeley L., Wineman N., Daly C. A. Quality-related activities in federally supported health centers: do they differ by organizational characteristics? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/18806591> (дата обращения: 20.06.2020).
10. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <http://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 21.06.2020).
11. Collins Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (дата обращения: 19.06.2020).
12. Dreiss A. E., Timothy G. V., Penkert E. D. Hurricane-Related Donations: Ways for Employers and Employees to Help [Электронный ресурс]. URL: <https://www.shrm.org/ResourcesAndTools/hr-topics/benefits/Pages/hurricane-donations.aspx> (дата обращения: 15.06.2020).
13. Henderson S. Understanding the Gulf States [Электронный ресурс]. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/understanding-the-gulf-states> (дата обращения: 16.06.2020).

14. **Kane Ch.** 5 Ways to Make Your Business Website User Friendly [Электронный ресурс]. URL: <https://usabilitygeek.com/5-ways-to-make-your-business-website-user-friendly/> (дата обращения: 17.06.2020).
15. **Kenny T.** High Yield Municipal Bonds [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thebalance.com/are-high-yield-municipal-bonds-right-for-you-417145> (дата обращения: 19.06.2020).
16. **Kid Friendly Food** [Электронный ресурс]. URL: <https://www.taste.com.au/recipes/collections/kid-friendly> (дата обращения: 17.06.2020).
17. **Olson S.** Why Cigarettes Labeled ‘Natural’ or ‘Additive-Free’ May Be Misleading, According to the FDA [Электронный ресурс]. URL: <http://www.medicaldaily.com/why-cigarettes-labeled-natural-or-additive-free-may-be-misleading-according-350078> (дата обращения: 21.06.2020).
18. **Rini S.** Sugar Free Foods Are More Harmful [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vitcosed.com/glucosebenefits/date/2016-12> (дата обращения: 15.06.2020).
19. **Spacey J.** 5 Examples of Customer Friendly [Электронный ресурс]. URL: <https://simplicable.com/new/customer-friendly> (дата обращения: 19.06.2020).
20. **Staufenberg J.** Ominous cloud looming over China creates apparition of floating city [Электронный ресурс]. URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/ominous-cloud-looming-over-china-creates-apparition-of-floating-city-a6698576.html> (дата обращения: 21.06.2020).
21. **Tandel K. R.** Sugar substitutes: Health controversy over perceived benefits [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3198517/> (дата обращения: 19.06.2020).
22. **Urban Dictionary** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.urbandictionary.com/> (дата обращения: 18.06.2020).
23. **5 Fiber-Rich Foods You Should Be Eating Everyday** [Электронный ресурс]. URL: <http://food.ndtv.com/food-drinks/5-fiber-rich-foods-you-should-be-eating-everyday-1201686> (дата обращения: 20.06.2020).

Semi-Affixation Role in Word-Formative System of the Modern English Language

Spasova Maria Valerievna, PhD
Savelieva Olga Gennadievna, PhD
Kuban State University, Krasnodar
savelieva13.05@mail.ru; mspasova@mail.ru

The research objective includes identifying semi-affixation role in the word-formative system of the modern English language. The article examines semi-affixation as a means of word-formation in the English language, describes the basic features of the English semi-affixes, singles out differential criteria of semi-affixes, reveals their morphological, semantic and functional peculiarities. The authors identify differential criteria of semi-affixes, trace changes in their semantics, explore the hierarchical structure of semi-affixes within the framework of the word-formative field theory, which constitutes scientific originality of the study. The research findings are as follows: differential criteria of semi-affixes are ascertained, their hierarchical structure is revealed.

Key words and phrases: semi-affixation; word-formative chain; word-formative field; morpheme; lexeme.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.48>

Дата поступления рукописи: 14.11.2020

Целью исследования являются определение базовых элементов понятий «театр», «театральность», описание их корреляции с точки зрения лингвистики, эпистемологии и семиотики (на примере русского и французского языков). Научная новизна заключается в выявлении ключевых лингвистических и экстралингвистических характеристик рассматриваемых понятий, определении дифференцирующих особенностей понятийных полей «театр» – «театральность». В результате даны дефинитивные признаки ядерных лексем, представлены синонимические парадигмы лексем-доминант, проведен анализ корреляции понятийных полей «театр» – «театральность» в рамках изучения языковой реализации лингвосемиотической категории театральности, определения ее ключевых параметров, классификации способов и средств реализации на разных текстовых уровнях.

Ключевые слова и фразы: понятийное поле «театр»; понятийное поле «театральность»; лингвосемиотика.

Чвалун Роза Владимировна, к. филол. н.
Кизилова Наталья Игоревна, к. филол. н.
Чуднова Ольга Алексеевна, к. психол. н., доц.
Ставропольский государственный аграрный университет
chvalun_roza@mail.ru; natali0403_87@mail.ru; chudnova08@mail.ru

Корреляция понятийных полей «театр» – «театральность» (на примере русского и французского языков)

Введение

Понятия «театр» и «театральность» широко употребляются в различных сферах общения уже долгое время. Они выступают в качестве базовых понятий театроведения, нашли широкое применение в философии,

антропологии и других науках. Однако популярность и широкое распространение этих понятий лишь усугубили ситуацию с их дефинициями. Дать точное определение таким всеобъемлющим понятиям достаточно сложно, ведь каждое из них находит все новые и новые области применения. Проблема определения «театра» и «театральности» дополнена проблемой дифференцирования их корреляции. Отмеченные выше моменты определяют *актуальность* исследования.

Поставленная цель связана с решением следующих *задач*: осуществить лексикографическое рассмотрение лексем «театр», «театральность», определить и описать дефинитивные признаки ядерных лексем понятийных полей «театр», «театральность»; описать взаимодействие понятийных полей «театр», «театральность»; выявить дифференцирующие особенности рассматриваемых понятийных полей.

В процессе работы использовались такие лингвистические *методы исследования*, как лингвокультурологический, контекстуальный анализ языковых единиц, словарное дефинирование.

Теоретической базой исследования послужили публикации отечественных и зарубежных авторов по теории театральности и театральной лексике – Н. Н. Еврейнова [2], Е. В. Иловой [4], С. А. Калинина [5], А. Котте [6], А. В. Олянича [7; 8], В. Н. Райкова [10], А. А. Распаева [11], Т. К. Дэвис, Т. Постлвейт (Т. С. Davis, Т. Postlewait) [14], Г. МакГиливри (G. McGillivray) [18].

Практическая значимость исследования определяется прикладным характером его результатов и заключается в возможности их использования при составлении учебных пособий по лингвострановедению, лингвокультурологии, в специальных курсах по лингвистической философии, стилистике, семиотике.

Лингвофилософские параметры театральности включают в себя рассмотрение понятийных полей «театр» и «театральность», а также их корреляцию.

Понятийное поле «театр»

Для театрального процесса важно восприятие его как реальности. Притом эта реальность требует особого пространства и публики. Любое действие не будет восприниматься как театр, а только то, в котором обнаруживаются эти элементы. А. Котте, рассматривая понятия «театр» и «театральность», приходит к выводу, что вывести понятие «театральность» невозможно без предварительного изучения и определения понятия «театр», который может выступать и как отражение реальности, и как её отличительный уровень: «В применении к театру определение “(театр) как реальность познаётся как ситуация” значит: театр можно понимать как часть реальности или как особую реальность (уровень реальности). В определении примечательным образом сведены вместе “аспекты театральности”: ситуация (performance), возникающая при взаимодействии тел, становится познаваемой (восприятие) также в её функции, ибо она определенным образом структурирована (инсценирована)» [6, с. 218].

При рассмотрении театра как реальности следует обратить внимание на аспект взаимодействия. Реальность формируется за счёт отношений действующих субъектов, в случае с театром – это актёры и их игра на сцене. Но не только игрой актёров ограничивается взаимодействие в театре. Существует ещё один аспект отношений: актёры – зрители. Зритель, воспринимая действие, участвует в формировании реальности. Эти компоненты соответствуют формуле театра АВС: А в качестве В перед С [Там же, с. 219].

При исследовании понятийного поля «театр» следует отметить, что театр в языковом сознании – явление многогранное, оно может относиться и относиться к различным сферам человеческой жизни. Так, театр представляет собой культурный, философский, социальный и политический феномен. Таким образом, понятие «театр» включает в себя знания различных полей, которые дополняют друг друга, коррелируют, обогащая понятийное поле «театр».

Понятийное поле «театр» репрезентируется через дефинитивные признаки ядерной лексемы «театр». Так, в русском языке лексема «театр» представлена следующими семами: ‘искусство’, ‘изображение’, ‘представление’, ‘игра’. Эти семы являются базовыми, к периферийным семам лексемы «театр» относятся ‘сцена’, ‘помещение’, ‘спектакль’, ‘драматические произведения’. Если рассматривать синонимические парадигмы лексемы-доминанты «театр», то в русском языке количество синонимических рядов, репрезентирующих семы лексемы «театр», всего четыре:

- сема ‘здание’ – комедия, драма, опера, мюзик-холл;
- сема ‘искусство’ – Мельпомена, храм искусства, храм Мельпомены;
- сема ‘сцена’ – сцена, подмости;
- сема ‘спектакль’ – представление, зрелище, постановка, лицедейство [5].

Во французском языке к базовым семам лексемы “théâtre” относятся ‘construction’ (сооружение), ‘art’ (искусство), ‘procédés’ (средства). Периферийные семы лексемы “théâtre”: ‘acteur’ (актер), ‘spectacle’ (спектакль), ‘scène’ (сцена), ‘texte’ (littéraire) (текст), ‘genre’ (жанр), ‘activité’ (действие).

Семы, репрезентирующие лексему-доминанту, имеют синонимические ряды с большим количеством лексем:

- сема ‘construction’ (здание) – salle (зала), scène (сцена), baignoire (ложка), balcon (балкон);
- сема ‘texte’ (текст) – comédie (комедия), drame (драма), farce (фарс), livret (либретто), melodrame (мелодрама);
- сема ‘genre’ (жанр) – comédie (комедия), drame (драма), tragédie (трагедия);
- сема ‘spectacle’ (спектакль) – matinée (утренний спектакль), première (премьерный спектакль), représentation (показ), séance (сеанс), soirée (вечерний спектакль).

Понятийное поле «театральность»

Для исследования понятийного поля «театральность» необходимо рассмотреть семантический объём базовой лексемы «театральность».

Многие исследователи из разных областей науки: истории, философии, антропологии, искусствоведения – пользуются понятием «театральность» в силу того, что оно отображает корреляцию между действиями, предметами или понятиями из разных областей. Чаще всего «театральность» воспринимают как то, что относится к театру. Объём этого понятия невероятно велик, но, несмотря на это, существуют границы, благодаря которым «театральность» воспринимается как явление, выявляющее сходство именно с «театром» (в традиционном понимании).

Театральность существовала и тогда, когда ещё не использовали сам термин «театральность». При этом театральность тесно связана с различными понятиями на протяжении многих лет. Например, «театральность» используется для объяснения взаимоотношений между театром и религией. Религиозные практики и театр рассматривают в контексте проблемы возникновения театра. Многие исследователи сходятся во мнении, что театр развился из религии [14, р. 7], театр и религия тесно связаны на протяжении веков в разных культурах. Именно идея театральности позволяет обнаружить общее в ритуальном действии и в театральном действии с некоторыми существенными различиями. Это возможно благодаря всеобъемлющей природе театральности и безграничности её применения. Театральность коррелирует с театром, религией, ритуалом, мимесисом, *theatrum mundi* и т.д.

Понятие «театральность» неразрывно связано в умах говорящих с понятием «театр». «Театр» и «театральность» по-разному развиваются, на сегодняшний момент они одновременно взаимодействуют, дополняют друг друга и находятся в конфронтации.

Эти понятия, безусловно, взаимосвязаны, но не тождественны. Понятие «театральность» стало не только культурологическим, но охватило все аспекты жизни человека. Как и «театр», оно включает в себя знания разных направлений деятельности: социальных, политических, философских и т.д. Но у понятия «театральность», несмотря на устойчивое употребление, нет однозначного толкования.

Таким образом, оно включает в себя обширные знания, что приводит к отсутствию конкретики семантики. Первое, что приходит на ум при употреблении лексемы «театральность», – это что-то, связанное с театром, имеющее специфические театральные черты.

Понятийное поле «театральность» репрезентируется через дефинитивные признаки ядерной лексемы «театральность». Для определения семного состава лексемы был проведен анализ словарных дефиниций на русском и французском языках. Результаты анализа представлены в Таблице 1.

Таблица 1. Семный состав лексемы «театральность»

Язык	Лексема	Базовые семы
Русский язык	театральность	‘преувеличенное качество’; ‘характерные свойства и приёмы’; ‘сценическое искусство’; ‘привлечение внимания’; ‘создание определённого эффекта’; ‘относящееся к игре, актёрам и театру’; ‘преувеличенное и драматичное’; ‘специфическое художественное достоинство’; ‘особая эстетическая природа’; ‘выразительные средства’; ‘особый сценический язык’; ‘подчёркивание средств сценической выразительности’; ‘внешний эффект’; ‘неестественность, наигранность в поступках, в поведении» [1; 3]
Французский язык	théâtralité	‘exigences spécifiques du théâtre’ (особые требования театра); ‘exigences du théâtre considéré dans son essence et sa spécificité’ (требования театра, рассмотренные в его сути и специфике); ‘éléments stylistiques du système théâtral’ (стилистические элементы театральности системы); ‘exigencies fondamentales de la construction théâtrale’ (основные требования театральности построения) [17]

Из результатов анализа словарных дефиниций следует, что «театральность» воспринимается говорящими как явление двойственное. Здесь присутствуют как положительные, так и отрицательные характеристики исследуемого понятия. Полученные данные дают нам возможность предположить, что говорящий рассматривает «театральность» только через призму театра, несмотря на то, что это понятие во многом развилось и проникло далеко за пределы понятия «театр» [7; 8; 10; 11].

В своем исследовании Е. В. Илова, рассматривая лингвокультурный концепт ТЕАТР, указывает на взаимодействие понятий «театр» и «театральность», так как при лексикографическом рассмотрении лексемы «театральность» обнаруживаются компоненты содержания лексем лингвосомиотического пространства театра. Это, по мнению автора, говорит о «проникновении театра в жизнь, и эта идея театральности жизни составляет лингвосомиотическую основу для развития коммуникации» [4, с. 9].

«Театру» и «театральности» дают как положительную, так и отрицательную оценку. Положительную оценку получили такие свойства, как зрелищность, самопрезентация, а отрицательную – ненатуральность, нарочитость поведения, достижение определенного эффекта. Театральность изначально связана с нарушением норм. Это могут быть нормы социального поведения, нормы языка, нормы стихосложения и т.д. Это свойство театральности получило негативную оценку, если речь идет не об искусстве, а о нормах поведения. При выявлении признаков театральности среди характеристик с отрицательной оценкой были обнаружены следующие: притворяться в жизни, разыгрывать сцены, плести интриги, добиваясь корыстной цели, использовать в личных целях, в своих интересах, вести нечестную игру, представлять в лучшем для себя свете, стремиться произвести

эффект, позировать. Но театральность воспринимается вне театра не только отрицательно. Среди положительных характеристик следующие: быть в центре внимания, стать значимым, поступать справедливо (вести себя в соответствии с правилами), вести себя соответственно ситуации или другим факторам [Там же].

Метафора театральности употребляется достаточно часто, но различные исследователи вкладывают в неё разный смысл, поэтому ее семантика неодинакова. «Театральность» воспринимается как расширенное понятие театра [12]. Под определение понятия «театральность» попадают и уличные шествия, и карнавалы, и политические дебаты. Понятие «театральность» рассматривали как периферию понятия «театр», благодаря чему оно включало в себя обширный пласт явлений, в отличие от понятия «театр», и, несмотря на широкое употребление, сохраняло связь с литературой, музыкой, драмой.

Со временем понятие «театральность» стало употребляться для обозначения широкого понимания театра, его свойств и элементов. Поливалентность этого понятия приводит к тому, что «театральность» обозначает и интеракцию, и инсценирование, проявляясь в бесчисленном множестве отношений. «Театральность» воспринимается и как пустое понятие, охватывающее множество, но не имеющее значения.

«Театральность» и «театр» стали предметом изучения относительно недавно. В Германии исследования корреляции «театра» и «театральности» проводились в рамках программы «Театральность – театр как культурная модель культурологических наук» Германского научного сообщества. Предметом исследования послужили свойства театральных процессов, их значение, функции в культуре Европы. Это подтверждает мысль о том, что «театральность» не осталась на периферии «театра», а стала отдельным полноценным понятием, охватывающим широкий спектр предметов и явлений, что и послужило формированию его поливалентности, расширив границы значения, не лишив его смысла.

Теоретик современного искусства и художественный критик Майкл Фрид в своей статье «Искусство и объектность» (1998) употребляет термин «театральность». Полемическая статья была написана вовсе не о театре, и автор вкладывает совершенно особый смысл в слово «театральность»; он противопоставляет театральность всему реальному, настоящему. Театральность, по мнению М. Фрида, – это нечто неаутентичное, обманчивое [16]. На первый взгляд может показаться явное противоречие словарной дефиниции и определения М. Фрида, но это не так. Здесь следует обратить внимание на корреляцию понятий «театр» и «театральность». С течением времени они выстроили своего рода оппозицию.

Например, европейский авангард начала XX века воспринимал театральность как сущность театра, что-то с характерными чертами театра [13]. С течением времени театральность преобразовалась в поливалентный знак, который указывает и на театр как таковой (обман, притворство, игра, неаутентичность), и на жизнь как на нечто нетеатральное (истина, правда и т.д.). Первому значению присущи миметические черты, подражательные. Возникает вопрос о дихотомии «театральности», каким образом одно и то же понятие «театральность» может содержать в себе противоположные значения: правда – ложь; жизнь (реальное) – театр (выдуманное).

Необходимо рассмотреть «театральность» не только с точки зрения семантики, но и с точки зрения семиотики. В структуре понятийного поля «театральность» выстраивается бинарная оппозиция: правда – ложь; жизнь (реальное) – театр (выдуманное) [12].

Понятийное поле «театральность» содержит в себе неясность. С одной стороны – это театральное, с другой стороны – не имеющее к театру никакого отношения. Отсюда возникает напряжение в корреляции понятийных полей «театр» и «театральность». В статье Глен МакГиливри «Дискурсивное образование театральности как критического концепта» (2009) автор называет понятие «театральность» двусмысленным, а также приходит к выводу о том, что при исследовании театральности как понятия следует рассматривать и сложившуюся к настоящему времени оппозицию: «театр» – «театральность» [18].

«Театральность» – это понятие, включающее в себя множество значений, характерным свойством его семантики является двойственность. С одной стороны, оно относится к театру и ко всему, что с ним связано, а с другой стороны, оно относится к социуму, к реальности. Для анализа корреляции понятийных полей «театр» и «театральность» необходимо рассмотреть этимологию лексем-доминант.

Во II веке н.э. в Греции греческие слова “theā” и “théatron” (θέατρον) употреблялись для обозначения различных визуальных театральных характеристик: “theā” обозначало процесс просмотра чего-либо (спектакля, представления), слово также обозначало непосредственно сам спектакль или представление, а также место, откуда можно было его увидеть. Позднее слово стало обозначать не только театральные черты, но и преувеличение, обман, искажение. Эта негативная окраска значения неслучайна, она коррелирует с элементами отрицательной коннотации понятия «театр». Долгое время театр рассматривался с негативной точки зрения как нечто притворное, неудобное и противное естеству человека. Главной угрозой было то, что зрители могли перепутать театральное представление и реальную жизнь, то есть могла произойти подмена понятий. Этот процесс позднее будет рассмотрен с точки зрения семиотики, а именно принципа двойственности знака, асимметричного дуализма.

Понятие «театральность» получает вербализацию в английском языке в 1711 году, а позднее и во французском языке. Например, в книге «Характеристики людей, манер, мнений, времен» Энтони Эшли Купер применяет этот термин для обозначения притворного поведения, неестественного для того или иного человека: «Такое изучаемое действие, как искусственный жест, может быть разрешено для актёров или актрис на сцене. Но хороший художник должен подойти немного ближе к правде и позаботиться о том, чтобы его действия не были театральными» [Цит. по: 15, р. 12].

Во французском языке слово “théâtral” использовали в ранний современный период для обозначения ситуаций или объектов, прямо относящихся к театру.

К концу XVII века слово стало означать ‘преувеличение’ и ‘притворство’, связанные с театром, и противопоставлялось естественному социальному общению. Таким образом, слово “theatricality” стало означать все не-реальное, неестественное, притворное не только для театральной публики, но и относительно общества в целом.

Н. Н. Евреинов в работе «Апология театральности» дает определение понятия: он рассматривает театральность как преэстетический инстинкт общества и культуры: «Под “театральностью” как термином я подразумеваю эстетическую монстрацию явно тенденциозного характера, каковая, даже вдали от здания театра, одним восхитительным жестом, одним красиво протонированным словом создает подмости, декорации и освобождает нас от оков действительности – легко, радостно и всенепременно. <...> Я сказал – “преэстетизм театральности”. Ещё не знаю, насколько первое из этих понятий убедительно определяет категорию второго, – знаю только, что в одном отношении оно совершенно правильно: именно в эволюции человеческого духа развитие чувства театральности постоянно предшествует развитию эстетического чувства» [2, с. 41, 46]. Н. Н. Евреинов дал достаточно ёмкое определение понятия и первым затронул вопрос применения театральности в качестве культурной модели.

Заключение

Таким образом, мы можем сделать следующие *выводы*:

– понятийное поле «театр» репрезентируется через дефинитивные признаки ядерной лексемы «театр». В русском языке лексема «театр» представлена следующими семами: ‘искусство’, ‘изображение’, ‘представление’, ‘игра’. Во французском языке к базовым семам лексемы “théâtre” относятся ‘construction’ (сооружение), ‘art’ (искусство), ‘procédés’ (средства);

– понятийное поле «театральность» репрезентируется через дефинитивные признаки ядерной лексемы «театральность». В русском языке лексема «театральность» представлена следующими семами: ‘преувеличенное качество’, ‘характерные свойства и приёмы’, ‘сценическое искусство’, ‘привлечение внимания’, ‘создание определённого эффекта’, ‘относящееся к игре, актёрам и театру’, ‘преувеличенное и драматичное’, ‘специфическое художественное достоинство’, ‘особая эстетическая природа’, ‘выразительные средства’, ‘особый сценический язык’, ‘подчёркивание средств сценической выразительности’, ‘внешний эффект’ ‘неестественность, наигранность в поступках, в поведении’. Во французском языке к базовым семам лексемы “théâtralité” относятся ‘exigences spécifiques du théâtre’ (особые требования театра), ‘exigences du théâtre considéré dans son essence et sa spécificité’ (требования театра, рассмотренные в его сути и специфике), ‘éléments stylistiques du système théâtral’ (стилистические элементы театральной системы), ‘exigencies fondamentales de la construction théâtrale’ (основные требования театрального построения).

Понятие «театральность», коррелируя с понятием «театр», обозначает его характерные признаки через набор специфически театральных средств, реализующих внешнюю потенциальность, вместе с тем они выстроили своего рода оппозицию.

Дифференцирующими особенностями понятия «театральность» являются: дихотомия «театральности», понятие содержит в себе противоположные значения: правда – ложь; жизнь (реальное) – театр (выдуманное); поливалентность (охват широкого спектра предметов и явлений).

Перспективы исследования видятся в дальнейшей разработке теории театральности как лингвосемиотической категории, в изучении специфики взаимодействия вербальных и невербальных компонентов в процессе формирования театральности текста.

Список источников

1. **Большой толковый словарь русского языка** [Электронный ресурс]. URL: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения: 15.11.2020).
2. **Евреинов Н. Н.** Демон театральности. М. – СПб.: Летний сад, 2002. 535 с.
3. **Ефремова Т. Ф.** Новый словарь русского языка: толково-словообразовательный [Электронный ресурс]. URL: <http://www.efremova.info/> (дата обращения: 15.11.2020).
4. **Илова Е. В.** Лингвокультурный концепт «театр» в коллективном и индивидуально-авторском сознании: автореф. дисс. ... к. филол. н. Волгоград, 2008. 24 с.
5. **Калинина С. А.** Лексико-фразеологическая репрезентация концепта «театр» в русской и английской лингвокультурах // Теория и практика общественного развития. 2011. № 8. С. 374-377.
6. **Котте А.** Театральность: понятие в поисках собственного предмета // Театроведение Германии. Система координат. СПб.: Балтийские сезоны, 2004. С. 215-232.
7. **Олянич А. В.** Презентационная теория дискурса: монография. Волгоград: Парадигма, 2004. 507 с.
8. **Олянич А. В.** Презентационные стратегии в военно-политическом дискурсе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2003. № 3. С. 119-126.
9. **Пави П.** Словарь театра. М.: Прогресс, 1991. 504 с.
10. **Райков В. Н.** Феномен театральности: социально-философский анализ: автореф. дисс. ... к. филос. н. Саратов, 2010. 21 с.
11. **Распаев А. А.** Лингвосемиотическая категория театральности в англоязычном политическом нарративе: автореф. дисс. ... к. филол. н. Волгоград, 2007. 24 с.
12. **Чвалун Р. В.** Двойственность понятийного поля «театральность» // Альманах современной науки и образования. 2013. № 5 (72). С. 179-181.

13. **Чвалун Р. В.** Реализация категории театральности в языке семиотически гетерогенных текстов (на материале каллиграмм Г. Аполлинера и их условных эквивалентов): дисс. ... к. филол. н. Ставрополь, 2017. 202 с.
14. **Davis C. T., Postlewait T.** Theatricality. Cambridge: Cambridge U.P., 2004. 243 p.
15. **Eck C. van, Bussels S.** Theatricality in Early Modern Art and Architecture. Oxford: Wiley-Blackwell, 2011. 200 p.
16. **Fried M.** Art and Objecthood // Art and Objecthood: Essays and Reviews. Chicago: The University of Chicago Press, 1998. P. 148-172.
17. **Le nouveau Petit Robert de la langue française 2007** / sous la direction générale de P. Robert. Lonrai: Normandie Roto Impression, 2006. 2837 p.
18. **McGillivray G.** The Discursive Formation of Theatricality as a Critical Concept [Электронный ресурс] // Metaphorik. 2009. № 17. URL: <http://www.metaphorik.de/de/journal/17/discursive-formation-theatricality-critical-concept.html> (дата обращения: 15.11.2020).

Correlation of Conceptual Fields “Theatre” – “Theatricality” (by the Example of the Russian and French Languages)

Chvalun Roza Vladimirovna, PhD

Kizilova Natalia Igorevna, PhD

Chudnova Olga Alekseevna, PhD

Stavropol State Agrarian University

chvalun_roza@mail.ru; natali0403_87@mail.ru; chudnova08@mail.ru

The research objectives are as follows: to identify the content of the notions “theatre”, “theatricality”, to reveal correlation of these notions taking into account linguistic, epistemological and semiotic aspects. The study is conducted by the material of the Russian and French languages. The authors ascertain the basic linguistic and extra-linguistic characteristics of the notions under consideration, reveal specificity of the conceptual fields “theatre” – “theatricality”, which constitutes scientific originality of the paper. The research findings are as follows: within the research area (language realization of the linguo-semiotic category “theatricality”, its key characteristics, means for its realization at different text levels), the article identifies definitional features of nuclear lexemes, describes synonymic paradigms of dominant lexemes, analyses correlation of the conceptual fields “theatre” – “theatricality”.

Key words and phrases: conceptual field “theatre”; conceptual field “theatricality”; linguo-semiotics.

Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание

Comparative Historical, Typological and Contrastive Linguistics

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.49>

Дата поступления рукописи: 26.10.2020

Цель исследования – доказать одинаковую значимость генерализации контекстов как механизма грамматикализации в разноструктурных германских языках. *Научная новизна* работы состоит в том, что впервые произведён сравнительный анализ генерализации контекстов грамматикализованных единиц английского и немецкого языков. *Полученные результаты* исследования показали, что аналогичные подчинительные союзы английского и немецкого языков, ставшие объектами распространённых путей грамматикализации, в равной степени подвергаются генерализации контекстов, приобретая новые значения, что доказывает ведущую роль контекста в грамматикализации в двух разноструктурных языках одной группы.

Ключевые слова и фразы: генерализация контекстов; механизм грамматикализации; английский язык; немецкий язык; сравнительный анализ.

Авагян Асмик Арменовна

Российский университет дружбы народов, г. Москва

Российский государственный университет туризма и сервиса, Московская область, пос. Черкизово
1042190102@rudn.university

Генерализация контекстов как механизм грамматикализации (на примере английского и немецкого языков)

Введение

Грамматикализация как сложный процесс превращения лексических единиц в грамматические затрагивает все уровни языка. Данный процесс в большинстве случаев сопровождается семантическим выцветанием, подразумевающим ослабление или утрату исходного лексического значения, фонетической редукцией, декартегоризацией и генерализацией контекстов. Последний механизм предполагает использование грамматизирующейся единицы в новых контекстах и становится объектом данного исследования.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения механизмов, вызывающих грамматикализацию как явление, распространённое в большинстве языков мира, неоднозначностью подходов к его интерпретации, а также значимостью такого механизма, как генерализация контекстов, для выявления новых значений грамматикализованных единиц, постоянно пополняющих лексические составы рассматриваемых языков. В связи с возрастающим интересом исследователей к вопросам грамматикализации требуется более глубокое исследование контекстов использования грамматикализованных единиц, которое, в свою очередь, позволит более детально изучить историю их развития.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие *задачи*: определить понятия грамматикализации и генерализации контекстов, привести примеры действия этого механизма в английском и немецком языках и выполнить сравнительный анализ выбранных примеров.

Термин *грамматикализация* (франц. *grammaticalisation*), введённый в начале XX века французским лингвистом А. Мейе, на протяжении долгих лет не использовался в работах советских и зарубежных исследователей, и лишь с 1970-х гг. наблюдается устойчивый интерес к изучению этого типа грамматических изменений. В связи с этим грамматикализацию можно назвать относительно молодой областью исследований, в рамках которой достаточно много спорных вопросов, начиная от определений самого термина *грамматикализация*, заканчивая таким свойством этого процесса, как однонаправленность. Несмотря на значительный объём исследований и множество подходов к понятию грамматикализации, по-прежнему мало внимания уделено

механизмам грамматикализации, в частности генерализации контекстов. В работах отечественных учёных едва можно обнаружить описание этого механизма, как правило, приводящего к грамматикализации единиц. По этой причине в данной статье приводятся ссылки на англоязычные источники. *Теоретическую базу* данного исследования составили работы Дж. Байби и её коллег [1], Э. Хэррис и Л. Кэмпбелл [3], Б. Хайне [4; 5] и Т. Кутевой [6; 7], П. Хоппера и Э. Трауготт [8; 12], Е. Куриловича [9], С. Николая [10], активно обращавшихся к вопросам грамматикализации. Используемая в данной работе терминология применительно к механизмам грамматикализации и типам контекстов заимствована из работы Б. Хайне под названием «Грамматикализация» [4], а пути грамматикализации, на примере которых анализируется роль контекста в грамматикализации, приведены во «Всемирном словаре грамматикализации» Б. Хайне и Т. Кутевой [7].

При проведении исследования были применены *методы* содержательного анализа понятия генерализации контекстов, а также сравнительного анализа употребления аналогичных единиц английского и немецкого языков в разных контекстах.

Практическая значимость исследования заключается в возможном применении полученных данных при составлении словарей различного типа, а также при написании учебно-методических пособий для студентов гуманитарных направлений подготовки. Также результаты исследования могут быть использованы в преподавании таких дисциплин, как «Морфология» и «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание», в рамках образовательных программ высших учебных заведений.

Понятие грамматикализации

На сегодняшний день существует множество подходов к определению понятия грамматикализации, которые условно можно разделить на две группы: подходы, в рамках которых грамматикализация описывается как явление, и подходы, при которых грамматикализация рассматривается как процесс. Так, грамматикализацию можно изучать как в синхроническом, так и в диахроническом измерении. В теории грамматикализации применяется именно второй подход.

Одна из отличительных черт многих исследований грамматикализации состоит в том, что в них грамматикализация представлена исключительно как движение от лексических единиц к грамматическим, в то время как возможно и развитие от менее грамматических к более грамматическим значениям. Достаточно обратиться к определению известного польского лингвиста Е. Куриловича: «Грамматикализация состоит в расширении сферы употребления морфемы, получающей из лексического грамматический статус или из менее грамматического более грамматический» [9, р. 69]. Другая особенность исследований грамматикализации заключается в том, что зачастую не производится анализ единиц на прагматическом и морфосинтаксическом уровнях. Этот факт представляет особую важность, так как грамматикализация реализуется в особых контекстах и конструкциях, а сам процесс становления грамматических единиц затрагивает все уровни языка. Поэтому при исследовании роли контекста в грамматикализации целесообразно обратиться к следующему определению грамматикализации: «... процесс, при котором лексемы и конструкции предстают в определённых языковых контекстах и начинают выполнять грамматические функции» [8, р. XV].

Генерализация контекстов

Такой механизм, как генерализация контекстов, также иногда называют расширением: в англоязычной литературе встречается как термин *generalization of contexts / context generalization*, так и *extension*. Термин *extension* используется в работе Э. Хэррис и Л. Кэмпбелл [3], рассматривавших проявление этого механизма на синтаксическом уровне. В то же время Б. Хайне, используя оба термина, обращается к прагматике, понимая под расширением (генерализацией контекстов) употребление единицы в новых, ранее не используемых контекстах [4, р. 580]. Данный исследователь отмечает, что генерализация контекстов – это единственный механизм грамматикализации, характеризующийся не потерей какого-либо компонента единицы, а приобретением. Причём в результате подобного расширения лексическое значение единицы может быть связано с первоначальным значением очень отдалённо.

Дж. Байби и её коллеги под генерализацией понимают «потерю определённых свойств значения с последующим расширением соответствующих контекстов использования» [1, р. 289]. При этом подвергается сомнению тот факт, что генерализация является самостоятельным механизмом: исследователи допускают, что генерализация может быть результатом изменения, вызванного другим механизмом. В качестве примера приводится английский модальный глагол *can*, получивший развитие от глагола со значением умственной или физической способности до глагола со значением общей возможности. На каждом этапе развития этой единицы был утерян один из компонентов значения, который впоследствии привёл к более широкому кругу возможных контекстов с использованием глагола *can*.

Стоит обратить внимание на место генерализации контекстов среди других механизмов: ей, как правило, предшествует десемантизация единицы, а после неё единица декатегоризируется и, наконец, подвергается фонетической редукции. В силу неоднозначной этимологии отдельных единиц, не всегда представляется возможным определить, имели ли место разные механизмы грамматикализации последовательно или действие некоторых механизмов совпало во временном плане.

Наряду с другими механизмами грамматикализации, генерализация контекстов приводит к трёхэтапной эволюции, которую можно представить в следующем виде:

- 1) существует языковое выражение А, подлежащее грамматикализации;

2) выражение А приобретает модель второго употребления – В, причём между А и В имеются расхождения;

3) А утрачивается, остаётся только выражение В [4, p. 579].

Более того, как отмечает Б. Хайне [4], развитие единицы и, соответственно, процесс её грамматикализации могут остановиться на втором этапе. Именно на этом этапе происходит расширение возможных контекстов, при этом прежние контексты, в которых используется единица, могут сохраняться.

Генерализация контекстов (или расширение) иногда считается самым сложным из всех механизмов грамматикализации. Одна из причин сложности этого механизма заключается в его неоднозначности: термин *расширение* (*extension*), доминирующий во многих работах зарубежных исследователей, используется в рамках разных подходов и в разных значениях.

Б. Хайне и Т. Кутева [6] выделяют четыре этапа действия этого механизма, показывая тем самым ступенчатость перехода от менее грамматического к более грамматическому значению. Так, начальный этап сменяется так называемым связывающим контекстом – новым контекстом, положившим начало новому значению. На этом этапе целевое значение выходит на первый план. Далее на смену связывающему контексту приходит контекст переключения – новый контекст, который несовместим с исходным значением. На этом этапе исходное значение отходит на второй план. Наконец, последним этапом становится конвенционализация, при которой целевое значение больше не требует обязательного наличия контекста, послужившего его основой, и может быть использовано в новых контекстах. При этом сохраняется только целевое значение. Таблица 1 иллюстрирует эту модель расширения (контекстного переосмысления).

Таблица 1. Модель расширения (контекстного переосмысления) [5, p. 86]

	Этап	Контекст	Полученное значение
1	Начальный этап	Ограниченный	Исходное значение
2	Связывающий контекст	Новый контекст, положивший начало новому значению	Целевое значение выходит на первый план
3	Контекст переключения	Новый контекст, несовместимый с исходным значением	Исходное значение отходит на второй план
4	Конвенционализация	Целевое значение не требует контекста, послужившего его основой, и может быть использовано в новых контекстах	Только целевое значение

В одной из своих работ Б. Хайне и Т. Кутева называют расширение параметром грамматикализации [Ibidem, p. 34]. Отмечая сложность данного механизма, Б. Хайне и Т. Кутева выделяют социолингвистический, прагматический и семантический компоненты этого механизма. Социолингвистический компонент заключается в том, что грамматикализация начинается с отдельного действия, при котором говорящий (или небольшая группа говорящих) предлагает новое употребление существующей формы или конструкции, которое впоследствии распространяется во всём языковом сообществе. Прагматический компонент включает расширение от привычного до нового контекста или набора контекстов и их постепенное распространение до более общих парадигм контекстов. Семантический компонент ведёт от существующего значения к новому, которое вызвано и поддерживается новым контекстом [Ibidem, p. 35].

Роль контекста в грамматикализации

Прагматический аспект процесса грамматикализации заключается в том, что для грамматикализации единицы требуется определённый контекст, что, в свою очередь, расширяет круг возможных контекстов, в которых используется конкретная единица, и приводит к большей частотности её употреблений. Данный аспект грамматикализации подробно представлен в работе С. Николя, по мнению которого «контексты, вовлечённые в процесс грамматикализации, должны сдерживать процесс инференции, но не должны быть двусмысленными, допуская альтернативную интерпретацию грамматизируемого выражения» [10, p. 410]. Ключевыми понятиями при так называемом «контекстном» подходе к грамматикализации становятся контекстное переосмысление (*context-induced reinterpretation*), прагматическое выведение инференций (*pragmatic inferencing*), запрашивающаяся инференция (*invited inference*), коммуникативная импликатура (*conversational implicature*), метонимия (*metonymy*) и др. [4, p. 587]. Данные понятия становятся объектом новых исследований, направленных на прагматические аспекты грамматикализации. Например, в одной из работ Э. Трауготт исследуется роль запрашивающейся инференции в различных контекстах, содержащих выражения с глаголом *look* [12].

Яркими примерами, иллюстрирующими роль контекста в грамматикализации, становятся временные союзы в английском и немецком языках, использующиеся в качестве причинных союзов. Во «Всемирном словаре грамматикализации» Б. Хайне и Т. Кутевой отмечается, что грамматикализация пространственных и временных показателей в отдельных контекстах в показатели «логических» грамматических отношений, таких как противительные, причинные или условные отношения, – весьма распространённое явление, наблюдаемое в целом ряде языков [7, p. 275-276].

Рассмотрим примеры использования английского союза *since* в двух предложениях:

(1) *I've felt better since I've been here* [11]. / Я чувствую себя лучше с тех пор, как нахожусь здесь (здесь и далее перевод автора статьи. – А. А.).

(2) *They certainly knew that their task was hard since two previous attempts had failed* [Ibidem]. / Они точно знали, что их задача была сложной, так как две предыдущие попытки не удались.

Очевидно, что во втором предложении реализуется грамматикализованное значение единицы *since*, указывающей на причинно-следственную связь. Обратившись к словарю Lexico.com, находим оба значения этого союза, при этом в качестве первого значения приводится именно временное: «...от момента времени в прошлом до рассматриваемого времени, как правило, в настоящем» [Ibidem]. Перевод второй части предложения (1) придаточным причины невозможен в связи с тем, что оба смысловых глагола («чувствовать» и «находиться») используются в форме настоящего завершённого времени (*Present Perfect*). Таким образом, в данном предложении делается акцент на результате действия («чувствую себя лучше»), начавшегося в некоторый момент времени в прошлом («с тех пор, как нахожусь здесь»). Однако причинно-следственную связь между двумя частями предложения (1) можно вывести логическим путём: если бы субъект не находился здесь, он не почувствовал бы себя лучше, а значит, предложение включает в себя и следующую коннотацию: «Я чувствую себя лучше, так как нахожусь здесь». Именно эта логическая связь между значениями времени и причины и послужила отправной точкой для грамматикализации временных союзов в причинные в ряде языков.

В предложении (2), в котором реализуется значение причины, выбор грамматических форм смысловых глаголов указывает на то, что одно из действий предшествовало другому. Так, факт неудавшихся попыток передан при помощи глагола *fail* в форме прошедшего завершённого времени (*Past Perfect*), а осознание сложности задачи выражено в главной части глаголом *know* в форме простого прошедшего времени (*Past Simple*). Глагольные формы помогают понять, что действие, завершившееся до определённого момента в прошлом (причина), позволило сделать вывод о сложности задачи (следствие).

Анализируя значения союза *since* в приведённых предложениях с опорой на видо-временные формы знаменательных глаголов, стоит рассмотреть ещё одно предложение, в котором значение единицы предопределено формой глагола:

(3) *The teacher was happy, since good knowledge of these rules will help students understand this theory.* / Учитель был рад, так как хорошее знание этих правил поможет студентам понять эту теорию (пример автора статьи. – А. А.).

Так как по правилам английской грамматики в придаточных времени и условия не может использоваться будущее время, а сказуемое подчинительной части предложения (3) выражено глаголом в форме простого будущего времени (*Future Simple: will help*), в этом предложении союз *since* не может обладать временным значением. Здесь присутствует причинно-следственная связь между двумя частями предложения.

В немецком языке временной союз *seit* имеет лишь одно значение – «в то время как», а союз причины *da* в результате грамматикализации в отдельных контекстах стал использоваться в качестве временного союза. В словаре Duden приведены три значения этой единицы: каузальное (см. пример 4), темпоральное (см. пример 5) и темпоральное с оттенком каузальности (см. пример 6).

(4) *Da er krank war, konnte er nicht kommen* [2]. / Так как он был болен, он не мог прийти.

(5) *Da sie noch reich war, hatte sie viele Freunde* [Ibidem]. / Когда у неё ещё были деньги, у неё было много друзей.

(6) *Jetzt, da es beschlossen ist, kommt dein Einwand zu spät* [Ibidem]. / Теперь, когда всё решено, слишком поздно для твоих возражений.

Предложение (4), в котором союз *da* используется для передачи причинно-следственной связи, может быть также переведено на русский язык при помощи союза «когда» и, наряду с вышеприведённым переводом, будет звучать логично. То же самое может быть сказано в отношении предложения (5), в котором временное значение союза можно заменить каузальным, что изменит смысл предложения, но не нарушит логическую связь между главным и придаточным предложениями. Наконец, предложение (6) служит показательным примером взаимосвязи каузального и темпорального значений одной и той же единицы, которые могут сосуществовать в рамках рассматриваемого контекста.

Теперь рассмотрим примеры грамматикализации временного союза *während* в немецком языке.

(7) *Er schlief, während der Bruder arbeitete* [13]. / Он спал, в то время как/когда брат работал.

(8) *Er treibt viel Sport, während sie am liebsten vor dem Fernseher sitzt* [Ibidem]. / Он много занимается спортом, в то время как она охотнее всего сидит перед телевизором.

Примеры (7) и (8) иллюстрируют два значения союза *während*, отражённые в корпусе немецкого языка DWDS [13] и в словаре немецкого языка Duden [14], одно из которых временное, а второе – противительное. Однако в отдельных случаях *während* может использоваться ещё и в качестве уступительного союза, как в нижеследующем предложении:

(9) *Während ich mit ihm sprach, blickt er auf sein Handy.* / Хотя/Когда я с ним разговаривала, он смотрел в телефон (пример автора статьи. – А. А.).

Предложение (9) можно интерпретировать двояко: с одной стороны, *während* выступает в роли временного союза («когда»), а с другой – в роли уступительного («хотя»). Определение точного значения этой единицы возможно только в более широком контексте.

Наконец, в предложении (10) исключается временное значение рассматриваемой единицы и *während* выступает лишь в роли уступительного союза:

(10) *Während ich gestern viel zu tun hatte, bin ich heute schon frei.* / Хотя вчера у меня было много работы, сегодня я уже свободен (пример автора статьи. – А. А.).

На значение союза в предложении (10) косвенно указывает наличие временных наречий *gestern* («вчера»), *heute* («сегодня»), *schon* («уже»), при помощи которых выражается противопоставление двух частей предложения. Стоит отметить возможность перевода сложносочинённым предложением при помощи наречия времени «ещё» и противительного союза «а»: «Ещё вчера у меня было много работы, а сегодня я уже свободен». Таким образом, становится очевидным сближение временного и уступительного значений союза *während*.

Эквивалент немецкого союза *während* – союз *while* также имеет два значения, одно из которых указывает на одновременность совершения действия (см. пример 11), а второе выражает противопоставление (см. пример 12). При этом в обоих случаях *while* может переводиться на русский язык союзом «в то время как», который в разных контекстах передаёт как временное значение, так и значение противопоставления. Согласно словарю Lexico.com [15], частным случаем противопоставления является использование *while* в качестве уступительного союза со значением «несмотря на, хотя», как в примере (13).

(11) *Nothing much changed while he was away* [Ibidem]. / Немного изменилось за то время, что его не было (= в его отсутствие).

(12) *One person wants out, while the other wants the relationship to continue* [Ibidem]. / Один хочет уйти, в то время как другой хочет продолжить отношения.

(13) *The relationship, while exciting and original, had eventually become strained* [Ibidem]. / Хотя отношения были интересными и настоящими, в итоге они стали натянутыми.

Таким образом, каждый из рассмотренных союзов имеет как минимум два значения, реализуемые в определённых контекстах. Английский временной союз *since*, в отличие от его немецкого эквивалента *seit*, в результате грамматикализации приобрёл значение причины и расширил возможные контексты использования. Немецкий союз сохраняет только темпоральное значение. Однако другой немецкий союз *da*, имея каузальное значение, грамматикализовался и в зависимости от контекста может передавать темпоральное значение, иногда в сочетании с каузальным. Наконец, временные союзы со значением «в то время как» (немец. *während*, англ. *while*) подверглись аналогичному пути грамматикализации, передавая в зависимости от контекста также значение противопоставления или уступительное значение.

Заключение

Полученные результаты позволяют сделать следующие **выводы**: грамматикализация предполагает приобретение единицей грамматического значения в определённом контексте; генерализация контекстов, или расширение, как механизм грамматикализации подразумевает использование единицы в новых контекстах; действие исследуемого механизма в целом проявляет себя одинаково в результате грамматикализации временных союзов в двух разнотипных языках одной группы – английском и немецком. Согласно Б. Хайне, при расширении можно выделить четыре этапа: начальный этап, появление связывающего контекста, появление контекста переключения и конвенционализация. Грамматикализованные значения единиц реализуются в результате прохождения ими данных этапов при возможном сосуществовании старых и новых контекстов употребления единицы. На примере подчинительных союзов английского и немецкого языков доказана важная роль контекста в грамматикализации: так, союзы *since*, *da*, *während* и *while* в новых контекстах приобрели новые значения, подвергшись распространённому путем грамматикализации (время → причина, причина → время, время → противопоставление, уступительное значение). Отмечено, что развитие от временного к причинному значению наблюдается и в ряде других языков. На основании полученных данных возможно проведение **дальнейших** сопоставительных **исследований** явления грамматикализации на примере других языков, а также последующих сравнительно-исторических работ, направленных на реконструкцию грамматических показателей.

Список источников

1. Bybee J., Perkins R., Pagliuca W. The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago: University of Chicago Press, 1994. 398 p.
2. Da [Электронный ресурс]. URL: https://www.duden.de/rechtschreibung/da_Konjunktion_weil (дата обращения: 01.11.2020).
3. Harris A., Campbell L. Historical syntax in cross-linguistic perspective. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 488 p.
4. Heine B. Grammaticalization // The handbook of historical linguistics. Oxford: Blackwell, 2003. P. 575-602.
5. Heine B. On the role of context in grammaticalization // New Reflections on Grammaticalization. Amsterdam: John Benjamins, 2002. P. 83-101.
6. Heine B., Kuteva T. The genesis of grammar. Oxford: Oxford University Press, 2007. 418 p.
7. Heine B., Kuteva T. World lexicon of grammaticalization. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 400 p.
8. Hopper P. G., Traugott E. C. Grammaticalization. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. XXI+256 p.
9. Kurylowicz J. The evolution of grammatical categories // Diogenes. 1965. № 51. P. 55-71.
10. Nicolle S. Pragmatic aspects of grammaticalization // The Oxford Handbook of Grammaticalization. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 401-412.
11. Since [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lexico.com/definition/since> (дата обращения: 01.11.2020).
12. Traugott E. C. Rethinking the role of invited inferencing in change from the perspective of interactional texts // Open Linguistics. 2018. № 4. P. 19-34.
13. Während [Электронный ресурс] // Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache (DWDS). URL: <https://www.dwds.de/wb/waehrend#gb-1> (дата обращения: 02.11.2020).
14. Während [Электронный ресурс] // Duden Online-Wörterbuch. URL: https://www.duden.de/rechtschreibung/waehrend_als_unterdessen_wohingegen (дата обращения: 02.11.2020).
15. While [Электронный ресурс] // LEXICO. Oxford English and Spanish Dictionary. URL: <https://www.lexico.com/definition/while> (дата обращения: 02.11.2020).

Context Generalization as Mechanism of Grammaticalization (by the Material of the English and German Languages)

Avagyan Asmik Armenovna

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

Russian State University of Tourism and Service, Moscow region, Cherkizovo

1042190102@rudn.university

The paper justifies the thesis that context generalization serves as a mechanism of grammaticalization in the Germanic languages of different structures. Scientific originality of the study involves a comparative analysis of the context generalization process in the English and German languages. The conducted research allows concluding that the English and German grammaticalized subordinating conjunctions are equally subjected to the process of context generalization and acquire new meanings, which justifies the key role of context in the process of grammaticalization in the two Germanic languages of different structures.

Key words and phrases: context generalization; grammaticalization mechanism; English language; German language; comparative analysis.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.50>

Дата поступления рукописи: 30.10.2020

Цель исследования – сравнение особенностей функционирования местоименных форм обращений в разноструктурных языках. *Научная новизна* заключается в том, что впервые проводится сравнительно-сопоставительный анализ английских, русских и корейских местоимений-обращений, посредством которого выявляются конвергентные и дивергентные признаки указанного типа адресации. *В результате* установлено, что в английском языке существует одно нейтральное местоимение, употребляющееся во всех регистрах общения. В русской речевой культуре выделено два местоимения, в корейской – четыре. Выбор местоимения-обращения обусловлен прагматическими особенностями коммуникации на указанных языках.

Ключевые слова и фразы: обращение; местоимение; русский язык; английский язык; корейский язык.

Антонова Анна Александровна

Национальный исследовательский Томский политехнический университет

anna.Bukova.bukova@mail.ru

Местоименные формы обращений в английском, русском и корейском языках

Национально-культурная специфика и менталитет различных народов находят свое отражение в языке. Язык выступает неотъемлемой частью жизни каждого человека, так как с помощью данной системы осуществляется речевое общение, в процессе которого участники коммуникации обмениваются информацией, познают окружающую действительность, выражают мнение и т.д. Одним из компонентов, определяющих характер речевой коммуникации и помогающих установить контакт с собеседником, является обращение. Обращение – это «грамматически независимый и интонационно обособленный компонент предложения или более сложного синтаксического целого, обозначающий лицо или предмет, которому адресована речь» [4].

Актуальность темы научной работы обусловлена необходимостью осуществления успешной межкультурной коммуникации представителями разных языковых коллективов посредством местоимений-обращений, корректное использование которых осложнено тем, что они отличаются по структуре, содержанию и употреблению в различных культурах в условиях формального и неформального общения. В настоящее время наблюдается повышенный интерес исследователей к изучению различных типов обращений в разноструктурных языках, поскольку полученные знания помогают правильно организовывать процесс общения и избегать коммуникативных неудач. Местоимение в роли обращения отличается неполной номинативной и информативной функциями, наполняется содержанием только в контексте. В процессе общения местоименные формы обращений выполняют дейктическую функцию, то есть определяют роли участников речевого акта [6]. Поэтому необходимо рассмотреть и сравнить местоимения, реализующиеся в роли обращений в разноструктурных языках.

Для достижения указанной цели исследования сформулированы следующие *задачи*: во-первых, выявить местоименные формы обращений в английском, русском и корейском языках; во-вторых, проанализировать выделенные формы; в-третьих, сравнить местоимения, употребляющиеся в роли обращений в указанных речевых культурах.

В статье применяются следующие *методы исследования*: анализ, синтез, обобщение. С помощью описательного метода демонстрируются особенности местоименных форм обращений. Посредством сравнительно-сопоставительного метода выявляются конвергентные и дивергентные черты английских, русских и корейских местоимений, употребляющихся в роли обращений.

Теоретической базой исследования послужили публикации Н. Ю. Линевича, исследующего местоименные формы обращений в английской коммуникации, Е. А. Коноваловой и Н. Ю. Джигалюк, А. Д. Шмелева, в которых рассматриваются ты- и вы-формы обращений в русском речевом этикете, работы И. Ю. К. Ёна, в которых анализируются местоимения второго лица в роли обращений в корейском языке.

Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные в рамках данной статьи результаты могут быть использованы в педагогической деятельности при чтении различных курсов: по лексикологии, стилистике, межкультурной коммуникации и др. Они также могут способствовать лучшему пониманию и усвоению иноязычной культуры.

Материалом исследования послужили местоименные формы обращений на английском, русском и корейском языках, выделенные из различных сериалов, художественных фильмов и Британского национального корпуса, в количестве 26 лексических единиц. Данные источники отражают формальные и неформальные коммуникативные ситуации, демонстрируют отношения между общающимися и то, каким образом они выражаются с помощью местоимений-обращений.

Рассмотрим особенности функционирования местоименных форм обращений в английской, русской и корейской языковых культурах.

В английской коммуникации используется местоимение *you* (*ты, вы*) в качестве обращения в условиях формального и неформального общения [5, с. 54]. Ср.: дочь спрашивает родителей: “*Why are you, guys, yelling at us when we’re way upstairs?*” [13] («Почему **вы**, ребята, кричите на нас, когда мы уже поднимаемся вверх?») (2-е л. мн. ч.) (здесь и далее перевод выполнен автором статьи. – А. А.); мужчина обращается к женщине: “*You had always a violent, headstrong will*” [12] («**Вы** всегда были очень сильной и своевольной») (2-л. ед. ч.). В ситуациях неформального общения и диалектах местоимение *you* может приобретать форму *ye*. Например, девушка задает вопрос молодому человеку: “*Why did ye come back?*” [14] («Почему **ты** вернулся?»).

В русской речевой культуре существуют две местоименные формы обращений: *ты* и *вы*. Выбор данных средств адресации в условиях общения обусловлен рядом прагматических особенностей: степенью знакомства коммуникантов, возрастом, типом ситуации общения (формальная/неформальная), отношениями между собеседниками.

Ты-форма употребляется в неформальных ситуациях, демонстрирующих близкие и дружественные отношения [3, с. 121]. Ср.: дочь спрашивает отца: «**Ты** специально так, да, пап?» [8]; молодой человек обращается к подруге: «Тань, **ты** чего опаздываешь?» [7]. Необходимо отметить, что члены семьи могут использовать обращение на *вы* в тех случаях, когда общающиеся малознакомы. Например, племянница говорит тете: «**Вы** закусывайте, тетя Катя» [2]. Данный акт коммуникации иллюстрирует дистантные отношения между собеседниками. Обращение на *ты* употребляется адресантом с целью оскорбления, унижения, а также выражения своего недовольства адресату. Так, полицейский обращается к мужчине средних лет, после того как адресат ему нагрубил: «А **ты** чего такой борзый?! Отвечай нормально» [9]. Форма *ты* применяется говорящим к младшему по возрасту, нижестоящему по статусу, званию, должности и т.п. слушающему. Ср.: учительница успокаивает свою ученицу: «Конечно, посоветую. Но **ты** не волнуйся, пожалуйста» [7]; директор кафе обращается к администратору: «**Ты** слышал, что я сказал?» [Там же].

Вы-форма функционирует в различных ситуациях официального общения незнакомых/малознакомых коммуникантов и определяет субординативные отношения между собеседниками [3, с. 124]. Ср.: доктор обращается к мужу пациентки: «**Вы** куда смотрели? Четыре месяца беременности» [2]; девушка просит официанта: «А **Вы** не могли бы нас посчитать, пожалуйста?» [Там же]. Данная форма реализуется в общении коммуникантов разных возрастных категорий:

1) при обращении младших к старшим. Например, девушка задает вопрос своей помощнице: «А что **Вы** будете готовить?» [Там же]. Посредством обращения *вы* адресант выражает уважение и почтение собеседнику;

2) при обращении старших к младшим (преимущественно к лицам среднего возраста). Так, женщина обращается к молодому человеку: «А **Вы**, простите, кто?» [8]. В данном случае участники коммуникации незнакомы и видят друг друга в первый раз, поэтому с помощью указанной местоименной формы демонстрируются дистантные отношения между собеседниками;

3) в общении между ровесниками (старшего возраста). Например, женщина говорит своей подруге: «Ну **Вы** же знаете, как сейчас. То коллектив не нравится, то зарплата маленькая» [2]. В данном примере коммуникация происходит между собеседниками старшего возраста, и, несмотря на то, что они достаточно давно знакомы, говорящий употребляет обращение *вы* с целью выражения почтения слушающему.

Вы-форма используется при обращении говорящего к вышестоящему по званию, должности, статусу слушающему [3, с. 124]. Так, боцман обращается к капитану: «Мы уж думали: **Вы** о нас забыли» [2]. Форма *вы* может применяться лицами старшего возраста по отношению к младшим с целью выражения глубокого уважения и почтения собеседнику. Например, мужчина говорит своему кумиру: «**Вы** выступайте, как **вы** ступали» [7]. При обращении адресанта к группе лиц местоимение *вы* употребляется в форме второго лица множественного числа. Так, отец обращается к жене и дочерям: «Ну, рассказывайте, как **вы** тут» [Там же].

А. Д. Шмелев в своей статье «*Ты и вы в русском речевом этикете: вариативность норм*» отмечает, что знакомые между собой собеседники при обращении могут переходить с *вы*- на *ты*-форму, при этом обратный переход невозможен [10, с. 62]. Однако в некоторых ситуациях, когда говорящий хочет подчеркнуть изменение своего отношения к слушающему, использование местоимения *вы* позволяет это продемонстрировать. Переход с формы *вы* на *ты* преимущественно носит негативный оттенок. Проанализируем диалог между хорошо знакомыми соседями (девушкой и молодым человеком) одной возрастной категории:

- **Вы** же сами сказали...
- А почему опять на «Вы» [9]?

В данном случае адресант обижен на адресата, поэтому с помощью обращения *вы* демонстрирует недовольство и таким образом дистанцируется от слушающего.

Существуют случаи ненормативного употребления обращения *ты*, которые ведут к коммуникативным неудачам. Данные ситуации преимущественно связаны с незнанием адресантом правил речевого этикета. Рассмотрим диалог между женщиной и секретарем в офисе:

- **Вы** кто?
- Николай.

<...>

- Слушай, походи и скажи ему: у меня особый к нему разговор. Срочный.
- Приходите в четверг.
- Да я из Грушевки. Ну, подожди **ты**. Мне сегодня нужно. Сейчас.
- Я понимаю. Приходите в четверг [2].

Указанный пример демонстрирует общение незнакомых коммуникантов. В том случае, когда общающиеся видят друг друга впервые, с целью выражения уважения используется обращение *вы*, однако в данном диалоге один из коммуникантов использует *ты*-форму – это приводит к тому, что он не добивается желаемого результата.

В корейском языке нет местоимений, выражающих вежливое отношение говорящего к слушающему. При обращении к лицу старшего возраста, вышестоящему по статусу, занимаемому положению и др. местоименные формы обращений не используются. В данных случаях употребляются имена существительные или степень вежливости отражается посредством глагольного окончания [1, с. 310]. Местоимения в качестве обращений реализуются в ситуациях неформального общения, характеризующихся низкой степенью вежливости, в частности в дружеской среде, при обращении старших к младшим, в коммуникации, происходящей между детьми, супругами и влюбленными [11, с. 79].

К. Ён подчеркивает, что исследователями пока не решен вопрос о количестве местоимений второго лица, существующих в корейской речевой культуре. Данный исследователь выделяет девять местоимений, однако, по его мнению, в настоящее время функционируют четыре местоименные формы, остальные считаются устаревшими и редкими [1, с. 309].

В корейском языке выделены следующие местоимения-обращения: 1) *너* (*ты*); 2) *자기* (*ты*); 3) *당신* (*ты*); 4) *니* (*вы*, 2-е л. мн. ч.). Выбор указанных лексических единиц в речи обусловлен различными прагматическими особенностями: возрастом, полом, типом отношений между собеседниками.

1. Лексическая единица *너* (*ты*), в зависимости от используемых грамматических правил, может быть представлена как: *너는*, *넌*. Данное обращение употребляется при указании на собеседника, если он является ровесником адресанта или человеком, младшим по возрасту или находящимся ниже по статусу. Так, мама обращается к дочери: “*넌 꼭 거 짓말 하다 들기면 화내더라*” [15] («**Ты** каждый раз врешь»). Местоимение *너* функционирует в общении между супругами. Например, муж задает вопрос жене: “*너 그거 어떻게 알았어?*” [Там же] («Откуда **ты** знаешь?»). При обращении к другу используется местоимение *넌*. Мальчик спрашивает друга: “*넌 왜 날 지각이야?*” [Там же] («Почему **ты** каждый раз опаздываешь?»).

2. Местоименное обращение *자기* (*ты*) употребляется в общении влюбленных или супругов. Адресатом преимущественно выступает женщина. Например, муж обращается к жене: “*어우... 자기야 나 미쳤나 봐?*” [Там же] («Вау! Дорогая, я, наверное, сошел с ума?»). В данном случае местоимение используется со звательной частицей *야*, однако в речи оно может реализовываться самостоятельно.

3. Местоименная форма *당신* (*ты*) встречается в общении супругов среднего и старшего возраста. Указанная лексическая единица выражает нежное отношение говорящего к слушающему. Так, жена обращается к мужу: “*당신 날 사랑하긴해?*” [Там же] («**Ты** любишь меня?»).

4. Обращением к группе лиц выступает местоимение *니* (*вы*, 2-е л. мн. ч.), которое в речи может иметь формы *니네*, *니들*. Ср.: девушка обращается к своим друзьям (женского и мужского пола): “*야, 니네! 니만 혼자 두고 뛰해?*” [16] («Эй, **вы** что, бросили меня здесь одну?»); начальник говорит подчиненным: “*야, 니들 금마 죽이면 아이 된다*” [17] («Слушайте, **вы**, давайте без трупов»).

В данной статье проводится сравнительно-сопоставительный анализ английских, русских и корейских местоимений, употребляющихся в качестве обращений в ситуациях формального и неформального общения.

Английский язык имеет только одно местоимение-обращение для обозначения второго лица единственного и множественного чисел – *you* (*ты*, *вы*), – демонстрирующее нейтральное отношение говорящего к слушающему.

В отличие от английского языка русская речевая культура располагает двумя местоименными формами обращений – *ты* и *вы*. В процессе общения при выборе указанных местоимений необходимо учитывать следующие факторы: степень знакомства собеседников, отношения между общающимися, их возрастную категорию, тип коммуникативной ситуации. Обращение *ты* употребляется по отношению к близким людям, друзьям, знакомым, к младшим по возрасту, нижестоящим по статусу. *Ты*-форма может применяться говорящим с целью выражения своего негативного отношения к слушающему. Обращение на *вы* реализуется в условиях официального общения с вышестоящим по статусу, между коммуникантами разных возрастных категорий с целью выражения уважения к собеседнику и демонстрации дистантных отношений между общающимися.

Подчеркнем, что адресант обращается на *вы* к незнакомым или малознакомым собеседникам. Данная местоименная форма также используется по отношению к группе лиц.

Представители корейской речевой культуры употребляют четыре местоименные формы обращений в неформальных ситуациях общения: *너 (ты)*, *자기 (ты)*, *당신 (ты)*, *너 (вы)*. Местоимение *너 (ты)* и его формы *너는*, *넌* встречаются в общении друзей, детей, близких людей одной возрастной категории, при обращении старшего к младшему или говорящего к нижестоящему по статусу. Местоимения *자기 (ты)* и *당신 (ты)* реализуются при обращении к супругам, влюбленным. Обращением к группе лиц выступает местоимение *너 (вы)* и его формы *너는*, *넌*. Следует подчеркнуть, что указанные местоимения могут использоваться в сочетании со звательной частицей.

Таким образом, мы приходим к следующим **выводам**. В разноструктурных языках функционируют различные местоимения в роли обращений. В английском языке выявлено одно нейтральное местоименное обращение *you (ты, вы)*, используемое во всех регистрах общения. Русский язык отличается наличием двух местоимений-обращений для второго лица единственного числа (*ты-, вы-формы*), употребляющихся в неформальной и формальной речевой коммуникации. Вежливая местоименная форма совпадает с формой, применяющейся при обращении к группе лиц. В корейской речевой культуре выделены четыре местоименные формы обращений: три, использующиеся для обозначения второго лица единственного числа – *너 (ты)*, *자기 (ты)*, *당신 (ты)*; одна для наименования второго лица множественного числа – *너 (вы)*. Корейская коммуникация характеризуется употреблением местоимений-обращений только в неформальных ситуациях общения. Данные формы отличаются низким уровнем вежливости, и их выбор может быть ограничен сферами употребления. Посредством сравнительно-сопоставительного анализа установлено, что в английской, русской и корейской речевых культурах в качестве обращений используется разное количество местоимений, которые отличаются по своей структуре, содержанию и использованию в процессе общения.

Перспективой для продолжения работы в рамках данной темы является составление сравнительной типологии обращений в коммуникативно-функциональных парадигмах английского, русского и корейского языков. Данная типология позволит определить виды обращений и особенности их функционирования в указанных речевых культурах с целью обеспечения успешных условий для межкультурной коммуникации.

Список источников

1. Ён К. Особенности корейского обращения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. 2007. № 1-2. С. 304-314.
2. Капитанша [Электронный ресурс]: телесериал: в 16-ти сер. / реж. В. Яношук; кинокомпания “ABC Film”. Украина, 2017. URL: <https://www.vokrug.tv/product/show/kapitansha/> (дата обращения: 25.10.2020).
3. Коновалова Е. А., Джигалюк Н. Ю. Обращение с позиции социальной стратификации (на примере обращений Ты, Вы) // Русский язык в поликультурном мире: X Междунар. науч.-практ. конф.: сб. науч. ст. / под ред. Е. Я. Титаренко. Симферополь: Тип. «Ариал», 2016. С. 120-125.
4. Кручинина И. Н. Обращение [Электронный ресурс] // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/340f.html> (дата обращения: 25.10.2020).
5. Линевич Н. Ю. Местоименные обращения в шведском и английском языках // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2009. № 2. С. 54-58.
6. Местоименные слова как номинативный класс [Электронный ресурс]. URL: https://lingvistics_dictionary.academic.ru/2012 (дата обращения: 25.10.2020).
7. Никогда не говори «никогда» [Электронный ресурс]: телесериал: в 8-ми сер. / реж. А. Кананович; «Медиа-Арена». Россия, 2019. URL: https://russia.tv/brand/show/brand_id/63135 (дата обращения: 25.10.2020).
8. Память сердца [Электронный ресурс]: телевизион. фильм: в 4-х сер. / реж. А. Насыбулин; кинокомпания «Русское». Россия, 2014. URL: <https://melodrama1.com/mini-serialy/554-pamyat-serdca.html> (дата обращения: 25.10.2020).
9. Путь к сердцу мужчины [Электронный ресурс]: телевизион. фильм / реж. М. Жерневский; «Медиапрофсоюз». Россия, 2013. URL: https://russia.tv/brand/show/brand_id/49484 (дата обращения: 25.10.2020).
10. Шмелев А. Д. Ты и вы в русском речевом этикете: вариативность норм // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2016. № 9 (18). С. 61-66.
11. Ю И. Ч. Лингвокультурологическая специфика обращения в русском и корейском языках // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2010. № 1. С. 77-81.
12. British National Corpus [Электронный ресурс]. URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (дата обращения: 27.10.2020).
13. Modern Family [Электронный ресурс]: television series: in 210 episodes / directed by J. Winer, etc.; 20th Century Fox Television. United States, 2009-2018. URL: <https://ling.online/ru/video/serials/modern-family/> (дата обращения: 27.10.2020).
14. Room [Электронный ресурс]: feature film / directed by L. Abrahamson; Telefilm Canada. Canada – Ireland – United Kingdom – United States, 2015. URL: https://film-smile.su/load/mistika/the_room_komnata_zhelanij_2019/12-1-0-356 (дата обращения: 27.10.2020).
15. 완벽한 타인 [Электронный ресурс]: 장편 영화 / 감독 이재규. 한국, 롯데 엔터테인먼트, 2018 (Близкие незнакомцы: худож. фильм / реж. И Джэ Гю; Lotte Entertainment. Южная Корея, 2018). URL: <https://ok.ru/video/1023590664936> (дата обращения: 27.10.2020).
16. 연애소설 [Электронный ресурс]: 장편 영화 / 감독 이한. 한국, 팝콘필름, 2002 (Любовный роман: худож. фильм / реж. И Хан; «Попкорн фильм». Южная Корея, 2002). URL: <https://ok.ru/video/1099120970297> (дата обращения: 27.10.2020).
17. 범죄도시 [Электронный ресурс]: 장편 영화 / 감독 강윤성. 한국, 흥필름, 2017 (Криминальный город: худож. фильм / реж. Кан Юн Сон; Hong Film. Южная Корея, 2017). URL: <https://ww5.fmovie.sc/online/the-outlaws-2017/watching.html?ep=10> (дата обращения: 27.10.2020).

Pronominal Forms of Address in the English, Russian and Korean Languages

Antonova Anna Aleksandrovna
National Research Tomsk Polytechnic University
anna.Bukova.bykova@mail.ru

The study aims to compare the features of functioning of pronominal forms of address in languages with different structures. The research is novel in that it is the first to conduct a comparative-contrastive analysis of the English, Russian and Korean address pronouns, through which convergent and divergent features of the specified type of addressing are identified. As a result, it was found that English has one neutral pronoun used in all the registers of communication. The author has identified two pronouns in the Russian speech culture and four pronouns in the Korean one. The choice of an address pronoun is determined by pragmatic features of communication in the considered languages.

Key words and phrases: address; pronoun; Russian language; English language; Korean language.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.51>

Дата поступления рукописи: 26.10.2020

Цель исследования – сопоставить темпоральные и референциальные значения английской глагольной временной формы *Present Perfect* с ее русскими функциональными эквивалентами во временной структуре текста. **Научная новизна** работы заключается в том, что сопоставительное исследование формы *Present Perfect* и форм прошедшего совершенного вида и прошедшего несовершенного вида выходит за рамки ядерного значения. **Полученные результаты** продемонстрировали изоморфные черты совершенных форм в обоих языках: системное значение нонкального предшествования, значение количественной темпоральности при длительном действии в высказываниях, обозначение изолированных друг от друга действий в повествовательной рамке текста, выражение таксисных значений нонкального следования и нонкальной симультанности в функции транспозиции.

Ключевые слова и фразы: перфект; темпоральное значение; референциальное значение; нонкальное предшествование; транспозиция.

Демидкина Дарья Александровна, к. филол. н.
Казанский государственный энергетический университет
daria.demidkina1@gmail.com

Темпоральные и референциальные значения временных форм с системной семантикой перфекта в английском и русском языках

Принятие времени в качестве четвертого измерения пространственно-временного континуума является предметом исследования ученых в различных отраслях науки. Согласно исследованиям современных физиков, время не является линейной величиной. Этот интерес к измерению времени, отличному от традиционного, несомненно, не может не отразиться и в других науках, и в лингвистике в частности. На этом фоне проблемы исследования временных форм и анализ их функционирования в контексте с целью выявления референциальных таксисных и нетаксисных значений обуславливают **актуальность** исследования.

В рамках вышеуказанной цели нами были поставлены и реализованы следующие **задачи**:

1. Рассмотрение исторического подхода к функционированию исследуемых форм и выявление их системного значения.
2. Анализ функционирования форм со значением перфекта в английском и русском языках и выявление их референциальных особенностей, а также вторичных функций нейтрализации и транспозиции.
3. Выявление изоморфных черт английского и русского языков в сфере функционирования совершенных временных форм.

В статье применяются следующие **методы исследования**: сравнительно-исторический, сравнительно-типологический и синхронно-сопоставительный методы.

Теоретической базой данного исследования являются работы отечественных и зарубежных лингвистов, принадлежащих к различным языковым школам и направлениям, таких как А. И. Смирницкий, А. В. Бондарко, В. В. Виноградов, Ю. С. Маслов, Н. С. Пospelов, И. П. Иванова, Б. А. Ильиш, Б. Комри, Г. Поутсма.

Практическая значимость исследования заключается в том, что данные, изложенные в статье, могут применяться в лекционных курсах по предметам «Введение в языкознание», «Сравнительно-сопоставительное языкознание», «Теория перевода», а также на практических занятиях по грамматике английского языка в языковых вузах.

Проблема присвоения перфекту статуса аспектуальной, в первую очередь, или темпоральной формы делает его предметом научных дискуссий на протяжении длительного времени. Однако традиционно принято считать,

что «перфект передает законченность действия при незаконченности времени (в противоположность прошедшему времени)» [16, с. 73]. Разнообразные подходы к трактовке значения перфектных форм служат доказательством плана содержания перфекта как системного семантического комплекса, структуру значений которого определяют три категориальных семантических признака: аспектуальный, темпоральный и таксисный [5, с. 91].

В русском языке форма выражения перфектного значения как таковая отсутствует, передача перфектного значения происходит через разноуровневые средства языка, а именно морфологически, лексически, контекстуально.

Традиционно английской временной форме Present Perfect противопоставляют русскую форму прошедшего совершенного вида (СВ) со значением перфекта, однако в ряде случаев возникает необходимость сопоставления и с видо-временной формой прошедшего несовершенного вида (НСВ).

Форма Present Perfect имеет большой потенциал для выражения прагматических значений, что обусловлено особыми условиями ее употребления. В сфере настоящего времени форма перфекта «склонна приобретать особые функции, которых нет у перфекта в других временных сферах» [8, с. 462], как следствие – перфект в настоящем времени требует детального всестороннего изучения.

Необходимо помнить об особенностях образования данной английской временной формы. Грамматическое словосложение вспомогательного глагола to have в настоящем времени и причастия прошедшего времени (Participle II) дает возможность выражать как совершенность в настоящем, так и действие в прошлом, то есть предполагает структурно-семантическую двойственность данной формы. Приведем пример:

“...and I know that the work I *have done*, since I met Dorian Gray, is good work, is the best work of my life” [20, p. 17]. / Я знаю, работа, которую я *выполнил* с того момента, когда встретил Дориана Грея, – очень хорошая, лучшая работа в моей жизни (здесь и далее перевод автора статьи. – Д. Д.).

Данная особенность формы и является первопричиной неразрешенного конфликта относительно временного и аспектуального статусов перфектного значения.

Present Perfect передает прошедшее действие или состояние, которое прочно ассоциируется с настоящим временем и выражает в первую очередь результативность. Временной промежуток между началом совершения действия и моментом речи может составлять как несколько минут, так и более продолжительное время, главное – сохранение связи с моментом речи. He *has waited* for her for a few minutes. / Он ожидал ее в течение нескольких минут. They've *studied* together for years. / Они учились вместе в течение многих лет (авторский пример. – Д. Д.).

Прежде чем рассмотреть перфектное употребление глаголов в современном русском языке, напомним об особенностях использования перфекта в древнерусском языке, поскольку русский язык перестал быть перфектным еще в XVI веке. В древнерусском языке перфект – это «сложная форма прошедшего времени, которая представляла собой сочетание форм настоящего времени вспомогательного глагола БЫТИ и причастия прошедшего времени на -л» [2, с. 326] и обозначала «событие прошедшее (причастие) по отношению к настоящему (глагол)» [6, с. 256].

Анализируя особенности древнерусского перфекта, исследователи отмечали ярко выраженную связь с настоящим временем. Так, в XV-XVI вв. в использовании глаголов прошедшего времени прослеживается приоритет употребления именно перфектных форм: «...в области форм прошедшего времени была полностью утрачена система простых и сложных времен, то есть укрепившаяся и развивающаяся категория глагольного вида вытеснила из языка формы аориста и имперфекта и позволила бывшему причестию на -л в составе старого перфекта стать единой формой прошедшего времени» [3, с. 116]. Говоря о семантике перфекта в данный период, следует отметить взаимодействие в семантической структуре глагола с перфектным значением трех семантических компонентов: результатата, длительности и каузации действия, представленных либо эксплицитно, либо имплицитно [7, с. 87].

Как видно, существует генетическая связь семантики древнерусского перфекта с семантикой глаголов прошедшего времени совершенного вида с перфектным значением в современном русском языке, которые обозначают действие или состояние в прошлом, но результат которого существует в настоящем.

«Видно, мало веры в наше время *стало*, – возразил я, – что-то не слышать про чудеса!» [11, с. 18].

«А теперь господа, благо мы *заговорили* об управляющем, будемте толковать о главном нашем деле» [10, с. 214-215].

Приведенные примеры лишний раз доказывают, что глаголы прошедшего времени несовершенного вида в перфектном значении (к слову сказать, встречающиеся крайне редко) выражают состояние, актуальное для настоящего момента или же для того момента прошлого, о котором идет речь, и характеризуют субъект на данный момент речи.

«Что ни говори, – думал я, – я *видел*, своими глазами *видел* покойного моего гувернера!» [11, с. 17].

«Дамы никак *не ожидали*, что русская фамилия может быть так легко произносима» [10, с. 126].

Таким образом, системным значением перфекта в английском и русском языках является действие прошедшее, связанное с настоящим, актуальное на момент речи, то есть нонкальное предшествование.

Обратимся к референциальным особенностям форм со значением перфекта в английском и русском языках. Во временной структуре текста это значение зависит от акциональной семантики самого глагола. Непредельный глагол выражает значение предшествования моменту речи, в то время как предельный глагол имеет два значения: ядерное временное значение предшествования и периферийное аспектуальное значение терминативности. Таким образом, значение предшествования характерно для всех случаев употребления данных форм. Непереходные глаголы в перфекте выражают процесс, предшествующий моменту речи, переходные же глаголы необходимо рассматривать в зависимости от конклюдивной или неконклюдивной схемы

высказывания. Поясним, высказывание при конклюдивной схеме рассматривается либо с точки зрения субъекта, либо с точки зрения объекта. В первом случае оно имплицитно процесс и реализует нонкальное предшествование: речь идет об акциональном перфекте, и временное значение в данном случае будет первичным. Во втором случае имплицитно состояние высказывания: речь идет о статальном перфекте, а временное значение будет вторичным. В обоих случаях предшествующий процесс предполагается. Высказывания с неконклюдивными конструкциями могут быть рассмотрены лишь с точки зрения субъекта действия, а трактовка их зависит от контекста [1, с. 66-67].

“How glad I am we *have met* with Mrs. Thorpe!” [17, p. 23]. / Как я рад, что мы встретились с миссис Торп.

«Явился Панталеоне и *объявил*, что обед готов» [10, с. 141].

«Вдруг, смотрю, бежит она через калитку ко мне во двор, босая, в одной юбке, и прямо ко мне; *ухватилась* руками за уздечку, вся *опачкалась* в смоле, трясется, плачет...» [12, с. 203].

В приведенных примерах предельные глаголы имеют двойное значение: значение нонкального нетаксисного и в последнем примере таксисного предшествования и значение завершенности действия с результирующим итогом. Значение качественной темпоральности, а именно порядка действия и акта речи, является для предельных глаголов в данной форме первичным значением, в то время как аспектуальное значение – сопутствующим.

Непредельные глаголы при неконклюдивной схеме высказывания реализуют значение порядка действия качественной темпоральности при отсутствии неглагольных средств контекста: “You remember that landscape of mine, for which Agnew offered me such a huge price, but which I would not part with? It is one of the best things I *have ever done*” [20, p. 18]. / Ты помнишь тот мой пейзаж, за который Эгнью предложил мне огромную цену, но с которым я бы не расстался? Это одна из лучших работ, что я когда-либо делал.

«Я на нее *закричал*, ногами затопал, выволок ее в сени и дверь на крючок запер. Иди, кричу, к мужу! Не срами меня перед людьми, бога побойся!» [1, с. 203].

Непредельный глагол, так же как и предельный при конклюдивной схеме, выражает двойное значение: качественной темпоральности, которое является первичным, и качественной аспектуальности, сопутствующее темпоральному независимо от собственного предельного или непредельного акционала глагола.

“I am so sorry she *has not had* a partner” [17, p. 11]. / Мне так жаль, что у нее не было партнера.

«Вон, предатель! – *закричал* наконец Наполеон, забыв в избытке раздражения, что ему следовало до конца выдержать свой французский характер...» [10, с. 142].

Из данных примеров мы видим, что непредельные глаголы выражают только значение предшествования моменту речи. Present Perfect же показывает положение вещей на момент речи, вследствие чего глагол, стоящий в форме Present Perfect, не может сочетаться с обстоятельственными словами, выражающими предшествование.

Формы в позиции перфекта в высказывании также могут иметь значение количественной темпоральности и выражают при этом длительное действие, начавшееся в прошлом, но еще не законченное. В данном случае этот незаконченный отрезок времени может обозначаться обстоятельствами времени с предлогом (for, for ages, for years, since и т.п.):

“I *haven't spoken* to a white person *for two years*” [18, p. 49]. / Я не разговаривал с белым человеком в течение двух лет.

“My sweetest Catherine, how *have you been this long age*?” [17, p. 58]. / Моя милая Кэтрин, как ты поживала целую вечность?

“*Since I have known* you, Harry, I *have discovered* that” [20, p. 77]. / С тех пор как я знаю вас, Гарри, я обнаружил это.

«Что он *сделал за эти два года*, пока живет здесь?» [13, с. 225].

Приведенные примеры показывают, что действие, начавшееся в прошлом, а именно до момента речи или какого-либо момента в настоящем, принятого за орцентрическую точку, происходит вплоть до данного момента. В подобном случае сама форма времени выражает только нонкальное нетаксисное предшествование действия момента речи, то есть нулевой референциальной точке, и нонкальное таксисное предшествование относительно орцентрической глагольной референциальной точки (последний пример). В то время как длительный характер действия передают лексические средства или синтаксическое построение предложения.

Отметим, что некоторые авторы, в частности И. П. Иванова, Г. Н. Воронцова, О. Есперсен, Брайан, выделяют так называемое *инклюзивное* значение Present Perfect (*inclusive perfect*), когда перфект обозначает незаконченное действие, продолжающееся до момента речи. Это значение качественно-количественной темпоральности при систематизированном контексте выявляется в обоих языках при наличии обстоятельств частотности, указывающих на незаконченный период времени.

“I *have always been* my own master...” [20, p. 12]. / Я всегда был сам себе хозяин...

“...and my sister *has often trusted* me in the choice of a gown” [17, p. 15]. / ...моя сестра часто доверяет мне в выборе платья.

“I *have sometimes thought*, said Catherine, doubtingly, whether ladies do write so much better letters than gentlemen” [Ibidem]. / «Я иногда задумывалась, – сказала Кэтрин с сомнением, – правда ли, что женщины пишут письма намного лучше мужчин».

Так, в указанных примерах Present Perfect имеет значение многократности действий, поскольку взаимодействует с аспектуальной семантикой обстоятельств ‘always’, ‘often’, ‘sometimes’. Однако инклюзивное значение не является присущим самой форме, так как возникает лишь под воздействием систематизированного контекста. В свою очередь, перфект непредельного глагола в приведенных примерах при отсечении обстоятельства незаконченного времени приобретает значение действия, прекращенного ранее момента речи.

Лингвистическая литература выделяет два типа перфекта: ориентированный в прошлое – акциональный и ориентированный в настоящее – статальный. В понимании Ю. С. Маслова, акциональный перфект близок к аористическому значению, он обозначает результат прошлого действия, актуального в настоящем.

“My dear Catherine”, said she, “do take this pin out of my sleeve. I am afraid it *has torn* a hole already” [Ibidem]. / «Моя дорогая Кэтрин, – сказала она, – выньте булавку из моего рукава. Боюсь, она уже прорвала дыру».

«Вот, – подумал он, – вот теперь *завертелась* жизнь! Да и так *завертелась*, что голова кругом *пошла*» [10, с. 171].

Опираясь на приведенные примеры, мы еще раз утверждаемся во мнении о том, что глаголы в перфектном значении выражают некальное нетаксисное предшествование относительно нулевой референциальной точки.

Статальный перфект обозначает состояние как результат прошедшего действия, а также состояние, связанное с качественной характеристикой субъекта действия. Он выражает либо постоянные, либо временные признаки описываемого предмета. Глаголы с перфектным значением статальной разновидности, по мнению Г. Ф. Лебедевой, показывают длительное состояние субъекта и кратковременное, зависящее от ситуации [4, с. 130].

“Since I *have known* you, Harry, I *have discovered* that” [20, p. 77]. / ...с тех пор как я узнал вас, Гарри, я понял это.

«В этом году в Арктике *установилась* необычно теплая погода – тридцать лет такой не было, и от ледника, толстой корой сковавшего северные воды, одна за другой стали откалываться ледяные горы» [9, с. 312]. В этих примерах Present Perfect и форма прошедшего времени глаголов СВ в перфектном значении выражают значения некального нетаксисного предшествования относительно момента речи.

“And I *have caught* the effect I wanted – the half-parted lips, and the bright look in the eyes” [20, p. 29-30]. / И я поймал то выражение, которое хотел, – полуоткрытые губы и яркий блеск в глазах.

«Года два ты прожил в любви, а теперь, очевидно, твоя семейная жизнь *вступила* в тот период, когда ты, чтобы сохранить равновесие, так сказать, должен пустить в ход все свое терпение...» [13, с. 213].

В данных примерах глаголы в перфектном значении выражают некальное таксисное предшествование относительно орцентрической глагольной референциальной точки. В следующем примере также появляется значение некальной нетаксисной одновременности, поскольку нулевой референциальной точке предшествует только начало действий, результат же присутствует в настоящем: «Какова? *раскраснелась*, глаза блестят...» [14, с. 398].

Важно отметить, что Present Perfect неспособен употребляться в повествовании, где требуется передача последовательных, связанных во времени действий. Даже если в тексте формы перфекта следуют одна за другой, они передают изолированные действия, законченные в сфере настоящего, безотносительно друг к другу: “They’ve *been away* on business, but they’ve *just come back*. You’ll be surprised when you’ve *seen* them. I’ve *trained* them with me own...” [19, p. 217]. / Они были в командировке, но они только что вернулись. Вы будете удивлены, когда увидите их. Я обучил их сам...

В русском же языке при сочетании ряда форм прошедшего совершенного времени в перфектном значении в контексте возникает не «цепь» сменяющих друг друга последовательных действий, а «пучок» одновременных состояний. Если этому не препятствует смысл контекста, возможны даже изменения порядка следования глаголов без изменения временного соотношения действий-состояний.

«В больничном дворе стоит небольшой флигель, окруженный целым лесом репейника, крапивы и дикой конопли. Крыша на нем ржавая, труба наполовину *обвалилась*, ступеньки у крыльца *сгнили* и *поросли* травой, а от штукатурки *остались* одни только следы. Передним фасадом обращен он к больнице, задним глядит в поле, от которого отделяет его серый больничный забор с гвоздями» [15, с. 333].

В приведенном примере глаголы в перфектном значении не обозначают строгой последовательности действий, они одновременны в своем наличном результате. Напротив, включение в цепь последовательных действий глаголов, имеющих перфектное значение, влечет за собой утрату данного значения. В результате чего действия, последовательно вытесняемые друг другом, принимают аористическое значение.

В функции **нейтрализации** перфектные формы в обоих языках могут иметь вневременное, обобщенное (гномическое) значение, чаще всего встречающееся в пословицах и поговорках.

Vacchus *has drowned* more men than Neptune. / Вахх утопил больше людей, чем Нептун (вино погубило больше людей, чем море).

Who *has never tasted* bitter, knows not what is sweet. / Кто никогда не пробовал горького, не знает, что такое сладкое (все познается в сравнении).

Сегодня пир горой, а завтра *пошел* с сумой.

Корове седло *не пристало*.

Игла в стог *попала* – пиши – *пропало*.

В функции **транспозиции** формы с системной семантикой перфекта могут употребляться при обозначении будущих действий, выражая при этом некальное следование.

“The reason I will not exhibit this picture is that I am afraid that I *have shown* in it the secret of my own soul” [20, p. 11]. / Причина, по которой я не буду выставлять эту картину, в том, что боюсь, я покажу в ней тайну моей души.

“You’ll be surprised when you’ve *seen* them” [19, p. 217]. / Ты будешь удивлен, когда увидишь их.

«Чтобы никто *не видел?* – спросил он, придав своему лицу выражение знаменательное и таинственное: мы, дескать, понимаем, в чем вся суть!» [10, с. 177].

Если мы опоздаем, мы *пропали* (здесь и далее авторские примеры. – Д. Д.).

Такое употребление присуще и эмоционально-экспрессивным предложениям.

Так я и *поверил!*

В сочетании со средствами контекста перфектные формы могут также обозначать действие, которое заканчивается в момент речи, то есть выражают одновременность действия с МР.

О.К. *I have gone away, see you tomorrow.* / Ладно, я *ушла*, увидимся завтра.

«Вы не хотите, чтобы я тут же сейчас *умерла* перед вами?» [Там же, с. 170].

В обоих примерах глаголы, употребленные в перфектном значении, обозначают действия, заканчивающиеся в момент речи, и выражают значение неканальной одновременности относительно нулевой референциальной точки.

Таким образом, можно сформулировать следующие **выводы**. Для обоих языков характерно наличие изоморфных черт в сфере функционирования глагольных форм со значением перфекта. Ядерным значением Present Perfect, прошедшего СВ и в редких случаях прошедшего НСВ в позиции перфекта является неканальное таксисное или нетаксисное предшествование, которое покрывает значения видовые, являющиеся периферийными для данной временной формы. В обоих языках формы, функционирующие со значением перфекта, могут употребляться во вторичных синтаксических функциях: и в функции нейтрализации, и в функции транспозиции проявляют сходство. В повествовательной рамке текста перфектные формы передают изолированные безотносительно друг к другу действия, законченные в сфере настоящего.

Проведенный анализ позволяет предположить, что выявленные темпоральные значения и референциальное поведение временных форм со значением перфекта в английском и русском языках универсальны и могут быть обнаружены и в других языковых системах, что обуславливает **перспективу дальнейших исследований**.

Список источников

1. **Закамулина М. Н.** Темпоральность во французском и татарском языках: слово, высказывание, текст. Казань: Татарское книжное изд-во, 2000. 288 с.
2. **Историческая грамматика русского языка** / под ред. В. В. Иванова. М.: Просвещение, 1990. 398 с.
3. **Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол** / под ред. Р. И. Аванесова, В. В. Иванова. М.: Наука, 1982. 436 с.
4. **Лебедева Г. Ф.** Употребление глагольных форм прошедшего времени совершенного вида в перфектном значении в современном русском языке: дисс. ... к. филол. н. М., 1956. 220 с.
5. **Мурашов Р. З.** Некоторые проблемы контрастивной аспектологии // Вопросы языкознания. 2001. № 5. С. 86-112.
6. **Потебня А. А.** Из записок по русской грамматике: в 4-х т. М.: Учпедгиз, 1958. Т. 1, 2. 536 с.
7. **Русанова С. В.** О функционировании претеритных форм старорусского глагола в памятнике «Слово Афанасия Александрийского» // Актуальные проблемы теории текста / ред. С. В. Русанова. Улан-Удэ: БГУ, 1999. С. 85-119.
8. **Тирофф Р.** Вид и его взаимосвязь с временем // Типология вида. Проблемы, поиски, решения / отв. ред. М. Ю. Чертова. М.: ЯСК, 1998. С. 454-465.
9. **Толстая Н. Н.** Небо в алмазах // Толстая Н. Н. Двое: разное. М.: Подкова, 2002. С. 311-328.
10. **Тургенев И. С.** Вешние воды // Тургенев И. С. Собрание сочинений: в 5-ти т. М.: Русская книга, 1994. Т. 3. Повести и рассказы 1869-1883 годов. С. 119-242.
11. **Тургенев И. С.** Странная история // Тургенев И. С. Собрание сочинений: в 5-ти т. М.: Русская книга, 1994. Т. 3. Повести и рассказы 1869-1883 годов. С. 7-26.
12. **Чехов А. П.** Бабы // Чехов А. П. Избранное: в 3-х т. М.: Векта, 1994. Т. 2. Рассказы. Повести. С. 198-209.
13. **Чехов А. П.** Дуэль // Чехов А. П. Избранное: в 3-х т. М.: Векта, 1994. Т. 2. Рассказы. Повести. С. 210-308.
14. **Чехов А. П.** Медведь // Чехов А. П. Избранное: в 3-х т. М.: Векта, 1994. Т. 3. Рассказы. Повести. Пьесы. С. 388-401.
15. **Чехов А. П.** Палата № 6 // Чехов А. П. Избранное: в 3-х т. М.: Векта, 1994. Т. 2. Рассказы. Повести. С. 333-384.
16. **Ярцева В. Н.** Контрастивная грамматика. М.: Наука, 1981. 111 с.
17. **Austen J.** Northanger Abbey. L.: Penguin Books, 1994. 236 p.
18. **Maugham W.** Flotsam and Jetsam // Maugham W. Selected Short Stories. M.: Manager, 2005. P. 42-79.
19. **Maugham W.** In a Strange Land // Maugham W. Selected Short Stories. M.: Manager, 2005. P. 212-218.
20. **Wilde O.** The picture of Dorian Gray. M.: Manager, 2004. 304 p.

Temporal and Referential Meanings of Tense Forms with Systemic Semantics of Perfect in English and Russian

Demidkina Daria Alexandrovna, PhD
Kazan State Power Engineering University
daria.demidkina1@gmail.com

The study aims to contrast temporal and referential meanings of the English verb tense form Present Perfect with its Russian functional equivalents in the tense structure of a text. The work is novel in that the contrastive study of the Present Perfect form and Past Perfective and Past Imperfective forms goes beyond the core meaning. The attained results have demonstrated that both the languages have isomorphic features of Perfect forms: systemic meaning of nunc precedence, meaning of quantitative temporality for a continuous action in utterances, designation of actions isolated from each other in the narrative frame of a text, expression of taxis meanings of nunc succession and nunc simultaneity in the function of transposition.

Key words and phrases: Perfect; temporal meaning; referential meaning; nunc precedence; transposition.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.52>

Дата поступления рукописи: 10.11.2020

Цель исследования – на материале российских и болгарских версий глянцевого журналов выявить особенности освоения новейших англицизмов в славяноязычных текстах СМИ. **Научная новизна** работы заключается в том, что в ней впервые проводится сопоставительное исследование закономерностей адаптации новейших англицизмов в русско- и болгароязычных журнальных изданиях для целевой аудитории. **В результате** анализа выявлено, что большинство лексем находится на этапе активного освоения языками-реципиентами, так как уже не представляются инородными для них (пишутся без кавычек и пояснений), но ещё не являются кодифицированными. При отсутствии в словарях зафиксированного значения некоторые из англицизмов образуют производные лексемы.

Ключевые слова и фразы: заимствования; новейшие англицизмы; гляцевые издания для женской аудитории; сопоставительная лингвистика; славянские языки.

Киселева Лариса Айратовна, д. филол. н., доц.

Плешанова Мария Алексеевна

Башкирский государственный университет, г. Уфа

larisakiseleva2015@yandex.ru; pleshanova.m.a@yandex.ru

Специфика адаптации новейших англицизмов в славянских языках (на материале русской и болгарской версий журналов “Elle”, “Cosmopolitan” и “Glamour”)

Существенное отличие лексического фонда любого языка как составной части единой языковой системы от фонетического, морфологического и синтаксического уровней состоит прежде всего в его непосредственной обращённости к действительности и, следовательно, гибкости. В лексике в первую очередь отражаются изменения, происходящие в культурной и социальной жизни носителей языка. В этом случае велика роль средств массовой информации, поскольку именно публицистические тексты отражают изменения, происходящие на лексическом уровне языка, а в ряде случаев являются первым письменным фиксатором новых слов, в том числе заимствованных. Более того, иноязычные слова часто адаптируются в языке благодаря СМИ, которые формируют «моду» на их повсеместное распространение и употребление.

Несмотря на приобретённый исследовательский опыт в сфере изучения англоязычных заимствований, недостаточно, на наш взгляд, разработан сопоставительный аспект, предполагающий сравнение функциональных характеристик заимствований (прежде всего англицизмов) в родственных языках, в данном случае – славянских, использующих кириллическое письмо. Этим фактором определяется **актуальность** настоящей работы. Именно заимствования отражают происходящие в мире изменения, выполняют в устной речи и на письме разнообразные функции, а их детальный анализ позволяет понять, насколько гибкими становятся лексические системы разных языков в условиях интенсивных межкультурных и межэтнических контактов.

В ходе исследования решаются следующие **задачи**: 1) с опорой на материал русско- и болгароязычных гляцевых изданий для женской аудитории выявить перечень представленных в них новейших англицизмов; 2) распределить рассматриваемые лексические единицы в соответствии с наиболее известными классификациями степени адаптации заимствований, предложенными отечественными лингвистами; 3) определить степень освоения новейших англицизмов в русско- и болгароязычных текстах СМИ.

В работе используются такие **методы исследования**, как описательно-сопоставительный, с помощью которого выявляются сходства и различия в лексических системах родственных славянских языков, а также компонентный, контекстуальный и функционально-семантический анализ лексических единиц.

Теоретической базой нашего исследования послужили труды отечественных и болгарских лингвистов, посвящённые проблеме заимствований [2-4; 7; 8; 10; 11], в том числе англоязычных [1; 4; 5; 12].

Сопоставление корпусов новейшей иноязычной лексики в родственных языках имеет большую **практическую значимость**, поскольку его результаты могут быть учтены при разработке общих и специальных вузовских курсов (общее языкознание, современный русский/болгарский языки, практическая стилистика, контрастивная лингвистика и др.), в лексикографической практике (при составлении толковых, неологических, двуязычных словарей и т.д.), в переводческой деятельности, в процессе создания и редактирования медиатекстов и т.д.

Фактический материал был отобран нами путём сплошной выборки из статей русских и болгарских редакций международных гляцевых журналов для женской аудитории “Cosmopolitan”, “ELLE” и “Glamour” [13-18]. Заимствования, относительно недавно появившиеся в языке, принято обозначать терминами «новейшие» либо «заимствования-неологизмы», что указывает на их принадлежность к неологии. При этом существует чёткое разграничение между неологизмом и заимствованием-неологизмом: «Заимствование-неологизм понимается как новая лексическая единица, образованная посредством ресурсов собственного языка на основе иноязычной лексической единицы, либо элемент чужого языка, перенесённый из одного языка в другой посредством языковых контактов» [12, с. 11]. Главной особенностью новейших иноязычных слов является

их некодифицированность. Они ещё не вошли в систему языка в качестве регулярных лексических единиц и не получили отражение в лексикографических источниках: толковых словарях и словарях новых слов. Следовательно, говоря о хронологических рамках бытования новейших англицизмов, которые послужили фактическим материалом настоящего исследования, необходимо также иметь в виду даты публикации словарей, на которые мы ориентировались. Таким образом, в данной работе новейшими англицизмами называются англоязычные единицы, заимствованные в течение последних пяти лет.

Проведённый анализ показал, что в текстах русско- и болгароязычных версий рассматриваемых глянцевого журналов функционируют англицизмы, относящиеся к двум основным тематическим группам: «мода» и «красота». Внутри первой группы нами выделены такие подгруппы, как «одежда», «обувь, сумки и аксессуары», «стили в одежде»; внутри второй – «продукты декоративной косметики», «средства для ухода за кожей», «техники макияжа», «косметологические процедуры» и «парикмахерское искусство». Кроме того, были обнаружены лексемы, которые находятся вне перечисленной классификации, поскольку имеют семантику, не ограниченную сферами моды и красоты.

Адаптация заимствованной лексики на почве языка-реципиента является диахроническим процессом, в результате которого одно состояние лексического фонда постепенно сменяется другим. В настоящей статье мы распределяем исследуемый лексический материал в соответствии с тремя наиболее известными классификациями лингвистов, чьи работы посвящены проблеме заимствований: В. М. Аристовой [1], Л. П. Крысина [8] и А. И. Дьякова и Е. А. Золотарёвой [5]. Одна из ранних адаптационных моделей была разработана В. М. Аристовой, которая понимает адаптацию иноязычных слов в принимающем языке как весьма длительный процесс, проходящий в три этапа: проникновение, усвоение и укоренение [1, с. 50-78]. Вслед за В. М. Аристовой мы распределим анализируемую нами лексику по обозначенным трём ступеням.

Проникновение нового слова является начальным этапом его адаптации в принимающем языке. Иноязычная лексема ещё связана с языком-донором, но так как она часто начинает употребляться в устной речи и на письме, то постепенно приживается. Это и есть период заимствования, или вхождения, а так как язык-реципиент «привыкает» к заимствованию постепенно, то, по мнению В. М. Аристовой, «первоначально оно может записываться при помощи своей графической системы» [Там же, с. 50]. Согласно данной теории к этой группе относятся англицизмы, записанные исключительно латиницей, поскольку они не ассимилированы языком и автоматически относятся к классу неадаптированных заимствований. Так, слова *anti-age* «антивозрастной» (здесь и далее буквальный и описательный перевод выполнен к. филол. н., доц. З. В. Тодосиенко. – Л. К., М. П.), *baby-face* «кукольное личико», *clean-beauty* «безвредная косметика», *it-bag* «дорогая дизайнерская сумочка», представленные в русскоязычных глянцевого журналах, и лексемы *boyfriend jeans* «джинсы бойфренд», *glitter* «разноцветные декоративные, мелко нарубленные и рассыпчатые блёстки», *lookbook* «коллекция фотографий, составленная для демонстрации модели, фотографа, стиля, стилиста или линии одежды», *tom jeans* «прямые джинсы свободного кроя», *must have* «обязательный набор каких-либо качеств или вещей, атрибутов», *preppy* «стиль в одежде, произошедший от школьной формы учащихся “pre-college preparatory” – престижных колледжей, готовящих молодёжь к поступлению в элитные высшие учебные заведения и университеты», *total look* «комплект одежды, выполненный в одном цвете», *wish list* «список, в котором зафиксированы все желания человека», отмеченные в болгароязычных источниках, находятся на этапе проникновения в язык.

Второй ступенью на пути к полной адаптации иноязычного слова, согласно мнению В. М. Аристовой, является его усвоение. На данном этапе говорящие пытаются приспособить заимствование к системе родного языка, то есть его «пустую» звуковую форму они стараются наполнить содержанием близко звучащего исконного слова. К таким заимствованиям лингвист относит слова с вариативным или смешанным графическим написанием, в котором смешивается латинское и кириллическое письмо. Следовательно, в данную группу входят слова *tom-джинсы / джинсы tom's*, *колер-блок / colorblocking* «стиль одежды, в котором сочетаются яркие комплементарные цвета», *маст-хэв / must-have* и др., выявленные нами в русскоязычных источниках. В болгароязычных глянцевого изданиях также встречаются вариативные употребления лексем: *антиейдж / anti-age*, *кежуал / кежуэл / casual* «повседневный стиль одежды», *стрит стил / street style* «уличный стиль одежды» и др.

Третьим этапом является прочное укоренение заимствованного слова на почве языка-реципиента. На данной ступени лексемы широко употребляются в речи, становятся самостоятельными и могут обрести производными словами, а также образовывать аббревиатуры. Так, если иметь в виду выделенные нами единицы, то на данном этапе находится минимум из них: например, таковы, прилагательные *шиммерный* и *глиттерный*, которые имеют значение «блестящий или имеющий блёстки» и происходят от слов *шиммер* и *глиттер* соответственно, а также болгарское существительное *капсула*, образующее производное прилагательное *капсулна* (коллекция).

В отличие от В. М. Аристовой, Л. П. Крысин расширяет процесс адаптации, выделяя пять его основных этапов:

1. На начальном этапе ассимиляции иноязычного слова в языке-реципиенте лексема употребляется на письме в её исконной орфографической (а в устной речи – фонетической) и грамматической форме.
2. На следующем по счёту этапе слово приспособляется к системе заимствующего языка и принимает его графику.
3. Третий этап на пути к полной ассимиляции слова в принимающем языке – это утрата сопроводительных комментариев на письме и в речи, а «носители языка перестают ощущать непривычность иноязычного слова» [8, с. 74].
4. Четвёртой, предпоследней, ступенью является утрата жанрово-стилистических, ситуативных и социальных особенностей заимствованного слова.

5. На завершающем этапе происходит регистрация иноязычного слова в толковом словаре, что говорит о его полной адаптации [Там же].

В соответствии с классификацией, разработанной Л. П. Крысиным, отобранные нами англицизмы находятся между первым и четвёртым этапами адаптации. Для того чтобы понять, переступают ли некоторые англицизмы через четвертую ступень, необходимо учитывать как тематически, так и стилистически разные контексты их употребления. Однако в рамках настоящей статьи мы рассматриваем англицизмы лишь в рамках публицистического стиля (журнальной прессы), что не даёт весомых оснований говорить о данном преадаптированном статусе исследуемых лексем.

Одна из недавних классификаций иноязычной лексики по признаку адаптированности в принимающем языке принадлежит А. И. Дьякову и Е. А. Золотарёвой. В своей статье «Адаптационная модель англицизмов» авторы распределяют англицизмы по степени ассимилированности (согласно критерию освоенности/неосвоенности) по трём группам: освоенные, полуосвоенные и неосвоенные англицизмы. К первой группе учёные относят лексические единицы, отвечающие всем критериям освоенности: «...частотность употребления, отсутствие однословного эквивалента, кодифицированность, социальная значимость, долговременность существования, долгосрочный потенциал существования в речи, непринадлежность к сленгу, полифункциональность» [5, с. 247].

Если ориентироваться на данную классификацию, то ни один выявленный нами англицизм не относится к группе адаптированных, поскольку одним из факторов выбора и дальнейшего анализа иноязычного слова является отсутствие его зафиксированного значения в лексикографических источниках, которое указывает на его некодифицированность. Кроме того, у некоторых англицизмов был выявлен однословный эквивалент: например, слово *аутфит*, которое встречается как в русско-, так и в болгароязычных глянцевах журналах, можно заменить русским словом *образ* и болгарским *облик*. Слово *glitter*, фигурирующее в русскоязычных текстах, и то же слово в болгарских статьях, только написанное латиницей (*glitter*), можно заменить русской лексемой *блэстки* и болгарской *блясък*. Лишь недавно проникшее в болгарский язык слово *тренд* (в отличие от русского аналога, который употребляется уже давно) имеет абсолютное семантическое соответствие – *тенденция*, а слово *хидратация* практически вытеснило из употребления в индустрии красоты лексему *овлажняване*, которая является идентичной по смыслу.

К группе полуосвоенных англицизмов относятся заимствования из английского языка, вошедшие недавно и неизвестные широкому кругу говорящих по причине того, что они обслуживают узкоспециализированную сферу, а если и помещены в словари, то с пометой «редк.». А. И. Дьяков также отмечает, что «в случаях, когда англицизм малоизвестен, а пояснений в тексте нет, ответственность за полноценную коммуникацию ложится полностью на контекст» [4, с. 19]. Важно, что иноязычные слова данной группы уже адаптировались к фонетическим, графическим, морфологическим, деривационным и словообразовательным нормам русского языка, но при этом не отвечают некоторым критериям (чаще всего это кодифицированность, частотность и социальная значимость) [5, с. 247]. Исходя из данного определения, в ряду выявленных нами англицизмов к группе полуосвоенных заимствований можно отнести почти все слова, переданные кириллицей. Так, к данной группе заимствований в обязательном порядке относятся лексемы, имеющие производные слова, например: прилагательное *капсульный* (*гардероб*) от существительного *капсула* в русском языке, глаголы *хидратира* и *детоксикира* от существительных *хидратация* и *детокс* соответственно в болгарском языке.

В группу неосвоенных языком англицизмов включают окказионализмы и трансплантаты. В трактовке А. И. Дьякова и Е. А. Золотарёвой окказионализмами являются «заимствования, находящиеся в процессе вхождения в русский язык, их потенциал функционирования в языке-реципторе находится под сомнением. Слова этой группы функционируют “окказионально” – от случая к случаю для выполнения прагматических функций» [Там же, с. 248]. В рамках данной работы об окказиональности анализируемых нами лексем говорить сложно, так как при их отборе мы учитывали частотность употребления в статьях под разным авторством, размещённых на различных веб-сайтах рассматриваемых глянцевах журналов. Тем самым мы старались исключить смешение авторских неологизмов с новейшими англицизмами.

Трансплантатами являются иноязычные слова (в нашем случае – англицизмы), не освоенные графически в языке-реципенте, зафиксированные с помощью алфавита языка-донора. Трансплантаты выполняют в письменной речи ряд прагматических функций, в частности эмотивную, декорирующую и аттрактивную (стимулирующую читательский интерес) (об эмотивном плане текстов см. [6; 9]). Проанализировав степень графического освоения новейших англицизмов, мы выявили несколько единиц, которые употребляются в не-транслитерированном виде: *anti-age*, *baby-face*, *clean-beauty*, *it-bag* в русскоязычных текстах и *boyfriend jeans*, *glitter*, *lookbook*, *mom jeans*, *must have*, *preppy*, *total look*, *wish list* в болгароязычных статьях. Среди анализируемых нами англицизмов были зафиксированы также лексемы с вариативным написанием, что указывает на их неосвоенность в принимающих языках.

Заимствованные слова часто настолько хорошо приспособляются к системе воспринимающего языка и усваиваются им, что их иноязычное происхождение не ощущается носителями языка и обнаруживается только в результате этимологического анализа. Осуществив классификацию выявленных нами англицизмов по разным адаптационным моделям, предложенным В. М. Аристовой и А. И. Дьяковым, мы можем утверждать, что эти лексические единицы находятся на начальных этапах ассимиляции в русском и болгарском языках. Заимствование считается активным процессом в разрезе истории языка: язык-реципент не просто воспринимает чужое слово, а так или иначе включает его в сеть своих внутренних системных отношений. Однако даже с учётом глобализации, которая является ключевым фактором экспансии заимствований, русско- и болгарскому языкам необходимо довольно длительное время для освоения англицизмов в связи с отличным от кириллической системы письмом.

Рассмотрев особенности адаптации новейших англицизмов в русско- и болгароязычных текстах глянце-вых журналов для женской аудитории, мы пришли к следующим **выводам**:

1. В анализируемых медиатекстах представлен довольно широкий перечень новейших англицизмов (69 единиц в русскоязычных изданиях, 51 – в болгароязычных), при этом многие лексемы совпадают в обоих языках, а некоторые из них даже имеют одинаковое графическое оформление. Значительная часть англицизмов в обоих языках оказалась наименованиями новых явлений и предметов, в частности косметических средств, пришедших на российский и болгарский потребительские рынки с Запада. Однако есть и слова, обладающие однословными абсолютными эквивалентами в языках-реципиентах, что означает выполнение англицизмами не только исключительно номинативной, но и прагматической функций в тексте.

2. Процесс ассимиляции англицизмов в русском и болгарском языках происходит относительно равномерно, при этом почти все исследуемые лексемы находятся на этапе активного освоения языками-реципиентами (являются полуосвоенными по классификации А. И. Дьякова), поскольку уже не представляются инородными для них (пишутся без кавычек и пояснений), но ещё не выступают как кодифицированные.

3. При отсутствии в словарях зафиксированного значения некоторые из рассматриваемых англицизмов оказались способны к образованию производных лексем других частей речи. Именно такие единицы находятся ближе остальных на пути к полной адаптации в рамках лексической системы языка-реципиента.

Подчеркнём также, что полученные нами результаты можно считать несколько парадоксальными. Широко известно, что при рассмотрении причин заимствований следует учитывать особенности политико-экономической и историко-культурной ситуации в стране проживания носителей языка-реципиента. Если социальным «толчком» для преобразования русского языка стал распад СССР в 1991 году, который повлёк за собой целую череду новообразований, то отправной точкой для дальнейшего изменения болгарского языка стал 1989 год. Обозначаемая термином «бархатная (нежная) революция» серия мирных гражданских протестов, произошедших в некоторых странах Восточной Европы с целью перехода от социалистической системы к либеральной, повлекла за собой существенные изменения в славянских языках, прежде всего в их лексическом строе. В дальнейшем экспансия заимствований была подкреплена внеязыковыми факторами, а именно курсом многих славянских государств (в том числе Болгарии) на евроинтеграцию. Однако, как показывают результаты нашего исследования, следование этому курсу ещё не ведёт к кардинальным изменениям лексического фонда болгарского языка (сильно отличным от процессов в русском языке), которые выступали бы как следствие всесторонней модернизации общественной жизни, развития туризма и тесных связей с другими европейскими государствами.

К **перспективам дальнейшего исследования** заявленной проблематики можно отнести углублённый сопоставительный анализ особенностей адаптации новейших англицизмов в русско- и болгароязычных текстах разной стилистической, жанровой и тематической направленности. Кроме того, большой интерес представляет изучение данной проблематики в прикладном аспекте, с позиций таких лингвистических направлений, как переводоведение, лингводидактика и т.д.

Работа выполнена при финансовой поддержке Конкурса на предоставление грантов Главы Республики Башкортостан в форме субсидий, направленных на сохранение и развитие государственных языков Республики Башкортостан и языков народов Республики Башкортостан, проект № 1470 («Русский язык как основа культурной и социальной интеграции в полиэтничном пространстве»).

Список источников

1. **Аристова В. М.** Англо-русские языковые контакты (англицизмы в русском языке). Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1978. 150 с.
2. **Благоева Д.** Към концепцията за речник на най-новата лексика в българския език // *Aut inveniam viam, aut faciam*: сборник в чест на чл.-кор. проф. д.ф.н. Стоян Буров. Велико Търново: Св. св. Кирил и Методий, 2019. С. 510-523.
3. **Бояджиев Т.** Националният език в условията на чуждо влияние и глобализация [Электронный ресурс]. URL: https://liternet.bg/publish19/t_boiadzhiev/nacionalniiat.htm (дата обращения: 15.11.2020).
4. **Дьяков А. И.** Статика и динамика англицизмов в системе русского языка: многоаспектное лингвистическое моделирование: автореф. дисс. ... д. филол. н. Омск, 2015. 51 с.
5. **Дьяков А. И., Золотарёва Е. А.** Адаптационная модель англицизмов // *Научные исследования: от теории к практике*. 2016. № 3 (9). С. 245-255.
6. **Киселева Л. А.** Современная лингвистика эмоций: постклассический этап // *Научные доклады высшей школы. Филологические науки*. 2020. № 2. С. 11-18.
7. **Колковска С., Благоева Д.** Към въпроса за езиковата икономия в новата българска лексика // *Списание на БАН*. 2012. № 6. С. 16-21.
8. **Крысин Л. П.** Этапы освоения иноязычного слова // *Русский язык в школе*. 1991. № 2. С. 74-75.
9. **Мальцева Д. А., Киселева Л. А.** Языковая репрезентация эмоциональных доминант лингвокультуры в современных газетных СМИ // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2018. № 4 (127). С. 111-117.
10. **Маринова Е. В.** Иноязычная лексика современного русского языка. М.: Флинта; Наука, 2012. 288 с.
11. **Пернишка Е.** Тенденции за интернационализация и за запазване на националната идентичност на българската лексика от битовата концептосфера (в период 1990-2004) // *Националният език в условията на чужди влияния и глобализация: научна конференция, посветена на 125-годишнината от рождението на акад. Стефан Младенов (г. София, 28-29 юни 2005): доклади*. София: СУБ, 2006. С. 148-160.
12. **Синицын А. В.** Функционирование англоязычных заимствований-неологизмов в медийном дискурсе французского языка: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 2014. 23 с.
13. **Cosmopolitan** [Электронный ресурс]: болгарский портал журнала. URL: <https://www.cosmopolitan.bg/> (дата обращения: 06.11.2020).

14. **Cosmopolitan** [Электронный ресурс]: российский портал журнала. URL: <https://www.cosmo.ru/> (дата обращения: 02.11.2020).
15. **ELLE** [Электронный ресурс]: болгарский портал журнала. URL: <https://www.elle.bg/> (дата обращения: 07.11.2020).
16. **ELLE** [Электронный ресурс]: российский портал журнала. URL: <https://www.elle.ru/> (дата обращения: 02.11.2020).
17. **Glamour** [Электронный ресурс]: болгарский портал журнала. URL: <https://www.glamour.bg/> (дата обращения: 07.11.2020).
18. **Glamour** [Электронный ресурс]: российский портал журнала. URL: <https://www.glamour.ru/> (дата обращения: 05.11.2020).

Specifics of Newly Appeared Anglicisms Adaptation in the Slavonic Languages (by the Material of the Russian and Bulgarian Editions of the “Elle”, “Cosmopolitan” and “Glamour” Magazines)

Kiseleva Larisa Ayratovna, Dr
Pleshanova Mariya Alexeevna

Bashkir State University, Ufa

larisakiseleva2015@yandex.ru; pleshanova.m.a@yandex.ru

The paper aims to reveal specifics of newly appeared Anglicisms adaptation in the language of the Slavonic mass media. The research material includes articles from the Russian and Bulgarian editions of glossy magazines. Scientific originality lies in the fact that the authors for the first time provide a comparative study on adaptation of newly appeared Anglicisms in the language of the Russian and Bulgarian editions of women's glossy magazines. The conducted analysis allows concluding that the majority of borrowings are in the process of adaptation in the system of the recipient language: they are not considered “foreign” (spelling without inverted commas, lack of explanatory references), but have not become codified yet. Some Anglicisms, which are not represented in dictionaries, form derivative lexemes.

Key words and phrases: borrowings; newly appeared Anglicisms; women's glossy magazines; comparative linguistics; Slavonic languages.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.53>

Дата поступления рукописи: 02.11.2020

Цель исследования – на основе трудов Н. Литвинова выявить основные принципы классификации иероглифических знаков. *Научная новизна:* подход Н. Литвинова представляет новый взгляд на проблему изучения ключевых иероглифических знаков. В отличие от классической модели распределения графем по тематическим группам, автор нового подхода предоставил комплексное компаративистское исследование отдельных знаков по парам в зависимости от их семантико-морфологических признаков, значения в традиционной китайской философии и культуре и корреляции с языками других народов. **В результате** выделены особенности научной методики Н. Литвинова; показано, что изучаемая классификация еще не получила должного внимания и развития в отечественной синологии; ключеведение имеет большие перспективы за рамками лингвистики, что обусловлено значением иероглифического ключа как системного кода культуры.

Ключевые слова и фразы: иероглифический ключ; ключеведение; отечественная синология; Н. Литвинов; китайская письменность.

Люлина Анастасия Геннадьевна, к. ист. н.

Российский университет дружбы народов, г. Москва

Институт востоковедения Российской академии наук, г. Москва

alyulina88@gmail.com

Подход Н. Литвинова к классификации иероглифических ключей

Введение

Культурно-лингвистические особенности китайского языка заключаются в особом понимании иероглифа как образительного элемента письменности. Иероглиф, простой или сложный (составной), – это символическое изображение (рисунок) существующих явлений и предметов, как их представляли себе древние китайцы в процессе создания письменности. На базе классических китайских словарей, таких как толковый этимологический словарь «Шо вэнь цзе цзы» (说文解字) [20], словарь «Канси цзыдянь» (康熙字典) [17], «Чжунхуа да цзыдянь» (中华大字典) [15], а также Большой китайско-русский словарь (中俄大辞典) под ред. И. М. Ошанина [1], разрабатывались пособия по иероглифике, этимологии знаков китайской письменности, содержащие историческую информацию об эволюции начертаний иероглифов-ключей и их значениях в иероглифическом письме восточных народов. Эти пособия и исследования послужили основой для новых подходов к изучению китайского языка и методик преподавания. Научные изыскания в области иероглифики показали, что она должна рассматриваться в тесной связи с естественно-научными, философскими и религиозными представлениями в Древнем Китае.

Ко второй половине XX в. российское китаеведение переживало свой расцвет. К этому периоду синологи уже имели в своем распоряжении целый ряд работ по востоковедению, сочинения и переводы выдающихся учёных и исследователей: И. Бичурина, А. П. Рогачёва, С. Л. Тихвинского, С. И. Кучеры и других [2]. Начала функционировать Синологическая библиотека ИНИОН РАН, получившая часть книг библиотеки упраздненной Духовной миссии в Пекине, существовавшей с 1795 г. по 1954 г. Кроме того, сложилось понимание необходимости

систематизации знаний о китайском письменном языке после реформы 1964 г. в КНР, что послужило важной вехой в российском Китаеведении. Особое внимание в изучении китайского языка и методологии преподавания в этот период было уделено именно иероглифике и ее истории [Там же].

В статье анализируется подход к классификации и типологизации иероглифических ключей, представленный в трудах Николая Николаевича Литвинова. Он занимался исследованием китайской иероглифики в ИСАА (МГУ), древнекитайским языком под руководством С. И. Кучеры, преподавал каллиграфию. В научных изысканиях его поддерживал Л. Н. Баньковский. Сейчас Н. Литвинов является кандидатом экономических наук, специалистом в области корпоративного и стратегического менеджмента.

Задачи исследования: рассмотреть особенности подхода Н. Литвинова в контексте развития науки об иероглифических ключах в России; изучить методику «ключеведения» по определению этимологии простых и сложных иероглифов; выделить области применения и перспективы развития «ключеведения» в российской синологии. **Актуальность** темы обусловлена тем, что представленный в работах Н. Литвинова новый взгляд на классификацию иероглифических ключей позволит дополнить и расширить современные представления об их семантико-лингвистическом анализе в рамках когнитивного подхода. Кроме того, актуальность исследования определяется постоянным расширением сфер применения науки о ключах и ее роли в диалоге западных и восточных культур. **Методы исследования:** междисциплинарный подход, системный и компаративный методы, позволившие актуализировать исторический материал (история китайской письменности) для анализа современных явлений и процессов в отечественной лингвистике.

Теоретической базой исследования являются труды Николая Литвинова и данные его интервью, а также работы российских сиологов-лингвистов, таких как Т. П. Задоевко, А. Ф. Кондрашевский, О. М. Готлиб, Т. В. Ивченко и др. Привлечены другие академические издания и интернет-материалы, в том числе на китайском языке. **Практическая значимость** статьи определяется вниманием к новому когнитивному подходу ключеведения, который необходимо вводить в научный оборот в качестве дополнения к учебно-методическим пособиям по иероглифике; междисциплинарный характер науки о ключах позволяет использовать подход Н. Литвинова для изучения истории восточных языков, истории китайской письменности и культуры.

Периодизация истории китайской письменности

Периодизация истории китайской письменности восходит к древним гадательным надписям на костях животных и черепаших панцирях XIV-XI вв. до н.э. – «цзягувэнь» (甲骨文). Далее следуют надписи на металле или на бронзе (金文), представляющие собой тексты ритуально-исторического характера на бронзовых изделиях (колоколах и треножниках XI – нач. VIII в. до н.э.) [16]. Над расшифровкой древних надписей (古文) работали историки, философы, филологи, художники и математики. Семантический анализ древних знаков, выделение в их структуре «ключевых» символов привели к поиску корреляции между древнекитайским письмом, древнеегипетскими петроглифами (надписями на камнях), месопотамской письменностью [10]. Вслед за применением новых материалов для письма следует эволюция стилей начертания иероглифов. С VI в. до середины XX в. существенных изменений в письме не происходило. С 1956 г. до 1964 г. в КНР в целях ликвидации неграмотности населения и популяризации китайского языка за рубежом происходило упрощение письменности. В рамках реформы было изменено написание 2235 наиболее сложных знаков. Например, традиционный иероглиф «дракон» 龍 из 16 черт был упрощён до 5 черт 龙 [16]. Несмотря на ряд преимуществ, упрощенная система письма породила ряд проблем: затруднялось чтение и понимание дореформенных книг; часть иероглифов была лишена своей изобразительности, а их структура – семантической логики; разные по значению иероглифы приобретали общую форму, что существенно усложняло и без того непростую процедуру лингвистической реконструкции китайских знаков. В связи с этим исследование иероглифов столкнулось с дополнительными сложностями. Необходимо было искать новые методы и подходы систематизации иероглифических ключей.

Ключеведение. Подходы и проблемы

Культурно-лингвистические исследования во второй половине XX в. были направлены на разработку новых подходов к изучению современного китайского языка. В России в этот период сложилось особое направление синологии – «ключеведение» 部首学, в котором изучались основы иероглифики, трактовались простые знаки китайской письменности (ключи 部首). Это направление было разработано Н. Литвиновым на основе исследований «ключей систем» восточных народов [10].

В широком смысле иероглифический «ключ» – это семантический множитель, или классификатор, который указывает на принадлежность к категории родственных по смыслу знаков. Например, все иероглифы с ключом «вода» 水 (𠂔 упрощенное написание) обозначают понятия, относящиеся к воде: река 河, озеро 湖, источник 泉, водная ширь 淼. Семантическое сходство имеет иероглиф «вечность» 永, значение которого также было связано с потоком воды. При этом изобразительная сторона знака «вода» в древнем варианте весьма наглядна [20, знак 410]. Иероглифы, имеющие в своем составе ключ «земля» 土, соответственно, обозначают понятия, имеющие отношение к земле (почве) и поверхности земли: Земля 地, основа 基. Иероглифы (графемы) рождение 生, сине-зелёный 青, поле 田 также связаны с понятием земли, изображения этих понятий родственны [9, с. 6-7]. В словаре «Шовэнь» знак 二 изображает поверхность земли, а вертикальная черта | символизирует все рождающееся из нее [20, знак 480]. Поскольку ключевые знаки отражают внешний вид тех или иных явлений или предметов, которые у восточных народов могут иметь общее происхождение, то вероятность взаимосвязи «картин мира» также велика.

В некоторых иероглифах, особенно после реформы, ключи утратили роль семантического множителя. Посредством заимствования знака иероглифы приобрели новые значения. Например, прежнее значение иероглифа 望 – «полная луна», ключ 月 – «луна». Сейчас этот иероглиф переводится «надеяться, желать» [8, с. 3].

Место ключей в общей структуре иероглифики долгое время определялось классификацией, принятой в Древнем Китае (период Хань) по этимологическому словарю «Шовэнь цзецзы» (Разъяснение простых иероглифов и разделение сложных), составленному Сюй Шэнем (ок. 58-147 гг.). Из представленных 9353 знаков было выделено всего 540 ключей. Сейчас универсальным считается упрощенный список ключей Канси из 214 символов [17]. Согласно теории Сюй Шэня, все знаки китайской письменности разделены на шесть категорий иероглифов (六书), среди которых выделяются простые (文) и составные (字). Составные иероглифы, имеющие в основе один и тот же ключ, объединяются в разделы 部 (китайское обозначение ключа 部首 буквально переводится как «начало раздела»). В свою очередь, по структуре (форма и значение) из шести категорий выделяют следующие типы [5, с. 69-71]:

1) изобразительные иероглифы (形象字) восходят к пиктограммам, непосредственно «изображают» предметы (хотя современное начертание не всегда похоже на первоначальное): ключи 山 (гора), 月 (луна), 雨 (дождь), 木 (дерево) относятся к этому типу;

2) указательные иероглифы (指事字): например, 上 (верх) и 下 (низ) «указывают» на обозначаемые стороны. Знаки 本 (корень), 末 (верхушка), 刃 (лезвие) содержат в структуре уточняющие смысл дополнительные черты;

3) идеограммы (会意字) состоят из двух и более простых знаков, объединенных по смыслу. В иероглифе 安 ключ «женщина» 女 под «крышей» 宀, что передает значение «спокойствие»; иероглиф 看 состоит из графем «рука» 手 и «глаз» 目. Объединение одинаковых графем передает значение множественности или усиление признака: 林 (лес), 炎 (воспаление), 众 (толпа);

4) фоноидеограммы (形声字), в которых один знак «ключ» передает смысловое значение, другой влияет на произношение. Так, все иероглифы, содержащие знак 青, будут читаться «цин» или «цзин», а ключ будет определять значение слова: 清 (чистый), 晴 (ясный), 睛 (глаз);

5) видоизменённые иероглифы (转注字) появлялись с изменением старого знака для выделения нового значения. Например, иероглифы 老 и 考;

6) заимствованные (假借字) образовались при замене смысла существующего знака на основе схожести звучания. Например, личное местоимение 我 (я) изначально изображало оружие, а знак 万 (десять тысяч) в традиционном написании 萬 обозначал скорпиона [18].

Сложности, возникающие при отнесении некоторых иероглифов к одной из составных категорий, связаны с особенностями истории развития устного китайского языка и письменности. Так, внешний вид иероглифа может оставаться неизменным на протяжении длительного времени, нескольких тысячелетий, при этом произношение может претерпеть значительные изменения. И наоборот, структура иероглифа может претерпеть сильные изменения, например, при сокращении сложных фонетических знаков [5, с. 103-104].

В России к концу двадцатого столетия попытки систематизации знаний об иероглифических ключах были отражены в пособиях для изучающих китайский язык А. Ф. Кондрашевского, А. М. Карапетьянца, Т. П. Задоевко [4; 6; 7]. Базовые ключи, как правило (согласно списку ключей Канси), сгруппированы по смысловым категориям: графемы, относящиеся к изображению человека, его рук и ног, изображающие природные явления, орудия труда, животных и растения и др. [4]. Отдельного внимания заслуживает работа О. М. Готлиба по грамматолого-семантическому анализу иероглифов, в которой показан системный и иерархичный характер китайской письменности [3]. Последние достижения в этой области сформулированы в опубликованном в 2019 г. «Словаре этимологий базовых знаков китайской письменности» [14].

Н. Литвинов в книге «Ключи систем», составление которой началось в 1990-х гг., сопоставил и систематизировал знания о письменности древних народов Востока [10]. Материал вестников «Ключи Востока», которые выпускались в Москве под руководством Н. Литвинова, представил новый подход к изучению китайской письменности, истории и культуры. На основе данных китайских словарей Николай Литвинов выделил парные иероглифические ключи по семантическому признаку, показал эволюцию древних форм, с объяснением их космогонических значений и эпиграфики, а также перекрестных символов и образов в разных культурах. Например, среди парных ключей, выделенных Литвиновым, можно отметить: 月雨 (луна – дождь), 水土 (вода – земля), 舟车 (лодка – телега), 气日 (пар – солнце), 禾香 (злак – аромат), 文聿 (знак – орудие письма) и др. Выбор именно таких пар ключей был обусловлен их схожей семантикой и определением соответствующих субстанций в древнекитайских философских трактатах. Так, ключи «вода» 水 и «земля» 土 сопоставлялись на основе их общей принадлежности к описанию природы земного ландшафта: «узор гор богат, как и узор рек» [9, с. 5]. Кроме того, эти субстанции входят в состав пяти первоэлементов-стихий (五行). Египетские петроглифы «вода» и «земля» также взаимосвязаны, символизируя понятие земледелия и ирригации [Там же, с. 7]. Идея парности, по словам автора данного подхода, свойственна китайской культуре издревле: «...в китайской традиции парность и четность пронизывают многие явления жизни: парные праздничные надписи, парные картины-свитки на стенах, парные печати, пара зверей или птиц – символ семейного счастья...» [10, с. 39]. В современном китайском языке одно слово, как правило, выражено сочетанием из двух иероглифов.

Результаты исследования Н. Литвинова и перспективы

Пособие по ключам, которое составлял Н. Литвинов, должно было представлять собой графические карточки-таблицы. В каждой карточке парные ключи имели следующие рубрики: древние и современные варианты

написания ключа; положение в составе иероглифа; схожие по графемам ключи; транскрипция в разных системах; название ключа на различных языках; дополнительная информация [Там же, с. 40-44]. Подробные сведения были собраны для 22 пар наиболее часто встречающихся ключей, однако пособие не было закончено и в итоге не было опубликовано. По словам Николая Литвинова, это связано с тем, что «ключеведение» получило развитие в более удобной форме – в электронных ресурсах фонда «Викимедия», одним из участников которого он является. В частности, с 2013 г. в русскоязычном интернет-ресурсе «Википедия» ведется работа по описанию этимологических характеристик 540 ключей из «Шовэнь», а также 214 ключей Канси. Каждый знак получает полное описание по морфологическим, семантическим, этимологическим свойствам, приводятся соответствия по другим иероглифическим словарям и родственным языкам [17; 20]. Подобный проект планируется по египетским петроглифам.

Методика Н. Литвинова по классификации ключей не получила должного освещения и применения в методических пособиях по иероглифике. Тем не менее, будучи экономистом, он использовал подходы «ключеведения» в таких сферах, как теория брендов и корпоративный менеджмент. «На Востоке очень сильны традиции корпоративного управления... я изучаю японский менеджмент в цайбацу, корейский менеджмент чэболей, китайский менеджмент и в целом корпоративный и стратегический менеджмент в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Без понимания языков этих стран не представляю, как это было бы возможно» (цит. Литвинова, сведения из личной беседы. – А. Л.). «Древние пиктограммы и иероглифы, современные иконки и бренды по сути являются рисуночным письмом. То есть у них могут быть общие законы создания и эволюции» (цит. Литвинова. – А. Л.). Об этом автор подхода пишет в статьях и книгах о брендах и корпоративном менеджменте в Азиатско-Тихоокеанском регионе [11].

Сейчас в России появились исследования, которые анализируют иероглиф-образ как модель воздействия на массовое подсознание в фильмах и театральных постановках. В этом смысле отметим работу М. В. Рубец, исследовавшей «иероглифический» киноязык С. М. Эйзенштейна [13]. Изучение иероглифических ключей не только в России, но и во всем мире может столкнуться с новыми вызовами и выйти на более высокий уровень в связи с запуском в Китае в октябре 2019 г. (г. Аньян, пров. Хэнань) интернет-платформы «Иньци Вэньюань» (殷契文渊) [12], которая содержит наиболее полный систематизированный массив материалов «цзягувэнь» из 4000 знаков. Расшифровка и интерпретация знаков «цзягувэнь» продолжается, но доступ к платформе уже открыт для пользователей со всего мира [19].

Заключение

Таким образом, наука о ключах выходит далеко за рамки иероглифики и синологии, становится наукой о знаковых системах мировых культур и может применяться в различных сферах.

Выводы. Термин «ключеведение» приобретает более широкую трактовку, нацеленную на восприятие иероглифического ключа как системного кода культуры. Большой вклад в этот процесс внес Н. Н. Литвинов в своих работах. В качестве выводов по изучению нового подхода ключеведения отметим следующие положения. В отличие от классической модели классификации ключей, Н. Литвинов выделил парные ключи по семантическим и морфологическим признакам, проследил их проявления в китайской философской и культурной традиции и корреляцию с древнеегипетскими петроглифами и месопотамской письменностью. Поскольку исследование Н. Литвинова по определению остальных пар иероглифических ключей не было закончено и его подход не получил применения в учебно-методических материалах по иероглифике, именно это может стать основным направлением *дальнейших исследований*. Значение его подхода заключается в том, что отдельные иероглифические знаки выступают не только в качестве радикалов в сложных иероглифах, но имеют более широкое историческое значение – являются «ключами» картин мира (мировосприятия) других народов. Современные исследования культурно-лингвистических основ китайского письма с точки зрения теории систем, в том числе подход Н. Литвинова, показывают постоянное расширение сфер применения науки о ключах и ее значение в диалоге культур.

Список источников

1. **Большой китайско-русский словарь:** в 4-х т. / под ред. И. М. Ошанина. М.: Наука, 1983. 8924 с.
2. **Вяткин Р. В., Думан Л. И., Ли И. С.** Синология [Электронный ресурс]. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/102/411.htm> (дата обращения: 16.03.2020).
3. **Готлиб О. М.** Основы грамматики китайской письменности. М.: ВКН, 2019. 312 с.
4. **Задонко Т. П., Хуан Шуин.** Основы китайского языка. М.: Наука, 1983. 271 с.
5. **Ивченко Т.** Новые горизонты. Пекин: Научно-просветительское издательство, 2012. 198 с.
6. **Карапетьянц А. М., Тань Аошуан.** Учебник китайского языка: новый практический курс: в 2-х ч. М.: Восточная литература, 2003. Ч. 1. 640 с.
7. **Кондрашевский А. Ф.** Практический курс китайского языка: пособие по иероглифике: в 2-х ч. М.: Муравей, 1998. Ч. 1. 149 с.
8. **Литвинов Н. Н.** Введение в ключеведение // Ключи Востока. 1997. № 1. С. 3-8.
9. **Литвинов Н. Н.** Введение в ключеведение // Ключи Востока. 1997. № 3. С. 5-9.
10. **Литвинов Н. Н., Литвинова О. Н.** Ключи систем. Соликамск: СГПИ, 2003. 80 с.
11. **Литвинов Н. Н., Литвинова О. Н.** Корпоративный менеджмент в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Кооперация авиационных брендов. М.: Гном и Д, 2006. 104 с.
12. **Платформа больших данных «Иньци Вэньюань» (殷契文渊)** [Электронный ресурс]. URL: <http://jgw.aynu.edu.cn> (дата обращения: 26.03.2020).
13. **Рубец М. В.** Иероглиф как модель. Кинокадр С. Эйзенштейна глазами китаиста // Человек. 2016. № 1. С. 145-154.

14. Шимарева Т. Е., Хамаева Е. А., Терехова Н. В., Домашевская Д. М. Словарь этимологий базовых знаков китайской письменности. Иркутск: ИГУ, 2019. 669 с.
15. 中华大字典. 北京: 商务印书馆, 2015. 1576页 (Большой иероглифический словарь. Пекин: Коммерческое издательство, 2015. 1576 с.).
16. 王贵元. 汉字发展的几个核心问题 (Ван Гуй-юань. Несколько ключевых вопросов об истории развития китайской письменности) [Электронный ресурс] // 中国语文 (Китайский язык и литература). 2013. № 1. URL: <https://baikeshot.cdn.bcebos.com/reference/15891019/4ac25db9200e65c37ab7288aad2f7b44.png@!reference> (дата обращения: 24.03.2020).
17. 康熙字典 (Иероглифический словарь Канси) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kangxizidian.com/> (дата обращения: 23.03.2020).
18. 汉语多功能字库 (Многофункциональная база китайских знаков) [Электронный ресурс]. URL: <http://humanum.arts.cuhk.edu.hk/Lexis/lexi-mf/> (дата обращения: 26.03.2020).
19. 甲骨学研究进入智能化时代 (Наука о «цзягувэнь» вступает в эру интеллектуализации) [Электронный ресурс]. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2019-10/18/c_1125122977.htm (дата обращения: 26.03.2020).
20. 说文解字部首表 (Список ключей Шовэнь цзецзы) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.shuowenjiezi.com/radicaux.php> (дата обращения: 23.03.2020).

N. Litvinov's Approach to Classifying the Chinese Character Radicals

Lyulina Anastasiya Gennadievna, PhD
Peoples' Friendship University of Russia, Moscow
Institute of Oriental Studies of the RAS
alyulina88@gmail.com

The purpose of the study is to identify the main principles of classifying hieroglyphic signs basing on N. Litvinov's works. Scientific novelty lies in the fact that N. Litvinov's approach is a fresh take on the issue of studying radical hieroglyphic signs. As opposed to the classical model of dividing graphemes into lexical sets, the author of the new approach has provided a comprehensive comparative study of individual hieroglyphic signs divided into pairs according to their semantic and morphological features, their meaning in the traditional Chinese philosophy and culture and their correlation with languages of other nations. As a result, distinctive features of N. Litvinov's scientific methodology are identified; it is shown that the studied classification has not received deserved attention yet and has not gained traction in the Russian sinology; the study of the Chinese character radicals holds great prospects beyond the scope of linguistics, which is accounted for by the significance that the Chinese character radical has as a systemic culture pattern.

Key words and phrases: Chinese character radical; study of Chinese character radicals; Russian sinology; N. Litvinov; Chinese writing system.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.54>

Дата поступления рукописи: 26.09.2020

Цель исследования – выявить смысловую наполненность идиоматических конструкций и определить особенности их перевода в русском и английском языках. В статье рассматриваются частные вопросы перевода, а также смыслового наполнения идиоматических оборотов при переводе с английского языка на русский. **Научная новизна** заключается в углубленном изучении специфических аспектов перевода за счет выявления имплицитных смыслов, позволяющих оригинально интерпретировать несоответствующие реалии разных языковых систем. **В результате** проделанной работы проанализирован ценный практический материал, который можно использовать в учебных целях, а также для дальнейшего исследования речевых штампов и формул в сравнительном плане в лингвокультурном пространстве русского и английского языков.

Ключевые слова и фразы: идиомы; речевая формула; речевой шаблон; разговорные формулы; перевод.

Пивкин Сергей Дмитриевич, д. пед. н., доц.
Российская таможенная академия, г. Люберцы
serpiv2010@yandex.ru

Семенова Любовь Валентиновна, к. пед. н., доц.
Санкт-Петербургский государственный морской технический университет
Omegazeta84@mail.ru

Особенности перевода идиоматических конструкций в лингвокультурном пространстве русского и английского языков

Введение

В современном английском языке идиомы получили широкое распространение в силу того, что «живой» язык не может не прирастать новыми единицами лексики не только вследствие все более усложняющегося

характера языковой системы, но и, прежде всего, из-за более многообразного мира, который язык призван обслуживать. Устная речь, изобилующая оборотами эмоционального характера, играет роль основного катализатора-источника, который пополняет лексику языка единицами идиоматического свойства. Трудно себе представить речь современного человека без ярких броских и колоритных фраз, которые делают ее содержательно насыщенной и направленной на конкретный объект. К тому же идиомы выполняют достаточно прагматическую задачу в процессе общения человека: они значительно ускоряют понимание коммуникантов между собой. Содержательные и емкие по смысловому наполнению идиомы позволяют достичь «схватывания» ситуации более коротким путем. Идиома представляет собой (от греческого «собственный», «свойственный») оборот речи, значение которого не определяется отдельными значениями входящих в ее состав слов. Толковый словарь Даля добавляет к сказанному – местное наречие, говор [3, т. 2]. Таким образом, мы имеем дело с переносным значением слова, которое широко используется в так называемом «коллоквиальном» варианте обывательской речи.

Актуальность работы объясняется наличием обширного практического материала, требующего кропотливого анализа и нахождения способов перевода идиоматических конструкций с учетом существующих особенностей. Исходя из цели исследования, ставятся *задачи* по анализу 1) компонентного состава смысловых единиц указанных конструкций, 2) их культурных значений и смыслов, 3) особенностей их перевода, а также 4) по дальнейшему изучению специфики межкультурной коммуникации в русском и английском языках с использованием идиоматических конструкций.

Теоретической базой проведенного исследования явились труды известных российских и зарубежных лингвистов И. Р. Гальперина, Е. М. Медниковой [1], Дж. Сейдла, У. Макморди [6], У. Фримена [8] и других. **Практическая значимость** работы заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы в курсе практического перевода в сфере профессиональной коммуникации, а также на практических занятиях по иностранному языку.

Материалы и методы

При анализе лексического материала в данной работе делаются ссылки на широко представленные перечни идиом во всемирной сети Интернет [9; 10]. Вместе с тем использованы специальные словари идиом английского и русского языков, а также наиболее авторитетные толковые словари обоих языков [1; 3]. В отдельных случаях привлекались тематические перечни [2; 4-8], в которых идиомы объединены по тематическому признаку, поскольку некоторые идиомы не вошли в академические словари ввиду их неустойчивого характера. Основным **методом** в работе явился сопоставительный анализ языковых единиц с учетом существующих реалий в лингвокультурном пространстве английского и русского языков. Вместе с тем использовались методы исследования межкультурной коммуникации, контекстного анализа, а также анализа культурных значений и смыслов, компонентного определения текстовых смыслов.

Результаты и обсуждение

Английские идиомы достаточно хорошо исследованы в лексикографии языка и не нуждаются в дополнительном изучении в плане их характеристики и определения места в языковой системе. Следует только добавить, что даже среди специалистов до сих пор нет полной ясности в вопросе, как четко провести грань между идиомами, фразовыми глаголами, пословицами и поговорками и прочими схожими структурами. К примеру, *to blow off* («отшить») и *to blow away* (уносить) относятся к фразовым глаголам, но один из них имеет признаки идиоматического высказывания в соответствующем контексте, а другой тесно связан с базовым глаголом, от которого он образован, перевод которого легко угадывается по его основному значению. Еще более сложной представляется задача разведения в разные категории языковой системы идиом, пословиц и поговорок, поскольку во многих пословицах смысл абсолютно неясен, если переводить их дословно, то есть буквально, а не опираться на какое-то очень характерное явление жизни, традицию или историческую реминисценцию.

В данной работе затрагиваются частные вопросы перевода, а также смыслового наполнения идиоматических оборотов. Вместе с тем для того, чтобы правильно перевести идиоматическую единицу, необходимо вспомнить, с какими явлениями языка идиомы тесно переплетаются в устной речи. В этом отношении представляется интересным прагматичный взгляд в английской лексикографии на употребление в английской речи сленга, пословиц, фиксированных выражений, включая идиомы, которые условно объединены в так называемые речевые формулы. Но говоря о речевых формулах, к разновидностям которых иногда отдельные авторы относят идиомы, следует также упомянуть предложные группы (*in no time* – в мгновение ока; *the apple of my eye* – зеница ока; *out of hell* – из ада; *off the record* – не для протокола; *as a rule* – как правило; *ahead of time* – раньше времени), пословицы и поговорки (*actions speak louder than words* – дела говорят сами за себя; *if you live by the sword, you die by the sword* – если вы пришли с мечом, то от меча и погибнете; *it rains cats and dogs* – лить как из ведра; *a fool at forty is a fool forever* – дурак в сорок лет – дурак навсегда; *a penny saved is a penny earned* – копейка рубль бережет; *a rolling stone gathers no moss* – под лежачий камень вода не течет), афоризмы (*Murphy's Law* – по закону подлости; *break a leg* – ни пуха, ни пера; *close, but no cigar* – близко, но попал; *to chase fool's gold* – рассчитывать на дурака; *to cut to the chase* – перейти к делу; *double whammy* – двойной удар), фразовые глаголы (*to mouth off* – раскрыть поганый рот; *to turn in* – ложиться спать; *to kick out* – вышвырнуть; *to pipe down* – замолчать), коллокации, разговорные клише (*it's an act of God* – божий промысел; *to pull the wool over one's eyes* – пустить пыль в глаза; *to work around the clock* – работать круглосуточно; *as cold as an ice* – ледяной; *to put a sock in* – помалкивать) и т.п. (здесь и далее перевод авторов статьи. – С. П., Л. С.).

В разном сочетании идиомы пересекаются с каждой из названных групп, и иногда бывает невозможно четко «развести» их. Отделить собственно идиомы бывает сложно и в силу того, что идиомы, как и все в разговорно-литературном дискурсе, представляют собой не «окаменелый язык», а вполне живое явление, которое имеет свойство появляться, распространяться в речи, а затем, возможно, со временем уходить в небытие, а в некоторых случаях оставаться в языке в течение длительного времени, иногда даже на обозримо длительный период, то есть, условно говоря, столетиями (*alter ego* – второе «Я»; *Achilles' heel* – ахиллесова пята; *the Good Samaritan* – добрый самаритянин; *armed to the teeth* – вооружен до зубов; *all roads lead to Rome* – все дороги ведут в Рим). В связи с этим возникает вопрос: сколько всего идиом используется в английском языке в настоящее время? Ответ на этот вопрос невозможно дать точно, поскольку, как уже было отмечено, идиоматические обороты речи до некоторой степени носят контекстуальный характер и зависят от времени высказывания. А время, как известно, по-разному расставляет акценты и влияет на жизненный цикл той или иной лексической единицы. Количество идиом, имеющих стилистическую окраску, не поддается подсчету, они часто употребляются в неформальной речи, которая характерна для определенных социальных и возрастных групп. Так или иначе, в Кембриджском международном словаре идиом (*Cambridge International Dictionary of Idioms*, M. McCarthy, 1998) зафиксированы 5782 словарные статьи [9]. Однако даже такая определенная цифра не может дать точного представления, насколько широко идиомы проникли в словарный запас современного английского языка. Вместе с тем идиоматические конструкции не есть что-то застывшее навсегда, призванное только украсить речь человека и придать ей некий особый стиль, а говорящему позволить себе выразиться особым способом, идиомы вполне реально вплетены в ткань речи текстуально и передают некую образность мышления, уникальный взгляд на мир.

До сих пор не утихают дебаты о том, стоит ли выделять идиоматический язык как целостное явление. Более того, нет и однозначного ответа, каким определением следует описать так называемый «формульный» язык, если следовать такой постановке вопроса в английской традиции. В специальной литературе в качестве рабочей версии встречается определение, примерно сводящееся к следующему: ряд слов, соединенных в единое в готовом виде и образующих некое выражение, которое получает хождение в языке, сохраняется и извлекается из памяти и по мере необходимости используется в речи в неизменном виде. При этом конструкция не всегда согласуется с грамматикой в ее традиционном понимании и с трудом поддается анализу.

Учитывая особенности идиом и других речевых формул, важно продолжить их эмпирическое исследование, поскольку только таким образом мы можем установить, насколько «застывшими» они используются в речевых ситуациях и всегда ли они предстают перед нами в виде «закостенелых» метафор. Здесь открывается широкое поле исследования не только в рамках когнитивной лингвистики, но и практики перевода, если их изучать в сравнительном плане с другими языками, в частности русским языком. Параллели, которые возникают при таком анализе, дают нам возможность проникнуть внутрь идиоматических конструкций и не только почувствовать их внутреннюю структуру, но и подвергнуть сомнению их фиксированный раз и навсегда сложившийся характер.

Для того чтобы понять образующиеся связи между элементами идиоматического высказывания и трансформацию исконного значения слова в конкретном примере в сопоставительном плане с русским языком, подвергнем анализу группу идиом, объединенных по тематическому признаку, как иногда они даются в справочниках, предназначенных для практических целей, или учебниках. Воспользуемся для этого методом контекстного анализа.

Прилагательное *high* в английском языке означает далеко не то, что мы имеем в виду в русском языке, когда оно встречается в идиоматических оборотах речи. Обратимся к конкретным примерам.

She is on a high at the moment because everything is going her way [10]. / Она сейчас на высоте, поскольку все получается так, как она задумала.

В этом примере сохраняется смысловая общность в обоих языках, но так случается далеко не всегда. В следующем за ним примере английское прилагательное *высокий* в русском варианте заменяется прилагательным *большой*, то есть происходит незначительный сдвиг в понимании размерности в двух языках.

I have high hopes that we will succeed with our project in view of all the interest we have received [Ibidem]. / У нас большие надежды на то, что проект будет успешным ввиду всеобщего интереса, который он вызвал.

Далее в переводе прилагательное *высокий* в русском языке не сочетается с существительным *время*. В результате вся идиома переводится как *давно пора*.

It is high time we left if we really want to be there on time [Ibidem]. / Нам давно пора уходить, если мы действительно хотим быть там вовремя.

В нижеприведенном примере прилагательное *высокий* в связке с прилагательным *могущественный* означает высокое положение в обществе и чаще всего переводится как *важный*.

Now that he's become office manager you can't even talk to him. He is so high and mighty [Ibidem]. / Теперь, когда он стал офис-менеджером, ты даже не можешь с ним поговорить. Он такой важный и могущественный.

Далее прилагательное *высокий* в русском языке переводится как *яркий*, поскольку момент не может рассматриваться как высокий.

The really high spot of the evening's entertainment was when two clowns came into the ring and started throwing things at each other [Ibidem]. / Самым ярким моментом вечернего представления было то, что на ринг вышли два клоуна и начали бросать друг в друга разные предметы.

Следующее предложение требует полного перестроения в русском языке, так как буквальный перевод ни о чем не говорит и нуждается в дополнительном контексте для того, чтобы понять, о чем идет речь в предложении. А речь фактически идет о том, что утром необходимо встать пораньше.

He left the safe door unlocked last night so I reckon he'll be for the high jump in the morning [Ibidem]. / Вчера вечером он оставил дверь сейфа незапертой, полагаю, для того, чтобы проснуться рано утром.

Наконец, субстантивированное прилагательное *высокий* в английском языке в русском переводе требует его замены существительным *взлеты*.

You'll just have to get used to these highs and lows as it's all part of being in business [Ibidem]. / Вы просто должны привыкнуть к этим взлетам и падениям, так как все это часть работы в бизнесе.

В предложении, которое дается ниже, происходят более значительные трансформации. Английский вариант *быть на высоком коне* не может переводиться в неизменном виде на русский язык, а требует нетривиального подхода при подборе соответствующей фразы на русском языке – «взбрыкивать», таким образом удаётся передать агрессивный характер действия.

It's always the same when you break one of the rules in the office, she gets on her high horse and starts shouting at you [Ibidem]. / Всегда происходит одно и то же, когда вы нарушаете одно из правил в офисе, она «взбрыкивает» и начинает кричать на вас.

В заключительном примере идиоматическая конструкция *a high flier* может означать из контекста *птицу высокого полета* – идиому, которая передает действительное представление о характере ситуации в русском языке.

The moment she joined the staff you just knew she was a high flier and it was no surprise when she got promotion within six weeks [Ibidem]. / В тот самый момент, когда она вошла в штат сотрудников, вы сразу поняли, что она птица высокого полета, и не было ничего удивительного в том, что она получила повышение в течение шести недель.

Все представленные выше примеры свидетельствуют о ментальных особенностях людей, говорящих на двух неродственных языках, и, следовательно, требуют тщательного подбора эквивалентов, передающих суть рассматриваемых явлений с точки зрения носителя в данном случае русского языка в противопоставлении с английским языком, в котором используемые в речи идиомы опираются на традицию и сочетаемость лексических единиц в этом языке.

Отдельные идиомы в английском языке при их переводе на русский требуют более вдумчивого анализа с экскурсом в историю предмета, которая объясняет происхождение той или иной идиоматической конструкции.

Идиоматическое выражение *add insult to injury* отсылает нас к Античности, к тем далеким временам, когда была написана римским поэтом-баснописцем Федром известная басня «Лысый и муха» (*The Bald Man and the Fly by Phaedrus*). В результате ретроспективного анализа мы понимаем, что использование этой идиомы ведет к тому, чтобы передать причинение кому-то еще большей боли к уже имеющейся. Таким образом, посредством метода анализа культурных смыслов мы приходим к выводу о том, что, возможно, ситуацию удастся передать идиомой *подливать масло в огонь*, но лучше всего – *сыпать соль на рану*.

Если взять английское идиоматическое выражение *back to the drawing board*, то мы вынужденно возвращаемся к временам Второй мировой войны, когда в Соединенных Штатах бытовало шутливое выражение о том, что план провалился и нужно начинать с самого начала. Воспользовавшись методом исследования культурной коммуникации, находим, что наиболее предпочтительная фраза на русском языке для этой идиомы – *начинать все с нуля*.

События более близкого прошлого также могут сыграть роль при переводе отдельных английских идиом на русский язык, которые объясняют принятые в англоязычном мире традиции. Идиоматическое выражение *at the drop of a hat* возвращает нас к ссылке о том, что гонка или состязание в прежние недалекие времена начинались своеобразным жестом – падением шляпы. Используя метод анализа культурных значений и смыслов, останавливаем свой выбор на следующем варианте перевода на русский язык – *по сигналу*, лучше – *без промедления*.

Образ мышления зачастую расходится в различных языках, и это наблюдение находит подтверждение в использовании различных идиоматических конструкций в русском и английском языках. Для убедительности сказанного обратимся к группе идиом, объединенных по тематическому признаку *цвет*. Одни и те же цвета в этих языках ассоциируются по-разному, хотя не исключены и совпадения.

Для начала проанализируем два базовых цвета – черный и белый. При анализе белого цвета в двух языках обнаруживается некое внешнее сходство в использовании этих цветов в обоих языках. С одной стороны, идиоматические выражения *white fury*, *lily-white reputation*, *white night* в английском языке передают нечто общее, характерное для двух языков: ярость (белый от злости), безупречная репутация (белый, чистый, незапятнанный), бессонная ночь (белая, полярная). С другой стороны, идиомы *a white lie*, *to bleed white* с трудом передаются при переводе на русский язык. Если первая из них дает какую-то подсказку – *невинная ложь*; *ложь во спасение*, то последняя требует дополнительных разъяснений – *обобрать до нитки*; простой пословный перевод ничего не дает.

Примерно такая же картина разворачивается с переводом на русский язык английского прилагательного *black* в составе идиоматических конструкций. Идиомы *a black eye*, *black sheep* легко распознаются в русском языке – *подбитый глаз* и *паршивая овца*, в то время как идиоматическая фраза *as black as a stack of black cats* – чисто английское понимание явления – *очень черный*.

Еще большее расхождение обнаруживается в использовании цвета *голубой – blue* в английском и русском языках: *once in a blue moon* – очень редко; *to feel blue* – грустить; *to cry the blues* – прибедняться; *blue devils* – меланхолия, тоска; *to talk until one is blue in the face* – говорить до изнеможения; *a bolt out of the blue* – как гром среди ясного неба.

Несовпадение мыслительных паттернов в английском и русском языках на примере идиоматических высказываний очень хорошо видно, когда какое-то очевидное явление в английском языке мы переводим целым набором равнозначных идиом в русском языке, таким образом, постигая смысл сказанного методом смыслового приближения: *cry over spilt milk* – что с возу упало, то пропало; слезами горю не поможешь; потерянного не воротить. То же самое можно сказать об английском идиоматическом выражении *curiosity killed the cat*, которое на русский переводится как *любопытной Варваре на базаре нос оторвали; любопытство до добра не доводит; много будешь знать – скоро состаришься*.

В целом методика компонентного определения текстовых смыслов подводит нас к мысли о том, что идиоматический язык наиболее ярко передает своеобразие мышления определенной общности людей, говорящих на одном языке, и это своеобразие не всегда находит подтверждение в используемых языковых средствах в других этнических группах, говорящих на другом языке. При переводе идиоматических высказываний требуется реконструкция всей фразы, которая показывает, следует ли нам исходить из анализа отдельных элементов конструкции или искать близкие по смысловому содержанию фразы на языке перевода. Как правило, конечную стратегию при выборе варианта перевода определяет контекст, в котором идиоматическое выражение прозвучало. Очень часто при переводе приходится выбирать наиболее точную по смысловому содержанию фразу из ряда близких по значению структур. К примеру, идиомы *add insult to injury* и *fuel the fire* обе могут переводиться как *подливать масло в огонь*. Однако упомянутая русская идиома больше подходит ко второй фразе, поэтому первому случаю, как это было сказано ранее, лучше всего соответствует фраза *сыпать соль на рану*.

Заключение

Выводы. Идиоматика составляет некую живую ткань литературно-разговорного стиля общения, поэтому использование идиоматического языка в непосредственной речи не только характеризует стилистически окрашенную речь говорящего носителя языка, но и свидетельствует о развитости языковых средств выражения той или иной языковой системы. Это требует от переводчика совершенных знаний тонкостей языка перевода, поскольку в процессе перевода, в особенности устного, не всегда удается найти правильное соответствие, и тогда на помощь приходит метод толкования той или иной лексической единицы доступными средствами, что, конечно, снижает эффект от сделанного высказывания и в конечном итоге сказывается на качестве перевода. Тем не менее по-прежнему приходится констатировать, что самым доступным способом перевода остается поиск соответствующего эквивалента на языке перевода, который в той или иной степени отражает языковую ситуацию, характеризующую идиоматическое высказывание в его современном понимании.

Анализ компонентного состава идиоматических конструкций позволяет говорить о сложности данного явления и неоднозначности входящих в его конструкцию единиц, что затрудняет поиск готовых формул для передачи заложенного в такую конструкцию смысла.

Определение культурных значений и смыслов является ключевым моментом в переводе идиоматических конструкций, что требует от переводчика обширных фоновых знаний и большой аналитической работы по выявлению имплицитного смысла, заключенного в анализируемую конструкцию.

Изучение особенностей перевода идиоматических конструкций на основе ассоциативно-когнитивного подхода позволяет нам сказать, что описание способов их перевода имеет первостепенное значение для их актуального толкования и использования в разнообразном дискурсе с учетом завуалированного смысла, заложенного в них, а также понимания реалий языковых систем русского и английского языков через идиоматические конструкции.

Проведенное исследование может быть продолжено ввиду наличия огромного эмпирического материала, нуждающегося в детальном описании и анализе в сопоставительном плане в указанных языках и определении его места в межкультурной коммуникации в самом широком контексте. **Перспектива** такого **исследования** может быть конкретизирована в зависимости от преследуемых автором целей.

Список источников

1. **Большой англо-русский словарь:** в 2-х т. / сост. Н. Н. Амосова, Ю. Д. Апресян, И. Р. Гальперин и др.; под общ. рук. И. Р. Гальперина. Изд-е 3-е, стереотип. М.: Рус. яз., 1979. Т. 1. 824 с.; Т. 2. 864.
2. **Винокуров А. М.** Англо-русский словарь идиом. 5500 более употребительных устойчивых словосочетаний с примерами. М.: Мартин, 2014. 352 с.
3. **Даль В.** Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля: в 4-х т. СПб. – М.: Издательство: Тип. М. О. Вольфа, 1880. Т. 1. 812 с.; 1881. Т. 2. 814 с.; 1882. Т. 3. 584 с.; 1882. Т. 4. 712 с.
4. **Камеицайге Н. Л.** Синонимы в английской фразеологии. М.: Международные отношения, 1971. 368 с.
5. **Пивкин С. Д., Топтыгина О. Н.** Экспрессивная функция редупликации в дискурсивном пространстве современного английского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 7 (85). Ч. 2. С. 377-381.
6. **Сейдл Дж., Макморди У.** Идиомы английского языка и их употребление. М.: Высш. школа, 1983. 266 с.
7. **Середина К. Г., Томлянович А. К., Краснянская И. А.** Идиоматика в английской речи. Л.: Просвещение, 1971. 272 с.
8. **Freeman W. A.** Concise Dictionary of English Idioms. L.: Hodder and Stoughton, 1982. 252 p.
9. **McCarthy M.** Cambridge International Dictionary of Idioms, 1998 [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/2798331/Cambridge_International_Dictionary_of_Idioms_Cambridge_University_Press_1998 (дата обращения: 30.09.2020).
10. **www.english-test.net** (дата обращения: 01.10.2020).

Peculiarities of Idiomatic Construction Translation from English into Russian and from Russian into English

Pivkin Sergey Dmitrievich, Dr
Russian Customs Academy, Lyubertsy
serpiv2010@yandex.ru

Semionova Lubov' Valentinovna, PhD
Saint Petersburg State Marine Technical University
Omegazeta84@mail.ru

The research objectives are as follows: to reveal semantic filling of idiomatic constructions and to identify peculiarities of their translation from English into Russian and from Russian into English. The article considers certain aspects of the translation theory, tackles the problem of semantic equivalence when translating idiomatic expressions from English into Russian. Scientific originality of the study involves a new approach to interpreting idioms, which allows revealing implicit cultural meanings. The findings are of practical value, they can be used for educational purposes, as well as for a comparative linguo-cultural study of the English and Russian clichés and speech formulae.

Key words and phrases: idioms; speech formula; cliché; conversational formulae; translation.

<https://doi.org/10.30853/filmnauki.2020.12.55>

Дата поступления рукописи: 25.10.2020

Цель исследования – разработать критерии структурно-ориентированного перевода томских реалионимов на немецкий и английский языки. *Научная новизна* заключается в имплементации структурно-системного подхода для морфологического анализа компонентов реалионимов, разработки критериальной базы перевода томских реалионимов, предложены теоретически обоснованные способы перевода томских реалионимов, а также создан русско-немецко-английский корпус томских реалионимов. *В результате* доказано, что для адекватного и эквивалентного перевода единиц эндемического сегмента необходимо учитывать структуру композита, жанровую приуроченность текста и словообразовательные возможности языков.

Ключевые слова и фразы: томские реалионимы; эндемические единицы; критерии перевода; литературно-художественный стиль; жанр путеводителя.

Тайдонова Светлана Сергеевна
Национальный исследовательский Томский политехнический университет
tsss2018@yandex.ru

Разработка критериальной базы перевода томских реалионимов на немецкий и английский языки

Актуальность темы исследования обусловлена: 1) привлекательностью Томска и Томской области для туристов, иностранных студентов и деловых партнеров в различных сферах, так как Томск и Томская область являются исторической средой обитания русскоговорящего языкового коллектива, который использует ряд эндемических обозначений, неизвестных за пределами данного ареала; 2) потребностью в увеличении качества продуктов перевода, содержащих эндемическую лексику; 3) интернационализацией эндемических регистров, приводящей к необходимости разработки теоретически обоснованных способов перевода эндемических сегментов словарной системы современного русского языка на немецкий и английский языки; 4) укреплением рамок академического обмена и становлением Томска как центра мирового образования.

Для достижения указанной цели исследования необходимо решить следующие *задачи*: во-первых, определить, чем вызваны трудности перевода реалионимов; во-вторых, провести анализ имеющихся переводов томских реалионимов на немецкий и английский языки; в-третьих, предложить алгоритм работы над переводом томских реалионимов на указанные языки.

Материалом исследования послужил корпус томских реалионимов в количестве 925 единиц, отобранных методом сплошной выборки из энциклопедий, исторических справочников, статей научных сотрудников краеведческих музеев и сайтов о Томске и Томской области, а также имеющиеся переводы томских реалионимов в составе туристических текстов на немецком и английском языках («Путеводитель-дайджест по городу Томску» (2011), «Томск исторический» (2006), «Tomsk mit den Augen der Russlanddeutschen» (2012), «DAS LAND TOMSK» (2006, в 3-х частях), сайты «Tomsk region», «Tomsk city», «Tomsk State University», «Landmarks and places of interest in Tomsk», «Tomsk Tourist Attractions, Landmarks, Monuments and Sightseeing»).

В статье применяются следующие *методы исследования*: методы логики, метод компонентного анализа, описательный метод, сравнительный метод, метод обобщения.

Структурно-системный подход позволяет изучать томские реалионимы как подсистему взаимосвязанных элементов и их комбинаторные возможности при переводе на немецкий и английский языки в составе текстов различных стилей и жанров.

Теоретической базой исследования послужили публикации М. П. Брандес, Ю. В. Кобенко, К. Райс (K. Reiß), Г. Вермеер (H. J. Vermeer), Л. Вентути (L. Venuti), Х. Спраул (H. Spraul), в которых затрагивается проблема адекватного и эквивалентного перевода эндемической лексики, а также критериев перевода.

Практическая значимость результатов, полученных в ходе исследования, заключается в возможности их использования при обучении иностранным языкам, теории и практики перевода, при чтении ряда теоретических курсов – общего, частного и сопоставительного языкознания, сопоставительной лексикологии, при передаче реалионимов других ареальных регистров. Параллельный корпус томских реалионимов, представленный в приложении к работе, представляет лексикографическую ценность.

Термин «реалионим» был введен Ю. В. Кобенко и Е. С. Тарасовой для обозначения реалий уклада жизни, культуры и истории определенного ареала [9]. В теории перевода укоренилось и другое обозначение реалионимов, пришедшее в лингвистику из ботаники и аппарата социолингвистики, – эндемические единицы. «Эндемик» с греческого языка переводится как «местный».

Томские реалионимы представляют собой эндемические единицы, в которых отражена общественно-политическая, культурная, историческая жизнь данного ареала. Эндемический характер и неизвестность данных единиц за пределами автохтонной коммуникативной среды делают их привлекательными для типологических исследований и переводческой параллелизации.

Несмотря на все многообразие способов и приемов перевода реалионимов, эндемические единицы продолжают вызывать трудности при создании параллельных регистров и провоцировать ошибки (переводческий натурализм, логические ошибки, фактологические ошибки, фрагментарный перевод) [6].

Эрратологические практики перевода томских реалионимов, предшествовавшие появлению осмысленных способов перевода и структурно-системного подхода, стали импульсом для создания холистической типологии структурных типов описываемых эндемических единиц, значительно упрощающей деятельность переводчиков-германистов.

Установлено, что существующие способы перевода томских реалионимов на немецкий и английский языки носят спорадичный характер, например, «Лагерный сад» – ¹Park “Lagernej Sad” / ²Lagergarten / ³Lagerneyi Garten (нем.); ¹Lagerney Garden / ²The Lagerney (Camp) Garden / ³Camp Garden / ⁴The Lagerney Gardens (англ.) [10; 13].

Ряд исследователей связывают трудности перевода реалионимов со следующими проблемами:

1. Отсутствие словарных соответствий в языке перевода. Реалионимы не имеют словарных эквивалентов в языке перевода, соответственно, не могут быть переведены в словарном порядке. Найти томский реалионим «Томский электромеханический завод имени В. В. Вахрушева» в двуязычном русско-немецком или русско-английском словаре не представляется возможным. Однако очевидно, что некоторые реалионимы имеют единичные соответствия в языке перевода, и отдельные составные компоненты сложных эндемических единиц могут быть переведены в словарном порядке [2, с. 301]. Так, например, по отдельности или как словосочетание «электромеханический завод» может быть найден как в русско-немецком, так и в русско-английском словаре.

2. Неправильное понимание значения собственных реалий. При переводе реалионимов с родного языка переводчик не должен сталкиваться с проблемой понимания значения реалии [8, с. 86]. Однако результаты анализа переводов томских реалионимов с русского языка на немецкий и английский языки показали, что переводчики допускают подобного рода ошибки, потому что не знают, чем мотивирован реалионим, соответственно, в ряде случаев происходит подмена, например, категории проприальности категорией принадлежности и наоборот. К примеру, «Особняк Асташева» – “the Astashev Palace”, особняк располагался в черте города и принадлежал томскому золотопромышленнику И. Д. Асташеву, следовательно, эквивалентным переводом на английский язык является “Astashev’s city villa”; Мариинская женская гимназия – *Mariinskij-Mädchengymnasium / das Mariinsker Gymnasium, прилагательное «Мариинская» образовано от антропонима «Мария», полное имя – императрица Мария Александровна, жена Александра II, в честь которой была названа гимназия, поэтому адекватным переводом реалионима на немецкий язык является “das Zarin-Maria-Mädchengymnasium” или “das Mariinskaja-Mädchengymnasium”.

3. Сохранение колорита эндемической единицы. При переводе лингвоспецифических единиц, к которым относятся реалионимы, необходимо передать не только семантику, но и сохранить культурный колорит эндемической единицы. В связи с этим переводчиками часто используются приемы транслитерации и транскрипции для их передачи. Росту натуралистических продуктов способствует и промежуточный статус реалионимов, который побуждает переводчиков обращаться со словами как с именами собственными и неоправданно фиксировать их фонемный или графический состав, игнорируя структурные признаки, например: «Лагерный сад» – “Lagernej Sad”, “Lagerney Sad” (англ.), «Воскресенская гора» – “Woskressenskaja gora” (нем.).

Формализация и, как следствие, консервация видовой (онимной) части эндемической единицы не раскрывают структуру лексической единицы и создают предельно избыточный локальный колорит, лишённый функционально-стилистической привязки.

Кроме выделения ономастических классов томских реалионимов, возникла необходимость в структурной сегрегации эндемических единиц, так как, во-первых, тематическая принадлежность реалионима к тому или иному субклассу онимной лексики не влияет на выбор способа передачи реалионима; во-вторых, структура данных эндемических единиц даже в рамках одного конкретного сегмента, например ономастического,

может быть как одно-, так и многокомпонентной; в-третьих, структурные особенности зачастую являются источником переводческих ошибок ввиду того, что переводчик пренебрегает композиционными особенностями эндемических единиц [5, с. 140].

Структурная типология томских реалионимов насчитывает 6 классов с базовыми структурными схемами: класс 1 (имя прилагательное + имя существительное), класс 2 (имя существительное + имя существительное в дательном падеже), класс 3 (имя существительное + имя существительное в родительном падеже), класс 4 (имя существительное + имя существительное в именительном падеже), класс 5 (имя существительное + предлог + имя существительное), класс 6 (числительное + (имя прилагательное) + имя существительное) [12, р. 3]. Томские реалионимы представляет собой 925 сочетаний из двух и более слов. Элементы данных словосочетаний связаны между собой подчинительной связью грамматически или семантически.

Основной задачей выделения структурных классов и типов исследуемых единиц выступает их композиционная детерминация с целью облегчения работы потенциальных переводчиков и германистов при подготовке адекватных, эквивалентных, когезивных и когерентных транслятов исходных элементов лексических множеств и текстов как продуктов речевой комбинаторики данных элементов. Ценность построения структурной типологии понимается через необходимость проведения процедуры предпереводческого анализа элементов исходных лексических множеств. Сложные эндемические единицы с аналогичной структурой могут иметь разную семантику, и только структурно-системный подход к переводу дает возможность сделать правильный выбор в отношении способа перевода реалионимов, относящихся к определенному структурному типу [3, с. 141].

Установлено отсутствие закономерности между принадлежностью реалионима к определенной ономаσιологической группе или какому-либо субклассу онимной лексики и выбором способа его передачи. Реалионимы, относящиеся к разным субклассам, могут быть переведены с помощью одного приема, например: топоним «Коммунальный мост» – “*die Kommunalbrücke*” (дом.) / “*die Kommunalnyj Brücke*” (фор.), гидроним «Песчаное озеро» – “*der Sandsee*” (дом.) / “*der Pjestschanoje See*” (фор.), эклезионим «Петропавловский собор» – “*der Peter-Paul-Kathedrale*” (дом.) / “*der Petropawlowskij Kathedrale*” (фор.). Реалионимы определенной ономаσιологической группы в ряде случаев переводятся различными способами, например: ойкодонимы «Музей археологии и этнографии Сибири им. В. М. Флоринского» – “*Das Florinskij-Museum für Archäologie und Ethnographie Sibiriens*”, «Томский областной художественный музей» – “*Das regionale Kunstmuseum Tomsk*”.

Решающую роль при адекватном и эквивалентном переводе реалионимов играет жанрово-стилистическая отнесенность текста, содержащего эндемические единицы, так как функционально-стилистические разновидности литературного языка и их жанровое наполнение функционально неоднородны.

Наибольшее количество реалионимов содержится в текстах литературных произведений различных жанров (романы, повести, рассказы, поэмы и т.д.), а также в составе путеводителей, буклетов, брошюр, каталогов, проспектов и других жанров, относящихся к публицистическому стилю.

Художественный стиль характеризуется образностью и эмоциональностью, поэтому слово в художественном произведении служит для эстетического воздействия на читателя посредством художественных образов. Осуществляя перевод реалионимов в текстах художественной литературы в зависимости от контекста и места реалионима в тексте, переводчик принимает решение передать национально-культурный колорит эндемической единицы путем транслитерации (транскрипции) или осуществляет перевод, чтобы приблизить реалионимы к нормам принимающего языка и избежать трудностей понимания описываемой ситуации.

Публицистическому стилю присуще логическое изложение с опорой на факты, обеспечивающее достоверность и информативность. Среди всего многообразия жанров туристической направленности (экскурсия с гидом, диалог с туроператором, брошюры, буклеты, проспекты, каталоги, путеводители и т.д.) самым распространенным, сложным и специфическим является жанр путеводителя, который характеризуется стремлением автора объяснить и указать дорогу к пункту назначения, т.е. к той или иной достопримечательности. К особенностям жанра путеводителя относят популярное изложение, точную интерпретацию содержания текстов путеводителей, туристических брошюр и интернет-сайтов, в которых содержится важная информация, обеспечивающая беспрепятственное перемещение туристов в конкретной местности [1].

Таким образом, способы перевода реалионимов зависят от стиля речи, в которой они функционируют. Данные стили можно соотнести с терминологической диадой Л. Венути «доместикация и форенизация» [7, с. 203; 14, р. 41]. Если реалионимы функционируют в текстах художественного стиля, следует придерживаться доместичированной версии перевода реалионимов, обеспечивающей легкость и доступность восприятия текста. Если реалионимы функционируют в текстах публицистического стиля – форенизированной версии, обеспечивающей максимальное воспроизведение информации, содержащейся в эндемической единице. Важно избегать культурной ассимиляции посредством доместикации эндемических единиц, которая в данном случае препятствует реализации главной цели подобных изданий, а также может быть причиной подмены томских реалионимов единицами других историко-культурных сред и ареалов.

Главными критериями качественного перевода являются эквивалентность и адекватность. Эквивалентность представляет собой формальное соответствие оригиналу, адекватность как функциональная сторона языка представляет собой не только содержательную сторону перевода, но также смысловую и функциональную [4]. Осуществить эквивалентный перевод достаточно сложно, так как эквивалентность предполагает количественное соответствие единиц исходного текста и текста перевода. Перевод является адекватным только в том случае, когда переводчику удастся полностью передать содержательный компонент эндемической единицы, выражением которого является структура комбинируемых элементов.

Согласно теории *skopos* (теория перевода) выбор стратегии и способов перевода зависит от определенной цели [11, С. 95]. *Skopos* перевода определяется целевой аудиторией и ее культурным контекстом. В соответствии с этими параметрами осуществляется выбор адекватных методов и стратегий перевода. Цели перевода разнообразны и зависят от жанрово-стилистической принадлежности текста, так, при переводе реалионимов в текстах литературно-художественного стиля и в текстах публицистического стиля *skopos* перевода будет отличаться. Поэтому одной эндемической единице языка оригинала могут соответствовать несколько переводных вариантов в языке перевода.

Выбор способа перевода реалионима зависит не только от жанра текста, необходимо учитывать словообразовательные возможности сопоставляемых языков и степень известности реалионима для принимающей аудитории. Как правило, адресат является представителем иной языковой культуры и не имеет представлений о тех или иных реалионимах в языке оригинала, поэтому, например, использование транскрипции или транслитерации в некоторых случаях приведет к тому, что текст будет перегружен лексическими единицами, понимание значения которых может вызвать трудности. При переводе текстов жанра путеводителя переводчику следует отдать предпочтение смысловому содержанию реалионима с учетом структуры сложной эндемической единицы, а не передаче особого колорита.

Критерии перевода томских реалионимов базируются на структурно-системном подходе и основаны на соблюдении норм русского, немецкого и английского языков. Критериями перевода являются: структура онимной сложной единицы в русском языке (структурный тип помогает определить способ номинации единиц эндемического сегмента в языке оригинала и в соответствии с нормами немецкого и английского языков подобрать эквиваленты), адекватная передача содержания и смысла реалионимов (семантическая близость к оригиналу), соблюдение норм немецкого и английского языков (при переводе реалионимов учитываются словообразовательные возможности русского, английского и немецкого языков, так как способы выражения различных грамматических категорий и особенности словообразования в указанных языках существенно отличаются), жанрово-стилистическая приуроченность текста (стратегии форенизации/доместикации).

В соответствии с разработанными критериями перевода мы предлагаем следующий *алгоритм работы над переводом томских реалионимов*:

1) определить структурный тип эндемической единицы сообразно с предложенной структурной классификацией томских реалионимов;

2) подобрать адекватные варианты в языке оригинала, не нарушая нормы (на данном этапе переводчик имеет возможность предложить не один единственно верный вариант, а несколько нормативных и эквивалентных);

3) сделать выбор между форенизированным и доместицированным вариантом перевода эндемической единицы, например, форенизированный вариант перевода *der Beloje See* (нем.) уместен в тексте путеводителя по городу Томску, доместицированный вариант *der Weißsee* (нем.) – в текстах художественного стиля.

В результате исследования особенностей перевода томских реалионимов на немецкий и английский языки мы приходим к следующим *выводам*. Частые эрратологические практики перевода реалионимов связаны с игнорированием структурных особенностей единиц эндемического сегмента. Переводчик упускает важные элементы в структуре композитов, в ряде случаев происходят взаимоподмена категорий проприальности и принадлежности, нарушение перевода словообразовательных механизмов русского, немецкого и английского языков. Разработанные критерии перевода должны снизить количество эрратологических ошибок, а также существенно сократить количество натуралистических продуктов перевода. Предложенный алгоритм работы над переводом эндемической лексики, при параллелизации разноязычных регистров, имеет своей целью облегчить работу переводчика и помочь выбрать оптимальный способ перевода для адекватной и эквивалентной передачи единиц эндемического сегмента.

Перспективой для продолжения работы в рамках данной темы является создание электронной версии параллельного корпуса томских реалионимов.

Список источников

1. Базарова Л. В. Особенности перевода туристических статей и путеводителей // Научный альманах. 2015. № 11 (13). Ч. 5. С. 257-259.
2. Гарбовский Н. К. Теория перевода: учебник и практикум для академического бакалавриата. Изд-е 3-е, испр. и доп. М.: Юрайт, 2018. 387 с.
3. Кобенко Ю. В., Тайдонова С. С. Структурно-системный подход к переводу томских реалионимов на немецкий язык // Образование и культура: сб. мат-лов Международной научно-практической конференции (г. Набережные Челны, 10 марта 2020 г.) / отв. ред. А. Г. Мухаметшин, Н. М. Асратян, Э. Р. Ганиев. Набережные Челны: НГПУ, 2020. С. 139-143.
4. Кобенко Ю. В., Шаранова И. В. Эквивалентность и адекватность: попытка демаркации переводческих категорий [Электронный ресурс]. URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=18184> (дата обращения: 01.03.2019).
5. Меремкулова Т. И. Ономастологический анализ единиц заимствованного галльского пласта в современном немецком литературном языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 10 (76). Ч. 3. С. 139-141.
6. Тайдонова С. С. Структурно-ориентированные способы перевода томских реалионимов на немецкий язык в аспекте преодоления эрратологических переводческих практик [Электронный ресурс]. URL: http://tverlingua.ru/archive/059/10_59.pdf (дата обращения: 15.01.2020).
7. Шелестюк Е. В., Гриценко Э. Д. О форенизации и доместикации в переводе и возможностях их лингвистической оценки // Вестник Челябинского государственного университета. 2016. № 4 (386). С. 202-207.

8. Явари Ю. В. Особенности перевода реалий в фольклорных произведениях // Вестник Тверского государственного технического университета. Серия «Науки об обществе и гуманитарные науки». 2017. Вып. 1. С. 81-87.
9. Kobenko Yu. Y., Tarasova E. S. Peculiarities of Translating Realonyms into German // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2015. Vol. 206. P. 3-7.
10. Landmarks and places of interest in Tomsk [Электронный ресурс]. URL: <https://tourism.restexpert.com/russia/tomsk> (дата обращения: 15.06.2019).
11. Reiß K., Vermeer H. J. Grundlegung einer allgemeinen Translationstheorie. 2. Auflage. Tübingen: Niemeyer, 1991. 248 S.
12. Taydonova S. S., Kobenko Yu. V., Martseva T. A., Kostomarov P. I., Polyakova N. V., Persidskaya A. S., Riabova E. S. Structural Classes of Tomsk Realonyms in Translational Perspective // Thermophysical Basis of Energy Technologies (TBET 2019). AIP Publishing, 2019. P. 1-4.
13. Tomsk illustrierter Digest-Stadtführer = Путеводитель-дайджест по городу Томску. Томск: Д-ПРИНТ, 2011. 243 с.
14. Venuti L. The Translator's Invisibility: A History of Translation. 2nd ed. L. – N. Y.: Routledge, 2008. 353 p.

Developing Criterion Base for Translating Tomsk Realonyms into the German and English Languages

Taydonova Svetlana Sergeevna

*National Research Tomsk Polytechnic University
tss2018@yandex.ru*

The study aims to develop criteria of structure-oriented translation of Tomsk realonyms into German and English. Scientific novelty of the research lies in implementing the structural-systemic approach to conduct a morphological analysis of realonyms' components, to develop a criterion base for translating Tomsk realonyms; the researcher proposes theoretically substantiated ways of translating Tomsk realonyms and has created the Russian-German-English corpus of Tomsk realonyms. As a result, it was proved that in order to make an adequate and equivalent translation of the units belonging to the endemic segment, one has to take into consideration the structure of a composite, the genre of a text and derivational capabilities of languages.

Key words and phrases: Tomsk realonyms; endemic units; translation criteria; belles-lettres style; genre of travel guide.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.56>

Дата поступления рукописи: 29.10.2020

В статье поднимается вопрос о нормах перевода документалистики о живой природе. Целью исследования является определение устойчивых норм дублированного перевода документального фильма 1960-х гг. При изучении текста дублированного перевода была реализована имплементация модели анализа перевода аудиовизуального текста научно-популярного документального фильма о природе. Научная новизна данного изыскания состоит в том, что впервые был комплексно исследован аудиовизуальный текст дублированного перевода документального фильма 1960-х гг. Полученные результаты показали устойчивую значимость нескольких переводческих норм, которые сложились в советской практике дублированного перевода документальных фильмов в 1960-е гг.

Ключевые слова и фразы: нормы перевода; дублированный перевод; аудиовизуальный текст; перевод документального фильма о живой природе.

Филатова Екатерина Алексеевна

*МИРЭА – Российский технологический университет, г. Москва
ekafilatova@mail.ru*

Нормы перевода научно-популярных документальных фильмов о живой природе (на примере советского дублированного перевода документального фильма «Галапагос»)

Состояние российского кинематографа претерпело колоссальные изменения в конце 80-х гг. прошлого столетия, когда «videобум» охватил Советский Союз. Практически весь отечественный кинопрокат был «наводнен» зарубежной кинопродукцией. Данная тенденция сохраняется и по сей день. На российский рынок поступает огромное количество зарубежного аудиовизуального контента, однако перевод аудиовизуальных произведений не всегда выполнен на высоком уровне. Остро встает вопрос о качестве перевода зарубежных фильмов, в частности документальных фильмов о живой природе. В отечественном переводе отсутствуют теоретические и методологические работы, посвященные нормам перевода аудиовизуальных текстов научно-популярных документальных фильмов. По словам Е. Д. Маленовой: «В настоящий момент российское переводоведение... делает всего лишь первые шаги в направлении осмысления феномена аудиовизуального перевода и исследования его особенностей и закономерностей» [5, с. 42]. В этой связи Е. Д. Маленова

говорит о «необходимости разработки отечественной парадигмы исследования аудиовизуального перевода, проведения эмпирических исследований в русле дескриптивного переводоведения... изучения особенностей перевода аудиовизуальных произведений...» [Там же]. **Актуальность** данного исследования обусловлена растущей потребностью исследователей в разработке системного подхода к определению качества и норм перевода аудиовизуальных произведений в XXI веке, количество которых постоянно увеличивается.

Для достижения указанной цели требуется решить следующие **задачи**: во-первых, необходимо совершить краткий экскурс в историю отечественного дубляжа в период 60-70-х годов прошлого столетия; во-вторых, выполнить комплексный анализ текста дублированного перевода документального фильма «Галапагос» 1962 года выпуска на микро- и макроуровнях; в-третьих, выяснить, к каким переводческим стратегиям и трансформациям прибегал переводчик при создании текста дублированного перевода документального фильма в 60-х годах.

В статье использовались **методы** лингвистического наблюдения, описания, обобщения и метод сплошной выборки.

Теоретической базой исследования стали комплексная модель анализа перевода В. Н. Комиссарова [4], многоуровневая модель Ламбера – Ван Горпа [12], работы М. Я. Цвиллинга [8] и Г. П. Бакулева [1].

Практическая значимость работы состоит в том, что материалы исследования могут быть использованы в вузах гуманитарного направления при изучении спецкурсов, посвященных теории и практике перевода аудиовизуальных произведений. Кроме того, полученные результаты исследования могут найти применение при создании учебников и учебных пособий по аудиовизуальному переводу.

Период 60-80-х годов прошлого столетия характеризуется тем, что в СССР начали появляться зарубежные киноленты. Так, на экранах советского телевидения можно было увидеть зарубежные фильмы, которые были дублированы. Кроме того, в указанный период проходили кинофестивали, где на суд зрителей были представлены зарубежные киноленты, озвученные в момент показа при помощи закадрового синхронного перевода.

Известный переводчик М. А. Загот, которому довелось в определенный период своей переводческой деятельности переводить кинопродукцию, говорит о том, что перевод фильмов в период 70-80-х годов можно было назвать периодом «кустарного романтизма», так как переводчики прилагали массу усилий и профессиональных навыков для осуществления качественного продукта. Оценивая их работу, Михаил Александрович констатирует, что «переводчики видео работали безо всяких текстов, на вдохновении, с колоссальными затратами нервной энергии – делали все, что могли. И если не очень сильно врал и не сильно нарушали нормы русского языка, им уже можно было сказать “спасибо”» [3, с. 53].

Необходимо выяснить, что собой представлял дублированный перевод в 60-70-х годах прошлого века. Итак, история дублированного перевода берет свое начало в прошлом столетии. Первым дублированным фильмом в Советском союзе стал фильм «Человек-невидимка» 1933 года выпуска. После выхода данного фильма в прокат в США, «Союзинторгкино» приобрел данный фильм для дальнейшего показа в СССР. Перевод киноленты был выполнен в Научно-исследовательском кинофотоинституте (НИКФИ) в Москве. НИКФИ был организован в 1929 году для исследования и разработок во всех областях техники профессиональной кинематографии. Под руководством Марка Донского дублированный перевод фильма осуществлялся целой бригадой опытных переводчиков. На перевод и озвучивание картины под дубляж ушел целый год, поэтому советские зрители смогли увидеть фильм только в 1935 году [11].

Известный советский кинорежиссер и сценарист Марк Семенович Донской стал первым советским режиссером дубляжа американского фильма «Человек-невидимка». Начало перевода под дубляж зарубежных фильмов было положено, однако Великая Отечественная война приостановила знакомство советского зрителя с зарубежными кинолентами вплоть до 1945 года.

В период с 1945-го по 1990-е годы киноиндустрия претерпевает разные изменения. В послевоенный период на экраны советских кинотеатров выходят трофейные немецкие ленты. Рост зарубежных картин значительно увеличивается, а вместе с тем растет количество кинолент для дублированного перевода. В 1956 году в Ленфильме открылся первый дубляжный цех. Отечественная школа дубляжа на тот момент считалась одной из лучших на мировой арене киноиндустрии [6, с. 22-23].

Несмотря на то, что первый дублированный перевод появился в 30-е годы прошлого столетия, данное понятие отсутствует в Словаре лингвистических терминов О. С. Ахмановой (1969 года издания). Считаем целесообразным обратиться к Большой Советской Энциклопедии, где в словарной статье, посвященной дублированию фильма, детально описан процесс создания дублированного фильма. «Дублирование фильма, дубляж, воспроизведение речевого рисунка звукового фильма на языке другого народа. Дублирование фильма состоит из 2-х стадий: 1) создание синхронного с изображением текста фильма, 2) воплощение этого текста при работе режиссера с актерами во время речевой тонировки» [9].

Далее идет детальное описание процесса дублирования фильма, который состоит из нескольких этапов: склеивание колец из кусков пленки, прослушивание интонационного рисунка автором «будущего экранного текста», поиск слов в переводящем языке, которые бы соответствовали артикуляции актеров зарубежного фильма. После завершения работы с экранным текстом наступает заключительный этап – «речевая тонировка», т.е. «слияние речевого рисунка со всеми нюансами физической жизни актера в оригинальном фильме» [Там же].

Как уже было сказано ранее, процесс озвучивания фильмов в 60-х годах прошлого столетия представлял собой многоэтапный процесс. В этот период дублирование фильмов происходило на киностудии им. Горького, киностудиях «Моснаучфильм» и «Союзмультфильм». Целая бригада работала над созданием дублированного фильма. В дубляжном цехе участвовали «актриса – укладчица», работа которой проходила во взаимодействии с автором перевода фильма. В процессе озвучивания фильма «актриса – укладчица» могла получить

консультацию от переводчика и редактировать звучание фразы непосредственно в киностудии. Руководил всей работой режиссер, который контролировал процесс озвучивания фильма и вносил коррективы. Такой состав творческой команды сейчас – редкость. Процесс дублирования фильма также состоит из нескольких этапов, но взаимодействие автора перевода, укладчика и актера не всегда практикуется. Основное отличие подхода к дублированию в 1960-е гг. от современной практики состоит в том, что в первом случае подход к процессу озвучивания был комплексным, с участием нескольких специалистов, а во втором случае процесс озвучивания осуществляется одним человеком.

В связи с тем, что наше научное исследование посвящено переводу документальных фильмов о живой природе, мы сочли необходимым обратиться к дублированному переводу, который был выполнен в 60-х и 70-х годах прошлого столетия. Цель нашего детального анализа текста дублированного перевода состояла в том, чтобы выявить характерные черты и особенности перевода фильмов в прошлом веке и, основываясь на полученных результатах, выяснить, каким нормам должен отвечать переведенный текст документального фильма о природе в настоящее время.

Изучение материалов основывалось на комплексной модели анализа аудиовизуального текста научно-популярного документального фильма о живой природе. Данная модель представляет собой симбиоз комплексной модели В. Н. Комиссарова и многоуровневой модели Ламбера – Ван Горпа, интенция которой состоит в том, чтобы анализ переводного текста документального фильма был детальным и всеобъемлющим.

Сразу стоит оговориться: зарубежные документальные научно-популярные фильмы о живой природе 60-70-х годов – большая редкость. Найти дублированный документальный фильм советского периода достаточно трудно, а познакомиться с кинолентой на оригинальном языке не представляется возможным вовсе. В этой связи мы были вынуждены осуществить поездку в Госфильмофонд, где сотрудники архива нам предоставили возможность посмотреть документальный фильм «Галапагос» (в оригинале “Galapagos – Dream Island in the Pacific” – букв. «Галапагос – остров мечты в Тихом океане») 1962 года выпуска в советской «озвучке» на монтажном столе.

Режиссер и продюсер фильма «Галапагос» – Хайнц Зильманн (Heinz Sielmann). Дублированный перевод был выполнен в 1964 году на киностудии «Моснаучфильм», фильм озвучивал Борис Норкин, режиссер дубляжа – Р. Кондратьева.

Итак, применив комплексную модель анализа текста научно-популярного документального фильма, мы начали анализ текста дублированного перевода документального фильма «Галапагос» на макроуровне. Звучащий текст представляет собой закадровую наррацию без ведущего в кадре. Сам фильм традиционно состоит из шести частей: пролога, четырех частей и эпилога. Мы можем констатировать тот факт, что коммуникативная цель при дублированном озвучивании достигнута, так как превалирующая информативная функция высказывания реализована. Когнитивная информация донесена до реципиента в познавательной и увлекательной форме.

Для осуществления данной задачи переводчиком были использованы различные средства, в частности: конструкции с личным местоимением первого лица множественного числа, конструкции с глаголами в форме повелительного наклонения, риторические вопросы, восклицательные предложения, способствующие установлению контакта и имитации диалога со зрителем по ту сторону экрана.

Приведем несколько примеров:

1. Конструкции с личным местоимением первого лица множественного числа:

*«Поэтому на побережье, около которого проходит течение Гумбольдта, **мы** видим безотрадный мир»; «По сверкающим красным пузырям на горле **мы** узнаем самцов»; «А вот перед **нами** фламинго».*

2. Конструкции с глаголами в форме повелительного наклонения:

*«А вот, пожалуйста, наиболее удивительный вид этих маленьких птиц – дятловый юрок. **Давайте последуем за ним**».*

3. Риторические вопросы:

«Но как могли различные животные попасть сюда через море?»; «А что ищут маленькие юрки Дарвина в обществе дракона?».

На следующем этапе нами был рассмотрен текст дублированного перевода на микроуровне, в частности на уровне ситуации и способа описания ситуации. Несомненным остается то, что одной из первостепенных задач переводчика кинематографического произведения является создание такого текста перевода, который бы соответствовал узусу и нормам переводящего языка. Важно помнить, что на экранное слово падает большая смысловая нагрузка, поэтому для описания определенных ситуаций должны быть использованы установленные способы описания этих ситуаций в переводящем языке. Ниже приведены примеры, которые доказывают положение о том, что звучащая речь на родном языке в фильме должна неукоснительно соответствовать узусу и нормам переводящего языка:

*«Своим острым мечом она может **пробить** дно рыбацкой лодки»;*

*«В это время на берег высадились испанские завоеватели, которые, наступая вглубь материка, **отрезали им путь** к возвращению»;*

*«На утесах над водой **вьют** свои гнезда чайки».*

В данных примерах мы видим выделенные жирным шрифтом коллокации, которые характерны для русского языка.

Стоит упомянуть еще одно немаловажное требование, которое предъявляется к тексту перевода документальных фильмов, – использование приема прагматической адаптации. Суть данного приема сводится к адаптации

всех величин под те стандарты, которые приняты в переводящем языке. В нашем случае речь идет о метрической системе СИ [7, с. 20-21].

Ниже приведены примеры, в которых единицы измерения таких величин, как длин и веса переведены в соответствии с метрической системой:

«Черепашка достигает одного метра двадцати сантиметрами в диаметре. А ее вес – около пяти центнеров»;

«Они были в Тихом океане в 10-ти – 20-ти километрах от берега»;

«Размах крыльев некоторых альбатросов достигает трех с половиной метров».

Проанализировав синтаксические структуры текста дублированного перевода документального фильма «Галапагос», стоит отметить, что процент простых предложений значительно превышает процент сложных предложений в синтаксическом строе переведенного текста. Мы полагаем, что данная тенденция обусловлена особенностью перевода аудиовизуальных произведений. В связи с тем, что переводчик готовит текст под дублированное озвучивание, использование определенных синтаксических структур, которые не обременены причастными и деепричастными оборотами, оправдано. Речь актера дубляжа должна соответствовать показанному на экране изображению. Другими словами, одна из основных задач переводчика аудиовизуального произведения состоит в создании таких реплик на переводящем языке, которые бы с легкостью синхронизировались с изображением на экране, и был сохранен «тайминг» – время, отведенное на произнесение реплики.

М. Я. Цвиллинг, например, считает, что «степень синхронизации перевода с изображением – фактор намного более существенный и непосредственно воспринимаемый, чем синфазность обычного синхронного перевода. Запаздывание текста (даже монологического, не говоря уже о диалоге) создает такой разрыв между зрительным и слуховым восприятием, который может исказить смысл целого монтажного куска. Естественно, что перевод закадровой речи должен укладываться в продолжительность кадра» [8, с. 110].

В первую очередь данное требование к дублированному тексту актуально для такого понятия в киноиндустрии, как «липсинк» (lip-sync), т.е. своего рода синхронизация движения губ со звуком. Данный вид «укладки» дублированного текста характерен для текста, сочетающего в себе закадровую нарративную и монолог, который произносится ведущим в кадре; для текста, представляющего собой закадровую нарративную, монолог ведущего в кадре и диалог, который происходит между ведущим и собеседниками на экране.

В отношении типовых синтаксических структур дублированного текста документального фильма «Галапагос» следует сказать, что он избилует простыми распространенными и нераспространенными предложениями. Ниже приведены примеры:

«Здесь кто-то уже побывал и повалялся»; *«Слоновые черепахи»;* *«Они живут до двухсот лет»;* *«Это чистые вегетарианцы».*

Рассмотрим семантический уровень дублированного текста документального фильма «Галапагос». В тексте встречается большое количество названий животных и птиц, как таковые сложные термины, характерные для областей науки, которым посвящен фильм, – географии, зоологии, ботаники – отсутствуют. Зачастую переводчик нивелирует терминологический аппарат, так как документальные фильмы ориентированы на широкий круг зрителей, которые не являются специалистами в той или иной области науки.

В тексте дублированного фильма «Галапагос» наблюдается тенденция использования переводческой стратегии доместикации при переводе названий животных и других представителей фауны. Продиктована данная особенность тем, что переводчик преследует цель адаптировать названия птиц и животных к нормам принимающей культуры для более удобного восприятия информации реципиентом. Так, например, вместо названия «помакантовые» переводчик использует стратегию «доместикации» и прибегает к более благозвучному названию для принимающей страны – «рыба-ангел». Вместо «желтохвостая лакедра» – «желтохвостые рыбы-купальщицы». Важной при переводе является ассимиляция иностранных элементов в целевую культуру.

На последнем этапе анализа текста дублированного перевода нам необходимо изучить аудиовизуальную составляющую. Как было сказано ранее, из-за отсутствия возможности увидеть фильм на оригинальном языке нам сложно судить о том, смог ли режиссер дубляжа сохранить и имплементировать в русской звучащей речи все составляющие компоненты интонации и интонационный рисунок. Однако мы можем констатировать тот факт, что все особенности интонационного рисунка речи, характерного для русской звучащей нарративной, актер дубляжа сохранил при озвучивании. Данный факт является витальным для аудиовизуального перевода.

Отметим, что в Советском Союзе актеры дубляжа пытались не столько скопировать роль при переозвучке, сколько заново сыграть. Актеры записывались вместе, временами их взаимодействие напоминало радиоспектакль [10].

Следует сказать, что интонация играет немаловажную роль при дублировании фильма, так как она выполняет еще и фатическую функцию, которая необходима для реализации коммуникативной цели научно-популярного документального фильма. Использование всех компонентов интонации (ударение, мелодика речи, темп речи, тембр, пауза) делает звучащую речь привлекательной и доступной для реципиента.

В приведенном примере небольшого отрезка звучащей речи актер дубляжа делает смысловые паузы и делает ударными некоторые слова. *«Баррингтон // – остров морских львов. Когда-то они были очень распространены, // но люди истребляли их тысячами, и теперь // они в некоторых местах // стали редкостью».*

На наш взгляд, очень четкую задачу дублированного перевода выдвинул В. П. Гайдук, который пишет о том, что «дубляж должен давать исчерпывающую информацию о происходящем на экране. Такая информация является необходимой и безусловно коммуникативной в силу того, что она передается средствами

языка национального зрителя. Кроме того, она эмоционально насыщена и выполняет функцию художественного познания, ибо осуществляется в интерпретации национальных актеров» [2, с. 95].

На завершающем этапе анализа текста дублированного перевода нам необходимо исследовать общесистемные связи. Насколько нам известно, дублированный перевод данного фильма является единственным, и провести компаративный анализ мы не сможем, однако текст дублированного перевода документального фильма «Галапагос» можно сравнить с «родным аналоговым текстом».

Проведенное сравнение текста дублированного перевода фильма и русскоязычных текстов отечественных документальных фильмов о природе свидетельствует о том, что есть схожесть этих текстов по определенным параметрам. Так, в дублированном переводе сохранены такие «традиционные компоненты», как синтаксические конструкции, единицы измерения физических величин, которые указаны в метрической системе СИ. Кроме того, отсутствует терминологический аппарат. Определенный интонационный рисунок, типичный для русской речи, использован и в дублированной речи.

Обобщая все вышесказанное, мы не можем не согласиться с важными наблюдениями относительно специфики дублирования, которые сделал Г. П. Бакулев. По его мнению, дублирование – «попытка скрыть иностранный характер фильма за счет создания видимости, что актеры говорят на языке зрителя. Дублированные фильмы становятся как бы местными. Иностранные высказывания приводятся в соответствие с внутренними нормами и критериями. Даже иностранный диалект должен быть переведен в соответствие с каким-то примерным эквивалентами, существующими в целевой лингвистической системе» [1, с. 53]. Ссылаясь на Венути, Г. П. Бакулев говорит о том, что «одомашнивание» (domestication) представляет собой «перевод на понятный современный “невидимый” стиль, чтобы минимизировать “чуждость” целевого текста» [Там же, с. 52].

Подводя итог нашего анализа, выделим те переводческие нормы, которые сложились в советской практике дублированного перевода документальных фильмов о природе и которые доказали свою значимость и устойчивость в отечественном кинопереводе 1990-2010-х гг.:

- 1) норма использования синтаксических конструкций с личным местоимением первого лица множественного числа, конструкций с глаголами в форме повелительного наклонения, риторических вопросов, восклицательных предложений;
- 2) норма соответствия текста перевода узусу переводящего языка;
- 3) норма перевода величин в соответствии с измерительной системой принимающей страны;
- 4) норма использования «не отяжелённых» синтаксических структур;
- 5) норма синхронизации звучащей речи с изображением на экране;
- 6) норма нивелирования терминологического аппарата;
- 7) норма использования переводческой стратегии доместикации при переводе названий представителей флоры и фауны;
- 8) норма имплементации интонационного рисунка, свойственного оригинальной речи, при озвучивании на переводящий язык;
- 9) норма опоры на «родной аналоговый текст» при переводе.

Таким образом, на основании проведенного исследования сделаем следующие **выводы**. Посредством имплементации модели анализа перевода аудиовизуального текста в процессе изучения текста дублированного перевода документального фильма «Галапагос» 1962 года выпуска нами были выявлены на макро- и микроуровнях характерные переводческие нормы и устойчивые тенденции использования переводческой стратегии – доместикации, приема прагматической адаптации, нивелирования терминологического аппарата. **Перспектива исследования** видится в возможности применения полученных результатов при компаративном анализе текстов перевода документальных фильмов о живой природе нынешнего времени и 60-х годов прошлого столетия.

Список источников

1. Бакулев Г. П. Стратегии аудиовизуального перевода // Вестник Всероссийского государственного института кинематографии. 2014. № 4 (22). С. 48-60.
2. Гайдук В. П. «Тихий» перевод в кино // Тетради переводчика. 1978. № 15. С. 93-99.
3. Киноперевод: мало что от Бога, много чего от Гоблина. «Круглый стол» в редакции «Мостов» // Мосты: журнал переводчиков. 2005. № 4 (8). С. 52-56.
4. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. М.: ЭТС, 2002. 424 с.
5. Маленова Е. Д. Теория и практика аудиовизуального перевода: отечественный и зарубежный опыт // Коммуникативные исследования. 2017. № 2 (12). С. 32-46.
6. Матасов Р. А. История кино/видео перевода // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2008. № 3. С. 3-27.
7. Смирнов И. П. Методические рекомендации для переводчиков и редакторов научно-технической литературы. М.: ВЦП, 1988. 75 с.
8. Цвиллинг М. Я. Кино на уроке перевода // Тетради переводчика. 1972. № 9. С. 109-114.
9. <http://bse.sci-lib.com/article034101.html> (дата обращения: 12.10.2020).
10. <https://kinoreporter.ru/dublyazh-ili-subtitry-istoriya-lokalizacii-v-kinof/> (дата обращения: 14.10.2020).
11. <https://www.timeout.ru/msk/feature/496010> (дата обращения: 30.09.2020).
12. Lambert J., Gorp H. van. On Describing Translations // The Manipulation of Literature: Studies in Literary Translation / ed. by T. Hermans. L.: Routledge Revivals, 2014. P. 42-53.

Norms of Translating Popular Science Documentaries about Wildlife (by the Example of the Soviet Translation of the Documentary “Galapagos”)

Filatova Ekaterina Alekseevna

MIREA – Russian Technological University, Moscow
ekafilatova@mail.ru

The article discusses the problem of translation norms when translating documentaries about wildlife. The research objective includes identifying the translation norms used to translate a documentary of the 1960s. The study is based on theoretical provisions of domestic and foreign linguists – specialists in translation studies. Scientific originality of the paper lies in the fact that the researcher for the first time provides a comprehensive analysis of audio-visual translation of a documentary of the 1960s. The conducted research justifies importance of certain translation norms established by the Soviet audio-visual translators of the 1960s.

Key words and phrases: translation norms; dubbing; audio-visual text; translation of documentary about wildlife.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.57>

Дата поступления рукописи: 05.11.2020

Цель исследования – разработка в сопоставительном аспекте уровневой содержательно-смысловой структуры духовного мира с позиции христианского и католического восприятия в контексте диалога культур. **Научная новизна** заключается в том, что впервые одноуровневая словарная дефиниция «Рождество» рассмотрена с позиции многоуровневой структуры одноименного концепта, представленного в сознании представителей разных лингвокультур определенным набором содержательно-смысловых доминант. Данный аспект впоследствии стал отправной точкой для сопоставительного анализа концепта РОЖДЕСТВО в контексте диалога культур. **Результат** исследования – выявленная в ходе проведения лингвистического эксперимента многоуровневая система репрезентации концепта РОЖДЕСТВО в сознании представителей русской и британской лингвокультур.

Ключевые слова и фразы: концепт РОЖДЕСТВО; уровневая структура концепта; русская и британская лингвокультуры.

Швецова Виктория Михайловна, д. филол. н., доц.

Гончарова Наталья Александровна, д. пед. н.

Мичуринский государственный аграрный университет
vmsh72@yandex.ru; nata-alexa@mail.ru

Сопоставительное исследование концепта РОЖДЕСТВО в контексте диалога культур

В условиях мировой глобализации современный человек не только вынужден вступать во взаимодействие с представителями разных культурных традиций и религиозных воззрений посредством актуальной коммуникации, интернет-ресурсов, телевидения и кино, но и сам становится активным участником и создателем мирового поликультурного пространства. Это, в свою очередь, сопряжено с некоторыми трудностями, связанными с сохранением, осознанием и восприятием национальных духовных ценностей как фактора мирового культурного наследия в условиях мировой интеграции [11]. Одними из самых «неустойчивых» и «подвижных» в плане интеграции в разные культуры и лингвокультуры оказались похожие или совершенно отличающиеся в разных культурах религиозные праздники. При этом следует констатировать тот факт, что интерпретация упомянутых праздников, столетиями различающаяся между народами и религиями, стала преломляться носителями разных культур и религий с позиции своего мировидения и миропонимания. Данный факт можно объяснить тем, что праздники, несущие концепцию определенного праздничного настроения и отдыха и отвлекающие от повседневных забот, в наибольшей степени оказываются близки людям любого возраста, а особенно представителям молодежной среды, независимо от принадлежности человека к той или иной религии [1]. Так, люди студенческого возраста, которым в наибольшей мере открыт доступ к общению с представителями других языков и религий, охотно присоединяются к празднованию не только аналогичных своей культуре, но и отличающихся религиозных праздников, придавая данным фрагментам инородной культуры свое видение и понимание и наделяя данные праздники своими местами проведения, персонажами и декорациями.

Попутно заметим, что религия составляет важнейшую часть жизненного пространства современного человека, поскольку в религии индивидуум с присущей ему иррациональностью и отношением к вечности находит ответы на многие вопросы, определяющие его духовно-нравственные, культурные и ценностные ориентиры. Одним из самых популярных религиозных праздников, проникших в сознание представителей молодежной среды независимо от вероисповедания и культурных традиций, несмотря на разные даты празднования, является праздник Рождества Христова, очерченный в сознании людей концептом РОЖДЕСТВО,

сопоставительный анализ которого с позиции православного и католического восприятия духовного мира в контексте диалога культур мы постараемся представить в рамках настоящей статьи. Становится неоспоримым фактом, что именно диалог культур, повлекший усиление роли сопоставительного анализа в лингвистических исследованиях, определяет своевременность и *актуальность* настоящей работы.

В перечень *задач* исследования входят следующие:

- установить особенности поэтапного формирования содержания концепта РОЖДЕСТВО в сознании современной молодежи – носителей как русского, так и английского языка;
- выявить посредством лингвистического эксперимента многоуровневую систему репрезентации концепта РОЖДЕСТВО в сознании современной молодежи.

Цель исследования предполагает обращение к следующим *методам*: анализ научной литературы по теме исследования; сопоставительный анализ концепта РОЖДЕСТВО; лингвистический эксперимент; количественный подсчет и ранжирование; обобщение экспериментальных данных.

Исследование опирается на широкую *теоретическую базу*. Так, при анализе уровней концепта мы обращаемся к основным положениям когнитивного подхода к описанию языка и его единиц (Н. Н. Болдырев [3], Н. С. Болотнова [4] и др.). Ядерно-периферийная структура наиболее максимально отражает содержательные потенции концепта. Осмысление категории образа, формируемое определенным концептом, в зарубежном и отечественном языкознании связано с теорией ассоциативных возможностей различных категорий, представленной в работах А. А. Потевни [9], Г. Миллер [15] и др.

Изучение языковой картины мира и ее языковой репрезентации в сознании носителей языка составляет научный интерес ученых-лингвокультурологов (В. В. Воробьев [5], В. И. Карасик [7] и др.). Справедливо отмечается, что формирование национальных традиций и идей осуществляется на базе системы духовно-нравственных ценностей, верований и пр., наиболее распространенных в конкретную историческую эпоху в определенном обществе.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования данных, полученных в ходе сопоставительного анализа концепта РОЖДЕСТВО, в практике преподавания лингвистических дисциплин, что будет способствовать подготовке представителей молодежной среды к осуществлению адекватной межкультурной коммуникации в контексте диалога культур.

Субъективная интерпретация фрагментов инородной культуры представителями разных лингвокультурных сообществ является предпосылкой для усиления в лингвистической науке роли сопоставительного анализа как схожих, так и отличительных концептов, существующих в той или иной лингвокультуре. Говоря о сопоставительном анализе концептов, мы обращаемся к основным положениям когнитивного подхода [2; 3; 6], в рамках которого мы анализируем праздник Рождества как часть русской (православной) и английской (католической) духовных культур, показываем современное восприятие Рождества молодежной средой – представителями русской и британской лингвокультур, взаимодействие которых в условиях мировой мобильности людей планеты стало неоспоримым фактом. Объектом исследования в рамках когнитивного подхода выступает лингвокультурный концепт РОЖДЕСТВО, репрезентирующий в русскоязычной (православной) и англоязычной (католической) культурах при помощи определенных языковых и неязыковых средств; предметом исследования являются понятийная, предметно-образная и ценностная структуры данного концепта.

На том основании, что экспериментальная часть относительно восприятия концепта РОЖДЕСТВО проходит в рамках православной культуры, за основу сопоставительного анализа данного концепта берется концепт РОЖДЕСТВО с позиции православного видения обозначенного праздника. Также на том основании, что английский язык в большей степени ассоциируется с жителями Британских островов (британцы), за отправную точку анализа в рассмотрении данного концепта берется основной ход празднования Рождества Христова приверженцами Католической церкви.

Исследователями подчеркивается, что в России исторически сложились предпосылки для определяющей роли христианства, традиции и ценности которого, формировавшиеся веками, установили для наших соотечественников традиционные представления о семье, особенностях быта, об отношении к труду, родителям и подрастающему поколению, об особенностях восприятия внутреннего и внешнего мира человека и т.п. [7; 12-13]. Особенности отношения и восприятия религии в современном обществе во многом определяются культурно-историческими факторами. Вполне очевидно, что современное поколение России развивалось в русле атеистического воспитания. Развал СССР повлек утрату объединяющих нацию традиций и идей. В настоящее время в своих обращениях к гражданам РФ президент В. В. Путин неоднократно подчеркивает, что российское общество испытывает явный дефицит духовных скреп. Речь идет, прежде всего, о милосердии, сочувствии, сострадании друг другу, поддержке и взаимопомощи. Большое внимание со стороны мировой общественности к данной проблеме способствовало тому, что роль религии и церкви в современном обществе значительно возросла.

Проводя параллель между Россией как русскоговорящей страной и Британией как англоговорящей страной в аспекте почитания религии и церкви, следует акцентировать внимание на том факте, что жители Британских островов не подвергались такому активному атеистическому воспитанию, которое было принято в определенный исторический период в России. В настоящее время британцы имеют свободу в выборе вероисповедания. Тем не менее когда-то свобода в вероисповедании не была отличительной чертой жителей Британских островов, поскольку религия в данной стране напрямую была взаимосвязана не только с богатой историей государства, но и с действиями членов королевской семьи.

В настоящее время представители самых разных конфессий, являясь почитателями христианской веры и мирно проживая на территории Британских островов, празднуют схожие христианские праздники по-разному, адаптируя их под свою культуру. Как утверждают специальные источники, большая часть британцев является приверженцами Англиканской церкви, представляющей собой одну из самых развитых ветвей протестантского христианства, также в стране широкое распространение получили католическая и пресвитерианская конфессии [14]. Тем не менее, несмотря на такой исторический поворот событий в жизни британцев, ход празднования и даты проведения ряда значимых христианских праздников, среди которых католический праздник Рождества Христова, обнаруживают сходства, сближая видение религиозных праздников представителями разных конфессий. Однако, каким бы ни было разным или одинаковым восприятие схожих религиозных праздников разными народами и культурами, для лингвистики является возможным установить языковые, культурологические и др. особенности религиозных явлений в различных национальных картинах мирах, определить их сходства и различия.

Попутно заметим, что концепт РОЖДЕСТВО в русской и английской концептосферах является одним из центральных концептов, очерченных областью вероисповедания и отражающих особенности ментальности соответствующих народов. Само Рождество выступает в качестве национального кода, способного вернуть внутреннюю силу и смысл национального развития. Рождество является церковным праздником, посвященным воспоминанию о рождении Иисуса Христа. Праздник отмечается католиками 25 декабря, а Православной церковью (кроме Греческой) – 7 января. В церковной традиции он занимает четвертое место после Пасхи, Троицы и Крещения.

Рождественская ночь, или Рождественский сочельник, – главная ночь в году для верующих людей. Данному событию предшествовал Рождественский пост, по окончании которого, после вечернего богослужения в церкви, все домочадцы собирались за праздничным столом. По рождественскому обычаю колядовщики – часто это были дети – приходили в дома и славили песнопениями Христа, затем одаривались подарками со стороны хозяев. С того времени традиционно Рождество считается семейным праздником.

В глобальных масштабах праздник Рождества на Руси начали праздновать в X веке, когда христианство стало основной религией. Традиционно на Руси Рождество предшествовало празднованию Нового года и отмечалось 25 декабря, что было связано со старым (юлианским) календарем и тесным переплетением христианского праздника с языческим – Колядой, т.е. днем зимнего солнцестояния. В советское время в России (до 20-х гг. XX в.) этот праздник был государственным. Его отмечали верующие по григорианскому календарю. После отмены со стороны Советского государства религиозных праздников рождественские традиции были перенесены на празднование Нового года. Только в конце XX в. в России Рождество Христова стало выходным днем.

Более консервативно подходили и подходят к празднованию Рождества жители Британских островов. Определив много веков назад в результате логических рассуждений и математических расчетов дату рождения Христа как 25 декабря, британцы всегда были верны своим расчетам в почитании данного праздника. Так, 25 декабря британцы почитают как Рождество (Christmas Day), а 26 декабря британцы трактуют как Второй день Рождества, или День подарков (Boxing Day).

Представители современного поколения не всегда понимают роль и значение данного праздника. Одни считают его новым. Не зная его истории и традиций, люди воспринимают этот праздник в качестве очередного выходного дня. Другие видят в Рождестве возможность получить вознаграждение за песни, священный смысл которых непонятен молодежи. Сложившаяся проблема требует немедленного решения. Для того чтобы определить особенности восприятия концептуального содержания концепта РОЖДЕСТВО как фактора осознания русской и английской духовных культур, нами был проведен лингвистический эксперимент, в котором приняли участие русскоговорящие обучающиеся 1-3 курсов бакалавриата и 1-2 курсов магистратуры Социально-педагогического института ФГБОУ ВО «Мичуринский государственный аграрный университет» (направление подготовки: Педагогическое образование), англоговорящие обучающиеся в возрасте 18-21 года из Британии и Ирландии, проходящие довузовскую подготовку по русскому языку в рамках дополнительного образования, представляемого Международным отделом ФГБОУ ВО «Мичуринский государственный аграрный университет», и преподаватели в возрасте 23-25 лет из Британии, работающие в Учебном лингвистическом центре «Диалог» г. Мичуринска Тамбовской области.

Достоверность результатов данного лингвистического эксперимента обеспечивается привлечением к анализу материала носителей русского и английского языков в возрасте, соответственно, от 18 до 20 лет и от 18 до 25 лет (72 человека, из них 37 чел. – русскоязычные обучающиеся; 35 чел. – англоязычные обучающиеся и преподаватели – жители Британии и Ирландии). Попутно заметим, что привлекаемые англоязычные обучающиеся и преподаватели, будучи представителями христианской веры, но разных конфессий, почитали католический праздник Рождества Христова как значимый религиозный праздник, требующий должного внимания для соблюдения определенных традиций. Всем испытуемым предлагалось выполнить следующее задание: «Сформулируйте, пожалуйста, что такое “Рождество” в Вашем понимании?». Лингвистический эксперимент проводился в течение трех лет (с 2016 года по 2019 год).

С целью более полного и всестороннего анализа обозначенного концепта в рамках данного исследования мы обращаемся не только к словарной дефиниции, но и попутно устанавливаем особенности поэтапного формирования содержания данного концепта в сознании современной молодежи – носителей как русского, так и английского языка [8], а также обращаем внимание на культурный аспект интерпретации вышеупомянутого концепта. Так, на базе статей словарей русского языка реализована одноуровневая модель концепта РОЖДЕСТВО:

«Церковный христианский праздник рождения Христа, отмечаемый у православных 25 декабря (по старому стилю)» [8, с. 569; 10, с. 557].

В ходе проведения лингвистического эксперимента (на базе метода количественного подсчета и ранжирования) установлено, что в сознании современной русскоговорящей молодежи концепт РОЖДЕСТВО репрезентируется в виде следующей многоуровневой системы.

Первый уровень – «Рождественская ночь». Образы: ясли Христовы; вертеп Рождества; Вифлеемская звезда; пещера; рождественская елка; рождественский венок. Когнитивные признаки: таинство, божественный свет, просветленность, радость, мерцание, святость, благостное настроение.

Второй уровень – «Иисус Христос / Спаситель». Образы: младенец, Пресвятая Дева Мария, праведный Иосиф, Архангел Гавриил, Назарет, вифлеемские пастухи; пастыри и волхвы. Когнитивные признаки: спасение мира, непорочность, уверовавшие иудеи и поклонившиеся Христу язычники, вера; Иерусалим, жертва – две горлицы или два птенца голубиных.

Третий уровень – «Гуляния/Колядование». Образы: дети, колядовщики, красочные народные одежды; колядки, шутки, песни, прибаутки, пляски/танцы. Когнитивные признаки: затейливость, витиеватый, сказочный, шумный; стук в дверь; ночное веселье; подарки, деньги.

Четвертый уровень – «Торжество/празднование/пиршество». Образы: рождественское угощение, трапеза, разговение, окончание поста; рождественский гусь, рождественская индейка или утка, пироги, медовуха, сбитень. Когнитивные признаки: сытность, богатство вкусов, изобилие еды; красивая посуда, скатерть, сервировочные приборы.

Пятый уровень – «Елка / Новый год». Образы: елка, конфетти, шампанское, салют, фейерверк, каникулы. Когнитивные признаки: поздравление Президента, катание на санках и лыжах, искристый, морозный. Далее рассмотрим особенности восприятия содержания концепта РОЖДЕСТВО русскоговорящими студентами – приверженцами празднования православного Рождества 7 января.

Первый уровень исследуемого концепта – «Рождественская ночь» – выделяют 44% из числа опрошенных. Данный уровень формируется на основе духовного, православного аспекта воспитания молодежи. Сильны семейные традиции, осуществляется тесный контакт со старшим поколением. Образы данного уровня представляют собой символы и атрибуты христианской культуры; в свою очередь, когнитивные признаки репрезентируют проявления/свойства данных категорий в реальном мире. Ср. Вифлеемская звезда (образ) – божественный свет (когнитивный признак); вертеп Рождества (образ) – просветленность (когнитивный признак). Этот аспект подтверждается тематико-семантической природой слов.

Содержание второго уровня концепта РОЖДЕСТВО – «Иисус Христос / Спаситель» – выделяют 24% из числа опрошенных. Содержание данного уровня составляет так называемый «круг близких по родству и духу». Ср.: Пресвятая Дева Мария (личное имя матери Иисуса), Архангел Гавриил (возвещал ветхозаветному человечеству о будущем воплощении Сына Божия) и др. Данный уровень концепта формируется на основе единиц, называющих прецедентные имена, широко известные имена собственные или нарицательные, которые используются в качестве своего рода культурного знака, символа определенных качеств, событий, судеб. Например, волхвы – класс людей, пользовавшийся большим влиянием в древности и приобретший особую известность вследствие того, что представители его явились в Вифлеем поклониться новорожденному Христу. Их мудрость и сила, заключающаяся в знании, не были доступны обыкновенным людям. Волхвы выступают символом истины.

Третий уровень выделяют 12% из числа опрошенных, четвертый уровень выделяют 8% из числа опрошенных. Данные уровни концепта РОЖДЕСТВО обладают особой специфичностью, которая выражается в следующем. На базе системы их образов в сознании русскоговорящих обучающихся устанавливаются различия в отношении осмысления Рождественской ночи как праздника духовного очищения, когда можно вкушать угощения, прославляя рождение Иисуса Христа, и как пиршества светского, что, безусловно, связано со знаниями российской молодежи православных традиций. Гуляния, сопровождающиеся колядками, являются символом духовной чистоты. Неслучайно, что именно дети в сопровождении взрослых славили Христа. Кроме того, когнитивные признаки третьего уровня – «Гуляния/Колядование» – отражают озорной характер колядок, который привносится в праздничные песни детьми (ср.: затейливость, витиеватый, сказочный, шумный и др.). Образы же четвертого уровня – «Торжество/празднование/пиршество» – связаны с торжественной и обильной трапезой. В сознании русскоговорящей молодежи данный уровень репрезентируется не только с помощью собирательных, обобщенных понятий (ср.: рождественское угощение, разговение и др.), но и номинациями отдельных блюд и напитков (ср.: рождественская индейка, пироги, медовуха и др.).

Пятый уровень концепта РОЖДЕСТВО – «Елка / Новый год» – выделяют 7% из числа опрошенных. Данный уровень не связан со знаниями традиций православной культуры. Исследуемые связывают данную ситуацию со спецификой домашнего воспитания. Они воспитывались в семьях, в которых родители, бабушки и дедушки и др. связывают именно Рождество с Новым годом, что отражает традиции советского прошлого страны. На смену старой формации приходила новая, которая уничтожала все традиционные устои, предлагая свои реалии. Данный уровень составляет периферию концепта.

На базе результатов эксперимента остальных участников (12% из числа опрошенных) не представляется возможным установить дальнюю периферию концепта РОЖДЕСТВО. 5% респондентов испытали затруднения в определении данного концепта, ссылаясь на тот факт, что в их окружении, в семейных традициях данное понятие не бытует. На основе данных эксперимента, полученных у 7% опрошенных, невозможно установить периферийные уровни данного концепта в силу того, что образы, связанные с Рождеством, и когнитивные признаки концепта РОЖДЕСТВО характеризуются малочастотностью, а в некоторых случаях – единичностью.

Интерпретация концепта РОЖДЕСТВО в сознании участвующих в данном лингвистическом эксперименте русскоговорящих обучающихся позволяет смоделировать следующую цепочку: Священные атрибуты Рождества как символ православной веры (первый уровень) – Богомладенец Иисус Христос (второй уровень) – Рождество как пиришествво духа (третий уровень) – трапеза (четвертый уровень). Стоит отметить, что только пятый уровень концепта РОЖДЕСТВО – «Елка / Новый год» – не связан с православными традициями и воззрениями русского человека, не опирается на систему духовных, семейных ценностей, поэтому и составляет периферийную зону исследуемого концепта.

Далее проанализируем многоуровневость интерпретации концепта РОЖДЕСТВО англоговорящими обучающимися – приверженцами празднования католического Рождества 25 декабря.

Так, первый уровень концепта РОЖДЕСТВО – “Christmas Day” – ассоциируется носителями английского языка с церковным праздником, посвященным воспоминанию о рождении Иисуса Христа. Ассоциативное поле концепта РОЖДЕСТВО соотносится с церковной службой, с идеей единения людей во имя почитания Христа. В данном случае в интерпретации данного концепта лежит идея массового посещения церкви, где можно духовно приобщиться к великому событию – к рождению Христа. Данный уровень выделяют 18% опрошенных англоговорящих обучающихся и преподавателей.

Второй уровень трактования концепта РОЖДЕСТВО связан непосредственно с именем Христа и его мирскими страданиями. Ассоциативный ряд понимания данного концепта обращает англоговорящих студентов и преподавателей к рождественским праздникам и подготовке к Рождеству, которая начинается в ноябре, за 4 недели до самого праздника, а также к предрождественскому посту, называемому «Адвент» (Advent). У англоговорящих студентов и преподавателей имя «Христос» находится в тесной взаимосвязи с праздником Рождества и ассоциируется в их сознании с некой долей страдания (отказ от вкусной пищи) как малой долей тех страданий, который перенес Христос, живя на земле во имя спасения мира. Данный уровень выделяют 22% англоговорящих опрошенных обучающихся и преподавателей.

Третий уровень понимания концепта РОЖДЕСТВО основан на прославлении праздника в виде массовых гуляний на улицах городов, которые происходят после рождественского ужина с семьей. Ассоциативное поле данного концепта соотносится с рождественскими гимнами (Christmas carols), исполняемыми своим соседям группами людей. На данном уровне концепт РОЖДЕСТВО соотносится с весельем, радостью и частично – с пожертвованиями. Данный уровень выделяют 9% англоговорящих опрошенных обучающихся и преподавателей.

Четвертый уровень концепта РОЖДЕСТВО ассоциируется с «Рождественской ночью» (Christmas night) и праздничным рождественским обедом, обязательно предполагающим наличие за праздничным столом запеченной индейки и овощей. Праздничным обедом концептуализируется идея материальной составляющей в великом духовном празднике. Данный уровень выделяют 15% англоговорящих опрошенных обучающихся и преподавателей.

На пятом уровне трактования данного концепта доминантны ассоциации с рождественской елью (Christmas tree), которую украшают всей семьей, при этом иногда в семье украшают не одну, а две рождественские ели. Также ассоциации носителей английского языка с концептом РОЖДЕСТВО связаны с остролистом (holly), плющом (ivy), омелой (mistletoe) и рождественскими гирляндами (Christmas lights), которыми католики декорируют жилые дома и другие здания. Велики ассоциации Рождества с рождественским дедом (Father Christmas), или Санта-Клаусом (Santa Claus), оставляющим подарки в чулках (stockings) или в наволочках (pillow-cases). Не остались за пределами внимания англоговорящих студентов и ассоциации с рождественскими хлопучками-крекерами (Christmas cracker). Данный уровень выделяют 20% англоговорящих опрошенных обучающихся и преподавателей.

В ходе лингвистического эксперимента выяснилось, что 16% носителей английского языка – представителей молодежной среды – не смогли выявить свои ассоциативные связи с четким трактованием концепта РОЖДЕСТВО. Так, 9% из данного количества опрошенных англоговорящих обучающихся и преподавателей вообще не являлись приверженцами рождественских празднований, ссылаясь на отсутствие времени и наличие финансовых проблем, связанных с затратами на подготовку к Рождеству; у 4% англоговорящих обучающихся и преподавателей произошло смешение рождественских традиций, свойственных жителям России и жителям Британских островов – приверженцам католической веры; 3% англоговорящих обучающихся и преподавателей отметили наличие своих предпочтений в проведении Рождества, которые вообще оказались далеки от традиционного хода проведения данного праздника как жителями России, так и жителями Британии.

Результаты проведенного лингвистического эксперимента позволяют констатировать следующее:

– восприятие русскоговорящими обучающимися концепта РОЖДЕСТВО связано с осознанием данного концепта как фактора духовной культуры. В праздновании Рождества находят свое отражение христианские традиции, возрождающиеся в современном обществе под влиянием Православной церкви и государства. Под влиянием православных праздников трансформируется восприятие современной молодежью мирового порядка, а также личности и ее роли в социуме и духовном наследии. Материальные блага, связанные с наживой, с путями пиришестввами, не выступают для молодого поколения в качестве приоритетной основы жизни;

– в понимании концепта РОЖДЕСТВО англоговорящими студентами и преподавателями на всех уровнях интерпретации данного концепта происходит переплетение духовных и материальных ценностей, при этом материальные ценности связаны с чисто земными радостями, которые естественным образом дополняют духовный мир католика.

Таким образом, мы приходим к следующим теоретически обоснованным и экспериментально подтвержденным **выводам**.

Решение *первой задачи*, обозначенной в исследовании, позволило нам установить особенности поэтапного формирования содержания концепта РОЖДЕСТВО в сознании современной молодежи – носителей как русского, так и английского языка, а именно:

- в сознании русскоговорящей молодежной среды концепт РОЖДЕСТВО, представленный многоуровневой системой, формируется в опоре на духовные традиции православия;
- в сознании носителей английского языка концепт РОЖДЕСТВО также представлен многоуровневой структурой, выраженной в уровне организации данного концепта. Анализ структурных особенностей репрезентации концепта РОЖДЕСТВО в сознании носителей английского языка в сравнении с русскоговорящими людьми свидетельствует о том, что у англоговорящей молодежи Рождество соотносится с более богатым спектром восприятий рождественских реалий, что включает не только объемное трактование духовных ценностей, но и обращение к материальному пониманию рождественских торжеств. Данный факт обусловлен тем, что католическое Рождество имеет более консервативное восприятие представителями католической веры.

Решение *второй задачи*, предполагающей обращение к данным лингвистического эксперимента, позволяет выявить многоуровневую систему репрезентации концепта РОЖДЕСТВО в сознании современной молодежи в контексте диалога культур в противоборствующей одноуровневой модели концепта РОЖДЕСТВО, представленной в словарях в качестве словарной дефиниции.

Перспективным является дальнейшая актуализация в лингвистических исследованиях сопоставительного анализа для изучения схожих/отличительных концептов, существующих в той или иной лингвокультуре, с целью установления особенностей поэтапного формирования содержания данных концептов в сознании современной молодежи в контексте диалога культур. Данные лингвистической науки в области сопоставительного анализа обеспечат методическую основу подготовки представителей разных лингвокультурных сообществ для осуществления адекватного межкультурного взаимодействия в контексте диалога культур.

Список источников

1. **Бабушкин А. П.** Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1996. 103 с.
2. **Баркова А. Л.** Новый год: символика современного ритуала [Электронный ресурс]. URL: <http://mith.ru/alb/mith/newyear.htm> (дата обращения: 23.06.2020).
3. **Болдырев Н. Н.** Концепт и значение слова // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: научное издание: сборник / науч. ред. И. А. Стернин. Воронеж: Воронеж. МИОН; Воронеж. гос. ун-т, 2001. С. 25-36.
4. **Болотнова Н. С.** Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус. М.: Флинта; Наука, 2009. 384 с.
5. **Воробьев В. В.** Лингвокультурология. М.: Изд-во Российского университета дружбы народов, 1997. 331 с.
6. **Гончарова Н. А.** Истоки формирования концепта «патриотизм» в сознании подрастающего поколения // Идея патриотизма в системе воспитания подрастающего поколения: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. (Краснодарский край, с. Сукко; Всероссийский детский центр «Смена», 16-18 апреля 2019 г.). Пенза: Изд-во ПГУ, 2019. С. 101-106.
7. **Карасик В. И.** Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
8. **Ожегов С. И.** Словарь русского языка: ок. 57000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. Изд-е 20-е, стереотип. М.: Рус. яз., 1988. 750 с.
9. **Потебня А. А.** Мысли и язык: сборник трудов. М.: Лабиринт, 1999. 330 с.
10. **Словарь современного русского литературного языка:** в 17-ти т. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1961. Т. 12. 1676 с.
11. **Чуксина О. В., Кретинина Г. В., Гончарова Н. А.** Обучение англоязычному диалогическому общению: социокультурный аспект // Высшее образование в России. 2007. № 4. С. 160-162.
12. **Швецова В. М.** Лексико-ассоциативные ресурсы текстовых единиц // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2010. № 1 (11). С. 205-210.
13. **Швецова В. М.** Принципы взаимодействия компонентов внутривербального пространства голографической единицы в процессе развития текстовой семантики // Вестник Мичуринского государственного аграрного университета. 2013. № 1. С. 178-180.
14. <https://englandlife.ru/religiya-v-anglii/> (дата обращения: 30.11.2020).
15. **Miller G. A.** Language and communication. N. Y., 1951. 298 p.

Comparative Study of CHRISTMAS Concept in the Context of Intercultural Dialogue

Shvetsova Victoria Mikhailovna, Dr
Goncharova Natalia Aleksandrovna, Dr
 Michurinsk State Agrarian University
 vmsh72@yandex.ru; nata-alexa@mail.ru

The paper aims to reveal the meaningful multi-level structure of a spiritual concept and to identify specificity of its interpretation in Catholicism and Orthodoxy in the context of intercultural dialogue. Scientific originality of the study lies in the fact that the single-level lexical unit 'Christmas' is for the first time analysed taking into account the multi-level structure of the appropriate concept represented in the national linguo-cultural consciousness by a set of meaningful dominants. In accordance with the research objective, the authors provide a comparative analysis of the CHRISTMAS concept in the Russian and British linguistic worldviews. The research findings are as follows: relying on the data of the conducted linguistic experiment, the authors identify specificity of the CHRISTMAS concept representation in the Russian and British linguistic consciousness.

Key words and phrases: CHRISTMAS concept; concept multi-level structure; Russian and British linguo-cultures.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.58>

Дата поступления рукописи: 28.09.2020

Цель исследования – установить фонологические, морфологические, словообразовательные, семантические, хронологические особенности исследуемых германо-славянских лексических коррелятов. **Научная новизна** состоит в комплексном привлечении этимологических, лингвокультурологических, исторических данных для дифференциации германо-славянских коррелятов, возникших в результате этнических контактов и взаимодействий, в морфологическом, фонологическом, семантическом ракурсах. **В результате исследования** была определена роль этимологизации славянских коррелятов в деле реконструкции германских лексических архетипов.

Ключевые слова и фразы: германо-славянские параллели; фонетические переходы; коннотация; метафорический перенос; индоевропейский корень.

Шешкина Татьяна Фоминична

Ставропольский государственный педагогический институт (филиал) в г. Ессентуки
sheshkinatiana@mail.ru

Германо-славянские параллели дихотомии «рождаться – умирать» в немецком и русском языках: этимология, диахрония, современное состояние

Язык, являясь сложной знаковой системой, выполняет не только функции коммуникативной платформы, но и выступает в качестве средства познания человеком окружающей его действительности, отражая социально-историческую, культурологическую, ментальную ситуацию, сложившуюся для того или иного народа или общности в определенный исторический момент развития. Другими словами, язык можно рассматривать как некий континуум внутреннего мира человека, окружающих его природных факторов, моральных установок, традиций социума, к которому он принадлежит. Сравнение языковых полей разных народов, таким образом, помогает раскрыть как то общее, что сохранилось у них в процессе онтогенеза, так и наоборот, демонстрирует отличия, появившиеся в сравниваемых языках под воздействием тех или иных внешних факторов.

В нашей работе предпринята попытка осуществить комплексный сравнительный анализ лексических коррелятов на примере языковых единиц экзистенциального концепта «рождаться – умирать» германского и славянского языковых полей. Исследуемые лексические корреляты рассматривались с точки зрения фонетических переходов и морфологических изменений, стилистической нагрузки, особенностей коннотации. Также активно привлекались данные фразеологии.

Актуальность проведенного нами исследования состоит в выявлении морфологического, фонетического, семантического и иного своеобразия германо-славянских коррелятов и определении их роли в реконструкции архетипов. Определение хронологической, географической и этнической картины германо-славянских коррелятов является решением проблемы восполнения неизбежных лакун, возникших при проведении ревизии объема и характера славянского вклада в решение конкретных проблем германистики.

Для достижения этой цели нами были сформулированы и решены следующие **задачи**:

- 1) произведена выборка исследуемого материала на базе этимологических лексикографических источников германского и славянского языковых полей: “Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache” [13], “Etymologisches Wörterbuch des Deutschen” [10; 11], «Этимологический словарь русского языка» [5], «Историко-этимологический словарь современного русского языка» [7], «Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд» [8];
- 2) проанализированы фонетические, морфологические, стилистические, историко-культурологические характеристики отобранного языкового материала в диахроническом аспекте;
- 3) определена глубина реконструкции архетипов исследуемых германо-славянских коррелятов;
- 4) выявлены степень участия и роль славянских языков при реконструкции архетипов исследуемых германо-славянских лексических параллелей;
- 5) систематизированы полученные в ходе исследования данные.

В процессе работы над статьей в качестве **методов исследования** применялись метод сплошной выборки, описательный метод и метод компонентного анализа, приемы внешней реконструкции, синхронно-сопоставительный и семантико-номинативный приемы.

В качестве **теоретической базы** исследования были использованы этимологические лексикографические источники отечественных и зарубежных языковедов: М. Фасмера [5], О. Н. Трубачева [8], П. Я. Черных [7], группы авторов Академии наук ГДР под руководством В. Пфайфера [10; 11], Ф. Клюге [13]. Активно привлекались данные немецкой и русской фразеологии, извлеченные из работ В. И. Даля [3], Л. Э. Биновича [1], А. Е. Графа [12] и В. Д. Девкина [4].

Материалы исследования, равно как и его результаты, могут быть использованы при разработке практических пособий по проблемам германской и славянской этимологии в ракурсе уточнения обзорной лексико-семантической и словообразовательной классификации славянских параллелей и выявления характера и хронологии заимствований, путей их проникновения из одного языка в другой. Это и составляет **практическую значимость** нашей работы.

Вопросы жизни и смерти, бытия и небытия волнуют человечество с древнейших времен. Размышления по поводу того, что находится по ту сторону материального существования, что происходит с человеком до его появления на свет и после того, как он прекращает свой земной путь, трансформировались со временем в различные верования, приобретенные в процессе онтогенеза очертания основных мировых религий. Когнитивная непостижимость источника появления жизни и невозможность эмпирического познания ее окончания определили четкую взаимосвязь этих процессов с «божественным» началом, породив особый пласт лексики, присутствующий во всех языках. В нашей статье мы исследовали ключевые лексические единицы, входящие в ядро концепта «рождаться – умирать»: *gebären – родить, sterben – умирать*.

Gebären – гл., сильное спряжение, «родить». Первые упоминания глагола в германском языковом поле относятся к VIII в. Др. в. н., др. сакс. *giberan* «производить, порождать», ср. в. н. *gebern*, ср. н. н. *gebēren*, др. англ. *geberan*, гот. *gebairan* – «приводить к концу, доводить до конца» являются примерами перфективной префиксации к общегерманскому корню **ber-a* «нести, приносить». Данный симплекс, исчезнувший в нов. в. н., проявляется в др. в. н. *beran*, ср. в. н. *bern* «приносить плоды, рожать», др. сакс. *beran*, ср. н. н. *bēren* «принести» и восходит к индоевроп. корню **b^her* «нести, приносить». Реконструкция архетипа позволяет выделить общеславянский корень **birati* и проследить славянские параллели исследуемой лексемы, датируемые не ранее XII в.: др. слав. *bīrati* «брат, собирать», рус. *братъ*, болг. *берá*, сербо-хорв. *бiрати* «выбирать, отбирать», словен. *bérem, bráti*, чеш. *beru*, в. луж., н. луж. *bjeru*. В славянском лексическом фоне корень **birati* несет на себе оттенок итеративности: польск. *bierać* – «брат часто, неоднократно или время от времени», рус. *бiратъ* со значением многократности [8, с. 97]. При этом итеративность не подразумевается в германских коррелятах. Так же славянские параллели демонстрируют фонетический переход *i* → *e*, характерный для западнославянских лексем др. слав *bīrati* → словен. *bérem*. Германский же лексический материал обнаруживает чередования по умлауту не по ареальному принципу деления языков, а основываясь на морфологической составляющей – принадлежности вербальных лексем к сильным глаголам. Морфология славянских коррелятов, так же как и немецких, обнаруживает широкое распространение префиксации.

Интересно, с нашей точки зрения, упоминание П. Я. Черных о «старшем» значении слова *братъ* – «несу», с указанием на сохранение этого значения в др. рус. *берёмя* «ноша», рус. *бремя*, восходящего к общеславянскому корню **berme*, с совпадением в ракурсе семантики с индоевроп. корнем **b^her* «нести, приносить» [7, с. 109]. В данном контексте в немецком языке рассмотрим лексему *die Bürde* – сущ., ж. р., «ноша, бремя», устар. «бремя, плод (человеческий)». Слово в письменных источниках засвидетельствовано в VIII в., тогда же, когда и исследуемый нами глагол *gebären*. Являясь корневым словом, лексема формально представляет собой устаревшую причастную форму (**burda-*) сильной глагольной общегерманской основы **ber-a* «нести, приносить» [13]. Таким образом, мы обнаруживаем семантическое сходство германо-славянских параллелей при исследовании лексем общеславянского и общегерманского корней в ракурсе частеречного перехода *глагол* → *имя существительное*, что в свою очередь определяет и дальнейшее семантическое движение: *плод в материнском чреве (сущ.)* → *родить (гл.)*.

Развивая тему семантической окраски исследуемых лексических коррелятов, обратимся к данным лексикографических источников в аспекте фразеологии и разговорной лексики. В немецкой языковой традиции глагол *gebären* обнаруживается во фразеологизмах, коннотационный фон которых отрицателен, иногда с оттенком пренебрежения и в качестве глагольной основы композитов в разговорно-просторечном лексическом поле: *so ein Mann muß erst noch geboren werden, der... – не родился еще тот человек, который...* [4, с. 239]; *der soll noch geboren werden, der es allen recht macht – на всех не угодишь* [1, с. 223]; *Gebärmaschine – часто рожаящая женщина, многодетная мать* [4, с. 239]. В русском языке глагол «родить» также зачастую имеет оттенок чего-то обыденного, того, чем нельзя похвалиться: крестьянские семьи были многочисленны, и не всегда рождение еще одного ребенка рассматривалось как некое чудо и благословение свыше, чаще всего речь шла о прибавлении еще одного нахлебника. *Рожают, так не думают. Передумкой не воротишь; Рожденные во плоти причастны греху; Родился неумным, и умрешь дураком* [3].

Предлагаем также рассмотреть представленные выше лексические корреляты *die Bürde – бремя* в аспекте фразеологии. Прослеживается обоюдная негативная коннотация исследуемых лексем в их современном значении, обозначающем нечто тяжелое (как в физическом аспекте, так и в морально-нравственном), освободившись от чего можно почувствовать облегчение: *jemandem eine Bürde abnehmen – освободиться от обузы, от бремени; jemandem eine Bürde aufladen – взвалить на кого-либо обузу; на чужой спине бремя легко* [Там же]. Лишь метонимический перенос *ноша* → *вынашивать ребенка* приводит нас к устаревшему выражению *разрешиться от бремени (родить)* и приближает нас к семантической наполняемости немецкого глагола *gebären*.

Таким образом, можно сделать вывод, что исследуемые германо-славянские параллели обнаруживают наиболее сильное сближение в области фонетического звучания и морфологических изменений, семантический разрыв между коррелятами проявляется в современном значении лексем, но нивелируется при обращении к устаревшим формам.

Sterben – гл., сильное спряжение, умирать. Первые упоминания лексемы в германском языковом поле относятся к XIX в.: др. в. н. *sterban*, ср. в. н. *sterben*, ср. н. н., ср. нидерл., нидерл. *sterven*, др. англ. *steorfan*, англ. *to starve* «умереть от голода и жажды» [11]. Эти сильные глаголы, засвидетельствованные только в западногерманских языках, являются родственными с номинативными лексемами др. в. н. *sterbo* «чума, смерть», ср. в. н. *sterb(e)* «смерть, заразная болезнь», др. англ. *steorfa*, др. сакс. *-sterbo* «чума» [Ibidem]. Присутствие коннотаций «чума», «заразная болезнь» в германском лексическом поле объясняется тем глубоким культурно-

историческим следом, который оставила вспышка чумы, постигшая Европу в XIV в. Смертность от пандемии составила примерно треть проживавшего там населения [9, p. 108]. Этот факт не мог не отразиться в европейской культуре, языке, мировоззрении. В то же время на территории России случившиеся эпидемии чумы не принимали столь катастрофический характер, что и объясняет отсутствие подобных коннотаций лексемы «умирать» в славянском языковом поле.

Исходное значение слова «застынуть, озябнуть» посредством своего звукового строя обнаруживает логическую связь с праслав. **stǣrb-*, *storb с чередованием гласных: рус. *stǣrbnut'* «делаться жестким, цепенеть, отмирать». Считаю необходимым указать на родственные славянские лексемы с прямо противоположным значением: укр. *ostǣrbati* «оцепенеть, затечь, выздороветь», др. слав. *stǣrbuti* «выздоровливать», церк.-слав. *stǣrbъль*, *stǣrbъкъ* «здоровый, крепкий», сербо-хорв. *ostǣrbuti* «вылечить», польск. *prostrobić* «подкрепить» [5]. Вероятно, здесь мы видим метафорический перенос по схеме *жесткий, оцепенелый, крепкий* → *крепкий, здоровый*.

Представляет интерес и значение «твердый, крепкий» в германских лексических параллелях, выявить которое представляется возможным при рассмотрении более распространенных славянских форм с основой, оканчивающейся на *-p*, утративших начальное *s-*: др. слав. *trǣpǣti* «выносить, переносить», рус. (устар.) *tǣrpnut'* «неметь, терять чувствительность» (о конечностях), болг. *iztrǣpna* «онеметь, оцепенеть», словен. *trpniti*, чеш. *trnouti* «деревенеть, мертветь, замирать», рус. *tepnet'* [7; 13]. Эти лексемы есть не что иное, как вторичные образования индоевроп. корня *(*s*)*terp-*, *(*s*)*terbh-*, являющегося, по сути, лабиальным расширением индоевроп. корня *(*s*)*ter(ə)-*, *(*s*)*trē-* «неподвижный, жесткий». Таким образом, для рассматриваемого немецкого глагола *sterben* «умирать» выявляется еще одно, скрытое, значение, сближающее его со славянскими коррелятами в ракурсе семантики.

Тема смерти, окончания жизненного пути человека находит свое широкое распространение в ракурсе паремии и фразеологии: все люди смертны, независимо от того, носителями какого языка или представителями какой культуры они являются. При этом отношение к смерти как к неминуемому процессу явственно проявляется как в германском, так и в славянском языковом поле, что отчетливо демонстрируют следующие паремии: *Zweimal kann niemand, einmal muß jeder sterben* [6, с. 32]. / *Двум смертям не бывать, а одной не миновать* (перевод выполнен автором статьи. – Т. Ш.). *Habe keine Angst zu sterben, wohl aber zu leben* [10]. / *Бойся жить, а умирать не бойся*.

С целью всестороннего исследования выбранных языковых единиц считаем необходимым упомянуть и значение усиления степени какого-либо признака, причем с негативным оттенком, что характерно как для русского, так и для немецкого языков: *Sterbensangst, die* – *смертельный страх*, *sterbenskrank* – *«трун труном»*, *sterbenslangweilig* – *смертельно скучный*, *sterbensmatt* – *смертельно усталый, совсем без сил* [4, с. 655].

Однако существует и прямо противоположное семантическое наполнение немецких и русских фразеологизмов с коррелятами *sterben* – *умирать*, а именно преуменьшение значимости неприятных событий, особенно по сравнению со смертью: *nicht an Herzdücken sterben* – *не побояться сказать правду в глаза* (дословно – *не умереть от сердечного давления*); *daran stirbt man nicht gleich* – *от этого ещё никто не умирал*; *es stirbt nicht jeder, der krank ist* – *не всякий умирает, кто хворает* [12].

Таким образом, мы можем утверждать, что германские и славянские корни, обнаруживаемые в процессе этимологизации исследуемых коррелятов, предьявляют различия в семантическом ракурсе, опирающиеся на метафорический перенос *умирать* → *цепенеть, крепнуть* → *выздоровливать*. Отчетливо проступает роль влияния внешних факторов – исторических и социальных – на структуру языка, что отражается в коннотациях «чума», «заразная болезнь», характерных для германского языкового фона и отсутствующих в славянских лексических коррелятах. Семантическая нагрузка исследуемых коррелятов в немецком и русском языках в аспекте фразеологии и паремии совпадает, отражая ментально-нравственную общность носителей языка.

Выводы. В ходе исследования были выявлены как общие, так и специфические черты германо-славянских коррелятов *gebären* – *родить*, *sterben* – *умирать* по ряду языковых признаков. Исследуемые лексемы относятся к древнейшему пласту лексики, что подтверждается наличием у них общего индоевропейского субстрата. Данный факт определяет наличие запроса на познание источника появления жизни и процесса ее прекращения в любом обществе, вне зависимости от историко-социальной, культурологической и ментальной среды, его окружающей.

Фонетические переходы, обнаруживаемые в исследуемых германо-славянских параллелях в ракурсе диахронического анализа, определяются в славянском языковом фоне по ареальному принципу: присутствуют в западнославянских языках и отсутствуют в восточнославянских. Германский языковой фон демонстрирует характерное для германского вокализма чередование по умлауту в силу принадлежности лексем к группе сильных глаголов. Также установлено общее широкое распространение префиксации (в германских коррелятах – перфективной префиксации) в качестве основного способа словообразования лексем от общеславянского или общегерманского корня.

С точки зрения семантической нагрузки, германо-славянские параллели обнаруживают определенную общность, а присутствие в некоторых случаях различных коннотаций вызвано сопутствующими внеязыковыми социально-историческими процессами. Для исследуемых коррелятов определено общее использование метафорического переноса как причины семантических различий, найденных в процессе этимологизации корневых лексем. Определение сходной семантической нагрузки рассматриваемых языковых единиц производилось с помощью выявленного частеречного перехода от номинации к вербализации. Также в ходе исследования была определена важная роль изучения славянских коррелятов при реконструкции германских лексических архетипов.

В нашей статье рассмотрены лишь ядерные лексемы дихотомии «рождаться – умирать». *Перспективы дальнейшего исследования* проблемы мы видим в более широком охвате лексического материала околоядерной зоны предложенного в работе дихотомического поля, с захватом лексических единиц зоны ближней и дальней периферии.

Условные сокращения

Болг. – болгарский; в. луж. – верхнелужицкий; гот. – готский; др. англ. – древнеанглийский; др. в. н. – древневерхне-немецкий; др. рус. – древнерусский; др. сакс. – древнесаксонский; др. слав. – древнеславянский; индоевроп. – индоевропейский; н. луж. – нижнелужицкий; нов. в. н. – нововерхне-немецкий; польск. – польский; праслав. – праславянский; рус. – русский; сербо-хорв. – сербохорватский; словен. – словенский; ср. в. н. – средневерхне-немецкий; ср. нидерл. – средне-нидерландский; ср. н. н. – средненижне-немецкий; укр. – украинский; устар. – устаревшее; церк.-слав. – церковно-славянский; чеш. – чешский.

Гл. – глагол; сущ. – имя существительное.

Список источников

1. **Бинович Л. Э.** Немецко-русский фразеологический словарь. М.: Аквариум, 1995. 768 с.
2. **Большой немецко-русский и русско-немецкий словарь** [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ger_rus/27607/Bürde (дата обращения: 23.09.2020).
3. **Даль В. И.** Пословицы русского народа [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/dahl_proverbs/ (дата обращения: 22.09.2020).
4. **Девкин В. Д.** Немецко-русский словарь разговорной лексики = Deutsch-Russisches Wörterbuch der umgangssprachlichen und saloppen Lexik. М.: Русский язык, 1994. 768 с.
5. **Фасмер М.** Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1987. Т. 3. 832 с.
6. **Цвиллинг М. Я.** Русско-немецкий словарь пословиц и поговорок. М.: Русский язык, 1984. 216 с.
7. **Черных П. Я.** Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2-х т. М.: Русский язык, 1999. Т. 1. 624 с.
8. **Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд** / под ред. О. Н. Трубачева. М.: Наука, 1975. Вып. 2. 238 с.
9. **Byrne J. P.** The Encyclopedia of the Black Death. Santa Barbara: ABC-CLIO, 2012. 429 p.
10. **Etymologisches Wörterbuch des Deutschen:** in 3 Bänden / von einem Autorenkollektiv unter der Leitung von W. Pfeifer. Berlin: Akademie-Verlag, 1989. Bd. 1. S. 1-622.
11. **Etymologisches Wörterbuch des Deutschen:** in 3 Bänden / von einem Autorenkollektiv unter der Leitung von W. Pfeifer. Berlin: Akademie-Verlag, 1989. Bd. 3. S. 1347-2094.
12. **Graf A. E.** 6000 Deutsche und Russische Sprichwörter [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/6000DeutscheUndRussischeSprichwörter/mode/1up> (дата обращения: 21.09.2020).
13. **Kluge F.** Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin: Verlag Walter de Gruyter, 2012. 1021 S.

The German-Slavonic Parallels within the Dichotomy “To Come into Being – to Die” in the German and Russian Languages: Etymological, Synchronic and Diachronic Aspects

Sheshkina Tatiana Fominichna

*Stavropol State Pedagogical Institute (Branch) in Yessentuki
sheshkinatatiana@mail.ru*

The paper aims to reveal phonological, morphological, word-formative, semantic, diachronic peculiarities of the German-Slavonic lexical correlates within the dichotomy “to come into being – to die”. Scientific originality of the study lies in the fact that relying on etymological, linguo-culturological, historical data, the author identifies the German-Slavonic correlates that originated as a result of cross-ethnic interaction, provides their comprehensive analysis taking into account morphological, phonological, semantic aspects. The research findings are as follows: the author shows that etymologization of the Slavonic correlates allows reconstructing the German lexical archetypes.

Key words and phrases: German-Slavonic parallels; phonetic conversion; connotation; metaphorical transfer; Indo-European root.

Прикладная и математическая лингвистика

Applied and Mathematical Linguistics

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.59>

Дата поступления рукописи: 27.10.2020

Цель исследования – определение основных принципов каталогизации географических названий Тамбовской области. Особое внимание в статье уделено источникам материала, составу списка, особенностям гидрографической, ландшафтной, топонимической систем региона, орфографии топонимов. **Научная новизна** работы заключается в подходе к тамбовской топонимии как к большому массиву данных, требующему систематизации, исключающей алфавитный и административно-территориальный принципы. **Полученные результаты** показали, что при каталогизации топонимического материала региона могут быть использованы гидрографический и бассейновый подходы, сформированный список топонимов разных разрядов является каркасом для добавления новых имён и материалом для сравнения топонимиконных разрядов областей с целью выявления закономерностей развития топонимической системы России.

Ключевые слова и фразы: региональная ономастика; каталогизация топонимов; особенности тамбовской топонимии; орфография топонимов.

Гордова Юлиана Юрьевна, д. филол. н.
Институт языкознания Российской академии наук, г. Москва
gordova@iling-ran.ru

Топонимия Тамбовской области как объект каталогизации

Актуальность исследования. Составление каталогов географических названий России – насущная задача современной лексикографии и топонимики. Топонимические списки являются «наиболее удобным источником изучения региональной ономастики и вместе с тем надёжным способом хранения ономастического материала» [4, с. 102-104]. Работа над каталогом топонимов Тамбовской области началась в свете реализации данной идеи. Список создается как основа для дальнейшей разработки топонимического атласа региона и вместе с тем как часть общероссийского каталога, атласа и единой топонимической базы данных. Предполагается, что все полученные в ходе исследования материалы будут объединены с материалами по топонимии других областей и интегрированы в единый информационный ресурс.

Задачи и методы исследования. В круг задач входит: 1) решение вопроса о возможности использования гидрографического принципа каталогизации топонимического материала по отношению к топонимии Тамбовской области; 2) определение источников материала; 3) определение разрядов топонимов, включенных в список, и объема сопровождающей влилингвистической информации; 4) выявление региональных особенностей гидрографической, ландшафтной, топонимической систем; 5) выявление общих черт тамбовской топонимии и топонимии России; 6) формулировка принципов и проблем, связанных с орфографией топонимов в списке.

Для решения этих задач используются методы: ономастической выборки, инвентаризации ономастического материала, идентификации топонимов, анализа вариантов имён, статистический, выявления ономастических универсалий.

Практическая значимость. Исследование позволяет систематизировать топонимию Тамбовской области и использовать полученные материалы в топонимических работах общероссийского масштаба и при преподавании лексикологии, лексикографии, ономастики, прикладной лингвистики.

Теоретическая база исследования. Теме лингвистической систематизации топонимов России чуть более ста лет. Особое внимание исследователей традиционно привлекает гидронимия как наиболее устойчивая группа географических названий, способная сохранить элементы древнейших языков и древнейших языковых контактов территории своей локации. Большую роль в вопросе каталогизации гидронимов сыграл П. Л. Маштаков. В 1913-1934 гг. он подготовил и издал несколько списков по бассейнам Днестра, Южного Буга и Дона [13-16], которые не только позволили зафиксировать и сохранить топонимический фонд данных регионов, но и явились первыми лингвистическими каталогами, в которых были соединены лингвистические и географические подходы к материалу: гидронимы в списке располагались в гидрографическом порядке, повторяющем последовательность расположения притоков одного водного бассейна.

В дальнейшем этот принцип, с небольшими усовершенствованиями, использовали и другие авторы. К 1976 году в СССР был подготовлен список гидронимов бассейна Оки Г. П. Смолицкой [28]. Автор работала над ним более 13 лет, собрав и систематизировав более 30 000 окских названий [5]. В 2011-2012 гг. вышел двухтомный каталог гидронимов Дона Е. С. Отина [17; 18]. Список стал значительным вкладом в русскую и украинскую ономографию. Гидрографический принцип подачи материала, с авторскими нововведениями, сохраняется и в каталоге гидронимов бассейна Мсты В. Л. Васильева, изданном в 2017 г. [2].

Запрос на сохранение не только гидронимов, но и других разрядов топонимов вызвал рождение каталога географических названий Рязанской области. Первый выпуск охватывает территорию подбассейна Прони (п.п. Оки, южная и юго-западная части области) [7], второй выпуск – подбассейны рек Пара, Тырница, Средник (п.п. Оки, центральная и юго-восточная части области) [31].

Электронный «Каталог топонимов Республики Татарстан» [10] разрабатывается с 2014 г. Институтом языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова. По данным на 2020 г., каталог, а по сути топонимическая база данных, содержит около 4000 названий четырёх разрядов: ойконимы, гидронимы, оронимы, микро-топонимы. Описание топонимов осуществляется по 24 пунктам, содержащим информацию о местоположении, этимологии, историко-культурной ценности оними.

Несмотря на наличие каталогов, охватывающих бассейны крупнейших рек России (прежде всего Оки и Дона), следует признать недостаточный уровень каталогизации географических названий по отдельным регионам. И хотя во многих университетах России ведутся ономастические картотеки, получить к ним доступ из других регионов очень сложно, что сужает их общенаучную ценность.

Из числа региональных изданий отметим каталог «Реки Тамбовской области» [25], который хоть и не является лингвистическим, но содержит сведения по гидронимии данного региона. Авторы собрали и обобщили разноаспектный материал о реках длиной более 10 км, в том числе версии о происхождении их названий [Там же, с. 3].

Цель создания каталога топонимов Тамбовской области и общая характеристика региона. Главная цель каталога – сбор, фиксация и систематизация географических названий указанного региона разных разрядов и по возможности разных временных пластов: современных (преимущественно) и исторических (утраченных).

Тамбовская область является одной из областей Центральной России (по современному административно-территориальному делению – Центрального федерального округа) с площадью 34 462 км² [32] и населением численностью свыше 1 млн человек [19]. Область занимает центральную часть Окско-Донской равнины и южную часть Восточно-Европейской равнины. На севере она граничит с Рязанской областью, на западе – с Липецкой, на юге – с Воронежской, а на востоке – с Саратовской и Пензенской областями.

Основные принципы каталогизации топонимического материала. Топонимия данного региона является прекрасным объектом для каталогизации с использованием гидрографического принципа расположения материала, так как территория области имеет развитую речную сеть и преимущественную приуроченность к ней городских и сельских поселений. Обосновывая бассейновый подход в географических исследованиях, С. В. Панков пишет: «В Центральном Черноземье сеть сельских поселений сформировалась в полном соответствии с особенностями речного бассейна под особым влиянием гидрографического фактора» [20, с. 624], «бассейновость есть одна из характерных особенностей регионов, в т.ч. Центрального Черноземья и Тамбовской области, где территориальная ориентированность сельских селитебных систем сформировалась при доминирующей роли гидрографического рисунка региона» [Там же]. Это положение позволяет систематизировать имеющийся региональный топонимический материал в соответствии с уже разработанной и апробированной в приведенных выше каталогах (П. Л. Маштакова, Г. П. Смолицкой, Е. С. Отина, Ю. Ю. Гордовой) методикой, при которой названия располагаются в географическом порядке, относительно речной системы как наиболее устойчивой природной системы, организующей другие природные и антропогенные системы. Как и в каталоге Рязанской области, сохраняется метод «фронтальной» подачи топонимов, независимо от того, на левобережье или правобережье они находятся; сначала фиксируются объекты, расположенные ближе к реке, затем – удалённые от неё. Названия приводятся в последовательности от устья к истоку, что отражает преимущественное направление движения исторических миграций населения при освоении новых территорий. Микро-топонимы даются около поселений или водоёмов, близ которых расположены. Нелокализованные топонимы приводятся общим списком рядом с ближайшим ориентиром. Такое расположение позволяет сохранить и максимально точно зафиксировать топонимические общности отдельных районов. Топонимия подбассейнов крупнейших притоков даётся участками. Подача исторических форм названий, которые удалось установить при составлении каталога, перспективная: от первой зафиксированной до современной. Все названия приводятся под определенным индексом, который задаётся номером притока относительно главной реки. В конце списка весь топонимический материал даётся без индексов, в алфавитном порядке для удобства нахождения и исследования.

Речная сеть региона как каркас каталога. Каркасом списка является гидронимическая сеть Тамбовской области. Важной особенностью региона является то, что его территория относится к бассейнам двух крупных рек: Оки (бассейн Каспия) и Дона (бассейн Азовского моря), что находит отражение в различиях в топонимии, приуроченной к этим двум бассейнам (эти различия в дальнейшем должны показать карты топонимического атласа). Важнейшие реки региона – Цна, Ворона, Савала, Битюг, Матыра, Воронеж. Всего по территории области, по географическим данным, протекает 1400 рек, причем 1200 из них – это малые реки длиной менее 10 км [25, с. 4].

Значительную территорию области (40%) и её центральную часть занимает подбассейн Цны (п.п. р. Мокши, п.п. р. Оки) [22, с. 93]. Цна начинает своё течение на территории области и далее продолжает течение на территории Рязанской области вплоть до впадения в Мокшу. Это обстоятельство определяет общность топонимии юго-восточных районов Рязанской и северных районов Тамбовской областей, в частности Шацкого и Моршанского.

Реки бассейна Дона (*Ворона*, *Савала* – правые притоки Хопра, *Битюг*, *Воронеж*) занимают юго-восточную, южную, западную и северо-западную части области.

Река *Воронеж* (л.п. Дона, северо-западная часть области) образуется слиянием двух рек *Польной Воронеж* и *Лесной Воронеж* близ с. Новоникольское Мичуринского р-на. Описание топонимии этого бассейна начинается от с. Ярок Мичуринского р-на, у западной границы области. Крупнейшие притоки Воронежа – *Иловай* (п.п.) и *Матыра* (л.п.). Устье Иловая находится на территории Тамбовской области, рядом с границей с Липецкой областью. Матыра же протекает и по территории Липецкой области.

Течение реки *Битюг* (л.п. Дона) занимает юго-западную часть области, а его южную и юго-восточную части – подбассейны притоков *Хопра* (л.п. Дона): *Ворона* и *Савала*, в том числе небольшие участки – притоки Савалы *Большая Елань* и *Осиновка*, которые начинаются за пределами изучаемой территории. В границах области находятся и другие притоки Воронежа, Битюга и Хопра, но они занимают совсем небольшие районы.

Безусловно, несоответствие границ бассейнов отдельных рек и границ территории каталогизации делает необходимым «разрыв» течений некоторых рек, начинающихся или продолжающихся вне территории описания. Это продиктовано не только вполне конкретной целью исследования (сбор топонимии определённой административно-территориальной единицы – Тамбовской области в её современных границах), но и необходимостью иметь обозримые временные границы её достижения ввиду объёмности и сложности указанной топонимической работы, что доказано всеми предыдущими аналогичными проектами [5; 17, с. 569]. В распоряжении исследователей гидронимии бассейнов донских и окских притоков от истока до устья имеются полные гидронимические каталоги Г. П. Смолицкой и Е. С. Отина (см. выше).

При этом следует отметить, что в ряде случаев каталог всё же «выходит за границу» исследуемой области: если течение того или иного притока начинается или заканчивается недалеко, в смежном районе соседней области. Например, приток Цны Островка, протекая в основном по территории Тамбовской области, имеет исток на территории Сараяевского р-на Рязанской области, занимая здесь лишь небольшой участок, ввиду чего топонимия этого участка включена в каталог Тамбовской области с соответствующими пометами. Аналогичная ситуация – с микробассейном реки Вобша, который преимущественно располагается на территории Мокшанского р-на, но небольшой участок (а именно восточное течение реки) – на территории Шацкого р-на Рязанской области.

Физико-географические показатели Тамбовской области, значимые для топонимии, в сравнении с соседними регионами. Приуроченность территории к бассейну одной значительной или к бассейнам разных значительных рек ощутимо влияет на характер региональной топонимии, предопределяя её однородный (в той или иной степени) или неоднородный характер, прежде всего по основным параметрам, таким как: языковая принадлежность, набор продуктивных топонимических моделей, традиции именования географических объектов, используемая апеллативная база, что, как известно, связано с историческими миграциями населения. В сравнении с соседними регионами по данному показателю Тамбовская область сопоставима с Саратовской и Пензенской областями.

По центральной части Саратовской области течёт Волга, а её западную (правобережную) часть преимущественно занимают реки Донского бассейна (Медведица, Хопёр и др.). Пензенская область также относится к бассейнам двух рек: Волги (подбассейн Суры занимает восточную часть области, подбассейны окских рек Выша и Мокша – северо-западную) и Дона (подбассейны Хопра и его притока Вороны, южная и юго-западная части области).

Рязанская, Воронежская и Липецкая области в этом отношении являются «однородными» или относительно «однородными» регионами. Воронежская область приурочена к бассейну реки Дон. Донскому бассейну принадлежат и почти все реки Липецкой области, за исключением нескольких окраинных притоков Рановы Окского бассейна. Основная территория Рязанской области относится к Поочью, за исключением юго-западных районов, где начинается своё течение ряд притоков Дона, в том числе Лесной и Польной Воронеж.

Области, занимающие Окско-Донскую равнину, обнаруживают и относительную однородность ландшафта. Как пишет Н. И. Дудник, «Окско-Донская равнина охватывает значительные части Воронежской и Липецкой областей, всю Тамбовскую область, входящие в состав Черноземного Центра, и небольшие площади прилегающих Мордовии, Рязанской и Саратовской областей. Лесостепная провинция Окско-Донской равнины несколько меньше. Довольно большие площади в низовьях Мокши и Цны... входят в состав зоны хвойно-широколиственных лесов» [9, с. 119]. Данные по площади лесов в регионах подтверждают это. В Рязанской области леса занимают 25% территории, в Пензенской – около 20%, а в Тамбовской, Воронежской и Липецкой – соответственно 10%, 8% и 7,6% [12; 21; 26; 27]. Почти вся территория Тамбовской области находится в зонах северной и типичной лесостепи, а лесные ландшафты заходят «клиньями со стороны Оки... по рекам Цне, Паре и Иловаю» [9, с. 122].

Эти параметры определяют, какие типы объектов, а следовательно, какие разряды и виды топонимов являются типичными для данного региона и могут быть представлены в топонимическом каталоге.

Разряды топонимов, включенные в список. Как и каталог географических названий Рязанской области [7; 31], каталог Тамбовской области содержит сведения о названиях трёх основных разрядов: гидронимов, ойконимов, микропонимов.

Названия водных объектов – гидронимы – включают названия рек, протоков, затонов, ручьев, озёр, прудов, например: река *Большой Ломовис*, проток *Исап*, затон *Узьминка*, ручей *Рипейка*, озеро *Золотое*, пруд *Соколовский*.

Названия поселений – ойконимы – включают названия городов, сёл, деревень, посёлков, частей сёл, кварталов, которые ранее являлись самостоятельными поселениями, но в настоящее время входят в состав более крупных поселенческих структур, например: город *Мичуринск*, село *Караул*, деревня *Любовь*, посёлок *Коминтерн*, *Посёлок совхоза Подъем, 3-е отделение*, посёлок *Устьинский* (в составе г. Моршанска). Также приводятся названия утраченных населенных пунктов, отмеченные на картах: бп *Никольские Выселки*.

Названия небольших природных и рукотворных объектов – микропонимы – включают названия отрицательных и положительных форм рельефа, лесов, болот, урочищ, местечек и под., например: балка *Вольная*, лес *Татарский*, болото *Стрелково*, урочище *Коровий Брод*, местечко *Каблы*.

Также в каталоге по возможности фиксируются названия железнодорожных станций, природных заказников, садоводческих товариществ и других объектов, имеющих наименования, для того чтобы охват традиционного и потенциального исследовательского материала ономастики был максимальным, например: садоводческое товарищество *Зелёный Гай*, ж/д станция *Моршанск*, государственный природный заказник *Хмелино-Кершинский*.

Следует отметить, что по сравнению с топонимиконами более северных областей Центральной России в топонимическом каталоге Тамбовской области появляются новые типы объектов – кордон и хутор, присутствующие и в составе топонимов: кордон *Шайповский* и посёлок *Кордон Бóрковский* (Моршанский р-н); хутор *Вецин* (Староюрьевский р-н) и урочище *Челнавские Хутора*.

Источники топонимов и их краткий обзор. Главными источниками географических названий при составлении каталогов традиционно являются топографические карты: печатные и электронные. Одна из них – «Тамбовская область» 1998 г. [29]. Ценность данной карты состоит в том, что она показывает состояние местности в период 1984-1997 гг., в том числе населённые пункты, к 2020 г. уже прекратившие своё существование и перешедшие в разряд исторических.

Многочисленные современные электронные (сетевые) геоинформационные системы (Публичная кадастровая карта, Яндекс-карты, Гугл-карты, 2-ГИС, ЭтоМесто и под.) обладают очень хорошей нагрузкой карт и предоставляют актуальные и достаточно полные картографические сведения по исследуемой территории. На них отмечены микропонимы и некоторые утраченные объекты, в частности заброшенные населённые пункты (часто показываются на картах как урочища).

В каталог добавлены и названия, зафиксированные в географическом каталоге «Реки Тамбовской области» [25]. Это преимущественно названия родников, ручьёв, лесных массивов, урочищ, собранные в ходе полевых исследований, в связи с чем они представляют особую ценность.

Сопоставление собранных данных с данными гидронимических каталогов. Важными источниками стали созданные ранее гидронимические каталоги Г. П. Смолицкой и Е. С. Отина по бассейнам Оки и Дона (соответственно) [17; 18; 28]. Говоря об этом, особо следует остановиться на вопросе, какие именно сведения данных источников могли быть использованы в новом списке. Как уже было указано выше, оба каталога содержат большой массив гидронимических данных и подробную информацию о формах названий, зафиксированных в разных исторических документах, прежде всего на картах и земельных планах Генерального межевания России кон. XVIII – нач. XIX в., причем список источников «Гидронимии бассейна Дона» насчитывает более 350 позиций [17, с. 8]. Несмотря на ценность имеющихся материалов, сложность их использования в нашем каталоге состоит главным образом в невозможности идентификации и соотнесения многих зафиксированных названий с современными названиями (и их денотатами, самими называемыми объектами). Подобная идентификация возможна по отношению к крупным и средним рекам (Воронеж, Савала, Иловай и т.д.), но «найти» в каталоге малые реки практически невозможно, даже с учетом того, что все они располагаются в географической последовательности и, возможно, изменяя в процессе бытования свою форму, всё же должны были сохранить топонимическую основу.

Те же трудности с идентификацией объектов отмечает и автор донского каталога, вследствие чего для некоторых топонимов (особенно извлечённых из ранних документов) в его списке применяется предположительная локализация [Там же, с. 10]. Это наводит на мысль, что малые реки, в отличие от больших, в разные исторические периоды могли менять свои названия, либо сама орографическая сеть малых текучих водных объектов, в том числе объектов сезонного заполнения водой, крайне непостоянна и изменчива. С учётом этого обстоятельства в новом каталоге используется преимущественно информация гидронимических каталогов о формах названий крупных и средних рек, а по отношению к малым рекам установленные редкие связи зафиксированных названий носят вероятностный характер. Так, на левобережье реки *Серн* современные карты показывают приток с названием *Старая*, которое может быть сопоставлено (предположительно) с названием *Старое Течение Серна*, зафиксированным в каталоге Г. П. Смолицкой на данном участке.

Основная и дополнительная информация о топониме. О каждом топониме каталог предоставляет следующую информацию: современная форма, локация относительно водной сети, тип денотата (кроме названий рек, которые подаются полужирным курсивным начертанием). Базовые сведения кодируются в буквенно-цифровых индексах перед топонимами, что помогает структурировать большой массив данных: отнесённость к водному объекту (для ойконимов и микропонимов), тип объекта/имени: Р (для рек, ручьёв, озёр,

прудов), П (для поселений), О (для урочищ, лесов, ж/д станций и др. объектов): 2.Р. **Чёрненькое** (л.с. р. Большая Кашма) – озеро; (2) П. Новгородовка (л.б. р. Большой Ломовис) – село Рассказовского р-на.

К дополнительной относится информация о современной административно-территориальной принадлежности поселений (например: деревня Пичаевского р-на), об известных формах топонима, зафиксированных в различных по времени и цели составления документах, дате наиболее раннего упоминания. Сведения из каталогов Г. П. Смолицкой и Е. С. Отина приводятся при этом следующим образом: **Старая** (л.п. р. Серп) – река: Старое Течение Серпа [28, с. 247]; **Калаис** (п.п. р. Ворона) – река: Калаис (1862), Колаис (1865), Сырой Калаис (1865) [17, с. 306]. Фиксируется и изменение типа денотата, если, например, поселение в XIX в. значило сельцом, а в настоящее время является селом или урочищем: Серповое (п.б. р. Серп) – село Моршанского р-на: с-цо Серповое (XIX в.).

При наличии информации приводятся и народные названия населённых пунктов, водоёмов или особенности их произношения в речи местных жителей. Так, например, село **Ранино** Мичуринского р-на в советское время называлось шуточно **Китаем** за то, что поселение было густонаселенным – здесь проживало свыше 1000 человек [23]; название реки **Тáловая** в речи местных жителей среднего возраста произносится как **Таловáя**. Включение таких сведений даёт возможность сохранить в каталоге результаты проводимых в разные годы лингвистических (в том числе топонимических) экспедиций, а также материалы краеведческого характера, представляющие интерес для топонимики.

Ввиду того, что в составлении каталога Тамбовской области принимают участие профессиональные археологи, к перечисленным выше данным по некоторым топонимам добавлены и археологические сведения. Например: **Челнавский Городок** (л.б. р. Челновая, в излучине реки) – валы и рвы крепости XVII века; **Татарский вал** (идёт от л.б. р. Челновая до р. Польной Воронеж) – оборонительное сооружение XVII века. Это в какой-то степени позволяет сделать общедоступными имеющиеся археологические сведения.

Некоторые особенности топонимической системы Тамбовской области, выявленные при составлении каталога. В данном разделе мы бы хотели отметить ряд особенностей тамбовской топонимии, которые особенно отчётливо проявились при составлении каталога и не были отмечены как региональные особенности топонимии при составлении каталогов по другим центральным областям, прежде всего Московской и Рязанской, территории которых относятся преимущественно к Окскому бассейну. Эти особенности касаются, прежде всего, конфигурации называемых водных объектов, их тезоименности или двуименности.

А) Многие реки области начинаются соединением двух истоков (двух ручьёв), каждый из которых носит имя главной реки с добавочным элементом или же в точности повторяет имя реки после слияния. Ярким примером является р. **Воронеж** (п.п. р. Дон), которая, как хорошо известно, начинается с двух истоков: **Польной** (в некоторых источниках **Польный** [17, с. 121]) **Воронеж** и **Лесной Воронеж**. Другие примеры: р. **Бадин** (л.п. р. Вышенка, бассейн Цны) начинается с двух истоков **Бадин**; р. **Кёрша** (п.п. Цны) образована слиянием рек **Ближняя Кёрша**, **Дальняя Кёрша** и т.д. На территории Рязанской области, в бассейне Прони (южная часть региона), встречается только один подобный пример: река **Полотебна** и ее истоки **Мокрая Полотебна** и **Сухая Полотебна** [7, с. 32-33], но район протекания рек вплотную подходит к Донскому бассейну.

Б) Неоднократно встречается ситуация, когда одна и та же река носит два имени, например: 1) р. **Серп/Вобша**: **Серп** (левый приток р. Цны) от истока и до впадения притока Разазовка называется **Вобша**; 2) р. **Двойня/Прудки**: **Двойня** (п.п. р. Большая Елань) от истока до впадения р. Дубовая называется **Прудки**; 3) р. **Вышенка/Моховая**: р. **Вышенка** (п.п. р. Кашма) от истока до впадения р. Бадин называется **Моховая** и т.д. Явление имеет вполне прозрачное объяснение и отражает языковую ситуацию древности на территориях, которые до прихода славян занимали другие народы: одно из названий водного объекта носит субстратный характер, другое, как правило, имеет русское происхождение. И если в приведённых примерах гидроним **Вобша** еще сохраняет свой неславянский облик, то субстратные топонимы **Вышенка**, **Двойня** подверглись настолько сильной фонетической и морфологической перестройке и русификации, что воспринимаются, скорее, как русские названия.

В) Частью многих рек являются пруды, которые при этом имеют собственные наименования: пруд **Большой Плѣс** – часть течения р. Рудовка (бассейн Кашмы), пруд **Коровник** – часть течения р. Моршанский Вал (бассейн Цны), пруд **Котельный** – часть течения р. Питерка (бассейн Цны) и множество других подобных примеров.

Г) Яркой особенностью тамбовской гидронимии является и явление тезоименности (использования одного имени) ближайших водных объектов, как правило, ближайших притоков одной реки или реки и её притока. Так, и левый, и правый приток р. Пичаевка (устья притоков находятся рядом) называются **Печерка**. Среди правых притоков р. Вишнёвка (бассейн р. Лесной Воронеж) – соседние река и ручей **Хоботец**. Две речки с именем **Ярославка** находим среди левых притоков р. Польной Воронеж. **Песчанка** – левый приток р. **Песчанка** (бассейн Пичаевки).

Д) Нельзя не отметить слабо развитую сеть притоков у некоторых средних рек, что влияет на преимущественную приуроченность комонимов к руслам этих рек, в то время как при развитой гидрографической сети комонимы, как правило, рассредоточены по всему району подбассейна, тяготея к истокам небольших речек или ручьёв. Примером этого может быть р. Польной Воронеж, вдоль течения которого преимущественно и сконцентрированы все ойконимы данного района, исключение составляет его приток Ярославка с собственной (хоть и небольшой) сеткой сельских поселений (Нижняя Ярославка, Вторые Левые Ламки и др.),

рассредоточение поселений вдоль других притоков незначительное. По данным географии, всего Полной Воронеж принимает более 30 притоков длиной менее 10 км, среди них преобладают левые притоки [25, с. 29].

Некоторые общие черты тамбовской и российской топонимии

А) *Топонимические ансамбли, зоны активизации отдельных апеллятивов и топонимов.* Топонимические ансамбли, в которые входят названия одного района, отражающие единый принцип номинации и образующие некое семантическое единство, – явление широко распространенное в топонимии России. Тамбовская область не является исключением. В частности, в районе р. Большой Ломовис такой ансамбль образуют прозрачные русские названия трёх взаимосвязанных водотоков: *Ольшанка (Альшанка* [28, с. 251]) (п.п. р. Малый Ломовис) и её притоки *Берёзовка* и *Липовый* (ручей) с поселениями *Ольшанка* и *Берёзовка* по берегам одноименных рек.

Всплеск названий, так или иначе связанных с заготовкой леса и лесными хозяйствами, отмечается в зоне лесных массивов в районе рек Иловой и Воронеж: ойконимы *Мичуринский Лесоучасток* (п.с. р. Иловай), *Лесничество Ранинское* (в районе р. Боровка, п.п. р. Иловай), *Лесохимучасток* (п.б. р. Воронеж) (посёлки Мичуринского р-на), *Бригадирское Лесничество* (п.с. р. Иловай, посёлок Первомайского р-на). На лесную зону указывает и гидроним *Боровка*.

Однотипную группу гидронимов с опорной топонимической группой *Ржавец* находим в районе притоков реки Иловой у границы Тамбовской и Рязанской областей: *Ржавец Медвежий, Ржавец Распашной, Зелёный Ржавец, Ржавец Плоский*. Далее ареал группы продолжается на рязанской территории. Как показало наше исследование, «наибольшая концентрация названий наблюдается в бассейне р. Хупты (27 примеров), в той её части, где она ближе всего подходит к притокам Дона, то есть на водоразделе Донского и Окского бассейнов (территория исторического Рязанского Поля). Реки здесь мелководны, вследствие чего в летнее время они заболачиваются или совсем пересыхают. Такие небольшие речки, ручьи или овраги, временами представляющие собой болота с застойной и ржавой (из-за повышенного содержания окислов железа) водой, именуются *ржавцами*» [6, с. 72]. А. Г. Кузьмин, проанализировав факт скопления однотипных названий в районе Рязанского Поля, предположил, что в прошлом он назывался *Ржавцы*, и, возможно, это и есть место битвы русских с половцами, о которой сообщает Никоновская летопись под 1160 годом записи: «Половцы же рассыпашася на вся страны по полю, русским же воем за ними гнавшю и пришедшим на Ржавцы, и половцы паки собравшюся удариша на руское воинство и многих избиша...» [11, с. 101-103].

Б) *Неофициальные названия региона.* Неофициальные названия региона: *Тамбовский край, Тамбовская земля, Тамбовщина* сопоставимы с моделями неофициальных названий, которые используются и по отношению к другим регионам Центральной России: *Пензенский (-ая), Липецкий (-ая), Воронежский (-ая), Рязанский (-ая)* (и т.д.) *край/земля*.

Наименование *Тамбовщина*, которое часто используется в краеведческой литературе и местных средствах массовой информации, входит в один ряд подобных образований от названий других областей России: *Орловщина, Псковщина, Рязанщина, Смоленщина* и т.д. Однако следует отметить, что данные наименования имеют преимущественно узколокальную, внутрорегиональную сферу употребления, крайне редко или даже почти не выходя за границу обозначаемой территории. Только внутри своей области подобные образования воспринимаются нейтрально или с некоторой стилистической (поэтической) нагрузкой. В общероссийском же масштабе наименования на *-щина*, особенно при первом прослушивании, вызывают несколько иные коннотации и неосознанно ставятся в один ряд со словами, имеющими, как правило, негативный смысл (ср. деревенщина, полицейщина, тарабарщина, патриархальщина, чичиковщина и т.д.). На просторах Интернета и в некоторых лингвистических словарях нам удалось встретить и крайне неблагозвучный и труднопроизносимый топоним, образованный по той же модели, *Пензенщина*, который вряд ли может быть рекомендован топонимистами к употреблению в устной и письменной речи.

В) *Межрегиональные пограничные связи.* Сравнение топонимикона Тамбовской и Рязанской областей показывает, что вдоль течения реки Цны тесные топонимические связи наблюдаются между Моршанским районом Тамбовской области и Шацким районом Рязанской области, что, очевидно, обусловлено общими природными условиями, тесными историко-культурными связями и часто меняющимися границами административных образований. Здесь мы видим как одинаковые названия (тамбовская *Шача* (л.п. р. Кашма) и рязанская *Шача* (л.п. р. Цна), от гидронима образован ойконим *Шацк*), так и использование одинаковых топонимических моделей (например: *Носины*, село Моршанского р-на Тамбовской области, и *Печины*, село Шацкого р-на Рязанской области). В верховьях притоков Дона близость традиций наблюдается в топонимии северо-западных районов Тамбовской области, южных районов Рязанской области и северо-восточных районов Липецкой области (отдельные примеры см. выше).

Наличие каталогов по другим соседним областям даст возможность в перспективе выявить и другие межрегиональные связи.

Орфография топонимов. Один из главных вопросов при составлении каталога – это орфография топонима: какой из вариантов его написания считать правильным? И в официальных документах, и на топографических картах можно встретить различное написание одного и того же топонима, вариативность написания возрастает при привлечении исторических документов. Сильные расхождения в орфографии топонимов отмечаются при сравнении источников XVI-XVII вв., документов XIX в. и современных материалов. Так, гидронимы *Большой* и *Малый Ломовис* в источниках XIX в. писались как *Большой* и *Малый Ламовис* [28, с. 251], такое же написание топонимического корня сохраняется и во вторичных образованиях: отвершек *Ламовской*, шесть оврагов *Ламовицкой* [Там же]. Многочисленные варианты гидронима *Полной Воронеж* в разных

источниках (как и других гидронимов) приводит Е. С. Отин: *Польный Воронеж, Польной Воронеж, Польш. Воронеж, Воронеж Польной*, или *в Поле, Полный Воронеж, Польский Воронеж* и т.д. [17, с. 121].

Остро стоит и проблема заглавных и строчных букв в топонимах, состоящих из двух и более слов. И хотя существующие правила русской орфографии как будто регламентируют это написание, тем не менее часто они вступают в конфликт друг с другом. Этот вопрос подробно освещается в статьях современных исследователей А. В. Барандеева, И. А. Дамбуева [1; 8], поэтому мы не будем здесь останавливаться на нём. Отметим лишь, что для многих топонимов, фиксируемых в каталоге, вопрос их написания остаётся открытым, но авторы стараются допустить минимальные расхождения с формами названий, принятыми за официальные в Реестре географических названий РФ [24] и на топографических картах Федерального научно-технического центра геодезии, картографии и инфраструктуры пространственных данных (Росреестр), а до 2009 г. – Федерального агентства геодезии и картографии (Роскартография), хотя и здесь встречаются спорные случаи, требующие более детального рассмотрения и освещения.

Много спорных случаев написания с заглавной или строчной буквы возникает при фиксации микротопонимии ввиду её переходного характера. Название небольшого природного или антропогенного объекта может начинаться с маленькой буквы или содержать в своём составе слово, которое предпочтительней написать с маленькой буквы, если обозначение не до конца утратило связь с нарицательной лексикой и ещё воспринимается как географический указатель, детерминатив. Так, природный объект без названия на правом берегу р. Серп (координаты 53.616747, 41.770304 [3]) на современных картах значится как *гай*; при утрате связи с нарицательным значением и усилении функции обозначения конкретного места он может перейти в разряд топонимов: лес / озеро / урочище *Гай*, во всяком случае, апеллатив обладает таким потенциалом. Название урочища *Кордон Шайповский* на левом берегу р. Кёрша (координаты 53.201310, 41.836995 [30]) ещё сохраняет написание первого элемента с маленькой буквы, но появление дополнительного детерминатива – урочище – уже указывает на переходный характер данного образования и его вхождение в состав микротопонима. Завершённый процесс топонимизации рассмотренных апеллативов и их однозначное написание с заглавной буквы мы видим в названиях посёлков – *Зелёный Гай* (Мичуринский р-н), *Кордон Борковский* (Моршанский р-н).

Выводы. Каталогизация географических наименований Тамбовской области является частью большой лингвистической работы по сбору, фиксации, систематизации и сохранению исторического и современного топонимического фонда России. Составление каталога показало, что при систематизации топонимического материала данного региона могут быть использованы гидрографический и бассейновый подходы, так как сеть ойконимов обусловлена и организована сетью гидронимической. Каталог охватывает топонимию важнейших притоков Дона и Оки – Цны, Вороны, Савалы, Битюга, Матыры, Воронежа – в границах Тамбовской области. Принадлежность к двум разным бассейнам – Донскому и Окскому – и разным природным ландшафтам предопределяет репертуар типичных для каждой зоны разрядов и видов топонимов и детерминативов (что, безусловно, отражает каталог) и неоднородность сложившейся исторически системы географических названий региона, что наглядно покажут составленные в дальнейшем на основе данных каталога карты топонимического атласа и сопровождающий их лингвистический и археологический комментарий.

На сегодняшний день удалось зафиксировать и занести в каталог свыше 3 000 топонимов, при этом авторы считают, что имеющийся список далеко не полный, но он является хорошим каркасом для последующего добавления материала. Работа с формами названий позволила говорить о большой изменчивости «малой» гидронимии, нерешённости ряда вопросов орфографии топонимов и микротопонимов и в то же время о перспективности обсуждения и совместного решения данных вопросов с государственными органами, отвечающими за регистрацию (каталогизацию) и утверждение официальных форм географических наименований России.

Сравнение топонимикон разных регионов, прежде всего соседних, предоставляет важные данные для выявления закономерностей становления, развития и изменения топонимических систем этих территорий как по отдельности, так и в связи друг с другом – как элементов единой топонимической системы одного государства с ее культурно-языковыми напластованиями, элементов, несущих в себе как общие черты этой системы, так и региональные, развивающиеся автономно в зависимости от внутрорегиональных природных, этнических и исторических факторов. Однако для такого анализа нужны полноценные, максимально информативные топонимические каталоги по разным регионам Российской Федерации, что еще раз подчеркивает важность и актуальность этой работы.

Авторы, принимающие участие в составлении каталога, будут признательны за новые топонимические материалы и сведения по истории тамбовских поселений, рек и небольших объектов, имеющих собственные наименования, в том числе полученные в ходе лингвистических и топонимических экспедиций.

Перспективы дальнейших исследований. Дальнейшая работа предполагает пополнение каталога новыми названиями, выявленными в ходе работы с новыми источниками (карты, результаты экспедиций, краеведческие издания и онлайн-ресурсы) и научного сотрудничества с исследователями тамбовской топонимии; использование полученных материалов для составления карт топонимического атласа Тамбовской области; включение корпуса региональных топонимов и серии карт в общероссийский топонимический каталог, атлас и единую базу данных «Топонимия России».

Принятые сокращения

бнп – бывший населённый пункт
 ж/д – железнодорожный (-ая)
 л.п. – левый приток
 л.с. – левая сторона
 п.п. – правый приток
 п.с. – правая сторона
 р. – река
 р-н – район
 с. – село
 с-цо – сельцо

Список источников

1. Барандеев А. В. Актуальные проблемы орфографии топонимов // Русский язык в школе. 2019. Т. 80. № 6. С. 85-90.
2. Васильев В. Л. Гидронимия бассейна реки Мсты: свод названий и анализ микросистем. М.: Языки славянских культур, 2017. 344 с.
3. Гай [Электронный ресурс]. URL: https://yandex.ru/maps/10802/tambov-oblast/geo/reka_serp/1564613987/?ll=41.784225%2C53.619328&source=wizgeo&utm_medium=maps-desktop&utm_source=serp&z=15 (дата обращения: 20.08.2020).
4. Гордова Ю. Ю. Актуальные способы обработки и представления ономастических данных: 2009-2019. М.: ЛЕНАНД, 2020. 128 с.
5. Гордова Ю. Ю. К 30-летию выхода в свет книги Г. П. Смолицкой «Гидронимия бассейна Оки: список рек и озер» // Материалы и исследования по рязанскому краеведению: сб. научных работ / отв. ред., сост. Б. В. Горбунов; Ряз. обл. ин-т развития образования. Рязань: Узорочье, 2006. Т. 11. С. 397-399.
6. Гордова Ю. Ю. Топонимия Рязской Засечной черты // Рязанский этнографический вестник / гл. ред. В. В. Коростылев. Рязань: Рязанский обл. научно-методический центр народного творчества, 2006. Вып. 37. С. 1-157.
7. Гордова Ю. Ю. Топонимия Рязанской области (список географических названий). Рязань: Рязань. Мир, 2010. Ч. I. Современная топонимия. Вып. I. Территория бассейна реки Прони. 72 с.
8. Дамбуев И. А. Прописная и строчная буквы в многокомпонентных топонимах // Ономастика Поволжья: материалы XVII Международной научной конференции (17-20 сентября 2019 г.) / сост., ред. В. Л. Васильев. Великий Новгород: ТПК «Печатный двор», 2019. С. 38-42.
9. Дудник Н. И. Региональные ландшафтные особенности Тамбовской области // Вестник Тамбовского университета. 2002. Т. 7. Вып. 1. С. 119-124.
10. Каталог топонимов Республики Татарстан [Электронный ресурс]. URL: <https://toponym.antat.ru> (дата обращения: 20.09.2020).
11. Кузьмин А. Г. Рязанское летописание. Сведения летописей о Рязани и Муроме до сер. XVI века. М.: Наука, 1965. 286 с.
12. Липецкая область [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Липецкая_область (дата обращения: 26.07.2020).
13. Маштаков П. Л. Материалы для областного водного словаря. Л.: Гос. гидрол. ин-т (тип. им. Котлякова), 1931. 117 с.
14. Маштаков П. Л. Список рек бассейнов Днестра и Буга (Южного). С картой и алфавитным указателем. Пг.: Состоящая при Акад. наук Комис. по вопросу о геогр. номенклатуре, 1917. 57 с.
15. Маштаков П. Л. Список рек Днепровского бассейна. С картой и алфавитным указателем. СПб.: Состоящая при Имп. Акад. наук Комис. по вопросу о геогр. номенклатуре, 1913. 292 с.
16. Маштаков П. Л. Список рек Донского бассейна. Л.: Гос. гидрол. ин-т, 1934. 94 с.
17. Отин Е. С. Гидронимия Дона: в 2-х т. Донецк: Юго-Восток, Лтд, 2011. Т. I. Верхний и Средний Дон. 574 с.
18. Отин Е. С. Гидронимия Дона: в 2-х т. Донецк: Юго-Восток, Лтд, 2012. Т. II. Нижний Дон. 791 с.
19. Оценка численности постоянного населения на 1 января 2020 года и в среднем за 2019 год [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781?print=1> (дата обращения: 13.03.2020).
20. Панков С. В. Бассейновый подход в исследованиях сельских селитебных систем // Вестник Тамбовского университета. 2010. Т. 15. Вып. 2. С. 624-627.
21. Пензенская область [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Пензенская_область (дата обращения: 26.07.2020).
22. Поценья / под ред. Ф. Н. Милькова. Воронеж: ВГУ, 1981. 172 с.
23. Ранино [Электронный ресурс]. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Ранино_\(Тамбовская_область\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Ранино_(Тамбовская_область)) (дата обращения: 02.08.2020).
24. Реестр зарегистрированных в АГКГН географических названий населённых пунктов на 05.10.2020. Тамбовская область [Электронный ресурс]. URL: <https://cgkipd.ru/upload/iblock/b40/b404dc6e4f9bde12f64fe0c6dc328eac.pdf> (дата обращения: 20.10.2020).
25. Реки Тамбовской области: каталог / под ред. проф. Н. И. Дудника. Тамбов: Рассказовская областная типография, 1991. 48 с.
26. Рязанская область [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Рязанская_область (дата обращения: 26.07.2020).
27. Саратовская область [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Саратовская_область (дата обращения: 26.07.2020).
28. Смолицкая Г. П. Гидронимия бассейна Оки. Список рек и озер. М.: Наука, 1976. 454 с.
29. Тамбовская область. Топографическая карта: состояние местности на 1984-97 гг. / подгот. к печати 439 ЦЭ ВКФ в 1997 г.; ред. И. Ерошкин, В. Андреев. Масштаб 1:200 000. М.: ВТУ ГШ, 1998. 32 с.
30. Урочище кордон Шайповский [Электронный ресурс]. URL: https://yandex.ru/maps/geo/urochishche_kordon_shaypovskiy/1499039411/?ll=41.840971%2C53.200098&source=wizgeo&utm_medium=maps-desktop&utm_source=serp&z=16 (дата обращения: 20.08.2020).

31. Фёдоров С. В. Топонимия Рязанской области (список географических названий). Часть I. Современная топонимия. Вып. 2. Бассейны рек Пара, Тырница, Средник: рукопись // Личный архив автора статьи Гордовой Ю. Ю.
32. Центральный федеральный округ [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Центральный_федеральный_округ#cite_note-2020AB-2 (дата обращения: 24.09.2020).

On the Problem of Catalogization of Tambov Regional Toponyms

Gordova Juliana Juryevna, Dr

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow
gordova@iling-ran.ru

The paper aims to identify the basic principles of Tambov regional toponyms catalogization. The author's attention is focused on the following issues: sources of factual material, catalogue structure, specificity of regional hydrographic, landscape, toponymic system, orthography of toponyms. Scientific originality of the study lies in the fact that regional toponymy is considered as big data requiring systematization; unfortunately, alphabetic and administrative-territorial approaches do not satisfy the purpose. The following conclusions are justified: hydrographic and basin approaches can be applied to catalogue regional toponymic material; a catalogue of regional toponyms can serve as a basis for a comparative study of regional toponymies with a view to identify trends of the Russian toponymic system development.

Key words and phrases: regional onomasticon; catalogization of toponyms; specificity of Tambov regional toponymy; orthography of toponyms.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.60>

Дата поступления рукописи: 25.10.2020

Цель исследования – определить преимущества лингвистических принципов организации новостного онлайн-потока в рамках формирования интернет-библиотеки новостей, которая в условиях кризисной ситуации становится эффективным инструментом формирования имиджа. **Научная новизна** заключается в междисциплинарности, которая позволяет продолжить изучение медиаинформационного пространства и научно обосновать его систематизацию. **В результате** доказано, что при формировании интернет-библиотеки новостей о сирийском кризисе принципы традиционной трёхкомпонентной библиотечной каталогизации (алфавитный, систематический и тематический каталоги) имеют продуктивный лингвистический потенциал для построения имиджа события и помогают формированию его всесторонней оценки.

Ключевые слова и фразы: интернет-библиотека; новостное сообщение; каталогизация; имидж события; лингвистические маркеры.

Дуаа Шаабан

Российский университет дружбы народов, г. Москва
1042175126@rudn.ru

Лингвистические принципы каталогизации в интернет-библиотеке новостей

Актуальность темы исследования определяется потребностью в овладении медиакультурой в связи с интенсивностью роста информационных потоков, которые становятся уникальным средством комплексного освоения социальных, нравственных, психологических, художественных, интеллектуальных и др. установок окружающего мира. Действительно, медиакультура структурирования сетевой информации – это умение грамотно пользоваться совокупностью информационно-коммуникационных средств, разработанных и освоенных человечеством в ходе культурно-исторического развития, способствующих формированию общественного сознания и социализации личности. Она включает в себя культуру производства, передачи и восприятия информации, может выступать и системой уровней развития личности, способной воспринимать, анализировать, оценивать тот или иной медиатекст, заниматься медиаторством, усваивать новое знание посредством медиа [9].

Для достижения цели требуется решить следующие **задачи**: во-первых, обосновать создание интернет-библиотеки новостей в современных условиях развития общества и формирования медиакультуры потребления сетевой информации, учитывая ожидания массовой аудитории и параметры гипотетического спроса; во-вторых, определить лингвистические факторы каталогизации новостных сообщений с учетом всеобщей медиатизации и информатизации общества.

Новый ракурс определяет совмещение таких **методов исследования**, которые, формируя синтетическое гуманитарное знание, опираются на основы культурологии и языкознания, философии и массовой коммуникации, журналистики и социологии, на комплекс таких общенаучных методов, как анализ и синтез, индукция и дедукция, количественно-качественный анализ. Это, прежде всего, сравнительно-сопоставительный метод, а также описание, анализ, сопоставление и обобщение.

Теоретическую базу исследования составляют труды по медиакультуре, массовой коммуникации и журналистике И. А. Бронникова [1], Р. Дебре [4], И. Г. Зубкова [5], а также по теории библиотечного дела и его современного развития Е. Ю. Гениевой [3], В. П. Леонова [6], Л. А. Прониной [7], чьи работы посвящены и выявлению, и обоснованию закономерностей, принципов формирования, развития, функционирования библиотечной системы, взаимодействия библиотек в различных аспектах, а также взаимодействия интернет-читателей с информацией в виде публикаций, которое должно быть обеспечено библиотекарем как массовое по масштабам явления, и индивидуальное по форме реализации.

Практическая значимость работы: материалы исследования могут быть использованы в вузах гуманитарного направления при изучении спецкурсов и спецсеминаров по теоретическому, практическому, сравнительному информационному производству, языку и стилю массмедиа и библиотечному делу. Полученные данные могут найти применение в процессе учебно-методической деятельности при создании учебников, учебных пособий по массовой коммуникации и журналистике.

Сам термин «медиалогия» впервые был сформулирован в 1990 г. французским ученым Режи Дебре в его трудах о средствах и каналах передачи знаний и традиций в качестве культурных достижений [4]. Ведь, как справедливо замечает К. Э. Разлогов, активное исследование того, что принято называть «медиа», «обусловлено социальными аспектами информационного общества и перспективами культурного прогресса в целом» [8, с. 23], что напрямую адресует медиалогию к библиотеке как особому способу сбора, хранения и распространения информации.

По мнению Л. А. Прониной, библиотеки должны модернизировать свою деятельность, но рассматривать данный процесс следует как культуротворческий, а не только технический и технологический [7]. Только в этом случае структура библиотеки новостей в целом будет эффективной, рациональной и оптимальной для данной территории и для данного населения. Как подчеркивает Е. Ю. Гениева, «модернизация возможна там, где есть культурная традиция» [3, с. 15].

С точки зрения И. А. Бронникова, «в начале XXI века доминирующей активизирующей силой общества стал Интернет» [1]. В то же время И. Г. Зубков подчеркивает, что «виртуальный медиаконтент всегда нуждается в концентрации и структурировании содержания» [5, с. 8]. Интернет-библиотека новостей предлагает своим посетителям весь спектр новостных сообщений о событиях. В то же время (так называемая стратегия дифференциации) она может гибко и тонко адаптироваться к потребностям различных групп интернет-сообщества, то есть разрабатывает специальные предложения для каждого из выделенных сегментов, вплоть до индивидуального контента. Интернет-технологии позволяют это сделать вплоть до возможности формирования индивидуального контента. Так, благодаря определенным компьютерным программам и технологиям каждый пользователь может сделать свою индивидуальную выборку текстов СМИ по различным параметрам (например, по дате или времени публикации, по жанру, по названию СМИ и пр.).

Многие исследователи справедливо отмечают недостатки организации медиаконтента в Интернете: «...неполнота либо избыточность информации; разнородность и неструктурированность информации; несоответствие информации статусу сайта, погрешности языка и стиля; затрудненность восприятия информации; многоступенчатость при поиске информации» [2]; слабый уровень обновляемости информации, отсутствие интерактивных сервисов и др. В фонде интернет-библиотеки новостей по теме сирийского кризиса можно целенаправленно собирать, сохранять и предоставлять пользователям многочисленные и разнообразные по своим жанровым характеристикам, предназначению, формату и другим признакам журналистские новостные сообщения, касающиеся актуальных событий сирийского кризиса, требующих немедленного осмысления и оценки. Систематизация контента и популяризация имеющихся в такой библиотеке материалов осуществляется посредством каталогизации.

С одной стороны, каталог должен быть удобен для оперативного использования всеми, кто захочет составить представление о событиях и о Сирии в условиях кризиса, а также о важности участия России в урегулировании этого кризиса. С другой – данная библиотека должна стать ценным подспорьем для журналистов, которые ищут проверенную, достоверную информацию о событиях в Сирии, связанных с участием России.

Система библиотечных каталогов и картотек обеспечивает реализацию образовательной, культурно-просветительской, информационной и других функций, присущих современной библиотеке. В современных условиях публикации СМИ действительно стали выполнять не только информационно-аналитические задачи, но и образовательные, культурно-просветительские. Именно журналисты сообщают массовой аудитории познавательную информацию о Сирии, создают ее образ и интерпретируют взаимоотношения России и Сирии на почве этих кризисных событий. Система каталогов интернет-библиотеки новостей по сирийскому кризису, как и общая система каталогов и картотек, формируется на базе таких принципов, как научность основания, доступность использования, содержательная информативность, наглядность и экономичность оформления. Принципы организации каталога становятся принципами создания этих журналистских текстов, определяющими их специфику по форме и содержанию, но прежде всего по организации содержания.

В основу всех разновидностей каталогов заложено описание отдельного журналистского текста, хотя в условиях гипертекстовости очевидно, что в данном случае под отдельным текстом будет подразумеваться комплексный поликодовый мультимедиа-текст, состоящий из разнокодовых компонентов с гипертекстовыми расширениями. Отдельные описания объединяются в библиотечных каталогах по трем принципам: алфавитному, систематическому и предметному. В алфавитном каталоге описания журналистских текстов выстраиваются по алфавитной принадлежности фамилий их авторов или заголовков. В интернет-библиотеке новостей

мультимедийность определяет и такую направленность, как каталог гиперссылок, а также каталоги фотобанка, видеобанка и банка инфографики, в совокупности составляющих мультимедийные журналистские тексты новостей. Соответственно, исходя из способа группировки библиографических записей, в интернет-библиотеке новостей организуются алфавитные, предметные и систематические каталоги, чтобы охватить разные аспекты журналистских материалов.

Проблема определения ключевого слова или ключевых слов имеет множество аспектов, одним из которых является систематизация огромного потока новостных онлайн-сообщений, который постоянно обновляется и многократно увеличивается и ускоряется, когда происходит значимое событие, влияющее на отношения двух стран, России и Сирии. В то же время можно организовать новостной поток и по принципу системного каталога, который выявляет системные связи между публикациями и еще более глубоко ориентирует пользователя в оценке кризисных событий и роли России в урегулировании сирийского кризиса, позволяет установить взаимосвязи между различными областями знаний. В результате, во-первых, пользователь интернет-библиотеки новостей имеет возможность увидеть событие комплексно, всесторонне, а во-вторых, информация, содержащаяся в тексте, имеет все шансы превратиться в прочное знание. В данной публикации дается не только освещение самого конкретного события, но и ретроспектива определенных политических международных событий и сведения о российской экономике, что позволяет понять, что публикация имеет значение для политологии, теории международных отношений, экономики, теории массовых коммуникаций и имиджелогии.

Принципы каталогизации в интернет-библиотеке новостей неразрывно связаны с особенностями организации содержания в новостном сообщении. Во-первых, это организация содержания с помощью ключевых слов и словосочетаний, во-вторых, четкая структуризация текста, независимо от уровня осмысления. Большинство новостей интернет-СМИ отличается единством их внутренней структуры. Для текстов, формирующих каталоги интернет-библиотеки новостей, обязательными являются такие составные части, как:

- слаглайн (англ. slugline): *СИРИЯ – РОССИЯ – КРИЗИС*;
- дейтлайн (англ. dateline): *МОСКВА, 9 авг. – РИА Новости*;
- хедлайн (англ. headline): *Глава МИД ФРГ Франк-Вальтер Штайнмайер заявил, что Запад трезво оценивает роль России в разрешении сирийского кризиса*;
- лид (англ. lead): *«Мы не строим иллюзий по поводу роли России в Сирии. Разрешение гражданской войны в Сирии невозможно без России, но столь же маловероятно и без Ирана, Саудовской Аравии или Турции», – сказал Штайнмайер в интервью таблоиду Bild*;
- бэкграунд (англ. background): *«Ранее сообщалось, что Россия и Сирия заключат договор о размещении российской авиагруппы в САР на бессрочный период. Это соглашение внесено президентом РФ Владимиром Путиным на ратификацию в Госдуму. Режим прекращения огня в Сирии вступил в силу 27 февраля. Перемирие не распространяется на запрещенные в России и ряде других стран организации “Исламское государство”, “Джебхат ан-Нусра” (сменившая название на “Джебхат Фатах аш-Шам”) и другие формирования, признанные Советом безопасности ООН террористическими».*

Данный пример заимствован с сайта информационного агентства РИА Новости [10]. Все последующие примеры взяты на сайте информационного интернет-ресурса «Голос Америки» [11].

В новостном сообщении освещение события строится по принципу «перевернутой пирамиды», то есть в начале сообщается суть новости, а ближе к его концу подаются подробности, по мере их значимости. Однако в случае с кризисной ситуацией, подобно сирийской, новости становятся более развернутыми, так как фактология требует пояснений и нуждается в подробном освещении и разборе. Новость как жанр приобретает новые характеристики, что, в свою очередь, ведет к расширению жанровых границ. Именно для сообщений, освещающих кризисную ситуацию, особенно важно предложить осмысление ситуации не на уровне оповещения, а более глубоко, позволяющем формировать и корректировать общественное мнение. Это влияет и на композицию новости. Для кризисной новости становится характерным разделение двух понятий: структура и композиция. Если под структурой мы подразумеваем набор определенных частей, на которые разделено содержание, то композиция – это такое расположение частей структуры, которое дает возможность наиболее убедительно осветить кризисное событие. При этом композиция и список структурных разделов могут как совпадать, так и различаться. Именно композиция может представлять собой различные типы пирамиды: прямую, перевернутую и смешанную.

Отбор языковых единиц в новостном сообщении имеет решающее значение для каталогизации медиаресурсов в интернет-библиотеке новостей.

В алфавитном каталоге новостные сообщения выстраиваются на основе идентичности стандартной синтаксической конструкции, которой придерживаются сегодня практически все новостные онлайн-ленты. Здесь учитывается, с одной стороны, классическая структура фактологического наполнения журналистского текста, содержащая пять компонентов-ответов на следующие вопросы: что произошло, кто это сделал, где, когда, каким образом («*Армия Асада взяла под контроль город Ябруд*»). С другой стороны, эта структура накладывается на стандартизированную под влиянием автоматических агрегаторов онлайн-новостей синтаксическую схему «подлежащее – сказуемое – второстепенные члены предложения» («*Белый дом обвинил Дамаск в организации гуманитарного кризиса*»), которая редко чередуется с другой схемой, в которой зачином становится номинатив («*Конфликт в Сирии: число беженцев растёт*»). Такая синтаксическая конструкция является одной из доминантных характеристик функционального стиля средств массовой информации и коммуникации и в качестве именительного темы также часто встречается в новостных подборках интернет-ресурсов («*День*

неповиновения” в Сирии: власти стягивают войска»). В таком случае алфавитный каталог формируется по принципу номинации, то есть обозначения тех, кто является инициатором, исполнителем события, ньюсмейкером. Это даёт возможность при просмотре каталога реализовать сразу несколько задач. Во-первых, сразу получать важную информацию об участниках формирования информационной картины события в его широком осмыслении, посмотреть на весь состав действующих лиц и определить значимость их совокупного участия в событии, частотности их активностей и т.д. Действующее лицо – это один из ведущих структурных элементов имиджа или информационного образа персоны, организации, события или явления. Тем самым алфавитная каталогизация новостных сообщений в интернет-библиотеке новостей помогает выявить и закрепить для дальнейшего использования важнейший компонент имиджа сирийского кризиса – персонализированный портрет совокупного действующего лица.

Для тематического каталога необходима специальная обработка интернет-новостей по ключевому слову, которое наиболее частотно. В новостях о сирийском кризисе очевидна частотность лексических единиц, принадлежащих к семантическому полю слов «Сирия», «сирийский» («Вашингтон ввёл санкции против руководства Сирии», «Айман Завахири призвал сирийских повстанцев прекратить междуусобицу»). Однако примерно четверть новостей не содержит этих прямых номинаций, но также относится к теме сирийского кризиса. В этом случае возникает необходимость расширить номинативное поле и сформировать коллекцию ключевых слов по сирийской тематике, в которую следует включить, кроме слов «Сирия», «сирийский», имена ведущих государственных персон, связанных с сирийским кризисом («Асад»), названия основных географических объектов в Сирии, а также стран, принимающих участие в конфликте («Дамаск», «Пальмира»), некоторые устойчивые выражения («Белый дом»). Для выявления имиджевых характеристик события тематический каталог имеет особое значение. С его помощью формируется тематическое пространство, в котором концентрируются характеристики ключевых персонажей, передающиеся с помощью глаголов и второстепенных членов предложения. Тематический каталог позволяет производить дробное деление новостей по тематическим мотивам. Важным дополнением становятся номинации темы («Конфликт в Сирии: число беженцев растёт»).

Структура систематического каталога новостных сообщений также может опираться на комплект ключевых слов. Номинации, которые входят в слаглайн («Сирия – Россия – кризис»), практически всегда могут войти в набор ключевых слов систематического каталога, так же как и дата опубликования новости. Однако в цифровом формате компьютер позволяет делать перекрёстные релятивные выборки по любому слову из текста, но в то же время, безусловно, можно выделить наиболее значимые понятия. В новостных сообщениях о сирийском кризисе это такие лексемы, как «кризис», «конфликт», «беженцы» и др., которые можно совмещать с лексемами «Сирия» и «сирийский», конкретизируя системные параметры. С помощью систематического каталога имиджевая картина события получает необходимое завершение через выявление характера взаимодействия его различных участников между собой. Тем самым имидж события получает возможность дополнения и включения в более широкую информационную картину, что повышает степень его объективности.

Итак, можно наглядно продемонстрировать, как будут размещены новости в онлайн-библиотеке в различных каталогах.

Алфавитный каталог

1. **Айман Завахири** призвал сирийских повстанцев прекратить междуусобицу;
2. **Американские специалисты** приступили к уничтожению сирийского химического оружия;
3. **Армия Асада** взяла под контроль город Ябруд;
4. **Белый дом** обвинил Дамаск в организации гуманитарного кризиса;
5. **Вашингтон** ввёл санкции против руководства Сирии;
6. **Глава МАГАТЭ** осудил действия Ирана и Сирии;
7. «День неповиновения» в Сирии: **власти** стягивают **войска**;
8. Конфликт в Сирии: число **беженцев** растёт.

Действующими лицами в имиджевой картине сирийского кризиса становятся Айман Завахири, армия Асада, американские специалисты, «Белый дом», Вашингтон (метонимический перенос), глава МАГАТЭ. Тексты с номинацией темы («день неповиновения» и «конфликт в Сирии») добавляют в набор участников события власти Сирии, войска Сирии и беженцев.

Тематический каталог

Номинации темы определяют такие аспекты темы, как «неповиновение» и «конфликт» (««День неповиновения» в Сирии: власти стягивают войска», «Конфликт в Сирии: число беженцев растёт»), а частотность употребления обуславливает в качестве тематических мотивов лексемы «кризис» и «междуусобица» в сочетании с номинациями «Сирия» и «сирийский» («Белый дом обвинил Дамаск в организации гуманитарного кризиса»).

Систематический каталог распределяет новости по предметным областям, которые конкретизируются в соответствии с перечнем этих областей, однако онлайн-формат позволяет сделать это распределение более точным. Лингвистическими маркерами данных областей становятся наиболее характерные слова в новостных сообщениях («Айман Завахири призвал сирийских повстанцев прекратить **междуусобицу**» – общественно-политические отношения; «Американские специалисты приступили к уничтожению сирийского **химического оружия**» – войны и конфликты; «Белый дом обвинил Дамаск в организации **гуманитарного кризиса**» – общество и т.д.).

Таким образом, мы можем сделать следующие **выводы**: при формировании интернет-библиотеки новостей по сирийскому кризису принципы традиционной трёхкомпонентной библиотечной каталогизации (алфавитный,

систематический и тематический каталоги) имеют продуктивный лингвистический потенциал для построения имиджа события и помогают формированию его всесторонней оценки. Фактологическая структура содержания медиаинформационного сетевого сообщения конструктивно взаимодействует с его лексико-синтаксической организацией. В свою очередь, это способствует тому, что каждый из трёх принципов каталогизации в онлайн-формате обеспечивает свой компонент имиджевой характеристики события, что в совокупности позволяет сформировать достоверную и всестороннюю информационно-имиджевую картину. Тем самым выявленные лингвистические факторы каталогизации новостных сообщений с учетом всеобщей медиатизации и информатизации общества позволяют обосновать создание интернет-библиотеки новостей в современных условиях развития общества и формирования медиакультуры с учётом ожиданий массовой аудитории и параметров гипотетического спроса. *Перспективы дальнейших исследований* заключаются в расширении спектра значимых факторов, выстраивающих информационное интернет-пространство в соответствии с принципами систематического и тематического каталогов, и в дальнейшем уточнении их параметров.

Список источников

1. **Бронников И. А.** Современные особенности российской интернет-аудитории как участника политической коммуникации [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-osobennosti-rossiyskoy-internet-auditorii-kak-uchastnika-politicheskoy-kommunikatsii> (дата обращения: 13.01.2016).
2. **Гендина Н. И., Колкова Н. И., Алдохина О. И.** Официальный Web-сайт: проблемы отражения в открытом информационном пространстве основных функций библиотеки как социального института [Электронный ресурс] // Библиотеки и информационные ресурсы в современном мире науки, культуры, образования и бизнеса: материалы Междунар. конф. URL: <https://ellib.gpntb.ru/subscribe/index.php?journal=ntb&year=2010&num=2&art=1> (дата обращения: 07.11.2020).
3. **Геннева Е. Ю.** Библиотека как центр межкультурной коммуникации. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. 208 с.
4. **Дебре Р.** Введение в медиологию / пер. с фр. Б. М. Скуратова. М.: Практис, 2010. 348 с.
5. **Зубков И. Г.** Информационный медиаконтент в Интернете: современная специфика и ключевые характеристики: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 2014. 20 с.
6. **Леонов В. П.** Будущее библиотеки как предмет изучения (БАН РАН) // Научные и технические библиотеки. 2012. № 9. С. 51-68.
7. **Пронина Л. А.** Библиотеки сегодня: модернизация, оптимизация или трансформация? [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/biblioteki-segodnya-modernizatsiya-optimizatsiya-ili-transformatsiya> (дата обращения: 10.01.2017).
8. **Разлогов К. Э.** Искусство экрана: от синемаатографа до Интернета. М.: РОССПЭН, 2010. 287 с.
9. **Тоффлер Э.** Метаморфозы власти. М.: АСТ, 2003. 409 с.
10. **Штайнмайер оценил роль России в разрешении сирийского кризиса** [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20160809/1473907887.html> (дата обращения: 18.03.2017).
11. <https://www.golos-ameriki.ru/> (дата обращения: 05.11.2018).

Linguistic Principles of Cataloguing in Online News Library

Douaa Shaaban
RUDN University, Moscow
1042175126@rudn.ru

The purpose of the study is to identify advantages of employing linguistic principles to organise an online news flow in line with formation of an online news library, which becomes an effective tool for creating an image in a crisis situation. Scientific novelty of the research lies in its interdisciplinary nature, which allows the author to conduct further study of the media information space and provide a scientific rationale for its systematisation. As a result, it is proved that in formation of an online library containing news about the Syrian crisis, principles of a traditional three-tiered library cataloguing system (alphabetical, systematic and thematic catalogues) possess a productive linguistic potential for creating an event image and help to carry out a comprehensive assessment of it.

Key words and phrases: online library; news message; cataloguing; event image; linguistic markers.

Методика преподавания языка

Language Teaching Techniques

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.61>

Дата поступления рукописи: 02.11.2020

Цель исследования – определить особенности влияния искусственного интеллекта (ИИ) на обучающегося через использование информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) на занятиях по иностранному языку в высшей школе. В статье демонстрируется, почему некоторые виды ИКТ можно рассматривать как ИИ-системы, как их внедрение в образовательный процесс оказывает влияние на когнитивные изменения обучающегося, а также какую роль играет степень его доверия таким системам. **Научная новизна** заключается в рассмотрении воздействия ИКТ на когнитивные способности изучающего иностранный язык студента сквозь призму ИИ. **В результате** установлено, что чем ближе возможности ИИ в ИКТ к деятельности человека при работе с иностранным языком, тем ниже активация когнитивной деятельности со стороны обучающегося.

Ключевые слова и фразы: информационно-коммуникационные технологии; когнитивная наука; искусственный интеллект; обучение иностранному языку; высшая школа.

Исламов Роман Сергеевич, к. филол. н.
Кемеровский государственный университет
r.islamov87@gmail.com

Искусственный интеллект в информационно-коммуникационных технологиях и его влияние на обучение иностранному языку в высшей школе

Жизнь социума с начала XXI века стремительно меняется под воздействием нового витка развития технологического прогресса. Речь, в частности, идет о широкомасштабном применении систем, способных имитировать поведение человека и с каждым годом более тесно интегрирующихся в его повседневную реальность. История такого применения в более современном понимании берет свое начало с середины прошлого века, но именно за последние десять лет цифровизация мира ускорилась вследствие повсеместного и скоростного доступа к сети Интернет и использования нейросетей. Сейчас многие устройства, начиная от «умных» холодильников до разработок робототехники, связаны воедино. А нейронные сети создают генеративные тексты и музыку в стиле известных групп и исполнителей [12].

Вышеупомянутые системы в самом широком понимании относятся к системам искусственного интеллекта (далее – ИИ-системы). Они способны анализировать и извлекать информацию из большого набора данных, самообучаться, автоматизировать некоторые повседневные процессы, а также решать задачи, в которых требуются огромные вычисления. Примерами могут послужить системы: а) ведущие учет пациентов и помогающие в расшифровке диагностических результатов (медицина); б) выполняющие аналитику, изучающие поведенческие метрики пользователя, его покупательские предпочтения (розничная торговля); в) анализирующие данные с разных производственных участков и регулирующие нагрузку на оборудование (производство); г) развлекающие человека (компьютерные игры); д) обрабатывающие человеческий язык (машинный перевод, программы проверки орфографии и грамматики) и пр.

Такое тесное взаимодействие с ИИ-системами не может не сказаться на трансформации жизни социума, на преобразовании структуры обыденной реальности для человека, на изменениях его внешнего окружения и его внутреннем состоянии.

На первое место выводится термин «смешанная когниция». Он «рассматривается как совокупность машинно-человеческих процессов и процедур по обработке информации, что достигается погружением сознания в технологическую среду ИИ и активным взаимодействием с ней. Смешанная когниция как синтез нового феномена в ходе ментально-машинной трансформации когниции человека непосредственно связана с компьютеризацией процессов познания, приобретения и накопления знаний» [10, с. 108].

Можно сделать из этого вывод, что умонастроение, мироощущение и опыт современного индивида совершенно иные, уникальные и отличные от предыдущего поколения людей. Более того, они не до конца изучены, так как этот предмет изучения для современной науки – «здесь и сейчас» и находится в постоянной динамике. Он привлекает внимание различных дисциплин, в том числе психологических, социальных, лингвистических, педагогических наук и пр.

Такое внимание обусловлено и тем, что «ИИ обладает увеличивающимися потенциальными ресурсами и возрастающим риском их неэффективного применения» [Там же].

Все вышесказанное подводит к следующим вопросам, предопределяющим **актуальность** настоящего исследования в области современной педагогики: какие информационно-коммуникационные технологии (далее – ИКТ) применяются на занятиях по иностранному языку? Почему их можно считать ИИ-системами? Насколько их применение эффективно? И как ИИ-системы способны менять образовательный процесс с точки зрения когнитивного аспекта естественного интеллекта?

Для реализации цели исследования нами сформулирован ряд следующих **задач**: 1) определить ИИ как объект исследования; 2) установить виды ИКТ, используемые для изучения иностранного языка; 3) показать, что выбранные ИКТ являются ИИ-системами; 4) классифицировать ИИ в ИКТ от «простого к сложному».

В работе также сформулирована следующая гипотеза: предполагается, что наличие более сложного (далее – *порождающего*) ИИ в ИКТ сильнее влияет на когнитивные способности учащегося при изучении иностранного языка, а также на степень доверия человека результатам деятельности машины.

Теоретическую базу исследования составили работы в области исследования ИИ с позиции философских представлений знаний в системах ИИ и сопутствующих проблем (И. Ю. Алексеева [1], Дж. Маккарти и П. Дж. Хайес [21]); совместной деятельности искусственного и естественного интеллектов (В. И. Божич, Н. В. Горбатюк и М. Б. Савченко [4]); построения модели ИИ через процесс формализации (В. Н. Волкова [5]); ИИ в машинном переводе и когнитивистике дискурса (Е. В. Котельникова [10]); отношения структур сознания к ИИ (Н. Л. Мухелишвили, Ю. А. Шрейдер [11]); классификации ИИ (С. И. Рязанов [14]); трансформации среды современного общества (В. М. Сергеев и Н. И. Бирюков [15]); баз знаний агентов в многоагентных системах (В. И. Городецкий и др. [7]); применения технологий ИИ (О. В. Толстель [16]); эволюции ИИ через телесность (Н. В. Хамитов, С. В. Киселица и О. Л. Деркач [18]). Кроме того, рассматривались работы в области исследования и применения ИКТ: А. К. Ахлебинин, Л. Г. Лазыкина, Ф. Б. Асанова, М. М. Ниматулаев, А. В. Топор и К. Акароуэ [2; 3; 13; 17; 20].

Для решения поставленных задач и проверки выдвинутой гипотезы применялись следующие **методы исследования**: анализ, сравнение, анкетирование и классификация (иерархический вид).

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты и выводы могут быть использованы в педагогической деятельности для усовершенствования образовательного процесса. Это также может способствовать развитию плодотворного сотрудничества между филологами, когнитивистами, разработчиками ИИ и педагогами.

Вначале обратимся к толкованию термина *искусственный интеллект*. В вышеуказанных работах дается следующее определение ИИ: «...междисциплинарное направление, создающее объекты, которые решают различные задачи так, как это делает человек. ИИ использует математику, логику, психологию, биологию, философию, науки о языке, электронику и пр.» [16, с. 95].

Словарь по кибернетике И. И. Глушкова трактует этот термин следующим образом: «...это искусственная система, имитирующая решение человеком сложных задач в процессе деятельности» [6].

Кроме того, отмечается нарастающий кризис в попытках создания ИИ. Так Н. В. Хамитов и др. в своей работе делают акцент на эволюционном подходе к его созданию: «...традиционным принципом (своеобразным клише), которым чаще всего руководствуются при начальных попытках создания ИИ, является то, что он должен быть копией человеческого интеллекта. По-видимому, эта задача неразрешима не только на сегодняшний день, но и в обозримой перспективе», поскольку «алгоритм, пусть сколь угодно сложный, нельзя отождествлять с интеллектом в самом широком смысле. Интеллект – это процесс и результат постоянного порождения и трансформации алгоритмов мышления и поведения» [18, с. 96].

Но каким бы способом ни был достигнут конечный результат в создании ИИ, это будут программные и аппаратные средства, осуществляющие интеллектуальную деятельность, сопоставимую с человеческой: «...искусственный интеллект – это “мир мыслей”, воплощенный в техническое устройство. Не будет преувеличением сказать: в середине XX века произошло необычайно важное для истории цивилизации событие – “мир мыслей” и мир технических устройств слились, впервые мысль, оторвавшись от человеческого тела, начала действовать самостоятельно» [15, с. 46].

Далее обратимся к определению термина *естественный интеллект*: «...это способность человека к логическому мышлению, стремление к приобретению новых знаний, умение делать выводы и принимать творческие решения» [1, с. 45].

Итак, идеальный ИИ решает задачи так, как это делает человек. Мы считаем, что мыслительная деятельность есть творческий способ решения проблемы. Мысли несут креативное начало, приводящее к порождению. Порождающая природа естественного интеллекта – то, к чему стремится интеллект искусственный. Уже сейчас, как отмечалось выше, наблюдается цифровизация мысли. Опираясь на это, мы выделяем наш критерий для классификации ИИ-систем – *порождение*. Степень достоверности соответствия порождения,

выполненного искусственным по отношению к естественному, ложится в основу нашей классификации ИКТ на занятиях по иностранному языку.

Среди таких ИКТ мы выделяем следующие системы: а) системы машинного перевода; б) электронные словари; в) синтезаторы речи; г) сервисы для помощи в написании текстов; д) поисковые системы; е) онлайн-тесты и любые языковые приложения, оценивающие уровень владения иностранным языком.

Данные системы подходят под определение ИКТ, поскольку удовлетворяют следующим критериям: «ИКТ в сфере современного высшего образования является цифровой дидактической интеграцией в процесс компьютеризации обучения, при котором его коммуникативная, интерактивная и перцептивная составляющие – “все взаимодействие между обучающим и обучаемым” выходит на уровень информатизации, открывающий практически безграничные возможности для реформации и инновации процесса обучения, поиска недоступных ранее источников знаний, создания единой цифровой среды взаимодействия как преподавателя и студента, так и студента и искусственного интеллекта (т.е. образовательного программного обеспечения, не требующего наличие “живого” участия преподавателя)» [8].

Возвращаясь к цели нашей работы, отмечаем, что критерий *порождение*, или *порождающего* ИИ, классифицирует вышеупомянутые системы следующим образом, где **I** – это высшая степень порождения:

I. Поисковые системы. Высокая степень порождения результата запроса пользователя: отсеив ненужной информации, разрешение возможной полисемии и омонимии. Кроме того, как отмечает С. И. Рязанов, «поисковые системы, которые способны ранжировать предпочтения и учитывать отклонения, эксцессы и всплески в запросах, – это, по сути, те опции Искусственного Интеллекта, которые в определенном смысле становятся соавторами изобретений и открытий» [14, с. 73].

II. Системы машинного перевода (МП). Носят порождающий характер в результатах своей работы, самостоятельно анализируют исходный текст, непредсказуемость результата (некий «черный ящик») делает их независимыми для пользователя, что приближает МП к характеристикам ИИ-систем.

III. Сервисы для помощи в написании текстов. Функция проверки текста в *MS Word*, онлайн-сервисы на основе искусственного интеллекта типа *Grammarly* и *Орфограммка* помогают пользователю писать тексты и выдают рекомендации касательно правильности, четкости, увлекательности и тона сообщения. В данном случае порожденный текст, при условии следования рекомендациям машины, не на сто процентов творение естественного интеллекта, с одной стороны. С другой стороны, это и не полностью ИИ, что снижает степень *порождения* для таких систем.

IV. Языковые приложения и онлайн-тесты на уровень владения иностранным языком. Синтезаторы речи. Электронные словари. Мы отнесли эти три типа систем в одну категорию, так как провести четкую классификацию на основе их работы достаточно сложно. Можно с уверенностью сказать, что данные виды ИКТ объединяет очень низкая степень или полное отсутствие *порождения*. Результаты работы электронных словарей и синтезаторов речи очень предсказуемы и имеют простые алгоритмы. В них нет порождения. Программы, оценивающие степень владения языком, – это, как правило, оцифрованные тесты, где человек заранее прописывает, при каком набранном балле какую оценку получает тестируемый. Машина занимается простой деятельностью – подсчетом результата. Поэтому порождение здесь очень низкое.

Для проверки гипотезы в настоящем исследовании было принято решение провести анкетирование среди студентов 1 и 2 курсов, изучающих дисциплину «Иностранный язык» не в качестве профильной. Анкетирование проводилось в студенческих группах по таким направлениям, как «Химия», «Фундаментальная и прикладная химия», «Физика», «Юриспруденция», «Психология» и «Реклама и связи с общественностью». Предложенная студентам анкета имеет следующий вид.

Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) в сфере изучения иностранного языка (список видов ИКТ):

- Поисковые системы (только при работе с иностранным языком)
- Системы машинного перевода
- Текстовые редакторы (функция проверки текста в MS Word)
- Синтезаторы речи (программы для произношения отдельных слов/предложений)
- Языковые приложения, оценивающие уровень владения иностранным языком. Онлайн-тесты на уровень владения иностранным языком
- Электронные словари

Ответьте на следующие вопросы:

- 1) Используете ли вы (использовали когда-либо) ИКТ (см. список видов ИКТ)? Как часто?
- 2) Для каких целей вы используете (использовали когда-либо) ИКТ (см. список видов ИКТ)?
- 3) Насколько вы доверяете ИКТ (см. список видов ИКТ)? Используйте шкалу 0-1-2, где:
0 – не доверяю
1 – средняя степень доверия
2 – высокая степень доверия
- 4) Считаете ли вы, что вышеуказанные ИКТ (см. список видов ИКТ) являются примерами систем с искусственным интеллектом (они могут выполнять те задачи, которые раньше были под силу только человеку)?
- 5) Насколько важным для вас является использование ИКТ в процессе вашего обучения? (дать развернутый ответ)
- 6) Какие достоинства и недостатки вы в этом видите?

В ней представлено два блока. Первый блок – список видов ИКТ, имеющих отношение как к изучению человеческого языка, так и запрограммированных на работу с ним для решения разных задач. Второй блок – список вопросов. Четвертый вопрос имеет нарочито семантически неоднозначную формулировку определения ИИ, что позволяет честнее отвечать на него с позиции личного представления о данном понятии на основе собственного опыта.

Всего было опрошено 110 человек. Из них *утвердительно* ответили на четвертый вопрос 60 человек (отнесем их к условной *первой* группе). Остальные мнения разделились поровну: *отрицательно* и *сомневалось* в своем выборе по 25 человек (отнесем их ко *второй* и *третьей* соответственно). Как мы видим, 55% респондентов полагают, что ИИ присущ ИКТ, а значит, понимают, что частое и регулярное взаимодействие с ИКТ, о чем они сообщают в анкетах, приводит и к взаимодействию с ИИ. Данный факт находит свое отражение в среднем показателе доверия всех респондентов.

➤ **ИИ есть в ИКТ** (степень доверия ИКТ – 1,16). У первой студенческой группы степень доверия ниже (см. показатели у других групп). Возможно, из-за того, что эти студенты допускают наличие ИИ в ИКТ и поэтому не склонны полагаться на него. Вероятно, имеет место фактор недоверия чему-то чужому, нечеловеческому и относительно самостоятельному. Например, машинный перевод, как «черный ящик», может означать неконтролируемость результата, что вызывает сомнения, скептицизм и неодобрение.

Кроме того, можно утверждать, что ответы получились смешанными, так как некоторые студенты, наоборот, парадоксально полагаются на ИКТ, то есть не доверяя результатам их работы, они тем не менее выделяют их положительные стороны.

Мы считаем, что у некоторых респондентов в сознании происходит своеобразная подмена понятий. Скорость обучения не равна эффективности, это иллюзия, поскольку результат был получен из машины, а не собственным умственным трудом (см. ответы студентов): «ИКТ помогают развиваться в любой сфере»; «часто нуждаюсь в проверке написанного и сказанного»; «можно освоить базу без репетитора»; «для подготовки к ДЗ, повышается эффективность обучения»; «без них я бы ничего не понимала на уроках»; «не нужно использовать огромный объем макулатуры. Минус – физические и логические действия человека сводятся к минимуму»; «можно делать многое, не выходя из дома»; «плюс – когда мне нужно перевести какой-то текст, ИКТ это делает за меня»; «не нужно таскать с собой книги и тетради»; «повышения познавательной активности, индивидуализация»; «очень важны, так как мой уровень английского не позволяет мне самостоятельно делать переводы»; «лет десять назад я тратила на перевод целый день, сейчас же это гораздо быстрее. Плюс – дает больше свободного времени»; «сокращает затраты времени на работу»; «ИКТ помогают мне делать ДЗ»; «не занимает много времени (возможно, имеется в виду перевод)»; «возможность ближе познать язык»; «оказывает огромную помощь, и я справляюсь с поставленными задачами»; «с ИКТ я лучше разбираюсь в английском»; «не нужно ходить в библиотеку, чтобы выполнять задачи»; «помощь в обучении»; «доступность – возможность перевести текст в автобусе с телефона»; «риск – начать полностью доверять ИКТ»; «это не изучение английского, а запущение»; «рост зависимости от ИКТ»; «несамостоятельность и лень»; «нет обучения на ошибках (возможно, студент имеет в виду, что ИКТ не объясняют ему результат своей работы или ошибки студента)»; «не всегда есть возможность связаться с преподавателем или записаться на курсы»; «все привыкли получать инфу, не тратя силы на поиск. Это плохо!»; «техника поработит мир!».

➤ **ИИ нет в ИКТ** (степень доверия ИКТ – 1,18). В данном случае результат почти равен предыдущему. Ответы также достаточно смешанные: от носящих оценку осуждения до положительных, включая и личную выгоду – при минимуме собственных интеллектуальных затрат становится больше свободного времени.

Эти 23% респондентов не считают, что существует некий ИИ в ИКТ. Для них эти технологии просто инструмент, что они и увидели в данном нами общем определении ИИ (см. ответы студентов): «много однообразной информации. Нет достоверности»; «не всегда хорошо функционируют. Вред для глаз»; «не вижу недостатков. Только достоинства»; «минус – требуется Интернет»; «благодаря ИКТ я лучше понимаю смысл текста»; «снимают часть нагрузки на человека (поиск информации, объяснений)»; «из-за быстрого доступа к информации она может так же быстро забыться»; «не вижу недостатков, ИКТ созданы для помощи тем, кто не знает»; «важны для перевода с русского на английский. Упрощают выполнение заданий»; «минус – человек ленится думать сам»; «плюс ИКТ – ими может пользоваться любой человек»; «надежность иногда вызывает сомнения»; «слишком много ненужной информации, некоторые ошибки человека ИКТ считают правильными (здесь студент ссылается на сбои в программах)»; «время не резиновое, а ИКТ значительно сокращают время работы, но мозг перестает напрягаться и теряет “гибкость”»; «для меня ИКТ важны в качестве помощника»; «порой ничего не могу без них сделать».

➤ **Не имеют однозначного мнения о наличии ИИ в ИКТ** (степень доверия ИКТ – 1,35). Здесь степень доверия выше. Вероятно, сомнения у этих студентов в интеллектуальной стороне ИКТ позволяют им смотреть на этот вопрос с точки зрения бинаризма, что является одной из характеристик человеческого разума [19].

Отсутствие для них однозначного ответа выносит понятие ИИ за скобки и повышает степень доверия, с одной стороны. С другой – может играть фактор любопытства – «а что, если машина умеет все, что необходимо для моего обучения?».

Так, немаловажно то, что, например, системы машинного перевода шагнули далеко вперед относительно перевода в определенных функциональных стилях языка [9, с. 13].

Отличить перевод машины и студента (особенно неязыкового направления), в частности, в научном или официально-деловом стилях в последнее время сложно. Преподаватель просто не может контролировать самостоятельное выполнение студентом домашнего перевода. И получая баллы на занятии, такой студент приходит к логичному выводу, что машина может обеспечить его успеваемость и сэкономить время, что повышает доверие к ней.

Мы считаем, что это нашло свое отражение в ответах данной группы респондентов, большая часть которых положительная (см. ответы студентов): «они (ИКТ) важны не для меня, а для моей успеваемости по предмету»; «очень важно, что ИКТ помогают в понимании многих вещей»; «ИКТ позволяют привнести интерактивность, избавиться от рутины, помочь в освоении материала»; «простота, доступность, экономия времени»; «я не знаю большое количество слов на иностранном языке, поэтому использую эти ИКТ»; «для выполнения ДЗ»; «при наборе текстов играет человеческий фактор, и мы ошибаемся, а с помощью ИКТ таких ошибок будет меньше»; «использование ИКТ достаточно важно, ведь я могу узнать перевод каких-то слов, фраз и отвечать на занятии»; «ИКТ помогают разобраться со сложными вопросами»; «ИКТ облегчают процесс обучения, упрощают жизнь, экономят время, которое человек мог потратить (студент имеет в виду вычитку текста)»; «помогают мне, поскольку у меня маленький словарный запас. Минус – вызывают привыкание»; «ИКТ сильно выручают, когда возникают вопросы, а у преподавателя нет возможности помочь ученикам (возможно, имеется в виду дистанционное обучение)»; «допускаются ошибки, которые машина сама не исправит в отличие от человека»; «Минус – злоупотребление ИКТ»; «помогают в понимании многих вещей».

Анализ студенческих анкет показал:

1. Студенты отмечают эффективность и положительные стороны ИКТ, их пользу для собственного образования и саморазвития.

- Такая группа обучающихся действительно серьезно относится к ИКТ, не злоупотребляя их функционалом, а отдавая отчет в том, как они могут этим воспользоваться, поскольку, что немаловажно, такие студенты видят и обратную сторону внедрения технологий в обучение.

2. Студенты видят в ИКТ слугу, на которого можно «свалить» выполнение домашних заданий.

- По понятным причинам имеет место отсутствие контроля со стороны преподавателя. Особенно для студента, делающего домашние задания или отвечающего из дома при дистанционном обучении. Все это приводит к переводам «из автобуса по дороге на учебу», скачанным сочинениям на иностранном языке и пр. А если студент за это получает баллы, то несложно догадаться, к каким последствиям это ведет.

Кроме того, данный анализ доказывает нашу гипотезу. Действительно, описываемые в настоящей работе ИКТ с ИИ «порождающей» категории (поисковые системы, машинный перевод и автоматическая проверка набранного текста) сильнее влияют на своего пользователя в плане обработки информации нашим сознанием. Студент в какой-то мере перекладывает часть своих когнитивных способностей (мышление, понимание, речь и способность рассуждать) на функционал машины, просто освобождая себе день.

Таким образом, мы приходим к следующим **выводам**: при использовании ИКТ на занятиях по иностранному языку студенты в некоторых видах данных технологий взаимодействуют с ИИ. Такое взаимодействие способно оказывать определенное влияние на контактирующего с ИИ реципиента, а именно у одних вызывает скепсис, недоверие и опасение как нечто чуждое и неконтролируемое. Для других отмечается более высокий уровень доверия к ИИ, а также заинтересованность и попытки использования таких систем в корыстных целях.

Было установлено, что ИИ – это совокупность программных и аппаратных средств для реализации конечной цели, а именно сопоставление его работы с интеллектуальной деятельностью человека. В настоящем исследовании были выделены некоторые виды ИКТ, используемые в преподавании дисциплины «Иностранный язык»: системы машинного перевода, электронные словари, синтезаторы речи, сервисы для помощи в написании текстов, поисковые системы, онлайн-тесты и языковые приложения. Наличие *порождающего* свойства ИИ дает возможность утверждать, что некоторые из них относятся к ИИ-системам. Кроме того, это свойство также позволяет упорядочить современные образовательные ИКТ от простых к более сложным системам и по степени влияния их на студентов, что было продемонстрировано методом анкетирования. Доказана гипотеза о том, что когнитивные способности учащегося также сейчас подвергаются трансформации. Опрос показывает, что изменения в большинстве случаев происходят в худшую сторону.

В дальнейших исследованиях видится перспектива разработки методики обучения студентов правильному взаимодействию с такими ИИ-системами без ущерба собственному интеллектуальному труду.

Работа выполнена при финансовой поддержке фонда РФФИ, проект № 19-013-00805 А «Модели педагогической интеракции в процессе обучения иностранному языку в полиэтнической среде вуза».

Список источников

1. **Алексеева И. Ю.** Искусственный интеллект и рефлексия над знаниями // *Философия науки и техники*. 1991. № 9. С. 44-53.
2. **Асанова Ф. Б.** Использование информационно-коммуникационных технологий с целью развития креативных способностей учеников на уроках технологий // *Образование, инновации, исследования как ресурс развития сообщества: материалы II Междунар. науч.-метод. конф. (г. Чебоксары, 19 декабря 2018 г.)*. Чебоксары: ИД «Среда», 2018. С. 284-288.
3. **Ахлебинин А. К., Лазыкина Л. Г.** Обучение студентов методике использования ЦОР и ИКТ в курсе «Теория и методика обучения химии» [Электронный ресурс] // *Материалы Международной научно-практической конференции «Информатизация образования»*. Калуга, 2007. URL: <https://refdb.ru/look/2338682-pall.html> (дата обращения: 12.11.2020).

4. **Божич В. И., Горбатьюк Н. В., Савченко М. Б.** Концептуальная модель психологии совместной деятельности естественного и искусственного интеллектов [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnaya-model-psihologii-sovmestnoy-deyatelnosti-esetestvennogo-i-iskusstvennogo-intellektov/viewer> (дата обращения: 12.11.2020).
5. **Волкова В. Н.** Постепенная формализация моделей принятия решений [Электронный ресурс]. URL: <http://saenco.neva.ru/rfmpg.pdf> (дата обращения: 12.11.2020).
6. **Глушков И. И.** Словарь по кибернетике. М.: Наука, 1979. 579 с.
7. **Городецкий В. И., Карсаев О. В., Самойлов В. В., Серебряков С. В.** Прикладные многоагентные системы группового управления [Электронный ресурс]. URL: <http://www.isa.ru/aidt/images/documents/2009-02/3-24.pdf> (дата обращения: 12.11.2020).
8. **Исламов Р. С.** Информационно-коммуникационные технологии как субъект педагогической интеракции в высшей школе [Электронный ресурс]. URL: <https://www.science-education.ru/article/view?id=29151> (дата обращения: 12.11.2020).
9. **Исламов Р. С.** Лексическая амбивалентность естественного языка в среде систем машинного перевода (на материале английской официально-деловой документации): автореф. дисс. ... к. филол. н. Кемерово, 2015. 24 с.
10. **Котельникова Е. В.** Когнитивные аспекты осмысления смешанной речемыслительной деятельности межкультурной коммуникации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 7 (18). С. 108-110.
11. **Мухелишвили Н. Л., Шрейдер Ю. А.** Значение текста как внутренний образ [Электронный ресурс]. URL: <https://hr-portal.ru/article/znachenie-teksta-kak-vnutrenniy-obraz> (дата обращения: 12.11.2020).
12. **«Нейронная оборона» и «новый Рембрандт». Как нейросети пишут музыку, картины, киносценарии** [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/kultura/6160979> (дата обращения: 12.11.2020).
13. **Ниматулаев М. М.** Использование web-технологий для самостоятельного повышения квалификации на основе информационно-коммуникационных технологий // Известия Чеченского государственного педагогического института. 2009. № 1. С. 245-251.
14. **Рязанов С. И.** Искусственный интеллект как множество – классификация искусственных интеллектов // Вузовская наука в современных условиях: сборник материалов 54-й Научно-технической конференции: в 3-х ч. Ульяновск: Ульяновский государственный технический университет, 2020. Ч. 1. С. 72-75.
15. **Сергеев В. М., Бирюков Н. И.** Искусственный интеллект – это еще и экспериментальная философия // Знание – сила. 1989. № 6. С. 46-53.
16. **Толстель О. В.** Некоторые применения технологий искусственного интеллекта // Вестник Калининградского государственного университета. Серия «Информатика и телекоммуникации». 2005. Вып. 1/2. С. 95-105.
17. **Топор А. В.** Использование информационно-коммуникационных технологий в образовательном процессе начальной школы [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/conf/ped/archive/99/4813/> (дата обращения: 12.11.2020).
18. **Хамитов Н. В., Киселица С. В., Деркач О. Л.** Проблема телесности субъекта искусственного интеллекта в контексте теории эволюции естественного и искусственного интеллекта // Проблемы социальной работы: философия, психология, социология. 2017. № 2 (10). С. 95-102.
19. **Якобсон Р. О.** Тексты, документы, исследования. М.: РГГУ, 1999. 920 с.
20. **Akarowhe K.** Information Communication Technology (ICT) in the Educational System of the Third World Countries as a Pivotal to Meet Global Best Practice in Teaching and Development [Электронный ресурс] // American Journal of Computer Science and Information Technology. 2017. Vol. 5. № 2. URL: https://www.researchgate.net/publication/322409925_Information_Communication_Technology_ICT_in_the_Educational_System_of_the_Third_World_Countries_as_a_Pivotal_to_Meet_Global_Best_Practice_in_Teaching_and_Development (дата обращения: 12.11.2020).
21. **McCarthy J., Hayes P. J.** Some philosophical problems from the standpoint of artificial intelligence // Readings in nonmonotonic reasoning. Morgan Kaufmann Publishers Inc., 1987. P. 26-45.

Artificial Intelligence in Information and Communication Technologies and Its Influence on Foreign Language Teaching at Higher School

Islamov Roman Sergeevich, PhD
Kemerovo State University
r.islamov87@gmail.com

The study aims to determine how artificial intelligence (AI) influences a student through the use of information and communication technologies (ICT) during foreign language classes at higher school. The article explains why some types of ICT can be considered as AI-systems, how their inclusion into educational process influences cognitive changes in a student, as well as what role a student's degree of trust in such a system plays. Scientific novelty of the work lies in considering ICT influence on cognitive abilities of a student learning a foreign language through the lens of AI. As a result, it was found that the closer the capacities of AI in ICT to human activities while working with a foreign language are, the lower the activation of cognitive performance in a student is.

Key words and phrases: information and communication technologies; cognitive science; artificial intelligence; foreign language teaching; higher school.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.62>

Дата поступления рукописи: 03.07.2020

*Целью исследования является формулирование – на основании накопленного практического опыта преподавания перевода письменных текстов с английского на русский язык – ряда методических рекомендаций и переводческих стратегий для преодоления трудностей, возникающих при обучении студентов-лингвистов переводу полимодальных текстов, в том числе представленных в интернет-дискурсе блогосферы. В статье делаются выводы об особенностях и целесообразности использования современных полимодальных текстов при обучении переводу. **Научная новизна** заключается в рассмотрении возможности использования полимодальных текстов в обучении письменному переводу с английского языка на русский в рамках программы дополнительного образования, поскольку данная проблематика на сегодняшний день изучена недостаточно. **В результате** исследования формулируются методические советы по выбору переводческих стратегий для достижения адекватности и эквивалентности письменного перевода полимодальных текстов с английского языка на русский.*

Ключевые слова и фразы: блогосфера; письменный перевод; стратегия перевода; полимодальные тексты; обучение переводу.

Куковская Анна Владимировна

Московский государственный лингвистический университет

a.kukovskaya@linguanet.ru

Стратегии перевода полимодальных текстов: из опыта обучения студентов профессионально ориентированному переводу с английского на русский язык

Актуальность исследования обусловлена необходимостью анализа и внедрения инновационных методических подходов к обучению студентов-лингвистов переводу полимодальных текстов, а также интересом, который современная лингвистика и переводоведение проявляют к таким текстам, в том числе существующим в полимодальном медиапространстве Интернета.

Для выбора успешной стратегии перевода текстов с английского языка на русский следует принимать во внимание ряд факторов. При обучении письменному переводу в рамках программы дополнительного образования следует опираться на компетенции по основной лингвистической специальности, которыми студенты (обычно 3-4 курса) уже успели овладеть. Также необходимо учитывать, что основной задачей обучения являются практическое овладение переводческими приемами, умениями и применение теоретических знаний в конкретном практическом случае для успешного достижения целей перевода, который должен быть адекватным и эквивалентным. При этом следует принимать во внимание современные реалии, в которых порождаются современные тексты на английском языке. Небезынтересным для изучения являются примеры из практики обучения письменному переводу с английского на русский язык полимодальных текстов, встречающихся, в частности, в современном медиапространстве. Особенностью полимодальных текстов является использование разнообразных модусов репрезентации (вербальный, визуальный и т.п.). Подобные тексты получили широкое распространение в последние десятилетия благодаря развитию современных средств коммуникации, в том числе опосредованной компьютером, реализуемой, в частности, в виде интернет-дискурса блогосферы. Также интерес с точки зрения обучения переводу представляют те полимодальные тексты, при создании которых используются различные семиотические системы. Следует также учитывать, что понимание перевода «как культурного и когнитивного явления» предполагает его «интерпретацию как творческой деятельности» [9, с. 7].

В соответствии с заявленной целью исследования предполагаются следующие *задачи* исследования: определить основные особенности полимодальных текстов; сформулировать методические рекомендации и предложить переводческие стратегии, которые можно использовать при переводе подобных текстов; рассмотреть конкретные примеры, взятые из практики обучения переводу полимодальных текстов, представляющих специфическую переводческую трудность для обучающихся.

В статье применяются следующие *методы исследования*: методы дискурсивного, когнитивного, герменевтического и стилистического анализа, метод семиотического анализа ситуаций, метод контекстно-ситуативного анализа, способствующий адекватной интерпретации высказываний для адекватного и эквивалентного перевода, метод комплексного анализа с элементами описания, сравнения и обобщения, метод количественных оценок.

Теоретической базой исследования послужили работы в области современного переводоведения и методики обучения иностранным языкам и переводу таких авторов, как Н. Д. Гальскова и Н. И. Гез [3], В. Н. Комиссаров [4], Н. К. Рябцева [9], Н. Галь [2], В. К. Ланчиков [6], Е. В. Бреус [1], Д. В. Псурцев [8], В. В. Краденкова [5] и др., а также актуальные социокогнитивные исследования дискурса и коммуникативных ресурсов (речь, жесты, изображения), в развитие которых вносят свой вклад такие ученые, как О. К. Ирисханова, К. М. Ирисханова, А. Ченки, М. В. Томская и др., в том числе в рамках работы Центра социокогнитивных исследований дискурса при МГЛУ [10].

Практическая значимость работы заключается в возможности использовать результаты исследования на практических занятиях и лекциях по переводу, на лекциях и семинарах по теории текста и дискурса, в частности интернет-дискурса, по когнитивной лингвистике, а также при составлении учебных материалов по когнитивной лингвистике, по переводу с английского на русский язык. Полученные данные могут быть полезны при изучении затронутых вопросов на материале других языков.

В условиях современного информационного мира, отраженного в том числе в медиапространстве интернет-дискурса блогосферы, где представлены полимодальные тексты, переводчик сталкивается с огромным разнообразием текстов, основной особенностью которых является сочетание различных модусов репрезентации информации (вербальный, визуальный и т.п.). Поскольку перевод полимодальных текстов, в том числе с английского на русский язык, обычно сопряжен с повышенной сложностью, вводить его в обучение следует не раньше, чем студенты овладеют базовыми переводческими компетенциями, позволяющими добиться автоматизации и свободного применения основных навыков и умений.

Прежде всего, обращаясь к теории, студентам можно напомнить теоретический переводческий постулат, сформулированный Д. В. Псурцевым: «...формирование стратегии перевода заключается в определении задач, которые необходимо... иметь в виду при переводе данного текста, в ранжировании этих задач по степени важности, в определении системы необходимых жертв и компенсаций» [8, с. 16]. Следует напомнить обучающимся, что «текст перевода, заменяя текст оригинала в другой культуре, должен быть адаптирован к другой культуре в целом, и, кроме того, при необходимости, должен быть адаптирован к конкретным условиям восприятия, которые могут отличаться от условий восприятия оригинала» [Там же, с. 12], а также то, что «одной из самых замечательных характеристик перевода является его естественность» [9, с. 7]. Иными словами, переводчик должен уметь выработать переводческие задачи и стратегии при переводе и адаптации текста к иной культуре, стремясь сделать текст одновременно адекватным, эквивалентным и естественным. Необходимо обратить внимание студентов на то, что перевод, представляющий адекватным и эквивалентным в одном контексте (например, книга), не является таковым в ином (например, коллаж), поскольку один из модусов репрезентации (например, визуальный) может вступить в противоречие с прецедентным переводом. В таких случаях необходимо особенно тщательно продумывать стратегию, опирающуюся на рабочую систему жертв и компенсаций при переводе.

Ознакомление студентов с полимодальными текстами следует начинать с простых случаев и разъяснения природы и потенциальных сложностей таких текстов с точки зрения перевода. При помощи примеров и иллюстративных материалов (как те, что приведены ниже в настоящей статье), которые представляют для студентов не только профессиональный, но и, возможно, читательский или зрительский интерес, преподаватель может продемонстрировать обучающимся этапы работы с полимодальными текстами. Рекомендуется разбирать на занятиях такие примеры, в которых используются как устоявшиеся переводческие трансформации или приемы, так и контекстуальные, творчески-ситуативные. Для выработки навыка и уверенности при работе с полимодальными текстами, а также для формирования соответствующих компетенций студенты должны научиться выработать стратегию и самостоятельно перевести тексты, в которых модусы, особенно вербальный и визуальный, являющиеся самым частотным сочетанием, находятся в состоянии противоречия. Но начать следует с тех полимодальных текстов, различные модусы репрезентации информации в которых помогают переводу или как минимум не создают дополнительных сложностей.

Стоит отметить, что достаточно часто визуальный модус полимодальных текстов дополняет, поясняет, иллюстрирует вербальный модус, что помогает правильно понять и адекватно перевести текст. Однако встречаются случаи, когда информация, переданная при помощи одного канала репрезентации, вступает в противоречие с той, что передается другим, вследствие чего формально правильно переведенная фраза не оказывается ни адекватной, ни эквивалентной оригиналу, особенно на прагматическом уровне. Обычно визуальный канал репрезентации создает необходимый контекст, облегчающий понимание, отсекающий неподходящие значения многозначных слов и т.п. Например, в сериале «Касл» (англ. *Castle*, сезон 5, серия 17 “*Scared to Death*”) Ричард Касл говорит: “*Yeah, I haven't got any bars either*” [11]. Можно предложить студентам перевести эту фразу, не сообщая контекст. В этом случае перевод может вызывать у студентов затруднение, поскольку не совсем ясно, какое именно значение слова “*bar*” имеется здесь в виду: «прут» (стальной, железный и т.п.), «батончик» (например, шоколадный), «бар» и проч. Если же дополнить вербальный модус визуальным, т.е. изображением из сериала, где видно, что Ричард Касл, находясь за городом, ходит с телефоном в руке, пытаюсь поймать сигнал, и смотрит на экран, то смысл фразы становится очевиден. «И у меня ни одной полосочки», – сообщает герой своей напарнице, имея в виду индикатор уровня сигнала на мобильном телефоне (перевод из озвучания сериала, представленного на канале ТВ3). Такие примеры должны напомнить студентам о роли контекста в переводе и продемонстрировать то, как полимодальный текст выступает таким контекстом для самого себя.

Также бывают случаи, когда визуальный и вербальный модусы находятся в более сложных отношениях. Например, в интернет-дискурсе блогеров, пишущих о массовой культуре (например, на площадке Tumblr [14]), встречаются коллажи или иные изображения, представляющие собой полимодальный текст, сочетающий в себе вербальный канал репрезентации (надпись) и визуальный (картинка, фото, скриншот и проч.). Рассмотрим Рисунок 1, на котором представлен такой коллаж.

Студентам необходимо представить несколько подобных текстов для ознакомления и дать время самостоятельно осмыслить, какое взаимовлияние оказывают друг на друга представленные модусы. Студенты могут обсудить свои идеи в малых группах, после чего следует провести фронтальный опрос и, отметив правильные ответы (если таких нет, можно задать наводящие вопросы). Необходимо прокомментировать, что данный коллаж призван создать юмористический эффект благодаря тому, что визуальный модус на нижнем

слайде обманывает ожидания, созданные у реципиентов за счет вербального и визуального модусов на верхнем слайде. Оба канала репрезентации на верхнем слайде взяты из сериала «Игра престолов» (англ. *Game of Thrones*). Старки – это семья влиятельных феодалов в этом вымышленном художественном мире, и героиня – Кейтилин Старк – говорит эту фразу своему сыну, убеждая того остаться в родовом замке, Винтерфелле (он представлен на нижнем слайде на заднем плане). Юмористический эффект достигается вследствие использования в коллаже (неожиданно для реципиентов) изображения другого Старка – Тони, персонажа из серии фильмов о Железном Человеке из другой вымышленной вселенной, Вселенной Марвел (“*the Marvel Cinematic Universe*”, включающей в себя фильмы и сериалы на основе комиксов и т.п.). Помимо использования различных модусов здесь также представлено интертекстуальное совмещение. Студентам следует напомнить о важности фоновых знаний для понимания полимодального текста на основе произведений массовой культуры и для получения адекватного перевода. Далее, выслушав предложения по переводу представленной фразы, можно продемонстрировать студентам Рисунок 2.

Рисунок 1. Старк в Винтерфелле (англ.)

Рисунок 2. Старк в Винтерфелле (рус.)

В данном случае, несмотря на более сложные отношения между представленными модусами и интертекстуальный характер представленного полимодального текста, перевод, на первый взгляд, не представляет собой сложности. Однако для более глубокого освещения проблемы стоит упомянуть, что кажущаяся легкость, с которой находится эквивалентный и адекватный перевод, является обманчивой. Если обратиться к книге («Игра престолов» из цикла романов «Песнь Льда и Огня» Джорджа Р. Р. Мартина), по которой был снят сериал, то мы увидим, что данная фраза (как и на коллаже: “*There must always be a Stark in Winterfell*” [17]) встречается несколько раз и имеет иную формулировку: первый раз глава рода Старков, Нед, произносит фразу в разговоре со своей женой, Кейтилин:

– Да, – отвечал Нед голосом, не допускающим возражений. – Ты будешь править Севером вместо меня, пока я исполняю поручения Роберта. **В Винтерфелле всегда должен сидеть Старк.**

Позже Кейтилин повторяет эти слова сыну, Роббу:

– Я поеду, – сказал Робб.

– Нет, – ответила она. – Твое место здесь. **В Винтерфелле всегда должен сидеть Старк** [7].

Таким образом, для использования прецедентного перевода в коллаже с целью создания юмористического эффекта его автору следовало бы использовать иную картинку: такую, где Тони Старк бы сидел, а не стоял. В данном примере минимальное изменение прецедентного текста представляется адекватным переводческим решением и уместной «жертвой», благодаря которой сохраняется прагматическая установка автора коллажа – вызвать у реципиентов улыбку, создав юмористический эффект за счет обманывания ожиданий и использования в коллаже «не того» Старка.

Для наилучшего освоения навыка работы при переводе полимодальных текстов студентам на занятиях было предложено перевести идиому “*it’s raining cats and dogs*”. Естественно, студенты не испытывали проблем и предлагали такие классические варианты перевода, как «идет проливной дождь», «дождь льет как из ведра» и т.п. После этого студентам предлагался полимодальный текст, где была использована эта идиома, – фрагмент детского мультфильма «7 гномов» (перевод названия мультфильма, имен героев и иных реалий [12], перевод диалога персонажей [15; 16]), эпизод «Добрая Хильди» (англ. “*The 7D*”, episode “*Hildy the Good*”).

В данном фрагменте злая волшебница Хильди насылает на королевство сильный ливень, который в оригинале описывают на вербальном уровне при помощи указанной идиомы, и, следовательно, на визуальном уровне (поскольку это детский мультфильм) нарисовано, как с неба на землю падают и, оставаясь невредимыми, разбегаются в стороны милые котики и собачки. Ситуация беспокоит королеву Грацию, она обсуждает ее с помощником и после зовет на помощь семь гномов.

Рисунок 3. «The 7D», episode «Hildy the Good»: it's raining cats and dogs

Рассмотрим оригинал и его прецедентный перевод в Таблице 1 ниже, где представлен диалог королевы с помощником, а также фраза одного из гномов, которой он описывает идущий ливень.

Таблица 1. *It's raining cats and dogs*: оригинал и перевод

«The 7D», episode «Hildy the Good» (транскрипт серии [13])	Мультфильм «7 гномов», эпизод «Добрая Хильди» (перевод названий, имен героев и иных реалий мультфильма [12], перевод диалога персонажей [15; 16])
Starchbottom: <i>Your Majesty, it's raining cats and dogs out there.</i> Delightful: <i>You don't have to tell me. I just stepped in a poodle.</i> Starchbottom: <i>What?</i> <i>(cats and dogs fall down from the sky)</i>	Лорд Чопорсон: <i>Ваше величество, в такую погоду хороший хозяин собаку на улицу не выгонит.</i> Королева Грация: <i>Кто-то все же выгнал: я споткнулась о пуделя.</i> Лорд Чопорсон: <i>Да?</i> <i>(с неба падают кошки и собаки)</i>
Sneezy: <i>It's raining cats and dogs.</i>	Чихун: <i>Дождь из кошек и собак.</i>

Следует предложить студентам ознакомиться с оригиналом и переводом и прокомментировать его эквивалентность и адекватность. Стоит обратить особое внимание на выбранную переводчиком мультфильма стратегию, согласно которой он в первый раз заменил английскую идиому на русскую, являющуюся, как нам представляется, удачным решением и примером адекватного и эквивалентного контекстуального перевода. Использование в качестве перевода фразы, не содержащей упоминания кошек или собак, стало бы неадекватным в условиях полимодального текста, когда эти животные были представлены при помощи визуального модуса – они буквально падали с неба.

В данном случае перевод должен быть адаптирован как к восприятию детской аудитории, так и к реалиям нашей страны и русского языка, где не существует идиоматического выражения «дождь из кошек и собак». Если использовать данное выражение как авторский окказионализм, то оно не обладает тем же значением, что английский оригинал, и не подразумевает «сильный дождь» или «ливень». Точно так же упоминание кошек или собак в переводе в сочетании с их присутствием в мультфильме вызовет непонимание у детей и лишит их удовольствия от просмотра, что, в свою очередь, станет признаком того, что такой перевод не является ни эквивалентным, ни адекватным. Следовательно, стратегия, выбранная переводчиком мультфильма в первом случае, является правильной, а неизбежные потери, «жертвы» при передаче идиомы в полимодальном контексте компенсируются за счет удачно подобранной русской идиомы.

Тем не менее, передавая ту же английскую идиому второй раз, переводчик нашел менее удачное решение, фактически используя подстрочный перевод, который в большинстве случаев считается по меньшей мере неудачным, а обычно ошибочным и не отвечающим требованиям эквивалентности и адекватности. Однако также стоит обратить внимание студентов на тот факт, что в случае данного полимодального текста, где визуальный модус накладывает определенные ограничения на вербальный, а целевая аудитория перевода (дети) также требует специфического подхода, подобный подстрочный перевод, даже оставаясь неудачным, может быть тем не менее расценен как достаточно адекватный и эквивалентный. Вложив в уста гнома слова «дождь из кошек и собак», переводчик следовал стратегии, согласно которой предпочтение отдавалось визуальному модусу – фраза гнома буквально описывала то, что дети видели на экране.

Можно предложить студентам обсудить варианты перевода, представленные в Таблице 1, и высказать свои аргументы «за» и «против» перевода высказывания гнома при помощи фразы «дождь из кошек и собак». Обучающимся может быть предложено ответить на следующие вопросы. Была ли в этом случае адаптация

правильной, а жертвы необходимыми? Какой стратегии придерживались бы студенты в данном случае? Обучающиеся выбирают свою стратегию и собственные варианты перевода данного полимодального текста, в том числе после обсуждения в малых группах.

Рассмотрев теоретические положения и конкретные примеры, взятые из практики обучения письменному переводу студентов-лингвистов 3-4 курса в рамках программы дополнительного образования, мы пришли к следующим **выводам**: перевод полимодальных текстов представляет для обучающихся значительную сложность. Обучение переводу полимодальных текстов требует особого подхода и времени, поскольку сочетание модусов и различных семиотических систем делает такие тексты особенно сложными. Но одновременно такие задачи интересны и повышают мотивацию студентов. Кроме того, творческий подход к переводу полимодальных текстов на основании осмысления контекста, всестороннего разбора прецедентных и аналогичных случаев, анализа дополнительной информации способствует расширению кругозора и повышению вовлеченности в иную культуру. Это, в свою очередь, повышает переводческую компетенцию обучающихся.

Чтобы обучить студентов лингвистических специальностей письменному переводу и помочь им в будущей профессиональной деятельности вырабатывать и выбирать успешную стратегию перевода полимодальных текстов, отвечающих требованиям адекватности и эквивалентности, в процессе обучения следует, во-первых, опираясь на освоенные компетенции, познакомить студентов с теоретическими положениями и практическими приемами и умениями, необходимыми для успешного достижения целей перевода. Это следует сделать на основании разбора переводов прецедентных текстов.

Во-вторых, целесообразно использовать комплексное сочетание следующих методических подходов и приемов. На занятиях рекомендуется подробно разбирать и анализировать как сами полимодальные тексты, где сочетаются различные модусы, так и их прецедентные и тренировочные студенческие переводы, как адекватные, так и неэквивалентные (частично эквивалентные). После анализа и разбора обучающиеся могут обсудить в группах, в том числе малых, и с преподавателем собственные варианты стратегий перевода.

В-третьих, опираясь на результаты обсуждений переводов и сделанные выводы, необходимо переходить к отработке выбора переводческой стратегии в конкретной ситуации каждым студентом индивидуально и к последующему самостоятельному переводу полимодальных текстов. При этом сочетание модусов, которое облегчает или усложняет переводчику задачу, должно учитываться и использоваться при выработке стратегии перевода, т.е. полимодальность текста может быть задействована переводчиком при принятии решения о вынужденных «жертвах» и компенсациях: например, визуальный модус может компенсировать «недостачу» в вербальном и т.п.

В результате такой работы с полимодальными текстами и их переводом студенты овладеют навыком выбора успешной стратегии для достижения адекватности, эквивалентности и естественности перевода полимодальных текстов. Подобная работа на занятиях может помочь студентам получить необходимые знания, умения и навыки, продемонстрировать ранее освоенные компетенции и творческое мышление, почувствовать себя настоящим переводчиком.

Список источников

1. Бреус Е. В. Введение в теорию и практику письменного англо-русского перевода (на материале публицистических текстов): учеб. пособие. М.: МГЛУ, 2013. 282 с.
2. Галь Н. Слово живое и мертвое. М.: Время, 2012. 592 с.
3. Гальскова Н. Д., Гез Н. И. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика: учеб. пособие. М.: Академия, 2007. 336 с.
4. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. М.: Р.Валент, 2017. 408 с.
5. Кратенкова В. В. Пособие по профессионально ориентированному переводу с английского языка на русский язык для студентов, обучающихся по специальности «Теория и методика преподавания языков и культур» и изучающих английский как второй иностранный язык. М.: МГЛУ, 2014. 104 с.
6. Ланчиков В. К. Огранка смысла: очерки теории перевода (художественная литература и публицистика). М.: Р.Валент, 2018. 312 с.
7. Маргин Дж. Игра престолов / пер. с англ. Ю. Соколова. М.: АСТ, 1999. Кн. 1. 480 с.
8. Псурцев Д. В. Стратегия перевода: учеб. пособие по письменному переводу с английского языка на русский для студентов V курса. М.: Рема, 2010. 160 с.
9. Рябцева Н. К. Прикладные проблемы переводоведения: лингвистический аспект: учеб. пособие. М.: Флинта; Наука, 2016. 224 с.
10. <http://scodis.ru> (дата обращения: 27.06.2020).
11. <https://ling.online/en/video/serials/castle/> (дата обращения: 23.06.2020).
12. [https://ru.wikipedia.org/wiki/7_гномов_\(мультсериал\)#Главные_герои](https://ru.wikipedia.org/wiki/7_гномов_(мультсериал)#Главные_герои) (дата обращения: 29.06.2020).
13. https://the7d.fandom.com/wiki/Hildy_the_Good/Transcript (дата обращения: 29.06.2020).
14. <https://www.tumblr.com/> (дата обращения: 15.05.2020).
15. <https://www.youtube.com/user/WaltDisneyStudiosRU> (дата обращения: 29.06.2020).
16. <https://www.youtube.com/watch?v=YkmcKcKaY9k&list=PLVtYY3UjI33PHXF8Sv4fF9F1WtRXmx2kC&index=1> (дата обращения: 29.06.2020).
17. Martin G. R. R. A Game of Thrones, Book One of A Song of Ice and Fire [Электронный ресурс]. URL: <https://www.readingsanctuary.com/wp-content/uploads/2018/10/A-Game-Of-Thrones-by-George-R.R.-Martin.pdf> (дата обращения: 29.06.2020).

Strategies to Translate Polymodal Texts: From the Experience of Teaching Professionally Oriented English-Russian Translation

Kukovskaya Anna Vladimirovna
Moscow State Linguistic University
a.kukovskaya@linguanet.ru

The research objectives are as follows: relying on personal experience of teaching written translation from English into Russian, the author proposes methodological recommendations to overcome difficulties when teaching linguistic students to translate polymodal texts, including those of blogosphere discourse. The researcher identifies peculiarities of modern polymodal texts and concludes on reasonability of their usage when teaching translation. Scientific originality of the study lies in the fact that the researcher considers a poorly investigated problem of using polymodal texts when teaching written translation from English into Russian within the framework of an additional educational program. The research findings are as follows: the author proposes recommendations on the choice of translation strategies to achieve adequacy and equivalence when translating polymodal texts from English into Russian.

Key words and phrases: blogosphere; written translation; translation strategy; polymodal texts; teaching translation.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.63>

Дата поступления: 13.11.2020

Цель исследования состоит в определении роли когнитивно-вербальной деятельности в формировании компенсаторной и прагматической компетенций у студентов языковых направлений подготовки. В работе проводится анализ соотношения языковых компетенций и речевой деятельности (употребления языка) в рамках обучения иностранному языку. Показана специфика проявлений двух рассматриваемых компетенций в соотношении с типами мышления. **Научная новизна** заключается в доказательстве возможности через вовлечение студентов в когнитивно-вербальную деятельность одновременного развития у них прагматической и компенсаторной компетенций ввиду схожего отношения к процессам сознания. Впервые дается определение данного вида деятельности и показана роль кейс-метода в ее активизации. **В результате** выявлены этапы активизации когнитивно-вербальной деятельности с целью формирования компенсаторной и прагматической компетенций на основе кейс-метода.

Ключевые слова и фразы: компенсаторная компетенция; прагматическая компетенция; когнитивно-вербальная деятельность; кейс-метод; употребление языка.

Мурунов Сергей Сергеевич

Поляков Олег Геннадиевич, д. пед. н., проф.

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина
murunovsergey@gmail.com; olegpo@rambler.ru

Хаусманн-Ушкова Надежда Васильевна, д. филол. н., доц.

Веймарский университет Баухаус (Германия)

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина
nush2001@mail.ru

Формирование компенсаторной и прагматической компетенций студентов языковых направлений подготовки с помощью когнитивно-вербальной деятельности

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью дальнейшего развития концепта «коммуникативная компетенция» и продолжения поиска эффективных путей развития таких важных ее составляющих, как компенсаторная и прагматическая компетенции, у студентов языковых направлений подготовки. Наличествующие в современной лингводидактике конструкты коммуникативной компетенции, безусловно, всесторонне описывают требуемые для порождения речи знания. Однако связь между компетенциями и фактическим употреблением языка в этих конструктах недостаточно отражена. Это порождает своего рода разрыв, или несостыковку, при реализации компетенций на практике. Решение данной проблемы видится в теоретическом обосновании с позиций когнитивной теории идеи о формировании компенсаторной и прагматической компетенций студентов языковых направлений подготовки с помощью когнитивно-вербальной деятельности.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

- определить понятие когнитивно-вербальной деятельности;

- рассмотреть компенсаторную и прагматическую компетенции и определить соотношение между ними;
- обозначить и обосновать способ одновременного развития обозначенных компетенций как компонентов коммуникативной компетенции.

В качестве *методов исследования* используются анализ литературы по проблеме исследования, наблюдение за процессом обучения иностранному языку студентов языковых направлений подготовки на предмет формирования у них компенсаторной и прагматической компетенций, мысленное моделирование процессов языкового мышления на основе синтезирования знаний когнитивистики, лингвистики и лингводидактики.

Теоретическая база включает работы о сознательных процессах усвоения языка [11; 17], разработки в сфере соотношения речи, языка и его изучения [1; 14; 19], лингводидактические исследования путей формирования компетенций [7; 12], а также различные модели коммуникативной компетенции [9; 10].

Практическая значимость заключается в том, что в работе показано, как можно активизировать когнитивно-вербальную деятельность студентов языковых направлений подготовки с целью одновременного формирования у них компенсаторной и прагматической компетенций. Авторы рекомендуют использовать для достижения этой цели проблемное обучение, а именно кейс-метод.

Когнитивно-вербальная деятельность

Вопросы соотношения языка, когнитивных процессов и речевой деятельности при обучении иностранным языкам уже не раз поднимались в работах лингводидактов. Б. В. Беляев рассматривал соотношение языка и речи как синергию, в которой отличие одного от другого заключалось в характеристике «упорядоченности» [1], что отсылает напрямую к сосюрювской дихотомии. В нашей же работе мы будем отталкиваться, скорее, от концепции Г. Гийома, в которой языковые единицы рассматриваются как потенциальные (*les unités de puissance*), а речевые (или дискурсивные) – как действенные (*les unités d'effet*) [19]. Принципиальное отличие его теории заключается в том, что речевые единицы воспринимаются не со стороны их отношения к системе языка, а со стороны их отношения к его употреблению, к его эффекту.

Важность речевой деятельности / употребления языка прослеживается в компонентном составе различных моделей коммуникативной компетенции. Эти модели, помимо лингвистических, социальных, культурных знаний и навыков, зачастую включают в себя определённый перечень умений, связанных с употреблением языка индивидом в процессе познания. Данные умения оперируют материалом, находящимся за рамками знаковых систем, то есть образуют определённый алгоритм действий, направленных на соотнесение элементов коммуникации с помощью когнитивно-вербальной деятельности. Для более точного определения термина «когнитивно-вербальная деятельность» необходимо экстраполировать теории кибернетики и нейрологии на процесс коммуникации.

В работе [11] приводится разделение акта мышления на две основные составляющие: содержание сознания (*contents of consciousness*) и процессы сознания (*conscious processing*). Для возникновения самого акта мышления необходимо наличие проблемной установки,рывающей автоматизированное поведение, что вызвано недостаточным развитием языковых, социальных и культурных навыков. Эта установка задаёт содержание сознания, которое можно определить как информацию, выделяемую из наблюдаемой обстановки и из памяти. Для решения проблемной установки следует скомбинировать такого рода информацию в систему, позволяющую преодолеть трудности, и эту операцию нахождения связи между элементами и последующего создания на их основе новой семантики можно рассматривать как процесс сознания.

Далее эти когнитивные акты можно разделить на три основных типа мышления, представленных в работе [17]. Тип мышления 0 – автоматический процесс переработки неосознаваемого содержания. Этот тип определяется полностью автоматизированными навыками студента, когда он способен без заминок решать коммуникативные задачи, не отягощаясь какими-либо иными проблемами. Последующие типы мышления являются следствием прерывания автоматизма и требуют наличия проблемной установки. Тип 1 – осознаваемый процесс переработки неосознаваемого содержания. Данное явление можно интерпретировать как языковую догадку в лингводидактике. Языковая догадка – это способность интуитивно выводить значение незнакомого элемента, исходя из предыдущего опыта. В данном случае вся информация, находящаяся в памяти, выступает в роли неосознаваемого содержания, а действия по формированию ассоциативных связей с этим содержанием – осознаваемым процессом. Тип 2 – осознаваемый процесс переработки осознаваемого содержания. При задействовании мышления типа 2 студент производит функциональный анализ элементов коммуникативной ситуации. Типы 1 и 2 – смежные, но между ними можно провести чёткое разделение, что будет позже показано на примерах в этой работе.

Таким образом, мы можем *определить когнитивно-вербальную деятельность как процесс соотнесения элементов коммуникации, в котором в качестве содержания выступает язык. Цель данного вида деятельности – дедуктивное дополнение возможных семантических лагун в речи.*

Включение мышления типов 1 и 2 в контексте реализации коммуникативной компетенции проявляется в активизации двух её связанных меж собой элементов – компенсаторного и прагматического.

Компенсаторная и прагматическая компетенции

Применение компенсаторной компетенции является следствием прерывания мышления типа 0. Компенсация направлена на заполнение в общении лагун, вызванных недостаточным количеством знаний и качеством навыков. Впервые компенсаторная компетенция упоминается в модели М. Каналь и М. Суэйна,

в которой она понимается как способность преодолевать трудности, вызванные недостаточными языковыми знаниями и речевыми умениями [9]. Стратегии компенсации включают в себя операции мышления типов 1 и 2. З. Дёрншей и С. Террелл разделили их все на четыре группы [12]:

1) парафраз – опосредованное описание неизвестного предмета (к примеру, *a musical sack that has flutes in it* вместо *bagpipe*);

2) аппроксимация – использование приближенной по семантическому значению известной лексемы (к примеру, *fish* вместо *bass*);

3) лингвистические стратегии – привлечение вместо слов в разговоре мимики, жестов и междометий;

4) придуманные лексемы – компенсация значения за счёт использования несочетающихся синонимов и словосочетаний, построенных по агглютинативному типу (к примеру, *dense and old milk* вместо *clabber*).

А. Н. Щукин позднее расширил перечень возможных способов компенсации, добавив контекстуальную и морфологическую догадки, предвосхищение, а также использование справочных материалов [8, с. 141]. Первая, вторая и четвёртая группы, а также все стратегии, упомянутые А. Н. Щукиным, основывают процесс компенсации на формировании связей между уже известной информацией, воспринимаемыми стимулами и собственно предметом коммуникации, причём содержание может выстраиваться как сознательно, так и бессознательно. Из-за смешанного происхождения этих явлений они способны быть одновременно языковыми и образными, потому что форму лексемы и её значение в сознании бывает трудно разграничить. Отличительной чертой компенсаторной компетенции является пограничное существование в рамках лингвистических систем. Для восполнения пробела в речи не нужна языковая компетенция, поэтому стратегическая компетенция перекликается не с языковыми знаниями и речевыми навыками, а скорее – с когнитивными умениями. Такое понимание стратегической компетенции представлено в статье С. Оспина Гарсиа [16]. Он пишет о том, что изначально стратегическую компетенцию воспринимали негативно, но со временем мнения изменились, и сейчас она является фундаментом, позволяющим другим составляющим коммуникативной компетенции функционировать слаженно. Иными словами, теперь стратегическая компетенция воспринимается не как способ решения конкретных речевых проблем, а как способ поддержания и совершенствования языковых знаний.

Схожий механизм соотнесения внешних стимулов и информации, уже заложенной в памяти, можно наблюдать в прагматической компетенции. Прагматика придаёт языковым единицам функциональное значение как в пределах одного коммуникативного акта, так и в пределах культуры или языка. Согласно документу Совета Европы [10, р. 13], прагматическая компетенция связана с функциональным использованием языковых ресурсов в зависимости от сценариев интеракций, а также с освоением дискурса, когезией и когерентностью, выявлением форм и типов текста, иронии и пародии.

Можно пронаблюдать определённую связь со стратегической компетенцией: компенсаторная предполагает совершение действий для заполнения лакун, в то время как прагматическая исключает появление этих лакун путём использования целостных «сценариев» в общении. Данная компетенция подразделяется на дискурсивную, функциональную и схематическую субкомпетенции. Дискурсивная компетенция подразумевает способность к участию в когерентном дискурсе, что требует умений манипуляции семантическим компонентом речи в общении, то есть индивид должен выстраивать логические связи между высказываниями и событиями, между текстуальными и контекстуальными элементами. Функциональная компетенция соотносится со стилевым компонентом речи. С её помощью соотносят формальный языковой компонент с коммуникативной ситуацией, вычлняя интенции и коннотативные дополнения говорящих, исходя из их речи. Схематическая компетенция выступает продолжением предыдущей и является совокупностью знаний о языковых паттернах и умений использовать их в общении [Ibidem]. Зачастую последние две компетенции объединяют воедино, однако между ними существует толика различия, заключающаяся в репродуктивной природе схематической компетенции, которая предопределена дискурсом, в то время как функциональная – не имеет таких строгих ограничений и подразумевает возможность извлечения стилевых компонентов из малознакомых коммуникативных систем. Все три компонента тесно переплетены, так как рекуррентная прагматика порождает определённый стиль, а определённый стиль порождает фиксированные паттерны.

Воспринимаемые в письменной или устной речи устойчивые языковые формы всех порядков (начиная от акцента и заканчивая интертекстуальными ссылками) выступают в роли прагматических маркеров, которые запускают в соответствующей очередности навыки указанных компонентов. Воспринимаемые маркеры служат средством соединения коммуникативной ситуации, в которой участвует субъект, с совокупностью его знаний и навыков. Распознавание и использование этих маркеров может происходить через все рассмотренные типы мышления: определение стилевых и дискурсивных компонентов может осуществляться бессознательно (тип 0), интуитивно (тип 1) и сознательно (тип 2).

Общими чертами компенсаторной и прагматической компетенций являются процессуальность и динамичность. В то время как языковые и социокультурные компетенции фиксированы и относительно стабильны в сознании студента, компенсаторная и прагматическая – неизменно должны иметь опору в виде конкретной коммуникативной ситуации. Они ближе по своей природе скорее к речевым умениям, чем к языковым компетенциям.

Д. Хаймс [14] разграничивает компетенцию (*competence*) и деятельность (*performance*). Компетенция охарактеризована им как знания и умения их использовать, причём последние включают не только когнитивные, но и волеизъявительные, а также аффективные элементы. Коммуникативная компетенция создаёт условия для грамматической приемлемости при общении, однако остается феноменом абстрагированным.

При актуализации коммуникативная компетенция реализуется в деятельности, т.е. в употреблении. Употребление является следствием взаимодействия между компетенциями каждого субъекта, участвующего в коммуникативном событии, и прагматических связей внутри ситуации общения. Можно сказать, что компетенция – это своего рода суперпозиция, потенциальная совокупность всех единичных употреблений. Каждый раз, когда субъект участвует в коммуникативном акте, компетенция в изучаемом языке в целом редуцируется до конкретного употребления, что отсылает нас к упомянутой теории Г. Гийома. Это можно интерпретировать так: компетенция развивается за счёт восприятия и участия в дискретных употреблениях языка, то есть компетенция является потенциальным средним значением от прецедентных употреблений. Просчитать заранее все эти переменные (дискретные употребления), которые могут встретиться в какой-либо ситуации, относительно проблематично, однако, как указывал Д. Хаймс, динамика коммуникации и её паттерны отчасти определяются условиями, к примеру: *a concert, play, party* [Ibidem, p. 283] (ср. со схематической субкомпетенцией [10]).

Таким образом, коммуникативная компетенция соотносится с конвенциональной, прескриптивной (т.е. с традиционной, описательной) системой языка в синхронии (т.е. в настоящем временном срезе), тогда как употребление есть явление уникальной актуализации языка в коммуникативном акте, а компенсаторная и прагматическая компетенции служат промежуточным звеном между ними. Это можно изобразить в виде схемы (см. Рис. 1).

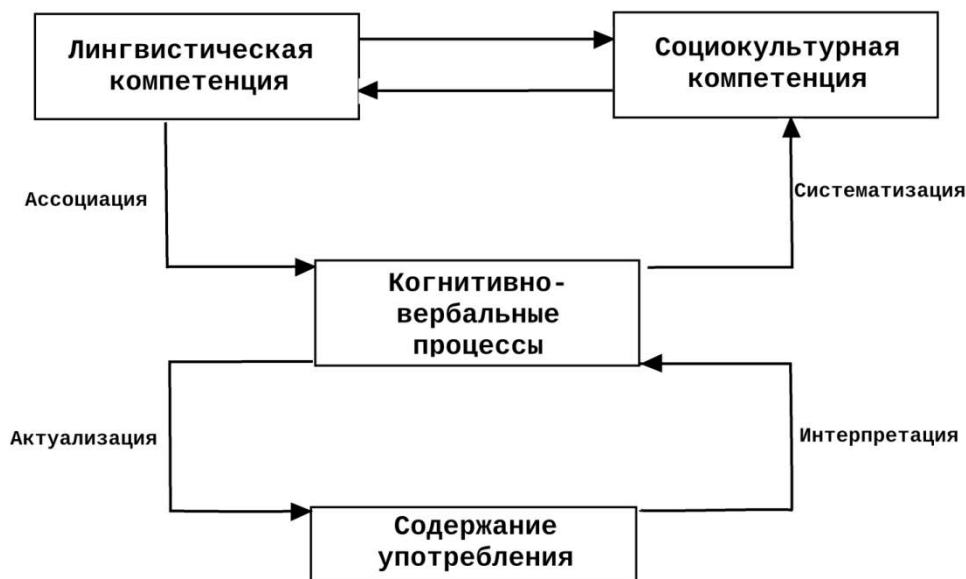

Рисунок 1. Взаимодействие употребления с компетенциями

Когнитивно-вербальные процессы вмещают в себя четыре компонента: интерпретацию, систематизацию, ассоциацию и актуализацию.

Интерпретация – это процесс понимания объектов (слов, мимики, проксемики) как знаковых единиц и как семиотических маркеров. Это – восприятие адресатом коммуникативных стимулов в соответствии с семантическими элементами, которые вкладываются в речь адресантом и ситуацией. Она является следствием совмещения семиологически обозначенного смыслового содержания (*semiologically-signified notional content*), которое закодировано лингвистически, и несемииологически обозначенного смыслового содержания (*non-semiologically-signified notional content*), которое проявляется в виде дискурсивных и прагматических связей в речи [13, p. 33]. Поэтому интерпретация требует умения слежения за когезией текстов и прагматикой контекстов.

Систематизация – создание связей между получаемыми знаниями и между употреблением и компетенциями. Запоминая или воспринимая информацию, субъект соотносит её со статичными компетенциями и выстраивает связи по смежности, сходству, противоположности и следствию [18].

Ассоциация – это процесс воссоздания связей между полученными знаниями и контекстом [15, p. 3]. Фактически ассоциация выступает реализацией компетенций без аутентичного употребления, когда субъект согласно прескриптивным алгоритмам соединяет языковые и социокультурные элементы для формирования высказывания. Ассоциация имеет опосредованную связь с употреблением, так как она происходит в отрыве от конкретной прагматики, локальной когезии и интенции адресата, являясь абстракцией коммуникативного акта.

Актуализация представляет собой действия, воплощающие коммуникативный потенциал и одновременно выражающие позицию адресата в употреблении. Она отличается от ассоциации своей процессуальностью и прямой связью с коммуникативной ситуацией. Процесс актуализации индивидуализирован, поэтому не ограничивается языковой и социокультурной компетенциями, а требует развитой коммуникативно-деятельностной составляющей языковой личности (термин Ю. Н. Караулова). Под этим подразумевается ее высший уровень, который включает в себя отношения между мотивационным элементом и прагматикой [4, с. 53]. Здесь под мотивацией понимается не желание что-либо делать как явление психеи говорящего [2], а желание достичь определённой цели и передать смысл как явление коммуникативного актанта.

Эти четыре компонента порождают симметрию, проявляющуюся по признакам перцепции и продукции, процедурности и инертности. Актуализация является отражением смыслообразования, в процессе которого они взаимодействуют с мотивацией и прагматикой речи:

актуализация
мотивация адресата → прагматика и когезия употребления
смыслообразование
прагматика и когезия употребления → мотивация адресанта

То же самое можно сказать и в отношении ассоциации и систематизации, которые являются инертными способами соотнесения употребления с компетенцией:

систематизация
элемент речи из употребления → элемент в компетентностной системе
ассоциация
элемент из компетентностной системы → элемент речи в употреблении

Если четыре компонента работают одновременно, то данный процесс можно причислить к типу 0, поскольку содержание и манипуляции с ним не осознаются студентом, они автоматизированы. При столкновении с мало-знакомым языковым материалом у студента происходит разрыв описанной цепочки, изначальная проблемная установка, которая была речевой, становится когнитивной, и тип мышления меняется на тип 1 или тип 2.

Итак, связь между компенсаторной и прагматической составляющими становится более выраженной. Различие заключается в задачах и методах: в то время как компенсаторная компетенция нацелена на возмещение недостающих в контексте отдельного употребления знаний и навыков с помощью содержания, прагматическая – соотносит уже содержание знаний с единичным употреблением.

Преимственность может быть наглядно продемонстрирована на примере прагматической догадки. Студент сталкивается с предложением в книге, в котором подчёркнутое слово “oars” ему неизвестно: *There were other boats from the other beaches going out to sea and the old man heard the dip and push of their oars...* В процессе интерпретации студент устанавливает когезию между словами и прагматику между предложениями и описываемой ситуацией, что выступает в качестве содержания сознания. Систематизируя известные элементы, придающие наибольшую семантику отрывку в данном контексте (*boats, sea, dip, push*), и слово *oars*, студент начинает выстраивать ассоциативные связи между ними на основании известной ему информации о мореходстве. В результате получается препозиция *oars are something that one dips and pushes while navigating on a boat*. Так выстраивается ассоциация, исходящая из неязыковых знаний, и находится лексическое значение неизвестного ранее элемента. Данная операция относится к типу 1, поскольку наличествует разрыв в интерпретации, приводящий к осознанию содержания употребления, однако сам процесс переработки не требует дополнительных усилий, происходя интуитивно.

Для задействования типа 2 в компенсаторной или прагматической составляющей необходима такая проблемная установка, которая не позволит решить проблему интуитивно, которая вынудит включать аналитические способности студента. При изучении немецкого языка после английского студенты склонны сталкиваться с проблемами, вызванными синтаксическим строем, в частности порядком слов в предложениях. Для выявления грамматической связи между элементами недостаточно иметь языковой материал как содержание сознания, придётся также осознанно переработать составляющие. К примеру, грамматическое содержание предложения *Nachdem ich meine Hausaufgaben gemacht hatte, ging ich in den Park* очень проблематично выявить интуитивно, с помощью языковой догадки, без достаточно развитых языковых навыков. Необходимо провести сознательный анализ содержания по выявлению функциональных признаков элементов предложения, что приводит к использованию типа 2. Из языковых единиц лексемы становятся функционально логическими (для демонстрации процесса используются схемы из [3]):

$$[C \rightarrow A \wedge \text{Obj} \wedge V_{\text{sem}} + V_{\text{aux}}] \rightarrow V_{\text{präteritum}} \wedge A \wedge C$$

Те же самые операции возможны в рамках прагматической компетенции, однако конечный результат проявляется не в компенсации недостающего содержания, а в соотношении содержания употребления с самим собой и с содержанием других компетенций. Услышав в речи *whilst*, адресат распознаёт толику мотивации адресанта, то есть его желание использовать возвышенный стиль общения, и связывает этот факт со своими компетенциями, ассоциативно вычлняя из них способы выражения этого стиля. Данный алгоритм действий может соблюдаться неосознанно, то есть в прагматической компетенции есть место для типа 0.

Проблемное обучение в формировании прагматической и компенсаторной компетенций

Итак, прагматическая и компенсаторная являются процессуальными компетенциями, напрямую соотносящими употребление языка со знаниями студента. Их развитие происходит позже языковых и социокультурных: компенсация подразумевает дополнение уже имеющихся знаний, а прагматика речевого акта зачастую вытекает из социокультурного аспекта коммуникации (социальные роли, возраст, место и т.д.). Исходя из этого, можно предположить, что их совершенствование начинается на продвинутом пороговом уровне владения языком (B2). Обучение иностранным языкам всегда отличается высокой системностью, то есть точечное развитие компетенций не предоставляется возможным (из-за чего отчасти мы объединили прагматическую

и компенсаторную компетенции), однако определённые способы организации учебного процесса позволяют акцентировать необходимые аспекты коммуникации.

Используя проблемный метод, можно сразу направить обучение в русло осознанной когнитивной деятельности, избегая бихевиористские рефлекторные способы обучения, которые ввиду своей специфики неизменно будут препятствовать возникновению использования типов мышления 1 и 2. При этом необходимо создавать условия, в которых компенсаторная и прагматическая компетенции наиболее востребованы. К примеру, при написании письма студент может воспользоваться справочной литературой и большим запасом времени. В устном синхронном общении такие возможности отсутствуют. Поэтому целесообразным представляется сразу же моделировать процесс так, чтобы обстоятельства выполнения заданий были приближены к ситуациям, не позволяющим миновать компенсацию и выявление прагматики с помощью не связанных с мышлением обучающегося способов. Для этого подходит активное использование диалогов и полилогов.

Е. Н. Соловова выделяла два отличительных качества диалога: ситуативность и реактивность [6, с. 177]. Ситуативность подразумевает, что коммуникативная ситуация задаёт коммуникативную установку всему диалогу, реактивность – непредсказуемость развития речевого акта, размытую структуру и неполную смысловую целостность (по сравнению с монологом). Реактивность диалога уменьшает вероятность использования стандартизированных фраз и, соответственно, снижает возможности прогнозирования, что приводит к разрыву автоматизированного мышления. Установка на отход от клишированных высказываний также усиливается наличием проблемы, требующей решения не путём репродукции ранее изученной информации, а путём осознаваемой переработки содержания употребления. Это повышает роль компенсации при общении, так как выполняющие задание студенты не имеют представления ни о будущем наполнении диалога, ни о его конечном результате, что подталкивает на восполнение лакун ради достижения цели. Так, студенты будут вынуждены пользоваться всеми стратегиями компенсации: перефразом, прагматической догадкой, поиском синонимов и т.д. Для создания реактивности преподавателю фактически нет необходимости что-либо делать: лакуны при общении, разворачивающемся в реальное время, неизбежны даже для носителей языка, поэтому разрыв неосознаваемого процесса переработки неизбежен в любом случае.

Ситуативность обеспечивает диалогу лингвистические и экстралингвистические факторы, определяющие функциональный стиль, выбор лексики и коммуникативных средств. Преподавателю необходимо смоделировать коммуникативную установку таким образом, чтобы в ней наличествовали маркеры, отсылающие к уже пройденному материалу. Основная задача – предугадать потенциальные прагматические связи диалога и направить его развитие по определённой траектории. Иными словами, прагматика коммуникативного акта не является аутентичной, она адаптирована под учебные цели, поэтому связь ситуации с языковым наполнением легко может быть выведена из предыдущих занятий. Однако здесь более важен сам процесс соотнесения компетенций и употребления, который в рассматриваемом случае не будет иметь кардинальных различий с реальными условиями общения в когнитивном плане. Так как ситуация решения проблемы изначально не стандартизирована, вероятность задействования типа 0 минимальна.

Методом проблемного обучения, которое призвано воссоздать проблему в рамках учебных занятий, является кейс. При обучении иностранным языкам этот метод нацелен, прежде всего, на развитие речевых навыков: диалогических и монологических [5]. Из широкого спектра методик обучения иностранному языку именно кейсы позволяют создать высокую степень реактивности и ситуативности. Можно выделить три этапа решения кейса: проблематизация, дискуссия и консенсус.

Проблематизация – этап, на котором вводятся проблемная и коммуникативная установки. Преподаватель искусственно создаёт ситуацию общения, вкладывая в неё прагматические маркеры [7]. Главная задача – способствовать образованию связей между компетенциями студентов и употреблением в виде кейса. Этап проблематизации задаёт дальнейшую ситуативность всего речевого акта, тем самым устанавливая фундамент для последующего задействования прагматической компетенции.

Дискуссия – этап обмена мнениями и поиска решения кейса. Ввиду специфики задания в центре внимания оказывается не языковой аспект коммуникации, а деятельностный. Языковой правильности высказываний уделяется меньше внимания, что производит двоякий эффект: с одной стороны, больше речевых ошибок, а с другой – они не будут оцениваться, поэтому их допущение не критично. Данные факторы благоприятно влияют на компенсаторную компетенцию, так как у студентов появляется:

- 1) больше лингвистически некорректного материала, который трудно понять с первой попытки;
- 2) опора на ситуативность, на прагматику, из которой можно вывести значение неизвестных элементов;
- 3) возможность компенсации за счёт когерентности текста, т.е. восстановление семантического наполнения может происходить с помощью соотнесения располагаемой отдельным студентом информации с высказываниями других участников.

При этом отсутствует стандартизированная схема развития диалога или полилога.

Все указанные особенности являются следствием реактивности, которая, помимо предоставления условий для развития компенсаторной компетенции, также развивает прагматическую. В данном случае это происходит за счёт когнитивно-вербальной деятельности: непредсказуемость речи не позволяет задействовать все три элемента прагматической компетенции (дискурсивную, функциональную и схематическую) без прерывания мышления типа 0. Соотнесение маркеров с компетенциями требует осознанного процесса переработки содержания употребления.

Консенсус – завершающий этап, когда всеми участниками принимается единое решение. Здесь развивается дискурсивная составляющая прагматической компетенции. Для того чтобы подвести итог обсуждения, очевидно, необходимо воспроизвести его ход, тем самым делая содержание когнитивных процессов осознанным.

Заключение

Проведенное исследование позволило показать роль когнитивно-вербальной деятельности в формировании компенсаторной и прагматической компетенций у студентов языковых направлений подготовки за счет активизации данного вида деятельности посредством проблемного обучения, в частности кейс-метода, на занятиях по иностранному языку.

В результате решения поставленных задач были сделаны следующие **выводы**:

1. Когнитивно-вербальная деятельность представляет собой процесс соотнесения элементов коммуникации, в котором в качестве содержания выступает язык, и дедуктивно дополняет возможные семантические лакуны в речи.

2. Компенсаторная и прагматическая компетенции имеют общие черты – процессуальность и динамичность. При их реализации в конкретном употреблении языка всегда требуется опора в виде определенной коммуникативной ситуации. Однако каждая из них по-своему решает свои задачи. Так, компенсаторная компетенция позволяет возмещать недостающие в контексте отдельного употребления знания и навыки с опорой на содержание, а прагматическая – соотносит содержание знаний с единичным употреблением.

3. Одновременное развитие обозначенных компетенций у студентов языковых направлений подготовки становится возможным благодаря вовлечению их в когнитивно-вербальную деятельность в проблемном обучении. Наиболее приемлемым способом организации такого рода обучения является кейс-метод, поскольку он способен спровоцировать появление разрывов в семантической целостности речи, что впоследствии приводит к необходимости решения заданных коммуникативных задач с помощью когнитивно-вербальной деятельности. Каждый из этапов решения кейса, активизирующего данный вид деятельности, связан с реализацией той или иной компетенции, а именно:

а) на этапе проблематизации задействуются дискурсивная, функциональная и схематическая составляющие прагматической компетенции;

б) на этапе дискуссии реализуется компенсаторная компетенция, которая проявляется в парафразе, контекстуальной или прагматической догадке; прагматическая компетенция (функциональная, схематическая составляющие);

в) на этапе консенсуса вновь вступает в силу прагматическая компетенция, а именно ее дискурсивная составляющая.

Список источников

1. **Беляев Б. В.** О соотношении языка и речи в процессе обучения // Иностранные языки в школе. 2011. № 8. С. 3-10.
2. **Брыксина И. Е., Мурунов С. С.** О повышении мотивации в изучении иностранных языков студентами языковых направлений подготовки // Преподаватель высшей школы: традиции, проблемы, перспективы: мат-лы X Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред.: Л. Н. Макарова, И. А. Шаршов. Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2019. С. 189-193.
3. **Гиллеспи Д., Мурунов С. С., Брыксина И. Е., Алексич Е. В.** Анализ семантических характеристик грамматических временных форм английского и французского языков в пространстве будущего времени // Язык и культура. 2020. № 51. С. 6-34.
4. **Караулов Ю. Н.** Русский язык и языковая личность. Изд-е 7-е. М.: ЛКИ, 2010. 264 с.
5. **Попова Н. В., Сухарева Т. Н.** Использование кейс-метода в обучении английскому языку // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 3 (81). С. 205-207.
6. **Соловова Е. Н.** Методика обучения иностранным языкам: базовый курс лекций. Изд-е 3-е. М.: Просвещение, 2005. 239 с.
7. **Шустова С. В., Царенко Н. М.** Дискурсивные маркеры как средство формирования прагматической компетенции // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2018. Т. 4. № 2. С. 21-29.
8. **Щукин А. Н.** Обучение иностранным языкам: теория и практика: учеб. пособие. М.: Филоматис, 2004. 416 с.
9. **Canale M., Swain M.** Theoretical bases of communicative approaches to second language teaching and testing // Applied Linguistics. 1980. Vol. 1. № 1. P. 1-47.
10. **Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment.** Strasbourg: Council of Europe Press, 2001. 273 p.
11. **Dehaene S., Charles L., King J.-R., Marti S.** Toward a computational theory of conscious processing // Current Opinion in Neurobiology. 2014. Vol. 25 (1947). P. 76-84.
12. **Dörnyei Z., Thurrell S.** Strategic competence and how to teach it // ELT Journal. 1991. Vol. 45. № 1. P. 16-23.
13. **Duffley P.** Linguistic Meaning Meets Linguistic Form. Oxford: Oxford University Press, 2020. 208 p.
14. **Hymes D. H.** On communicative competence // Sociolinguistics. Selected readings / ed. by J. B. Pride, J. Holmes. Harmondsworth: Penguin, 1972. P. 269-293.
15. **Klein S. P.** Learning: Principles and Applications. Thousand Oaks, CA: Sage, 2012. 515 p.
16. **Ospina García S.** Une analyse critique de la compétence de communication dans une perspective pédagogique de la compétence stratégique orale [Электронный ресурс]. URL: <https://marcoele.com/descargas/26/ospina-competence-orale.pdf> (дата обращения: 19.10.2020).
17. **Shea N., Frith C. D.** Dual-process theories and consciousness: The case for “Type Zero” cognition // Neuroscience of Consciousness. 2016. Vol. 1. P. 1-10.

18. **Torres P., Kucharski M., Marriott R.** Concept maps and the systematization of knowledge // Cases on Teaching Critical Thinking through Visual Representation Strategies / ed. by L. J. Shedletsky, J. S. Beaudry. Hershey, PA: IGI Global, 2014. P. 494-514.
19. **Toutain A.-G.** Langue, parole et discours: dédoublement guillaumien de la distinction saussurienne (7e Congrès Mondial de Linguistique Française) [Электронный ресурс]. URL: https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/pdf/2020/06/shsconf_cmlf2020_04003.pdf (дата обращения: 19.10.2020).

Forming Linguistic Students' Compensatory and Pragmatic Competences on the Basis of Verbal Cognitive Activity

Murunov Sergey Sergeyeovich
Polyakov Oleg Gennadiyevich, Dr
Derzhavin Tambov State University
murunovsergey@gmail.com; olegpo@rambler.ru

Hausmann-Ushkova Nadezhda Vasil'yevna, Dr
Bauhaus-Universität Weimar (Germany)
Derzhavin Tambov State University
nush2001@mail.ru

The research objective includes identifying the role of verbal cognitive activity when forming linguistic students' compensatory and pragmatic competences. The article analyses correlation of linguistic competences and speech activity (language usage) from the viewpoint of foreign language teaching. Specificity of the competences manifestation depending on a type of thinking is revealed. Scientific originality of the research involves justifying the thesis that students' verbal cognitive activity stimulation allows simultaneous development of their pragmatic and compensatory competences taking into account similarity of intellectual models. The authors introduce a definition of verbal cognitive activity and reveal the educational potential of the case-study method. The research findings are as follows: the authors identify the stages of verbal cognitive activity development with a focus on forming students' compensatory and pragmatic competences on the basis of the case-study technology.

Key words and phrases: compensatory competence; pragmatic competence; verbal cognitive activity; case-study method; language usage.

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Научный журнал

2020. Том 13. Выпуск 12

Philology. Theory & Practice

Academic Journal

2020. Volume 13. Issue 12

Редакционная коллегия:

Лябина Олеся Геннадиевна, к. филол. н., доцент,
главный редактор
Бабина Людмила Владимировна, д. филол. н., профессор
Биттирова Тамара Шамсудиновна, д. филол. н.,
ведущий научный сотрудник
Боргоякова Тамара Герасимовна, д. филол. н., профессор
Бородулина Наталия Юрьевна, д. филол. н., профессор
Ворожбитова Александра Анатольевна, д. филол. н.,
д. пед. н., профессор
Галимзянова Ильхамия Исхаковна, д. пед. н., профессор
Глухова Наталья Николаевна, д. филол. н., профессор
Гуртуева Тамара Бертовна, д. филол. н., профессор (Турция)
Дзуганова Рита Хабаловна, д. филол. н.,
ведущий научный сотрудник
Зиятдинова Юлия Надировна, д. пед. н., доцент
Игна Ольга Николаевна, д. пед. н., доцент
Колодина Нина Ивановна, д. филол. н., профессор
Комарова Юлия Александровна, д. пед. н., профессор
Кузнецова Анна Владимировна, д. филол. н., профессор
Лутфуллина Гюльнара Фирдавиевна, д. филол. н., профессор
Лучинская Елена Николаевна, д. филол. н., профессор
Макеева Марина Николаевна, д. филол. н., профессор
Нифанова Татьяна Сергеевна, д. филол. н., профессор
Осьмухина Ольга Юрьевна, д. филол. н., профессор
Поляков Олег Геннадиевич, д. пед. н., профессор
Попова Ирина Михайловна, д. филол. н., профессор
Попова Лариса Георгиевна, д. филол. н., профессор
Попова Светлана Владимировна, д. пед. н., профессор
Репенкова Мария Михайловна, д. филол. н., доцент
Руденко-Моргун Ольга Ивановна, д. пед. н., профессор
Седых Аркадий Петрович, д. филол. н., профессор
Тарнаева Лариса Петровна, д. пед. н., доцент
Шульц Ольга Евгеньевна, д. пед. н., профессор
Давыденкова Ольга Алексеевна, к. филол. н., доцент (США)
Ноблок Наталия Львовна, к. филол. н. (США)
Трубицина Ольга Ивановна, к. пед. н., доцент
Чеханова Ирина Владимировна, к. филол. н., доцент

Editorial Board:

Lyabina O. G., Ph. D. in Philology, Ass. Prof.,
Editor-in-Chief
Babina L. V., Doctor in Philology, Prof.
Bittirova T. Sh., Doctor in Philology,
Leading Researcher
Borgoyakova T. G., Doctor in Philology, Prof.
Borodulina N. Yu., Doctor in Philology, Prof.
Vorozhbitova A. A., Doctor in Philology,
Doctor in Pedagogy, Prof.
Galimzyanova I. I., Doctor in Pedagogy, Prof.
Glukhova N. N., Doctor in Philology, Prof.
Gurtueva T. B., Doctor in Philology, Prof. (Turkey)
Dzuganova R. Kh., Doctor in Philology,
Leading Researcher
Ziyatdinova Yu. N., Doctor in Pedagogy, Ass. Prof.
Igna O. N., Doctor in Pedagogy, Ass. Prof.
Kolodina N. I., Doctor in Philology, Prof.
Komarova Yu. A., Doctor in Pedagogy, Prof.
Kuznetsova A. V., Doctor in Philology, Prof.
Lutfullina G. F., Doctor in Philology, Prof.
Luchinskaya E. N., Doctor in Philology, Prof.
Makeeva M. N., Doctor in Philology, Prof.
Nifanova T. S., Doctor in Philology, Prof.
Os'mukhina O. Yu., Doctor in Philology, Prof.
Polyakov O. G., Doctor in Pedagogy, Prof.
Popova I. M., Doctor in Philology, Prof.
Popova L. G., Doctor in Philology, Prof.
Popova S. V., Doctor in Pedagogy, Prof.
Repenkova M. M., Doctor in Philology, Ass. Prof.
Rudenko-Morgun O. I., Doctor in Pedagogy, Prof.
Sedykh A. P., Doctor in Philology, Prof.
Tarnaeva L. P., Doctor in Pedagogy, Ass. Prof.
Shul'ts O. E., Doctor in Pedagogy, Prof.
Davydenkova O. A., Ph. D. in Philology, Ass. Prof. (The USA)
Knoblock N., Ph. D. in Philology (The USA)
Trubitsina O. I., Ph. D. in Pedagogy, Ass. Prof.
Chekhanova I. V., Ph. D. in Philology, Ass. Prof.

Журнал публикует результаты исследований ученых и преподавателей в рамках проводимой ими научной работы, а также промежуточные итоги диссертаций в виде научных статей по следующим группам специальностей: 10.01.00 Литературоведение; 10.02.00 Языкознание; 13.00.00 Педагогика. Издание служит источником информации о текущих исследованиях в области филологии и методики преподавания языка и литературы. Журнал предназначен для соответствующих специалистов, докторантов и аспирантов.

Журнал **входит в Перечень** рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук. Статьи проходят обязательное рецензирование.

Правила приема, рецензирования и опубликования научных статей размещены на официальном сайте Издательства в сети Интернет www.gramota.net. Вопросы, связанные с публикацией научных материалов в журнале, редакция просит направлять на адрес электронной почты: phil@gramota.net.

Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. Вып. 12. С. 319-414.

ISSN 1997-2911

<https://doi.org/10.30853/filnauki>

© Издательство ГРАМОТА, 2020

www.gramota.net

16+

СОДЕРЖАНИЕ

IN MEMORIAM

<i>Демченко А. И.</i> Столетие назад	323
---	-----

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

<i>Борунов А. Б.</i> Речевой портрет образа иностранца в «фандоринском» корпусе Б. Акунина как лингвостилистическая константа метацикла	327
<i>Гао Чжэньнань</i> Проблема человека в творчестве В. М. Шукшина и Ф. М. Достоевского (на примере произведений «Калина красная» и «Преступление и наказание»)	332
<i>Гримова О. А.</i> Визуальное vs вербальное в повествовательной структуре романа Д. Глуховского «Текст»	336
<i>Куликова Д. Л.</i> Литературная кинематографичность в романе «Пищевблок» Алексея Иванова	340
<i>Куликова И. М., Мальцева И. В.</i> Семантическое наполнение мифологемы дерева в натурфилософии П. С. Бахлыкова	344
<i>Лаптева Н. А.</i> Средства выражения и функции детали в автобиографическом рассказе Ф. И. Чудакова «Шамиль»	348
<i>Струк А. А.</i> Восприятие Л. Н. Толстого в публицистике дальневосточной эмиграции	354
<i>Тулушева Е. С.</i> Композиционные приемы монтажа в трилогии Дины Рубиной «Наполеонов обоз» как средство циклообразования	360

ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

<i>Артёмьев Ю. М., Софронова И. В.</i> Поэтика мифологизма в творчестве К. Иванова	365
<i>Гаджилова Ш. М.</i> Творчество М. Ахмедова в контексте патриотических традиций аварской поэзии	369
<i>Меркель Е. В., Чаунина Н. В.</i> Адресация в сборнике Варвары Даниловой «Райский ад»	374
<i>Товсултанова Д. С.</i> Мотивы страдания и смерти в прозе Абузара Айдамирова (на материале историко-философского романа «Долгие ночи»)	378

ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ

<i>Бурцева М. А.</i> Функции инфернальных персонажей в рассказе Г. Ф. Лавкрафта «Сны в ведьмином доме»	383
<i>Гильфанова Г. Т., Валеева А. Р.</i> Специфика авторского художественного мировоззрения в немецкоязычной прозе XX века	388
<i>Кармаева Е. А., Цветков Ю. Л.</i> Идеи русского космизма в романах Г. В. Франке «Клетка для орхидей» и «Башня из слоновой кости»	392
<i>Коновалова М. А.</i> Тема памяти в образах детективного романа Ю. Теорина «Призрак кургана»	397
<i>Нефедова О. И.</i> Женские образы как реализация мифологемы «Святой Грааль» в романе «Синяя борода» К. Воннегута	401
<i>Репенкова М. М.</i> Архитектоника романа Гюльшан Эликбанк «Лжецы и возлюбленные» (2015)	405
<i>Цветков Ю. Л.</i> От любовной истории к символистской новелле (И. В. Гёте и Г. фон Гофмансталь)	410

CONTENTS

IN MEMORIAM

<i>Demchenko A. I.</i> A Century Ago	323
---	-----

RUSSIAN LITERATURE

<i>Borunov A. B.</i> Speech Portrait of Foreigner's Image in B. Akunin's "Fandorin" Corpus as Linguostylistic Constant of the Meta-Cycle	327
---	-----

<i>Gao Zhennan</i> Anthropological Problematic in V. M. Shukshin's and F. M. Dostoevsky's Creative Work (by the Example of "The Red Snowball Tree" and "Crime and Punishment")	332
--	-----

<i>Grimova O. A.</i> The Visual vs the Verbal in Narrative Structure of D. Glukhovsky's Novel "Text"	336
---	-----

<i>Kulikova D. L.</i> Literary Cinematography in Alexey Ivanov's Novel "Food Unit"	340
---	-----

<i>Kulikova I. M., Maltseva I. V.</i> Mythologeme "Tree" in P. S. Bakhlykov's Natural Philosophy	344
---	-----

<i>Lapteva N. A.</i> Means of Expression and Functions of Detail in F. I. Chudakov's Autobiographical Short Story "Shamil"	348
---	-----

<i>Struk A. A.</i> Perception of L. N. Tolstoy in the Far Eastern Emigration's Opinion Journalism	354
--	-----

<i>Tulusheva E. S.</i> Compositional Techniques of Montage in Dina Rubina's Trilogy "Napoleon Wagon Train" as a Cycle-Forming Means	360
--	-----

NATIONAL LITERATURES OF THE RUSSIAN FEDERATION

<i>Artemyev Y. M., Sofronova I. V.</i> Mythopoetics in K. Ivanov's Creative Work	365
---	-----

<i>Gadjilova S. M.</i> M. Akhmedov's Creative Work in the Context of Patriotic Traditions of the Avar Poetry	369
---	-----

<i>Merkel E. V., Chaunina N. V.</i> Addressing in Varvara Danilova's Collection "Heavenly Hell"	374
--	-----

<i>Tovsultanova D. S.</i> Motifs of Suffering and Death in Abuzar Aydamirov's Prose (by the Material of the Historical and Philosophical Novel "Long Nights")	378
---	-----

FOREIGN LITERATURE

<i>Burtseva M. A.</i> Functions of Infernal Characters in H. P. Lovecraft's Short Story "The Dreams in the Witch House"	383
--	-----

<i>Gil'fanova G. T., Valeeva A. R.</i> Specificity of Author's Artistic Worldview in the German-Language Prose of the XX Century	388
---	-----

<i>Karmaeva E. A., Tsvetkov Y. L.</i> Ideas of the Russian Cosmism in the Novels "The Orchid Cage" and "The Ivory Tower" by H. W. Franke	392
---	-----

<i>Konovalova M. A.</i> Theme of Memory in Images of J. Theorin's Detective Novel "The Voices Beyond"	397
--	-----

<i>Nefedova O. I.</i> Female Images as Realisation of the Mythologeme "The Holy Grail" in K. Vonnegut's Novel "Bluebeard"	401
--	-----

<i>Repenkova M. M.</i> Architectonics of Gülşah Elikbank's Novel "Liars and Lovers" (2015)	405
---	-----

<i>Tsvetkov Y. L.</i> From Love Story to Symbolist Short Story (J. W. von Goethe and H. von Hofmannsthal)	410
--	-----

In Memoriam

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.64>

Демченко Александр Иванович, д. иск., проф., главный научный сотрудник и руководитель Центра комплексных художественных исследований
Саратовская государственная консерватория имени Л. В. Собинова
alexdem43@mail.ru

Столетие назад

Михаил Алексеевич Кузмин (1875-1936) родился в Ярославле, и когда ему был год от роду, семья Кузминых переехала в Саратов. Здесь он учился в гимназии, и впечатления детства время от времени отзывались в его творчестве. Притом, что впоследствии он без особого восторга вспоминал о своём пребывании на Волге, в его душе эпизодически звучали струны, настроенные в тон великой реке. Так, в сорокалетнем возрасте, в натуре, избалованной столичной жизнью, неожиданно просыпается чувство, которое могло возникнуть только у того, кто когда-то соприкасался с естеством больших просторов, вдыхал запах степных трав, слышал звучный благовест колоколов.

Исходным побуждением к написанию стихотворения «Просохшая земля...» (1916), конечно же, послужило время всеобщих испытаний («слякоть» и жертвенность затянувшейся Первой мировой войны), но только благодаря воспоминаниям далёкого волжского детства поэт-сибарит мог заговорить новым для себя языком и пробудить дремавшую в глубинах его души ноту русской соборности, почувствовать радость близости к земле, а через пантеистические ощущения приблизиться к единению с людским миром. И никакой иронии, которую так ценили в нём эстеты, и вера в то, что с молитвой «отвыкнет бедная душа хромать».

*Просохшая земля! Прижаться к ней,
Бессолнечную смену мёртвых дней
Ясней позабывать и холодней!*

*О, твёрдая земля, родная мать!
Научишь мудро, просто понимать.
Отвыкнет бедная душа хромать.*

*Как сладок дух проснувшейся травы,
Как старые ручьи опять новы,
Какой покой с высокой синевы!*

*Раскиньтесь, руки, по земле крестом!
Подумать: в этом мире, в мире том
Спасёмся мы Воскреснувшим Христом!..*

Но вернёмся к тому, что считается определяющим в поэтическом наследии Кузмина. Будучи одной из заметных фигур многочисленной плеяды творцов русского Серебряного века, он вначале примыкал к символизму, затем к акмеизму. Печататься начал с 1905 года, то есть в тридцатилетнем возрасте, что для поэтов достаточно поздно, но зато первые же поэтические сборники принесли ему широкую известность («Сети» (1908), «Осенние озёра» (1912), «Вожатый» (1913), «Глиняные голубки» (1914)). Он быстро прослыл «королём эстетов», законодателем мод и тона. Александр Блок услышал в его стихах «дыхание артистичности» и «пленительное лукавство». Действительно, они подчёркнуто элегантны, в них господствует дух изящной игры и заведомого представлечества.

Достаточно вслушаться в одно из его ранних стихотворений – «Где слог найду...» (1906). Сразу же обращает на себя внимание изысканный слог (пятистрочие с выдержанной перекрёстной рифмой *a a b a b*) и то, как звучно разработана система аллитераций с рокошущим *po* в конце первой строфы (*перo, Пьерo, Фигарó*).

*Твой нежный взор, лукавый и манящий –
Как милый вздор комедии звенящей
Иль Мариво капризное перо.
Твой нос Пьерo и губ разрез пьянящий
Мне кружит ум, как «Свадьба Фигарó».*

*Дух мелочей, прелестных и воздушных,
Любви ночей, то нежащих, то душевных,
Весёлой лёгкости бездумного житья!
Ах, верен я, далёк чудес послушных,
Твоим цветам, веселая земля!*

Как видим, автор явно демонстрирует свою начитанность, широко раздвинутые культурные горизонты. Этот этюд-портрет полон игривости и весёлой лёгкости. Россыпью мелькают эпитеты-характеристики, нанизываемые блестящим ожерельем: *нежный, лукавый, манящий, милый, звенящий, капризное, пьянящий, прелестных, воздушных* – так возникает прихотливый веер черт и чёрточек «бездумного житья», ещё большую легковесность которому придают определения типа *милый взор* и *дух мелочей*.

Для современников Кузмина главное очарование его стихов состояло в высоком, эстетизированном си-баритстве лирического толка. Гедония, культ чувственных наслаждений, в том числе и с оттенком эротизма – одна из соблазнительных и соблазняющих граней Серебряного века, и поэзия Кузмина превосходно удовлетворяла потребность в этом соблазне.

Причём удовлетворяла в той притягательной манере, когда обо всём говорится недомолвками, вскользь, неопределённо – как раз в подобной «невнятности» и состоит особый шарм недосказанности, загадочности. Вот, к примеру, как выглядит это в стихотворении «**В лёгкой лени...**» (1912), где можно только предполагать и догадываться, что речь идёт о неге лирического единения мужчины и женщины, о блаженстве сладостных объятий.

*В лёгкой лени
Усыпленья
Все ступени
Наслажденья
Хороши!*

*Не гадаешь,
Замирая,
Где узнаешь
Радость рая
В той тиши...*

Здесь не может не восхитить изысканная лёгкость конструкции стиха (каждая строка состоит из одного-двух слов) и его исключительная музыкальность – между прочим, Кузмин учился в Петербургской консерватории, впоследствии писал музыку к своим песням и исполнял их в сопровождении гитары.

Валерий Брюсов справедливо отмечал у него «дар стиха певучего и лёгкого». Стих этот по внешности обращён к чувственно-осязаемому предметному миру, но внутренне, как это зачастую бывало у поэтов Серебряного века, он устремлён к *нездешнему*, то есть к тому желаемому и желанному, которого так недостаёт в реально существующем мире (одна из поэтических книг Кузмина носит название «Нездешние вечера»).

Любопытно было бы проследить, как и куда могло уносить поэта воображение на примере большого стихотворения «**Вы думаете...**» (1913), где он говорит о себе именно как о поэте, назначение которого быть особым рода исследователем («*географом*») человеческих душ, потому что душа, по Верлену и Кузмину, тот же ландшафт.

*Вы думаете, я влюблённый поэт?
Я не более, как географ...
Географ такой страны,
которую каждый день открываешь
и которая чем известнее,
тем неожиданнее и прелестнее.
Я не говорю,
что эта страна – ваша душа
(ещё Верлен сравнивал душу с пейзажем),
но она похожа на вашу душу...*

И далее на протяжении более полусотни строк Кузмин вводит новые и новые ракурсы вольных витаний души, парящей в высях мечтаний. Сколько здесь блёсток подлинной поэтичности (*...там озёра и реки... // с весёлыми берегами // и грустными песнями, // с белыми облаками на небе; // там всегда апрель, // солнце и ветер... // стая журавлей в синеве*) – поэтичности, поддержанной изысканной игрой слов («*О, янтарная роза // розовый янтарь...*»), и какая влюблённость в жизнь, которая грезится! И когда он чрезмерно увлётся, когда его голова закружилась от «*монтрашье и шаблы*», поэт вспоминает о «здешнем» и вынужден трезво прервать себя: «*Но, тише...*»

И что не может не пленить в этом произведении, так это завидная свобода «говорения». Кузмин изъясняется паразитально легко и свободно, следуя течению вольных мыслей, в опоре на свободный стих. И надо заметить, что, наряду с обращением к строгой форме сонета, излюбленной поэтами Серебряного века, он одним из первых стал разрабатывать в русской литературе технику верлибра.

Новации в искусстве версификации в известной мере начали привлекать внимание Кузмина ближе к середине 1900-х годов, и он не раз откликнулся на экспериментальные веяния времени, в том числе в чём-то сближаясь с «поэзами» И. Северянина, как видно это в стихотворении **«Белая ночь»** (1917).

*Загоризонтное светило
И звуков звучное отсутствие
Зеркальной зеленью пронзило
Остекляненное предчувствие.
И дремлет медленная воля –
Секунды навсегда отстукала, –
Небесно-палевое поле –
Подземного приёмник купола,
Глядит, невидящее око,
В стоячем и прозрачном мреяньи.
И только за небом, высоко,
Дрожит эфирной жизни веянье.*

К сожалению, в подобных случаях присущая Кузмину утончённость переходила в некоторую манерность, оборачиваясь самоцельным изыском. И то, что прежде могло быть милой парадоксальностью (стихотворный цикл с несколько «странным» названием «Осенний май»), теперь представало порой искусственным словотворчеством с включением надуманных алогизмов («звуков звучное отсутствие»).

Такого рода увлечения сопровождали Кузмина до начала 1920-х, смыкаясь с футуристическими и конструктивистскими опытами, как представлено это в стихотворении **«Косые соответствия»** из сборника с симптоматичным заголовком «Парабола» (1922).

*Косые соответствия
В пространство бросить
Зеркальных сфер –
Безумные параболы,
Звёнья, взвивают
Побег стеблей.*

*Зодиакальным племенем
Поля пылают,
Кипит эфир,
Но все пересечения
Чертёж выводят
Недвижных букв
Имени твоего!*

С этого времени поэтическая струна в творчестве Кузмина начинает ослабевать, и на передний план выдвигается стихотворная стилизация (цикл «Александрийские песни», ориентированный на античные размеры) и проза, столь же искусно стилизованная под позднеантичную литературу или XVIII век (выделяется авантюрный роман «Чудесная жизнь Иосифа Бальзамо, графа Калиостро»), а также переводы зарубежных классиков (Апулей, Боккаччо, Шекспир).

Это «бегство» в прошлое во многом определялось неприятием чуждой для него яви послереволюционных лет. Она настолько ожесточила его душу, что смогла породить стихотворение **«Ангел благовествующий»** из цикла с демонстративным названием «Плен» (1919) – стихотворение, совершенно неожиданное для поэта, всегда с брезгливостью относившегося к политике.

*Бац!
По морде смазали грязной тряпкой,
Отняли хлеб, свет, тепло, мясо,
Молоко, мыло, бумагу, книги,
Одежду, сапоги, одеяло, масло,
Керосин, свечи, соль, сахар,
Табак, спички, кашу –
Отняли
Всё,
И сказали:
«Живи и будь свободен!»
Бац!
Заперли в клетку, в казармы,
В богадельню, в сумасшедший дом,
Посеяв ненависть и тоску...*

Не твой ли идеал осуществляется, Аракчеев?

«Живи и будь свободен!»

Бац!

Тем не менее, для нас Михаил Кузмин всегда останется прежде всего поэтом-лириком. И, может быть, особенно драгоценны у него лирические признания, где нет свойственного ему снисходительно-ироничного взгляда на вещи. Одно из них – «**Не могу я вспомнить без волнения...**» (1909), где он очень искренно, безыскусно, с душевной открытостью задаётся вопросом по поводу того, что почти невозможно объяснить: казалось бы, всё то же, что было у него и у неё, когда возникло чувство, а теперь оно куда-то улетучилось, и вместо радостных волнений осталась только печаль.

Не могу я вспомнить без волнения,

Как с тобой мы время коротали!

А теперь печали дни настали,

Ах, печали, ревности, сомненья!

Как осенним утром мы бродили,

Под ногами листья шелестели...

Посмотри: деревья всё не те ли?

Эти губы, руки – не мои ли?..

Русская литература

Russian Literature

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.65>

Дата поступления рукописи: 15.11.2020

Цель исследования – показать стратегию Б. Акунина, примененную им в «фандоринском» метацикле при создании речевого портрета персонажа-иностранца, которому удается интегрироваться в российское общество. *Научная новизна* заключается в выявлении характерных приемов создания образа «русских иностранцев» сквозь речевую призму. В итоге выявляется определенная гомология в использовании лингвостилистических средств в создании указанных образов, само присутствие которых в романах Акунина является одной из циклообразующих констант «фандоринского» корпуса. *В результате* доказывается, что наиболее часто используемым (в рамках языковой игры с читателем) средством идентификации «обрусевшего» иностранца становится цитирование произведений классической русской литературы.

Ключевые слова и фразы: Акунин; постмодернизм; лингвистическая игра; речевой портрет; имитация русской речи.

Борунов Артем Борисович, к. филол. н.
Московский городской педагогический университет
borunov.artem@yandex.ru

Речевого портрета образа иностранца в «фандоринском» корпусе Б. Акунина как лингвостилистическая константа метацикла

Введение

Персонаж-иностранец, говорящий на русском языке, достаточно часто встречается на страницах как классической, так и современной русской литературы. Во многих случаях речевые ошибки такого персонажа, искажение русских слов, невольные возникающие каламбуры используются для создания комического эффекта. Примерами подобных комических персонажей являются губернатор Вральман в «Недоросле» Фонвизина, гувернантка Шарлотта Ивановна в «Вишневом саде» Чехова. Также во многих произведениях русской литературы присутствуют персонажи-иностранцы, говорящие на правильном русском языке, у которых их чужеродность, инаковость подчеркиваются главным образом психологически, за счет их своеобразного внутреннего дуализма. Это, например, Германн из «Пиковой дамы» А. С. Пушкина, Штольц из «Обломова» И. А. Гончарова и пр. В изображении персонажа-иностранца намечаются, таким образом, две полярные тенденции: это либо человек, говорящий по-русски с явными ошибками (что делает его смешным), либо человек, настолько хорошо интегрировавшийся в русскую языковую среду, что его практически нельзя назвать иностранцем, и только его характер и склад ума выдают в нем иностранца. В современной литературе у Б. Акунина возникает и репродуцируется в ряде произведений третий тип персонажа – человек, которому в силу жизненных обстоятельств необходимо интегрироваться в русскую языковую среду и выдавать себя за русского. К такому типу относится шпион Йозеф фон Теофельс из романа «Смерть на брудершафт» и Николай Фандорин из цикла произведений «Приключения магистра», переезжающий в Россию в поисках сокровища своего предка. *Актуальность* исследования обусловлена тем, что типаж иностранца, хорошо говорящего на русском языке, в русской литературе ранее не рассматривался, между тем подобный объект рассмотрения позволяет выявить акунинские механизмы создания образа героя в проекции на лингвистический портрет, что является злободневной историко-литературной и теоретической проблемой, до сих пор не получившей в науке должного освещения. Кроме того, в настоящее время назрела необходимость анализа когнитивной составляющей персонажей как некоей психолингвистической целостности. Предложенный в статье подход открывает новые перспективы изучения стилистики текста в его поэтико-прагматическом ракурсе. Инновационный ракурс воссоздания речевого портрета обеспечен использованием средств языковой игры в рамках поэтики постмодернизма: с опорой на прецедентные тексты, потенциально известные читателю.

Для анализа особенностей речевого портрета указанных персонажей «фандоринского» корпуса требуется решение ряда конкретных *задач*: во-первых, вычленив их высказывания – как в диалогах, так и во внутренней речи – в текстах произведений; во-вторых, произвести сопоставление и выявить общие стратегии; в-третьих, рассмотреть полученные характеристики в сравнении с другими персонажами «фандоринского» корпуса. По контрасту со сквозным образом камердинера Масы, в котором подчеркивается его «иностранность», герой «Смерти на брудершафт» фон Теофельс, будучи по национальности немцем, напротив, прекрасно интегрируется в языковую среду и воспринимается как «свой».

Для решения поставленных задач используются такие *методы исследования*, как контекстуальный анализ и структурно-семантический анализ речи персонажей.

Теоретической базой исследования послужили работы, посвященные речевому портрету и способам конструирования языковой личности, в частности работы Г. И. Богина [14], Ю. Н. Караулова [16], И. В. Башковой [12], Т. В. Кочетковой [20], С. В. Леорда [21], а также работы, посвященные творчеству Б. Акунина, в частности А. В. Казачковой [15], Л. Г. Кихней, О. В. Афанасьевой, К. Ф. Герейхановой [17-19], Р. Х. Туовой [22], Н. Г. Бобковой [13].

Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные выводы могут быть использованы как в практике изучения современной русской литературы в школах и высших учебных заведениях, так и в практике анализа речевого портрета личности при изучении современного русского языка.

Образ «гипертрофированного» иностранца

В текстах Б. Акунина, посвященных приключениям сыщика Эраста Фандорина, а также его многочисленных потомков и предков, достаточно много персонажей-иностранцев, говорящих на русском языке. В тексте романов и повестей часто встречаются персонажи-иностранцы, не очень хорошо освоившие русский язык и прибегающие к макаронической речи. Так, камердинер Фандорина Масахиро Сибата, впервые возникший на страницах романа «Смерть Ахиллеса», первоначально вообще не говорит на русском языке и пользуется только жестами: «Когда по коридору кто-то шел, Маса прикладывал палец к губам, укоризненно цыкал языком и показывал то на запертую дверь, то куда-то в область своего пупка. В результате по этажу мигом разнесся слух, что в двадцатом остановилась китайская принцесса на сносях и будто бы даже уже рождает» [5, с. 19]. В романе «Любовник смерти» Маса разговаривает достаточно бегло, однако Акунин на протяжении всего текста имитирует его акцент: «Слышит, китаеза спрашивает (говор чудной, но понять можно): – Фири-кун, гдзе твой товаришь? Который быстро бегар. Такой худзенький, ворос дзёртый, градза серые, нос с конопуськами?» [3, с. 42].

В дальнейшем Маса осваивает русский, постепенно избавляясь от акцента. В завершающих серию «Новый детектив» романах «Черный город» и «Не прощаюсь» он уже говорит на практически чистом и правильном русском языке, ошибаясь лишь в произношении. Так, в «Черном городе» он говорит: «В меня влюбилась очень-очень красивая женщина Курася из швейной мастерской на улице Покуровка» [11, с. 23] – имеются в виду имя Клаша и улица Покровка. В «Не прощаюсь» фонетические особенности речи Масы уже не передаются, остались только лексические японские вставки: «Помните церковь Сен-Жерве в квартале Марэ? – говорил Маса. – Мы еще с вами в девяносто девятом арестовали там “Маньяка с улицы Белых плащей”. Немецкая дайхо расшибла ее прямым попаданием, поубивала всех молящихся» [4, с. 28]. На примере этого персонажа в «фандоринском» корпусе показан процесс интеграции в русскую языковую среду – от полного непонимания до постепенного овладения языком и, наконец, доведения знания языка до совершенства. При этом Маса никогда не выдавал себя за русского – его воспринимают чаще всего как китайца, обращаются к нему «ходя», в разговоре с ним используют искаженные фразы, ошибочно предполагая, что так ему будет понятнее. Его восприятие русской действительности на протяжении всех произведений, в которых он действует, контрастирует с тем, как обыденные вещи воспринимают сами носители языка (ср., в «Смерти Ахиллеса»): «Смотри, это конка, она по маршруту ходит. И дама наверху, на имперiale! А прежде дам наверх не пускали – неприлично.

- Почему, господин? – спросил Маса, которого полностью звали Масахиро Сибата.
- Ну как же, чтоб с нижней площадки не подглядывали, когда дама по лесенке поднимается.
- Европейские глупости и варварство, – пожал плечами слуга» [5, с. 12]).

Маса осваивает не только русский язык, но и русскую культуру, этикет, обычаи, часто совершая ошибки: практически в каждом романе с его участием незнание им каких-либо принятых правил приличия приводит к тому, что Эраст Петрович оказывается в неловкой ситуации. Персонаж Масы, таким образом, является отсылкой к образу «комического иностранца» – его подчеркнуто искаженная речь, непонимание различных кодексов и законов общества вводят в «фандоринский» текст элемент ситуативного комизма и отсылают к таким образам классической русской литературы, как Вральман из «Недоросля» и Шарлотта из «Вишневого сада».

В то же время лингвистический анализ речи Масахиро Сибаты на русском языке показывает, что он, в отличие от того же Вральмана, практически не делает грамматических ошибок, яркой чертой его искаженной речи является только фонетика. Так, типичный образец речи Вральмана у Фонвизина включает в себя и лексические, и грамматические ошибки: «Ты, матушка, снаешь, што сматреть фсегта лфче зповыши. Так я, пыфало, на снакому карету и сасел, та и сматру польшой сфет с косел» [23]. Помимо фонетического искажения, в этом высказывании присутствуют и несуществующее слово «зповыши» (*«сповыше?»), и ошибка в управлении («сматру польшой сфет»). Маса у Акунина разговаривает со значительными фонетическими искажениями (постепенно

нивелирующимися и в «Не прощаюсь» исчезающими окончательно), но грамматически правильно: «– Нехоросё, – говорит, – Фирин-кун. Софусем не-хоросё. Гдзе тётки? <...> – Сярики, зерёные, на нитотьке. В узерке быри. <...> – Сенька-кун, – говорит, – бегачь не надо. Сегодня у меня не гэга, сътибреты – догоню» [3, с. 43]. Если это высказывание «перевести» с соблюдением орфографии, в нем не будет ни одной стилистической или грамматической ошибки, как и в других образцах высказываний Масы. Автор тем самым подчеркивает, что иностранец с Востока – из Японии, хотя внешне и не похож на русского и воспринимается как чужеродный, тем не менее с легкостью постиг и лексику, и грамматику русского языка, а не дается ему внешний аспект – фонетика.

Иностранец, выдающий себя за русского

Параллельно с серией «Новый детектив» Б. Акунин создавал альтернативные проекты, в которых действовали предки, потомки и дальние родственники Эраста Петровича Фандорина. В этом литературном проекте присутствуют два персонажа, которые выросли в чужой языковой среде, но в силу обстоятельств вынуждены приехать в Россию и в кратчайшие сроки интегрироваться в языковую среду. Один из них – Йозеф фон Теофельс (Теофельс – родовой замок фон Дорнов, давших начало фамилии Фандориных в России), немец, который действует в произведениях из цикла «Смерть на брудершафт» и в романе «Шпионский роман». Во всех новеллах из цикла «Смерть на брудершафт» Теофельс выдает себя за русского человека, причем берет себе фамилию из классических произведений русской литературы XIX века – так, в новелле «Младенец и черт» он называет себя Фердыщенко, в честь героя «Идиота» Ф. М. Достоевского, в «Летающем слоне» – Долохов, в честь героя «Войны и мира» Л. Н. Толстого, в «Странном человеке» – Базаров, в честь героя «Отцов и детей» И. С. Тургенева, в ««Мария», Мария...» – Родион Романович Мышкин, комбинируя имя и отчество Раскольникова из «Преступления и наказания» Ф. М. Достоевского с фамилией Мышкин из романа «Идиот», в «Ничего святого» – Башмачкин, в честь героя «Шинели» Н. В. Гоголя.

Фон Теофельс прекрасно маскируется под русского человека и говорит без каких бы то ни было выделяющих его речь лингвистических особенностей. В первой новелле он объясняет свое знание русского языка: «Наверное, вы русский немец? <...> – Нет, я немецкий немец. Просто с детства учил ваш язык. Отец и дядя, оба люди военные, всегда говорили: Россия для нас самая главная страна» [8, с. 197].

Реплики и внутренние монологи Йозефа на русском языке практически не отличаются от реплик других русскоязычных персонажей: он говорит, используя эллипсисы, неполные предложения, безличные предложения, то есть свободно использует те конструкции, которые у иностранца, как правило, вызывают трудности в силу отсутствия их в других языках. Например, в беседе с Распутиным Теофельс говорит: «Гадко сегодня на улице. <...> Промозгло. Раз люди из-за вас стараются, поднести бы им» [10, с. 136].

Отличительной чертой речи Йозефа фон Теофельса является цитирование им строк из стихотворных и прозаических произведений русской литературы XIX и XX веков – так, он цитирует Пушкина: «Подруга дней моих суровых, голубка дряхлая моя, – ласково сказал он. – Как по-твоему, дядька Савельич, долго ль продлится сей буран?» [8, с. 189]; «У нас три с половиной часа. Пора, пора, рога трубят! – Какие рога? – подумав, спросил Тимо» [9, с. 144]; Лермонтова: «Ночевала тучка золотая на груди утеса-великана» [10, с. 161]; в «Летающем слоне» цитирует строфами Блока [6, с. 92-93] и пр. Русская литература является для него своеобразным способом самоидентификации: в большинстве случаев используемые им цитаты адресуются не русским людям, которые могли бы их оценить (за исключением цитирования Блока, с помощью которого шпион вошел в доверие к поэтически настроенному юноше), а денщику Тимо – плохо говорящему по-русски, но чрезвычайно исполнительному слуге.

Акунин в данном случае не только развивает постмодернистскую практику цитирования какого-либо другого произведения [12, с. 24; 22, с. 12], но и подчеркивает определенную черту характера героя. Этнический немец, для которого родным языком является немецкий, наедине со своим слугой-немцем, единственным знающим, кто он на самом деле, мог бы позволить себе расслабиться и заговорить на немецком языке. Однако он, напротив, настаивает на разговоре только на русском и при этом цитирует произведения русской литературы, как бы сверяя себя с апперцепционной базой. Интересно, что в произведении «Станный человек» отмечено, что фон Теофельс не идентифицирует европейские сказки: «Какая еще Герда? – разозлился майор (В семье Теофельсов детям не читали сказок Андерсена). – С ума вы, что ли, сошли?» [10, с. 167]. В описании семьи фон Теофельса вообще подчеркивается исключительная холодность в отношении отца к сыну, которую Йозеф воспроизводит в воспитании собственного наследника, строгость воспитания, отсутствие эмоциональной связи между старшим и младшим поколением. Это заставляет предположить, что связь с русской литературой у шпиона не эмоциональная, а рациональная: цитируя Пушкина и Лермонтова, он словно проверяет, достаточно ли хорошо он вжился в образ русского человека.

Русский, заново осваивающий родной язык

В «фандоринском» корпусе присутствует также персонаж, этнически являющийся русским, но при этом говорящий на английском. Николас Фандорин, внук Эраста Петровича, родился и вырос в Великобритании и изучает русский язык как иностранный, старательно осваивая жаргон: «Неизменное впечатление на барышень производил прекрасно освоенный трюк: двухметровый лондонец, не по-родному учтивый, с дурацкой приклеенной улыбкой и безупречным подбором ровно посередине макушки – одним словом, чистый Англичан Англичанович – вдруг говорил: «Милая Наташа, не *завалиться* ли нам в Челси? Там нынче *улетная*

тусовка» [1, с. 14]. Образцы жаргона в записной книжке помогают Николасу Фандорину договориться с преступниками, вернуть себе украденное, а в дальнейшем – понимать носителей русского языка.

Любопытно, что Николас Фандорин разговаривает не на вполне естественном русском языке: если речь фон Теофельса, немца, в основном состоит из кратких предложений, то Фандорин даже в минуты душевного потрясения строит сложные предложения, не забывая проговаривать грамматические основы полностью: «И, кстати говоря, хочу сообщить вам, что не могу принять предложение относительно продажи вам книжного оклада. Нужно уважать законы страны, в которой находишься. Так что верните мне обложку, я передам ее представителям городских властей. Я не буду настаивать на том, чтобы вознаграждение мне выплатили немедленно. Можно по частям или потом, через несколько лет, когда российская экономика окрепнет» [Там же, с. 203].

При этом способом идентификации русской культуры для Николаса Фандорина также становятся цитаты из произведений русской литературы, однако в его случае цитируются не классики, а поэты и барды XX века: Арсений Тарковский, Булат Окуджава [Там же, с. 7, 76]. При этом он испытывает те же проблемы, что и фон Теофельс: при старательном освоении русского языка ему не хватает апперцепционной базы, из-за чего он, например, не идентифицирует цитаты из «Золотого теленка» И. Ильфа и Е. Петрова: «Вы что, подпольщик? Как гражданин Корейко? – Как кто? – моргнул Фандорин, которому в его британском детстве папа сэра Александера не позволял читать советскую беллетристику» [2, с. 89].

Фактически семейная ситуация Николаса Фандорина похожа на ситуацию Йозефа фон Теофельса: строгий отец регулировал, что именно читает его сын. Эта неосведомленность приводит к коммуникативным неудачам и даже ставит под угрозу жизнь Фандорина: так, в романе «Алтын-толобас» ему практически до самого конца произведения не удается понять, что Седой – это кличка человека по фамилии Соловьев, так как в его сознании эти две фамилии не связаны.

Николас Фандорин активно интегрируется в российское общество, быстро осваивает прецедентные феномены и легко разбирается в новых жаргонизмах: «Только теперь до Николаса дошла причина девичьей заинтересованности в его персоне. Слово “ботинок” (производное от “батя”) на живом великорусском означало “отец”» [Там же, с. 34]. Его речь не вызывает отторжения у носителей русского языка, однако он разговаривает, используя главным образом полные предложения и полностью эксплицитно проговаривая их грамматическую структуру, что характерно скорее для английского языка, чем для русского.

Заключение

Проведенное исследование позволяет прийти к следующим *выводам*. В романах и повестях современного писателя Бориса Акунина, посвященных Эрасту Фандорину и его родственникам, выведены персонажи, которые, будучи иностранцами, практически идеально выучили русский. Эти персонажи – помощник и друг Эраста Петровича Фандорина Маса, дальний родственник Фандорина Йозеф фон Теофельс и внук Эраста Петровича Николас Фандорин – воплощают собой три архетипа «иностранца в России», и стратегия изображения их речи в текстах произведений различается.

Прежде всего, Маса – японец, фон Теофельс – немец, Николас Фандорин – англичанин (этнически – русский), и они воплощают соответственно архетипы дружественного Востока, враждебного Запада и эмигранта, возвращающегося с Запада на Восток. Эти три типажа соответствуют не только их жизненной истории (Маса прибывает в Россию вместе с Фандориным, постепенно интегрируется в русское общество и дружелюбно взаимодействует с его представителями, фон Теофельс – шпион, маскирующийся под русского человека, а Фандорин – эмигрант, до 40 лет проживший в Великобритании и затем принявший решение вернуться на историческую Родину), но и авторской стратегии формирования их речевого портрета.

Все три персонажа говорят на хорошем русском языке (Маса – в конце цикла «Новый детектив», фон Теофельс и Николас Фандорин – с самого начала), и при этом можно выделить характерные черты, объединяющие персонажей «попарно». Так, Масу и фон Теофельса роднит владение русским синтаксисом: оба они употребляют такие структуры предложений, которые, как правило, вызывают трудности у иностранцев: неполные предложения, односоставные предложения, превосходно владеют эллипсисом и парцелляцией. При этом оба они – иностранцы, воины, люди, с детства прошедшие усиленную физическую и психологическую подготовку, тренировавшие свою силу воли и различные навыки. Освоение языка вероятного противника (для фон Теофельса) и родного языка своего господина, перед которым он находится в неоплатном долгу (для Масы), было выполнено с тем же напряжением воли и сил, что и привело этих персонажей к результату в виде хорошо освоенного иностранного языка. Николас Фандорин описывается как рассеянный, слабобольной человек, что отражается и на освоении им языка: при живом интересе к сленгизмам он не перестраивает структуру используемых предложений, продолжая «думать на английском».

Существует и черта, роднящая представителей рода Фандориных и отличающая их от Масы, – фон Теофельс и Николас цитируют русскую литературу, которая становится для них своеобразной «точкой проверки», способом оценки обстоятельств. Маса же цитирует различные японские сказания и произведения на протяжении всего «фандоринского» корпуса. Тем самым Акунин проводит диверсификацию: рациональное, «головное» изучение иностранного языка в западной традиции (включающее домашнее чтение) радикально отличается от иррационального, «сердечного» освоения иностранного языка японцем Масой, который учит русский язык, встречаясь с различными русскими девушками.

Таким образом, Акунин в своем «фандоринском» корпусе обращается к нетипично решаемому образу «русского иностранца». Декларируя ориентацию на ценности и стилистику XIX столетия, он выводит в своих

произведениях типаж, который в классической русской литературе как раз отсутствовал, – иностранца, хорошо говорящего на русском языке. Три варианта решения этого образа показывают три возможных пути взаимодействия Запада и Востока с Россией. *Перспективой дальнейшего исследования* является изучение речевого портрета других персонажей, находящихся в маркированных ситуациях, как в творчестве Б. Акунина, так и в современной литературе в целом. Так, в современной литературе развит жанр фантастических произведений, связанных с «попаданием» персонажа в другую историческую эпоху, причем в большинстве случаев персонаж легко адаптируется в новой для себя языковой среде (ср. «Детская книга для мальчиков» Б. Акунина и «Детская книга для девочек» Б. Акунина в соавторстве с Глорией Му). Речь персонажа-«попаданца» также представляет собой интересный материал для дальнейшего лингвистического анализа.

Список источников

1. Акунин Б. Алтын-толобас. М.: АСТ, 2014. 384 с.
2. Акунин Б. Внеклассное чтение. М.: АСТ, 2015. 576 с.
3. Акунин Б. Любовник смерти. М.: Захаров, 2015. 304 с.
4. Акунин Б. Не прощаюсь. М.: Захаров, 2020. 416 с.
5. Акунин Б. Смерть Ахиллеса. М.: Захаров, 2016. 336 с.
6. Акунин Б. Смерть на брудершафт. Летающий слон. М.: АСТ, 2010. 256 с.
7. Акунин Б. Смерть на брудершафт. «Мария», Мария... М.: АСТ, 2011. 280 с.
8. Акунин Б. Смерть на брудершафт. Младенец и черт. М.: АСТ, 2009. 288 с.
9. Акунин Б. Смерть на брудершафт. Ничего святого. М.: АСТ, 2012. 284 с.
10. Акунин Б. Смерть на брудершафт. Странный человек. М.: АСТ, 2010. 280 с.
11. Акунин Б. Черный город. М.: Захаров, 2020. 368 с.
12. Башкова И. В. Изучение языковой личности в современной российской лингвистике. Красноярск: СФУ, 2011. 470 с.
13. Бобкова Н. Г. Функции постмодернистского дискурса в детективных романах Бориса Акунина о Фандорине и Пелагии: дисс. ... к. филол. н. М., 2010. 189 с.
14. Богин Г. И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: дисс. ... д. филол. н. Л., 1984. 388 с.
15. Казачкова А. В. Жанровая стратегия детективных романов Бориса Акунина 1990 – начала 2000-х годов: дисс. ... к. филол. н. Саранск, 2015. 203 с.
16. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 774 с.
17. Кихней Л. Г., Афанасьева О. В. Англо-американские жанровые подтексты в «Нефритовых четках» Б. Акунина // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2019. № 1 (60). С. 22-27.
18. Кихней Л. Г., Афанасьева О. В. Жанровая традиция и жанровые новации (на материале «фандоринского цикла» Б. Акунина) // Россия в мире: проблемы и перспективы развития международного сотрудничества в гуманитарной и социальной сфере: материалы VI Международной научно-практической конференции (г. Москва – г. Пенза, 25-26 марта 2019 г.). М. – Пенза: ПГТУ, 2019. С. 3-8.
19. Кихней Л. Г., Герейханова К. Ф. «У шкатулки второе дно...»: к интертекстуальным парадоксам Бориса Акунина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Литературоведение, журналистика». 2017. Т. 22. № 4. С. 608-613.
20. Кочеткова Т. В. Языковая личность носителя элитарной речевой культуры: автореф. дисс. ... д. филол. н. Саратов, 1999. 45 с.
21. Леорда С. В. Речевой портрет современного студента: автореф. дисс. ... к. филол. н. Саратов, 2006. 22 с.
22. Туова Р. Х. Феномен прецедентности в цикле романов Б. Акунина об Эрасте Фандорине: когнитивно-семантический и лингвокультурологический аспекты: дисс. ... к. филол. н. М., 2017. 174 с.
23. Фонвизин Д. И. Недоросль [Электронный ресурс]. URL: <https://ilibrary.ru/text/1098/index.html> (дата обращения: 19.11.2020).

Speech Portrait of Foreigner's Image in B. Akunin's "Fandorin" Corpus as Linguostylistic Constant of the Meta-Cycle

Borunov Artem Borisovich, PhD
Moscow City University
borunov.artem@yandex.ru

The purpose of the study is to reveal B. Akunin's strategy used in the "Fandorin" meta-cycle to create a speech portrait of a character-foreigner, who is able to integrate into the Russian society. Scientific novelty of the research lies in identifying typical devices employed in creating the image of the "Russian foreigners" through the lens of speech. As a result, the author identifies certain homology in linguostylistic means use in creation of the mentioned images, whose very presence in Akunin's novels is one of the cycle-forming constants of the "Fandorin" corpus. It is proved that the most frequently used (as a part of language play with the reader) means of identifying a "Russified" foreigner is quoting from works of the classic Russian literature.

Key words and phrases: Akunin; postmodernism; language play; speech portrait; imitation of the Russian speech.

<https://doi.org/10.30853/filmnauki.2020.12.66>

Дата поступления рукописи: 06.11.2020

Цель исследования – представить преемственность в произведениях В. М. Шукшина «Калина красная» и Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», особый интерес писателей к проблеме человека, соотношения его внутреннего и внешнего мира. **Научная новизна** заключается в том, что впервые психологический анализ характеров героев проводится сквозь призму преемственности двух произведений – «Калина красная» В. М. Шукшина и «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского. **В результате** исследования доказываем, что проблема человека схожим образом раскрывается в творчестве обоих авторов, рассматривается вместе с другими важными философскими проблемами.

Ключевые слова и фразы: проблема человека; В. М. Шукшин; Ф. М. Достоевский; «Калина красная»; «Преступление и наказание»; преемственность.

Гао Чжэньнань

Хэйлуцзянский университет, Китайская Народная Республика
gaorui910929@126.com

Проблема человека в творчестве В. М. Шукшина и Ф. М. Достоевского (на примере произведений «Калина красная» и «Преступление и наказание»)

В повести В. М. Шукшина «Калина красная» (1972) и в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» (1866) обнаруживается общий интерес писателей к проблеме человека, к пониманию его внешнего и внутреннего мира. В. М. Шукшин в произведении «Калина красная» напрямую соприкасается с нравственными идеалами русской классической литературы и особенно близко – с творчеством Ф. М. Достоевского. Оба писателя освещают проблемы человека и личности, стремятся неподдельно искренне и правдиво описать характеры героев, демонстрируют особую грань русского характера. Однако лишь глубинная связь между нравственно-философскими исканиями Шукшина и Достоевского, на наш взгляд, не может быть основой для сопоставления двух писателей, так как это присуще всей русской литературе. Нас интересует поиск конкретных источников и реминисценций. В этой связи **актуальность** нашего исследования определена необходимостью компаративного изучения сходства и различий произведений писателей в ракурсе преемственности двух произведений.

Задачи исследования состоят в том, чтобы выявить преемственность традиций русских классиков в творчестве В. М. Шукшина, проанализировать особый интерес к проблеме человека, соотношения его внутреннего и внешнего мира в творчестве В. М. Шукшина и Ф. М. Достоевского, определить сходства и отличия в творческой мысли и художественной форме произведений В. М. Шукшина и Ф. М. Достоевского.

При решении поставленных задач используются следующие **методы исследования**: сравнительно-типологический, герменевтический.

Теоретической базой исследования являются труды М. М. Бахтина, Т. Н. Василенко, О. Г. Левашовой, Ю. М. Павлова, Г. Фридлендера, в которых всесторонне и глубоко рассматриваются проблемы гуманизма, нравственности, художественной концепции личности в русской литературе, поднимаются вопросы о генезисе «странного» героя Ф. М. Достоевского и В. М. Шукшина. **Практическая значимость** исследования заключается в том, что его выводы и основные положения могут быть использованы при разработке общих и специальных курсов по русской литературе.

XX век оказался сложным и уникальным периодом для развития русской литературы. В это время, с одной стороны, происходит «разрыв» с литературным творчеством предыдущих периодов, появляется «безбрежное советское море» с новыми темами и проблемами, освещаемыми в литературе [7, с. 3]. С другой стороны, в этот период наблюдается появление деятелей литературы, «художников слова», обладающих собственным неповторимым стилем и характером, но во многом продолжающих тенденции русской классической литературы XIX столетия [Там же].

«Говорить правду, какой бы горькой она ни была...» – так звучит принцип, сформулированный в отношении собственного творчества В. М. Шукшиным [11, с. 140]. Актуальность данного принципа сохранялась для Василия Макаровича на протяжении всего его творческого пути. Стремление говорить только правду проявлялось в умении автора раскрывать образ своего героя без излишнего стремления его приукрасить. Более того, Шукшин никогда не пытался дать ему положительную либо отрицательную оценку. Образы, раскрытые в творчестве Василия Макаровича, всегда были отражением действительности. Автор не боялся представить читателю своих персонажей со всеми их недостатками. Как отмечает Н. Б. Кириллова, Шукшин, скорее, наоборот – «опускался в мрачноватые подвалы человеческой души» [4, с. 91].

Неподдельная искренность и правдивость в описании характеров и образов героев своих произведений удавались В. М. Шукшину благодаря еще одной его особенности – «умению не просто смотреть, но и видеть... Видеть справедливость и зло, людей жадных и широких, замкнутых и отзывчивых, холодных и пылких. Все это становилось предметом его писательского интереса» [Там же, с. 90]. В. М. Шукшин незримо

обращается к психологическому анализу характеров персонажей своих произведений, делает это с особым умением и интересом. Именно увлеченностью автора тщательным изучением особенностей мышления, характера, отношения к жизни людей и отличается творчество Шукшина. Это обусловило тот факт, что проблема личности с ее вечной и всегда актуальной драмой свободы и совести и становится «ядром», «центром притяжения» мысли писателя [9, с. 21]. Таким образом, именно проблема человека – это то, что интересовало автора в его произведениях, то, что он пытался открыть взору читателя.

Страсть писателя к психологическому анализу, изучению человека и его души позволила Шукшину как нельзя лучше понять логику «странных людей», которых он так подробно и точно описывает в своих рассказах. Именно неоднозначность человеческих характеров, их душа, мировоззрение и логика поступков – это то, что притягивало Василия Макаровича. Посредством раскрытия проблемы человека и его отношения с окружающим миром Шукшин демонстрирует читателю особую грань русского характера. В этом смысле творчество автора XX века оказалось близко творчеству русского классика XIX столетия – Фёдора Михайловича Достоевского [4, с. 91]. Шукшиноведение насыщает уже не один десяток солидных работ. О творчестве В. М. Шукшина в разное время писали Л. А. Аннинский, В. А. Апухтина, Г. А. Белая, В. Ф. Горн, В. М. Карпова, С. М. Козлова, В. И. Коробов, Н. Л. Лейдерман, В. К. Сигов и другие. Многие исследователи обращались и к изучению проблемы «Шукшин и русская классика». Связь творчества В. М. Шукшина с произведениями Ф. М. Достоевского находит свое отражение и подтверждение в работах многих литературоведов. Одним из первых сближение проблематики произведений Ф. М. Достоевского и В. М. Шукшина отметил В. И. Коробов. Он указал на «глубинную связь между нравственно-философскими исканиями Достоевского и Шукшина» [6, с. 287].

Произведение В. М. Шукшина «Калина красная» является ярким отражением преемственности традиций русских классиков. Недаром В. М. Шукшин в самом начале повести использует стихотворение С. А. Есенина «Мир таинственный, мир мой древний», которое отражает всю трагичность и эмоциональность произведения. В то же время мятежность, стремление главного героя Егора Прокудина к утраченному идеалу «покоя», согласию с самим собой и окружающим миром – все это является «незримой нитью», объединяющей характеры Раскольникова из «Преступления и наказания» Достоевского и Егора Прокудина из «Калины красной» [8, с. 287].

Герои произведений В. М. Шукшина и Ф. М. Достоевского порой кажутся чрезмерно странными, алогичными. Так, например, в «Преступлении и наказании» Ф. М. Достоевского и следователь Порфирий Петрович, и друзья, и родные задаются одним и тем же вопросом: «Является ли Родион Раскольников сумасшедшим? А если речь все же идет о сумасшествии, то какое оно: настоящее или мнимое?». С одной стороны, Раскольников умён и полностью отдаёт отчет своим действиям. Но, с другой стороны, способен ли совершить убийство человек уравновешенный? Раскольников намеренно ведет себя чрезмерно нелогично и вызывающе в ходе следствия. В те самые моменты, когда Родион Раскольников вынужден вспоминать самые ужасающие эпизоды совершенного им преступления, он вдруг демонстрирует совершенно противоположную реакцию: «...а ему вдруг захотелось закричать им, ругаться с ними, высунуть им язык, дразнить их, смеяться, хохотать, хохотать, хохотать!» [5, с. 43]. Вместе с тем очевидна подчеркнутая алогичность и в поведении главного героя «Калины красной» В. М. Шукшина – Егора Прокудина. Созданный автором образ сложен и неоднозначен. Кажется, что невозможно связать воедино логической цепью все его поступки, высказывания, реакции, зачастую будто бы не соответствующие разворачивающимся событиям в окружающем его мире. Все внешние проявления Прокудина кажутся читателю странными и неуместными. Однако, по мнению В. М. Шукшина, именно в сложности соотношения человека «внутреннего» и «внешнего», его душевных переживаний и реалий окружающего мира и кроется его истинный характер. Через это сопоставление и дается возможность рассмотреть человека во всех его проявлениях [2, с. 19].

Особый интерес к проблеме человека, соотношения его внутреннего и внешнего мира в творчестве как В. М. Шукшина, так и Ф. М. Достоевского проявляется во многих аспектах. В первую очередь, это сходство просматривается в выборе персонажей: герои произведений Ф. М. Достоевского и В. М. Шукшина – «заблудшие души», но без эпизодов их быстротечного нравственного очищения. При этом авторы демонстрируют присущее им желание во что бы то ни стало понять мотивы, движущие этими «заблудшими душами», что наталкивает читателя на мысль о стремлении к всепрощению человека посредством анализа его характера и поступков. Кроме того, интерес к пониманию человека проявляется и в выборе ситуаций, конфликтных моментов, которые, в свою очередь, позволяют героям как нельзя лучше проявить себя [3, с. 151].

Однако вне зависимости от ситуаций и обстоятельств, в которых оказываются герои Шукшина и Достоевского, неизменным остается одно: авторы стремятся представить читателям своих героев максимально объективно, предоставляя им возможность почувствовать себя участником событий, происходящих будто бы «здесь и сейчас», отказаться от стандартных норм и суждений, навязываемых обществом и эпохой. Шукшин, как и Достоевский, стремится к рассмотрению человека «вне временных рамок и событий». Главная ценность обоих писателей – это сам человек, его поиски и внутренние искания. С присущим им гуманизмом и Шукшин, и Достоевский в своем творчестве стремятся к соблюдению двух принципов. Первый из них – стремление зайти как можно дальше в анализе внутреннего мира человека, отказаться от поверхностных суждений и не взирая на внешнюю «нелогичность» поведения героев. Второй принцип состоит в уважении свободы другого человека [Там же, с. 152]. Так, например, общей темой в творчестве В. М. Шукшина и Ф. М. Достоевского является тема преступления и правосудия. «Калина красная» В. М. Шукшина – это трагедия вины и расплаты за совершенное. Главный герой «Калины красной» Егор Прокудин является

преступником. Он совершил преступление и понёс за него должное наказание. Однако, несмотря на то, что, казалось бы, образ героя тем самым должен обретать негативный окрас в глазах читателя, Шукшин не стремится давать негативных оценок поведению Прокудина. Не пытается автор и защищать Егора Прокудина, оправдывать его преступление. Аналогичный подход писателя можно наблюдать и в «Преступлении и наказании» Достоевского: автор отказывается от «сделок с совестью и чувствами» [Там же]. Фёдор Михайлович предоставляет читателю право самостоятельно осмыслить модель поведения Раскольникова, проследить нелегкий путь его «заблудшей души».

Примечательно, что и Ф. М. Достоевский, и В. М. Шукшин освещают в своем творчестве не просто проблему человека, а проблему человека с трудным жизненным путем. Егор Прокудин из произведения В. М. Шукшина – это преступник-рецидивист с нелегкой судьбой, недавно вышедший из тюрьмы. В этих обстоятельствах, казалось бы, жизненные силы героя находятся на пределе, человек обречен быть несчастным. Однако Егор Прокудин полон желания начать новую жизнь, несмотря ни на что. В этом Прокудин похож на Родиона Раскольникова – студента, отчисленного из университета, живущего в полной нищете, однако имеющего желание начать жизнь заново. В обоих случаях от светлого будущего героев отделит одно – преступление. Герой «Калины красной» В. М. Шукшина убит бандитами. Вместе с тем судьба Егора Прокудина и все то, что за ней стояло, выходит за пределы, казалось бы, мелодраматической истории, становясь метафорой гибели человеческой души, разрушения ее нравственных основ [4, с. 93]. Убийством обрывается и надежда Родиона Раскольникова на новую жизнь. Герой осознает, что деньги, к получению которых он так стремится, не принесли ему ожидаемого счастья. Наоборот, Раскольников замыкается в себе, мучаемый изнутри тем, что сам же и совершил. По аналогии с историей судьбы Егора Прокудина, вместе со смертью старухи-процентщицы умирает и надежда Родиона Раскольникова на новую счастливую жизнь. Таким образом, проблема человека и его судьбы раскрывается в качестве трагикомичной притчи о человеке, сбившемся с верного жизненного пути. Стремление В. М. Шукшина обострять разговор о человеке до предела, «как можно активнее, безжалостнее... доводить... до предела... смелее постигать глубину жизни, не бояться, например, ее мрачноватых подвалов; тогда это будет – борьба за человека», в этом смысле схоже с творческими взглядами и исканиями Ф. М. Достоевского [12, с. 85].

Присущее обоим писателям умение обострять, «ходить по краю» как нельзя лучше иллюстрирует схожесть авторов в рассмотрении проблемы человека в своих произведениях. Егор Прокудин из шукшинской «Калины красной» – это человек, который «не хочет маленьких норм», а главная особенность его характера – это нежелание идти на компромисс с окружающим миром, а порой и с самим собой [Там же, с. 186]. Так и Родион Раскольников («Преступление и наказание») стремится сломать существующие в обществе взгляды и устои, разделяя людей на «тварей дрожащих» и считая себя человеком, «право имеющим». Г. Фридендер в своем труде «Достоевский и мировая литература» отмечает, что «в романах и повестях Достоевского нет ни одного вполне пассивного и обезличенного человека, в котором так или иначе – пусть в изломанном и исковерканном виде – не проявилось бы “выламывающееся” из традиционных сословных форм поведения и мышления личное начало» [10, с. 15].

Несмотря на существование отличия в творческой мысли и художественной форме произведений В. М. Шукшина и Ф. М. Достоевского, обусловленного различием исторических эпох и индивидуальными особенностями личностей писателей, авторы схожим образом раскрывают проблему человека в своих произведениях. По мнению М. М. Бахтина, это связано с существованием понятия «большого времени» [Цит. по: 6, с. 213]. Как полагает М. М. Бахтин, «в большом времени ничто не пропадает бесследно, все возрождается к новой жизни. С наступлением новой эпохи все то, что случилось прежде, все, что породило человечество, – итжится и наполняется новым смыслом» [1, с. 8].

Таким образом, В. М. Шукшин и Ф. М. Достоевский не являются авторами, разделенными эпохами и лишены возможности понимать человека, его переживания и нелегкую судьбу. Шукшин и Достоевский – писатели «большого времени», чье творчество существует вне временных рамок, поражая своей точностью и актуальностью рассматриваемых проблем для любого периода существования общества. Проблема человека – это изучение и понимание его сущности, взаимосвязи человека и общества. «Калина красная» В. М. Шукшина – это, с одной стороны, трагедия судьбы маргинального человека, рассмотрение его сущности, души. С другой же стороны, «Калина красная» – это отражение процессов, происходящих в обществе, менталитета всего русского народа конца XX века. Самоутверждение человека в обществе, его взаимодействие с окружающим миром – это то, что, по мнению В. М. Шукшина и Ф. М. Достоевского, помогает решить проблему «вещного бытия» [2, с. 23]. Достоевского, например, чрезвычайно интересовал механизм воздействия современного ему общества на личность, в результате которого возникали уродливые формы утверждения человека [Там же]. Умение раскрыть тенденции развития всего общества, «поднять на поверхность» актуальные проблемы в глобальных масштабах посредством рассмотрения проблемы человека – это то, что умело делали и В. М. Шукшин, и Ф. М. Достоевский в своих произведениях.

Самобытное творчество Василия Шукшина – это неутомимое желание познать человека, ориентированное на «борьбу за человека», «открытие человека в человеке» [Там же, с. 18]. По своему гуманистическому духу оно близко и творчеству Фёдора Михайловича Достоевского. Василий Шукшин убежден, что «добро в человеке никогда не погибает до конца... никогда не наступает пора, когда надо остановить борьбу за человека – всегда что-то еще можно – и, значит, нужно! – сделать» [12, с. 324].

Искусство освещения проблемы человека таким образом, чтобы читатель вновь и вновь открывал для себя новые грани характера героя, присуще и творчеству Федора Достоевского. Так, Родион Раскольников –

человек, совершивший преступление, не только «обретает Бога», но и помогает семье Мармеладова, тем самым будто бы вновь открывая самого себя – прежде незнакомого и неизведанного Человека.

Таким образом, проблема человека в творчестве Василия Шукшина и Фёдора Достоевского выявляется посредством целого комплекса других важных философских проблем. Для авторов проблема человека не ограничивается лишь рассмотрением человеческого внутреннего мира и душевных переживаний. Проблема человека, представленная через характеры героев «Калины красной» и «Преступления и наказания», – это соотношение между собой идей личности и идей добра; рассмотрение человека как самостоятельной единицы, личности, но в то же время и как части общества, влияющего на становление этой личности. Проблема человека для них – это проблема добра и зла, трагедии и расплаты, совести и всепрощения [2, с. 29].

Художественно раскрывая проблему человека в своем творчестве, и в частности в произведении «Калина красная», Василий Шукшин тесно соприкоснулся с гуманистическими исканиями русской классической литературы и особенно близко – с творчеством Ф. М. Достоевского. Несмотря на различия эпох, Егор Прокудин и Родион Раскольников – это герои, отражающие проблемы человека и личности, сохраняющие свою актуальность по прошествии веков [Там же].

Выводы. Исследование показало, что произведение В. М. Шукшина «Калина красная» является ярким отражением преемственности традиций русских классиков, а именно Ф. М. Достоевского, в творчестве автора. Ф. М. Достоевский и В. М. Шукшин схожим образом раскрывают проблему человека в своих произведениях. Страсть к психологическому анализу, изучению человека и его души – это то, что притягивало В. М. Шукшина и Ф. М. Достоевского.

Оба писателя с неподдельной искренностью и правдивостью изображают характеры и образы героев, выбирают схожие темы, умеют обострять разговор о человеке до предела, при этом предоставляя читателю право самостоятельно осмыслить модель поведения героев, проследить их нелегкий путь. Посредством рассмотрения проблемы человека оба писателя раскрывают тенденции развития всего общества, показывают механизм его воздействия на становление личности.

Перспективы дальнейшего исследования заключаются в более подробном изучении шукшинского героя в контексте русской классики, прежде всего наследия Ф. М. Достоевского.

Список источников

1. Бахтин М. М. В большом времени // Бахтинология. Исследования, переводы, публикации / сост., ред. К. Г. Исупов. СПб.: Алетейя, 1995. С. 7-9.
2. Быстров В. Н. В. Шукшин и Ф. Достоевский: к проблеме гуманизма // Русская литература. 1984. № 4. С. 18-33.
3. Василенко Т. Н. Резюме статьи К. Алавердян «Мораль – это правда (Шукшин и Достоевский)» // Филолого-коммуникативные исследования: ежегодник – 2014. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014. С. 151-154.
4. Кириллова Н. Б. Нравственность есть правда. Философия творчества Василия Макаровича Шукшина // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 10 (48). С. 90-98.
5. Левашова О. Г. К вопросу о генезисе «странного» героя Ф. М. Достоевского и В. М. Шукшина // Культура и текст. 2001. № 6. С. 41-52.
6. Левашова О. Г. Шукшинский герой и традиции русской литературы XIX в. (Ф. М. Достоевский и Л. Н. Толстой). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 315 с.
7. Павлов Ю. М. Художественная концепция личности в русской и русскоязычной литературе XX века: дисс. ... д. филол. н. Армавир, 2004. 374 с.
8. Соколова Л. В. Духовно-нравственные искания писателей-традиционалистов второй половины XX века (В. Шукшин, В. Распутин, В. Белов, В. Астафьев). СПб.: Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом) РАН, 2005. 381 с.
9. Спиридонова И. А. Степан Разин Василия Шукшина // Русская литература. 1990. № 4. С. 18-30.
10. Фридендер Г. Достоевский и мировая литература. М.: Художественная литература, 1979. 456 с.
11. Шукшин В. М. Киноповести. М.: Искусство, 1975. 272 с.
12. Шукшин В. М. Нравственность есть Правда. М.: Изд-во Алт. ун-та, 1979. 360 с.

Anthropological Problematic in V. M. Shukshin's and F. M. Dostoevsky's Creative Work (by the Example of "The Red Snowball Tree" and "Crime and Punishment")

Gao Zhennan

Heilongjiang University, the People's Republic of China
gaorui910929@126.com

The research objectives are as follows: to reveal literary links between "The Red Snowball Tree" by V. M. Shukshin and "Crime and Punishment" by F. M. Dostoevsky, to discuss the writers' interest in the anthropological problem, correlation of a man's inner and outer worlds. Scientific originality of the study lies in the fact that the personages' images are for the first time analysed through the lens of the literary tradition continuity in two literary works – "The Red Snowball Tree" by V. M. Shukshin and "Crime and Punishment" by F. M. Dostoevsky. The research findings are as follows: the author proves that the anthropological problem, considered in broad philosophical context, is represented in a similar way in the writers' creative work.

Key words and phrases: anthropological problem; V. M. Shukshin; F. M. Dostoevsky; "The Red Snowball Tree"; "Crime and Punishment"; continuity.

<https://doi.org/10.30853/filmnauki.2020.12.67>

Дата поступления рукописи: 14.11.2020

Цель исследования – определить форму и характер взаимодействия визуального и вербального в повествовательной структуре романа Д. Глуховского «Текст». Автор исследует, каким образом визуальное катализирует развитие сюжета, маркирует самые значимые его точки. **Научная новизна** исследования заключается в том, что в его рамках впервые предпринято рассмотрение романа «Текст» с точки зрения медиаконвергенции, «контакта» литературного текста с иномедиаальными визуальными кодами. **В результате** доказано, что посредством взаимодействия визуального и вербального формируется и разворачивается значимый для идейной сферы произведения сюжет о превращении, а также моделируется герой, наделенный чувствительностью нового типа, – не столько осмысливающий окружающий мир, сколько его видящий, своеобразный *media sapiens*.

Ключевые слова и фразы: Д. Глуховский; роман «Текст»; визуальное; вербальное; повествование; медиаконвергенция.

Гримова Ольга Александровна, к. филол. н.
Кубанский государственный университет, г. Краснодар
astra_vesperia@mail.ru

Визуальное vs вербальное в повествовательной структуре романа Д. Глуховского «Текст»

Введение

Соотношение визуального и вербального в структуре художественного текста часто становилось объектом гуманитарных исследований. Первыми в этом ряду необходимо назвать работы, посвященные изучению форм визуальности в творчестве отдельных авторов (М. М. Бахтин о визуальном у Гете [3], Ц. Тодоров – у немецких романтиков [9], В. А. Подорога – у Ф. Кафки [8]). Не менее значимы для нас труды, представляющие осмысление названной проблемы с точки зрения эстетики (М. Б. Ямпольский [10]), а также соотносящие визуальное в литературе и других видах искусств (И. А. Мартынова [6], В. А. Колотаев [5], В. В. Абашев, М. П. Абашева [1]). Все эти исследования послужили **теоретической базой** данной работы.

Ее **актуальность** обуславливается следующими факторами. Во-первых, в современном романе, художественное пространство которого все чаще становится «территорией» диалога между элитарной и массовой культурами, происходит обращение к визуальному коду в целом и к иномедиаальной визуальности в частности. Во-вторых, современными учеными-гуманитариями достаточно подробно осуществлено изучение визуальности как фактора, влияющего на образный мир литературного текста. Сумма этих знаний актуализирует вопрос об углублении проблематики подобных исследований, создает достаточную базу для осуществления анализа способов и характера взаимодействия иномедиаальной визуальности с глубинными уровнями произведения, в частности, позволяет рассмотреть, как она определяет его повествовательную структуру и транслируемые с ее помощью смыслы. Данное углубление проблематики стало возможным в настоящей работе благодаря совмещению двух **методов исследования** – семиозстетического и нарратологического.

Для достижения цели исследования необходимо решить ряд **задач**: во-первых, установить закономерности функционирования визуального кода в повествовательной структуре романа «Текст»; во-вторых, проанализировать, как семантизируется визуальный ряд в романе и какими мотивными комплексами атрибутируется; в-третьих, изучить, как связано визуальное с нарративным уровнем рассматриваемого романа.

Практическая значимость исследования состоит в том, что выводы, к которым помогает прийти принятый анализ, позволяют осмыслить значимые трансформации, происходящие в сфере нарративных стратегий современного романа, а также новую личностную онтологию, репрезентированную персонажами актуального текста. Материалы исследования могут быть использованы в вузах гуманитарного направления при изучении курсов по истории русской литературы конца XX – начала XXI в., а также спецсеминаров, посвященных изучению современного романа. Полученные данные могут найти применение в процессе учебно-методической деятельности при создании учебников и учебных пособий по названным темам.

Необходимо отметить, что визуальный код часто становится ключевым для понимания нарративной логики современного текста. Вероятно, это объясняется все возрастающей степенью контакта культуры массовой (визуальной по преимуществу) и культуры элитарной. Наиболее характерный пример такого взаимодействия – роман А. Немзера «Раунд» [7], имитирующий стилистику рэп-баттла и имеющий подзаголовок «Оптический роман». Названия глав данного текста – термины из сферы физики, каждый из которых так или иначе коррелирует с процессами оптических искажений. Таким же «расфокусированным» оказывается «зрительный аппарат» читателя, которому необходимо соотнести друг с другом две рассказанные в вербальной технике истории, чтобы увидеть «отчетливую картинку», открывающую доступ к авторскому замыслу.

Ориентируясь на иномедиаальную (фильм, сериал, клип и т.д.) визуальность, современные художественные тексты часто становятся пространством осуществления медиаконвергенции [1, с. 103], и роман Д. Глуховского «Текст» не является исключением. Как отмечает Е. В. Барина, «на сегодняшний день в филологии

появляется все больше исследований, носящих интермедиаальный характер. Интерес вызывает своеобразное цитирование в литературе текстов, принадлежащих другим семиотическим рядам, языков других искусств: живописи, музыки, театра и кино» [2, с. 81]. Выросший из заявки на написание сценария, успешно экранизированный и пронизанный киноаллюзиями, роман становится пространством, в котором визуальное определяет структуру повествования. Рассмотрим, как это происходит.

Функционирование визуального кода в романе «Текст»

Значимость визуального кода в романе, как и «Раунде» А. Немзер, очень велика. Здесь постоянно что-то не функционирует естественным для изображаемого объекта образом, а именно *демонстрируется* повествователем читателю: «...в витринах были выставлены сытые граждане, лениво шевелящие в тарелках еду и неслышно чокающиеся темным вином» [4, с. 223]. Доминантной является визуальность и для протагониста – филолога по принуждению и художника по призванию, – чья точка зрения и разветвленная система внутренних монологов и диалогов организует повествование. Почти любую поверхность Ильи Горенов воспринимает как медиаканал, провоцирующий воспринимающего занять позицию зрителя: «Окно показывало смазанные ели, белый шум ноябрьской пурги; телеграфные столбы мельтешили, как поползшие рамки кадра в черно-белом кино» [Там же, с. 5]. «Окна сливались в один экран, в котором шел клип средней русской жизни» [Там же, с. 49]. Как экран, на котором показывают прошлое, воспринимается героем стена тюремной камеры [Там же, с. 78].

Самые значимые когнитивные процессы, протекающие в сознании героя, также представлены посредством визуального кода. Так, важнейшие воспоминания детства и юности возникают в сознании именно как череда фотоснимков. В похожей «раскадровке» предстает рефлексирующему сознанию Ильи совершенное убийство: «Вчера было разложено перед ним полароидными снимками – расплывчатыми, сбитыми» [Там же, с. 59]. Герой окончательно убеждается в реальности совершенного, лишь получая визуальное подтверждение, находя запекшуюся кровь под ногтями. Фактором, подтолкнувшим героя к влюбленности в Нину, являются именно ее фотографии, найденные в телефоне убитого, а отнюдь не знакомство с «реальной» девушкой. И наконец, ощущение невозможности контакта с высшими силами, постоянно испытываемое героем, визуализируется как невозможность увидеть во сне пароль для входа на сайт Бога, куда Илья попадает, используя QR-код с Нининой татуировки.

Семантизация визуального ряда в романе «Текст»

Необходимо отметить, что в романе «Текст» семантика визуальных образов поляризована относительно двух смысловых доминант. Первая может быть условно определена как «декорация», призванная создавать некую иллюзорную реальность, «шоу». Как масштабная декорация, подготавливаемая кем-то для разворачивания действий, в которые суждено быть втянутым герою, представлена в романе Москва. Так, накануне злополучного похода в клуб и ареста «локацию» тщательно готовят: «...когда кончат облучать, дадут продох, разбавят воздух, закатят солнце – становится Москва лучшим городом планеты. В тот вечер в Москву нагнали облаков: сделали прохладней» [Там же, с. 32]. Сам арест изначально воспринимается героем как часть шоу-программы клуба – люди в масках и бронжилетах гротескны, но не менее, чем то, что уже было показано: «...были уже пляшущие карлики с пристяжными фаллосами, была олимпийская гордость страны в лягушатнике, был боди-арт на толстухах – почему б теперь и не маскарад?» [Там же, с. 35]. Всегда фальшив в романе телевизионный дискурс. Герой, как правило, отключает звук, и при «рассоединении» вербального и визуального рядов лживость последнего становится особенно наглядной: «Телевизор работал без звука. Внутри разевала рот ведущая новостей. Было похоже на огромную рыбину в аквариуме со спущенной водой. Рыба торопилась рассказать, как хорошо живет без кислорода» [Там же, с. 46].

Неслучайно чрезвычайно значимый для романа мотив невозможности коммуникации также оказывается связан с ТВ-дискурсом. Когда протагонист перед смертью пытается попросить прощения у матери и отца убитого им Пети Хазина, которых видит на экране телевизора, это действие сопровождается «ремаркой» повествователя: «...телевизор в ту сторону не работал» [Там же, с. 317].

Таким образом, визуальность и каналы ее трансляции выступают в романе как способы выражения чрезвычайно важного для героя современной литературы ощущения реальности как «ненастоящей», «фальшака» [Там же, с. 53]. В рамках этого деформированного восприятия действительности по-настоящему «реальным» оказывается лишь совершенное героем убийство.

Иная семантическая доминанта, связанная с визуальным, – раскрытие сути, и в данном контексте особенно важны образы зеркала / зеркальных отражений. Не случайно смартфон, явившийся для протагониста изначально источником визуальной информации о жизни его обидчика, представлен в романе как «тонкое серое зеркало» [Там же, с. 44] – пресловутым «зеркалом души» оказываются уже не глаза, а гаджет.

Для понимания смысла романа очень важен такой мотив: герой часто видит себя в зеркале – как в реальном, так и в приснившемся – и постоянно не узнает себя. Он либо видит вместо себя другого, либо его отражение не совпадает с тем «внутренним собой», каким протагонист себя ощущает. Развитие этого мотива «овнешняет» переживаемое героем Глуховского духовное становление, динамика и суть которого во многом определяют созданный писателем романский мир. Итак, как же визуальное обуславливает повествовательную структуру «Текста»?

Визуальное как катализатор повествовательной динамики романа

Ключ к основному для романа сюжету духовного перерождения протагониста вводится упоминанием об иллюстрации к кафкианскому «Превращению», которую Илья рисовал накануне злосчастного похода в клуб и ареста. На рисунке полунасекомое-получеловек, работа оказывается незаконченной, и сам роман можно рассматривать как попытку закончить рисунок. Убийство врага устраняет неопределенность – герой, как и в оригинальном рассказе, становится насекомым: «Посмотрел в зеркало. Там в синей студенческой курточке сидело неизвестное насекомое, шевелило жвалами» [Там же, с. 58]. Вынужденно вникая в жизнь Петра Хазина, Илья начинает понимать его, перестает ненавидеть, а затем приходит к осознанию своей виновности, то есть вновь становится человеком. Однако на этом «превращение» не завершается. Имея возможность спасти собственную жизнь ценой жизни Нины, он делает выбор в пользу последней, обрекая себя на смерть. В этой точке можно говорить об активизации христологического сюжета (принесение себя в жертву ради другого) и, следовательно, обретении героем сверхчеловеческого статуса.

В финальной главе романа происходит возвращение к сюжету о незаконченной иллюстрации. В последние минуты перед смертью Илья возвращается к работе: «Поискал карандаш, сел дорисовывать. Придумалось как» [Там же, с. 318]. Здесь важна именно идея завершенности превращения. Переживание трагедии отнимает у обычного человека шанс остаться обычным – он может либо спуститься до предельно нижней точки по «подвижной лестнице Ламарка» и стать «недочеловеком», либо подняться до максимально верхней и стать сверхчеловеком, святым. По сути, это и происходит в финале романа: «Телевизор продолжал работать, когда Илью, истыканного гранатными осколками, выносили из квартиры, завернув в простынь. Было немного похоже на святого Себастьяна» [Там же, с. 318-319]. Основной сюжет «Текста», таким образом, представляет собой движение от низшей к высшей точке личностной онтологии.

Развитие внешнесобытийного сюжета также тесно связано с визуальным рядом. Авантюрная интрига, обеспечивающая «поверхностную» занимательность текста, основана на том, что герою, завладевшему телефоном убитого им сотрудника госнаркоконтроля, приходится постоянно догадываться, кем приходится бывшему хозяину гаджета звонящий и как правильно выстроить с ним коммуникацию, чтобы не выдать себя. Проходя этот «квест», Илья просматривает массу видео- и фотофайлов, огромный массив диалогов в мессенджерах. В нужный момент герой активизирует эту информацию в своем сознании, как бы «прокручивает ленту» ментально, и это, как правило, приводит к очередному сюжетному повороту. Так, вспомнив об одном из присланных Ниной эмодзи, который сначала не рассмотрел внимательно, Илья возвращается к сообщению, находит разгадку странного поведения героини (она беременна), успеваает вовремя вмешаться и предотвратить аборт.

Если вернуться к главному для романа сюжету о «превращении», необходимо отметить, что самые значимые экзистенциальные состояния, переживаемые героем, «отмечены» устойчивыми визуальными маркерами. Как правило, эти образы возникают в конкретных эпизодах и уже затем, будучи эмансипированы от них повествовательской волей, наделяются символической природой и устойчивой функцией – обозначать определенный онтологический статус, обретаемый протагонистом на той или иной стадии переживаемой им трансформации. Очень важными для романа оказываются образы, визуализирующие движение вниз, падение, безвыходность.

Прежде всего в этом ряду стоит назвать образ котлована. Провалившись в него когда-то в детстве, Илья впервые ощутил, что смертен. Когда герой, чтобы не дать в обиду Нину, отменяет сделку, которая могла бы спасти ему жизнь, и фактически начинает двигаться навстречу скорой смерти, страшный образ-ситуация возникает в сознании протагониста не только как предельно визуализированный, но и физиологически осязаемый: «Стены котлована казались отлогими, и я карабкался вверх, чтобы меня не затянуло в воронку. Но песок проходит сквозь мои пальцы, стена оползает вниз, и меня тащит в чью-то пасть, которая вместо дна, хотя я ползу к небу» [Там же, с. 314].

Сходной природой и функциями наделены образы спуска в колодезь либо под землю (в метро), движение по кругу, возвращение в депо.

Одна из самых важных сюжетных перипетий, в рамках которой совершается переход от безнадежности, тупиковости положения героя к появлению перспективы, также маркирована визуалью. Сюжетная – жизненная (для героя) – перспектива входит в роман в своем прямом значении, как перспектива пространственная: «...из-за крыш выплыли золотые шары храма Христа Спасителя, стали подниматься в вышину. Открылось сразу много направлений: только направо две улицы уходили, а еще вниз к реке вело, и налево к музею – широкая просека» [Там же, с. 196]. Герой начинает перемещаться по городу, как бы повинуюсь открывшимся пространственным возможностям, и его снова «примагничивает» яркая визуальность – витрина турагентства: «Бали, Тайланд, Шри-Ланка: яркие листки приклеены к стеклу. В них пальмы, белые отели, море голубым фломастером» [Там же, с. 200-201]. Затем в сознании героя возникает план бегства в Колумбию и, как следствие, план финансовой аферы, который он потом практически успешно реализует.

Яркая визуальная репрезентация экзотической спациальности очень характерна для рассматриваемого романа. В смартфоне Хазина Илья находит «фотоотчеты» о путешествиях в Тайланд и Турцию, друг Серега рассказывает о Шри-Ланке, менеджер турагентства – о целом ряде аналогичных мест. Во сне Илья видит, как пересекает Америку на «Мустанге», Колумбия же ставится лейтмотивным образом текста задолго до эпизода визита героя в «Розу миров».

На первый взгляд кажется, что этот полюс образности со значимой визуальной доминантой введен в роман как однозначно противопоставленный образам тупика и пространственного низа, метафоризирующим духовное «дно». Однако та образность, которая по своему изначальному семантическому «коду» должны

быть «позитивной», на самом деле амбивалентна. В описаниях экзотических пространств постоянно сквозит мысль об их иллюзорности: «...когда домой прилетаешь в Шарик, выходишь распаренный и веселый, а тут под ногами реагент плещется, в лицо то ли снег, то ли дождь, кожу сразу щипать начинает, ну и родной так характерно попахивает... И ты такой: блин блинский, может, мне вся эта Ланка приснилась вообще?» [Там же, с. 43]. Колумбия входит в роман не только как живописная страна, но и топос, прочно связанный с темой наркоторговли, а значит, смерти. Неслучайно, дозу кокаина, убившую Гошу, Илья называет «бандеролькой из Колумбии» [Там же, с. 240].

Возможность противопоставить «тупиковости» открытую перспективу, топос прекрасного и необычного аннулируется в романе потому, что с экзотической спациальностью герой связывает надежду «стать там кем-нибудь другим» [Там же, с. 204]. «Отменить» же онтологический статус невозможно в силу совершенного героем преступления: «Я мог сделать по-другому. Я мог бы сегодня заночевать в самолете, а завтра проснуться в Новом Свете. <...> А на самом деле я никуда не убежал бы, даже если бы улетел... я думал, что убивать не страшно, а оказывается, убивая других, убиваешь и себя: нерв, живой корень мертвишь в себе этим мышьяком, и существуешь дальше, как мертвый зуб» [Там же, с. 315]. Так соотношение визуального и вербального рядов в романе обретает этическое измерение.

Заключение

Таким образом, мы приходим к следующим **выводам**.

Значимость визуального кода и особенности его функционирования в рассматриваемом романе обусловлены тем, что в восприятии героя гарантом «легитимности» окружающего мира становится не столько его осмысленность, сколько увиденность, оптическая зафиксированность. Очевидно, этот процесс говорит о формировании не только в актуальной словесности, но и в современной реальности типа героя, наделенного новой чувствительностью и новой онтологией в целом, – своеобразного *media sapiens*.

Семантика визуального ряда в романе оказывается поляризованной относительно двух доминант – «иллюзорности» (с ней связан комплекс мотивов невозможности установления коммуникации) и «раскрытия сути» (эта доминанта атрибутируется мотивикой, связанной с зеркалом / зеркальным отражением, а также сном).

Визуальный ряд во многом определяет повествовательную структуру рассматриваемого произведения: стимулирует авантюрную интригу, а также сюжет о бегстве, является катализатором ключевого для романа сюжета о превращении «недочеловека» в «сверхчеловека».

Потенциал данной темы не исчерпывается проведенным анализом. В качестве *перспектив дальнейшего исследования* можно рассматривать изучение соотношения визуальной поэтики и онейропоэтики в романе Д. Глуховского, влияния визуального на развитие контрфактуального повествования «Текста», а также процессов медиаконвергенции на материале других современных романов.

Список источников

1. Абашев В. В., Абашева М. П. Литература в эпоху медиаконвергенции // Филологические науки. Серия «Литературоведение». 2018. № 2. С. 103-112.
2. Баринаева Е. В. От визуального к вербальному: творчество Сильвии Плат и кинематограф // Мировая литература в контексте культуры. 2018. № 7 (13). С. 81-86.
3. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
4. Глуховский Д. А. Текст: роман. М.: АСТ, 2020. 320 с.
5. Колотаев В. А. Под покровом взгляда. Офтальмологическая поэтика кино и литературы. М.: Аграф, 2003. 476 с.
6. Мартьянова И. А. Киновек русского текста: парадокс литературной кинематографичности. СПб.: САГА, 2002. 240 с.
7. Немзер А. А. Раунд: оптический роман. М.: АСТ, 2018. 320 с.
8. Подорога В. А. Выражение и смысл. Ландшафтные миры философии: Киркегор, Ницше, Хайдеггер, Пруст, Кафка. М.: Ad Marginem, 1995. 427 с.
9. Тодоров Цв. Введение в фантастическую литературу / пер. с фр. Б. Нарумова. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. 143 с.
10. Ямпольский М. Б. О близком (очерки немиметического зрения). М.: Новое литературное обозрение, 2001. 240 с.

The Visual vs the Verbal in Narrative Structure of D. Glukhovsky's Novel "Text"

Grimova Olga Alexandrovna, PhD
Kuban State University, Krasnodar
astra_vesperia@mail.ru

The study aims to determine the form and character of interaction between the visual and the verbal in narrative structure of the novel "Text" by D. Glukhovsky. The researcher examines how the visual acts as a catalyst for the plot development, marks its most significant points. Scientific novelty of the paper lies in the fact that within its framework, consideration of the novel "Text" is for the first time undertaken from the viewpoint of media convergence, "contact" of literary text with visual codes from other media. As a result, it is proved that the metamorphosis plot, significant for the conceptual sphere of the work, is formed and unfolded through interaction between the visual and the verbal, and the protagonist endowed with a new type of sensitivity is modelled, not so much comprehending the world around him as seeing it, a kind of *media sapiens*.

Key words and phrases: D. Glukhovsky; novel "Text"; the visual; the verbal; narrative; media convergence.

<https://doi.org/10.30853/filmnauki.2020.12.68>

Дата поступления рукописи: 13.11.2020

Цель исследования – определить особенности использования кинематографических техник в романе А. В. Иванова «Пищеблок». В статье исследовано привлечение образов и мотивов ужасов, развитых в кинематографе и переосмысленных Ивановым, описаны техники кино: монтаж, смена повествовательных планов, цветовая образность. **Научная новизна** заключается в описании жанровой природы «Пищеблока» как киноромана, то есть литературного произведения, ориентированного на интермедиальное восприятие. **В результате** доказано, что А. В. Иванов обращается к кинематографу как мотивному субстрату ужасов, что позволяет на фоне традиции кино сформировать свою модель вампирского мира.

Ключевые слова и фразы: А. В. Иванов; хоррор; интермедиальность; кинороман; мир вампиров.

Куликова Дарья Леонидовна

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
dasha0kulikova@yandex.com

Литературная кинематографичность в романе «Пищеблок» Алексея Иванова

Введение

Актуальность исследования обусловлена повышенным интересом к образцам беллетристики как срединного поля литературного процесса, в частности к литературе ужасов. Творчество А. В. Иванова, популярного современного русского писателя, привлекает внимание исследователей и критиков разнообразием жанровых экспериментов. Интерес к кинематографической стороне прозы писателя подогревается также появлением экранизаций его произведений, в связи с чем исследователи говорят об «интермедиальном» прочтении его текстов [11, с. 30].

Чтобы достичь цели исследования, необходимо выполнить следующие **задачи**: выявить, какие именно техники используются автором; определить круг мотивов, которые заимствуются из кинематографа; дать им интерпретацию.

В ходе работы над статьей были использованы сравнительно-сопоставительный и структурно-описательный **методы исследования**.

Теоретической базой исследования послужили работы И. А. Мартыановой, Т. Н. Марковой, Т. Г. Волошиной и других, посвященные литературной кинематографичности.

Практическая значимость: материалы статьи в дальнейшем могут быть использованы в процессе преподавания гуманитарных дисциплин, в частности истории и теории литературы, спецкурсов и спецсеминаров по теоретическому и историческому изучению современного литературного процесса. Полученные результаты могут быть использованы как учебно-методические материалы в учебниках и пособиях по теории интермедиальности, современной культуры, киноведения и литературы.

Киножанры в литературе

Кинороман – жанр, который существует одновременно в кинематографе и литературоведении, в последнем случае под ним понимается произведение, написанное по законам киносценария, но не обязательно предназначенное для киноадаптации. Зачастую под этим термином понимается кинороман 20-30-х гг. XX в., который буквально принимал функции романного повествования с экрана для широких масс, однако современный кинороман претерпел изменения. В настоящей статье роман А. В. Иванова «Пищеблок» будет рассмотрен с точки зрения этого жанра.

Практический смысл настоящего исследования заключается в возможности применения интермедиального подхода для описания произведений ужасов как литературы, находящейся на стыке кино и литературы, создания компендиума мотивов, заимствуемых в литературе из кино.

«Литературная кинематографичность остаётся одной из доминант русского текста во многом потому, что для него актуальна кинометафора жизни» [1, с. 11]. Т. Н. Маркова оценивает эту особенность современной беллетристики как влияние киноиндустрии на книжный бизнес, который провоцирует появление литературных текстов, изначально ориентированных на перевод в экранную версию, где «динамичное чередование сцен» удерживает внимание зрителя [5, с. 133]. Отчасти в этом можно заподозрить и Иванова, большая часть книг которого была с большим или меньшим успехом экранизирована. Однако анализ приемов кинематографа в «Пищеблоке» наводит на мысли о значительной игре с киноконтекстами, выполняющими не только развлекательную, но и смыслообразующую функцию.

Феномену литературной кинематографичности посвящены работы И. А. Мартыановой, которая в качестве определения этого феномена заявляет «характеристику текста с монтажной техникой композиции, в котором различными, но прежде всего композиционно-синтаксическими средствами изображается динамическая ситуация наблюдения» [7, с. 9]. Т. Г. Можаяева описывает композиционные и языковые особенности кинематографического текста: «Кинематографическая проза – повествование с четко фиксированным и известным

читателю носителем точки зрения» [9, с. 19]. Некоторые из положений Можяевой вызывают сомнения (в частности, постулат «отсутствия мотивировок сюжета» и самоустранения автора-повествователя) и не находят подтверждения в изученном нами материале, однако ее мысль об организации повествования с подвижной точкой зрения и смешением временных потоков заслуживает внимания.

Т. Г. Волошина развивает идеи Мартяновой и Можяевой и поясняет, что на лексическом уровне кинематографичность выражается в том, что используется «конкретно-предметная лексика – существительные, обозначающие части тела человека» [2, с. 30], «лексика, придающая повествованию сенсорный характер (лексика, обозначающая чувственное восприятие, тропы)» [Там же].

Мартянова отмечает, что киносценарий как адаптация литературного текста для экранной версии должен соответствовать ей: «Объективными требованиями, диктуемыми моделью киносценария, являются изменение объема текста-первоисточника, усиление в нем динамического и риторического начала, модификация его дейктической системы, трансформация композиции приемами литературного монтажа» [8, с. 117]. С нашей точки зрения, уже в литературном произведении Иванов стремился следовать законам киносценария, этим объясняется и предельная визуальная конкретность образов, и небольшой объем текста, и усиление динамики, и особенности композиции. Все эти черты будут рассмотрены нами ниже.

Можно говорить о том, что кино не просто заимствует жанры, традиционные для других искусств, но и само выступает донором жанровых форм, в частности, для литературы. Диалогия Иванова «Тобол» названа романом-пеплумом, пеплум – жанр, специфичный для кино, посвященного историческим, античным или библейским сюжетам, снятого с большим количеством общих планов и массовых сцен. Точно так роман «Пищевлок» оказывается кинороманом, но на этот раз в жанре подросткового «ужастика». Для следования законам этого кинематографического жанра писатель обращается не только к приемам, характерным для кинематографической прозы, но и к клише жанра, к особому образному языку хоррора.

Роман Иванова может расцениваться как произведение, содержащее элементы хоррора: об этом говорит и система образов, и структура произведения. Однако разговор о хорроре в современной литературе неизбежно требует ремарки, касающейся отношений между кино ужасов и соответствующей книжной «промышленностью»: XX век породил массовое кино ужасов, которое и дало толчок формированию рынка поп-хоррора. Одним из поводов обращения к кинематографическим техникам может быть стремление обеспечить коммерческий успех и книги, и ее будущей экранизации, однако «кинематографичность... относительна, она не является залогом успеха его экранизации» [6, с. 140]. На наш взгляд, литературная кинематографичность в первую очередь рождает особый эстетический эффект.

Вампир как персонаж кино и литературы ужасов

Согласно концепции Ноэля Кэрролла [12, р. 140], обязательным компонентом хоррора является наличие «монстра» или монструозного существа. Основой повествования у Иванова оказывается сюжет «вампирической эпидемии», охватившей пионерский лагерь летом 1980 года. Образ вампира, упыря, или «пиявца», как поименовано это существо в романе, возникает не случайно. Несмотря на наличие прецедентных «вампирических» текстов русской литературы, таких как знаменитый «Вурдалак» А. С. Пушкина или «Упырь» А. К. Толстого, наиболее полное развитие образ обрел именно в кинематографе начала XX в. Кино как массовое искусство сформировало и закрепило в общественном сознании образ, который переживает повторные ретрансляции до настоящего времени в игровом или ином ключе. Граф Дракула был обязан своей популярностью одноименному роману Брэма Стокера (1897), хоть и не все киноверсии этого персонажа были связаны с литературным источником. Известно более десятка фильмов о графе Дракуле, однако наиболее важен с точки зрения интермедийных взаимодействий фильм Тода Броунинга 1931 г. «Дракула» с Белой Лугоши, в котором был сформирован образ вампира, впоследствии растиражированный массовой культурой. С аллюзиями на Стокера или без оных вампир стал образом-маркером фильма ужасов, и обращение Иванова именно к этому персонажу наводит на мысль о формировании в романе «Пищевлок» особого рода вампирической вселенной, подобной тем, что создавались в кинематографе.

Вампир у Иванова внешне не напоминает Носферату – ни бледности, ни определенного наряда, ни длинных ногтей. Образ Дракулы в кино XX века сексуализируется, особенно в киноверсиях Тода Броунинга, Френсиса Форда Копполы (Дракула Брэма Стокера, 1992), Стивена Соммерса (Ван Хельсинг, 2004). Иванов не использует этот мотив сексуальной привлекательности вампира, однако внешность персонажа, в конечном итоге оказавшегося Черным Стратилатом, маркируется героями как обаятельная. Так думает про него при первом знакомстве подросток Валерка Лагунов: «Вроде, добрый. Серые волосы коротким ёжиком, короткая белая щетина бороды и усов, резкие морщины. Костлявый, немного сутулится, но крепкий. <...> Голос у него был густой и красивый» [3, с. 48]. Разумеется, отдельного описания заслуживает у Иванова взгляд вампира: «Печальные глаза Серпа Иваныча словно бы видели всё на свете. В них таилась бездна, будто он, Валерка, смотрел в телескоп, проваливаясь в высокую пропасть ночного неба, только в той пропасти не было мерцающих звёзд – один лишь чёрный дым. Наверное, дым Гражданской войны» [Там же, с. 50].

Иванов конструирует свой механизм работы вампиризма: «темный стратилат», князь вампиров, кусает людей, делает их вампирами, или «пиявцами», они, в свою очередь, пьют кровь следующих членов пищевой цепи – «тушек». «Пиявцы» выступают как промежуточные звенья между кровью жертв и стратилатом, они осознают свою вампирскую природу даже днем, но впереди каждого ждет неминуемая гибель: в «свою луну» стратилат выпивает своего пиявца, и тот уже более не нужен ему, «как пустая бутылка». В вампирском

клише есть инновация: вампир погибает от голода, если не может напиться крови в «свою луну» – ночь, в которую был обращен. Иванов упоминает вполне традиционные способы борьбы с вампиром: сжигание живьем, осиновый кол в сердце, смерть от святой воды. Отметим, что эти штампы были рождены в лоне западноевропейской культуры (основанной на католичестве или, напротив, на протестантстве), в которой появление сюжета о борьбе с вампиром было закономерным. Неслучайно, что вампиризм, тесно связанный с комплексом религиозных представлений, у Иванова накладывается на идеологическую основу, формировавшую интеллектуальную реальность советского режима. Как и положено жанру ужасов, в упрощенно-условной форме глобальные противоречия эпохи выражаются в столкновении конкретных героев.

Кинематографические приемы в «Пищеблоке»

Кинороман конструируется за счет использования кинематографических техник, и обращение к ним нельзя не отметить у Иванова. К ним следует отнести технику монтажа, смены повествовательных планов, «зримости» на уровне деталей, создающих эффект «кадра» из текста. Динамика повествования во многом достигается за счет частой смены повествовательных планов: в качестве субъектов точек зрения выступают молодой человек, студент-практикант на должности водителя, Игорь, и мальчик-подросток Валерка. Разница в их восприятии создает объемную полностальгическую картину жизни пионерского лагеря в 1980 г. Содержательный анализ частей и глав романа даёт ясную картину авторской стратегии. Первая часть, «След вампира», как и последующие, состоит из 12 глав. В первых двух главах фокальным персонажем выступает Игорь Корзухин: он впервые направляется в пионерлагерь «Буревестник», где ему предстоит проходить педагогическую практику. 3-я и 4-я главы изменяют повествовательную перспективу за счет перехода точки зрения ко второму фокальному персонажу, пионеру Валерке Лагунову. Внутренняя фокализация, передача одному герою полномочий «даёт ему больше экранного времени» – в данном случае эта кинометафора помогает пояснить смысл этого приема в тексте. Внутренняя фокализация не только открывает доступ к зрительным ощущениям героя – в кино мы бы получали информацию только через этот канал, но в литературе мы еще и сталкиваемся с разной речевой природой двух миров, к которым принадлежат персонажи, – мира детей и мира взрослых. Дети так активно говорят присловьями, словно автор намеренно вставил в вампирскую историю сборник детского фольклора. Мир детей подчиняется бытовой магии и иррациональным законам, прописанным в фольклоре; именно в этом мире допустима сама мысль о существовании вампиров, именно взгляд ребенка готов увидеть сверхъестественное наяву. Мир взрослых в большей степени подчинен формальности и не сразу признает ирреальное.

По мысли Д. Комма, «фильм ужасов – не то, что показывается, а то, как показывается» [4, с. 9]. Это наводит на мысли о значимости «технологии страха», которая выражается в особой организации кинематографического и литературного текста ужасика. В первой части книги планы парно чередуются, смешение происходит в 12-й главе, которая завершается интригующим эпизодом первого столкновения со сверхъестественным (Валерка наблюдает, как его сосед по палате кусает другого мальчика). Композиционно финал первой части отмечает первый этап складывания сюжета хоррора: столкновение с пугающим, не вписывающимся в материалистические представления о мире. Далее следует «склейка»: следующая часть романа «отвлекается» от вампирской темы и, оставаясь на точке Валерки, развивает сюжет взаимоотношений между подростками в лагере. В этой части парное чередование глав с разными повествовательными перспективами не выдерживается: в общей сложности повествование переходит на сторону мальчика в восьми главах из двенадцати. И снова в двенадцатой главе звучит финальный аккорд части: осознание, что вампиров в лагере много. В третьей части Игорь и Валерка равномерно «делят» текст между собой, и план переходит от одного к другому в каждой новой главе. Эта частая смена перспектив ускоряет развитие сюжета, который было начал вязнуть в описании пионерских будней. В четвертой части герои часто делят между собой «кадр», в связи с чем внутренняя фокализация комбинируется с нулевой. Аналогичная ситуация наблюдается в последней, пятой, части.

Монтажные «склейки», которые наиболее заметны на стыке глав романа, однозначно можно считать литературным «клиффхэнгером». «Клиффхэнгер – один из ключевых приемов для создания саспенса». Клиффхэнгер (букв. «висящий над скалой») – сюжетный прием, основанный на завершении повествовательного фрагмента ситуацией, представляющейся неразрешимой при заданных условиях. Термин применялся в киноведении и обозначал «любой финал эпизода, в котором персонаж оказывается в затруднительном положении до выхода в свет следующего эпизода» [10, с. 287]. Примером клиффхэнгера у Иванова можно считать финал 8-й главы «Орлята учатся стучать»: план Валерки и Игоря висит на волоске, пищеблок, который должен был стать ловушкой для стратилата, заперт, ключ во время драки Гельбич выбросил, а Валерка без очков не может его найти. Герой в конце главы оставлен беспомощным перед врагом, зритель испытывает волнение и нетерпение узнать, каким образом эта проблема будет разрешена. Именно это состояние тревоги, интенсивные эмоции, которые испытывает зритель или читатель, характеризуют жанр «триллер», в первую очередь ассоциируемый с кинематографом. Однако Иванов как автор литературы, претендующей на развлекательность, использует киноприемы указанного жанра.

Кинопоэтика предполагает усиление визуальной изобразительности, передачу информации через фиксацию зрительных образов. Эти образы в литературе можно уподобить крупным и общим планам, созданным средствами естественного языка. Обратимся к эпизоду, изложенному в прологе к роману. В нём автор повествует об обычной ночи в пионерском лагере, когда вожатый перед сном напугал мальчишек историей про гипсовую горнистку, которая оживает и охотится на своих обидчиков. Фильмы и романы ужасов предполагают,

что на этапе экспозиции произойдет первое поверхностное знакомство с непознанным, мистическим и опасным. Такое знакомство у Иванова действительно происходит, именно ему посвящено выстраивание «общего плана», в который входит существо, задуманное как пугающее: «По аллее шла девочка примерно того же возраста, что и мальчик, который укрывался за акацией. При каждом движении эта девочка странно подрагивала всем телом, будто в ней что-то ломалось. Белая блузка. Белая юбка. Белый пионерский галстук. Белые руки и ноги, белое безглазое лицо, белые каменные косы. Это была гипсовая горнистка. Она казалась роботом, но роботов включало электричество, а горнистку оживила тьма. Горнистка искала тех, кто убил её барабанщика. Искала, чтобы тоже убить» [3, с. 8]. Единственными маркерами цвета в данном фрагменте были слова «тьма» и «белый», что позволяет сделать предположение о том, что читатель должен представить этот «кадр» черно-белым. Примечательно, что существо, которое появилось в прологе, не станет истинным источником опасности в романе, этот визуальный образ может отсылать к вампирской эстетике лишь косвенно (белизна гипса и представление о бледности вампиров, боящихся солнечного света, которое Иванов игнорирует). Образ ожившей гипсовой горнистки – ловушка, которая должна положить начало созданию загадочной атмосферы и тревожного ожидания, характерного для саспенса. Эффект только будет усилен за тот счет, что опасность будет исходить вовсе не от указанного существа, ожидание читателя будет разрушено, и это поспособствует выстраиванию занимательного сюжета.

Еще одним клише является эротический подтекст питья крови, который у Иванова появляется, но в целомудренных пределах подростковой повести: «В одной такой тени, как в чёрной коробке, укрывалась скамейка, и Валерка замер в листе, потому что на скамейке сидели пацан и девчонка. Похоже, они целовались. <...> Трудно было что-либо различить во мраке, пока слабый отсвет звёзд не очертил запрокинутое лицо девчонки и линию плеч пацана. Эти двое вовсе не целовались. Девчонка безвольно полулежала на скамейке, навалившись на спинку и вытянув ноги, а пацан как-то хищно сгорбился, прижимая к своим губам девчонкою руку. Валерка услышал отвратительное чмокание – такое же, как в том сне, когда Лёвапил кровь у Славика Мухина» [Там же, с. 145]. Другой пример изображения акта вампиризма через взгляд всевидящего ока камеры происходит на людной веранде дачи Серпа Ивановича, когда не видит «никто»: «Никто из телезрителей на веранде не видел, как с последнего места Серп Иваныч наклонился к девушке-вожатой, что сидела впереди, и, похоже, что-то ласково зашептал ей на ушко. Лицо девушки исказил испуг, потом его сменило недоумение, и, наконец, девушка, зажмурившись, тихо улыбнулась» [Там же, с. 79]. «Никто» – это всевидящий взгляд автора, который позволяет читателю взглянуть на нечто пугающее, что должно заставить нас испытать тревогу при мысли о масштабах вампирской эпидемии; «никто» – это всевидящее око камеры, которое покажет зрителю акт питья крови вампиром. «Неприметность» зла для героев у Иванова в какой-то момент превращается в привычность зла, и это позволяет говорить о том, что Иванов обращается к кинохоррору как мотивному субстрату не только для создания развлекательного произведения, но и чтобы использовать монстров-вампиров как метафору зла – и нравственного, и социального, и политического.

Заключение

В результате мы можем сформулировать *выводы* произведенного исследования. Нами были продемонстрированы следующие доказательства кинематографичности романа А. В. Иванова «Пищеблок». Во-первых, доказано использование языковых приемов литературной кинематографичности, направленных на создание конкретно-визуального образа, а также особого рода организации повествования и комбинирование точек зрения. Во-вторых, рассмотрено привлечение мотивов и образов, характерных в первую очередь для киноужастиков (вампиры с особенностями их внешнего облика, жилья, манерой поведения). В-третьих, можно так интерпретировать обращение к кинотексту в романе: Иванов обращается к традиции изображения вампиров, сложившейся в популярном искусстве, чтобы за счет этого творческого эксперимента выйти на уровень нравственного обобщения. В *перспективах дальнейшего исследования* – изучение других работ А. В. Иванова через призму интермедиальности, рассмотрение литературной кинематографичности в триллерах Иванова и выявление других киножанров, к которым мог обращаться автор. Изучение триллера и хоррора как жанров кино в их влиянии на литературные тексты в будущем сможет открыть закономерности этого явления. Кроме того, этот параметр может быть изучен и в связи с другими образцами современной литературы.

Список источников

1. Асеева О. А. Феномен литературной кинематографичности в современном литературном процессе // Вестник Ульяновского государственного технического университета. 2010. № 3. С. 8-11.
2. Волошина Т. Г. Языковые средства реализации кинематографичности в художественных текстах // Филология и проблемы преподавания иностранных языков: сб. науч. тр. / гл. ред. В. И. Шувалов. М.: МПГУ, 2010. Вып. 7. С. 29-34.
3. Иванов А. Пищеблок. М.: Редакция Елены Шубиной, 2018. 416 с.
4. Комм Д. Е. Формулы страха. Введение в историю и теорию фильма ужасов. СПб.: БХВ-Петербург, 2012. 224 с.
5. Маркова Т. Н. Кинематографические приёмы как проявление формотворчества современной прозы // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2017. № 1. С. 132-135.
6. Мартыанова И. А. Кинематографичность литературного текста (на примере современной русской прозы) // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2017. № 1. С. 136-141.
7. Мартыанова И. А. Киновек русского текста. СПб.: Сага, 2001. 224 с.
8. Мартыанова И. А. Киносценарный диалог с классической русской литературой // Мир русского слова. 2016. № 4. С. 111-117.

9. **Можаева Т. Г.** Языковые средства реализации кинематографичности в художественном тексте (на материале произведений Г. Грина, Э. Хемингуэя, М. Этвуд): автореф. дисс. ... к. филол. н. Барнаул, 2006. 22 с.
10. **Рудницкая Ю. К.** Поэтика киноромана эпохи нэпа: транспонирование приема (на примере романов М. Шагинян «Месс-Менд, или Янки в Петрограде» (1923-1924), В. Иванова и В. Шкловского «Иприт» (1924-1925)) // Уральский филологический вестник. 2014. № 5. С. 278-299.
11. **Синявская О. Ю.** «Трехмерная модель чтения»: интермедиаальный образ эпохи 90-х в творчестве Алексея Иванова // Медийные процессы в современном гуманитарном пространстве: подходы к изучению, эволюция, перспективы: материалы V Научно-практической конференции / под ред. Я. В. Солдаткиной, А. А. Роговского, И. Б. Чернявского. М.: Спутник+, 2020. С. 23-30.
12. **Carroll N.** The philosophy of horror: Or, paradoxes of the heart. L.: Routledge, 2003. 272 p.

Literary Cinematography in Alexey Ivanov's Novel "Food Unit"

Kulikova Daria Leonidovna

Lomonosov Moscow State University

dasha0kulikova@yandex.com

The research aims to identify peculiarities of using cinematic techniques in the novel "Food Unit" by A. V. Ivanov. The article studies involvement of horror images and motifs developed in cinema and reinterpreted by Ivanov; describes film techniques: editing, change of narrative perspectives, colour imagery. Scientific novelty of the work lies in defining the genre nature of "Food Unit" as a film novel, i.e. a literary work oriented towards intermedial perception. As a result, it is proved that Ivanov taps into cinema as a medium for horror motifs, which allows him to create his own model of the vampire world against the background of the cinematic tradition.

Key words and phrases: A. V. Ivanov; horror; intermediality; film novel; vampire world.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.69>

Дата поступления рукописи: 12.11.2020

В статье рассмотрены семантические варианты мифологемы «дерево» в романе югорского писателя П. Бахлыкова «Медвежья падь». Цель – выявить функциональные особенности мифологемы как одной из доминант содержательной организации художественного пространства романа. Научная новизна обусловлена тем, что анализ произведения П. Бахлыкова в указанном аспекте предпринят впервые. Полученные результаты показали, что семантическая структура образа дерева в романе позволяет реконструировать мифопоэтическую концепцию мироустройства, восходящую к архетипическим основам мировоззрения русского и хантыйского народов, населяющих Сибирь.

Ключевые слова и фразы: П. С. Бахлыков; роман «Медвежья падь»; мифологема; Мировое древо; Древо жизни.

Куликова Ирина Михайловна, к. филол. н., доц.

Сургутский государственный университет

kim0153@mail.ru

Мальцева Ирина Всеволодовна

Сургутский естественно-научный лицей

irina_ysevolod@mail.ru

Семантическое наполнение мифологемы дерева в натурфилософии П. С. Бахлыкова

Введение

П. С. Бахлыков принадлежал к числу тех мастеров слова, кто стремился философски осмыслить бытие человека в мире. Его «концепция сущего» во многом совпадала с натурфилософией представителей русской «деревенской прозы». Его творчество пересекалось с мотивами произведений крупных этнических писателей. Этих художников сближали общая проблематика, ориентированная на традиционные, природные начала бытия, вырабатываемая поэтика, система персонажей. Художественная структура их текстов во многом основывается на совмещении символики архетипов и мифологем с реалиями конкретного этнографического ландшафта, что позволяет «разомкнуть» границы локального пространства и придать ему общечеловеческий ценностный статус.

Натурфилософское понимание мира присуще творчеству П. Бахлыкова в целом – его публицистике, живописи, поэзии и прозе. В «концентрированном» виде его мировоззренческая система нашла отражение в романе «Медвежья падь» – единственном художественном произведении, которое так и осталось, по существу, неисследованным. *Актуальность* предпринятого исследования во многом обусловлена современными научными исканиями: возникновением филологической регионалистики, основной задачей которой

является «изучение широкого спектра местнографических реалий» [9, с. 10], позволяющих посмотреть на творчество региональных писателей с новой точки зрения. В таких текстах локальная картина мира и культурный ландшафт ярче всего выявляются в границах изучения поэтики пространства, или геопоэтики (К. Уайт), которая может быть определена как «ментальное, интеллектуальное, художественное освоение человеком географического пространства» [3, с. 337].

В *задачи* исследования входили определение семантики мифологемы дерева в славянской и угорской картине мира в пределах пространства романа, выявление смыслового наполнения мифологемы в произведении с учетом литературного контекста времени. При решении поставленных задач использовались типологический, сравнительно-исторический *методы исследования*, а также метод целостного анализа.

Теоретической базой исследования стали изыскания в области поэтики мифа и мифоритуальной традиции (труды Е. М. Мелетинского, С. А. Токарева, В. Н. Топорова, А. М. Сагалаева, М. Элиаде и др.), научные разработки по славянской и угорской мифологии (исследования А. Гейштора, Д. К. Зеленина, К. Ф. Карьялайнена, М. Ф. Косарева, Т. Лехтисало, В. Н. Чернецова и др.), работы угорских ученых по данной проблематике (Т. В. Волдиной, Т. А. Молдановой, Е. И. Ромбандеевой и др.).

Практическая значимость исследования состоит в возможности его применения в разработке и преподавании в вузах общих и специальных курсов по истории русской литературы, литературы народов Югры, культурологии, филологической регионалистики. Представленные в статье материалы могут быть использованы в школьных и вузовских курсах истории литературы и краеведения.

Функциональная роль мифологемы дерева в славянской и угорской картине мира в контексте романа

Будучи непрофессиональным писателем, П. Бахлыков часто ориентировался на «чужой» опыт, прежде всего писателей-«деревенщиков», которые в поиске онтологических оснований сущего нередко обращались к символике мифов и к архаическим воззрениям как наиболее универсальным, позволяющим объяснить в том числе и современное мироустройство. Сближает П. Бахлыкова с писателями-сибиряками и использование приема совмещения концептов, разных по своим культурным основаниям. В «Медвежьей пади» – это «наложение» славянских и угорских конструктов, что связано с особенностями заселения территории Югры, уникальный образ которой создавал писатель.

В моделируемом П. Бахлыковым в «Медвежьей пади» локусе важную роль играет мифологема дерева, имеющая свою семантику и свое аксиологическое поле, выступающая в качестве одной из доминант формальной и содержательной организации пространства текста. В «деревенской прозе» символика образа Мирового древа, согласно славянским представлениям находящегося на острове Буяне в центре водного пространства [10, с. 31, 68, 260], наиболее полно была обыграна В. Распутиным в «Прощании с Матёрой»: это своеобразная ось, скрепляющая мир; место «акта творения» (вода), «середина мира»; место пересечения макрокосмоса и микрокосмоса [7]. Отголоски этого мифа у П. Бахлыкова можно отметить лишь в мотиве нахождения такого дерева (отождествляемого с Мировым) на острове, в окружении воды как стихии первотворения. Однако в трактовке образа писатель ближе к мифопоэтическим представлениям угров о Мировом дереве, крона которого касается неба, а корни уходят глубоко в землю, символизируя «соединение миров» [4, с. 85]. Реминисценции с угорским вариантом мифа можно отметить в предпоследней главе романа. Здесь дано описание поляны с громадными кедрами и елями – столь высокими, что «их вершины пронзали небо, а проплывающие облака касались их ветвей» [1, с. 228]. Под одной из таких елей стоит «древний идол... с печальными глазами», словно «освящая» это место, подчеркивая его сакральность как «центра мира», поскольку Мировое древо может дифференцироваться (предстать как два-три и более дерева) [7]. Подчеркивает сакральность места и актуализация факта того, что раньше здесь было остяцкое святилище. Это отражает особенности архаического мышления, ориентированного на выделение центров, определяющих координаты конкретного пространственно-временного единства и обеспечивающих соблюдение природного и социального порядка [Там же]. Упоминание о возникшей рядом, в низменном месте, горе, наверху которой «росли вековые деревья» и вокруг которой поставили свое городище первые поселившиеся здесь остяки, отсылает к той же мифологеме: гора в космологии может выступать в качестве варианта Мирового дерева [Там же]. И хотя образ горы здесь подвергся существенной демифологизации и десакрализации, он все же не стал «простым локальным указателем» (В. Топоров). Этот образ можно трактовать как обозначение того, что было «в начале», связав с одним из сюжетов о сотворении мира, согласно которому гора (в мировоззренческой системе угро-самодийских народов – Уральские горы) выступает в качестве космической опоры [Там же].

Выбор священного дерева чаще всего обусловлен особенностями растительного мира местности. В этом отношении в романе в большей степени отражены мифологические представления юганских хантов, нежели переселившихся на эти земли русских. Исключение составляет лишь образ березы как одного из наиболее важных культовых деревьев у славян и некоторых сибирских этносов [5, с. 64, 71]. Табуацию крупных деревьев Д. Зеленин относил к проявлениям ранних верований – тотемизму и фетишизму [Там же, с. 40, с. 67-68], что подчеркивает древность сохраненных этносами мировоззренческих установок. Для мифопоэтического сознания угров и славян также характерно сближение дерева и храма как священных мест, где совершались обряды, а соотнесение деревьев с невидимыми духами подчеркивает связь мифологемы с анимистическими представлениями: природа – мир, где царствуют духи, а не люди.

Семантическое наполнение мифологемы дерева в романе

К категории почитаемых и священных относились отдельные деревья, особенно старые, располагавшиеся изолированно и напрямую не связанные с миром людей. Выделение в пространстве романа «могучего, в три обхвата, кедра» более других вызывает ассоциации с архетипом Мирового дерева. В соответствии с мифопоэтической символикой «могучий кедр» расположен в глубине тайги, выделяясь на фоне остальных деревьев («самое видное дерево», по выражению К. Карьялайнена). Образ кедра вызывает реминисценции с угро-самодийским мифом о первом дереве, выросшем на клочке земли посреди воды в эпоху первотворения. Косвенно «заглавную» роль дерева подтверждает и фамилия главного героя – Прокопия Кедрова. «Центральное» положение кедра в пространстве окружающего природного мира подчеркивает также тот факт, что могучее дерево не позволило погибнуть «соседке-ели», подхватив ее в свои объятия. Между тем стоящая рядом с кедром ель, соотносимая в мифологии угров с представлениями о нижнем мире, тоже может выполнять функции Мирового дерева [8, с. 388, 409].

«Отношения» кедра и ели в романе сопоставимы с историей «дружбы» Лиственя и березы у В. Распутина. Но Лиственя и кедр все еще сохраняют свою могучую силу, несмотря на древний возраст, береза и ель уже истратили жизненную энергию («состарились», «устали»). В этой ипостаси образ кедра в романе сопоставим с некоторыми содержательными аспектами мифологемы Дерева жизни (как варианта Мирового дерева), воплощающего всю полноту сущего. По утверждению М. Косарева, в сибирском язычестве в целом и в шаманизме в частности две функции вселенского дерева («мировая ось» и «дерево жизни») органически переплетены и взаимосвязаны [6, с. 248-249]. По наблюдениям И. Бедаревой, сходные тенденции в использовании художественного потенциала образа кедра как ключевого символа алтайской мифологии проявляются в русской литературе Горного Алтая [2].

Вместе с тем в роли Небесного либо Мирового дерева у народов Сибири и Урала чаще выступает береза [5; 6, с. 240]. А. Гейштор отмечает, что березу особенно ценили угро-финские народы и жители северо-восточной Руси [12, с. 200-202]. Береза, наряду с елью и сосной, играла роль космического, мирового дерева в удмуртской мифологии [11, с. 64]. Культ березы как Мирового дерева с семью ветвями и семью корнями широко распространен у ненцев [7]. Но в романе П. Бахлыкова береза остается в основном приметой реального ландшафта, описание ее дается в соответствии с русской поэтической традицией («Березы низко склонили свои дивные косы»; «березовые рощи, распустив свои длинные косы с молодой клейкой листвой»; «словно девчата, выскочили на мысок юные березки» и т.п.). Один раз в тексте береза упоминается в роли культового дерева – в эпизоде описания священной поляны: «На толстых, корявых от старости березах висят саженные разноцветные ткани» [1, с. 186]. Это подчеркивает соотносительность березы с культом общегорской богини Калташ, связываемой с рождением и смертью. Береза (чаще семиствольная) в качестве «дома Калташ» является «семантическим центром мироздания» (А. Сагалаев), осуществляя функции Дерева жизни, а восседающая на ней богиня-мать, отвечая за воспроизводство человеческих жизней в «среднем мире», олицетворяет источник существования [4, с. 86, 88]. Сходные функции березы как одного из основных воплощений божества плодородия Н. Шутова отмечает в удмуртской культуре, отмечая, что в качестве дара к стволу березы часто привязывались лоскутки и полотенца [11, с. 64]. Не противоречит культ березы и славянским представлениям, где береза выступает как символ женского начала, как «счастливое» дерево и связывается с благополучием семьи, рождением ребенка, оберегает от зла и одновременно может соотноситься с нечистой силой и душами умерших [10, с. 44-46].

В качестве священных объектов у народов Сибири чаще других деревьев почитаются кедр и лиственница. В этом качестве оба дерева в романе П. Бахлыкова расположены на священной поляне напротив друг друга. Здесь автор более значимую роль отводит «древней гордой лиственнице»: именно на ее стволе вырублен шаманом идол «с глазами... обрамленными кусочками бронзы», а между корневищ «лежат принесенные в дар всемогущим духам» старинные монеты [1, с. 185]. На кедре висели «приклады» – жертвенные дары в виде шкур животных разных времен. Четвертое дерево, стоящее на древнем капище, – ель: она ближе всех к «шаманскому» дереву, на ней висят звериные и животные черепа («атрибуты» шаманского места). Однако в описании угодий «современного шамана» Паньки функции всех культовых деревьев отведены кедру: на толстых стволах этих деревьев вырезаны лица духов, уже покрытые мхом либо вырубленные недавно («молодые еще проливают янтарную слезу» [Там же, с. 130]); на суках висят медвежьи черепа, олени и лосиные рога; здесь происходит обряд камлания. Выделение кедра соответствует традиционным представлениям угров: это дерево считается священным у многих этнических групп, с ним связаны культовые места и шаманские обряды (в том числе в районе Васюгана [4, с. 85], примыкающего к Юганскому заповеднику), он мог соотноситься с важными божествами – Мир-сусне-хумом [8, с. 373-374, 388] и даже с главой пантеона Нуми-Торумом [4, с. 86].

Выделение кедра, сосны, лиственницы, ели соответствует реальному ландшафту Западной Сибири, распространности на территории (особенно Юганского края) этих пород деревьев. Именно такие деревья изображены на живописных полотнах П. Бахлыкова. Но в этих опытах художник не использует мифопоэтическую символику в качестве художественного приема. В романе, характеризуя природу Югры, писатель стремится «разомкнуть» текст в пространство архаических представлений. Это достигается тем, что здесь постоянно подчеркивается не только высота и мощь деревьев (как культовых объектов), но и одновременно их древний возраст: «гигантские вековые ели», «вековые ели и кедры», «на вершине многовековой сосны», «огромный кедр», «могучие деревья», «высокие вершины лиственниц и елей», «старая, в три обхвата, ель», «высокая сухая сосна» и т.д. Это позволяло фиксировать устойчивость бытия во времени и утверждать

единство мироздания в пространстве. Реальные образы деревьев по ходу развития основной философской мысли романа становятся овеществленными символами, вызывая ассоциации и аналогии, обосновывающие натурфилософское понимание отношений человека и природы.

Заключение

Проведенные наблюдения позволяют сделать следующие *выводы*. В творчестве П. Бахлыкова особое значение имеет образ «места» – уникальной территории Югании, глубоко связанной с мироощущением и мировоззрением людей, живущих в ее пределах. В представленной им картине мира важнейшими моделирующими средствами реального и мифологического «места»-пространства выступают архетип дерева и его варианты, имеющие различную символику и смысловую наполненность, трансформируясь в мифологемы Мирового древа и Древа жизни. Овеществленным символом Мирового дерева как модели мироздания и одновременно маркера сакрального центра и реального ландшафта в романе выступает преимущественно кедр, структурирующий текст на всех уровнях, являясь «центром» происходящих в романе событий. Функционирование мифологемы Древа в романе связано также с елью, березой, сосной, лиственницей, предстающих в качестве культовых объектов и одновременно указателей природных особенностей территории. Образ Древа в романе несет дополнительную смысловую нагрузку, так как включает в себя содержательные стороны мифологемы Древа жизни, воплощающего в универсальной концепции мира многообразие и полноту жизни. Введение мифопоэтической символики и привлечение ее семантического потенциала позволяли П. Бахлыкову подчеркнуть основную идею своей концепции природы: природное бытие по отношению к другим формам земной жизни объективно и первично.

Перспектива дальнейшего исследования видится в аспекте выявления семантического наполнения и трансформации базовых пространственных мифологем, мифологемы культурного героя, символики космогонических мифов в романе «Медвежья падь» и в творчестве П. Бахлыкова в целом.

Список источников

1. **Бахлыков П. С.** Медвежья падь: роман. Тюмень: СофтДизайн, 1997. 240 с.
2. **Бедарева И. А.** Базовые пространственные мифологемы в русской литературе Горного Алтая XX века // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 10 (64). Ч. 3. С. 20-22.
3. **Бурцева Ж. В.** Крайний Север как геополитический образ в литературе малочисленных народов Севера Якутии // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2020. Т. 30. Вып. 2. С. 337-342.
4. **Волдина Т. В.** Образ древа жизни в традиционной культуре обских угров в контексте реинкарнации // Финно-угорский мир. 2015. № 4. С. 84-90.
5. **Зеленин Д. К.** Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1937. 80 с.
6. **Косарев М. Ф.** Образ дерева в мифоритуальной традиции сибирских народов // Миропонимание древних и традиционных обществ Евразии: сборник статей / отв. ред. М. Ф. Косарев. М.: Таус, 2006. С. 239-253.
7. **Мифы народов мира** [Электронный ресурс]: энциклопедия / гл. ред. С. А. Токарев. URL: <https://may.alleng.org/d/inform/inform057.htm> (дата обращения: 02.10.2020).
8. **Петрухин В. Я.** Мифы финно-угров. М.: Астрель; АСТ; Транзиткнига, 2005. 463 с.
9. **Полякова Л. В.** Филологическая регионалистика как наука: к постановке проблемы // Филологическая регионалистика. 2012. № 2 (8). С. 7-12.
10. **Славянская мифология:** энциклопедический словарь / отв. ред. С. М. Толстая. Изд-е 2-е. М.: Международные отношения, 2002. 512 с.
11. **Шутова Н. И.** Дерево в традиционном удмуртском мировоззрении // Ежегодник финно-угорских исследований. 2011. № 2. С. 56-71.
12. **Gieysztor A.** Mitologia Słowian. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2006. 407 s.

Mythologeme “Tree” in P. S. Bakhlykov’s Natural Philosophy

Kulikova Irina Mikhailovna, PhD

Surgut State University

kim0153@mail.ru

Maltseva Irina Vsevolodovna

Surgut Natural Science Lyceum

irina_vsevolod@mail.ru

The article examines semantic variants of the mythologeme “tree” in the novel “Bear Fold” by the Yugra writer P. S. Bakhlykov. The paper aims to identify functional peculiarities of the mythologeme as a key component of the novel’s artistic space. Scientific originality of the study is conditioned by the fact that P. Bakhlykov’s novel is for the first time analysed from this viewpoint. The following conclusions are justified: the author’s interpretation of the tree image allows reconstructing the mytho-poetical worldview based on archetypes of the Russian and Khanty culture.

Key words and phrases: P. S. Bakhlykov; novel “Bear Fold”; mythologeme; World Tree; Tree of Life.

<https://doi.org/10.30853/filmnauki.2020.12.70>

Дата поступления рукописи: 09.11.2020

Цель исследования – определить функции художественных деталей в рассказе «Шамиль» Ф. И. Чудакова (1888-1918), талантливого литератора, жизнь и творчество которого долгое время были связаны с Приамурьем. **Научная новизна** заключается в том, что впервые в научный дискурс вводится ранее не изучавшийся автобиографический рассказ и рассматривается специфика художественного слова в прозе автора. В статье исследуются основные детали, рисующие вещный мир, характеризующие специфику психологического состояния персонажей, создающие юмористический, иронический эффект. **Полученные результаты** показали, что использование деталей углубляет идейное содержание произведения, а также позволяет выявить некоторые важные особенности авторского мировоззрения.

Ключевые слова и фразы: Ф. И. Чудаков; автобиографический рассказ «Шамиль»; художественная деталь; вещный мир; ирония.

Лаптева Наталья Андреевна

Благоевский государственный педагогический университет
rusoved12@gmail.com

Средства выражения и функции детали в автобиографическом рассказе Ф. И. Чудакова «Шамиль»

Мир художественного произведения – это модель реального мира, так или иначе преломлённая авторским сознанием и воплощённая в слове. Минимальная единица художественного текста, являющаяся выразительной подробностью (составная часть пейзажа, портрета, внешнего или внутреннего мира героя), получила название художественной детали. Анализ деталей, которые являются «микрообразами» [5] и при этом входят в состав целого, позволяет более глубоко понять не только образную систему и идейное содержание произведения, но и механизм отбора писателем тех или иных языковых средств. Исследование деталей может также проявить авторскую позицию в целом.

Нередко мир произведения наполняется рукотворными предметами, сопутствующими бытию героев. На заре развития литературы это были «аксессуарные вещи» [Там же], но с течением времени изображение предметного мира стало «способом характеристики человека, выражением его индивидуальности» [Там же]. Изобразить сущность героя или явления как точный слепок с действительности автор не имеет возможности, поэтому избирает те или иные детали. В таком случае максимальный подтекстовый смысл как бы впрессовывается в деталь, изображённую при минимальном использовании языковых средств. Как известно, детализация предметного мира в литературном произведении неизбежна, это сущность образа, а не словесное украшение.

Многие произведения Ф. И. Чудакова имеют черты автобиографизма, что, с одной стороны, обеспечивает «введение в текст психологических мотивов, ситуаций или фактов жизни автора» [6], а с другой – служит формой «автоинтерпретации» [Там же], художественным приёмом «самоизображения и самоосознания» [Там же]. Автобиографические элементы, включаемые автором в художественный мир произведения, подвергаются трансформации и воплощаются, в том числе, через художественные детали. Проза Ф. И. Чудакова тяготеет к особой изобразительности, проявляющейся во многих рассказах, построенных на автобиографическом материале, но определённых автором как очерки. Это произведения, основанные на детских впечатлениях («Из детства Ивана Грязнова», 1918); посвящённые жизни «политиков» в ссылке («Навстречу тучам», 1909; «Тимохина кобыла», 1910; «Редакционное собрание», 1911); описывающие путешествия, поездки по Амурскому краю («На лоне», 1910; «По Зее», 1910; «Под утёсом», 1914).

Изображая героев и происходящие с ними события, автор воспроизводит их бытие, используя большое количество деталей: он подмечает выразительные подробности предметного мира, как бы желая запечатлеть, зафиксировать фрагмент действительности, наглядно и объёмно представив его. В поле зрения попадают предметы быта, элементы одежды, еда, орудия труда – всё то, что позволяет охарактеризовать героя, живущего в определённом времени и пространстве. Особую художественную ценность «очерковых произведений, в которых художественная составляющая весьма значима или даже превалирует над документальной» [11, с. 517], отмечает А. В. Урманов: «...автор предстаёт не только и не столько очевидцем, сколько художником слова, тонким стилистом, мастером выразительных деталей» [Там же]. В связи с этим **актуальность** исследования обуславливается следующим. Рассмотрение тех деталей, которые автор намеренно отобрал для изображения действительности, проявляет его способы восприятия и оценки окружающего мира, проясняет социально-политические убеждения, этические принципы.

В данной статье решаются исследовательские **задачи**: 1) выявить значимые художественные детали произведения, определить их место в рассказе; 2) установить, при помощи каких средств и приёмов создаются «микрообразы»; 3) на основе комплексного анализа прояснить авторский замысел рассказа. При проведении литературоведческого анализа использовались следующие **методы исследования**: структурно-семантический, метод целостного анализа текста. Осуществлён и междисциплинарный подход: исследуются языковые средства, используемые для создания образов и «микрообразов». Материалом для анализа стал автобиографический рассказ «Шамиль», опубликованный под псевдонимом *К. Резниченко* в первом номере издаваемого Ф. И. Чудаковым журнала «Дятел, беспартийный» за 1918 год.

Теоретической базой статьи стали научные труды отечественных литературоведов: А. Б. Есина, Е. С. Добина, Д. С. Лихачёва, А. П. Чудакова, посвящённые различным аспектам анализа художественных деталей, а также исследования А. В. Урманова, проведённые в процессе подготовки к печати двухтомного издания творческого наследия Ф. И. Чудакова.

Практическая значимость заключается в том, что материалы и полученные выводы могут быть использованы в курсе лекций по русской литературе начала XX века, в спецкурсах по истории литературы Приамурья, а также в элективных курсах школьного преподавания.

События рассказа «Шамиль» – это воспоминания писателя о следственной камере пензенской тюрьмы, где он находился в 1907 году. Здесь Ф. И. Чудаков оказался после ареста за революционную пропаганду, затем последовали суд и приговор: трёхлетняя ссылка в Сибирь, в глухую таёжную деревню Червянка.

В центре произведения – заключённые-«политики», жизнь которых была хорошо известна писателю по собственному опыту, поэтому, видимо, повествование в рассказе он ведёт от первого лица. Сюжетообразующим становится событие, которое в других условиях, не в стенах тюремной камеры, было бы весьма обыденным, – приготовление блинов. Описание процесса, который детально фиксируется рассказчиком, становится способом сохранить воспоминания. Бытовые предметы изображены в рассказе не в качестве фона, они приобретают ценностный смысл. «Литература берет только некоторые явления реальности и затем их условно сокращает или расширяет, делает их более красочными или более блеклыми, стилистически их организует» [8, с. 79]. Для введения деталей предметного мира Ф. И. Чудаков избирает особые языковые средства и приёмы, благодаря которым создаётся объёмное представление о быте и бытии политических заключённых.

Идея испечь блины реализуется в рассказе в несколько этапов: сначала поиск ингредиентов и необходимой посуды, затем процесс приготовления и, наконец, дегустация. Несмотря на тюремные условия и вытекающие из этого бытовые трудности, рассказчик представляет это дело в юмористическом ключе, давая происходящему остроумные комментарии.

Блины были бы невозможны, если бы не «полторы бутылки казённого керосина» [15, с. 35], которые достались арестантам «благодаря проявленному тюремным ламповщиком Вахрушкой сребролюбию» [Там же]. Именно с упоминания этого порока и начинается повествование, однако представлена страсть не как страшный грех, а как своеобразный способ выживания политических заключённых, к которым нередко тюремщики относились с особой жестокостью. «Вообще, умелое эксплуатирование некоторых человеческих пороков имеет результатом обоюдную пользу» [Там же], – замечает рассказчик.

Однако упоминание одной из восьми греховных страстей, хоть и в ироническом ключе, невольно придаёт затеянному делу некий колдовской характер. Блины действительно не получатся, их приготовление приведёт к размолвкам между героями, а сам рассказчик наречёт процесс «анафемским делом» [Там же]. Соответствующим образом поведёт себя и первая бутылка с керосином, по неосторожности вылитая Жоржем мимо керосинки. «Первая бутылка оказалась с поразительно капризным характером. Впрочем, может быть, внутри керосинки сидел чёрт, пугавший бутылку, и она употребляла все усилия, чтобы вылиться на пол, на Жоржевы руки, на его сапоги, но только не в резервуар» [Там же, с. 35-36]. Для создания комического эффекта использован приём олицетворения: живая бутылка боится «чёрта из керосинки». На самом же деле герой просто плохо видел: «...вторую бутылку Жорж вылил успешнее, чему немало содействовали надетые им очки» [Там же, с. 36]. Опосредованное упоминание нечистой силы появится, когда Шамиль начнёт печь блины: не дотерпев «до положенного срока» [Там же], он опрокинет содержимое раскалённой сковородки на пол «с громким чертыханием» [Там же]. И совсем явное «чёрт тебя поberi» прозвучит из уст Шамиля, когда упадёт кастрюля с тестом, частично попавшим на одежду рассказчика.

Но прежде нужно было ещё замесить тесто, для которого не хватало «штук пять, но зато обязательно свежих» [Там же, с. 35] яиц. «На этот счёт госпожа Е. Молоховец (“Подарок молодым хозяйкам”, поваренная книга) не допускала никаких компромиссов: обязательно свежих!» [Там же]. Усиленное повторением упоминание о свежести продукта свидетельствует о ненормальности тюремного быта, о его противоестественном укладе: такой простой ингредиент для нехитрого блюда нереален в этих условиях. Однако попробовать поискать свежие яйца в тюрьме можно. И снова роль помощника в этих делах играет тюремщик – коридорный дежурный Михеич. В отличие от алчного Вахрушки, старик был добродушен и никогда не чинил «особых препятствий» [Там же], позволял заключённым свободно передвигаться по коридору. Именно это послабление позволило герою-рассказчику обойти восемнадцать камер, «но безрезультатно» [Там же]. Такая свобода позволяла «политикам» жить сообща, обмениваться новостями, что поддерживало дух товарищества и сплочённость. «Наговорили мне очень много разных вещей, но положительно несъедобных» [Там же], – подводит итог рассказчик.

Безрезультатные «розыски» яиц привели к тому, что Шамиль (видимо, инициатор затеи постряпать блины) подверг рассказчика «публичному осмеянию и поруганию» [Там же]. Ответом стали обида и отказ «от всякого участия в дальнейшей работе» [Там же]. Иронизируя над ситуацией, не стоящей выеденного яйца, рассказчик упоминает общее голосование, в ходе которого он был лишён доли блинов, и свою реакцию на это решение, равносильное «освобождению от добровольной вечной каторги» [Там же]. Других сравнений не мог себе позволить политический заключённый. Подобная же линия сопоставления появляется, когда на рассказчика вновь сыплется ругань (на этот раз из-за того, что пролито тесто и вытирается оно жилеткой Шамиля): «Я решил всё снести безропотно и попросил помочь мне бежать из тюрьмы на этот вечер, чтобы впредь не мешать священному обряду» [Там же, с. 36]. В этих подробностях воплощена заветная мечта любого «политика» – оказаться на свободе.

«Анафемское дело» невероятным образом становится «священным обрядом». Причина в том, что рассказчик описывает замешивание теста как сакральный процесс сотворения мира, только в «перевернутом», «прокинутом» виде: «Сам Шамиль в большой кастрюле “заводил” блины. Он действовал как раз в обратном порядке, нежели Иегова: тот претворил хаос в более или менее сносную планету, а Шамиль, наоборот, из муки, воды, соли, масла, соды и энергичной ругани создал очень порядочный хаос неопределённого цвета и пузыристого строения. Хаос шипел и волновался, а Шамиль энергично мешал его линейкой и остановился только тогда, когда вся голубая краска с линейки перешла в хаос, придав ему цвет жандармского вицмундира» [Там же]. Со свойственным прирождённому фельетонисту юмором Ф. И. Чудаков описывает, казалось бы, обычное в быту дело, но абсолютно невероятное в условиях тюремной камеры. Иногда писатели преподносят вещи в виде объективной данности, не наполняя их дополнительным смыслом; но чаще вещи подаются в качестве впечатлений от увиденного и изображаются единичными штрихами, субъективно окрашенными. Второе наблюдается в рассказе. Комично выглядит ряд однородных компонентов, обозначающих ингредиенты теста: кроме продуктов, в нём представлена энергичная ругань, без которой вообще не обходится практически ни одно действие в рассказе. Юморист и возникающую именно в данном контексте игру слов «порядочный хаос», которая также создаёт юмористический эффект: «порядочный» невольно ассоциируется с «порядком», которого так не хватало в деле.

Особого внимания заслуживает сравнение цвета теста с жандармским мундиром. «В одних случаях упоминаемый в произведении цвет является носителем определенного, сложившегося в данной культуре значения, в других такое значение он получает внутри конкретной художественной системы или конкретного единичного произведения» [12, с. 232]. В рассказе оба эти принципа объединяются. Благодаря стихотворению М. Ю. Лермонтова «Прощай, немытая Россия...» (1841) жандармские мундиры прочно связались в ассоциацию с голубым цветом:

«Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, им преданный народ» [7, с. 189].

И вот более полувека спустя, уже в иных условиях, но всё в тех же обстоятельствах преследования и подавления инакомыслия возникает аллюзийное упоминание этого цвета. «Многих стремившихся на службу в политическую полицию подкупал красочный внешний вид жандармской парадной формы, выгодно отличавшейся от другой военной формы. <...> За 90 лет существования в России политической полиции жандармский мундир уважали и побаивались обыватели, перед ним преклонялись и заискивали чиновники, его ненавидели революционеры» [9, с. 177]. Неспроста в сознании политического заключённого голубой цвет связан не со свободным небом или далёкой морской стихией, а с обмундированием жандарма, который является воплощением ненавистного самовластья. И если невозможность приготовить блины воспринимается с долей юмора, то невозможность самостоятельно распоряжаться собственной судьбой вызывает вздох сожаления и безысходности: «...оно, это будущее, творилось руками людей в голубых мундирах, там, где-то в недрах жандармского управления...» [15, с. 38]. Невольно напрашивается сравнение «голубых мундиров» из «недр жандармского управления» и древнегреческих мойр, плетущих нити судеб смертных: изменить что-либо в этом процессе невозможно, остаётся только принимать как данность, однако уповать на милость «голубых мундиров» всё-таки не приходится.

В приготовлении блинов принимали участие трое заключённых. «Их было трое – взрослых мужчин... и всё-таки они дошли до полного изнеможенья раньше, чем получился тот удивительной формы комок подгорелого теста, который они (с некоторым, правда, колебанием и неуверенно) назвали “блином”» [Там же, с. 35]. Жорж управлялся с керосинкой, от которой загорелся пол, но быстрая реакция и халат спасли ситуацию. Однако телодвижения Жоржа повлекли за собой другое «происшествие»: кастрюля с тестом «громыхнула на пол» [Там же, с. 36]; к счастью, Шамиль успел подхватить её, но «добрая порция блинного хаоса попала» [Там же] на рассказчика. «Коля тем временем трудился над сковородкой» [Там же]. Естественно, сковорода – предмет для тюремной камеры абсолютно чужеродный. Но человеческое отношение Михеича, который взял посудину «у семейного надзирателя Бегунова» [Там же], позволило затее с блинами осуществиться. Хотя немалым препятствием стал внешний вид сковороды: «...можно было предположить, что она попала к нам из музея и была в своё время найдена при раскопках Помпеи. На ней явно были заметны отложения, по меньшей мере, трёх геологических эпох: меловой, третичной и дилювиальной. Были даже намёки на триас и белую юру» [Там же]. Гиперболизированное сопоставление количества гари и копоти на сковородке с геологическими эпохами, с одной стороны, характеризует семейство надзирателя как не слишком-то чистоплотное, с другой (что более значимо) – говорит о широкой эрудиции рассказчика и его чувстве юмора. Именно этот ироничный взгляд на окружающую действительность позволяет сравнительно сносно жить и в условиях заключения. «Вещная деталь иногда может чрезвычайно выразительно передавать психологическое состояние персонажа» [5].

Принимает участие в общем деле и рассказчик, хотя он уже был лишён своей порции блинов, а также обруган за то, что облит «блинным хаосом» – «ишь растянулся, чёрт тебя побери, вечно под руку суётся» [15, с. 36] – и вытирался жилеткой Шамила. Однако безропотное и смиренное поведение вместе с просьбой помочь «бежать из тюрьмы на этот вечер, чтобы впредь не мешать священному обряду» [Там же], умиловали Шамила: он «приказал... сделать “помазок” из какой-нибудь тряпки» [Там же]. На эту роль

как раз подошло «коммунальное чистое полотенце», которое было пожертвовано на благо общего дела. Тесто замешено, керосинка «запылала, как бешеная» [Там же], сковорода, пусть и с потерями для здоровья Коли – «занозил средний палец миоценом» [Там же], очищена. Со всем, что обычная хозяйка делает легко и непринуждённо, мужчины-заключённые управились с большим трудом и даже успели устать, над чем не преминул пошутить повествователь: «Я никогда не думал, чтобы приготовление блинов требовало такую пропасть хлопот и трудов. <...> Я не могу себе представить, как может справиться с таким анафемским делом одна какая-нибудь несчастная, самоотверженная женщина» [Там же, с. 35]; «Перед печением блинов решили основательно отдохнуть, ибо все измучились» [Там же, с. 36].

Однако Шамиль «горел таким страстным желанием отведать блинов, что не мог вытерпеть» [Там же, с. 37] и приступил к действиям. Конечно, благополучно этот процесс завершиться не мог – начальный этап подготовки не задался. И сейчас, когда дело оставалось за малым, тоже стали происходить определённые злоключения. «Немедленно затлелся и пустил обильный дым» [Там же] помазок. Первый блин, естественно, вышел комом; второй также не оправдал надежд – «проклятая ручка сковородки до того раскалилась, что Шамиль не дотерпел до положенного срока и с громким чертыханием опрокинул сковородку на пол, что, конечно, весьма неблагоприятно отразилось на форме и других внешних качествах блина (исследовать его внутреннее достоинство никто не решился)» [Там же]. Снова процесс приобретает какой-то «анафемский» оттенок: «проклятая ручка», «громкие чертыханья»; да и сами действия Шамиля похожи на колдовство. Когда тесто оказалось в сковороде, «шуму получилось столько, сколько полагается для хорошей ярмарки. Тут был и шип, и гром, и треск, и клокотание, и ещё множество музыкальных вещей» [Там же]. «Шамиль не переставая мешал на сковородке ложкой, вытирал рукавом пот на лбу и беззвучно шевелил губами, очевидно творя заклинание» [Там же]. Степень детализации процесса определилась точкой зрения повествователя: он наблюдает со стороны, иронично отмечая те или иные нюансы; однако всё равно является участником процесса. Об этом свидетельствует употребление «объединяющих» местоимений: «Мы все бросились рассматривать, что получилось» (здесь и далее курсив автора статьи. – Н. Л.) [Там же]; «Теперь наши надежды были сосредоточены на втором блине» [Там же].

Блины с третьего по пятый получились весьма приличными, «так как Шамиль обернул ручку сковородки листом “Русских ведомостей”» [Там же], чтобы её удобно было держать. «Русские ведомости» – общественно-политическая газета, издававшаяся с 1863 по 1918 год. За всё время своего существования придерживалась либерального направления, осуждая крайние проявления самодержавного режима, пропагандируя конституционные реформы. «В передовых статьях, очерках и корреспонденциях по любым острым вопросам издание отстаивало свободу совести, общественного мнения, публичность судопроизводства, гласность всех правительственных действий и другие либеральные ценности» [1]. За это газета неоднократно подвергалась штрафам и цензурным нападкам; после Октября была закрыта в связи с «контрреволюционной агитацией». Неслучайно в камере, где сидят «политики», нашёлся листок «Русских ведомостей», вероятно, незаконно попавший сюда «с воли» и ставший спасительным в бытовом обиходе. Благодаря этому листку цель практически была достигнута: «Третий блин очень близко напоминал что-то съедобное. Четвёртый был ещё лучше. Пятый вызвал единодушный восторг» [15, с. 37]. Если следовать логике представленной градации, то следующие блинами дело только набирало бы обороты. Однако не стоит забывать, что развитие предыдущих событий происходило крайне неудачно, что уже готовило читателя к определённой развязке. Буквально следующее предложение, где речь идёт о шестом блине, подтверждает это: «К сожалению, шестой оказался ниже всякой критики (загорелись “Русские ведомости”, и Шамилю опять пришлось вылить всё на пол). Для седьмого блина – *увы!* – уже не хватило теста. Это было тем *печальнее*, что как раз с седьмого блина дело обещало пойти великолепно. *Увы!* – так всегда бывает в нашей жизни!» [Там же]. Отмеченные элементы несколько разбавляют ироничную тональность повествования, которая и вовсе изменится к концу рассказа.

И вот наступает торжественный момент: готовы три блина, которые «предстояло съесть... с возможно большим удовольствием» [Там же]. Здравый смысл и опасение за своё здоровье заставляют рассказчика «самоотверженно» отказаться от причитающейся ему порции (хотя и снова, благодаря общему голосованию, он был допущен «к торжеству») в пользу завтрашней двойной порции молока. Аналогично решил и Жорж. «Коля в свою очередь тоже начал излагать какую-то декларацию» [Там же], желая заявить и о своём отказе от дегустации, однако под грозным взглядом Шамиля «затрепетал и робким движением засунул блин в рот» [Там же]. Естественно, несъедобный комок пришлось выплюнуть, о чём очень деликатно замечает рассказчик: «Коля отошёл в угол и стал кашлять» [Там же] (скорей всего, это намёк, что Колю стошнило). «В дальнейшем назревал эксцесс, но, к счастью, раздался крик: – На поверку!» [Там же]. Как никогда арестанты были рады этому «вмешательству»: можно было, не обидев Шамиля, всё-таки не пробовать блины.

Внимательнейшим образом рассказчик следит за происходящим, представляя детали процесса не только наглядно, но даже и с точки зрения запахов. Сначала в камере запахло разлитым керосином: «Камера наполнилась таким густым ароматом керосина, что все наши домашние тараканы, наскоро взвалив на спины пожитки, опрометью бросились к дверям и переселились куда-то» [Там же, с. 36]. Невероятная лёгкость, с которой рассказчик сталкивает смыслы, делает иронию ненавязчивой и изящной: «аромат керосина», «домашние тараканы», «взвалив пожитки». Затем на смену пришли другие запахи: копоты от керосинки, которая вскоре всё-таки «убавила пыль и стала гореть как следует» [Там же]; «обильного дыма» от тлеющего «помазка». И, наконец, запах испечённых блинов, который должен представляться максимально вкусным и напоминающим домашнюю, уютную обстановку. Однако не в устах рассказчика. Он экспрессивно

заявляет: «...запахло удивительно скверно» [Там же, с. 37]. Не просто неприятно или противно, а в крайней степени отвратительно. Не заметить этот запах было невозможно:

- «Проверка начиналась с нашей камеры.
- Чем это у вас, господа, пахнет? – спросил угрюмый помощник.
  - Конституцией, – буркнул Шамиль.
  - Удивительно дурной запах, – сказал, выходя, помощник.
  - Такой полагается, – отозвался Шамиль» [Там же].

В соответствии с содержанием Манифеста от 20 февраля 1906 года Государственный Совет стал выполнять законодательную функцию (первоначально имел законосовещательные полномочия). Эту же функцию выполняла и Государственная Дума, что было закреплено в Основных государственных законах. «Никакой новый закон не может последовать без одобрения Государственного Совета и Государственной Думы и воспринять силу без утверждения Государя Императора» [3]. Основные государственные законы стали фундаментальным законодательным актом, который обозначил разделение полномочий: власть императора и парламент, что, по существу, превратило их в неполноценную, но конституцию. С точки зрения правительства, полноценная конституция была неприемлема: это ознаменовало бы падение самодержавного строя; однако её принятия добивались оппозиционные и революционные партии. Поэтому весьма красноречивым выглядит процитированный диалог: по ощущениям представителя власти, «удивительно дурной запах»; в представлении арестанта, отбывающего наказание за свои политические идеалы, так и должно быть: на деле конституция есть, но никаких важных демократических изменений она не обеспечивает. Также этот диалог рождает ассоциацию с фразеологизмом «пахнет жареным». В разных словарях находим такие толкования: «(прост., экспрес.) О грозящей опасности» [13, с. 457]; «(прост.) О чем-л. выгодном, заманчивом» [10]. Эта же смысловая оппозиция, вольно или невольно, обыгрывается и в цитируемом диалоге. С одной стороны, «запах» конституции, буквально несущийся в воздухе, очень заманчив и «свеж», хотя сама конституция была далека от полноценной; с другой же – грозит опасностью и радикальными изменениями, которые так и оставались на бумаге.

Проблему с введением конституции ещё предстояло решать «на воле», но вот «обсуждение блинного вопроса» [15, с. 37] после закрытия камеры требовало немедленного продолжения: «Блины исчезли!» [Там же]. Логичным было предположить, что их «кто-нибудь под сурдинку съел» [Там же, с. 38], например, рассказчик; но это было клеветой, о чём он категорически и заявил. «Решили, что блины сами удрали, воспользовавшись минутой, когда была отворена дверь, и теперь, наверно, уже на воле. Позавидовали им и сели играть в шахматы» [Там же]. Снова используемое сопоставление происходящего с побегом, с волей заставляет осмыслить блины в контексте всего рассказа как некий символ другой жизни, вне стен камеры, вне вынужденного заточения: «В творении высокого искусства реальный предмет погибает, чтобы дать жизнь предмету художественному, лишь обманчиво похожому на прототип, но иному по своей сути, по новым многообразным качествам» [14, с. 26]. «Позднее блины нашлись. Там, где и следовало им быть» (вероятно, это намёк на парашу, в которую их кто-то выбросил) [15, с. 38], – заключает историю рассказчик.

Освещая бытовые события, повествователь использует специфические слова и выражения, становящиеся в контексте рассказа жаргонизмами, которые характеризуют особенности мышления «политиков»: «добровольная вечная каторга», «коммунальное полотенце», «побег из тюрьмы», «общее голосование», «излагать декларацию», «пахнет конституцией», «блинный вопрос». Данные речевые элементы не только говорят о сфере интересов повествователя, но и служат средством создания иронического эффекта. Этой же цели добивается рассказчик, «сдабривая» свою речь разговорными и просторечными элементами: «*пропасть* хлопот и трудов», «*хватил* линейкой по руке», «*громыхнулась* на пол», «*под сурдинку съел*», «блины сами *удрали*». Такие стилистические эксперименты также устраняют дистанцию между повествователем и читателем, приближают атмосферу быта «политиков» к жизни так называемых обывателей.

Кроме ярко высвеченных деталей, в рассказе можно обнаружить подробности, которые дополняют картину жизни арестантов. «Детали и подробности – не только детали и не всегда лишь подробности. И те и другие не только “периферийны”, но могут быть и часто бывают “сердцевинны” и прямо относятся не только к окружению, но и к ядру повествования, к образному целому» [4, с. 301]. Читатель узнаёт о скромном рационе «политиков» (порция молока с возможным удвоением), об их внешнем виде (очки, жилетка, сапоги, непременный атрибут – арестантский халат), о возможном досуге (линейка, листок «Русских ведомостей», шахматы). Безусловно, за образами вещей вырастают образы их хозяев, именно это ценно и важно для автора.

События в рассказе развиваются настолько комично, что кажется: перед читателем юмористическая история, анекдот, свидетелем которого был повествователь. Добродушно посмеиваясь над этими воспоминаниями, он в мельчайших подробностях воспроизводит последовательность того дня, не только фиксируя предметную сторону процесса, но и давая характеристику своим товарищам. Читатель узнаёт, что Жорж весьма силён («выжимал правой рукой четыре пуда» [15, с. 35]) и самоуверен, хотя эти качества «нивелируются» его неуклюжестью и нерасторопностью (проливает керосин, из-за чего потом вспыхнет пол; опрокидывает кастрюлю; пытается «керосиновыми ручищами» залезть в тесто, чтобы «помешать пальцем» [Там же, с. 36]). Юный и совсем простодушный Коля, искренне недоумевающий от получившегося цвета блинов, а впоследствии под грозным взглядом Шамиля единственный, кто попробовал «выпечку». «Бедный юноша затрепетал и робким движением засунул блин в рот» [Там же, с. 37]. И сам Шамиль, прямой и остроумный, явный лидер и организатор во всех начинаниях, заглавный герой рассказа.

Именно в попытке сохранить в памяти как можно более подробно его образ и заключается такое повышенное внимание к детализации мира, окружавшего «политика». Основная идея рассказа звучит во второй части, которую автор намеренно графически отделил:

«Это было давно. Это было десять лет назад, в апрельский вечер, в п-ской тюрьме. Тогда мы праздновали вторую годовщину пребывания Шамиля в крепости. Он был счастлив. Ему оставался ещё год.

А мы ещё не знали своего будущего.

Оно, это будущее, творилось руками людей в голубых мундирах, там, где-то в недрах жандармского управления...

Милый Шамиль! Где-то ты теперь?» [Там же, с. 38].

Тональность этой части разительно отличается от юмористической окраски предыдущего повествования. «Истинное остроумие человечно и зиждется не на философии вселенского нигилизма, а на эстетических идеалах, во имя которых и ведется критика. Поэтому смех – критическая сила, столь же отрицающая, сокрушающая, сколь и утверждающая, созидаящая» [2]. Автор не столько сокрушается по поводу условий содержания арестантов, не столько иронизирует над их недостатками, сколько пытается изобразить детально, рельефно тех, кто был ему очень дорог. Только сейчас читатель узнаёт, что блины должны были ознаменовать праздник, стать угощением, должны были усилить счастливое состояние героя, насколько это было возможно. Поэтому так ревностно и нетерпеливо трудился Шамиль и над тестом, и над приготовлением, так настойчиво заставлял пробовать получившееся пригоревшее тесто. Съедобных блинов, к сожалению, не получилось, но именно этот случай врезался рассказчику в память на много лет и сохранил образ дорого товарища, дальнейшая судьба которого осталась неизвестной. Как безысходный вздох сожаления и тоски об утраченном прошлом, как добрый привет милому другу, соратнику через время и расстояние звучат последние две фразы произведения, синтаксически и интонационно похожие на риторический вопрос финала рассказа А. П. Чехова «Дом с мезонином» (1896): «Мисюся, где ты?».

Подводя итоги исследования, можно сделать следующие **выводы**: 1) художественные детали выполняют в рассказе разнообразные функции: описание обстановки и бытовых условий жизни героев, погружение в их психологическое состояние, создание определённого эффекта (юмористического, иронического); 2) многие «микрообразы» создаются автором на основе фразеологических оборотов, разговорных и жаргонных элементов, ассоциативных аллюзий; 3) центральный предметный образ – блины – проходит путь от бытовой подробности до символа, заостряя внимание на главном герое и его судьбе. Публикуя рассказ «Шамиль» в ставшем для писателя роковым 1918 году, то есть в момент разрастания очередной русской смуты, обострения идейных противоречий в стане прежних борцов с самодержавием, Ф. И. Чудаков желал оглянуться на своё тюремно-ссылное прошлое, со светлым юмором вспомнить товарищей по революционной борьбе, тогда ещё объединённых общими помыслами о «свободе, равенстве и братстве», и отдать им дань памяти. **Перспектива проведения исследования** видится в дальнейшем многоаспектном изучении прозаического наследия Ф. И. Чудакова, что будет способствовать целостному осмыслению его творческого метода и особенностей стиля.

Список источников

1. Богданова Е. М. Газета «Русские ведомости» как образец качественной прессы в XIX-XX вв. [Электронный ресурс] // Молодой учёный. 2011. Т. 2. № 8 (31). С. 163-166. URL: <https://moluch.ru/archive/31/3542/> (дата обращения: 03.06.2020).
2. Борев Ю. Б. Эстетика [Электронный ресурс]: учебник. М.: Высшая школа, 2002. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Borev/_04.php (дата обращения: 22.05.2020).
3. Высочайше утверждённые Основные государственные законы. 23 апреля 1906 г. [Электронный ресурс] // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. СПб., 1909. Т. 26 (1906). № 27805. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/apr1906.htm> (дата обращения: 14.06.2020).
4. Добин Е. С. Сюжет и действительность. Искусство детали. Л.: Советский писатель, 1981. 432 с.
5. Есин А. Б. Принципы и приёмы анализа литературного произведения [Электронный ресурс]: учеб. пособие. М., 2000. URL: <http://v61.bsu.ru/content/page/1415/hecadem/esin/esin.pdf> (дата обращения: 28.03.2020).
6. Ковалёва Е. К. Термин «автобиографизм» в современном литературоведении [Электронный ресурс] // Вопросы русской литературы. 2013. № 26 (83). С. 224-231. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/termin-avtobiografizm-v-sovremennom-literaturovedenii> (дата обращения: 10.09.2020).
7. Лермонтов М. Ю. Малое собрание сочинений. СПб.: Азбука, 2015. 576 с.
8. Лихачёв Д. С. Внутренний мир художественного произведения // Вопросы литературы. 1968. № 8. С. 74-87.
9. Перегудов А. В. Эволюция представлений о мундире среди чинов Отдельного корпуса жандармов [Электронный ресурс] // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2017. № 3 (23). С. 177-188. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_30005448_85317819.pdf (дата обращения: 22.05.2020).
10. Словарь русского языка [Электронный ресурс]: в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистических исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1999. Т. 1. 702 с. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/07/ma147216.htm?cmd=0&istext=1> (дата обращения: 14.06.2020).
11. Урманов А. В. Комментарий к разделу «Проза» // Чудаков Ф. И. Избранное: из творческого наследия выдающегося сатирика начала XX века: в 2-х т. М.: Викмо-М; Русский путь, 2019. Т. 2. Убитая песня. С. 517-561.
12. Фариню Е. Введение в литературоведение: учеб. пособие. СПб.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. 639 с.
13. Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка [Электронный ресурс]: ок. 13 000 фразеологических единиц. М.: Астрель; АСТ, 2008. 878 с. URL: https://fileskachat.com/view/30735_25d31ba4f1574b79aff284606c0f2da6.html (дата обращения: 14.06.2020).
14. Чудаков А. П. Слово – вещь – мир. От Пушкина до Толстого. М.: Современный писатель, 1992. 320 с.
15. Чудаков Ф. И. Избранное: из творческого наследия выдающегося сатирика начала XX века: в 2-х т. / сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. А. В. Урманова. М.: Викмо-М; Русский путь, 2019. Т. 2. Убитая песня. 592 с.

Means of Expression and Functions of Detail in F. I. Chudakov's Autobiographical Short Story "Shamil"

Lapteva Natalya Andreyevna
Blagoveshchensk State Pedagogical University
rusoved12@gmail.com

The study aims to identify the functions of artistic details in the short story "Shamil" by F. I. Chudakov (1888-1918), a talented writer, whose life and creative work were associated with the Amur region for a long time. The research is novel in that it is the first to introduce the never-studied-before autobiographical short story into scientific discourse and to consider artistic language specificity in the author's prose. The article examines the main details depicting the material world, characterising originality of the characters' psychological state, creating humorous, ironic effect. The research findings have shown that the use of details deepens the message of the work and also helps to identify certain important features of the author's worldview.

Key words and phrases: F. I. Chudakov; autobiographical short story "Shamil"; artistic detail; material world; irony.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.71>

Дата поступления рукописи: 13.11.2020

Цель исследования – определить особенности осмысления творчества и личности Л. Н. Толстого в публицистике русской эмиграции в Харбине (Китай). *Научная новизна* заключается в изучении редких архивных материалов (газеты «Заря», «Русское слово») для выявления своеобразия восприятия личности и творчества Л. Н. Толстого в среде дальневосточной эмиграции. *В результате* исследования выявлено, что личность Л. Н. Толстого вызывает значительный интерес в эмигрантской критике; художественные произведения Л. Н. Толстого интерпретируются на основе биографического подхода; восприятие личности писателя основано на мемуарах, воспоминаниях, наблюдениях очевидцев и практически лишено апологетики; религиозно-философские взгляды Л. Н. Толстого воспринимаются критически.

Ключевые слова и фразы: публицистика русской эмиграции в Китае; газеты «Заря», «Русское слово»; рецепция творчества Л. Н. Толстого.

Струк Анна Андреевна
Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск
anna.struk88@yandex.ru

Восприятие Л. Н. Толстого в публицистике дальневосточной эмиграции

Введение

Литературно-критическая публицистика дальневосточной эмиграции до настоящего времени не подвергалась систематическому научному анализу. Исследование публицистического наследия русской эмиграции в Китае зачастую осложняется недостатком фактического материала, частичной утратой некоторых материалов, широкой географией расположения и хранения подшивок эмигрантских газет и журналов в архивах и библиотеках (Хабаровск, Владивосток, Москва, Китай, Австралия, США). *Актуальность* исследования определяется необходимостью изучения материалов русской эмиграции в Китае, посвященных отечественной литературе, которые являются важной частью национальной культуры XX века. Именно исследование литературно-критических и эстетических публикаций русской эмиграции в Китае позволяет восстановить целостную картину культурной жизни и духовно-ценностных ориентиров «русского рассеяния» XX века.

В работе ставятся следующие *задачи*: изучить публикации дальневосточной эмиграции, посвященные Л. Н. Толстому; выявить проблематику публикаций, отражающих сферу интересов и специфику восприятия личности писателя и его творчества харбинскими эмигрантами; охарактеризовать основные тенденции восприятия и репрезентации личности и творчества Л. Н. Толстого в публицистике дальневосточной эмиграции.

В работе используются историко-функциональный, герменевтический, типологический *методы исследования*.

Теоретической базой исследования, наряду с литературно-критическими публикациями, заметками, очерками русской эмиграции в Харбине (газеты «Заря», «Русское слово»), послужили работы В. Г. Мехтиева, З. В. Пасевич [7], А. А. Хисамутдинова [16], А. А. Забияко, Г. В. Эфендиевой, посвященные изучению наследия дальневосточной эмиграции.

Практическая значимость работы обусловлена необходимостью осмысления литературно-критического наследия дальневосточной эмиграции для восстановления общей картины истории и культуры русского зарубежья XX века. Результаты исследования могут быть применены в ходе дальнейшего изучения публицистики дальневосточной эмиграции, в практике вузовского преподавания истории русской литературы, разработке учебных и учебно-методических пособий.

Л. Н. Толстой в публицистике дальневосточной эмиграции

Статьи, посвященные русским писателям, их литературному наследию, анализу и интерпретации классических и современных текстов русской литературы, являлись важной частью публицистики дальневосточной эмиграции. В газетах восточной ветви русской эмиграции, таких как «Заря», «Рупор», «Русское слово», «Рубеж», русской литературе уделялись целые тематические рубрики. Обращение к творчеству классиков русской литературы, в частности к творчеству Л. Н. Толстого, носило характер популяризации и пропаганды русской литературы в эмигрантской среде, а также являлось своеобразной попыткой сохранения культурной идентичности в условиях изоляции.

Личность и творчество Л. Н. Толстого вызывали в эмигрантской прессе Харбина стабильный интерес. Заметки о Толстом регулярно появлялись на страницах газеты «Заря» (1920-1943 гг.) начиная с 1926 года. Информационные поводы для написания статей о писателе были различными: появление в зарубежной печати мемуаров современников или родственников Л. Н. Толстого, выход в свет новых научно-аналитических работ, посвященных Толстому, проведение в Харбине публичных мероприятий (лекций) о Толстом, интервью с толстовцами и т.д.

Статьи о Л. Н. Толстом в «Заре» публиковали такие представители европейской и дальневосточной эмиграции, как А. В. Амфитеатров (1862-1938), Митрополит Антоний (А. П. Храповицкий) (1863-1936), П. М. Пильский (1879-1941), Г. Г. Сатовский-Ржевский (1869-1943), А. А. Яблоновский (1870-1934), П. Тищенко, Я. Л. Лович, В. Свирский, В. В. Цингер, Р. Словцов.

Корпус публикаций, посвященных Л. Н. Толстому, в периодике дальневосточной эмиграции не так обширен, как об А. С. Пушкине [7], тем не менее позволяет сделать выводы о модусе восприятия творчества и личности Толстого.

Специфика восприятия личности и творчества Л. Н. Толстого в публицистике дальневосточной эмиграции

Собственно художественные особенности творчества Л. Н. Толстого в харбинской публицистике практически не затрагивались; здесь эстетическая мысль дальневосточной эмиграции шла по традиционному пути признания выдающихся достоинств толстовской прозы. Проблемы поэтики Толстого отходили на второй план по сравнению с полемическими трактовками фактов личной жизни и духовных исканий писателя. Характеристики художественного мастерства Толстого, представленные ниже, возникали либо в контексте отзыва на литературоведческое исследование, либо в связи с попытками постижения личности писателя.

Харбинские эмигранты внимательно следили за культурной и литературно-издательской деятельностью Советского государства. Распространенным явлением в эмигрантской публицистике были отзывы на советские литературоведческие исследования и издания русских классиков. Примерами подобных публикаций являются статьи Р. Словцова и П. М. Пильского. Р. Словцов в статье «Новое о Толстом» публикует отзыв на «целый ряд неопубликованных до сих пор писаний Л<ьва> Н<иколаевича>», опубликованный в «юбилейном издании полного собрания... сочинений в пятом, недавно вышедшем, томе» [13, с. 3-4]. Поводом для статьи П. М. Пильского «Дни Л. Н. Толстого» [5, с. 2] становится выход в Москве книги Н. Н. Гусева «Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого» (1936 г.). «К сожалению, меньше всего сведений мы имеем как раз о крупнейших его романах – “Войне и мире” и “Анне Карениной”» [Там же], – замечает П. М. Пильский.

Опираясь на материалы «Летописи...», Пильский дает восторженную характеристику писательской работе Толстого: «Без источников и материалов он не мог и не хотел работать. Его писательская добросовестность бывала иногда чрезмерной» [Там же]. Отмечает присущую Толстому постоянную неудовлетворенность написанным, перфекционизм, стремление работать над текстом, пока он не будет доведен до формального совершенства: «...читая корректуры романа для “Русского Вестника”, Толстой находил, что “все в них скверно и все надо переделать”» [Там же]. Несмотря на «отвращение» и «усталость» от работы над «Анной Карениной», этот роман был дорог Толстому «не только как чисто беллетристическое произведение, но еще и как история перелома в душе Левина» [Там же]. В конце статьи Пильский обращается к характеристике личности Толстого: «...со страниц “Летописи” встает... цельный образ мятущегося, упорного в своих исканиях великого человека... великой и страстной души, никогда не удовлетворявшейся узаконенными формами, обычными и знакомыми путями жизни» [Там же].

Г. Г. Сатовский-Ржевский обращается к анализу творчества Толстого в биографическом аспекте. В статье «Тирания любви» [10, с. 3] Сатовский-Ржевский дает неоднозначную оценку «автобиографическим» типам героев в творчестве Толстого, трактуя их как «мало замаскированные “автопортреты” и проявление “глубокого эгоцентризма”» натуры Толстого [Там же].

По словам Сатовского-Ржевского «все главные герои толстовских творений, – начиная маленьким Николенькой из “Детства и отрочества” и до князя Нехлюдова в “Воскресении”, – Оленин, Пьер Безухов, Левин, герой “Семейного счастья” и т.д., – все щедро наделены чертами характера творца, и в особенности, основной, – эгоцентризмом, ощущением своего “я”, как центра мироздания, способностью видеть мир Божий только в преломлении через призму личного душевного мира» [Там же]. В концепции Сатовского-Ржевского творчество Толстого предстает как прямое отражение личности автора, его пороков и специфических качеств. В этой же статье Сатовский-Ржевский уподобляет отношения Л. Н. Толстого с дочерью к отношениям старого князя Болконского из романа «Война и мир» к дочери Марье: «Кто же не помнит фигуры старого князя Болконского и его отношений к княжне Марии, обращенной им в настоящую мученицу. Старик Болконский

мучился сознанием некрасивости своей дочери и эти свои мученья вымещал на ней же, в то же время безумно ревнуя ее к будущему, возможному... мужу. Почитайте “воспоминания” А. Л. Толстой, письма Л<ьва> Н<иколаевича> к старшей дочери Маше, и вы увидите, что теми чувствами, что и старик Болконский, был раздираем и сам творец “Войны и Мира” в отношении своих дочерей» [Там же].

Загадка личности Л. Н. Толстого, его нравственно-философское учение и его роль в русском обществе, а также проблема семейных отношений Толстого, обстоятельства и психологические причины его трагического бегства из Ясной Поляны – вот основные темы, занимавшие умы авторов дальневосточной эмиграции.

Восприятие личности Л. Н. Толстого в публицистике Харбина часто носило личностно окрашенный, документальный характер: некоторые авторы имели опыт личного общения с писателем (Г. Г. Сатовский-Ржевский в статье «Четверть века “творимой легенды”» [9, с. 3] признается, что «на школьной скамье» «возымел дерзость» написать Л. Н. Толстому письмо и даже получил на него ответ, А. А. Яблоновский в качестве корреспондента «Киевской мысли» присутствовал на похоронах Толстого [18, с. 2], В. В. Цингер пишет: «...я еще зеленым юношей впервые попал в дом Толстых» и «был встречен, как “племянник Раевского” и “сын профессора Цингера”» [17, с. 2] и т.д.), были живы и находились в эмиграции последователи учения Толстого (статья К. Бельговского «Преследование толстовцев» [3, с. 3]), в эмигрантской печати выходили мемуары дочерей Толстого, также находившихся в эмиграции (две статьи Г. Г. Сатовского-Ржевского являются откликами на мемуары А. Л. Толстой – «Трагедия Толстого» [11, с. 2] и «Тирания любви» [10, с. 3]; на основе мемуаров современников и членов семьи Л. Н. Толстого написана также статья Я. Л. Ловича «Великий в мелочах. К 30-летию со дня смерти Л. Н. Толстого» [4, с. 3]). Непосредственный опыт восприятия, личные впечатления от соприкосновения с живым классиком русской литературы составляют значимую часть публикаций о писателе. Толстой воспринимается как живой современник, с которым возможен диалог, даже спор, несмотря на его признанный авторитет. Такая линия восприятия кардинально отличается от восприятия, например, Ф. М. Достоевского, который предстает в публицистике русской эмиграции в Харбине как несколько мифологизированная фигура, «пророк», «провидец», «самый русский среди русских» [14].

Интересно, что восприятие личности Толстого в публицистике дальневосточной эмиграции почти лишено налета апологетики, более того, является достаточно критическим. Ярким примером подобного восприятия Толстого является публицистика Г. Г. Сатовского-Ржевского. На страницах газеты «Заря» Л. Н. Толстому Сатовский-Ржевский посвятил четыре статьи («Тирания любви», 1932 г.; «Трагедия Толстого», 1935 г.; «Четверть века “творимой легенды”», 1935 г.; «Как “пишется история”», 1936 г.), в которых своеобразную трактовку получают личность Толстого, его семейные отношения, трагический уход из Ясной Поляны. Сатовского-Ржевского интересует преимущественно личность Толстого, внешние обстоятельства жизни писателя и их скрытые, внутренние, духовные мотивировки.

В уже упоминавшейся статье «Тирания любви» Г. Г. Сатовский-Ржевский трактует Толстого как «совершеннейший образец натуры, глубоко эгоцентрической» [10, с. 3]. Напряженная рефлексия и самоуглубленность Толстого связана, по мнению Сатовского-Ржевского, в первую очередь, с эгоизмом и заикленностью на себе, которые проявляются даже в сочинениях морально-философских и религиозных [Там же]. Познакомившись с «Воспоминаниями об отце» дочери Толстого Александры Львовны, Г. Г. Сатовский-Ржевский пишет: «Эгоцентризм великого человека принимает формы самого грубого эгоизма в его отношениях к наиболее близким ему людям – жене и детям» [Там же]; в конце статьи автор делает вывод, что Толстому был присущ «грубый эгоизм человека, проглядевшего заветы Христа, угрожающие “потерю души” тому, кто чрезмерно занят ее сохранением» [Там же].

В другой публикации, «Трагедия Толстого» [11, с. 2], Г. Г. Сатовский-Ржевский касается темы семейных отношений Л. Н. Толстого. Опираясь на «Воспоминания» А. Л. Толстой, Сатовский-Ржевский анализирует причины семейного кризиса Толстых, причем автор считает «трагедию» семьи Толстого явлением типическим, отражающим универсальные для русского общества конца XIX – начала XX века процессы. «Развал русской семьи» и «развенчание института брака» [Там же], запечатленные Л. Н. Толстым в повести «Крейцера соната», Г. Г. Сатовский-Ржевский считает следствием отступления от традиционного христианского семейного идеала. По мнению Сатовского-Ржевского, причинами кризиса в семье Толстых выступали «духовная рознь с женою» и детьми, усиливавшаяся «по мере развития религиозных исканий писателя», затем, отсутствие приватности семейной жизни, по словам Сатовского-Ржевского, в дом Толстых «позволяли себе бесцеремонно заглядывать и друзья, и недруги, и просто охочие люди», и, наконец, толстовское «отношение к материальным благам», которое подпитывалось «непомерной авторской гордыней писателя» [Там же] и которое не могли разделять все члены его семьи.

Интерес представляет оценка, данная автором статьи источнику материала – «Воспоминаниям» А. Л. Толстой: «Жадно поглощал я каждую строку этих бесхитростных, местами прямо наивных мемуаров, заново переживая, вместе с этою всем русским людям дорогою семьею, все перипетии ее тяжелого, болезненного развала, и каждая новая страница только укрепляла во мне мысль: как было бы хорошо, если бы этот труд А. Л. не увидел света!» и далее: «Вот уж подлинно не ведала, что творила она, публикуя свои “воспоминания”!» [Там же]. Г. Г. Сатовский-Ржевский косвенно объясняет такую негативную оценку: «денежный интерес» побуждает родных Толстого к написанию скандальных мемуаров, которые превращаются в «ходкий литературный товар», а желание «скрыть семейную драму от посторонних глаз» приводит к плачевным последствиям: тень, бросаема на репутацию писателя, сродни «кощунственным выходкам» «предракою чтимого народом святого» [Там же].

Статья-размышление «Как “пишется история”» [8, с. 3] является своеобразной рефлексией на тему «куда собирался направиться Л. Толстой, бежав из родного дома» [Там же]. В эмигрантской прессе иногда появлялись различные предположения по этому вопросу, в том числе высказывались предположения, что Толстой планировал отправиться за границу в Венгрию. Г. Г. Сатовский-Ржевский посвящает свою статью полемике с этими гипотезами: «Трудно представить себе утверждение, более ошибочное и несообразное с действительностью». «Заключать... о положительном желании Толстого прожить остаток дней на чужбине... нет решительно никаких оснований» [Там же]. С точки зрения Сатовского-Ржевского, Толстой был слишком «крепко привязан к низовому родному народу» [Там же]. Кроме того, по мнению автора, бегство Толстого за границу было невозможно по психологическим причинам: «Для него было важнее всего – не упустить мгновенного подъема воли, т.к. если бы он отложил свой “исход” хотя бы до утра, разъездившая его долгие годы рефлексия успела бы сделать свое дело, и он снова отдался бы бесконечным колебаниям, самообвинениям и самооправданиям» [Там же]. Ключ к пониманию причин бегства Толстого из Ясной Поляны нужно искать в его дневниках; они объясняют, как «разъезжающая» рефлексия Толстого мешала «всякому “прямоу действию” в серьезных вопросах». «Бежав, Толстой совершенно не знал, куда бежит. Жизнь в родном доме стала для него до такой степени невыносимой, что потребность “уйти” от нее пересилила все соображения о “куда”. Да – и то сказать, разве для человека его нравственного склада “отойти от зла” не значило, само по себе, “сотворить благо”?» [Там же].

Наиболее значимой для понимания особенностей восприятия личности Л. Н. Толстого Г. Г. Сатовским-Ржевским является публикация «Четверть века “творимой легенды”» [9, с. 3], приуроченная к 25-годовщине смерти Л. Н. Толстого. Автор подходит к своей теме очень осторожно, с оговорками, отмечая, что для того, чтобы писать о Л. Н. Толстом, требуется «идти до пределов смелости»: «Что же может прибавить ко всему о нем сказанному безвестный провинциальный журналист в небольшой сравнительно газетной статье?»; журналисты связаны пониманием «несоизмеримости собственных средств с размерами предметов, каких, по обязанности, нам приходится касаться» [Там же]. Тем не менее любое мнение о великом человеке представляет известную ценность, поскольку «наиболее великий даже человек каждого из смертных имеет два лица: то, какое за ним признано общественным судом, и то, каким воспринял его я сам» [Там же]. Акцентировав субъективность своего мнения о Толстом, Г. Г. Сатовский-Ржевский переходит к формулированию тезисов о писателе. «Искание им высшей нравственной правды проходит красной нитью через все его творчество, через всю его личную жизнь», – пишет Сатовский-Ржевский. «Но никакого стройного, законченного учения в этой области он не создал, а попытка его “исправить христианство” представляется самую слабую сторону всей его литературной деятельности» [Там же]. И далее: «Могу ли я, вместе с Л<ьвом> Н<иколаевичем>, признавать вред не только денег, но и армии, и суда, и полиции, и государства, и даже науки? – Нет, и нет! Что необходимо любить ближнего, как самого себя, это мне внушили и дома, и в школе на уроках Закона Божия, но как достигнуть этого, не питая такой любви, – сочинения Л<ьва> Н<иколаевича> мне не открывают» [Там же]. Сатовский-Ржевский отмечает, что Л. Н. Толстому «было дано так много из всего, чего только мог пожелать самый требовательный земной человек», но он все равно оставался неудовлетворенным и несчастным [Там же]. Причина этой неудовлетворенности жизнью, по мнению автора, кроется в том, что Л. Н. Толстой «являлся натурой глубоко эгоцентрической и больше всего в жизни был занят самим собой», ярко проявлялась эта черта в толстовских «дневниках и дневничках», в которых заметно «микроскопическое исследование... самых незначительных своих поступков... и мельчайших душевных движений» [Там же]. Далее автор резюмирует: «себялюбивые и эгоистичные натуры не могут обрести счастья, поскольку «высшее счастье приходит вместе с растворением личности человека в своем ближнем»; на склоне лет Л. Н. Толстого ждало разочарование в себе и людях, потому что «истинного христианского смирения он так и не смог выработать в себе, несмотря на искреннее стремление к нему» [Там же].

Сходные характеристики личности Л. Н. Толстого можно найти в статьях А. В. Амфитеатрова «Житие без чудес» [1, с. 3] и П. М. Пильского «Мнози борют мя страсти...» [6, с. 2].

А. В. Амфитеатров делает акцент на противоречивости и бурной страстности толстовской натуры, называя Толстого «своенравным богоборцем с самим собой» [1, с. 3]. По словам Амфитеатрова, в Толстом было «много насильственного, согнутого под предвзятые теории», его «тянуло к отречению, что от благой, что от дурной сути своего “я”; вечно бросало во что-нибудь резко противное тайным глубинам его природных тяготений и устремлений» [Там же]. Фундаментальным для понимания личности Л. Н. Толстого А. В. Амфитеатров считает вопрос о вере: «Толстой любил Христа, но закоснелый рационализм препятствовал ему признать Его божественность. Христос без божественности... уже не Христос, Спаситель мира, а кто-то другой, неведомый – и светлый ли? Толстой очень хорошо понимал это и болезненно страдал чуткою душою, что не тот его Христос – как будто, и похож, а нет, не тот» [Там же].

В интерпретации П. М. Пильского Л. Н. Толстой предстает как человек, «все время сдерживающий себя, свою горячую и страстную стихийную силу, неизменный в своем стремлении к дисциплине, ясности и аскетизму», обладающий «беспокойной душой», «страстным сердцем» и в то же время «деспотической требовательностью» [6, с. 2]. При этом существенными чертами личности писателя, по мысли П. М. Пильского, предстают цельность («Духовная жизнь Толстого необыкновенно последовательна в своей внутренней логичности и цельности. Его старость развивала идеи и чувствования, посеянные юностью») и ригоризм («В этом человеке гнездилась великая идейная неуживчивость. Он не умел примиряться». «Во имя этих... правил нравственности бессознательно Толстой делит мир на две неравные части. Есть свои и есть чужие. Существуют единомышленники и несогласные. Первые признаны. Вторые чужды и осуждены» [Там же]).

Основные тенденции восприятия и репрезентации личности и творчества Л. Н. Толстого в публицистике дальневосточной эмиграции

Рассмотрим некоторые тенденции восприятия и репрезентации личности и творчества Л. Н. Толстого в публицистике дальневосточной эмиграции.

1. Художественным особенностям творчества Л. Н. Толстого в критике дальневосточной эмиграции уделялось мало внимания. Упоминания художественных текстов Толстого, как правило, связаны с попытками постижения личности писателя; анализ данных текстов опирается на биографический подход. Авторы эмиграции ставят знак равенства между толстовскими «автобиографическими» героями и личностью самого Л. Н. Толстого. Г. Г. Сатовский-Ржевский выражает мнение, что не только герои-«правдоискатели» Толстого «щедры» наделены чертами характера автора, но и, например, такие персонажи, как старый князь Болконский. Определенный интерес для авторов эмиграции представляет писательская манера Л. Н. Толстого, в которой в том числе проявлялась «страстность» его натуры; характерными чертами писательской индивидуальности Толстого отмечаются его художественное новаторство, неудовлетворенность устоявшимися литературными формами, перфекционизм, писательская добросовестность, стремление к жизненной правде.

2. Одной из важнейших тенденций репрезентации творчества Толстого в публицистике харбинской эмиграции является критика его религиозно-философских работ («Исповедь» (1882 г.), «В чем моя вера?» (1884 г.), «Исследование догматического богословия» (1884 г.)). Несмотря на позиционирование газеты «Заря» как демократического органа, ее авторы часто выступали с консервативно-монархических, националистических и традиционалистских религиозных позиций, что отразилось и в публикациях о Л. Н. Толстом. Взгляды Толстого на религию, брак, собственность и другие общественные институты вызывали неприятие и активно подвергались критике в эмигрантской печати. В газете «Русское слово» (газета имела подзаголовок «Орган национальной русской мысли») был опубликован отрывок из работы митрополита Антония (Храповицкого) о Толстом, в котором взгляды Толстого характеризуются как «оскорбительные для религиозного чувства», указывается на то, что писатель «мало дорожил подлинным смыслом Евангелия» и в целом «религиозные идеи Льва Толстого» отличаются скудостью «сравнительно с православным пониманием» [2, с. 5-6]; Г. Г. Сатовский-Ржевский на страницах «Зари» относит религиозно-философские работы Толстого к самой «слабой» части его творчества, пишет о том, что духовный опыт Толстого невозможно «применить в собственной жизни» [9, с. 3], более того, именно ложные религиозные искания привели Толстого к духовному кризису и отчуждению от семьи [11, с. 2].

Несмотря на неприятие и критику религиозно-философского учения Л. Н. Толстого, ограничения деятельности толстовцев в Советском Союзе вызывали порицание в эмигрантской прессе (например, публикация К. Бельговского «Преследования толстовцев» [3, с. 3]).

3. Самой актуальной для критики дальневосточной эмиграции представляется проблема личности Л. Н. Толстого. Попытки раскрыть тайну личности Толстого, опираясь на обстоятельства его семейной жизни, факты и домыслы, связанные с его уходом из Ясной Поляны и смертью, составляют содержательное ядро большинства публикаций о писателе. Рассмотрим ряд личностных характеристик, которые выделяют авторы русской эмиграции в духовном облике Л. Н. Толстого.

1) Цельность (или, напротив, «противоречивость») натуры. В вопросе интерпретации духовной эволюции Толстого в публицистике харбинской эмиграции нет единства. П. М. Пильский считает Толстого образцом натуры логичной, последовательной и цельной, поскольку суть толстовского самосознания и учения оставалась неизменной всю его жизнь. Суть эта – «борение человека с самим собой», победа «высшего», духовного начала над «низшим» плотским [6, с. 2]. Противоположной точки зрения придерживаются А. В. Амфитеатров, Г. Г. Сатовский-Ржевский, В. В. Цингер. А. В. Амфитеатров тоже использует мотив «борьбы с самим собой» в характеристике Толстого, но придавая ему противоположную трактовку: Толстой был человеком, раздираемым глубокими противоречиями, в котором трагически боролись рационализм и стремление к вере. Аналогичным образом представляет себе личность Толстого Г. Г. Сатовский-Ржевский, отмечая, что поведение и психология Толстого являли собой «парадокс, гнездящийся на парадоксе». Противоречивость Толстого проявлялась в его постоянной «разъедающей рефлексии», сомнениях [9, с. 3]. В. В. Цингер отмечает, как мало молодой Толстой был похож «на того Толстого, которого позднее знало наше поколение» [17, с. 2]. Удивление вызывает резкая трансформация Толстого, страстного любителя охоты, – в Толстого-вегетарианца; вспыльчивого Толстого, которому «под сердитую руку случалось побить крепостного человека» – в Толстого, с непротивлением злу насилием, преклонением перед народом; Толстого-любителя грубых словечек и сквернословия – в Толстого, который «ругаться вообще не мог» [Там же].

2) Эгоизм. Одна из существеннейших черт личности Л. Н. Толстого, по мнению Г. Г. Сатовского-Ржевского. По его мнению, «грубый эгоизм», «сосредоточенность на себе» Толстого особенно ярко заметны в дневниковых записях, художественном творчестве, проецирующем личные качества писателя, отношениях с семьей и, наконец, в мировоззренческих исканиях. По замечанию Сатовского-Ржевского, в отношениях с близкими, особенно с дочерьми, Толстой также демонстрировал «ревность» и «тщеславие», проистекавшие из эгоцентризма, стремясь навязать свое авторитетное мнение и контролировать все сферы их жизни.

3) Ригоризм, жесткость, бескомпромиссность суждений. Такие качества были присущи Л. Н. Толстому, по мнению ряда авторов, среди которых Г. Г. Сатовский-Ржевский, П. М. Пильский, А. В. Амфитеатров, митрополит Антоний (Храповицкий).

4) Авторская гордыня. Стремясь воплотить в собственной жизни принципы своего учения, Толстой ничуть не беспокоился о чувствах своей семьи и пытался навязать им «ложные» убеждения. С точки зрения Г. Г. Сатовского-Ржевского, скандал с тайным завещанием Л. Н. Толстого и его попытки отказаться от авторских прав на свои произведения – не что иное, как проявление «непомерной» авторской гордыни [11, с. 2].

5) В. Свирский выделяет следующие характеристики личности Л. Н. Толстого: импульсивность, религиозность, любовь к человечеству [12, с. 2]. Любовь к человечеству, проявляющуюся в виде интернационализма Л. Н. Толстого, отмечает П. Тищенко: Толстому присуще «глубоко сочувственное отношение... к нациям Дальнего Востока», «симпатия и интерес» к культуре Японии и Китая [15, с. 3]. Об импульсивности и «вспыльчивости», горячности Толстого пишет также В. В. Цингер [17, с. 2]. Г. Г. Сатовский-Ржевский бегство Толстого из Ясной Поляны считает поступком импульсивным, «лишенным обычной человеческой логики» [9, с. 3].

6) Любовь к своему народу. Качество, которое, с точки зрения большинства авторов дальневосточной эмиграции, служит как бы «искупающим» фактором, оправдывающим все предшествующие негативные личностные характеристики Л. Н. Толстого и придающим статус поистине национального писателя.

Заключение

В результате исследования можно сформулировать следующие *выводы*:

1. Для литературно-критической публицистики дальневосточной эмиграции характерно специфическое восприятие личности и творчества Л. Н. Толстого. Опорой в осмыслении личности и творчества Толстого выступают воспоминания, мемуары, наблюдения и заметки живых современников писателя.

2. Творчество писателя рассматривается преимущественно в биографическом аспекте; основная часть публикаций посвящена проблеме осмысления своеобразия психологического и духовного мира писателя. Восприятие личности Л. Н. Толстого авторами дальневосточной эмиграции является в достаточной мере критическим и полемическим.

3. Основными тенденциями восприятия и репрезентации личности и творчества Л. Н. Толстого являются смысловой акцент на биографии, личной жизни, семейных отношениях писателя; критика религиозно-философского учения Л. Н. Толстого; интерес к психологии и духовному миру писателя. Стремясь создать образ писателя, противоположный советским социологическим штампам («Лев Толстой как зеркало русской революции»), авторы эмиграции обращают внимание на сложность, противоречивость, непоследовательность духовного мира Л. Н. Толстого. Если советское литературоведение предлагает вариант трактовки личности Л. Н. Толстого как человека, всю жизнь преодолевавшего привитые ему сословные, «барские» нормы жизни, то эмигрантская критика создает оригинальный, трагический образ писателя, в ходе духовных исканий утратившего гармонию.

В рамках данной работы на примере публикаций, посвященных Л. Н. Толстому, рассматривается один из аспектов изучения литературно-критического и эстетического наследия дальневосточной эмиграции. *Перспективы дальнейшего исследования* связаны с выявлением типологических идейно-ценностных, проблемных и жанрово-стилевых особенностей восприятия русской литературы представителями дальневосточной эмиграции.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 19-012-00380, проект «Русская литература в критике и публицистике русской эмиграции Китая».

Список источников

1. Амфитеатров А. В. Житие без чудес // Заря. 1934. 18 ноября.
2. Антоний (Храповицкий А. П.) О Льве Толстом // Русское слово. 1933. 8 октября.
3. Бельговский К. Преследование толстовцев // Заря. 1930. 5 марта.
4. Лович Я. Л. Великий в мелочах. К 30-летию со дня смерти Льва Николаевича Толстого // Заря. 1940. 24 ноября.
5. Пильский П. М. Дни Льва Николаевича Толстого // Заря. 1936. 17 сентября.
6. Пильский П. М. «Мнози борют мя страсти...» // Заря. 1926. 6 июня.
7. Русская эмиграция в Китае. Критика и публицистика. «...сын Музы, Аполлонов избранник»: статьи, эссе, заметки о личности и творчестве А. С. Пушкина / отв. ред. В. Г. Мехтиев. М.: Худож. лит., 2019. 496 с.
8. Сатовский-Ржевский Г. Г. Как «пишется история» // Заря. 1936. 2 февраля.
9. Сатовский-Ржевский Г. Г. Лев Николаевич Толстой. Четверть века «творимой легенды» // Заря. 1935. 17 ноября.
10. Сатовский-Ржевский Г. Г. Тирания любви // Заря. 1932. 13 декабря.
11. Сатовский-Ржевский Г. Г. Трагедия Толстого // Заря. 1935. 29 января.
12. Свирский В. Американский священник об учении Льва Толстого. Гете. Толстой. Три периода его жизни. От нашего собственного шанхайского корреспондента // Заря. 1938. 21 февраля.
13. Стрцов Р. Новое о Толстом // Заря. 1932. 5 февраля.
14. Струк А. А. Восприятие Ф. М. Достоевского в публицистике дальневосточной эмиграции // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 12. С. 35-39.
15. Тищенко П. Толстой о нациях Востока. К 20-летию со дня смерти // Заря. 1930. 24 января.
16. Хисамутдинов А. А. Литературные псевдонимы русских эмигрантов в Китае: материалы к справочнику // Русский Харбин, запечатленный в слове / под ред. А. А. Забияко, Г. В. Эфендиевой. Благовещенск: Издательство Амурского государственного университета, 2017. С. 95-138.
17. Цингер В. В. Мелочи о Толстом // Заря. 1935. 19 июля.
18. Яблоновский А. А. Как хоронили Толстого. К годовщине смерти // Заря. 1930. 28 ноября.

Perception of L. N. Tolstoy in the Far Eastern Emigration's Opinion Journalism

Struk Anna Andreevna

Pacific National University, Khabarovsk
anna.struk88@yandex.ru

The purpose of the study is to identify peculiarities of consideration of L. N. Tolstoy's creative work and personality in the Russian emigration's opinion journalism in Harbin (China). Scientific novelty of the paper lies in studying rare archival materials (the newspapers "Zarya", "Russkoe Slovo") to determine the unique nature of perception of L. N. Tolstoy's personality and creative work in the Far Eastern emigration community. As a result of the study, it was found that Tolstoy's personality is of considerable interest in emigrant criticism; his creative works are interpreted on the basis of the biographical approach; perception of the writer's personality is based on memoirs, recollections and eyewitnesses' observations and is almost completely devoid of apologetics; Tolstoy's religious and philosophical views are perceived critically.

Key words and phrases: journalism of the Russian emigration in China; newspapers "Zarya", "Russkoe Slovo"; reception of L. N. Tolstoy's creative work.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.72>

Дата поступления рукописи: 12.11.2020

Цель исследования – выявить композиционные закономерности трилогии, обозначить ее архитектурно-циклообразующие константы на материале трилогии Дины Рубиной «Наполеонов обоз». **Научная новизна** заключается в следующем: выявлены новые принципы организации текста Рубиной, впервые описаны приемы монтажа различных художественных пространств, использование кинематографических стратегий в организации временного континуума, сопряжение различных хронологических линий по принципу палимпсеста. **В результате** доказано, что этот метод является специфическим для новейшей прозы писательницы и получил наиболее полное развитие в ее трилогии «Наполеонов обоз».

Ключевые слова и фразы: Дина Рубина; трилогия; композиция; монтаж художественных пространств.

Тулушева Елена Сергеевна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва
be-so-happy@yandex.ru

Композиционные приемы монтажа в трилогии Дины Рубиной «Наполеонов обоз» как средство циклообразования

Введение

Актуальность изучения прозы Дины Рубиной определяется большим интересом к творчеству писателя не только со стороны читателей, но и со стороны ученых: так, новейшие трилогии буквально в первые годы после появления подвергаются анализу [5; 6], творчеству писательницы посвящаются диссертации [1; 21] и монографии [25]. В то же время обширный корпус исследований, посвященных творчеству Рубиной, не уделяет должного внимания художественному методу монтажа различных временных и пространственных планов в ее прозе.

Это обусловило постановку следующих **задач** исследования: рассмотрение специфического метода «монтажной склейки», сопряжения разноплановых художественных миров в тексте; становление и развитие этого метода в прозе Рубиной; выявление особенностей данного способа организации художественной модели мира в новейшей трилогии писателя «Наполеонов обоз». Для решения поставленных задач использовались **методы** контекстуального анализа, семантического анализа, структурной перекомпоновки хронотопов произведения с восстановлением недискретной хронологии.

Проза Дины Рубиной рассматривается современными исследователями через призму «городского текста» – ташкентского, львовского, иерусалимского, сибирского [24; 25], в качестве образца «семейной саги» [1], в разрезе русского мистического реализма [21; 22]. Метод монтажа, используемый писательницей, упоминается в диссертации А. Г. Сильчевой в контексте хронотопической специфики трилогии Рубиной «Люди воздуха»: «...для подчеркивания уникальности личности, стоящей в центре авторского мифа, Дина Рубина творит эоническое время, предполагающее одновременное существование прошлого, настоящего и будущего. Чтобы добиться этого эффекта, она использует перемежающееся в относительно крупных фрагментах текста («Белая голубка Кордовы» и «Синдром Петрушки») и в малых фрагментах («Почерк Леонардо») мозаичное повествование, в ходе которого читатель то сопереживает взрослому герою, то погружается в его детство и юность. Категория пространства в данном случае подчинена категории времени – постоянное переключение временных планов неизбежно предполагает смену локаций» [21, с. 176]. Указанные работы составляют **теоретическую базу** настоящего исследования.

Постоянное перемещение действия из детства или юности персонажа в его взрослую жизнь служит раскрытию образа центрального героя (или героев), и, как отмечено во многих исследованиях [2-4; 7-9], составляет центр художественного мира романов Дины Рубиной. Уникальность авторского метода состоит в том, что Рубина разворачивает историю формирования и становления персонажа не последовательно, а с помощью своего рода «флешбеков» – вспыхивающих воспоминаний о детстве и юности, которые в тексте не всегда выстроены в хронологическом порядке. **Практическая значимость** исследования этого метода обусловлена возможностью использования полученных выводов в ходе преподавания курса современной русской литературы в школах и вузах, а также в спецкурсах, посвященных творчеству Дины Рубиной.

Становление метода «монтажной склейки» в прозе Дины Рубиной

Обращения к истории семьи, к детским воспоминаниям характерны и для ранней прозы Рубиной, однако в романах и повестях 1990-х годов они присутствуют эпизодически, не превращаясь в полноценный параллельный сюжет. В рассказе «Яблоки из сада Шлицбутера» (1992) уже намечены координаты «монтажной склейки»: героиня, взрослая женщина, вспоминает о своем детстве и истории своей семьи, при этом переход к описанию детства и юности осуществляется в тексте дважды, и оба раза он мотивирован. Так, сначала рассказчица обнаруживает, что она понимает идиш, и вспоминает, каким образом ей удалось его выучить: «– Говори по-русски, – сказал на идише усталый голос. – Сколько тебе повторять! Мы не знаем, куда эта счетовод захочет стукнуть по шовинизму на местах.

На протяжении этого диалога я растерянно молчала, ибо открытие, что я понимаю идиш, поразило меня... К тому времени прошло лет пятнадцать, как я не слышала вечно препирающихся бабушку с дедом, и полагала, что давно забыла этот совершенно не нужный мне язык – бедный скарб в холщовой суме вечного скитальца» [11, с. 247]. Второй раз погружение в мир детства осуществляется уже не с помощью «монтажной склейки», но через рассказ о семье другим персонажам.

В последующих произведениях Рубина часто обращается к теме детства, семьи, памяти рода, однако в большинстве случаев используются единичные вставки-воспоминания. Способ монтажа двух временных планов с их постоянным переключением получает наиболее полное проявление в трилогиях «Люди воздуха», «Русская канарейка» и «Наполеонов обоз». В романе «Почерк Леонардо», открывающем трилогию «Люди воздуха», Рубина помещает действие каждой главы в свой временной период – так, глава 1 открывается рассказом о детстве Анны, глава 2 – начало рассказа музыканта Сени, который в письме Анне вспоминает о своем детстве, глава 3 – начало рассказа бывшего мужа Анны Владимира, который беседует со следователем после таинственной гибели Анны, глава 4 снова продолжает историю детства Анны, глава 5 – продолжение рассказа Сени, главы 6 и 8 – детство Анны, глава 7 – рассказ Сени, главы 9 и 10 – рассказ Владимира и т.д. [15]. Иными словами, в романе присутствуют три сюжета: история Анны-ребенка, ее вхождения в семью Марии и Анатолия, воспитания и дальнейшего развития, история любви Анны и Владимира, которая рассказывается Владимиром, и история любви Анны и Сени, рассказанная самим Сеней в письмах и монологах, обращенных к Анне. По объему первый сюжет, рассказываемый от третьего лица, преобладает, а два других сюжета, представляющих собой взгляд со стороны на Анну и ее необыкновенные способности, развиваются как бы параллельно и занимают в романе сопоставимые объемы текста.

В «Белой голубке Кордовы» [10] вставки о детстве главного героя, Захара Кордовина, уже возникают в формате набранных курсивом небольших фрагментов, не выделенных в отдельные главы, в первой части романа. Вторая часть, наоборот, с первой по четвертую главы полностью посвящена детству Захара, глава 5 продолжает первую часть, опять с вставками-воспоминаниями, набранными курсивом, главы 6-7 – снова о детстве и юности и т.д. – начав с разворачивания детективной истории, составляющей основную фабулу романа, писательница переходит к такому же «перемежающемуся» повествованию, как в «Почерке Леонардо», а затем в третьей части завершается детективный сюжет, снова с небольшими вставками курсивом.

Роман «Синдром Петрушки» [20], как и «Почерк Леонардо», также состоит из трех переплетающихся линий – рассказ о взрослых Петре и Лизе от третьего лица, рассказ о детстве Петра и Лизы также от третьего лица, перемежающиеся по главам, и рассказ от первого лица, от имени врача-психиатра Бориса, друга детства Петра и Лизы, описывающего со стороны их необыкновенную историю любви. Вставки от лица Бориса редки, в основном переплетаются линии Петра-взрослого и Петра-ребенка. Воспоминания о детстве Лизы также поданы в рассказах Петра: с того момента, как он был пленен необыкновенной красотой годовой девочки, и до ее бегства из дома отца, причем самой Лизе – «главной кукле» Петра – слово в романе не дано, у нее как бы отсутствует духовная жизнь. Только Борис, наблюдая со стороны необычный брак-симбиоз Лизы и Петра, задумывается о характере Лизы и приходит к выводу, что вся ее жизнь так или иначе связана с Петром, и иной жизни она себе не представляет.

В «Русской канарейке», в отличие от «Людей воздуха», в трех романах развивается единый сюжет: история двух семей, представители которых встретились и образовали новую семью. В первом томе, «Желтухин» [18], техника монтажа использована следующим образом: в параллельное развитие историй семей Зверолова и Этингера автор вносит вставные эпизоды из современности, описывая концерты «последнего по времени Этингера» – главного героя романа. Во втором [17] и третьем [16] томе трилогии стратегия меняется: основное повествование развивается уже в настоящем времени, при этом автор обращается к прошлому уже взрослого Леона – к его недавнему прошлому, службе в израильской армии, трагической истории любви, а не к далекому детству. Сюжет о Леоне перемежается смонтированными по тому же принципу вставками об Айте – его возлюбленной. В «Русской канарейке» автор прибегает к своего рода «серийной»

технике монтажа – есть два равнозначных персонажа, и каждому уделяется определенное «экранный время», пока они не встретятся и не образуют пару. В отличие от «Людей воздуха», в которых в каждой части был один центральный герой, и именно его развитие и становление освещалось вставками из прошлого, в «Русской канарейке» таких героев двое, и каждый из них продемонстрирован в развертывании своей истории.

Техника монтажа в «Наполеоновом обозе»

Новейшая трилогия Дины Рубиной, «Наполеонов обоз», типологически ближе к «Русской канарейке», чем к «Людям воздуха». «Наполеонов обоз» описывает двух взрослых людей, старше сорока, которые встретились после более чем двадцатилетней трагической разлуки. Первый том разделен на две части: в первой автор рассказывает историю взрослой Надежды, заканчивающуюся на моменте встречи с Аристархом: «И по тому, как они смотрели друг на друга, Изюм понял, что между этими двумя людьми простерлась целая жизнь: и счастливая, и непереносимая. И – потерянная, проигранная. Стертая в пыль» [12, с. 241]. При этом в первой части описание жизни Надежды прерывается ее письмами писательнице Нине и рассказами соседа Изюма, которые также представляют собой отдельные самостоятельные главы. Далее вторая часть посвящена истории юности Аристарха, до момента смерти отца. В первом томе он лишь дважды встречается с Надеждой: в главе «Огненная пацанка», когда она выбегает навстречу незнакомому мальчику из рябинового клина, давшего название всему первому тому, и в главе «Орфей и Эвридика», когда Надежда слушает, как Аристарх играет на английском рожке.

Во втором томе («Белые лошади» [13]) автор переходит к монтажному «перемешиванию» двух историй – как и в других романах, автор перемежает главы об Аристархе главами о Надежде, вставляя и в те и в другие выделенные курсивом отсылки к их теперешней, взрослой жизни. Второй том обрывается на моменте отъезда Аристарха в Израиль, а в предшествующей этому эпизоду краткой, всего на 5 страниц, главе «Обретение Лешика» рассказывается о том, как Надежда забрала рожденного ее сестрой сына Аристарха.

Третий том, «Ангельский рожок» [14], начинается с того момента, на котором оборвалась первая часть первого тома, – встреча взрослых Аристарха и Надежды спустя двадцать пять лет разлуки. При этом жизни вновь обретших друг друга влюбленных посвящены только первая и одиннадцатая главы последнего тома, а девять глав, расположенные между ними, представляют собой уже привычное читателю переключение между жизнями Надежды и Аристарха, и показан «постсоветский» этап их становления и развития: Надежда находит себя в издательском бизнесе, Аристарх работает врачом в тюрьме и узнает о своем утраченном наследстве.

Хронологически события выстроены следующим образом: вторая часть первого тома («Вязники») – второй том (три части – «Юность», «Предательство» и «Разрыв») – середина третьего тома (кроме первой главы и двух последних) – первая часть первого тома («Серединки») – первая глава третьего тома («Завтра») – одиннадцатая и двенадцатая главы третьего тома («Русское подворье» и «Царский перстень»). В части «Серединки» описывается только взрослая жизнь Надежды со sporadическими упоминаниями об Аристархе и вставками-воспоминаниями, в части «Вязники» – только детство Аристарха со sporadическими упоминаниями о Надежде, затем на протяжении всего второго тома и девяти глав третьего идет чередование описаний жизни Аристарха и жизни Надежды.

Трилогия в итоге дает достаточно полное описание жизни двух людей, от младенчества до смерти, при этом «смонтированное» по кинематографическому принципу чередования. Об этом переключении кадра Дина Рубина упоминала в повести «Камера наезжает!», описывая свой опыт взаимодействия с миром кинематографа: «И снята в высшей степени изобретательно: поочередно крупный план – внучек, поигрывающий желваками на высоких скулах половецкого хана; крупный план – сморщенное личико страдающего дедушки. В конце сцены камера наезжает – из правого глаза деда выкатывается скупая актерская слеза.

Кольцо крутилось бесконечной каруселью: лицо внука – лицо деда – скупая слеза; лицо внука – лицо деда – слеза и так далее» [11, с. 134]. Фактически композиция трилогии «Наполеонов обоз» устроена по тому же принципу: «камера наезжает» – подробно описана жизнь одного из героев, далее идет «бесконечная карусель чередований», завершающаяся все тем же крупным планом.

При этом в «Наполеоновом обозе» есть и третий смысловой план, касающийся и Аристарха, и Надежды, – это история наследства офицера Бугеро, который шел с обозом Наполеона и спрятал сумку с драгоценностями, впоследствии завещанными представителю рода Бугеро. История наследства рассказывается во вставных отрывках, вводимых в текст не непосредственным переключением, как чередование «Аристарх – Надежда», но с каким-либо мотивирующим условием: это листки, купленные Надеждой в антикварной лавке, часть диссертации Веры Самойловны Бадаат и пр. Эти вставки возникают в напряженные моменты действия и связаны со смертью отца и матери: Аристарх читает мемуары, когда после смерти его отца и матери старшая сестра решает продать дом, Алексей также обращается к описанию драгоценностей после смерти своих отца и приемной матери. Параллельно присутствуют и намеченные, но не раскрытые полностью истории Изюма, соседа Надежды, писательницы Нины, с которой Надежда переписывается, то есть в трилогии присутствует как минимум пять миров, пять смысловых планов, из которых два являются главными, а три – спорadическими и побочными.

Прием кинематографического монтажа как основа модели мира прозы Дины Рубиной

Чередование миров, используемое Диной Рубиной в крупных прозаических произведениях, представляет собой прием, заимствованный у кинематографа. В современных фильмах сцены крайне редко снимаются

«одним кадром»). Сами съемки, как правило, проходят не в хронологическом порядке, а в соответствии с возможностями определенных актеров и особенностями декораций. После этого сам фильм монтируется с переключением кадров в рамках одной сцены через 5-6 секунд [23], а сцены, в свою очередь, также чередуются, развивая историю не последовательно, а параллельно или мозаично. Особенно это характерно для современных сериалов, в которых обычно представлены 2-3 взаимодействующих друг с другом «мира» (разные семьи, дом и работа и пр.), и каждая серия представляет собой чередование сцен, развернутых в этих мирах.

В прозе Дины Рубиной 2000-х годов развивается и совершенствуется прием кинематографического, сериального монтажа текста: хронологически последовательное развитие истории героя или героини сменяется чередованием фрагментов из различных периодов их жизни, повествование становится мозаичным, раздробленным, и читатель постоянно переключается между мирами двух или более героев. Представляется, что постепенный переход к этой манере обусловлен, во-первых, личным опытом взаимодействия автора с кинематографом: в повести «Камера наезжает!» лейтмотивом является именно искажение текста и связанные с этим отрицательные эмоции автора. Так Дина Рубина начинает сама «кинематографизировать» свои произведения, как бы намечая пунктир возможного будущего сценария (так, «Синдром Петрушки» действительно экранизирован). Помимо этого, следует отметить и другой знаковый момент. Постоянное переключение между разными планами реальности характерно для виртуального, компьютерного мира: работая за компьютером, человек переключается между различными файлами и программами. В пользу этого аргумента говорит следующий знаковый момент: в романе «Синдикат», написанном в 2004 году, главная героиня – alter ego автора – активно использует компьютер, пишет и получает электронные письма. Далее в последующих произведениях – трилогиях «Люди воздуха», «Русская канарейка» и «Наполеонов обоз» – практически не упоминается о том, что герои используют компьютер, хотя они во взрослом возрасте явно живут в современную эпоху, в начале XXI столетия. Так, в «Наполеоновом обозе» Надежда и Нина явно переписываются по электронной почте (Надежда живет в России, Нина – в Израиле), однако сам факт использования ими компьютера не упоминается, очередная глава представляет собой текст письма Надежды к Нине. Создается ощущение, что компьютер не упоминается, так как пространство романа как бы и без того погружено в компьютерную реальность, а автор, обладая удаленным доступом, сам переключает окна для читателя.

Заключение

Дина Рубина – новатор в области прозы, активно ищущий новые формы и приемы. Так, роман «Синдикат» [19] она позиционирует как «роман-комикс», а новейшие трилогии 2000-х – 2010-х гг. можно охарактеризовать как «трилогии-сериалы», в которых используется кинематографический принцип «склейки». Попытки использовать такую «склейку» впервые предпринимались автором еще в 1990-х годах, затем она все чаще прибегала к монтажу различных смысловых планов, пробуя разные техники варьирования временных и пространственных планов в «Людах воздуха» и «Русской канарейке» и в итоге доведя эту технику до оформленного чередования в «Наполеоновом обозе». Вместе с переключением планов дробится и диверсифицируется художественное пространство и время прозы Рубиной: оно становится не линейным, а мозаичным, повторяя логику и семиотику современного кинематографа.

Проведенное исследование метода Рубиной, условно названного «монтажной склейкой», позволило сделать следующие **выводы**:

1. Метод сопряжения различных пространственных и временных пластов, подобно палимпсесту, накладывающихся друг на друга, начал формироваться в малых формах прозы Дины Рубиной, в рассказах 1990-х годов. В небольшом прозаическом произведении возникали вставные рассказы об истории семьи, событиях многолетней давности. Далее метод получил продолжение в автобиографических романах и повестях.

2. В трилогиях Дины Рубиной 2000-х годов метод монтажа получает наиболее полное и разнообразное воплощение, так как соединение различных отрезков времени дополняется соединением разных миров – детства и юности персонажей, чьи личности формировались в крайне различных по своему составу мирах. Наиболее полное воплощение этого метода на сегодняшний день можно найти в трилогии «Наполеонов обоз», представляющей собой историю любви двух неординарных личностей, дополненную историями их становления и историей семьи, сопряженной с историей России.

3. Немотивированные, а зачастую и не выделенные графически переходы повествования от одного плана к другому представляют собой отсылку к так называемому «клиповому мышлению» современного человека – постоянному переключению от одного семиозиса к другому, возникающему за счет использования компьютера, смартфона, социальных сетей и мессенджеров. Также указанный метод можно связать с быстрым переключением планов в современной кинематографии.

Перспективы дальнейшего исследования обусловлены возможностью рассмотрения произведений современных писателей через призму кинематографа, что обусловлено двумя факторами: во-первых, частой экранизацией произведений современных авторов («Зулейха открывает глаза» Г. Яхиной, «Географ глобус пропил» и «Тобол» А. Иванова, «Синдром Петрушки» Д. Рубиной и пр.), которая в итоге может провоцировать автора писать со своеобразным прицелом на продолжение текста в кинематографическом формате. Во-вторых, фильмы и сериалы стали частью современного культурного пространства: в 2000-х годах появился качественный сериал – как отечественный, так и зарубежный, – пришедший на смену латиноамериканским «мыльным операм» 1990-х. Феномен кинематографического переключения планов и кадров в обширном кинотексте стал семиотически значимой частью культуры, нашедшей свое отражение в том числе и в литературном мире.

Список источников

1. **Джиоева А. Т.** Традиции семейного романа в отечественной прозе XX столетия: дисс. ... к. филол. н. Саранск, 2019. 218 с.
2. **Зуева Г. С.** Живописный экфрасис как способ характеристики главного героя романа Д. Рубиной «Белая голубка Кордовы» // Известия Саратовского университета. Серия «Филология. Журналистика». 2016. Т. 16. № 3. С. 321-325.
3. **Зуева Г. С.** Собираемый образ героя трилогии Дины Рубиной «Люди воздуха» // Славянский мир: духовные традиции и словесность: сборник материалов Международной научной конференции, посвященной 250-летию Н. М. Карамзина, 195-летию Ф. М. Достоевского, 125-летию О. Э. Мандельштама. Тамбов: ООО «Принт-Сервис», 2016. С. 367-371.
4. **Иванова А. Н.** Сибирский текст в романе Дины Рубиной «Синдром Петрушки» // Наука и образование сегодня. 2018. № 5 (28). С. 68-72.
5. **Ланге Н. В.** Библейские имена в трилогии Дины Рубиной «Русская канарейка» // Ономастика в Смоленске и Витебске: проблемы и перспективы исследования. 2018. № 6. С. 52-56.
6. **Ланге Н. В.** Топонимы в трилогии Д. И. Рубиной «Русская канарейка»: Одесса, Алма-Ата, Вена // Ономастика в Смоленске и Витебске: проблемы и перспективы исследования. 2019. № 7. С. 56-64.
7. **Несынова Ю. В.** Мотив кукольности в романе Д. Рубиной «Синдром Петрушки» // Филологический класс. 2015. № 2 (40). С. 75-81.
8. **Пановица В. Ю.** Мотив двойничества в трилогии «Люди воздуха» Д. Рубиной: сюжетно-композиционное и вербально-текстовое воплощение // Вестник науки Сибири. 2013. № 1 (7). С. 258-262.
9. **Резанова З. И., Пановица В. Ю.** Ключевые текстовые метафорические модели трилогии Д. Рубиной «Люди воздуха» // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 382. С. 33-38.
10. **Рубина Д. И.** Белая голубка Кордовы. М.: Эксмо, 2018. 624 с.
11. **Рубина Д. И.** Камера наезжает! М.: Эксмо, 2014. 256 с.
12. **Рубина Д. И.** Наполеонов обоз: в 3-х кн. М.: Эксмо, 2020. Кн. 1. Рябиновый клин. 448 с.
13. **Рубина Д. И.** Наполеонов обоз: в 3-х кн. М.: Эксмо, 2020. Кн. 2. Белые лошади. 480 с.
14. **Рубина Д. И.** Наполеонов обоз: в 3-х кн. М.: Эксмо, 2020. Кн. 3. Ангельский рожок. 480 с.
15. **Рубина Д. И.** Почерк Леонардо. М.: Эксмо, 2008. 464 с.
16. **Рубина Д. И.** Русская канарейка. Блудный сын. М.: Эксмо, 2019. 480 с.
17. **Рубина Д. И.** Русская канарейка. Голос. М.: Эксмо, 2019. 640 с.
18. **Рубина Д. И.** Русская канарейка. Желтухин. М.: Эксмо, 2019. 576 с.
19. **Рубина Д. И.** Синдикат. М.: Эксмо, 2009. 544 с.
20. **Рубина Д. И.** Синдром Петрушки. М.: Э, 2017. 512 с.
21. **Сильчева А. Г.** Трилогия «Люди воздуха» Дины Рубиной: особенности художественного метода: дисс. ... к. филол. н. М., 2019. 215 с.
22. **Сорокина Н. В., Абраменкова Л. Е.** Традиции магического реализма в романе Дины Рубиной «Почерк Леонардо» // Неофилология. 2019. Т. 5. № 20. С. 518-525.
23. **Хромов А.** Кино без перерыва: лучшие примеры съёмки одним кадром [Электронный ресурс]. URL: <https://dtf.ru/cinema/28898-kino-bez-pereryva-luchshie-primery-semki-odnim-kadrom> (дата обращения: 24.11.2020).
24. **Цагурян М. М.** «Пражский текст» в романе Дины Рубиной «Синдром Петрушки» // Книга в современном мире: материалы Международной научной конференции. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2013. С. 265-269.
25. **Шафранская Э. Ф.** Синдром голубки. Мифопоэтика прозы Дины Рубиной. СПб.: Свое издательство, 2012. 470 с.

Compositional Techniques of Montage in Dina Rubina's Trilogy "Napoleon Wagon Train" as a Cycle-Forming Means

Tulusheva Elena Sergeevna

*National Research University "Higher School of Economics", Moscow
be-so-happy@yandex.ru*

The study aims to identify compositional patterns of a trilogy, to outline its architectonic cycle-forming constants using the material of the trilogy "Napoleon Wagon Train" by Dina Rubina. Scientific novelty of the research lies in the following: the author has identified new principles in organisation of Rubina's text, for the first time defined the techniques employed in montage of different artistic spaces, the use of cinematic strategies in organisation of time continuum, interlinking of different timelines according to the palimpsest principle. As a result, it has been proved that this method is peculiar to the writer's latest prose and has been developed to the fullest extent in her trilogy "Napoleon Wagon Train".

Key words and phrases: Dina Rubina; trilogy; composition; montage of artistic spaces.

Литература народов Российской Федерации

National Literatures of the Russian Federation

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.73>

Дата поступления рукописи: 03.11.2020

Цель исследования – определить роль и значение поэтики мифа в произведениях классика чувашской литературы Константина Васильевича Иванова. Анализируются мифологические образы, мотивы, детали, используемые в его творчестве. Своеобразие поэтики мифа вызвано временем, в котором творил поэт, его художественными установками. **Научная новизна** заключается в том, что впервые проводится комплексный анализ элементов мифа в творчестве К. Иванова с определением их значения в народном представлении, выявляются причины их использования. **Полученные результаты** показали, что мифологизм позволяет усилить психологизм изображаемых ситуаций, воплотить черты романтизма.

Ключевые слова и фразы: поэма; К. Иванов; мифология; трагедия; романтизм.

Артемьев Юрий Михайлович, д. филол. н., проф.

Софронова Ирина Владимировна, к. филол. н., доц.

Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары
yumartemyev@yandex.ru; mixtar2@yandex.ru

Поэтика мифологизма в творчестве К. Иванова

Актуальность вызвана возрастающим интересом к проблемам взаимосвязи поэтики мифологизма и художественного творчества определенного автора в современном литературоведении. В разные периоды развития литературы писатели и поэты активно используют элементы мифологизма для создания своеобразного художественного мира. Они рассказывают об определенном мифологическом образе, пересказывают содержание мифологического предания согласно современным жизненным условиям и идеалам, используют определенный образ или деталь в художественном произведении как символ. К примеру, поэт М. Федоров, творивший в конце XIX века, в поэме «Арсури» («Леший», 1875) пересказывает сюжет мифологического предания. Писательница Н. Петровская сочетает национальный и библейский миф в повести «Хура ангел» («Черный ангел», 1999), романе «Тухатмаш» («Колдунья», 1987). В. Степанов в повести «Реципиент» (1997) использует особенности древнеегипетской мифологии и чувашскую реальность. Н. Ижендей в поэме «Суралман ача сасси» («Голос нерожденного ребенка», 1993) создает новый вариант чувашского мифа о происхождении *Арсури* (Леший). Изучением национальных особенностей мифологизма художественного произведения в настоящее время активно занимаются исследователи В. Г. Родионов [5], И. В. Софронова [7], Е. П. Чекушкина [9], Е. Р. Якимова [11].

В ходе работы потребовалось решение следующих **задач**: выявить значимые мифологические детали, мотивы, образы в творчестве К. Иванова; проследить соотношение традиций романтизма и поэтики мифологизма; проанализировать особенности мифологического времени; определить значение сакральных, магических текстов в произведениях классика.

В работе использовались следующие **методы исследования**: типологический, социокультурный и описание. Структурно-семантический анализ позволил осуществить аналитическое описание элементов мифологизма в произведениях К. Иванова.

Теоретической базой исследования послужили труды Е. М. Мелетинского [4], посвященные поэтике мифа, а также П. В. Денисова [2] и А. К. Салмина [6], в которых исследуются особенности чувашских религиозных верований.

Практическая значимость научной статьи заключается в том, что она дополнит материалы по ивановедению, результаты могут быть использованы в ходе изучения истории чувашской литературы и теории литературы, филологического анализа художественного текста в вузах, при исследовании жанровых форм и композиционных особенностей произведений.

Особенности использования поэтики мифологизма в произведениях К. Иванова исходят из того, что он жил и творил в тот период, когда в сознании чувашей доминировали мифологические представления, когда оно еще не было загружено христианскими и мировыми ценностями. К. Иванов изображает чувашский мир: деревня Сильби соответствует всему чувашскому миру, жизнь сильбиян олицетворяет прошлое и будущее всего чувашского народа. Описываются исконно чувашские религиозные представления, которые дошли до нас

благодаря трепетному отношению наших предков. В тексте произведений немало деталей, связанных с древними обычаями. В то же время поэта интересовали вековые проблемы, ценности, близкие всему человечеству. Пытаясь найти ответы на эти вопросы, он нередко приходит к неординарным выводам и эсхатологическим проблемам, поэтому трагичны и судьбы главных героев его произведений.

Многие исследователи [8] при анализе произведений К. Иванова старались выявить признаки исторического времени. Умудрялись связать конфликт произведений с событиями Первой русской революции, политической обстановкой в стране. Однако в его творчестве не отражается влияние классовой борьбы или социального неравенства, не проявляются черты той эпохи, в которой он жил. События, действия, происходящие в трагедии «Шуйттан чури» («Раб дьявола», 1907) и поэмах «Тимёр тыла» («Железная мялка», 1907) и «Нарспи» (1907), нельзя привязать к какому-либо десятилетию, невозможно обнаружить следы какого-либо исторического события, признаки конкретного времени. Поэт, родившийся в начале XX века, переживший революционную бурю, не воспринимает жизненные трагедии современности, поэтому он ищет свой идеал в давно прошедших (вероятно, и будущих) днях. Очевидно, что К. Иванов был поэтом, который жил не только потребностями своего времени и писал не только на актуальные вопросы. Тщательное рассмотрение текстов его произведений возвращает нас к извечным темам, поэтике народного мифа. Борьба доброго и злого начал исходит от трагического мироощущения поэта. В то же время нужно учесть и то, что К. Иванов уделял внимание постижению своеобразия мировой литературы, интересовался традициями романтизма в творчестве российских и европейских авторов. Он также впитал в себя вековую мудрость, заключенную в текстах Библии и Евангелия, которую постиг при их переводе и редактировании.

В большинстве произведений К. Иванова основной конфликт происходит между близкими родственниками. При чтении обращает на себя внимание изображение враждебного отношения между ними, когда один причиняет боль другому или убивает родственника. В притче «Икё хёр» («Две дочери», 1907) отец отдает половину наследства хитрой и льстивой старшей дочери, но выгоняет из дома прямолинейную младшую дочь за правдивые слова. В поэме «Железная мялка» трагически заканчивается жизнь младшей снохи. Она отпрашивается у свекрови навестить родных и оказывается загубленной железной мялкой. Родственники остаются глухими к ее мольбам о помощи, не впускают в дом. В трагедии «Раб дьявола» старший брат убивает младшего из-за мешка золота, сам после этого сходит с ума. Во всех случаях судьба младшего из родственников завершается трагически.

В поэме «Нарспи» два близких друг другу человека, отец и дочь, становятся ненавистными врагами. Причина зарождения трагедии выражена в следующих строках: «Ашшё сирё хай хёрне, таван сирё тавана» [3, с. 140]. / «Дочь свою, дитя родное, погубил отец родной» (здесь и далее использован перевод П. Хузангая). Речь здесь идет о несчастной судьбе Нарспи, которую, разлучив с любимым Сетнером, против ее воли выдают замуж за Тхтамана. У чувашей, как и многих других народов, бытовала традиция женить молодых по усмотрению родителей. При этом молодые не смели ослушаться их. «Турă сырни ахăрах, шапла-тăр şав самани» [Там же]. / «Такова, знать, воля божья, знать, такие времена», – говорит автор, когда Нарспи увозят в деревню мужа Хужлгу. Трагедия, схожая с несчастной судьбой Нарспи, случалась во все времена. Женщины проживали свою жизнь рядом с нелюбимыми, боялись слухов и народной молвы, некоторые, не выдерживая подобной участи, умирали от душевного истощения. Автор в характере Нарспи выражает черты романтического героя, именно поэтому она не соглашается с такой участью. Бунт Нарспи, ее противостояние порядкам эпохи воспринимается как трагическая коллизия. Действия в поэме развиваются согласно законам трагедии.

Разногласия между родственниками, как нам кажется, не являются следствием подъема сил буржуазии или революционных трагедий в начале XX века, как утверждали некоторые исследователи [8]. Подобные ситуации были известны мировой литературе еще 2000 лет тому назад. Приведем отрывок из Библии, где пророк Михей говорит следующее: «Ибо сын позорит отца, дочь восстает против матери, невестка – против свекрови своей; враги человеку – домашние его» (глава 7, стих 6) [1]. Здесь особенно обращает на себя внимание слово «враг». Враг злой и беспощадный. В поэтической лексике К. Иванова он является антиподом слову «добро». «Ташман пуşне пётерме, икё вайла аллам пур...» [3, с. 102]. / «Погубить врага я смог бы, – есть могучих пара рук», – говорит Сетнер. Для Нарспи наизлейшим врагом является будущий муж Тхтаман. Романтический контраст дает возможность выстроить героев поэмы в антиподные пары.

Автор описывает Сильби как богатую деревню. Не вызывает сомнения, что большинство жителей здесь живут в достатке. Но как обстоят дела с их духовным миром? Что дороже для них: золото или человеческая душа? По этому поводу у Мигедера нет сомнений: если есть деньги, то душу можно купить или продать. А вот для Нарспи – «пуянлăхё анчах мар, ыр курасси сыннинче» [Там же, с. 182]. / «Не в богатстве благо; благо – в человеке, в нем самом». Следующая сторона конфликта – двоякая оценка значимости материального богатства и духовного богатства человека. Каждый герой при этом защищает свою правду.

Немаловажное значение в произведениях К. Иванова играют слова, тексты заговоров, заклинаний или благословений, вера в магическую силу слова. В «Рабе дьявола» братьев, ушедших на поле брани с целью наживы, настигает материнское проклятие. Проклинает и жена Мигедера свою непокорную дочь Нарспи и ее возлюбленного Сетнера. В этой ситуации срабатывает поверье в то, что зло возвращается к тому, кто проклинает невинные души. И в том, что поэма «Нарспи» заканчивается описанием четырех смертей, можно усмотреть проявление магической силы проклятия. В художественной концепции автора, без сомнения, присутствует и такая мысль. В эпоху, когда жил поэт К. Иванов, в сознании чувашского народа религиозно-мифологические поверья имели немаловажное значение. Из поколения в поколение передавалось представление о том, что только дети, заслужившие благословение родителей, предков, становились уважаемыми людьми. Благословение гарантировало надежду на счастливую жизнь, устойчивое положение в обществе.

На лице «проклятого» человека проявлялись следы несчастий. Во многих произведениях К. Иванова значение текстов проклятий и благословения соответствует их значению в народном сознании. Они оказывают влияние на судьбу героев. Несомненно, это связано с верой в силу ритуальной магии. Используя их, К. Иванов усиливает психологизм своих произведений. Не случайно судьба проклятой свекровью младшей снохи, которая на ночь глядя отправляется в дорогу, вызывает жалость.

В произведениях К. Иванова художественное время также является мифологическим. Оно, потеряв историческую конкретность, переходит в мифологическую реальность, рожденную воображением поэта. Течение времени подчинено мифологическим законам, оно покрывается видимостью тысячелетней давности. В поэме «Нарспи» поэт изображает один из циклов жизни сильбиян, который напрямую связан с жизнью природы, окружающего мира. Мифологическое время состоит из своеобразного цикла: весна, лето, осень, зима. За этот промежуток природа оживает, цветет, приносит плоды, увядает, а затем умирает. По мере того, как один цикл сменяется другим, происходит изменение мифологического времени, которое подчиняется хронологии. «Сознание чувашского народа живет еще по принципам земледельческого календаря. В мифологической памяти заложена ассоциация периодов жизни человека со сменой времен года» [6, с. 143].

В поэме движение художественного времени начинается в конце месяца марта. Весна вступает в свои права, солнце пригревает, природа оживает. В мире, проснувшись от зимней спячки, начинает пребывать свет. В этом немаловажную роль играет Солнце. В сознании народа немало мифологических представлений о нем. Автор в тексте слово «солнце» использует 40 раз, выражает тем самым веру в его магическую силу. «Чуваши, согласно своим древним традициям, в день весеннего равноденствия выходили встречать солнце угощениями, просили его поскорее очистить поля от снега» [2, с. 89]. С приходом весны начинаются посевные работы. В этот прекрасный период цветения автор сообщает, что в Сильби выросла красивая девушка с редким именем Нарспи. Отец уже успел ее сосватать. Жизнь деревни и жизнь окружающей природы, казалось бы, развиваются параллельно. Согласно этому, Нарспи должна была выйти замуж, родить ребенка. Так же и в природе – посеянные зерна прорастут, взойдут, и уродится хлеб. Но Нарспи не смогла выполнить свое предназначение, потому что ее принудили к браку с нелюбимым человеком.

В трагедии «Раб дьявола» мы видим двух братьев, которые обкрадывают тела мертвых бойцов. Но конкретно, в каком веке, в какой стране происходили эти варварские действия, указать невозможно. Профиль лица героев похож на чувашский, а в остальном использована абстрактная типизация для изображения действительности. Для поэта этого было достаточно, так как его творческая установка устроена таким образом. Главное для него – выявить философскую первопричину жизненных явлений и обстоятельств. Для поэта философское начало сокрыто в глубине души человека, борьбе Добра со Злом, а социально-исторический фон подчинен разрешению данного противостояния. Он как бы вторичен. Строки из поэмы «Нарспи» «Уқсапала эрехех сынна ёсран каларас» [3, с. 86]. / «Светлый разум омрачает страсть его к вину, деньгам» уместны для объяснения поступков двух братьев. Алчный человек продает душу дьяволу. Форма романтической трагедии позволяет автору размышлять о философских вопросах (добро и зло, жизнь и смерть), показать изнутри безграничность внутреннего мира индивидуального сознания, его добрые начинания.

Своеобразна образная система произведений К. Иванова. Мастерство поэта заключается и в том, что для его произведений нехарактерно использование принципов реалистической типизации. Особенно бросается в глаза отсутствие принципов индивидуализации. Образы в поэме «Нарспи» условно можно разделить на две группы: те, кто борется за человеческую свободу, и те, кто строго соблюдает вековые традиции. Эти группы можно охарактеризовать как образное проявление доброго и злого начал. Вместо привычных типовых образов мы наблюдаем символы. Две группы противопоставлены друг другу по принципу контраста. Систему образов поэмы также можно проанализировать, используя принципы методологии семиотики, которая трактует их как знаки. К примеру, Нарспи – красивая, Сетнер – бедняк, скромный, Мигедер – богач, Тхтаман – злой, некрасивый. При создании образов поэт избегает полутонов. По мере развития сюжета ни один из них не меняет свою структуру, только наблюдаем их проявление в различных комбинациях. Не происходит развития или изменения характера, подобно реалистическому искусству. К. Иванов отдает предпочтение способам романтической типизации героев, что весьма уместно для жанра трагедии.

По мере исследования текста поэмы «Нарспи» раскрываются мифологические представления народа. Оживает различная магия. Видишь, как Бог и Солнце следят и направляют жизнь чувашского народа. Поэтому веришь в то, что предопределение, точнее Божья воля, подчиняет себе свободу человека, заставляет его верить в сакральное. Сильбияне при проведении обрядов, связанных с годовым и жизненными циклами, используют соответствующие ритуалы, словесность. Их действия, произносимые слова и жертвоприношения направлены на умиловление добрых и злых духов. Без этого, по их вере, может случиться несчастье.

Для создания трагической коллизии, объяснения судьбы героев поэт нередко использует подробное описание сакральных обрядов. Рассмотрим один из эпизодов. Когда начинают происходить трагические события, мать Сетнера идет к старику ворожею. Он чинно проводит свой обряд, показывает, что в совершаемых им действиях присутствует некая магия, волшебство. У греков подобные таинства совершали оракулы или жрецы. Ворожей – человек, который может объяснить, почему нечистый дух пристал к Сетнеру. Он может читать божьи знаки. В изображении убранства дома и портрета старика значима каждая деталь. Вот луч солнца пробирается через щель, падает на седую голову старика и освещает его лицо. Это сакральное действие помогает понять трагедию Сетнера – Солнце как бы говорит устами старика:

Ҙамки шăтăк – хупăнмĕ,
Чĕри татăк – сыпăнмĕ [Там же, с. 122]. /

Лоб пробит, и в сердце рана,
К исцеленью нет пути.

Такова воля Бога. Согласно жанровым традициям трагедии произнесенные жрецом слова в нужный срок воплотятся в жизнь. Несмотря на то, что у юноши есть конь аргамак и две сильные руки, они ему не помогут. Подчинено законам трагедии и то, что в смерти Сетнера старик ворожей увидел Божий умысел. Автор в тексте поэмы называет Сетнера *мёскён* (слабый), далее называет его *чирлэ* (больной от любви). Сетнер не борец за счастье и любовь. Нарспи сама встает на защиту своей чести и счастья. Ей не от кого и неоткуда ждать помощи. Таким образом, в действиях старика ворожей наблюдается настоящая мифологическая магия. Его психологическая функция заключается в усилении трагизма.

Также в описании приготовления отравленного супа Нарспи наблюдается глубокая связь сознания с добрыми и злыми силами мифологического мира, ощущение их присутствия и помощи. Нарспи читает слова заговора, чтобы яд наверняка подействовал. Для нее это весьма серьезное дело, ведь она готовится убить человека. Она старается умиловать магические духи и просит у них помощи. Здесь также налицо изображение психологизма трагедии: Нарспи ощущает себя на краю пропасти. Для нее нет другого пути. Тхтаман погибает от рук жены, но она еще не может вырваться на свободу. В лесу, когда она убегает из дома мужа, ее преследует «черная птица», кажется, что душа Тхтамана гонится за ней. «Для мифологического сознания реальным является то, что душа, отделившаяся от тела, начинает блуждать самостоятельно» [10, с. 144].

Таким образом, в ходе анализа поэтики мифологизма в произведениях К. Иванова мы пришли к следующим **выводам**. К. Иванов масштабно изображает чувашский мир, душу народа. Несмотря на своеобразную эпоху, в которой жил и творил поэт, его интересуют извечные вопросы человечества. Использование особенностей жанра романтической трагедии позволяет ему создать как бы новый миф о судьбе чувашского народа.

Поэт использует следующие мифологические мотивы: вражда между родственниками, параллельное описание жизни природы и жизни людей, вера в божий промысел и магию слова. К. Иванов изображает художественное время, близкое к мифологическому. Оно соответствует циклическому времени в природе. Художественное время лишено признаков конкретизации, реальности, историзма. Элементы мифологизма позволяют К. Иванову создать своеобразный художественный мир, усилить трагизм происходящих событий, воплотить традиции романтизма. Описание сакральных, магических действий, вместе с соответствующими им текстами, способствует созданию мифологической действительности в произведении, усилению веры в божий промысел.

В перспективе дальнейших исследований остается сравнительно-сопоставительный анализ поэтики мифологизма произведений К. Иванова с творчеством его современников, а также авторами региональной литературы.

Список источников

1. Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Российское Библейское общество, 1998. 1244 с.
2. Денисов П. В. Религиозные верования чувашей. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1962. 489 с.
3. Иванов К. В. Сочинения. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1990. 256 с.
4. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М.: Восточная литература, 2000. 407 с.
5. Родионов В. Г. Этнос. Культура. Слово. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2006. 552 с.
6. Салмин А. К. Традиционные обряды и верования чувашей. СПб.: Наука, 2010. 240 с.
7. Софронова И. В. Мотивы мифа о божественном ребенке в чувашской детской литературе // Мифология чувашей: истоки, эволюция и культурные взаимосвязи: мат-лы Межрегион. науч.-практ. конф. (г. Чебоксары, 8 октября 2015 г.). Чебоксары: ЧГИГН, 2016. С. 245-250.
8. Хлебников Г. Я. Чувашская литературная классика и ее наследники: монография. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2001. 302 с.
9. Чекушкина Е. П. Паянхи чăваш прозинчи мифологизм паллисем // Языковые контакты народов Поволжья и Урала: проблемы регионального литературоведения и фольклористики: мат-лы XI Междунар. симпозиума. Чебоксары: Издательство Чувашского университета, 2018. С. 166-171.
10. Чувашская мифология: этнографический справочник / сост. А. А. Антипина, Д. В. Егоров, В. А. Ендеров и др. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2018. 591 с.
11. Якимова Е. Р. Художественный мифологизм в современной чувашской драматургии // Ашмаринские чтения: сб. мат-лов XI Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2019. С. 133-136.

Mythopoetics in K. Ivanov's Creative Work

Artemyev Yuriy Mihaylovich, Dr
 Sofronova Irina Vladimirovna, PhD
 I. N. Ulyanov Chuvash State University
 yumartemyev@yandex.ru; muxtar2@yandex.ru

The research objective is to identify the role and place of mythopoetics in the Chuvash literary classic Konstantin Vasilievich Ivanov's works, to analyse his mythopoetical images and motives. Originality of the poet's mythopoetics is conditioned by specificity of his epoch, his artistic intentions. The researchers for the first time examine mythological elements functioning in K. Ivanov's creative work, identify their folkloric meaning, reveal motives for their usage, which constitutes scientific originality of the study. The conducted research allows concluding that mythological images use emphasizes psychologism of plots, situations, introduces elements of romanticism.

Key words and phrases: poem; K. Ivanov; mythology; tragedy; romanticism.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.74>

Дата поступления рукописи: 06.10.2020

Цель исследования – раскрыть художественные особенности патриотических произведений М. Ахмедова в контексте развития аварских художественно-патриотических традиций. Особое внимание уделяется этапам эволюции патриотической мысли в дагестанской, в частности аварской, поэзии. В центре внимания – художественное своеобразие патриотических стихов М. Ахмедова. **Научная новизна** заключается в том, что впервые в творчестве М. Ахмедова изучаются патриотические мотивы в контексте соответствующей традиции аварской поэзии. **Результаты исследования** показали, что патриотическая тема в его поэзии со всей очевидностью эволюционирует в способах познания и изображения Родины и выражаемых к ней чувств. Установлено, что она тесно связана с фольклорными традициями аварцев и достижениями предшествующей ему поэзии.

Ключевые слова и фразы: М. Ахмедов; Р. Гамзатов; патриотизм; художественные традиции; аварская поэзия.

Гаджилова Шанисат Магомедовна, к. филол. н.

Институт языка, литературы и искусства имени Г. Цадасы

Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук, г. Махачкала

shanisat05@yandex.ru

Творчество М. Ахмедова в контексте патриотических традиций аварской поэзии

Актуальность заявленной темы обусловлена тем, что комплексный анализ патриотических произведений М. Ахмедова в контексте развития соответствующих традиций в аварской поэзии позволит восполнить пробел в изучении творчества поэта в целом. Такой подход к изучению рассматриваемой проблемы, на наш взгляд, расширит исследовательское представление о поэзии М. Ахмедова. Вместе с тем привлеченный в настоящей статье материал о генезисе и развитии патриотической мысли в дагестанской поэзии вообще и в аварской в частности может стать весомым вкладом в развитие современного дагестанского литературоведения. В соответствии с целью определены следующие **задачи**: выделить основные этапы эволюции художественно-патриотических традиций в аварской поэзии; проанализировать патриотические произведения М. Ахмедова в контексте развития художественно-патриотических традиций в аварской поэзии; исследовать главные отличительные черты патриотических произведений М. Ахмедова.

В ходе работы применены следующие **методы исследования**: сравнительно-исторический, сравнительно-сопоставительный и метод целостного анализа литературного произведения.

В ходе выполнения данной работы мы в основном опирались на труды дагестанских ученых, в исследованиях которых прямо или косвенно затронута интересующая нас проблема. Это работы Г. Г. Гамзатова «Национальная художественная культура в калейдоскопе памяти», Ч. С. Юсуповой «Три десятилетия аварской поэзии (1955-1990)», «Расул Гамзатов в расколоте мире (1985-2000)», «О современной аварской лирике», С. М. Хайбуллаева «Современная дагестанская поэзия» и др. Вместе с тем **теоретической базой** исследования стал сборник статей известных дагестанских критиков и писателей «Литература Дагестана и жизнь», в котором намечаются пути изучения аварской патриотической поэзии.

Практическая значимость работы заключается в расширении литературоведческих подходов к изучаемому объекту. Результаты нашего исследования могут стать материалом при составлении спецкурсов для студентов, магистрантов и аспирантов вузов и других учебных заведений. Кроме того, материал статьи, ее общие выводы могут стать частью монографического исследования творчества М. Ахмедова.

Тема патриотизма в аварской литературе всегда была актуальна и востребована. В дореволюционный период отношение к родине, чувства любви и преданности ей были на самом почетном месте как в жизни, так и в художественной литературе. Произведения устного народного творчества «Разгром Надир-шаха», «Парту Патима», «Каменный мальчик» и другие закрепили в сознании дагестанских народов понимание любви к родине. Достаточно вспомнить период Кавказской войны, когда «обращенность поэзии к высоким общественным идеалам служения родной земле, отечеству, борьбы за его независимость, к теме подвига народа и личности в справедливой войне поднимала роль и значение художественного творчества» [4, с. 95]. Художественное творчество, обращенное к событиям великой освободительной борьбы народов Дагестана, воспевало массовое подвижничество и героизм, сохраняя о них вечную память. «Понимая глубокую значимость и принципиально важную роль литературы в формировании и развитии этико-эстетической системы морального, духовно-нравственного, интеллектуального кодекса дагестанского мусульманина, лидеры Кавказской войны были заинтересованы в создании литературных и исторических памятников, отражающих реальную действительность и призывающих к справедливым, верным, согласно шариату, решениям социальных, экономических, религиозных, военно-политических проблем Дагестана» [3, с. 43]. Так появились произведения самих предводителей Кавказской войны – Газимагомеда и Шамиля, их сторонников – Мухаммад-Тахира аль-Карахи, Абдурахмана-хаджи из Согратля и многих других.

Революция 1917 года и Гражданская война стали следующим историческим этапом, когда аварские мастера художественного слова использовали перо наравне с мечом. Этот период считается самым исторически противоречивым и политически сложным для Дагестана, когда брат становился против брата, друг против друга, и каждый из них по-своему видел правду, понимал свободу.

Великая Отечественная война (1941-1945) получила наиболее масштабное отражение в литературе всех народов Дагестана и вызвала небывалый подъём патриотизма. Аварские поэты обратились к сынам народа с призывом о защите Отечества. «В годы войны были созданы произведения, составившие сборники “За Родину”, (1942), “К мести”, “Голубка с лазаревой шейкой” (1944) Гамзата Цадасы; “Песни борьбы” (1943) З. Гаджиева, “Пламенная любовь и жгучая ненависть” (1943), “Отголоски войны” (1945) Р. Гамзатова и другие» [7, с. 30].

В послевоенные годы были написаны произведения о героизме народа, его лучших сынах, их подвигах и преданности Родине. На этих книгах воспитывался советский человек. В послевоенные годы основные силы государства были направлены на восстановление страны, и в этой работе огромное значение придавалось литературе, прежде всего её идеологической составляющей. Отсюда обостренные, искренние, проникновенные чувства любви к Родине в произведениях Р. Гамзатова, Ф. Алиевой, М. Сулиманова, О.-Г. Шахтаманова, А. Хачалова, А. Даганова, А. Магомедова и других. «Родина в творчестве поэтов края представляется ее героическим прошлым, славными делами современников, красотой ее природы, не только родная земля красит человека, но и человек прославляет ее. И потому родина изображена в динамике ее сложной и энергичной жизни» [8, с. 11].

Характеризуя творчество аварских поэтов постсоветского периода, С. М. Хайбуллаев пишет: «В поэзии последних десятилетий красной нитью проходят две основополагающие темы – Родина и мир – с их заботами, тревогами, нуждами. От горского очага, горской сакли тянутся нити ко всем уголкам нашей необъятной страны, они переходят рубежи ее, добираясь до далеких стран и континентов. Поэты сосредоточивают свои взоры на горячих точках планеты, поднимают глобальные, общечеловеческие проблемы, изображают напряжение жизни, решают проблемы, выдвигаемые нашей эпохой, сложным и динамичным двадцатым веком» [Там же, с. 7]. Действительно, поэты этого периода считали своим долгом перед Родиной думать, что они могут дать родной земле и обществу своими стихами, показывали личные переживания за судьбу страны и народа. «Поэтический мир истинных мастеров слова, их мировоззренческие принципы и эстетическое кредо, несомненно, определяются значимыми общественными, культурными, морально-этическими запросами действительности» [11, с. 5].

Сказанное выше имеет прямое отношение к творческой судьбе М. Ахмедова. Любовь к литературе и преданное отношение к родине всегда дополняли друг друга и играли немаловажную роль в определении творческой личности поэта-гражданина. Произведения патриотического характера были написаны М. Ахмедовым в разные годы. В советский период он публиковал их в районной газете «Новый свет», в аварской газете «Красное знамя», альманахе «Дружба» и т.д. Позже они были включены в сборники его стихов «Поэт и родина», «Поэт и народ». Патриотические произведения М. Ахмедова вбирают в себя масштабную мысль поэта, его широкое мировидение, и в них он представляется зрелым, талантливым мастером художественного слова.

Приход М. Ахмедова в литературу относится к 1970-м годам. Ему не довелось стать свидетелем и участником героических страниц великой эпопеи народа. И все же он из тех поэтов, кто всегда рассматривал художественное творчество как общественное служение. «Даже беглый анализ тех поэтических произведений, которые современные аварские лирики посвящают теме Родины и народа, позволяет прийти к весьма значительным выводам о главном, решающем, определяющем характере этой темы. С темой Родины, например, неразрывно связаны, с нею слиты тема народа, тема гражданского долга, тема человеческой личности, тема судьбы и поэзии» [9, с. 42].

Поэт и народ, поэт и родина, поэт и судьба, поэт и справедливость, поэт и любовь, поэт и преданность, поэт и поэзия – основные темы творчества М. Ахмедова, которые нашли свое достойное отражение и в его гражданской лирике.

«Я гордился тобой, а сегодня – не хочется жить,
Мы в бездонную пропасть так глупо с тобой сорвались.
Наши лучшие мысли лавиной с гор пронеслись,
Ты ответь мне, Родина, как мне тебя полюбить?» [1, с. 434].

Стихотворение написано М. Ахмедовым в постсоветский период, когда в стране рухнули порядок и закон, изменились жизненные ценности (материальное благополучие стало самой значимой целью человеческого существования). Родина предстала перед ним в новом облике, который поэт не в состоянии принять и полюбить. Обращение к родине как к живому существу придает экспрессивный характер произведению и наполняет его свежими смысловыми оттенками и чувствами. Сочувствие к «стону несчастных матерей» и к страданиям «бедных стариков» раскрывает духовный мир Ахмедова-гражданина. Поэт подчеркивает, что в годы детства и юности он гордился своей родиной. А теперь она растерзана, разбита, потеряна связь времен, связующая нить со славным историческим прошлым. Но поэт продолжает надеяться, что все восстановится:

«Я у Бога прошу, чтоб срастил он Истории нить,
Мне без прошлого, Родина, в будущем незачем жить» [Там же].

Прошлое Родины для поэта – то, что должно остаться в истории, чем могут гордиться потомки. Наполненное тревожными раздумьями обращение к Родине как к одушевленному лицу неслучайно. Это призыв к каждому задуматься о судьбе Отечества и его будущем.

«Ты горишь от стыда,
Я услышал немой твой ответ.
Ты воскреснешь, о, Родина?! – Да!
Ты не бросишь нас? – Нет!» [Там же, с. 299].

На память приходят слова Р. Гамзатова, обращенные к Дагестану и несущие в себе значение единства родины и народа:

«Дагестан, все, что люди мне дали,
Я по чести с тобой разделю,
Я свои ордена и медали
На вершины твои приколю» [5, с. 185].

В стихах М. Ахмедова родина «горит от стыда». Поэт пытается таким образом разбудить в своих соотечественниках чувство ответственности перед родиной, ее историей. В стихах Р. Гамзатова – гордость за страну, её достижения, благодарность за ордена и медали.

В стихотворении «Изгнанник» Ахмедов предается вдумчивому анализу своей личности во времени и пространстве, наблюдает за средой, в которой живет. Гражданские чувства, соединяясь с лирическими, рождают философскую мысль:

«Я горец. Я аварец. Не пророк.
На родине своей изгнанник я.
Плыву сквозь лет изменчивый поток,
Плыву сквозь годы горя и вранья.
Плыву сквозь слезы, немощен и сед,
И удивляюсь, что еще живой.
На куст колючий времени присев,
Пою, как птица:
“Родина, я твой...”» [1, с. 299].

Рассматривая гражданскую лирику М. Ахмедова, нельзя обойти вниманием понятие «народность». Показательно, что Э. Капиев «связывает народность с правдивостью и ответственностью, смелостью и прямоотой. Разумеется, такому определению народности трудно претендовать на полноту, но, несомненно, и эти ее черты довольно точно бьют в цель, и нам понятно, что Э. Капиев имел право воинственно их утверждать. Писатель пришел к выводу, что народность художника заключается в его всесторонних связях с жизнью народа, в его готовности быть трибуном народа, служить своим талантом народу» [10, с. 124].

У М. Ахмедова в интерпретации понятия «народность» особое место занимают ответственность, смелость и прямоота. Так же, как Э. Капиев, он связан с жизнью народа, готов ему служить своим талантом и даже жизнью. В то же время через все произведения М. Ахмедова лейтмотивом проходит тема душевного беспокойства и глубокой обиды. Поэт чувствует, что он не всегда понят народом. В качестве подтверждения – отрывок из поэмы «Поэт и люди»:

«ШагИр:
– ВатІан, гьал Гадамал, дур Гадамалищ?
Гадаллъулев вугин гъезул хъудиялъ,
Хъурмал Гадин диде Гаделъарал гъез
Гаадкъан буго дида къаникъ мун лъезе.

Гадамал:
– Рагулищ, ВатІанги нижехъан буго,
ВитІун цева лъедал гъала дур къимат.
Ниж Гемерал руго, мун цохІо вуго,
Цо хІухъел теларо дуге эркенаб» [2, с. 786-787]. /

Поэт:
– О, Родина, эти люди – разве твои люди?
С ума я схожу от их шума.
Как змеи, напали они на меня,
Ими поручено мне похоронить тебя.

Люди:
– Слышишь, и Родина на нашей стороне,
Ценность твою мы познаем, поэт, когда тело твое будет мертвым лежать.
Нас много, а ты всего лишь один,
Не оставим мы тебе ни один свободный вздох (здесь и далее подстрочный перевод автора статьи. – Ш. Г.).

Как видим, понятие народности у Ахмедова приобретает новые черты. В аварской литературе, начиная с Гамзата Цадасы, который впервые поэтически подтвердил осознанное служение поэта обществу, понятия «поэт и народ», «поэт и общество» всегда представляли гармонию, согласие, особенно со стороны поэта. Здесь уместно вспомнить слова Г. Цадасы: «А кто из меня сделал поэта? – Народ! И библиотекой моей был народ. И аудиторией был народ. У народа брал, народу отдавал. Я – человек, взращенный народом, и оружие у меня, отточенное народом» [9, с. 11]. Так начиналась традиция народности в развитии дагестанской советской литературы, достойно продолженная в творчестве Э. Капиева («Поэт»), Р. Гамзатова («Разговор с отцом») и других. Безусловно, гражданские, патриотические стихи советского периода буквально зиждидились

на принципах партийности, которые стимулировали развитие поэтической мысли в данном направлении. Другой немаловажный фактор, содействующий формированию патриотической лирики, – глубокая убежденность поэтов в том, что народ – источник света, путеводная звезда, которая освещает время и указывает прямой путь. Показательны строки Р. Гамзатова:

«Ты пред нами, время, не гордись,
Считая всех людей своею тенью,
Немало среди людей таких, чья жизнь –
Сама источник твоего свечения.

Будь благодарно озарившим нас
Мыслителям, героям и поэтам,
Светилось ты и светишься сейчас
Не собственным, а их великим светом» [6, с. 27].

В произведениях Р. Гамзатова «К дальним звездам, в небесную роздымь», «Молодому поэту», «Стихи о горах», «Будь призванию верен», «Поэзия», «Птицы» затрагиваются проблемы патриотизма. «Поэт и общество», «поэт и народ» – основные темы размышлений обоих поэтов. Но ни в одном произведении Р. Гамзатова мы не находим наполненных отчаянием и усталостью, обидой и разочарованием чувств сломленного веяниями времени, суровыми социально-политическими потрясениями человека. Приведенные из произведения Р. Гамзатова и М. Ахмедова примеры наглядно демонстрируют, насколько сильно изменились поэт и общество в постсоветском пространстве. Как констатирует исследователь аварской литературы Ч. С. Юсупова, «художественное осмысление еще не оформившегося нового содержания в неизмеримом многообразии его социальных и нравственных проблем, глубины душевной смуты и раздвоенности человека – задача не из легких даже для большого мастера» [12, с. 242]. В центре событий – одинокий поэт, «мастер», сопротивляющийся, как может, этим переменам:

«Нужей лъугъараб щиб, нужей ккараб щиб?
РаќІ бихъулеб буго, рехъен кІваричІо.
Рахъа нужго тІаде, тІадвугес къураб,
Къураби щущалєб къуват бакІаре.
Къудратлѣи рещІараб тарих цІи гъабе,
Тахида кѣижарал рорчІизе гъаре,
Гъаб дуниялалда миллаталъул цІар,
Молода лъечІого цІва гІадин баке» [2, с. 788-789]. /

Что случилось с вами, что стряслось?
Разрывается сердце – не нужна толпа,
Вставайте, то, что дал вам Всевышний,
Силы, что могут разрушить скалы, соберите.
Сильную свою историю обновите,
Спящих на креслах разбудите,
Не кладите в гроб имя нации,
На этом свете его, как звезду, берегите.

Люди – «высокие звезды» Р. Гамзатова – в поэме М. Ахмедова предстают безродными невеждами, потерявшими веру в себя, в свою родину, в преемственную связь с историей. Одержимые слабостью и равнодушием, они признаются:

«Нижер къуват гъечІо, къуна ниж рагъда,
Рагъухъаби гъечІо, чахъаби гурел.
Ниж мискинлѣиялъул мусрудулъ жемун,
Росун унел руго гІад-хочІги гъарун.
ГІадамал цольараб цо халкъ лъугІана,
ХІинкъиялъ соролел тІелал хутІана.
ГІадан валагъизе чирахъ бакарав,
Чиякъго къанщила мунги раќбалда» [Там же, с. 789]. /

Нет силы у нас, мы поражены на войне,
Нет воинов, есть только овцы.
Мы завернуты в саван бедности,
И уносят нас неизвестно куда.
Потерялся народ, где люди были объединены,
Остались ряды, дрожащие от страха.
Ты (поэт) зажигаешь лампу, чтоб найти человека,
Но и ты одиноким в землю уйдешь.

Вопреки жизненным перипетиям, ощущению трагического одиночества, поэт остается сильным и несломленным обстоятельством. Он поднимает тревогу, бьет во все колокола, чтобы люди опомнились,

одумались. Забвение «великой истории» стало причиной образовавшейся между поэтом и его народом преграды. В отчаянии поэт говорит:

«Дир чиякълъиялъуль чилги букІана,
Чияр чиякІаби рукІун руго нуж.
Дир мискинлъиялъуль месед букІана,
Мискълганасеб яхІ нужер батичІо» [Там же]. /

В моей бедности человечность была,
Чужими чучелами оказались вы,
В моей нищете золото было,
Но малейшего достоинства я в вас не нашел.

Лирический герой М. Ахмедова отличается многогранностью и сложностью. Он всегда ищет ответы на мучающие его вопросы, касающиеся человека и общества, родины и всей планеты. Большую глубину, емкость, философичность получают патриотические произведения поэта через попытку осмыслить личную биографию как судьбу своего современника. В других произведениях он старается найти оправдание своему поколению, защитить его, спасти Родину сердцем, душой. В поэме «Поэт и люди» Ахмедов выступает обвинителем народа:

«О, Всевышний, – молю, –
Береги Дагестан год за годом,
Много туч нависает,
Склонились они над народом.
Отгони эти тучи своею всеильной рукою,
Подари Дагестану хотя бы немного покоя» [1, с. 287].

В стихотворении «Родина» образ родины предстает как образ матери. Поэт верен ей в своей «любви сыновней», а родина бережет его, как мать:

«Когда нежданно предают друзья,
Мне смотрит в душу родина моя.
И на меня в лихие времена
Людских измен надеется она.
Заветной болью за родной народ
Незримо в сердце родина живет.
И потому всегда в любой беде
Она со мною всюду и везде.
Вот истины цена и глубина –
Сумей постичь, что родина одна!
А потому нет ничего сильней
Любви единственной, любви сыновней к ней!» [Там же, с. 483].

Таким образом, патриотические стихи М. Ахмедова – довольно содержательный, интересный пласт его поэтического творчества. В подобных произведениях поэт настойчиво проводит мысль о необходимости беречь и ценить человеческое достоинство, преданность самому себе, своему народу, Родине. В них – страстная любовь поэта к Отчизне и самая сильная ненависть, безжалостное осуждение тех, кто однажды предал её, потерял в погоне за материальными ценностями. Меланхолическая тональность, на которой иногда выстроены патриотические произведения М. Ахмедова, подчеркивает трепетные чувства поэта к Родине и народу. Его патриотические стихи представляют собой значимую часть дагестанского литературного процесса и заслуженно занимают важное место в истории развития художественно-патриотической мысли аварцев.

Проведенный на материале поэзии М. Ахмедова анализ позволяет выявить некоторые типологические сходжения, свидетельствующие о традициях и преемственности в аварской литературе, и сделать следующие **выводы**:

- художественно-патриотические традиции в аварской поэзии имеют глубокие корни, которые генетически восходят к устному народному творчеству;
- в период дореволюционного развития аварской поэзии тема патриотизма была самой востребованной. Кавказская война, восстание 1877 года, Октябрьская революция, Великая Отечественная война, послевоенная эпоха, постсоветский период стали временем духовных поисков и творческих исканий аварских поэтов;
- творчество М. Ахмедова занимает значимое место в процессе современного развития патриотической мысли в аварской поэзии;
- М. Ахмедов как поэт сформировался под влиянием своего старшего друга и учителя Р. Гамзатова. В то же время в реализации патриотических мотивов у М. Ахмедова есть свой подход, обусловленный психологическими, мировоззренческими исканиями;
- патриотическая тема в аварской поэзии прошла эволюцию от признания любви к Родине до глубоких философских раздумий над её историей;
- главная отличительная черта художественно-патриотической мысли М. Ахмедова – отражение глубины душевных переживаний, одиночества поэта, его размышлений о родине, народе и будущем.

Настоящая статья может стать теоретической базой для выявления патриотических традиций в аварской литературе, их генезиса и развития. Данное исследование также может служить основой изучения поэтического творчества М. Ахмедова, которое является неотъемлемой частью современного дагестанского литературного процесса. Предложенный нами аспект исследования представляется *перспективным* и в плане рассмотрения жанровой системы современной аварской поэзии, ее идейно-тематического богатства.

Список источников

1. Ахмедов М. Граница столетий. Махачкала: Дагестанское кн. изд-во, 2015. 495 с.
2. Ахмедов М. Поэт и родина. Махачкала: Дагестанское кн. изд-во, 2006. 806 с.
3. Гаджилова Ш. М. Арабоязычная литература Дагестана и творчество Фахруддина из Аргвани. Махачкала: ДНЦ РАН; RIZO PRESS, 2007. 183 с.
4. Гамзатов Г. Г. Национальная художественная культура в калейдоскопе памяти. Махачкала: Наследие, 1996. 651 с.
5. Гамзатов Р. Избранное: в 2-х т. М.: ГИХЛ, 1964. Т. 1. 247 с.
6. Гамзатов Р. Имя твое. Махачкала: Эпоха, 2003. 349 с.
7. Гасанов М. Слово, приравненное к штыку // Литература Дагестана и жизнь / сост. М.-З. Аминов, Г. Гашаров; ред. совет: К. Абуков, М.-З. Аминов, Г. Гаджикулиев, Г. Гашаров, М. Магомедов. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1985. С. 29-47.
8. Хайбуллаев С. М. Современная дагестанская поэзия. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1997. 256 с.
9. Цадаса Хамзат. Паса рицарал асарал: в 4-х т. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1965. Т. 4. 397 с.
10. Юсупова Ч. С. О современной аварской лирике. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1970. 211 с.
11. Юсупова Ч. С. Расул Гамзатов в расколоте мире (1985-2000). Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН, 2007. 381 с.
12. Юсупова Ч. С. Три десятилетия аварской поэзии (1955-1990). Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН; ИРС, 1998. 247 с.

M. Akhmedov's Creative Work in the Context of Patriotic Traditions of the Avar Poetry

Gadjilova Shanisat Magomedovna, PhD

Gamzat Tsadasa Institute of Language, Literature and Art
of Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala
shanisat05@yandex.ru

The purpose of the study is to provide an insight into artistic features of M. Akhmedov's patriotic works in the context of the Avar artistic and patriotic traditions development. Special attention is paid to the evolution stages of patriotic thought in the Dagestani and, in particular, Avar poetry. The work focuses on artistic originality of M. Akhmedov's patriotic poems. The research is novel in that it is the first to study patriotic motifs of M. Akhmedov's creative work in the context of the corresponding tradition of the Avar poetry. The research findings have shown that the theme of patriotism clearly evolves in ways of conceiving and depicting the motherland and feelings expressed towards it in his poetry. It was found that this theme is closely linked to the Avars' folklore traditions and achievements of preceding poetry.

Key words and phrases: M. Akhmedov; R. Gamzatov; patriotism; artistic traditions; Avar poetry.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.75>

Дата поступления рукописи: 11.11.2020

Цель исследования – выявить особенности реализации категории адресованности в поэзии В. Даниловой на примере сборника «Райский ад». **Научная новизна** определяется тем, что лирические произведения эвенкийской поэтики впервые рассматриваются как диалогически ориентированные тексты. В статье проанализированы наиболее репрезентативные с точки зрения заявленной темы стихотворения, определены показатели адресации; обозначены виды диалога и их функции; выявлены доминирующие типы адресатов. **Полученные результаты** показали, что диалогические интенции и, как следствие, фактор адресации являются значимыми составляющими в произведениях В. Даниловой: они повышают семантическую насыщенность и интертекстуальный градус её текстов.

Ключевые слова и фразы: эвенкийская литература; Варвара Данилова; лирический диалог; фактор адресации; коммуникативность лирики.

Меркель Елена Владимировна, д. филол. н., доц.

Чаунина Наталья Владимировна, к. филол. н., доц.

Технический институт (филиал) Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова,
г. Нерюнгри
merkel-e@yandex.ru; chaunin@mail.ru

Адресация в сборнике Варвары Даниловой «Райский ад»

Сохранение, изучение и популяризация культурного наследия малочисленных народов являются одной из магистральных задач современной стратегии Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока.

В этом ключе региональные младописьменные литературы все чаще становятся объектом пристального общественного внимания. Регулярно проводятся литературные конкурсы, нацеленные на поиск авторов, пишущих о быте и нравах своего народа, чтобы привлечь читательскую аудиторию к произведениям современных поэтов, прозаиков и драматургов. Например, Литературный конкурс для детей коренных малочисленных народов Сибири и Дальнего Востока (2016-2017 гг.), литературный конкурс «Голос Севера» (2017-2019 гг.), Всероссийский конкурс начинающих писателей коренных малочисленных народов Севера (2020 г.) и др.

Таким образом, *актуальность* выбранной для данного исследования темы обусловлена назревшей необходимостью всестороннего изучения младописьменных литератур, особенно с точки зрения их вписанности в общий контекст современной русской и мировой литературы, с целью установления преемственных связей и специфики индивидуально-авторского голоса.

Основная проблема, затрудняющая движение научно-исследовательских процессов, – крайне низкая доступность художественных книг в силу их малого тиража и ограниченного распространения.

Творчество Варвары Даниловой, современной эвенкийской писательницы, в этом ряду. Она является автором нескольких сборников стихов и прозы, критических статей: «Райский ад» (2005), «Лунная легенда» (2010), «Рыжий мир» (2011), «Чароитовая чаша» (2017) и др. Большая часть текстов – в журнальных и газетных публикациях.

Творчество писательницы, безусловно, находится в фокусе исследовательского внимания. Доказательством тому служит статья в издании справочного характера В. В. Огрызко [7] о жизни и творчестве представителей малых северных этносов; научные работы Ю. Г. Хазанкович [8-11], в которых представлен как обзорный анализ лирики В. Даниловой, так и исследование частных аспектов её поэзии (например, творческие переключки лирических текстов Даниловой и одного из ярких представителей «новокрестьянской» поэзии рубежа XIX-XX вв. – С. Есенина). Однако указанные обращения к творчеству В. Даниловой дают в подавляющем большинстве лишь общее представление о её поэзии.

Задачи исследования: 1) рассмотреть проявления коммуникации в одном из первых сборников Варвары Даниловой, определив типологию диалога и его функции; 2) выявить воплощения фигуры адресата в стихотворных текстах эвенкийской поэтессы, описать его формально-смысловые разновидности; 3) определить формальные показатели адресации в художественной практике В. Даниловой.

Для решения сформулированных задач в работе использованы следующие *методы* и приемы исследования: структурно-семантический метод, интертекстуальный анализ, герменевтическая интерпретация, биографический комментарий.

Теоретической базой исследования послужили научные труды литературоведов и лингвистов в области речевой структуры стихотворного текста и образа адресата (Ю. Н. Тынянова, М. М. Бахтина, М. Л. Гаспарова, Н. Д. Арутюновой, И. Р. Гальперина, И. И. Ковтуновой и др.). Методологически значимыми стали также работы Ю. М. Лотмана [6] и Ю. И. Левина [5], в которых даны основы коммуникативного подхода к исследованию лирики, а также предложена типология адресаций в зависимости от «образа аудитории» (Лотман) и эксплицитности/имплицитности коммуникации (Левин). При анализе стихотворений В. Даниловой мы будем использовать классификацию поэтического диалога (внутритекстовый/внетекстовый/межтекстовый), адресата (персональный/условный), способов выражения адресатности (эксплицитный/имплицитный), функциональной нагрузки адресата (коммуникативная/автокоммуникативная).

Практическая значимость проведенного анализа заключается в возможности использовать полученные результаты при разработке спецкурсов или лекционных материалов о литературе малочисленных народов Севера. Кроме того, представленная статья может стать научным заделом для дальнейших исследований младописьменных литератур в целом и творческой судьбы В. Даниловой в частности.

В лирическом сборнике «Райский ад» широко представлены адресации к конкретному реципиенту, прямо обозначенному в заголовочном комплексе стихотворения. Например, «Критик и я» (*Владимиру Ивановичу Гусеву*), «Георгию» (*сыну*), «Есенину», «Пушкину», «Кимберлит» (*Мирному*) и др.

Как видно из названий, адресатами здесь являются современники автора, великие собратья по перу, а также топонимические объекты, связанные с личной биографией. Рассмотрим, как реализуются коммуникативные интенции в указанных стихотворениях.

Одни лирические тексты В. Даниловой строятся как опосредованные размышления об адресате. Так, в стихотворении «Есенину» [2, с. 13] автор делится впечатлениями от созерцания памятника великому поэту, выстраивая визуальный ряд природных образов (золотой клен, облако, зацепившееся за него, осенний пейзаж), ассоциативно связанных с личностью и творчеством С. Есенина. Кроме того, реальной предпосылкой создания этого стихотворения является открытие 2 октября 1995 года нового памятника поэту в Москве, на улице Тверской (скульптор А. Бичуков). Только единожды встречается прямое обращение к лирическому герою: «Ты поёшь, любовью ослеплен // В золоте кленового безверья!» [Там же], но оно ничуть не нарушает общего тона меланхолического повествования.

Это дружеско-фамильярное «ты» в контексте стихотворения воспринимается как проявление особой, духовной, близости двух поэтов. Не случаен выбор образа клена. В мифологической традиции это дерево имеет разные символические трактовки. Так, например, клен может выступать в образе мирового дерева [12] (у Даниловой клен достигает облаков и даже останавливает их движение). В библейской трактовке клен – образ «славы и великолетия» [1, с. 357], а в славянской культуре лист клена символизировал раскрытую человеческую ладонь – показатель дружественности. Таким образом, в подтексте стихотворения проступает

мифопоэтический смысл: поэтесса ощущает себя преемницей есенинского гения, а новая свеча, согревающая «пальцы в бронзовом размахе», символизирует новый виток в развитии есенинских традиций в поэзии В. Даниловой. Автор осознает всю ответственность и тяжесть возложенного на себя бремени: «...прижмёт мой лист в осеннем страхе // Золотым с кленового плеча» [2, с. 13].

Итак, памятник С. Есенину становится толчком к очередному осмыслению лирической героиней значимости личности и творчества одного из ярких представителей поэзии Серебряного века. Осмысление это происходит через прямое обращение к адресату: лирическая героиня, мысленно обращаясь к собеседнику, словно рассчитывает получить его благословление на дальнейшее творчество. А ответы она «прочитывает» в природных знаках, поскольку они становятся проводниками и посредниками между реальным и возведенным в камне поэтами.

Подобным образом строится стихотворение «Пушкину» [Там же, с. 20]. Приметами присутствия лирического героя-адресата являются пушкинские рисунки дам с лебяжьими шеями («штрихи эпохи»), рукописи, заснеженное Михайловское – отсылка к родовому гнезду Пушкиных и последней зиме поэта («Поэт вернулся и почил давно»). Однако здесь автор ограничивается опосредованной имплицитной адресацией, исключая явные показатели диалога.

Таким образом, можно сделать вывод о своеобразном воссоздании в этих посвящениях образов адресатов через индивидуальные символические узнаваемые приметы биографии и творчества.

Интересны адресации к топонимическим объектам («Кимберлит» (*Мирному*), «Нерюнгри», «Москва»). Здесь можно говорить об имплицитной опосредованной адресованности к «некоммуникабельным» субъектам.

Автор воссоздает неповторимую атмосферу города не через архитектурные сооружения или описание города-как-продукта цивилизации, а через личное, индивидуально-ассоциативное восприятие топоса. Например, якутский город Мирный обязан своей уникальностью кимберлиту – горной породе, содержащей в своем составе кристаллы драгоценных алмазов. Именно на описании этого природного чуда и концентрирует свое внимание поэтесса. Сначала взгляду читателя предстает картина дикой, первозданной каменной массы, изображенной в тускло-черных тонах, мрачность которых усугубляется мертвенным холодом и бледным светом тусклого фонаря. Эту мрачно-таинственную муть озаряет чудо божественного рождения подземного сокровища («Нате! Любуйтесь своим отражением, звёзды! // Пусть возликует рыданьем седой Океан. // Страстью подземной, своим откровением слёзным // Грозно смывая следы несуществующих стран!») [Там же, с. 34]. Эти императивы не имеют конкретного адресата, но они аккумулируют в себе мощь неистового восторга лирического героя перед магическими силами природы, неподвластными человеку. Таким образом, можно говорить о «фиктивной коммуникативности» как особенности внутренней коммуникативности. В большей степени здесь и в упомянутых выше «топонимических» текстах проявлен внешний план – план соотносённости с реалиями жизни.

Другую разновидность адресованных текстов представляют стихотворения, содержащие внутренние показатели адресованности: обмен репликами лирических героев, вопросно-ответная форма речевого взаимодействия, использование местоимений 1-го и 2-го лица и т.д. Примером служат стихотворения «Поль Гоген» [Там же, с. 13] и «Черный гость» [Там же, с. 52-53], построенные в форме диалога лирической героини и её собеседника. Правда в первом случае внутритекстовый обмен репликами лирических персонажей представлен в весьма редуцированном виде: в первой строфе произведения содержится адресованный героине вопрос «Ты не ревнуешь?», а в предпоследней строфе – надпись на её картине «Всё равно», которую, как нам думается, следует считать ответом.

Тем не менее даже в таком малом по объёму поэтическом диалоге за счет столкновения разных по степени напряженности реплик, когда на полусутоливый вопрос возлюбленного героиня дает выстрадавший ответ после сложной внутренней работы, чувствуется драматизм отношений.

Полагаем, что субъектом любовной адресации, несмотря на наличие имени собственного в заголовке как косвенной маркировки послания, является все-таки не Поль Гоген. Здесь имя художника играет роль своего рода ключа, открывающего читателю глубинные связи в художественном мире стихотворения. Так, имя французского живописца, вопрос собеседника о ревности, а также «приметы» картины (две обнаженные дамы, желтый песок) представляют собой единицы информации, объединение которых в единое целое отсылает читателя к известному полотну Гогена «А, ты ревнуешь?». Таким образом, задается не только тема лирического произведения (женская ревность), но и его культурологический контекст.

Диалог с творчеством Гогена как культурными реалиями прошлого позволяет читателю установить скрытые связи в тексте: например, благодаря такой живописной аллюзии становится понятным, почему героиня рисует на своем полотне Таити – картина Гогена, о которой идет речь, относится к таитянскому периоду его художественного наследия. Только Таити лирической героини не имеет ничего общего с солнечными, яркими шедеврами известного художника, напоминающими восточные ковры и фрески. На её холсте не экзотика далекой Полинезии, а «первобытный рай» сурового севера: сосны, «звон ручейной речки», «хладный ветерок», «из трав прибрежные нити».

«Интертекстуальный» диалог наравне с внутритекстовым выстраивается и в стихотворении «Черный гость», где название служит отсылкой к поэме С. Есенина «Черный человек» (представляющей, кстати, «творческий диалог (!) сознаний» [4, с. 3]). Однако здесь, в отличие от предыдущего стихотворения, прецедентное имя выступает одновременно в качестве и имени адресата, и ключевого знака текста, повышающего его информативность за счет культурных ассоциаций.

Коммуникативной ситуации предшествует пространственно-временная зарисовка обстоятельств общения, для чего автор прибегает к маркерам потустороннего, мистического («день кончился», «отсырел,

как тайный склеп», «луна воскресла», «канул в ночь», разбитое зеркало и т.д.), которые как бы «предсказывают» появление Есенина. Адресат здесь узнаваем не только по имени, но и внешнему облику («цилиндр», «кудри», «трость», «бровь на взлёте»). Лирический диалог между героиней и Есениным носит в целом реально-бытовой характер («Прошу садиться. Вот посуда. / С лимоном? С сахаром?...», «Разбила зеркало. Увы. / Что ж Вы молчите? Пейте чаю...») [Там же, с. 52], однако совершенно очевидно наличие у собеседников сближающего их общего культурного кода, в качестве которого выступают стихи.

В данном послании, обращенном к Есенину как сотоварищу по творчеству, диалогические установки не только выполняют структурно-тематическую функцию, но и предопределяют интертекстуальные возможности стихотворения. В. Данилова включает в свой текст элементы «чужого», есенинского: это и образ черного человека (но не предвестника смерти, как у Есенина, а скорее, предвестника самого Есенина), и мотив разбитого зеркала, временные образы («Месяц умер. Синее в окошко рассвет» у С. Есенина [3, с. 453] – «Ночь кончилась. Заря воскресла» у В. Даниловой [2, с. 53]). Подобные аллюзивные отсылки, безусловно, расширяют горизонты лирического текста, добавляя в него смысловые константы.

Автокоммуникативность – еще один вариант адресованности в стихотворениях сборника. Особенностью таких текстов является совпадение адресата и адресанта, следствием чего является концентрированность внимания лирической героини на внутренних переживаниях, самоидентификации и самоопределении. Например, стихотворение «Спокойно! Трудность есть во всём...» [Там же, с. 19] строится как разговор «внешнего» волевого «Я» с пассивным «внутренним Я». Предмет разговора – тернистый путь поэта как единственно возможный для творца – хранителя «ключа познания». В этом его предназначение. Автокоммуникативность здесь реализуется через прямое обозначение угла восприятия проблемы («для меня») и анафорический повтор притяжательного местоимения «моя».

Стихотворение «Райский сад» [Там же, с. 57] прочитывается как продолжение размышлений автора о своей судьбе на глубинном, онтологическом уровне. Нет покоя поэту и в раю, горькая Совесть превращает рай в ад. Маркером автокоммуникативности так же, как и в предыдущем примере, является направленное на себя медитативное размышление о беспокойной душе поэта, обреченной на ад и в раю.

В результате проведенного анализа стихотворений сборника В. Даниловой «Райский ад» можно сделать следующие **выводы**.

Диалогический потенциал реализуется в её поэтических текстах в разной степени. В ряде произведений представлены только внутритекстовые диалоги, представляющие собой прямой диалогический контакт (например, «Георгию»). Наибольший интерес представляют, несомненно, стихи, включающие межтекстовые взаимодействия, которые задают читателю направления для многогранной интерпретации (к примеру, «Черный гость»). В лирике В. Даниловой встречаются диалоги с разными видами искусств: не только словесным, но и изобразительным («Поль Гоген»).

Установка на диалог не всегда предполагает ответные реплики (так называемый мнимый диалог, например, представлен в стихотворениях «Есенину», «Кимберлит»), но даже в этом случае коммуникативный посыл, проявленный на языковом уровне, принципиально важен в процессе текстопорождения, поскольку определяет смысловую (и жанровую) структуру лирического произведения.

События внутренней душевной жизни поэтессы инспирируют обращение В. Даниловой к автокоммуникации, где адресант воспринимает себя как адресата.

Для адресата в структуре поэтического текста В. Даниловой характерна в основном эксплицитность. Смысловыми разновидностями персонализированного адресата являются современники автора, реальные исторические фигуры прошлого; условный адресат представлен географическими объектами, вызывающими у читателя шлейф ассоциаций.

Фигура адресата определяет глубину прочтения поэтического текста. Так, сборник содержит стихотворения, где имя адресата выносится в сильную позицию (название текста), указывая тем самым читателю на культурное семантическое поле, в рамках которого следует искать интерпретационные решения.

Диапазон проявлений адресованности у В. Даниловой представлен традиционно: это комплекс языковых и речевых сигналов, среди которых местоименные и глагольные формы 1-го и 2-го лица, риторические вопросы, побудительные и вопросительные конструкции и т.д.

Наличие указанных репрезентантов адресованности позволяет сделать предположение о жанровой дифференциации адресованных текстов В. Даниловой, в связи с чем дальнейшие **перспективы исследования** нам видятся в рассмотрении лирического диалога в разнообразии его жанровых модификаций.

Список источников

1. **Библейская энциклопедия** / труд и изд. архимандрита Никифора. М.: Терра, 1990. 902 с.
2. **Данилова В. В.** Райский ад: стихи. Якутск: Бичик, 2005. 64 с.
3. **Есенин С. А.** Собрание сочинений: в 2-х т. / слово о поэте Ю. В. Бондарева; сост., вступ. ст. и коммент. Ю. Л. Прокушева. М.: Современная Россия; Современник, 1990. Т. 1. Стихотворения. Поэмы. 480 с.
4. **Кирьянов С. Н.** Поэма «Черный человек» в контексте творчества Сергея Александровича Есенина и национальной культуры: автореф. дисс. ... к. филол. н. Тверь, 1998. 15 с.
5. **Левин Ю. И.** Лирика с коммуникативной точки зрения // Левин Ю. И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М.: Языки славянской культуры, 1998. С. 464-482.
6. **Лотман Ю. М.** Текст и структура аудитории // Даугава. 1988. № 1. С. 93-98.

7. **Огрызко В. В.** Писатели и литераторы малочисленных народов Севера и Дальнего Востока: библиографический справочник: в 2-х ч. М.: Литературная Россия, 1998. Ч. 1. А – Н. 533 с.
8. **Хазанкович Ю. Г.** Литература и книжная культура эвенков: к истокам зарождения // Вестник Забайкальского государственного университета. 2009. № 2. С. 176-181.
9. **Хазанкович Ю. Г.** Литературы автохтонных народов Севера до и после 1917 года: опыт историко-критической рефлексии // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12. № 2. С. 22-28.
10. **Хазанкович Ю. Г.** Современная поэзия малочисленных народов Севера: опыт рецепции творчества С. Есенина // Вестник Бурятского государственного университета. 2017. № 6. С. 158-162.
11. **Хазанкович Ю. Г.** Эвенкийская литература: проблемы периодизации // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 108. С. 99-109.
12. **Энциклопедия славянской культуры, письменности и мифологии** [Электронный ресурс] / сост. А. А. Кононенко. URL: <https://www.litres.ru/a-a-kononenko/enciklopediya-slavjanskoy-kultury-pismennosti-i-mifologii/> (дата обращения: 10.11.2020).

Addressing in Varvara Danilova's Collection "Heavenly Hell"

Merkel Elena Vladimirovna, Dr

Chaunina Natalya Vladimirovna, PhD

*Technical Institute (Branch) of the North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov, Neryungri
merkel-e@yandex.ru; chaunin@mail.ru*

The study aims to identify specific features of the address category realisation in V. Danilova's poetry using the collection "Heavenly Hell" as an example. The research is novel in that it is the first to consider the Evenki poet's lyrical works as dialogically oriented texts. The article analyses the poems that are the best representatives with regard to the stated topic; identifies indicators of addressing; outlines kinds of dialogue and their functions; determines the prevalent types of an addressee. The attained results have shown that dialogical intentions and, consequently, the factor of addressing are significant components of V. Danilova's works: they increase semantic complexity and intertextual intensity of her texts.

Key words and phrases: Evenki literature; Varvara Danilova; lyrical dialogue; factor of addressing; communicative nature of lyric.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.76>

Дата поступления рукописи: 11.11.2020

Целью исследования является характеристика авторской концепции и нарративной практики чеченского писателя А. Айдамирова, в творчестве которого показана эпоха покорения горцев Северного Кавказа армией Российской империи. Научная новизна работы связана с проделанным впервые анализом мотивов смерти и умирания в романе А. Айдамирова «Долгие ночи», который является отражением авторского историко-философского видения событий прошлого. Впервые показана специфика нарратива А. Айдамирова как формы конкретно-исторического и мифопоэтического рассказа о трагедии своего народа. Полученные результаты показали эффективность разграничения понятий «нарратив» и «событие рассказывания» при анализе содержания и стиля писателя.

Ключевые слова и фразы: А. Айдамиров; историзм; сопротивление; смерть; страдание; нарративные стратегии; стиль.

Товсулганова Джамиля Салавдиевна, к. филол. н.

*Чеченский государственный педагогический университет, г. Грозный
djema-88@mail.ru*

Мотивы страдания и смерти в прозе Абузара Айдамирова (на материале историко-философского романа «Долгие ночи»)

Введение

Актуальность темы не вызывает сомнения. Абузар Айдамиров по праву считается классиком чеченской реалистической литературы, виднейшим представителем искусства слова Кавказа. Это автор, который написал выдающиеся панорамные произведения, воссоздавшие ключевые моменты истории народов Кавказа. Его творчество актуально и сегодня, поскольку прозаик сумел достоверно и эмоционально, опираясь на эпос и песни своего народа, выразить мироощущение горцев, специфику менталитета людей, борющихся за свою свободу, за право на историческую справедливость и уважение других народов. В прозе А. Айдамирова человеческое страдание является одним из ключевых мотивов, а концепт СМЕРТЬ делает его стиль философским. В *задачи* исследования входило: а) выявление культурософских основ стилистического вектора автора-повествователя в романе Абузара Айдамирова «Долгие ночи»; б) сопоставление его видения исторических событий с картиной мира в фольклоре горцев; в) характеристика вечной темы мировой литературы – темы смерти. Тема смерти – одна из целеполагающих тем данного историко-философского романа, а темы страдания

и притеснения чеченского народа были для А. Айдамирова константой творчества, принципиальным мотивом трилогии «Долгие ночи», «Молния в горах» и «Буря».

Теоретическая база исследования определена идеями отечественных авторов (труды А. Ф. Лосева, М. М. Бахтина, А. В. Кузнецовой и др.) [9, с. 155-161; 10, с. 238-347], а также идеями западных ученых, создавших модели анализа концептосферы и документального нарратива (Р. Барт, А. Ж. Греймас, В. Шмид) [11, с. 238-241; 12]. Основным **методом исследования** стал культурно-исторический метод с элементами логико-семантического анализа художественного текста.

Практическая значимость работы определяется возможностями углубления *герменевтико-когнитивного анализа* художественного текста (далее – ХТ), важного для совершенствования уровня преподавания литературы и культуры в вузе, а также расширения герменевтического круга анализа отдельных текстов внутри традиционных когнитивных контекстов. Многообразие подходов к проблеме влияния публицистического текста (ПТ) на эстетику ХТ сближает смежные науки и имеет практическое значение для преподавания курсов литературы и культурологии.

Культурософские основы романа А. Айдамирова «Долгие ночи»

Мортальный сюжет в мировой литературе считается одним из старейших и наиболее активных, трактовка «феномена смерти обуславливает формирование нравственного подтекста мортального сюжета» [5, с. 7]. Согласно «Новейшему философскому словарю», смерть – это «естественное и необратимое прекращение жизнедеятельности биологической системы... философами смертность человека рассматривается не столько как природный, сколько как социальный феномен» [4, с. 926], в зеркале которого умирание и гибель людей выражают трагическую неизбежность ухода из мира этого в мир иной, в неизвестность. Концептосфера смерти в творчестве А. Айдамирова базируется на таких понятиях, как *война, бой, ранение, умирание*, а также включает в свою структуру слова-символы, передающие авторскую публицистическую концепцию страдания этносов в эпоху колониальных захватов: *дом, болезнь, голод, страдание, похороны* и т.п. Нравственно-философский смысл ключевых слов в нарративе автора романа «Долгие ночи», на наш взгляд, связан с архетипом восприятия жизни как страдания и движения к смерти, эксплицированным в народных песнях и легендах. Один из многочисленных примеров из романа:

*«Если б печаль я мог выплеснуть на землю,
Грудь бы земная великая треснула.
Так безысходна печаль моя тяжкая.
Если бы пламенем горя зажесг бы я реки,
Иссякли б они многоводные, –
Так оно пламенно, горе мое!»*
(Чеченская народная песня) [1, с. 106].

Ключевые лексемы *печаль, горе* по частотности преобладают в данной песне, и они важны для реализации нарративных стратегий автора, воссоздающего мир прошлого в его противоречивости и красоте. Иногда термин «наррация» получает расширенное толкование, но это также оправдано с точки зрения расширения зоны взаимодействия смежных наук. Т. Р. Аюпов недавно справедливо отметил, что «в тот момент, когда появилась наррация, появилась и реальность. Иными словами, реальность – это наррация, рассказ, любая история» [3, с. 6].

Религии мира дают разные ответы на вопрос о жизни после смерти, однако писатель-материалист А. Айдамиров в своих публицистических отступлениях и в статьях почти не касается данного аспекта темы, сосредотачиваясь на социально-политической стороне вопроса. Он пишет о роли ислама в истории горцев, спорит с фанатиками-традиционалистами, но настаивает на праве человека на выбор личного вероисповедания и отношения к смерти. Говоря о страданиях кавказских горцев как о великой трагедии, в которой были повинны в первую очередь царские чиновники и генералы, а также турецкие власти, бросившие на произвол судьбы тысячи переехавших в Турцию единоверцев из южных областей Российской империи, А. Айдамиров фактически никогда не использовал слово «геноцид», но его детальные натуралистические описания мучений простых людей, пластические картины нищенского быта и голода в аулах, естественно, наводят читателя на более радикальные мысли о вине больших государств в страданиях малых этносов. Народный писатель Осетии Н. Г. Джусойты в своём письме Айдамирову писал: *«Ты совершенно прав в своей обиде за свой народ. Может быть, в самом деле, ни один народ не окутан таким туманом клеветы, пересудов, предвзятых представлений, как чеченский, твой родной народ... И я понимаю, как трудно, как невыносимо трудно терпеть такую несправедливость. Но прорвать этот порочный круг не так-то легко»* [Цит. по: 6, с. 27].

В прозе А. Айдамирова через сюжет и поэтику повествования показано, *как трудно, как невыносимо трудно терпеть такую несправедливость*. Важнейшие исторические полотна А. Айдамирова проникнуты идеей гуманизма и сострадания, братской любви к простым людям, смерть которых толкуется автором преимущественно как часть общечеловеческой трагедии – следствия разделения на богатых и бедных, эксплуататоров и эксплуатируемых. В этом писателю был близок пафос произведений Л. Толстого («Хаджи-Мурат», «Казачьи» и др.). Дружба и смертельная вражда Хаджи-Мурата с Шамилем рисуется А. Айдамировым как драматическая часть народной истории, как зеркало национальной трагедии. Трагедия, как и концепт СМЕРТЬ, интерпретируется в рассматриваемых ХТ как социально-биологическая драма каждого из героев, корреспондирующая на периферии ХТ с проблемой разделения населения планеты на враждующие классы и страты, интерпретируемая

автором как социальная коллизия, порождающая исторически конкретный и в то же время вечный конфликт интересов, конфликт сытых и голодных, называемый в марксистской теории «классовой борьбой». Аспект вневременного наличия социальной несправедливости во всем мире, который долгое время волновал Айдамирова-философа, уходит на периферию сюжета трилогии, вытесняемый деталями типического существования горцев в XIX в., красочными деталями повседневной жизни, материальный уровень которой шокирует современного читателя. Об этом уже писали ученые Ю. А. Айдаев, О. А. Джамбеков, Т. Б. Джамбекова, К. Б. Гайтукаев и многие другие [6-8]. Менее освещенным остается вопрос авторского мастерства при изображении смерти как фатума и события, связанного с броуновским движением случайностей. Велика роль в романе «Долгие ночи» сцен умирания героев и их предсмертных душевных страданий. В книге, составленной Машар Айдамировой, приведены рецензии, воспоминания, очерки Х. Гериханова, Е. Перегудовой, У. Лорсанукаева, Р. Юнусовой, Д. Сумбулатова и Х. Бурчаева [2], в которых собраны факты биографии и идеи выдающегося мыслителя и писателя. Ясно, что мировосприятие Айдамирова было многомерным и нелокальным, а философичность нарратива в рассматриваемом произведении далеко не случайна.

Специфика видения исторических событий в романе «Долгие ночи»

Рассмотрим пример раскрытия темы смерти в контексте историзма стилевого вектора романа. Умиравший бывший офицер царской армии Косолапов, обращаясь к товарищу, перебежавшему вместе с ним к горцам, произносит: *«Я чист перед людьми, перед Богом, перед своей совестью. – Косолапов мужественно переносил боль, но говорил торопливо, боясь, что смерть оборвет его. – Ты прав, Маккал, нелегко умирать вдали от родины. Там мои братья и сестра. Там – родина. И этим все сказано. Может быть, в глазах своих соотечественников я и изменник. Но я... Нет, я не был им никогда. Я любил свой народ... свою землю... свой дом... Так же полюбил я и ваши горы. А проливая кровь своих соотечественников, искал не личной выгоды... Человек рожден, чтобы жить вольным... Нас же пригнали на вашу землю, чтобы мы отобрали ее... Когда я это понял, то и решился... Васал... Василий... Вася... Знаю, что и в твоём сердце, как и в сердце каждого беглого... солдата, не гаснет тоска по родине... Я не раскаиваюсь, что позвал тебя с собой в ту ночь. Мы пошли не против нашего народа, Василий, а против тех, кто обесчестил твою мать, твою невесту, кто менял людей на собак»* [1, с. 41]. «Событие рассказывания» (М. Бахтин) включает в себя переданный автором факт войны, перекликающийся с многочисленными документами, цитируемыми автором, здесь основной фабульный слой – умирание героя, реакция друзей и т.п., а также история включает в свой состав «затекст», контекстуальную символику (*нелегко умирать вдали от родины, тоска по родине*) и авторскую подтекстовую оценку происходящего, интонационное завершение истории, выходящей за пределы фабулы в пространство сюжета, в зону культурно-исторического диалога художественного автора и панхронических героев, в зону конкретно-исторического и в то же время вневременного диалога биографического автора и «концептированных», предвидимых будущих читателей. Эмоциональный монолог-нарратив героя, понимающего финальность своего слова, близок слову и позиции автора-нарратора: слово на смертном одре всегда звучит весомо и откровенно. Цитата выпукло и реалистично показывает боль и страдание человека, находящегося на грани двух миров. Подобно гомеровским героям, офицер умирает с достоинством, без криков преодолевая физические и моральные мучения. В то же время автор, домисливая и расширяя ситуацию смерти, вкладывает в уста маленького персонажа мировой драмы свои мысли о духовной драме перебежчиков: с одной стороны, они были предателями, нарушившими присягу, убежавшими с поля боя, но, с другой стороны, они защищали правое дело, отдали жизнь за угнетенный народ. Иначе обстояло дело с чеченской знатью, которая часто переходила на сторону царя за деньги, предавая землю отцов и дедов. Действуя силой, вызывая ненависть, имперские чиновники не жалели денег на подкуп местных коллаборационистов. Но были и перебежчики-горцы идейные, убежденные в бессмысленности сопротивления. К ним автор относится иначе: он осуждает их с позиций нравственного императива, но оправдывает с позиций исторических перспектив малых народов, ссылаясь на классиков марксизма-ленинизма. Многие годы неудачных восстаний и битв не дали ожидаемого результата, газават, тем более абречество, при всей жертвенности и самоотречении участников сопротивления, привели к неисчислимым потерям населения, особенно мужского. Путь мятежей оказался тупиком. Полковник Курумов так пояснял ситуацию: *«Чеченцы сами виноваты в своей горе. Как можно тягаться с такой могущественной державой, коей является Россия? Это же наивно!»* [Там же, с. 39]. Это легко понять, глядя на события прошлого посторонним взглядом. Но автор не мог писать с безучастным видением драмы, он не согласен с тем, что весь народ обвиняют в бессмысленном сопротивлении, в убийствах и якобы душевном зле.

Тоска по родине и близким была главной экзистенциальной проблемой героев, подобных Косолапову, каких в романе «Долгие ночи» немало. Описывая смерть таких героев, автор создает философско-сентиментальное повествование о тяжести выбора в условиях войны. Ключевой фразой монолога Косолапова можно считать его слова: *«Человек рожден, чтобы жить вольным... Нас же пригнали на вашу землю, чтобы мы отобрали ее...»* [Там же, с. 41]. Совесть человека не дает ему права ссылаться на то, что он просто исполнял приказ и убивал крестьян по приказу свыше. Личная ответственность за творимое зло – вот черта русского офицера, которую подчеркивает автор. Таким образом, описывая смерть одного солдата, писатель не только через репрезентированных событий решал проблему жизни и смерти индивидуума, проблему выбора личности, но и пытался показать героизм людей, идущих наперекор обстоятельствам и жертвующих своей жизнью ради других. Идеал самопожертвования и презрения к смерти был всегда близок

жителям Кавказа, так как их судьба отразила наиболее драматичные стороны защиты национально-этнических интересов в борьбе с превосходящими силами противника.

Кульминацией нарратива о страдании и смерти человека и унижении гордого народа можно считать диалог двух братьев, Арзу и Али, первый из которых стал лидером горцев, отвергнувших идеологию коллаборационизма, но согласился с теми, кто решил уйти в Турцию, что было одной из глав в истории «мухаджирства», переселения в страны, где жили единоверцы. Обманутые турецкими и российскими властями, горцы хотели получить в Турции землю, кров, приют, помощь братьев-мусульман. Все обещания турков оказались ложью. А. Айдамиров детально, с точностью профессионального историка, фиксирует даты, имена реальных деятелей, детали трагедии: *«17 октября 1865 года две тысячи шестьсот чеченских переселенцев двинулись к границе, решив или дойти до родных гор, или умереть здесь. В первой десятке шли Арзу, Чора и Али с белыми флагами в руках»* [Там же, с. 149]. Но на границе безоружных крестьян ждали солдаты с пушками. Трагедия назревала. *«Люди шли молча, словно несли на кладбище множество покойников сразу. Даже тощий офицер, на своем веку повидавший всякое и безжалостно расправлявшийся со многими непокорными, и тот застыл как вкопанный при виде переселенцев. Пистолет со взведенным курком в его руке опустился. Али посмотрел в сторону границы. Оттуда, держа штыки наперевес, четкими шагами к переселенцам двигалась турецкая пехота»* [Там же, с. 150]. Характерно, что в этом месте ХТ патетика стили и экспрессия наррации нарастает, образно-метафорический строй ХТ становится заметнее, особенно активно функционируют приемы сравнения и парцелляции: *«Людской поток походил на гигантского смертельно раненого зверя, стремившегося заползти в свою пещеру, чтобы в ней и умереть. У людей запавшие глаза, высохшие лица. Лохмотья свисали с тощих плеч. Они еле брели, с трудом передвигая ноги, равнодушные к крикам турецких офицеров, к солдатам, к наведенным на них пушкам и вообще ко всему, что творилось вокруг. Они не в силах были остановиться, они просто шли... Сейчас, глядя на них, не верилось, что несколько месяцев назад это были самые сильные, самые крепкие, самые выносливые и бесстрашные воины. Полуживые дети сидели на руках и спинах женщин»* [Там же, с. 151]. В другом месте нарратива, говоря об обманутых беженцах, автор использовал натуралистические детали, чтобы подчеркнуть глубину пропасти унижения, в которой оказались люди: *«В беженцах уже не было ничего человеческого. Из людей они почти превратились в трупы, исторгавшие жуткое зловоние...»* [Там же, с. 106]. Боль и гуманизм автора проявляются в диалоге братьев, когда Арзу спрашивает о бое, точнее о расстреле безоружных чеченцев. Публицистический нарратив убедительно раскрывает благородство Арзу, его душевную и духовную суть, причем авторское слово соединяет в себе дидактику и патетику, сентиментально-романтический тон и горестный лиризм.

Смерть как символ исторической трагедии

Массовая бойня в 1865 г., как и весь нарратив, подтверждает мысль о том, что главным героем трилогии А. Айдамирова «оказывается собирательный многоплановый образ народа... народное мышление» [Там же, с. 87]. Мирное шествие к границе умирающих людей способствовало якобы законному (по утверждению чиновников) убийству невинных людей, что привело к психологической травме тысяч оставшихся в живых родственников, близких, да и всего чеченского народа.

Смертельно раненый Арзу прощается с близким, завещая идею борьбы за свободу брату Али. Его брат видит умирающего так: *«Нос Арзу заострился, лицо побледнело и приобрело желто-зеленый оттенок, бескровные губы растрескались, вокруг рта появилась частая мелкая сыпь»* [Там же, с. 151]. *«Али, прижимая к груди отяжелевшую голову брата, тихо шептал молитвы. В нескольких шагах от них, покрытый старой буркой, лежал уже застывший труп Чоры. Из его рваных лаптей выглядывали черные потрескавшиеся пальцы ног»* [Там же]. Любимая женщина Арзу была тут же: *«Эсет тоже сидела у изголовья умирающего, прикладывала мокрую тряпку к его горячему лбу, смачивала его пылающие губы... Арзу, родной мой, – шептала она, заглядывая в лицо с таким трудом обретенного и так страшно уходящего от нее мужа. – Не бросай меня. Не оставляй меня снова одну. Ты должен жить»* [Там же, с. 153].

Автор в формате несобственно-прямой речи передает чувства Али, который полагает, что без Арзу будет «как бескрылый орел». Сравнение, восходящее к фольклорной поэтике, подчеркивает близость главных героев к фольклорно-мифологическому модусу мышления, одной из составляющих которого была философия самоотвержения Я в пользу коллектива и этноса. Нарративная стратегия сближения эпоса и лирики позволяет автору антитетическое противопоставление жизни и смерти, любви и ненависти, богатства и бедности, смелости и трусости. Эти антитезы также важны для понимания поэтики произведения.

Заключение

Рассмотрев некоторые аспекты темы смерти в романе А. Айдамирова, можно сделать следующие **выводы**:

1. Анализ эпического полотна А. Айдамирова приводит к выводу о преобладании в повествовании нравственного идеала свободолюбивой личности, идущей на смерть не ради личной мести, а ради родной земли, ради будущего всего этноса. В нарративе автора-патриота мотивы смерти не являются выражением исторического пессимизма.

2. Разграничение фабульного слоя и авторского сюжетостроения, делающего нарратив объемным и эмоционально-личностным, позволяет утверждать, что мифопоэтические стилевые регистры А. Айдамирова обусловлены его очевидной тягой к чеченскому фольклору, особенно песенному. Можно заключить, что фабула романа обусловлена строго документированными историческими событиями, а сюжет базируется

на авторском достоверном, но одновременно и художественно-фикциональном, «фантазийном» повествовании о быте и нравах горцев в ту эпоху. Нищета и голод людей, изображенных в ХТ, приводят их к физическому истощению, «бытовая» смерть от истощения и болезней не так заметна, как смерть в бою или в результате вооруженного конфликта.

3. Мотив смерти связан с общей культурософской идеей нарратива и политическим мировоззрением автора. Конфликт горцев Северного Кавказа и русской власти изображается и комментируется нарратором-публицистом как историческая катастрофа, приведшая к утрате значительной части населения Чечни, к убийству и тюремному заключению тысяч достойных людей. В их смерти можно видеть причину массового страдания и озлобления, что усугубило эволюцию этносов в XX в., многократно усиленную насильственным переселением народов в годы сталинского террора. Авторский посыл к нашим дням имеет философско-исторический смысл, заставляет думать об истории как круговращении вызовов и трагических смертельных случайностей, которым противостоит воля людей к мирной жизни и продолжению рода.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с необходимостью охарактеризовать все произведения известного чеченского прозаика, еще мало известного в России. Эта задача актуальна как для историков, так и для теоретиков литературы, изучающих специфику нарратологических дискурсов.

Список источников

1. Айдамиров А. А. Долгие ночи: роман / пер. с чеченского. М.: Аграф, 1996. 590 с.
2. Айдамирова М. А. Эпоха «Долгих ночей». Грозный: Грозненский рабочий, 2011. 320 с.
3. Аюпов Т. Р. Художественные реалии в ранних рассказах Виктора Пелевина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. Вып. 7. С. 5-9.
4. Безнюк Д. К., Грицанов А. А. Смерть // Новейший философский словарь. Изд-е 3-е. Мн.: Книжный Дом, 2003. С. 926-938.
5. Блинова М. П. Мортальный сюжет в нравственно-философском пространстве малой постмодернистской прозы (русский и зарубежный опыт): автореф. дисс. ... к. филол. н. Краснодар, 2004. 25 с.
6. Гайтукаев К. Б. Писатель и его герои. Грозный: Грозненский рабочий, 1997. 211 с.
7. Джамбеков О. А. Функциональное многообразие национального фольклора в системе документально-художественного дискурса трилогии Абузара Айдамирова («Долгие ночи», «Молния в горах», «Буря») как народной эпопеи: монография. Грозный: Грозненский рабочий, 2016. 128 с.
8. Джамбеков О. А., Джамбекова Т. Б. Мифологема свободы в фольклорной и литературной парадигме Чечни (на материале трилогии чеченского прозаика Абузара Айдамирова «Долгие ночи») // Гуманитарные исследования. 2015. № 3. С. 84-88.
9. Кузнецова А. В. Художественный текст в когнитивной парадигме: семантическое пространство и концептуализация // European Social Science Journal. 2011. № 5. С. 155-161.
10. Лосев А. Ф. Материалы для построения современной теории художественного стиля // Контекст – 1975. Литературно-теоретические исследования. М.: Наука, 1977. С. 238-247.
11. Хаджиева Л. Л., Хорольский В. В. Философские грани романа Ф. Бегбедера “Windows on the World”: мотивы смерти и умирания // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 7 (140). С. 238-241.
12. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.

Motifs of Suffering and Death in Abuzar Aydamirov's Prose (by the Material of the Historical and Philosophical Novel “Long Nights”)

Tovsultanova Dzhamilya Salavdiyevna, PhD
Chechen State Pedagogical University, Grozny
djema-88@mail.ru

The study aims to characterise the conception and narrative strategies of the Chechen writer A. Aydamirov, who depicted the period of time when the North Caucasian highlanders had been subjected by the Russian Empire army in his creative work. The paper is novel in that it is the first to analyse the motifs of death and dying in A. Aydamirov's novel “Long Nights”, which is reflection of the author's historical and philosophical view on the past events. For the first time, Aydamirov's narrative specificity is shown as a form of concrete historical and mythopoetic account of the tragedy suffered by his people. The attained results have shown effectiveness of demarcating the notions “narration” and “event of narration” when analysing the author's content and style.

Key words and phrases: A. Aydamirov; historicism; resistance; death; suffering; narrative strategies; style.

Литература народов стран зарубежья

Foreign Literature

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.77>

Дата поступления рукописи: 03.11.2020

Целью исследования является установление функций inferнальных персонажей в рассказе Г. Ф. Лавкрафта «Сны в ведьмином доме». *Научная новизна* заключается в том, что вопросы художественности малой прозы писателя все еще остаются недостаточно исследованными. *Полученные результаты* показали, что основу системы персонажей рассказа составляют главный герой – студент Уолтер Джилмен, поселившийся в «доме с дурной славой» и вступивший в схватку с темными силами в лице его злоеющей хозяйки, – и inferнальные персонажи второго плана: старая ведьма Кеция Мейсон, круг действий которой включает функции выведывания, подвоха и вредительства, помощник ведьмы – крысopodobный зверь Бурый Дженкин, а также демонический Черный Человек.

Ключевые слова и фразы: готический рассказ; герой; функции inferнальных персонажей; Г. Ф. Лавкрафт.

Бурцева Марина Анатольевна, к. филол. н.

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, г. Якутск
donnarosa36912@mail.ru

Функции inferнальных персонажей в рассказе Г. Ф. Лавкрафта «Сны в ведьмином доме»

С именем Говарда Филипса Лавкрафта (1890-1937) связано наступление нового этапа, своеобразного расцвета «готической традиции» в американской литературе 1920-1980-х годов [3]. По словам писателя, унаследовав весь соответствующий европейский фольклор, Америка имела дополнительные источники страшных рассказов и легенды, повествовавшие о темной, таинственной стороне жизни [5, с. 529]. Готический колорит присущ большинству произведений Лавкрафта, а мистические озарения его героев вызваны прикосновением к чему-то грозному, загадочному и величественному, что реально существует в мире и открывается человеку в моменты, когда он осознает, до чего самонадеянными были его верования, основанные на иллюзии власти над объясненной и укрощенной природой [2]. Интерес к жанру готической прозы, выступающей в роли своеобразного «социо-психологического громоотвода» [10, с. 6], сегодня связан, в частности, с попытками противостоять антигуманистическим, разрушительным тенденциям в жизни современного общества, чем обусловлена *актуальность* темы.

Задачами данной работы выступают: исследование системы персонажей произведения, значительную часть которой составляют inferнальные образы, аналитическое рассмотрение функций действующих лиц. *Теоретической базой* являются работы отечественных исследователей готической литературы (А. А. Елистратова, Н. А. Соловьева, А. А. Чамеев, Л. Ю. Брилова, Т. М. Ковалькова), а также труды М. М. Бахтина, В. Я. Проппа, В. И. Тюпы по проблемам изучения характерологии художественного произведения. *Метод исследования* – структурно-описательный, направленный на выявление внутренней структуры литературного текста, системы тех средств, с помощью которых создается художественный эффект, а также метод целостного анализа художественного произведения.

Практическая значимость работы состоит в том, что ее результаты могут быть использованы при составлении лекционных курсов по истории литературы США, истории мировой литературы, теории литературы, при написании курсовых и дипломных проектов по литературоведческой проблематике, а также при изучении творчества Г. Ф. Лавкрафта.

Объектом аналитического рассмотрения в настоящей статье служит система персонажей рассказа «Сны в ведьмином доме» (“The Dreams in the Witch House”, 1932). В основе сюжета – череда злоеющих событий, произошедших со студентом математического факультета Мискатоникского университета Уолтером Джилменом в старинном доме, в комнате, некогда принадлежавшей знаменитой салеумской ведьме Кеции Мейсон. Увлеченный, помимо научной деятельности, поиском доказательств существования потусторонних миров, Джилмен сталкивается с inferнальным злом в лице старой ведьмы, ее подручного Бурого Дженкина и таинственного Черного Человека.

По определению Н. Д. Тамарченко, система персонажей – соотносительность всех «ведущих», а также всех «второстепенных» действующих лиц в литературном произведении, реализующая авторское «художественное задание» [7, с. 230]. В повествовательных художественных текстах обычно выделяют центрального персонажа (или центральную группу персонажей), с кем, собственно, и происходят рассказываемые события, а также персонажей второго плана, фоновых и чисто служебных персонажей [9, с. 36].

Центральным действующим лицом рассказа «Сны в доме ведьмы» является студент Уолтер Джилмен, именно он выступает ключевым фактором развития событий. Группу второстепенных персонажей составляют, прежде всего, инфернальные образы: старая ведьма Кеция Мейсон, таинственным образом исчезнувшая из тюремной камеры в Салеме и вновь появившаяся в комнате под чердаком, где проживает Джилмен, ее помощник – крысолоподобный зверек Бурый Дженкин и злоеущий Черный Человек. Анализ системы персонажей, при условии достаточной полноты охвата фактов, учета многосторонности и сложности предмета, является важнейшим средством постижения смысла литературного произведения как художественного целого [7, с. 232].

Начальный эпизод рассказа не только утверждает главного героя Уолтера Джилмена в качестве центрального актанта повествования, но и благодаря вынесению ситуации за пределы основного сюжетного повествования позволяет констатировать губительный характер происходящих с ним событий: «*Все происходившее с ним таило в себе нечто ужасное, порочное, наполнявшее душу гнетущим страхом...*» [4, с. 229] (перевод Е. В. Нагорных) – с позиции объективного наблюдателя и в некоторой степени предвосхитить их трагический исход.

Под функцией понимается поступок действующего лица, определенный с точки зрения его значимости для хода действия [6, с. 30]. В числе художественных функций главного героя, прежде всего, следует отметить его пространственное **прибытие** в старинный городок Аркхем, «*где, казалось, остановилось время, и люди живут одними легендами*» [4, с. 229]. Как оказалось впоследствии, целью его переезда из Хаверхилла, где прошли дни его юности, становится не только поступление на математический факультет Мискатоникского университета, но и, в гораздо большей степени, возможность заселения в «дом с дурной славой», где некогда проживала знаменитая колдунья Кеция Мейсон. Городские легенды о старой ведьме, призрак которой до сих пор, по слухам, обитает в доме и его окрестностях, взбудоражили воображение Джилмена настолько, что он «*решился любой ценой поселиться в Ведьмином Доме*» [Там же, с. 232].

Существенно более значимая в сюжетном и смысловом отношении функция **поиска** воплощается в форме нетривиальных научных исследований, проводимых главным героем. Для писателей второго направления готической новеллистики, наряду с «обытвлением» жанра, характерно стремление привнести в свои произведения научный элемент [1, с. 62]. Студента Джилмена, в частности, чрезвычайно увлекает мысль «*о некоей внутренней связи избранного им предмета, математики, с фантастическими преданиями о древних магических таинствах*» [4, с. 230].

Джилмен предпринимает тщательные поиски и в буквальном смысле, когда пытается обнаружить в своей комнате следы таинственных знаков и фигур, которые, по его мнению, могла оставить там прежняя хозяйка. Иногда поиски выводят его за пределы «ведьминого дома», и он часами бродит по городским улицам. Поиски героя образуют за пределами внутреннего хронотопа «дома с дурной славой», с ценностным центром в виде комнаты Джилмена, внешний инфернальный хронотоп древнего города Аркхем, создавая картину целостного бытия «я-в-мире».

Сюжетная линия поисков главного героя развивается по нарастающей, в повествовании возникают дополнительные факторы, питающие его исследовательский интерес. Так, в частности, в эпизоде, описывающем необычное соотношение стен и потолка в комнате Джилмена, упоминается о том, что в какой-то момент «*он начал думать, что величина угла между ними может иметь некий математический смысл*» [Там же, с. 235]. Поиски героя продолжаются и по мере нарастания в повествовании сверхъестественных событий. Так, попыткой найти логическое объяснение своим хождениям во сне становится решение Джилмена поставить своеобразный эксперимент и «*посыпать мукой пол в коридоре, чтобы с утра выяснить, куда ведут следы*» [Там же, с. 244].

Весьма примечателен эпизод, в котором Джилмен и Элвуд пытаются определить назначение таинственного предмета, обнаруженного в постели главного героя после очередного ночного путешествия. В течение нескольких последующих дней они «*обошли все городские музеи, пытаясь узнать хоть что-нибудь о загадочном предмете со спицами...*» [Там же, с. 265]. Поиски приводят их в стены научной лаборатории, однако и здесь их исследование заканчивается ничем, тайна остается неразгаданной, а сам необычный предмет «*ныне находится в экспозиции музея Мискатоникского университета*» [Там же]. Художественное значение этого небольшого эпизода, и в особенности его исход, раскрывается в связи с авторской позицией Лавкрафта относительно соотношения категорий рационального и иррационального в творчестве писателей-готистов. Так, в частности, в своем трактате «Ужас и сверхъестественное в литературе» Лавкрафт с сожалением отзывался о склонности некоторых авторов «уничтожать создания собственной фантазии натужными и механистическими рационалистическими объяснениями» [5, с. 501]. Таким образом, малозначительный в сюжетном отношении эпизод исследования таинственного предмета заключает в себе основное художественное задание рассказа – невозможность постижения неведомых явлений средствами разума.

Сюжетная функция поисков главного героя дополняется постановкой разнообразных вопросов о природе исследуемых им феноменов. Так, мучительные вопросы без ответов возникают в сознании Джилмена после ночного путешествия по городу в компании Черного Человека и его приспешников: «*Где был Джилмен этой ночью, как он добрался до своей кровати... каким образом в его комнате оказались грязные отпечатки...*» [4, с. 270]. В другой раз подобные вопросы заставляют его проделать над собой очередной эксперимент: «*А эти темные лиловатые следы на горле? <...> Он приложил руки к синякам – нет, размеры совершенно*

не совпали» [Там же]. В последний раз вопросы возникают в его сознании в напряженной сцене жертвоприношения, когда он обнаруживает неожиданное глубокое знание темных колдовских ритуалов, специфику их организации и проведения: *«Откуда могло быть ему известно, в какую именно минуту Нахав и ее прислужник должны внести вслед петуху и черной жабе наполненную кровью чашу?»* [Там же, с. 274]. Упоминание о тайном знании, которым он, как оказалось, обладал помимо своего желания, указывает на неосознанное преодоление им пределов допустимого исследовательского поиска (в данном случае рационального) и, шире, на жизненную позицию, обуславливающую неукротимое стремление к познанию истины. Таким образом, сюжетная функция поисков главного героя одновременно выступает средством его образной характеристики, выделяющей его на фоне общей картины мира.

С поисками главного героя непосредственно связана и функция **нарушения запрета**. Первоначально запрет представлен в повествовании в косвенной форме сокрушения рассказчика по поводу неумеренных занятий Джилмена научной деятельностью: *«Видимо, Джилмену все же не следовало так много заниматься»* [Там же, с. 230]. Затем запрет приобретает более определенную форму и исходит от его ученых наставников, которые, заботясь о благополучии одаренного студента, *«настоятельно советовали ему “несколько поубавить пыл”, с которым он отдавался учебе»* [Там же]. В конкретной форме прямого запрета представлено и упоминание о неких книгах «сомнительного содержания», хранящихся *«под замком в подвалах университетской библиотеки»* [Там же, с. 231]. Возникающие в пределах одного высказывания рассказчика выражения *“they had stopped”* (*«они остановили»*), *“forbidden secrets”* (*«запрещенные секреты»*), *“were kept under lock”* (*«хранились под замком»*) [11] многократно усиливают возникающую в пределах повествования ситуацию запрета.

Прямым следствием установления запрета становится его нарушение главным героем, которое в рассказе также происходит в разных формах. Прежде всего, обозначенная выше ситуация с запретными книгами разрушается упоминанием о том, что *«эта последняя мера предосторожности запоздала»* [4, с. 231] и к тому времени Джилмен уже успел получить о них достаточно полное представление. На нарушение запрета косвенно указывает описание сновидений главного героя, которые *«полностью вышли за пределы нормального»* [Там же, с. 236], причиной тому послужило *«чересчур глубокое изучение математики и определенных разделов древнего фольклора»* [Там же]. Здесь же упоминается о необыкновенной увлеченности студента проблемой существования иных измерений: *«Слишком много размышлял он над возможностью существования таинственных пространств...»* [Там же]. Выражение *“He had been thinking too much”* [11] достаточно определенно указывает на пренебрежение с его стороны допустимыми границами научного познания.

Болезнью главного героя непосредственно обусловлена пассионная ситуация его **страдания**, которая не является актантной функцией в строгом смысле слова, однако представляет собой важный морфологический элемент. Первоначально в рассказе упоминается о необыкновенно обострившемся слухе Уолтера Джилмена. В дальнейшем его физическое состояние значительно ухудшается, появляются *«симптомы нервной болезни и нездоровые сновидения»* [4, с. 235]. Обострение слуха приводит к тому, что его жизнь превращается в «непереносимую какофонию», а невроз перетекает в постоянное ощущение неизбывного ужаса, при котором герой *«предчувствовал нечто страшное, только и дожидаящееся своего часа, чтобы окончательно завладеть его разумом»* [Там же, с. 236]. Далее, после череды тревожных ночных сновидений у Джилмена проявляются симптомы лунатизма, к нарушению слуха добавляется искажение зрительного восприятия, а в отдельных случаях и утрата дара речи. Печальным итогом неведомой болезни главного героя становится полная потеря контроля над собственным телом и сознанием: *«Он был не властен более над самим собой»* [Там же, с. 274].

Ситуация открытой **борьбы** героя с inferнальным злом возникает в напряженной сцене колдовского ритуала, в котором утратившему волю к жизни Уолтеру Джилмену отводится ключевая роль. По зловещему замыслу ведьмы, именно он должен собрать в золотую чашу кровь невинного ребенка, принесенного в жертву Черному Человеку. Но зрелище огромного ножа, занесенного над телом беззащитной жертвы, заставляет героя очнуться от болезненного наваждения: *«...руки его простерлись над столом, стремясь предотвратить чудовищное преступление»* [Там же, с. 276].

Сцена поединка героя с ведьмой разворачивается в традиционной форме, в качестве оружия им используется «волшебное средство» с выраженным религиозным характером. Существенную роль при этом играет мотив предзнаменования: *«Джилмен почувствовал, как цепочка от дешевого нательного крестика врезалась в шею»* [Там же], – весьма характерный для готической литературы. В ходе схватки Джилмен, намереваясь напугать ведьму видом распятия, сумел достать его из-за ворота рубашки. Воспользовавшись тем, что хватка ведьмы ослабла, он оборачивает цепочку с крестиком вокруг ее шеи и стремительным движением затягивает ее *«так, что у ведьмы перехватило дыхание»* [Там же, с. 277]. Каноническая сцена поединка героя с врагом и его победы над ним сообщают повествованию мифологическую глубину, а ее трагический исход, включающий гибель невинной жертвы и последующую смерть героя – дань темной эстетике готической прозы.

Финальный эпизод рассказа, описывающий события после окончания основного сюжетного действия, продолжает линию **страдания** главного героя. Эпизод открывается сценой обнаружения безжизненного тела Джилмена на полу его комнаты в мансарде. Примечательно упоминание рассказчика о том, что *«крестик, подаренный Джо Мазуревичем, исчез»* [Там же, с. 279], предвещающее в сюжетном и смысловом плане надвигающуюся катастрофу. Спустя некоторое время Джилмен умирает в своей постели, крича *«нечеловеческим голосом, словно от какой-то невообразимой пытки»* [Там же, с. 281]. Обстоятельства его смерти выглядят чудовищно даже по меркам готического повествования: *«Было похоже на то, что кто-то прогрыз тоннель сквозь все его тело – и вырвал сердце»* [Там же]. Ситуация смерти героя после одержанной им временной победы над inferнальным злом в художественном плане может представлять собой неявное авторское указание на торжество незримых и неподвластных разуму сверхъестественных сил.

Группа инфернальных персонажей второго плана представлена, прежде всего, образом старой ведьмы Кеции Мейсон. В рассказе приводится достаточно подробная предыстория событий, включающая описание судебного процесса, учиненного над ведьмой в городе Салем, ее тюремного заключения и таинственного исчезновения из запертой камеры. В истории Кеции упоминается также о том, что ей были известны *«некие геометрические фигуры»*, которые могут указывать направления *«выхода из пределов этого пространства»* [Там же, с. 231]. Описание необычных способностей ведьмы имеет существенное значение не только в сюжетном плане, но и выступает первичным фактором установления межсубъектных связей между ней и студентом-математиком, увлеченным поисками иных пространственных изменений.

Как и в случае с главным героем, первичной функцией персонажа ведьмы является ее **прибытие** в старинный дом, в комнату под мансардой, где она некогда проживала и где теперь обосновался Уолтер Джилмен, которое, принимая во внимание ее мистический статус, закономерно описывается как явление призрака: *«...стало появляться неясное размытое пятно, все больше напоминавшее силуэт согбенной старухи»* [Там же, с. 240].

Сновидения главного героя, в которых возникает ведьма, очень скоро сменяются их случайными встречами на улицах города, при этом Джилмен отмечает *«взгляд старой карги – внешне безразличный, но на самом деле злобный и язвительный»* [Там же]. Краткий эпизод встречи героя с ведьмой, которая держится на расстоянии, но при этом внимательно вглядывается в его лицо, может быть расценен как ослабленный вариант **выведывания**, традиционной функции мифологического вредителя, предшествующей открытому столкновению с героем. К числу предварительных действий также следует отнести **подвох**, в ходе которого вредитель пытается обмануть свою жертву, чтобы завладеть ею [Там же, с. 239]. В качестве такого подвоха в повествовании выступают настойчивые уговоры героя ведьмой и ее подручным последовать за ними *«и встретиться с кем-то третьим, обладавшим еще большими силами, чем они»* [Там же, с. 241]. Ситуация обмана в данном случае обусловлена, с одной стороны, горячим желанием Джилмена узнать способ проникновения в иные измерения, с другой – посулами ведьмы открыть ему эту тайну, а также многие другие, что позволит ему выйти за пределы земного пространства и свободно перемещаться между мирами.

Непосредственное **вредительство** осуществляется ведьмой постепенно, сначала в мучительных ночных сновидениях Джилмену кажется, *«будто что-то или кто-то склоняет его к чему-то ужасному»* [Там же, с. 246]. Поведение ведьмы и ее помощника по мере приближения к герою становится все более враждебным, пока наконец в эпизоде встречи с Черным Человеком они не подбираются к нему вплотную, и *«он почувствовал, как старая ведьма вцепилась в него иссохшими пальцами»* [Там же, с. 259]. Постепенный, растянутый во времени и разбитый на отдельные эпизоды процесс приближения ведьмы к герою, предшествующий установлению полной власти над его телом и душой, имеет существенное значение в связи со спецификой готического сюжета, герой которого сначала обнаруживает известную предрасположенность к влиянию темных сил, обычно представленную в форме неумеренного любопытства или слабости перед искушениями, и лишь затем оказывается в ситуации открытого столкновения с инфернальным злом. В готических произведениях этот этап сюжетного развертывания может гипертрофироваться в самостоятельную историю о «воспитании души».

Функциональная линия вредительства отчетливо проявляется в центральных эпизодах рассказа, описывающих похищение ребенка и последующее жертвоприношение. Герой вовлекается в эти события в качестве безвольного исполнителя приказов ведьмы: *«...она протянула свою ношу Джилмену, словно приказывая помочь ей»* [Там же, с. 269], а в сцене ритуального жертвоприношения ему была уготована роль подручного исполнителя: *«...ведьма жестом указала юноше, в каком положении он должен держать чашу»* [Там же, с. 276]. Действия самой ведьмы в этих эпизодах напрямую обусловлены ее ролевой моделью и направлены на традиционный объект колдовских манипуляций – невинного ребенка: *«...занесла над крошечной жертвой огромный причудливой формы нож»* [Там же].

Еще одним второстепенным персонажем, сюжетная линия которого непосредственно связана с линией ведьмы, является ее неизменный спутник, крысopodobный зверек по имени Бурый Дженкин. Обособление этого специфического персонажа происходит в повествовании посредством развернутого портретного описания: *«...зверек покрыт длинной шерстью, по форме сходен с крысой, имеет необыкновенно острые зубы»* [Там же, с. 237], при этом рассказчиком отмечается, что его мордочка *“evilly human”* (*«тупающе человеческая»*) [11], а крошечные лапки выглядят *«как миниатюрная копия человеческих кистей»* [4, с. 237]. Антропоморфные черты помощника старой ведьмы и наделение его собственным именем сообщают персонажу дополнительный мистический колорит и выделяют его среди традиционных образов демонических животных.

Статус **помощника** ведьмы достаточно определенно обозначается при описании поведения неведомого зверька, рассказчик, в частности, упоминает, что *«мерзкая тварь выполняет обязанности посыльного от старой Кеции к дьяволу»* [Там же]. Функции персонажа в рассказе аналогичны функциям ведьмы (прибытие, выведывание, вредительство) не только в силу их тесной сюжетной соотнесенности, но и в качестве утверждения их ролевой активности в пределах единой инфернальной картины мира. Так, первичное появление крысopodobного зверя также происходит после его исчезновения из тюремной камеры в Салеме, вместе со своей хозяйкой. Ослабленным вариантом мотива **выведывания** может служить описание того, с какой настойчивостью Бурый Дженкин вторгается в сновидения и с каким пристальным вниманием он следит за передвижениями злополучного студента, *«обратив к нему полную злобного ожидания бородатую мордочку»* [Там же, с. 239].

Функция **помощи** реализуется персонажем в буквальном смысле, прежде всего, в эпизоде встречи с Черным Человеком, когда *«косматая тварь вскарабкалась на плечи Джилмену и... впила острыми длинными клыками в запястье»* [Там же, с. 260]. Последующая сцена становится ключевым элементом традиционной

ситуации сделки с дьяволом, которая, благодаря роли в ней Дженкина, приобретает завершённую форму. В эпизоде жертвоприношения функция помощи осуществляется персонажем в ещё более выраженном ключе: когда главному герою удастся одержать победу над ведьмой, он неожиданно чувствует резкую боль от укуса: «*Бурый Дженкин пришел на помощь своей хозяйке*» [Там же, с. 277].

Функциональная ценность персонажа в повествовании существенно возрастает в связи с мотивом **вредительства**, поскольку демонический зверек принимает на себя эту роль после сюжетного устранения персонажа ведьмы. Так, Бурый Дженкин, воспользовавшись замешательством героя, продолжает начатый Кецией ритуал жертвоприношения, и нечестивое действие, которое герой отчаянно стремился предотвратить, все же совершается: «...только не грудь ребенка была пронзена острым кинжалом, а шея его – клыками козмато-го чудовища» [Там же]. Не случайна при этом печальная констатация рассказчиком того, что *“his efforts had been in vain”* («его усилия были напрасны») [11], смысл которой раскрывается в связи с появлением на пути героя нового, еще более жестокого, коварного и хитрого врага, в схватке с которым ему суждено погибнуть.

Наконец, к группе второстепенных персонажей инферальной природы следует отнести таинственного Черного Человека, возникающего в ночных странствиях Джилмена по потусторонним мирам. Портретная характеристика персонажа включает описание его внешнего облика: «*Это был высокий худой человек с очень черной кожей*» [4, с. 259], лица, правильные черты которого «не имели совершенно никакого выражения» [Там же, с. 260] и костюма: «...одежду же его составлял один только бесформенный балахон из тяжелой черной материи» [Там же]. Примечательно упоминание рассказчика об «отчетливом стуке», сопровождающем движения незнакомца, благодаря которому герой делает вывод относительно формы его обуви. Сам Черный Человек на протяжении всего повествования хранит молчание, однако его лаконичные жесты следует расценивать в качестве поступков, поскольку они всегда имеют под собой определенное целеполагание. Так, в сцене заключения договора он «*молча указал на огромную раскрытую книгу, лежащую на столе*» [Там же, с. 259], а в эпизоде похищения ребенка он останавливает охваченного ужасом главного героя: «...*преградил путь и крепко схватил юношу за плечи*» [Там же, с. 269], который был готов бежать из темного и грязного проулка между старинными домами.

Сдержанная сюжетная активность Черного Человека не позволяет выявить в его поведении конкретных признаков вредительства или борьбы. Однако ощущение его непосредственной близости, не покидающее главного героя сначала в сновидениях, а затем и наяву: «...*где-то там, понял Джилмен, должен находиться и сам Черный Человек*» [Там же, с. 278], – ключевая роль его фигуры в развертывании основных событий свидетельствуют о существенном значении этого демонического персонажа в художественном мире рассказа Лавкрафта, инферальная мифотектоника которого предполагает присутствие в нем самого «князя тьмы» [8, с. 77].

Проведенное исследование позволило сформулировать следующие **выводы**. Основу системы персонажей рассказа Г. Ф. Лавкрафта «Сны в ведьмином доме» составляют: главный герой – студент-математик Уолтер Джилмен, поселившийся в «доме с дурной славой» и вступивший в неравную схватку с темными силами в лице его зловещей хозяйки; инферальные персонажи второго плана: старая ведьма Кеция Мейсон, круг действий которой включает функции выведывания, подвоха и вредительства, подручный ведьмы – крысоподобный зверь Бурый Дженкин, а также демонический Черный Человек, выполняющий в повествовании ключевую мифогенную функцию. Система инферальных персонажей рассказа и их функциональный статус соответствуют характерологии готического произведения. **Перспективы исследования** малой прозы Г. Ф. Лавкрафта в свете проблем поэтики могут включать иные уровни структуры литературного текста, такие как фабула, сюжетосложение, композиция, система мотивов и другие.

Список источников

1. **Водолаженко Н. В.** Становление и развитие английской готической новеллы в XIX веке // Вестник Новгородского государственного университета. 2014. № 83. Ч. 1. С. 60-64.
2. **Зверев А. М.** Храм Гекаты [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philology.ru/literature3/zverev-00.htm> (дата обращения: 27.10.2020).
3. **Ковалькова Т. М.** Введение диссертации (часть автореферата) [Электронный ресурс] // Ковалькова Т. М. Готическая традиция в американской прозе 1920-1930-х годов: новеллистика Х. Ф. Лавкрафта. Саранск, 2001. URL: <https://www.dissertat.com/content/goticheskaya-traditsiya-v-amerikanskoi-proze-1920-30-kh-godov-novellistika-khf-lavkrafta> (дата обращения: 11.11.2020).
4. **Лавкрафт Г. Ф.** Сны в ведьмином доме // Иные боги и другие истории: роман, повести, рассказы. М.: Иностранка; Азбука-Аттикус, 2013. С. 227-286.
5. **Лавкрафт Г. Ф.** Ужас и сверхъестественное в литературе // Черный человек: американская готика. XX век. М. – СПб.: АСТ; Terra Fantastica, 2003. С. 485-571.
6. **Пропп В. Я.** Морфология сказки. Л.: Academia, 1928. 152 с.
7. **Тамарченко Н. Д.** Система персонажей // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко. М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. С. 230-232.
8. **Тюпа В. И.** Анализ художественного текста: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2008. 336 с.
9. **Тюпа В. И.** Введение в сравнительную нарратологию: научно-учебное пособие для самостоятельной исследовательской работы. М.: Intrada, 2016. 145 с.
10. **Чамеев А. А.** Мир пугающий и манящий // Маленькое привидение: рассказы. М.: Эксмо, 2008. С. 5-22.
11. **Lovecraft H. P.** The Dreams in the Witch House [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hplovecraft.com/writings/texts/fiction/dwh.aspx> (дата обращения: 20.10.2020).

Functions of Infernal Characters in H. P. Lovecraft's Short Story "The Dreams in the Witch House"

Burtseva Marina Anatolievna, PhD
North-Eastern Federal University, Yakutsk
donnarosa36912@mail.ru

The study aims to determine infernal characters' functions in H. P. Lovecraft's short story "The Dreams in the Witch House". The research is novel in that the matters of artistic merit of the writer's flash fiction still remain understudied. The attained results have revealed that the core of the short story's character system comprises a protagonist – the student Walter Gilman, who took up his residence in the "ill-regarded house" and confronted the evil forces represented by its sinister owner, and secondary infernal characters: the old witch Keziah Mason, whose sphere of activities includes functions of prying, engaging in shenanigans and sabotage, the witch's henchman – the rat-like beast Brown Jenkin, as well as the demonic Black Man.

Key words and phrases: gothic short story; protagonist; infernal characters' functions; H. P. Lovecraft.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.78>

Дата поступления рукописи: 10.11.2020

Целью исследования является репрезентация творчества разнородных в жанровом отношении немецкоязычных писателей и выявление специфики выражения авторской позиции, художественного мировоззрения в романистике Ф. Кафки, Й. Бобровского. *Научная новизна* определяется осмыслением синтеза художественных приемов, методов немецкого экспрессионизма и раннего постмодерна, реализуемых в их творчестве и способствующих выражению мировосприятия и мироощущений человека XX века. *В результате* проведенного исследования была выявлена специфика мировоззренческих принципов Ф. Кафки и Й. Бобровского и претворения их в текстовую ткань разножанровых произведений в сопоставительном аспекте.

Ключевые слова и фразы: художественное мировоззрение; немецкоязычная проза; Франц Кафка; Йоганнес Бобровский; авторская позиция.

Гильфанова Гульнара Тавкильевна, к. филол. н., доц.
Набережночелнинский институт Казанского (Приволжского) федерального университета
gulnara_tav@mail.ru

Валеева Альфия Реванеровна, к. филол. н., доц.
Набережночелнинский государственный педагогический университет
vale.alfiya@yandex.ru

Специфика авторского художественного мировоззрения в немецкоязычной прозе XX века

Актуальность исследования объясняется тем, что в национальной литературе современной Германии появляется необходимость изучения и осмысления литературного наследия прозы Ф. Кафки и Й. Бобровского для понимания закономерностей событий текущего тысячелетия. Духовный опыт и эстетическое мировоззрение известных мировой литературе писателей способствовали философскому осмыслению действительности XX века и значительным образом повлияли на развитие постмодернистского течения в немецкоязычной прозе XXI века: художественные тексты на стыке литературы и философии, литературы и истории.

Цель исследования предопределяет решение следующих *задач*: изучение влияния исторических событий и экономических преобразований прошлого столетия, способствующих формированию совершенного нового эстетического мировосприятия в литературном пространстве; анализ особенностей эстетического мировоззрения известных мировой литературе писателей Франца Кафки (1883-1924) и Йоганнеса Бобровского (1917-1965), представляющих немецкоязычную прозу XX века; выявление специфики авторской позиции и творческого метода вышеназванных немецкоязычных авторов.

При работе над материалом статьи использовались следующие *методы исследования*: конкретно-исторический и историко-функциональный методы; кроме того, была применена методика системного анализа.

Работы Б. Блахак [7], Х. Гэя [11], Х. Кэлер [15], А. Келлетат [16], В. Вэлциг [18], К. Вольф [19] явили собой *теоретическую базу* научных изысканий по нашей теме. Вдумчивое и аналитическое прочтение позволили нам выявить основополагающие положения художественной концепции представленных авторов.

Практическая значимость. Выполненные исследования по изучению и анализу индивидуального стиля автора неисторического романа и творческого метода представителя немецкого экспрессионизма могут быть использованы на лекционных и семинарских занятиях по истории зарубежной литературы XX века, истории литературы второго изучаемого языка на факультетах и отделениях романо-германской филологии институтов и университетов.

Многочисленные литературоведческие и лингвистические исследования немецкоязычной прозы прошлого века указывают на тот факт, что творчество таких писателей, как Й. Бобровский (1917-1965) и Ф. Кафка (1883-1924), представляет поистине подлинный интерес. Художественное своеобразие романов и малой прозы Й. Бобровского заключается в том, что автору удалось создать уникальные произведения, «пронизанные» единой концепцией, сделавшей его представителем жанра неисторического романа. Противоречивые художественные произведения Ф. Кафки справедливо относят к литературе абсурда. Они объединяют в себе элементы реализма и фантастического. «Загадочное» творческое наследие и многогранная натура писателя – свидетельством того, что философия абсурда с его точки зрения представляет неизученный пласт человеческого мышления.

Изучение вопроса требует более подробного рассмотрения развития литературного процесса мирового масштаба прошлого века. История литературы XX века, «расколовшаяся» на 2 этапа – первая половина столетия (1910-1945 гг.) и вторая половина (1945-1990-е гг.), – характеризуется появлением новых литературных течений. В нашем исследовании мы изучаем творческое наследие немецкоязычных писателей и первого, и второго периода. События этих лет, мировые войны (1914-1918 гг.) и (1939-1945 гг.) и разрушение гуманистических идеалов значительным образом повлияли на формирование художественного и исторического мировоззрения, эстетической концепции романов исследуемых писателей.

Кризис искусства XX века выражается в том, что появляются новые изобразительные средства и на первый план выходит модернизм. Но реализм как направление не изживает себя, а трансформируется и ставит новые задачи: пафос отрицания и критики, социальный подход при анализе действительности, требование правдивости и типизации. Политические перевороты, рабочие и освободительные восстания, маргинальные художественные течения, авангардизм и иррационализм изменили мировосприятие и мироощущение художника, и каждый в отдельности, по-своему, отражает это в своем творчестве. Реализм перестал быть традиционным, и в немецкоязычной литературе это проявляется в романах Т. Манна «Доктор Фаустус», «Волшебная гора» (аналитическое исследование) и драматургии Б. Брехта (эффект «отчуждения»).

К сожалению, доминирование левых течений в литературе и искусстве 1900-1930-х гг. способствовало «вытеснению» мировых традиций: «засилье» безобразного; отказ от гуманного начала в человеке и гармоничных первооснов; акцент на деформации, абстрактных фигурах.

Модернизм как течение, возникшее в конце XIX века и господствующее в первой половине XX века, переходит в литературу второй его половины. «Модернизм как литературное движение» проявляется в таких школах и течениях, как «французский и чешский сюрреализм, итальянский и русский футуризм, немецкий экспрессионизм» [2].

В годы I мировой войны наступает расцвет экспрессионизма, пусть не на длительное время, как одного из художественно-эстетических течений модернизма, так называемого искусства выражения.

Экспрессионисты самовыражались разными способами, находили иные формы современного миропонимания: гротеск, карикатурные образы, персонажи. Экспрессионистские настроения были характерны для многих художников, в том числе и для Ф. Кафки [10].

Имеет смысл начать с рассмотрения творчества неоднозначного писателя австрийского происхождения Ф. Кафки. Юрист по образованию, скромный, замкнутый и стеснительный по натуре, он мог «открыть свою душу на бумаге». Все его прозаические произведения (изданные при жизни и после его смерти), независимо от жанра, могут быть отнесены к притче. Они отражают мировоззрение писателя, приметы времени начала XX столетия, где человек ощущает свою беспомощность, уходит в себя, замыкается и живет в мире страха и гротеска. Он создает в своих произведениях образ «мира-чудовища, перед которым беззащитен человек» [6]. Художественный метод Ф. Кафки удивляет своим многообразием, и его основным принципом является то, что он как личность «растворяется» в чужом для него мире. Мир XX века «опутан тайной», тайной нечеловеческой, что мотивирует Кафку на «выявление смысла мира».

Поэтому центральная тема художественного мира писателя, которой он вплотную занялся, заключалась в том, чтобы мыслить философскими категориями: отчуждение, моральная подавленность человека и его трагическое восприятие мира [17]. Очень скоро он почувствовал духовное истощение, на которое обрекает служба. Творчество для него – средство самозащиты. Будучи евреем по национальности, он имел мало общего с еврейской религиозной общиной, с традиционным житейским укладом своего народа. Ему были чужды коммерческие интересы отца: сын торговца, он стал буржуазным чиновником, и это, разумеется, не было его призванием.

Прозу австрийского писателя также можно отнести и к жанру фантастической хроники: нарушение общепринятого порядка. Сочинение, повествующее о страхе одинокого и отвергнутого человеческой цивилизацией существа без рода, «Превращение» (1914), было признано самым известным рассказом Ф. Кафки [14]. Пессимистическое мировоззрение автора воплотилось в образе главного героя, в описании той угнетающей атмосферы дискомфорта, в котором пребывали и Грегор, и его окружение.

Мифологическая проза Кафки многомерна и противоречива, его литературные «шаги» нельзя отнести или только к экзистенциализму, или к экспрессионизму и футуризму. В целом, по мнению западных и отечественных литературоведов, большинство его художественных текстов связано с «экспериментальным модернистским жанром» [5, с. 104]. Любой читатель, соприкоснувшись с миром Кафки, ощущает его многогранную натуру, его психологические искания во «враждебном, бездушном, бюрократизированном мире» [2]. Ситуация абсурда и хаотичность событий, ощущение ненадежности завтрашнего дня, которые сопровождают персонажей романа Кафки на протяжении всего повествования, характеризуют авторское мировоззрение, в корне отличающееся от мировосприятия других авторов абсурда.

Особенно показательна в этом плане новелла Франца Кафки “Die Verwandlung” («Превращение»), опубликованная в 1915 году. Здесь воплощается одна из черт модернистского направления – «утрата целостной модели

мира, создание модели мира всякий раз заново по произволу художника» [Там же]. На момент написания текста новеллы автор ссорится со своей семьей [6] и испытывал трудности на работе. Поэтому, подобно насекомому, в которое превратился Грегор Замза, он ощущает себя чужим не только среди своих родных, но и на службе. Драматичность ситуации проявляется в том, что члены семьи испытывают панический страх при виде большого таракана, в которого превратился Грегор. Он же в свою очередь страдает и понимает, что его жизнь уже не будет прежней, теряет должность торгового представителя (коммивояжера) и остается без средств к существованию. На иждивении Замзы – сестра и родители-инвалиды. Главный герой произведения пессимистичен, остро переживает личную трагедию (превращение в таракана) и испытывает стресс на работе, пытается найти справедливость и теряет душевную гармонию, рассудок. Приведем пример из текста новеллы: “Es war eine Kreatur des Chefs, ohne Rückgrat und Verstand” [14, S. 3] / «Это было подобие существа, принадлежавшее боссу, бесхребетное и не имеющее разума» (здесь и далее перевод выполнен авторами статьи. – Г. Г., А. В.).

Это означает, что даже без превращения Грегор, оставаясь рядовым сотрудником, был безынициативен и слаб в плане решения возникающих проблем. На наш взгляд, мало что изменилось в жизни главного героя. Изменение внешности – это вывернутая наизнанку душа главного героя – результат постоянного напряжения и страха перед начальством.

Насколько по-разному формируется миропонимание человека, художника, прозаиста в последующие годы можно судить по «сложной» для восприятия прозе восточно-немецкого автора Йоганнеса Бобровского [9]. Неоднозначная историческая ситуация в послевоенной Германии (1939-1945 гг.), когда страна была разделена на Восточную часть и Западную, получила свое развитие через четыре десятка лет. Историческое событие, падение «Берлинской стены» (1989), «расколовшей» не только территорию, но и «немецкое сознание», предвидел задолго и отразил в своем поэтическом и прозаическом творчестве известный писатель, художник-поэт и романист, музыкант и собиратель фольклора Йоганнес Бобровский. Формирование мировоззренческих принципов молодого Бобровского берет свое начало на пограничной немецко-литовско-польской границе, в родной ему Сарматии [8]. Свидетель трагической истории немецкого народа, прошедший через все испытания (отрочество в фашистской Германии, участник боевых действий на Восточном фронте, годы плена в шахтах Донбасса, общественная и литературная деятельность на территории ГДР), глубоко мыслящая личность глубоких религиозных убеждений, Й. Бобровский создал уникальные произведения, баллады, новеллы, романы. Особый интерес вызывают его романы, которые по праву можно назвать «неоисторическими» [4, с. 19]. Историческое мировоззрение писателя сформировалось и укрепилось в годы плена в Советском Союзе (1945-1949). Искажение национальной истории в условиях Западной и Восточной Германии в 1950-1960-е гг., потеря идентичности немецкого народа, отсутствие исторического сознания соотечественников побудили писателя создавать художественные тексты, при чтении которых мы погружаемся в жизнь и творчество простых людей немецкой и литовской, польской и русской национальностей. Идея единства народной жизни и вечного диалога культур, провозглашаемая писателем, реализуется и в том, что язык его произведений – немецкий, а мышление многонационально.

В понимании автора история – это, прежде всего, жизнь народа. Она движется не приказами и распоряжениями королей и министров, а через стихию народной жизни. Ее истинные творцы – крестьяне, ремесленники, мелкие торговцы, сельские священники и учителя, бродячие поэты и музыканты. Их жизненный опыт: труд, дружба, понимание, бескорыстие – контрпроект официальной Германии с ее национальным высокомерием, курсом на обособление от других народов, политикой насильственных захватов и принуждения. Путь добрососедства, доверия, утверждаемый Бобровским и его простыми героями, – это то, что поможет избежать роковых ошибок немцам в XX столетии.

Историческое мировоззрение Бобровского нашло свое отражение в романах, повествование в которых ведется от имени народа. Истоками художественного мировоззрения писателя является национальное духовное наследие XVIII века (философия Гаманна, Клопштока, Гердера, Букстехуде, музыка Баха), у них он научился понимать основы народной жизни, алгоритм взаимоотношений между людьми различных национальностей. Только познав свою историю, философию жизни предшествующих поколений, можно «понять себя, свою роль в современной истории» [Там же, с. 4].

Мы считаем, что совершенно справедливо мнение Г. Кэлер об индивидуальном стиле немецкого писателя: «Словно через перевернутый бинокль, в уменьшенном виде, зато с большой резкостью на отдельной личности рассматриваются дела и поступки, достигшие в наш век гигантских масштабов» [15, S. 632]. Через события, происшедшие в небольшой деревушке на немецко-литовской границе, Бобровскому удается показать «большую историю» в своих романах «Мельница Левина» и «Литовские клавиры». В первом из них (действие перенесено в кайзеровскую Германию) лидер националистов Дедушка в союзе с судьями, пасторами и жандармами ведет войну с «внутренним врагом» немцев: поляками, евреями, цыганами [12]. Заодно достается и немцам: крестьянам, батракам, беднякам. Во втором (Восточная Пруссия, 1936 год) нацистские фюреры различного калибра готовят удар против «врага внешнего» – захват восточных территорий. Ненависть мнимых хозяев жизни, которые даются в образах Дедушки Бобровского (однофамилец автора) и его «приспешников», так называемых националистов, откровенна [13]. Они властвуют над теми (мельник Левин, цыган Хабеданк, немцы Геете, Фойгт, Гавен, учитель литовец Пошке и др.), для которых «неприятель путь вражды, разъединения, вызова. Мир народной жизни – это привычный труд, солидарность людей различной национальности. Они мирно соседствуют, не заражены националистическими амбициями и мифологией, их души свободны: сердце цыганки Мари отдано еврею Левину, а немецкой девушки Туты Гендролис – литовцу Пошке» [1, с. 23].

«Истинные германцы» в романе «Мельница Левина» уверены, что они представляют официальную Германию 1930-х гг. не только на своей территории, но и на «соседних польских, литовских, русских территориях» [3, с. 21]. «Хозяева жизни» в романе утверждают «священное немецкое право», и речь их скучна и бессмысленна: «наша фамилия нашего возлюбленного кайзера, нашего героя». Или: «установленные установления». Лексика Дедушки: «мерзавец», «дрянь», «я с вами разделаюсь», «скоро всем евреям будет крышка». Его самые «возлюбленные» слова – «непотребные». Автор глубоко осмысливает национальный конфликт и провозглашает новые ценности, приемлемые для его художественного восприятия мира. В его литературных исканиях мы ощущаем существование другого, более гуманного мира, иного развития сценария, глубоких размышлений о восстановлении немецкой идентичности во второй половине ушедшего столетия. Художественная концепция истории по Бобровскому, созданные им образы – стремление кардинально изменить мышление западных и восточных немцев. Идея солидарности, согласия и единства представителей литовской, немецкой, польской, русской и еврейской национальностей, вечный диалог культур отражены писателем в неисторических романах, структурно и содержательно изменивших традиционный исторический роман. Вымысел и реальность в авторской прозе наслаиваются друг на друга. Й. Бобровский, как он сам говорил, «перешагивает» через действительно происходившие события тех лет, художественно «имитирует» реальную историю и как бы невзначай, мимоходом сообщает о ней через «явления духов» – сны Дедушки о кайзеровской Германии 80-х гг. XIX века. «Я-повествователь» играет в романе «Литовские клавиры» важную роль, когда он рассказывает читателю о выдающемся литовском поэте, художнике, музыканте, просветителе XVIII века Донелайтисе, центральном персонаже оперы Фойгта и Гавена. О том, что писатель выдвигает на первый план «непосредственно изображаемую, художественно трансформированную историю» своей страны, свидетельствуют вымышленные автором события (история с мельницей в первом романе «Мельница Левина: 34 пункта о моем дедушке», написание оперы «Певец народа» во втором романе «Литовские клавиры») и главные действующие лица (дедушка Бобровский, филолог Фойгт, концертмейстер Гавен). «Двухслойную» прозу Й. Бобровского (реально-историческую и художественную), его «рабочие, творческие принципы» (поэтику) немецкий литературный критик А. Келлетат обозначил «неоднородным сплавом» (A. Kelletat, “heterogene Amalgam”) [16, S. 195]: гармоничное сочетание и перекрещивание реальной истории и «разнородных (мифологических, фольклорных) элементов, сказовой манеры повествования» [4, с. 17].

Писатель создает роман – семейную хронику, предысторию которого необходимо включить в наше исследование. Кузен писателя, Георг Бобровский, занимался после выхода на пенсию (1955) изучением генеалогии семьи Бобровских. Мысли о написании этого текста появились у Й. Бобровского еще в 1950-е годы, и для достоверности повествования необходимо было узнать все о водяных мельницах. Название будущего романа «Мельница Левина: 34 пункта о моем дедушке» отражало связь поколений семейной династии. Об этом он пишет в письме от 19 июня 1961 года к Феликсу Бернеру, его редактору в Deutsche Verlags-Anstalt в Штутгарте. Его вдохновляла история своей семьи. За прошедшие годы ему удалось собрать материалы семейного архива, в том числе от Г. Бобровского и свои собственные наработки. В архивах семейной хроники подвергаются подробному описанию предки, жившие в Польше и Западной Пруссии. Еще в августе 1955 года он извлек краткий текст «Истории семьи Бобровских» из того, что было ему доступно. Переписка с двоюродным братом Георгом продолжалась до 1964 года, и в очередном своем письме (от 8 мая 1961 года) он присылает Йоганнесу фрагменты местной хроники Западно-Прусского Малькена. В записях Вильгельма Фридриха Людвига Янке (1864-1936), уроженца Малькена, мы узнаем о потомке семьи Янке, благодаря которому до нас дошла реальная история о пасторе Иастрнер, фермере Оханн (родился в 1827 году) и инциденте с водяной мельницей с последствиями. Именно эта Малькенская хроника и выступила в качестве сюжета для первого романа писателя: «...он (здесь – отрывок из книги Янке) читается как роман о вине и искуплении, вызове и отчаянии, благословении и проклятии... и жизнь торжествует превыше всего!» [8, S. 14-15].

В результате анализа творческого наследия литературы Австрии и Германии прошлого века мы пришли к следующим **выводам**. Исторические события переломного «ушедшего» века оказали большое влияние на формирование художественного мировоззрения исследуемых писателей. Авторский замысел их новых по форме произведений и своеобразная трактовка действительности, национальной истории – это «столкновение» таких литературных школ, как немецкий экспрессионизм и постмодернистский реализм, хотя «группа 47» немецких писателей, к которой относят и Бобровского, не имела единого творческого метода. Творчество Ф. Кафки, отразившее период зарождения различных течений модернистского направления, «передало» мироощущение человека первой трети XX века. Йоганнес Бобровский, написавший лучшие свои прозаические произведения в начале второй половины века в русле трансформированного реализма, оригинальным образом воплотил в двух своих последних романах художественную концепцию немецкой истории, словно предвидя воссоединение Германии, положил начало развитию «исторического направления» в отечественной литературе: противостояние двух Германий, двух систем. Сложные, противоположные по содержанию и форме романы “Die Verwandlung” (Ф. Кафка), “Levins Mühle” (Й. Бобровский) концептуально отражают «литературный диалог» прошлого и настоящего. Поэтому **перспективной** дальнейших научных изысканий является изучение концепции интертекстуальности, интертекстуальных связей в творчестве немецкоязычных авторов в контексте такого литературного направления, как постмодерн.

Список источников

1. Бобровский Й. Избранное. М.: Молодая гвардия, 1971. 447 с.
2. Вераксих И. Ю. Зарубежная литература. XX век [Электронный ресурс]: курс лекций. URL: http://www.mspu.by/files/lit/veraksich_posobie_xxvek.pdf (дата обращения: 07.11.2020).

3. Гильфанова Г. Т. «Литовские клавиры» и немецко-литовский национальный конфликт: художественная проблематика романа // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 7 (61). Ч. 1. С. 20-23.
4. Гильфанова Г. Т. Романы Иоганнеса Бобровского (художественное осмысление истории): автореф. дисс. ... к. филол. н. Казань. 2000. 24 с.
5. Седельник В. Д. Франц Кафка // Зарубежная литература XX века / под ред. В. М. Толмачёва. М.: Академия, 2003. С. 103-115.
6. Balajka P. Ottla Kafka. Das tragische Schicksal der Lieblingsschwester Franz Kafkas. Hamburg: Tredition Verlag, 2019. 244 S.
7. Blahak B. Franz Kafkas Literatursprache. Wien: Böhlau Verlag, 2015. 645 S.
8. Bobrowski J. Selbstzeugnisse und Beiträge über sein Werk. Berlin: Union Verlag, 1975. 427 S.
9. Degen A., Descher S. Johannes – Bobrowski – Bibliographie 2002-2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.johannes-bobrowski-gesellschaft.de/jb/Bobrowski-Bibliographie%202002-2016.pdf> (дата обращения: 06.11.2020).
10. Engel M. Kafka, Prag und der Erste Weltkrieg. Würzburg: Königshausen & Neumann Verlag, 2012. 279 S.
11. Gehe H. Erläuterungen der Romane und der Erzählungen, der vermischten Prosa und der Selbstzeugnisse von J. Bobrowski // Bobrowski J. Gesammelte Werke: in 6 Bänden. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1999. Bd. 6. S. 565-568.
12. Hartung G. J. Bobrowski // Sinn und Form. 1966. H. 4. S. 1518-1523.
13. Horst K. A. Johannes Bobrowski und der epische Realismus // Merkur. 1964. № 200. H. 10/11. S. 1080-1082.
14. Kafka F. Die Verwandlung. Frankfurt am Main: Fischer Verlag, 2007. 140 S.
15. Kähler H. Bobrowskis Roman // Sinn und Form. 1965. H. 3-4. S. 631-634.
16. Kelletat A. Johannes Bobrowski // Deutsche Dichter: in 12 Bänden. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1990. Bd. 6. S. 193-203.
17. Kleinwort M. Der späte Kafka. München: Wilhelm Fink Verlag, 2013. 279 S.
18. Welzig W. Der deutsche Roman im 20. Jahrhundert. Stuttgart: Alfred Kröner Verlag, 1967. 406 S.
19. Wolf Ch. Die Dimension des Autors: in 2 Bänden. Darmstadt: Luchterhand Verlag, 1987. Bd. 2. 956 S.

Specificity of Author's Artistic Worldview in the German-Language Prose of the XX Century

Gil'fanova Gulnara Tavkil'evna, PhD

Naberezhnye Chelny Institute of Kazan (Volga Region) Federal University
gulnara_tav@mail.ru

Valeeva Alfiya Revanerovna, PhD

Naberezhnye Chelny State Pedagogical University
vale.alfiya@yandex.ru

The article aims to present the genre-heterogeneous German-speaking writers' creative work and to determine specificity of expressing the author's position, artistic worldview in F. Kafka's, J. Bobrowski's novelistic work. Scientific novelty of the study lies in considering the synthesis of artistic devices, methods of the German expressionism and early postmodern literature, realised in their creative work and promoting expression of a XX-century man's worldview and world perception. As a result of the conducted study, the researches have revealed specificity of F. Kafka's and J. Bobrowski's worldview principles and their transformation into text's fabric in works of different genres in the contrastive aspect.

Key words and phrases: artistic worldview; German-language prose; Franz Kafka; Johannes Bobrowski; author's position.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.79>

Дата поступления рукописи: 15.11.2020

Цель исследования – найти идейные точки сближения в концепции вселенной австрийского писателя-фантаста Герберта Вернера Франке (род. 1927) с положениями философской мысли о ноосфере русских философов-космистов П. А. Флоренского, Н. Ф. Фёдорова, В. Ф. Купревича и В. И. Вернадского. Основой исследования послужили труды русских философов и научно-фантастические романы Франке «Клетка для орхидей» (1961) и «Башня из слоновой кости» (1965). **Научная новизна** обусловлена значительным влиянием русской философской школы космистов на формирование картины мира научных фантастов других стран. Впервые романы Франке сравниваются с концепциями русских учёных. **В результате** доказано, что идеи русского космизма с большой долей вероятности могли быть известны австрийскому романисту, поскольку основные философские понятия о ноосфере в художественной форме присутствуют в романах Франке.

Ключевые слова и фразы: философия русского космизма; научная фантастика; Герберт Вернер Франке; «Клетка для орхидей»; «Башня из слоновой кости».

Кармаева Елена Александровна

Цветков Юрий Леонидович, д. филол. н., проф.

Ивановский государственный университет

disputandum14@gmail.com; jzvetkow@mail.ru

Идеи русского космизма в романах Г. В. Франке «Клетка для орхидей» и «Башня из слоновой кости»

Введение

Актуальность исследования связана с выявлением в творчестве австрийского писателя-фантаста скрытого идейного потенциала русских философов-космистов. Внимание к романам Г. В. Франке 60-х годов XX века во многом обусловлено событиями нашего времени, ситуацией самосознания научных парадигм в различных

ареалах, распознаванием её моделей и возможностью проведения интересных философских и культурных параллелей. Рассмотрение многогранности учения о ноосфере русских космистов и преломление их идей в научно-фантастических романах немецкоязычного писателя Г. В. Франке являются важным шагом истолкования его творчества в русле новой концепции, которая открывает возможности постижения философских, социальных и нравственно-этических проблем, а также способствует решению вопроса о мировом влиянии русской философской школы.

Для осуществления поставленной цели предполагается решение следующих *задач*: рассмотреть разработанные П. А. Флоренским, Н. Ф. Фёдоровым, В. Ф. Купревичем и В. И. Вернадским положения философской мысли о ноосфере, регуляции, автотрофности и цефализации. Указанные феномены представляют собой футурологические проекты нового эволюционного этапа человеческой цивилизации, которые в художественной форме воспроизводятся в научно-фантастических романах Г. В. Франке «Клетка для орхидей» и «Башня из слоновой кости». Важной задачей является интерпретация романов Г. В. Франке с философской точки зрения, а также их современная оценка в эпоху кризиса культуры и прогрессирующего технического развития.

Для осмысления идей русских космистов, воплощённых в романах Франке, применялись *методы* сравнительно-исторической школы, разработанные А. Н. Веселовским и его последователями, задачей которых стало осознание закономерностей развития мировой литературы на основе сходства и различия, взаимоотношения и взаимодействия, связи и влияния, в том числе и влияния философско-эстетических феноменов на развитие литератур разных стран мира.

Теоретической базой исследования, кроме сравнительно-исторического метода А. Н. Веселовского, стал герменевтический метод Х. Гадамера, нацеленный на извлечение в тексте новых смыслов в диалоге с традицией (или с какой-либо философско-эстетической парадигмой). Именно в результате такого диалога рождается новый смысл как этап жизни традиции и самого текста.

Практическая значимость работы обусловлена тем, что материалы исследования могут быть использованы при чтении курсов современной философии и зарубежной литературы, а также спецкурсов, посвящённых жанру научной фантастики.

Известный писатель-фантаст Герберт Вернер Франке является заслуженным профессором в области теоретической физики и живёт в настоящее время в Мюнхене. Свой вклад в культурное наследие и развитие немецкоязычных стран он внёс не только как учёный, но и как признанный писатель в жанре “science fiction”. Г. В. Франке по праву занимает одно из ведущих мест в контексте мировой научной фантастики, поскольку его произведения не просто отличаются необычностью сюжета и точностью описываемых изобретений, но и глубоким философским содержанием.

Роль антиутопии в творчестве Г. В. Франке

Можно предположить, что высокая эрудированность писателя в области физики, химии, философии и психологии способствовала появлению уникальных по своему характеру произведений. Г. В. Франке является автором романов, рассказов, радиопьес и рекламных роликов. Для большинства исследователей творчество Г. В. Франке – это предупреждение о нежелательном будущем человеческой цивилизации, например, общества потребления, вставшего на путь тотального охвата мира. Эта точка зрения находит своё научное обоснование при проведении сравнительного анализа романов автора с антиутопиями таких известных писателей, как Е. Замятин, О. Хаксли и Дж. Оруэлл.

Характерной чертой антиутопии является ограниченное в пространстве мировое, единое государство, ограждённое от «другого мира» стеклянным колпаком или стеной и функционирующее в условиях одинаковости и тоталитаризма во главе со своим «Великим Инквизителем». Технические достижения здесь служат абсолютному государственному контролю и подавлению индивидуальности, что даёт повод рассматривать техногенность цивилизации в негативном и отталкивающем ключе.

Самым ярким произведением Г. В. Франке, написанном в жанре антиутопии и сопоставимым с романами Е. Замятина, О. Хаксли и Дж. Оруэлла, можно назвать роман «Игрек-минус» (1976). В общем обзоре творчества Г. В. Франке всегда отмечалась его нетипичность как в отношении лаконичной формы повествования, так и специфичности научного содержания самих произведений.

В первую очередь это объясняется особым взглядом автора на науку и технику. В произведениях Г. В. Франке «Клетка для орхидей», «Авария», «Бегство и убежище» представлен высокий уровень технического прогресса, но техника не становится исполнителем силы зла, насилия или подавления человека. О почти любовном отношении Г. В. Франке к науке и технике писал отечественный литературовед Вл. Гаков: если некоторые американские писатели фантасты смело переходят границы научно достоверного, то «Франке же вследствие своей редкой “лояльности” по отношению к науке никогда не посмеет этого сделать. Он серьёзнее многих коллег по перу относится к этой внешне дежурной приставке “научная”» [4, с. 18].

Футурологические романы Франке

Весьма примечательны футурологические романы Г. В. Франке, в которых могут отсутствовать явные признаки тоталитаризма или идейное содержание которых при явных признаках антиутопии смещается в абсолютно иной фокус. Подобное своеобразие романов Г. В. Франке «Клетка для орхидей» и «Башня из слоновой кости» из области физики, кибернетики, психологии и философии позволяет искать и применять новые методы исследования творчества писателя. Эти романы, вышедшие в свет с разницей в четыре года, явились своеобразным прогнозом научных достижений настоящего времени. Однако ещё больший интерес представляет их социально-философская направленность. Можно предположить, что Г. В. Франке,

используя положения философов русского космизма о ноосфере, предлагает свои футурологические проекты нового эволюционного этапа человеческой цивилизации.

Русский космизм, как известно, имел два крыла. Первое из них представлял религиозно-философский космизм, который разрабатывали Н. Ф. Фёдоров, П. А. Флоренский, В. С. Соловьев, Н. К. Рерих и Н. А. Бердяев. Вторым направлением являлся естественно-научный космизм, идеи которого развивали К. Э. Циолковский, Н. А. Умов, А. А. Чижевский и В. И. Вернадский. В целом, насыщенный религиозно-богословским и научно-естественным содержанием русский космизм стал уникальным источником для научно-фантастической литературы: «Духовный, научный и творческий потенциал русского космизма, его проективная направленность и оптимистический взгляд на будущее делают это течение всё более привлекательным» [5, с. 4].

Роман «Клетка для орхидей» традиционно трактуется как один из самых популярных научно-фантастических романов Г. В. Франке, написанных в жанре антиутопии. Здесь представлены две формы техногенных цивилизаций, стоящих на разных этапах научного развития. Мастерски построенный сюжет быстро захватывает читателя, создавая ощущения кинопросмотра с активно развивающимся действием, при котором одновременно многое остаётся непонятным и загадочным, и лишь в конце романа выстраивается полная картина происходящего.

Земляне, прибывшие на чужую планету, вновь появляются после уничтожения и расщепления их тел, являясь лишь живой проекцией людей, участвующих в соревновательной игре. Главная цель игры – определить и поместить в музей изображение с внешним видом обитателей очередной новой планеты, и тогда она будет названа в честь команды победителей. Пройдя через испытания и знакомство с техническими возможностями иной цивилизации, землянам удаётся познакомиться с её представителями. Когда-то они были антропоморфными существами, анатомически напоминавшими людей. Но в романе они предстают в виде розовых мясистых существ с ответвлениями проводов, помещённых в клетки и напоминающих орхидеи: «Левую сторону коридора занимало сплетение проводов труб, рефлекторов, нитей, палок и пластиковых оболочек. И в этом сплетении на расстоянии двух метров друг от друга сидели ярко-красные, мясистые, с многочисленными отростками создания, освещённые фиолетовыми лампами. Бесконечный ряд, тоже теряющийся вдаль» [11, с. 253]. Существа утратили скелет и некоторые органы, а кровь поступала в них через искусственные сосуды, мозг превратился в свисающий комочек, снабжённый проводками для проведения приятных ощущений. Жизнь стала для них бессмертной.

Кроме ирреальных проекций людей и обитателей планеты в романе присутствуют герои-«дроиды», представляющие часть технического прогресса цивилизации. Как можно заметить, в произведении отсутствуют черты тоталитаризма, в нём нет чётко обозначенных пространственных границ государства, в котором живут миллионы людей-функций. Они просто путешествуют по Космосу и представляют, скорее, общество потребителей высокоразвитой цифровой цивилизации, сумевшей преодолеть скорость света в пространстве. Можно согласиться с общепринятой в критике интерпретацией романа, что автор предупреждает человеческое общество на примере общества орхидей, которое в результате праздной жизни, наполненной созерцательностью, удовольствиями и технической независимостью, прошло стадию деградации и перешло в форму жизни, напоминающую растительную, утратив главный видовой признак человекоподобных существ мозг и интеллект: «Луч обозначил скатанную в клубок и уплотнённую массу, свисавшую из выемки в верхней части “человека”. Со всех сторон к ней тянулись тончайшие, словно паутинка, нити, исчезающие внутри “мозга”» [Там же, с. 254]. Подобная точка зрения на «человека» может быть дополнена идеями из арсенала русского космизма.

Идейное наследие русского космизма

Согласно умозаключениям В. И. Вернадского, живое существо обитает в биосфере и вне её условий существовать не может [2]. Благодаря своей преобразовательной деятельности и своему разуму, который В. И. Вернадский определяет, как мощную геологическую силу, человек должен создать в биосфере вторую природу или техносферу, преобразовав таким образом изначальную биосферу в ноосферу. Ноосфера есть новая стадия эволюции человека [3, с. 503-510].

Представленная в романе техносферная среда превосходит все ожидания читателя: вместо живых пейзажей появляются «телепроекции», «камни из пластика», «искусственная стерильная почва», «воздух, наполненный запахом тимьяна», «массажные кресла», необычные средства передвижения и высокотехнологичные цифровые возможности трансформации реальности. Кроме того, «дроиды» сами себя обслуживают, выполняют охранные и строительные функции и проводят следственные и судебные процессы над чужаками, причинившими вред «нации орхидей».

«Дроиды» в зависимости от выполняемых ими задач образно напоминают органы человека и мир живых существ. В романе встречаются «глаза-объективы» и «металлические птицы», которые отсылают читателя к идеям П. А. Флоренского, считавшего, что человек создаёт орудия своего труда по образу своих органов: «...отсюда понятно их сходство, вытекающее не из поверхностных аналогий, но из тождества их функций» [9, с. 404]. Техника в идеологии космистов – это всего лишь инструмент в руках человека. Например, Н. Ф. Фёдоров утверждал, что за техническим прогрессом должен последовать органический прогресс или эволюция самого человека [8, с. 405].

В понимании русского космизма эволюция связана с автотрофностью, т.е. способностью получать пищу и энергию посредством искусственного фотосинтеза или хемосинтеза, а также обретением бессмертия как высшей формы регуляции. Необходимость увеличения продолжительности жизни и обретение бессмертной формы существования философы обосновывали переходом человечества в новую эру технического освоения Космоса: «Порожденный крошечною землёю, зритель безмерного пространства, зритель миров этого пространства должен сделаться их обитателем и правителем» [Там же, с. 527].

Смертность рассматривается учёными как атавизм, оставшийся от эволюции, и преодолеть своё физическое несовершенство человек может путём развития новых свойств. В плеяде русского космизма этому вопросу посвящён целый ряд трудов Н. Ф. Фёдорова, В. И. Вернадского и В. Ф. Купревича, которые объясняют феномен смерти и бессмертия и предлагают свои проекты решения этих проблем. Согласно идеям Н. Ф. Фёдорова, органический прогресс человеческого организма – это развитие возможности регенерации или естественного органотворения [Там же, с. 27]. В. Ф. Купревич писал о самообновлении клеток организма, за исключением клеток нервной системы, которые становятся причиной старения всего организма [6, с. 351]. Эти идеи перекликаются с логикой Г. В. Франке о превращении мозга антропоморфных существ в небольшой комочек посредством сверхкомфортных условий существования и последующим обретением ими бессмертия.

Автотрофность – новый вид телесности

В. И. Вернадский в работе «Автотрофность человечества» находит новую форму телесности. В его научном понимании растения, способные накапливать энергию, обмениваясь со средой и не уничтожая другие жизни и ни от кого не завися, являются высшей формой существования [1, с. 293]. Продолжая высказывать свою идею, В. И. Вернадский отмечал, что хлорофилл подобен человеческому гемоглобину, а это значит, гипотетически существует возможность перехода человека в новую сущность [Там же, с. 294].

Ознакомившись с философскими допущениями русских космистов, справедливым будет предположить, что представленная в романе цивилизация «орхидей», достигая стадии бессмертия, – это не предупреждение о возможной форме существования вследствие технического развития, а художественно переосмысленный образ нового этапа человеческой эволюции. Утратив неспособный к регенерации высший орган нервной системы, головной мозг, «орхидеи» обрели вечную жизнь, а через специальные трубки они получали необходимые вещества и путем кровотока происходил газообмен.

Образ эволюционного «человека-орхидеи» как идеально приспособленного к жизни существа вытесняет собой принятый в научной фантастике образ «киборга» – слияния человека с искусственным интеллектом. Символичным при этом становится не только название романа «Клетка для орхидей», но и представленный в произведении биологический эксперимент с растением, которое, преодолев законы времени, выросло за считанные минуты. Можно предположить также, что игровые путешествия землян по разным уголкам Космоса и исследование ими планет более высокоразвитой цивилизации – это не только намеренное предупреждение автора о последствиях комфортного существования, ведущего к деградации высокоразвитых организмов, но и идея философского космического всеединства. Она принадлежит русским космистам и выражена в произведении Г. В. Франке: «...формы разумных существ в мировом пространстве развиваются сходным путем, если только сходны окружающие условия» [11, с. 221].

Цефализация – усиленное развитие головного мозга

В соответствии с идеями русского космизма вопросы регуляции, космического всеединства и цефализации поднимаются в романе Г. В. Франке «Башня из слоновой кости». Название романа также становится символичным. В работе «Философия общего дела» Н. Ф. Фёдоров рассуждает о вертикальном и горизонтальном положении как о положении жизни и смерти. Вертикальное положение символизирует активное действие, противостояние горизонтальному положению – смерти. В эпоху технического освоения космоса вертикальное положение ракеты становится символом целеустремлённости во вселенское пространство и символом нового этапа жизни [8, с. 507-510].

Подобная ракета или башня из слоновой кости уносит героев в вынужденное космическое путешествие. Можно предположить, что в романе Г. В. Франке, следуя учениям русских космистов, рассматриваются не только вопросы регуляции природы и хозяйствования на планете, но и предлагается ещё одна вариативная эволюционная модель человеческого существа, в основе которой лежит идея цефализации. Термин «цефализация» связан с именем североамериканского минералога, биолога и геолога Д. Д. Даны, на которого ссылается В. И. Вернадский [3, с. 506-507]. Дана соотносил понятие цефализации с процессом усложнения головного мозга, при котором происходит его постоянный прогресс. В работах современных исследователей цефализация рассматривается в социологическом контексте. Так, Г. С. Смирнов в одной из статей отмечал, что цефализация – это «закономерный эволюционный этап биологической цивилизации. Современные электронные средства связи объединяют людей подобно нервным импульсам головного мозга, а электронные накопительные ресурсы Интернета можно рассматривать как всеобщее планетарное единство» [7, с. 25].

В «Башне из слоновой кости» представлен не только единый электронный носитель всех оцифрованных данных, способный к разумному принятию решений, так называемый ОМНИВАК (праобраз современного компьютера), но и другие формы слияния и объединения. Главный герой романа Мортимер подвергается процессу биологической цефализации при перенесении его сознания в мозг другого человека – Стэнтона Баравалья. Новое существо с «двойным мозгом» описывает свои психические и физиологические ощущения [10, с. 311]. Несмотря на возникающие противоречия вследствие слияния двух личностей, герой считает, что его суждения стали совершеннее, поскольку теперь они более информативны и ближе к истине. На этом автор не останавливается в своих философских размышлениях. Устами профессора Ван Стейна он говорит о том, что мозг человека, как электронная карта памяти с процессором, способен к четырёхкратной нагрузке такого рода [Там же, с. 319].

Центральная электронная машина ОМНИВАК, следуя логике П. А. Флоренского, уподобляется образу и функциям головного мозга и способна принимать взвешенные и рациональные решения: «ОМНИВАК так запрограммирован, что минимизирует нужду, страдание и боль» [Там же, с. 321]. Но это не единственный пример усложнения сознания. Эволюция головного мозга определяется коллективным мышлением. Участники

вынужденного космического путешествия ведут диалоги друг с другом без участия физиологических средств коммуникации. Это становится возможным благодаря экстрасенсорному переносу или пунктированию проводками головного мозга и мозговому фокусу, который представляет из себя токи и импульсы области мышления с передачей их мозгу-приёмнику [Там же, с. 284].

Не остаётся в стороне и животный мир. Учёным удалось добиться слияния человеческого сознания с мозговыми импульсами и испытываемыми животными чувствами. Такой вид цефализации, как признак предполагаемой эволюции, оказывает положительное влияние с точки зрения учёных в романе «Башня из слоновой кости». Не обходит вниманием Г. В. Франке и объединение людского сознания с искусственным интеллектом, что могло бы стать бессмертием для человечества, но подобная форма бессмертия отвергается автором. «Существа-орхидеи» больше не способны размножаться, так как достигли собственного бессмертия, а слияние с компьютерным разумом приведёт к излишнему перенаселению планет. Автор вновь отвергает образ киборга, как эволюционную форму антропоморфных существ.

Роман «Башня из слоновой кости» Г. В. Франке заканчивается последней формой цефализации. Происходит физиологическое объединение землян с жителями другой планеты – хрупкими, прозрачными одноглазыми существами, живущими на своей планете в жидком расплавленном аммиаке, но по своему развитию сходными с людьми. Неспособные к созданию цивилизованной жизни на новой планете, напоминающей землю, герои переселяются в двойников с соседней «аммиачной планеты», оставляя свои тела в хранилище. Не остаётся в стороне и животный мир. Учёным удалось добиться слияния человеческого сознания с мозговыми импульсами чувств животных [Там же, с. 326-327].

Заключение

Таким образом, можно сделать **выводы**, что Г. В. Франке представляет в романах «Клетка для орхидей» и «Башня из слоновой кости» не просто антиутопические проекты будущего, а футурологические социальные модели возможной эволюции человеческой цивилизации, что можно рассматривать предвосхищением научных достижений нашего времени. Однако ещё больший интерес представляет их социально-философская направленность в русле философии русского космизма о ноосфере, регуляции, автотрофности и цефализации. Такая трактовка романов предлагает свои футурологические проекты нового эволюционного этапа человеческой цивилизации. Идеи Г. В. Франке, близкие наследию русского космизма, позволили интерпретировать творческое наследие фантаста в новом философском ракурсе и выразить авторскую оценку современных технологических изобретений. **Перспективами дальнейшего исследования** можно считать изучение многочисленных рассказов, повестей и радиопьес Франке с точки зрения преломления в них идейного наследия русского космизма.

Список источников

1. Вернадский В. И. Автотрофность человечества // Русский космизм: антология философской мысли / сост. и предисл. к текстам С. Г. Семенов, А. Г. Гачевой; примеч. А. Г. Гачевой. М.: Педагогика-Пресс, 1993. С. 288-302.
2. Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. 271 с.
3. Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста. М.: Наука, 1988. 522 с.
4. Гаков Вл. Свет в конце тоннеля (об «адском картографе» Герберта Франке, его предшественниках и окружении) // Франке Г. Стеклопанная западня: сборник. М.: Радуга, 1991. С. 5-27.
5. Исакова Н. В. Феномен глобальности в философии русского космизма: автореф. дисс. ... к. филос. н. Краснодар, 2004. 23 с.
6. Купревич В. Ф. Долголетие: реальность мечты // Русский космизм: антология философской мысли / сост. и предисл. к текстам С. Г. Семенов, А. Г. Гачевой; примеч. А. Г. Гачевой. М.: Педагогика-Пресс, 1993. С. 345-351.
7. Смирнов Г. С. Цефализация ноосферы: эволюция разумного вещества на рубеже тысячелетий // Вестник Ивановского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2012. Вып. 2 (12). Философия. С. 17-30.
8. Фёдоров Н. Ф. Сочинения. М.: Мысль, 1982. 711 с.
9. Флоренский П. А. Сочинения: в 4-х т. М.: Мысль, 2000. Т. 3. Кн. 1. У водоразделов мысли. 621 с.
10. Франке Г. Башня из слоновой кости // Франке Г. Стеклопанная западня: сборник. М.: Радуга, 1991. С. 201-373.
11. Франке Г. Клетка для орхидей / пер. с нем. Е. Факторовича. М.: Вокруг света, 1990. 272 с.

Ideas of the Russian Cosmism in the Novels “The Orchid Cage” and “The Ivory Tower” by H. W. Franke

Karmaeva Elena Aleksandrovna
Tsvetkov Yuriy Leonidovich, Dr
Ivanovo State University
disputandum14@gmail.com; jzvetkow@mail.ru

The study aims to find ideological convergence points between the concept of the universe developed by the Austrian science-fiction writer Herbert Werner Franke (born in 1927) and philosophical ideas of noosphere introduced by the Russian philosophers-cosmists P. A. Florensky, N. F. Fyodorov, V. F. Kuprevich and V. I. Vernadsky. The research is based on the Russian philosophers' works and Franke's science-fiction novels “The Orchid Cage” (1961) and “The Ivory Tower” (1965). Scientific novelty is conditioned by considerable influence that the Russian school of Cosmist thought had on formation of the worldview of science-fiction writers from other countries. This is the first time that Franke's novels are being compared with conceptual ideas of the Russian scientists. As a result, it was proved that the Russian Cosmism ideas more than likely could be familiar to the Austrian novelist, as the main philosophical concepts of noosphere are present in the artistic form in Franke's novels.

Key words and phrases: philosophy of the Russian Cosmism; science fiction; Herbert Werner Franke; “The Orchid Cage”; “The Ivory Tower”.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.80>

Дата поступления рукописи: 14.11.2020

Цель исследования – определить, как тема памяти проявляется в образах Герлофа Давидссона и Арона Фреда в детективном романе Юхана Теорина «Призрак кургана». **Научная новизна** состоит в том, что в статье рассматривается роман, который ранее не становился объектом исследования. Герлоф – центральный персонаж всего творчества автора. Индивидуальная память героя сочетается с коллективной памятью народа, носителем которой также является Герлоф. Историческая память проявляется в образе Арона Фреда, эмигранта в СССР. **Полученные результаты** показали, что, обращаясь к этим событиям в детективе, автор привлекает внимание своих соотечественников к проблеме, которая в течение долгого времени была скрыта от населения.

Ключевые слова и фразы: Юхан Теорин; «Призрак кургана»; детективный роман; тема памяти.

Коновалова Мария Александровна

Петрозаводский государственный университет
kopovmasha@yandex.ru

Тема памяти в образах детективного романа Ю. Теорина «Призрак кургана»

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что феномен скандинавского, в том числе шведского, детектива в последнее время становится все более популярным как у читателей, так и в среде исследователей литературы. С одной стороны, это объясняется востребованностью данного жанра, а с другой – его необычностью в сравнении с русским детективом и невероятным разнообразием субжанров. В данной статье мы обратимся к творчеству одного из ведущих на сегодня авторов Швеции, работающих в этом направлении, – Юхана Теорина. С романом «Мертвая зыбь», который стал первой книгой «эландского квартета», он дебютировал в 2007 году. Завершающий серию роман «Призрак кургана», который стал объектом нашего исследования, был издан в 2013 году в Швеции и в 2015 – в России. Одной из основных тем в произведении является тема памяти, к которой исследователи обращаются уже в течение многих десятилетий.

Для достижения поставленной цели нам нужно решить следующие **задачи**: во-первых, выделить данные образы и проанализировать их, определив важнейшие характеристики; во-вторых, исследовать роль темы памяти в литературе, ее возможные проявления; в-третьих, обозначить точки соприкосновения образов главных героев с темой памяти и выяснить, как они взаимодействуют.

В работе используются такие **методы исследования**, как культурно-исторический, психологический и проблемно-тематический.

В соответствии с поставленными целью и задачами **теоретической базой** исследования стали труды Ю. М. Лотмана [6; 7], П. Рикёра [8] и М. Хальбвакса [11], которые рассматривают тему памяти в сфере истории, культуры и литературы.

Практическая значимость: материалы исследования могут быть использованы в вузах при изучении курса современной зарубежной литературы, а также спецкурсов и спецсеминаров, посвященных шведской словесности.

Своеобразие творчества Юхана Теорина

Почти все произведения автора к моменту выхода «Призрака кургана» являлись детективными романами (за исключением сборника новелл об Эланде), и именно этому жанру он обязан своей популярностью. Однако, как мы знаем, литературное произведение редко можно ограничить рамками лишь одного жанра, и работы Юхана Теорина не исключение. Сам Теорин говорит: «Конечно, я называю себя автором детективов, но я так глубоко погружаюсь в характеры, что преступление отходит в тень. Я люблю смешивать жанры» [14]. Действительно, часто в его романах расследование уходит на второй план, а на первом оказываются традиционные для классической литературы вопросы о взаимопонимании поколений, противостоянии добра и зла, а также социальные проблемы, актуальные для современной Швеции.

Детективы Ю. Теорина необычны и тем, что события развиваются не в городах, которые являются наиболее традиционным местом действия в детективах, а в небольших поселениях на острове Эланд. Автор подчеркивает: «Моя Швеция – сельская. Мне близка и знакома такая жизнь. К тому же о преступлениях в городах писали все, ведь там сосредоточена преступность. А вот об “островных” преступлениях написано мало» [4]. Эланд – один из источников вдохновения писателя, несмотря на то, что не является его родиной. Ностальгия по старому Эланду, который сейчас уходит в небытие, стала поводом, чтобы рассказать об острове в своих книгах. О причинах, которые побуждают нас вспоминать что-либо, писал П. Рикёр, он отмечал, что «отсылка к отсутствию является конститутивной для способа присутствия воспоминания. В этом смысле утрата может предстать как внутренне присущая работе припоминания» [8, с. 545]. Так происходит со старым миром острова: автор обращается к нему, лишь когда начинает резко ощущать его отсутствие. Начиная

писать подобные произведения, Юхан Теорин считал, что они будут интересны только жителям острова, но, как оказалось, вся Швеция, а впоследствии и другие страны увлеклись новыми детективами.

Индивидуальная и коллективная память в образе Герлофа Давидссона

В своих книгах Теорин хотел передать людям старые легенды Эланды, предания, со временем стирающиеся из памяти. Писатель познакомился с ними из рассказов своих родственников и решил поведать всем остальным. Юхан Теорин признается, что рассказы его дедушки Эллерта Герлофссона «послужили вдохновением, когда он создавал своего друга Герлофа Давидссона, пожилого капитана шаланды на пенсии, который играет второстепенную роль в романах об Эланде и главную – в некоторых новеллах» [15, р. 11]. В одном из интервью он сказал, что создал образ Герлофа отчасти для того, чтобы вернуть деда к жизни.

Так как почти все ситуации, связанные с этим персонажем, пронизаны симпатией и любовью автора, он становится любимым героем и для читателя. Учитывая такое отношение к Герлофу, а также его роль во всех частях Эландского квартета и в некоторых из новелл, можно утверждать, что он является ключевой фигурой творчества Ю. Теорина. Б. В. Томашевский отмечает, что часто в литературе определенные темы и мотивы авторы «закрепляют» за конкретными героями, потому что это может облегчить «внимание читателя. Персонаж является руководящей нитью, дающей возможность разобраться в нагромождении мотивов, подсобным средством для классификации и упорядочения отдельных мотивов» [10, с. 199]. За Герлофом Давидссоном так «закреплена» тема памяти, которая, как и этот герой, может считаться одной из самых значимых для Юхана Теорина. Также Теорин обращается к вечной проблеме «отцов и детей», вопросам взаимоотношений в семье и рассматривает, насколько жители острова Эланд отличаются от остальных, живущих на материке, шведов.

Издревле люди задавались вопросами о природе памяти, однако и сегодня многие из них остаются без ответов. В некоторой мере эта таинственность памяти, неразгаданность этого явления и является причиной его неизменной актуальности как в литературе, так и в сфере разных наук. Память дает нам возможность обратить ход времени: «...если природа стремится свои создания вперед и только вперед, то человек постоянно обращается вспять, стремится остановить мгновенье, вырвать из меонического плена забвенья драгоценные события жизни, дорогих сердцу людей» [1, с. 13], – указывает А. Г. Гачева.

Как мы отмечали, данная категория исследуется в сфере многих наук. М. Хальбвакс, основоположник исследований исторической коллективной памяти, выделял два типа памяти, «одну из которых можно, если угодно, назвать внутренней, а другую – внешней, или же первую личной, а вторую – социальной» [11, с. 18], также их можно назвать индивидуальной и коллективной. Коллективную память иногда также именуют исторической, противопоставляя личной. Эти типы памяти существуют взаимосвязанно, воплощаясь в сознании каждого человека, воздействуют друг на друга, но не смешиваются.

В «Призраке кургана» автор обращается и к внутренней, и к внешней памяти. Индивидуальная память (изначально это была память Эллерта Герлофссона) сливается с памятью Герлофа и представляет читателю мысли о море, работе моряка и древних традициях Эланды. Кроме индивидуальной памяти Герлоф становится носителем внешней, или коллективной, памяти. Ю. М. Лотман высказывался, что факт существования «коллективной памяти, хранимой с помощью ритуалов и обрядов и выделения специального института “хранителей памяти”, подтверждается многочисленными данными» [7, с. 239]. Фольклор, являясь «хранилищем» старых верований, может нам передать информацию о менталитете людей, живших десятки лет назад, несмотря на то, что выделить достоверную информацию об исторических событиях из текстов народного творчества не всегда возможно. В связи с этим необходимо учитывать данные, содержащиеся в фольклоре, чтобы осознать «те смыслы и ощутить те веяния, что носят в воздухе эпохи и открываются через соприкосновение с памятниками культуры. Именно... через них раскрывается гений места и образ времени» [1, с. 12]. В произведениях Теорина хранителем народной памяти и становится Герлоф Давидссон. Он часто пересказывает предания и легенды, бытующие на острове, хотя обычно сам в них не верит, – и тут же дает логичное объяснение тем или иным происшествиям. Обычно в этих историях можно заметить печаль о прошлом – пробивающийся голос автора. Например, Герлоф рассказывает историю кургана, который и становится местом развязки в романе: «Вот это могильник. Настоящий могильник, его насыпали на могиле какого-нибудь вождя бронзового века. <...> ...кому-то пришла в голову мысль, что могильник будет смотреться лучше, если его насыпать на их земле, у моря, прямо на обрыве. <...> ...люди пытаются найти в прошлом, чем бы они могли гордиться сегодня. Если, конечно, сегодня гордиться нечем. Викинги, герои... старинные предания. Все, чтобы доказать, какая у них героическая, древняя и превосходящая всех остальных нация...» [9, с. 182]. Так описывается курган, ставший местом развязки детективной линии повествования.

Арон Фред как носитель коллективной памяти

Часть событий, о которых в книгах рассказывает Ю. Теорин, основываются на реальности. Связь с мировой историей так или иначе находит свое проявление практически во всех произведениях автора, но роман «Призрака кургана» является для российского читателя более значимым в этом смысле, так как в нем автор обращается к истории Советского Союза. Описание событий, происходящих здесь, занимает примерно 1/6 романа.

Теорин не использовал каких-либо исторических документов при написании книги, он не претендует на достоверность. Тем не менее в его произведении присутствует то, что и называется исторической памятью народа, – что сохранилось в воспоминаниях наших соотечественников, в культуре и литературе. Е. В. Чернецова указывает, что в литературном произведении на основе реальных исторических событий

создается новая действительность, а «исторические факты, положенные в основу литературных произведений и обрастающие за счет этого вымыслом, в сущности не являются больше историей» [12, с. 52]. Чтобы почерпнуть информацию о прошлом, не лишенную эмоциональной оценки человека, вовлеченного в эти события, Теорин обращается к произведениям о Советском Союзе как отечественных, так и зарубежных авторов, благодаря чему у него получается не только адекватно передать общее настроение в СССР того времени, но и рассказать о конкретных случаях, произошедших на территории лагерей.

Влад, или, как его называли раньше, Арон Фред, – один из главных героев романа, он попадает в Советский Союз вместе со своим отчимом, который был приверженцем идей коммунизма, в 1932 году. Сначала они отправляются на стройку Беломорканала, где их арестовывают как шпионов и забирают в лагерь. Там спустя несколько месяцев тяжелейшего труда отчима Арона расстреливают, а он сам спасается отчасти с помощью обмана, отчасти – примерным поведением. На великой стройке и в лагере он взрослеет, учится лгать, но также он становится настоящим гражданином Советского Союза, который беспрекословно доверяет тому, что утверждает партия и товарищ Сталин. Можно заметить, как меняется сознание этого молодого человека: сначала он недоволен переменами, он страдает, но доверяет тому, кто принадлежит его стране, его родине, которую на тот момент представляет единственный человек – отчим. По мере того, как он учит русский язык, общается с советскими людьми и подвергается их влиянию, он больше начинает доверять Союзу и меньше – Швеции. Так, когда Арону говорят, что его отчим был шпионом, – он уже сомневается. А когда по прошествии многих лет, уже являясь сотрудником НКВД, Влад получает информацию о том, что его коллега, друг, с которым он работал долгое время, – враг народа, – сомнения рассеиваются через какие-то мгновения. Так сказали – значит, так оно и есть. Таким образом, мы наблюдаем эволюцию героя, его становление и видим, как шведский Арон превращается в советского Влада.

Юхан Теорин намеренно передает историю не в общих чертах, описывая значительные группы людей, несмотря на то, что таким образом ему удалось бы охватить гораздо больший пласт событий, но обращается лишь к одному персонажу, как в случае с Ароном, рассказывая о СССР, и с Герлофом – о старом Эланде. Необходимость обратиться к исторической памяти тем не менее не исчезает, ведь это «сознание, отражающее значимость информации о прошлом в ее связи с настоящим и будущим» [5, с. 50]. Отметим, что в литературе историческая память «нередко персонифицируется, и через оценку деятельности конкретных личностей формируются впечатления и нравственные ценности» [Там же]. В «Призраке кургана» мы наблюдаем, как историческая память перерабатывается автором, представляясь в виде индивидуальной. Так история становится более личностной и, следовательно, легче и естественнее воспринимается, что является характерным для типа современной памяти, которая «субъективна, основана на индивидуальном восприятии, связана с индивидуальной биографией» [3, с. 27] и не отвергается сознанием как нечто инородное и искусственное. В связи с этим положением хочется обратиться к словам Ю. Лотмана: «Слушатель постоянно стремится определенным образом идентифицировать текст со своей памятью. Текст же, в свою очередь, постоянно врывается в память и трансформирует ее» [6, с. 174]. Таким образом, происходит взаимодействие индивидуальной памяти отдельного читателя с памятью коллективной, заложенной в данном случае в образ Арона.

Предметом исторической памяти обычно становятся наиболее значительные события в жизни общества, часто трагические. Советский Союз, стройка Беломорканала, репрессии, лагеря – все это описано в романе отнюдь не в радужных тонах, но, однако, и не так жутко, насколько это было возможно. Перед читателем может встать вопрос: зачем Юхану Теорину открывать столь нелицеприятную сторону российской истории? Может быть, дело в традиционной неприязни Запада к России? Или в том шведском понятии *gyskskräck*, что дословно переводится как «страх перед русскими» или «боязнь русских»? Совсем нет. Несмотря на то, что автор обращается к этим темным страницам истории нашей страны, он описывает это далеко не столь пессимистично, как в литературе, к которой он обращался.

В. Н. Шевченко, обратившись к проблеме информационной войны России и Запада, выделяет некоторые положения, к которым обычно прибегают, чтобы представить СССР в худшем свете: «Если обобщить все, что написано с целью искажения роли СССР в Великой Отечественной войне, то получается примерно следующая картина. Те, кто выступил в союзе с немецкой армией для борьбы против Сталина, – это и есть истинные патриоты России. <...> Настоящими героями следует признать Власова и Краснова в России, одним словом, всех коллаборационистов, как вежливо пишет пресса, избегая слова “предатели”. А нынешняя Россия, поскольку она считает себя правопреемником СССР, должна быть лишена права называть себя победителем в Великой Отечественной войне» [13, с. 20]. Подобные вопросы в романе совершенно не затрагиваются, и даже жизнь в лагере описана менее тяжелой, чем она была в реальности. Юхан Теорин не ставил перед собой задачу очернить Советский Союз, он преследовал совершенно иные цели. Автор хотел показать в популярном на данный момент жанре, который пользуется спросом и многими читается, проблемы собственной страны, неизвестные большей части шведов.

Подобные Арону Фреду переселенцы в СССР не были редкостью в то время, однако эта информация стала доступна широкой публике совсем недавно: «... в Советский Союз эмигрировали люди из разных концов Швеции, самые первые поехали в 1923-ем году» [2]. Все это были приверженцы коммунистических идей. Некоторым из них, вовремя осознавшим, куда они попали, удалось вернуться. Так сложилось, что правда о тех, кто поехал в Советский Союз, оказалась в Швеции не слишком «удобной», и вокруг нее установился своеобразный заговор молчания. Лишь в 1999 году в газете “*Dagens Nyheter*” были опубликованы статьи, на основе которых

впоследствии вышла книга «Принуждённые к молчанию». Вот что говорит ее автор, журналистка Каа Энеберг: «Нет никаких упоминаний об этом ни в шведских книгах по истории, ни в национальной шведской энциклопедии» [Там же]. Однако этот труд тоже не стал предметом внимания широкой публики из-за своего документального характера, несмотря на полноту исследования проблемы. Таким образом, мы видим, что целью автора романа «Призрак кургана» было донести до своих соотечественников эту не совсем приятную правду о шведских эмигрантах, пока она не оказалась утраченной во времени окончательно. Внимание к этой проблеме и еще большее, чем обычно, погружение в тему памяти и обусловлены именно ее утратой, забвением. В литературе довольно часто «дискурс памяти возникает, когда каждая общность или каждое общество в определенный момент, в “свое” время переживают состояние “разрыва” с прошлым» [3, с. 24]. Один из лучших способов сохранить что-то в памяти – рассказать об этом в литературном произведении. М. Ю. Лотман отмечал, что «тексты образуют свернутые мнемонические программы. Способность отдельных текстов, доходящих до нас из глубины темного культурного прошлого, реконструировать целые пласты культуры, *восстанавливать память* наглядно демонстрируется всей историей культуры человечества» [7, с. 82]. Юхан Теорин обращается именно к этому свойству текстов, выбирая один из наиболее популярных на сегодня жанров – детективный, чтобы добиться максимально возможной распространенности истории.

Заключение

Итак, мы можем сделать следующие *выводы*. В романе «Призрак кургана» автор «закрепляет» тему памяти за двумя персонажами: Герлофом Давидссоном и Ароном Фредом. Обычно в его произведениях наиболее ярко какую-либо тему представляет один персонаж. Однако роман «Призрак кургана» становится исключением. Выбор именно этих персонажей является особенно примечательным, так как герои во многом противопоставлены друг другу (Арон является преступником, Герлоф выполняет роль детектива; Арон уехал из Швеции и практически забыл свою страну, а Герлоф почти всю жизнь провел на Эланде), однако именно это помогает наиболее полно представить тему, раскрыв ее с разных позиций.

Многое из того, что происходит на Эланде, представляется читателю в воспоминаниях Герлофа, моряка, прожившего на этом острове большую часть своей жизни. В этих воспоминаниях объединяется индивидуальная память самого Юхана Теорина и его бабушки с коллективной памятью эландских жителей, открывая нам то картины из детства автора, то легенды острова, то реальные исторические события. В связи с тем, что, как мы выяснили, фигура Герлофа – ключевая для творчества автора, можно сделать вывод, что и тема памяти является одной из ведущих. Вторым персонажем, ставшим выражением мотива памяти, становится Арон Фред, или Влад. В этом герое собрана судьба всех людей, эмигрировавших из Швеции в СССР, о которых на данный момент сказано недостаточно. В финале произведения Арон появляется у кургана, ставшего основным символом памяти в этой книге, и взрывает его. Вероятно, автор с помощью данного произведения надеялся так же показать правду, скрывавшуюся от населения многие годы под грудой камней лжи и недоговоренности, и пробудить к ней внимание современности.

В связи с тем, что роман «Призрак кургана» не был детально изучен в отечественном литературоведении, перед нами открываются *перспективы дальнейшего исследования*, которые состоят в более детальном изучении образов главных героев, исследовании системы персонажей романа, а также образа Советского Союза в данном произведении.

Список источников

1. Гачева А. Г. Память, культура, история в наследии Н. Ф. Федорова и Н. П. Анциферова // Вопросы культурологии. 2013. № 6. С. 12-17.
2. История «кирунских шведов» [Электронный ресурс]. URL: <http://sverigesradio.se/sida/artikel.aspx?programid=2103&artikel=6061873> (дата обращения: 02.10.2020).
3. Кознова И. Е. Историческая память и основные тенденции ее изучения // Социология власти. 2003. № 2. С. 23-32.
4. Корнеев С. Юхан Теорин: «Это забавно, писать наедине с привидениями» [Электронный ресурс]. URL: <http://darkermagazine.ru/page/juhan-teorin-eto-zabavno-pisat-naedine-s-prividenijami> (дата обращения: 14.11.2014).
5. Коршунова О. Н., Поливанов Я. М. Фальсификация исторических образов как проблема функционирования коллективной исторической памяти // Вестник Чувашского университета. 2011. № 1. С. 48-53.
6. Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. СПб.: Искусство-СПб, 2002. 768 с.
7. Лотман Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства / предисл. С. М. Даниэля; сост. Р. Г. Григорьева. СПб.: Академический Проект, 2002. 543 с.
8. Рикёр П. Память, история, забвение / пер. с франц. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. 728 с.
9. Теорин Ю. Призрак кургана. М.: РИПОЛ классик, 2016. 432 с.
10. Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика: учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 1996. 333 с.
11. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа / ред.-сост. М. Габович. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 16-50.
12. Чернецова Е. В. Фольклорный текст в контексте исторической памяти в интерпретации Э. Л. Доктроу // Филология и культура. 2012. № 4 (30). С. 52-54.
13. Шевченко В. Н. Информационная война Запада с исторической памятью россиян: логико-исторический аспект // Философские науки. 2015. № 6. С. 7-21.
14. Collin L. Succé med sorgkant [Электронный ресурс]. URL: <http://www.svd.se/succe-med-sorgkant> (дата обращения: 14.11.2014).
15. Theorin J. På stort alvar: femton öländska berättelser. Stockholm: Wahlström & Widstrand, 2013. 262 p.

Theme of Memory in Images of J. Theorin's Detective Novel "The Voices Beyond"

Konvalova Mariia Aleksandrovna

Petrozavodsk State University

konovmasha@yandex.ru

The purpose of the study is to determine how the theme of memory manifests itself in Gerlof Davidsson's and Aron Fredh's images in the detective novel "The Voices Beyond" by Johan Theorin. Scientific novelty of the work lies in the fact that the article considers the novel that has never been an object of study before. Gerlof is a central character of the author's creative work on the whole. The character's individual memory is combined with the people's collective memory, whose carrier is also Gerlof. Historical memory is presented in the image of Aron Fredh, an emigrant to the USSR. The research findings have shown that by referring to these events in the detective story, the author draws attention of his fellow countrymen to the issue that has been hidden from the public eye for a long time.

Key words and phrases: Johan Theorin; "The Voices Beyond"; detective novel; theme of memory.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.81>

Дата поступления рукописи: 13.11.2020

Цель исследования – определить, в чём заключаются особенности реализации женских образов в романе американского писателя второй половины XX века Курта Воннегута «Синяя борода» через призму референции всего повествования к легенде о Святом Граале. **Научная новизна** заключается в том, что впервые исследована оппозиция «мужское и женское» в анализируемом художественном произведении через анализ символическо-мифологических особенностей образов женщины. **В результате** обнаружено, что писатель проследживает с помощью своих персонажей историю отношения к женщинам в западной культуре, а также предлагает возможное решение проблемы несбалансированности в отношениях полов с помощью диалога через искусство.

Ключевые слова и фразы: К. Воннегут; женские образы; легенда о Святом Граале; оппозиция «мужское – женское».

Нефедова Ольга Игоревна, к. филол. н.

Московский городской педагогический университет

olgonavt@gmail.com

Женские образы как реализация мифологемы «Святой Грааль» в романе «Синяя борода» К. Воннегута

Введение

Актуальность статьи заключается в том, что основное внимание в исследовании уделено проблеме гендерного неравенства, к чему часто обращаются современные писатели, а вместе с ними и литературоведы. Особый интерес составляет изображение женщин в связи с изменением отношения к ним в обществе. Системный анализ женских образов с нового ракурса позволит уточнить особенности восприятия генезиса женской темы в американской литературе и углубить знания о способах реализации и функциях таких образов в письменной словесности.

К **задачам** исследования относятся: во-первых, определение роли женских образов в легенде о Святом Граале; во-вторых, анализ образов женщин, в частности, Мерили Кемп и второстепенных персонажей как символов женского; в-третьих, рассмотрение образа Цирцеи Берман в качестве рыцаря в поисках Святого Грааля.

Для достижения настоящих задач в работе используются следующие **методы исследования**: комплексный системный подход, соединяющий в себе сравнительно-исторический, структурный и культурно-исторический методы, а также элементы мотивного анализа и анализа архетипов.

Теоретическая база включает в себя как труды по исследованию Артурианы и, в частности, легенды о Святом Граале Дж. Б. Марино [11], А. Люпэк и Б. Т. Люпэк [10], Э. Юнг и М. Л. фон Франц [6], так и работы по изучению творчества Курта Воннегута С. Фаррелл [8] и Т. Хётвек [9].

Практическая значимость работы заключается в том, что она предлагает необычный взгляд на произведение в связи с анализом мифологического слоя романа, а также в её междисциплинарном характере. Материалы исследования могут быть использованы при составлении методических пособий, написании литературоведческих исследований и разработке курсов по литературе США.

Роль женских образов в средневековой легенде о Святом Граале

Изначально мифологема «Святой Грааль» связана с женскими образами и их символикой. В средневековой легенде о Святом Граале, чтобы спасти Короля-Рыбака и его «бесплодную землю», рыцарь должен задать вопрос и тем самым вернуть плодородие окружающему волшебный замок королевству.

Отметим, что земля и фертильность часто связаны с образом матери. Главный герой легенды Персеваль покидает свою мать, отправившись из леса ко двору короля Артура, чтобы стать рыцарем. Тем самым он совершает неординарный поступок против женского начала. Когда в волшебном замке выносят священный предмет, часто процессия состоит из молодых девушек, а одна из них несёт этот волшебный артефакт. Святой Грааль часто изображается в виде сосуда и означает источник жизни и хранилище души, что является символом женского начала и природного плодородия (в отличие, например, от копья или меча, традиционно мужских символов) [6]. Сакральный предмет помогает поддерживать жизнь Короля-Рыбака, однако только временно, что намекает на дисбаланс между мужчинами и женщинами. Для того чтобы вернуть всё в норму, рыцарь должен пройти через символический древний ритуал инициации или трансформацию, что часто можно увидеть в разнообразных мифах, сказках и легендах.

В легенде явно присутствует оппозиция *женское (матриархат, язычество) versus мужское (патриархат, христианство)*. Как утверждается в монографии «Король Артур в Америке» (King Arthur in America, 1999), в качестве женского символа Грааль отражает подсознательное стремление человечества к природе после того, как христианское мужское сознание стало господствовать и возвышаться над природой, на что она отвечает тем, что «ранит» Короля [10, p. 101].

Анализ образа Мерили Кемп и второстепенных женских образов как символов женского

Американский автор второй половины XX века Курт Воннегут (Kurt Vonnegut) обращается к этой проблеме с точки зрения современного ему времени и использует мифологические элементы в романе «Синяя борода» (Bluebeard, the Autobiography of Rabo Karabekian (1916-1988), 1987). Главный герой – художник из семьи беженцев Рабо Карабекян (Rabo Karabekian) находится в поисках смысла жизни и искусства среди «бесплодной земли» США. Он, однако, постепенно трансформируется в старика или Короля-Рыбака, живущего в огромном особняке с таинственным секретом внутри картофельного амбара. Его жизнь меняется при встрече с чередой женских персонажей.

Самой первой является фигура его матери, которая отправляет его на обучение к известному иллюстратору Дэну Грегори (Dan Gregory) для того, чтобы он достиг так называемой американской мечты и добился денежного достатка и стабильности, чего не хватает семье армян-беженцев.

В дом к Грегори персонаж попадает с помощью Мерили Кемп (Marilee Kemp), любовницы и ассистентки иллюстратора. Возможность побывать в доме иллюстратора появляется случайно. Грегори жестоко с ней обращается, не воспринимает её как человека и в какой-то момент чуть не убивает её, поэтому из-за чувства вины разрешает молодому Рабо приехать. Причиной этому является тот факт, что переписка с мальчиком – её отдушина и своего рода творческий акт, помогающий ей пережить страдания.

Главный герой, в свою очередь, фантазирует, что добьётся финансового успеха и заберёт её из дома Грегори. Ему казалось, что она подзадоривает его, и ему мнилось пару-тройку месяцев, что их отношения действительно возможны в реальности [12, p. 193-194]. Его вдохновляли средневековые легенды, которые в тот момент иллюстрировал Дэн Грегори. Однако молодые люди расстанутся после того, как художник выгоняет их из дома. Как Рабо отмечает, «пока я не стану достоин ее, она меня не захочет видеть. Дэн Грегори, когда он отделился от меня, был занят новым изданием “Романов о короле Артуре и рыцарях Круглого стола”. Мерили позировала ему: он писал с нее Гвиневере. Я должен добыть для нее Святой Грааль» [2]. / “She would not see me again until I was worthy of her. Dan Gregory was working on a new edition of Tales of King Arthur and His Knights when he got rid of me. Marilee had posed as Guinevere. I would bring her the Holy Grail” [12, p. 194]. В данном сравнении, таким образом, главный герой выступает в качестве Ланселота, который, как известно из средневековых легенд, влюблён в королеву и жену короля Артура.

Карабекян, словно странствующий рыцарь, отправляется «на поиски приключений за Мерили Кемп» – “his quest for Marilee Kemp” [10, p. 274] (перевод автора статьи. – О. Н.). После этого Рабо отправляется на войну, в его личный своеобразный крестовый поход, но он с иронией замечает, что «в моем положении мечтать о ней не приходилось. Военным платили мало, даже старшим сержантам. И не предвиделось распродажи Святых Граалей со скидкой в гарнизонном магазине» [2]. / “I was certainly in no position to make her my own. Military pay was still very low even for a master sergeant. There were no Holy Grails for sale at the Post Exchange” [12, p. 220]. Так Святой Грааль в данном контексте относит нас к американской концепции успеха – американской мечте. По логике этой мечты рыцарю нужно добиться достатка и признания для того, чтобы получить всё, о чём он мечтает, в том числе и красивую девушку. Однако это во многом похоже на расставание рыцаря Персевала из средневековых легенд и Бланшфлёр, его невесты. Он оставляет её ради Святого Грааля.

Мерили выступает одновременно и в качестве матери, которая заботится о молодом художнике, и как возлюбленная для Рабо, совмещая различные типичные качества женщины в целом. Однако ни Дэн Грегори, ни Рабо Карабекян не воспринимают её как сложное и интересное живое существо, а объективизируют её. Хотя главный герой единственный из всех, кто ведёт себя иначе с героиней, но всё равно оценивает девушку не как личность, а с точки зрения её красоты: «Я был недостойн ее, ведь она была прекрасна, как Мадлена Керолл, самая красивая из кинозвезд» [2]. / “I was unworthy of her, since she was as beautiful as Madeleine Carroll, the most beautiful of all movie stars” [12, p. 157]. В выдержке из произведения выше он сравнивает её с Мэдлин Кэрролл, англо-американской актрисой, которая была популярна в 30-40-е годы XX века и известна как первая британская красавица, попавшая в Голливуд, и ролью в фильме Альфреда Хичкока (Alfred Hitchcock) «Тридцать девять ступеней» (The 39 Steps, 1935). Тип её героини в фильмах Хичкока напоминает

судьбу самой Мерили: холодные и сдержанные блондинки в отношениях с мужчинами с физическими или психологическими недостатками. Эти роковые женщины в конце концов подвергаются унижению [7]. Однако она бросила карьеру в кино, чтобы работать в госпитале во время Второй мировой войны после смерти своей сестры во время бомбардировки Лондона.

Образы персонажей часто моделируются «через призму атрибутов времени и социальных стереотипов» [3, с. 39]. Мерили Кемп в данном случае становится образом всех женщин, которые, как известно, страдали от несправедливого отношения к ним мужчин. Сам Грегори со временем начинает обращаться к ней просто «женщины» (англ. “women” [12, p. 151]). Но иллюстратор не единственный, кто проявлял жестокость к девушке, – школьная футбольная команда, помощник режиссера, а также её собственный отец применяют к ней физическое насилие [Ibidem, p. 235]. Отсылка автора к образу Норы (Nora) из пьесы «Кукольный дом» (*A Doll's House*, 1879) Генрика Ибсена (Henrik Ibsen) здесь символична, так как сама пьеса – это своеобразный манифест феминизма и свободы человеческой личности.

После их расставания персонажи встречаются снова, когда Мерили становится, как утверждается в приведённой ниже цитате, итальянской графиней Портомаджоре и живёт в особняке, где все её слуги – женщины [Ibidem, p. 232]. Здесь можно усмотреть референцию к так называемому «Замку дев» – одному из возможных вариантов замка на пути рыцаря в средневековых легендах, «земле матерей» или бессознательному [6, с. 63]. Мифологические образы и символы приобретают универсальность архетипов. Так, отмечается, что часто «читатель может наблюдать архетип мать в структуре образов реальных женщин. При этом они или буквально являются матерями, или выполняют функцию последних, заботясь о близких людях и обеспечивая их защиту» [5, с. 122]. Мерили из конкретной женщины трансформируется в подобный символ.

Героиня получает свой Святой Грааль – уважение, достаток, свободу и независимость. Теперь у неё есть возможность выражать свои истинные мысли – идеи феминизма. Она восхваляет типичные женские характеристики, во многом относящиеся к архетипу матери. Девушка иронично заявляет, что «женщины ведь ни на что не способны, такие тупые, да? И в землю они только **зерна** закапывают, чтобы выросло что-нибудь **съедобное или красивое**. И ни в кого гранатой не запустят, разве что мячом или **свадебным букетом**» [2]. / “Women are so useless and unimaginative, aren't they? All they ever think of planting in the dirt is the **seed** of something **beautiful or edible**. The only missile they can ever think of throwing at anybody is a ball or a **bridal bouquet**” [12, p. 239]. Женщина здесь воспринимается как пассивный созидательный образ, символизирующий плодородие и изобилие (выделено нами. – *О. Н.*), которые также являются одними из значений мифологемы «Святой Грааль». У Мерили нет детей, но она заботится о своём новом символическом «ребёнке» – итальянском народе.

Все эти аспекты противопоставляются войне, типично мужскому занятию. По словам Мерили, главная цель войны – унижить женщин, заставить их страдать, а мужчины на самом деле притворяются, что воюют между собой [Ibidem, p. 238]. Автор также делает отсылку к актуальной в момент написания романа войне во Вьетнаме (1955-1975) [Ibidem, p. 244]. Мерили преувеличивает, однако во многом данные идеи схожи с символами из артуровских легенд: как уже отмечалось выше, если сосуд Святого Грааля является женским символом, то копье или меч, часто появляющиеся в легендах, – мужским.

Второстепенными персонажами романа являются две жены Рабо Карабекяна – Дороти Рой (Dorothy Roy) и Эдит Тафт (Edith Taft). Они не находятся в центре повествования, потому что в тот момент жизни главный герой теряет связь с реальностью и полностью отдаётся абстрактной живописи. В конце концов Рабо бросает свою первую жену и двух сыновей и уходит от ответственности, таким способом он совершает неблаговидный поступок по отношению к женщине, подобно Королю-Рыбаку. Когда он теряет свои картины из-за некачественной краски, он перестаёт искать себя и быть рыцарем.

Рабо Карабекян находится под опекой своей второй жены, которую он называет одной из «великих Матерей Земли» и которую отличают хозяйственность и умение создать тепло, радость и домашний уют – “great Earth Mothers” [Ibidem, p. 7] (перевод автора статьи. – *О. Н.*). Однако она относится к Рабо как к животному и называет его «моим прирученным енотом» – “my tamed raccoon” [Ibidem, p. 276] (перевод автора статьи. – *О. Н.*). Как отмечает исследователь О. Я. Федоренко, «появление в тексте символики тех или иных животных напоминает читателю о первобытной, архаической, дикой природе теневой стороны личности» [4, с. 39]. Художник погружается в своё тёмное подсознательное и теряет связи с людьми и социумом, желание преобразовывать мир вокруг и созидать.

Образ Цирцеи Берман как рыцаря в поисках Святого Грааля

После смерти Эдит в особняк уже постаревшего Рабо Карабекяна случайно попадает Цирцея Берман (Circe Bergman), писательница, специализирующаяся на реалистичной популярной литературе для подростков. Их отношения – встреча противоположностей. Главный герой в приведённой ниже цитате называет её властной и авторитарной, а также замечает, что он выполняет всё, что она требует [12, p. 12]. Она совсем не похожа на стереотип женщины. Скорее, девушка напоминает идеал типичного американца, который самостоятельно выстраивает мир вокруг себя (self-made man). В отличие от Мерили, она свободная личность, добившаяся успеха в карьере, своеобразный символ нового поколения американских женщин. Цирцея находится постоянно в движении, в отличие от всех остальных жителей особняка. Она не выносит того, что Рабо ничем не занимается целый день, и требует делать хоть что-нибудь [Ibidem]. Таким образом, она обретает много общих черт с образом американского Адама, в котором нашла отражение пуританская доктрина предопределения, требующая «не просто созерцания происходящего в мире, а активного участия в жизни

и строительстве нового общества» [1, с. 11]. Более того, девушка становится катализатором глобальных изменений в маленьком обществе особняка. Именно она буквально заставляет Рабо начать писать автобиографию, из которой основан весь сюжет романа.

Художник называет эту навязчивую и властную женщину ведьмой: «У меня по спине мурашки побежали! Не женщина, а колдунья какая-то! Не будь она колдунья, разве удалось бы ей меня уговорить за автобиографию взяться?» [2]. / “What a spooky woman! She could be a witch. Who but a witch could have persuaded me to write my autobiography?” [12, p. 13]. В прошлом в колдовстве обвиняли в основном женщин, выходящих за рамки стереотипа о покорной жене, что полностью соответствует образу Цирцеи. Здесь уместно вспомнить о символике её имени: Цирцея (или Кирка) – волшебница из греческой мифологии, а наиболее известный сюжет с ней происходит из «Одиссеи», где она превратила всю команду корабля в свиней, чтобы заманить их к себе. Персонаж мифологии одновременно пытается обмануть мужчин и является одним из испытаний на пути, но при этом в конце концов направляет их на верный путь.

В романе «Синяя борода» Цирцея пытается не заманить их остаться в определённом месте, а расшевелить персонажей и сдвинуть их с места, прибегая к различным уловкам. Однажды она предлагает Рабо поехать в Нью-Йорк, место, где он не бывал много лет. Такая поездка станет, по её мнению, «источником вечной молодости» для него – “a Fountain of Youth” [Ibidem, p. 114] (перевод автора статьи. – О. Н.). Мифический родник мог вернуть юность любому, а жизнь и молодость для Цирцеи заключаются в движении. Однако она обманывает старого Карабекяна для того, чтобы перекрасить фойе особняка и повесить её любимые картины. Конфликт заключается в том, что он не воспринимает литографии девушек на качелях как настоящее искусство. Цирцея намеренно злит и раздражает Рабо, но она привносит краски и радость в его однообразную жизнь [10, p. 43]. Девушка заставляет пересмотреть его устоявшиеся взгляды.

Нежелательное вмешательство в жизнь девушка трактует как благо, которое она делает для других, и в особенности для Рабо. Тем не менее этим она действительно помогает Рабо Карабекяну, который находится в апатии: он потерял интерес к жизни и к искусству. С данной точки зрения она представляет собой рыцаря, спасающего раненого Короля-Рыбака и излечивающего его раны. Она прозорливо видит, что главный герой имеет сложности в отношениях с женщинами, и заявляет, что он их до смерти боится [12, p. 141]. Её влияние, хотя и является вмешательством в личное пространство, позволяет возратить жизнь, своего рода плодородие и возможность творчества в доме Карабекяна [Ibidem, p. 214]. Во-первых, под крышей особняка, который был пустой и мёртвый ещё несколько месяцев назад, пишутся целых три книги, а во-вторых, кухарка оказывается беременна. Эти «плоды» вырастают на бесплодной американской земле. Так активная и типично «мужская» энергия Цирцеи приходит в баланс с продуктивной и плодородной «женской» Рабо.

Это находит подтверждение в том моменте произведения, когда Рабо Карабекян отваживается показать Цирцее свою последнюю картину, свой *magnum opus*. Она рассказывает обо всём пережитом художником и называется «Теперь черёд женщин» (Now It's the Women's Turn). Картина, по словам американского следователя Т. Хётвек (Т. Hertweck), представляет собой эстетический гуманизм – попытку поделиться чудесами и страданиями жизненного опыта, чтобы научить добру. Рабо переходит от попытки передать универсальное с помощью абстрактных форм и соединяет реализм своей молодости с постмодернизмом, заполняя картину большим количеством деталей. Зритель интеллектуально вовлечён в анализ работы, но в конце концов не может прийти к выводу, о чём точно эта картина, хотя и понимает, что что-то произошло во время её просмотра [9, p. 146-147]. Ключевая идея состоит в том, что сам опыт диалога с картиной меняет человека, и каждый может найти в ней своё. Картина становится Святым Граалем для обоих персонажей.

Художник как представитель мужчин в целом передаёт главенство женщинам в лице Цирцеи Берман, а просмотр запертой в амбаре картины напоминает ритуал. После этого героиня чувствует себя иначе, а значит, мир и баланс приходят в её душу: «Обычно такая неугомонная, вся в движении, она теперь расслабленно откинулась на мягких подушках в библиотеке» [2]. / “She surrendered her body, ordinarily so restless, so twitchy and itchy, to a voluptuously cushioned easy chair in the library. Marilee Kemp was in the room, too, in a ghostly way” [12, p. 316]. В процитированном фрагменте в сцене присутствует дух Мерили Кемп, символ женщин прошлого, который таким способом будто переживает преемственность.

Заключение

Таким образом, мы приходим к следующим **выводам**. Курт Воннегут в романе «Синяя борода» пытается с помощью элементов мифа о Святом Граале и изображения пути главного героя Рабо Карабекяна в качестве странствующего рыцаря передать историю отношений женщин и мужчин в западной культуре – от доминирования мужчин над женщинами и безответственного поведения по отношению к ним (в основном через образ Мерили Кемп) к смене ролей между ними (через образ Цирцеи Берман). Если изначально Мерили сама представляет для Рабо Святой Грааль, то уже Цирцея становится рыцарем в поисках святыни наравне с художником. Всё это говорит об основополагающей роли второстепенных женских персонажей в романе, выражающих одну из основных идей американского автора. Автор показывает возможность баланса в отношениях полов в ситуации, когда люди пытаются найти диалог, делясь друг с другом предметами искусства и результатами своего творчества. **Перспективы дальнейшего исследования** данной темы можно усмотреть в изучении других художественных произведений американских авторов на предмет наличия в них отсылок к средневековым легендам и сравнении реализации в них женских образов.

Список источников

1. Баранова К. М. Ведущие лейтмотивы ранней американской словесности и их влияние на современную литературу // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2011. № 1 (7). С. 8-13.
2. Воннегут К. Синяя борода [Электронный ресурс] / пер. Л. Дубинской, А. Зверева. URL: <http://www.lib.ru/INOFANT/WONNEGUT/boroda.txt> (дата обращения: 27.11.2020).
3. Мозесон А. Ю. Особенности языкового конструирования метамоделли художественного персонажа в литературной критике XX – начала XXI века // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Лингвистика». 2019. № 6. С. 35-40.
4. Федоренко О. Я. Анималистический образ-символ как воплощение архетипа «тьень» в драматургии Т. Уильямса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 10 (76). Ч. 3. С. 37-40.
5. Федоренко О. Я. Образная полифункциональность как основа реализации архетипа «мать» (на примере пьесы Е. Уильямса «Татуированная роза») // Материалы Международной конференции, посвящённой 70-летию д-ра филологических наук, Почётного работника высшей школы РФ, лауреата премии Правительства РФ в области образования Ольги Васильевны Афанасьевой: сборник научных статей. М.: МГПУ, 2019. С. 121-127.
6. Юнг Э., Франц М.-Л. фон. Легенда о Граале / пер. Я. Знаменской и др. М.: Клуб «Касталия», 2016. 350 с.
7. Ebert R. Vertigo [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rogerebert.com/reviews/great-movie-vertigo-1958> (дата обращения: 12.11.2020).
8. Farrell S. Critical Companion to Kurt Vonnegut. N. Y.: Infobase Publishing, 2009. 532 p.
9. Hertweck T. “Now It’s the Women’s Turn”: The Art(s) of Reconciliation in Vonnegut’s “Bluebeard” // Hungarian Journal of English and American Studies (HJEAS). 2011. Vol. 17. № 1. P. 143-154.
10. Lupack A., Lupack B. T. King Arthur in America. Cambridge – Rochester – N. Y.: D. S. Brewer, 1999. 398 p.
11. Marino J. B. The Grail Legend in Modern Literature. Cambridge: DS Brewer, 2004. 175 p.
12. Vonnegut K. Bluebeard. N. Y.: Dial Press, 2011. 318 p.

Female Images as Realisation of the Mythologeme “The Holy Grail” in K. Vonnegut’s Novel “Bluebeard”

Nefedova Olga Igorevna, PhD
Moscow Teachers’ Training University
olgonavt@gmail.com

The study aims to determine features of female images realisation in the novel “Bluebeard” by the American writer of the second half of the XX century Kurt Vonnegut through the lens of referencing the whole narration to the legend of the Holy Grail. The research is novel in that it is the first to study the opposition of male and female in the considered creative work through the analysis of symbolical and mythological features of women’s images. As a result, it was found that the writer uses his characters to trace the history of attitudes towards women in the western culture and also offers a possible solution to the problem of imbalanced relationships between genders by means of a dialogue through art.

Key words and phrases: K. Vonnegut; female images; legend of the Holy Grail; opposition “male – female”.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.82>

Дата поступления рукописи: 13.11.2020

Цель исследования – доказать, что художественная структура известного романа современной турецкой писательницы Г. Эликбанк «Лжецы и возлюбленные» (2015) соответствует базовым признакам одного из самых распространенных в 2010-х гг. жанров турецкой массовой литературы – городской фэнтези. В статье анализируются проблематика и сюжетно-композиционные особенности романа. **Научная новизна** заключается в том, что романное творчество Г. Эликбанк впервые становится объектом аналитического изучения в отечественном туркологическом литературоведении. **В результате** показано, что архитектура романа Г. Эликбанк проявляет признаки метажанровости, заимствуя мотивы и образы из фольклорной городской легенды, детективного, готического, конспирологического и любовного романов.

Ключевые слова и фразы: турецкая массовая литература; городская фэнтези; Гюльшан Эликбанк; роман «Лжецы и возлюбленные»; метажанр.

Репенкова Мария Михайловна, д. филол. н., доц.
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
mmrepenkova@rambler.ru

Архитектура романа Гюльшан Эликбанк «Лжецы и возлюбленные» (2015)

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в современной турецкой массовой литературе в 2010-х гг. значительно укрепил свои позиции жанр фэнтези (Джелаледдин Озджан, Кудрет Алкан, Барыш

Мюстеджаплыоглу, Эрбург Кайа, Омер Изгеч и др.) [5, с. 33-34]. Сформировалась и заставила о себе говорить городская фэнтези (Гюльшан Эликбанк, Фонда Озлем Шеран, Догу Юджель и др.), которая в 1980-1990 гг. была представлена лишь постмодернистскими произведениями (Назлы Эрай) [4, с. 166-187]. Архитектоника и проблематика романа Г. Эликбанк «Лжецы и возлюбленные», построенного на соединении реальности и вымысла, социальных мотивов и магии с волшебством, доказывают принадлежность данного произведения к жанру городской фэнтези, который в турецкой литературе остается малоизученным.

Для достижения указанной цели исследования необходимо решить следующие *задачи*: во-первых, рассмотреть творческую биографию Г. Эликбанк; во-вторых, проанализировать сюжет романа «Лжецы и возлюбленные» и его основные мотивы (мотив пути/дороги, мотив двоемирия); в-третьих, исследовать на уровне мотивов связь произведения Г. Эликбанк с городской легендой, конспирологическим, готическим, детективным и любовным романами, что является проявлением метажанровости.

Реализация цели и задач исследования потребовали воплощения в статье следующих *методов*: биографического и культурно-исторического, позволяющих вписать данного автора в контекст современной турецкой литературы.

Теоретической базой исследования послужили труды отечественных ученых по жанру фэнтези вообще [1; 8] и городской фэнтези в частности [2; 3; 6; 7; 9], а также публикации турецких исследователей, посвященные творчеству Г. Эликбанк [11-13].

Практическая значимость исследования заключается в том, что раскрываемые в статье выводы о структуре городской фэнтези Г. Эликбанк «Лжецы и возлюбленные» могут быть использованы для написания работ по современной турецкой литературе (статьи, монографии и учебники), могут быть применены и в педагогической деятельности при чтении лекций по литературам стран Ближневосточного региона.

Творческая биография Гюльшан Эликбанк

Г. Эликбанк родилась в Стамбуле в 1980 г. В 1999 г. она окончила лицей Назилли Сюпер и поступила в Стамбульский университет на факультет связи и коммуникации. По окончании обучения она поступила в университет Мармара на отделение менеджмента и рабочей психологии для написания магистерской диссертации, которую успешно защитила. В течение семи лет по окончании обучения работала в Стамбуле топ-менеджером в крупной строительной и туристической компании. С рождением дочери Рюя переехала в Измир, где сейчас и живет. Открыла в Измире первый в Турции литературный отель “Mini Fuar Hotel” [11; 13]. Помимо писательской деятельности Г. Эликбанк пишет литературно-критические статьи в журналы и газеты (например, в газету *BirGün*). В газете *Ege Telegraf* ведет страницу о культуре и искусстве [12].

Первый роман Г. Эликбанк «Черное дыхание» (*Siyah Nefes*) вышел в 2010 г. и открыл собой серию «Трилогия о подсолнухе» (*Günebakan Üçlemesi*), повествующую о молодом человеке Ниле и его друзьях, попадающем в разные фантастические ситуации и переживающем любовные перипетии. Второй роман трилогии «Голубая гора» (*Mavi Dağ*) вышел в 2011 г., а третий роман трилогии «Красная смерть» (*Kızıl Ölüm*) – в 2016 г.

В дальнейшем любовь и фантастика переплетаются практически во всех романах молодой писательницы. Роман «Тень любви» (*Aşkın Gölgesi*, 2011) турецкие критики называют «первым в полном смысле любовным романом» писательницы [11]. В романе «Лишенные сна» (*Ukusuzlar*, 2014) критики обращают внимание на философское и психологическое содержание, отмечают, что в повествовании сны и мечты играют главную роль [Ibidem]. Не прошли мимо внимания национальной критической мысли и два других романа Г. Эликбанк – «Возможность» (*İhtimal*, 2016), «Любовь умирает ночью» (*Aşıklar Gece Ölü*, 2019). В 2013 г. Г. Эликбанк публикует первый роман для детей из серии «Набор мечтаний» (*Rüya Takımı*) под названием «Записка Медузы» (*Medusa'nın Pusulası*). Второй роман из этой серии выходит в 2018 г. под названием «Отравленная мечта» (*Zehirli Hayal*).

В 2012 г. писательница участвует в литературной антологии «Снег покрыл следы» (*Kar İzleri Örttü*) рассказом «Расчет» (*Hesaplaşma*). Антология выходит в издательстве “*Kırmızı Kedi*” под редакцией Илькнур Оздемир.

В 2019 г. Г. Эликбанк вместе с писателем Угуром Баты выступает редактором сборника рассказов, стихов, эссе и литературных исследований «Движение/навигация с помощью Деврима Эрбиля» (*Devrim Erbil ile Seygüsefer*) 19-ти известных турецких художников слова, среди которых Айше Кулин, Марио Леви, Назлы Эрай, Селим Илери и др. Сборник иллюстрирован картинами художника-абстракциониста Деврима Эрбиля.

Сюжет и основные мотивы романа «Лжецы и возлюбленные»

В романе «Лжецы и возлюбленные» (*Yalancılar ve sevgililer*, 2015) действие происходит в современном румынском городе Брашове, в который приехала из Стамбула главная героиня романа 27-летняя Майя с родителями и помогающим им молодым сотрудником турецких спецслужб Кадиром, чтобы найти брата отца Ирфана, пропавшего в Румынии в 1970-е гг. Реалии города и его окрестностей, включая знаменитый замок Дракулы в местечке Бран, описываются весьма подробно и достоверно, что характерно для городской фэнтези. Также подробно и обстоятельно описываются невероятные события, происходившие в этом городе, связанные с именем валахского господаря (князя), воеводы Влада III Басараба (Щепеша/Дракулы), который правил Валахией в XV в. и который стал прототипом главного героя в готическом романе ужасов ирландского писателя Брэма Стокера «Дракула» (1897). Таинственные нереальные события в романе Г. Эликбанк концентрируются вокруг многочисленных убийств (посаженный на кол высокопоставленный чиновник-взяточник, сожженные заживо нищие в ночлежке, уличенная в блуде женщина со вспоротым животом и т.п.), совершаемых

во время пребывания Майи в Брашове. Эти убийства приписываются местными жителями воскресшему Владу Цепешу, привидение которого якобы бродит вокруг замка Бран, верша собственную справедливость. Привидения-призраки, вампиры, ожившие мертвецы-зомби – пласт сверхъестественных элементов романа, основанный на городской мифологии и составляющий основу мотива двоимирия, на котором зиждется городская фэнтези Г. Элибанка. Этот фантастико-мистический пласт идет от западной готической литературы. К нему турецкая писательница подключает акцентирование темы смерти, изображение действий героев по большей части в темное время суток, мотивы снов-кошмаров, галлюцинаций.

В романе Г. Элибанка в размытом и неразвитом виде представлен мотив пути, на котором обычно происходит инициация героя. Отметим, что данный мотив является определяющим в фэнтези «меча и волшебства». Героиня Г. Элибанка тоже идет от незнания к знанию, но мотив пути здесь не является главным. Это можно объяснить тем, что городское пространство характеризуется семантикой статичности, так как «город символизирует оплот Порядка в Хаосе неосвоенного человеком окружающего его пространства» [7, с. 93]. Майя в поисках пропавшего дяди Ирфана путешествует не через Хаос к Порядку, а уже находится внутри Порядка, в который вторгаются элементы Хаоса (потусторонние силы).

Мотив двоимирия реализуется в формально-субъектной организации произведения. Носителями речи выступают два человека: Майя, повествующая о своих приключениях в Румынии, и ее дядя Ирфан, который пишет ей письма о жизни Влада Цепеша. Образ Майи прописан достаточно подробно. Она живет в Стамбуле, в районе Бешикташ с родителями. Ее мама – Айлин-ханым – врач-психиатр, отец – Галип-бей – преподаватель университета. Майя закончила Стамбульский университет по отделению радио и телевидения. Девушка мечтает стать продюсером документальных фильмов. Крупными мазками описывается и ее внешность: «...коричневые волосы, коричневые глаза, тонкая талия, склонна к полноте» [10, с. 20]. Возлюбленный Майи Али четыре года назад погиб в автокатастрофе. Она пережила тяжелый душевный кризис. Сейчас она влюблена в друга отца, молодого человека Кадира, который приехал вместе с ней и ее семьей в Румынию.

Для Ирфан-бея, коммуниста, левого радикала, бежавшего из Турции в Румынию в 1976 г. из-за обострившейся политической обстановки на родине и создавшего в Румынии подпольную организацию по типу военно-религиозного рыцарского ордена, занимавшуюся убийствами людей, Влад Дракула, как и Николае Чаушеску, были героями, на которых он равнялся. Наследницей этой организации, по мысли Ирфана, должна стать его племянница Майя. Именно поэтому он и вызвал ее в Румынию письмами.

Внешность Ирфана описывается следующим образом: высокий, худой, хромал на правую ногу [Ibidem, s. 174]. Причина его хромоты – это его участие в молодости в акциях левых студентов, где он получил удар ножом в ногу от сторонников правых. Уже в лицейские времена он был ярким поклонником Влада Цепеша и Чаушеску. Свержение Чаушеску было для него большим ударом.

В письмах Ирфана, написанных от третьего лица, достаточно подробно раскрывается жизнь Дракулы, представленная как образец для подражания – смелый, ненавидящий ложь, ратующий за свободу своего народа от османского ига. Влад III Дракула/Цепеш (1431-1476) родился в Сигишоара (Трансильвания). Он называл себя Дракулой из-за того, что его отец – Влад II Дракул был членом Ордена Дракона, основанного в 1408 г. королем Венгрии Сигизмундом для защиты христианства в Восточной Европе от Османской империи. Дракул означает в румынском языке «дракон», а Дракула – «сын дракона».

Однако исторически доказано, что Влад Цепеш был человеком с искалеченной психикой. В 13 лет он вместе с братом Раду был захвачен турками-османами в плен. В Константинополе мальчиков четыре года держали в заложниках, чтобы обеспечить верность туркам его отца, правителя Валахии. Турки обращались с ним хорошо, он получил неплохое по тем временам образование, в совершенстве владел турецким языком. Но Влад ненавидел турок-османов. В 1448 г. он был освобожден и при поддержке Османской империи занял трон правителя Валахии (по-турецки Eflâk) и Трансильвании. Осенью того же года он был свергнут. Влад сумел восстановиться на троне в 1456 г. и правил до 1462 г. Об этом времени и повествуют письма, которые приходят к Майе. В них рассказывается о том, что это было за правление. Столица Валахии – Тырговиште, в ней жил Влад Цепеш. Его имя вселяло страх местному населению. Он прославился необыкновенной жестокостью, особенно тем, что всех сажал на колы. Отсюда и его имя Цепеш – «колосажатель». Турки его прозвали Kazıklı Voivoda (воевода с колом).

Ирфан в письмах оправдывал зверства Цепеша, смеялся над тем, что Владу дали прозвище «вампир», потому что висевшие на кольях жертвы истекали кровью и бледнели, словно их кровь выпили. Цепеш же любовался пытками и тем, как умирали на кольях. В то же время он ненавидел неправду, убивал тех, кто ему врал. При этом он был очень религиозен. В письмах Ирфана ничего не говорилось о том, что религиозность в сочетании с психической неуравновешенностью и крайней жестокостью определяли основные черты его правления. События и даты писем располагались следующим образом:

Валахия/Тырговиште 1456 г. – Влад Цепеш вспарывает живот своей любовнице, чтобы проверить, беременна ли она от него.

Валахия/Брашов 1456 г. – Влад Цепеш призвал к себе в замок всех знатных людей города (аристократию/бояр), с которыми у него была многолетняя вражда, и всех убил, посадив на колья.

Валахия/Брашов 1459 г. – Влад Цепеш приказал прибить к головам османских пашей-послов кавуки (старинные головные уборы, на которые наматывались чалмы), поскольку те не желали снимать кавуки при виде Влада.

Валахия/Тырговиште 1460 г. – Влад Цепеш пригласил всех нищих, бездомных, пьяниц и калек Тырговиште на званое угощение в постоянный двор, находящийся близ его замка. После пышного ужина он закрыл

окна и двери постоянного двора и поджег. Люди сгорели живьем. Он хотел сделать Валахию самой богатой и изобильной страной, освободить от черни, так же как он освободил ее от бояр.

Валахия/Брашов 1461 г. – Влад Цепеш убивал за супружескую измену. Женщинам разрезал на куски детородные органы, мужчин кастрировал. К нему пришли два монаха – молодой и старый. Старый врал, что уважает и любит Цепеша, что он идет по дороге к Богу. Молодой признался, что ненавидит Цепеша, что тот никогда не встанет на путь Бога. Цепеш убил старого монаха, молодому за правду даровал жизнь.

Валахия/Тырговиште 1462 г. – Влад Цепеш уже с 1456 г. прекратил платить дань османам, издевался над их посланцами. В 1462 г. османы под руководством Мехмеда II Фатиха вторглись в Валахию. Поход был чрезвычайно тяжел для османов. Хотя их армия и была численно больше, лучше вооружена, Влад использовал партизанскую войну. Влад говорил: «Наши земли – наши союзники в войне... Болота, непроходимые горы и лес *Vlasia*. Армия Мехмеда сильная, ее не победить в простой войне. Мы набросимся на них внезапно. Наша тактика – бей и убегай. Мы набросимся, не когда они вместе, а когда разъединены. Мы их вынудим разделиться, так как я приказал отравить все колодцы и речки, где они будут проходить. У них не будет ни воды, ни еды. Они будут вынуждены искать еду и воду маленькими группами. Я пошлю им цыганок, больных проказой. Они будут страдать от голода, жажды и болезней. Последний удар я нанесу в лесу» [Ibidem, s. 162-163]. Вдоль лесной дороги, по которой должна была пройти османская армия, были поставлены посаженные на кол 20 тыс. человек. Они уже сгнили и издавали ужасный запах, их клевали грифы. Колья, на которые были посажены османский посланник Хамзепаша и его адъютанты, были более высокие, они самими первыми встретили падишаха и его армию.

Османская армия уже 7 дней, как перешла Дунай, но не встретила ни человека, ни животное. Янычары томились в латах, раскаленных на солнце. Солдаты устали и хотели пить. Влад заслал в османскую армию своих солдат, зараженных чумой, одел их в турецкую одежду. Армия боролась с болезнями, голодом и жаждой. Османские солдаты шли по лесу между сгнивших трупов. Наблюдалось падение морального духа турецкой армии. Мехмед хотел быстрее вернуться в Константинополь. Местное население не оказывало османам сопротивления. Османы легко взяли Тырговиште. Влад покинул свой замок, решив убить султана на обратном пути его армии, в горном районе на юге 17 июня 1462 г. План Влада: если султан умрет, то армия разбежится. Он с несколькими людьми переоделся в османскую форму, пробрался к шатру падишаха. Но визирь, ожидавший нападение, перевел падишаха в другой шатер. Влад с трудом спасся. Его люди погибли. Он бежал. В Тырговиште теперь правил его брат Раду (*Güzel Radu*), которого посадили османы. Раду объявил о своей преданности султану. За это Влад никогда не простит Раду.

Далее письма обрываются. О дальнейшей жизни Влада Цепеша дядя Ирфан уже сам рассказывает своей племяннице при встрече в Румынии. Его рассказы основываются на многочисленных легендах, которые возникли вокруг смерти и «воскресения» Влада Цепеша. Влад Цепеш бежал к венграм. Был брошен в тюрьму. В 1475 г. Раду внезапно умирает. Влад освобожден из тюрьмы и снова в 1476 г. становится правителем Валахии. Он погиб в том же году в битве с османами. По легендам, он наблюдал бой, и его убили предавшие его бояре, точнее, их слуга. Вторая версия: его убил турок, получивший поддержку бояр и одевшийся слугой. Третья версия: убили османы в бою, разрубили его труп на куски, а голову оправили в Константинополь/Стамбул в бочке с медом, чтобы доказать, что он казнен. Четвертая версия: Влада убили его же солдаты, а потом голову послали турецкому султану. Тот надел ее на кол, выставил за пределами своего дворца на всеобщее обозрение.

Похоронен он был в монастыре Снагов под безымянной могильной плитой. Но раскопки 1931 г. показали, что там воеводы нет. Вторая версия, что он похоронен в церкви монастыря Комана, недалеко от поля битвы, где он был убит. Но и там идентифицировать тело в безымянной могиле не удалось. Ирфан пишет племяннице: «Когда открыли в 1931 г. могилу Дракулы, там вместо человеческих костей лежали кости животного... Многие верят, что Дракула бессмертен» [Ibidem, s. 31].

Признаки метажанровости в романе Г. Эликбанк

Городская фэнтези Г. Эликбанк характеризуется установкой на достоверность, поэтому подробно описывается место действия – город Брашов и частично город Тырговиште, с которыми связано большинство легенд о Владе Дракуле. В письмах Ирфана очень подробно передаются сведения из городских легенд, упоминаются реально существующие топонимы. При этом в упомянутых местах в наше время продолжают происходить невероятные вещи, которые люди связывают с действиями привидений, вампиров и другой нечистой силы. В соответствии с авторским замыслом эти места уже изначально являются принадлежностью потустороннего мира и только внешне замаскированы под обычные здания.

Мотивы тайного здания, проклятого места, удивительной вещи, реализуемые в романе Г. Эликбанк, заимствуются писательницей из фольклорного жанра городской легенды и становятся сюжетообразующими. Так, с мотивом проклятого места связан замок Бран – одна из достопримечательностей Румынии. Влад Дракула в замке не жил, но бывал там несколько раз. Тайнственные события, происходящие в замке в наши дни, свидетелями которых становятся Майя и Кадир, свидетельствуют о том, что дух Дракулы не покинул замок [Ibidem, s. 82-83]. Мотив дома, населенного привидениями, реализуется в описании старинного дома на ратушной площади Брашова. Именно напротив этого дома уже в наше время кто-то, а по предположениям жителей города – оживший Влад Цепеш, посадил на кол зазнавшегося чиновника-взяточника [Ibidem, s. 23]. Мотив проклятого предмета, волшебного меча Дракулы или меча Толедо, который сам карает врагов, также имеет место в романе. Ирфан купил этот меч на аукционе в Европе. Меч, по легенде, является символом трона Влада Дракулы, он достался Владу от отца в 1431 г. Перед тем как османы захватили Тырговиште,

Влад приказал старому кузнецу спрятать всю государственную казну и ценности в железных бочках и заковать их. Богатства были спрятаны в пещеру, которая позже была затоплена водой из плотины. Старый кузнец рассказал о богатствах сыну, а тот разнес известие по округе. Казна была разграблена. А через несколько веков меч Толедо оказался в Европе [Ibidem, s. 174].

С мотивами фольклорной городской легенды в романе Г. Эликбанк переплетаются конспирологические и детективные мотивы. Писательница эксплуатирует идею потайной жизни внутри современного города, что во многом удовлетворяет запрос массового читателя на тайну. Как уже отмечалось, в основе сюжета романа лежит мотив двоимирия: мира обычных людей и мира таинственной организации, созданной Ирфаном, в которой наряду с людьми присутствуют и не-люди (вампиры-вурдалаки, привидения и т.п.). Тайну двоимирия и пытается разгадать Майя с родителями и Кадиром. Они идут по следам тайной организации. В какой-то момент встречаются с Ирфаном в помещении заброшенного завода, где Ирфан озвучивает им свою теорию избавления мира от несправедливости. Он вызвал Майю в Румынию, потому что ему нужен не просто наследник его империи, но и свидетель из ближнего окружения его великих дел: «Я хочу изменить мир, спасти его от несправедливости. Мир может спасти только страх. Я могу собрать людей вокруг себя и стать их духовным лидером. Поэтому я решил исследовать жизнь тех лидеров, которые в прошлом преуспели в изменении мира – это Влад Цепеш и Чаушеску. Душа Влада Цепеша и его легенда все еще живы в этих местах. Он не склонил голову даже перед самым сильным лидером мира – османским султаном. Я провозглашаю новую религию, где бояться смерти. Страх смерти подчиняет себе людей. Наш орден спасает людей от бремени думать. Вместо массы думаем мы. Наш девиз – управляй массой с помощью страха. То есть мы пугаем массы людей. Люди будут настолько бояться окружающего мира, что соберутся вокруг меня. Я поставлю себя на место Бога, что не делал Влад, в этом его ошибка. Стадо без пастуха нельзя оставлять. Свобода хорошее человеку не приносила. Я хочу, чтобы ты, Майя, была рядом и стала свидетелем моих побед. Я буду строить новый мировой порядок, а ты будешь это видеть» [Ibidem, s. 200-201].

Майе, ее родителям и Кадире удается раскрыть готовящийся теракт в Бухаресте, который пытается совершить Ирфан и члены его организации. Жители города спасены. Организация обезврежена, Ирфан застрелен Кадиром.

Следует подчеркнуть, что городская фэнтези, используя детективные и конспирологические мотивы, не является в полной мере детективом. Элементы детектива в ней сильны (убийства, поиск преступника, наказание преступника), но целостного детективного повествования не складывается. Полного раскрытия тайны не происходит. Например, у Г. Эликбанк неясно, как Ирфан входил в контакт с потусторонними силами и как использовал их в своих целях. Точно так же не складывается и конспирологическое повествование. Конспирологический роман всегда стремится пересоздать историю на свой лад, деконструировать реальность, создав на ее месте новую. Фэнтези имеет перед собой иные цели. Она стремится развлечь читателя. И для этого использует модную тему тайны. В основе фэнтези лежит не идея деконструировать и исправить реальность, а уйти от нее в фэнтезийный мир, сделать скучную реальность интересной и яркой. Г. Эликбанк удается завлечь читателя увлекательным сюжетом, где любовные перипетии Майи и Кадира разворачиваются на фоне средневековых замков Трансильвании, где современная политика переплетена с историей Турции и Валахии с Трансильвией. Автор неслучайно берет один из самых раскрученных образов XX-XXI вв. – графа-вампира Дракулу. Только в XX веке он стал героем более 200 фильмов, первым из которых стал фильм в жанре ужасов и фэнтези «Носферату. Симфония ужаса» (1922) режиссера Фридриха Вильгельма Мурнау. Главный герой фильма – вампир граф Орлог, известный как Носферату (один из клонов графа Дракулы).

Заключение

Таким образом, можно сделать следующие **выводы**. Исследование архитектоники романа Г. Эликбанк «Лжецы и возлюбленные» доказало, что турецкая городская фэнтези адаптирует для своих нужд мотивы и образы фольклорных городских легенд, а также жанры массовой литературы – готического, конспирологического, детективного и любовного романов. Это позволяет говорить о стремлении фэнтези к укрупнению и метажанровости. Развиваясь как поливалентный жанр турецкой массовой литературы, городская фэнтези имеет большой потенциал, о чем свидетельствует обилие романов, написанных в последнее время в данном жанре. **Направление дальнейших исследований** должно быть связано с более подробным изучением структуры турецкой городской фэнтези, с рассмотрением ее ключевых отличий от западных образцов, с анализом ее взаимодействия с другими жанрами формульной литературы (научной фантастикой, дамским романом), с выделением женского варианта городских фэнтези как нового типа чтения для женщин, находящегося между дамским романом и собственно фэнтези.

Список источников

1. Афанасьева Е. Жанр фэнтези: проблема классификации // Фантастика и технологии (памяти Станислава Лема): сб. материалов Междунар. науч. конф. (29-31 марта 2007 г.). Самара: Изд. дом «Раритет», 2007. С. 86-93.
2. Бильчук И. И. Специфика городского фэнтези в романе С. В. Лукьяненко «Ночной дозор» // Фундаментальные и прикладные социально-гуманитарные исследования: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (22 мая 2018 г.). Челябинск: Науч.-исслед. центр «АнтроВита», 2018. С. 76-82.
3. Михайлова Д. С. Англоязычное городское фэнтези: авторские трансформации прецедентного текста: магистерская дисс. Екатеринбург, 2018. 79 с.

4. Репенкова М. М. Вращающиеся зеркала. Постмодернизм в литературе Турции. М.: Восточная литература, 2010. 239 с.
5. Репенкова М. М. Турецкая литература на рубеже XX-XXI веков. Основные парадигмы. М.: Восточная литература, 2016. 230 с.
6. Сафрон Е. А. Жанр городской легенды как один из элементов поэтики городской фэнтези // Филология и человек. 2017. № 3. С. 139-147.
7. Сафрон Е. А. Классификация сюжетов городской фэнтези: постановка проблемы // Гуманитарные научные исследования. 2016. № 11 (63). С. 92-96.
8. Хоруженко Т. И. Русское фэнтези: на пути к метажанру: автореф. дисс. ... к. филол. н. Екатеринбург, 2015. 24 с.
9. Хоруженко Т. И. Тайный город или город тайн: фэнтези на стыке с конспирологическим романом // Уральский филологический вестник. Серия «Русская литература XX-XXI веков: направления и течения». 2017. № 3. С. 130-137.
10. Elikbank G. Yalancılar Ve Sevgililer. İstanbul: Kırmızı Kedi, 2015. 236 s.
11. Gülşah Elikbank [Электронный ресурс]. URL: https://kalemagency.com/?page_id=1055 (дата обращения: 20.08.2020).
12. Gülşah Elikbank Kitapları [Электронный ресурс]. URL: <https://birazoku.com/tag/gulsah-elikbank> (дата обращения: 21.08.2020).
13. Gülşah Elikbank Kitapları [Электронный ресурс]. URL: <https://kidega.com/yazar/gulsah-elikbank-120278> (дата обращения: 21.08.2020).

Architectonics of Gülşah Elikbank's Novel "Liars and Lovers" (2015)

Repenkova Mariya Mihaylovna, Dr
Lomonosov Moscow State University
mmrepenkova@rambler.ru

The study aims to prove that artistic structure of the famous novel "Liars and Lovers" (2015) by the modern Turkish writer Gülşah Elikbank is consistent with basic features of urban fantasy, one of the most popular genres of the Turkish mass literature in the 2010s. The article analyses problems and plot-compositional features of the novel. Scientific novelty of the research lies in the fact that G. Elikbank's novelistic work for the first time becomes a subject of analytical study in the domestic Turkological literary criticism. As a result, it is shown that G. Elikbank's novel architectonics displays features of meta-genre nature adopting motifs and images from the folklore urban legend, detective, gothic, conspiracy and romance novels.

Key words and phrases: Turkish mass literature; urban fantasy; Gülşah Elikbank; novel "Liars and Lovers"; meta-genre.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.83>

Дата поступления рукописи: 03.11.2020

Цель исследования заключается в формулировке конкретных приёмов переформатирования текста о любовной истории из «Разговоров немецких беженцев» (1795) классика немецкой литературы И. В. Гёте в текст символистской новеллы «Приключение маршала Бассомпьера» (1900) известным австрийским писателем венского модерна Г. фон Гофмансталем. *Научная новизна* заключается в изучении той притягательной силы прозы Гёте, которая через столетие становится основой интертекстуальной трансформации для венского писателя-символиста. Кроме того, принципы романтизации и символизации в новелле Гофмансталя ранее не изучались в отечественном литературоведении. *В результате* доказано, что в новелле Гофмансталя «Приключение маршала Бассомпьера» происходит значительное смысловое расширение образной характеристики персонажей, вводится символика и другие изобразительные средства, которые можно определить как символистские.

Ключевые слова и фразы: интертекстуальность; приёмы романтизации и символизации; символистская сепантика; И. В. Гёте; Г. фон Гофмансталь.

Цветков Юрий Леонидович, д. филол. н., проф.
Ивановский государственный университет
jzvetkow@mail.ru

От любовной истории к символистской новелле (И. В. Гёте и Г. фон Гофмансталь)

Актуальность исследования состоит в разработке одного из видов интертекстуального анализа, предмет которого можно рассматривать в связи с гётевским понятием «всемирной литературы». Сравнительно-историческое исследование при таком подходе означает изучение конкретных взаимосвязей между литературными явлениями и определение архетипических моделей, существующих во всемирном литературном контексте или мегатексте. Каждая новая эпоха привносит с собой новые комбинации существовавших уже в истории литературы сюжетов, образов или мотивов. Актуальным ракурсом исследования можно назвать взгляд на знаковый текст как на палимпсест, в котором содержатся отсылки ко всей мировой литературе. В случае сравнения рассказа Гёте и новеллы Гофмансталя происходит процесс реинтерпретации: используя незамысловатый

текст Гёте, австрийский писатель путём сложнейшей трансформации превращает его в яркий образец символистской новеллы венского модерна, расширяя горизонты эстетического опыта и обогащая читательское представление о первоначальном тексте.

Для достижения цели исследования были поставлены *задачи* изучения новой системы образов, приёмов романтизации и символизации психологической прозы, невербальных средств общения и значимых деталей портрета, которые превратили рассказ Гёте в загадочную и эмоционально более трагическую историю о тайне жизни и смерти.

В исследовании применялись современные *методы* интертекстуального анализа, в основе которых лежат принципы текстопорождения путём использования цитаций и их активного смыслового расширения в русле новых эстетических задач. *Теоретическую основу* создали концепция «чужого слова» М. М. Бахтина и французская семиотика Ю. Кристевой и Р. Барта.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут использоваться при изучении творчества Г. фон Гофмансталя и литературы венского модерна в целом. Материалы и выводы статьи могут быть востребованы в практике вузовского преподавания: при чтении курса «История мировой (зарубежной) литературы», при подготовке спецкурсов и спецсеминаров по истории немецкоязычной литературы.

Над «Разговорами немецких беженцев» (“Die Unterhaltungen deutscher Ausgewanderten”) И. В. Гёте работал в 1794 году во время активного сотрудничества с Ф. Шиллером. «Разговоры» представляют собой сборник новелл, объединённых рамочным повествованием. Время описываемых событий рамки – 1792-1793 годы, когда революционные войска Франции начали наступление на германские земли и оккупировали немецкий город Майнц. Среди немецких аристократов, ведущих беседу, были баронесса с двумя сыновьями и дочерью, кузен Карл, домашний учитель и старый священник. Они бежали под натиском французской армии через Рейн на восток, испытывая национальное унижение. Беженцы пожелали заглушить свой страх запретом на «всякие разговоры на злобу дня», «решили восстановить мир и согласие» между собой: «Как давно уже не вели мы учительных и одушевляющих бесед, как давно не рассказывал ты нам, милый Карл, о дальних странах и царствах, об их устройстве, жителях, обычаях и нравах, которые тебе так хорошо известны» [2, с. 133].

Между беженцами возникли разногласия в оценке политических событий. Один из беженцев – тайный советник – оказался противником Французской революции, а когда речь зашла о блокаде Майнца под натиском революционной армии, он в знак протеста с женой покинул общество беженцев и самостоятельно уехал дальше на восток.

Оппозицию тайному советнику возглавил молодой кузен Карл, который «дал увлечь себя ослепительной красавице, каковая под именем Свободы сперва тайно, а затем и явно снискала себе стольких поклонников» [Там же, с. 123]. Он «не удержался от признания, что он желает всяческого успеха французскому оружию и призывает каждого немца положить конец былому рабству; что он убеждён – французская нация сумеет оценить благородных немцев, ставших на её сторону; она будет смотреть на них и обращаться с ними, как с равными, и не только не принесёт их в жертву и не бросит на произвол судьбы, а, напротив того, осыплет почестями, наградами и залогами своего доверия» [Там же, с. 128].

Повествователь «Разговоров», в чьих словах выражаются мысли Гёте, предоставил равную возможность высказаться противникам и сторонникам революции. Известно также, что Гёте не сочувствовал революционным переворотам. Однако политическая тематика в целом шла в разрез с принципами журнала «Оры». Шиллер предпочитал в своей эстетике условные и идеализированные формы, отдаляющие читателя от реальности: «Поэтическое искусство как таковое делает всё настоящее прошедшим и удаляет от нас всё близкое, идеализируя его...» [3, с. 468]. Причём к прозе Шиллер относился без особого внимания: «Что касается таких жанров, как роман, эпопея и т.п., то Шиллер к ним интереса не проявлял, поскольку они не позволяют себя определить “с точки зрения способа чувствования”» [7, с. 283]. Однако Шиллер не отверг «Разговоры» Гёте, дорожа дружбой со своим будущим веймарским коллегой. Шиллер в одном из писем напоминал Гёте, что нужно избегать односторонних акцентов при оценке политических событий и лучше обратиться к «Декамерону» (1355) Дж. Боккаччо с его известным рамочным принципом повествования [3, с. 64].

Рамочное повествование было заложено Гёте в основу «Разговоров», однако довести их до финала автор не смог, поскольку торопился завершить писавшийся в эти годы роман «Годы учения Вильгельма Мейстера» (первый том, 1795), подготовить к печати «Трактат о цвете» и продолжить «osteологические открытия» [1, с. 470].

«Разговоры» содержат, кроме диалогов о спорной политической ситуации, несколько труднообъяснимых историй, четвёртой из которых является «История маршала Бассомпьера». Первые три рассказа повествуют о *привидениях*. Разумно рассуждая о странных сверхъестественных событиях, беженцы не смогли прийти не только к однозначному ответу, но даже приоткрыть тайный смысл происшествий. Замысел Гёте заключался в том, чтобы проиллюстрировать трудно постигаемые разумом перипетии Французской революции не менее загадочными эпизодами из обыденной жизни. Они также рассматривались как отзвуки Французской революции, которая потрясла Европу: «Ведь и события эти не подавались привычному пониманию, и, казалось, за ними также угадывались происки таинственных сил» [6, с. 122].

Затем Карл рассказал *любовную историю*, которую легче объяснить и понять, чем предыдущие: «Её рассказывает в своих мемуарах маршал де Бассомпьер, – добавил он, – я позволю себе говорить от его лица» [2, с. 152]. Так в контекст историй о привидениях вплетается любовный сюжет из мемуаров французского маршала Франсуа де Бассомпьера (1579-1646). Мемуары впервые были посмертно опубликованы в Кельне в 1665-1692 годах. Гёте брал мемуары для прочтения в Веймарской библиотеке герцогини Анны-Амалии, Гофмансталь познакомился с ними во время пребывания в Париже.

Содержание рассказанной истории несложно: молодая «пригожая лавочница» многократно учтиво кланялась проезжающему верхом Бассомпьеру. В ответ и он стал приветствовать незнакомку. Слуга маршала принёс от неё пожелание, «что ей будет дозволено провести ночь под одним одеялом» [Там же, с. 153]. Он согласился устроить встречу у сводни и принести в её дом матрацы, одеяла и простыни, поскольку в городе свирепствовала чума. Встреча не разочаровала Бассомпьера: «Я исполнил её желание и должен признаться, что никогда не знал женщины более прелестной и ни одна не доставляла мне подобного наслаждения» [Там же]. Любовники уговорились о свидании на следующий день. Однако встретиться они не смогли: дверь дома была на запоре, в доме горел свет и слышались мужские голоса. После долгого ожидания Бассомпьер вбежал на второй этаж и «увидел в комнате нескольких мужчин, сжигавших в камине соломенные тюфяки, а при свете пламени, озарявшем комнату, два распростёртых на столе нагих тела» [Там же, с. 154-155]. Взволнованный страшным зрелищем маршал вернулся домой. Как ни старался он узнать о судьбе женщины, усилия его были тщетными.

Загадочность концовки любовной истории Бассомпьера объясняется, как посчитал Карл, недоговоренностью рассказчика. Можно утверждать, что истории с привидениями и загадочная новелла о Бассомпьере рассчитаны на читателей – любителей мистических приключений и невероятных событий, т.е. тех произведений, которые можно отнести к *готической прозе*. Она имела большой успех у читателей в предромантический период развития литературы. Не только персонажи рамочных историй, но и сами беженцы переживали сложную и во многом непонятную историческую и личную неустроенность, непостижимую для рационального понимания. Поэтому интерес Гёте к сверхъестественному и загадочному объясняется теми отголосками исторических событий Великой французской революции, которая в начале воодушевила, а потом потрясла всю Европу, что трудно было оценить только рациональным методом. В таком случае «Разговоры» Гёте расходились с программой журнала Шиллера и мало подходили под принцип идеализации реальности. Однако Шиллер, дороживший дружбой с Гёте, не заметил этого принципиального отличия [10].

Новелла «Приключение маршала Бассомпьера» (“Das Erlebnis des Marschalls von Bassompierre”) молодого австрийского поэта и драматурга Гуго фон Гофманстала (1874-1929) была написана в Париже и создавалась в очень плодотворный период творчества. В названии новеллы автор ясно определил психологический план повествования. “Das Erlebnis” означает «переживание», по большей части чувственное. Автор новеллы остался верен вечным темам любви и смерти, которые он разрабатывал в ранних лирических драмах «Смерть Тициана» (1892) и «Глупец и Смерть» (1893), «Алкеста» (1893), «Идиллия» (1893), «Женщина в окне» (1897) и др.

Рассказ о маршале Бассомпьере, заимствованный Гофмансталем в мемуарах Бассомпьера и Гёте, увеличился в несколько раз и, по словам А. В. Карельского, – переводчика новеллы, «она дышит подлинным бытийным трагизмом, выходящим за рамки любой эпохи – или, точнее говоря, обнимающим все эпохи» [5, с. 810]. Характерная черта гофмансталева новеллы состоит в развитии и углублении акцентов, направленных на загадочное и архетипическое восприятие любовного приключения пожилого маршала, что ярко проявляется в добавлении отдельных сцен, введении нового персонажа, в мастерстве использования символики пламени и огня как поляризации любви и смерти, невербальных средств коммуникации и ярких деталей.

Расширение системы образов в новелле. В отличие от предшественников у незнакомки в новелле Гофманстала был муж – исключительная и сильная личность. Факт его существования «придаёт истории ещё более интригующее “треугольное” измерение» [Там же]. Бассомпьер наблюдал мужа лавочницы до роковой встречи в дополнительном эпизоде: маршал, охваченный нетерпением, захотел увидеть подругу лишней раз в лавке, чтобы дать ей знак своего присутствия: «...я увидел рослого и прекрасно сложенного мужчину, на добрую голову выше меня, который неожиданно повернувшись, явил мне глубоко сосредоточенное и отменно красивое лицо с каштановой бородой, уже пронизанной кое-где серебряными нитями, и высоким лбом столь редкостного благородства, коего мне ещё не доводилось видеть ни у одного человека» [4, с. 481-482]. Бассомпьер находился «всёцело во власти глухого, ревнивого озлобления, ибо желание, разбуженное во мне его женою, разрасталось неудержимо, и подобно всепоглощающему пламени, питалось всем, что встречалось мне на пути...» [Там же, с. 482].

Бассомпьер, как страстный любовник, старался превзойти мужа и быть лучшим в «состоянии» мужского благородства и, естественно, уверенный в победе своего превосходства над лавочником. Гофмансталь создаёт новую побудительную силу для неординарных отношений лавочницы и маршала, приводя историю к универсальному канону любовного треугольника. Гофмансталь значительным образом *романтизирует своих героев*, придавая им черты исключительности: страстный любовник, прекраснейшая женщина и удивительно благородный по внешнему виду муж.

Психологизация любовных отношений. Неслыханное происшествие у Бассомпьера, Гёте и Гофманстала сохраняет выбранную форму повествования – мемуарные записки. Как письма и дневники, мемуары в первую очередь помогают раскрыть внутренние переживания персонажей, а автор в таком повествовании присутствует на имплицитном уровне. Гофмансталь попытался, как и Гёте, передать индивидуальное переживание любви с точки зрения Бассомпьера, но значительно усилил чувственную сторону любовных отношений первой части новеллы и жестокость смерти второй.

Контрастное противопоставление первой ночи безоглядного счастья и второй ночи-гибели вызывает желание читателя понять скрытые силы происшествия, что свидетельствует о некоем *неразгаданном «таинстве жизни»*: «Если романтики создавали субъективный образ мира реального и недостижимого в своей фантазии идеального мира, то символисты при воссоздании воображаемого мира утверждали его первичную и объективную значимость, о тайной сущности которого можно только догадываться. Так творился миф о высшем миропорядке вне человеческого разума и познания» [9, с. 252].

Мотив любви и смерти объяснён в мемуарах Бассомпьера и Гёте случайной необходимостью – эпидемией чумы, которая в развитии сюжета, однако, не воспрепятствовала встрече Бассомпьера с лавочницей. Для Гофмансталь любовь и смерть – два высших проявления человеческой природы – тесно связаны между собой и многократно усилены в новелле. По большей части Гофмансталь добавляет детальное описание действий рассказчика. Он использует при этом глаголы восприятия: «понравилась мне чрезвычайно» [4, с. 476], «сразу почувствовал» [Там же, с. 477], «лишь теперь я мог вполне разглядеть» [Там же] и др.

Благодаря тонкой наблюдательности в записях гофмансталева Бассомпьера легко прослеживается *подробная эволюция любовного чувства*, начиная с момента знакомства с подругой до трагического финала. В ожидании любовного приключения маршал обращался к лавочнице как к одной из многих, шаблонными словами: «...ежели у неё есть желание покороче познакомиться со мной, я с радостью пришёл бы в любое место, какое она назначит» [Там же, с. 475].

Постепенно незнакомка менялась в его глазах, и он почувствовал если ещё не любовь, то глубокую симпатию: «Лишь теперь я мог вполне разглядеть, какая она статная и красивая, и едва мог дожидаться того мгновения, когда она, в несколько крупных своих, неспешных шагов, окажется снова рядом» [Там же, с. 477].

Незаметно для самого маршала его чувства усилились многократно, и он уже не мог представить себя даже на мгновение без любимой. Радость второй предстоящей встречи раскрыла всю глубину души и страстность его рыцарской натуры, готовой прокладывать путь к возлюбленной оружием. Он понял, что готов ради неё на любые жертвы: «Но мне уже было всё равно, ибо я чувствовал, уверен был, что она тоже там, внутри, что стоит мне распахнуть дверь, как я сразу же увижу, схвачу, пусть даже вырву её из чьих-то рук, притяну к себе, даже если мне придётся шпагой и кинжалом прорубать дорогу для нас двоих сквозь орущую толпу» [Там же, с. 484].

Описание, полное вдохновенной надежды на новую встречу, контрастирует с холодным и деловым воспроизведением мёртвых тел в комнате. Гофмансталь добавляет одну немаловажную деталь в описании мертвецов: на столе «лежали два распростёртых обнажённых тела, одно крупное, с наброшенной на голову простыней, другое поменьше, вытянувшееся вдоль самой стены...» [Там же]. Важный признак символистского произведения – мерцание смыслов – позволяет читателю предположить, что это были тела лавочника и лавочницы.

Гофмансталь вводит в повествование *взаимопроникающие символы*. Если у Гёте был «свет пламени», то у австрийского писателя горящие в печи дрова пылают пламенем любви (die Flamme) и одновременно являются огнём смерти (das Feuer). Парадоксальное, казалось бы, сопряжение счастливых часов жизни и внезапной смерти позволяет почувствовать читателю то, что не мог предчувствовать Бассомпьер, но взаимосвязь пламени и огня предвосхищает для читателя трагическую развязку новеллы. Пламя – страсть, желание и жизнь, а огонь создал отражение тел на стене влюблённых и чёрную тень от мёртвых тел.

Впервые встретившись с подругой, Бассомпьер заметил, как умиротворённо она смотрела на горящие дрова, отрешившись от всего земного, будто в ожидании чуда: широко раскрытыми глазами глядела на «невидимое пламя» (“unsichtbare **Flamme**”) [11, S. 133]. Пламя ещё не согрело влюблённых, но постепенно Бассомпьер замечает перемену: «Потом она повернулась, радостно вспыхнуло в отблесках **пламени** её лицо... и уже в следующий миг, прильнув ко мне, всё ещё обвеянная свежим жаром и сразу смлевшая, сотрясаемая изнутри ещё более яростным **огнём**, правой рукой обхватила меня...» [4, с. 477-478]. Примечательно, что силу, соединяющую двух людей в едином порыве, Гофмансталь обозначил метафорой жаркого костра, в котором неразрывны пламя и огонь (любовь и смерть).

Живое пламя привнесло ощущение безудержного счастья, а тень от огня вырисовывала силуэты земного воплощения смерти: «Последнее полено в камине пылало ярче других, с треском всасывало **пламя** в себя, оно потом буйным **пожаром** (der **Feuerschein**) [11, S. 135] взмётывало его вверх, и свет этот захлёстывал нас, как волна, что докатившись до стены, то вздымала на ней наши переплетённые тени, то резко швыряла вниз» [4, с. 478].

С последней искрой догорел огонь, и затихла страсть. Символы пламени и огня наиболее удачно выразили чувства, захватившие Бассомпьера, и предсказали роковой финал новеллы. Символической семантики не было ни у французского автора, ни у Гёте. Она позволила Гофмансталью остаться в рамках мемуарного стиля и показать роковое предзнаменование в восприятии неискушённого рассказчика. Поляризация *пламени жизни и огня смерти* в метафоре костра является одним из художественных средств, которое способно намекнуть читателю на символистскую тайну мира.

Гофмансталь широко вводит в текст *невербальные средства коммуникации*. О первой встрече с незнакомкой Бассомпьер пишет: «Я ответил поклоном и, несколько раз оглянувшись, снова заметил, что она подалась далеко вперёд, дабы проводить меня взглядом насколько возможно» [Там же, с. 475]. В этом предложении можно найти целое психологическое исследование: посредством жестов, взглядов и движений тела Гофмансталь убедительно выражает чувства лавочницы и воспринимающего её маршала. Жесты придали молчаливой незнакомке особое очарование и характеризовали её без признаков описательности. Нервная жестикаляция свидетельствовала о том, что девушка, смущённая присутствием в доме свиданий, полна решимости встретиться с маршалом. Он принял её как дарующую любовь. С ней он провёл, как и у Бассомпьера и Гёте, незабываемые часы счастья.

Яркая деталь портрета – выразительные и роковые глаза лавочницы. Они берут на себя всю тяжесть развития внутреннего конфликта новеллы. Глаза становятся лейтмотивом всего повествования: «...прочней, чем уста и объятия, держал и завораживал меня уплывающий взгляд её бездонных глаз...» [Там же, с. 477]. Глаза незнакомки говорили языком души, выражая страдания, любовь, страх и гнев. То, что она чувствовала,

Бассомпьер понимал без слов, по одному взгляду, который менялся подобно настроению: «...напряжённый, взыскующий взгляд её омрачился... внезапная улыбка, подобно свету озарившая глаза и уста её...» [Там же, с. 480]. Глаза незнакомки выражали силу любовного чувства, равно как и жесты, и движения тела материализовали её мысли, в которых уже была заложена *роковая развязка*: «Да постигнет меня самая позорная смерть...» [Там же, с. 479]. Далее: «Потом она выпрямилась, стала серьёзной – а *пылающие глаза* её сосредоточились на мне с такой неотразимой силой, что казалось, они способны увлечь за собою и *мёртвого*...» [Там же, с. 480].

Наконец, *личное повествование* в новелле традиционно ведётся от лица Бассомпьера, но, как видно из содержания, он не является талантливым писателем. Поэтому Гофмансталь, как и Гёте, был стеснён в выборе языковых средств. Однако страстность натуры Бассомпьера не позволила ему сдерживаться в проявлении душевных порывов, поэтому все, что он чувствовал, внимательному читателю нетрудно проследить при помощи невербальных средств, символов и ярких деталей [8].

Таким образом, можно сделать *выводы*, что расширение персонажной системы и романтизация главных героев новеллы создали повествовательные особенности, чрезвычайно ярко продемонстрировавшие глубину психологического проникновения в душевное состояние Бассомпьера – автора мемуаров, а символистский план изображения значительно отличают её от любовной истории Гёте. Новое качество символистской новеллы Гофмансталя создаётся посредством традиционного треугольника исключительных личностей, рокового взгляда выразительных глаз, взаимопроникаемых символов пламени и огня, предвосхитивших гибель незнакомки и трагедию обоих влюблённых, находящихся в таинственной власти любви и смерти. *Перспективы дальнейшего исследования* заключаются в сравнительном изучении приёмов символизации Гофмансталя и других мастеров прозы XIX – начала XX в.: П. Мериме, О. Уайльда, В. Брюсова, А. Белого и В. Иванова.

Список источников

1. Вильмонт Н. Разговоры немецких беженцев. Комментарии // Гёте И. В. Собрание сочинений: в 10-ти т. М.: Художественная литература, 1978. Т. 6. Романы и повести. С. 470-471.
2. Гёте И. В. Разговоры немецких беженцев // Гёте И. В. Собрание сочинений: в 10-ти т. / пер. с нем. М.: Художественная литература, 1978. Т. 6. Романы и повести. С. 121-220.
3. Гёте И.-В., Шиллер Ф. Переписка: в 2-х т. / пер. с нем. М.: Искусство, 1988. Т. 1. 540 с.
4. Гофмансталь Г. фон. Приключение маршала Бассомпьера / пер. А. Карельского // Гофмансталь Г. фон. Избранное. М.: Искусство, 1995. С. 475-485.
5. Карельский А. В. Приключение маршала Бассомпьера. Комментарии // Гофмансталь Г. фон. Избранное. М.: Искусство, 1995. С. 808-810.
6. Конради К. О. Гёте. Жизнь и творчество: в 2-х т. / пер. с нем. М.: Радуга, 1987. Т. 2. Итог жизни. 648 с.
7. Махов А. Е. Поэтика идеализма: Ф. Шиллер // Европейская поэтика от античности до эпохи Просвещения: энциклопедический путеводитель. М.: Изд-во Кулагиной; Intrada, 2010. С. 279-283.
8. Цветков Ю. Л. Роль детали в новелле Гуго фон Гофмансталя «Приключение маршала Бассомпьера» // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики и оптимизация преподавания иностранных языков: материалы II Международной конференции. Тольятти: ТГУ, 2010. С. 226-232.
9. Цветков Ю. Л. Символизм // История литературы Германии XX века: в 3-х т. / отв. ред.-сост. В. Д. Седелник, Т. В. Кудрявцева. М.: ИМЛИ РАН, 2016. Т. 1. Кн. 1. С. 249-264.
10. Bluhm L. "In jenen unglücklichen Tagen...". Goethes Unterhaltungen deutscher Ausgewanderten oder: Die Ambivalenz von Kunst und Gesellschaft [Электронный ресурс]. URL: http://www.goethezeitportal.de/db/wiss/goethe/unterhaltungen_bluhm.pdf (дата обращения: 20.07.2019).
11. Hofmannsthal H. von. Das Erlebnis des Marschals von Bassompierre // Hofmannsthal H. von. Gesammelte Werke in zehn Einzelbänden. Erzählungen. Erfundene Gespräche und Briefe. Reisen. Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag, 1986. S. 132-151.

From Love Story to Symbolist Short Story (J. W. von Goethe and H. von Hofmannsthal)

Tsvetkov Yuriy Leonidovich, Dr
Ivanovo State University
jzvetkow@mail.ru

The study aims to define specific techniques of reformatting the text about a love story from "Conversations of German Refugees" (1795) by a representative of the classic German literature J. W. von Goethe into the text of the symbolist short story "An Episode in the Life of Marshal de Bassompierre" (1900) by a prominent Austrian writer of the Viennese modernism H. von Hofmannsthal. Scientific novelty of the research lies in studying strong appeal of Goethe's prose that a century later becomes a basis of intertextual transformation for the Viennese symbolist writer. In addition to that, principles of romanticization and symbolisation in Hofmannsthal's short story have not been studied in the Russian literary criticism before. As a result, it was proved that there is considerable semantic development of figurative characteristics of the heroes in Hofmannsthal's short story "An Episode in the Life of Marshal de Bassompierre", as well as introduction of symbols and other figures of speech, which can be defined as symbolist.

Key words and phrases: intertextuality; romanticization and symbolisation techniques; symbolist semantics; J. W. von Goethe; H. von Hofmannsthal.